

604
62

БЪЛГАРСКИ СБОРНИКЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ГУБЕРНІА ЖОГНАВСКАЯ.

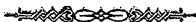
Выпускъ третій.

СКИЗКИ.

СОБРАЛЪ

Е. Р. Романовъ.

Дѣйств. Членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ВИТЕВСКЪ.

Типо-литографія Г. А. Малкина.
1887.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Николаю Александровичу

СЕРГІЄВСКОМУ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе стр. V

Животный эпосъ.

№№	стр.	№№	стр.
1	1	15	21
2	2	16	23
3	3	17	24
4	6	18	25
5	7	19	26
6	8	20	28
7	11	21	—
8	12	22	32
9	14	23	—
10	15	24	34
11	17	25	35
12	18	26	36
13	20	27	—
14	—		

Сказки мѣстныя.

1	38	16	120
2	40	17	133
3	45	18	142
4	49	19	148
5	55	20	154
6	60	21	164
7	63	22	172
8	67	23	181
9	73	24	186
10	78	25	192
11	85	26	196
12	88	27	198
Вячорка, Повношникъ, Заранка .	92	28	205
Василь	99	29	207
— Сучкинъ сынъ	110	30	212

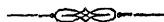
31	Иванька большій, середній.	214	64	Кроль и дочка.	304
32	Курила Кожемяка.	217	65	Юда разбойникъ.	307
33	Сцеланъ великій панъ.	219	66	Бѣднякъ и мертвецы.	312
34	Иванъ—царь Копицкій.	222	67	Злыдни.	317
35	Панъ Копичинскій.	224	68	Горе.	318
36	Попелышка.	226	69	Два брата.	319
37	Тридцать три, два и одинъ.	228	70	Чертовая мать.	320
38	Золотое перо.	232	71	Богатый братъ и бѣдный.	321
39	Шиваръ молодець.	239	72	Правда и Кривда.	322
40	Ладька.	244	73	б, вариантъ.	323
41	Тремъ-сынъ.	247	74	в, вариантъ.	325
42	Дра-птахъ.	250	75	Чертъ злодѣй.	327
43	Иванъ Ивановичъ удовинъ сынъ.	254	76	Сестра и братья орлы.	328
44	Празъ Ильюшку.	259	77	Церква восковая.	330
45	Чудесная дудка.	262	78	Завидливый.	334
46	б, вариантъ.	263	79	б, вариантъ.	—
(47)	в, вариантъ.	264	80	Бѣднякъ и смерть.	335
47 (48)	Братъ баранчикъ.	265	81	Знайденъ.	336
48 (49)	б, вариантъ.	266	82	Богъ въ гостяхъ.	337
49 (50)	Иванька сынокъ.	268	83	Марка богатый.	338
(51)	б, вариантъ.	269	84	Справедливый солдатъ.	340
50 (52)	Журавовъ кошелекъ.	271	85	Купчикъ небогатый.	345
51 (53)	Журавова кайстерка.	276	86	Нешастный Егаръ.	350
52 (54)	Изъ рога всяго много.	277	87	Ганнуса.	357
53 (55)	Два съ трубы.	279	88	Дѣдъ и баба.	358
54 (56)	Брусочекъ, ременокъ и ковилка.	281	89	Котокъ—золотый лобокъ.	359
55 (57)	Безрукая сестра.	283	90	Морозъ.	361
56 (58)	б, вариантъ.	285	91	Объ дѣдовой дочцѣ и яе мачиси.	—
59	Буреня.	289	92	Дѣдова дочка.	363
60	б, вариантъ.	292	93	Черти и падчерка.	365
61	Три сестры.	295	94	Падчерка и чертъ въ лазни.	366
62	Сынъ Хороборъ.	298	95	Дочка и падчерка.	367
63	б, вариантъ.	302		Указатель къ мѣстеческимъ сказкамъ.	369

Сказки бытовыя, сатирическія и юмористическія.

1	Мѣна.	379	8	Жонка выдумщица.	385
2	Бобокъ.	380	9	Жонка и разбойникъ.	386
3	Коноплянка.	—	10	Праздничная жонка.	387
4	Бобинка.	381	11	Янка войти.	388
5	Хомкова жонка.	382	12	Два братья.	390
6	Цярехъ.	383	13	Семилѣтка.	
7	Противная жонка.	384	14	Судья праведная.	

15	Нестерка	400	23	б, вариантъ	420
16	б, вариантъ	401	24	Дурень	422
17	Шутъ	403	25	Набитый жидъ	424
18	б, вариантъ	406	26	Жидъ-кроль	425
19	Михей и Мартинъ	410	27	Солдаты ни въ раю ни въ пеклѣ .	426
20	Не любо, не слушай	413	28	Солдаты и баба	427
21	б, вариантъ	417	29	Солдаты и торбочка	—
22	Дурные люди	418			

Мелочи: рассказы 1—12, докушныя басни 13—22, приказки 23—26, юмор.	
диалоги 27—34, писанныя произведенія 35—41	стр. 428
Списокъ казанниковъ и лицъ, записывавшихъ сказки	» 439
Списокъ сказокъ, записанныхъ лично собирателемъ	» 441
Перечень мѣстностей, въ коихъ записаны сказки	» 442

Составитель еще въ долгу предъ почтенными рецензентами первыхъ двухъ выпусковъ его сборника.

Болѣе или менѣе обстоятельные разборы этихъ выпусковъ помѣщены, насколько мнѣ удалось прослѣдить, въ Журналѣ М. Н. П., Вѣстникѣ Европы, Русской Мысли, Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ и Извѣстіяхъ Слав. Благотвор. Общества. *) Затѣмъ, мнѣ сообщены отзывы Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ и Русскаго Географическаго Общества, и кромѣ того, А. С. Дембовецкій прислалъ разъясненіе по поводу моего упоминанія о составленномъ подѣ его редакціей „Опытъ описанія Могилев. губ.“

Въ общемъ, гг. рецензенты снабдили собирателя многими весьма цѣнными указаніями, значительно облегчившими его трудъ, и которыми въ свое время онъ не преминетъ, конечно, воспользоваться,—за что считаетъ долгомъ принести имъ глубокую благодарность. Но въ то же время нѣкоторые, игнорируя предисловіе, ставятъ въ вину собирателю и такіе недостатки, повліять на устраненіе которыхъ онъ не имѣлъ возможности. Въ числѣ такихъ недостатковъ указаны, напр. соединеніе нѣсколькихъ стиховъ въ одну строку, **) отсутствіе системы въ расположеніи матеріаловъ и даже типографскіе недосмотры.

Оставляя безъ опроверженія, которое было бы уже вторичнымъ, эти обвиненія, не могу однако не остановиться на обвиненіи въ отсутствіи системы при расположеніи матеріаловъ, тѣмъ болѣе, что на немъ рецензентъ основываетъ предположеніе о допущенной будто бы поспѣшности изданія. Въ опроверженіе этого взгляда, я вынужденъ, противъ желанія, сдѣлать слѣдующее заявленіе. Первоначально собирателю было возможно издать только первый выпускъ. Естественнo, что, не имѣя надежды на изданіе второго, онъ въ I вып. далъ мѣсто только тѣмъ произведеніямъ, которымъ, по различнымъ соображеніямъ, придавалъ наибольшую важность. Въ этотъ выпускъ и вошли

*) Не перечисляю органовъ ежедневной прессы, столичной и провинціальной, на страницахъ которыхъ были даны отзывы о моей книжкѣ.

**) Гг. рецензентамъ должно быть извѣстно, что наборъ въ два столбца или отдѣленіе стиховъ вертикальными чертами повлекли бы за собою почти двойные расходы.

пѣсни семейныя, чумацкія, разбойничьи, рекрутскія и любовныя. Затѣмъ когда печатаніе I вып. уже оканчивалось, явилась возможность, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, издать и II выпускъ, хотя и послѣ 3-хъ мѣсячнаго перерыва. Но разъ I-мъ выпускомъ система была нарушена, она не могла быть строго соблюдена и во II-мъ, который все же отличается большею систематичностію, хотя, въ сущности, при настоящемъ положеніи вопроса, нельзя и придавать особаго значенія системѣ. Отнесеніе свадебныхъ пѣсень къ концу II выпуска вызвано желаніемъ собирателя издать свадебныя пѣсни въ связи съ обрядомъ и необходимостію, вслѣдствіе того, выжиданія выхода послѣднихъ листовъ, чтобы по размѣрамъ изданія судить о степени возможности такого печатанія ихъ. Наконецъ, по отпечатаніи обоихъ выпусковъ, на средства, предназначавшіяся первоначально на брошюровку и обложки каждаго выпуска порознь, изд. счелъ болѣе полезнымъ напечатать дополненіе, выпуски же соединить въ одну книгу. Ясно, что если можно обвинить въ чемъ издателя, то только въ образѣ дѣйствій, противоположномъ успѣшности...*) Dixi

Разъясненіе А. С. Дембовецкаго слѣдующее: „На изложенное въ приложеніи словѣ къ Бѣлорусскому Сборнику (стр. VII.) замѣчаніе Ваше о томъ, что въ сборникѣ пѣсень, помѣщенномъ въ Опытѣ описанія Могилевской губерніи, не указана степень распространенности того или другого произведенія въ различныхъ уѣздахъ, я долженъ объяснить, что это произошло вовсе не отъ недостатка вниманія къ дѣлу со стороны редакціи или ея сотрудниковъ, какъ это Вами выражено, а потому, что подобныя въ отношеніи каждой пѣсни подробности, могущія быть предметомъ особаго спеціальнаго изслѣдованія, не входили въ программу описанія губерніи, обнявшаго послѣ выдающихся историческихъ и физическихъ особенностей губерніи лишь главныя отрасли быта и той дѣятельности населенія, которая легла въ основу современной ея жизни.“

Помѣщая въ подлинникѣ настоящее разъясненіе, собиратель долженъ напомнить читателямъ, что сѣтованія его были высказаны, главнымъ образомъ, по поводу того, что пѣсни, собранныя въ различныхъ уѣздахъ, были напечатаны *однимъ говоромъ*. Это такой недостатокъ, который не можетъ быть исправленъ. Степень же распространенности пѣсни болѣе или менѣе вѣрно можно опредѣлить, не входя въ подробности, сообщеніемъ цифры списковъ ея, бывшихъ въ статистич. комитетѣ, и указаніемъ пунктовъ, изъ коихъ списки доставлены.

*) Книжка въ 30 листовъ поступила въ типографію въ концѣ декабря 1884 г. а вышла изъ нея въ концѣ февраля 1886 г. т. е. печаталась 14 мѣсяцевъ.

Въ заключеніе, останавлиюсь на замѣткѣ А. Н. Пыпина (Вѣсти. Евр. 87, іюнь, 681), въ коей онъ находитъ мои будто бы обвиненія г. Дмитріева въ перепечаткѣ 8 бѣлор. сказокъ изъ сб. г. Афанасьева несправедливыми. Я долженъ заявить, что мнѣ также было извѣстно, что первоначально эти сказки А. Н. Афанасьеву доставилъ г. Дмитріевъ, и слѣдовательно обвиненія г. Дмитріева съ моей стороны рѣшительно не могло быть: подчеркнувъ слово *восемь* и приведя названіе книжки, я обращалъ вниманіе на несоответствіе сего послѣдняго съ содержаніемъ. Впрочемъ, сравнивъ редакцію пѣсенъ сбор. г. Дмитріева, ставящую этотъ сборн. ниже критики, съ редакціей 8 сказокъ, помѣщенныхъ въ немъ, всякій убѣдится, что редакция послѣднихъ въ сборникѣ г. Афанасьева была сдѣлана болѣе опытною рукою, безъ всякаго, повидимому, участія г. Дмитріева. Онъ же, печатая свой сборникъ 9 лѣтъ спустя послѣ выхода сб. Афанасьева, внесъ ихъ, уже въ такомъ измѣненномъ видѣ, въ свой сборникъ и внесъ положительно буквально, повторивъ у себя встрѣчающіяся у г. Афанасьева, какъ не—бѣлорусса, ошибочныя толкованія бѣлорусскихъ словъ. Не зная, какое болѣе точное названіе придать этому факту, я назвалъ его *перепечаткой*.

Въ то время, какъ великорусскія сказки привлекли такія силы, какъ Сахаровъ, Афанасьевъ, Даль, Худяковъ, Якушкинъ, Гильфердингъ, Кирѣевскій, Рыбниковъ, Садовниковъ и мн. др., а малорусскія Кулиша, Костомарова, Мордовцева, Рудченка, Драгоманова, Чубинскаго и др.—бѣлорусскихъ сказокъ, на сколько мнѣ извѣстно, еще не было въ печати, если не считать слѣдующихъ вещей:

1, Въ III вып. „Сказокъ“ А. Н. Афанасьева помѣщено 9 бѣлорусскихъ; изъ нихъ одна записана въ гродн. губ. и 8 въ минской.

2, Послѣднія 8 сказокъ дословно перепечатаны въ сборникѣ г. Дмитріева, какъ объ этомъ уже сказано.

3, Въ „Бѣлор. пѣсняхъ“ г. Шейна помѣщены 4 сказки, 6 сказаній легендарнаго характера и 5 мелкихъ анекдотовъ.

... Затѣмъ, я не встрѣчалъ бѣлорус. сказокъ въ другихъ изданіяхъ, *) и

*) Г. Драгомановъ въ своемъ изданіи „Малорусскія народн. преданія и разсказы“ приводитъ на страницахъ 15, 76, 95, 96, 109 шесть преданій, записанныхъ якобы въ Могил. губ., въ Могилевѣ и Быховѣ. Но издатель ли, или его сотрудникъ г. Менчицъ, переложили эти преданія на какой то неслыханный малорусскій жаргонъ, ничего общаго съ бѣлор. нарѣчіемъ могилев. губ. не имѣющій. Ср. также мнѣніе пр. Коляловича (его „Лекція“ и карта). О взглядѣ пр. Безсонова я уже говорилъ (VII, вып. I и II.)

если ихъ дѣйствительно не было, то на мою долю выпала высокая честь изданіемъ настоящаго выпуска положить начало пополненію этого важнаго пробѣла въ русской этнографической литературѣ.

Выпускъ этотъ, по счету третій, заключаая въ себѣ сказки, служить естественнымъ продолженіемъ двухъ первыхъ, содержавшихъ пѣсни, пословицы и загадки. Въ немъ помѣщены: сказки животнаго эпоса (27 №№), мифическія (95 №№), бытовныя (29 №№) и—какъ дополненіе къ послѣднимъ—41 №№ мелочей: приказокъ, докучныхъ басенъ, расказней и т. п. Всего, не считая мелкихъ произведеній, 151 №№.

Сказки, помѣщенные въ этомъ выпускѣ, собирались мною или одновременно съ другими матеріалами, вошедшими уже въ составъ первыхъ выпусковъ, или по изданіи сихъ послѣднихъ,—когда было обращено исключительное вниманіе на записываніе сказокъ. Въ началѣ 1886 г. въ моемъ распоряженіи было до 200 списковъ различныхъ сказокъ. Но въ виду того, что они были записаны на незначительномъ районѣ и отчасти лицами, не пользовавшимися моими указаніями, я, для приданія Сборнику научной цѣнности, рѣшился расширить районъ собиранія сказокъ и провѣрить лично имѣвшіеся у меня списки. Русское Географическое Общество нашло возможнымъ согласиться со мною и командировало меня въ Могилевскую губернію. Настоящій выпускъ, въ главной своей части, есть результатъ этой командировки. Да не посѣтуютъ читатели, если я остановлюсь на ней нѣсколько подробнѣе.

Я погрузился въ глубокое море народной бѣлорусской стихіи въ половинѣ іюня и 48 дней велъ тамъ бродячую жизнь, пробираясь по захолустнымъ пунктамъ на убогой клячкѣ, запряженной въ нѣкое подобіе телѣги, по дорогамъ, по которымъ зачастую и сами возницы ѣхали впервые. Переѣзды эти дѣлались большею частью днемъ, съ расчетомъ прибыть въ извѣстный пунктъ къ вечеру, когда рабочій деревенскій людъ возвратится уже съ полей и луговъ. Проведя за работой ночь, на утро я выѣзжалъ далѣе, чтобы и въ слѣдующемъ пунктѣ продѣлать то же. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ находилось много матеріала и оказывалась физическая помощь со стороны мѣстной сельской интеллигенціи, мнѣ представлялась возможность провести двое-трое сутокъ; это были дневки, въ которыя, въ видѣ отдыха, я исполнялъ порученіе, возложенное на меня Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Такимъ образомъ я проѣхалъ 770 в. и посѣтилъ 26 пунктовъ въ уу. могилевскомъ, быховскомъ, рогачевскомъ, чериковскомъ и климовицкомъ. (Матеріалы же изъ другихъ уу. были собраны, какъ я сказалъ, раньше.)

Не смотря на то, что я путешествовалъ частнымъ образомъ, и уѣздныя власти даже не были предупреждены о моей поѣздкѣ, я встрѣчалъ посильное содѣйствіе къ достиженію моихъ цѣлей со стороны сельской интеллигенціи и сельскихъ властей. *) Первые минуты, узнавъ о цѣли моего пріѣзда въ ихъ захолустье, они, разумѣется, выражали величайшее удивленіе, но затѣмъ, когда я приступалъ къ дѣлу, недоумѣнія исчезали: старшины добывали извѣстнѣйшихъ казанниковъ, батюшки или писаря предлагали отдѣльную комнату, учителя—свои услуги,—и работа закипала.

Не могу не помянуть здѣсь добрымъ словомъ лицъ, оказавшихъ мнѣ тѣ или другія услуги во время командировки, а именно:

1, Священн. с. Батуни, о. *Волочкова*, почтенное семейство котораго много помогло мнѣ въ собираніи матеріаловъ.

2, Свящ. с. Городища, о. *Давидовича*, предоставившаго въ распоряженіе мое и моихъ многихъ казанниковъ все свое помѣщеніе.

3, Старшину того же села, Максима Николаева *Ивчина*, много облегчившаго мнѣ выполненіе моей задачи.

4, Учителя с. Городца, г. *Вербицкаго*, прекрасно записавшаго для меня мѣстные обряды.

5, Учителя с. Чигиринки, г. *Тихоновича* и мѣстнаго урядника, г. *Давыдова*, оказавшихъ мнѣ большія услуги, первый—при собираніи этнограф. матеріаловъ, второй—при производствѣ археологич. изысканій.

6, Свящ. с. Озеранъ, о. *Шабрановскаго* и учителя г. *Шекуна*. Первый доставилъ мнѣ возможность произвести весьма интересную археологич. раскопку, семейство второго съ рѣдкою готовностью приняло участіе въ записываніи сказокъ и обрядовъ.

7, Урядника м. Городца, г. *Глыбовскаго*, принимавшаго участіе въ записываніи матеріаловъ.

8, Учителя с. Меркуловичъ, г. *Петрашина* и семейство волостн. писаря г. *Керножицкаго*, принявшихъ участіе въ моихъ работахъ.

9, Станового пристава рогац. у. *С. П. Тюбѣева*, оказывавшаго мнѣ всѣческое содѣйствіе.

*) Только въ с. Братковичахъ клим. у. я встрѣтилъ совершенно безучастное отношеніе: писарь все время былъ въ состояніи невмѣняемости; старшина посѣщалъ правленіе два раза въ мѣсяцъ и видѣть его мнѣ не удалось, не смотря на приглашеніе; урядникъ—коллега писаря, по моемъ пріѣздѣ, скрыться... Къ довершенію всего, и священникъ оказался только что пріѣхавшимъ въ этотъ приходъ; неустроившись еще, онъ жилъ въ бѣдной лачугѣ, состоящей изъ одной комнаты, и понятно, не могъ быть мнѣ полезенъ.

10, Вол. писаря м. Кормы, г. *Нороновича*, облегчившаго мнѣ собраніе мѣстныхъ матеріаловъ.

11, Учителя м. Гайшина, г. *Сущевского*, содѣйствіемъ котораго я пользовался при записываніи сказокъ.

12, Свящ. с. Надѣйковичъ, о. *А. Соколова* и старшину г. *Емельянова*, оказавшихъ мнѣ содѣйствіе при собираніи матеріаловъ и производствѣ раскопокъ.

Что касается тѣхъ 69 лицъ, отъ коихъ записывались сказки и другія матеріалы, то это были исключительно крестьяне, неграмотные, уроженцы той мѣстности, гдѣ дѣлалась записъ, и по большей части не бывавшіе за предѣлами могилевской губ. На этомъ основаніи нахожу возможнымъ утверждать, что находящіеся въ сборникѣ сказки—мѣстнаго происхожденія.

Это не значитъ, что въ Вѣлоруссіи нѣтъ сказокъ заносныхъ. Начни я записывать произведенія отъ солдатъ, напр.,—мой сборникъ имѣлъ бы совершенно другой характеръ. Но признаюсь: назвавъ свою книжку Вѣлорусскимъ Сборникомъ, я не считалъ себя въ правѣ вносить въ нее произведенія за вѣдомо не—бѣлорусскія. При всемъ желаніи, я не могу согласиться съ мнѣніемъ рецензента Вѣстн. Евр. (86 г. апр. стр. 883—887, 87 г. іюль), хотя тѣмъ самымъ значительно суживаю свою задачу.

Къ великому моему сожалѣнію, крестьянки, въ которыхъ главнымъ образомъ я надѣялся встрѣтить разсказщицъ, оказались далеко не удобнымъ матеріаломъ. Весьма рѣдкая изъ нихъ чувствовала себя настолько смѣлоу, чтобы разсказать сказку; разсказывая же, она все-таки замѣтно смущалась и чрезъ то сбивалась и спѣшила. Но онѣ—незамѣнными описательницами обрядовъ, и мое собраніе описаній ихъ весьма интересно.

Вообще, отношеніе казанниковъ ко мнѣ было различное. Одни совершенно отказывались говорить сказки, и никакими средствами нельзя было заставить такихъ упрямцевъ разсказать что-либо изъ своего богатаго запаса. Это и были главнымъ образомъ крестьянки, и изъ мужчинъ—такъ называемые вѣдунъ—знахари. Отъ нихъ мнѣ удалось только ознакомиться съ обрядами, записать нѣсколько заговоровъ и довольно много примѣтъ и повѣрій. Другіе, и такихъ значительное большинство, стѣсняясь нѣсколько въ началѣ, потомъ, узнавши, насколько имъ это доступно, цѣль записыванія ихъ сказокъ, свободно приступали къ разсказу. Это были люди пожилые, степенные и зажиточные. Наконецъ, были и такіе, которыхъ обрадоваль мой пріѣздъ, и они спѣшили передать мнѣ свои лучшія сказки, какъ бы желая увѣковѣчить ихъ. Они испытывали какую-то, нескрывавшуюся и отъ меня, радость по поводу

того, что ихъ „стародревняя“ сказка наконецъ выслушана „достойнымъ“ человекомъ. По ихъ заявленію, современная молодежь отвергаетъ „старыя“ сказки (миѳическія, разумѣется), осмѣиваетъ ихъ, и во всякомъ случаѣ, не въ состояніи оцѣнить надлежащимъ образомъ перлы бѣлорусской поэзіи, пробавляясь мелкими, „смѣшными“ (т. е. юмор. и сатирич.) сказками. Къ такимъ казанникамъ принадлежатъ: Цыбунъ, Козловскій, Горѣликъ, Гончаренокъ, Васильевъ и нѣк. др. Мужская молодежь охотно сообщала всѣ извѣстные ей матеріалы, но къ ея услугамъ я прибѣгалъ только при отсутствіи лучшихъ казанниковъ.

Всѣ сказки записывались мною подѣ диктовку казанника. При этомъ бывали такіе случаи. Рассказывая сказку, казанникъ пропускаетъ тотъ или другой эпизодъ изъ нея. Зная велико—и малорусскія сказки и обладая большимъ количествомъ бѣлорусскихъ, я рѣшаюсь напомнить казаннику о пропущенномъ эпизодѣ. Не отвѣчая мнѣ, казанникъ дѣлаетъ лукавую фізіономію и говоритъ: „ты-тка пиши!“ Оказывалось, что у него предѣ эпизодомъ, который я считалъ опущеннымъ, сдѣлана неизвѣстная мнѣ вставка. Но бывало и такъ, что увлекшійся казанникъ дѣйствительно дѣлалъ пропускъ. Исправляя его, я вынужденъ бывалъ говорить ему схему сказки. Казанникъ исправлялъ пропускъ, но въ то же время поражался тѣмъ, что я слушаю и даже пишу сказку, мнѣ уже извѣстную. „На што жъ ты пишешъ, коли знаешъ? Будемъ лучше другую казать!“ И успокаивался только тогда, когда увѣрялся, что мнѣ извѣстна не его сказка, а похожая на нее.

Случалось дѣлать записи въ канцеляріяхъ вол. правленій. Въ такихъ случаяхъ всегда присутствовало много крестьянъ, которые съ сосредоточеннымъ вниманіемъ слушали миѳическую сказку—сказаніе и благодушне—бытовую, юмористическую или сатирическую, вставляя изрѣдка вполголоса и свои замѣчанія.*)

Были случаи, что казанники стѣснялись говорить сказки, въ которыхъ дѣйствующими лицами являлись цари. Причиною этому, какъ я узналъ, было то, что гдѣ-то урядникъ составилъ изъ-за такой сказки полицейскій актъ, хотя не причинившій казаннику ничего непріятнаго, но тѣмъ не менѣе заставившій всѣхъ расказчиковъ быть насторожѣ. Равнымъ образомъ, приходилось замѣчать большую осторожность и въ сообщеніи обрядовъ. Оказалось, что и они

*) Интересно, что одинъ деревенскій философъ, говорившій не иначе какъ притчами и загадками, бывшій въ числѣ казанниковъ, предложилъ мнѣ, въ промежуткѣ между двумя сказками, рѣшить мудренѣйшую его загадку: „двадцать молодцовъ, тридцать крѣпаконъ, сорокъ отатыровъ, пятьдесятъ вумныхъ, шестьдесятъ дурневъ.“

не избѣгли надзора со стороны урядниковъ, частію по собственной инициативѣ сихъ послѣднихъ, частію по настояніямъ другихъ... Вслѣдствіе этого, многіе обряды быстро исчезаютъ. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о сѣдыхъ древностию свадебныхъ обрядахъ и колядныхъ играхъ. Даже такіа невинныя развлеченія, какъ „гуканье“ весны и игрища, дѣлаются запретнымъ плодомъ, будучи зачислены въ разрядъ остатковъ язычества... Усердіе не по разуму.

Обращаясь къ языку сказокъ, я долженъ заявить, что онъ, вмѣщаетъ въ себѣ не всѣ лексическія богатства бѣлорускаго нарѣчія. Причина та, что казанникъ, видя предъ собою незнакомаго барина, хотя и обращающагося съ нимъ запросто и даже говорящаго „понаську“, всегда старается говорить языкомъ болѣе высокимъ, по его мнѣнію. Въ особенности этимъ отличались служившіе нѣкогда въ городѣ или „у пановъ“, и вообще болѣе выдавшіе свѣтъ. Ихъ рѣчь съ баринемъ пересыпалась формами великорусскими и теряла естественность и цѣльность. Для устраненія этого недостатка, я прибѣгалъ къ такимъ мѣрамъ:

Предупредивъ казанника, чтобы онъ говорилъ попросто, я, при записываніи, тщательно слѣдилъ за выраженіями, и едва казанникъ начиналъ пестрить рѣчь, останавливалъ его, и заставлялъ исправить ту или другую форму, или замѣнить великорусское слово бѣлорусскимъ. Средство это оказалось чрезвычайно полезнымъ: казанникъ, послѣ нѣсколькихъ напominаній съ моей стороны и своихъ отговорокъ въ такомъ родѣ, что ему *стыдно* говорить предо мною напр. слова „лазня“, „цмокъ“, когда они „совсемъ простыя“ и могутъ быть съ удобствомъ замѣнены словами: „баня“, „эмѣй“ — мало-по-малу входилъ въ должную колею и не искажалъ бѣлорусской рѣчи. Но все же я не зналъ вполнѣ всѣхъ отгѣнковъ мѣстныхъ говоровъ *) и потому нѣкоторые формы могъ принять за мѣстныя, и онѣ могли войти въ текстъ. Тогда я рѣшился употребить и другое средство. Записавъ подѣ диктовку сказку по тирадамъ, я, по окончаніи записи, просилъ казанника рассказать мнѣ снова ту же сказку, мотивируя эту просьбу допущенными, можетъ быть, мною пропусками при записи. Теперь то именнѣ сказка и принимала свой нормальный видъ. Рѣчь казанника лилась свободно и, увлекаясь, онъ, незамѣтно для себя, говорилъ чистымъ бѣлорусскимъ язы-

*) Сельская интеллигенція также не въ силахъ была помочь мнѣ сразу овладѣть ими, и смотря на обстоятельную программу, составленную мною специально для этой цѣли.

комъ. Оставалось только поспѣвать за нимъ по рукописи. При этомъ пересказываніи въ памяти казанника часто восстанавливались пропущенные при первомъ разсказѣ цѣлые эпизоды, которые теперь также заносились въ текстъ. *)

Такимъ образомъ, предлагаемыя вниманію читателей сказки прошли чрезъ этотъ двойной фильтръ, и если онѣ имѣютъ какія-либо погрѣшности противъ бѣлорусскаго языка, то только лексическія: „стыдся“ говорить „хуста“, казанникъ употреблялъ слово „платокъ;“ вмѣсто „човна“, „горѣлки“, фигурировали „лотка“, „водка“ и т. п. Но грамматическія формы и фонетическія особенности бѣлорусскаго нарѣчія переданы въ сказкахъ съ совершенною точностію, и въ этомъ отношеніи, редакція ихъ по моему мнѣнію не оставляетъ пока желать ничего лучшаго.

Вообще, на эту сторону изданія собиратель обратилъ самое серьезное вниманіе, хотя при этомъ приходилось устранять и чисто техническія препятствія, неизбѣжныя при печатаніи въ провинціи. Такъ, напр. владѣлецъ типографіи выписалъ шрифтъ спеціально для этого изданія, но въ то же время не позаботился выписать букву ё и ударяемыя гласныя, и пока онѣ не были получены, ихъ пришлось замѣнять, въ нужныхъ случаяхъ, на первыхъ 2¹/₂ листахъ, чуть ли не французскимъ алфавитомъ. Но и по выпискѣ, все-таки не оказалось ударяемыхъ: *ы, ъ, э, ю, я*. Эти пришлось замѣнить курсивными буквами. Буква ё имѣлась въ незначительномъ количествѣ, и потому, употребивъ ее нѣсколько разъ въ одномъ и томъ же словѣ въ началѣ сказки, я изображалъ потомъ звукъ ё буквою е. Да не смущаются этимъ мои почтенные рецензенты! Я, вообще, и пишу объ этомъ только потому, что, къ прискорбію, убѣдился въ необходимости заранѣе оговорить всѣ недостатки, даже внѣшніе, которые, казалось бы, никоимъ образомъ не должны ставиться въ вину собирателю, *не ищущему и не имѣющему отъ своихъ изданій ни малѣйшей матеріальной выгоды*.

Здѣсь же будетъ уместно заявить, что компактность изданія и качество бумаги дали мнѣ возможность напечатать выпускъ въ такомъ объемѣ. При другихъ условіяхъ я долженъ былъ бы ограничиться изданіемъ только 60

*) Испытавъ на себѣ великую пользу этого пріема, обращаю на него серьезнѣйшее вниманіе гг. собирателей. Сдѣлавъ записанные такимъ образомъ мною списки съ записями, сдѣланными неизвѣстными мнѣ лицами, не пользовавшимися моими указаніями, я напр. пришелъ къ убѣжденію въ *совершенной необходимости скептическаго отношенія къ такимъ записямъ*. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно записей сказокъ. (См. напр. сбор. сказ. Худякова и Садовникова). Точно также въ моихъ глазахъ весьма мало имѣютъ цѣны записи собирателей, не знакомахъ съ мѣстными говорами.

Мнѣ мнѣич. сказокъ. Смѣю думать, что на меня не посѣтуютъ, поэтому, за вѣѣшность изданія.

Въ настоящее время снова возбужденъ вопросъ о томъ, какое мѣсто среди нарѣчій русскихъ слѣдуетъ дать нарѣчію бѣлорусскому, и о томъ, куда, въ частности, слѣдуетъ отнести нарѣчіе бѣлоруссовъ могилевской губерніи.

Въ видахъ правильнаго рѣшенія этого вопроса, позволяю себѣ, не выжидая выхода IV выпуска, отчасти подѣлиться съ читателями собранными мною свѣдѣніями о говорахъ могилевской губерніи.

Какъ мнѣ извѣстно, въ этой губерніи употребляются три говора акающей вѣтви бѣлорусскаго нарѣчія.

Первый говоръ, который употребляется въ уѣздахъ: гомельскомъ, рогачевскомъ, быховскомъ, южной части климовицкаго, западной части могилевскаго, и нѣкоторыми, весьма немногими, формами отзывается въ юго-зап. части сѣнненскаго, я бы назвалъ южнымъ говоромъ акающей вѣтви бѣлорусскаго нарѣчія.

Кромѣ свойственныхъ этому говору значительныхъ лексическихъ особенностей, сближающихъ его съ малорусск. нарѣчіемъ, и нѣкоторыхъ фонетическихъ и грамматическихъ, приближающихъ его къ югозападнымъ великорусск. говорамъ, онъ отличается отъ другихъ говоровъ

- а, совершенною твердостью звука *р*;
- б, отсутствіемъ окончанія *ть* въ 3 л. ед. ч. наст. вр. всѣхъ глаголовъ т. наз. 1-го спряженія и тѣхъ 2-го, у которыхъ удареніе въ этомъ лицѣ находится не на послѣднемъ слогѣ: несе, кладе, мые, знае, читае, пѣе, сѣе, пише, бѣе, и—носея, говора, хѣдя, смѣтра, держа, гѣня, стѣя (отъ стѣить). Но—сидѣть, кипѣть, лежѣть, стѣить (отъ гл. стѣять);
- в, отсутствіемъ *дзеканья* въ южной части своего распространенія т. е. въ гом. у. и большей части рогачевскаго.

Заходя въ Могилевскую губернію изъ Черниговской и Минской, говоръ этотъ имѣетъ въ климовицкомъ у. сѣв. границею р. Бесѣдъ. Но отъ с. Самотѣвичъ онъ поднимается къ Пропойску на р. Сожѣ, гдѣ сильно перемѣшивается съ другими говорами, и отсюда ломанной линіей идетъ на западъ въ Днѣпру, и чрезъ него, по правому берегу, до с. Буйничъ, въ 7 в. отъ Могилева; отсюда говоръ направляется къ р. Друти и вверхъ по ней доходитъ на сѣверѣ почти до границы сѣнн. у. а на западѣ переходитъ въ Минскую губернію, въ которой, насколько мнѣ извѣстно, имѣетъ весьма значительное

распространеніе; затѣмъ онъ сливается съ *окающею* вѣтвью, которую г. Карскій, если не ошибаюсь, назвалъ юго-западною.

Говоръ этотъ разбивается на много подговоровъ, изъ которыхъ укажу теперь на три:

1, *Переростовскій*, въ юго-восточн. части гомельск. у., въ которомъ общая для южнаго говора неудараемая флексія 3 л. множ. ч. наст. вр. общихъ спряженій *уть*, (послѣ шипящ.) *ють* — измѣняется въ *ать*, *ять* для обоихъ же спряженій, напр. ходять, кажать, дѣлать, спрашайть и т. п. (вмѣсто формъ общихъ южному говору: ходють, кажють, дѣлають, спрашукють и т. п.) Въ этомъ же подговорѣ сильно стремленіе къ удлинненію *ь* въ *и* въ оконч. неопр. накл., 3-го л. ед. ч. и даже 3-го л. мн. ч. наст. вр. напр. лядѣти, ходити, прасти (неопр. н.); лядѣти, стойти, висѣти (3 л. ед.); говорати, отказуяти (3 л. мн.) Слово *мать* всегда произносится *матѣ*.

2, *Озеранскій*, главные особенности котораго слѣдующія: звукъ *о* произносится почти какъ *у* — муѣ, бугъ, гулува, купоть (мой, богъ, голова, копать); зв. *а* произн. какъ *о* или даже какъ *у*: устоѣ, дувоѣ, хота (установъ, давай, хата); *ѣ* произн. какъ *ю*: мюдъ, цюплый, пувюзъ (мѣдъ, тёплый, повезъ); *ь* произн. какъ долгое *и*: дзидъ, хлибъ, (какъ бы дзидъ, хлибъ); *я* произн. какъ *ѣ*: мѣсо, узѣѣ (мясо, узавъ). Въ окончаніяхъ глаголовъ и прилагат. жен. рода *я* послѣ *а* также переходитъ въ *а* — пытаа, смашнаа (пытая, смашная). Онъ распространенъ въ западной части рогачевск. у. на границѣ съ минск. губ. и наиболѣе рѣзкимъ является въ озеранскомъ приходѣ. Если имѣющіеся у меня списки пѣсенъ изъ минск. г. точны, то довольно близкій къ озеранскому говоръ употребляется въ уу. Рѣчицкомъ и Бобруйскомъ.

3, *Друтскій*, главными отличительными чертами котораго я считаю присутствіе славянскихъ флексій въ твор. пад. двойств. числа — рукама, ногама, и въ дат. множ. — братамъ, сыномъ, дзяцѣмъ. Твор. пад. множ. числа сущ. прил. числ. мѣстоим. оканчивается на *мы* — густыми борами, темными лѣсами, бабмы, зѣ намы, тромы, пяцмы; предложн. на *оѣхъ*, *еѣхъ* — на людзѣхъ, на мужикохъ. Онъ употребляется на Друти и въ треугольникѣ между нею и Днѣпромъ. Интересно, что нѣкоторыя черты этого подговора я встрѣтилъ и на р. Сожѣ.

Второй говоръ распространенъ въ уу. климовицкомъ, чериковскомъ, мстиславскомъ, восточныхъ частяхъ горецкаго и оршанскаго. Отпрыски его заходятъ и въ сѣв. часть сѣнненскаго уѣзда. Этотъ говоръ я назову *восточнымъ говоромъ бѣлорусскаго нарѣчія*.

Главныя отличія его кромѣ лексическихъ, имѣющихъ сходство съ великорусскими, слѣдующія:

а, мягкое *р*, и притомъ въ такой степени, что иногда *а* произносится послѣ *р* какъ *я*: прямо, крѣпча, рябро, богатырь, крѣпчѣй, старятца;

б, постоянное употребленіе фл. *ть* въ 3 л. ед. ч. наст. врем. — нясець, бярець, говориць, ходзиць, мыець, приказуець;

в, сильно развитое *дзеканье*.

Этотъ говоръ, выходя изъ Черниговской губерніи въ климовицкій у., и смѣшиваясь съ предыдущимъ, пересѣкаетъ *р*. Бѣсѣдъ и идетъ къ Пронойску; отсюда по Сожу и нѣсколько западнѣ его, зигзагами, идетъ уже въ чистомъ видѣ на сѣверъ; тамъ сливается съ говоромъ смоленскимъ и направляется къ Днѣпру, — приблизительно на Росасну. За Днѣпромъ говоръ идетъ на Любавичи и Лѣзно, и переходитъ въ Витебскую губ. гдѣ наполняетъ витебскій, часть городокскаго и невельскаго уу. и соединяется на востокъ, въ велижскомъ у., съ смоленскимъ *цокающимъ* говоромъ, переходящимъ изъ велижскаго у. и въ псковскую губ.

Наконецъ, **третій** говоръ распространенъ въ центрѣ могилевской губ. въ уу. чаускомъ, зап. частяхъ горецкаго и оршанскаго, въ большей ч. могилевскаго и въ сѣненскомъ. Говоръ этотъ, по моему мнѣнію, *чистый бѣлорусскій*. Онъ имѣетъ всегда твердое *р*, постоянную флексію 3 л. ед. ч. наст. вр. и отличается сильнымъ *дзеканьемъ*. Выходя изъ могилевской губ., между двумя предыдущими, говоръ этотъ направляется на сѣверо-западъ, въ Витебскую и Минскую губ. и во всей чистотѣ своей заходитъ въ дисненскій и вилейскій уу. Виленской губерніи.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, данныя объ особенностяхъ нарѣчія бѣлорусовъ могилевской губерніи. *) Въ настоящемъ выпускѣ читатели найдутъ богатые образцы этихъ трехъ говоровъ губерніи, и многихъ подговоровъ. Число послѣднихъ, насколько я знаю, значительно, и въ свое время я не премину подѣлиться съ читателями имѣющимися у меня по этому предмету свѣдѣніями. Теперь же ограничусь заявленіемъ, что причислять говоры могилевской губ. къ малорусскимъ нѣтъ основанія.

Въ предисловіи невозможно входить въ подробныя разсужденія о составѣ и характерѣ сказокъ. Но не могу не сказать, что, на мой взглядъ, каждая

*) Само собою разумѣется, что я говорилъ здѣсь только о говорахъ сельскаго населенія. Въ городахъ же и мѣстечкахъ языкъ подвергся сильнымъ постороннимъ влияніямъ.

изъ помѣщенныхъ въ настоящемъ выпускѣ сказокъ имѣть извѣстный интересъ. Однѣ важны въ филологическомъ отношеніи, заключаая въ себѣ особенности того или другого говора; другія всесторонне характеризуютъ бытъ бѣлоруса, широко открываютъ его своеобразное міросозерцаніе; въ третьихъ интересно развитіе фабулы; четвертыя полны восхитительной младенческой поэзіи, или обращаютъ на себя вниманіе уцѣлѣвшими въ нихъ остатками мифовъ и т. д.,

О мифическомъ значеніи сказокъ существуетъ, какъ извѣстно, весьма богатая литература. Ученію о самобытности народныхъ основъ мифологіи и сказаній въ послѣднее время была противопоставлена теорія заимствованія ихъ. Но вопросъ, очевидно, нельзя считать рѣшеннымъ, и въ виду этого я воздержался отъ комментарія, которымъ первоначально намѣревался снабдить сказки, тѣмъ болѣе, что глубокоуважаемый А. Н. Веселовскій далъ мнѣ совѣтъ въ этомъ же смыслѣ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что если кто дастъ себѣ трудъ ознакомиться со *взглядами народа* на свои мифическія сказки, и убѣдится, что для народной массы это не сказки, а *сказанія* о чемъ то совершавшемся, или даже совершающемся; кто услышитъ повѣрье, что „счастливые люди“ *) „видѣли“ осиловъ еще недавно, а змѣевъ и теперь видятъ летающими; кто обратитъ вниманіе на преданія, *приуроченныя къ извѣстному пункту*, о томъ, что подъ однимъ камнемъ зарытъ убитый осиломъ змѣй, подъ другимъ—съ тремя дырами—жилъ трехглавый змѣй, подъ третьимъ находится путь, которымъ осиловъ Василь Васильевичъ спускался на тотъ свѣтъ и т. д.—что есть гранитныя глыбы, которыми перебрасывались сражавшіеся богатыри, и на которыхъ сохраняются отпечатки рукъ богатырскихъ; что на многихъ городищахъ жили также осилки, сражавшіеся съ неприятеlemъ каменными стрѣлами или сѣкерками,—тому, полагаю, будетъ трудно согласиться безусловно съ мнѣніемъ, допускающимъ случайное заимствованіе мифовъ и сказокъ извнѣ. Такое глубокое проникновеніе подобныхъ взглядовъ, такая упорная, многовѣковая, стойкость ихъ, отразившаяся на всемъ складѣ духовной жизни народа, едва ли говорить въ пользу ихъ заимствованія...

Заканчивая предисловіе, я не могу не принести глубокой благодарности Русскому Географическому Обществу, которое съ большою готовностію предоставило мнѣ возможность собрать изъ первыхъ рукъ матеріалы для этого выпуска и для слѣдующихъ. Равнымъ образомъ, считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ искренне поблагодарить Отдѣленіе русскаго языка и словесности

*) Есть повѣрье, что видѣнье богатыря дѣлаетъ человека вполне счастливымъ.

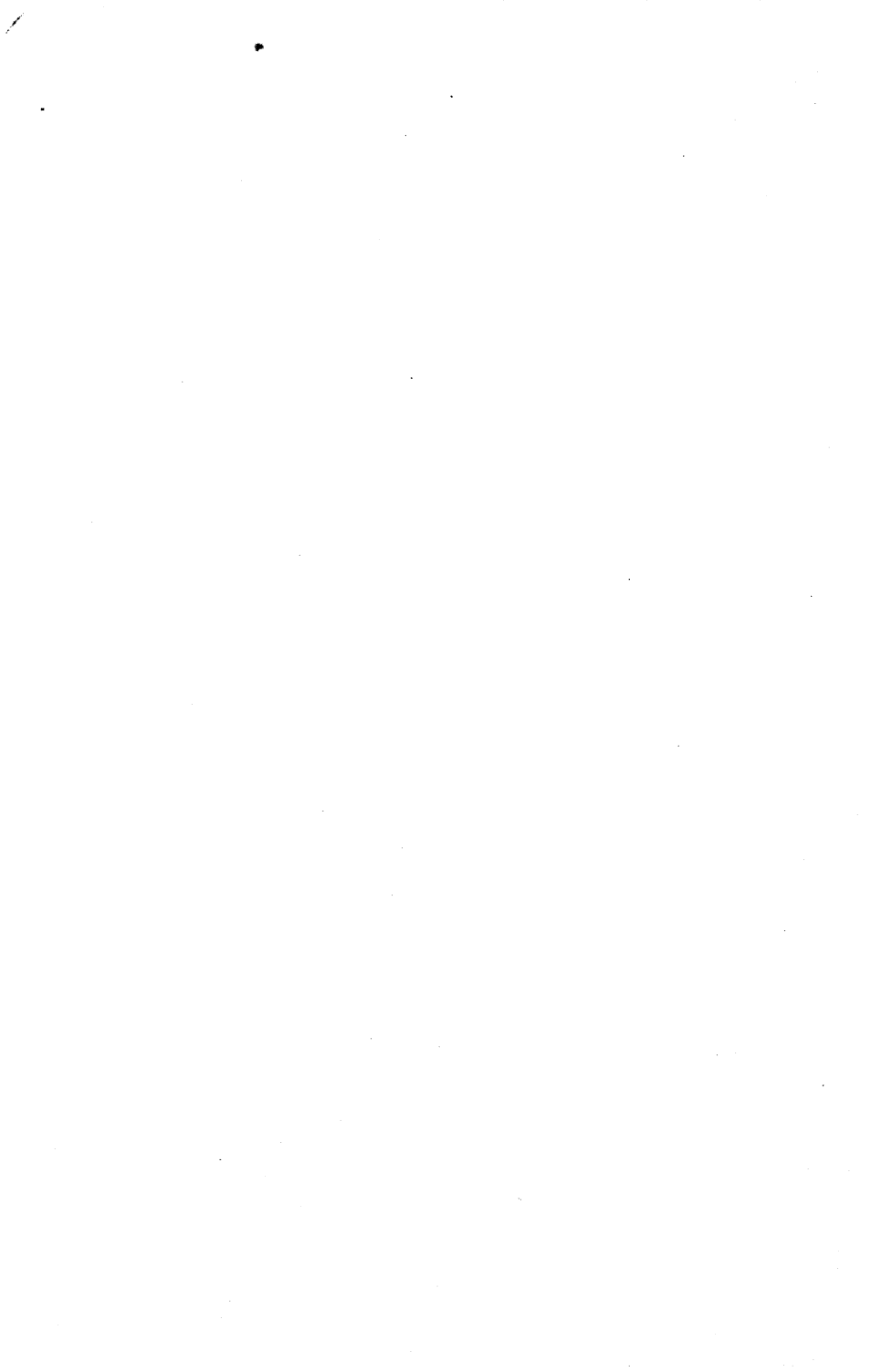
Академіи Наукъ, и его предѣдателя Я. К. Грота: только благодаря матеріальной помощи Отдѣленія, собиратель имѣлъ возможность приступить къ изданію настоящей книжки.

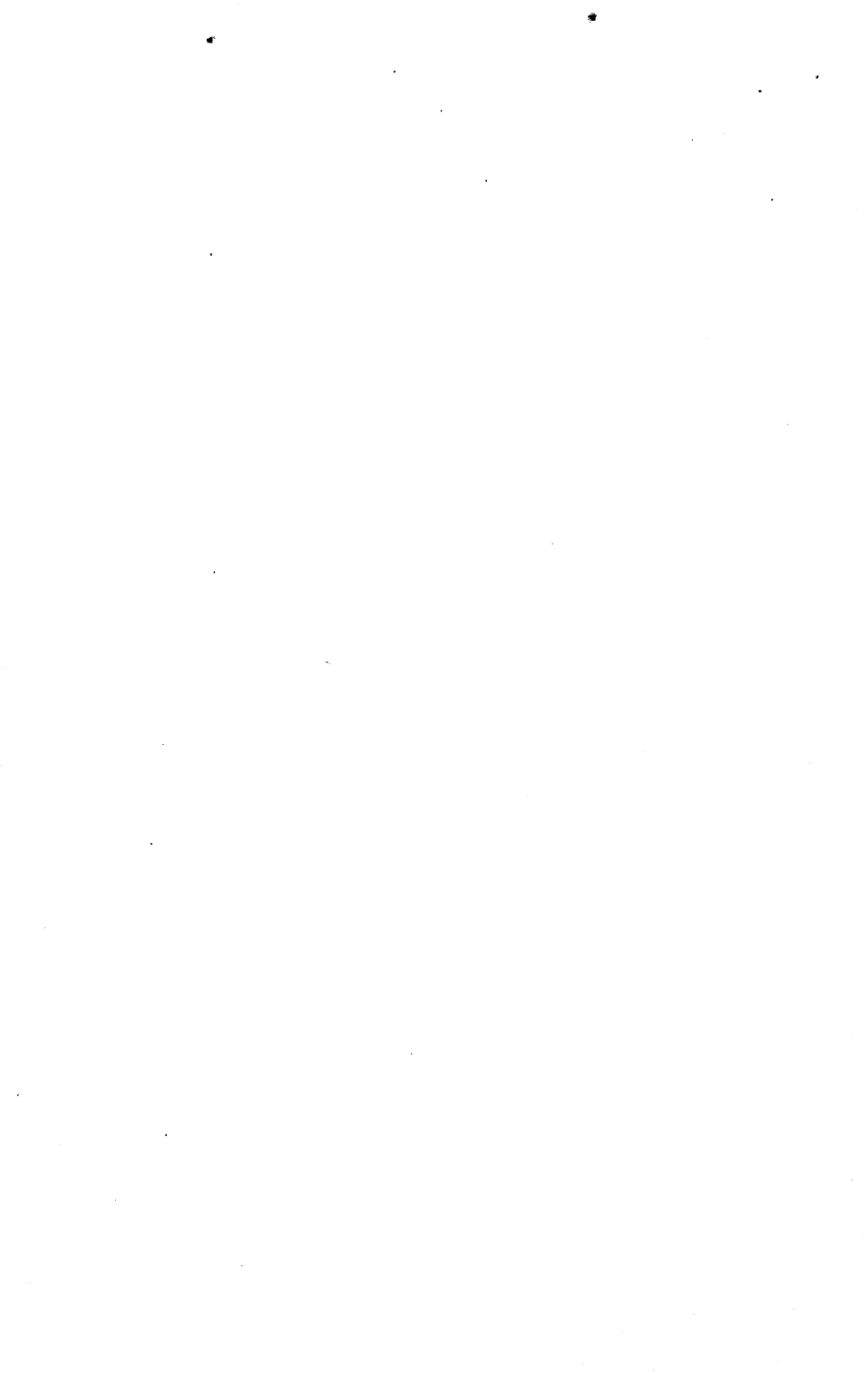
Употребивъ на составленіе этого выпуска много труда, времени, разбѣдовъ и средствъ, позволяю себѣ питать надежду, что люди компетентные, знающіе, съ какими трудностями сопряжены работы такого рода, найдутъ его заслуживающимъ вниманія, и во всякомъ случаѣ, отнесутся съ должнымъ снисхожденіемъ къ этому первому собранію бѣлорусскихъ сказокъ.

„Аще бо и худъ есмь и грубъ, но на Божію благодать уповая, списахъ, елико слышахъ, невѣдый, аще иныи суть написали вѣдуще выше мене...“

Е. Романовъ.

ЖИВОТНЫЙ ЭПОСЪ.

1. Курка—рабушка.

а, Бывъ сабѣ дѣдка, была сабѣ бабка. ¹⁾ Была у ихъ курка—рабушка; нанясла яецъ повянь коробець. Дѣдъ бивъ, бивъ—не разбивъ; баба била, била—не разбила. Мышка бѣгла, хвостикомъ мотнула, и разбила ²⁾.... Дѣдъ плача, баба плача, курочка кудакча, ворота скрипять, трески летять, собаки брешать, гуси кричать, люди гомонять.... Иде вовкъ: «Дѣдка, чаго ты плачеть?»—Якъ-жа намъ не плакать: жили сабѣ мы зъ бабкой, была у насъ курка—рабушка, нанясла яецъ повянь коробець. Я бивъ, бивъ—не разбивъ, баба била, била—не разбила, мышка бѣгла, хвостикомъ мотнула, и разбила.... Дѣдъ плача, курочка кудакча, ворота скрипять, трески летять, собаки брешать, гуси кричать, люди гомонять... И вовкъ завывъ. Иде мядвѣдъ: чаго ты, вовча, выешь?—«Якъ жа мнѣ ня выть: бывъ сабѣ дѣдка, была сабѣ бабка; была у ихъ курка—рабушка, нанясла яецъ повянь коробець. Дѣдъ бивъ, бивъ—не разбивъ, баба била, била—не разбила, мышка бѣгла, хвостикомъ мотнула, и разбила.... Дѣдъ плача, курочка кудакча, ворота скрипять, трески летять, собаки брешать, гуси кричать, люди гомонять—и я, вовкъ, व्यю....» И мядвѣдъ заровъ. Иде лось ³⁾: чаго ты, мядвѣдъ равешъ?—«А якъ жа мнѣ ня ровть: бывъ сабѣ дѣдка, была сабѣ бабка; была у ихъ курка—рабушка, нанясла яецъ повянь коробець. Дѣдъ бивъ, бивъ—не разбивъ, баба била, била—не разбила, мышка бѣгла, хвостикомъ мотнула, и разбила.... Дѣдъ плача, баба плача, курочка кудакча, ворота скрипять, трески летять, собаки брешать, гуси кричать, люди гомонять, вовкъ завывъ—и я, мядвѣдъ, заровъ». И лось роги поскидавъ. Пришовъ лось къ колодезю: попова чалядка воду бйре. «Чаго ты, лось, свое роги поскидавъ?»—Якъ жа мнѣ ня скидять: бывъ сабѣ дѣдка, была сабѣ бабка; была у ихъ курка—рабушка, нанясла яецъ повянь коробець. Дѣдъ бивъ, бивъ—не разбивъ, баба била, била—не разбила; мышка бѣгла, хвостикомъ мотнула, и разбила.... Дѣдъ плача, баба плача, курочка кудакча, ворота скрипять, трески летять, собаки брешать, гуси кричать, люди гомонять, вовкъ завывъ, мядвѣдъ заровъ,—и я, лось, роги поскидавъ. И чалядка ведры побила, корѣми сьлѣ поломала и заплакала. Иде дякъ: «дѣвка-дьявица, чаго ты плачашъ?» Якъ жа мнѣ не плакать: бывъ сабѣ дѣдка, была сабѣ бабка, была у ихъ курка—рабушка, нанясла яецъ повянь коробець. Дѣдъ бивъ, бивъ—не разбивъ, баба била, била—не разбила, мышка бѣгла, хвостикомъ мотнула, и разбила.... Дѣдъ плача, баба плача, курочка кудак-

ча, ворота скрипятъ, трески летятъ, собаки брешать, гуси кричатъ, люди гомонять, вовкѣ завывъ, мядвѣдъ заровъ, лось роги поскидавъ,—я ведры побила, коромисля поломала и заплакала. И дякъ пошовъ, ды книги попорвавъ. Иде понъ: «дякъ, чато ты книги попорвавъ?»—Якъ жа мнѣ не рвать: бывъ сабѣ дѣдка, была сабѣ баба, была у ихъ курка рабушка, нанясла яецъ повянь коробець. Дѣдъ бивъ, бивъ—не разбивъ, баба била, била—не разбила, мышка бѣгла, хвостикомъ мотнула, и разбила. Дѣдъ плача, баба плача, курочка кудакача, ворота скрипятъ, трески летятъ, собаки брешать, гуси кричатъ, люди гомонять, вовкѣ завывъ, мядвѣдъ заровъ, лось роги поскидавъ, чалядка ведры побила, коромисля поломала и заплакала,—я дякъ, пошовъ книги попорвавъ. Пошовъ понъ и церкву заналивъ.

С. Переростъ том. у.

1) Вар. Живъ бывъ дѣдъ да баба... Жили сабѣ дѣдъ и баба, была у ихъ курка раба (или: раба). 2) Эпизодъ съ яйцами рассказывается и преше: Нанясла яецъ повянь коробець. Мышка бѣгла, и побила. 3) Мѣсто лося занимаетъ и баранъ. См. у Ас. IV стр. 87. Также: Садовник. 171. Чубинск. 90.

6, Живъ дѣдъ зъ бабий; была у ихъ курка раба, няслася на полки, въ аржаной соломин. Дѣдъ была мышка, хвостомъ мотнула, яечки побила. Дѣдъ расплакався, баба разрозмалася... Дѣдъ была сорока, сѣла на воротахъ,—вороты похилилися, сороки хвостъ отсѣкли.

Пыляцѣла сорока на дубъ зеляненый, а дубъ говориць: што жъ ты, сорока: учора была ты съ хвостомъ, а сядьни безъ хвоста, а што жъ, причина якая?—А вотъ якая: якъ живъ дѣдъ зъ бабий; была у ихъ курка раба (и т. д. повторяется предыдущее). Я сѣла ны воротахъ, вороты похилилися и мнѣ хвостъ отсѣкли.... Дубъ кажець: а я сабѣ сучча обломаю! Узявъ да обломавъ.

Пришовъ лось къ дубу и говориць: што жъ ты, дубъ, учора бывъ съ суччамъ, а сядьни бязъ сучча, а што жъ, причина якая?—А вотъ якая: якъ живъ дѣдъ зъ бабий, была у ихъ курка раба (и т. д. повторяется предыдущее). Сороки хвостъ отсѣкло, а я сучча обломавъ. Лось говориць: а я сабѣ роги собью! Узявъ да и збивъ.

Пшовъ лось къ рацѣ роги обмываць, а рѣчка спрашѣць: што жъ ты, лось, учора ты бывъ зъ рогами, а сядьни, бязъ рогъ; а што жъ, причина якая?—А вотъ якая: живъ дѣдъ зъ бабий и т. д. Сороки хвостъ отсѣкло, дубъ сучча обломавъ, а я сабѣ роги збивъ! А рѣчка говориць: а я возьму ды высохну! Узяла высохла.

Пришла полова молотчанка воду браць и спрашѣць: што жъ ты, рѣчка? учора ты была глубокая, а сядьни сусимъ высохла. А што жъ, причина якая?—А вотъ якая: якъ живъ дѣдъ зъ бабий и т. д. Сороки хвостъ отсѣкло, дубъ сучча обломавъ, лось роги збивъ, а я высохла. А молотчанка говориць: а я ведры побью! Узяла побила: одно вядро объ землю грукъ! другое объ землю грукъ! а коромисель закинула у канаву, и пошла домовъ.

Приходзиць домовъ, а попила хлѣбъ мѣсиць, и спрашѣць у молотчанки: што ты довго бавилася? И воды ня принесла и бязъ ведзеръ пришла; а што жъ, причина якая?—А вотъ якая: якъ живъ дѣдъ зъ бабий и т. д. Сороки хвостъ отсѣкло, дубъ

сучча обломавъ, лось роги збывъ, рѣчка высохла, а я ведры побила. А попка говориць: а я зъ дзяжы цѣсто powyкидала! Узяла и зъ дзяжы цѣсто усе powyкидала.

Пришовъ бацюшка и говориць: што ты, матушка, здуряѣла, што увесъ хлѣбъ изъ дзяжы powyкидала? А што жъ, причина якая?—А вотъ якая: якъ живъ дзѣдъ зъ бабый и т. д. Сороки хвостъ отсѣкло, дубъ сучча обломавъ, лось роги збывъ, рѣчка высохла, молотчанка ведры побила, а я цѣсто изъ дзяжы powyкидала! Тоды бацюшка говориць: а я царковныя книги посяку! Узявъ, поськъ.

Приходзиць дзякъ и говориць: што ты, бацюшка, здуряѣвъ, што царковныя книги поськъ? А што жъ, причина якая?—А вотъ якая: якъ живъ дзѣдъ зъ бабый; была у нѣх курка раба, яслася на полки, въ арижаной соломки. Дзѣ была мышка, хвостомъ мотнула, яечки побила. Дзѣдъ расплакався, баба разрозмалася, сороки хвостъ отсѣкло, дубъ сучча обломавъ, лось роги збывъ, рѣчка высохла, молотчанка ведры побила, матушка цѣсто powyкидала, а я книги поськъ!... Тоды дзякъ говориць: а я церкву подналю! Узявъ расклавъ цягло подъ церквой. Такъ церква и згорѣла...

Г. Сынно. Кр—ка Марья Кузьмина.

3. Жоронцы.

Живъ дзѣдъ изъ бабый, жили яны дужо бѣдно. Ня было у нѣх дзяцей, тольки было у нѣх: баранъ, парсюкъ и пятаухъ. Ды ящо были у нѣх жоронцы. Яны, гетыя жоронцы, сами ўсе молили, сами ненавѣдома идѣ што брали, и дзѣду зъ бабый ўсѣ давали. Вотъ, скоро дзѣдъ померъ; осталася одна баба. Яна ящо хуже забядѣла: нема у яе а ничого. Тольки и ўсяго, што якъ захочиць чаго—ци муки, ци чаго—жоронцы и дадуць. Вотъ разъ были у бабы угодки по дзѣду. Пришла яна къ жоронцамъ и кажиць имъ: «жоронцы, жоронцы! дайця мнѣ муки пшонныя.» И жоронцы дали ей и муки пшонныя и ўсяго, что треба къ угодкамъ. Баба стала печь блины. Ажны пришла лисица, и стала просиць у бабы цѣста. Баба дала ей комокъ цѣста; лисица побѣгла ў лѣсъ, сѣла подъ кустъ и ѣсъ. Ажны бязиць вовкъ: «кумка-голубка, дай жа-шь мнѣ цѣста!»—А, кумокъ-голубокъ! идзи къ бабѣ. Яна цяперъ блины пачець, и табѣ дась! Вовкъ побѣгъ къ бабѣ цѣста просиць. Ажны баба уже блиновъ напаякла; барана, парсюка и пятауха накормила, и спаць нѣх положила. Парсюкъ легъ подъ поломъ, баранъ легъ на полу, а пятаухъ узяцѣвъ на курчину. И сама баба улѣзла на печь и поклалася снади. Вовкъ и пришовъ у хату. Якъ тольки енъ увыйшовъ,—парсюкъ зъ бараномъ не дали яму и слова сказаць. Парсюкъ якъ прванець яго за лытки, а баранъ якъ дасъ яму рогами у лобъ! А пятаухъ ходзиць по курчинѣ, ды ўсѣ кричиць: кудаць—дакъ—дакъ, подайця мнѣ яго! Вовкъ барджѣй сь хаты, ды ў лѣсъ. Сустрѣчаець тамъ пана. «Дзѣ ты, вовкъ, бывъ?»—Ходзивъ къ бабѣ цѣста просиць. Ёй жоронцы дали ўсяго, што треба къ угодкамъ. Але якъ пачали мяне тамъ биць—чуць я живъ застався: парсюкъ ставъ лытки мнѣ грызець, баранъ ставъ у лобъ биць рогами, а самый старшій ходзиць по курчинѣ, ды кажиць: подайця мнѣ яго! подайця мнѣ яго!... Панъ пошовъ якъ бабѣ, поглядзѣць, што тамъ за дзиво такое, якія тамъ у яе жоронцы. Приходзиць и проситца нучуваць. Баба

пустила. Вотъ панъ пераночувавъ, ды й жоронцы укравъ¹⁾. Назаўтраго, якъ панъ уже пошовъ, оглѣдилася баба, што енъ жоронцы укравъ. Жалко бабѣ стало жоронцовъ: сусимъ заплакылися яна по ихъ. Вотъ парсюкъ и кажиць: што будзець, ня будзець—а пойду за жоронцами. И пошовъ. Пошовъ енъ за жоронцами, только не вярнувся ў дворъ,—цяперъ енъ тамъ. Нема ни жоронцовъ, ни парсюка. Пошовъ тоды за жоронцами баранъ. Ёнъ такъ жа само: жоронцовъ не принесть, и самъ не пришовъ. Тоды уже кажиць пятаухъ: ну, уже што будзець, ня будзець—хуць головкы наложу, а ўсѣтки жоронцы принясу. И поляцѣвъ пятаухъ къ пану. Ляпиць енъ дорогою, ляпиць енъ широкою,—ажъ на ўстрѣчь яму ляпиць коршынь: «пятаухъ, пятаухъ, возьми мянѣ съ собою!»—Лѣзь у задъ, коли хочашъ. Коршынь ўлѣзь, и пятаухъ поляцѣвъ дали. Ляпиць енъ дорогою, ляпиць енъ широкою,—а наўстрѣчь яму бязиць лисица ды кажиць: «пятаухъ, пятаухъ, возьми мяне ись собою!»—Лѣзь у задъ. Лисица ўлѣзла, а пятаухъ поляцѣвъ дали. Ляпиць енъ дорогою, ляпиць енъ широкою,—а наўстрѣчь яму бязиць барсукъ и кажиць: «пятаухъ, пятаухъ, возьми мяне ись собою!»—Лѣзь у задъ! Барсукъ ўлѣзь, а пятаухъ поляцѣвъ дали. Ляпиць енъ дорогою, ляпиць енъ широкою,—наўстрѣчь яму бязиць вовкъ и кажиць: «пятаухъ, пятаухъ, возьми мяне ись собою!»—Лѣзь у задъ! Вовкъ ўлѣзь, а пятаухъ поляцѣвъ дали. Ляпиць енъ дорогою, ляпиць енъ широкою,—а наўстрѣчь яму бязиць мядзѣвѣдзь: «пятаухъ, пятаухъ, возьми мяне ись собою!»—Лѣзь у задъ! Мядзѣвѣдзь ўлѣзь, а пятаухъ поляцѣвъ дали. Ляцѣвъ, ляцѣвъ, и приляцѣвъ къ пану. А у пана были госци. Пятаухъ узляцѣвъ на вокно, ды кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ, и жоронцы ўкравъ: я приляцѣвъ сѣйскываць. Панъ, отдавай жоронцы!» Пану стало стыдно, бы госци глядзяць яму ў вочи. Разсердзився панъ и кажиць слугамъ: слуги, слуги! возьмиця гетаго пятауха, занясиця яго къ моимъ курамъ, тамъ яго куры забьюць! Слуги ўзяли, занясли пятауха къ курамъ и покинули тамъ. Вотъ пятаухъ и кажиць: коршынь, коршынь, лѣзь изъ заду! Ходзи бяри, курей дзяри, и самъ уходзи. Коршынь ўсихъ курей подравъ, а самъ поляцѣвъ. Тоды пятаухъ приляцѣвъ ящо на вокно, ды кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ, и жоронцы ўкравъ: я приляцѣвъ сѣйскываць. Панъ, отдавай наши жоронцы!» Панъ кажиць: ага, яго куры не забили? Слуги, слуги! занясиця его къ моимъ гусямъ: яны яго тамъ зашпилюць! Слуги занясли пятауха къ гусямъ, ды й пошли домовъ. Вотъ пятаухъ и кажиць: лисица, лисица, лѣзь изъ заду, ды би гусей, и сама уцякай. Лисица усихъ гусей побила и побѣгла. А пятаухъ тоды приляцѣвъ, сѣвъ на вокнѣ, ды кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ, и жоронцы ўкравъ: я приляцѣвъ сѣйскываць. Панъ, отдай наши жоронцы!» Панъ кажиць: ага, яго моѣ гуси не зашпиляли? Слуги, слуги! занясиця яго къ моимъ свиньямъ: яны яго тамъ загрызуть! Слуги занясли пятауха къ свиньямъ, а сами пошли домовъ. А пятаухъ кажиць: барсукъ, барсукъ, лѣзь изъ заду, ды грызи свиньней, ды самъ уцякай. Барсукъ усихъ свиньней погрызъ и побѣгъ. Пятаухъ тоды поляцѣвъ къ пану, ды сѣвъ на вокно и кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ и жоронцы ўкравъ: я приляцѣвъ сѣйскываць. Панъ, отдай наши жоронцы!» Панъ кажиць: ага, яго моѣ свиньи не загрызли? Слуги, слуги, занясиця яго къ моимъ кѣнимъ: яны яго тамъ забьюць. Слуги занясли,

ды пошли домовъ. Пятухъ кажиць: вовкъ, вовкъ, души коній, да самъ уцякай. Вовкъ усихъ коній подушивъ, поѣвъ, и самъ побѣгъ. Пятухъ поляцѣвъ къ пану, сѣвъ на окно ды кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ, и жоронцы укравъ: я приляцѣвъ сѣйскываць. Панъ, отдай наши жоронцы!» Панъ кажиць: яго й кони не забили? Слуги, слуги! занясиця яго къ моимъ коровамъ: яны яго тамъ за- колюць. Слуги занясли, ды пошли домовъ. А пятухъ и кажиць: мядзѣвѣдзь, бярн, ко- ровъ дзяри, ды самъ уцякай! Мядзѣвѣдзь усихъ коровъ позадзиравъ, поѣвъ, а самъ побѣгъ. Вотъ тоды пятухъ поляцѣвъ къ пану, сѣвъ на окно, ды кричиць: «кукаре- ку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ, и жоронцы укравъ: я приляцѣвъ сѣй- скываць. Панъ, отдай наши жоронцы!» Панъ кажиць: яго и коровы моѣ не зако- лоли? Слуги, слуги! возьмиця гетаго пятуха ды зарѣжця, ды отдайця кухыру на кухню: я яго зѣмъ! Слуги узали ды забили пятуха, ды отдали кухыру на кухню. Кухыръ яго спекъ ды отдавъ пану. Панъ изѣвъ, ды й ходзиць сабѣ по покою изъ госцями. Ажны пятухъ у правое вухо тылову вытыркнувъ ды и кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ, ды жоронцы укравъ: я приляцѣвъ сѣйскы- ваць. Отдай, панъ, наши жоронцы!» Панъ кажиць: слуги, слуги! сячиця яго, сячиця яго! Слуги узали ды якъ сѣканули по вуху—вухо и отсѣкли правое. А пятухъ вы- тыркнувъ голову у лѣвое вухо, ды и кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ ды жоронцы ўкравъ: я приляцѣвъ сѣйскываць. Панъ, отдай наши жо- ронцы!» Панъ кажиць: слуги, слуги, сячиця яго, сячиця яго! Слуги якъ сѣканули— отсѣкли и лѣвое вухо. Пошовъ тоды панъ на дворъ. Пятухъ вытыркнувъ голову ды й кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ, ды жоронцы ўкравъ: я приляцѣвъ сѣйскываць. Панъ, отдай наши жоронцы!» Панъ кажиць: слуги, слуги, сячиця яго, сячиця яго! Вотъ одна слуга узала шаблю, ды якъ сѣканула, ды не по пятуху, ды по пану. А пятухъ и вяляцѣвъ. Панъ и кажиць: слуги, слуги, возьмиця жоронцы, ды отдайця ихъ яму. Ды пусциця яго, лихо яго бярн, нехай енъ ляциць, ды головы ня тлумиць! 2) Слуги вынясли пятуху жоронцы, ды й отдали. Пятухъ узавъ, одзинъ камянь подъ одно крыло, другій камянь подъ другое крыло, ды й по- ляцѣвъ къ бабѣ. Баба обрадовалась по жоронцахъ, ды начала усяго у ихъ просиць, ды сама сябе и пятуха кормиць.

Дер. Гмбовскъ, стѣнн. у.

1) Въ одн. вар. сказка начинается такъ: Живъ дзѣдъ изъ бабой, и дужо яны были бѣдны: были у ихъ одны жорны, и тѣн панъ узавъ! И была у ихъ курка и пятухъ. По- шли яны вясной на шуметникъ: пятухъ выгробъ бобину, а курица горошану. Принясли и говоруць: усыпъ, баба, у печи! Баба усыпала—и стала повна печь добра. Тоды пятухъ и говориць: полячу къ пану за жоронками! А яны яму говоруць: што ты, дурный? цябе забьюць.—Нѣ, полячу. И поляцѣвъ..... Въ другихъ вар. «пятухъ съ куркой идзъ знай- дуць жарно, дыкъ принасуць, ды укинуць у жорны, а жорны муки намелюць. Одзинъ разъ у дзѣда ночувавъ панъ. Яму стало завидно; дыкъ енъ укравъ жорны и поѣхавъ у ночычн. На другій дзень яны оглѣдзилися, ажъ немашацька жоронъ Дзѣдъ изъ бабой плачуць, а пятухъ кудакиць: не плачь, дзѣдъ, не плачь, баба: я жорны вярну. Вотъ поляцѣвъ пятухъ къ пану.....» 2) Вар. Когда панъ увидѣлъ, что пѣтухъ сгубилъ его птицу и скотъ, онъ рѣшился отдать украденные жернова. Пѣтухъ взявъ ихъ и отдалъ дѣду. «Яны тоды намололи добра, и стали жиць ды поживаць, ды добра наживаць....» См.

выше. Въ тѣхъ вариантахъ, гдѣ жернова украдены у дѣда и бабы, припѣвъ пѣтуха измѣняется: «панъ у дѣда почувавъ, и жоронцы укравъ».

Въ вариантѣ, записанномъ нами отъ кр. дер. Горивца, сѣня у сказки оканчивается разсказомъ о звѣряхъ въ ямѣ: «Ляпцы пятахъ къ дѣду, ажны видяць—сидяць у ями само тыя звѣри: мядзвѣдзъ, вовкъ, лисица, барсукъ и яще заяць, и неякъ ямъ вылтацц изъ ямы. Тоды стали яны пятаха просиць, кабы ень ихъ выпатгнуць изъ ямы. А пятахъ кажаць: дббро, я тольки заняю дѣду жоронцы. Покуль пятахъ принесъ дѣду жорны, дытъ много годовъ пройшло, много воды пѣзъ раки уцякло. Захоцѣлося звѣрамъ ѣщи, и стали яны думачъ ды гадаць, якъ-бы ѣщи достаць. Тоды лисица кажаць: будзямъ выць! хто останецца, того зыдзимъ. И стали яны выць. Мядзвѣдзъ остався, яны мядзвѣдзя разорвали и зѣбли. И. т. д. см. см. «Звѣри въ ямѣ». Окончаніе: «Осталася одна лисица. Ажны идзець стралецъ, увидзѣвъ лисицу и кажаць: «бярися за ружжо, а я цябе выпатгну!» А лисица кажаць: боюся ты мяне забьешъ!—«Бярися!»—«Боюся!»—«Бярися!»—«Боюся. Алитки лисица узялася. Стралецъ не забивъ, здеръ зъ яе шкуру и пошлѣвъ сабѣ шубу, ды ставъ шубу восяць, а лисицыны дзѣцц голосиць.

Сравни. «Великор. сказки Худякова в. II, стр. 108—109. Также Садовник. 169.

3. Пятахъ и курочка.

Живъ сабѣ дѣдъ ды баба. И были у ихъ пятахъ и курочка. Разъ копались яны на дворѣ на пометнищи. Курка выкопала шишлыку, а пятахъ горошинку. Курочка тоды нажець пятаху: дай мнѣ горошинку, на табѣ шишлыку! Пяташокъ отдавъ курочцы горошинку, а курочка дала яму шишлыку. Стала ѣщи курочка горошинку—и зѣбла, ставъ ѣщи пяташокъ шишлыку—и удавился. Побѣгла курочка за водой у мора: «мора, мора, дай воды—пяташокъ удавился!»—Нѣ, не дамъ табѣ воды: сходи къ парсюку, нехай дасъ мнѣ клыка. Побѣгла курочка къ парсюку: «парсюкъ, парсюкъ, дай мору клыка, мора дасъ мнѣ воды—пяташокъ удавился!»—Нѣ, не дамъ клыка: сходи къ дубу, нехай дасъ жулуда! Побѣгла курочка къ дубу: «дубъ, дубъ, дай парсюку жулуда!»—Нѣ, не дамъ жулуда: сходи къ корови, нехай дасъ мнѣ молока. Побѣгла курочка къ корови: «корова, корова, дай жулуду молока!»—Нѣ, не дамъ молока: сходи къ косцу, нехай косецъ дасъ мнѣ сѣна! Побѣгла курочка къ косцу: «косецъ, косецъ, дай корови сѣна!»—Нѣ, не дамъ сѣна: сходи къ липпини, нехай липпина дасъ мнѣ лыкъ на лапци! Побѣгла курочка къ липпини: «липпина, липпина, дай косцу лыкъ на лапци!»—Нѣ, не дамъ: сходи къ ковалю, нехай мнѣ дасъ коваль ножикъ! Побѣгла курочка къ ковалю: «коваль, коваль, дай мнѣ ножикъ!»—Сходи туды, дѣѣ дзѣлыюць гроши, приняси ихъ мнѣ, тоды дамъ. Курочка побѣгла туды, идзѣ гроши дзѣлыюць.... Принясла курочка гроши, дала ковалю, а коваль давъ курочцы ножикъ. Нонясла курочка ножикъ липпини, липпина дала курочцы лыкъ косцу на лапци. Нонясла курочка лыки косцу на лапци, косецъ давъ курочцы сѣна. Нонясла курочка сѣно корови. Корова стала ѣщи сѣно и дала курочцы мылока. Нонясла курочка мылоко жулуду, дубъ давъ жулуда парсюку. Нонясла курочка жулуда парсюку, парсюкъ давъ курочцы клыкъ. Узяла курочка клыкъ у парсюка и побѣгла къ мору: отдала мору клыкъ, а мора дало курочцы воды. Нонясла курочка воду къ пятаху и улила у ротъ—пяташокъ закричавъ: кукареку!

С. Мошечы.

Ср. Аэ. IV. стр. 85. записъ въ арханг. губ. Садовник. 170.

5. Козель.

Живъ дѣдъ зъ бабой. Разодравъ дѣдъ лядо, посѣявъ на лядзѣ овса. Дѣдъ скоро померъ, засталася бабка одна. Пошла бабка на лядо свойго овса глядзѣць: видзиць—у овсѣ козель ¹⁾. Подыйшла яна и кажиць: кызя вонъ! кызя вонъ! А козель ня идзець: ня лѣзь, каиць, бабища—дурнища! у мяне вочи шклянэя, роги зылотэя: кыли порну, дыкъ и кишки вонъ! Нечаго бабѣ дѣлаць: пошла и плачець. Ашъ идзець мядзвѣдзь: «чаго, обѣ чимъ, бабка, горюешъ?» Рысказала бабка свою бяду: такъ и такъ, якъ миѣ не горюваць? унадзися у мой овесъ козель, и выгнуць ня можно.—«Ну, бабка, ходзи я выгоню!» Подыйшли яны къ овсу, мядзвѣдзь и кажиць: кызя вонъ, кызя вонъ! ²⁾. А козель ня идзець: ня лѣзь, мядзвѣдзица—дурнища! у мяне вочи шклянэя, роги зылотэя: кыли порну, дыкъ и кишки вонъ! Спужався мядзвѣдзь и побѣгъ. Пошла баба и плачець. Ашъ идзець вовкъ: «чаго, обѣ чимъ, бабка, плачешъ?» Рысказала бабка свою бяду: такъ и такъ, якъ-жа миѣ не плакаць? унадзися у мой овесъ козель, и выгнуць ня можно.—«Ну, ходзи бабка, я выгоню!»—Дзѣ табѣ выгнуць, мядзвѣдзь и тѣй ня выгнуць.—«Ну, ходзитка пыкажи!» Пыдыйшли къ овсу, вовкъ и кажиць: «кызя вонъ! кызя вонъ!»—Ня лѣзь, вовчища—дурнища! у мяне вочи шклянэя, роги зылотэя: якъ порну, дыкъ и кишки вонъ! Вовкъ спужався и побѣгъ. Пошла оныць баба и плачець. Ашъ бяжиць лисица: чаго, обѣ чимъ, бабка, плачешъ? Рысказала баба свою бяду лисицы: такъ и такъ, якъ жа миѣ не плакаць? унадзися у мой овесъ козель, и выгнуць ня можно: мядзвѣдзь выгонявъ—ня выгнуць, вовкъ выгонявъ—ня выгнуць.—Ну, ходзи, я табѣ яго выгоню! Подыйшли къ овсу: «кызя вонъ! кызя вонъ!»—Ня лѣзь, лисица—дурнища! моѣ вочи шклянэя, роги зылотэя: кыли порну, дыкъ и кишки вонъ! Спужалася лисица и побѣгла. Идзець баба изнова и плачець. Ашъ идзець заяць: чаго, обѣ чимъ, бабка плачешъ? Рысказала баба зайцу свою бяду: такъ и такъ, якъ жа миѣ не плакаць, унадзися у мой овесъ козель, и выгнуць ня можно: мядзвѣдзь выгонявъ—ня выгнуць, вовкъ выгонявъ—ня выгнуць, лиса выгоняла—ня выгнула.—«Ну, ходзи, бабка, я табѣ выгоню!» Пошли къ овсу, заяць и кажиць: «кызя вонъ! кызя вонъ!»—Ня лѣзь, зайчища—дурнища! у мяне вочи шклянэя, роги зылотэя: якъ порну, дыкъ и кишки вонъ! Спужався заяць и побѣгъ. Идзець баба, изнова плачець. Ашъ бяжиць собака: чаго ты, обѣ чимъ плачешъ? Рысказала баба свою бяду: такъ и такъ, якъ жа миѣ не плакаць? унадзися у мой овесъ козель, ня можно выгнуць: мядзвѣдзь гнавъ—ня выгнуць, вовкъ гнавъ—ня выгнуць, лисица гнала—ня выгнула, заяць гнавъ—ня выгнуць.—«Ну, ходзи, я выгоню!» Пошли: «кызя вонъ! кызя вонъ!»—Ня лѣзь, собачища—дурнища! у мяне вочи шклянэя, роги зылотэя: якъ порну, дыкъ и кишки вонъ! Спужався собака и побѣгъ ³⁾. Знова баба идзець и плачець. Ашъ лящиць пчала: чаго ты, обѣ чимъ, бабка, плачешъ? Рысказала баба свою бяду: такъ и такъ, якъ жа миѣ не плакаць? унадзися у мой овесъ козель, и выгнуць ня можно.—«Ходзи, я табѣ яго выгоню!»—Идзѣ табѣ! Коли мядзвѣдзь выгонявъ—ня выгнуць, вовкъ выгонявъ—ня выгнуць, лиса выгоняла—ня выгнула, заяць выгонявъ—ня выгнуць, собака выгонявъ—ня выгнуць: идзѣ табѣ выгнуць!—«Ну, ходзи, покажи миѣ яго!»

Пошли яны выгоняць. Вотъ пчала подляцѣла, ды якъ джигнецъ козла за коко!... Якъ забляецъ ень! Якъ побяжиць!... Пераставъ съ тыхъ поръ козелъ у бабинъ овесъ ходзиць. Стала яна сабѣ жиць ды пыживаць, ды добра наживаць.

Дер. Горисецъ, стынн. у.

Въ лисичинской вол. того же уѣзда сказка разсказываеця съ слѣдующими вариациями: 1) Жила сабѣ бабка. Посыла яна на лядзѣ овесъ. Пывадзися ходзиць у овесъ дзикій козелъ.... 2) Подыйшла баба зъ мядзвѣдзѣмъ къ овсу. Якъ увидзѣтъ мядзвѣдзѣ овесъ и самъ побѣгъ яго ѣсци. Идзець опяць бабка, идзецъ и плачець. Ашъ идзецъ зайныка: объ чимъ ты, бабка, горюеешь? Яна разсказала зайныку: такъ и такъ—свою бяду—пывадзися у мой овесъ дзикій козелъ и мядзвѣдзѣ. Зайныка и говориць: ходзи, мнѣ покажи! Бабка показала. Якъ зайныка увидзѣвъ овесъ, дыкъ и самъ побѣгъ яго ѣсци. Идзець баба и горюеецъ. Ашъ бяжыць вонкъ.... 3) Послѣ того, какъ убѣжала собака, пошла баба и плачець. «Ашъ идзецъ пяташокъ: объ чимъ, бабка горюеешь? Разсказала бабка пяташку свою бяду: такъ и такъ.—«Ходзи, я табѣ козла вогоню!» Пришли яны. Пяташокъ и говориць: «иду, иду на ногахъ у красныхъ сапогахъ: пошовъ съ овса зъ бабинаго, козелъ!» Козелъ спужався и уцѣкъ. Осталиси только мядзвѣдзѣ ды заяць. Идзець баба, ды йзнова плачець. Ашъ идзецъ стралецъ: объ чимъ, бабка, горюеешь? Разсказала баба: такъ и такъ—свою бяду. «Ходзи, я табѣ выгоню!» Пошли яны. Тоды стралецъ говориць: мядзвѣдзѣ, пошовъ съ овса зъ бабинаго, бы я цябе убью!» Мядзвѣдзѣ спужався и уцѣкъ. Тольки заяць остався. Идзець баба и знова плачець. Ашъ ляциць сова: чаго ты, бабка, горюеешь? Баба разсказала: такъ и такъ.—«Ходзи, я табѣ выгоню!» Пошли яны. Сова сѣла на зайца, ды й задзерла яго. Баба дужо была рада, стала яна жиць ды пыживаць....

Въ рогац. у. мѣсто бабы занимаетъ *дядь*.

6. Коза лулениая.

Живъ дзѣдъ зъ бабой. Было у ихъ семь козъ и семь дочокъ ¹⁾ Говориць дзѣдъ своей большой дочцѣ: «гони, моя большая дочушка, козъ у поле!» Дочка и погнала. Пасчила, пасчила, стало уже цямѣць; яна и спрашыецъ: козы мое, козычки, ци подѣбли вы, ци напилиси? Вотъ старая коза заблелотала, затопала ногами, мотнула головой и кажиць: «дзякуй табѣ, подѣбли и напилиси уволу. А цяперь уже вечаръ, упала спидзеная роса, гони насъ домовъ на ночь.» Гонить дочка козъ домовъ, а дзѣдъ сѣвъ у воротахъ у чарвонныхъ ботахъ ды пытаецъ: «козы мое милыя! ци пили вы, ци ѣли?» Уси кажуць: я напилася, наѣлася, я напилася, наѣлася! А старая мовчиць.—«А ты старая коза, ци напилася, ци наѣлася?»—Нѣ дзѣдъ, не напилася я, не наѣлася: бѣгла черазъ калиновый мостокъ—ухватила осиноый листокъ, ли згороды жменячку травы зѣла, ды лыжачку водзицы выпила—объ тымъ я пила и ѣла ²⁾. Разсердзися дзѣдъ на дочку, бивъ, бивъ, забивъ и подѣ печку подкачивъ. На другій дзень говориць дзѣдъ другой дочцѣ: гони, моя дочушка другая, у поле козъ, ды хорошенько напасци! Погнала дочка козъ у поле чучъ-дзень. Пасчила, пасчила, ды надъ—вечаръ и спрашыецъ: козы мое, козычки, ци подѣбли вы, ци напилиси? Старая коза заблелотала, затопала ногами, мотнула головой и кажиць: «дзякуй табѣ, подѣбли мы и напилиси уволу. Гони насъ на ночь домовъ, бы уже пала спидзеная роса!» Погнала дочка козъ домовъ. А дзѣдъ сѣвъ у воротахъ у чарвонныхъ ботахъ и пытаецъ: «козы мое милыя, ци напилиси, ци наѣлиси?»—Я напилася, я наѣлася; я

напилася, я наѣлася...—А ты, коза старая, ци напилася, ци наѣлася?—«Нѣ, дзѣдъ, не пила я, не ѣла; только бѣгла черазъ калиновый мостокъ, ухватила рабиновый листокъ, ли згороды жменячку травы зѣла, ды лыжачку водзицы выпила—объ тымъ я пила и ѣла». Разсердився дзѣдъ, бивъ, бивъ дочку, забивъ и подъ печку подкачивъ. На другій дзень выславъ дзѣдъ свою третью дочку: гони, моя третья дочушка, у поле козъ, ды хорошенько напасци! Погнала яна чупъ-дзень. Пасцила, пасцила, а подъ-вечаръ и спрашыецъ: козы моѣ, козычки! ци подѣѣли вы, ци напилиси? Коза старая заблекотала, затопала ногами, мотнула головой и говориць: спасибо, наѣлись и напились уволушку! Гонить яна ихъ домовъ. А дзѣдъ сѣвъ у воротахъ у чарвонныхъ ботахъ и спрашыецъ: козы моѣ милыя! ци напилиси вы, ци наѣлиси вы? А яны яму у вотвѣтъ: я напилася, я наѣлася; я напилася, я наѣлася...—«А ты, коза старая, ци напилася, ци наѣлася?»—Не напилася я, не наѣлася; а якъ бѣгла черазъ калиновый мостокъ—ухватила бярозовый листокъ, ли згороды зѣла жменячку травы ды выпила лыжачку воды. Только я пила и ѣла.... Разсердився дзѣдъ, бивъ, бивъ дочку, забивъ и подъ печь подкачивъ. Погнала на другій дзень чацвертая дочка. Пасцила, пасцила, накормила, напоила и гонить домовъ. А дзѣдъ сѣвъ у воротахъ у чарвонныхъ ботахъ и спрашыецъ: козы мое милыя! ци напилиси вы, ци наѣлиси вы? А козы яму у вотвѣтъ: я напилася, я наѣлася; я напилася, я наѣлася!—«А ты, коза старая, ци напилася, ци наѣлася?»—Нѣ, дзѣдъ, ни напилася, ни наѣлася: только бѣгла черазъ калиновый мостокъ—ухватила дубовый листокъ, ли згороды жменячку травы зѣла ды лыжачку водзицы выпила. Объ тымъ я пила и ѣла! Бивъ, бивъ дзѣдъ дочку, забивъ и подъ печь подкачивъ.—«Гони, моя пятая дочушка, козъ у поле! ды хорошенько напасци!» Погнала пятая дочка; пасцила, пасцила, накормила, напоила, и гонить. Дзѣдъ сѣвъ у воротахъ у чарвонныхъ ботахъ и пытаецъ: козы мое милыя, ци пили вы, ци ѣли? А козы говоруць: я напилася й наѣлася, я напилася й наѣлася.—«А ты, коза старая, ци напилася, ци наѣлася?»—Нѣ, дзѣдъ, ни напилася, ни наѣлася: якъ бѣгла черазъ калиновый мостокъ, ухватила кляновый листокъ, ли згороды жменячку травы зѣла, ды лыжачку водзицы выпила.... Разсердився дзѣдъ, забивъ дочку и подъ печь подкачивъ—«Гони, моя шостая дочушка, козъ у поле!» Яна погнала, пасцила, пасцила, зъ ранняя ды до вечара, и гонить домовъ. А дзѣдъ сѣвъ у воротахъ у чарвонныхъ ботахъ и спрашыецъ: «козы моѣ милыя! ци напилиси, ци наѣлиси вы?»—Я напилася, наѣлася; я напилася, наѣлася...—«А ты, коза старая, ци напилася, ци наѣлася?»—Нѣ, дзѣдъ, ни напилася, ни наѣлася: якъ бѣгла черазъ калиновый мостокъ—ухватила ольховый листокъ, ли згороды жменячку травы зѣла, ды лыжачку водзицы выпила. Объ тымъ я пила и ѣла! Забивъ дзѣдъ и гетую дочку, и подъ печь подкачивъ.—«Гони, моя семая дочушка, козъ у поле, ды лядзи жъ хорошенько напасци!» Погнала дочка козъ у поля чупъ дзень; пасцила, пасцила, а надъ вечаръ и пытаецъ: козы мое, козычки, ци напилиси вы, ци наѣлиси? Старая коза заблекотала, затопала ногами, мотнула головой и кажиць: дякуй табѣ, наѣлиси и напилиси уволу; гони насъ ужо домовъ, бы на зямлю ўжо пала сцидзеная роса! Гонить яна, а дзѣдъ сѣвъ у воротахъ у чарвонныхъ ботахъ и спрашыецъ: козы моѣ милыя, ци напилиси вы, ци наѣлиси вы?—Я напилася, наѣлася; я напилася, наѣлася... «А ты, коза старая, ци напилася, наѣлася?»—Нѣ, дзѣдъ, ни напилася, ни наѣлася;

только якъ бѣгла черазъ калиновый мостокъ—ухватила орѣховый листокъ, ли згороды жменячку травы зѣбла, ды лыжачку водзицы выпила. Обѣ тымъ я пила и ѣла! Разсердився дѣдъ, бивъ, бивъ тую дочку, забивъ и подѣ печь подкачивъ.—«Ну, баба, гони ты козъ у поле!» Погнала баба, пассила, пассила, стало ўжо прицепно; гониць яна ихъ домовъ. А дѣдъ сѣвъ у воротахъ у чарвоныхъ ботахъ и спрашыецъ: «козы моѣ милыя, ци пили вы, ци ѣли?»—Я напилася й наѣлася, я напилася, наѣлася....—«А ты, коза старая, ци напилася, ци наѣлася?»—Ни напилася я, ни наѣлася: бѣгла черазъ калиновый мосточакъ—ухватила лозовый листочакъ, ли згороды жменячку травы зѣбла, ды лыжачку водзицы выпила. Только пила я и ѣла!.. Разсердився дѣдъ, бивъ, бивъ бабу, забивъ и подѣ печь подкачивъ. На другій дзень погнавъ дѣдъ самъ козъ у поле, знявши чарвоныя боты. Пасчивъ, пасчивъ, и гониць. А самъ забѣгъ напяродъ, надзѣвъ чарвоныя боты, сѣвъ у воротахъ и спрашыецъ: «козы моѣ милыя, ци напилиси, ци наѣлиси вы?»—Я напилася й наѣлася, я напилася й наѣлася.... «А ты, коза старая, ци напилася, ци наѣлася?»—«Нѣ, дѣдъ, я ни напилася, ни наѣлася: якъ бягла черазъ калиновый мостокъ, ухватила ясеновый листокъ, ли згороды жменячку травы зѣбла, ды лыжачку водзицы выпила. Обѣ тымъ я пила и ѣла!.. Зыплакавъ дѣдъ: «ахъ-жа ты, проклятая! перевела моихъ дочокъ, перевела мою бабу!» Бивъ, бивъ енѣ тую козу, бивъ, бивъ—ажны бокъ облудивъ! ³⁾ Схвативъ яѣ за роги и привязавъ вярочкой къ колесамъ, а самъ причитыецъ: коза моя козла, не козлилась позно! коза моя бѣлая ли згороды бѣгала, а я козу за ногъ, заўтра на торгъ повяду: козу бѣлую продамъ, за три грошики отдамъ! Почула гето коза; оторвалася яна отъ колесъ и побѣгла зъ двора! Бѣгла, бѣгла, забѣгла у лѣсъ. А ў лѣси лисичкина ⁴⁾ хатка. Забѣгла яна у хатку, и полѣзла подѣ печь. Пришла лисичка, чуецъ—нѣхто есь у хатцы. Яна и кажиць: дзень-добрый тому, хто въ гетымъ дому?—Я коза луплена, за три гроши куплена, якъ дамъ копытомъ—опынесся подѣ кутомъ, якъ дамъ рогомъ—опынесся за порогомъ, золотой бородой замяту! Спужалася лисичка, сѣла на завалинку и плачець. Идзець зайчикъ: «кумка-голубка, чаго ты плачешъ?»—Якъ-жа мнѣ ня плакыць: нѣхто у моей хатцы есь.—«Ходзи, кумка-голубка, ци ня выгонимъ мы.» Пришли: дзень-добрый тому, хто въ гетымъ дому?—Я коза луплена, за три гроши куплена. Якъ дамъ копытомъ—опынесся подѣ кутомъ, якъ дамъ рогомъ—опынесся за порогомъ, золотой бородой замяту! Спужався зайка, уцець. Сидзиць лисичка на завалинѣ и плачець. Пришовъ вовкъ: кумка-голубка, чаго ты плачешъ?—Якъ жа мнѣ ня плакыць: нѣхто у моей хатцы есь.—«Ходзи, ци ня выгонимъ мы яго». Пришли: дзень-добрый тому, хто въ гетымъ дому?—Я коза луплена, за три гроши куплена. Якъ дамъ копытомъ—опынесся подѣ кутомъ; якъ дамъ рогомъ—опынесся подѣ порогомъ, золотой бородой замяту! Спужався вовкъ и уцець. Пошла изнова лисичка на завалинку, сѣла и плачець. Идзець мядзвѣдзь: «кумка-голубка, чаго ты плачешъ?»—Якъ жа мнѣ ня плакыць: нѣхто ў моей хатцы есь.—«Ходзи, ци ня выгонимъ мы яго». Пошли и спрашуюць: дзень-добрый тому, хто ў гетымъ дому?—Я коза луплена, за три гроши куплена: якъ дамъ копытомъ—опынесся подѣ кутомъ; якъ дамъ рогомъ—опынесся за порогомъ, золотой бородой замяту! Спужався мядзвѣдзь и уцець. Сидзиць лисичка, плачець. Ажъ во повзець ракъ: кумка-голубка,

чаго ты плачешь?—Якъ жа мнѣ ня плакыць: нѣхто ў мой хатцы есь.—«Пойдемъ, кумка-голубка, ци ня выгонимъ мы съ тобой!»—Идзѣ табѣ, рачикъ, выгныць? Зайчикъ гнавѣ—ня выгнывѣ, вовкъ гнавѣ—ня выгнывѣ, мядзвѣдзѣ гнавѣ—ня выгнавѣ, и ты ня выгонишь.—«Ну, а ўсе-тки ходземъ!» Пошли и спрашуюць: дзень-добрый тому, хто ў гетымъ дому?—Я коза луплена, за три гроши куплена: якъ дамъ копытомъ—опынесся подъ кутомъ; якъ дамъ рогомъ—опынесся за порогомъ, золотой бородой замяту! Ракъ тоды подъ печь, подповзѣ подъ козу, ды якъ щипнець! Якъ побяжиць тая коза съ подъ печи, ды съ хаты, ды ў лѣсъ!... Лисичка накормила, напоила рака, а сама стала жиць ды поживаць, ды добра наживаць.

Ульяновицкая волость стѣн. у.

1) Вар. въ островенской вол. того-же ўѣзда: Живѣ бывѣ старичокъ и старушка, и бывѣ у нѣхъ сынъ и дочка. Вотъ купивъ сабѣ старичокъ козу, и пославъ ея свою дочку пасциць яѣ. 2) Тамъ-же и въ Гомельск. у. коза говоритъ: «Нѣ, дѣдъ, не пила я, не ѣла, только якъ бѣгла черазъ мостокъ—ухватила кленовый листокъ, а якъ бѣгла черазъ гребельку—ухватила воды капельку. Только й пила я и ѣла. Въ ряснянск. вол. сѣни. у. Ня напилася я, ни наѣлася: коло бярозки ходила, бярозовый листокъ хвацала; коло рѣчки ходила, лыжачку водзяцы выпила. 3) Въ Гомельск. у. дѣдъ сталъ рѣзать козу. Рѣзалъ, рѣзалъ, половину бога облупилъ, и ножъ иступилъ. Пошолъ въ кузницу точить, а коза убѣжала. 4) Зайкина хатка. Первая приходила тогда къ зайчику лисица, а выгоняетъ козу пѣтухъ. Сказка о козѣ лупленой—общерусская. См. Афан. II, 285 (позднѣйшая варіація) Терещенко IV, 45, малор. Чубинск. 128. Садовник. 179.

7. Зайкина хатна.

Жили были въ одномъ лѣси лисица и заяць. Жили яны одзинѣ кыло другого близко. Пришла восянь; стало холодно. Уздумали яны сабѣ хатки строиць. Вотъ лисица построила сабѣ хатку съ труску-сняжку, а зайчикъ съ труску-пяску. Прожили зимку, настала вясна; у лисицы хатка растала, и зайчикова выстоила. Пришла лисица, выгннула зайчика, стала сама жиць у яго хатцы. Сядзиць заяка пыдъ бярезою и плачець. Идзецъ вовкъ: чаго ты, заяка, плачешь?—«Якъ жа мнѣ не плакыць: жили мы зъ лисицый близко. Стало холодно; построили мы сабѣ хатки: я сабѣ построивъ хатку съ труску-пяску, а лисица съ труску-сняжку. Настала вясна, яѣ хатка растала, а моя устоила. Яна мяне выгннула зъ мое хатки, и сама цяперѣ живець тамъ. Вотъ я сижу ды плачу. Пособъ горю горяваць!»—«Ну, ходзи, я яѣ выгону! Пришовъ вовкъ, ставъ на порозѣ: выльзай, лиса, вонъ, а то скину съ печи, побью плечи! А лисица ня лѣзець съ печи, ды говориць: мой хвостъ шорсткій—якъ дамъ, дыкъ повалишься! Спужався вовкъ, побѣгъ и заяца кинывъ. Сѣвъ заяць изнова пыдъ бярезиный и плачець. Идзецъ пы ласу мядзвѣдзѣ, увидзѣвъ зайку и спрашыецъ: чаго ты, заяка, плачешь?—«Якъ жа мнѣ не плакыць: жили мы зъ лисицый близко. Пришла восянь; построили мы сабѣ хатки: у яѣ хатка съ труску-сняжку, а ў мяне съ труску-пяску. Настала вясна: лисицына хата растала, а моя устоила. Яна мяне и выгннула, сама тамъ живець, а я сижу ды плачу!» Пособъ горю горяваць!» Вотъ и пошовъ мядзвѣдзѣ лисицу выгоняць. Узыйшовъ на порогъ, а лисица и спрашыецъ: хто тамъ? мой хвостъ шорсткій—якъ дамъ, дыкъ повалишься!

Спужався мядзвѣдзѣ, кинывъ и зайца, ды бѣгчи. Опяць сѣвъ зайка пыдъ бярезой, и жалыбно плачець. Ашъ идзець пы лясу пятахъ. Увидзѣвъ ень зайку и спрашыецъ: чаго ты, зайка, плачешъ? Зайка ставъ жалитца пятаху: «жили мы зъ лисицый близко; построили мы сабѣ хатки: я сабѣ хатку съ труску-пяску, а лисица съ труску-сняжку. Пришла вясна; лисицына хатка растала, а моя устоіла. Яна мяне и выгныла зъ моё хатки.»—Пойду-тка я яё выгоню! Плачець зайка, ня вѣриць. «Идзѣ табѣ, пеця, выгныць? Вовкѣ гнавъ—ня выгнывъ, мядзвѣдзѣ гнавъ—ня выгнывъ!»—Нѣ, ходзі, спробую! Вотъ и пошли. Увыйшовъ пятахъ у хату, ставъ на пороzi и кричиць: я пятахъ-чабятыхъ, на короткихъ ногахъ, на високихъ пятахъ, нясу косу на плячи, хочу лиску засячи. А лисица ляжиць ды кажиць: мой хвостъ шорсткій, якъ дамъ, дыкъ паваліся! Пятахъ скочивъ съ порога на полъ и знова кричиць: я пятахъ-чабятыхъ, на короткихъ ногахъ, на високихъ пятахъ, нясу косу на плячи, хочу лиска засячи! Лисичка отвѣчаецъ: мой хвостъ шорсткій, якъ дамъ, дыкъ паваліся! А пятахъ усе ближе—ближе подходзіць, ды якъ ускочиць на пяколыкъ! А лисица скокъ съ печи доловъ! Пятахъ ікъ ей, а яна за порогъ. А зайка и дзвері зачинивъ. Стали тоды зайка съ пятахомъ удвухъ жиць.

Д. Бутримово, стынн. у.

8. Коза въ орѣхахъ.

Пошовъ козель съ козой въ орахи: козель щипля, коза ѣсть. Нащипали три мяхи, а чатьвертый шалухи. «Коза, коза, ходѣмъ домовъ!»—Нѣ, не пойду!... Нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными.—«Подожджи жъ, коза, нашла я на тябе вовковъ! ¹⁾ Вовки, вовки, идитя козу ѣсти!» ²⁾ Вовки ня йдутъ козы ѣсть, нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными! ³⁾—«Подожджитя жъ, вовки, нашла я на васъ мядвѣда. Мядвѣдъ, мядвѣдъ, иди вовковъ драть!» Мядвѣдъ ня йде вовковъ драть, вовки ня йдутъ козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными!—«Подожджи-жъ, мядвѣдъ, пошла я на тябе стральцовъ ⁴⁾. Стральцы, стральцы, идитя мядвѣда бить!» Стральцы ня йдутъ мядвѣда бить, мядвѣдъ ня йде вовковъ драть, вовки ня йдутъ козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными!—«Постойтя-жъ, стральцы, нашла я на васъ вярówki. Вярówki, вярówki, идитя стральцовъ вязать!» Вярówki ня йдутъ стральцовъ вязать, стральцы ня йдутъ мядвѣда бить, мядвѣдъ ня йде вовковъ драть, вовки ня йдутъ козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными.—«Постойтя-жъ, ⁵⁾ вярówki, нашла я на васъ огонь. Огонь, огонь, иди вярówki палить!» Огонь ня йде вярówki палить, вярówki ня йдутъ стральцовъ вязать, стральцы ня йдутъ мядвѣда бить, мядвѣдъ ня йде вовковъ драть, вовки ня йдутъ козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными!—«Подожджи-жъ, огонь, нашла я на тябе воду. Вода, вода, иди огонь тушить!» Вода ня йде огонь тушить, огонь ня йде вярówki палить, вярówki ня йдутъ стральцовъ вязать, стральцы ня йдутъ мядвѣда бить, мядвѣдъ ня йде вовковъ драть, вовки ня йдутъ козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными!—«Подожджи-жъ, вода, нашла я на тябе воловъ. Волы, волы, идитя воду пить!» Волы ня йдутъ воды пить, вода ня йде огонь тушить, огонь ня йде вярówki палить,

вяровки ня йдутъ стральцовъ вязать, стральцы ня йдутъ мядвѣдя бить, мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдутъ козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными.—«Постойтя-жъ, волю, нашла я на васъ довбнѣвъ. Довбни, довни, идитя воловъ бить!» Довбни ня йдутъ воловъ бить, волю ня йдутъ воду пить, вода ня йде вяровки палить, вяровки ня йдутъ стральцовъ вязать, стральцы ня йдутъ мядвѣдя бить, мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдутъ козу ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными.—«Постойтя-жъ, довбни, нашла я на васъ топоровъ. Топоры, топоры, идитя довбнѣвъ сѣчь!» Топоры ня йдутъ довбнѣвъ сѣчь, довбни ня йдутъ воловъ бить, волю ня йдутъ воду пить, вода ня йде огонь тушить, огонь ня йде вяровки палить, вяровки ня йдутъ стральцовъ вязать, стральцы ня йдутъ мядвѣдя бить, мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдутъ козу ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными.—«Постойтя-жъ, топоры, нашла я на васъ камянѣвъ. Камяни, камяни, идитя топоровъ тупить!» Камяни ня йдутъ топоровъ тупить, топоры ня йдутъ довбнѣвъ сѣчь, довбни ня йдутъ воловъ бить, волю ня йдутъ воду пить, вода ня йде огонь тушить, огонь ня йде вяровки палить, вяровки ня йдутъ стральцовъ вязать, стральцы ня йдутъ мядвѣдя бить, мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдутъ козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными.—«Постойтя-жъ, камяни, нашла я на васъ чарвей. Черви, черви, идитя камянѣвъ точить!» Черви ня йдутъ камянѣвъ точить, камяни ня йдутъ топоровъ тупить, топоры ня йдутъ довбнѣвъ сѣчь, довбни ня йдутъ воловъ бить, волю ня йдутъ воду пить, вода ня йде огонь тушить, огонь ня йде вяровки палить, вяровки ня йдутъ стральцовъ вязать, стральцы ня йдутъ мядвѣдя бить, мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдутъ козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными.—«Постойтя-жъ, черви, нашла я на васъ курей. Куры, куры, идитя чарвей дюббаты!» Куры ня йдутъ чарвей дюббаты, черви ня йдутъ камянѣвъ точить, камяни ня йдутъ топоровъ тупить, топоры ня йдутъ довбнѣвъ сѣчь, довбни ня йдутъ воловъ бить, волю ня йдутъ воду пить, вода ня йде огонь тушить, огонь ня йде вяровки палить, вяровки ня йдутъ стральцовъ вязать, стральцы ня йдутъ мядвѣдя бить, мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдутъ козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными.—«Постойтя-жъ, куры, нашла я на васъ коршука. Коршукъ, коршукъ, иди курей драть!» Коршукъ пошовъ курей драть, кури пошли чарвей дюббаты, черви пошли камянѣвъ точить, камяни пошли топоровъ тупить, топоры пошли довбнѣвъ сѣчь, довбни пошли воловъ бить, волю пошли воду пить, вода пошла огонь тушить, огонь пошовъ вяровки палить, вяровки пошли стральцовъ вязать, стральцы пошли мядвѣдя бить, мядвѣдь пошовъ вовковъ драть, вовки пошли козу ѣсть: ѣсть коза съ орѣхами, ѣсть коза съ калеными! ⁶⁾).

Рогачевскій у.

Варианты въ другихъ у. ў. 1) Пошовъ козелъ у лычки, коза увъ орѣшки. Пришовъ козелъ изъ лычакъ, нема козы съ орѣшакъ. Постой-жа, коза, нашла на тябѣ вовка.... Или: Пошовъ козелъ у грибки, козычка въ орѣшки. Пришовъ козелъ изъ грибовъ, нѣтъ козы съ орѣшкывъ. Постой-жа, коза, нашла на тябе вовка. Вовкъ ня йдетъ козы ѣсть, коза ня йдетъ лозы ѣсть,—нѣтъ козы съ орѣшкывъ! 2) Козу гнать, Или: козу рѣзать.

3) Вовкъ ня йдетъ козы рѣзать—козы не зарѣзавъ. 4) На медвѣдя насылается огонь: «огонь, огонь, иди медвѣдя смолить!» Огонь-же насылается и на камень: «иди камянь жарить!» Въ одн. вар. на медвѣдя насылается дубъ: «иди медвѣдя бить!» Стрѣльцы тогда не упоминаются; на дуба насылаются тоноры, на воловъ довбни, на довбни черви. 5) Обращеніе козла варьируется: Ахъ, постояце, волы ... Ахъ, постоя жа, огонь! Или: Вы, постойтетка, стральцы... Ты, постояка, медвѣдь!.... 6) Вовки пошли козу гнать: есь коза съ орѣхами, есь коза съ орѣхами. Или: пришла коза съ орѣшакъ! Вовки пошли кызу ѣс, кыза пышла лозу ѣс: пришла кыза съ орѣшкывъ! Или: Вовкъ пошовъ козу рѣзать—козу и зарѣзавъ. Или: Вовки идуть козу ѣсть: за козу—да у лозу!...

Не излишне замѣтить, что мѣста, повторяющіяся въ сказкѣ нѣсколько разъ, произносятся на *распѣвѣ*, напр. ку—ры ня й—дуть чар—вей дюв—бать, чер—ви ня й—дуть ка—мя—невъ то—чи—тъ и т. д.

9. Мыши и сочивна.

Живъ сабѣ дѣдъ изъ бабой, ѣвъ хлѣбъ съ папой ¹⁾, ѣвъ хлѣбъ съ овсомъ, забивъ бабѣ ковшомъ! Посѣявъ дѣдъ сочивку ²⁾. Выросла сочавичка богатая. Ставъ дѣдъ сочавичку молотить да ѣ мѣшокъ сыпати. Сыпавъ, сыпавъ—трошку сочавички на ѣлѣзю у мѣхъ. Што тутъ дѣлати? Пошовъ дѣдъ по мышей: «мыши, мыши, идитя сочавицы ѣсти!»—Нѣ, ня пойдомъ!—«Ну, постоятя-жь: нашлю я на васъ котовъ. Коты, коты, идитя мышей ѣсти!»—Нѣ, ня пойдомъ!—«Ну, погодитя, коты ³⁾: я нашлю на васъ собакъ. Собаки, собаки, идитя котовъ кусать!»—Нѣ, ня пойдомъ!—«Ну, погодитя-жь, нашлю я на васъ вовковъ. Вовки, вовки, идитя собакъ ловить!»—Нѣ, ня пойдомъ! «Ну, нашлю-жь я на васъ стралцовъ. Стралцы, стралцы, идитя вовковъ бить!»—Нѣ, ня пойдомъ!—«Ну, постоятя-жь: нашлю я на васъ вярововъ. Вяровки, вяровки, идитя стралцовъ вязать!»—Нѣ, ня пойдомъ!—«Ну, погодитя, вяровки, нашлю я на васъ огню. Огонь, огонь, иди вяровки палить!»—Нѣ, ня пойду!—«Ну, подожджи, огонь: я на тебе воду нашлю. Вода, вода, иди огонь лить!»—Нѣ, ня пойду!—«Ну, погоди жъ, вода: я на тебе воловъ нашлю. Волы, волы, идитя воду пить!»—Нѣ, ня пойдомъ!—«Ну, погодитя, волы: я нашлю на васъ довбешакъ. Довбешки, довбешки, идитя воловъ бить!»—Нѣ, ня пойдомъ!—«Ну, постоятя-жь: довбешки: я на васъ чарвей нашлю ⁴⁾. Черви, черви, идитя довбешакъ точить!»—Нѣ, ня пойдомъ!—«Ну, постоятя-жь, черви: я на васъ курей нашлю. Куры, куры, идитя чарвей клювать!»—Нѣ, ня пойдомъ.—«Ну, постоятя-жь, куры: я на васъ коршиковъ нашлю. Коршики, коршики, идитя курей драть!»—А вотъ идомъ! Коршики идуть курей драть, ⁵⁾ куры идуть чарвей клювать, черви идуть довбешки точить, довбешки идуть воловъ бить, волы идуть воды пить, вода иде огню лить, огонь иде вяровки палить, вяровки идуть стралцовъ вязать, стралцы идуть вовковъ бить, вовки идуть собакъ ловить, собаки идуть котовъ кусать, коты идуть мышей ѣсть, мыши идуть сочивку точить. Точили, точили—поточили, сочивка и ѣлѣзла ѣ мѣхъ.

Гом. у.

1) Игра словъ: папа-хлѣбъ. 2) Въ сѣнн. у. «дѣдъ посѣявъ грачиху». 3) Тамъ-же: пыгодзи пѣ, котъ: я на цябе голень нашлю. Голень, идзи кыта биць!—Нѣ, не пойду!—«Пыгодзи пѣ, голень, я на цябе нашлю кызу. Кыза, идзи голень грызди!»—Нѣ, не пой-

ду!—«Ну, пыгодзи-штъ, кыза: нашлю я на цябе вовка!».... 4) Тамъ же, дѣдъ насылаетъ на довбешку топоръ, на топоръ камень, на камень червей. 5) Коршунъ якъ ставъ курей церабиць, куры якъ стали чарвей кляоваць..... вовкъ якъ ставъ кызу ёсци, кыза якъ стала голень грызци, голень якъ ставъ кыта биць, котъ якъ ставъ мышпей душиць, мышпи якъ стали грачиху точиць! Пытачили—и грачиха улѣзла у мѣхъ. Въ оршанскомъ у. сказка начинается такъ: «Пошовъ верабей на шумецца. Выколавъ енъ тамъ б'линку. Б'линка, б'линка, поколыши мяне!—Нѣ, не поколышу! «Ну, пыгодзи, б'линка: я на цябе козъ нашлю. Козы, козы, идзце б'линку глодаць!»—Нѣ, не пойдземъ! «Ну, постойце жъ, козы, я на васъ вовговъ нашлю!» И т. д. Окончаніе: «Коршунъ пошовъ курей драць, куры пошли чарвей кляоваць..... вовки пошли козъ душиць, козы пошли б'линку глодаць, б'линка стала верабѣя колыхаць».

10. Вовкъ и собака.

Коли у воднаго ходяина бывъ дужа старэй собака; такой старэй, што ужо и брахаць ня ўздолѣвъ. Ходяинъ ня ставъ любийцъ собаки, и ня дававъ яму ёсци. Собака отрокся ходяина и пошовъ упрочки. Идзецъ енъ и плачець. Стрѣвъ яго вовкъ и кажиць: чаго ты плачаешъ!—Якъ жа мнѣ ня плакаць: ходяинъ ня ставъ мяне любийцъ, и ёсь ня даецъ, што я старъ ставъ, брахаць ня ўздолѣю.—«А што, ци добро цяперъ табѣ? А ўпяродъ ты, якъ бывъ молодэй, ня пускавъ мяне близко къ дому. Тоды цябе и ходяинъ любивъ!»—Што-жъ робиць: цяперъ такой свѣтъ ставъ, што ня помнюць старэя хлѣбъ-соли.—«Ну, али я-жъ табѣ помогу. Якъ тольки выйдучъ жонки твоего ходяина у поле жаць, ды положучъ дзяценка у люльцы, дыкъ я яго выхвачу и побягу у лѣсь. А ты бязи мяне догоняць; а табѣ дзяценка и отдамъ.» Ну, вотъ, вышли жонки жаць, поклали дзяценка у люльцы. Вовкъ поткрався и выхвацивъ дзяценка, ды ў лѣсь. Жонки спужалися, стояць, плачучъ. Ажъ во, откуль узявся старэй собака, и побѣгъ догоняць вовка. Тѣй отдавъ яму дзяценка, а собака и принесъ яго къ жонкамъ. Матка рада, сичасъ дала собаку молока, накрыпила хлѣба.... Пошли жонки домовъ, рассказали, што здѣялося, тоды ходяинъ узнова ўзявъ къ сабѣ собаку. Ну, ўзявъ, дыкъ узявъ, али ўсетки дренно яго кормивъ. Сусимъ собака зъ голову звѣвся, и ногъ не поволочець. Пошовъ енъ у лазню, ды й ляжиць тамъ цыхынько. Ажны приходзиць туды вовкъ: «А, здоровъ, якъ маецься? Ци добро цяперъ табѣ?»—Якое, добро! Чуць-ня-чуць ноги волочу. У ходяина сягоня вяселья гуляюць, а мнѣ, бѣдному, пришлось зъ голоду здохнуць.—«Ци заправды, сягоня вяселья?»—«До души-жъ, правда!»—«Пойдемъ и мы на вяселья, поживимся!»—Воюсь, набьюць.—«Нѣ, пойдземъ!»—Якъ жа-жъ мы у хату ўлѣземъ, коли дзвери зачиняты?—«Цяперъ-жа уси п'яные, дзвери, мусиць, наўсцяжъ стояць. Ты цыхынько подъ ноги людземъ уциснися, ды хвостомъ свѣточъ пували,—я й ўскочу. И будземъ тамъ житца: ты будзешъ ёсци блинцы ды пироги, а я мясо ды косци!» Здався собака на вовчія словы, и пошли. Уциснявся собака подъ ноги людземъ, пуваливъ хвостомъ свѣточъ, вовкъ и ўскочивъ. Посѣли яны: собака подъ столомъ, а вовкъ у куцѣ подъ лавкой ¹⁾ Людзи п'яные сидзяць за столомъ, ды ня сь-умысла цѣлыя скибки пироговъ, блинцы, мясо, роняюць доловъ, а яны тамъ подбираюць: собака ёсь блинцы ды пироги, а вовкъ мясо ды косци. Наѣлись досыць. Вовкъ и говориць: «якъ бы цяперъ

примыслиць напѣтка!» Поповъ собака по подлавечку и знашовъ бутлю зъ горѣлкой. Вовкъ и кажець собаку: «няси суды! выпьемъ по чарцы: у головѣ повсяялѣець!» По-слушавъ собака вовка; принесъ бутлю и потрѣбку выпили. Вотъ яны сидзяць, ды зюкаюць, ды горѣлочку попиваюць. И захмялѣли. Вовкъ и говориць: «ци знаешь, братъ, што я надумався?»—А што ты надумався?»—«Я надумався, кабъ мы запѣ-ли!»—«Нѣ, ня пѣй тутъ, пропадзешъ!»—«Нѣ, ня ўцерплю, буду пѣць.» Собака здав-ся и говориць: ну, починай пѣць.—«Нѣ, ты починай—мой голосъ товстѣй!»—«Нѣ, ты! Довго яны такъ вожджались, алитки собака вовка перамогъ. Вовкъ ставъ пѣць, за-вывъ, а собака подводзиць: пѣвъ, цѣвъ, цѣвъ! И людзи пѣюць; и яны пѣюць. ⁵⁾ Ды ўсетки людзи ихъ почули, попужались, кричаць: ага, ту! ага, ту! Кто за кочаргу, хто за вилки, хто за помало—давай пратаць вовка ды собаку! Чуць съ хаты яны выбягли. Пошли яны назадъ у лазню, ды завалились спаць. Выспались; собака ставъ жалитца вовку: ахъ, якъ моя голова болиць!»—«Ничо́го, прѣйдець: съ похмелья у ўсякаго болиць голова!».... Ну, послѣ гэтаго, вовкъ прощаецца съ собакомъ: «ну, што жъ ты будзешъ цяперъ робиць?»—«Ахъ, я и самъ ня вѣдую: кабъ хто хуць ко-жи прине́сь, можа бъ я и списнувъ кому боцѣнки якея нибудзь.»—«Добро, я принясу табѣ кожи: зроби мнѣ боты. Ды якей кожи?»—«Ды приняси ўжо хуць яловку-коро-ву, дыкъ я и пошю табѣ боты! Вовкъ побѣгъ, и приносиць половину коровы: «ко-ли жъ прици за ботами?»—А дни черазъ три.. Убравъ собака тую корову три дни. Приходзиць вовкъ: «ну што, ци готовы боты?»—«Готовы-то, готовы; ды кабъ ты при-несъ мнѣ яшо порадошнаго барашка! Нехай бы было такъ, якъ у блугуродныхъ лю-дзей: обложаны халавы барашкомъ. Вовкъ пошовъ, и приносиць барана: «ну коли-жъ будуць готовы боты?»—А дни черазъ два! Вовкъ пошовъ, а собака два дни убравъ барана. Черазъ два дни приходзиць вовкъ: «отдавай боты!»—«Ци вѣдыешъ, братъ, што: пошивъ я табѣ боты, ды повѣсивъ на круку, кабъ табѣ отдаць, а самъ пошовъ вы-лицъ кватэрку горѣлки. Приходжу—а нѣхто узьявъ ды укравъ! ^{*}) Тоды вовкъ ка-жець: «добро, я табѣ гето не дарую, я съ тобой буду судитца!» ²⁾ Собака здався. «Вари-жъ сабѣ свѣтокъ и приходзи на такей-то дзень на тую гуру, што выросло три дубы, на судъ!» И разыйшлись. Вовкъ узьявъ сабѣ за свѣтокъ мядзвѣдзя и дзикаго парсюка, а собака пошовъ зваць сабѣ за свѣтку Дзянисоваго собаку. Тѣй кажець: мой ходяня сятоня молоцывъ, мнѣ треба пилнуваць кучи. Идзи къ Рыгоровому соба-ку! Пошовъ енъ туды, и тѣй отказався: идзи, кажець, къ Марцинковой сучцы: яна кривая и заўсѣгды безъ работы, яна пойдзець! Пошовъ енъ, позвавъ сучку. Сучка пошла. Тоды енъ позвавъ ката ды пятуха. ³⁾ И пошли на судъ. А мядзвѣдзѣ узлѣвъ

^{*}) Вар. Волкъ, по требованію собаки, приноситъ прежде козла «на передки ды на халавы,» потомъ быка «на подомвы ды на подметки,» наконецъ, «жирнаго панскаго парсюка, кабъ было чимъ вымазаць боты,» Все, принесившееся волкомъ, «собака што самъ зывъ, дыкъ зывъ, а што зазавъ родню ды роднѣ отдавъ.» На этомъ основаніи собака впо-слѣдствіи звала родню въ свѣтки. Тѣ отказались: мы-де не просили тебя звать насъ на угощеніе.... Въ послѣдній приходъ волкъ спрашиваетъ: «ци готовы боты?» Собака отвѣ-чаетъ: ды, братъ, готовы и помазаны. Ды ци вѣдаешъ што: помазавши, устновивъ я ихъ у коминъ сушиць. А жонка топила печку, ды й спалила.... Мѣстомъ для суда волкъ на-значаетъ «важикій мохъ».

на дуба, пылядзѣць, ци йдзець собака на судѣ. Ажъ видзиць: идучь собаковы свѣтки; котъ угору хвостъ задравъ, пятухъ палець, а кривая сучка идзець по дорози, ды ўсё—шталгикъ, шталгикъ! Мядзвѣдзъ спужався и кажець вовку ды парсюку: пылядзѣце-тка, якая яго свѣтки: одзинъ кричиць, другой ніку нясець, а одзинъ ўсе каменныя собираець. Вотъ коли намъ уздадучь! Давай тоды яны ховатца: мядзвѣдзъ яшчэ вышэ полѣзъ, парсюкъ ⁶⁾ у мохъ закопався, толькі хвосцікъ выдаць, а вовкъ у болото падъ кустъ. Приходзиць собака съ своими свѣтками; пылядзѣць, ажны нікого нема. Сѣли яны, ждуць. Вотъ парсюкъ лежавъ, лежавъ падъ мохомъ ды й ставъ хвостомъ шаволицъ. Котъ подумаць, што гето мышъ шаволитца, ды цапъ за хвостъ! А парсюкъ якъ ускочиць, якъ чухнець, якъ побяжиць! Котъ зляку ды на дуба, а мядзвѣдзъ думынець, што гето по яго, ды зъ дуба доловъ, ды якразь на вовка. И давай уси уцекаць! Такъ яны ўсѣхъ и разогнали. ⁴⁾ И не было ніякого суду.

Д. Коровичи, стынн. у.

Вар. 1) Процисвылизи яны падъ ноги людзѣмъ, ды падъ печь. Тоды субака пуваливъ хвостомъ свѣтыць, ды на столъ. Набравъ, набравъ тамъ пироговъ, мяса, горѣлки, ды падъ печь. Вотъ и стали яны пиць и ѣсць.... 2) Собака, въ благодарность за помощь, общала позвать волка на веселье. «Якъ толькі начнетца вяселья, я выйду за гумно и завую. Тоды ты приходи. Вотъ, якъ началось вяселья, субака вышувъ за гумно и завывъ. Вовкъ и прыбѣгъ....» Тенерь, когда волка на весельѣ побили, онъ чувствуетъ себя обиженнымъ: «Я табѣ гетаго не подарю, што ты мяне позвавъ на вяселья, ды чучъ мяне не забил: будземъ судзѣцца. 3) Свѣтками собаки бывають и котъ да козель. Тогда медвѣдъ, наблюдавшій на дубѣ, говоритъ: Идзець енъ зъ дѣдомъ, ды штыхомъ; яны насъ позаколюць; будземце-тка хуватца!» 4) Медвѣдъ, свалившій съ дуба, убилъ, волкъ и парсюкъ убѣжали. «Собака пришовъ и давай ѣсць мядзвѣдзя. Ъвъ, ѡвъ, обѣвѣся, и самъ тамъ здохъ. Ср. Асан. II, 75, Мѣсто волка занимаетъ медвѣдъ. Послѣ вечеринки медвѣдъ убѣжалъ. О судѣ нѣтъ упоминанія, но прибавленъ эпизодъ о старой кошке, прогнанной хозяевами. 5) Эпизодъ этотъ разсказывается и такъ. Вовкъ ушівся и собака упівся. Вотъ, якъ толькі музыка зайгравъ на скрипку, вовкъ и говориць собаку: слухай, братъ! я ня уцерплю, заплю, бо дужа красиво йграюць! И запѣвъ. Госци вясельные почули..... 6) Парсюкъ замѣняется барсюкомъ и барсюкомъ.

11. Дѣдъ да баба и вовкъ.

Живъ сабѣ дѣдъ да баба. И была у ихъ унучка, сучка, семярко овецъ, и быкъ половець. Прочувъ объ етымъ вовкъ. Пришовъ енъ къ имъ подъ окно, и запѣвъ свою пѣсню: «ууу, ууу! ууу! подыйду подъ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдъ да бабка—унучка, сучка—семярко овецъ и быкъ половець!» Баба и кажа: дѣдка! хорошо пѣе! нумъ, мы овечачку яму отдадимъ! Отдали вовку овечку. Ёнъ за гору, за гору, да й зѣбъвъ овцу. На другій день подыхода изновъ подъ окно: «Ууу! ууу! ууу! подыйду подъ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдъ и бабка—унучка, сучка—шестярко овецъ да быкъ половець!»—Ай, дѣдка! якъ енъ хорошо пѣе! Нумъ, мы ще одну овечачку дадимъ! Дали вовку и другую овечку. Ёнъ за гору, за гору, да й зѣбъвъ. На другій день прихода за третью овечкой. Подыйшовъ подъ окно и пѣе: «ууу! ууу! ууу! подыйду подъ гору—на той горѣ—со-

лома на хатка—у той хатцы дѣдъ и бабка—унучка, сучка—пятерко овецъ и быкъ половецъ!»—Дѣдка! якъ хорошо пѣе! Нумо, дадимъ яму еще одну овечку! Дали и ще одну овцу. Вовкъ за гору, за гору, да й зѣвъ. На другій день изновъ иде подѣ окно и пѣе свою пѣсню: «уу! уу! уу! подыйду подѣ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдъ и бабка—унучка, сучка—четверко овецъ и быкъ половецъ!»—Нумо, дѣдка, дадимъ яму ще одну овечачку: бачъ, хорошо пѣе! Дали изновъ овцу. Вовкъ за гору, за гору, и зѣвъ. Назаўтраго изновъ иде подѣ окно: «уу! уу! уу! подыйду подѣ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдъ да бабка—унучка, сучка—тройко овецъ и быкъ половецъ!»—Бачъ, дѣдка, якъ хорошо пѣе! нумъ мы дадимъ яму ще овечачку! Дали вовку ще одну овечку. Ёнъ за гору, за гору, и зѣвъ овцу. На другій день опять подыхода подѣ окно и пѣе свою пѣсню: «уу! уу! уу! подыйду подѣ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдъ да бабка—унучка, сучка—двойко овецъ и быкъ половецъ!» Баба кажа: дѣдка! хорошо пѣе! нумъ-тя ще одну овечку дадимъ! Дали ще одну. Вотъ, и тую зѣвъ за горой. А назаўтраго изновъ иде, заводя свою пѣсню: «уу! уу! уу! подыйду подѣ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдъ и бабка—унучка, сучка—одна овечачка ды быкъ половецъ!»—Дѣдка, хорошо пѣе! дадимо ўже и етую овечачку. Узяли и отдали послѣднюю овечку. На другій день прихода ўже за воломъ: «уу! уу! уу! подыйду подѣ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдка да бабка—унучка, сучка, и быкъ половецъ!» Отдали яму ўже и вола. Вовкъ за гору, за гору, и зѣвъ вола. И самъ изновъ иде подѣ окно: «уу! уу! уу! Подыйду подѣ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдка да бабка—унучка, и сучка!»—Дѣдка, хорошо пѣе! Нумъ-тя ще и сучку отдадимъ! Дали вовку и сучку. Ёнъ и тую зѣвъ за горой. А на другій день зновъ прихода: «уу! уу! уу! подыйду подѣ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдъ и бабка, да ўнучка!»—Ну, што, дѣдъ? Нумъ, и ўнучку отдадимъ! Нечого дѣлать: отдали и ўнучку. Вовкъ зѣвъ унучку, а на другій день прихода и за бабой: «уу! уу! уу! подыйду подѣ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдъ и бабка!» Ничѣго тутъ дѣдъ не подѣлавъ: отдавъ вовку и бабу; оставсь одинъ житъ.

С. Переростъ, юм. у.

12. Вовкъ дурень.

Живъ сабѣ одзинъ старикъ. И було у яго три сыны. Тоды гыя сыны не захоцѣли боли кормиць бацьки, уклали яму у торбу хлѣба ды сала кусокъ и выпихнули яго вонъ за порогъ. Ёнъ и пошовъ у свѣтъ. На дорози у яго ды й разулася нога. Знявъ енъ торбу и ставъ подбуваць. Бажиць вовкъ, почувъ сало, ды кажець: дай мнѣ сала зѣсь! А старикъ кажець: ахъ ты, католикъ *) ты! гэта жъ пятница—постъ! Скульля зѣжъ! Вовкъ и побѣгъ. Пробѣгъ три пядзи—видзиць, ходзиць тамыцьки быранъ зъ агненкымъ. «Быранъ, а быранъ! я абы цябе зѣмъ, абы твоего агненка!» Тоды быранъ кажець: нѣ, вовкъ, ня ѣжъ! Ты у мяне будзешъ за кума. Идзи ды сядзь на

*) Въ сѣм. у. „католикъ“, въ гомельск. «полякъ»—бранныя слова.

камни: я разбегусь, такъ табѣ ягненка у ротъ и ўкину! Вовкѣ побѣгъ и сѣвъ на камни. А быранъ разбѣгся, ды якъ удариць вовка у морду рогами!.... Такъ енъ и завалился съ камня. А быранъ зъ ягненкомъ уцѣли. Прочхнувся вовкѣ и заплакывъ: ци ня дурень я, вовкѣ? ци не католикъ я, вовкѣ? Чаму я ў пятницу сала ня ѣвъ? Чаму я бырана гэтаго ня ѣвъ? Ну, цяперъ пыбягу: кого ўстрѣну, того и зѣмъ!.... Бяжиць вовкѣ, ажъ видзиць—ходзюць гуси. Енъ тоды подбѣгъ къ имъ и кажець: гуси, гуси я одну зъ васъ зѣмъ! Тоды гуси кажущъ вовку: нѣ, вовкѣ, ня ѣжъ ты насъ: ты у насъ будзешъ за кума! Идзи ды сядзъ на ўзмежку; раскрый ротъ, мы табѣ сами у ротъ улячимъ! Вовкѣ поповъ сѣвъ на ўзмежку, а гуси пиднялись и пыляцѣли оттуля. Уставъ тоды вовкѣ и заплакывъ: ци ня дурень я, вовкѣ? ци не католикъ я, вовкѣ? Чаму я ў пятницу сала ня ѣвъ? Чаму я бырана ня зѣвъ? Чаму я гѣтыхъ гусей ня ѣвъ? Ну цяперъ пыбягу, кого сустрѣну, того и зѣмъ! Бяжиць вовкѣ, видзиць—ходзиць кобыла раскамарка изъ жырябенкомъ. «Кобыла, кобыла! я абы цябе зѣмъ, абы твойго жырябенка!»—Нѣ, ня ѣжъ, вовкѣ! Ты у мяне будзешъ за кума. Возьми пераличи у мяне ў хвостѣ волосы: я сама къ табѣ у ротъ улѣзу! Вовкѣ узаявъ хвостъ у зубы, и ставъ пы волосу отличаць лапами. А кобыла якъ хлѣсьнець вовку у бокъ копытами—ажъ енъ догоры перяжулился! А кобыла съ жырябенкомъ и побѣгла. Прочхнувся вовкѣ послѣ гэтаго хмелю, уставъ..... «Што за лихо? бокъ болиць!» Енъ глядзъ—ребра нема! Тоды самъ сабѣ думынець: ци ня дурень я, вовкѣ? ци не католикъ я, вовкѣ? Чаму я у пятницу сала ня ѣвъ? Чаму бырана ня зѣвъ? Чаму я гусей ня ѣвъ? Чаму я кобылы ня ѣвъ? Ну, цяперъ пойду, кого сустрѣну, того и зѣмъ! Бяжиць вовкѣ, а на сустрѣчу идзець чаловѣкъ. Тоды вовкѣ кажець: «я цябе, чаловѣкъ, зѣмъ!»—Ну што-жъ робиць, ѣжъ сабѣ! Сидземъ у тутъ на пни, понюхаемъ табаки: я-жъ яе у послѣдній разъ бачу!—«Ну давай!» Сѣли яны: вовкѣ на днымъ пни, чаловѣкъ на другимъ, и стали нюхыць табакъ. Вотъ чаловѣкъ съ одныѣ руки даець вовку табаки, а другую руку заложивъ назадъ, и вынявъ зъ за пояса сякеру, ды якъ сѣканецъ по хвосту—такъ и отсѣкъ. Вовкѣ побѣгъ, и ставъ звыриць. Звыривъ, звыривъ—якъ стали собиратца къ яму вовки: перво одзинъ, али другій, али третій..... Спужався чаловѣкъ и полѣзъ на сосонку. А вовки ўсе збираютца: одна стада, другая стада, третья.... Ящо боли спужався чаловѣкъ, сядзиць, трясетца. Стали вовки становитца ли сосны одзинъ *на другій*, и такъ до самыя макушки, а куса на самый верхъ. Тоды чаловѣкъ якъ стукнець пы соснѣ тыпоромъ—вовки ўси объ землю. Звалились ды й кажущъ: ну, кому пы кому, а куси два комы! И полѣзли ояць. Лѣзли, лѣзли, тѣй узнова ударивъ тыпоромъ—яны звалилися: ну, кому пы кому, а куси два комы! И узнова полѣзли. И такъ яны валилися разовъ зъ дзесяць. Ажъ ѣдзецъ тутъ сивяньскій старичокъ, на сивяньскимъ конику, и вязецъ булку хлѣба сивянькаго—якъ сонца! И давай раздаваць гѣтый хлѣбушка вовкамъ: давъ одному, другому, третьему..... И по раздавъ гѣтый хлѣбъ вовкамъ, а корнохвостому не давъ, кусочекъ покинувъ. Тоды гѣтый корнохвостый вовкѣ говориць сивянькому старичку: а гѣто кому?—А гѣто тому, што сядзиць на соснѣ! Ды й кажець тому чаловѣку: Злѣжай-ка доловъ! На табѣ кусочакъ хлѣбца: вѣрно ты дужа ѣсъ хочешъ! Тый чаловѣкъ злѣзъ доловъ и ўзявъ тро-

ху хлѣбца. Тоды сивянькій старичокъ поѣхавъ, за имъ побѣгли и вовки, а чаловѣкъ пошовъ у дворъ. Вотъ енѣ пришовши, накормивъ гѣтымъ хлѣбомъ дзяцей, самъ подѣвѣвъ, а хлѣба ўсе однаково, ўсе ня ўбываецъ. И бывъ гѣтый чаловѣкъ дужо обѣднѣй. Вотъ енѣ пошовъ къ быгатуму сусѣду и кажець: «будземъ обѣдныцъ, трыя страва, а мой хлѣбъ!»—Будземъ сабѣ. Идзѣ гѣто ты такъ хлѣба набравъ?... Сѣли обѣдныцъ. Ъли, ѣли, а хлѣба ўсе ня ўбываецъ. Вотъ быгатый сусѣдъ и пристае къ гѣтому, обѣдному: идзѣ, ды идзѣ ты узавъ такого хлѣба? Тый яму ўсе и рызкавае. Зыхоцьлось быгатуму такого хлѣба. «Пойду и я сяду на сосну!» Пошовъ и сѣвъ на сосну. Стали собиратца вовки. Ажъ идзець сивянькій старичокъ на сивянькимъ конику и ставъ раздаваць вовкамъ сивянькій хлѣбъ. Усимъ давъ, а одному не давъ. Тоды гѣтый вовкъ кажець: а мнѣ?—А табѣ того, што на соснѣ сядзиць! Подѣзли тоды вовки на сосну, достали того быгатаго и раздзерли.

Д. Новоселки, латышов. вол., стѣнн. у.

Подъ названіемъ: «Волкъ дурецъ» у Азан. (в. IV стр. 50) помѣщена сказка о волкѣ, откормившемъ старую собаку, и обманутомъ, затѣмъ, козломъ и свиньею. Гораздо больше сходства имѣетъ наша сказка съ нѣмецкою «Счастливый день волка» (Des Wolfes glücklicher Tag). Волку, лежавшему въ берлогѣ и не думавшему выходить въ тотъ день на промыселъ, лиса сказала, что сегодня для него счастливый день. Волкъ на основаніи этихъ словъ вышелъ. Первая встрѣча его была съ ворами, несшими сало. Увидѣвъ волка, воры бросили сало и убѣжали. Волкъ однакоже не ѣлъ сала, т. к. былъ натошакъ и боялся цѣлый день мучиться жаждой. Затѣмъ, онъ встрѣтился съ кобылой, съ свиньею, съ двумя козлами и съ стадомъ овецъ. Всѣ ему льстили и всѣ его жестоко обманывали. Въ довершеніе всего, возвратившись вечеромъ къ тому мѣсту, гдѣ было оставлено утромя сало, онъ не нашолъ его: сало было утащено лисою. См. Чубинск. 125.

13 Свинья и вовкъ.

Была у мужучка свинья, ни хвора, ни больна. Повадзилась яна у овесъ, ўси цвяточки позыдала, ўсю соломку поломала. Почуло свинное вухо, што сыто свинное брухо. Идзець свинья домой, ажны ляжиць вовкъ пидъ мяжой. Свинья и патаецъ: хто тутъ ляжиць, отъ мяне не бяжиць? Вовкъ свиньѣ отвѣчаецъ: я тутъ, вовкъ, ляжу, отъ цябе не бяжу. Свинья молчала, просилася, на ўколяны становилася: ня ѣжъ мяне, вовкъ! Вовкъ свиньѣ отвѣчаецъ: будецъ и табѣ, свинья, конецъ! Свинья яму отвѣчаецъ: я заўтра ўрани приду, дванатцаць поросятъ привяду! Не ставъ вовкъ боли свиньи слушаць: якъ узавъ яе за шарсцинку, якъ ударивъ объ мяжынку! Зѣвъ свинку и помянувъ усю яе родзинку.

С. Рясна, стѣнн. у.

Ср. Азан. IV, 53 и 115 з. Въ III в. 22 то же произведеніе, въ редакціи Якушкина, съ присоединеніемъ разсказа о лисѣ и пѣтухѣ.

14. Собаки, кошка и мыши.

Жили ўмѣсці субаки и кошка. Поѣхали субаки у Вильню на судъ, а свое дворацкія паперы отдали пухуваць кошцы: «кошачка, ты застаецься у доми хозяйкой:

пухувай наши паперы!»—Добро, кажець кошка: схуваю! Субаки отъѣхали, а кошка стала пераглядаць паперы. Видзиць—сусимъ яны сырыя, ажны позапльснѣли. Яна и положила ихъ перасушиць на бѣминѣ. Дзѣ ўзялися мыши—и погрызли тыя паперы. Пріѣхали субаки зъ Вильні—нема паперъ: пропали дворанскія правы!.... Съ тыхъ-само поръ субаки ня любюць кошаць, а кошки мышей.

С. Пустынки, стнн. у.

Собачій паспортъ Драг. 197.

15. Быкъ, парсюкъ, козелъ, гусакъ, и пятухъ.

Зимовыя звырэй.

Живъ сабѣ дзѣдъ изъ бабой, и бывъ у нихъ одзинъ сынъ-Иванька. Вотъ баба померла. А сынъ выросъ; и задумаваъ енъ жанитца, и говориць: «тата, тата, жани мяне!»—Сынокъ, сынокъ, мяса нема!—«Тата, тата, бычка зарѣжъ!»—Сынокъ, сынокъ,—побѣгъ у лѣсъ.—«Тата, тата, жани мяне!»—Сынокъ, сынокъ, мяса нема!—«Тата, тата, парсючка заби!»—Сынокъ, сынокъ,—парсюкъ лыць задравъ, и ў лѣсъ убѣжавъ.—«Тата, тата, жани мяне!»—Сынокъ, сынокъ, мяса нема!—«Тата, тата, козла зарѣжъ!»—Сынокъ, сынокъ—козелъ задравъ хвостъ, и ў лѣсъ ўтекъ.—«Тата, тата, жани мяне!»—Сынокъ, сынокъ, мяса нема!—«Тата, тата, гусучка зарѣжъ!»—Сынокъ, сынокъ—гусачокъ поляцѣвъ у лясокъ.—«Тата, тата, жани мяне!»—Сынокъ, сынокъ, мяса нема!—«Тата, тата, пятюшка зарѣжъ!»—Ну цыць, сынокъ, пятухъ на курсадни сядзиць. Пойду, зарѣжу, и справлю табѣ, сынокъ, вяселья! Тольки надо ножъ найстриць!.... Найстривъ дзѣдъ ножъ и полѣзъ пятуха рѣзати. Пятухъ якъ увидѣвъ дзѣда изъ нѣжомъ,—спужався: поднявся на крылыхъ и ў лѣсъ поляцѣвъ. Дзѣдъ и говориць сыну: бѣда, сынулька!—«Бѣда, татунька! Што-жъ намъ дѣлаць, татунька?»—А што-жъ, сынулька: будземъ узнова скоинку наживаць, будземъ узнова дзѣвочакъ выглядаць!....

А быкъ, парсюкъ, козелъ, гусакъ и пятухъ собраліся ўкучу и пошли ходзиць по лясу, шукаць сабѣ яды. Ходзили яны, ходзили, настала ўжо восень, стало спидзено. ¹⁾ Вотъ быкъ и говориць: «будземъ хату ставиць, ды будземъ запасоватца къ зимѣ зъ ядой!» Парсюкъ говориць: я ня буду хату дѣлаць: выкопаю я сабѣ ямку, нанашу туды моху, назапасю яблукъ, жулудовъ, добра и буду тамъ зимуваць.—«А ты козель?»—А я буду по лѣси ходзиць, кору глыдаць; а поччу залѣзу у дуплѣ, мнѣ и ладно будзець!..., —«А ты, гусакъ?»—А у мяне перья цѣлое, я дзюбку у яго схуваю: и такъ перазимую.—«А ты, пятухъ?»—А мнѣ мѣста нямного треба, я й подъ ялиной перазимую... ²⁾ Вотъ и приходзятца одному быку строиць хату. Нечаго дѣлаць: нацягавъ енъ лѣсу, посклавъ ихъ якъ-бы й хату, нацягавъ чащи, обклавъ ёй хату, и живець сабѣ. Вотъ настали лютэе морозы. Тоды парсюкъ и говориць: пойдутка къ быку проситца, кабъ пусцивъ перазимуваць. Приходзиць къ быку: быкъ, быкъ, пусци мяне ў хату!—«Ня пуцу: ты у жохъ закопаеся, табѣ и такъ цѣло!»—Ну, дыкъ я возьму, поддзѣну лыць подъ низъ, и хату обярну, ще й цябѣ задав-

лю. ³⁾ Спужався быкъ, хоця—не хоця пусцивъ парсюка у хату: ходзи, удвухъ веселѣй будзець жиць! На другій дзень приходзиць козелъ: быкъ, быкъ пусци мяне ў хату!—«Было и мнѣ помогчи строиць хату, я-бѣ цябе и пусцивъ. А цяперъ зимуй у дуплѣ!»—Ну, коли ты мяне ня пусцишь жиць у хату, дыкъ я разгонюся, удару рогами у сцяну и пробью дзюрку: морозъ зайдзець, вотъ и табѣ сцидзено будзець! Нечаго дзѣлаць быку, пусцивъ енѣ и козла у хату: «тутъ и тромъ до мѣста!» Вотъ приходзиць гусакъ: быкъ, быкъ пусци мяне у хату!—«Ня пуцу, чаму не пособивъ строиць хаты!»—Ну, коли ты мяне ня пусцишь у хату, дыкъ я дзюбкой выдзавбу чашу, выпягаю мохъ, и будзець табѣ сцидзено. Спужався быкъ, пусцивъ и гусака жиць у хату. Ажъ во подыходзиць и пятаухъ: быкъ, быкъ, пусци ў хату!—«А што, ци подѣ ялиной сцидзено? Хуць-ба, нечаго, пришовъ упередъ за ўсикъ проситца! А цяперъ нейдзѣ табѣ тутъ жиць! Пятаухъ узнова почавъ проситца: быкъ, быкъ, пусци ў хату!—«Ня пуцу!»—Ну, коли-штѣ ты мяне ня пусцишь, узлячу я ноччу на хату, и ўвесь мохъ разграбу на столі: духъ изъ хаты выйдзець, будзець и табѣ сцидзено!... Спужався быкъ, пусцивъ и пятауха. И стали яны жиць укучи упяцярыхъ. Тоды яны живуць сабѣ да пожываюць. Ажъ во одзинъ разъ приходзиць мядзвѣдзь: ⁴⁾ «хто тутъ живець?» Яны говоруць: быкъ, парсюкъ, козелъ, ды гусакъ, ды пятаухъ.—«Пусциця мяне у свою хату!»—Ды нѣ, ня пусцимъ! Тоды мядзвѣдзь стукнувъ у дзвери лапой, и проломивъ у дзверахъ дзюрку. Вотъ, козелъ ускочивъ на печь, парсюкъ подлѣзь подѣ печь, гусакъ узляцѣвъ на полицу, пятаухъ на курчанину.... Вотъ, и приходзитца быку одному братца зъ мядзвѣдземъ! Быкъ тоды, ничего не говоручи, якъ мядзвѣдзь на порогъ—дыкъ енѣ яго рогами, ды къ сцянѣ и прициснывъ. Тутъ и козелъ, соскочивши съ печи, ды рогами ў плечи! а парсюкъ съ упуга мядзвѣдзя за пузо! а гусакъ съ полицы—выскубъ побочниці! а пятаухъ ходзиць по курчанини ды кричиць: кудакъ-дакъ-дакъ! кудакъ-дакъ-дакъ! Чуць вырвався отъ ихъ мядзвѣдзь. ⁵⁾ Сустрѣнаецъ яго стадо вовковъ: идзѣ ты, мядзвѣдзь, бывъ?—Ой, братцы, уцекайця скорѣй у лѣсъ! Тутъ усялились нѣйкіе людзи. Якъ увыйшовъ я къ имъ у хату, одзинъ стоиць ли порогу: якъ схопиць вилки—прициснывъ мяне къ сцянѣ, а ни повярнутца! А другій схопивъ топоръ, ды давай мяне по плечахъ обухомъ осаджаваць! А третій абцугами чуць кишакъ мнѣ ня выпускавъ; а чатвертый напаливъ шпэнтылъ—уси боки попрокалувавъ! А пятый ходзиць по бальцы у красной шапцы, ззаду кривая шабля, ды кричиць: подайця яго суды, подайця яго суды! Добро, што я ўпекъ: ня вѣдаю, што-бѣ енѣ со мной здѣлаць, можа-бѣ и зарѣзавъ.....

Д. Мицулино, стѣнн. у. Отъ мѣщ. Ермоловича.

Варианты: 1) Въ с. Лугиновичахъ, стѣнн. у. сказка начинается такъ: «Живъ сабѣ дзѣдъ да баба. И бывъ у ихъ сыноукъ. Тоды енѣ выросъ большій; вотъ бацька захоцѣвъ яго жаниць. Пошовъ енѣ рѣзаць быка. Тольки пришовъ у хлѣвъ—а быкъ уцекъ. Енѣ пошовъ барава рѣзаць; тольки у хлѣвъ—баранъ уцекъ. Енѣ тоды узавъ пятауха рѣзаць—и пятаухъ уцекъ. Нѣякъ жаниць сына!» Въ д. Бутримовѣ, островен. вол. того-же у. «Павився на лугу быкъ, увидзѣвъ кыло лозы туманъ и спужався: уздумалось яму, што его земля и выда гориць. «Побягу-тѣы я ны край свѣта!» Задравъ хвостъ, якъ цѣра, побѣгъ. Сустрѣвся яму быранъ: куды ты, быкъ, бягишь?—«А вотъ, у насъ выда и земля гориць: я бягу на край свѣта!» Пойду и я съ тобой!—«Ходзи!» Пошли удвоихъ. Идуць, идуць—

сустрѣлся имъ ваперъ: куды вы бяжице?—«На край свѣта: приходились намъ згорѣць—у насъ земля и выда гориць! чуць мы уцягли!» Пойду и я зъ вами!—«Ходзи!» Побѣгли у-трехъ. На дорози сустрѣлыся имъ гусина: куды вы бягице?—«На край свѣта: у насъ выда и земля гориць; скорѣй бяги зъ нами!» Вотъ и побѣгли яны учетварыхъ. Бягуць, бягуць а на сустрѣчу имъ пяхухъ: куды вы бягице?—«На край свѣта: у насъ выда и земля гориць; ходзи скорѣй зъ нами, а то згоришь!» Пяхухъ и пошовъ зъ ими. Ишли, ишли, началась зима. Быкъ и говориць: ну, тутъ зима: зямлѣ няякъ загорѣтца. Будземъ строиць хату ды жиць тутъ: усе рѣвно дальше няякъ ици,—сидзено! Никто ня хочець строиць хату и т. д. 2) А ты, гусакъ ды пяхухъ?—А мы тожъ ня будземъ хаты строиць: днемъ мы поляцимъ у гумно, наядзимся добра, а на ночь забиромся на ель, и будзець намъ ладно! 3) Настали морозы. Тоды пареюкъ и говориць козлу, пяхуху и гусаку: пойдземъ къ быку проситца, кабъ пусцивъ насъ къ сабѣ перазируваць! Вотъ яны нырадзилися и пошли. Пойдешовъ перво пареюкъ: быкъ, быкъ, пусци мяне къ сабѣ у хату!—«Ня пуцу!»—Ну, дыкъ я возму, проточу нору къ табѣ у хату и будзець табѣ холодно, и т. д. 4) Ночыч, толь-ки яны заснули, приходзиць вовкъ. 5) Били яны, били мядзѣмѣдзя,—забили! Пузу разо-драли, кишки выпустили, выскубли яму боки, выклывали воки... Вотъ пареюкъ выкопавъ яму, мядзѣмѣдзя поховали, и пѣсню по имъ отпѣяли. На этомъ сказка оканчивается.

Ср. Азан. IV стр. 66. См. Садовник. 173.

16. Гусакъ, медвѣдь, вовкъ, лисица, кабанецъ.

Звяры в ямѣ.

Живъ сабѣ дѣдка да бабка, и бывъ у ихъ гусакъ. Пошовъ гусакъ у Кіевъ Бо-гу молитца. Ишовъ енѣ, ишовъ, бягитъ мядвѣдь: «гусакъ, гусакъ, куды ты идешъ?»—Пойду у Кіевъ Богу молитца!—«Пойду и я съ тобой?»—Иди, да не п...и! Вотъ идуть удвоихъ. Бягитъ вовкъ: «гусакъ, гусакъ, куды ты идешъ?»—Пойду у Кіевъ Богу молитца!—«Пойду и я?»—Иди, да не п...и! Вотъ идуть утроихъ. Бягитъ ли-сичка-сястричка: «гусакъ, гусакъ, куды ты идешъ?»—Пойду у Кіевъ Богу молитца!—«Пойду и я съ тобой?»—Иди, да не п...и! Вотъ идуть учетварыхъ. Бягитъ кабанецъ: «гусакъ, гусакъ, куды ты идешъ?»—Пойду у Кіевъ Богу молитца!—«Пойду и я?»—Иди, да не п...и! Вотъ идуть упятыхъ. Ишли, ишли яны, пройшли много, стоятъ ровъ широкій—глыбокій. Стали яны пераходить: гусакъ поднявся—и пералѣтъвъ, и пошовъ сабѣ даляй; мядвѣдь разогнався—да ў ровъ. Вовкъ разогнався—да ў ровъ. Ахъ, ты, вовчица-дурачица, кажа лисица: во якъ я побягу, дакъ и пераскочу! Якъ побѣгла, да ў ровъ. Кабанецъ разогнався—и той туды полѣтъвъ. Сядѣли яны, сядѣли у рови, захотѣли ѣсти. Лисица и говора: ну, хто старѣй, того и будомъ ѣсти! Кабанецъ кажа: мнѣ отъ родовъ да пять годовъ. Вовкъ кажа: мнѣ отъ роду чатыре годѣ. Мядвѣдь кажа: мнѣ отъ роду да три годѣ. А лисица кажа: мнѣ отъ роду да два года. Вотъ узали и стали кабанца ѣсти. Послѣ узалися за вовка. А лисица вы-копала ямочку, и наховала у ямочку кишакъ. Зѣли вовка; лисица, сѣдя на ямочы, таяя съ подъ сабѣ кишки да ѣсть. А мядвѣдь прося: лисичка-сястричка! дай и мнѣ хоть одну кишачку! А лисица кажа: ахъ, ты мядвѣдица-косоланица! Ты жъ бачишь, якъ я лапой таяю зъ живота. Вотъ возьми, да лапой, самъ съ сабе таяй да й ѣжъ! Мядвѣдь послухавъ, лапой кишки зачарепивъ, и тягня, да самъ сабе и разорвавъ, и

здохъ. Лисица яго и зѣбла. А послѣ и нечаго ѣсти. Вотъ яна и пошла по рову. Ба-
ча, стоити дубъ; на тымъ дубу дятлиное гняздо. Лиса и кажа: дятель, дятель, вы-
добай мнѣ лѣсвичку, дыкъ ня буду твоихъ дѣтокъ ѣсти; а коли ня выдовбаешъ,
дыкъ узлѣзу, да дятѣй поѣмъ. Вотъ дяталь добавъ, добавъ, выдовбавъ лѣсвичку;
дыкъ лисица полѣзла по лѣсвицы, да й поѣла дятлиныхъ дѣтокъ, а оттуль изъ ро-
ва выскочила.

Гомельск. у.

Вариантъ рога ч. у. «Жили сабѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ ходивъ у лѣсъ за промысломъ, а баба
была дома, пекла пироги. Вотъ разъ дѣдъ знашовъ у лѣси викаго кабанчика и принесъ яго до-
мовъ. Подержали яны кабанчика у дворѣ надѣли двѣ, енъ и привыкъ къ двору. Отъ, стали яны
яго у лѣсъ пускать жолудовъ ѣсти. Енъ урани побягитъ, а на ночь домовъ прѣбегитъ. Разъ, такъ
бягитъ енъ у лѣсъ, ажъ сустрѣкая яго сѣрый вовкъ: «кабанчикъ, кабанчикъ, итябе хочу зѣѣсти!»
—Ня ѣжъ миане, сѣрый вовкъ, луччи ходи со мной у лѣсъ: залѣтъли тамъ гуси зъ дярвени, коло
тыхъ поживисья. Вовкъ повѣривъ, и побѣгли яны удвухъ съ кабанчикомъ. На дорожи
бывъ тамъ ровъ. Кабанчикъ-жа зная ровъ; вотъ енъ разогнався и пераскочивъ, а вовкъ
и упавъ у ровъ. Кабанчикъ и кажа: тутъ тѣп рь поживисъ! Самъ побѣгъ у лѣсъ, наѣвса
жолудовъ и вярнувся домовъ. На другій день сустрѣкая яго лисичка-сестричка: «куды ты
йдешъ, кабанчикъ?»—У лѣсъ. «Зачимъ?»—Жолудовъ ѣсти.—«И я съ тобой пойду?»—Хо-
демъ! Тольки доходятъ яны до рова; кабанецъ скокъ—и пераскочивъ, а лисичка у ровъ
къ вовку! Кабанчикъ наѣвса жолудовъ и вярнувся домовъ. На третій день сустрѣкая яго
заяцъ: куды идешъ, кабанчикъ?»—У лѣсъ, жолудовъ ѣсть.—«Возьми и миане съ собой!»—Хо-
демъ! Подыйшли къ рову, заяцъ и ввалився у ровъ. Стало ихъ тѣперъ тамъ троѣ: вовкъ,
лисица и заяцъ. Жили яны, жили, и нечаго было имъ ѣсти. Вотъ лисица зъ зайцомъ зго-
ворились задушить вовка, якъ енъ заснетъ. Якъ уздумано, такъ и здѣлано: задушили
вовка и зѣбли. Тоды лисица задушила зайца, и осталась одна....» Окончаніе: «Якъ тольма
лисица выпрыгнула зъ рова, а я зъ за куста, да лисицу и убивъ! И тѣперъ яще ё у
миане воротникъ зъ яѣ!...»

Весьма сходная съ этою сказка помѣщена у Афан. III, 77. См. также примѣч. къ
сказкѣ № 2 «Жоронцы» и слѣдующій №.

17. Лиса и дроздь.

Коли бывъ сабѣ котокъ у хозяина. Якъ молодой бывъ-то ў клѣць, то ў стопку,
якъ постарѣвъ, на печку сѣвъ. Тоды думыецъ хозяинъ: штозъ имъ робиць? Отрѣ-
завъ крайчикъ хлѣба и выправивъ зъ двора. Вотъ котокъ ишовъ, ишовъ; сустрѣкаецъ яго
лисица: «котокъ—голубокъ, куды идзешъ?»—Къ сповядзи.—«Возьми миане съ собой!»
—Лѣзь у задъ! Идущъ яны удвоихъ. Бѣжипъ зайчикъ: «котокъ—голубокъ, куды ты
идзешъ?»—Къ сповядзи.—«Возьми миане съ собой!»—Лѣзь у задъ! Идущъ яны утро-
ихъ. Бѣжипъ вовкъ: «котокъ—голубокъ, куды ты идзешъ?»—Къ сповядзи.—«Возьми
миане съ собой!» Лѣзь у задъ! Пошли яны учепъварыхъ. Идущъ яны, идущъ, и сустрѣ-
кающъ яму. Черазъ яму ляжипъ колычакъ. Тоды котокъ и говориць: вылѣзайце-тка,
тутъ наша сповядзы! Хто ня грѣшный, тѣй прѣйдзецъ яму, а хто грѣшный, тѣй не
прѣйдзецъ! Котокъ пошовъ-перайшовъ; лисица пошла-увалилася, заяцъ пошовъ-ува-
лився, вовкъ пошовъ-увалився. Вотъ сядзѣли, сядзѣли яны тамъ три дни, а высидзѣ-
ли злыдни, и захоѣбли ѣсци. Тоды лисица и говориць: «хто крапчѣй крикнецъ, того

зъядимъ! Зайчикъ только писнувъ, яго й зѣли. А лисица хитрая молодзица, кишачки подъ задъ, сядиць и ѣсць. Вовкъ убачивъ и спрашыецъ: «кумка-голубка, што ты ясп?»—А кумокъ-голубокъ, кишачки съ сабе таскаю и ў сабе пускаю.—«Кумка-голубка, скажи, якъ ты гето здѣлала?»—А я, кумокъ голубокъ, лапой пузо продрала. Тоды вовкъ продравъ сабѣ пузо и здохъ. Лисица и яго изѣла. Ажъ лациць дроздикъ. Лисица и говориць: «дроздикъ-гвоздикъ, вызволь мяне!»—А якъ жа я цѣбе вызволю?—«Возьми, накидай хворосту, я и вылязу!» Дроздъ такъ и здѣлавъ. Лисица вылѣзла, тоды и говориць: дроздикъ-гвоздикъ, вызволивъ ты мяне?—Вызволивъ.—«Накорми-жъ ты мяне!»—А якъ я цѣбе накормлю?—«Вонъ, идзець баба на хрезыбыны, пясецъ миску блиновъ и миску каши. Ты ўсе передъ ей летай: яна поставиць миски и станець цѣбе ловиць, я и подѣмъ. Дроздъ такъ и здѣлавъ. Подѣла лисица и кажець: «дроздикъ-гвоздикъ, вызволивъ ты мяне?»—Вызволивъ.—«Накормивъ ты мяне?»—Накормивъ!—«Напой-жа ты мяне!»—Якъ-жа я цѣбе напою?—«А вонъ мужику вязуць бочки съ пивомъ. Ты ўзяли на бочку, ды ўсе у воронку дзюбай. Мужикъ схватиць колъ, удариць не по табѣ, а по бочцы. Бочка разобьетца, тоды я папьюся!» Дроздъ такъ и здѣлавъ. Напилась лиса и говориць: «дроздикъ-гвоздикъ, вызволивъ ты мяне?»—Вызволивъ.—«Накормивъ ты мяне?»—Накормивъ.—«Напоивъ ты мяне?»—Напоивъ.—«Размяши-жъ ты мяне!»—Якъ-жа я цѣбе размяшу? «А вонъ, на току баба зъ дѣдомъ горохъ молоцюць. Ты ўзяли и дзавби въ голову то баби, то дзѣду. Дзѣдъ разсердитца, схватиць цѣпъ, ды удариць не по табѣ, ды по баби, и забьець бабѣ, а я зысяюся!» Дроздъ такъ и здѣлавъ.

Сьмн. у.

Ср. Аф. IV, 78. Садовник. 176.

18. Мужикъ, медвѣдь и лиса.

а, Оравъ на поли мужикъ воломъ, и волъ гѣтый бывъ дужа тупый. Тоды мужикъ усердзился на вола и кажець: «гнѣдз! коли-бъ цѣбе задравъ мядзвѣдз!» Ашъ изъ лѣсу и валиць мядзвѣдзъ, и хочець драць вола. Мужикъ тоды кажець: «дай до'раць мяжу! А ты иди, ды тамоцьки зы мяжой поляжи!» Мядзвѣдзъ пошовъ и легъ. Только ентъ легъ, ашъ бяжиць изъ лѣсу лисица, ды й кричиць: мужикъ, мужикъ! ци ня видзѣвъ ты вовковъ—мядзвѣдзевъ—паны ѣхали, паталиси?... Мужикъ кажець: нѣ, ня видзѣвъ!—А што гѣто тамъ зы мяжой ляжиць? Мужикъ кажець: колода на лучину!—Кабъ гѣто колода на лучину была, дыкъ яна бъ подъ возомъ лежала! Тоды сама и побѣгла ў лѣсъ. Вотъ мядзвѣдзъ и кажець мужику: подцягни мяне пыдъ колёсы! Мужикъ ўзявъ ды подцягнувъ, а самъ пошовъ ораць. Тоды лисица ўзнавъ бяжиць и кричиць: мужикъ, мужикъ! Ци ня видзѣвъ вовковъ—мядзвѣдзевъ—паны ѣхали, паталиси?... Мужикъ кажець: нѣ, ня видзѣвъ!—А што гѣто у цѣбе подъ возомъ ляжиць?—Гѣто колода на лучину, кажець мужикъ.—Кабъ гѣто была колода на лучину, дыкъ бы яна была ўписыта на возу! А сама и побѣгла у лѣсъ. Мядзвѣдзъ и говориць мужику: ўписни мяне варовкой на возу! Мужикъ узложивъ яго на возъ и ўписывъ варовкой. А самъ пошовъ ораць. Тоды лисица ўзнавъ бяжиць: мужикъ, му-

жикъ! ци ня видзѣвъ ты вовковъ—мядзвѣдзевъ—паны ѣхали, паталиси?...—Нѣ, ня видзѣвъ!—А што-шъ гѣто у цябе на возу ляжиць?—Колода на лучину!—Коли-бъ гѣто была колода на лучину, дыкъ яна-бъ была завертой заверчена! Ды сама и побѣгла. Мядзвѣдзъ кажець мужику: завярци мяне завертой! Мужикъ яго и завярцѣвъ, ды такъ, што мядзвѣдзю неякъ и дыхаць! Тоды лисица узповъ бяжиць: мужикъ, мужикъ! ци ня видзѣвъ вовковъ—мядзвѣдзевъ—паны ѣхали, паталиси?... Мужикъ кажець: нѣ, ня видзѣвъ!—А што гѣто у цябе на возу ляжиць?—Колода на лучину, кажець мужикъ.—Кабъ гѣто была колода на лучину, дыкъ бы ў ей топоръ бывъ ущемленъ! Ды сама и побѣгла у лѣсь. Тоды мядзвѣдзъ кажець мужику: ущами ў мяне топоръ! Мужикъ узявъ топоръ, ды сы ўсяго размаху и ўщамивъ яго у мядзвѣдзя, и засѣкъ! Тоды лисица прибѣгла и кажець: ну, цяперъ-жа дай мнѣ гаспинца, я цябе отъ мядзвѣдзя отретовала!—Добро, кажець мужикъ: дамъ гаспинца! Подожджи тутъ трошку! Пошовъ у дворъ, узявъ два собаки—шарка и бѣлка—посадзивъ ихъ у лубку, прикрывъ дзярушкой и понесъ. Донесъ до лисицы: на табѣ курей! Лисица кажець: давай! Пущай по днѣй: я половлю! Тоды мужикъ открывъ дзярушку, собаки выскочили изъ лубки, ды за лисой. Яна ўпекаць, ды ў пору. Прибѣгла и хакаецъ—заморилася! Тоды яна стала пытаць: вы, вочи, што дзѣлыли, якъ я отъ собакъ уцѣкала?—Глядзѣли!—А вы, вуши?—Мы слухали!—А вы, ноги, што дзѣлыли?—Вѣгли!—А ты, хвосцища-дурнища, што дзѣлавъ?—А я ўсе то за пень, то за колоду цапався, кабъ скорѣй лису собаки ўловили.—Ахъ, ты плуть! я-шъ цябе за гѣто отдамъ собакамъ! Вытыкнула хвостъ изъ норы ды кажець: шарко, бѣлко,—наце хвостъ! А собаки цапъ за хвостъ, ды лису и выпягли зъ норы.

С. Лугиновичи, сьпінн. у.

Въ островен. вол. сказка начинается такъ: Ёдзецъ мужыкъ у дровы, съ тыпоромъ и вярѣвкый. Сустрѣкаецъ енъ медзвѣдзя. Медзвѣдзъ етый бѣхъ хыватца отъ лисицы.—Вотъ и кажець енъ мужику: схывай, мужикъ, мяне отъ лисицы!—Ды некуды мнѣ, кажець мужикъ.—Ну, я лягу ны твоѣ сани, а якъ прыбягнѣ лисица и будзецъ пытаць, што ты вязешъ, дыкъ скажи—колоду. Вотъ и бягнѣ лисица..... и т. д. Въ этомъ изложеніи, непоявно, за что лисица требовала гостинца. Ср. Аэан. I, 27, II, 28.

Считаемоъ нужнымъ привести слѣдующій вариантъ, записанный въ *с. Озсранахъ, ро-мачевск. у.*

6, Жиўу субли дзидъ изъ бабой. И була у ихъ удна рада. Дзидъ кажа бабн: худзѣмъ, баба, купаць (копать) лядо! А баба кажа: я няздурова, у мяне булиць гулува! Дзидъ узеў да и пушоў удзинь, и дувой купаць лядо. Трошки пукупоў—идзе мядзвѣдзъ и пытаецца: «дзидъ, шту ты дзилаешъ?»—Лядо купаю.—«А што ты будзешъ сѣяць?»—Просо.—«Дувай, дзидъ, съ тубой купаць!»—Дувай! Дзидъ люгъ (легъ) пудъ кусчикъ, а мядзвѣдзъ и дувай купаць лядо. Ускупоу мядзвѣдзъ лядо. Дзидъ устоу, пусіаў просо. И пурусло просо хуршое. Прихуў уже дзидъ жаць просо. Идзецъ мядзвѣдзъ: «будумъ, дзидъ, дзялицъ просо!»—А будумъ, мишка! Што жъ ты саби, мишка, вузьмешъ? Мишка яму и кажа: «вузьму саби кумли, а табн, дзидъ, варшкн.» Дзидъ намулуциў кашн, а мядзвѣдзъ навуриў курѣння и пуззавъ къ саби дзида: «дзидъ, худзи пуспытѣй муйгѣ курѣння!» Дзидъ пришоу и пулядзиу на яго курѣння: эй, мишка, твѣ курѣння няхуршое. Худзи ку мни, пуспытѣй мѣ кашн! Мишка пришоў и пус-

пытоў дзядувы кашы. «Ну, дзідзь, такъ! твоя каша смашнаа. Дыкъ ты, дзідзь, мяне пудманну!» На другій гудъ пусіаў дзідзь рэпы на мишкувымъ лядзі. Приходзя мядзэвдзэ: «дзідзь, шту ты пусіаў?»—Рэпы! Пуруска рэпа добрая.—Ну, мишка, што будзеш браць? А мишка утвишаа: «няхай таби, дзідзь, будуць у́же кумлюшкн, а мнн вярхушкн!»—Ну, миша, дыкъ скручуй вярхушкн! Мядзэвдзэ узёў, вярхушкн путрывоў, а дзідзь рэпы накупоў. Кули (коли) дзідзь навуриў рэпы и празававъ мядзэвдзэ: мишка, пукушай-ка муе рэпы! Миша рэпы пуситоў, шту смашна. Тоды зувець къ саби дзида. Привіоў (привавъ) дзида, дзідзь и ня хуча й испи гетыя лисця. «Ну, шту жъ ты, дзідзь, не яси?»—А, мишка: ня смашнаа твоя рэпа.—«Дакъ я видую, дзідзь, ты хитрый: мяне ў́же два разы пудманіў. Цяперъ я цябе ў́бую!» А дзідзь пруситца ў́ яго: дай жа мнн хуць рэпу паравезци думоў! Мядзэвдзэ каа: ну, ступой! Дзідзь узёў и пушоў. Идзецъ, и гулуву пувисиў. Бяжнцъ лисичка на ў́стричу къ яму и пытоетца: «шту ты, дзідзь, скушанъ?»—Ай мувчи, лисица: сіяли мы зъ мядзэвдземъ рэпу, дыкъ я яго пудманіу. Дыкъ юнъ мяне хуча и ў́биць.—«Цыць, дзідзь: я цябе пуратую. Були будзешъ ты ихаць нсѣ кунюмъ (конемъ), то дойдзешъ до гетаго миста, и гукни мяне!» Дзідзь запругъ дума куня, узёў сѣ субой тупоръ и ву́жки, и пунхаў. Прижжаа ду туго миста, дзи стуяла лисичка. «Ну, лисица-сястрица: худзи бу мнн, рускужи, што мнн дзилаць?» Лисичка прибигла и каа дзиду: «акъ будзешъ ты ихаць и выйдзэ къ таби мядзэвдзэ, и ты скажи яму: ну шту? ты хучашъ мяне ў́биць! Дыкъ лужися на кулюсы, я цябе пувязу думоў у́ госци! И тоды якъ дойдзешъ до гетаго миста, гукни мяне. И я буду сядзиць за кустомъ и пунытоюся: чулувича, чулувича, шту ты вязешъ? А скужи, шту ния. А скужу: кули пень, дыкъ будзэ у́вязанъ. Дыкъ ты ву́зьми, ды и ў́вяжи ву́жками. Ище жъ: кули пень, дыкъ и тупоръ будзэ тырчаць. Мядзэвдзэ таби скожа: утыркни тупоръ! Дыкъ ты ня торкай узѣ-бокъ, а сячи прамо у́ пузо!» Ту, шту лисичка гувурила, усю (все) тѣе дзідзь сповниў: зарубіў мядзэвдзэ. Пудбягая къ яму лисичка: ну шту, дзідзь: засикъ мядзэвдзэ?—Засикъ, спусибу таби!—Шту жъ ты мнн даси за гето?—Я жъ ня видую, лисичка, шту таби даць.—Привязи ты мнн ќорубъ курэй, уть на такую ту пулянку!... Дзідзь прихуў думоў. Ну, баба, каа: мядзэвдзэ я зусикъ!—Якъ жа ты яго зусикъ?—А мяне наўчила лисица, якъ дзилаць. Цяперъ, баба, пушію таби шубу цюплую, а мѣсо пудзимъ. И звалили мядзэвдзэ сѣ кулюсѣ. Ну, баба, няхай жа мядзэвдзэ пуляжиць! Узёў ќорубъ, пусѣвиў на кулюсы, и усадзиў туды двоухъ субакъ. Баба пытаецца ў́ яго: шту гето ты, дзідзь, дзилаешъ!—Мувчи, баба: лисица прусила курэй. Я вутъ пувязу двоухъ субакъ, дыкъ пуймаю и лисицу!—Ну, дзідзь, кули пуймаешъ лисицу, тоды я цябе пудулю!—Ну, баба, некули мнѣ сѣ тубой гувурыць, пуйду ў́же. Прижжаа на пулянку и гукаа: «лисица-сястрица, худзи сюды! Привязъ таби ќорубъ курей.» Лисичка прибигла и стала пусярудъ пуляны. Дзідзь каа юй: чо жъ ты тамъ стала?—А пускѣй, каа, курэй, дыкъ я буду и лувиць.—«Ни, ты худзи къ самымъ кулюсамъ, дыкъ я таби буду пускаць пу 'дноу!»—Ни, дзідзь, буюсь, кобъ ты мяне не пудманивъ.—«А ня буйся!» Пудыйшла лисица къ кулюсамъ. Дзідзь пуднявѣ ќоруба, выскучили два субаки, и пубигли за лисицу, ды такъ прижжолн, шту насилу лисица ў́цякла у́ нѣра. Субаки устались куля нѣра. Яна у́ норы и гувора: «вочки,

шту вы бачили?»—А мы лядзили, кобъ хутчій уцекци у нора.—А вы, вушки, шту чули?»—А мы слухали, ци далёко субаки усталися, кобъ хутчій у нора уцекци.—«А вы, нужки, шту дзилали?»—А мы вельми хутко бигли, кобъ уцекци у нора.—«Ну а ты хвусцища-дурнища, шту ты дзилаў?»—А я ту за пень, ту за кулоду, кобъ скурэй субаки пурвали.—«Ну, хвусцища, утдамъ жа субакамъ. Субаки, наця хвустъ!» И ўзяла, и высудзила (высадила) зъ нора. Субаки ўзели за хвустъ, задружили, и поцягли нкъ самому дзиду и лисицу. Дзидъ усклоў лисицу на кулюсы и пувюзъ думоў. Кули прихувъ думоў, ту крикнуў: эй, баба, выйдзи сюды! Пулядзитку, влязу лисицу. Пушію таби цюплыя чарувики! Баба ўзяла, дзида пуцулувала три разы. Узели и облупили лисицу; шкурку пувисили сушиць, а мёсо выкинули за плуть. «Ну, баба, дувай жа лупиць мядзвѣдзя!» Узели, облупили мядзвѣдзя, шкуру утдали у выдзялку, а мёсо пурубили и на 'бидъ навурили. Пузвали и мяне туды, и я пуспробувавъ мядзвѣдчаго мёса, шту вельми смашно. Я прынось цылую кварту гурэлки. Выпили мы ды й рузыйшлися.

Крестьян. Антонъ, 65 лѣтъ, неграмотный, слыветъ знахаремъ. Говоръ медленный, по слогамъ, при полузакрытомъ ртѣ. Записано мною.

20. Лиса — католичка.

Ишла сабѣ лисица, знайшла говядину поджараную и жалѣзо наведзеное. Догадалась яна, што гэта яе хочуць зловиць, и не потрогала мяса. И пошла дальше. Сустрачаецъ яна мядзвѣдзя. «Кумокъ-голубокъ, ци снѣдавъ ты сягоньни?»—Нѣ, кумка-голубка, кажець мядзвѣдзь: ня злучилось!—«Ну, ходзи-жъ, я цябе завяду у водно мѣсто,—славное снаданьня будзецъ! Сама бъ зѣла, ды сягоньни серада, мнѣ няльзя ѣсць: я католичка»—Спасибо, кумка-голубка, ходземъ! Вотъ лисица и подвяла мядзвѣдзя къ тѣй говядинѣ. Якъ только енъ сунулся къ ей, такъ яго жалѣзо й обхвацало и подняло ўгору. Лисица тоды ўзяла говядину и ѣсць. А мядзвѣдзь и кажець: кумка-голубка, табѣ жъ серада!—«Э, кумокъ-голубокъ, нехай той серадзиць, хто ўгору глядзиць!»

С. Ульяновичи, стынн. у. Запис. С. М. Космачевская.

21. Лисичка-сестричка, заяцъ, вовкъ и медвѣдь.

а, Живъ дзѣдъ ды баба. У дзѣда бывъ патушокъ, а у бабы курка-рабушка. Пошли яны на шуметничакъ. Патушокъ дзѣдовъ копався, копався на шуметничку, и выкопавъ бобинку. Курка бабина копалася, копалася и выкопала горошинку. Понясли яны гето добро у дворъ. Патушокъ свою бобинку отдавъ дзѣду, а курычка свою горошинку—баби. Баба кажець дзѣду: посѣмъ гетыя зерни! А дзѣдъ кажець: нѣ, баба: треба ихъ змолоць, и спечъ къ святу пирожокъ. Ну, и спякли яны пирожокъ. Баба положила яго на окно, капъ енъ простыгъ, а унучцы кажець: пилнуй, сучка-унучка! Пирожокъ лежавъ, лежавъ на вокнѣ, ды скокъ на столъ!—Пилнуй, сучка-унучка! А енъ, полежавши, скокъ на лавку!—Пилнуй, сучка-унучка! Скокъ на зямлю!—Пилнуй,

сучка-унучка! Скокъ на порогъ!—Пилнуй, сучка-унучка! Скокъ за порогъ! и показився по дорози... Увидѣвъ яго заяцъ; гнався, гнався, а пирожокъ кажець: я—'тъ бабы ўцекъ, я—'тъ дѣда ўцекъ, отъ унучки ўцекъ, отъ сучки ўцекъ, отъ цябе ўцяку, и табѣ на..ру. И не догнавъ заяцъ пирожка. Увидѣвъ яго вовкъ; гнався, гнався, а пирожокъ кажець: я—'тъ бабы ўцекъ, я—'тъ дѣда ўцекъ, отъ унучки ўцекъ, отъ сучки ўцекъ, отъ зайца ўцекъ, отъ цябе ўцяку, и табѣ на..ру! И показився. Увидѣвъ яго мядзвѣдзъ и погнався. Гнався, гнався, а пирожокъ кажець: я—'тъ бабы ўцекъ, я—'тъ дѣда ўцекъ, отъ унучки ўцекъ, отъ сучки ўцекъ, отъ зайца ўцекъ, отъ вовка ўцекъ, отъ цябе ўцяку, и табѣ на..ру! И ўцекъ отъ мядзвѣдзя. Напослѣднѣхъ увидѣла яго лисица, и побѣгла за имъ. Енъ и тэй почавъ казаць: я—'тъ бабы ўцекъ, я—'тъ дѣда ўцекъ, отъ унучки ўцекъ, отъ сучки ўцекъ, отъ зайца ўцекъ, отъ вовка ўцекъ, отъ мядзвѣдзя ўцекъ, отъ цябе пготови ўцяку, и табѣ на..ру! А лисица кажець: «ай, пирожокъ! Якъ твоя пѣся пригожа! Али тое жаль, што я ня чую, бы ўжо стара. Спѣй ящѣ!» Пирожокъ только ставъ пѣць, а яна побѣгла ды и ухватила. *) Ды узала, мякиншъ выѣла, а на мѣсто мякина наклала туды пяску зъ грязью. Тоды пошла сабѣ дали. Идзець, ашъ пастухи пасцюць статокъ. Пришла яна къ пастухамъ, ды говориць имъ: пастушки, пастушки, вы мнѣ дайця бычка-третьячка, а я вамъ отдамъ пирожокъ! Пастухи дали лисицы бычка-третьячка, а лисица пастухамъ отдала пирожокъ. Отдала пастухамъ пирожокъ ды й говориць: ня ёшця яго, покуль я зъ бычкомъ зайду за гору! Пастухи такъ и здѣлыли. А лисица якъ только зайшла за гору, дыкъ скорѣй и повяла бычка-третьячка у борокъ. Пришла у борокъ, ды й давай сабѣ сани сѣчь, сячець и приговаряець: сяку, сяку разъ! сяку, сяку два! сяку, сяку три! сяку, сяку чатыре! сяку, сяку пяць! сяку, сяку шесць! сяку, сяку семь! сяку, сяку восемь! сяку, сяку девяць! сяку, сяку дзесяць! и высакла сани 1). Запрагла ў сани свойго бычка третьячка, ды поѣхыла. Ёдзець, ёдзець, ажны бяжиць заяцъ: «лисица,—сястричка, поѣду и я съ тобою?»—Ахъ ты, косый заяцъ! ци ты ня видзишъ, што мой конь плошанькій, сани мое плошанькія, и сама я ёду? Ну, али ёдзъ сабѣ! Садзися на сани! Поѣхыли яны удвоихъ. Ёдуць, ёдуць, ашъ бяжиць вовкъ: «кумка-голубка! пусци и мяне на санычки!»—Ахъ ты, вовчица-дурнища! ци ты ня видзишъ гэтаго, што мой конекъ плошанькій, сани мое плохія, и мы ўдвоихъ ёдземъ? А ты ящѣ просисся у мяне ёхыць! Ну, али ёдзъ сабѣ! Садзися на сани! Поѣхыли яны утроихъ. Ёдуць, ёдуць, ашъ бяжиць мядзвѣдзъ: «кумка-голубка, поѣду и я съ тобою?»—Ахъ ты, мишка-косолапый! Ци ты ня видзишъ, што мой конь плошанькій, сани мое плохія, и мы й такъ ўжо утроихъ ёдземъ? А ты ящѣ просисся со мной ёхыць! Ну, али ёдзъ сабѣ! Садзися на сани! И поѣхыли яны ўчещьварыхъ. Ёдуць, ёдуць, ашъ бяжиць лисъ: «лисица-сястричка, поѣду и я

*) Вар. «Живъ дѣдъ зъ бабой. Жили яны бѣдно, не було съ чаго хлѣба спечь. Вотъ пошли по міру ходзиць. Ходзили яны, ходзили и назбирали добра на цѣлый пирогъ. Вотъ пришовши у дворъ, спяли яны пирогъ, и положили яго на окно простудзятца. Положили яны гетай пирожокъ простудзятца, а сами отварнулися некуды. Ашъ прибѣгаецъ лисица. Ухватила ихний пирожокъ и побѣгла».

1) Приговоръ: сяку просто, будзець криво! сяку просто, будзець криво!

съ тобой?»—Ци ты ня видзишь, што мы и такъ їдемъ учейварыхъ? А конь мой плохой, сани моё плохоя! Кабъ ящо не поломалиси, якъ ты поїдзешъ! Ну, али їдзь сабѣ, што дзѣлыць! Садзися на сани! И поїхыли яны уняцѣрыхъ. Ъхыли, ѣхыли, ажы сани тресъ! и поломалиси. Яны ўси и позвалялися доловъ! Устала лисица и давай сваритца: а што, ци я не казала: мое сани плохоя, кабъ не поломалиси? Ажны такъ и есь! А ўсѣ вы виноваты! Понасѣдало повны сани!.. Ну, али што дзѣлыць? Надо думыць, ды гадаць, якъ-бы бяду поправляць!... Ну, али што тутъ довго думыць? Треба зайцу йци сани высѣкаць, бы енъ первый просився ѣхыць!... Пошовъ заяцъ у лѣсъ сани высѣкаць. Сѣкъ, сѣкъ,—якъ принесъ, дыкъ одну розку бязровую! Якъ начала жъ лисица на зайца сваритца: табѣ, косый заяцъ, нѣйдзѣ й лѣсу ня было! Идзи ты, вовкъ, сани сячи: ты сѣвъ услѣдъ за зайцомъ! Пошовъ вовкъ у лѣсъ сани высѣкаць. Ходзивъ енъ, ходзивъ по лѣсу, покуль знашовъ тыки корчощку. Енъ узявъ и приносиць яѣ лисицы. Якъ начала лисица на яго сваритца: а ту, вовчица ты, дурнища ты! табѣ и лѣсу ня было! Якія гѣто сани?.. Идзи ты, мядзѣвѣдзъ, сани высажи!... Пошовъ мядзѣвѣдзъ у лѣсъ сани высѣкаць. Вотъ енъ, якъ ишовъ, такъ и вырвавъ ѣлку, ды й волочецъ яѣ къ лисицы. Якъ приволокъ енъ къ лисицы, якъ пычала лисица яго ругаць: эхъ ты, мишка-косопалый! якія-жъ гѣто сани?.. Идзи ты, лисъ, сани высажи! Пошовъ лисъ у лѣсъ сани высѣкаць. Ходзивъ енъ, ходзивъ, сѣкъ, сѣкъ, якъ высѣкъ—дыкъ палку ольховую. Якъ тольки принесъ лисъ палку ольховую, лисица давай на яго кричаць: «ци табѣ лѣсу ня было? Ну, самъ ты полядзи: якія-жъ гѣто сани?.. Приходзитца самѣй ици сани высѣкаць!» Пошла лисица у лѣсъ сани высѣкаць; пришла ды говориць: сяку, сяку разъ! сяку, сяку два! сяку, сяку три! сяку, сяку чатыре! сяку, сяку ѣнаць! сяку, сяку шесъ! сяку, сяку семъ! сяку, сяку восемъ! сяку, сяку дзевяць! сяку, сяку дзесяць! и высакала сани. Ну, а покуль яна сѣкла, заяцъ, вовкъ, мядзѣвѣдзъ и лисъ были ли бычка-третьячка. Стояли яны, стояли, а потымъ узяли, ды кишки у бычка-третьячка и выпустили съ сярэдзины и поѣли. А тоды узяли ды соломой яго напхнули и подперли колычкы, кабъ не повалився. Ашъ привозиць лисица санычкы. Запрагла у нѣхъ бычка-третьячка, ды кажець: ну, садзисеси, поїдемъ! Усѣѣли яны на санычкы. Лисица стала погоняць: нѣ, бычокъ-третьячокъ! нѣ! А бычокъ-третьячокъ а ни зъ мѣста. Кричала яна, кричала, нокала, нокала—ничого ня здѣлыла! Вотъ яна и говориць зайцу: злѣзь ты, косенькій запныка, подгони бычка-третьячка! Заяцъ, злѣзши съ санокъ, пошовъ наперадъ, ды давай кричаць: нѣ! нѣ! Нокавъ, нокавъ, кричавъ, кричавъ, ничого ня здѣлывъ, не подогнавъ коня! Пошовъ тоды подгонаць коня вовкъ. Ёнъ такъ само нокавъ, нокавъ,—не подогнавъ коня. За вовкомъ пошовъ подгонаць мядзѣвѣдзъ косопалый. Тѣй такъ-само нокавъ, нокавъ,—не подогнавъ коня. Пошовъ за мядзѣвѣдемъ лисъ—и тѣй не подогнавъ коня. Злѣзла тоды съ санычакъ сама лисица. Подыйшла яна къ бычку-третьячку, ды давай узнова ноқыць! Нокала, нокала—ничого ня здѣлыла. Коли яна глядзиць—ашъ у бычка-третьячка зъ боку соломина стырчиць. Ухвацилася яна за гѣту соломину, ды поцягнула, бычокъ-третьячокъ тѣй часъ и завалився! Полядзѣла яна-ашъ яѣ конекъ—бычокъ-третьячокъ, соломый напхнутый!.. Дыгадалыся яна, што гѣто здѣлыли такъ заяцъ, вовкъ, мядзѣвѣдзъ, и лисъ, и задумала яна ихъ съ свѣту

страдиць... Пошли яны дали. Ишли, ишли, привяла ихъ лисица къ рапѣ. Не знающъ яны, якъ перайци имъ раку. Лисица тоды и говориць зайцу: зайчикъ, ты лѣхкій мальчинокъ: табѣ первому пераходзиць! Заяць, ня споривши, и поплывъ черазъ раку. Плывъ, плывъ, ды й утопився. Тоды ставъ пераходзиць раку вовкъ. Распусцивъ енѣ свое лапы и перайшовъ. За вовкомъ треба пераходзиць мядзвѣдзю. Плывъ, плывъ енѣ, плывъ, плывъ-ды й утопився. Ставъ пераходзиць лись—и тѣй утопився. Посли ўсихъ стала пераходзиць раку лисица. Яна сичасъ распустила свой довгій хвостъ—и пераплула раку. Стала яна тоды думць, якъ-бы тутъ страдиць съ свѣту вовка. Али-тки надумылася: подружилася зъ имъ и покумилася нѣўкого. Вотъ, разъ, у дожджъ, вовкъ ходзивъ, ходзивъ, ды позяпъ. Идзець дорогой по ласу, и трасетца. Ажны идзець лисица. Радъ вовкъ ставъ, што убачився зъ лисицай: «Здорова ты, кумочка?»—Здоровъ, кумокъ!—«Ахъ, капъ ты вѣдала, якъ я позяпъ! Вотъ уже третей дзень, якъ ишу кравца, капъ енѣ мнѣ пошивъ армячокъ, абы кужушокъ, а то цяперъ дужо ссидзено! Али вотъ нема нийдзѣ кравца!»—Во, кумочакъ! Я табѣ пошю кужушокъ; дай только мнѣ овецъ!—Ну, добро, кумочка! я табѣ принясю, сколько ты хочашъ овецъ!»—Ну, я тутъ у ельничку посаджу, а ты, братъ, скорѣй ниси, а то, бываецъ, хто-нибудзь помѣшаецъ намъ!... Вовкъ побѣгъ скорѣй къ пастухамъ. Подкрадаваясь, подкрадаваясь, али-тки укравъ наилуччюю овечку, ды принесть къ лисицы. Лисица сичасъ тутъ стала мѣрку зимаць: ай, кумочакъ, ящо-шъ много треба. Ваяи, ящо привяси овечку. Шиць, дыкъ шиць кожухъ ладный!... Вовкъ побѣгъ ящо овцу красци, а лисица скоренько овцу облупила, скуру повѣсила сушиць, а мясо скорѣй у свою нору занясла; ды прибѣгаецъ и кроиць. Ажны вовкъ нисецъ и другую овцу. Лисица и зъ гэтой такъ-само здѣлала; а вовка послала ще овецъ носиць. Носивъ, носивъ енѣ, покуль лисица наклала полныя норы мяса. Тоды яна стала шиць вовку кужушокъ. Пошиць—пошила, только ня сыршила. Якъ принесть вовкъ послѣднюю овечку, лисица яму и кажиць: ну, кумочакъ, я ўжо кожухъ пошила, только ящо ня сыршила. А ты, кумочакъ, пдзи, ды выбари найлѣпшаго коня.... Али ты будзешъ искаць довго коня; ходзи-тка, луччѣ я табѣ покажу! Вовкъ и пошовъ за лисицай. А лисица завяла яго у хульварокъ, у панскій садъ. У тымъ садзи навязанъ бывъ найлѣпшій панскій конь. Якъ пришли яны у садъ, лисица и кажиць вовку: я цябе наўчу, якъ привесци гэтаго коня, бы енѣ дужа здоровый: ты возьми яго за вярровку, ды конецъ вярровки закрупи на шию сабѣ, а то енѣ, бываецъ, вырветца ў цябе. А я табѣ буду яго подгоняць. Вовкъ такъ и здѣлывъ: енѣ узявъ вярровку, закрутивъ коло ши, ды й завязавъ. Тоды лисица якъ распустиць свой довгій хвостъ, ды якъ кинетца къ коню.... А конь якъ спужаетца, ды якъ побяжиць съ-пуду по полю, ды якъ поволочецъ вовка!.. А лисица бяжиць ззаду, ды кричиць: упирайся, кумочакъ, у маяжу, упирайся! Вовкъ послухавъ лисицы, ды ўперся ў маяжу. Конь якъ побѣгъ, дыкъ енѣ яго и задушивъ ¹⁾. Лисица гэтымъ дужо была рада; яна только гэтаго и хоцѣла. Побѣгла

1) Вар. Конь побѣгъ и вовка поцягнувъ. А лисица бяжиць ды приказецъ: круци-вярци—а быць на пановымъ дворѣ! Конь зацягнувъ вовка на дворъ; выбагли людзи и забили яго. Панъ пошивъ сабѣ зъ яго хутру.

яна тоды у своё норы мясо уплестаць, и довгое уремя яна Ъла. Поѣвши усё, пошла яна ўзно́ва на раздобытки, ды тутъ и сама головой наложила.

Дер. Тютѣки, стѣнн. у.

См. Чубинск. 114. Афан. IV, 14. Въ гомельск. у. пограничномъ съ Малой Русью, записанъ слѣдующій варіантъ:

б, Жила сабѣ лисичка-сястричка, и бывъ у яе *воликъ*. Вотъ яна узяла, запрагла яго у *сани* и поѣхала у лѣсъ *по орѣхи*. На дорози сустрѣвъ яе мядвѣдь: «кумка-голубка, подвязи мяне!»—О, гладунъ, штобъ сани поломавъ?—«Нѣ, кумка-голубка, я не поломаю!»—Якъ жа, не поломаешъ!—«Ну, кумка-голубка, подвязи хоть одну лапку!»—Ну, лапу сабѣ клади! Ъхали, ѣхали, мядвѣдь и кажа: «кумка-голубка, подвязи ўже и другую лапку!»—О, гладунъ! сани поломаешъ!—«Да нѣ, кумка-голубка, не поломаю!»—Ну, клади! Поклавъ мядвѣдь и другую лапу. Ъхали, ѣхали, изновъ ёнъ проситца: «кумка-голубка, подвязи ще одну лапку!»—О, гладунъ! сани поломаешъ!—«Нѣ, кумка-голубка, я-жъ только одну лапку!»—Ну клади! Поклавъ мядвѣдь третью лапу, адыли, отѣхавши троху, и ўвесь узлѣзъ. Вотъ яны, ѣхали, ѣхали,—а санки тресъ!—О, гладунъ! санки поломавъ!—«Нѣ, кумка-голубка: ето я орашокъ раскусивъ!» И поѣхали дальшъ. Ъхали, ѣхали,—а санки зновъ тресъ!—О, гладунъ! санки поломавъ!—«Нѣ, кумка-голубка; ето у мяне ще орашокъ нашовся, дакъ я раскусивъ!» И поѣхали дальшъ! Ъхали, ѣхали, а санки тресъ!—и поломались..... О, гладунъ! на што жъ ты поломавъ? Ступай тяперъ у лѣсъ, сани шукай! Вотъ и пошовъ мядвѣдь саней шукать. Зачапивъ колоду да й тягня.—О, гладунъ! хйба ето сани? Постеражи-тка вола, я пойду! Вотъ лисица пошла, а мядвѣдь узявъ, волу пузо разрѣзавъ, кишки выпустивъ, поѣвъ, поѣвъ, да соломой напхавъ, а самъ и побѣгъ. Бѣгъ, бѣгъ, да въ лисичкину хатку: улѣзъ у жлукто и сядить. Привязла лисичка санки, запрагла волика и погоняя. Волъ ня йде. Яна злѣзла, стала яму помогать, да и пихнула яго. Волъ и ноги задравъ! Стояла, стояла яна коло яго... Охъ, спознилась жа я! пора мнѣ домовъ: треба холсты золить! Кинула яна санки и волика, и побѣгла домовъ. Прибѣгла, намочила холсты, и пошла на дворъ по жлукто. Только стала брать, а мядвѣдь за яе, и ўбивъ.

Въ малор. сказкѣ, помѣщ. у Афан. IV стр. 11, мѣсто медвѣдя занимаетъ волкъ. Бывъ вънутренности, волкъ напускалъ туда воробьевъ, а дырку заткнулъ соломой. Лиса напала на его, заставивъ приморозить хвостъ ко льду.

Вообще, сказка варьируется чрезвычайно; есть варіантъ, гдѣ лошадъ и сани принадлежали волку, а разломила сани и съѣла лошадъ лисица. Потомъ, притворившись больною, она-же убѣдила волка запречься и везти ее въ новыхъ санахъ (*ibid.* 7).

Въ селѣ *Забычань*, на границѣ чериковскаго и климовицкаго уѣздовъ, записанъ слѣдующій варіантъ:

в) Живъ дзѣдь изъ бабой. Бывъ у ихъ пѣвникъ и курочка. Пошли яны на сметыщища, знашли житчинку и пшаничинку. Пѣвень знашовъ пшаничинку, а курка житчинку. Принясли ихъ къ бабцы да къ дзѣдкѣ и говорюць: «дзѣдъка да бабка! наця вамъ етыя зернятки, змялиця, да пирожокъ спячиця!» Дзѣдь и баба ўзяли, ды змололи; ну, пирожокъ спякли. Тѣй пирожокъ сядзѣвъ, сядзѣвъ у печцы, ды говориць: «бабка! мнѣ тутъ душно: посодзѣя мяне на запечакъ!» Тоды яны яго ўзяли, на запечакъ посадили.—«Бабка! мнѣ й тутъ душно: посодзѣя мяне на лавку!»

Посадили яго на лавку. Изновъ яму й на лавцы душно. «Посадзьця мяне на столъ!» Посадили на столъ. «Мнѣ й тутъ душно: посодзьця мяне на воконцо, ды 'тчиниця воконцо!» Сядзѣвъ енѣ, сядзѣвъ на воконцы ды й скокъ за воконцо. Бабка зъ дзѣдзь-комъ побѣгли яго догоняць: гнались, гнались, ды й не догнали яго. Бяжиць пиро-жокъ, бяжиць, по дорози, и стрѣвъ вовка. «Куды ты, пирожокъ, бяжиць?» енѣ пы-таецца—вовкъ у пирожка. А енѣ говориць: я отъ бабки ўцѣкъ и 'тѣ дзѣдзьки ўцѣкъ, и 'тѣ цябе ўцяку! И пошовъ сабѣ по дорози. Вовкъ гнався, гнався и не догнавъ енѣ яго. Бяжиць, бяжиць енѣ по дорози, и стрѣвъ мядзвѣдзя. «Пирожокъ, пирожокъ, ку-ды ты бяжишь?»—Я и 'тѣ бабки ўцѣкъ, и 'тѣ дзѣдзьки ўцѣкъ и 'тѣ вовка ўцѣкъ и 'тѣ цябе ўцяку! И побѣгъ. Мядзвѣдзь бѣгъ, бѣгъ за имъ и не догнавъ. Бяжиць енѣ, бяжиць по дорози, и стрѣвъ зайчика. «Пирожокъ, пирожокъ, куды ты бяжишь?»—Я 'тѣ бабки ўцѣкъ, и 'тѣ дзѣдзьки ўцѣкъ, и 'тѣ вовка ўцѣкъ, и 'тѣ мядзвѣдзя ўцѣкъ, и 'тѣ цябе ўцяку! И побѣгъ изновъ по дорози. Стрѣвъ лисицу. «Пирожокъ, пиро-жокъ, куды ты бяжишь?»—Я 'тѣ бабки ўцѣкъ, и 'тѣ дзѣдзьки ўцѣкъ, и 'тѣ вовка ўцѣкъ, и 'тѣ мядзвѣдзя ўцѣкъ, и 'тѣ зайца ўцѣкъ, и 'тѣ цябе ўцяку.—«Я ня чую гетаго, што ты скажэшъ.. Ну-тку, ко мнѣ ближчѣй подыйдзи!» Якъ енѣ подыйшовъ, яна яго и схалила. Узала яго, разломилла, мякушакъ выѣла, а тамъ чимъ нехорошимъ накла-ла, ды й сшила скориночку яго опяць. И нясець яго. Стрѣла мужика; ѣдзець мужикъ на волку. «Чаловѣча, чаловѣча добрый! Продай ты мнѣ етаго волика, я табѣ цѣп-ленькій, мякенькій пирожокъ дамъ за етаго волика!» Прозпустила яго. Ёнѣ отдавъ ей волика, сабѣ пирожокъ узавъ. «И ня ѣжъ жа ты етаго пирожка, покуль я за-бигу за тую горку!» Якая тамъ горка есць. Поѣхала яна на волику, заѣхала за горку, мужикъ поладзѣвъ, дыкъ у тымъ пирожку тольки 'дна шкурочка, а то ўсё г—о. Яна яго, бачъ, понаншала и зашила.

Ну, ѣдзець яна по дорози, и стрѣла вовка. Ёнѣ и проситца у яе подѣхачъ: «кумка-голубка, пусци мяне подѣхачъ!»—Э, кумища-дурнища, ты самъ собою купи волика—отказуецъ ужо яму—я рада, што купила.—«Кумка голубка, пусци хуць лап-ку ўточнись сюды!»—Э, кумища-дурнища, садзися ўжо соўсимъ! Ъдучъ, ѣдучъ, стрѣ-ли зновъ опяць мядзвѣдзя. «Кумка-голубка, пусци жѣ мяне проѣхачъ!» проситца у лисицы.—А нѣ, кумища-дурнища, моѣ сани плохенькія!—«Кумка-голубка, пусци хуць лапку ўточнись!»—Ну, кумища-дурнища, садзися соўсимъ! Сѣвъ и мядзвѣдзь соўсимъ. Ъхали, ѣхали, и стрѣли зновъ зайчика. «Кумка-голубка, пусци жѣ и мяне проѣхачъ!»—А нѣ, кумища-дурнища, санки моѣ плохенькія. И давай имъ укладаць—казаць: вы жѣ сами купиця сабѣ волика. Я рада, што сама сабѣ пайшла! Ъхали, ѣхали яны—и заць подеѣвъ—санки крѣхаютца!—«Злѣзайця, кумищи-дурнищи, съ санокъ доловъ!» А тыя санки крѣхъ-крѣхъ—ломаютца.—А нѣ, кумка-голубка, это табѣ здаецца такъ! Ъхали, ѣхали,—санки и поломались! «Ну ўжо, говориць: я вамъ казала злѣзайця! Сту-пайця цяперъ санки дзѣлаць! Ты, вовчища-дурнища, идзи вязьзя сѣчъ! А ты, зайчи-ща-дурнища, идзи пакляцки *) сѣчъ. А ты, мядзвѣдзница-дурнища, идзи по 'глобли. А я буду пасцивиць волика!» Пошли яны ў лѣсъ, а яна ўжо пасцивиць того волика. Прокладнѣць икъ ей другіѣ вовкъ, и зваліа за нѣмъ того волика. Завели волика, ды шку-

*) Продаваныя класічныя, набываючы на колыма поварскіхъ вязей.

ру ўзяли ды напихали соломую, ды подпёрли, кабъ ёнъ стоявъ, и пошли. Тыя жъ попринясли ўсё своё, по вошто яна посылала ихъ, и рады, што яе нема. И здзѣлалі яны санки, ўси огуломъ—и вовкъ, и мядзвѣдзь, и заяцъ. Ну, здзѣлавши санки, запрягли того волика и стали погоняць. Ёнъ ня йдзець. Яны яго били-били, ёнъ и сунуся. Стали лядзѣць, ажъ ёнъ соломой нанханъ. Такъ и поразышліся.

Крест. Гриняна, 62 лѣтъ, вдова, неграмотная.

24. Котъ и лисица.

Живъ сабѣ дѣдъ да баба. И бывъ у ихъ котъ, старый, старый, што ня ўздолѣя и мышъ споймати. Вотъ дѣдъ и говора: «што намъ етому коту дѣлати? Давай мы отвязомъ яго ў лѣсъ: ¹⁾ нехай дурно хлѣба ня ёсти.» —Ну, давай! Отвязали яны кота ў лѣсъ, и кинули тамъ. Іде котъ по лясу й плача. Бягить лисица. Убачила кота, прыбѣгла къ яму да й кажа: «куды йдэшъ, котя?»—А, живъ я ў дѣда и ў бабы, да якъ сустарѣвся, яны мяне и завязли ў лѣсъ и кинули!—«Давай съ тобой, котя, поженнемся!» И поженились лисица съ котомъ. Повала тоды яна кота у свою хату, и стали яны у хатцы жить. Бягить по лясу мядвѣдъ—тресь-ломъ! тресь-ломъ! тресь-ломъ! Выбягла лисица съ хатки: «а хто ў моёмъ ляску трашчить?! У мойго дядыща хвостъ съ помялища: икъ вылѣзъ, дыкъ и тебе заволоча!...» ²⁾ Спугався мядвѣдъ, и побѣгъ. Бягити по лясу вовкъ: тресь-ломъ! тресь-ломъ! тресь-ломъ! Вылѣзла лисица съ свое хаты и кажа: «а хто ў моёмъ ляску трашчить?! У мойго дядыща хвостъ съ помялища: икъ вылѣзъ, дыкъ и тебе приволоча!...» Спугався вовкъ, и побѣгъ. Бягить кабанъ по ляску: тресь-ломъ! тресь-ломъ! тресь-ломъ! Выбягла лисица съ свое хаты: «хто йто ў моёмъ ляску трашчить?! У мойго дядыща хвостъ съ помялища: икъ вылѣзъ, дыкъ и тебе заволоча!...» Спугався кабанъ и побѣгъ. Бягити по ляску заяцъ: тресь-ломъ! тресь-ломъ! тресь-ломъ! Выбягла лисица съ свое хаты: «а хто йто ў моёмъ ляску трашчить? У мойго дядыща хвостъ съ помялища: икъ вылѣзъ, дыкъ и тебе заволоча!...» Спугався заяцъ, и побѣгъ. Собралися яны ўси ўкучу: мядвѣдъ, вовкъ, кабанъ и заяцъ: собралися, и говораць: «Якъ намъ яе мужука полядѣтъ? Нумъ-ка, збяромъ обѣдъ! Ты, мядвѣдъ, иди по мѣдъ, а ты, вовкъ, иди по мясо, а ты, кабанъ, иди по сало, а ты, заяцъ, по хлѣбъ!» ⁴⁾ Пошли яны збирати обѣдъ: мядвѣдъ принося колоду зъ мѣдомъ, вовкъ мясо, а кабанъ сало, а заяцъ хлѣбъ. Принясли ўсё и стали обѣдъ збирати. Зготовили обѣдъ. «Нў, кому жъ итѣти по ихъ? Иди ты, мядвѣдъ!»—Нѣ, я лемеховатъ!—«Ну, иди ты, вовкъ!»—Нѣ, я ня ўворотокъ!—«Ну, иди ты, кабанъ!»—Нѣ, я ня швыдокъ!... Приходитца зайцу бѣгти. Пошовъ заяцъ, побѣгъ икъ норѣ и кажа: «добры-день! просивъ батька и matka, штобъ вы ласковы были, къ намъ на 'бѣдъ пришли, хлѣба-соли зѣбли, чарку горѣлки выпили!...» ³⁾ Да самъ якъ можно скорѣй назадъ! Прибѣгъ заяцъ домовъ. Поставили яны скорѣй ўсё на столъ, а сами пошли да поховались: мядвѣдъ на дуба, вовкъ подъ кустъ, кабанъ у мохъ, заяцъ у крапиву—и сидять. Приходять котъ да лисица на обѣдъ; бачати—никого нема. Ёбли яны за столъ и почали обѣдати. Котъ убачивъ, што кабанъ хвостомъ махая отъ мухъ. И подумавъ, што ето мышъ, ды якъ скаканувъ! ды лапami за хвостъ!

Вотъ кабанъ якъ ўсхопѣтъ! да якъ побѣгнѣтъ! чмѣ живѣ! А мядвѣдъ якъ убачивѣ ето, да зѣ дуба! да на вовка! да дралы! А заяцъ за ими! Бягутъ, ажѣ пылъ стовбомъ! Тоды лисица кажа коту: дурный ты, котъ! на што ты ихъ чапавѣ? Мы жѣ ба ще не разѣ хорошо у ихъ подобѣдали!...

Гом. у.

Вар 1) Давай прогонимъ яго. И прогнали. Пошовъ котъ у лѣсъ, и плача. 2) А хто у моемъ лиску допотунѣ? Ё у мяне мужичища, хвостъ якъ помялища: якъ дасть-дыкъ и тѣбе приволоча! 3) Обыкновенная формула приглашеній 4) Ты, мядвѣдъ, бяги по хлѣбъ, а ты, вовкъ, по мясо, а ты, кабанъ, бяги по капусту, а ты, заяцъ, бяги по ложки!

Ср. № 8 «Вовкъ и собака,» и Сборн. Афан. IV стр. 60 Садовн. 174.

25. Вовкъ, лисица и овца.

Гонявъ пастухъ овечакъ, и отбилася одна овечка отъ стады и засталася зимоваць у лузи. Приходзя къ ей лисица сѣстра—Марьяна зимоваць. И отвѣщая лисица Марьяна: здорова, сѣстра Маланья! чаа ты тутъ засталася, Маланья? А Маланья отвѣщая: што засталася?—ня знаю ходзянина! Лисица Марьяна сказую: я цябе, каа, сѣстра Маланья, выведу, на вясну икъ ходзянину завяду! Ну, стали Маланья зѣ Марьяной ходзиць укучи: Маланья сѣно ѣсъ коля стога, а Марьяна мышей копая. Приходзя икъ имъ вовкъ—Миронъ, и каа на Марьяну: здоровъ, сѣстра Марьяна! Што ты водзишь за собой сѣстру Маланью? А лисица каа: я Маланью выкормлю, на вясну выведу и къ ходзянину завяду! Цяперъ вовкъ Миронъ сказую: и я буду зѣ вами ходзиць! А Марьяна отвѣщая: у цябе, братъ Миронъ, поганья мысли!—Да нѣ, сѣстра Марьяна! Цяперъ яны утронѣхъ ходзили-ходзили: лисица мышей копая, овечка сѣно ѣсъ, а ёнъ такъ ходя, якъ стовпѣ. Тоды вовкъ Миронъ каа: ляжамъ спаць! Вотъ яны лягли подъ стогомъ, и сама Марьяна лягла посяродѣ. Поляжали яны, поляжали, тогды Миронъ устаецъ. А Марьяна и спрашую: чаа ты, братъ Миронъ, устаешъ? А ёнъ отвѣщая: холодно, сѣстра Марьяна: хочу повшубокъ содраць съ сѣстры Маланьи! Марьяна тоды каа: эй, братъ Миронъ! у цябе граховъ много: дай повяду ўперадъ къ сповядзи! Вотъ яны устаюць, и повяла яна вовка къ сповядзи. Вѣдала яна, дзѣ зялѣзы стояли. Привяла къ зялѣзамъ и каа: отбивай, братъ Миронъ, поклоны! Вотъ вовкъ якъ поклонився, зялѣзы и ўхвацили яго. Тогды вовкъ пытаецца: што ето будзя, сѣстра Марьяна? А яна каа: а вотъ, придзя попъ съ кошой, дзякъ съ свячой и паламаръ—будзя свѣчи палиць!... Вотъ стало видѣць. Идуць лядѣць зялѣзовъ. Вовкъ и пытаецца: хто ето йдзецъ? А Марьяна отвѣщая: попъ съ кошой, а другій дзякъ съ свячой и паламаръ. Тогды ёнъ пытаецца: што яны будуць дѣлаць? А йна каа: сповядаць цябе будуць! Ну, тѣй пришовъ зѣ ружжомъ, да бѣхъ! А другій коликомъ, а паламаръ дзивитца. Тоды яна каа: «кадуцы цябе бари! ты живешъ ня ў совѣсьци!» Ды й пошла. Прокормила сѣстра Марьяна сѣстру Маланью зиму; на вясну вышла у поле, завяла яѣ къ ходзянину и ўпустила у овечки къ пастуху.

С. Чигиринка, бѣл. у.

Запис. въ моемъ присутствіи учитель нар. уч. *Тихоновичъ* отъ кр. Ѳедора Леонова.

26. Вовкъ, старая собака и котъ.

Живъ такъ сабѣ старикъ. И бывъ у яго старый собака. Дзѣдъ и выгнавъ яго зъ двора. Пошовъ собака ў лѣсъ, ажны тамъ сядзиць вовкъ. Вовкъ и говориць: ходзи ко мнѣ, будземъ съ тобой дружно жиць. И пошовъ собака къ вовку жиць. Ляжалн яны разъ у мярлози, и захоцѣли ѣсь. «Идзи, кажиць вовкъ: полядзи, можа, хто ѣсь на поли!» Вышовъ собака, полядзѣвъ и говориць: гуси ходзюць! Вовкъ каиць: «бѣганины ѣсь, а пожитку мало!» А собака той ѣсци хочиць: яму капъ хуць гуску. Тоды чаразъ частъ вовкъ изновъ кажиць: «выйдзи, полядзи, можа ще хто ходзиць!» Собака выбѣгъ и говориць: свиньни ходзюць.—«Ну, бѣганины ѣсь, а пожитку мало!» А чаразъ частъ изновъ кажиць: «выбяжи, можа хто ходзиць!» Собака выбѣгъ и говориць вовку: конь ходзиць!—«Ну, цяперъ пойдземъ.» Вовкъ пошовъ, помочився ў воду, укачався ў пясокъ, пришовъ къ собаку и говориць: ци звѣчився я?—Звѣчився! Пошли къ коню. Вовкъ зайшовъ къ мордзи и страханувся. Конь глянувъ, а вовкъ яго и задавивъ. Подѣли яны съ собакомъ. Тогды собака говориць: ну, я цяперъ наўчився ўже: пойду одзинъ! Собака пошовъ, ажны идзець котъ. Собака говориць коту: «Ходзи ко мнѣ, ты наўчишься отъ мяне давиць скоть!» Пошли яны ў лѣсъ. Собака канць коту: идзи, полядзи, можа хто ходзиць на поли! Коцикъ вышовъ и говориць: ходзюць гуси!—Э, бѣганины ѣсь, а пожитку мало! А котъ ѣсци хочиць. Собака и говориць: выбяжи яще, можа хто ходзиць! Коцикъ выбѣгъ и говориць: свиньни ходзюць.—Э, бѣганины ѣсь, а пожитку мало! Чаразъ частъ собака ўзнавъ посылаецъ коцика: выбяжи, можа хто ходзиць! Котъ выбѣгъ и каиць: конь ходзиць!—Ну, цяперъ пойдземъ! Пошовъ собака, помочився ў воду, укачався ў пясокъ, пришовъ къ коту и говориць: ци звѣчився я? Котъ говориць: нѣ! Собака говориць: кажи, што звѣчився!—Ну, звѣчився. Собака пошовъ къ коню, а конь якъ дасъ яму копытомъ—ѣвъ и скручився. Котъ тоды й каиць: во цяперъ звѣчився!...

М. Обшуга стын. у. Запис. крест. Тихонъ Ивановъ.

27. Козель и баранъ.

Жили сабѣ дзѣдъ да баба. И жили яны прежда хорошо. Тоды дальше—подальше бѣдносьць у нхъ усялилася—стали бяднѣць. Тольки й остався у нхъ козель да баранъ. Вотъ разъ, ночьюу, якъ лягли яны спаць, и стали мизда собки зюкаць. А козель да баранъ подъ лавкой ляжаць: баранъ спичъ, а козель такъ ляжиць, не спавъ ящ. Дзѣдъ говориць: баба, што ты думаешъ? Прижились ~~мы~~—нечимъ ужо ў насъ капуста затолочъ. Зарѣжамъ-ка мы козла! А козель ня спичъ и ето чуецъ. Вотъ, якъ заснули старикъ съ старухой, тоды ѣвъ товхонувъ баранъ подъ бокъ: што ты, братъ, вѣдаешъ? Насъ ужо собираютца рѣзаць! Узяли яны вѣбоя (обое), вокно выбили, да ў вокно и вылезли, и пошли у ходъ, удвохъ, мизда собку.

Ишли, ишли, заходзюць у лѣсъ, и говорюць: давай мы тутъ обночлежимся! Стоиць тамъ пенушокъ, возли нхъ; козель на баранъ говора: «сими ты, братъ, цяпло! цяпелцо разложимъ!»—Якъ жа я буду сѣчь цяпло?—«Не ходзивъ ты, братъ, ящ по

дорогахъ! И огню не знаешь якъ сѣчь! Разгонися, да лобомъ у пень! А я пойду у дровы, принясу макушку дровъ!...» Тольки што пошовъ у дровы козёлъ, яго стрѣчаецъ вовкъ. Козель на барана уже кричиць: «ай, братъ во ёнъ вовкъ! Дзяржи тамъ яго, а счасъ буду на помогу, мы яго поймаемъ!» Етый вовкъ отъ ихъ на ўходало ударивъ, пошовъ отъ ихъ уцекаць.

Собрадись козель да баранъ изновъ ўкучу. «Намъ, говора, неколи цяпло раскладаць тутъ,—ёнъ вернетца зновъ назадъ!» И пошли съ того мѣста лѣсомъ. Приходяць—стоиць ель густая. «Полѣземъ, братъ баранъ, сюды на ету ель!»—Братъ, говора, я ня ўзлѣзу!»—Идзёмъ за панибратця, дакъ я цябе ня кину, будзешъ и ты на елцы!» Узывъ, подсадивъ яго на первые сучки. Лѣгъ ёнъ пузомъ на сучча, ня можець дѣйствоваць—ноги висяць. А козель попрыгавъ на самую макушку.

А вовкъ тэй, якъ бѣгъ отъ ихъ, и стрѣвъ лисицу. «Мовчи, кажець, кумочка! Мые сягоньни хоцѣли ўбиць нѣйкихъ два воины!»—Што тамъ за воины? Побягнимъ мы ихъ найдземъ. Вадзи къ томъ мѣсту мяне!»—«Ну, пѣйдземъ сабѣ, я зводжу цябе на тое мѣсто, дзѣ яны были!» Пришли яны на тое мѣсто—ихъ уже нема. Ины ударили на ўдогонъ уже за ими: лисица бягиць уперадъ и нюхаецъ по слядахъ, а вовкъ за сй бягиць. Прибгаюць яны къ ёлцы къ той—лисица на вовка и говориць: поцераля, братъ, сляды! Бѣгала, бѣгала вокругъ ёлки, усё шукала слядовъ. Тоды говориць: стой, говориць, сядзимъ: я ў карты поворожу! Сѣли яны кружкомъ коло ёлки коло етой. Барану жъ тому няўдосугъ сядзѣць на томъ на суччу: цепенерся ёнъ сядзиць тамъ! Дакъ ёнъ ажно с..ць пусцивъ съ сучча съ того, да прямо на карты на тыя... Тоды лисица кажець на вовка: нагни, братъ, голову, а то дожджъ карты намоча!

Етый баранъ потомъ висѣвъ, висѣвъ, ды тоды шмякъ! На вовка на етаго звалися, якъ яны сидзѣли, ето, ворожили. Козель тоды кричиць: «дзяржи ворожбичку! дзяржи ворожбичку! И вовкъ и лисица скорѣй уцекаць!..

А баранъ съ козломъ пошли уже ў ходъ, куды хоцѣли. И я тамъ бывъ, медъ-вино пивъ, и ў роци ня було, и по бородѣ не цякло.

С. Надъйковичи, к. мимовичи. у.

Кр. Иванъ Константиновъ 25 лѣтъ, неграмотный.

СКАЗКИ МИФИЧЕСКІЯ.

1. Звѣриное молоко.

Нещастное дитя.

Живъ у воднаго бѣднаго дзячка одзінъ малецъ, и была у гэтаго-жъ дзячка дзяковна. Гэты малецъ подкацнвсѣ къ ёй, подломивсѣ—и стала яна отъ яго бяременная. Якъ узнавъ гэта дзякъ, дыкъ ихъ отъ сябе и отправивъ. Забралися яны, и пошли, куды вочи глядзяць. Ишли, ишли яны, и ўвѣйшли у такую пушу, што й выйци имъ няльзя було. Тоды малецъ кинывъ дзяковну и пошовъ. Ходзила яна одна, ходзила, и вышла къ дорози. Сѣла подъ ёлкой отдыхнуць, и родзила сына. Ставъ тэй сынъ рэсць не по днямъ, ды по часамъ, и тойчасъ ставъ зъ маткой говориць. Вотъ матка и говориць яму: ци вѣдыешъ, сыночъ? Я ужо ходжу по гэтымъ лѣси три дни, и нема ў мяне ничо́го їсци! А ёнъ кажець: «ѣши, мама! я табѣ яды разстараюся!» Вотъ ставъ ёнъ на ноги и пошовъ по дороги, а матку подъ ёлкой покинувъ. Ишовъ, ишовъ, видзиць—ѣдуць купцы. Ёнъ узавъ, дубовъ понавывярнуць и заваливъ дорогу. А самъ сѣвъ вѣдали и сядзиць. Пріѣхыли купцы къ гэтому мѣсту, и стали говориць, якъ-бы имъ пераѣхыць. Ёнъ тоды уставъ и подыйшовъ къ имъ. «Што вы мнѣ дасцѣ, я вамъ расчищу дорогу?»—Што хочешъ, то й возьми, тольки расчисци! Набравъ ёнъ много разнаго їдзеньня, и раскидавъ дубы. Купцы и поѣхали. Вярнувъ ёнъ къ матцы: «вотъ, мама, ёсь и яда!»—Добро, мой сыночъ! разстарався ты яды,—а што мы будземъ дѣлыць, коли придучъ къ намъ вовкы и зядучъ насъ, а намъ нечимъ и отборонитца.—«ѣши, мама! разстарався я табѣ яды, разстараюся и обороны!» Пошовъ ёнъ на тое самое мѣсто и заваливъ узнова дорогу. Ўдуць купцы. Пріѣхыли къ тому мѣсту—няльзя дали їхыць. Стали яны думыць, якъ-бы имъ пераѣхыць. Ёнъ тоды подыйшовъ къ имъ и говориць: «што мнѣ дасцѣ, я вамъ расчищу дорогу, и вы проѣдзеце?»—Што хочешъ, то й возьми, тольки расчисци! Ёнъ раскинувъ дубы и ўзавъ у ихъ собаку и ружжо. Купцы и поѣхали. Приходзиць ёнъ къ матцы: «ну, вотъ, мама, и оборона ёсь!»—Добро, сыночъ! разстарався ты обороны, а нема у насъ одѣжы!—«ѣши, мама, пойду и забью звѣра якогo-нибудзь и пошіемъ шубы!» Узавъ ёнъ ружжо и собаку и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, и увидѣвъ лису зъ лисенятами. Зложивъ ёнъ, и ставъ у яе цѣлитца. А лисица и говориць: «дзиця ты нещастное ў

своей матери! ня би ты мене, возьми лучше моего меньшаго лисянёнка, будзець ёнъ табѣ у валикой пригодзи!» Послухався ёнъ, узавъ лисянёнка и пошовъ дали. Ишовъ, ишовъ, и увидзѣвъ вовчицу зъ вовчанятами. Ёнъ спѣлся у яе, а яна и говориць: «дзиця ты несчастное у своей матери! ня би ты мене, возьми лучше моего меньшаго вовчаненка, будзець ёнъ табѣ у валикой пригодзи!» Узавъ ёнъ у яе вовчанёнка и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, сустрѣчаецъ мядвѣдзиху зъ медвѣдзянятами. Зложився ёнъ, и ставъ у яе цѣлитца. А мядвѣдзиха говориць: «дзиця ты несчастное у своей матери! ня би ты мене, возьми лучше меньшаго моего медвѣдзянёнка, будзець ёнъ табѣ у валикой пригодзи!» Узавъ ёнъ медвѣдзянёнка и пошовъ дали. Ишовъ, ишовъ, и увидзѣвъ ильвицу зъ ильвенятами. Вотъ ёнъ зложився, и ставъ у яе цѣлитца. А ильвица говориць: «дзиця ты несчастное у своей матери! ня би ты мене, лучше возьми меньшаго ильвянёнка, будзець ёнъ табѣ у валикой пригодзи!» Ёнъ тоды ставъ думыць, што и ўси яму такъ-жа само говорили. Што гэта значитца? И пытаецъ ёнъ у ильвицы: «скажи ты мнѣ, зачимъ я несчастный у своей матери? Тоды я й дзяцёнка твоего ня возьму!» Ильвица яму и кажець: «послѣ ўзнаеш!» ды й побѣгла. Пошовъ ёнъ дали, и набравъ сабѣ такъ двананцаць разныхъ звяровъ. И яны отъ яго николи ня тлугалиси: куды ёнъ, туды и яны бягуць. Тоды вярнувся ёнъ къ матцы: «вотъ, мама, ёсь у мене ашъ двананцаць звяровъ!»—Добро, мой сынокъ; але немашъ у насъ хаты!— «А вотъ, я пойду разстараяся!» Пошовъ ёнъ искаць хаты, а собака и ўси звяри за имъ. Ишовъ, ишовъ, енъ ишовъ, ишовъ, видзиць—хата. Увийшовъ у хату, ашъ тамъ сядзиць змѣй съ тромя головами. Якъ убачивъ яго змѣй, дыкъ и закричавъ: «ага, вотъ жа коли я цябе дождався! ну, цяперъ я цябе зѣмъ!» Тольки змѣй за яго хавився, якъ звяри тойчасъ кинулись на змѣя и разорвали! Ёнъ тоды закопавъ змяинны головы у трохъ куткахъ, а самъ пошовъ по матку. «Ну, мамъ, ходзи: разстарався я хаты!» Вотъ пришли яны у змѣяву хату и стали тамъ жиць.

Поживши сколько-нибудь, сынъ собрався на охвоту и кажець матцы: «мамъ! я пойду на хвоту, а ты тутъ будзъ. Тольки ты коли будзешъ мене споминаць, не гляди у гэтые три куты!» Ёнъ пошовъ, а яна не суповнила, што ёнъ сказавъ, и стала нюкаць по куткахъ. Ашъ оттуля и вылазиць змѣй съ тромя головами. «Ну, кажець, иди за мене замужъ! А коли ды ня пойдзешъ, дыкъ я цябе загублю!» Яна кажець: пойду!—«Зѣжъ комокъ ямли!» Яна зѣла. Тоды змѣй говориць: «страць ты своего сына, што ёнъ мене загубивъ.»—Якъ-жа мнѣ яго страциць? Наўчи!—«Ты притаисъ хворю, и скажи, кабъ ёнъ дыставъ табѣ на зелья звяринаго молока. Якъ пойдзець ёнъ дыставаць молока, звяри яго и зядуць!...» Матка такъ и здѣлыла. Пришовъ сынъ съ охвоты, а яна ляжиць на койцы ды стогнецъ.—«Чаго ты, мамъ?»—Охъ, мой сынокъ: я дужо хвора! Кабъ ты дыставъ мнѣ лисичьаго молока; можа-бъ мнѣ полѣпшало. Ёнъ пошовъ и принёсъ ёй молока отъ лисицы. Тоды яна послала яго за вовчинымъ молокомъ, а дали за мядвядзинымъ, а послѣ за ильвинымъ. Ёнъ-жа приносиць; звяри яму ничего ня дѣлыли, бы ў яго были ихныя дѣтци. Тоды змѣй говориць матцы: «далеча отсюль ёсь гора, у тэй горѣ ямина, у ямини ключъ. Пошли ты яго туды за водой. Оттуль ёнъ уже пѣвне ня ўзвернетца!» Матка такъ и здѣлыла. Нечаго тому дѣлыць—узавъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ ёнъ, ишовъ, ишовъ—приходзиць къ

горѣ. Найшовъ на горѣ ямину и полѣзь. Звари яго за имѣ. Доставъ ёнъ воды и ставъ выльзаць. Ашъ зямля обрылася и засыпала яго звяровъ. Плакавъ ёнъ, плакавъ надъ ими и пошовъ одзинъ домовъ. Принёсъ матцы воды; яна пѣхынько за ковнеръ и вылила.—«Вотъ, дзякуй, сыночъ: цяперъ я ўжо полѣпшала. Скажи ты мнѣ, сыночъ, у чомъ твоя сила?»—У рукахъ, мамка! Тоды змѣй наўчаецъ яё, кабъ дала сыну перарваць товстэй зялѣзны прутъ: коли ёнъ гэты прутъ перарвецъ, дыкъ у яго кровъ съ палцовъ пойдзець и ёнъ уворецъ половину своей силы. Яна такъ и здѣлала. Якъ только ёнъ перарвавъ прутъ,—такъ сила яго и ўтрацілася... Вылезъ тоды змѣй ись-подъ пола ды кажець: «вотъ-жа коли я цябе забью! Цяперъ ты ўжо утрацівъ свою силу! Звару цябе заўтра у котлѣ!...» Ставъ тоды малецъ плакыць. Ашъ приходзиць икъ яму нѣйкій старичокъ, якъ-бы святэй, ды говориць: «не плачь, а просись, кабъ давъ табѣ строку на три дни. Ужо твой собака и мядѣдзь вылезли, ды ждудъ другихъ звяровъ. Якъ только ўси вылазудъ, дыкъ прыбегудъ и цябе отратуюць...» Сказавъ такъ, ды нема-вѣдома дзѣ подзѣвса. Малецъ тоды и ставъ проситца у змѣя, кабъ ёнъ подождавъ три дни: «усё равно и тоды здѣлаетъ со мной, што захочеш!» Змѣй здався. Ну, пройшовъ дзень, пройшовъ и другій. На третей дзень приходзиць змѣй. Только ёнъ узаяся за малца, кабъ яго рѣзыць,—ашъ тутъ и звари бягудъ. Кинылись яны—который у двери, который у вокны, и разорвали и змѣя и матку.

Тоды подзякували яны малцу, распрощались, и пошли кѣжанъ къ своей матцы. А малецъ ставъ у тэй хацѣ жиць ды поживаць, ды добра заживаць. И я тамъ у яго бывъ, усё тое видѣвъ, медъ и пиво зъ имѣ пивъ: по вусамъ цякло, ды ў ротъ на пупало.

Д. Климовичи, сѣнн. у.

Сказка записана въ 17 вариантахъ. Это само собою доказываетъ, что она подвергалась большимъ измѣненіямъ: дѣйствующими лицами въ ней являются, какъ видно изъ приводимыхъ ниже вариантовъ, и мужъ съ женою, и чаще-всего—братъ съ сестрою. Мнѣніями существами, *кромѣ змѣя*, являются: мѣдьяный вовкъ, вовколаки, Кощей безсмертный и Юда прозвуститель. Позднѣе они были замѣнены разбойниками, какъ струпливый воронъ, извѣщавшій Ивана-царевича о приближеніи змѣрей, замѣненъ *старичкомъ, иль бы святымъ*.

Ср. Драгом. 299. Чубинск. 285. Афанас. VI, 241.

2. Пуца драмуца.

Живъ бывъ царъ съ царицей, и было у ихъ двое дзяцей: сынъ Иванъ и дочка Алѣна. Помѣрли ихъ бацьки, застались яны сиротками. Вотъ яны и пошли зъ двора. *)

*) *Варианты:* 1) Живъ бывъ дзѣдъ изъ бабой. И было у ихъ три сына и дочка. Дзѣдъ и баба не любили ни дочку, ни меньшого сына. Тоды дочка и меньшій сынъ зрадилися йди у свѣтъ. И пошли..... 2) Якъ жили были старикъ и старуха, и *було* у ихъ сынъ Иванька и дочка Аннушка. Помѣрли ихъ бацьки, покинули ихъ сиротками. И на *було* имъ нидѣй пріюту. Много процарпѣли яны голоду и холоду. А тоды узали ды пошли зъ двора. 3) Живъ, бывъ одзинъ богатый купецъ И *було* у яго сынъ и дочка. Купецъ и купчиха были дужо старыя, а дзѣци ихъ были малыя. Дзѣци дужо не хочѣли видѣць смерци своихъ бацькоў, дыкъ яны зрадилися и уцякли ноччи отъ ихъ....

Ишли яны, ишли, якъ стало смеркатца. Зайшли яны на ночь къ одному пану. А у того пана бывъ маленькій собака, и дужа ёнъ имъ сподобався. Ноччи, якъ уси полягли спаць, яны украли гэтаго собачку и уцякли. Нясучъ яны яго, нясучъ, а ёнъ ўсё роспець, ды роспець, и къ повдню выростъ зъ добраго собачку. Пусцили яны бѣгчи — ёнъ бяжиць, ды ўсё роспець ды роспець, и къ вечару выростъ зъ добраго жарабенка. Тоды яны якъ заморутца, дыкъ на имъ и подѣдучъ. Ъхали яны такъ, ѣхали, и прѣѣхали у большій лѣсъ, у такую пушу, што и сцешки нема. Стали яны, и ня вѣдаюць, што тутъ робиць. Ашъ чуюць — нѣйдзи пятаухъ кричиць. Тоды братъ кажець на сястру: «ты посаdzi тутъ, а я пойду поляджу, хто тамъ живець?» Идзець ёнъ дзень, идзець другій, а на третій узлѣзъ ёнъ на древо и увидзѣвъ высокіе покои. Ёнъ злѣзъ и пошовъ туды. Приходзиць, ашъ тамъ дванатцаць покоевъ, на сцѣнахъ шабли ды ружжи навѣшаны, а людзей нікого нема. Тольки хоцѣвъ ёнъ ици за сястрой, ашъ видиць, идучъ дванатцаць разбойниковъ. Ёнъ назадъ ды и двери запёръ. Разбойники стукали, стукали — не отчинюць. Стали яны у вонно лѣзць. Иванъ царевичъ узавъ шаблю, ды якъ тольки который просунець голову — ёнъ яго и зарѣжець. Побивъ ихъ усихъ такъ, але самага опослѣдняго не забивъ, тольки шію порѣзавъ. *) Спанувъ ёнъ ихъ у особый покой и завязавъ двери лычкомъ. Тоды пошовъ ёнъ за сястрой. Привѣвъ яё и кажець: «ну, ты шъ ходзи по ўсихъ покояхъ, а ў гэтыя нѣдзи, и лычка не отвязувай.» А самъ пошовъ на охвоту. Якъ ёнъ пошовъ, дыкъ яна зацикавилася, зачымъ гэта братъ не вялѣвъ ёй ходзиць у тэй покой. Ня ўдѣрила яна, отвязала лычко и пошла у тую коморку. Тольки яна отчинила, ашъ разбойникъ ўставъ ды говориць: «ци пойдзешъ за мяне замужъ? А коли ды ня пойдзешъ, дыкъ я цябе забью!» Яна говориць: «я пойду, али што будземъ дзѣлаць зъ братомъ? Ёнъ дужа сильный, и цябе забъець?» — А ты пританься, якъ бытто хвора; скажи, што табѣ болиць голова, и што бытто ты видзѣла ўво снѣ, што кабъ выпила вовчинаго молока, дыкъ-бы поздоровѣла!... Тольки братъ пришовъ съ охвоты, а яна и говориць: «мнѣ, брацець, дужа болиць голова. И я видзѣла ўво снѣ, што кабъ ты мнѣ принесть вовчинаго молока, дыкъ-бы я поздоровѣла!» Ёнъ и ¹⁾ пошовъ. Ишовъ, ишовъ, увийшовъ у пушу драмуцу, ашъ бяжиць вовчица зъ вовченятами. Ёнъ зложився страляць, ²⁾ а вовчица якъ стала проситца: «Иванъ Иваневичъ, рускій царевичъ, не страляй мяне, а бари, што хочешъ!» — Нічо́го мнѣ не надо, тольки дай мнѣ свойго молока!.. Яна станула, а ёнъ надонвѣ молока у бутэлочку. Тоды яна кажець: «возьми сына на оборону, ёнъ табѣ у худую годзину понадобится!» Иванъ узавъ, поспасибовавъ и пошовъ. А покулъ ёнъ ходзивъ, разбойникъ бывъ съ сястрой и сказавъ: «коли яго вовки не зъядуць, дыкъ ты скажи, кабъ ёнъ принесть молока мядзѣвѣдзѣджаго!» Яна такъ и здѣлала. Якъ ёнъ принёсъ ёй вовчинаго молока, дыкъ яна выльлила яго за поцелую

*) *Вариантъ:* Ишли яны, ишли, и видзюць хатку, у ёй огонь. Увийшли яны у тую хату, ашъ тамъ нема нікого. Братъ и говориць сястрѣ: «подождемъ, што тутъ будзець. Ты-тку лѣзъ на печь, а я залѣзу-тку за шахву.» Залѣзли яны и сидзяць. Ажны у самую повночь приходзиць дванатцаць разбойниковъ, и пычали п'янствуваць; а якъ упилися, такъ уси и заснули. Тоды ёнъ вылѣзъ зъ-за шахвы и давай ихъ по'днымъ рѣзць. Усихъ зарѣзавъ, а адзінъ схувався подъ печь. *Орш. у.*

1) *Вар.* Узавъ шаблю и пошовъ. 2) *Вар.* Ёнъ хоцѣвъ яе застѣць.

и сказала, што ничго яно не помогло. Вотъ, кабъ ёнъ принёсъ молока медзвядзинаго. Ёнъ и пошовъ. Якъ тольки ёнъ пошовъ, тойчасъ къ Алёни пришовъ разбойникъ: «ну, коли-штъ яго не разорвуцъ мядзвѣдзи, дыкъ скажи, што хочешъ молока лявинаго!» А Иванъ царевичъ ишовъ, ишовъ, пройшовъ пушу драмушу, увыйшовъ у другую такую, ашъ видзиць—идзець мядзвѣдзица зъ мядзвѣдзенытами. Иванъ царевичъ зложився страляць, а мядзвѣдзица стала проситца: «Иванъ Иванёвичъ, рускый царевичъ, не страляй мяне, а возьми, што хочешъ!»—Ничго мнѣ ня треба, а дай тольки мнѣ свойго молока! Яна станула, и Иванъ надоивъ у бутэлочку молока. Тоды мядзвѣдзица говориць: «на табѣ сына на оборону, ёнъ табѣ у худую годзину понадобитца!» Узавъ Иванъ мядзвѣдзёнёнка, поспасибовавъ и пошовъ. Приходзиць домовъ, отдаецъ сястрѣ молоко; а яна яго за пощелю выльлила и сказала, што яно ничего не помогло. «Вотъ, я видѣла уво снѣ, што кабъ ты мнѣ принёсъ молока лявинаго, тоды я была-бъ здорова!» Иванъ царевичъ пошовъ. Ишовъ, ишовъ, увыйшовъ у пушу драмушу, пройшовъ яе, увыйшовъ у другую такую; пройшовъ и яе, ухóдзиць у третьцяю, у такую, што ни людзи ня ходзюць, ни птушки ня лётаюць, а ходзюць тольки дзикіе звярѣ, и видзиць Иванъ идзець лявица зъ лявенятами. Иванъ зложився страляць, а яна якъ стала проситца: «Иванъ Иванёвичъ, рускый царевичъ! не страляй мяне, а возьми, што хочешъ!»—Ничго мнѣ твоё ня треба, а дай мнѣ свойго молока! Лявица станула, а Иванъ надоивъ у бутэлочку молока и хоцѣвъ ици. Лявица говориць: «возьми сына на оборону, ёнъ табѣ у худую годзину понадобитца!» Иванъ узавъ, поспасибовавъ и пошовъ. А тымъ часомъ, покуль ёнъ ходзивъ, разбойникъ бывъ зъ Алёной и сказавъ: «коли и лявы не зьядуць яго, дыкъ ты скажи, што видѣла уво снѣ, што ёсь за-клятая мельница на дванатцаць вянцовъ, на дванатцаць камянёвъ. Кабъ ёнъ съ самаго нижняго вянца принёсъ илу (мучной пыли), дыкъ ты зъ гэтаго илу поздоровѣешъ!» Вотъ, якъ Иванъ пришовъ домовъ, Алёна выльлила лявиное молоко за пощелю и сказала, што яно ничего не помогло. «Видѣла я уво снѣ, што кабъ ты принёсъ илу съ тэй мельницы, што на дванатцаць вянцовъ, на дванатцаць камянёвъ, съ самаго нижняго вянца, тоды я поздоровѣю.» *) Иванъ пошовъ, а звярѣ яго за имъ. Ишовъ, ишовъ, приходзиць къ тэй мельницы, ашъ тамъ стоиць старенькый чаловѣчакъ. Иванъ царевичъ запытався у гэтаго чаловѣка: «ци можно тутъ илу достаць?»—Нѣ, кажець: трудно! И пошовъ доставаць Ивану илу, а Иванъ пославъ туды зъ имъ вовка. Ждавъ, ждавъ, а вовкъ тамъ забавився. Тоды ёнъ пославъ за вовкомъ мядзвѣдзя. Ждавъ, ждавъ, не дождався, пославъ ильва, кабъ барджѣй приходзили. Якъ тольки левъ зайшовъ на нижній вянецъ, дыкъ двери уси и замкнулиси. Вынесъ тоды старенькый чаловѣчакъ Ивану илу трошку, ёнъ и пошовъ домовъ одзинъ, безъ звяровъ!).

*) Вар. Вмѣсто илу сестра посылаецъ брата купить пирожокъ у чертей, «што жили у тымъ дѣся за дванатцацymi зягъзными дверами. «Нечаго дѣлаць, треба ици!» кажець братъ. Пошовъ, а звярѣ за имъ. Приходзиць къ первымъ дверамъ, яны расчинилиси; енъ къ другимъ—и тыя расчинилиси. Такъ уси дванатцаць и перайшовъ. Приходзиць къ самому старшóму чорту, купивъ у яго пирожокъ, поспасибовавъ, и пошовъ назадъ. Тольки енъ пройшовъ одны двери—яны и зачинилиси: звярѣ яго тамъ и осталиси:»

1) Вар. Ждавъ, ждавъ Иванъ звяровъ, не дождався, къ сястрѣ вярнувся: «ня пренесъ табѣ илу, влжножно ўыйци!»

Пришовъ у дворъ, ашъ сястра яго сядзиць зъ разбойникомъ, и куриць. Якъ только ёнъ увыйшовъ у хату, дыкъ разбойникъ схуався, а сястра говориць: «ци вѣднешъ, брацець, хочу я поспробуваць твою силу?»—Ну, спробуй сабѣ!.. Узяла яна дванатца аршинъ холста и ўкрутила яго. Ёнъ якъ страпануся, дыкъ холстъ и разодравъ на куски. Тоды яна купила дванатца аршинъ шовку и ўкрутила яго. Иванъ якъ страпануся, дыкъ шовкъ поѣхавъ яму у мясо до самыхъ костей ¹⁾. Вызвала тоды сястра разбойника, и сказала яму: «ну, цяперъ ты попался у наши лапы. Мы цябе забѣмъ!» А Иванъ почавъ проситца у разбойника: «дай хуць Богу помолитца!»—Ну, молись!.. Вышовъ разбойникъ, ашъ приляцѣвъ вырѣя ²⁾ и говориць: «Иванъ Иваневичъ, рускій царевичъ! Проси, кабъ ня губили цябе, и пождали три часы: звяри твоѣ троя дварей прогрызли, а дзевяцero грызци!» Приходзиць разбойникъ: «ци скоро ты помолишься?» Иванъ ставъ просиць ня губиць яго три часы: даць яму ящо помолитца Богу. Разбойникъ здався. Якъ выбило три часы, узновъ приляцѣвъ вырѣя: «Иванъ Иваневичъ, рускій царевичъ! Проси, кабъ ня губили цябе адзінъ часъ: звяри твоѣ дзевяцero дварей прогрызли, а троя грызци!» Тольки поляцѣвъ вырѣя, приходзиць разбойникъ: «молись скорѣй, докуль я цябе буду жадаць?» Иванъ ставъ проситца, кабъ яго ня губили адзінъ часъ, ящо помолитца Богу. Разбойникъ здався. Кончыся часъ, узновъ прилетаецъ вырѣя и кажець: «Иванъ Иваневичъ, рускій царевичъ! Проси, кабъ ня губили цябе хуць половину часа: звяри твоѣ послѣднія дзвери грызучы!» Тольки поляцѣвъ вырѣя, приходзиць разбойникъ. Иванъ отпросився ще на половину часа. Проходзиць половина часа, ляциць узновъ вырѣя: «Иванъ Иваневичъ, рускій царевичъ! Проси, кабъ ня губили цябе хуць на 'дну минуту: звяри твоѣ повдороги ўбѣгли!» Тольки поляцѣвъ вырѣя, приходзиць сястра и разбойникъ. Иванъ ставъ проситца, а сястра говориць: «сачи яму голову!» Тэй сѣканувъ: «ну, нехай перадъ нами потрудзится!» Ашъ разомъ застучѣло—загручѣло, прибѣгли звяри, а Иванъ царевичъ и скобчився. Разбойникъ съ Алёной якъ почули, што нѣшто загручѣло, и схувалися ³⁾. Стояли—стояли звяри надъ Иваномъ, тоды левъ кажець: «я пойду йскаць воды гоющей и живущей, а ты, вовкъ, идзи шукаць жированья сабѣ и мядзвѣдзю, а мядзвѣдзь нехай оstaatца тутъ пильнуваць!» Пошовъ левъ за водой, а вовкъ за жированьемъ. Уловивъ вовкъ козу, самъ зѣвѣвъ, а мядзвѣдзю принёсъ голову. Мядзвѣдзь поссавъ, поссавъ голову, ды й кинувъ подъ лавку, и кажець: «мнѣ мало!» Тоды вовкъ пошовъ, зловивъ свиньню, самъ зѣвѣвъ, а мядзвѣдзю принёсъ голову. Мядзвѣдзь узновъ поссавъ, поссавъ ды й кинувъ подъ лавку. Дыкъ вовкъ ашъ полыскуецца отъ жиру, а мядзвѣдзь ашъ слоняецца голодный. А левъ ишовъ, ишовъ, знашовъ гняздо крука на бярэзини. Ёнъ узявъ и ставъ тресци бярэзину, и зъ гнязда звалився кручанёнокъ. Приляцѣвъ крукъ и ставъ просиць сына. А левъ говориць: «приняси мнѣ воды гоющей и живущей, тоды отдамъ сына!» Крукъ поляцѣвъ и принёсъ воды ⁴⁾. Левъ, кабъ познаць, ци добрая вода, разодравъ круча-

1) Сестра надѣла на него жѣлзную сѣтку, усѣянную шпильками. Братъ началъ ее рвать—шпили вонзились въ тѣло. 2) *Вариантъ*: голубъ. 3) Вар. Разбойникъ не успѣлъ убить Ивана, звѣри прибѣжали и разорвали разбойника. 4) Вар. За водой пошли левъ и вовкъ. Левъ забивъ коня, а вовкъ цыхынько притаився ли коня. Приляцѣли круки и стали влюваць. Вовкъ и ухвацѣвъ одного крука....

ненка на двѣ половинки, помочивъ первы гоющей, а тоды живущей водой—и кручанёнокъ отживъ. Левъ пусцивъ яго ў гняздо, а самъ пошовъ домовъ. Пришовши къ Ивану, яны порѣзали ножикомъ шовкъ, ¹⁾ тоды помочили яго гоющей и живущей водой, и ёнъ отживъ. Уставъ ёнъ и пошовъ у тэй покой, дѣ лежали разбойники, и ставъ ихъ пераглядаць, который зъ ихъ живой. Найшовши, ёнъ забивъ яго, а самъ съ сястрой и звярами пошовъ дали.

Ишли, ишли, и пришли къ дзераву. Тоды ёнъ привязавъ сястру за дзераво ²⁾, а самъ пошовъ дали. Отыйшовшиси, ставъ думаць: «што-то дѣлаецъ сястра?» И хопѣвъ послаць вовка, кабъ ёнъ полядзѣвъ, што дѣлаецъ яго сястра? «Коли пяецъ, дыкъ ня 'твязувай, а коли плачець, дыкъ отвяжи! ³⁾» А мядзѣвѣдзъ кажець: «якъ ты пойдзешъ? цябе яцо собаки дѣ пападучъ; лучче пойду я!» Иванъ яго и пославъ. Пошовъ мядзѣвѣдзъ и думаецъ: «я шъ цяперъ табѣ отдзячу за тое, што голодавъ, пильваючи!» Приходзиць ёнъ къ ёй, ашъ яна плачець. Тоды ёнъ ударивъ яе разъ, другій, дыкъ и забивъ. Варнуся къ Ивану и кажець: «яна пяецъ!» Иванъ и пошовъ дали. Прошовъ троху, и ўзнавъ посылаецъ вовека къ сястрѣ: «полядзи, што яна дѣлаецъ: коли пяецъ, дыкъ ня 'твязувай, а коли плачець, дыкъ привядзи сюды!» Вовкъ пошовъ. Полядзиць—ашъ яна забитая. Тоды ёнъ пошовъ къ Ивану и кажець: «мядзѣвѣдзъ забивъ Алёну!» Иванъ варнуся, помочивъ яе водой гоющей и живущей, и яна отжила. Пошли яны дали. Ишли, ишли, и пришли на ночь къ лазьни. Покинувъ ёнъ сястру и звяровъ коло лазьни, а самъ пошовъ у лазьню проситца на ночь. Увийшовъ, ашъ тамъ сядзиць царевна. Ёнъ и пытаецъ: «ци можно сюды зайци на ночь?» —Я рада-бъ пусциць, кажець царевна: али мяне самую посадили тутъ на зьядзеньня змѣю... Тоды Иванъ посадивъ сястру при лазьни, а самъ зъ звярами увийшовъ у лазьню: звяровъ поставивъ по вуглахъ, а самъ сѣвъ съ царевной. А кругомъ лазьни было болото—болото, мохъ, оржавинья! Сядзѣли яны, сядзѣли, чуюць подъ повночь: дялёп! цялёп! Плывецъ змѣй по болоци. Приплывъ къ лазьни, и идзець ужо ёсци царевну. Увийшовъ у лазьню, ашъ сядзиць Иванъ съ царевной. Змѣй и кажець: «чаго ты тутъ, Иванъ Иваневичъ, рускій царевичъ?» А Иванъ кажець: а ты чаго? И стали яны битца. Бьютца, дыкъ бьютца, а змѣй усё поглядаецъ на царевну, ды говориць: «нябось, жирная: зъёсци можно!» Билиси яны, билиси—нихто никого ня збивъ. Тоды змѣй поплывъ назадъ, и принёсъ два бочонки вина: одзинъ, што прибавляецъ силы, а другій, што убавляецъ. Тэй, што прибавляецъ, поставивъ сабѣ, а тэй, што убавляецъ—Ивану. Только ёнъ вышовъ—а Иванъ перамянивъ бочонки. Пришовъ змѣй и говориць: «выпьёмъ по бочонку вина, а тоды будземъ битца!» Выпили; у Ивана шъ силы прыбыло, а у змѣя поменьшало. Тоды Иванъ схавивъ змѣя, ды якъ ударивъ объ зямлю, дыкъ и забивъ. Звяры яго по кувалкахъ и разорвали. Только Иванъ ца-

1) Вар. Выбрали сѣтку.. 2) Пришли къ високому дубу. Братъ и кажець звѣрамъ: узнясиця мою сястру на высокій дубъ, нехай остаецца одна. Мядзѣвѣдзъ узавъ Алёну, и узнёсъ на высокій дубъ. 3) Братъ говориць: идзиця, который изъ васъ крапчѣй, полядзиця, што яна дѣлаецъ? Коли глядзиць туды, откузь ишли, то трахани такъ, штобъ ле косци разсыпались; а коли глядзиць за нами, дыкъ прыняси съ собой. Левъ побѣгъ. Видзиць—глядзиць туды, откузь ишли,—схавався за дзераво и стрось яе.

ревичъ вырѣзавъ у яго языкъ и заклавъ за пазуху. Бывъ у Ивана на руцѣ персцянь, дыкъ ёнъ разсѣкъ яго пополамъ: давъ половинку царевнѣ, а половинку сабѣ покинуть. Царевна помѣлася йци за яго замужъ. Послѣ того Иванъ пошовъ съ сестрой и звярами дали, а царевна осталась у лазни. Подъ-дзень чуецъ яна, што їдзець чарапашникъ складаць яё косци. Ухѳдзиць у лазню, ашъ яна сядзиць живая. Тоды ёнъ говѳриць: «идзи за мяне замужъ, а то я цябе утоплю тутъ!» Нечаго дзѣлаць, согласилась яна йци. Тоды ёнъ посадзивъ яё на чарапаху и їдучи пляецъ: «бязетника чарапашкой забивъ, а царевна засталася мнѣ!» А царевна плачець. Прїѳхавши домовъ, зачали гуляць вяселья. Ашъ якразъ подъ тое царство прїшовъ Иванъ зъ звярами. Довѣдавшиси, што царевна идзець замужъ, ёнъ пославъ икъ ей вовкѳ. Вовкъ увыйшовъ у хату: дзѣци похувалиси, а большіе стали даваць яму мяса. Ёнъ ничѳго не бярець, а прїшовши къ царевни, поклонився. Яна навязала у хусточку пироговъ, подвязала яму подъ шію. Ёнъ и пошовъ къ Ивану. Тоды Иванъ почакавши, пославъ мядзвѣдзи. Мядзвѣдзъ якъ тольки увыйшовъ, дыкъ уси стали ўцекаць: хто на помы, хто на лавки; хто выставлявъ яму мяса, хто пироги. А ёнъ просто подышовъ къ царевни и поклонився. Царевна навязала яму у хусточку мяса и пироговъ, кабъ ёнъ нѣсъ къ Ивану. Иванъ узновъ, подождавши, пославъ ильва. Якъ тольки увыйшовъ левъ—дыкъ уси ховатца, хто куды могъ. Царъ и царица выставляли яму и пироги, и мясо. Ёнъ не бравъ ничѳго, а подыйшовши къ царевни, поклонився ей. Царевна навязала и яму пироговъ и мяса, кабъ ёнъ отнѣсъ къ Ивану. Иванъ и самъ съ сестрой ѳвѣ и звяровъ кормивъ. А якъ поѳли ўсѣ, тоды пошовъ самъ Иванъ. Прїшовъ ёнъ и сѣвъ коло царевны и ставъ зъ ей говѳриць. Прїшовъ чарапашникъ и говѳриць: «што ты отбываешъ мнѣ жонку? Я яё отъ змѣя ратувавъ!» А Иванъ кажець: «кая-жъ у цябе примѣта, што ты яё ратувавъ?»—«Я яго чарапашкой забивъ! А ў цябе якая?» Иванъ вынявъ языкъ змѣявъ и говѳриць: «вотъ якая! Вотъ мы зъ ей и персцянь разсѣкли!» и показыецъ свою половинку персяня. А царевна кажець: «ага, правда!» Ды показыецъ и свою половинку персяня! Якъ примѣрили, дыкъ половинки были ровныя. Тоды царъ казавъ разстраляць чарапашника и привязаць къ конямя за хвосты, за тое, што ёнъ хоцьѳвъ подманно ожанитца съ царевной. А Иванъ царевичъ ожанився и ставъ жиць съ царевной и съ сестрой.

Д. Кимейка, стнн. у.

3. Хѳртки.

Живъ царъ и царица. И было у ихъ сынъ и дочка. Помѣръ царъ и царица, а дзѣци застались. Пожили яны, пожили, а тоды и пошли ў свѣтъ. Идзи, идзи—стоиць хатка на куриныхъ ножкахъ. У тѳй хатцы жила баба-юга, зылѣзная нога. Попросились яны ночуваць. Назаўтраго баба-юга сказала дзѣвцы кросны ткаць, а мальцу дровы сѣчь, ды сама и пошла, а коту звятѣла ихъ спѳрагчи. Походзиць, походзиць, ды подѳйдзець подъ окно и пытаецца: «дзѣвка-дзявица, руса косица! Ци тчешъ ты?»—Тку, бабунька, тку! Яна и пошла. Пычали яны тоды даваць коту мяса, пычали просиць, кабъ ёнъ ихъ ослобонивъ. Котъ давъ имъ клубачокъ и хустку, и пу-

сбивъ ихъ, а самъ сѣвъ за кресны. Подходзиць баба-юга подь окно: «дзѣвка-дзя-вица, руса косица! Ци тчешъ ты?» А котъ кажець: тку, бабунька, тку! Убѣгла яна ў хату: «на што ты пусцивъ ихъ?»—А! ты хозяйка, ды мяне такъ не накормила, якъ яны мяне накормили!.. Усѣгла яна на ступу, кочаргой погонаецъ, помяломъ слѣдъ заметаецъ. А братъ и сястра якъ вышли съ хаты, пуслили клубочакъ; куды енъ ко-цитца, туды яны йдуць. Идзи, идзи—пришли къ огняному мору. Махнули хусткой—ставъ мость. Перайшли яны по имъ черазъ мора, узнова махнули—мость пропавъ. Прибѣгла баба-юга къ мору—и не змогла перайхаць. А братъ съ сястрой пошли да-ли. Идзи, идзи—стоиць хатка. Увийшли яны ў хатку—нема нікого; и стали яны у тэй хатцы жиць. Вотъ разъ братъ пошовъ на охвоту, а сястра засталась дома. Ашъ приходзиць икъ ей Кошей бязсмертны. ¹⁾ Дзѣвка спужалася, а енъ кажець: «Идзи за мяне замужъ, а то забью!» Яна согласилася. Тоды Кошей бязсмертны кажець: «Заби свойго брата!»—Якъ-жа мнѣ забиць: енъ дужо сильны?—«Якъ придзець енъ съ охвоты, дыкъ ты захворѣй. Станецъ енъ пытатца: чаго ты? А ты скажи, кабъ енъ принеся табѣ звяринаго молока. Ёнъ пойдзець и ня вернетца!» Вотъ приходзиць братъ съ охвоты, а яна ляжиць.—«Чаго ты, сястрица?»—Захворѣла, брацець. Вотъ, кабъ ты принеся мнѣ, брацець, зайчаго молока!.. Пошовъ енъ доставаць зайчаго мо-лока. Ишовъ, ишовъ—ажны бяжиць зайчиха зъ зайчанятами. Тольки енъ зложився, хоцѣвъ забиць, а яна говориць: «Иванъ Царевичъ, ня би мяне! я табѣ дамъ молока и зайчанёнычка!» Узьявъ енъ молока и хортка. Зайчиха кажець хортку: «што енъ та-бѣ скажець, тое й дзѣлай!» Пошовъ енъ домовъ и хорткъ бяжиць за имъ. Отдавъ сястрѣ молоко, а яна яго за плечи выльлила, ды кажець: «сходзи ты, брацець, при-няси мнѣ молока лисиччаго!» Ёнъ узьявъ ружжо и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, ажны бя-жиць лисица зъ лисенятами. Тольки енъ зложився страляць, а лисица говориць: «Иванъ Царевичъ, ня би мяне: я табѣ дамъ молока и дзяцёнычка! Дала яму молока и хортка, и приказала хортку: «дзѣлай тое, што енъ скажець!» Понесъ енъ тое мо-локо домовъ, и хортки за имъ бягуць. Сястра выльлила за плечи и гѣтое молоко и сказала, кабъ енъ принеся вовчаго молока. Ёнъ узьявъ ружжо и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, видиць-идзець вовчиха зъ вовчанятами. Ёнъ зложився, и хоцѣвъ у яе стрѣльнуць. А яна кажець: «Иванъ Царевичъ! ня би мяне: я табѣ дамъ молока и вовчанёнычка!» Узьявъ енъ молока и хортка. Вовчиха приказала хортку яго слухатца. Пошовъ Иванъ Царевичъ домовъ, отдавъ тое молоко сястрѣ. Сястра выльлила яго за плечи, и ка-жець: «приняси мнѣ, брацець, мядзвѣдзѣдзяго молока!» Ёнъ пошовъ узновъ. Ишовъ, ишовъ, видиць-идзець мядзвѣдзиха зъ мядзвѣдзёнатами. Ёнъ зложився и хоцѣвъ у яе страляць; а яна кажець: «Иванъ Царевичъ, не страляй у мяне: я табѣ дамъ мо-лока и мядзвѣдзянёнычка!» Дала яна яму молока и хортка, и хортку приказала: «дзѣлай тое, што енъ скажець!» Понесъ тоды Иванъ Царевичъ мядзвѣдзёное молоко у дворъ и отдавъ сястрѣ. Яна и гѣто залила за плечи, ды кажець: «сходзи ты мнѣ приняси лосинаго молока!» Ёнъ узьявъ ружжо и пошовъ. Идзи, идзи—ажъ бяжиць ло-сица зъ лосенятами. Ёнъ зложився и хоцѣвъ у яе стрѣльнуць. Тоды яна говориць: «не страляй у мяне, Иванъ Царевичъ: я табѣ дамъ молока и дзяцёнычка!» Ёнъ узьявъ

1) Вар. приходзиць вовкулака.... Прилетаецъ цмоць.

молока и хортка. Лосица приказала хортку: «што ёнъ скажець, тое дзѣлай!» Понась ёнъ лосиное молоко у дворъ, а сястра и яго такъ жа само выльлила за шю. «Идзи, кажець, брацець, прinyaи мнѣ молока лавинаго!» Пошовъ ёнъ; видзиць-бязиць лавина. Тольки хоцьвѣ ёнъ яе забиць, а яна кажець: «Иванъ Царевичъ! ня би мяне, я табѣ дамъ молока и дзяценычка!» Узьявъ ёнъ молока и хортка, и пошовъ у дворъ. Узьяла сястра лавиное молоко и посылаецъ яго за смоляковымъ молокомъ. Ёнъ узьявъ ружжо и пошовъ. Идзи, идзи-ажъ бязиць смолячиха. Ёнъ хоцьвѣ яе забиць, а яна кажець: «ня би мяне, Иванъ Царевичъ, я табѣ дамъ молока и дзяценычка!» Дала яму молока и дзяценычка, приказала, кабъ ёнъ дзѣлавъ усё, што скажець Иванъ Царевичъ. Стало цяперъ у яго семяро хортковъ, и яны яго слухались и усюдыхъ за имъ ходзили. Якъ принесть ёнъ отъ смолячихи молока, сястра видзиць тоды, што звяри ничога яму ня здзѣлыюць. И послала яна яго у такій прудъ, што черци мелюць на дванатцаць камёнѣвъ, набраць за послѣднімъ камянемъ илу. Узьявъ Иванъ Царевичъ своихъ хортковъ, и пошовъ. Идзи, идзи, идзи, идзи—ровно три годы: самъ проголодався и хортки яго. Пошовъ ёнъ съ хортками у прудъ за дванатцаць дзвярей, нагробъ за дванатцатымъ камянемъ того илу, и пошовъ. А хортки яго ляжуць, ды ляжуць иль—вядома голодные—и ня ўвидзѣли, коли пошовъ ихъ ходзяинъ. Тольки ёнъ вышовъ, ажъ уси дванатцаць дзвярей и зачинились, и хортки яго тамъ остались... Поплакавъ ёнъ, погоровавъ и пошовъ у дворъ, понёсь иль сястрѣ. Пришовъ, ажъ Кошцей бязсмертны сь сястрой сидзяць за столомъ. Тоды Кошцей кажець: «ну, Иванъ Царевичъ,—пора цябе зѣбсець!»—Якъ ты будзешъ мяне їсци: я за три годы закопцьвѣ. Лѣпи вытопъ лазню—я помуюся, тоды и зѣсяи!»—«Ну, идзи, топи!» Иванъ Царевичъ пошовъ и затопивъ лазню. Ажъ лязиць крукъ и кричыць: «кру, кру! Иванъ Царевичъ! топи, топи, ды погась! Твое хортки сь пруду дзярутца: ужо чедзвяро дзвярей проломили!» Вотъ Иванъ Царевичъ топиць, топиць, ды й погасиць. Тольки отляцьвѣся крукъ, а Кошцей бязсмертны кричыць: «Иванъ Царевичъ! ця готова лазня?»—Нѣ, яце каменья не садзивъ!»—«Ну, топи скорѣй!» Тоды лязиць другій крукъ и кричыць: «кру! кру! Иванъ Царевичъ, топи, топи, ды погась: твое хортки яце чедзвяро дзвярей проломили!» Тольки крукъ отляцьвѣся, пришовъ Кошцей бязсмертны: «Иванъ Царевичъ! ця готова лазня?»—А тольки ще каменья ўсадзивъ!»—«Ну, топи скорѣй!» Иванъ Царевичъ топиць, топиць, ды й погасиць. Лязиць третій крукъ: «кру! кру! Иванъ царевичъ! Топи, топи, ды растапливай: твое хортки послѣднія дзвери ломаюць!» Ёнъ ставъ растапливаць; растопивъ жарко, ажъ приходзиць Кошцей бязсмертны: «ну, ходзи ў лазню, я ужо цябе и такъ довог жду!» Тольки увыйшли ў лазню—ажъ бягуць хортки! Иванъ Царевичъ узрадовася: «служы моѣ вѣрны! служы мое дорогія! бирицесь-ка за яго! Ты, вовкъ, сь зайцомъ ды зъ лосемъ старайцесь дровъ! А ты, мядзвѣдзь, бяри-ка дубинку—драчунъ, кацц-ка по имъ! А ты, лисица-хитрая молодзица, старайся угарковъ—печъ затопиць! А ты, левъ, Кошцея у трубочку звярци, ды ў печъ укинъ! А ты, смолякъ, отдыхай!» Сячасъ дровъ постарались, угарковъ постарались, растопили печку. А дубинка-драчунъ, тымъ-часомъ, кацциць по Кошцею! Якъ тольки печка дббро растопилася, дыкъ левъ звярцьвѣ Кошцея у трубочку, и ў печъ укунувъ.....

Пшовъ тоды Иванъ Царевичъ къ сясѣрѣ. А Кошей сказавъ ей: «коли мяне твой братъ забѣеъ, дыкъ пойщи мой клыкъ, ды коли ляжиць ёнъ спаць, ты подложи яму клыкъ подъ гловы. Ёнъ тоды помрець!» Вотъ, якъ тольки пришовъ Иванъ Царевичъ у дворъ, яна побѣгла у лазню и ўзяла клыкъ. Узвярнувшись, дала брату ѣщи, а тоды постлала яму посцелю, и подложила подъ головы клыкъ. Иванъ Царевичъ подѣвъ самъ, накорнивъ хортковъ, и лягли яны спаць. Якъ лёгъ Иванъ Царевичъ на посцелю, клыкъ нагрѣвся и ўвязъ у голову. Ёнъ и померъ *) Прочнулася лисица, — ажъ видзиць: ихъ ходзяинъ ня живъ. Узбудзила яна другихъ хортковъ, и кажець: «вы тутъ глядзица яго, а я сходжу воды гоючія и живучія! Пошла лисица, а хортки сидзяць ды плачуць. Зайчикъ сѣвъ плакыць ли головы—и увидѣвъ клыкъ. Ставъ ёнъ яго лизаць—клыкъ нагрѣвся ды зайцу ў лобъ. Иванъ Царевичъ отживъ—зайчикъ померъ. Ставъ зайца лизаць вовкъ. Клыкъ нагрѣвся ды вовку ў лобъ. Зайчикъ отживъ—вовкъ померъ. Ставъ вовка лизаць мядзѣвѣдзъ—клыкъ нагрѣвся ды яму ў лобъ, и забивъ, а вовкъ отживъ. Ставъ лось лизаць мядзѣвѣдзя—клыкъ яго забивъ. Ставъ левъ лизаць лося—клыкъ согрѣвся, ды яму ў лобъ: ёнъ померъ, а лось отживъ. Ажъ прибѣгаецъ лисица. Хортки къ ей: «ну, лисичка-хитрая молодзичка, отживи цяперъ ильва!» Лисица ўзяла ды стала церци ильва по лобу концомъ хвоста. Клыкъ согрѣвся, ды лисицы по хвосту! Ды тольки волосся зачавивъ, и ничего ня здѣлавъ. А левъ отживъ. Тоды Иванъ Царевичъ кажець: «ты, вовкъ, старайся съ зайцомъ ды зъ лосемъ дровъ! А ты, лисица, старайся угарковъ! А ты, мядзѣвѣдзъ, бяри-ка дубинку—драчунъ, кацѣ-ка по ей! А ты, левъ, у трубочку скаци ды ў печь укладзѣ! А ты, смолакъ, отдыхай!» Такъ ёнъ и спаливъ сястру! Пшовъ тоды Иванъ Царевичъ, подпаливъ свою хату, а самъ пошовъ у свѣтъ. Идзи, идзи, идзи, идзи—ажъ видзиць, идзецъ ля мора царская дочка Марья и дужо плачець. Тоды ёнъ спросивъ: «чаго ты плачешъ, Марья Царевна?»—Якъ жа мнѣ ня плакаць: улюбився у мяне змѣй о шасци головей. Абы зъ имъ жанитца, абы на гѣтымъ свѣци ня жиць!—«Ну не плачь, Марья Царевна: можа я зъ имъ справлюсь!» Пшовъ Иванъ Царевичъ къ мору, ставъ надъ морамъ и жджець. Ажъ ляциць змѣй о шасци головей. Якъ тольки ёнъ приляцѣвъ, Иванъ Царевичъ кажець: «вовкъ, старайся дровъ! А ты, лисица, старайся угарковъ! А ты, мядзѣвѣдзъ, бяри-ка дубинку—драчунъ, кацѣ-ка по имъ!

*) Вар. «Принясла сясѣра клыкъ и якъ Иванъ Царевичъ подѣвъ и хоѣвъ класцѣся спаць, яна и кажець: «ляжъ, брацець, на моѣ колѣны, я пойду у цябе ў головѣ: можа брудъ завелася. Ёнъ легъ и заснувъ; яна яму клыкъ усаdziла у потылицу. Ёнъ и померъ.» Эпизодъ съ зубомъ разсказываецъ и иначе. Когда Иванъ Царевичъ воротился съ мельницы безъ хортковъ, змѣй далъ сестрѣ Ивана свой, «чарвоный» зубъ, а самъ спраталася. Сестра положила зубъ подъ братниѹ постель. «Тѣй зубъ, якъ тольки нагрѣвся, дыкъ якъ ударивъ яму у голову и забивъ. Тоды змѣй съ сестрой положили яго у зялѣзную труну, набили на яго дванатцаць обручовъ и захували у склепъ. А тымъ-часомъ вырвались яго хортки зъ-за тыхъ дзвярей и прибѣгли домовъ. Пищаць яны, што ихъ хозяинъ уже ня живъ. Али-тки достали труну изъ склепа и стали думаць, якъ яго достаць изъ труны. Думали, думали и стали обручи разбиваць: разогнався мядзѣвѣдзъ ды ударивъ по трунѣ—такъ чатыре обручи и звалилися; разогнався левъ ды ударивъ по трунѣ—такъ чатыре обручи и звалилися; разогнався лось ды ударивъ—уси обручи звалилися. Вынули яны яго изъ труны и стали думаць, якъ яго отживиць.

А ты, смолякъ, у трубочку скрупи, ды ў печь укладзи! А ты, левъ, отдыхай!» Сичасъ постаралися дровъ, угарковъ и затопили печь, а смолякъ скручивъ змѣя у трубочку, ды только хоцѣвъ ўкнинуць у печь, ажъ увидѣли яны хорошій камень. Иванъ Царевичъ кажець: «ты, левъ, подыми камень!» Левъ поднявъ, а смолякъ подсадивъ змѣя подъ камень. Тоды Марья Царевна пошла домовъ, а Иванъ Царевичъ съ хортками ставъ отдыхаць. Выспавшися, пошли яны къ цару. Завѣвъ Иванъ Царевичъ хортковъ у садъ царскій, и сказавъ, кабъ яны лягли подъ агрэстомъ, а самъ пошовъ, лаявся за садоуничаго. Разъ пришлось Марьѣ Царевнѣ гуляць по саду и увидѣла яна гэтыхъ хортковъ подъ агрэстомъ. Побѣгла яны тоды нкъ цару и сказала, што видѣла тыхъ самыхъ хортковъ, што отратовали яе отъ змѣя. Царъ сичасъ позвавъ усьхъ садоуничихъ и спрашыецъ: «чѣе гэта хортки подъ агрэстомъ?» Нихто не признався. Тоды царъ кажець: «ну, коли такъ, дыкъ я повѣшу ихъ!» Пожалѣвъ Иванъ Царевичъ свонхъ хортковъ и признався, што гэта яго хортки. Царъ тоды поканивъ яго съ своей дочкой Марьей Царевной. На тымъ вясельи и я бывъ, медъ-вино пивъ, по вусамъ цякло, а ў ротъ не попало. Дали мнѣ чапалю, я побѣгъ по сялу; дали мнѣ шмыкъ, я подъ ворота шмыкъ; дали мнѣ сковороду, я побѣгъ по городу.

Д. Сукремно, стхнн. у. Ср. Чубяск. стр. 152.

4. Мѣдзяный вовкъ.

(Вовкъ—цыгунный лобъ.)

Живъ сабѣ дзѣдъ ды баба. Было у ихъ двоя дзяцей—сынъ и дочка. Сына звали Иванька, а дочку Марья. Вотъ прибѣгъ нкъ имъ вовкъ мѣдзяный, и зывѣвъ дзѣда й бабѣ. А самъ остався зъ дзяцми. Вотъ ёнъ ўлѣзець у люльку, ды й кажець на дзяцей: «трохъ-трохъ! колышница мяне!» Тыя дзѣцци и почнуць яго колыхаць; колышучъ, колышучъ, покуль ёнъ заснець, тоды выйдучъ на вулицу, сядучъ ко завалянку и плачучъ. *) Вотъ разъ спидзиць яны и плачучъ. Ажъ идзець заяць: «чаго вы плачечъ?» Яны говоруць: «якъ-жа намъ не плакаць? Были у насъ бацька и matka; прибѣгъ мѣ-

*) *Варіанты* 1) Живъ дзѣдъ зъ бабой. Были у ихъ дзѣцци—дочка и сынъ. Нерадъ смерць яны отказали свонхъ дзяцей мѣдзяному вовку. Мѣдзяный вовкъ ўлѣзець у люльку и кажець: колышница мяне... 2) Живъ сабѣ дзѣдъ ды баба. И было у ихъ мѣдныи вовчокъ, сынъ и дочка. Нерадъ тымъ, якъ умерци, яны призвали дзяцей и кажуць: «коли мы помромъ, вы, дзѣтци, колышница мѣдзянаго вовка. Покуль яго не заколышница, и не отходзаницца, а то ёнъ васъ зывѣс! Тоды яны помёрли, а дзѣцци усё колышучъ вовка. И дужо яны гэтаму наскучили и здумали уцекаць. Только хоцѣли яны побѣгчи, ажны енъ прочнувся. Тоды яны ўзновъ заколыхали. Ажъ приходзиць заяць... 3) У одного купца было двоя дзяцей: сынъ и дочка. Умираючи, бацька сказавъ своимъ дзяцёмъ, кабъ яны жили дббро. И скоро послѣ гэтаго умёръ. А ў гэтымъ царецъви объявився вовкъ—цыгунный лобъ. Гэтыи вовкъ усё чисте царство опустушивъ, и ўсихъ чисте людзей перавѣвъ. Такъ што не осталось нікого, оширъ купцовыхъ дзяцей. Яны такъ, сякъ али-тки отпросилися и согласилися быць у вовка слугами: братъ, Иванька, за лакея, а сястра, Марья, за покоёвку. Разъ вовкъ—цыгунный лобъ кажець: Маша, ты мнѣ расчаша на цыгуннымъ нбѣ волосы, а ты, Иванька, идзи спаць! Ажъ бяжиць заяць....

дзяны вовк, збыв бацьку й матку; а намъ сказавъ, кабъ мы яго колыхали...» Тоды заяцъ говориць: «я васъ отъ гэтыя бяды збавлю: садзіцеся на мяне, я васъ павязу!»—Нѣ, мѣдзяны вовкъ и цябе забьець и насъ отбяречь!—«Ня бойцеся, садзіцеся!» Марья полядзѣла вовку у вочи, ажъ ёнъ спиць. Тоды яны сѣли на зайца и поўхали ўхали, ўхали, ці доўго, ці мало, а мѣдзяны вовкъ прочхнувся ды кричыць: «трохъ, трохъ! колышница мяне!» Ня чуць. «Трохъ, трохъ! колышница мяне!» Ня чуць. Ёнъ тоды ускочивъ и побѣгъ за ими. Догнавъ ихъ, зайца раздѣрѣ, и Иваньку и Марью хочѣвъ забиць. Али яны такъ, сякъ отпросилися, и ёнъ узавъ понесъ ихъ домовъ. Вотъ улѣвъ мѣдзяны вовкъ у люльку: «трохъ, трохъ! колышница мяне!» Яны стали колыхаць. Заколыхавши, вышли на вулицу,—сѣли на завалинку и плачуць. Ажны идзець вовк: «чаго вы плачець?»—Якъ-жа намъ не плакаць? Были у насъ бацька и matka; прибѣгъ мѣдзяны вовкъ, бацьку й матку збывъ, а намъ сказавъ, кабъ мы яго колыхали!—«Садзіцеся на мяне, я васъ отъ гэтыя бяды спасу!»—Нѣ; не спасешъ: заяцъ уцекавъ, ня ўцѣкъ, и цябе мѣдзяны вовкъ догониць и забьець и насъ отбяречь!—«Садзіцеся, ня бойцеся!» Яны здаліся; сѣли и поўхали. ўхали, ўхали ці доўго, ці мало, а тымъ часомъ прочхнувся мѣдзяны вовк: «трохъ, трохъ! колышница мяне!» Ня чуць.—«Трохъ, трохъ! колышница мяне!» Ня чуць. Ёнъ ускочивъ и побѣгъ за ими. Догнавъ ихъ, вовка раздѣрѣ, хочѣвъ и дзяцей забиць, али яны такъ, сякъ упросили яго и ёнъ принёсъ ихъ домовъ. Улѣвъ узнова мѣдзяны вовкъ у люльку: «трохъ, трохъ! колышница мяне!» Яны стали колыхаць. Колыхали, колыхали и заколыхали. Тоды вышли на вулицу, сѣли на завалинку, сидзяць и плачуць. Идзець мядзвѣдз: «чаго вы плачець?»—Якъ-жа намъ не плакаць? Были у насъ бацька и matka; прибѣгъ мѣдзяны вовкъ, бацьку й матку збывъ, а намъ вялѣвъ колыхаць яго.—«Ну, садзіцеся на мяне; я васъ отъ гэтыя бяды збавлю.»—Нѣ, не збавишъ. Заяцъ ня ўцѣкъ отъ яго, вовкъ ня ўцѣкъ, и цябе ёнъ догониць и забьець. «Садзіцеся, ня бойцеся: я сильнѣй за яго!» Марья зъ Иванькомъ послухали, сѣли на мядзвѣдзя и поўхали. ўхали, ўхали, ці доўго, ці мало, а мѣдзяны вовкъ прочхнувся, ды й кричыць: «трохъ, трохъ! колышница мяне!» Ня чуць. «Трохъ, трохъ! колышница мяне!» Ня чуць. Ёнъ выскочивъ, побѣгъ за ими. Догнавъ ихъ, мядзвѣдзя раздѣрѣ, а яны узнова отпросилися: «мы сами не хочѣли ўцекаць, али ёнъ насъ примусивъ!» Принесъ ёнъ ихъ домовъ и вялѣвъ, кабъ яго колыхали. Заколыхали яны яго, вышли на вулицу, сѣли на завалинку и плачуць. Ажны приляцѣли къ имъ гуси: «чаго вы плачець?»—Якъ-жа намъ не плакаць? Были у насъ бацька и matka; прибѣгъ мѣдзяны вовкъ, бацьку й матку збывъ, а намъ сказавъ, кабъ яго колыхали!» Тоды гуси сказали: «садзіцеся на насъ, мы васъ унасѣмъ отъ мѣдзянаго вовка!»—Нѣ, не ўнеседѣ: заяцъ отъ яго ня ўцѣкъ, вовкъ ня ўцѣкъ, мядзвѣдз ня ўцѣкъ. И васъ ёнъ догониць и забьець!—«Ня бойцеся; якъ ёнъ догониць, коли мы ляцѣць будземъ!» Здаліся яны; сѣли и поляцѣли. Ляцѣли, ляцѣли, ці доўго, ці мало, ды посѣли отдыхаць. А мѣдзяны вовкъ прочхнувся: «Трохъ, трохъ! колышница мяне!» Ня чуць. «Трохъ, трохъ! колышница мяне!» Ня чуць. Ёнъ ускочивъ и побѣгъ догоняць. Догнавъ ихъ, гусей побивъ, хочѣвъ и Иваньку зъ Марьей забиць, али яны упросили: «мы сами не хочѣли ўцекаць, али насъ къ гэтаму примусили гуси!» Ёнъ узавъ и принёсъ ихъ домовъ. Улѣвъ узнова мѣдзяны вовкъ

у люльку: «трохъ, трохъ! колышиця мяне!» Яны стали яго колыхаць. Колыхали, колыхали, вовкъ заснувъ. Тоды яны вышлі на вулицу, сѣли на завалянку, сідзяць и плачуць. Ажны идзець лось: 1) «чаго вы плачеш?»—Якъ-жа намъ не плакаць? Мѣдзяный вовкъ зѣвъ бацьку и матку, а намъ сказаць, кабъ мы яго колыхали! Тоды лось кажець: «я васъ отъ бяды спасу, садзіцеся на мяне!»—Нѣ, не спасешъ: вовкъ, прочкнувшыся, догониць цябе и забьець.—«Нѣ, не догониць, тольки ты, малецъ, возьми щотку, а ты, дзѣвка, граблѣ!» Здаліся яны, сѣли и побѣхали. Лось якъ скаканецъ—варсту ўдзедзе, якъ скаканецъ—варсту ўдзедзе. А мѣдзяный вовкъ прочкнувся: «трохъ, трохъ! колышиця мяне!» Ня чужъ. «Трохъ, трохъ! колышиця мяне!» Ня чужъ. Енъ тоды ускочивъ и побѣгъ доганяць. А тымъ часомъ прѣхали яны къ горѣ, къ такой високой, што и птушка не пераляднѣць. Прилѣгъ лось на зямлю, и слухаецъ, ци бяжыць мѣдзяный вовкъ. Чуецъ—бяжыць. Енъ тоды дмухнувъ ноздрами—и гора разступилася. Яны и пераѣхали. Тоды лось ўзновъ дмухнувъ на горѣ: тѣ была яна високая, а то яшчѣ ўдвой павышала. Побѣхали яны дальше. Ъхали, ѣхали, ци довго, ци мало—ўзновъ лось прилѣгъ на зямлю и слухаецъ. «Ну, кажець, прокопавъ ёнъ гору и бяжыць за нами. Кйдай, дзѣвка, граблѣ!» Кинула яна граблѣ, и здѣлався непроходзимый лѣсъ, такая пуца, што й мышына ня пролѣзець. Побѣхали яны дали. Ъхали, ѣхали, лось ўзнова прилѣгъ къ зямлѣ и слухаецъ. «Послѣднюю дзеравіну перагрызаецъ! Кйдай, малецъ, щотку!» Малецъ кинувъ щотку—узникли сѣны, ровы, рѣчки. Побѣхали яны дали. Ъхали, ѣхали,—прѣхали къ возяру. 2) Лось давъ тоды мальцу хустку и кажець: «махни хусткой на возяро!» Енъ махнувъ три разы на возяро, и здѣлалось сухо. Яны и перайшли на тэй бокъ. «Махни ўзнова хусткой на возяро!» Енъ махнувъ три разы—и здѣлалось возяро. Вовкъ ставъ плыць по возяру, уплывъ у половину, и остався на кўпинѣ. А лось завѣз дзяцей у такій покой, што ня ўздумаць, ня ўгадаць, якъ ў казцы сказаць. И стали яны тамъ жиць. Лось тоды сказаць, кабъ яны яго спалили. Яны довго ня хоцѣли палиць, алитки мусили спалиць. Братъ усѣ ходзивъ на охвоту, а дзѣвка сядзѣла дома. Разъ пришла яна на возяро мыць ложки. А вовкъ яе познавъ, и скинувся дужо ладнымъ мальцемъ, и говориць: «ты, дзявица, у мяне ўлюбилася?» А йна кажець: ўлюбилася!—«Ну, коли-жъ ты у мяне ўлюбилася, дыкъ пусци ко мнѣ чашку!» Яна ўзяла и пусцила икъ яму чашку. Енъ сѣвъ у тую чашку и приплывъ къ ёй: «ага, вотъ коли я цябе зѣмѣ!» *) Дзѣвка спужалася.—«Ну, мы съ тобою оженимся! Ды ўсѣтки, коли ты будзешъ жалѣць брата, дыкъ я цябе

1) Вар. волъ; быкъ. 2) къ морю, которое волъ переплываетъ.

*) Варіанты: 1) Удякли яны отъ мѣдзянаго вовка и пришли ў дзярвеню: братъ пасивъ коровъ, а яна жила у дзярвені. И жили яны довго. Разъ сестра пошла на возяро мыць посуду. Видзиць на кўпинѣ ладнаго мальчика. Енъ ставъ просиць у яе паравоза, а яна сказала, што у яе ничего нема. Тоды енъ кажець: кинь мнѣ цебаръ и полоньникъ. Яна кинула; енъ и пералывъ. Пералывъ, ды й скинувся вовкомъ. «Ну, я цябе зѣмѣ!»... 2) Ну, якъ тольки уцякли яны отъ мѣдзянаго вовка, дыкъ зъ быкомъ попрощалися и пошли. Иванъ ставъ пастухомъ, а Марья кухаркой. Тоды разъ пошла яна на возяро мыць чашки, а вовкъ яе познавъ и здѣлався пругожимъ мальцомъ. «Дай мнѣ талерку, я приплыву къ табѣ!» Яна кинула яму талерку, енъ сѣвъ и приплывъ. Тоды здѣлався вовкомъ, ды кажець: «а вотъ коли я цябе зѣмѣ!»

зѣмъ, а коли ня будзешъ жалѣць, дыкъ ня буду!» Яна кажець: нѣ, ня буду жалѣць!—«Ну, треба-жъ яго згубиць!»—Якъ жа мнѣ яго згубиць?—«А во якъ: ты возьми ды пристався хворой! Якъ енѣ прйдзець съ охвоты, ты скажи, што табѣ людзи раяли, кабъ пользоватца лисѣсимъ молокомъ. И попроси яго принеси гэтаго молока. Енѣ якъ побяжиць за лисицой, дыкъ и розумъ поцераець.» Пришовѣ братъ, а Марья говориць: «во што, мой братокъ: я захворѣла, и мнѣ людзи нараяли, кабъ я выпила лисѣяго молока. Знайдзи ты лисицу, и дай мнѣ яе молока!» Братъ, ня довго думая, узявѣ ружжо на плечи и пошовѣ у лѣсь. Тольки енѣ идзець, ажъ бяжиць лисица зъ лисенятами. Иванька зложився у яе, а яна кажець: «ня би мяне, Иванька, што хочешъ, тое дамъ!»—Дай тольки мнѣ молока!—«И молока свойго дамъ, и дзиця свойго дамъ, Иванька,—енѣ табѣ надо будзець!» Дала яму молока и дзяцѣнка, и сама побѣгла. Тоды Иванька пошовѣ домовѣ зъ лисянѣнкомъ, и тѣй лисянѣнокъ живѣ не по годахъ, ды по часахъ. Пришовѣ енѣ домовѣ, отдавѣ сястрѣ молоко, а самъ нѣкуды отвярнувся. Яна тоды и выльлила гэта молоко подѣ короваць. Коли узнавѣ про гэта мѣдзяный вовкѣ, што Иванька принѣсь лисѣяго молока, дужа низдзвивився, и сказавѣ Марьи, кабъ яна вальѣла брату принеси ёй вовчинаго: «цяперъ коляды *); енѣ якъ пойдзець у лѣсь—и нападець на стадо вовковъ: тамъ яму и конецъ будзець.» Братъ мѣвѣ ици на охвоту, а сястра яму кажець: людзи нараяли мнѣ пиць вовча молоко! Ну, братъ узявѣ ружжо на плечи и пошовѣ у лѣсь. Тольки енѣ идзець лѣсомъ—болотомъ, ажъ идзець вовчица зъ двумя вовчонками. Иванька зложився у яе страляць, а яна говориць: «ня би мяне, Иванька,—што хочешъ, тое дамъ!»—Дай мнѣ свойго молока!—«И молока дамъ, и дзиця свойго дамъ, Иванька: енѣ табѣ надо будзець!» Узявѣ Иванька молока и вовчанѣнка, и пошовѣ домовѣ. Вовчанѣнокъ тѣй росѣ не по дняхъ, ды по часахъ. Пришовши домовѣ, енѣ отдавѣ сястрѣ молоко, а яна яго выльлила подѣ короваць. Мѣдзяный вовкѣ тоды сказавѣ ёй, кабъ яна просила брата принеси мядзвѣжжаго молока. Собрався Иванька на охвоту, а сястра и говориць: «нараяли мнѣ людзи пиць мядзвѣжжаго молока!» Братъ заплакавѣ и пошовѣ. Идзець по ясу, по болоту, ажъ видзиць—ссуць мядзвѣдзиху мядзвѣдзяныты. Ставѣ енѣ мѣцитца у яе, а яна говориць: «ня би мяне,—што хочешъ, тое дамъ!»—Дай мнѣ молока!—«Дамъ и молока и мядзвѣдзянѣнка,—енѣ табѣ у лихую годзину надобенѣ будзець!...» Узявѣ Иванька молока и мядзвѣдзянѣнка и пошовѣ у дворѣ. Мядзвѣдзянѣнокъ росѣ не по дняхъ, ды по часахъ. Пришовѣ Иванька у дворѣ, отдавѣ сястрѣ молоко. А яна и гэта за бокѣ залила. Ну, и якъ тольки Иванька ходзивѣ на охвоту, мѣдзяный вовкѣ выльзець ись-подѣ печи, и пирець зъ ёй; а якъ тольки приходзивѣ съ охвоты, дыкъ и ссуваетца подѣ печь. Тоды Иванька нѣкуды отвярнувся, а вовкѣ кажець сястрѣ: «енѣ, мусиць, дужо сильный! Нехайтку енѣ принясець табѣ ильвинаго молока!» Сястра и кажець Иваньку: «мнѣ людзи раяли пиць ильвиное молоко. Кабъ ты принеся?» Енѣ заплакавѣ: «Божа мой, Божа мой! идзѣ я табѣ яго достану!» Ды ўзявѣ ружжо и пошовѣ. Ишовѣ, ишовѣ по ясу, по болоту, и нашовѣ ильвиное гняздо зъ ильвенятами. Енѣ узявѣ молока и одного ильвянѣнка и пошовѣ домовѣ. Сястра и гэта молоко выльлила за вокно. Мѣдзяный вовкѣ дужа здзивився, што Иванька выповѣ цѣлый отъ иль-

*) Бѣлоруссы разсказывають сказки преимущественно въ рождественскіе праздники, *коляды*.

ловъ, и сказавъ Марѣи, кабы яна послала Иваньку у тѣй прудъ, идзѣ мука сама мелетца, пироги сами пякутца и сами у горюдзи продаютца: «енѣ мусиць, оттуль ужо ня выйдзець, бо тамъ нѣкого нема, кромѣя нячистыя силы. Нехайтку енѣ табѣ съ того пруду припѣсецъ съ подъ большого камяня пылку!»¹⁾ Пошла сѣстра къ Иваньку и кажець: «нараяли мнѣ людзи потрабляць такій и такій пылокъ. Сходзи, братокъ, принѣси!» Енѣ заплакавъ: «Божа мой, Божа мой, идзѣ я табѣ яго достаю?» Алитки узѣвъ съ собою усихъ звяровъ: лисицу, вовка, мѣдзвѣдзя, ильва, и пошовъ къ тому пруду. Видѣиць—у прудзи дванатцаць дзвярей. Упусиць енѣ упиродъ свсихъ звяровъ, а самъ яще ня ўспѣвъ увойди ў прудъ, ажъ дзвери и замкнулися! Али лисица, вѣдомо-хитрая звярушка—прибѣгла цихынько къ большому камяню и ўзяла трешку пылку, ды подбѣгла къ щелцы и черазъ щелку подала гѣтый пылокъ Иваньку. Заварнувъ Иванька пылокъ у паперку и понѣсь домовъ. Сѣстра ўзяла пылокъ и пошла къ мѣдзяному вовку. Тѣй, якъ узѣвъ, што звяри Иваньковы остались у прудзи, дыкъ троху ўзрадувався, бо знавъ, што безъ звяровъ яго подыйци можю. Енѣ сказавъ Марѣи: «треба поспробуваць яго силу. Уварци яго ў полотно, а коли ёнъ гѣто полотно разорвець, тоды уварци яго шовкомъ. И коли енѣ шовку не разорвець, тоды псоззи мяне!» Марѣи пошла икъ брату, ды кажець: «вотъ, мой браточакъ: мнѣ людзи казали, што ты дуже сильный. Хоцьла бъ я поспробуваць твоѣ силы?»—Отчаго, можно! Тоды яна заварцьла яго у полотно. А енѣ якъ рвануся—такъ полотно усѣ и рассыпалося. Тоды яна ўзяла и ўварцьла яго у шовкъ. Иванька рвануся, али шовку не разорвавъ, и шовкъ уциснуся ў яго косци. Тоды Марѣя позвала мѣдзянаго вовка. Тѣй пришовъ съ шаблей и хоцьвъ отбѣчь яму голову. Али птушачка што сѣдзѣла ў клѣтцы, спѣла Иваньку, кабы енѣ просився хуць на пувчаса, ли того, што звяри яго ужо прогрызли дзвери. Иванька такъ-сякъ отпросився на пувчаса Богу помолитца. Пувчаса пройшло, а звяровъ нема. Тоды птушачка запѣла, кабы Иванька просився на пувминуты, бо яго звяри ужо бягуць. Такъ, сякъ Иванька отпросився яще на пувминуты. Пройшло и пувминуты, а звяровъ, якъ нема, дыкъ нема.... Ужо вовкъ идзець съ шаблей, кабы забиць Иваньку. А тутъ и птушачка пѣць перастала. Вовкъ и отрубивъ Иваньку голову... Тольки енѣ отрубивъ голову, а звяри и прибѣгли. Кинулися яны на мѣдзянаго вовка и почали яго рваць²⁾ и разорвали на куски. Тоды левъ сказавъ мѣдзвѣдзю, кабы енѣ пилнувавъ трупа Иваньковаго, а вовку сказавъ, кабы енѣ доставъ сабѣ и мѣдзвѣдзю ѣсци, а самъ зъ лисицай пошовъ по воду гоющую и живушую. Ишли яны, ишли, дуже довго; ажъ пришли къ дубу, а на тымъ дубу сѣдзиць воронъ. «Воронъ, воронъ! кажець левъ: принѣси мнѣ воды гоюця и живуця!»—А за што я табѣ маю приносиць такае воды? Што ты мнѣ здѣлѣнешъ, коли я не принѣсю табѣ?—

1) Въ одн. варіантѣ прѣжде, чѣмъ послать брата на мельницю, сѣстра посылаетъ его „къ чартици за чартинымъ молокомъ,“ въ увѣренности, что чертъ непременно его задушитъ. Пошелъ Иванька съ своимъ звѣрами по лѣсу, по болоту. Шель, шель—приходитъ къ озеру. У озера стоить хатка. „Увийшовъ ёнъ у хатку, ажны видзиць—сущѣ чарциху чарценяты. Енѣ примѣтився страляць у яѣ, а яна дала яму молока и чарцянѣнка. Пошовъ енѣ домовъ....“ Затѣмъ его посылають на мельницю.

2) Вар. Левъ, вовкъ, мѣдзвѣдзь и лиса ирвали, а чертъ раскидавъ по куткамъ, кабы енѣ ня зжився.

«А за свою жись!» кажець левъ. Ды якъ потрошь дубомъ, дыкъ ворону и зляцѣць няможно: чупъ у имъ нутры не порвалиси. Тоды воронъ побѣщавъ принѣсци воды гоюція и живуція: «тольки подвѣжиди мнѣ подъ крыльѣ двѣ бутѣлочки, кабъ було уво што воды ўзяцѣ!» Левъ подвѣзавъ яму подъ крыльѣ бутѣлки; воронъ и поляцѣвъ. Ляцѣвъ ёнъ, ляцѣвъ, дужо много. Ажъ прилетаецъ къ царьскому дворцу, дѣъ была вода гоючая и живушая. Коло тыѣ воды и дзень и ночь стоявъ солдаты на часахъ. Ляцючи, воронъ ставъ стукаецъ бутѣлочками. Поднявъ солдатъ голову ўгору, видзиць—ляциць птушка и стукаецъ бутѣлочками. Задзвився ёнъ и побѣгъ, сказавъ цару и ўсяму двору царьскому. Уси выбыгли глядзѣць. Видзюць, што ляциць нѣкая птушка и ляцючи нѣчимъ стукаецъ и бразчиць. И стали ўси на яѣ глядзѣць. Тоды воронъ ставъ отлетаць дали. За имъ побѣгли уси чисто. Отвѣвши ихъ за вярсту, воронъ скорѣй вярнувся, набравъ у бутѣлочки воды гоюція и живуція, и поляцѣвъ къ ильву. Левъ узявъ отъ яго водѣ и пошовъ зъ лисицѣй домовъ. Пришовши, видзиць, што мѣдзвѣдзъ ссохъ, якъ щепка, а вовкъ разжирѣвъ, якъ кормный парсюкъ. Тоды левъ пытаецъ: «чаго ты, мѣдзвѣдзъ, высохъ, якъ щепка?»—А вовкъ самъ наядався, а мнѣ тольки дававъ голу ю косточку! Тоды левъ кажець: «Ну, ты яго за гѣто посади на лѣвую лапу, а правой погладзѣ!» Мѣдзвѣдзъ узявъ, посадзивъ вовка на лѣвую лапу, а правой якъ подиснувъ, то вовку й духъ вонъ. Тоды левъ узявъ воды гоюція ды узливъ на Иваньку—голова къ трупу и пристала. Тоды ёнъ уливъ у ротъ воды живуція—Иванька й отживъ. «Ахъ, якъ я смашно заснувъ!»—Да, дѣбро заснувъ: кабъ ня мы, дыкъ-бы ня ўставъ!

Вышли яны тоды зъ гѣтаго дому: Иванька съ сястрой, мѣдзвѣдзъ, левъ и лисица. Пройшовши вѣскульку вѣрстѣ, Иванька раздумався: «нашто я ўзявъ съ собой сястру?» И узявъ ды привѣзавъ яѣ къ дзѣраву. А самъ зъ звѣрами пошовъ дали. Али пройшовши троху, стало яму жалко своей рѣдной сястры. Пославъ ёнъ мѣдзвѣдзя: «идзи, полядзи: ци смяецца яна, ци плачець? Коли смяецца, тамъ оставъ, а коли плачець—отвяжи и ко мнѣ привядзи!» Мѣдзвѣдзъ пошовъ, и на дорози дужо усердзился на Марью, што черазъ яѣ ёнъ высохъ, якъ щепка. Пришовъ къ ёй, ды ўзявъ ды й забивъ. Вярнувшись къ Иваньку, кажець: «смяецца; ажъ пѣна красная валиць зъ рота!»—Якъ гѣто пѣна красная валиць зъ рота? спытався Иванька.—«Ды я яѣ забивъ!» кажець мѣдзвѣдзъ. Ну, пошли яны дали.

Ишли, ишли, ишли, ишли—приходзюць икъ городу. Пришовъ Иванька къ одному двору и ў ходзиина спатався: «што у васъ тутъ чупъ добраго?»—А добраго ничѣго ня чупъ, а худое чупъ, кажець ходзяинъ. Вотъ, у нашаго цара ёсь одна дочка; и тую смокъ сказавъ къ сабѣ привѣсци: хочець яѣ зѣсь! Иванька, ня думавши довго, пошовъ на ўзморье. Тамъ была малая хаѣнка, куды мѣли привезци царевну, смоку на зьядзеньня. Улѣзъ ёнъ у хаѣнку, видзиць, царевна молитца Богу. Тоды ёнъ кажець царевнѣ: «вотъ, я засну. А якъ станець мора волноватца, тоды мяне узбудзи!» Лѣгъ и заснувъ. Тольки стало мора волноватца, царевна узбудзила Иваньку; ёнъ узявъ, дзвери на замокъ зачинивъ. Ажъ приходзиць смокъ. «Отчинай!» кричиць.—Нѣ, ня 'тчинаю!—«Отчинай!»—Нѣ, ня 'тчинаю! Тоды смокъ разломивъ дзвери. Видзиць Иванька, што смокъ дванатцадиголовый. И стали яны битца. Иванька збивъ смоку шѣсь

головъ. Али тоды смокъ ставъ яго змогаць. «Стой!» кричиць Иванька: «цари бьютца, и то отдыхаюць; а мы съ тобой што такъ ня 'тдыхнемъ?» Стали яны отдыхаць. Смокъ принёсъ два бочонки воды. Одзинь—што убавляецъ дванатцаць силъ—поставивъ ли Иваньки, а другій—што прибавляецъ дванатцаць силъ—поставивъ сабѣ. А царевна усё гэта видзѣла. Вотъ, якъ тольки смокъ отварнувся, пошовъ за закуской,—царевна и перажыла бочоночкы. Пришовъ смокъ, и выпивъ бязсилную воду; пришовъ Иванька, и выпивъ силную воду. У смока дванатцаць силъ отбыло, а ў Иваньки прыбыло. Стали яны битца: Иванька збивъ смоку и послѣднихъ шесць головъ. Тоды царевна дала Иваньку парсёныкы и хусточку. Иванька пошовъ къ свайму ходзяину. А съ царскаго дворца царъ выславъ слугу, кабъ енъ змывъ у хаѣнцы кровь. Тольки ёнъ приходзиць, а царевна жива. «Хто цябе збавивъ?»—А збавивъ мяне Иванька!—«Ну, дыкъ вотъ: смокъ цябе не забивъ, то я цябе забью, коли со мой ня 'женился и не скажешъ, што я цябе збавивъ отъ смерци!» Царевна дужо спужалася и сказала, што усё ли яго здѣлаецъ, кабъ ёнъ тольки яе не забивъ. Пришовши у дворець свой, царевна сказала бацьку, што яе збавивъ отъ смока гэты слуга, якога ёнъ посылавъ кровь съ подлоги змыць. Тоды царъ отписавъ яму половину царства и ставъ жаниць зъ нмъ свою дочку. ¹⁾

Почувъ Иванька, што царевна выходзиць за свайго слугу, што ёнъ бытто збавивъ яе отъ смока, и пославъ ёнъ къ царевнѣ лисицу по пиво. Царевна увознала лисицу и привязала ей бутэлку съ пивомъ. Тоды Иванька пославъ мядзвѣдзя по вино. Царевна яму привязала бочонокъ вина. Иванька пославъ тоды ильва за горѣлкой. Царевна привязала яму кучлю горѣлки. Бацька царевны пытаецъ: «што гэта значитца?» А яна не признаецца. Ажны приходзиць на вяселья Иванька. Царевна якъ увидзѣла яго, такъ и кинулася къ яму цаловатца. «Во, татычка, тэй, хто збавивъ мяне отъ смока, а ня тэй, съ кимъ я мѣла жанитца!» Тоды Иванька кажець слугѣ, мѣвшаму быць мужикомъ царевны: «якэя ты маешъ примѣты, што ты збавивъ царевну отъ смока?» Тэй, мыкався, мыкався и такъ, и сякъ,—и нічога не сказаць. Показавъ тоды яму Иванька парсёныкы и хустку царевны. Царъ тойчасъ вѣдзѣвъ привязаць слугу нмъ коньскімъ хвостамъ. А Иванька съ царевной ожанилиси, и жили дужо дббро.

Д. Земковичи, спнн. у.

1) Въ одн. вар. вставлена въ этомъ мѣстѣ сказка „Солдатъ и черти“, гдѣ мѣсто солдата занимаетъ Иванъ. Затѣмъ продолжается „Мѣдный волкъ.“ Подъ заглавіемъ „Залізний вовекъ“ помѣщ. сказ. у Рудч. т. I, стр. 149 и Драг. 271 сод.-эпизод. изъ Васил. премудр. и Кобылина сына. Срав. Чубинск. 138. Садовник. 67.

5 Юда—беззаконный чортъ.

Поѣхывъ царъ на польгуваньне, и заблудзился у лѣси. Ходзивъ, ходзивъ—никакъ няможно выйци изъ лѣсу. Вотъ, приходзиць къ яму нѣкій чаловѣкъ и говориць: «коли ты отдаси мнѣ то, чаго дома ня знаешъ, дыкъ я цябе выведу!» А гато бывъ Юда—беззаконный чортъ. Думывъ, думывъ царъ: усё, кажетца, знаецъ! И говориць Юдѣ: «ну, нехай-сабѣ табѣ остаецца, тольки выведи мяне!» Юда и выведъ царя

изъ лѣсу, и пошовъ ёнъ домовъ. Только приходзиць ёнъ домовъ, ажъ у яго родили-
 ся дзѣци: дычка—Марья, и сынъ—Иванъ, покуль ёнъ блудзивъ пы ласу. Ажъ во
 приходзиць и Юда: «ну, давай дзяцей!» Царъ ставъ проситца, кабъ хуць трошку яны
 побыли зъ имъ. Юда здався и пыляцѣвъ. Якъ только ёнъ отляцѣвся, царъ сичасъ
 дворець спаливъ, а дзяцей схувавъ у склепъ, и стали яны тамъ, у склепи, жиць.
 Пришовъ строкъ; приходзиць Юда за дзяцьми, гдыдзиць—ничого нема, только голо-
 вешки. Юда давай грызци головошкы. Грызъ, грызъ: «идзѣ Иванъ зъ Марьей?» Го-
 ловешкы яму ничого не сказали. Ставъ ёнъ грызци чепялу. Грызъ, грызъ—чепяла
 ничого не сказала. Тоды ставъ грызци вилкы. Грызъ, грызъ—вилкы ничого яму не
 сказали. Ставъ грызци пымяло—и пымяло ничого яму не сказало. Послѣ ёнъ ставъ
 грызци полоньникъ. Грызъ, грызъ и спрашыецъ: «идзѣ Иванъ зъ Марьей?» По-
 лоньникъ пдынявся и поляцѣвъ, ды й сѣвъ на склепи. Юда тоды ўлѣзъ у склепъ и
 говориць: «ну, вотъ коли я васъ зѣмъ, Иванъ и Марья!» А Иванъ зъ Марьей го-
 воруць: «Юда, Юда, беззаконный чортъ! ци у нашаго таткы хлѣба-соли нема?» При-
 нясли яму булку хлѣба, повпуда соли и вядро воды. Юда усё зѣвъ ды й лёгъ спаць.
 Приляцѣла тоды сорока и говориць: «Иванъ зъ Марьей! садзицеса мнѣ на крылья, я
 васъ ўвязу!» Яны сѣли. Сорока ляцѣла, ляцѣла, а Юда прошнувся. Видзиць—нема
 Ивана зъ Марьей, и пыляцѣвъ дыгоняць. Якъ дыгнавъ, крылья сороцы отпаливъ, и
 говориць на Ивана зъ Марьей: «вотъ коли я васъ прожру!» А яны говоруць: «Юда,
 Юда, беззаконный чортъ! ци ў нашаго таткы хлѣба-соли нема?» Принясли и
 дали Юдѣ двѣ булки хлѣба, ды пудъ соли, ды два вядры воды. Юда поѣвъ усё,
 попивъ, и лёгъ спаць. Приляцѣвъ къ имъ крукъ и говориць: «ну, Иванъ зъ Марь-
 ей, садзицеса мнѣ на крылья, я васъ ўвязу!» Яны сѣли и пыляцѣли. Ляцѣли, ля-
 цѣли, а Юда прошнувся, глядзиць, а Марья зъ Иваномъ нема. Пыляцѣвъ ёнъ ды-
 гоняць ихъ. Дыгнавъ, круку крылья отпаливъ, и говориць: «ну, Иванъ зъ Марьей!
 я васъ ужо зѣмъ!» А яны говоруць: «Юда, Юда, беззаконный чортъ! ци ў нашаго
 таткы хлѣба-соли нема?» И дали яму три булки хлѣба, повтора пуда соли и три вя-
 дры воды. Юда поѣвъ, понивъ усё и крѣпко заснувъ. Приляцѣвъ икъ дзѣцянь орелъ:
 «ну, Иванъ зъ Марьей! садзицесь на мяне, я васъ ўвязу!»—Нѣ, орелъ: насъ сорока
 вязла, ня ўвязла, ворона вязла, ня ўвязла, и ты ня ўвyezьшъ!—«Ну, не вашъ клопыть!..»
 Яны сѣли, а орелъ и пыляцѣвъ. Ляцѣвъ, ляцѣвъ, а тымъ-часомъ прошнувся Юда.
 Полядзиць—ажны Ивана зъ Марьей нема. Вотъ пыляцѣвъ Юда ихъ дыгоняць. Дыгнавъ,
 орлу крылья отпаливъ, а на Марью зъ Иваномъ говориць: «вотъ жа коли я васъ
 прожру!» Иванъ зъ Марьей говоруць: «Юда, Юда, беззаконный чортъ! ци у нашаго
 таткы хлѣба-соли нема?» Сичасъ вынули яму чатыре булки хлѣба, ды два пуды соли,
 ды чатыре вядры воды. Юда усё зѣвъ и выпивъ, и заснувъ. Вотъ, прилятаецъ икъ
 имъ бычокъ съ ковпачокъ и говориць: «ну, Иванъ зъ Марьей, садзицеса на мяне, я
 васъ ўвязу!»—Нѣ, бычокъ съ ковпачокъ, ты не ўвyezьшъ насъ: сорока вязла, ня ў-
 вязла, ворона вязла, ня ўвязла, орелъ вѣзъ, ня ўвѣзъ!—«Ня бойся, я ўвязу!» Сѣли
 яны и покадили. Ъхыли, ъхыли, прѣѣхыли къ морю. Тоды бычокъ съ ковпачокъ го-
 вориць: «ну, Иванъ и Марья! злѣзайце зъ мяне; собирайце осинывыя дровы ды спа-
 лице. А пыпалокъ у хвустучку ўвяжице; и якъ только черязъ моря пераходзиць, то

гетой хвустучкой махнице, и здѣлыетца мость, а якъ перейдзец на тѣй бокъ—узнава махнице: мость гетый пропадзецъ. Тоды васъ Юда ня зможець узяць!» Яны такъ и здѣлыли: сѣбрали дровъ осинныхъ, спалили ихъ, и пыпалокъ увязали у хвустучку. Якъ подыйшли къ морю, такъ хвустучкой махнули—и ставъ мость. Яны перайшли по имъ на тѣй бокъ, тоды ўзнава махнули—мость и пропавъ. Вотъ, и пошли яны дали. Ишли, ишли, ўыйшли на високую горѹ. Махнули хвустучкой, и здѣлылся домъ. Вотъ яны увыйшли у тѣй домъ, и стали тамъ жиць. Жили, жили... Якъ только Марья пойдзецъ воды, Юда и говориць ей: «Марьячка-сестрица, скажи, куды вы пераходили?» И начнець яе просиць: «кыли хочешъ—братымъ твоимъ буду, а кыли хочешъ—бацькымъ буду, кыли хочешъ—мужукомъ!» Жаль стало дзѣвцы Юды, стала яна просиць у брата хвустучку: «дай, я яе помую, а то яна чорна. Можа, ты будзешъ жанитца!» Братъ довога не дававъ, ды ўсѣтки сыгласився и отдавъ ей хвустучку. Вотъ яна пошла на моря, махнула хвустыкъ—ставъ мость. Марья и перевяла по имъ Юду. Якъ только братъ пойдзецъ на работу, яна зъ Юдымъ и пируецъ. И задумали яны якъ-не-якъ ды згубиць брата. Стала яна притворятца хворою и говориць брату: «ну, брацець, я стала хвора. Дыстань ты мнѣ заячяго мылока, тоды можа я выздоровлю!» Ёнъ говориць: «ну, што, сестрица, заўтра заўтрашнее и будзецъ!» Назаўтра, якъ только давъ Богъ дзень, ёнъ уставъ ранянько, умывся бѣлянью, и пошовъ на польгыванья. Ходзивъ ёнъ, ходзивъ, видзиць-идзецъ зайчиха зъ дзяцьми. Иванъ только думавъ забиць яе, а яна говориць: «ну, Иванъ Царевичъ, ня би мяне: я табѣ сама дамъ мылока и дзяцѣнка, кабъ яна табѣ повѣрила!» Узявъ ёнъ мылоко и дзяцѣнка, и пошовъ домовъ. Пришовши домовъ, зайца пысадзивъ подъ полъ, а мылоко сясטרѣ отдавъ. А яна говориць: «болото болотомъ пахнець, а бѣсъ бѣсомъ! Ня хѣчу гетаго мылока; пріянаси мнѣ лисьяго!»—Ну, сестрица, заўтра заўтрашнее и будзецъ!.. Назаўтрага уставъ ранянько, умывся бѣлянью, и пошовъ на польгыванья. Идзецъ ёнъ, а на ўстрѣчъ лисица зъ дзяцьми. Ёнъ только хоцьвѣ стряляць у яе, а лисица говориць: «Иванъ Царевичъ! ня би мяне: я табѣ сама дамъ мылока, ды й дзяцѣнка, кабъ яна табѣ повѣрила!» Ёнъ узявъ мылоко и дзяцѣнка и пошовъ домовъ. Лисянѣнка пысадзивъ подъ полъ, а мылоко отдавъ сястрѣ. А сестра говориць: «болото болотомъ пахнець, а бѣсъ бѣсомъ. Пріянаси ты мнѣ вовчинаго мылока!»—Ну, сестрица, заўтра заўтрашнее и будзецъ!.. Назаўтра уставъ ранянько, умывся бѣлянью и на польгыванья пошовъ. Ходзивъ ёнъ, ходзивъ, видзиць-вовчица идзецъ зъ вовчанятами. Только Иванъ хоцьвѣ яе забиць, вовчица говориць: «Иванъ Царевичъ! ня би мяне: я сама табѣ дамъ мылока и вовчанѣнка, кабъ яна табѣ повѣрила.» Иванъ узявъ мылока и вовчанѣнка и пошовъ домовъ. Вовчанѣнка пысадзивъ подъ полъ, а сестра говориць: «на што ты собираешъ гетыхъ чарцей болотныхъ?» Узяла яна мылоко: «ну, болото болотомъ пахнець, а бѣсъ бѣсомъ. Идзи пріянаси мнѣ мылока мядзвѣжжаго!»—Ну, што сестрица, заўтра заўтрашнее и будзецъ!.. Перяспали ночь. Назаўтра, якъ давъ Богъ дзень, уставъ ёнъ ранянько, умывся бѣлянью и пошовъ на польгыванья. Идзецъ ёнъ пы лясу, видзиць-идзецъ мядзвѣдзица зъ дзяцьми. Ёнъ только прицѣлився забиць яе, а мядзвѣдзица говориць: «ня би мяне, Иванъ Царевичъ, я табѣ сама дамъ мылока и мядзвѣдзянѣнка, бы сестра безъ яго не повѣриць!» Дала яму мылока и мядзвѣ-

дзянёнка. Ён узяв і пошов. Пришовш і домов, мядзвѣдзянёнка пясадзів подь полъ. А сястра говориць: «на што ты собираешъ гетыхъ чарцей зъ болота?» Подавъ ёнъ мылоко, яна говориць: «болото болотомъ смярдзиць, а бѣсъ бѣсомъ! Приняси ты мнѣ ильвинаго мылока!»—Ну, сястра, заўтра заўтрашнее і будзецц! Лягли спаць. Назаўтра, уставши ранянько, умывся бѣлянко і пошов на польгубаньня. Ходзівъ ёнъ, ходзівъ, видзиць-идзецц ильвица зъ ильвенатами. Вотъ ёнъ тольки хопѣвъ выстралиць, а ильвица говориць: «Иванъ Царевичъ! ня губи мяне: я табѣ сама дамъ мылока і яцц ильвянёнка, кабъ яна повѣрила!» Ёнъ узявъ мылоко і ильвянёнка, і пошовъ домовъ. Пришовш, ильвянёнка пясадзівъ подь полъ, а мылоко отдавъ сястрѣ. А яна говориць: «болото болотомъ смярдзиць, а бѣсъ бѣсомъ! Ня хѣчу гетаго мылока, няси мнѣ пщичаго!»—Што ты, сястра, сь памяци выбилася, ци што? Идѣ я табѣ пщичаго мылока дыстану?.. Сястра і заплакыла: «ты, вѣрно, мой смерци хочешъ?...» Жалко стало Ивану: «ну, заўтра заўтрашнее і будзецц!» Назаўтра, уставши ёнъ ранянько, умывся бѣлянко, і пошов на польгубаньня. Ходзівъ, ходзівъ—нѣйдѣ пщичаго мылока дыстаць. Найшовъ ёнъ кручиное гняздо, пхбравъ яйцы і понесъ сястрѣ. А сястра ужо придумала яму новую смерць. Якъ тольки ёнъ пришовъ, дыкъ яна пычала яго просиць, кабъ ёнъ прынесь ёй такій пирогъ, што самъ на прудзи мовася, самъ пѣкся. Назаўтра Иванъ уставъ ранянько, помывся бѣлянко, накормивъ своихъ звярѣвъ, і пошовъ пирогъ искаць. Ишовъ, ишовъ, пытався, пытався, алтки напытавъ такіхъ прудъ. Пришовъ ёнъ туды, увыйшовъ на прудъ і звяри зъ имъ. Тоды найшовъ тамъ ёнъ пирогъ і ўзявъ. Пошовъ ёнъ сь пруда, а двери і зачинились, і запѣрли на прудзи яго звярѣвъ. Нечаго дзѣльць, пошовъ ёнъ домовъ. Покулъ ёнъ геты пирогъ прыставлявъ, придумали яму треццю смерць: задумали яго у лазьни спалиць. Вотъ, якъ тольки ёнъ пришовъ, Марья пычала гыворіць: «вытыпи ты лазьню помытца!» Принясла яна дровъ, пукъ лучины—растолицъ лазьню, і кажець: «топи живо!» Тольки яна пошла, якъ лялицъ къ Ивану крукъ. Приляцѣвъ і кажець: «ну, Иванъ: ня стольки топи, скольки гаси; а то твое звяри табѣ не могуць: яны крѣпко запѣрты!» Иванъ узявъ і пыгасивъ дрѣвы. Прибѣгаецъ сястра: «ну, што ня топишъ?»—Ну, што, кыли дровы не горяць: лучина пыгорѣла, а яны потушли!.. Пошла яна і прынясла яцц пукъ лучины: «ну, топи живѣй!» Тольки яна пошла—крукъ приляцѣвъ: «Иванъ Царевичъ! ня стольки топи, скольки туши: звяри твое ще двери лымаюць!» Ёнъ опяць пытушивъ дрѣвы. Прибѣгаецъ сястра у треццй разъ: «ну, што, ци растопивъ?»—Ды някы ня можно: ўсѣ пытухаецц! Принясла яна яцц пукъ лучины: «ну, живѣй топи!» А сама побѣгла домовъ. Прилетаецъ крукъ: «ну, Иванъ Царевичъ, ня стольки гаси, скольки топи: твое звяри близко!» Ёнъ і начавъ рысталиваць. Прибѣгла сястра: «ага! вотъ такъ бы ты давнѣй дзѣльв!» Вотъ лазьня вытыпилася; пришовъ Юда у лазьню зъ Марьей, прынясли зялѣзные прущыя, і хопѣли Ивана забиць. Ставъ ёнъ проситца. Яны пусили яго зъ бѣлымъ свѣтымъ попрощатца. Ёнъ, якъ выйшовъ,—якъ свиснець, якъ крикнець: «поскорѣй, слуги моѣ, поскорѣй!..» А сястра зъ Юдымъ говориць: «ну, ня кричи, идзятку сюды!..» Ёнъ нічога имъ больше не сказавъ—якъ прибѣгли яго звяри. Иванъ сичасъ отчинивъ лазьню, пыхказавъ на Юду—яны і пошли яго скумалицъ! Вынесъ ёнъ тоды сястру изъ лазьни

вонь, и лязьно подпёръ и запаливъ, и спаливъ тамъ Юду. Енъ тамъ и згорѣвъ. Узавъ тоды Иванъ сястру, завѣвъ у лѣсъ и пысадзивъ у пщеру, ды й запёръ.

Самъ послѣ гетаго пошовъ у свѣтъ. Зайшовъ не ў наше царство, и жанився тамъ. Якъ жанився, дыкъ жонка пычала пытатца: «Иванъ Царевичъ, што-ци ў плабе родуплемя нема?» Енъ говориць: ёсь у мяне сястра, ды яна у турьмѣ сядзиць! Вотъ жонка и послала яго за сястрой. Енъ пошовъ. Тольки пришовъ у пщеру—сястра узрадывалася и говориць: «бращецъ родненькій, возьми мяне съ собою, а то я тутъ соўсимъ змарѣла!» Иванъ узавъ яе и повезъ. Якъ тольки проѣзжали мимо тѣй лязьни, идзѣ згорѣвъ Юда, яна уздыхнула, соскочила съ колесъ и пошла на вогнище. Найшла тамъ Юзинъ клыкъ, схувала яго и поѣхала домовъ. Приѣхавши домовъ, сястра говориць Ивану: «дай я табѣ пойду!» Енъ дався. Яна и ўвогнала яму у завьекъ Юзинъ клыкъ. Енъ и обмяртвѣвъ. Ну, надо было яго хырониць. Стала жонка пытатца у сястры яго: «якъ у вась хоронюць?»—А вотъ якъ у насъ хоронюць: возьмуць бочку, ды ў бочку нябошника положуць, ды обручовъ зъ двананцыць узгонюць, ды тоды на моря и пусцюць! Жонка пошла къ ковалю и зыказала двананцаць обручовъ. Коваль здѣлывъ и подавъ жонцы. Тоды узали большую бочку, положили у бочку Ивана, нагнали двананцаць обручовъ, ды й пусчили на моря. Вотъ, стали яны жиць удвюхъ. Зыхоцѣли звяри ёсь, стали вищаць; жонка узновъ пытаетца у Мары: «чимъ ихъ кормиць?» А Марья кажець: мякины усыплемъ, ды воды нальѣмъ: вотъ имъ и яда! Жонка такъ и здѣлывала. Видзюць звяри, што имъ приходзитца плохо, киньли яны домъ и пошли искаць Ивана, и пришли къ морю. Ходзили, ходзили кыло моря, усё искали ходзяина, и увидѣли на мори бочку. Якъ имъ дыстаць тую бочку? Пошли яны, попросили у мужука варѣвку. Тоды стали думыць, якъ имъ зыложиць варевку за бочку?—«Ну, ты левъ, силень: идзи закладзи варѣвку!»—Нѣ, братъ: я тѣвесь, могу ўтопитца.—«Ну, ты, зайчикъ-лехкій мальчикъ—ты закинешъ!» Поплывъ заяць, закинувъ варевку за бочку, а тыи выпягныли бочку. Выпягнывши, стали яны гывориць, якъ яго изъ бочки выняць: разбиць бочку—дыкъ япо и яго забѣшь.... И пырапили яны зняць обручи. «Ну, ты, левъ, крѣпокъ, и кипци твоѣ кряпчѣй усихъ—уздирай обручи!» Левъ узався здзираць; брався енъ, брався—чуць пысодравъ. Выняли тоды Ивана изъ бочки и пычали глядѣць: ци ня ёсь якая ранка? Глядѣли яны, глядѣли, и ўвидѣли у завыйку клыкъ. Яны сичасъ тѣй клыкъ выняли—Иванъ и отживъ. «Вотъ я довго спавъ!»—Ды нѣ, ты ня спавъ, а помѣрши бывъ! кажущъ звяри. И рызкавали яму, якъ сястра яго пухувала, чимъ ихъ кормила. Тоды пошли яны домовъ. Пришовши домовъ, Иванъ узавъ сястру, и пывали яе ў лѣсъ, ды тамъ и пысадзили на високоє дзераво. Ну, якъ варѣўся Иванъ у дворъ, стало яму жаль сястры. Енъ тоды кажець ильву: «сходзи ты пыладзи сястры! Кыди яна зы нами глядзиць, дыкъ зними яе и привядзи сюды; а кыли, часомъ, туды глядзиць, идзѣ спалили Юду, дыкъ такъ тряхани, кабъ и косци распыпались!» Пошовъ левъ; видзиць—глядзиць яна туды, идзѣ згорѣвъ Юда. Схавцився енъ за дзераво, якъ тряханувъ—яна упала и разбилася на мелкія крошки.

А Иванъ съ своей жаной стали жиць ды пыживаць, ды добра ныживаць. И я тамъ была, видѣла тамъ лязьно, у лязьни корыто, у корыцы корецъ—моей басни конецъ.

Д. Черногостье, остров. вол. стын. у. Кр-ка Елена Иванова.

Считаемо не лишнимъ привести, рядомъ, варіантъ этой сказки, записанный южнымъ бѣлорусскимъ говоромъ въ 350 в. отъ Черногостя-въ *е. Черперостъ юмельскаго уѣзда*:

6, Живѣ дѣдъ да баба. И було у ихъ двоя дятей: сынъ и дочка. Сына звали Иванькомъ, а дочку звали Марьячкой. Вотъ дѣдъ и баба умѣрли, остались одны дѣти. Пришовъ къ имъ Юда-прозвуститаль, хотѣвъ ихъ прозвустить. И стала Юда пить да гулять, а напившись, лягла спать, и кажа дятямъ: садитя, ня ложитяся спать, покуда я ўстану. Вотъ, якъ Юда заснула, дѣти заховались у пограбъ. Юда прошнудася и спрашуя: «ти садитя вы?» Мовчатъ. Яна и ўдрүгій: «ти садитя вы?» Мовчатъ. Юда ускочила и стала пытать у кочарги: «кочарга, скажи, дѣ дѣти?» Кочарга кажа: «за што я табѣ скажу? Хйба я ня ѣла? Мноу вымаять и хлѣбъ, и мяккія полянички,— ня скажу!» Юда стала пытать у ёмки: «емка, скажи, дѣ дѣти?» Емка кажа: «за што я табѣ скажу? ти я ня ѣла? Мноу пякутъ блины, прагуть яешню, прагуть сало,— ня скажу!» Юда стала пытать у вилокъ: «скажитя, дѣ дѣти?» Вилки кажуть: «я скажу, дѣ дѣти. Што, я вымаю горшки? Марьячка отломилла мнѣ одинъ рогъ!.. Шибн етый рогъ, ёнъ найдя ихъ!» Юда шибнула рогъ, рогъ и ўпавъ на пограби. Юда стала тамъ рыть. Рыла, рыла, вырыла тамъ дятей и повяла ихъ у хату. И стала изновъ пить да гулять! А тоды и говора дятямъ: «садитя-жъ, ня спитя, покуль я ўстану!» А сама лягла спать. Вотъ, якъ Юда заснула, Иванька плюнавъ на печи и ў порози, и на кутѣ. А сами пошли ў хлѣвъ. И стоявъ тамъ, у хлѣвн, воликъ. Яны говорать: «што ето намъ дѣлать?» А воликъ кажа: «бярится съ собой щотку и грабенку, и хустку, и садитяся на мяне!» Узали яны щотку, грабенку и хустку, сѣли на волика и поѣхали. А Юда прошнудася и говора: «ти садитя вы?» Слюна на печи отзываетца: «сядимъ!» Юда и ўдрүгій: «ти садитя вы?» Слюнка ў порози: «сядимъ!» Юда и ўтретый: «ти садитя вы?» Слюнка на кутѣ: «сядимъ!» Юда и ў чатьвертый разъ спрашуя: «ти садитя вы?» Мовчатъ. Вотъ Юда потхвятилася и пошла у хлѣвъ. Полядѣла—нема волика, только слядки. Юда по слядкахъ побѣгла ихъ догонять. Бягить, бягить Юда, и догоняя ихъ. Вотъ, Марьячка зиръ назадъ, а Юда ўже ли ихъ! Марьячка кажа волику: «уже насъ догоняя Юда!» Воликъ говора: «кидай щотку!» Марьячка кинула щотку: ставъ большій густый лѣсъ! Вотъ Юда побѣгла ихъ ковалю и говора: «ковалѣкъ, ковалѣкъ! искуй мнѣ топорокъ!» Ковалѣкъ и сковавъ ёй топорокъ. Юда побѣгла у лѣсъ дорогу тарабить. Протарабила Юда дорогу и побѣгла дятей догонять. Бягить Юда и бягить, и ўже догоняя ихъ. Марьячка зиръ назадъ—а Юда ўже ли ихъ. Вотъ Марьячка говора волику: «уже Юда догоняя насъ, уже огнѣмъ пяче!» Воликъ кажа: «кидай грабенку!» Марьячка кинула грабенку—и стали большія горы! Вотъ Юда побѣгла ихъ ковалю: «ковалища, ковалища, искуй мнѣ заступница!» Коваль сковавъ заступница. Вотъ Юда и пошла горы прокапавать. Копала, копала и прокопала, и побѣгла дятей догонять. Догоняя Юда дятей, а Марьячка зиръ назадъ, а Юда ўже ли ихъ. Вотъ Марьячка говора волику: «уже догоняя насъ Юда!» Воликъ кажа: «мовчи, ще хоть трошки проѣдомъ!» Марьячка изновъ волику кажа: «уже огнѣмъ пяче!»—Ну, махай назадъ хусткой! Марьячка махнула—и стало большое мора. Юда за морамъ и осталась.

Тогды воликъ говора Иваньку: «ну, Иванька, тяперака попаръ уже мяне, а то я ўморився!» Вотъ Иванька ставъ вѣники вязать, а воликъ говора: нѣ, ты, Иванька, ня

вѣжи мнѣ вѣшниковъ, а знайди мнѣ дубовый пруть!» Ивалька знайшовъ дубовый пруть. Вотъ воликъ и говора: «би мене, Иванька!» Ивалька ударивъ волика—выскочивъ изъ волика собака!—«Би еще ўдрѣтій!» Иванька ударивъ—выскочивъ ще собака!—«Би еще ўтретѣтій!» кажа воликъ. Иванька ударивъ—выскочивъ и третій собака. Тогда воликъ попрощався зъ дѣтьми и пошовъ. А собаки тѣя стали Иваньку служить, и служили вельми хороше: што ень только ни скажа, тоя яны ямѣ и дѣлали. Знайшли яны сабѣ хату и стали у ей жить. Иванька ходивъ зъ ружжомъ у лѣсъ на охоту, а Марьячка была дома. Вотъ, разъ Иванька пошовъ на охоту, а Марьячка вышла съ хаты. А Юда здѣлався такимъ молотцомъ, и ў дудку йграя! Убачивъ Марьячку и говора: «махни ты, Марьячка, назадъ хусткой, дакъ я перайду къ табѣ, и поженимся, и будомъ жить удвохъ!» Марьячка послушала Юды и махнула хусткой: мора казавъ-бы и ня було—стало ровно. Юда перайшовъ да й кажа: «ну, тяперака махай назадъ!» Марьячка махнула хусткой,—и стало изновъ большое мора. Вотъ Марьячка и пожанилась изъ Юдой. Иде Иванька съ охоты, а Юда здѣлався иголкой, и кажа Марьяццы: «устырни мене у стѣну! Да якъ будучи лѣзть собаки у хату, дакъ ты ихъ ня пускай, а то яны мене разорвутъ!» Иванька увыйшовъ у хату, а собаки лѣзуть и брешать. Вотъ Марьячка и говора Иваньку: «отгони ты собакъ отъ окна!». Иванька отогнавъ собакъ. Яны пошли и лягли. На другій день Иванька изновъ пошовъ на охоту, а Юда Марьяццы говора: «ты возьми да бытцомъ-то и захворѣй. И посылай Иваньку, штобъ ень табѣ приносилъ разныхъ зельявъ!» Вотъ, иде Иванька съ охоты, а яна и захворѣла, и ляжить на пѣчи. Пришовъ Иванька у хату; Марьячка и говора: «иди принеси мнѣ изъ мядвѣдихи молока!» Иванька пошовъ у лѣсъ. А вотъ бягить и мядвѣдиха лѣсомъ. Иванька прицковавъ собаками—отъ, яна утѣкать. А Иванька кажа: «ня ўтѣкай, а то конецъ табѣ будя!» Мядвѣдиха стала и говора: «ня би мене, я табѣ буду у вяликой пригоди. Што ты зъ мене требуешъ?»—Дай мнѣ своего молока! Дала яму мядвѣдиха молока, да й кажа: «яна ето ня молока мойго жадаю, а смерти твое!» Вотъ, пошовъ Иванька домовъ и отдавъ Марьяццы молоко. Яна узѣла, понюхала и кажа: «псино псиной и пахня! То, коли-бъ ты мнѣ принесъ вовчицынаго молока, вотъ-ба я очунала!» Пошовъ Иванька изновъ у лѣсъ. Вотъ, иде ень лѣсомъ, а вовчица бяжить. Иванька прицковавъ яе собаками—яна утѣкать. Иванька и говора: «стой, ня ўтѣкай, а то конецъ табѣ будя!» Вовчица говора: «стой, ня би мене, Иванька, я табѣ буду у вяликой пригоди. Што ты зъ мене требуешъ?»—Дай мнѣ своего молока! Вовчица дала молока и говора: «нѣ, Иванька, яна ня требуя мойго молока, а твое смерти жадаю!» Пошовъ Иванька домовъ и отдавъ Марьяццы молоко. Узѣла яна молоко, понюхала да й кажа: «псино псиной и пахня! То, колибъ ты мнѣ принёсъ орловую пѣрку, отъ тогды-бъ я очунала!» Пошовъ Иванька изновъ у лѣсъ. Иде лѣсомъ, ажъ ляжить ороль. Иванька говора: «стой, ня ляти, а то конецъ табѣ будя!» Ороль ставъ и говора: «ня би мене, я табѣ буду у вяликой пригоди. Што ты йзъ мене требуешъ?»—Дай мнѣ своея пярѣины! Ороль говора: «яна ня пярѣины моея требуя, а смерти твоея жадаю!» И ня давъ яму пярѣины. Пошовъ Иванька домовъ и говора: «ня давъ мнѣ пярѣины ороль!» Тогда Марьячка яго посылая: «иди ты, кажа, возьми мнѣ у вятракѣ за дванатцатыми дверями, подъ камѣнямъ, промѣду!» Пошовъ Иванька,

знайшовъ вятракъ, отобивъ дванатцать дварей, и ўзявъ подъ ка́мьямъ промолу. Только ень вышовъ, а двери хляпъ, хляпъ—позачиналися,—собаки и остались тамъ.

Вотъ, пошовъ Иванька домовъ. Иде, иде, ажъ лятить воронъ: «кра, кра! потише, Иванька, иди, а то конецъ табѣ будя!» Иванька и пошовъ потихоньку. Подыхода икъ дому, а Марьячка выходя на дворъ и говора: «иди ты скорѣй, ня марудь! А то мой животъ болитъ, треба баню топить.» А Юда уже наготовала сухихъ дровъ, штобъ спалить у бани Иваньку. Тогда Марьячка говора: «иди-жъ ты, да скорѣй баню топи!» Иванька ставъ растапливать, лятить воронъ: «кра, кра! Иванька! повыкидай ты дрѣвы сухія, а наклади мокрыхъ пнѣвъ, штобъ только сипѣли; а то конецъ табѣ будя: твоѣ собаки четвяро дварей отобили!» Иванька тыя дрѣвы сухія повыкидавъ, а наклавъ пнѣвъ. Прибгаяя сястра: «топи скорѣй, ня марудь!» Только яна пошла, лятить воронъ: «кра, кра! потише, Иванька, топи: твоѣ собаки восьмяро дварей отобили!» Прибгаяя изновъ сястра: «топи скорѣй, ня марудь. Ти довго щѣ тябе ждять?» Только Марьячка пошла, лятить воронъ: «кра, кра! топи Иванька: твоѣ собаки уже одинатцать дварей отобили, послѣднія бьютъ!» Иванька топя. Прибгаяя сястра: «ти готова бапа?» —Готова! Вотъ Юда здѣлалася блохой, сѣла Марьяццы на плячо, и пришли яны у баню; замкнули зялѣзныя двери и стали паритца. Ажъ прибгаятъ собаки. Бѣгають коло бани, да ниякъ ня ўлѣзуть. «Проси, Иванька, штобъ Марьячка отчинила трошки дварей!» Иванька ставъ просить, Марьячка отчинила яму только глазомъ проглянуть. А лапы нялзя заложить. «Проси, Иванька, штобъ ящѣ отчинила хоть трошки!» Иванька ставъ просить, штобъ ящѣ хоть трошки отчинила. Марьячка и говора: «зачимъ табѣ лядѣтъ: ты ўже тягався по свѣту, якъ и народився—наглѣдився!» Ну, отчинила яму ще трошки. Вотъ, собака засадивъ свою лапу, да якъ ирванувъ,—такъ зялѣзныя двери пополамъ! Ускѣчили собаки, ухватили Юду и разорвали. Марьячка узяла сабѣ зубъ Юды, и заховала ў карманъ.

Пошли яны тогда у свѣтъ. Ходили, ходили, пришли къ цару. Иванька и жанився на царевни. Згуляли вяселья, появили уже ихъ ложить спать. И Марьячка пошла зъ ими. Лягли спать; вотъ Марьячка устала да зубъ и подклала подъ головы Иваньку. Зубъ той и ўгрузъ Иваньку у лысину. Ляжить ёнъ няживый. Тогда собаки говоратъ: «што намъ дѣлать? Нумъ, побягимъ удвохъ у лѣсъ, а ты стой тутъ, да Иваньки старажи!» Вотъ яны и побѣгли удвохъ у лѣсъ. Бягать яны лѣсомъ, ажъ иде мядвѣдиха. Собаки побѣгли яе догонять, а яна ўтякать. Собаки й говоратъ: «стой, ня утякай, а то конецъ табѣ будя! Ты-жъ намъ обящалася, што я буду вамъ у вяликой пригодѣ!» И появили яе къ Иваньку. Стала яна вырывать зубъ, а зубъ выскочивъ изъ Иваньки, да ёй у лобъ! Иванька отживъ, а мядвѣдиха ляжить няжива. Собаки говоратъ: «ну, ще намъ обящалася вовчица. Ходемъ изновъ у лѣсъ!» Побѣгли собаки, знайшли вовчицу и привяли. Стала вовчица зубъ вытягать; отъ, той зубъ выскочивъ зъ мядвѣдихи да вовчицы у лысину, и ўбивъ яе. А мядвѣдиха стала жива. Тогда собаки говоратъ: «яще-жъ намъ обящався ороль!» Побѣгли яны ў лѣсъ орла шукать. Знайшли собаки орла и появили яго зубъ вырывать. Вотъ, ороль ставъ вырывать зубъ. Зубъ той потсочивъ, да ня попавъ орлу по лысини, да только по перьяхъ, и ўгрузъ у зямлю на цѣлый сажанъ. Вовчица и отживилася.

Завѣвъ тогда Иванька Марьячку у лѣсъ и покинавъ тамъ, а самъ вярнувся къ жонцы и стали яны жить да поживать, да добра наживать.

Запис. крест. Герасимъ Кривошеевъ.

7. Иванъ Ивановичъ рускій царевичъ.

Нѣўкоторомъ царствѣ, нѣўкоторомъ государствѣ, бывъ царь. Гонявъ ёнъ по мору три корабли. Вотъ разъ, одинъ корабель, самый красивѣйшій, затоная. Царь и говора: „хто етѣй мой корабель узверня, половина царствѣя откажу!“ А нячистая сила поткасалася и говора: „ня надо мнѣ твоего половина царствѣя, а тольки отдай мнѣ тое, што ў доми ня вѣдаешъ!“ Царь думавъ, думавъ: усѣ ёнъ у доми вѣдая. И согласився. Тоды сатана узвярнувъ корабель. Поплывъ ёнъ, и ня затоная. Вотъ, ти довго, ти нѣ царь плававъ, приплывая къ своему городу. Сустракають яго слуги и говоруть: „вы ня вѣдаета, што вапа жана родила двойнятъ—хлопчика и дѣвочку!“ А у ихъ да ня було дятѣй. Зажурився тутъ царь, и думая, якъ-ба обманить змѣя. И придумавъ отдать яму чужихъ дятѣй. Ну, прошло ти много, ти мало, подросли тыя дѣти. Ажъ якъ-разъ змѣй и лятить: „ну, давай дятѣй!“ Царь узявъ да давъ яму бондароваго сына и горобникову дочку. Змѣй узявъ и говора: „ты, дѣвочка, садись на лѣвое плечо, а ты, хлопчикъ, на правое!“ Поднявся и полятѣвъ. Нѣсь, нѣсь, —а по дорози лѣсъ-то, лѣсъ! Хлопчикъ и говора: „вотъ, кабъ мой суды батька: сколько-бъ клѣпки надѣлавъ!“ Пролятѣли трошки дали. Тамъ горобъ: а горобъ-то, горобъ! Вотъ дѣвочка и говора: „вотъ, кабъ мой батька суды: штобъ гурковъ, гарбузовъ було!“ Змѣй раздумався, и вярнувся назадъ. Отдае тыхъ дятѣй царю, да й говора: „чаму-жъ вы мнѣ своихъ дятѣй ня дали?“ Царь мыливсь, мыливсь, да й отдавъ. Змѣй узявъ да й понѣсь. Якъ нести, дакъ нести, и принесть у свое имѣнныя. Были тамъ у яго струпливый воронъ и струпливый волъ. Вотъ, разъ змѣй отлятѣвъ, а дятлямъ загадавъ работу: дѣвоццы давъ шовковую ширинку вышивать, а хлопчику давъ два гарцы попялу, а въ ёмъ гарнецъ маку, кабъ ёнъ етѣй макъ выбравъ. Вотъ, дѣвочка ходя по саду да пѣе, а хлопчикъ выбирая макъ да плача. Прилятая струпливый воронъ и говора: „ты, хлопчикъ, садись подъ правое крыло, а ты, дѣвочка, садись подъ лѣвое крыло, я васъ унясу!“ Яны сѣли. Воронъ поднявся и понесъ. Несъ, несъ, —ажъ въ налятая змѣй. Якъ удара помижъ плечъ ворона,—воронъ и выпустивъ дятѣй. Змѣй подхвативъ ихъ, и понесъ назадъ. На другій день загадавъ работу ще большую: дѣвоццы двѣ шириночки вышить, а хлопчику чатыре гарцы попялу и два маку пеработать. Полятѣвъ змѣй. Дѣвочка-жъ ходя по саду да пѣе, а хлопчикъ выбирая да плача. Приходя струпливый волъ и говора: „ну, я васъ увязу. Ты, дѣвочка, возьми щотку и грабѣнку, а ты, хлопчикъ, возьми брусокъ и хустку; ты, дѣвочка, садись у лѣвое вухо, а ты, хлопчикъ, садись у правое вухо!“ Яны ўзали, што ёнъ имъ сказавъ, сѣли и поѣхали. Волъ, якъ силикне—двѣ вярсты! якъ силикне—двѣ вярсты! Ъхали, ѣхали, ти довго, ти коротко—волъ и говора: „злѣзь ты, дѣвочка, послухай: ти ня шумить дуброва, ти ня стогня дорога, ти нема ў насъ кого у погони?“ Злѣзла дѣвочка: „лѣ, ня шумить дуброва, ня стогня дорога, нема нікого ў насъ у погони!“—Злѣзь ты, хлоп-

чикъ: дѣвочка навѣрна. Послухай, ти ня шумить дуброва, ти ня стогня дорога, ти нема кого ў погоня?... Злѣзь хлопчикъ: „ой, шумить дуброва, стогня дорога, ёсть нѣхто у погоня!“—Кйдай, дѣвочка, щотку назадъ!.. Яна кинула назадъ щотку—ставъ лѣсъ, такая пуца, што ни пройти, ни проѣхать, ни звѣру не пролѣзть. Кричить змѣй по той бокъ лѣсу: „проса насѣю, пива навару, людей напою, лѣсъ просяку и васъ догоню!“—Нѣ, здохнешь, кажа волъ: ня догонишь!.. Якъ силикне—двѣ вярсты! якъ силикне—двѣ вярсты! Ъхали, ѡхали, ти довго, ти корѳтко, роль изновъ говора: „злѣзь, дѣвочка, послухай: ти ня шумить дуброва, ти ня стогня дорога, ти нема ў насъ ко-го ў погоня?“ Злѣзла дѣвочка, послушала: „нѣ, ня шумить дуброва, ня стогня доро-га, нема никѳго у погоня!“—Злѣзь ты, хлопчикъ: дѣвочка навѣрна. Послухай, ти шу-мить дуброва, ти стогня дорога, ти ёсть хто ў насъ у погоня?.. Хлопчикъ злѣзь: „ой, шумить дуброва, стогня дорога, ёсть нѣхто ў погоня!“—Кйдай, дѣвочка, грабен-ку назадъ! Яна кинула назадъ грабенку—стала гора земляная: ни перайти, ни пе-раѣхать и птицѣ не пералѣтѣть. Кричить змѣй по той бокъ горы: „проса насѣю, пива навару, людей напою, гору раскопаю, и васъ догоню!“—Здохнешь! кажа волъ: ня догонишь!... Да якъ силикне—двѣ вярсты! якъ силикне—двѣ вярсты! Ъхали, ѡха-ли, ти довго, ти нѣ, волъ и говора: „злѣзь-ка, дѣвочка, послухай: ти ня шумить ду-брова, ти ня стогня дорога, ти нема кого ў насъ у погоня?“ Злѣзла дѣвочка: „нѣ, ня шумить дуброва, ня стогня дорога, нема никѳго у погоня!“—Злѣзь-ты, хлопчикъ послухай, ти шумить дуброва, ти стогня дорога, ти ёсть хто ў погоня? Дѣвочка на-вѣрна... Злѣзь хлопчикъ, послушавъ: „ой, шумить дуброва, стогня дорога, ёсть нѣхто ў погоня!“—Кйдай, хлопчикъ, назадъ брусѳкъ! Хлопчикъ кинувъ назадъ брусѳкъ—выросла гора камянная: ни перайти, ни пераѣхать, и птицѣ не пералѣтѣть. Кричить змѣй по той бокъ горы: „проса насѣю, пива навару, людей напою, горѣ разсяку и васъ догоню!“—Нѣ, здохнешь, ня догонишь! кажа волъ. Да якъ силикне—двѣ вяр-сты! якъ силикне—двѣ вярсты! Прибѣгли къ мору. „Злѣзай, хлопчикъ, мотанѣ хуст-кой!“ Злѣзь хлопчикъ, мотанувъ хусткой—ставъ мосточакъ. Перайшли яны черазъ мосточакъ. Волъ говора: „мотани, хлопчикъ, назадъ хусткой!“ Хлопчикъ мотанувъ на-задъ хусточкой, и зновъ нема мосточка. Тоды волъ говора: „хлопчикъ, сячи мене на дванатцать частей!“—А Господи! Якъ мнѣ тябе сѣкчи?—„Сячи!“ Посѣкъ хлоп-чикъ волика на дванатцать частей и ўкинувъ у мора. Выскочили зъ мора дванатцать собакъ гоньчихъ. Стали собаки хлопчику служить.

Пошли тоды хлопчикъ и дѣвочка дали, увидяли дворъ и стали ў имѣ жить. Жили яны, жили,—ставъ лятать къ сястрѣ змѣй, а братъ и ня зная, што змѣй бывая у сястры. Вотъ и захѳтѣла яна брата спѣтрошиць. Стала яна няздорова, бытцѳмъ-го за-хворѣла. „Братка мой милянѣй! иди ты у такѣй то лѣсъ, у такую то пуцу. Ёсть тамъ мядвѣдиха: возьми подѳй яѣ, и приняси мнѣ молока—ти ня поздоровѣю я?“ По-шовъ енъ у лѣсъ; бача—ляжить мядвѣдѣнца зъ дѣтми ў гняздѣ. Ёнъ зацкувавъ яѣ собаками. А яна говора: „стой, Иванъ Ивановичъ, русѣйскѣй царевичъ! што табѣ зъ мя-не треба?“—Дай мнѣ свойго молока, сястрѣ на лекарство!.. Дала яна ямѣ молока. „На табѣ и мойго медвѣдѣночка!“ Ёнъ узавъ и пошли яны домовъ. Сястра и говора: „што ето такое, што мядвѣдѣнца яго не забила?“ Да ѣ изновъ яго посылая: „сходи ще,

братка мой: у такимъ то лѣси, у такой то пуши ёсть вовчица зъ вовчанятами: при-
няси отъ яё молока!“ Енъ пошовъ. Приходя—вовчица ляжить у гняздѣ зъ вовчаня-
тами. Енъ зацкувавъ яё собаками, а яна говора: „стой, Иванъ Царевичъ, што ты зъ
яне хочешъ?“—„Дай мнѣ своего молока, сестрѣ на лекарство!.. Яна дала яму молока
и вовчанёночка. Пошовъ енъ домовъ. Принося ёй молоко, а ў яё змѣй. Змѣй, якъ уви-
давъ собакъ, дакъ и пошовъ черазъ дванатцать покоявъ. Собаки почули, да за имъ!
Якъ только забѣгли за дванатцать дварей—такъ усѣ двери хляп! хляп! и позачи-
нулись. Вярнувся змѣй икъ сестрѣ. Вотъ яна и говора брату: „иди носи воду у ко-
тель, да грѣй!“ Пошовъ Иванъ, наносивъ воды, только ставъ грѣть, ажъ лятить струп-
ливый воронъ: „Иванъ Ивановичъ, рускѣй царевичъ! грѣй да ня хапайся: уже твоё
собаки прогрызли шестяро дварей, яще шестяро остались!“ Вотъ енъ грѣя, грѣя, да
холодныя и подольлѣ! Пришла сестра: „грѣй скорѣй! змѣй хоча ѣсти!“ Только по-
шла—латить струпливый воронъ: „Иванъ Ивановичъ, рускѣй царевичъ! грѣй, да не
хапайся: уже собаки девятяро дварей прогрызли, только троя осталось. Зубовъ, Богъ-
вѣдая, ти хвата? Якъ то тыя прогрызуть?“ Вотъ енъ грѣя, грѣя, да холодныя и
подольлѣ. Пришла сестра: „ти готова вода?“—„Да нѣ, ще только лѣтяныякая!—„Ну,
грѣй жа скорѣй: мы зѣразъ придемъ!“ Пошла яна—латить воронъ: „Иванъ Ивано-
вичъ, рускѣй царевичъ! твоё собаки прогрызли уси двери, и стоять якъ дурныя. Тре-
ба имъ отдыхнуть. Якъ придуть яны сажать тебе у етый котель, попросись у сестры
перадъ смертію хотъ у трубу потрубить, а тымъ часомъ собаки отдыхнуть!“ Вотъ и
приходя сестра зъ змѣямъ: „ну, лѣзь, говора змѣй, лѣзь у котель!“ Енъ и проситца
хотъ перадъ смертію у трубу потрубить.—„Ну, труби, только скорѣй!“ Енъ ставъ тру-
бить. Почули собаки и прибѣгли. Якъ кинулись, и попорвали змѣя на крошачки! А
сестра узяла сабѣ змѣявъ зубъ.

Пошли яны тоды къ батьку, и стали тамъ жить. Жили довгое уремя. Разъ Иванъ
Царевичъ пошовъ на охвоту, и дужа ёнъ тамъ заморився. Матка и говора: „ляжь, я
постялю табѣ постѣлю!“ А сестра говора: „нѣ, я, мамочка, постялю!“ Узяла и по-
стлала; и подложила подъ подушку змѣявъ зубъ. Иванъ царевичъ якъ ишовъ, дакъ и
упавъ на подушку; змѣявъ зубъ яму у голову и вѣѣхавъ. Енъ и помѣръ. Повышли ўси
зъ двора, сестра узяла да яго у бочонокъ, да запычатовала, и пустила на мора. Вотъ
собаки пошли къ мору, сѣли на берази да й выють. Ажъ идуть мядвѣдъ зъ вовкомъ.
Собаки рассказали имъ своё гора, и показали на мори бочонокъ. Вовкъ сичасъ по-
плывъ и пригнавъ бочонокъ икъ берагу; а мядвѣдъ отобивъ дно. Стали яны огляды-
вать Ивана Царевича, съ чаго ето енъ помѣръ, и увидяли зубъ. Якъ только яны той
зубъ вытягли, такъ Иванъ Царевичъ и отживъ. Ну, пошли яны тоды у дворъ. Иванъ
Царевичъ прогнавъ сестру, а сами стали жить, да поживать, да добра наживать.

С. Болотня, рогач. у.

Въ VI в. Сборн. сказ. Афанасьева сказка подъ названіемъ „Звѣриное молоко“ приведена
въ двухъ вариантахъ (стр. 244—259). Въ обоихъ за молокомъ посылаетъ сестра брата: въ пер-
вомъ по наущенію змѣя-горыничя, во второмъ—разбойника. Тамъ-же (241), въ ск. „Князь кня-
жевичъ Иванъ королевичъ“ за молокомъ посылаетъ жена мужа, по наущенію змѣя змѣевича.
У Худяк. (вып I стр. 42) приведена эта-же сказка подъ назван. „Иванъ Царевичъ и Марья
Бѣлор. Сборн. в. III.

Царевна." Сестра дѣйствуетъ по указъ разбойника, а зубъ, убивающій Ивана—*свиной*. Вообще редакція слаба.

Приводимъ, въ извлеченіи, варіантъ записанный въ томъ-же уѣздѣ:

Жилъ себѣ попъ. Умерла его жена. Отправился онъ къ владыкѣ просить разрѣшенія снова жениться. Владыка, уступая троекратной просьбѣ попа, разрѣшилъ ему жениться, но только на той женщинѣ, которой придется платѣ покойной жены. Сталъ онъ примѣрять платѣ, пришлось оно только его дочери. Когда онъ объявилъ дочери, что она должна выйти за него замужъ, та ушла въ темный лѣсъ и поселилась тамъ въ «кельнѣ». Стала она молиться Богу, стала ей идти съ неба манная пища—по три на день баранка. Вотъ, ходили въ томъ лѣсу царскій сынъ съ слугою, заблудились и пришли къ кельнѣ. Влюбился царевичъ въ дѣвицу, взялъ ее во дворецъ и женился. Прошло нѣсколько лѣтъ; прижили они ребенка. Разъ поповна увидѣла въ окно своего отца: «ходя ѣнъ по городу да милостину прося.» Она сказала объ этомъ мужу, тотъ позвалъ попа во дворецъ. Ночью попъ зарѣзалъ ребенка и вложилъ окровавленный ножъ въ карманъ дочери. Стали еѣ судить «усимъ народомъ», и осудили на изгнаніе. Взяла она зарѣзаннаго ребенка и пошла въ свѣтъ. Нашла снова свою кельню, положила трупикъ на столъ, и стала жить. Прошло пятнадцать лѣтъ. Разъ она пошла на прогулку и увидѣла, какъ гадъ оживилъ мертваго гада чудною травкой. Взяла она травку и ею воскресила сына. Сталъ сынъ ходить по лѣсу и нашелъ домъ, «повянь чартовъ». Всѣхъ чертей онъ побилъ, а главнаго мучилъ, мучилъ, и такъ, и сакъ, и повѣсилъ въ каюткѣ на крюкъ, и какотку завязалъ лычкомъ. Взялъ онъ тогда изъ кельни мать, и поселились въ домѣ. Сынъ отправился добывать лошадь (см. № 1, *Нещастное дитя*: завалилъ дорогу дубами и взялъ у купцовъ лошадь), а матери запретилъ ходить въ завязанную каютку. Мать не утерпѣла и отворила дверь. Чертъ попросилъ еѣ подать ему «тресочку зъ яго кровью». Та подала, онъ и соскочилъ съ крюка. «Здрастуй, душенька,—я буду твоимъ мужикомъ!» И велѣлъ ей послать сына за тридевять земель къ *Рыба—Кошею* за поросенкомъ, ей на лѣкарство, потомъ за золотыми и серебряными яблоками въ садъ двѣнадцатиглаваго змѣя. Исполняя второе порученіе, сынъ—Иванъ Ивановичъ—увезъ изъ сада змѣя царевну. Змѣй предслѣдовалъ ихъ, но «яны ня ўтякутъ, а ѣнъ ня догоня; яны ня ўтякутъ, а ѣнъ ня догоня,» пока прибѣжали къ монастырю и тамъ скрылись. Затѣмъ мать начинаетъ испытывать силу сына: обматываетъ его пенькою, шелкомъ и наконецъ мѣднымъ «дротомъ», который и впился въ тѣло. Чертъ вылѣзъ изъ подъ подушки: «ну, ты теперь мой!»—Би, би, нячистая сила! говоритъ Иванъ. Чертъ избилъ его, ослѣпилъ и защемилъ въ расщепленной на-двое соснѣ. Но ѣхавшіе мимо извозчики освободили Ивана, а «криничная» вода, которою онъ умывается, возвращаетъ ему зрѣніе. Приходитъ онъ къ матери; видитъ, что чертъ съ ней «милуется.» Чертъ испугался, проситъ мира, но Иванъ пришелъ «битца, а ня миритца.» Онъ начинаетъ черта бить: «бивъ-бивъ, пилой пилавъ, свярдломъ свярдивъ, крукомъ кишки съ пуза тягавъ—соўсимъ убивъ.» Пошелъ потомъ Иванъ въ свѣтъ, нашелъ царевну, увезенную изъ сада двѣнадцатиглаваго змѣя, и женился на ней. А матери далъ чугунные башмаки и отпустилъ отъ себя: тогда-де буду твой сынъ, когда сносишь эти башмаки....

Наконецъ, въ *могилевскомъ уѣздѣ* записанъ вариантъ, въ которомъ дѣйствующими лицами являются мужъ и жена. Жили они „у палацу замурованному.“ Мужъ разбилъ дверь и они вышли на бѣлый свѣтъ. Далѣе они встрѣчаются съ разбойниками; мужъ убиваетъ всѣхъ, кромѣ старшаго; съ нимъ то жена сближается, и посылаетъ мужа за звѣриннымъ молокомъ. Характерно здѣсь то, что звѣри, къ которымъ его послали за молокомъ, *были такъ громко*, что „ажъ земля дрожала.“ Сказка оканчивается тѣмъ, что мужъ убиваетъ разбойника, а звѣри сбрасываютъ жену съ дерева, на которое она посажена была мужемъ, и разрываютъ.

См. Чубинск. 157.

8. Иванъ Златовусъ.

Живъ бывъ царь съ царицей. И была у ихъ дычка. И такая была пругожая, што уси на яе глядѣли. Разъ царь здѣлывъ большую балъ, назвавъ много госцей. Посли бали госци усѣ царевни дзякуюць, а цару за хлѣбъ-за соль не дзякуюць. Здѣлывъ ёнъ и другіи балъ и третій, а госци усѣ не цару дзякуюць за хлѣбъ-за соль, ды царевни. Разсердився царь за гето на дочку: «надо яе, гету нягодницу, замуруваць у слупъ!» Такъ и здѣлыли. 1) Замурували яе у слупъ, только покинули маленькое оконцо, кабъ можно было даваць ёй ѣсци. Довго сядзѣла яна ў слупи. Вотъ, разъ приносиць слуга ёй ѣсци, а яна говориць: «сястрица моя! принеси мнѣ клубочакъ ницей и пруточки: буду я дѣлать рукавички, бо мнѣ тутъ дужо маркотно!» Слуга принесли ёй клубочакъ нитокъ и пруточки. Тоды царевна стала выкручиваць дзирку у слупи, и выкрутила большую, чимъ тое окно. Поднявся вихоръ и ставъ празъ тую дзирку дупъ у царевну. Царевна съ того забременяла и скоро родила сына. Никто къ ёй ня приходивъ ни ў бабы, ни ў кумы, и ня вѣдала яна, якое даць яму имя. Али стала яго разглядаць и увидѣла у яго золотый вусъ. «Ну, нехай жа табѣ имя будзець Иванъ Златовусъ!» 2) Ставъ Иванъ Златовусъ рэсць не по годахъ, ды по минутамъ: на третій дзень ставъ ходзіць и говориць, а черазъ мѣсяць выросъ, якъ настоящій мущина. Разъ Иванъ Златовусъ спрашыць: «любезная моя маменька, скажи мнѣ, хто цябе у гетый слупъ замуруваць?»—Замуруваць мяне, сыночъ, у гетый слупъ мой бацюшка, за то, што госци не яму за хлѣбъ—за соль дзякували, ды мнѣ!.. Зачула гето слуга, што яны говоруць, побѣгла къ цару, и сказала: «ёсь нѣкто у нашя царевны у слупи, и разговарыць изъ ёй!» Захоцѣлось бацьку поладзѣць, хто тамъ говориць, пошовъ ёнъ къ слупу, поладзѣвъ у маленькое оконцо, видзіць—сядзіць изъ ёй малецъ и разговарыць. Царъ тоды яшчэ хуже разсердився: «треба яе разстралиць!» Поставивъ царъ ли слупа полкъ солдатовъ, кабъ разбиць муръ и яе разстралиць. Иванъ Златовусъ почувъ коло мурá гомонъ, поладзѣвъ у окно и увидзѣвъ цѣлый полкъ солдатовъ. «Ну, родзимая маменька, скажу табѣ новости! Хочуць насъ съ тобой забиць; али не пужайся!» Упёрся ёнъ ногами у зямлю, узьявъ матку подъ паху, схавивъ слупъ

1) *Вар.*: 1, Живъ бывъ панъ. Было ў яго двѣ дочки, меньшая—дужо пругожая, а большая—нѣ. Вотъ и стали сваты къ меньшей дочцѣ ѣздиць, а на большую и не глядѣли. Бацьку дужо ёго ня ўподобалося, и влягъвъ ёнъ своимъ слугамъ вымуроваць слупъ и засадзіць туды меньшую дочку. 2, Живъ бывъ царъ зъ жаною, и была у ихъ дочка, дужо пригожая. И якъ хто на яе ўглянець, дыкъ яна и становитца нездоровой. Царъ тоды здѣлавъ высокій домъ, такъ што яе люди ня видзюць, а яна людей видзіць. 2) *Вар.* Якъ родився, дала яму имя Вихоръ Вихоровичъ.

ды й кинувъ на солдатовъ, и ўсихъ перабивъ. Пошли яны тоды по вольному свѣту. Ишли, ишли, и пришли у лѣсъ. Иванъ-жа Златовусъ сытъ бывъ духомъ божимъ, а матка ѣсци хотѣла. Вотъ яна и говориць: «сынокъ мой, я ѣсци хѣчу. Идзи, пойци мнѣ хлѣба!» Побѣгъ Иванъ Златовусъ на дорогу, ци ня будзець хто ѣхаць, ды покуль забѣгъ, забывся, чаго треба просиць. Прибѣгъ назадъ и говориць: «маменька родзимая, што мнѣ говориць?»—А хлѣба, дзицятка, хлѣба, дзицятка!.. Побѣгъ ёнъ, и ўзнавъ забывся, чаго просиць. Прибѣгъ ўзнавъ къ матцы. Матка сказала яму ще разъ, тоды побѣгъ ёнъ на дорогу. Ажъ видзиць—ѣдуць подорожники. Ёнъ узаявъ, схвацивъ большую дзєравину, вырвавъ яе съ корнемъ, забѣгъ напяродъ подорожникамъ и поваливъ дзєравину черазъ дорогу. А самъ узаявъ и сѣвъ на камени. Подѣхали подорожники къ дзєравини—не могуць дали ѣхаць. Подыходзюць яны къ яму и хочуць яго забиць. А ёнъ сядзиць смѣло, нікого ня боитца, тольки говориць: «братцы мое, ня бице мяне, тольки дайце мнѣ, што треба!»—Што-жъ табѣ треба? Можя, гроши?—«Нѣ!»—Крупъ?—«Нѣ!»—Сала?—«Нѣ!»—Хлѣба?—«Ага, хлѣба, хлѣба!» Подорожники дали яму торбу хлѣба, и крупъ дали, и соли, и сала. «Тольки, говоруць, звалі намъ зъ дороги дзєравину, а то мы тутъ умроумъ!» Иванъ Златовусъ узаявъ медзиннымъ пальцамъ дзєравину за макушку, и спягнувъ яе ў канаву. Подорожники и поѣхали. Понёсъ ёнъ матцы хлѣбъ. Расклали яны цяпло, наварили каши съ саломъ, подѣли. А тоды пошли дали по пуци драмуци. Ишли, ишли, видзюць—стоиць домъ, дванатцацєро двярей. Иванъ Златовусъ матку оставивъ на ганку, а самъ пошовъ туды. Ходзивъ ёнъ, ходзивъ по ўсихъ покояхъ, и въ однимъ покои знашовъ дванатцаць разбойниковъ: сидзяць за столомъ, у карты йграюць. «Здрастуйце!» кажець Иванъ Златовусъ.—Здрастуй, Иванъ Златовусъ!—«А ци можно и мнѣ ў карты йграць?»—Можно! Сѣли яны играць. Видзиць Иванъ Златовусъ, што одзинатцаць разбойниковъ играюць, а дванатцатый ўсё двиєтца къ спявѣ, кабъ якъ-нибудзь узаяць шаблю и знаяць голову Ивану. Ёнъ тоды якъ сморканецъ носъ—и забивъ того разбойника. Ды схвацивъ яго за ноги и побивъ имъ ўсихъ чисто. Тольки одзинъ самъ звалився, и легъ бытцамъ забитый. Забивши разбойниковъ, Иванъ Златовусъ самъ сабѣ думаецъ: «забивъ-то я ихъ, забивъ, али дзѣ-жъ мнѣ ихъ дзѣць?» Уложивъ ёнъ бывъ ихъ на плечи, и понесъ къ двєрамъ, дыкъ яны ня лѣзучъ у двєри. Полядзѣвъ ёнъ вѣкругъ сабе и увидзѣвъ склепъ. Вотъ ёнъ и склавъ ихъ туды. Позвавъ ёнъ тоды матку, показавъ ёй уси покон и говориць: «ну, родзимая маменька, усюдыхъ ходзи, усяго пыльнуй, тольки ў склепъ ня йдзи!» А самъ узаявъ ружайцѣ, и пошовъ на охвоту. Попадаетца яму мядзѣвѣдзь. Тольки хѣвѣвъ Иванъ Златовусъ забиць яго, а енъ *отвѣчаецъ*: «ня би мяне, Иванъ Златовусъ: я табѣ знадобенъ буду!» Посли попалиси яму вѣвкъ, лисца, заяць, лось, голубы и разное птаство, и ўсё у яго отпросилиси и пошли за имъ. Ходзивъ енъ и дзєнь и два: набивъ звярины и принесъ матцы. А на другій дзєнь ўзнава пошовъ на охвоту. Ну, а матка, покуль енъ, значитца, ходзивъ на охвоци, думаецъ сабѣ: «што гєто такое, што ёнъ ня хочець, кабъ я глядѣла у склепъ? Пойду погляджу, што тамъ такое ёсь!» Тольки яна туды ўвойшла, ажъ видзиць, одзинатцаць разбойниковъ ляжиць забитыхъ, а дванатцатый сядзиць живой, и вярѣвки вѣдць. Схавивъ енъ яе и ставъ пытатца: «скажи ты мнѣ, хто гєто Иванъ Златовусъ:

«ци ёнъ табѣ мужъ, ци ёнъ братъ, ци ёнъ сынъ?» Яна и отвѣчаецъ: «гето мой сынъ!»
—Ну, дыкъ вотъ-жа: Иванъ Златовусъ забивъ моихъ одзинатцацъ братовъ, а я за гето забью цябе. А коли страцишь яго, дыкъ ня буду ўбиваць!—«А якъ-жа яго страциць?»
—А вотъ якъ: прикинись хворой. Якъ ёнъ прйдзецъ, ты пошли яго на чортову мельницу за табакой. Ёнъ оттуль ня вѣрнетца!.. Ну, вотъ, якъ пришовъ Иванъ Златовусъ съ охвоты къ матцы съ своими звярами, матка и говориць: «сыночъ мой, я хвора; сходи ты на чортову мельницу за табакой. Я покуру, и мнѣ лихчѣй станець!» Пошовъ Иванъ Златовусъ на мельницу, а за имъ и ўся яго звярина. Увийшли яны за дзєсяцєро цугунныхъ дварей на мельницу: набравъ Иванъ табаки и пошовъ назадъ, а звярину яго тамъ за дзєсяцєро дварей и запѣрли; только пара голубковъ вылацѣла.

Жалко Ивану Златовусу звярины, а матки ящє больше жалко. Пошовъ ёнъ съ табакой къ матцы: «вотъ, родзимая маменька, табака!» А матка кажець: «сыночъ мой, кольки я съ тобой живу, а ня вѣдую твою силу; хѣчу я поспробуваць яе!»—Ну, спробуй! Побѣгла яна у склєць, принясла вярровку, тую, што разбойникъ звивъ, и обвила яго зъ ногъ до пахъ. Иванъ Златовусъ страпанувся и разорвавъ. Пошовъ ёнъ тоды на охвоту, а матка побѣгла у склєць къ разбойнику на раду. Разбойникъ узавъ волосься съ коровичихъ и коньскихъ хвостовъ, и звивъ товстѣй канатъ. Якъ Иванъ пришовъ съ охвоты, матка и кажець: «сыночъ мой, кольки я съ тобой живу, а ня вѣдую твоей силы; хѣчу я яе поспробуваць!»—Што такъ, ёнъ кажець, хворой мамянцы пришлось спробуваць мою силу?—«А мнѣ тоды, сыночъ, полѣпшаецъ!» Обвила яна яго канатомъ. Ёнъ разъ, два цисканувъ плячми—канатъ и порвался.... Пошовъ Иванъ Златовусъ на охвоту, а матка сичасъ побѣгла у склєць къ разбойнику на раду. Разбойникъ даецъ ёй ужо дроцяную вярровку. Пришовъ Иванъ съ охвоты, матка и говориць: «сыночъ мой, кольки я съ тобой живу, а ня вѣдую твоей силы; хѣчу я яе поспробуваць!» И обявзала Ивана дроцяной вярровкой. Иванъ цисканувъ плячми разъ, другій, третій—вяровка дроцяная не порвалася, а только уѣхала ў цѣло. Побѣгла матка скорѣй у склєць по разбойника. А голубки поляцѣли къ звярамъ и кажуць: «якъ можно скорѣй проламавайце двери, бо Ивана Златовуса хочуць забиць!» Мядзвѣдзь прѣломивъ троя дварей, голубки поляцѣли къ Ивану: «якъ можно отцягуй, Иванъ Златовусъ: мядзвѣдзь ужо проломавъ троя дварей!» Вотъ, якъ пришла матка зъ разбойникомъ, разбойникъ хѣцѣвъ Ивана забиць. А ёнъ ставъ проситца: «пусци мяне, родзимая мамынька, хуць у лязню сходиць, грѣшную кровь обмыць, кабъ чистымъ умерци.» Яны позволили. Иванъ Златовусъ наносивъ у зубахъ дровъ, наносивъ воды, а ногами мывся. Приляцѣли голубы и говоруць: «Иванъ Златовусъ, якъ можно отцягуй: звяри, твое помшникй, проломали ящє троя дварей!» Помывся ёнъ и ставъ проситца, кабъ позволили яму Богу помолитца. Яны позволили. Ставъ ёнъ молитца Богу, прилетаюць голубки: «якъ можно отцягуй, Иванъ Златовусъ: звяри, твое помшникй, проломали ящє троя дварей—одны ломаць осталося!» Помолився ёнъ Богу и ставъ упурашваць, кабъ позволили яму узлѣзци на бярозку у жулекучку поиграць ¹⁾ перадъ смерцю. Яны позволили. Полѣзъ ёнъ на бярозку, ажъ ляцаць голубки: якъ можно отцягуй, Иванъ Златовусъ: звяри, твое помшникй. послѣднїя двери ломаюць!»

Вар.: узлѣзци на йгрушину—свѣтомъ у остатнїй разъ полюбоваць.

Узлѣзъ ёнъ на бярозку; разъ зайгравъ—приляцѣвъ птахъ; другій зайгравъ—приляцѣли уси пщицы; третій зайгравъ—прибѣгла ўса звярина. Якъ прибѣгли—такъ сичасъ разбойника и разорвали; хоцѣли ирваць и матку, али Иванъ Златовусъ сказаъ: «ня троньце мамыньки!» Злѣзъ ёнъ зъ бярози, сичасъ заяць ставъ дротъ грызці; сичка зъ голубками выбрали яго съ цѣла; мядзѣвѣдзъ ставъ раны зализуваць; крукъ принесъ гоючей и живучей воды; вовкъ вымазавъ цѣло гоючей и живучей водой—и ўсё цѣло згойлося. Распавъ ёнъ тоды свою матку на горкой осини и поставивъ перадъ ей свою чашку золотую и разбойницкую мѣдзяную: у которую яна больше слезъ наплачець. А самъ отыйшовся. Черазъ кольки днёвъ приходзиць къ матцы; полядзиць—ажъ изъ разбойницкой черазъ пячець, а ў яго и половины нема. Давъ ёнъ ёй звязку сѣна, ящичакъ воды и кучу глины: «сѣно ѣжъ, водѣ пи, а глиной закусуй!» Попрощався и пошовъ. Отпусцивъ ёнъ свою звярину, подзякувавъ имъ и пошовъ одзинь.

Ишовъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ—сустрѣчаецъ нѣякаго чаловѣка. «Хто ты?»—Ирви-дубъ. А ты?—«Я Иванъ Златовусъ!»—Пойдемъ умѣсци! И пошли яны удвоихъ. Ишли, ишли—и стрѣли ящо чаловѣка. «Хто ты?»—Камянный! А вы хто?—«Я Иванъ Златовусъ! А я Ирви-дубъ!»—Ну, пойдземъ умѣсци! Пошли яны утроехъ. Ишли, ишли—стрѣли ящо чаловѣка. «Хто ты?»—Я Варни-гору. А вы хто?—«Я Иванъ Златовусъ. А я Ирви-дубъ. А я Камянный!»—Ну, пойдземъ умѣсци! И пошли учаъвярыхъ. Дордою Иванька Златовусъ и думаецъ: «у того ёсь дубъ, у того каменя, у того гора, а ў мяне нема нічога. Треба мнѣ скуваць хуць ляску!» Вотъ и зайшли яны у кузьню. Давъ Иванъ Златовусъ ковалямъ гвоздь: «скупце мнѣ зъ гэтаго гвозда ляску ў пяцьдзесять пудовъ!» Коваль думаъ, думаъ, якъ тутъ зъ гвозда скуваць ляску у пяцьдзесять пудовъ? Ды ўзявъ, гвоздь положивъ, а ляску ставъ куваць съ свойго зялѣза. Ковали кували, кували, чуць скували. Захоцѣвъ Иванъ Златовусъ спробуваць, ци хороша ляска. Схвадивъ яе, якъ кинецъ утѣру—яна повтора часа ляцѣла. Наставивъ ёнъ рукѣ, ляска ударилась объ рукѣ, и пераломилась. Пошовъ ёнъ къ ковалю: «нѣ, дренная гето ляска, не зъ мойго гвозда здѣлана. Здѣлай зъ мойго гвозда ляску у сто пудовъ!» Ковали кували, кували, ды усё-тки скували у сто пудовъ ляску съ свойго зялѣза. Узявъ Иванъ Златовусъ ляску и шибнувъ угору. Ляцѣла яна два часы. Подставивъ ёнъ колѣно, яна якъ ударилась объ колѣно и пераломилась. Пошовъ ёнъ тоды самъ у кузьню, поклавъ свой гвоздь и сказаъ ковалямъ скуваць ляску у повтора пудовъ. Распалили ковали гвоздь и почали куваць. Што разъ удариць коваль—пудъ зялѣза и прибавитца; што разъ удариць—пудъ зялѣза и прибавитца. И выпшла вяликая ляска, якъ-разъ у повтора пудовъ. Пошовъ Иванъ Златовусъ спробуваць и гету ляску. Якъ шибнець яе угору—яна три часы ляцѣла. Подставивъ ёнъ лысину, яна якъ ударила по лысини—только согнулась. «Ну, гето ладная ляска!» кажеъ Иванъ. И пошли яны дали.

Ишли, ишли, на дорози попался имъ домъ у тринаццацero дварей. Увышли яны у тэй домъ и стали тамъ жиць. На другій дзень покинули яны у доми Камянного вариць обѣдъ, а сами пошли на охвоту. Камянный подпѣръ двери каменьями, наливъ воды у коцѣль и ставъ грѣць. Ажъ-во, приходзюць три дочки Кошея. Большая грукнула—двери отчинились, якъ пальцу ўлѣзці; сярэдняя грукнула—отчинились, якъ руцѣ ўлѣзці; мѣньшая якъ грукнула—соўсिमъ отчинила. Узяли яны Камянного, подъ

столь подвязали, и стали у горячимъ котлѣ мытца. Вымылись и пошли. Чудь-ня-чудь Камяникъ отвязався. Приходящю тые съ охоты, а ў яго нічого не готово. «Нѣшто гето ты?»—Ды мовчиде вы; я самъ чуць застався живъ. Приходили сюды дочки Кошея бязсмертнаго.—«А! говориць Иванъ Златовусъ: я вѣдую геткихъ!» На другій дзень застався дома Ирви-дубъ. Подпѣръ енъ дубомъ двери, ставъ грѣць воду, ажъ приходжюць Кошечевы дочки, и здѣлыли зъ Ирви-дубомъ тое-жъ, што и съ Камяникомъ. На третій дзень покинули яны дома вариць обѣдъ Варни-гору. А Кошечевы дочки здѣлыли и зъ имъ такъ-жа само, якъ и съ тыми. Тоды Иванъ Златовусъ выправивъ ихъ на охоту, а самъ остався дома. Узавъ енъ свою ляску, подпѣръ двери, уливъ воды у коцѣль, и ставъ вариць обѣдъ. Ажъ приходжюць тыя-жъ самыя Кошечевы дочки. Большая грукнула у двери—отчинила двери якъ палецу ўлѣзци; саредняя грукнула,—отчинила двери якъ руцѣ ўлѣзци, а меньшая якъ грукнула—отчинила соўснмъ двери. Иванъ Златовусъ поздоровкався зъ ими, поцѣлувався и здѣлывъ большую балъ. Пришли тые съ охоты, и стали ўси ўмѣсци баловаць. А Кошей ждавъ, ждавъ—нема дочокъ. Пославъ енъ туды свою слугу. Пришла слуга и говориць: «Кошей ужо три дни якъ ня фвъ; идзице, готуйце яму ѣсци!» А Иванъ Златовусъ говориць: «нехай уперадзи намъ Кошей послужить, а ня мы ямъ!» Разсердився Кошей и пославъ на ихъ полкъ чарцей. Узавъ Ирви-дубъ, схвацивъ дубъ, ды якъ пусциць у чарцей—усихъ гетыхъ чарцей перабивъ! Тоды говориць самъ сабѣ: «коли я побивъ усихъ чарцей, а одного Кошея лацвѣй забиць!» Пошовъ къ Кошею, якъ удариць яго дубомъ—тѣй и не схилився. Ды якъ дасъ Ирви-дубу у грудзи—тѣй и ноги задравъ. Кошей забивъ яго и ўкинувъ у огняннуу раку. Пославъ енъ узнова свою слугу за дочками. Приходзиць слуга и говориць: «Кошей голодаецъ, и дужо ѣсь хочецъ, идзице къ яму!» А Иванъ Златовусъ говориць: «нехай намъ уперадзи Кошей послужить, а ня мы ямъ!» Усердився Кошей и пославъ на ихъ два полки чарцей. Вотъ Камяникъ, якъ хвациць камянь, якъ пусциць у чарцей—усихъ ихъ побивъ! Тоды говориць: «коли я побивъ усихъ чарцей, а одного Кошея лацвѣй забиць!» Пошовъ енъ къ Кошею. Якъ кинець у яго камянемъ-камянь отскочивъ отъ Кошея и нічого яму ня здѣлывъ. А Кошей якъ дасъ Камянику—однымъ щавкомъ и забивъ, и ўкинувъ у огняннуу раку. Третій разъ посылаецъ Кошей слугу свою къ Ивану Златовусу и кажець: «нехай моихъ дочокъ отдаецъ!» А Иванъ кажець: «ня дамъ!» Кошей усердився, и пославъ три полки чарцей на Ивана Златовуса. Вотъ Варни-горѣ схвацивъ горѣ съ каменьями и кинувся за черцями, и ўсихъ чисто ихъ позабивъ. Тоды и говориць: «коли я побивъ гетыльки чарцей, а одного Кошея лацвѣй забиць!» И пошовъ енъ къ Кошею. Пришовъ и шибнувъ у яго горой съ каменьями и съ пяскомъ. А Кошей воци залплюснувъ и нічого яму Варни-горѣ ня здѣлывъ. Тоды Кошей якъ дасъ яму щавкомъ по лысини, такъ отразу и забивъ, и ўкинувъ у огняннуу раку. Приходзиць тоды Кошечева слуга у чацвѣртый разъ и говориць: «што гето вы сабѣ думаецъ? зачимъ вы ня приходзице? Задасъ вамъ Кошей!» А Иванъ Златовусъ говориць: «нехай енъ намъ уперадзи послужить, а ня мы ямъ!» Усердився Кошей ящо хуже. Не пославъ енъ ужо чарцей, бы знавъ, што Иванъ Златовусъ побъецъ ихъ, а пошовъ самъ. Стали яны битца. Вилиси, билиси цѣлый дзень, а къ вечару Кошей забивъ

Ивана Златовуса ¹⁾ и кинувъ на поли. Лежавъ Иванъ Златовусъ на поли ровно пов-года. Ужо й косци яго згнили. Вотъ, разъ приходзиць къ яго косцямъ вовкъ-старый яго помощникъ—узнавъ, што гето косци Ивана Златовуса, и ставъ выць. Вывъ, вывъ—ничого ня здѣливъ. Нашовъ енъ тоды дохлю кобылу, прицягнувъ яё сюды, и схувався у ребрахъ. Ажъ прилетаецъ крукъ съ кручанятами. Кручаняты сѣли на кобылу и кричаць: «абы мясо, абы мясо!» А крукъ кричиць: «ня ѣжце, дѣтки: ге-то погибель наша!» А вовкъ заразъ и схващивъ кручанѣнка. Ставъ крукъ просиць, кабъ вовкъ пусцивъ кручанѣнка; а вовкъ кажець: «приняси гоючей и живучей воды, тоды отдамъ табѣ кручаненка!»—Якъ-жа мнѣ достаць воды: треба-жъ пляшки подъ крылья подвязаць! Узявъ вовкъ, поклавъ кручаненка на зямлю, наварнувъ на яго камянь, кабъ крукъ ня вынявъ,—а самъ пошовъ на мѣсто, ²⁾ узявъ двѣ пляшки и нн-токъ, ды пришовши и зачавивъ гетыя пляшки круку подъ крылья. Крукъ поляцѣвъ и черазъ кольки днѣвъ принесъ гоющей и живучей воды. Вовкъ тоды разодравъ кру-чаненка и помазавъ яго гоючей водой, кручаненокъ згоився. Тоды енъ помазавъ жи-вучей водой—кручаненокъ отжився. Вовкъ пусцивъ кручанѣнка, а самъ пошовъ, по-мазавъ косци Ивана Златовуса гоючей водой. Якъ только помазавъ—такъ усѣ цѣло и згоилося. Помазавъ тоды вовкъ живучей водой—Иванъ Златовусъ и отживъ. Ды й говориць: «ахъ, якъ я смашно заснувъ!»—Вѣкъ-бы ты спавъ, кажець вовкъ, кабъ не я: ты бывъ умѣрши!.. Подзякувавъ тутъ Иванъ Златовусъ вовкѣ. Ставъ енъ тоды подымаць свою ляску у повтораства пудовъ. Заросла яна соўснмъ травой и вѣхала у зямлю. Поднимавъ енъ, поднимавъ—и не поднявъ, бо силы у яго цяперъ стало мно-го менѣ. Такъ ляска тамъ и осталась. Пошовъ енъ съ однимъ ружайцомъ.

Ишовъ, ишовъ, пришовъ узнава къ Кошечевымъ дочкамъ. Ваявъ енъ имъ допы-татца у Кошея, идзѣ яго смерць. Вотъ большая дочка стала допытуватца. Кошей сказаць, што яго смерць у вѣннику. Дочка узяла, спалила вѣнникъ, а Кошей усѣтки живъ. Стала тоды допытуватца сярэдняя. Кошей сказаць ёй, што яго смерць у по-мялу. Тая укинула помяло у печку, а Кошей усѣтки живъ. Тоды почала допытуват-ца мѣньшая дочка. Кошей и кажець: «ёсь на мори войстровъ, на тымъ войстрови сто-иць дубъ, подъ тымъ дубомъ лежаць два камяни, а ў тыхъ камяняхъ гняздо, а ў тымъ гнязду сядзиць птушка, а ў тэй птушцы яечко,—у тымъ яечку моя смерць!» Разска-зала гето мѣньшая дочка Ивану Златовусу. Пошовъ Иванъ Златовусъ по Кошечеву смерць. Идзи, идзи—попадаетца яму на дорози два парсюки; грызутца-ажъ пѣна плу-ецъ. Только Иванъ Златовусъ хоцѣвъ ихъ забиць, а яны говоруць: «ня би насъ, Иванъ Златовусъ: мы табѣ знадобны будземъ!» Покинувъ ихъ Иванъ Златовусъ, а самъ по-шовъ дали. Ишовъ, ишовъ, видзиць—бѣютца два бараны, ажъ кровь пячець, роги сабѣ позбивали. Только приклався Иванъ Златовусъ, кабъ ихъ забиць, а яны говоруць «ня би насъ: мы табѣ знадобны будземъ!» Покинувъ енъ ихъ, пошовъ дали. Ишовъ, ишовъ, и пришовъ къ мору. И ня можець енъ дойци на тэй войстровъ, идзѣ Кошечева смерць. Ставъ енъ плакаць ды *Богу молитца*. Ажъ плуецъ рыбина: «чаго ты пла-чешъ, Иванъ Златовусъ?» Разсказавъ Иванъ Златовусъ рыбинѣ своё гора. Яна гово-

1) *Лар*. Бились, бились, и нихто никого не здолевъ, такъ и разошлись. 2) Рынокъ.

риць: «садзись на мяне, я цябе перавязу, куды табѣ треба!» Узсѣвъ Иванъ Златовусъ на рыбину, и перавязла яна яго на войстровъ. Подыходзиль Иванъ Златовусъ нѣ дубу. А дубъ, дубъ! Ня можець енѣ яго повалить, и говориць: «вотъ кабѣ мнѣ цяперъ тыхъ два парсюки! Подрыли-бѣ яны мнѣ гетый дубъ, я-бѣ поваливъ яго!» Полядзиль назадъ, ажѣ плывуць два тые парсюки. Подрыли яны гетый дубъ. Иванъ Златовусъ и поваливъ яго. Ажѣ тамъ лежаць два камяни. Бивъ енѣ, бивъ, не разбивъ. И говориць: «вотъ кабѣ мнѣ цяперъ сюды два тыхъ бараны, яны-бѣ мнѣ разбили гетые камяня!» Полядзиль назадъ, ажѣ плывуць два тые бараны. Разбили яны камяня, а отгугуль выляцѣла птушачка и ў крылу понясла яйцо, ды й укинула яго у мора. Пошовъ Иванъ къ мору, сѣвъ ли мора ды й плачець. Ажѣ плуець тая рыба: «мовчи, Иванъ Златовусъ, я табѣ помогу!» И вяцѣла яна усимъ, хто тольки ёсь у мори,—рыбамъ, ракамъ, лягушкамъ—знайци тое яйцо. Искали, йскали яны цѣлый дзень. Увечари собралиси—никто не знашовъ. Стала ихъ рыба лачыць. Лачыла, лачыла и говориць: «уси ёсь, тольки одного безногаго рака нема!» Полядзяць, ажны хромэй ракъ повзець, и нясець свою старую ногу и яйцо. Узрадовався Иванъ, узьявъ яйцо, подзякувавъ рыбини и пошовъ къ Кошею. Якъ тольки пришовъ Иванъ Златовусъ къ Кошею, енѣ и кричыць: «ци ты гето яцо жывѣ?»—«Да жывѣ-жа!»—«Ну, дыкъ треба цябе зѣсь!» Разинувъ свою малу, а вѣдомо—чортъ большій, а яго маля яцо большая—и хоцѣвъ Ивана проглынуць. Вотъ Иванъ и кинувъ яму яйцо ў малу.... Дробенъ макъ, а Кошея яцо дробяй порвало! И згорѣвъ енѣ, и сымылѣвъ.

А Иванъ Златовусъ ставъ тоды у Кошеевыхъ дочокъ жиць, ды поживаць, ды добра наживаць.

Д. Тушинка, стнн. у. См. Афанас. VIII, 79. Чубинск. 239.

9. Чаволай.

Живѣ сабѣ дѣдъ да баба. И бывъ у ихъ сынъ Иванъ. Жили яны дужо бѣдно. Самъ чаловѣкъ бывъ большій пѣяница: пропивъ своё ўсѣ, усякую худобу—и коровъ, и коней, и овецъ, и свиней—усѣ! И нѣчимъ яму ужо похмалитца. Отъ, енѣ и кажа: «отъ, коли-бѣ хто мнѣ поставивъ гарнецъ горѣлки, я-бѣ яму заставивъ своего сына Иваньку!» Бывъ тамъ одинъ хозяинъ; жалко яму стало хлопца: «отдай ты, кажа, яго мнѣ; нѣ табѣ пять карбованцовъ!» Узьявъ хозяинъ Иваньку къ сабѣ. Побывъ тамъ Иванька чатыре годы, ўобразався годовъ у пятнатцать. Отъ, той хозяинъ и кажа: «ну, што, Иванъ, пѣянишинъ сынъ, ти появся ты чаго нѣбудъ?»—«Енѣ кажа: слава Богу, знаю уже, што мнѣ треба!»—«Ну, коли знаешъ, дыкъ иди зъ Богомъ!» Расчитався хозяинъ, давъ яму грошій на дорогу. Иванька подякувавъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, и сустрѣкая якогось чаловѣка, нибитцомъ купца. Отъ, той купецъ и говора: «здоровъ, хлопчикъ!»—«Здоровъ, дѣдка!»—«Откуль и куды тябе Богъ нясе?»—А отгуль и отгуль. Иду, ти не найма мяне хто.—«А ты наймаешся?»—«Наймаюсь!»—«Ну, дакъ наймись ко мнѣ!»—«Ну, дакъ чаму,—можно!... Уговорились яны тамъ за кольки и на якое урмя. Хорошо! Нанявсь ёнъ къ яму и ставъ служить. Служивъ, служивъ—скоро казка кажетца, да няскоро дѣло дѣлаецца; скоро бабка блинцы пѣче да опару ставя; такъ

и ето. Прослуживъ ёнъ шесть годовъ. А етый яго хозяйнъ бывъ большій чаровникъ —змѣй, да ще й кривѣй. Отъ, якъ прошло шесть годовъ, хозяйнъ и пытая: «ну, што ты, Иванъ—пъянишнинъ сынъ, ти появся ты чаго-небудь?»—А тяперъ я лучъ тебе ўже знаю!—«Ну, коли знаешъ лучъ мяне, дыкъ иди сабѣ шукай другого хозяина!» Отправивъ яго и давъ яму, укладъ у торбу, большую книгу. «Гляди-жъ, кажа: не разгартувай книги, а то я тамъ сичасъ буду, и зѣмъ тебе!» А етой книгой ёнъ да запрастивъ яму дорогу. Ну, Иванька подякувавъ яму и пошовъ, куды вочи глядѣли. Ишовъ ёнъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ,—увыйшовъ у лѣсъ. Ходя ёнъ по томъ по лясу ходя, то туды, то оттуда—усё по 'днымъ мѣсту кружитца. И дужо енъ притомивсь, Хоча ёсти—ёсть нечаго, хоча пить—пить нечаго. Круживсь енъ, круживсь, и прибудивсь енъ къ рацѣ. Сѣвъ енъ отдыхать. И раздумавсь, што ёсть у яго книжка. «Ахъ, кажа; ето-жъ у мяне гдѣсь книга ё! Дай-ка погляжду, што йто за книга такая, што енъ казавъ у яё не глядѣть.». Отъ, и разгорнувъ ёнъ тую книгу. Тольки разгорнувъ,—ажъ якъ пошовъ скотъ, якъ пошовъ скотъ! Такъ и валя! Тамъ и коровы, тамъ и овечки, тамъ и свиньи, и разный скотъ! И навалило яго столько, што й пераличить нельзя. Отъ енъ и самъ нерадъ, што разгорнувъ тую книгу! «Ну, думая: што тутъ дѣлать зъ етымъ скотомъ?» Думавъ, думавъ, ничого на придумавъ. «Ну што-жъ? хоть якъ-небудь буду живъ: вода ё, а скотъ буду рѣзать, да ёсти!». Тольки енъ ето сказавъ, а тутъ яго хозяйнъ здѣлався кривымъ вовкомъ и скача. «Ну, што-жъ, Иванька—пъянишнинъ сынъ! на што йто ты книгу разгорнувъ? Я жъ табѣ приказувавъ, што-бъ ты на разгартувавъ. А тяперъ я тебе изѣмъ!» Спужавсь Иванька, якъ Чаволай сказавъ: я тебе изѣмъ!—«Нѣ, кажа: ня ѣжъ мяне, вовча криволячча!»—«Нѣ, изѣмъ!»—«Нѣ, кажа: изѣмъ лучъ мою самую луччую скотину!»—«Нѣ, я тебе изѣмъ!»—«Ну, зѣмъ, кажа, по самой луччай скотинѣ усякаго скоту!». Тоды Чаволай кажа: «ну, вотъ што: я тебе ня буду ёсти, коли ты ня будешъ жанитца!»—«Ну, якъ-жа мнѣ не жанатому быть?»—«Ну, дакъ изѣмъ!»—«Ну, кажа Иванька: ня буду жанитца!»—«Ну, однача, гляди: якъ нѣгды станешъ жанитца, я тогды тебе небезпремѣнно зѣмъ!... Тогды Чаволай зайшовъ скоту наперадъ, ды якъ хыркня! дакъ той скотъ увесъ у книгу. Згорнувъ Иванъ книгу, и пошли. Выывавъ яго Чаволай на дорогу и пошли: той сабѣ, а той сабѣ.

Ишовъ, ишовъ Иванька, и пришовъ домовъ, къ своимъ батькамъ. Бача, живутъ яны дужо бѣдно: ни хлявка, ни гүмѣнца. Отъ енъ и кажа: «Ну-тка, татъ, иди наймай у людей хлявы да гүмны!» Пошовъ батька, понаймавъ кольки-тамъ хлявовъ да гүмновъ. Тогды Иванька разгорнувъ тую книгу. Отъ, скотъ зъ яё и пошовъ, и пошовъ: самъ поитца, самъ доглядаетца, самъ у хлѣвъ иде—коровы съ коровами, вовцы зъ вовцами, свиньи съ свиньями—и такъ увесъ скотъ. И отъ, стали люди той скотъ куплять. Яны купляютъ, а енъ размножуетца. И такъ годы за три ставъ енъ такимъ богатыромъ, што о—ё—ёй! Прочулись люди, стали ўжо яго сватать якъ сабѣ. Отъ разъ прѣхали къ яму сватать яго, а Иванька кажа: «нѣ, не пойду!» Троху погоды, ѣдутъ другіе и сватають яго. Енъ имъ кажа: «нѣ, не пойду. Мнѣ приказавъ Чаволай, штобъ не жанився. А то, кажа, я тебе зѣмъ!»—«О, нѣ, кажать сваты: ё ў насъ такіе два страпцы, што скрозъ ихъ ни вужака не проповзе, ни муха не пролятитъ, ни што.

Ня бойся!—«Нѣ, боюсь, не пойду!»—Ну, ня пойдешъ, дакъ ня пѣйдешъ!.. Отказавзя ѣнъ етыхъ сватовъ, ажъ черазъ малое уремя прѣѣзжаятъ третѣгѣ: «*Пойди за насъ!*» —Нѣ, ня пойду: Чаволай мяне зѣѣсть.—«Овъ! ты етаго боишься?»—Боюсь! кажа.—«Ну, ня бойся: ѣ у мяне два хортовыхъ собаки—яны не пропустятъ никого!»—Ну, коли такъ, пойду!»—«Ну, вотъ: давнѣй-ба ты такъ. Коли жъ вянъчатца?»—Ну, будомъ у сѣраду!.. Поѣхали сваты, а Иванька ставъ дожидать сѣрады. Давъ Богъ сѣраду, ѣнъ сѣвъ и поѣхавъ къ навѣсти. А тамъ ужъ собрались, якъ слѣдуя: сходили къ попу, договорились. Запрагли тройку конѣй, сѣли на повозку. Тольки хотѣли ѣхати—ажъ тутъ, откуль не ѣзався, бягитъ Чаволай: «ну, кажа: отъ тяперъ я тебе зѣѣмъ!» Тольки хотѣвъ яго ѣсти, а Иванька соскочивъ съ повозки да ворчиковаго коня топоромъ по гужахъ! Да ѣсочивъ на яго, да якъ пуститца ѣнъ на тымъ конѣ. Ъхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, а Чаволай за имъ бяжитъ назиркомъ. Бѣгли, бѣгли—ѣнъ не ѣтче, а ѣнъ не догона! Ъхавъ, ѣхавъ Иванька, да ѣ коня уже перагнавъ. Той конъ звалився и лопнувъ. Соскочивъ ѣнъ съ коня, заплакавъ, и побѣгъ.

Бѣгъ ѣнъ, бѣгъ, бѣгъ, бѣгъ—ну, што дѣлать? Убѣгъ ѣнъ у чароты, у болоты, у такія, што ни стежачки, ни дорожачки, у тямреть, у большую. А Чаволай усѣ за имъ бяжитъ. Отъ, Иванька бѣгъ, бѣгъ, тымъ чаротомъ, бача—стоитъ хатка. Ёнъ къ ѣй. Тольки хоча увойти у яѣ, а яна и перакружитца—къ яму задомъ, а къ чароту перадомъ. Ёнъ зайдя на той бокъ, а яна зновъ перакружитца къ яму задомъ. Тутъ ѣнъ кажа: «хатка, хатка, перакружись ко мнѣ перадомъ, а туды задомъ!» Яна и стала такъ, якъ ѣнъ сказавъ. Увийшовъ ѣнъ у тую хатку, а тамъ на печцы ляжить баба-яга, да стогня. «Здрастуй, бабулька!» кажа Иванька.—«Охъ, охъ, охъ, охъ! здоровъ, Иванъ пьянишнинъ сынъ! По етыхъ поръ тутъ яще и руськаго духу ня было; якъ ето тебе Богъ занесъ?»—«Да отъ, бабулька: такое и такое дѣло: за мной погонъ—Чаволай гонитца!»—Ну, кажа, ня журись, Иванъ, пьянишнинъ сынъ! я твоѣ дѣло поправлю. Ложись, кажа, спать: ѣ у мяне такій собачка, што у девять верстъ звѣра почуя!»—«Нѣ, бабулька, я ѣсти хочу!» Отъ яна съ печки злѣзла, п.....ла, столь поддернула, дала яму питяння, ядяння, разнаго кушанья. Ёнъ хорошенько поядавъ и легъ спати. Спавъ, спавъ, тутъ сичасъ собака и забраховъ. Отъ, баба яго и будя: «уставай, Иванъ, пьянишнинъ сынъ! за тобой погонъ бяжитъ. Уже Чаволай близко—за девять верстъ!» Уставъ Иванька, умывся; дала яна яму окрайчикъ хлѣба, и кажа: «только ня ѣжъ етаго крайчика, хотъ якъ будя хотѣтца. Баги-жъ ты тудой и тудой: тамъ дальшь будя другая моя сѣстра!»

Побѣгъ Иванушка; бѣгъ, бѣгъ, ажъ стоитъ хатка. Ёнъ икъ ѣй, а яна крутитца. Отъ ѣнъ и кажа: «хатка, хатка, станъ ко мнѣ перадомъ, туды задомъ!» Яна стала. Увийшовъ Иванька у хатку—ляжить на печцы баба-яга, да стогня.—«Здоровъ, бабка!»—Здоровъ, Иванъ, пьянишнинъ сынъ! Што тебе суды загнало?»—«Такъ и такъ, бабка: гонитца за мной Чаволай!» —Ну, я табѣ ету бяду поправлю. Ложись спать: ѣ у мяне такій собачка, што у шесть верстъ звѣра почуя!»—«Охъ, нѣ, бабка: я выбѣгався, дужо ѣтъ хочу!» Отъ яна съ печки злѣзла, п.....ла, столь поддернула, дала яму питяння, ядяння, разнаго кушанья. Ёнъ поядавъ и легъ спати. Спавъ, спавъ, тутъ собака и забраховъ. Яна яго и будя: «уставай, Иванька, пьянишнинъ сынъ: уже Чаволай за

шесть верстъ!» Енъ уставъ, умылся. Дала яна ямѹ крайчикъ хлѣба, и приказуя, штобъ енъ ня ѣвъ етаго 'крайчика, хотъ якъ ѣсти будя хотѣтца. И направила яго до третїя сѣстры. Енъ пошовъ. Ишовъ, ишовъ, приходя икъ третѣй хати. Увыишовъ енъ у яе такъ-жа само, якъ у тыя ѣходивъ, и знаишовъ и тамъ баба-ягу. — «Здрастуй, бабулька!» — Охъ, охъ, охъ, охъ! Здоровъ, Иванька, пѣянишининъ сынъ! што тебе суды занясло? — «Такое и такое, бабулька, дѣло: гонитца за мной Чаволай!» — Ну, я тебе навяду на путь! Ложись-ка спать: ё ѹ мяне такіи собачка, што у три вярсты звѣра учуя! — «Охъ, нѣ, бабулька, я дужо ѣсть хочѹ!» Отъ, яна злѣзла съ печи, п.....ла, столь поддернула, дала яму питанья, ядянья, усякаго кушанья. Енъ поядавъ и легъ спать. Тольки задрамавъ, ажъ тутъ и собака бреша. Отъ, яна и будя яго: «уставай, Иванъ, пѣянишининъ сынъ, за тобой погоня иде: Чаволай ѹже за три вярсты. Да якъ можно скорѣй!» Енъ уставъ, умылся. Яна дала яму третїй крайчикъ хлѣба и хусту. «Ну, што, кажа: бѣги ты судой и судой; тамъ табѣ будя мора. Ты хустой махни, и здѣлаетца табѣ мость. Ты по имъ и пяройдешъ на той бокъ. Тогда, якъ тольки пяройдешъ, махни хустой назадъ. И мость опять побуритца. Тогда, якъ ты ляжашъ спать, поклади усе етые крайчики на хусту: одинъ у концы головы, а тые съ ободвыхъ боковъ!» Енъ побѣгъ. Бѣгъ, бѣгъ, видя—мора. Отъ, енъ ще здалека махая хустой. И здѣлався ямѹ мость. Енъ черазъ мость и побѣгъ. А Чаволай сусимъ яго догоня: уже сажняхъ у сто отъ яго. Тутъ Иванька перабѣгъ черазъ той мость, и махнувъ хустой назадъ. Мость побурився, Чаволай и ўпавъ у мора.

Дужо заморився Иванька; захотѣвъ енъ спать. Отъ, енъ разостлавъ хусту, поклавъ тые крайчики—одинъ у головахъ, а два другіе съ ободвыхъ боковъ, и легъ спать. Якъ спать, дакъ спать, проспавъ ажно дванатцать сутокъ! Прошинаетца, ажъ стоять надъ имъ три большія собаки. — «Ой, Господи, што ето такое?» Енъ думавъ, што ето Чаволай нерапливъ черазъ мора. А собаки кажать: «ня бойсь, мы ня кривый вовкъ, а мы твоѣ слуги!» — Коли вы моѣ слуги, дакъ скажитя, якъ васъ зовуть? Одинъ кажа: «мяне зовуть Вярпигоръ!» А другїй кажа: «а мяне—Ломикамянъ!» Третїй кажа: «а мяне—Ломизялѣво! Мы съ тыхъ крайчиковъ, што табѣ дали тыя бабы-яги!» — Ну, коли такъ, дакъ пойдомъ умѣсти!.. И пошли яны учатьварыхъ. Ишли, ишли, пришли у водно царство; ажъ тамъ нема людей, ня 'дныѣ души. Яны у другое—и тамъ нема никого, тольки царская семья одна. А ето унадився туды змѣй, и повывявъ етые два царствы. Добрався енъ до самого цара: хотъ самъ царъ иди, хотъ дочкѹ вяди. *) Приходя Иванъ, ажъ яны прибираять царскую дочаръ вестъ туды у нору змѣю. Ну, што тутъ дѣлать? Зжалився Иванъ и кажа: «ти ня можно мнѣ йти помѣратца зъ имъ?» — Нѣ, кажать, зѣѣсть и тябе! — «Ну, кажа, зѣѣсть, ня зѣѣсть, а пойду помѣраюсь!» Отъ, пошла тая дѣвка туды къ норѣ, собравшись, якъ на смерть. А Иванька услѣдъ. Приходятъ къ норѣ; а тамъ стоявъ ли норы слуга. Якъ ногды хто приѣдъ къ норѣ, дакъ ёнъ возьма и шибе у нору къ змѣю. Убачивъ енъ, што царевна ня 'дна иде, и ѹтѣкъ за горѹ. Пришли яны къ норѣ. Змѣй почувъ и кричить: «ну, подавай, кажа, русское говядло!» А Иванъ кажа: нѣ, песься мясо! Отѣвсь ты, тяперъ подависься! — «Ти ето ты, Иванъ-пѣянишининъ сынъ?» — Я, кажа,

*) Ср. Бѣл. Сборн. в. II, стр. 369, № 3 и 4.

песься мясо! Выходь суды! Тутъ енъ якъ лятить прамо на Ивана, хотѣвъ яго прожертъ — а собаки тыя вѣрхи на яго, да якъ узяли яго шкуматать! Иванька тогды давай мѣчомъ косить, и скосивъ яму одинѣцать головъ. Змѣй тогды у нору. А Варнигоръ повярнувъ горѹ, улѣзли яны туды, и давай тамъ бить змѣя! Били, били, змѣй вырвался и полятѣвъ у камянную гору. Подбѣгъ Ломикамьянъ и разломавъ камянную гору. Убѣгли яны туды и стали зновъ бить змѣя. Тутъ енъ у зялѣзную гору. Подбѣгъ Ломизятѣзо и разломивъ зялѣзную горѹ. Стали яны бить змѣя. Подскачивъ тутъ Иванъ и зрубивъ яму дванатцатую головѹ. Змѣй и пропавъ. Тольки здѣлавъ енъ Иваньку три раны. Зняла царевна съ себе шовковую хусту, порвала яе и ўвартѣла яму раны. Пошли яны домовъ. Пройшовши трохи, сѣли на лугу отдыхнуть вѣдомо, — замордовались. — «Ты, Варнигоръ, покуль мы бились, отдыхавъ; тыперъ стеражи. А мы — послѣ побою; отъ, тыперъ отдыхнѣмъ!» Лягли яны и заснули. Отъ, царевна и говѣра Варнигору: «ложись и ты, а ўсѣ ровно я постерагу!» Лѣгъ енъ, и заснули на дванатцать сутокъ. А слуга той подмѣтивъ, што яны спять, и пошовъ къ имъ. Стала царевна будить Иваньку, будила, будила — ня ўзбудила. Подбѣгъ слуга и знявъ Иваньку головѹ. А самъ узявъ царевну и повевъ домовъ. «Ну, кажа: коли ты не скажашъ, што я тебе збавивъ отъ змѣя, дакъ тутъ табѣ и смѣрть!» Спужалась царевна: «дѣбро, кажа: скажу!»

А черазъ дванатцать сутокъ прошнулись собаки. Поглядять, ажъ у Иванушки голы немашь! Вотъ яны и закричали на Варнигору: «мы-жъ оставляли тебе старетти! А ты й не ўстырогъ!» Той собака плакавъ, плакавъ, и побѣгъ. Прибѣгая къ норѣ, ажъ повзе гадюка, а ўслѣдъ гадючяня. Енъ ставъ на гадючявѣнка и хотѣвъ яго разодратъ. Отъ, гадюка и стала яго просить: «ня рушь мойго дятенка, я надъ имъ семь годъ садѣла!» Варнигоръ и кажа: «а достанъ мнѣ воды зрастущія и живущія!» Яна поповзла и принясла воды. Пошовъ Варнигоръ якъ Иваньку. Помазали яны яго водою зрастущею, — голова зрослась съ туловомъ; помазали водою живущею — Иванька оживився: «Ахъ, кажа, крѣпко я заснувъ!» — Крѣпко! кажать яны: и ня ўставъ-ба, колибъ ня мы!.. Отъ, устали яны и пошли къ цару. Пришли у городъ; зайшовъ Иванька съ собаками къ одному дѣду. Дѣдъ и кажа: «заўтра у цара обѣдъ, царевна иде за слугу, што збавивъ яе отъ змѣя!» Отъ, Иванька давъ собацы кайстерку, и пославъ яго къ цару. Якъ убачила царевна собаку, наклала яму повну кайстерку булокъ. На другій день пославъ Иванька другого собаку, на третій-третьяго. Царевна и имъ понакладала повны кайстерки. Тоды пошовъ самъ Иванька. Пришовъ и сѣвъ за 'динъ столъ съ старцами. Стала царевна столы обходить, приглядатца — ўбачила Иваньку. Стала яна гостей частувать: усимъ по 'дной чашцы, а яму двѣ; усимъ по 'дной чарцы поднаесе, а Иваньку — двѣ. Убачивъ ето слуга, разсердився, и ставъ цару жалитца. Отъ, царевна тогды и кажа: «татка мой роднянѣй! Его-жъ вѣдъ хто збавивъ мяне отъ змѣя, а ня етый лакей!» И рассказала цару усѣ, што тамъ было. Убачивъ царъ, што й раны у Иваньки уверчаны у царевнину хустку, и вялѣвъ енъ тому лакею голову знять. А Иванъ жанився на царевни, и стали сабѣ жить да поживать.

С. Переростъ, пом. у.

10. Подземное царство.

а, Живъ сабѣ царь. Было ў яго три сыны: два разумныхъ, а третій дуракъ —Иванушка-дурачокъ. У гэтаго цара бѣлый-мядзвѣдзъ съ того свѣту кажныя ночи коній *) кравъ. Часовая стыяць кылы стайни ны часахъ и пилнуюць коній, и замки замкнуты,—а коній крадучъ. И часовая никого ня видзюць. Такъ царъ и ня вѣдзецъ гэтаго, што коній у яго крадзецъ бѣлый мядзвѣдзъ. Довго ёнъ кравъ гэдыкъ: што ночь, то кыня. Прыдзець царъ ураньні, посчитаецъ, полічыць.—а кыня й нема; што ночь, то кыня й нема. Алитки старѣйшій царевичъ кажець: «ахъ, што будзецъ, ды ня будзецъ—пойду я пилнуваць: можа я ўловлю, хто гэта коній крадзецъ!» Ну, вотъ и пошовъ старѣйшій царевичъ ны стайню пилнуваць коній. Пришовъ царевичъ ны стайню, стоиць, и вочъ ня звѣдзіць—усё пилнуецъ. Али у самую пѣвыць на минутку задрамавъ. Чуць вѣчы звѣвъ—а конь ужо ўкрадзень. Нызаўтрыго рано пошовъ царъ личиць коній. Личывъ, личывъ,—усётки одного кыня нема. Ны другую ночь сярэдній царевичъ кажець: «ахъ, што будзецъ, ды ня будзецъ—пойдутку я пилнуваць: уловлю, хто гэта такъ коній крадзецъ!» Пошовъ ёнъ пилнуваць. Стыявъ, стыявъ; кажетца, пѣлую ночь и вочъ не звѣдзівъ—а кыня нѣхто укравъ.

На третьюю ночь Иванька дурачокъ кажець бацьку: «пусти мяне, татъ, пилнуваць ны стайню!»—Идзѣ табѣ, дураку, пилнуваць? Кыли ўжо разумныя пилнували, ды ня ўпилнували—усётки коней двоухъ украли,—а то табѣ ўжо упилнуваць! Ставъ Иванька просиць бацьку, ставъ просиць; ну, тэй кажець: «идзи сабѣ!» Тоды Иванька царевичъ пошовъ у кузьню и сказавъ кывалямъ дзѣлыць ляску дзесаць пудовъ. Здѣлыли яму кывали ляску дзесаць пудовъ. Иванька царевичъ узавъ гэтую ляску у лѣвую руку, ды якъ кинецъ яе ўгору—дыкъ яе три часы ня выдаць было. Чаразъ три часы пыказалася ляска; ляпиць, ляпиць, а Иванька царевичъ пыдавивъ мезяный палець—яна якъ ляцѣла, ды ударилася обѣ палець—дыкъ такъ и пераломилася! Тоды Иванька царевичъ кажець кывалямъ: «здѣлыцьце-тку мнѣ ляску пятнанцыць пудовъ!» Здѣлыли яны ляску пятнанцыць пудовъ. Узавъ ёнъ гэтую ляску, вынесъ на дворъ, ды якъ кинецъ угору! Ляска якъ пыляциць—ажны стало ня выдаць, ажны за воблыки зыляцѣла! А тоды ляпиць, ляпиць оттуль. Иванька царевичъ пыдавивъ колѣно. Яна якъ ляцѣла, дыкъ якъ ударитца обѣ колѣно, дыкъ такъ уся чисто и разбилася; а колѣно цѣло. Пошовъ Иванъ царевичъ къ кывалямъ: «скупце-тку цяперъ мнѣ ляску дватцыць пяць пудовъ!» Скували кывали яму ляску дватцыць пяць пудовъ. Узавъ Иванъ царевичъ гэтую ляску, вынесъ на дворъ, ды якъ кинецъ яе угору! Ляска якъ пыляциць—ажъ подѣ небо, ажъ двананцыць часовъ ня выдаць было. Якъ яна стала нызадъ ляцѣць, Иванька царевичъ пыдавивъ лобъ. Ляска якъ ляцѣла, ды якъ ударитца обѣ лобъ—ды й отляцѣлася пѣлая. Узавъ тоды Иванька царевичъ гэтую ляску и пошовъ на стайню **). Стоявъ, стоявъ,—ажъ у самую пѣ-

*) Вар. Коровъ бивъ. Или: барановъ кравъ. **) Вар.: 1) „Узавъ Иванушка дурачокъ булку хлѣба и кусокъ сала и пошовъ пилнуваць. Сядзѣвъ, сядзѣвъ—захоцѣлося яму спаць. Тоды ёнъ разъ укусиць хлѣба, другій сала; разъ хлѣба, другій сала. Ажъ приходзіць бѣлый мядзвѣдзъ, и ў ворота гручиць. Иванька къ яму, а ёнъ удыаца:—якъ бѣгъ—на двѣ чецѣварцы кии-

нычъ выльзаецъ бѣлый мядзвѣдзъ изъ зямли. У гэтаго мядзвѣдзя вярста вуха! Толька пыгазався бѣлый мядзвѣдзъ, а Иванька царевичъ якъ дасъ яму ў лобъ ляской, дыкъ ёнъ и ринувся у зямлю узнова. Иванька царевичъ тоды пришовъ у дворъ, ды й легъ спаць. Нызаутрыго ураньня царъ кажець: «цц ходзівъ Иванька на стайню пилнуваць?» А яму кажуць: Иванька-жъ спиць!—«Ну, кажець царъ: я гэдыкъ и думувъ! я думувъ, што гэдыкъ будзець!» Али пошовъ ень ны стайню, ставъ личыць коньнй. Посчитавъ, поличывъ—кони ўси цѣлы.

Тоды ставъ Иванька царевичъ просиць бацьку, кабъ здѣлывъ яму ланцугъ тры вярсты и коловротъ, кабъ спустига на тэй свѣтъ, забиць тамъ бѣлаго мядзвѣдзя. Царъ прыказавъ кывалямъ, слесырамъ, кабъ яны здѣлывли такій ланцугъ—три вярсты. Якъ ёнъ бывъ готовъ, Иванька царевичъ ставъ просиць бацьку, кабъ яго спусцили ны ланцугу на три вярсты у зямлю, ды кабъ паставили ли ланцуга часовыхъ пилнуваць, кабъ нихто яго ня принявъ, покуль ёнъ вѣрнетца. Ну, царъ распырадзівся. Пошовъ тоды Иванька зъ братами къ норѣ и кажець: «жджице-жъ мяне цѣлый мѣсяць; а якъ я дзѣрну за ланцугъ, вы й цягните.» *) Ну, опусцився ень у зямлю на три вярсты, и ставъ на тымъ свѣци. А браты осталися ли норы. Ходзівъ, ходзівъ по тымъ свѣту Иванька царевичъ, и пришовъ къ мѣдному двору. Приходзівъ ёнъ туды, увыйшовъ у хату, ажны тамъ сядзівъ дзѣвушка—красотушка и вышиваецъ.

цямъ зямлю дравъ..“ Ляска дѣлаеця уже тогда, когда Иванъ идетъ отыскивать нору медвѣдя. 2) Узавъ Иванька молока и пошовъ калавурить. Ажъ у самую полночь приходя бѣлый мядзвѣдзъ, такій большій, што одно вуха попугда. Иванъ якъ сѣкане—отрубивъ яму повуха—десять хунтовъ! Мядзвѣдзъ и ўтекъ. *Гомельск. у.* Тамъ-же сказка имѣеть и такое начало: Живъ сабѣ царъ да царица. Было у ихъ три сыны; и третій сынъ бывъ страелець—богатырь. Унадзівся у етоє царство бѣлый вовкъ и перавѣзъ усыхъ людей. И никакъ того вовка няльзя убить. Вотъ обобрався страелець-богатырь. Пошовъ ень, сѣвъ подъ тыномъ и стереже вовка. Тутъ сичасъ вовкъ иде. Иде и увидѣвъ Иванушку богатыря, и кажа: здрастуй, Иванушка!—Здоровъ, бѣлый вовкъ!—Што ты тутъ сядишь? Хочашъ мяне убить? Нѣ, ня убьешъ!—Нѣ, убью,—кажа Иванушка. Узавъ и стрѣльнувъ, и попавъ яму у лѣвое вуха, а ў правое вылятѣло. Кровъ и потякла изъ яго. Вотъ тогды Иванушка искувавъ большому брату булаву три пуды. Той потшибнувъ булаву, наставивъ локоть, булава икъ лятѣла, ударила по локтю и разбилася, и богатырь той повалився. Искували тогды сяредняму брату булаву шесть пудовъ. Вотъ ёнъ потшибнувъ и наставивъ лобъ. Булава икъ лятѣла и ударила по лобу, и раскололась. Ень и повалився. Вотъ Иванушка искувавъ сабѣ булаву дванатцать пудовъ; узавъ и потшибнувъ яе угору: яна лятѣла три дни угору и три ночй назадъ. Наставивъ ень колѣно, яна икъ ударила яго по колѣну—и булава цѣла, и ень стоить, якъ стоявъ. Вотъ яны пошли тогды по сладахъ шукаць бѣлаго вовка. Ишли, ишли и пришли къ такой оградѣ, што няльзя у яе ўлѣзты. Ходили яны, ходили ли яе—нѣкудой ўлѣзты! Ажъ тутъ и ѣда на сами паръ коній голова зъ дежку, по соланцы вочи, и кричить на ихъ: „зворацуйт! а то я васъ побѣж!“—Нѣ, ты зворацуй! Вотъ ень излаза уже ихъ ѣсти, а Иванушка якъ удара яго булавой:—„Ой, ня бисъ, ня бисъ, я буду у васъ за меньшаго брата!“ И пошли учатырохъ. Дойшли до тнѣ ограда, Иванушка и дае большому брату булаву, и кажа: нука, би! Ень ударивъ, и ня пробивъ. Давъ ень булаву сяредняму брату, и той ударивъ—ня пробивъ. Давъ и тому головагу, што голова зъ дежку, по соланцы вочи и той ударивъ—ня пробивъ. Узавъ ень тогды, самъ, ды икъ удара—и пробивъ ограду. Вотъ яны ўлѣзлы туды, и дирку тую замазали. А въ той оградѣ да была нора на той свѣтъ...

*) Вар. Пошовъ Иванька къ норѣ зъ братами, звили выровки зъ лѣсъ, и опусцили Иваньку на тэй свѣтъ.

Увидѣла яна Иваньку и кажець: «Здрастуй, Иванька царевичь!»—Здоровъ, дзѣвушка—красотушка!— «А куды цябе Богъ нясець, Иванька царевичь?»—Такъ и такъ: иду я биць бѣлыго мядзвѣдзя: ёнъ у мойго бацьки пыпокравъ коній!—«Дзякуй табѣ, Иванька царевичь, кажець дзѣвка: кыли ты забъешъ яго. Гэта мой бацька; али ець у васъ коній крадзець, а насъ ссысаець!» Дыла яна яму ўсці, ныпоила яго, ныкорила яго и дорогу ўказала. Ну, пошовъ Иванька царевичъ дали. Ишовъ ёнъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ—приходзиць икъ сярэбрыному двору. Ёнъ увыйшовъ у гэты дворъ, ажны тамъ сядзиць дзѣвушка-красотушка, яцо пригожѣйшая за пернія. «Здрастуй, кажець, Иванька царевичь!»—Здоровъ, красная дзѣвушка!—«А куды цябе Богъ нясець, Иванька царевичь?»—Такъ и такъ: иду, кабъ забиць бѣлыго мядзвѣдзя, а то ёнъ у мойго бацьки крадзець коній.—«Я буду дужо рада, кыли ты яго забъешъ: гэты бѣлы мядзвѣдзь мой бацька, али ёнъ у васъ коній крадзець, а насъ ссець!» Посадила яна яго тоды за столъ, ныпоила яго, ныкорила яго, и дорогу пыказала. Пошовъ Иванъ царевичъ дали. Ишовъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ—приходзиць къ зылотому двору. Увыйшовъ ёнъ у гэты зылотый дворъ. Сядзиць и ў гэтымъ дворѣ дзѣвка, ды такая пругожая! И чаровики у яе дыямантовыя. Увидѣла яна Иваньку и кажець: «здрастуй, Иванька царевичь!»—Здоровъ, дзѣвушка-красотушка!—«А куды цябе Богъ нясець, Иванька царевичь?»—Такъ и такъ: иду я у ваша царство биць бѣлыго мядзвѣдзя! Ёнъ у мойго бацьки коній крадзець!—«Гэты бѣлы мядзвѣдзь—мой бацька. Али я за цябе буду Бога молиць, кыли ты яго забъешъ: бы ёнъ у васъ коній крадзець, а насъ ссець!» Пысадила яна Иваньку царевича за столъ, ныкорила яго, ныпоила яго, пыказала дорогу къ бѣлему мядзвѣдзю, и кажець: «ты-жъ глядзи: якъ будзешъ пыходзиць къ яго двору, ды увидишъ у дворѣ огонь, дыкъ ня йдзи—Божа цябе сыхрани! А кыли увидишъ, што тольки дымъ кўріецъ, дыкъ идзи: бы ёнъ тоды спиць! Придзи у дворъ, возьми у яго пыдъ гымываы ключи отъ склепа и идзи у склепъ. У тымъ скляпу ны правой руцѣ стыяць бочки силянны, а на лѣвой руцѣ слабицалныя; ты слабицалныя поставъ на правую руку, а силу поставъ на лѣвую руку!» Подзякывавъ Иванька царевичъ дзѣвцы, и пошовъ къ бѣлему мядзвѣдзю. Ишовъ, ишовъ, и пыходзиць ужо къ мядзвѣдзевому двору. Видзиць ёнъ, што тольки дымъ кўріецъ, вотъ ёнъ и пошовъ у дворъ. Приходзиць на дворъ, увыйшовъ у хату, а бѣлы мядзвѣдзь спиць. Иванька царевичъ узявъ ды выпцягнувъ изъ пыдъ мядзвѣдзя ключи и пошовъ у склепъ. Пришовъ ёнъ къ склепу, отомкнувъ, увыйшовъ ў гэты склепъ, ажны тамъ стыяць бочки по правый руцѣ и по лѣвый. Иванька царевичъ узявъ, у тэй бочцы, што стыяла на правый руцѣ, крантъ отпусцивъ, и выпивъ силы. И здѣлывся крѣпкимъ. Тоды ўзявъ, тэя бочки, што стыяли по правый бокъ, пыставивъ на лѣвый, а што стыяли по лѣвый бокъ, тэя пыставивъ на правый...

Развидѣлося... Увидѣвъ Иваньку, царскаго сына, бѣлы мядзвѣдзь; якъ зравецъ: «чаго ты, Иванька, царскій сынъ, приповъ: битца, ай миритца?»—Ахъ ты пыганьская сила! Ты у мойго бацьки коній кравъ, а я съ тобой буду миритца? Ды нѣ!.. Стали яны битца. Билиси, билиси—Иванъ царевичъ своѣй ляской дватцаць пачъ пудовъ збивъ бѣлыго мядзвѣдзя. Стали яны отдыхаць. Побѣгъ бѣлы мядзвѣдзь скоренько у склепъ, ды якъ хопиць слабицалной воды замѣсто силы, а Иванька царевичъ

хлябнѣвъ силы. Вотъ бѣлый мядзвѣдзъ пыслабѣвъ, а Иванька, царскій сынъ, пыкрапчѣвъ. Стали яны ўзнава битца. Билиси, билиси, алитки Иванька, царскій сынъ, забивъ бѣлого мядзвѣдзя! Забивъ и зыкопавъ у зямлю. Тоды ёнъ узявъ сабѣ изъ склепа силы и пошовъ назадъ. Ишовъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ—подыходзиць къ тэй дзѣвцы, што дворъ зылотэй. «Здрастуй, Иванька царевничъ!»—Здоровъ, дзѣвушка-красотушка! —«Ну, а што? ци помогъ Богъ забиць бѣлого мядзвѣдзя?»—Помогъ; я яго забивъ! —«Ну, дзяку жъ табѣ, Иванька царевничъ, за гэта!» Тоды Иванька кажець: а што, можа бѣ ты пошла у наша царство? Яна кажець: «а чаго жъ я буду тутъ оставатца?» Вотъ яны и пошли зъ двыра. Трошку отыйшлиси, яна и глядзиць назадъ, на свой дворъ. Тоды Иванька царевничъ говориць: «можа ты жалѣешъ своего двыра! У нашымъ царствѣи уво ўсімъ нема стольки золыта, скольки у гэтымъ двору!» Якъ сказаць гэта Иванька царевничъ, дыкъ дзѣвка обыйшла кругомъ двыра три разы, а тоды боднула пальцомъ у спяну—увесъ дворъ и злився у зылотое яйцо, и ў гэтымъ яйцы осталиси яе дыямантовые чаровнички. Яна и отдыла гэта яйцо Иваньку. Тоды пошли яны удвохъ. Ишли, ишли, приходзюць нкъ тэй дзѣвцы, што дворъ сярэбрыный. Яна кажець: «здрастуй, Иванька царевничъ!»—Здоровъ, красная дзѣвушка!—«А куды цяперъ Богъ нясець?»—Я иду къ бацьку у свое царство. А тая дзѣвка, што ишла зъ Иванькомъ, и кажець: «ходзи й ты, сястрица: чаго ты будзешъ тутъ одна оставатца?» Яна и пошла зъ нѣм. Али ўсё назадъ озпратца. Иванька царевничъ говориць: «што ты ўсё назадъ озпраеся? Можа табѣ жалко твоего двыра? У нашымъ уво ўсімъ царствѣи нема стольки сярэбра, скольки у гэтымъ двору!» Яна тоды обыйшла кругомъ двыра три разы и боднула пальцомъ у спяну—и дворъ злився у сярэбрыное яйцо. Яна ўзяла яйцо и отдыла яго Иваньку. Нясець ёнъ уже два яйцы: зылотое и сярэбрыное. Пошли яны дали уже ўтрохъ. Ишли, ишли, приходзюць нкъ тэй дзѣвцы, што мѣдны дворъ. «Здрастуй, Иванъ царевничъ!»—Здоровъ, красная дзѣвушка!—«А куды цяперъ Богъ нясець?»—Иду къ бацьку у свое царство! Тоды сёстры говоруць: «ходзи ты, сястрица, зъ нами: што ты тутъ будзешъ одна оставатца?» Яна пошла, али ўсё назадъ пыглядаець. Иванька царевничъ кажець: «можа табѣ жалко двыра? У момъ уво ўсімъ царствѣи нема стольки мѣдзи, скольки на гэтымъ дворѣ!» Яна тоды узяла ды обыйшла кругомъ двыра три разы ды пальцомъ бодзъ у спяну—дыкъ такъ увесъ дворъ и злився у мѣдное яйцо. Яна узяла гэтое яйцо, ды отдыла Ивану царевичу у кишень. Стало ў яго уже три яйцы. Попили яны дали учацьварыхъ. Ишли, ишли, и пришли къ луницгу. Иванька царевичъ одну дзѣвку пыдавъ пы луницгу, тоды другую, а тоды третью; ды тольки самъ хоцьбъ лѣзцы, ажны браты ланцугъ и пыдхвацали... Што тутъ дзѣлыць? Стыявъ ёнъ, стыявъ, думавъ, думавъ, а тоды пошовъ назадъ. Ишовъ, ишовъ—приходзиць къ рацѣ. Идзёць ёнъ кылы раки, ажъ стоиць дубъ—сѣ хату тувшиной. Пыладзѣвъ Иванъ царевичъ угору, видзиць на дубу кублѣ. Узлѣзъ ёнъ къ гэтому кублу, ажъ тамъ чатыре птушкыныхъ дзяцѣнки. И заповзла къ имъ змѣя, и одного ўжо зѣбла. Иванъ царевичъ узявъ ды змяю забивъ и зыкопавъ у зямлю. Тоды гэтыя птушуняты какучъ: «ты, Иванъ царевичъ, цяперъ, покуль наша матка прыляциць, схувайся пудъ яйцовую шулу́нну, бы яна якъ прыляциць, дыкъ ня развѣдавши цабе зѣбѣ!» Иванъ царевичъ схуався пудъ шулу́нну

и сядзиць. Ажъ вѣдъ прилетаецъ matka. Нѣсомъ кивъ-кивъ! нюхыецъ. «Нѣшто тутъ русь-косъ пахнецъ?» А птушуняты кажущъ: «гѣто ты пѣдъ свѣту нылеталася, и руськаго духу нанюхылася. У насъ тутъ во змяя была: одного птушунѣнка зѣла. Можъ-бъ и ўсихъ насъ пѣбла, али откуль Богъ наславъ Ивана царевича: ѣнъ гѣтую змяю забивъ. Што-бъ ты, мама, здѣлала Ивану царевичу, кабъ ѣнъ назадъ вярнувся, ды тутъ бывъ?»—А я бъ яму усѣе тое здѣлала, штѣ бъ ѣнъ выхоцѣвъ! Тоды яны кажущъ: «ея-жа тутъ, пудъ шулупиной сядзиць!» Вылѣзъ Иванька съ пудъ шулупины, птахъ ямъ и говориць: «ну, што зъ мяне хочешъ?»—Ды я боли ничого ня хѣчу, кабъ тольки ты мяне вынясла у моѣ царство! Штахъ кажець: трудно гѣто здѣлать, ды дужо трудно! Ну, али дыстанъ ты мнѣ высмананцыць ялывокъ и высмананцыць бочакъ вина, тоды можъ вынясу!

Пошовъ Иванъ царевичъ шукаць, идзѣ дыстаць высмананцыць ялывокъ и высмананцыць бочакъ вина. Пошовъ ѣнъ ўзнава кылы раки. Ишовъ ѣнъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ—ажны стоиць хатка. Увийшовъ ѣнъ у гѣту хатку, ажны тамъ сядзиць дзѣдъ зъ бабай. Увийшовши ў хатку, Иванъ царевичъ кажець: «ци ня можно тутъ нанятца работыць?» А дзѣдъ кажець: «зачимъ? Можно!» И ставъ Иванъ царевичъ у гѣтыг дзѣда служиць. А дзѣдъ тѣй ды ловивъ рыбу; дыкъ Иванъ царевичъ поѣхивъ зъ имъ рыбу ловиць. Ну, ловили, ловили, и наловили стольки, што дзѣдъ увесъ свой вѣкъ ловивъ, ды стольки ниразу не ўловивъ. На другій дзень повѣзъ дзѣдъ у гѣрыдъ прыдаваць гѣту рыбу, и прыдавъ до 'днѣй рыбинки. Узавъ дужо много грѣшій. Тоды поѣхыли яны ўзнава рыбу ловиць, и опяць наловили дужо много. Повѣзъ дзѣдъ у гѣрыдъ прыдаваць, и не прыдавъ ня 'днѣй рыбины—усю рыбу назадъ привѣзъ. Пытающъ яны ў яго: «зачимъ ты ня прыдавъ ня 'днѣй рыбинки?» А ѣнъ кажець: а затымъ, што у гѣрыдзи печаль—жалоба большая: приславъ къ цару шасциглавыи змѣй, кабъ царъ отдавъ яму свою дочку; а кыли ды ня 'тдасъ, дыкъ ѣнъ усѣе наша царство поѣсь. Дыкъ вотъ у гѣрыдзи уси крамы замкнуты, и нема ниякей прѣдыжи!

Тоды Иванъ царевичъ кажець: «дайте мнѣ лукошко, пойду я грибовъ выбяру!» Дзѣдъ кажець: «куды ты пѣйдзешъ, ня вѣдывши,—ты заблудзишъ!»—Ды нѣ, я далеко дужо ня пойду, тольки вѣдъ ў гѣтый парысьничакъ сходжу! Узавъ ѣнъ лукошко, и пошовъ у лѣсъ. Якъ пришовъ у лѣсъ, дыкъ и побѣгъ скорѣй туды, куды пывязли царскую дочку. Тольки пришовъ, ажъ ляциць шасциглавыи змѣй. «Во, кажець, якей хорошій царъ: я просивъ одного, а ѣнъ приславъ двоухъ!»—Ды нѣ, нячистый духъ, кажець Иванъ царевичъ: двумъ ты ня радуйся! Змѣй тоды пылядзѣвъ: «ци гѣто ты, Иванъ царевичъ? Ци ты жъ пришовъ битца, ци миритца?»—Нѣ, битца; дзѣ тамъ ужо миритца!—«Ну, дми пылянку!»—Нѣ, ты дми, нячистая сила!» Змѣй якъ дунувъ, дыкъ на три вярсты цыгунный мостъ *) выдувъ. А Иванъ царевичъ якъ дунувъ, дыкъ на шѣсь вѣрстъ выдувъ мѣдныи мостъ. Ну, стали яны битца. Билиси, билиси, Иванъ царевичъ отсѣкъ змѣю три гыловы. Тоды змѣй кажець: «стой, Иванъ царевичъ; дай отдыгнуць! Цари, кыроли воюютца, ды отдыху мающъ, а мы нѣ!» Стали отдыхаць. Иванъ царевичъ выпивъ силы, и ящо пыкрацѣвъ. Стали ўзнава битца; ѣнъ отразу и отсѣкъ змѣю уси три гыловы. Тоды сыбравъ уси шѣсь головъ, спаливъ на осинывыхъ дровахъ, а попаялъ по вѣтру пусцивъ. Узавъ ѣнъ тоды своѣ лукошко, ды пошовъ ско-

*) Въ значен. *полѣ*

рѣй къ дѣду. А дѣдъ кажець: «нѣшто-жъ ты дужо бавився?»—А я троху зыблудився, дыкъ забавився, покуль дворъ знайшовъ!.. На другой дзень повѣзъ дѣдъ у горыдъ рыбу, и ўсю рыспродавъ. Наловили яны тоды ўзнава рыбы. Повѣзъ дѣдъ прыдаваць—и ня прыдавъ ня 'дзёй рыбинки. Пріѣхавъ ды кажець: «у нашымъ горыдзи ўзнава большая печаль-жалоба: дзевяциглавыи змѣй приславъ къ цару, кабъ отдавъ яму свою сяреднюю дочку. А кыли ды ня дасъ, дыкъ змѣй усё наша царство выѣсь. Дыкъ у горыдзи уси крамы пызамкнуты, и нема ниякей прѣдыжи!» Тоды Иванька кажець: «дайце мнѣ лукошко, пойдутку я грибовъ выбяру!» Дѣдъ изъ бабыи кажущъ: «на чорта тѣя грибы! Ящѣ заблудзишъ, якъ тѣй разъ!»—Нѣ, треба сходзиць: не выбяру, дыкъ хоць проходжуся, а то мнѣ нѣшто тошна! Узавъ ёнъ лукошко и пошовъ у лѣсь. Якъ пришовъ у лѣсь, дыкъ и побѣгъ скорѣй туды, куды пывязали царскую дочку. Приходзиць енъ туды, ажны ляциць дзевяциглавыи змѣй: огонь-дымъ зъ рота дышець. «Во, кажець, якей хорощій царъ: я просивъ у яго одного, а енъ давъ двоухъ!»—Ну, нячистая сила, двумъ ня радуйся!—«А зачимъ? Кыли я никого не боюсь. Только ёсь на свѣци, не ў нашымъ царствѣи, Иванъ царевичъ: я яго боюсь. Дыкъ яго сюды ворынъ косцей не занясець!»—А добрый мылодзецъ самъ зайдзецъ! кажець Иванъ царевичъ.—«Ци гѣто ты, Иванъ царевичъ? Ну, ци пришовъ битца, ци миритца?»—Во, нячистый духъ! буду я зъ имъ миритца!—«Ну, дми пылянку!»—Нѣ, ты дми, нячистая сила! Змѣй якъ дунувъ, дыкъ на шесъ верстъ мѣдныи мостъ выдувъ. Иванъ царевичъ якъ дунувъ, дыкъ на двананцыць верстъ сяребрыный мостъ выдувъ. Ну, тоды стали яны битца. Иванъ царевичъ якъ дасъ-дыкъ отразу три гыловы прочъ. Выпивъ енъ силы—и ящѣ три головы збивъ. Тоды змѣй кажець: «стой, Иванъ царевичъ, будемъ отдыхаць. Цари и кыроли воюютца, ды отдыху маюць, а мы нѣ!» Стали отдыхаць. Иванька выпивъ ящѣ силы, и ящѣ пыкрапчѣвъ. Стали битца ўзнава. Якъ бися, дыкъ бися—отсѣкъ Иванъ царевичъ и послѣднія гыловы! Тоды сыбравъ уси дзевяць головъ, на осинывыхъ дровахъ спаливъ, а попятъ по вѣтру пускивъ. Приходзиць къ дѣду, а дѣдъ кажець: «ну, вѣ й опяць забавився!»—А гѣто я троху заблудзивъ! На другой дзень повѣзъ дѣдъ рыбу, и прыдавъ ўсю чисто. Наловили яны тоды ўзнава ящѣ боли. Повѣзъ дѣдъ прыдаваць, и ня прыдавъ ня 'дзёй рыбинки. Пріѣхавъ и кажець: «у нашымъ горыдзи ўзнава печаль-жалоба валикая. Цяперъ ужѣ двананцациглавыи змѣй приславъ къ цару, кабъ царъ отдавъ яму мѣньшую дочку на зыадзенья. Дыкъ у нашымъ горыдзи уси крамы пызамкнуты, и ниякей нема прѣдыжи!» Узавъ Иванъ царевичъ лукошко и пошовъ туды, куды пывязали царскую дочку. Только енъ приходзиць, ажны ляциць двананцациглавыи змѣй. Смяетца ды й кажець: «во, якей хорощій царъ! я одного просивъ, а енъ приславъ двоухъ. Ну, али зѣймъ и двоухъ!»—Ды нѣ, обоихъ не зыаси, пыдавися! кажець Иванъ царевичъ.—«Зѣймъ, бы я никого не боюсь. Только ёсь на свѣци, не ў нашымъ царствѣи, Иванъ царевичъ. Тѣй мяне подужыецъ; ды яго сюды ворынъ косцей не занясець.»—А добрый мылодзецъ самъ зайдзецъ! кажець Иванъ царевичъ.—«Ци гѣто ты, Иванъ царевичъ? Ну, пришовъ битца, ци миритца?»—Во, нячистая сила! буду зъ имъ я миритца!—«Ну, дми пылянку!»—Нѣ, ты дми, нячистая сила! Змѣй якъ дунувъ—на дзесаць верстъ сяребрыный мостъ выдувъ. Иванька дунувъ—на дватцыць верстъ зылотей мостъ выдувъ. Ну, стали яны

битца. Иванъ царевичъ отразу отсѣкъ змѣю три гыловы. Тоды выпивъ силы, и ящо отсѣкъ три гыловы. Якъ пычали узнова битца. Билися, билися, алитки Иванъ царевичъ отсѣкъ змѣю ящо три гыловы. И самъ дужо притомился. Ёнъ тоды кажець: «пари, кыроли воюютца, ды ўсѣтки отдыху маюць, а мы съ тобой ня 'тдыхаемъ!» Стали яны отдыхаць. Отдыхнувъ Иванъ царевичъ, выпивъ силы и ўзнова пыкрачѣвъ. Стали битца; збивъ Иванька послѣднія три гыловы. Собравъ уси дванаццѣй головъ, спаливъ на осинныхъ дровахъ и попялъ по вѣтру пуспивъ. Пошовъ ень тоды съ царской дочкой къ цару. Царъ и кажець: «ну, што-жъ табѣ даць, што ты монухъ дочокъ отъ смерци отрытувавъ?»—Ничого мнѣ ня треба, кажець Иванька: только дай мнѣ высямнанцѣй ялывокъ и высямнанцѣй бочакъ вина! Царъ, звѣстно, сичасъ вялѣвъ усѣ гѣтое даць.

Тоды Иванъ царевичъ пошовъ къ своему птаху. Тамъ забивъ ялывокъ, и отдавъ птаху и мясо, и вино. Тѣй кажець: «ну, садзись цяперъ ны мяне. Ды глядзи-жъ: якъ я пывярнуся на лѣвый бокъ, ты мнѣ дывай ялывку, а кыли на правый пывярнуся, дыкъ давай бочку вина!» Сѣвъ Иванька на птаху; узавъ ёнъ подъ лѣвыя крыло ялывокъ, а пыдъ правыя вино, и пылацѣвъ. Ляциць, ды ўсѣ пыворачуетца то ў тѣй бокъ, то ў тѣй, а Иванька царевичъ кѣдаецъ яму то ялывку, то бочку вина. Ляцѣвъ, ляцѣвъ птахъ,—ня много ўжо дылацѣць, а ёнъ съ силы збився, а ўжо ўсѣ и поѣдено и попито. «Дай, кажець, хуць трошку чаго пыдкрапитца: бы ня много ўжо ляцѣць!» Иванъ царевичъ узавъ ды скоренько вынявъ ножъ съ кишана, кывалокъ икры отрѣзывъ отъ ноги, ды й укинувъ птаху ў мялу. Птахъ и вынясъ яго на свѣтъ. «Ахъ, кажець: якого смашного мяса ты давъ мнѣ у послѣдній разъ!»—Гѣто-жъ я отъ ноги кывалокъ икры отрѣзывъ! И пыкызавъ ёй. Яна тоды кырханула и выкырхнула яго мясо; приложила къ нозѣ—яно й прижило.

Пшовъ Иванька царевичъ ны своимъ царству. Идзець, идзець, и приснигла яго пѣмная ночь. Зайшовъ ёнъ у водну хату, проситца нучуваць. Ажны тамъ сядзиць царскій шавецъ ды плачець. Иванька царевичъ ставъ пытаць у шавца, чаго ёнъ плачець. Тѣй пыладзѣвъ ны яго, ды й кажець: «а ци жъ ты ня тутышній? Царскіе сыны дыстали дочокъ бѣлыго мядзвѣдзя, и хочуць изъ ими жанитца; и старшій братъ хочець узить меньшую дочку бѣлыго мядзвѣдзя. Яна скызала яму, кабъ ёнъ дыставъ ёй такія чаровики, якая у яе тамъ были, у яе царствіи—дыамантовыя. Вотъ, царскій сынъ призвавъ мяне и вялѣвъ здѣлыць ихъ заўтрыму чаровики зъ дыаманту. «А коли къ заўтрыму не пошѣешъ—дыкъ мой мечъ—табѣ гылова съ плечъ!» А якъ я ихъ буду шпѣць? я ихъ вѣкъ ня пошю!..» Иванька царевичъ и кажець: «ну, ня плачь! Можа знимецъ гылову, а можа й нѣ. Ложись-ку спаць!» Якъ уси лягли, Иванька царевичъ узавъ зылатое яйцо съ кишана, ды три разы кругомъ палцомъ обвѣвъ, ды—бодзь! И здѣлывся зылотѣй дворъ. Иванъ царевичъ отомкнувъ скоренько гѣтый дворъ ды й узавъ дыамантовыя чаровики. Тоды три разы кругомъ двора обыйшовъ, ды палцомъ бодзь! и зылотѣй дворъ злився узнова ў зылатое яйцо. Ёнъ яго ўзавъ и пыложивъ у кишень. А чаровики принѣсъ у хату и повѣсивъ на спянѣ. Такъ уся хата и засыала. Нызаўтрыго уставъ шавецъ, видзиць—чаровники висяць. Дужо ёнъ узрадывався, и понѣсъ чаровики къ царскому сыну. Царскій сынъ

пыхазавъ нхъ дѣлвы. Тая кажець: гѣто моѣ чаровики! Ды й пытаецъ у павца: хто у цѣбе пучувавъ? Ешь кажець: «никто!»—Врешеть, гѣто моѣ питыманне чаровики! Табѣ пѣзъ нѣхто принѣсь. Идзи, пывови яго сюды!.. Шавець пошовъ и пывзавъ Ивана царевича. Пришовъ ёнъ у дворець и стоиць у пороzi. Яна яго спызнала, и кажець на царьскаго сына: «не за цѣбе я пойду, а вѣ за кого я пойду!» Вышли яны зъ дворца, Иванъ царевичъ вынявъ зылотое яйдо, обвець кылы яго три разы паломъ, ды бѣднувъ, дыкъ ставъ зылотѣй дворъ. Яны увыйшли туды, и стали тамъ жиць. Тоды Иванъ царевичъ пошовъ къ сярѣдняму брату, вынявъ сярѣбрыное яйдо, обвець кругомъ три разы ды бѣднувъ—и ставъ сярѣбрыный дворъ. Ставъ у тымъ дворѣ жиць сярѣдній братъ съ сярѣдняю дочкою бѣлаго мядзѣвѣдзя. Тоды узавъ Иванъ царевичъ ды пошовъ къ большому брату. Вынявъ тамъ съ кипаня мѣдное яйдо, обвець три разы паломъ ды бѣднувъ, и зѣблыся мѣдный дворъ. Ставъ жиць у гѣтымъ дворѣ большій братъ зъ большаю дочкою бѣлаго мядзѣвѣдзя. Пошовъ тоды Иванъ царевичъ къ бацкы; пришовъ и кажець: «здрастуй, бацюшка!»—Здоровъ, Иванька, мой сынокъ!—«За што ты мнѣ гѣдыкъ зробивъ? Я ли цѣбе хырошо дѣлывъ, а ты ўзавъ ды ланцугъ пыхдващѣ, кабъ я оттуль не варнувся! А мяне Богъ усѣтки принѣсь!».. А царъ кажець: пѣ, мой сынокъ! гѣто не я дѣлывъ, а браты твоѣ. Идзи ды й дѣлывъ имъ, што хочешъ!—«Нѣ ўжо, кажець Иванька: нехай имъ Богъ дѣлывецъ, што хочецъ, а я ня буду имъ ничога дѣлывць!..» Ну, помирилися яны, и цяперъ, мусиць, ладно живуць.

Дер. Гютыки, расмян. вол.

Возвращеніе Ивана царевича изъ подземнаго царства описывается и такъ: Когда онъ взялся было за цѣпь, братья подняли его до половины и потомъ бросили. Иванъ сильно ушибся, а ляска такъ глубоко вѣхала въ землю, что онъ вытаскивалъ её три дня и три ночи. Пошелъ онъ по подземному царству и нашель слѣпыхъ дѣда и бабу, у которыхъ змѣя повывила очи. Иванъ паялся у ихъ пасти козь, и вопреки приказанію дѣда, погналъ ихъ на тугъ змѣи. Началась битва. Иванъ одолѣлъ змѣю и заставилъ её возвратить дѣду и бабѣ зрѣніе. Тогда они сказали ему взять шкуру бѣлаго медвѣдя вмѣсто коня, выдру вмѣсто сѣдла и „ужаку“ (самку ужа) вмѣсто кнута, и ударить ужакой три раза по шкурѣ. Иванъ сѣлалъ такъ, и вылетѣлъ на шкурѣ бѣлаго медвѣдя на бѣлый свѣтъ.

Приводимъ вариантъ позднѣйшаго происхожденія, записанный отъ солдата:

б, Живъ сабѣ одзинъ царъ. Было у яго три дочки, такея пругожія, што и сказаць ня можно. Тѣй царъ нигуды ихъ ня пускавъ, бы якъ хто увидиць ихъ, дыкъ яны и захворѣюць. Ну, али усѣтки одзинъ разъ отпросилися яны на прохадку ў садъ. Пришли яны ў садъ, ажны приляцѣли три змѣи: одзинъ съ тромя головами, другой съ шасцями, а третій зъ дзевяцями,—похватили тыхъ царевянъ и поляцѣли. Огѣдзился царъ, што нема дочокъ, собравъ янарадовъ, яхвицарѣй, и ставъ у ихъ спрашываць: ци ня видѣвъ хто, ци ня вѣдывецъ, куды яны подѣвалися? Одзинъ кажець: «я ня видѣвъ!» Другей кажець: «можя якая вечаринка ёсь, и яны тамъ загуляли!» А третій кажець: «мусиць, изъ ими якая причина стала!» Стали искаць, ци ня возъметца хто знайци царевновъ. Вотъ, одзинъ яхвицаръ и кажець: «кабъ мнѣ давъ царъ грошій, дыкъ я бѣ разаскавъ ихъ!» Почувъ про гѣто царъ, призвавъ того яхвицера и говориць: «на табѣ сколько хочешъ грѣшій,—разыйци дочокъ!» Яхвицаръ

узявъ грѣши и пошовъ искаць. Ходзивъ, ходзивъ, приходзиць икъ мору. Справивъ корабель и поѣхувъ по мору. Ъздзиць по мору, а царевновъ и ня ищецъ. Вызався тоды другей яхвицеръ искаць царевновъ. Призвавъ царъ и того къ сабѣ, давъ и яму грѣшій, сколько ёнъ хоѣвъ. Пошовъ яхвицеръ искаць: ходзивъ, ходзивъ и пришовъ икъ мору. Справивъ и ёнъ сабѣ корабель, и ставъ ѣздзиць по мору, а царевновъ ня ищецъ. Тоды уже вызався разаскаць царевновъ солдатъ пя....ло, суконное рыло. Призываецъ царъ солдата; давъ яму грѣшій и отправивъ искаць. Ходзивъ солдатъ, ходзивъ, и приходзиць икъ мору. Видзиць ёнъ, што яхвицеры ѣздзюць по мору, и говориць: «што жъ вы ѣдзиця, а службы ня суповняеця, царевновъ ня ищиця? Ходзице-тку искаць!» Вотъ яны пошли. Ишли, ишли, узыйшли на высокую горѹ. Полядзѣли, ажны тамъ камень ляжиць. Солдатъ и говориць имъ: «поднимайця гѣтый камень!» Вотъ одзине ставъ поднимаць: бравъ, бравъ—чуць зъ яго кишки й антробы ня выварнулися—и ничѣго ня здзѣлавъ. «Нѣ, братъ, ня сила моя!» Вотъ, бяретца другей: бравъ, бравъ, варнувъ, варнувъ—чуць душа съ косыцей ня выскочила—и зъ мѣста ня скранувъ. Узався тоды солдатъ п....ло, суконное рыло: якъ повярнувъ, дыкъ зразу звярнувъ! Полядзѣли—ажны тамъ дзюрка у зѣмлю. Солдатъ и говориць: «ну, лѣзця который туды, можа тамъ царевны!»—Нѣ, братъ, боѣмся! Тоды солдатъ призвавъ ковала и ставъ коваць ланцугъ. Ковавъ, ковавъ—сажанѣвъ сколько,—послѣ приковався къ ланцугу самъ и кажець: «спускайця потрошку; а коли ланцуга ня хвадиць, дыкъ вы подковувайця. И дотуль мяне спускайця, покуль я колотну ланцугомъ!» Ставъ ёнъ спускацца; спускався, спускався, ажны нѣшто яму ў ж..у колы! Полядзиць ёнъ, ажны гѣто слупъ. На тымъ слупи написано: коли направо пойдзешъ—щасливъ будзешъ; налѣво пойдзешъ—зъ голоду помрѣшъ; прамо пойдзешъ—причина случитца. Спускався ёнъ унизъ, и ставъ думаць, куды йци? Думавъ, думавъ, и надумавшись, пошовъ направо. Идзѣць ёнъ, идзѣць, ажны видзиць—мѣдны домокъ. Увийшовъ ёнъ у тѣй домокъ, а тамъ сядзиць большая царевна. Вотъ яна якъ увидзѣла яго, стала плакаць, стала яго обнимаць, цалуваць. Посадила яго за столъ, накормила, напоила. Тоды говориць: «сичасъ приляпиць мой мужикъ, змѣй съ тромя головами. Ёнъ цябе зѣсь. Куды-бъ тутъ цябе схуваць?» А ёнъ кажець: «ды вѣ ў гѣту скрыню!» Вотъ яна дала яму мечъ трохсотный пудовый на 'тборону и ўсадила у скрыню, и замкнула. Ажны сичасъ затраслася хата, улетаецъ змѣй. Нюхъ, нюхъ носомъ: «нѣшто ў цябе, баба, руськимъ духомъ пахнець?» А яна отказаваетъ: а нѣ! Самъ по свѣту летаць, много чаго пожравъ, дыкъ табѣ и тутъ смярдзиць!—«Нѣ, дай-тку ты мнѣ ключи; поляджу я ў скрыни!» Тольки ёнъ отчинивъ скрыню, а солдатъ якъ дасъ пѣ головѣ—отразу и знёсь три головы! Погоспивъ ёнъ у яе три дни, и пошовъ дали. Идзѣць ёнъ, идзѣць, ажны видзиць сяребраную хату. Увийшовъ ёнъ у яе, ажны тамъ сярѣдняя царевна живець. Увидзѣла яго царевна, стала плакаць, стала яго цаловаць. Посадила тоды за столъ и ўпоштовала такъ, якъ и большая. А тоды кажець: «лѣзъ-ку ты ў скрыню, а цябе замкну! А то приляпиць мой мужикъ—змѣй съ шасцymi головами, дыкъ ёнъ цябе зѣсь!» Дала яму мечъ шасцисотный пудовый; ёнъ и засѣвъ. Тольки ёнъ схувався, ажны хата сичасъ затраслася, прилетаецъ змѣй шасциголовый. Нюхъ, нюхъ: «што ў цябе нѣшто руськимъ духомъ пахнець?»—Ды нѣ! Ты по свѣту налетався, много чаго нажрався, дыкъ яно табѣ и

пахнець!—«А нѣ, кажець: дай-ку ключи!» Отчинивъ ёнъ скрыню, а солдатъ яго якъ дасъ по головѣ—отразу ўси головы знёсь! Погосцивъ енъ у яе три дни, и пошовъ дальшѣ. Идзець енъ, идзець, ажны стоиць золотэй домикъ. Уходзяць енъ туды—ажны тамъ мѣньшая царевна живець, и змѣй зъ дзевяцymi головами ляжыць на койцы. Солдатъ п....ло, суконное рыло, схвацивъ скорѣй яго мечъ дзевяцисотный пудовый и кажець: «мой мечъ, табѣ голова съ плечѣ!» И рубанувъ яго по головѣ. И знёсь уси головы. Тоды ўзявъ енъ царевну за руку, и хоцьвѣ нѣи къ сярёdney сясѣрѣ. А яна говориць: «можна табѣ гэты домокъ унонорави? На, перакинь яйцо черазъ яго, и енъ останецца въ яйцы!» Енъ такъ и здѣлавъ. Узявъ тое яйцо и пераकिनувъ черазъ хату,—яна й пропала. Поднявъ енъ яйцо и пошли. Пришли къ сярёdney сясѣрѣ. Дала и сярёdynя яйцо. Ёнъ пераकिनувъ яйцо черазъ сярёbrанный домокъ, и домокъ остався ў тымъ яйцы. Поднявъ енъ яйцо и пошли яны къ бѣльшой сясѣрѣ. Пришли туды, узяли и тэй домокъ, и пошли дали. Ишли, ишли, пришли къ ланцугу. Приковавъ енъ перви одну царевну, яны выпягнули; тоды другую, а тоды третью. Тольки ёнъ хоцьвѣ самъ приковуватца, ажъ яны ланцугъ и подхвацали. Оставили яго у норѣ, а сами и пошли домовъ къ цару. А солдатъ п....ло, суконное рыло, заплакавъ и пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, ажны живець дзѣдъ зъ бабой. Зайшовъ енъ туды, а яны спяця. «А! кажуць: стань ты ў насъ воловъ паспиць, а то ў насъ змѣя вочи повыпила!» Вотъ енъ й ставъ паспиць. Одзинъ разъ *пропавъ* (т. е. издохъ) у ихъ волѣ. Солдатъ узявъ, скуру злупивъ, а мясо покинувъ. Унадзилися туды круки. Вотъ, солдатъ разъ и поймавъ одного крука. Крукъ гэты ставъ проситца, кабъ енъ яго пусцивъ.—«А вотъ, говориць солдатъ: коли суповнишь гэту службу, дыкъ я цабе пушу: скажи другому круку, хай принясецъ живэй и мятвой воды!» Тэй такъ и здѣлавъ. Поляцѣвъ крукъ, принесть у двухъ пузурахъ воды живэй и мятвой, и отдавъ солдату. Вотъ, солдатъ пусцивъ крука гэтаго, што ўловивъ, и пошовъ домовъ. Пришовъ къ дзѣду, брызнувъ яму у вочи разъ мятвой водой,—у дзѣда вочи отжили. Ёнъ брызнувъ другой разъ живэй водой—дзѣдъ ставъ видѣць. Подыйшовъ енъ тоды къ бабѣ, здѣлавъ енъ и ёй тое жъ самое—и баба стала видѣць. Тоды енъ говориць: «ну, дайца-жъ мнѣ што за труды!»—А вотъ, возьми сабѣ двананцать воловъ и двананцать бочакъ воды. Ёнъ узявъ, подзяковавъ, и пошовъ. Идзець енъ, идзець, ажны найшла хмара, пошовъ дожджъ. Подыйшовъ енъ къ дубу и ставъ подъ имъ. Полядзѣвъ угѣру, ажъ тамъ гняздо, а на тымъ гняздѣ сидзяць дзѣдъ жарь-пщицы. Вотъ енъ узлѣзъ на дуба и накрывъ ихъ своей шинелью. Вотъ прилетаецъ жарь-лщица; видзиць, што солдатъ п....ло, суконное рыло, схувавъ яе дзяцей отъ дожджу,—вотъ яна и говориць: «ну, чимъ-жа мнѣ за гэта табѣ отслужижъ?» Ёнъ кажець: «а вотъ чимъ ты мнѣ за гэта отслужи: заняси мяне у мой край!»—Добро, тольки приготуй ты мнѣ што нибѣдзѣ ѣсци ды пиць! Вотъ, солдатъ узявъ, привязавъ ёй подъ правое крыло двананцать воловъ, ды привязавъ ёй подъ лѣвое крыло двананцать бочакъ воды. Тоды яна говориць: «ну, садзись мнѣ на плечи! Тольки, говориць: якъ я махну головой направо, дыкъ ты давай мнѣ ѣсци, а коли налѣво, дыкъ ты давай пиць!» Ну, енъ сѣвъ ёй на плечи, и понясла яна яго. Вотъ яна ляцѣла, ляцѣла, ляцѣла, ляцѣла, и поѣла ўсѣхъ воловъ.

Нѣчаго ѣспи жаръ-пщицы. Махнула яна направо—енъ давъ ей ногѹ; яна оторвала. Пропѣвши, махнула яна ўновь—енъ давъ ей другую ногу; яна зѣла и другую. Тоды скоро принясла яго ў яго царство. Спустились на зямлю. Яна кажець: «злѣзай!» А енъ кажець: «ногъ нема!»—А дзѣ яны?—«Ты зѣла!» Вотъ тоды жаръ-пщица узяла болышанный камень и говориць: «стукни мнѣ разъ помнижъ плечѹ!» Ёнъ стукнуеъ ей у карокъ, яна и выкархнула ямѹ ноги. Приторкнувъ солдатъ ноги, яны й прижили. Ёнъ тоды злѣзъ, подзакувавъ жаръ-пщицы, а яна ямѹ, и пошовъ у свое царство.

Приходзиць енъ туды, а царъ говориць: «што жѣ ты службы ня сунувняешъ? Ходишъ по свѣци, а дочокъ моихъ давно яхвицеры знайшли. Я цябе за гэта повѣшу!» Влѣвъ сичасъ и шибялницу дзѣлаць. Зажурився солдатъ п....ло, суконное рыло. Ды ўздумавъ на тѣя яйцы, и говориць цару: «а вотъ, гусударъ—бацюшка, полядзи, идзѣ твое дочки жили!» Ды разбивъ перадъ имъ яйцы. Издѣлалиси изъ ихъ хаты: мѣдная, сребраная, золотая. Увийшли яны туды, а тамъ и змѣи забитые лежалъ. «А вотъ, кажець солдатъ: и мужуки твоихъ дочокъ, што я позабывъ!» Царъ сичасъ призвавъ царевновъ. Ну, тѣя и призналиси: «такъ, и такъ, позабывавъ змяѣвъ солдатъ, а 'хвицеры тольки насъ привяли!» Призвавъ тоды царъ яхвицарей и влѣвъ ихъ повѣсиль на тѣй шибялници, што дзѣли солдата дзѣлалася. А солдата ожанивъ на меншой дочкѣ своей. И живуць яны сабѣ, поживаюць и добра наживаюць.

Д. Климовичи, ульянов. вол., стын. у. Ср. слѣд. № и Чубин. 207, 236, 263.

12. Иванъ дурань.

Утѣ, такъ, буѹ саби царъ. У яго були три сыны: два вумныхъ, а третейй дуракъ. Цяперъ, у водзинъ дзень царица вышла гуляць. Уткуль узѣўся змий: 'хвацивъ царицу и пунюсъ. Ушукóлиси царицы: туды, суды—нема царицы! Пудуждали кульки урэмя,—розумные сыны кожуць бацьку: «бугуслувица насъ, бацюшка: пуйдомъ шукоць матки!»—Якъ жа вы пуйдзеца? Вы ня идзѣця, а идзѣця иѣшкумъ луччи! Бугуслувиѹ сыноѹ, увуружиѹ и утпавиѹ у нуць. Сыны пушли. Приходзюць у цюмный лѣсъ, знайшли сѣжучку у лиси, и пушли гѣтуй сѣжучкой. Трошки пруйшли, бачуць—стуць думъ (домъ). Бульшій, бульшій думъ! Яны приходзюць у думъ, бачуць—сядзиць дзѣвица, нѣшто шѣя. «Здростуй, крóсная дзѣвица!»—Здростуй, здростуй, дубрые мулуйцы! Куды васъ Бугъ нясе?—«Идо́тъ шукоць матки!»—А вутѣ, matka ваша тутъ!—«А дзи-жѣ яна?»—А вутѣ, гувора—у склепи! Утчини́ла дзѣвери: лѣзѣця суды! Яны ўзѣли и пулизи. Яна ўзяла и зачини́ла ихъ. «Тутъ вамъ прупадоць!»

Цяперъ, дурань туй дувой прусиць бацьку: «бугуслуви, бацюшка, и мяне!»—А куды ты дурань, пуйдзешь?—«Пуйду и я матки шукоць.» Бацьку нѣчуга дзилаць, бугуслувиѹ яго и пусциѹ у свить. Пушоѹ дурань етымъ самымъ сльдумъ, кудой ишли розумные. Приходзя акъ гѣтому думу самому; уходзя у хату: «здростуй, красная дзѣвица!»—Здростуй, здростуй, дубрый мулодзецъ! Куды цябе Бугъ нясе?—«Иду матки шукоць!»—А дзи жѣ ты яе знайдзешъ?—«А дзи-небудзъ знайду.»—Твоя matka тутъ!—«А дзи яна?»—А ў склепи! Утчини́ла склепъ и пусылаа яго туды. А юнъ кóжа юй: нѣшто matka муя суды зализя? Лѣзь сама суды! Узѣѹ яе за куўнеръ (ковнеръ)

воротникъ) и пхнуў у гэту ямку. А браты пучули: «эй, братъ, кажучь: рутуй насъ!» — А ча вы сьдзы зайшли? — «А гэто насъ гэта дзёўка ўсадыла.» — А ще вумныя браты! Пуслухали дзёўки, пуцзлы у склепъ! Узёу ихъ, выпцягъ. Тугды дзёўка пучала пруситца: дубрый мўлдзёцъ, выпцягни мяне ўтёюль, я таби нараю куня, якій можа служиць пу гробъ твёе жиспи. Юнъ тугды яё выпусциў и каа братомъ: «хўдзёмъ, браты! кули-жъ няпроўды яна намъ искажа, тугды придумъ и ўкинумъ яё у ямку!.. Якого жъ ты куня мни нараяашъ?» — А йдзи уть гэтуй самой дорўжкуй, и будзья стуяць бўльшій дубъ, и ты придзи акъ гэтому дубу, и ўбачашъ зялизныя дзвери. Ты ўтчинишъ — выскуча къ таби кунь. Ты садзися и идзь, куды знаашъ! Браты узёли и пушли. Приходзюць акъ гэтому дубу. Утчиниў дурань дзвери — выскучивъ кунь. Дурань сиў на куня и пухуў, а браты йдуць. Ихули яны дзень-другий, ня пушудаа имъ ничого наўстричь. Идуць доляй — и ступиць мустъ на пяць вюрстъ, и написуна тублица, и сказуно у тублицы: хту гэтый мустъ ня парайдзя у пяць минутъ, туму жывуму ня быць. Дуракъ и сказуа на братувъ: вы идзица пёшкумъ, а я пуйду! Сцюбнуў куня пугуй, парайхуў теразь пяць минутъ. Злизъ юнъ сь куня, пусциў куня на лугъ, самъ пушоў шукоць вутукъ. Убиў вутучку, обдзилуў яе якъ трёба, испокъ, и дужидаа братувъ. Приходзюць браты. Пудьили. Юнъ имъ и каа: будзья вы тутъ, утдыхница трушки, а я пуйду, пруйдуся. Сиў на куня и пухуў. Трушки пруйхуў, гони двё-три, бача — йдзя змий зь двюма гулувами. «Ну, шту, Иванъ-дурань, ци будумъ битца, ци миритца?» — Ни, змий, не на ту я ихуў, кобъ миритца, а на ту я ихуў, кобъ битца! Разьихулися. Иванъ сибануў — и сикъ убия (обья) гуловы. Узёў куня змяявуго и пухуў къ братумъ. «Ну, братцы, устувойця! Уть, таби бўльшій бротъ, дустоў куня. Садзися, ты идзь, а ты сярэдний идзи такъ!» Пуихули доляй. Ихули мало ўрэмя, прыяжжаюць изнуў акъ мусту. Ступиць мустъ на дзесаць вюрстъ, и тублица написуна: хту гэтый мустъ не парайдзя у дзесаць минутъ, туму жывуму ня быць! Иванъ сказуа бўльшому брату: «излизъ сь куня и вадзи ў рукахъ, а я пуйду!» Сцюбнуў куня пугуй, парайхуў у дзесаць минутъ. Пусциў куня на лугъ, самъ убиў вутучку, обдзилуў яе якъ трёба, испокъ, самъ пудьий, тугды пулужиў сядло пудъ гуловы, и люгъ утдыхнуць. Прихудзюць браты. «Ну, здоровъ, бротъ! Якъ цябе Бугъ паранюсь?» Славу Бугу. Ну садзисеся, да зыжця чаа-небудзь! Сили яны, укусили хлиба, вутучки. «Ну, вы, братцы утдыхайця, а я пуйду, пруйдуся!» Пруйхуў нямнога дуроги и бача — идзя змий сь трумя гулувами. «Ну, шту, Иванъ дуракъ: будумъ битца, ци миритца?» — Ни, нячистая сила: ня на ту я иду, кобъ миритца, а на ту иду, кобъ битца. Разьихулися яны, Иванъ дуракъ якъ махнуў шабляй, и сикъ уси три гуловы. Тугды узёў, яго пурубий на кувалки, пусикъ и спалиў, и попяль за витрумъ пусциў. «Ни ўже, нячистая сила, такъ ня 'стоблю, якъ першаго: моо (можа) ты туй сёмый!» Узёў змяявуго куня и пувюў. Прыяжжаа акъ братумъ: «ну, братцы, будзья спаць. На й таби, сярэдний бротъ, куня!» Пуихули утрохъ. Пруйхули трушки, ступиць мустъ на патнаццаць вюрстъ и тублица написуна: хту гэтый мустъ не парайдзя у патнаццаць минутъ, туму жывуму ня быць. Тугды Иванъ сказуа на братувъ: излизьця ись куняй, идзица пёшкумъ. Сцюбнуў куня пугуй и парайхуў у патнаццаць минутъ. Парайхувши, пудуждоў братувъ и каа на ихъ: «вы утдыхница, а я пуйду, пруйдуся.

И вутъ вамъ два стоганы (г=g) (стаканы): удзинъ изъ вудой, а другій насчимный. И кули зъ гатуго, зъ насчимнуго, будзя бѣгци кроў, идзця ку мни на помучъ: а кули на будзя ничуго бигци, ту на идзця! Самъ пуихуу. Идзя на ўстричу змий шасци—гуловный. «Ну, шту, Иванъ дуракъ: будумъ битца, ци миритца?»—Ня на ту я ихувъ, кобъ миритца, а на ту, кобъ пубитца! И разънухались яны. Змий яго зъбиу съ куна, и суѣсимъ уже ўбиваа ў зямлю. Тутды юнъ на гэтаго на свуйго куна и каа: «кунъ муй вирный, шту жъ ты стуишь? Чому ты мни на пуможаешь?» Кунъ раскипиўся и пусцаўся на змяя. Убиў яго ў прахъ!.. Устоли браты и бачуць—исъ стогана бязиць кроў. «Ну, кауць: нахай яго тамъ убуюць, а ту бацька утдасъ яму усё царство!» Пріяжаа дуракъ: «ну, будзя спаць вамъ!» Яны устали и кауць: «а бротъ, якъ мы спали дувго: ничуго й ня бачили!» Пуихули яны доляй. Пріяжааць акъ булшенной гурэ, што няльга ниякимъ родумъ узлизци на яд. Юнъ на свуйго куна—пушптовъ: «ци ўзнясешъ ты мяне на гату гурӯ?»—Ни! Юнъ на другога, якого утубровъ у змяя у двухгуловнаго: «ци ўзнясешъ ты?»—Ни, каа: ня ўзнясу, пулувину ўзнясу!.. Юнъ у трэтьцяго куна пушптавъ, якого утубровъ у трохгуловнаго змяя: «ци ўзнясешъ ты мяне на гату гурӯ?»—Узнясу! Сиў юнъ на куна и пуихуу. Узъихуу на гурӯ и бача два шкляные думъ. У першій думъ зайшувъ, бача—сядзиць дзиўка. «Здростуй, дзявица!»—Здростуй, дубрый мулудзецъ! Куды цябе Бугъ нясе?—«Иду матки шукоць.»—А дзѣ жъ ты яд найдзешъ?—«А моо, Бугъ дасъ, тутъ найду! Худземъ, дзиўка, су мной!»—Ни, я не пуйду, у мяне ще ю (ё) другаа сястра.—«А дзи-жъ яна?»—А ў тумъ думи! Юнъ узѣу и пушоу у тэй думъ. Приходзя—и тамъ дзиўка сядзиць. «Здростуй, дзявица!»—Здростуй, дубрый мулудзецъ! Куды цябе Бугъ нясець?—«Иду матки шукоць.»—А дзи ты яе найдзешъ?—«А моо, тутъ знайду!»—Моо, тутъ знайдзешъ: матка твоя тутъ!.. Матка пучула у вусобянной кумнаци, и вышла акъ яму. «Здростуй, мамянька!»—Здростуй, сынокъ, здростуй! Якъ цябе Бугъ суды прынюць?—«Прийхуу я зъ братами.»—А дзи-жъ яны?—«А тамъ зусталися ли гуры!»—Ну, хуць ты пришоу суды, ды кобъ цябе ня ўбили змяя.—«Ни, я ихъ пубивъ. Ну, худземъ, мамянька!» Узѣли и пушли. Зубрали съ субой и дзиўку. Пришли акъ туй, акъ меньшуй. Зубрали и меньшую. Пришли на тое мисто, дзи юнъ узлазиў. «Ну, якъ тутъ испусциць васъ дулоу? Пустой-ка, мамъ, я пушukoю вяруўки.. Пушоу у гэтыя хаты шукоць вяруўки. Нашувъ вяруўку, навяздѣ пуперадъ маць, пусциў дулоу, а тутды дзиўку уднѣ и другую. Тутды браты кауць: «дувай шмурганомъ вяруўку, кобъ юнъ тамъ зустоўся!» Шмурганули—вяруўка и вышмургнула зъ рукъ: юнъ тамъ и остоўся. Цяперъ яны кауць на дзивукъ и на мацярю: «прийдумъ мы думоу, дыкъ ня кажиця, шту юнъ васъ дустовъ, а кажиця, шту мы; а то бацька ня дасъ намъ ничуго,—утдасъ яму усю (усё) царство. И тульки не плачця, а то якъ убачамъ, дыкъ зарэжамъ!» Дзиўки скучаюць по тумъ, шту зустовъ на гурэ, а ихъ увоўси (вовсе) яны ня любюць—гэтыхъ двохъ. Меньшая дзиўка и думаа: «кобъ юнъ пушоу у муй думъ, юнъ ба-бъ найшувъ тамъ пипку. Кобъ тую пипку узѣу, дыкъ-ба упѣрадъ насъ дума (дома) бувъ!» А тэй тамъ худзѣу, худзѣу, худзѣу, худзѣу пу тэй гурэ и пушоу у гэтый думъ, у меньшія дзиўки. Пудъисци яму няма ничуго, тубѣки няма, кобъ пукуриць, дзи придзя—акъ якому замку—ня лумѣтца. Юнъ глянуу на вукно, убачиў пипку: пулувина тубѣки

наложено, и ляжаць сярнички. Узёў юнѣ и закуриў—пнякъ ня куритца. Якъ сярничка гуриць—дыкъ куритца, а якъ сярничка путухня—дыкъ ня куритца. «Ай, кобъ цябе уgni спалили!шту-жъ ты ня курисься?» Узёў яѣ, ды объ мустѣ! Выскучило двананцаць мулуйцоў: «шту ты, худзяинѣ, насъ жарко такъ трэбуюшь?»—Насиця мяне у такій ту гóрудъ! Такъ саби скузаць, хуць и ў Чарнигуў (Черниговъ). Привѣсли яны яго у гóрудъ. Юнѣ трошки утдыхнуў, парамяниў другую удзѣжу, парадзій (переводъ), и вышуў на вулицу. Идуць браты. «Здуроў, купцы!»—Здуроў, здуроў, мужикъ!—«Дзи васъ Бугъ пусивъ?»—Матки йздзили шукоць.—«Ци найшли-жъ?»—Найшли.—«Ну, славу Бугу, кули найшли!» Браты пунхули саби доляй, а дуракъ пипку вытнуў объ зѣмлю. Выскучило двананцаць мулуйцоў: «на шту, худзяинѣ, жарко насъ трэбуюшь?»—Насиця мяне у такій-ту гóрудъ, дзи живе муй бацька! Мулойцы пудхвалили и пунѣсли дурака у туй гóрудъ, дзи жиў бацька. Стаў юнѣ томъ думаць: шту дзилаць? «Пуйду я къ туму шаўцу, якій шивѣ намъ чобуты!» Пришоў у хату: «здростуй, дзядзька!»—Здуроў, здуроў, мулудзец! Ну ча-жъ пришоў ку мни?»—«Я пришоў, дзядзька: прими мяне за кусокъ хлиба!»—А шту-жъ ты будзешъ дзилаць у мяне?»—«Эй, дзядзька,—шту зугудаешъ! Хуць буду дрову сукаць!»—Ну, сучи!

А браты хочуць уже жанитца на гэтыхъ пругожихъ дзійкахъ. А дзійки кажуць: «мы, бацюшка, ня будумъ жанитца: намъ трэба такіе чаровики, кобъ ня мираны, ня крояны, ня шты, и акъ-разъ пришлись намъ!» Царъ імъ сказаў: хту такіе здзилаа чаровики? У насъ удзинѣ ё шавецъ, хіба тэй здзилаа такіе чаровики! Пузвоў свуйго слугу: «идзи, привадзи тутò шаўца!» Слуга пушоў, привью шаўца. Шавецъ прихузя: «здростуйця, ваша анпяратурство! на вошто вы мяне зываеце?»—Пуслухай, шавецъ: испій мни чаровики такіе, кобъ ня мираны, и ня крояны, и кобъ акъ-разъ пришлись!»—«Ваша анпяратурство! я ня дзилую такіхъ чаровикувъ.»—Ну, ну: кажи бўляй, да йдзи шій! Шавецъ зуплакуў и пушоў думоў. Иванъ дуракъ пыётца: «чаа ты, дзядзька, плачашъ?»—Утййдзі утѣ мяне, дурань!»—«Чаа жъ ты, дзядзька, сердзисься? Шту таби царъ скузоў?»—Шту скузоў? Скузоў чаровики пушиць, ды такіе мудрые, шту я ни видую, шту скузоць: кобъ ня мираны, ня крояны и кобъ акъ-разъ пришлись...»—«Дзядзька, ня журись,—пушіямъ чаровики!»—А йдзи ты, дурань: я ня ўмю шиць, а то юнѣ пушія..—«Дзядзька дой мни шкуры: я буду шиць чаровики. Тўльки кобъ нхто ня бачиў!» Шавецъ доў яму шкуры, кузоў шаўцомъ выйци вунѣ изъ хаты, а дуракъ стоў шиць чаровики. Вынаў юнѣ изъ курманà пипку, вытнуў яѣ объ мустѣ. Выскакуя двананцаць мулуйцоў: «шту ты, худзяинѣ, насъ трэбуюшь?»—Принасиця мни гэтыхъ дзівукъ чаровики! А самъ люгъ спаць. Трушки заснуў, привосюць мулуйцы чаровики у шкляной скрынучцы и пустовили ямў. Юнѣ устоў, узёў скрынучку и пунюсь къ шаўцу: дзядзька, на чаровики! Шавецъ пулядзій на чаровики и думаа: я зроду гэтыхъ чаровикувъ ня шиў. Узёў чаровики и пунюсь акъ цару. Утдоў цару чаровики; царъ пунюсь дзійкамъ. Яны глянупи на чаровики и засмяялися: «гэто наши чаровики!» Назоўтраго захуцили браты жанитца. Узноў яны скузоли: «мы, бацюшка, ня будумъ жанитца: намъ трэба такія спудницы, кобъ ня мираны, ня крояны, и акъ-разъ намъ пришлись...»—А хту жъ такія здзилаа спудницы?»—«Ахъ, бацюшка: гэтый самый шавецъ издзилаа.» Пуслоў царъ слугу: идзи,

пузуви шаўца. Пришоў шавецъ: «здростуйця, ваша анпяратурство!»—Здростуй, здростуй! Слухай шавецъ: пушій мни спудницы три.—«Я ня ўмію, царь, шиць спудницы, я не кравецъ.»—Ну, ну, гувори, а спудницы пріяси! Шавецъ заплакуў и пушоў думоў. Приходзя думоў, дуракъ и пытоетца: «чаа ты, дзядзька, плачашъ?»—Якъ жа мни ня плакаць? Скузоў царъ пушиць спудницы, такія, шту я и ня ўмію.—«Муўчи, дзядзька, ды дыш!» пушіямъ и спудницы. Идзи мни вузьми на сотню рублюў ситцу!» Шавецъ набраў на сотню рублюў ситцу и отдаў дураку. Дуракъ схуваўся у другую хату и стоў шиць спудницу: рэзуў, рэзуў (р'эзавъ) нужнями сицяць и выкинуў за вукно. Дустоў пипку съ курмана, вытнуў ле обь мусть—высучило двананцаць мулуйпоў: шту, худзяинь, насъ трэбуяшъ?»—«Схудзиця, пріясиця гэтыхъ дзизвукъ спудницы!» А самъ люгъ спаць. Трушки пуспоў, прыносяць мулойцы спудницы. Юнь узёў спудницы и пунюсь акъ шаўцу. Пунюсь шавецъ акъ цару. Утдаў цару, а царъ утдаў дзизукамъ. Дзизуки глянули на спудницы и засмяялися: «гэто наши спудницы!» Братця узноў захуццали жанитца. Тугды дзизуки кажуць: пусциця насъ ихуць пугуляць! Царъ скузоў кучару запрэгци кўнй у кулюсы и нузначиў людзей, кобъ ихали зъ ими. «Куды намъ ихуць?» пытоютца людзи.—А идзця, дзи шавецъ живе! Прихули яны и сустуновилися проци шаўца. «Гукнуць намъ шаўца, якій шиў намъ чаровики и спудницы!» Людзи гукаюць шаўца, а шавецъ ня идзецъ, пусылаа дурака, дае яму дўбрую свитку. А дуракъ ня бярэ свитки, ды пришоў акъ печцы, усадзизу рукъ у комянъ и ўмазуў увесь видъ у сажу. Идзецъ юнь акъ дзизукамъ, а людзи ня пускоюць, шту юнь такій чурный (черный). Дзизуки убачили и кауць: пусциця! Людзи расхинулися, дзизуки и прихинулися къ яму, акъ дураку, и пцудували кожная пу разу, и кауць: «придзи увечара думоў, браты будучъ жанитца!» А сами вярнулися думоў. Иванька дуракъ надзизу дубрую удзежу и пушоў у царскій двурэць. А браты ўже субираютца ихаць вянчатца. Тульки Иванъ увыйшуў ў хату—глянула маць на Ивана, пала на ўкобянцы и заплакула: «утъ, хту дустуваў насъ, а ня тыя сыны дустували!» Царъ усердзизуся, скузоў кучару вывясци пару дубрыхъ кунй и привязаць ихъ къ хвусту и пусциць у чисто пуля (поле), кобъ куні рузнесли ихнйя косьци. А дурака жаниў на мёньшой дзизуцы, а бульшую утдоў замужъ. Дуракъ стоў жиць пуживаць, ды дубро нуживаць.

Жиў саби царъ и парица, и була ў ихъ на двурэ крыница, а ў крыницы курэць—мукой казцы кунецъ.

Д. Станьково, рогач. у. тихиничк. вол.

Кр. Иванъ Ивановъ, 26 лѣтъ, неграмотный, пастухъ.

13. Вячорка, Пвношникъ, Заранка.

Живъ сабѣ дзѣдъ изъ бабой, и ня було у ихъ дзяцей. Разъ яго старуха понесла на раку платця и найшла ля берагу струковый горохъ. Яна узяла, разлузнула гэтый горохъ и найшла тамъ двѣ горошины. Яна ихъ у ротъ укинула. Тогды зирнула и яще увидзѣла одно зерня; укинула тожъ у ротъ, и пошла домовъ. Приходзя домовъ и кажа у смяху свойму дзѣду, што зѣла три горошины. Ну, дббро. Тогды жъ соснилося ёй: што ты три горошинки гэтыхъ зѣла, дакъ ты родзизъ три сыны сабѣ.

Назаўтраго раннемъ, уставши, яна рассказала дэду, што видзѣла гэта у воснѣ, што соснилось мнѣ, што празь гэтыя три горошинки роджу три сына. Потомъ гэтый ужо старикъ говора: «баба, ты неправду говориш! Кольки лѣтъ мы прожили, а ня видзѣли рабѣнка!» Ну, добро. Проживаюць мѣсяцы два и три, и баба ужо стала узнаваць, што ужо яна забярэменѣла. Тогды яна ужо узновъ старику говора: «думала я, што ня будзя гэта правда. Вѣрно будзя правда!» Старикъ ёй говора: ну што жъ! пущай Богъ дае; однача и выйдземъ мы радзи сябе!.. Уремя гето ужо вышло, кольки ёй носиць треба, тожъ яна начала роджаць. Начала зъ вечара, цѣльную ночь до заўтрашняго дня. Перво Вячорковаго родзила сына, тоды Повношнаго, а послѣ Зараннаго.

Побыли яны мѣсяцы два, и яны хорошо расци стали, скорымъ довогмъ. Такъ што бывая иншая жанщина одного родзя рабенка, и то не бывая такій, якъ яны росли хутко. Потомъ имъ стало годы два ай три, выросли яны ўжо поболи. Вотъ, выйдучъ яны зъ дзяцмы на вулицу, дыкъ яны забигаюць дзяцей. Тогды бацька ужо гэтыхъ сыновъ и matka гаворуць: што вы, дзѣтки, ня биеся зъ дзяцмы! А яны кажучъ: «мамынька! мы ня бѣмся, а мы тольки такъ гуляемъ у смыху!» Послѣ гэтаго яны не стали ходзиць на вулицу, и зъ дзяцмы гуляць не стали,—послухали гэтаго приказу. И такъ яны ужо мижда собой росли, ни съ кимъ не сходзилися,—мижда собой да й усё. И выросли яны—годовъ подъ дватцать ужо бралося. Гэтый старикъ говора: што жъ вы, моё сыны, ничего не работаеца? Яны отвѣщаюць то: «намъ, гаворуць, бацюшка, вашія работы не робиць, а намъ треба работой своёй займатца!» Бацька гэтыхъ потомъ ставъ думаць, што гето яны сказали яму. И попытася ў ихъ: «якой жа вы работой будзеца займатца, коли вы моё работы не хоциця работаць?»—Мы просимъ у васъ, тата, кабъ вы дали намъ хоць по 'дной стралѣ. Мы васъ покинемъ дома: мы чуемся, што мы хлопцы дужіе, намъ треба йци ў свѣтъ бѣлый, походзиць по свѣту, што-нибўдзъ дзѣ почуць!.. Бацька ужо догадався, што яны ужо осилки, и потомъ енъ вялѣвъ ковалю, кабъ енъ здзѣлавъ имъ по стралѣ, по зялѣзной, и отправивъ ихъ: «моё сыны! не хоциця вы со мной жиць, идзиця сабѣ, куды надумалися,—мнѣ васъ не суняць! Трапицеся который ко мнѣ, не трапицеся, а треба попрощатца!» Потомъ, прошенья давъ упяродъ Заранній сынъ отцу, другій Повношный, третій Вячорковъ. Зъ Вячорковымъ попрощався, дакъ бацька ихъ и повалився ужо,—зъ гэтаго, што яны покидаюць яго. Вячорковъ сынъ ухапивъ яго и поставивъ ли сябе: ёнъ ужо ня могъ устоиць, зъ жалѣ зъ гэстыя... «Не печалься, бацюшка: пущай яны кйдаюць цябе, нў я ня кину цябе; хйба самъ живъ ня буду, дакъ покину. И потомъ, яны браты моё родные, а я ня вѣдаю: отправляемся мы у свѣтъ бѣлый—ци добро намъ будзя, или нядобро?» Тогды Вячорка попытася у Зараннаго брата и ў Повношнаго: «братцы моё! хто ў насъ будзя старшій—ци вы, ци я? Кого будземъ слушаць? Отправляемся у свѣтъ бѣлый, дакъ треба, кабъ пущъ вѣвъ по свѣту!» Повношникъ сказуя: «я, братцы, такъ: хоць старшій будзя старшимъ, хоць молодзѣйшій, а я сярэдній, дакъ я буду вашаго пуща слушаць!» А Заранка сказуя: «я буду старшимъ! Слухайця мяне!».

Ну, и пошли у пущъ дороги; куды хоцѣли, туды й пошли. И пройшли яны сутокъ двое—трое, пришли къ гэтаму урему—малычачки пасуць коній,—вотъ, якъ у насъ,

у Чугринцы, абы абы-гдзѣ. Енѣ, Заранка, пришовѣ у гэта стадо, и тамѣ зачавѣ зѣ ими гулицѣ. Гѣтые удвохѣ стояцѣ, тольки глядзяцѣ на яго, а ёнѣ котораго возѣ-
мя, дакѣ хоцѣ вухо второвѣ, хоцѣ што небудзѣ здѣляла, — ёнѣ и заплача! И поразго-
навѣ ихѣ усихѣ до 'днаго отѣ гэтаго цяпла; поразбѣгалисѣ, куды который, погѣтому,
што енѣ бивсѣ крѣпко. Потомѣ Вячорка говора: «ходзѣмѣ, братцы, по своей дорози,
куды намѣ треба, — бросѣ гѣто дзѣло!» Пройшли яны варсты двѣ — три, потомѣ на
дорози догоняюцѣ ихѣ отцы гѣтыхѣ дзяцей, што Заранка побивѣ, поразгонявѣ. Дзѣци
нажалилисѣ отцомѣ своимѣ. Нагнали ихѣ: «Здраствій вамѣ!» — Здраствій, Вячорка отказуя.
— «Што вы за таковыя людзи, што вы могли нашихѣ рабятѣ побицѣ, да яны намѣ пришли
жалитца?» Заранка за гэтаго чаловѣка узясѣ за правую руку и говора: мы зѣ ими ня би-
лисѣ, гѣто я тольки погулявѣ зѣ ими за смѣхѣ! — «А якій жа гѣто смѣхѣ, што котораго по-
били, которому руку оторвали — гѣто ня смѣхѣ зѣ гѣстаго!» Енѣ яго за руку якѣ державѣ,
дакѣ торгонувѣ, дакѣ руку и вырвавѣ сѣ тулова. Ихѣ нѣскольки у погони было, и
гѣтые узялисѣ ўжо за яго ўсѣ, пляцѣнкой: «мы будземѣ на васѣ жалитца, што вы усѣ
равнѣ, разбойники!» Вячорка ставѣ гѣтыхѣ мужиковѣ просицѣ: «братцы, оставя:
и не кратайця яго и не жалыцѣся, потому — нехай васѣ будзя хоцѣ дзѣсяцѣ чаловѣкѣ,
хоцѣ дватцатѣ, дакѣ енѣ вамѣ хоцѣ руки потрываѣ, хоцѣ ногѣ, — потому, ёнѣ
силеный!» Яны гэтаго послухали и не стали ўжо займацѣ яго, братца за яго. Вячор-
ка говора: «благодарицѣ вамѣ, братцы, што вы послухали гэтаго приказу: намѣ тре-
ба отправлятца у свѣтѣ бѣлый!» Тогда мужики гѣтыя пошли домовѣ, а яны пошли
своей дорогой, куды имѣ треба. На дорози мѣжды самы собой и говоруцѣ: «вотѣ, го-
вора Вячорка на Заранку: хоцѣвѣ ты большимѣ быцѣ, и намѣ цябе слухацѣ, — а якій
сѣ цябе порадоцѣ? Сѣ цябе тольки гѣтакій порадоцѣ, што коли кого попадзѣмѣ на
дорози, дакѣ забицѣ тольки: вотѣ гѣто увесѣ твой порадоцѣ! И вотѣ, насѣ на дорози
забираюцѣ тѣрасѣ цябе! Вѣрно бѣ яны забрала, коли-бѣ я ихѣ не ўпросивѣ, и вѣр-
но бѣ судзилисѣ! Ну, намѣ оставицѣ цябе нельзя, потому, што ты большій сказаѣся,
— намѣ цябе й слухацѣ нельзя: дзѣ нибудзѣ ще такую драчу завядзѣшь — хоцѣ подѣ
арештѣ посадзюцѣ, хоцѣ у вострогѣ, за цябе. А я бѣ хоцѣвѣ, братѣ Заранка, кабѣ
я бывѣ старшимѣ, потому я й такѣ старшій. Я бѣ порадоцѣ повѣвѣ луччѣ за цябе:
свѣтѣ ба пройшовѣ, не зачавѣвѣ ба никѣго, и васѣ ба тѣразѣ мяне ня трогали. Зѣ
жидомѣ ба я бывѣ жидѣ, сѣ паномѣ ба я бывѣ панѣ, зѣ мужикомѣ я бывѣ ба му-
жикѣ, — нихто бѣ до насѣ ниякаго препяства ня мѣвѣ!».. Заранка говора на Повнош-
ника: «ну, становисѣ ты за старшаго!» Повношникѣ говора кѣ братѣмѣ: «я не могу
быцѣ за старшаго, потому я — якѣ вы, такѣ и я за вами ўслѣдѣ: я битца ни сѣ кимѣ
ня буду.» Тогда Заранка говора на Вячорку: «ну, становисѣ сабѣ ужо ты старшимѣ!»
— Вотѣ жа, братцы, кажа Вячорка: мы луччѣ увознаемѣ, хто будзя зѣ насѣ стар-
шій: кидайця стрѣлы удоль дороги! Чѣя страла будзя дальшѣ, тѣй и будзя стар-
шимѣ!.. Заранка кинувѣ стралу удоль дороги упѣрадѣ. Вячорка кажа: ну, братѣ Пов-
ношникѣ, кидай и ты стралу свою! Тѣй кинувѣ. Потомѣ и Вячорка кинувѣ позадѣи
свою. Ну, и пошли. Ишли сутки цѣлныя, найшли Зараньянаго стралу брата. Другія
сутки проходзюцѣ, найшли сярѣдняго брата стралу, Повношнаго. На третѣця прохо-
ходзюцѣ — найшли Вячорковаго. «Вотѣ, братцы: цяперѣ я вамѣ говору: я буду стар-

шій, и вы мяне слухайце; што бы я ни сказавъ, дакъ вы дожны слухаць!» Ну, яны яму и сказуюць: будземъ мы цябе слухаць, куды скажешъ! Ну, и пошли яны дорогой.

Проходзили яны по свѣту такъ, што ужо годы два ци три: нигдѣ ня 'тдыхали, нигдѣ не засѣджавали, ишли да ишли. Потому сыйшли яны на край свѣту, што ужо нема дорог и нѣ, куды йци: штобъ ужо пошовъ, дакъ ба провалился соўсімъ и забився. И коло гэтаго край-свѣту городъ стоиць. «Якій ба то городъ?» И яны пошли обыходзиць коло гэтаго свѣту, што тамъ ужо небо низко кругомъ, а яны пошли коло гэтаго.

Тольки найшли у воднымъ мѣсци кресло золотое, на цапахъ на залѣзныхъ, и яно спущано далеко на низъ. Тогда Вячорка говора: што братцы будземъ дзѣлаць цяперъ? А Заранка говора: пойдземъ мы у гэты городъ—у гэтымъ городзи видзѣвъ я дзѣвокъ пракрасныхъ—и будземъ жацитца! А Вячорка говора: нѣ, братъ, тутъ мы дзѣвокъ сабѣ не найдземъ по нашай сили, а намъ ици садзитца у гэта кресло и спускатца на тэй свѣтъ. И хто мйжда васъ двоухъ пойдзя: или Заранка, или Повношникъ? Яны яму говоруць: ты братъ большій, табѣ будзя больше трудовъ, идзи ты! Ёнъ кажа: «братцы мое, вы мяне тутъ оставиця!» Ня вѣра имъ. «Нехай сабѣ и я ўжо пойду, достану вамъ по дзѣвцы и сабѣ. Коли вы захочеця у гэты городъ ици гуляць, дакъ вы поставця сторожу. Мнѣ, потому, ня звѣстно, ци довго я буду тамъ, ци нѣ. А коли я приду къ гэтому цѣну и гэта сядло поколочу, а васъ ня будзя, дакъ я буду ожидаць довго!» Ну и попрощався енъ зъ гэтыми братами. Енъ у гэта кресло сѣвъ, яны яго и спустили на тэй свѣтъ. Енъ и пошовъ на тымъ свѣдц, куды енъ тамъ хочѣвъ, куды яму норавилося ици.

Ишовъ, ишовъ, приходзя енъ къ дому,—нованый домокъ, и ў гэтымъ доми дзѣвушка у вокошко стучиць: «пожалуйця, Иванъ Вячорковый, погуляць со мной!» Почаму жъ ты узнала, што я Иванъ и Вячорковый? Намъ имя ниякаго ня было!.. Приходзя енъ къ дверамъ, и замкнуты двери замкомъ. Енъ поглядзѣвъ на гэты замокъ и самъ сабѣ думая: няўжѣ у гэтаго замка не расцисну? Икъ узавъ гэты замокъ, дакъ енъ и не спочувся, коли енъ у яго разломився. Енъ самъ сабѣ подумавъ и засмѣявся: «у калѣ я дужъ!» Приходзя у гэты покой. «Здрастуй!»—Здрастуй!—«Ну, хто-жъ цябе тутъ запѣръ на гэты замокъ? Яна отвѣщая яму: цмокъ запѣръ!—«А ци скоро енъ будзя домовъ?»—Будзя домовъ енъ повднемъ.—«Ну, скажи ты мнѣ, дзѣвица, ли подужаю я яго, кабъ мнѣ начатца изъ имъ битца?»—Я не знаю вашія силы—ци вы силны, ци нѣ? А тольки я нараю вамъ: у вынбари ёсць бочки таковыя, што ў ихъ пиво: по правый бокъ што сила прибывае, а по лѣвый—отбывае!.. Енъ пошовъ у вынбаръ и бочки гэтыя перакачивъ съ того боку на гэты а зъ естаго на той, кабъ енъ, значитца, не знавъ. Потомъ вышовъ съ ыбара и вышовъ на ганки на дворъ. И бача, што лациць страла на дворъ, на ганки, и енъ руками своими потхавивъ гэту стралу, и рука яго ня схинулася отъ гэтой стралы: якъ дзержавъ руку, такъ и здержалася. Скорымъ уремямъ и цмокъ гэты налетая на дворъ. «Здрастуй, Иванъ Вячорковъ!»—Здрастуй, проклятая сила, зжй!—«Чого сюды зайшовъ: ци битца, ци миритца?»—Не за то я сюды зайшовъ, кабъ миритца, а надо побитца.—«Ну, дуй токты!»—Твоя зямля, ты й дуй токты! Цмокъ токъ здувъ цыгунный, а Иванъ мѣдный.

Ну и почали битца. И енъ бывъ на трохъ головахъ, цмокъ. Иванъ двѣ головы зрубивъ. Енъ говора: «што, Иванъ Вячорка,—цари, князи воюютца, то ѡтдохъ маюць,—отдыхнѣмъ маленько!»—Ну, нехай сабѣ й отдохнемъ! Тѣй жа цмокъ, якъ только съ току, дыкъ и побѣгъ сабѣ у вынбаръ то пиво пиць, што сила прибываѣ. Значитца, енъ уже стомився. Тожа Иванъ за имъ услѣдъ. Цмокъ ставъ пиць тое пиво, што сила отбываѣ, бо енъ не знавъ того, што бочки перакѡчаны, а Иванъ ставъ пиць лѣпшаго, што сила прибываѣ. Ну, и пошли опяць битца на токъ. Якъ только стали битца, дакъ енъ цмока и збивъ соўсимъ, до-счѣнту, соўсимъ ня можа ничимъ володоваць. Увийшовъ у домъ: ну, я цмока твоего перавѣвъ: ня будзя ў цябе цмока! Жалаешъ со мной ты, дзѣвица?—«Отчаго жъ не жалаю, зъ большимъ удовольствіемъ зъ вами жалаю.» Енъ паперку съ кармана вынявъ, и начавъ яѣ круциць у трубочку. И гѣто ўсѣ, якъ ѣсць, скруцилося у трубочку: и домъ гѣтый и дзѣвушка,—якъ ѣсць усѣ. Уклавъ у карманъ и дальше пошовъ.

Приходзя къ другому дому: другій домъ лучче гѣтаго, и тожъ дзѣвка у вокошко смотрить: «пожалуйца, Иванъ Вячорковъ, погуляць ко мнѣ!»—Почомъ ты знаешъ, што я Иванъ Вячорковъ: намъ имя нѣту!»—Якъ я сказала, дакъ вѣрно такъ будзя, што вы Иванъ Вячорковъ! Енъ приходзя на ганки къ гѣтому дому, и замкнуты двери замкомъ большимъ, такъ сказаць, што пудовъ пяць будзя замокъ. Енъ узавши гѣтый замокъ, цисканувъ, енъ и расписнувся. Приходзя у покой. «Здрастуй!»—Здрастуй! Просимъ погуляць!»—«Гуляць-то, гуляць, да хто цябе замкнувъ тутъ?»—Цмокъ на шасцѣхъ головахъ.—«А ци подѡляю я яго?» Ина говора: не знаю, ци подѡляешъ, ци нѣ, а только я нараю табѣ вотъ што: ѣсць у вынбари бочки съ сильнымъ пивомъ и съ слабымъ. Ты ихъ перадвинь одны на мѣсто другихъ, дакъ ѣнъ якъ напѣтца слабого пива, тогды ты яго можа подѡляешъ. Пошовъ енъ у вынбаръ, перакачивъ бочки съ того боку на гѣтый, а зъ естаго на той, и вышовъ на дворъ и ставъ на ганкахъ. Ажъ скоро и цмокъ тѣй налетая на дворъ. «Здрастуй, Иванъ Вячорковъ!»—Здрастуй, нячистая сила!»—«Чаго ты сюды зайшовъ: ци битца, ци миритца?»—Нечаго ўжо миритца, треба битца.—«Ну, дуй токъ!»—Твоя зямля, ты й дуй!... Цмокъ здувъ токъ мѣднй, и Иванъ мѣднй, и почали битца. Бились, бились, Иванъ чатыри головы зрубивъ. Цмокъ тогды говора: «што, Иванъ Вячорка, цари, князи воюютца, и то ѡтдохъ маюць, отдохнемъ и мы!»—Што жъ, отдохнемъ, то й отдохнемъ! Цмокъ прамо съ току у вынбаръ, и напився того пива, што сила отбываѣ, а Иванъ того, што прибываѣ. Пошли опяць на токъ, стали битца. Енъ цмока и збивъ соўсимъ. Тогды вынявъ паперку и скруцивъ у трубочку гѣтый домъ, усѣ якъ ѣсць.

Пошовъ енъ дальше. Ишовъ, ишовъ, приходзя къ третьяму дому: гѣтый домъ лучче за ўсихъ. Дзѣвка у вокошко яго гукаецъ. Енъ ѡбивъ замокъ, увийшовъ у покой. «Здрастуй!»—Здрастуй!»—«Хто цябе тутъ замкнувъ?»—Цмокъ на дванаццацѣхъ головахъ.—«А ци подѡляю я яго?»—А не знаю, ци подѡляешъ. Коли енъ будзя пиць пиво тое, што сила отбываѣ, а ты тое, што прибываѣ, дыкъ можа!.. Енъ пошовъ у вынбаръ, перакачивъ бочки. У скоромъ уремю прилетая змѣй. Стали яны битца, Иванъ збивъ яму семь головъ. Пошли у вынбаръ, напилися пива: тѣй, што отбываѣ сила, а Иванъ—што прибываѣ. Стали узновъ на токъ, дакъ Иванъ яго сусимъ у землю уво-

гнавъ, а цмокъ яго выше колѣна. Скрутивъ енъ у паперу гѣтый домъ и ўсё якъ ёсьцъ, и пошовъ самъ сабѣ, куды хоцѣвъ.

Приходзя енъ на гѣто мѣсто, бача ёнъ тое кресло, што сюды улазивъ. Енъ за яго ўзявся, поколовичъ—ци ёсьцъ хто на тымъ свѣци, и спочувся, што ёсь ля кресла. Посадзивъ енъ у гѣто кресло одну дзѣвку, и яны понесли гѣто кресло, поцягнули. Выцягнули и опяць спускаюць. Енъ посадзивъ другую. Понесли й другую, поцягнули. Тожа спуслили кресло, енъ и третью посадзивъ. Выцягнули третью. Тыя двѣ былы пригожи, да не такъ-то, а третья здорилася имъ красивѣй усяго свѣту. «Што, братъ, будземъ дзѣлаць? Мы гѣто кресло яму подадимъ, подышемъ сажываъ дзесятокъ али пятнанцаъ, да й пусцимъ: нехай забѣтца! А якъ выпягнемъ самого, дакъ енъ намъ гѣтой дзѣвки не попусца!» Отъ, зрада ужо й ёсь яму! Спуслили кресло. А енъ обдумався. Казавъ бы енъ чувъ гѣто! И уклавъ камушокъ пуды три, повѣриць, ци зрадзюць браты, ци нѣ. Яны поднесли кресло съ камнемъ зъ гѣтымъ сажываъ дзесяць ци пятнанцаъ, да й кинули! Якъ кинули, дакъ и камушокъ разсыпався на мелкія часци, и кресло разбілося, и цапы порвалися тые, што кресло здержали!..

Стоючи, обдумався енъ и заплакавъ: вотъ братъ, якая зрада! Постоявъ, подумаваъ—вѣрно не понясуць ужо—и пошовъ сабѣ. Подыходзя енъ къ дубу—дубъ большій выросъ! И на гѣтымъ дуби на вярху гняздо. И енъ не знавъ, што гѣто гняздо, яму здолку ня видно—високо гѣтый дубъ. «Полѣзу, каа, на дубъ, ци не ўбачу гѣтаго свѣту!» Узлазю на дубъ, тожъ гняздо убачивъ енъ. И тамъ было три дзяцѣнки птушкиныхъ. Найшла хмара крѣпкая, почавъ дожджъ ици крѣпко большій, и енъ гѣтыхъ дзяцѣнковаъ пожалѣвъ: узявъ своей полей накрывъ, кабъ дожджъ не змочивъ ихъ. Прилетая птушка гѣтыхъ дзяцѣей. «Иванъ Вячорка, я цябе зѣмъ! Чаго ты ўзлѣзъ сюды? Я думала, што нхто ня ўзлѣзя сюды, тольки я ўзлячу!» А дзѣци отказуюць: «мамъ, ня ѣжъ яго: енъ насъ сохранивъ отъ крѣпкаго дожджу. Коли бъ енъ насъ не накрывъ, дакъ ба зъ насъ шкуры позлазили!» Тогды гѣта птушка говора: «ну, што жъ, Иванъ Вячорка, за гѣто хочешъ, што ты моихъ дзяцѣей сохранивъ отъ дожджу?»—«Я ня вѣдаю, чимъ цябе назваць? Якая ты птушка?»—«Я птушка такая, што больше мяне нѣту: я птушка-грипъ называюся!»—«Хоцѣвъ ба я цябе просиць, кабъ ты мяне вынесла на тэй свѣтъ?»—«Нямножко я посаджу, обдумаюсь, ци можно вынясиць, ци нѣ?» Обдумавшись, погѣтымъ, отвѣщая: «ступай жа ты, Иванъ Вячоркова, купи двананцаъ паръ воловъ украинскихъ (sic!) и двананцаъ паръ бочакъ, и гѣтыхъ воловъ порѣжъ, и кожи полуши, и говядину на мелкія штуки порѣжъ, и кладзи гѣту говядину у бочки, а шкуры порѣжъ на пасы и чапай бочку за бочкой, гѣтымы пасамы завязуй; и завязуйся самъ близко коло мяне—завязуй мяне за правую ногу, а цябе поясу на тэй свѣтъ. Якъ я буду ляцѣць да голову схину къ табѣ, дакъ ты кидай у ротъ говядину, бо я ня буду силна. Якъ опорожни бочку, дакъ кидай яе назадъ, а къ сабѣ ближе бяри зъ говядзиной!»

Енъ пошовъ, купивъ воловъ, надзѣлавъ пасовъ, наклавъ двананцаъ паръ бочакъ говядзины, почапавъ ихъ на пасы и попривязуваъ ей икъ правой ноѣ. Привязався самъ и поляцѣли. Якъ тольки яна голову схиня, енъ бочку говядзины ей и выбросиць у ротъ! Бочку безъ говядзины доловъ,—подцягувая къ сабѣ другую. И такъ

поперацягувавъ енъ уси бочки, и не стало яму гэтой говядзіны, кабъ грипъ вынась яго на гэтый свѣтъ. Енъ ужо и бача, што гэтый свѣтъ, да отоцяя ня ёвши, даць и не ляціць угору, и книзу опуцаецца. Енъ видзя (3 л. наст. вр.), што гэто яму будзя плохо, енъ съ кармана ножъ вынявъ и отрѣзавъ своё ікры (род. пад.) и кинувъ яму у ротъ. И поляцѣла яна ужо вышай. Тольки-тольки што на гэтый свѣтъ выйци, ну усё-тыки ёсьць хоча,—опяць спускаецца унизъ. Енъ тоды опяць отрѣзавъ ікру зъ другія ноги и ўкинувъ у ротъ. Поляцѣла яна ўгору и вынесла яго на гэтый свѣтъ! «Ну цяперъ, Иванъ Вячорковъ, ты мнѣ поблагодари, а я табѣ поблагодару. Якъ ты мнѣ послуживъ, што сохранивъ дзяцей отъ дожджа, такъ и я табѣ послужила, што вынесла на гэтый свѣтъ. Кабъ не я, дакъ ба ніхто ня вынесъ. И скажи мнѣ: якую говядзіну напослѣдокъ ты мнѣ давъ?» Енъ абдумався—боитца сознатца: уцалѣ яна мяне зѣсьць!—«Ня бойся, сознайся!»—Я бачу тое, што ты ужо ослабѣла, и на гэтый свѣтъ ящо мяне ня вынесла, дакъ я своихъ обѣихъ ікровъ потрѣзавъ и кинувъ табѣ на говядзіну!.. Яна—кархъ! Повылетали ікры зъ рота, и приклеила яна ихъ къ ранамъ, и съ подъ лѣвыя ноги выняла бутылку тожъ зелья, помочила гэтымъ зельемъ тья раны, яны и зрослися, усё рѣвно, казавъ-бы ёнъ ихъ и на рѣзавъ. «Куды хочешъ, Иванъ, иди, а я полячу къ своимъ дзяцёмъ!»

Приходзя енъ у гэтый городъ, который на краю свѣта стоявъ, и надо яму заночуваць. Попросився на ночь у солдата отстановнаго. Солдатъ говора: «нельзя мнѣ цябе ночуваць пусцить за скукой!»—Якая табѣ скука, скажи мнѣ!—«А вотъ якая: якія-то найшлись людзи не наши, и потребовали бязъ мѣры черовики и сподницы: бязъ мѣры не могу шпцъ!»—Тожа, што нибудзь абдумаемъ, можа я помогу што нибудзь: молицеся Богу, ложицеся спаць, нічо́го ня думайця, я гэто дзѣло справлю!... Потомъ ёнъ лёгъ спаць, а енъ вынявъ ісь кармана черовики и сподницы, и на кручокъ повѣсивъ.

Назаўтраго посолщикъ приходзя: «ци ёсь гэто, што казали вамъ?»—А ёсь!.. Ну, узяли сподницы гэты и черовики гэты и понесли. Яна увидзѣла и ўзнала, што гэто імянно яе. «Который мнѣ пошивъ? сыщца!» Пришли къ шавцу. «Гэто не я шивъ, а тэй, што я пусцивъ яго на ночь!» Яны узяли яго и повяли. Енъ попросивъ помыцца и зайшовъ у трахтырь. Якъ помывся, ставъ соўсимъ не такій, якъ бывъ. Приходзя ёнъ къ ёй. Яна говора: во дзѣ мой будзя другъ. А браты говоруць: енъ жа гэтій старій, гэтій некрасивый! Яна кажа: нічо́го, што некрасивъ,—будзя красивъ ли мяне! Пришла къ яму и духнула своимъ духомъ на лицо яго,—дакъ гэто усё злѣзло, што енъ водой дзѣлавъ. Тдъ бывъ пригожъ, а то ще попригожѣвъ! Увознали яго братыци, и спужалися. Тогды енъ: «Здрастуйця, браты моё рѣдныя! Якъ жа вы могли гэто здзѣлаць, што вы мяне бросили да забили? Мяне ніхто не забивъ. Я бѣ отпросився, поклонився ў ноги, и то бѣ мяне отпустили, ня били бѣ мяне!.. Ну, гэтая дзѣвка табѣ, братъ Повношникъ, а гэтая дзѣвка табѣ, Заранка, а гэта мнѣ!»—Пригожѣйшую сабѣ. «Цяперъ пойдземъ гэтою дорогою, которой мы сюды пришли!»

Тожъ и пошли. Прошли вярстовъ пятнанцаць отъ гэтаго городу, енъ у чистое поле зъ дорози зайшовъ гоней двое—трое, и раскадивъ тья трубочки. «Гэтый домъ вотъ, братъ, табѣ!—на Зараннаго,—а мы пойдземъ дальше!» Пошли узновъ, прошли

вярстовъ дзєсѣтокъ, вярстовъ пятнанцацъ, єнъ тамъ ужо сышовъ зъ дороги го-ней зъ двое и раскацивъ сярєдній домокъ.—«Во гѣто табѣ домокъ, братъ Повнош-никъ. Вамъ умѣсѣяхъ жиць нєльзя!» Потымъ то и поставивъ ихъ по дальной часѣи. «Бывай здоровъ! А я пойду къ своему отцу домовъ. Ци єнъ живъ, ци ня живъ, а толькѣ я пойду къ отцу своему!» Пришовъ єнъ домовъ—яны вѣмѣрли. Здѣлавъ єнъ домокъ, раскацивъ, и ставъ на бацьковщинѣ жиць.

С. Чигиринка, быховск. у. Отъ кр. Осипа Иванова, 34-хъ лѣтъ, неграмотнаго.

14. Царь Василь.

Ў нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ-то государствѣ, живъ бывъ царь Василь. И нырадзился у яго наслѣдникъ Василь Васильевичъ. Єнъ такъ не росъ пы годахъ, якъ пы часахъ, и ставъ сильный могущій быгатырь. Черезъ нѣскульки лѣтъ зыхоцѣвъ єнъ чисто поле извѣдыць. Пошовъ єнъ ны стайню, выбравъ сабѣ добраго лошадыя—быгатыря, и спрашуєцѣ у вотца: «Позволь мнѣ чисто поле извѣдыць!»—Нѣ, сынку: ты яцє младъ,—лошадыъ убѣєцъ! Пройшло нѣскульки урємя, спрашуєцѣ єнъ у другій разъ позволенья у вотца. И позволивъ яму оцєцъ. Тоды узѣвъ єнъ мечъ-самосѣчь и щитъ и поѣхавъ у чисто поле. Выѣхавъ єнъ у чисто поле и увидѣвъ лакари (лагеръ). И не ўвознавъ єнъ своего войска, и думывъ єнъ, што гєто якія мухи. Єнъ узѣвъ и пыложивъ чисто ўсє тое войсцо свое: туды ѣдзя, пы правой рудѣ, а оттуль-ѣдзя, по лѣвой. Прѣѣжаєцѣ єнъ тоды домой къ ойцѣ. Оцєцъ спрашуєцѣ: «дѣъ ты, мой дѣтка, бывъ?» А єнъ отказуєцѣ: «выѣхавъ я ў чисто поле, виджу—нѣікія мухи у буткахъ сидѣць, дыкъ я побивъ ихъ—туды ѣдзя, пы правой рудѣ! а оттуль—по лѣвой!» Вышовъ оцєцъ на високій балхонъ, узѣвъ позорную трубу, пысмотрѣвъ у чисто поле и говѣриць: «сынку мой, сынку! Што гєто ты здѣлывъ? Побивъ войсцо мое и свое!...» Было у гєтаго царя три дычарѣ, и говѣрюць яны ойцѣ: «оцєцъ! на што ты пускавъ гєтаго дурня ў чисто поле? Разви гєто быгатырь? Вотъ єсь сильный быгатырь—Василь Полякъ-Войстрый Кувпакъ (колпакъ) на тридзєсѣтомъ царствѣ, на тридзєвѣтой зѣмлици!» Тоды Василь Васильевичъ разсырчавъ на своихъ сѣсцѣрѣ и хопѣвъ ихъ пыѣбиваць. А оцєцъ не позволивъ: «якъ ты можєшь, сынку, убиць дычарєй моихъ, а своихъ сѣсцѣрѣ?» Тоды єнъ говѣриць: «оцєцъ, позволь мнѣ по свѣту пыѣѣжаць и свѣту пывидаць, увидѣциъ Василя Пыляка—Войстраго Кувпака: што єнъ зы быгатырь такій, што мнѣ сѣстры колюць имъ вочи?» А оцєцъ говѣриць: сынку мой, сынку, якъ я табѣ позволю? Я табѣ не позволю: одзинѣ ты ў манє, а я старъ—манє прочіє цари могѣць обидѣциъ!» А єнъ говѣриць: идѣъ я ни буду, а якъ почую, што моего отца забиждаюць прочіє цари, дыкъ я наѣду, стопчу и собью!» Тоды оцєцъ бугусловивъ яго: «Толькѣ, дѣтка мой, дѣтка, не забувай манє: што мое царство, то ѣ твоє!» Єнъ говѣриць: «оцєцъ мой, я цѣбє не забуду!» И узѣвъ єнъ добраго князя-быгатыря, кыбєля, хырта и сыкылѣ, побугусловився у вотца и поѣхавъ у чисто поле, прямо ў свѣтъ.

Прѣѣжаєцѣ єнъ у Василя-Пыляково царство, и видѣциъ—стоиць у яго на при-вязи кобель у кобельни. Василь Васильевичъ говѣриць: кыли мой кобель выгынець

кыбеля изъ кобельни и станецъ ны яго мѣсто, то я Василя Пыляка убью! Кобель выгнывъ и ставъ ны яго мѣсто. Тоды прѣжжаецъ икъ хортovní, а хортъ у хортovní ѣсь муку замѣшаную. «Кыли мой хортъ выгнаницъ яго хырта изъ хортovní и станецъ ны яго мѣсто, то я Василя Пыляка убью!» И хортъ выгнывъ хырта Василя Пыляка и ставъ ны яго мѣсто. Тоды енъ прѣжжаецъ икъ сокольни, а соколъ сядзиць у сокольни. «Кыли мой соколъ выгнаницъ сыкыла изъ сокольни, и сядзиць ны яго мѣсто, то я Василя Пыляка убью!» И соколъ выгнывъ и сѣвъ ны яго мѣсто. Прѣжжаецъ енъ икъ конюшни, ажъ яго лошады стоиць у конюшни и ѣсь яру пшаницу. «Кыли мой лошады выгнаницъ яго изъ конюшни, то я Василя Пыляка-Войстраго Кувпака убью!» Тоды лошады Василя Васильевича выгнывъ лошады Василя Пыляка-Войстраго Кувпака изъ конюшни, и ставъ ѣсь самъ яру пшаницу. Тоды Василь Васильевичъ пошовъ къ Василю Пыляку-Войстроу Кувпаку у палацы, а енъ, быгатырь, спиць трое сутыкъ. Тоды Василь Васильевичъ узавъ свой мечъ быгатырьскій и хоцѣвъ яму зняць гылову. Посли того самъ сабѣ обдумывся: «якій я быгатырь, што я соннаго чловѣка, усё ровно што мёртваго, убью?» Узавъ и лёгъ на другой койцы отдыхаць. Якъ легъ, такъ и ўснувъ быгатырьскимъ сномъ.

Сёстры жъ Василя Васильевича приляцѣли упярѣдъ къ Василю Пыляку-Войстроу Кувпаку и обвясчили яму: «што нашъ братъ, Василь Васильевичъ, хочецъ поспробуваць твоихъ силныхъ плечъ!» А Василь Васильевичъ гетаго не знавъ. Тоды Василь Полякъ-Войстрый Кувпакъ проснувся и глядзиць, што ляжиць енъ на другомъ ложку, и ўзавъ мечъ-самосѣчь и хоцѣвъ зняць Василю Васильевичу гылову; а тоды обдумывся: «што мнѣ ўбиць яго у моимъ доми, якъ зайца ў силъ? Енъ жа, мылодый юношъ, ня ўбивъ мяне соннаго, и я не могу яго ўбиць!» Тоды енъ пошовъ пыглядзѣвъ своего кыбеля, ажъ ляжиць кобель чужій, ды не яго. Тоды енъ пошовъ у хортovní, ажъ чужій хортъ ѣсь съ корытца, ды не яго. Пошовъ енъ къ сокольни,—сядзиць соколъ у сокольни, ды чужій, а не яго. Пошовъ енъ тоды у конюшню, ажъ чужій конь ѣсь яру пшаницу, ды не яго. Уходзиць енъ у палацы, ажны Василь Васильевичъ уставъ. Тоды Василь Полякъ-Войстрый Кувпакъ говориць ны Василя Васильевича: «якій ты разбойникъ ўѣхывъ! А Василь Васильевичъ говориць яму: «я не разбойникъ; а тольки мнѣ за тобой ня можно проѣхыць по свѣту, што ты ўсिमъ у примѣци. Ня тольки кому, дыкъ и дзѣ вушкамъ. Дыкъ я прѣхувъ силныхъ могущихъ плечъ быгатырьскихъ отвѣдыць!» А Василь Полякъ-Войстрый Кувпакъ говориць: «якъ жа ты могъ мойго кыбеля выгнуць съ кобельни?»—А я скизавъ: кыли мой кобель выгнаницъ твоего кыбеля изъ кобельни, то я цябе ўбую!»—«Якъ жа ты могъ выгнуць мойго хырта изъ хортovní?»—А я скизавъ: кыли мой хортъ выгнаницъ твоего хырта изъ хортovní, то я цябе ўбую!»—«Бывъ я ли сокольни, ажны сядзиць соколъ чужій, ды ня мой! Якъ жа ты могъ мойго сыкыла выгнуць?»—А я скизавъ: кыли мой соколъ выгнаницъ твоего сыкыла изъ сокольни, то я цябе ўбую!»—«Тоды я пошовъ у конюшню, ажны чужій конь ѣсь яру пшаницу, ды ня мой. Якъ жа ты могъ мойго кыня выгнуць?»—А я скизавъ: кыли мой лошады выгнаницъ твоего лошады изъ конюшни, то я цябе ўбую. Енъ и выгнывъ. Поѣдземъ-ка ў чисто поле силныхъ могущихъ плечъ узнаваць!». Тоды сыйчасъ пывдали имъ добрыхъ коней быгатырьскихъ къ високому балхону. Сызятца.

яны ны своихъ добрыхъ лошадей, не смотри ни воротъ, ничагò—черезъ зялѣзны тынъ, и выѣхали ў чисто поле. Василя Васильевича конь рядучей рысью ѣдзецъ, а Василя Пыляка—Войстраго Кувпака на ўсю прыць лыпадзину. Разъѣхалися яны ў чистымъ поли, выставили одзинъ къ одному тупымъ концомъ копѣй, и ударили одзинъ одного ў радивыя сертца. Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ звалился съ своего кыня добраго якъ снопъ овсяный! Тоды Василь Васильевичъ спрашываецъ у Василя Пыляка—Войстраго Кувпака: «што табѣ: ци придаць смерци, ци живота?»—Братъ, Василь Васильевичъ! Ня придай смерци, а придай живота,—зашту (зачту) я цябе за большаго брата!.. Тоды Василь Васильевичъ узавъ Василя Пыляка—Войстраго Кувпака за праву руку, пиднявъ яго и пцулѣвалися. И говориць Василь Васильевичъ Василю Пыляку—Войстрому Кувпаку: «будзь ты младшій братъ! Не хвастуй, што ты хвабрый и сильный воинъ, а то я цябе другимъ разомъ убью!» Тоды прѣбжаюць яны у домъ Василя Поляка—Войстраго Кувпака, попили, пугуляли и кладутца отдыхаць. И говориць Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ: «заўтрашній дзень на насъ нячистая сила—баба-юга, зялѣзныя ныга, на стули ѣдзецъ и зялѣзнымъ тувкачомъ пыгоняецъ, нашлець войска!»—Э, братъ Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ! Молися Богу ды ложися спаць: я буду биць, приколачуваць, а ты на бокъ зъ дороги зволачуваць! Тоды яны лягли спаць.

Нызаўтраго устали раненько, умылися бѣленько, вышовъ Василь Васильевичъ на высокій балхонъ и глянувъ на чисто поле,—ажны ўсё равно якъ цѣмный лѣсъ, стоиць войско. «Ну, братъ Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ, умывайся ды бу'емъ ѣсь; наша ўсё поле занято: стоиць ўсё войско чужое, ды не наша!» Тоды уставъ Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ, умывся. Садзятца на своихъ добрыхъ лошадей, узали своё мячи и щиты, и поѣхали ў чисто поле. Сыйчасъ Василь Васильевичъ якъ ѣхувъ, такъ и ставъ биць—бѣецъ, приколачуваецъ, а Василь Полякъ на бокъ зъ дороги зволачуваецъ. Побивъ, сколопивъ Василь Васильевичъ ўсё войско, а Василь Полякъ на бокъ зъ дороги зволовичъ, а сама баба-юга, зялѣзныя ныга, подъ зѣмелле увыйшла.

Прѣбжаюць яны домовъ; попили, пугуляли и кладутца яны спаць. Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ говориць: «сяньни сильная войска была, а заўтри будзецъ двойная!» А Василь Васильевичъ говориць: «Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ, молися Богу, кладзися спаць!» Пымолилися яны Богу и лягли отдыхаць. Нызаўтри Василь Васильевичъ устаецъ пыраныше, узавъ позорну трубу и выходзиць на высокій балхонъ, и видиць енъ, што найшло войска ўдвое больше. Ёнъ тоды говориць: эй, братъ Василь младшій! уставай, а то насъ зыбяруць сонныхъ, кыли мы будземъ поздно спаць! Уставъ Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ, умывся, Богу пымолився, покушали яны и поѣхали ў чисто поле. Василь Васильевичъ бѣецъ, приколачуваецъ, а Василь Полякъ на бокъ зъ дороги зволачуваецъ. Збили, сколопили, на бокъ зъ дороги зволовичи и поѣхали домовъ. Попили, пугуляли, у карты пыйграли, и говориць Василь Васильевичъ меньшуму брату Василю Пыляку—Войстрому Кувпаку: «што гето, кыли ўсякій дзень едыкъ битца намъ? Едыкъ мы съ силы выбѣмся. Ци ня ёсь у цябе камянная стряла?»—Ёсь!—«Ну, говориць старшій братъ Василь Васильевичъ меньшуму брату Василю Пыляку: сыйчасъ закомандый своимъ аквитантамъ, хай приставоць камянну стрялу!» Сыйчасъ была камянна стряла, и приставили яе къ високому балхону. Тоды Василь

Васильевичъ, старшій братъ, и говориць меньшому брату: «ну Василь Полякъ Войстрый Кувнакъ, молися Богу, ложися спаць, заўтри кабъ повутру порапьше уставаць!» Помолились Богу и лягли отдыхаць.

Назаўтри Василь Васильевичъ устаець раненько, мыетца бѣленько, пымолвился Богу, узявъ позорную трубу и выходзиць на высокій балхонъ. Глянувъ у позорную трубу, ажно войськй наслано якъ цѣмная хмара—у сколькои рѣдзей побольше того. Уходзиць ень тоды у домъ и будзиць меньшаго брата, Василя Пыляка: «уставай, братъ, а то пасъ зыбяруць сонныхъ, кыли мы будземъ поздно спаць!» Уставъ Василь Полякъ Войстрый Кувнакъ, умывся, Богу помолившись, посиѣдыли, покушали. Бярець Василь Васильевичъ камянную стрялу, усѣшли яны на добрыхъ своихъ лошадей и поѣхыли ў чисто поле воеваць. Василь Васильевичъ зарядзивиць камянную стрялу,—зыхоцѣвъ ень баба-югу, зялѣзную погу, ўбиць. Якъ ударивъ ень яѣ ў ротъ, дыкъ у низъ выскочило! Войсько-жъ збивъ, скылоцивъ, а Василь Полякъ на бокъ зъ дороги зволовичъ. Тоды говориць Василь Васильевичъ меньшому брату, Василю Пыляку: поѣдземъ глядѣць, откуль войсько выходзиць и куды баба-юга провалилася скрозь донно. Оглядѣли яны, што ёсь пачурка, откуль войсько выходзиць; туды и баба-юга, зялѣзныя ныга, провалилася. Тоды яны поѣхыли у палацы, попили, поѣли, ў карты погуляли. И говориць Василь Васильевичъ меньшому брату, Василю Пыляку—Войстроу Кувнаку, кабъ сыромоци накрѣиць и спиць пасъ такій, кабъ спуститца туды, откуль войсько выходзиць. Тоды Василь Полякъ гукнувъ свойго аквитанта и приказавъ, кабъ сыромоци накроено было и нашито пасовъ, и привезено къ яго царьскому дому. Тоды яны пымолились Богу и лягли спаць.

Назаўтри Василь Васильевичъ, старшій братъ, устаець раненько и будзиць меньшаго брата, Василя Пыляка. Умылись, Богу пымолились, посиѣдыли, и говориць Василь Васильевичъ меньшому брату Василю Пыляку: пойдземъ пашкомъ, а наши добры лошади нехай остаютца, нехай ядуць яру шпаницу! Узали яны сыйчасъ и пошли, а за ими ны коняхъ сыромотный пасъ пывязали къ тѣй патури, откуль войсько выходило и куды баба-юга, зялѣзныя ныга, провалилася. Сыйчасъ и говориць Василь Васильевичъ меньшому брату Василю Пыляку: пылазай туды, откуль войсько выходило и куды баба-юга, зялѣзныя ныга, провалилася! А Василь Полякъ Войстрый Кувнакъ говориць: «Василь Васильевичъ! ты зы мяне силнѣй и вумнѣй, и табѣ пылѣзаць туды и найци, и откуль войсько выходило и куды баба-юга, зялѣзныя ныга, провалилася!» Тоды Василь Васильевичъ пидвизавъ кыля сябе сыромотный пасъ, узявъ мечъ-самосѣтъ и сказавъ Василю Пыляку—Войстроу Кувнаку: «глядзи, братъ, не зрадъ мяне: коли коло́ну (колотну) рѣмнемъ, кабъ вытащили мяне вонъ!»

Спустили тоды Василя Васильевича подъ зѣмельле. Якъ спустився ёнь, дыкъ и пошовъ. Приходзиць ень на крыжовую дорогу: одна ўправо, другая прямо, третья ўлѣво. Ень думавъ, думавъ, якои дорогой ици: «пойду правой дорогой! Кыли по правой сторонѣ пойду, можа правъ я буду!» Идзи, идзи—приходзиць ень къ кузьницы: стоиць кузьница—удоль три варсты, попарѣкъ повторы. Улѣзаець ень у кузьницу, ажно тамъ кывалѣвъ нясчотно! Што разъ стукнець молотомъ объ кувадло, то солдатъ, што стукнець, то солдатъ. Ень у ихъ спрашуваець: хто васъ ставивъ, нячистая сила? А

яны отказуваюць: ня ты насъ поставивъ, ня ты насъ и знимешъ! Тоды енъ узявъ свой мечъ-самосѣчъ, збѣвъ, сколодивъ усихъ чисто, кухню спаливъ и попелъ здувъ.

Пошовъ егъ дорогой тэй самой, ажъ стонць домъ—удоль три вяреты, упыпарѣкъ повторы, а ў тыхъ доми швачки шюць: што разъ кольнець къ сабѣ ды отъ сябе, то солдатъ съ конемъ. Василь Васильевичъ и говориць: хто васъ постновивъ, нячистая сила? А яны кажущъ: ня ты насъ постновивъ, ня ты й знимаць будзешъ! Тоды енъ узявъ, збѣвъ, сколодивъ, посѣкъ, порубивъ, домъ спаливъ и попелъ здувъ.

Узявъ тоды и пошовъ дали тэй самой дорогой. Сколько ўрема йшовъ, и приходзиць—стонць хатка. И тольки тамъ у тэй хатцы одна барышня. Енъ говориць: што ты тутъ одна живешъ? я цябе убью! А яна яму отказуаецъ: я такая самая царевна, якъ и ты, тольки я забранка. Я силъ не маю такихъ, якъ ты. Кыли ты убѣешъ мяне, то и самъ не разживеся. А лучше выбарись у мяне рѣзуму. Ты будзь мой мужъ, а я твоя жана, и навучу я цябе рѣзуму. Тоды сыйчасъ енъ и отказуаецъ: я кажись силенъ и рѣзumenъ. Тоды яна яму говориць: «ты рѣзumenъ и силенъ ны зямли, а не пыдъ зямлѣй: пыдъ зямлѣй нячистая сила рѣзумтѣй цябе!» Ну, пымѣнялись яны тоды персянями. Василь Васильевичъ и кажець: «кыли ты моя жана, дыкъ научи мяне рѣзуму!»—А вотъ пойдземъ мы съ тобой у пыдвалъ: тамъ стыаць вины у бочкахъ. Пы правой сторонѣ стыаць вины, што выпъешъ—пысиляѣшъ и пыразумиѣшъ, а по лѣвой—поплошѣшъ и подурнѣшъ! Тоды пошли яны у подвалъ и перакачили бочки съ правой стыроны на лѣвую, а зъ лѣвой на правую. «Ступай-жа цяперацкы по гэтой по самой дорожы, и сустрѣнешъ ты бабу-югу, зялѣзную ногу, у зялѣзной ступи. И скажешъ ей: здоровъ, бабка! А йна скажешъ: здоровъ, мошельникъ! И станець съ тобой битца. Ты жъ гляди на тое вино, што мы на лѣво перадвинули!»

Пошовъ ёнъ тэй дорогой и сустрѣчаецъ бабу-югу, зялѣзную ногу, у зялѣзной ступи. «Здоровъ, бабка!»—А! здоровъ, мошельникъ. Войскы моѣ побивъ?—«Побивъ, бабка!»—Мяне забиць хоцѣвъ?—«Хоцѣвъ, бабка!»—Кузнецовъ моихъ побивъ?—«Побивъ, бабка!»—Кузю спаливъ?—«Спаливъ, бабка!»—Попелъ здувъ?—«Здувъ, бабка!»—Швальню мою спаливъ?—«Спаливъ, бабка!»—Швачекъ моихъ побивъ?—«Побивъ, бабка!»—И попелъ здувъ?—«Здувъ, бабка!»—Ну, вотъ жа цяперъ табѣ смерць, мошельникъ!—«А нѣ, бабка: якъ удастка!»—Ну, будземъ жа битца!.. Ухапила яна товкачъ и пуссила по Василю Васильевичу, и хоцѣла яго забиць. А енъ пригнувся къ зямлѣ, и товкачъ пералаяцѣвъ. Тоды яна пуссила у яго ступу. И ступа пералаяцѣла. Схопились тоды яны битца, и убивъ енъ яё по пѣвасъ у зямлю; а яна, вядѣмо нячиста сила, дыкъ отживаецъ. Билиси, билиси, тоды йна говѣриць: «цари-короли бьютца, пардонъ маюць, а мы съ тобой удвоихъ. Пойдземъ винца попѣёмъ!» И пошли яны у пыдвалъ. Сыйчасъ яна поѣгла на правую сторону, а яму кажець по лѣвой сторонѣ. Ина жъ думала, што выпѣецъ—посилиѣецъ, а енъ поплошѣецъ, ажкы яна поплошѣла, а енъ посиляѣвъ. Тоды Василь Васильевичъ говориць: «ну, пойдземъ, бабка, битца!»—Пойдземъ, мошельникъ! Ты моѣ войскы побивъ?—«Побивъ, бабка!»—Мяне забиць хоцѣвъ?—«Хоцѣвъ, бабка!»—Кузю спаливъ?—«Спаливъ, бабка!»—Попелъ здувъ?—«Здувъ, бабка!»—Швальню спаливъ?—«Спаливъ, бабка!»—Швачекъ побивъ?—«Побивъ, бабка!»—Попелъ здувъ?—«Здувъ, бабка!»—Ну, пойдземъ, мошельникъ, битца! Бились, бились,

—Василь Васильевичъ збивъ бабу-югу, злѣзную ногу, сключивъ, у землю ѹбивъ. А ина, вядома нячиста сила, отжила и пардону просиць: «ай, Василь Васильевичъ: цари-короли бьютца,—пардонъ маюць. Пойдемъ и мы съ тобой винца попьемъ, пыжаркѹемся!» А Василь Васильевичъ говориць: пойдемъ! И пошли яны у подвалъ: ина на праву сторону, а енъ на лѣву; енъ бывъ силенъ— посилилъ, яна была плоха— яще поплотѣла. Выходюць яны съ пыдвалу и стали битца. Дыкъ Василь Васильевичъ збивъ бабу-югу, злѣзную ногу, сключивъ у попель, и попель здувъ.

Тоды енъ вярнувся къ яе служебцы и говориць: «пойдемъ, супруга моя, на нашъ свѣтъ! Благодаримъ цябе; што ты мяне наѹчила: я сильный, а можа бъ я й гылову положивъ!» Тоды яны сыйчасъ и пошли тѣй самой дорогой, какой енъ ишовъ, къ таковому мѣсту, идзѣ енъ спускався на реманяхъ. Колонувъ енъ за тѣй пась, а тамъ чусовые стояць якъ дзень такъ и ночь, ждуць яго, Василя Васильевича. Тоды енъ говориць: «сидзися у тыхъ раменьня, цябе выпягнуць на тѣй свѣтъ!» А ина кажець: сидзися ты, кабъ не зрадзивъ Василь Полякъ-Войстрый Кувпакъ! А енъ кажець: «енъ поклявся не зрадзиць мяне. А то, борони Бога, ты тутъ останеся, а наскочиць нячистая сила, дыкъ ина цябе забярець!» Тоды яна сѣла, яе и выпягнули. Сыйчасъ, якъ вытащили яе, Василь Полякъ-Войстрый Кувпакъ поглядзѣвъ ны яе, и не хочѣвъ раменьня назадъ спускаць. Яна якъ замѣчила гето, и говориць чусовымъ: «сколько енъ силы положивъ за васъ, сколько кривъ проливъ, а вы ня хочете яго выпягнуць! Я не могу безъ яго жиць!» Дыкъ чусовые спустили раменьня пы яе приказу, и тольки бъ яго сюды выпягнуць, а Василь Полякъ-Войстрый Кувпакъ узавъ мечъ и перасѣкъ раменьня! Василь Васильевичъ звалився подъ зѣмелье и чуць ня ѹбився у смерць. И думыецъ: «што, ежели бъ мяне упярѣдъ выпягнули, то я бъ яе ня кинувъ. А то ина кинула мяне, по 'хвоци, ци пы няволи.»

Пошовъ енъ тоды на рѣстанки, узавъ жулѣячку и ставъ играць, самъ сабѣ жуду разводзиць. Думаецъ сабѣ: какой тутъ доро́гой ищи? И пошовъ енъ сяредней дорогой. Идзи, идзи,—приходзиць енъ къ избушцы. Ажъ коля тѣй избушки засѣяна яра пше́ница. Уходитъ енъ тоды у тую избушку, ажъ тамъ отдыхаецъ старина. «Здрацвуй, старина!»—Здрацвуй, бацькувъ сынъ! Хто ты ёсь?—«А я ёсь Василь Васильевичъ царьскій сынъ!»—Якъ ты ишовъ, яру пше́ницу не пуламавъ?—«А нѣ, старина, цѣла пше́ница,—не пуламавъ. А ци нема чаго, старина, у цябе поѣсь?»—Бари вячерай: вунъ стоиць на столику; молися Богу, кладзися спаць! Василь Васильевичъ повячерявъ, Богу помолився и легъ спаць. Нызаўтри, уставъ раненько, помывъсь бѣленько, помолкися щиренько и кажець: «старина, што гето у васъ волю зямлю поѣли? Чаму ня гоница пасьвиць?»—А, Василь Васильевичъ, гони ихъ, тольки кабъ яру пше́ницу не пуламавъ! Ёнъ узавъ, пуспусивъ воловъ зъ лунцуговъ, ды прямо у яру пше́ницу: воловъ пасецъ, у жулѣячку играецъ. Якъ ляциць нячистая сила, смокъ съ тремя гыловами, сипиць пы змяяному, равецъ пы звяриному: «Што жъ ты, Василь Васильевичъ, пуссивъ воловъ у яру пше́ницу? Ты войскій побивъ?»—Побивъ!—«Кузьню спаливъ?»—Спаливъ!—«Ковалѣвъ побивъ?»—Побивъ!—«Попель здувъ?»—Здувъ!—«Швальню спаливъ?»—Спаливъ!—«Швачекъ побивъ?»—Побивъ!—«Попель здувъ?»—Здувъ!—«Матку забивъ?»—Забивъ!—«Ну, цяперъ я цябе убью!»—Нѣ, якъ удастца!.. Ця-

перъ, яны сыйчасъ стали битца. Бились, бились, тыкъ Василь Васильевичъ збивъ, скылоцивъ проклятаго смока съ тремя гыловами, спаливъ и попелъ здувъ. А головы проклятаго смока звязавъ укучи, и ўскинывъ на йзбушку. А старина говориць: «хто тамъ? Кабъ избушку не зываливъ!»—А нѣ, гето я, старина, надравъ лыкъ зъ лозы ды ўскинывъ на збушку.—«Добро, сынку: што лѣтомъ приспѣешь, то зимой купляць ня будзешъ! Ци загнавъ воловъ?»—Загнавъ!—«Ци пулумавъ яру пшаницу?»—А нѣ, дзядуля, не пулумавъ!—«Ну, садзися, сынокъ, вячэрай, молися Богу, кладзися спаць!» Енъ сѣвъ, пывячэрайъ и легъ спаць.

Нызаўтри повутру уставъ равенько, помывся бѣленько, помолився щиренько, и кажець: «дзядуля, я пыгоню воловъ!»—Гони, кажець, тольки яру пшаницу не пулуй!—«А нѣ, дзядулька, ня бось: цѣла будзецъ!» Сыйчасъ пошовъ, воловъ зъ лунцуговъ спусчивъ, ды ў яру пшаницу: гоняецъ пы пшаницы, ды ў жулеячку йграецъ. А тутъ и ляциць нячистая сила, смокъ съ шасьми гыловами: сипиць пы змяינוму, зарѣвъ пы звяриному: «Што жъ ты, Василь Васильевичъ, пшаничку мою поѣвъ?»—Поѣвъ!—«Кузенку спаливъ?»—Спаливъ!—«Попелъ здувъ?»—Здувъ!—«Кывалѣвъ побивъ?»—Побивъ!—«Швальню спаливъ?»—Спаливъ!—«Попелъ здувъ?»—Здувъ!—«Швачекъ побивъ?»—Побивъ!—«Матку забивъ?»—Забивъ!—«Брата забивъ?»—Забивъ!—«Ну, цяперъ я цябе ўбью!»—Нѣ, якъ удастца!... Якъ стали яны битца! Билиси, билиси, —Василь Васильевичъ яго збивъ, скылоцивъ, голёвы яму звыроцивъ, трушъ яго спаливъ и попелъ здувъ, а голёвы ўсчاپивъ на лычко, и пригнавши воловъ, ўскинывъ на йзбушку, ажъ избушка зыколоцилась. А старина кажець: «хто гето тамъ? Кабъ избушку не зываливъ!»—А нѣ, старина; гето я троху надравъ лычковъ!—«Ну добро, сынку: што лѣтомъ приспѣешь, то зимой купляць ня будзешъ. А воликовъ ци пригнавъ?»—Пригнавъ!—«А яру пшаницу ци не пулумавъ?»—А нѣ, дзядуля, не пулумавъ!—«Ну, добро, сынокъ! Вячэрай ды кладзися спаць! Пывячэрайъ енъ и легъ спаць.

Нызаўтри повутру уставъ равенько, помывся бѣленько, пымолився щиренько и кажець: «дзядуля! я пыгоню воловъ!»—Гони, сынку, тольки не пулуй яры пшаницы, а то и мнѣ и табѣ тоды мѣста ня будзецъ!—«А нѣ, дзядуля, ня бойся!» Пыгнавъ енъ воловъ у яру пшаницу, пасецъ, у жулеячку зантрываецъ. Ажъ ляциць нячистая сила, смокъ зъ дванатцаи гыловами: огонь—полымя зъ ноздѣръ сыпиць, сипиць пы змяינוму, равецъ пы звяриному. «Што ты, нячистая сила, сипишъ пы змяינוму, равешъ пы звяриному?»—Ну, што жъ ты, Василь Васильевичъ, кузенку спаливъ?»—«Спаливъ!»—Кывалѣвъ побивъ?»—«Побивъ?»—«Попелъ здувъ?»—«Здувъ!»—«Швальню спаливъ?»—«Спаливъ!»—«Швачекъ побивъ?»—«Побивъ!»—«Попелъ здувъ?»—«Здувъ!»—«Матку забивъ?»—«Забивъ!»—Двохъ братовъ забивъ?»—«Забивъ!»—Ну, цяперъ я цябе ўбью!»—«Нѣ, якъ удастца!» Якъ стали яны битца! Билиси, билиси—Василь Васильевичъ шесъ голёвъ яму знявъ, а енъ яго по колѣви у зѣмлю ўбивъ. Тоды Василь Васильевичъ говориць: «што жъ ты, нячистая сила? Цари-кыроли бьютца, и то пардонъ маюць, а мы съ тобой удвухъ бѣмся, и пардону не маемъ. У цябе дванатцыць голёвъ, якъ цаповъ, а ў мяне одна головка, яка маковка!..» Пардонъ мѣли, отдыгнули, и якъ стали ўзнавъ битца! Билиси, билиси,—тыкъ Василь Васильевичъ яму три гыловы знявъ, а енъ Василя Васильевича по пѣвасъ у зѣмлю ўбивъ. Помѣвши ўзнавъ

пardonъ, сыйчасъ стали опяць битца. Билися, билися,—Василь Васильевичъ напо-
слѣдыкъ три гыловы знявъ, трупъ спаливъ, головы на лычко почапавъ, воловъ у сто-
долу загнавъ и голѡвы на 'збушку ускынувъ, ажъ столя увогнулася! А старина якъ
закричиць: «хто тамъ избушку ломаецъ?»—Ня бось, старина: гето я лычковъ надравъ.
—«Ну добро, сынокъ; што лѣтомъ приспѣшъ, то зимой купляць ня будзешъ. А во-
ловъ загнавъ?»—Загнавъ, дзядуля!—«А пшаница ци цѣла?»—Нѣ, дзядуля: я ўже
ўсю пшаничку збивъ, стоптавъ и проклятыхъ смоковъ усихъ трѣхъ забивъ, и матку.
—«Ну, дзятка: мнѣ ўже тутъ вѣкъ вѣкываць, а ты идзи гетый дорогой, и тамъ
стоиць дубъ на дванатцыць суковъ, и къ тымъ сукомъ прикована жаръ-пница. Ты
сорви тѣй дубъ и ўси лунцуги порви, и тоды жаръ-пница цябе вывезецъ на тѣй свѣтъ!»

Тоды пыблагодаривъ енъ тѣй старинѣ: «живи, кажець, зъ Богомъ тутыцька, а я
пойду жаръ-пницу шукаць!» И пошовъ енъ тѣй самой доро́гой прямѣй. Скоро кажетца,
ня скоро дзѣтца. Ишовъ ёнъ, ишовъ, и пришовъ къ дубу; и видзиць енъ, сядзиць
жаръ-пница на дуби, на дванатцыци сукахъ, прикована на дванатцыци лунцугахъ.
Ёнъ сыйчасъ сырвавъ тые лунцуги и спустивъ жаръ-пницу. И говориць яму жаръ-
пница: «ай, Василь Васильевичъ, што табѣ на́добѣ за ўслугу?»—А звязи мяне на
нашъ свѣтъ!—«Я й сама рада на свой свѣтъ вярнутца! Садзися лягенько, дзяржися
кряпёнько, пыляцимъ. А куды жъ цябе везць?»—А вязи къ Василю Пыляку-Войстро-
му Кувпаку!—«А я й сама у яго садзи родзилася!» Сыйчасъ енъ усѣвъ ны яе ля-
генько и дзяржитца кряпёнько. Яна тоды якъ стала пыдыматца,—пыдымалася, пыды-
малася и выязла на гетый свѣтъ. Привозиць у Василя Пыляка-Войстраго Кувпака
царство и спрашнѣць: «ци видзишь Василя Поляка-Войстраго Кувпака царство?»—
Видзѣць виджу, ды далёко! Яна тоды якъ ляцѣць, дыкъ ляцѣць, пыдляцѣла ближе
и ўзнава спрашнѣць у яго: «ци видзишь ты Василя Пыляка царство?»—Виджу, што
соўсимъ близко! И стала яна опускацца. Покуль спустилася, дыкъ яна увезла яго у
садъ Василя Пыляка-Войстраго Кувпака. «Ну, ляци ты сабѣ зъ Богомъ! Ну, а ку-
ды жъ мнѣ ици? Пойду Василя Пыляка-Войстраго Кувпака убью и жану отбяру!»

И сѣвъ енъ пыдъ ягрыстомъ, и видзиць, што яго жана идзець зъ Василемъ Пы-
лякомъ-Войстрымъ Кувпакомъ прохаджыватца. Тоды енъ сядзиць, сядзиць тамъ и слу-
хыецъ, якія яны рѣчи будуць гыворыць. Проходзюць яны коля яго, и кажець яна
Василю Пыляку-Войстроу Кувпаку: «за што ты яго, неборака, убивъ? Енъ сколько
тудовъ, силы пыложивъ! Усю нячистую силу йзбивъ! Ци ёнъ то погібѣ, ци живый?
Кабъ енъ дыгадався ды лѣвой дорогой пойшовъ! Ёсь тамъ на лѣвой доро́зи гора, а
ў тѣй горѣ стоиць быгатырьская лошадзь тритцыць три лѣты. Вотъ бы тая лошадзь
яго выязла!»

Тоды Василь Васильевичъ, слыша геты рѣчи, зыхоцѣвъ дыстаць кыня. Посидзѣвъ
енъ тамъ, покуль яны пройшли, и пошовъ ўзнавъ икъ тѣй ями. Звязавъ тамъ ра-
меньня и спустився на тѣй свѣтъ. Приходзиць енъ икъ ростанькамъ, идзѣ три идзець
дороги: одна ўправо, другая прямо, а третья ўлѣво,—и пошовъ енъ по лѣвой до-
ро́зи. Ишовъ, ишовъ, и приходзиць енъ къ горѣ. Приложивъ енъ къ сырѣй зямли
вуху,—ажны лошадзь ржець тамъ, ажъ земля-маць трясётца! Тоды енъ понавъ нѣй-
дзи лопатку, и давай кыпаць горѣ. Раскопавъ склепъ, разломавъ двери, И лошадзь

яму дужо обрадовався, и говориць: «ахъ, Василь Васильевичъ! Пусци мяне ў чисто поле пыкататца, шавковой травы подѣсь и крынишныхъ водъ напитца!» Тоды енъ пусцивъ кыня, а конь призабавився. Василь Васильевичъ зыплакывъ и говориць: «обманивъ мяне добрая лошады! Хто цяперъ мяне на тэй свѣтъ вывезець?» Конь счувъ тое слово, бязиць, ажъ земля маць дрыжиць, и говориць Василю Васильевичу: «чаго ты соскучавъ?»—А якъ жа: хто мяне на тэй свѣтъ вывезець? Я цябе дыставъ, и думывъ, што ты мяне покинывъ сусимъ!—«Нѣ, я цябе во вѣки вѣшныя не покину: я радъ, што по сабѣ сѣдока дождавъ. Ну, садзись лягёнько, дзяржися кряпёнько!» Усёбѣвъ Василь Васильевичъ на лошады лягёнько, и ставъ дзержатца кряпёнько, и спрашэць у коня: «куды мы поѣдземъ?»—А поѣдземъ черезъ синія моря!..

Выѣхали яны на гетый свѣтъ, и ѣдучъ черезъ синія моря. Ажъ идзецъ корабъ. Василь Васильевичъ спрашэць у кыня: якій гето корабъ идзецъ? А конь говориць: идзецъ Настася-прекрасна царевна, и три полки нянекъ, и три полки лялекъ! «Ци ня можно яе дыстаць?»—Чаму ня можно: спуsci свою перчатку ны корабъ, и скажи: подайце мнѣ мою перчатку! Настася-Прекраса вышлецъ свою няньку, а ты скажи: ня мѣешъ ты правила мою перчатку пыдаваць! Довжна Настася-Прекраса мнѣ мою перчатку подаць! Тоды ты яе бяри за рукѹ и садзи на мяне. Да тольки не цалуйся, а то ўтонемъ мы ободвы. У мяне ёсь братъ на тридзеятомъ царствіи, на тридзесатой зѣмлі, у горѣ. Вотъ на тымъ ты могъ бы яе ўзяць и пуцѹловаць и черезъ море проѣхыць. А я такія силы не маю!.. Подѣбжаюць яны къ кораблю, и ўронивъ Василь Васильевичъ свою перчатку, и кричиць: «Настася-Прекраса! Подай мою перчатку!» И ина сыйчасъ зыгадала свою няньку яму перчатку подаць. А ёнъ говориць: «идзи прочъ, довжна мою перчатку сама Настася-Прекраса пыдняць, и ў моѣ бѣлы руки подаць!» Тоды Настася-Прекраса яго перчатку пыдняла и яму ў бѣлы руки пыдала. Якъ тольки яна яму пыдала, сыйчасъ енъ яе схавивъ и на кыня ўссадзивъ, и пуцѹловалися!... Якъ тольки съ кырабля доловъ, дыкъ конь и ўтонувъ. Яе жъ кырабельщики пыдхалили, а конь сусимъ утопився. Василь Васильевичъ и поплывъ.

Плывъ, плывъ, подплываецъ подъ берегъ, и видиць, —ляжиць колпо. Ёнъ тое колпо ўзявъ, ажны гето тростка. Нямножко йна вѣсу—тритцыць пудовъ. Тоды енъ вышовъ, добрый молодець, на берегъ, пересушивъ одзежу и лёгъ отдыхнуць. Отдыхнувши, енъ ўзявъ тростку и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, приходзиць нкъ городу, а тэй городъ увесь у жалоби, увесь чорнымъ сукномъ устлаць. Тоды енъ приходзиць къ ыдному домику, пыставивъ свою тростку коля домику, дыкъ ажно домикъ зыколоцився! Уходиць енъ у тэй домикъ, ажно тамъ старушка. Ёнъ говориць: «здрацвѣй, старушка!»—Здрацвѣй, бацькувъ сынъ!—«Што гето у васъ за жалоба, што увесь городъ застланъ чорнымъ сукномъ?»—Ай, дзицятка: заўтрашній дзень царьскую дочкѹ пывязуюць на снадзёння проклятому смоку!.. Ну, попили, поѣли, Богу помолилися и лягли спаць.

Пызаўтри яны ўстали раненько, умылися бѣленько, ажъ и царьскую дочку пывязли на снадзёніе проклятому смоку. Василь Васильевичъ ўзявъ свой мечъ-самосѣчь и тростку, и пошѣвъ къ синеу морю. А царьская дочъ сидзиць ли моря и сильно плачець. Ёнъ подходзиць къ ёй и спрашэць: чаго, слишная царевна, чаго плачешъ? А ина говориць: чаму мнѣ ня плакыць, кыли я проклятому смоку на снадзёння вы-

в'яз'ена. Сыйчас' прыляцц'і, і мяне прожрець, і цябе со мной. Дык' нехай' луч'че мяне одну прожрець, а ты уходи!..—«Нябось, подавитца! Ня толькі двоих' не прожрець, дык' і цябе одну не прожрець!» Сидзяць, разгаваруюць... Аж' ляцц'і проклятыі смок' по сінему морю: з' ноздз'ёр' огонь-полымя свищець! Прылетаец' ік'т' б'ерегу і гаворыць: садз'ися, с'лишная царевна, ко мн'і на язык': я цябе проглычу! А Василь Васильевич' гаворыць: н'і, выходзі на суходоль, і прожырай мяне пер'ви, тады я! Вышов' ен' на суходоль і гаворыць яму: Василь Васильевич', д'ми пол' станови ток'! А ен' кажець: д'ми ты пер'ви! Смок' як' дунув'—на шес' в'ёрс'т' поле здув'—і б'ереги у мори пызолоц'ив'. А Василь Васильевич' дунув'—на дзев'яць в'ёрс'т' выч'исц'ив' поле, пыставив' ток' і пызолоц'ив' б'ереги! Стали яны битца; б'илися, б'илися, дык' Василь Васильевич' пос'ік' яго, порубив', на 'гни спалив' і попел' здув'.

Распрошався ён' с' царевной, а яна гаворыць: «с'тупай ко мн'і у супружаство: цяпер' пувцарства твое, а посл'и смерци отца ус'і!» А ен' гаворыць: «отборонив' я цябе от' злой смерци—ня спорцив' ничого вашаму царю, а твоему отцу. А ў мяне ў самаг' ёс' царство!» Тоды приходзіць ен' узнов' к' тэй старушцы і гаворыць: «отборонив' я вашу царевну от' проклятаго смока: зб'ив' яго, с'кыл'оц'ив', спалив' і попел' здув'!» Прышла тая царевна к' отцу і гаворыць: «отборонив' мяне чужа-странныі ч'лов'ік', і ня в'іду, хто ён' такіі. І просила я яго у супружаство ко саб'і, дык' ен' с'кызав', што у мяне ёс' свое царство. І сп'росила я ў яго: куды ты цяпер' пойдзеш', і ен' с'кызав': няўж'лі мн'і ня можна у ваш'ім' г'ор'одзі пугу-ляць?» Сыйчас', як' толькі іна разказала отцу г'еты р'іч'и, што тэй ч'лов'ік' ёс' у г'ор'одзі, сыйчас' цар' послав' найці яго. І отказуец' тая старушка, у которой ен' захвап'еровав', што ен' у мяне. Тоды цар' посылаец' за ім' парк'у кон'і. А ен' гаворыць: «што за мной парк'у толькі пр'исл'али? За моім' к'ііком' шасц'ёрку ло-шадз'ей т'реба пр'исл'анц'! А за мной н'іхай' пр'ішл'ец' тых' кон'і і тую кар'ету, што на пер'выі дзень Вялікод'ня їзд'уюць!» Ну, пр'исл'али шасц'ерку за к'ііком', а за ім' сама царевна пр'і'х'ыла у тэй кар'эці, што цар' їзд'иць на Вялікод'не к' об'ід'ні. Стали подним'аць яго тростку, і н'икто не подним'ец'. Тоды уз'яв' ен', сам' узложив' свою тростку, а сам' с'ів' с' царевной. Пр'і'жжаюць яны у цар'с'к'ій дом', і цар' собрав' больш'ій бан'кет', і сам' не знаец', што из' ім' дз'ілыць. І гаворыць яму цар': «идзі к' моёй дочар'і у супружаство: я таб'і даю цяпер' пувцарства, а по смерци ус'і!» А ен' яму отказыец': «у вас' по ўсяму царству нема лошадз'я по мн'і!» Пугулялі, побан'кетували, і отказыец' ен' царю: «я к' вам' пр'іб'уду, не могу ска-заць, ц'и надовго, ц'и н'і, а сам' пойду лошадз'я шукаць!»

Распрошався ен' из' імі, уз'яв' свою тростку і пошов'. Уз'яв' по дарозі ры-дель под' паху і пошов' у н'і'кот'орыя царствы, у н'і'кот'орыя г'осударствы. Прышов' ен' к' тэй г'ор'і, идз'і б'ыв' конь, пр'иклав' к' зямлі правое вухо свое, і чуец', што яго лошадз' іржець, ажно земля маць стогн'иць. Раскопав' ён' г'ор'у, і стоіць лошадз' у ск'лепі, через' трое д'верей замкнута. Тоды ен' д'вери поразломав', замк'и поразб'ивав' і отв'язав' того лошадз'я. І рад' тэй лошадз', што по саб'і с'і'док'а знайш'ов'. Выв'ев' ен' к'ня ў ч'исто поле погуляць, шав'к'овой трав'ы под'і'с'ь і кры-

нишной воды напитца. Пусцивъ яго Василь Васильевичъ, а самъ и соскучавъ. Якъ крикнець молодзеццкимъ посвистомъ быгатырьськимъ покликкомъ, лошады тая бязиць, ажъ земля маць дрыжиць: «Што ты, Василь Васильевичъ, соскучавъ?»—Я думывъ, што ты кинула мяне!—«Я ня кину цябе во вѣки вѣшныя!» Уссывъ енъ на добраго лошады и прѣхывъ енъ у тое царство, идѣ отборонивъ царьскую дочь отъ проклятаго смока. Распрошався енъ зъ ими и поѣхывъ къ отцу къ своему.

Тоды сыйчасъ ѣдзець ёнъ къ синему морю, и говориць енъ коню: «ци ня можемъ мы дыстаць Настасю-Прекрасю у жану мнѣ?» Идзець корабъ, и енъ на корабъ узѣѣжаецъ и ўпусцивъ свою перчатку, и говориць: «Настася-Прекрася, подай мнѣ перчатку!» А Настася-Прекрася сказала няныцы подаць яму перчатку. А енъ говориць: «ня смѣй ты мнѣ мойей перчатки пыдаваць! Довжна Настася-Прекрася сама мнѣ яе подаць!» Ина пришла, перчатку пыдняла и яму ў бѣлы руки пыдала. Сыйчасъ енъ яе за бѣлу руку пыдхвацивъ и ны коня пысадзивъ, и съ кырабля на сине море поѣхывъ. Сине море перѣхывъ, и приходзюць у Василя Пыляка—Войстраго Кувпака царство.

Тольки енъ у яго царство прѣхывъ, якъ два быгатыри ѣдзець проци яго, и хочуць яны яго ўбиць. Гетые быгатыри—два сыны Василя Пыляка—Войстраго Кувпака. Тоды енъ ссадзивъ свою жану, а самъ поѣхывъ къ имъ на сустрѣчу, и якъ ставъ енъ ихъ ссечаць сцелиной, дыкъ енъ чуць ня ўбивъ ихъ. Тоды яны вярнулися къ отцу къ своему, Василю Пыляку—Войстроу Кувпаку, и говорюць: «оцень нашъ родной! Напали мы ны такога ны быгатыря, ны разбойника, што чуць енъ насъ ня ўбивъ!»—Дзѣтки, вѣрно гето вярнувся мой братъ большій! И выгоніць енъ ісь царства нашаго ня тольки васъ, а й мяне!.. А Василь Васильевичъ узывъ жану свою и прѣѣжаецъ у царство Василя Пыляка—Войстраго Кувпака. «Здрасци, мой меньшій братъ!»—Здрасци, мой большій братъ!—«Ну, што жъ, ты хоцѣвъ мяне лугубиць, и жану мою отобравъ у мяне? Я бъ табѣ не просивъ, али дзѣли жаны твоѣ прощаю: ина мяне спасла отъ смерци! Цяперь, идѣ мнѣ отдыхнуць?» А Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ кажець: ёсь у мяне корабъ такій, што якъ ты узыйдзешъ ны яго, ды скажешъ: отъ берегу! Дыкъ енъ отойдзець. А кыли отдыхнешъ, дыкъ скажешъ: къ берегу, корабъ! Дыкъ енъ и приплывець къ берегу.

Узыйшовъ Василь Васильевичъ на корабъ и говориць: отъ берегу, корабъ! Ёнъ и отыйшовся отъ берегу. Пошовъ тоды Василь Васильевичъ ны кораблю ходзиць. Зайшовъ у одну коморку, у другую, у третью, и ў каждой коморцы по тростцы. Прилетаюць на гетый корабъ яго сѣстры; одна у водну, другая у другую коморку, а третьця у третью. Тоды енъ зайшовъ къ большой сястрѣ, выбивъ яе, выбивъ, и руку отломавъ. А ина обярнулася вучочкой и пыляцѣла. Тоды приходзиць енъ у другую коморку, къ сяредней сястрѣ: паривъ, паривъ яе, отломивъ ёй ногу и отправивъ домовъ: обярнулася ина вучочкой и пыляцѣла. Заходзиць у третью коморку къ меньшой сястрѣ. Паривъ, паривъ яе, оторвавъ ёй вуха. Ина обярнулася вучочкой и пыляцѣла домовъ. Тоды енъ кажець: къ берегу, корабъ! Вышовъ, сѣвъ ны коня, узывъ жану и поѣхывъ къ Василю Пыляку—Войстроу Кувпаку. Гулявъ, гулявъ у яго, тоды забравъ у яго войска: три полки музыки, три полки коньницы и три полки пѣшаходзи, и поѣхывъ

у дворъ. Пріѣзжаецъ къ ойцу къ своему. Маць и оцецъ яму силно возрадовались; яны яго якъ съ того свѣту ждали.

Отписавъ оцецъ яму усё своё царство, и ёнъ тамъ царить. И я тамъ бывъ, мѣдъ вино пивъ: пы бородзѣ цыкло, а ў роцѣ ня було.

Дер. Дуброва, островенск. вол. стын. у.

Отъ крест. Василя Цыбуна, 56 лѣтъ, неграмотнаго, записала В. Т. Плещинская.

15. Иванъ сучкинъ сынъ—золотыя пуговицы

Живъ бывъ царь. Ды ня мѣвъ ёнъ дзяцей. И дужо ёнъ объ гетымъ сосмуцывся. Вотъ идзецъ ёнъ разъ по городу и думыецъ: кому послѣ мяне дыстанѣцца мое царствие? Идзецъ старая баба: «объ чимъ ты, царь, такъ задумывся?»—А ўвознай, бабка, объ чимъ я думаю! Подняла баба гылову, пыладзѣла на паря, ды говориць: «ты думешъ объ дзяцей. Ты бяздѣтны, и думешъ, што послѣ сябе некому царствія оставиць!»—Ну, вотъ и поможи гетому горю, бабка!—«Гетому горю помогчи ня трудно. Ёсь у мори рыба съ однимъ вокомъ, съ однимъ бокомъ. Коли яе ўловишъ, ды жаришъ, ды отдаси жонцы—нехай зѣёсь—тоды наро́дзѣцца у цябе сынъ.» *) Пошовъ царь скорѣй домовъ, призвавъ своихъ рыболововъ—у царя, конешня, усякихъ слугъ ня ё́тъ—и приказавъ имъ, кабъ уловили у мори рыбину съ однимъ вокомъ, съ однимъ бокомъ. Узяли рыболовы свои сѣди и пошли къ морю. Разъ закинули сѣтку—я ўловили ничо́го; другі́й закинули—такъ жа само ня ўловили ничо́го; а на третій разъ якъ закинули сѣтку, дыкъ и ўловили рыбину съ однимъ вокомъ, съ однимъ бокомъ. Принесли тую рыбину къ царю. Царь узявъ рыбину и отдавъ кухарцы, кабъ яна яе жарила и подала царицы. Якъ приказано, такъ и здѣлыно. Узяла кухарка рыбину и стала жарить. Жарючи, яна возьми ды й поспытай рыбины. Вѣдомо, кухаръ заўсёгды ранѣй пановъ сытаецъ стравы. Ну, якъ поспытала, такъ и забрюхадѣла. Понясла яна, жаривши, рыбину къ царицы. Тая зѣ́ла—и такъ-жа само забрюхадѣла. Ды была ў царицы у покойхъ сучо́нычка. Царица отдала ёй зѣёсь рыбія

*) *Варіанты:* 1, Живъ такъ сабѣ царъ и царица. И ня было у ихъ дзей. Ня знали яны, хто буди царовать послѣ ихъ у ихнымъ царстві, и ду́жа горавали. Вотъ разъ царъ съ царицай по́хкали у вялікую дорогу. Ъхали, ѣхали—захотѣлося цару ѣсти. Ажъ-во—пріѣзжаецъ къ вѣзару. Бачать—рыболовецъ лова рыбу. Ко́льки ня ловивъ—уловивъ только одну рыбину. Ставъ царъ просить рыболовца, што́бъ продавъ яму е́гую рыбину. А той кажа: бари, только дешавѣй ста карбованцовъ ня 'тдамъ. Разсердився царъ и по́хкавъ далай. Ъхавъ, ѣхавъ, и раздумався: зачѣмъ е́го ёнъ такъ дорого проси за рыбину? Узявъ и пославъ кучара спросити. Той пошовъ, распросивъ и кажа цару: затѣмъ ёнъ дорожився, што е́та рыбина ня проста: што коли яе хто изѣ́сти, дыкъ у того безпирамѣнно будуть дѣти. Возрадовався царъ, вярнувся назадъ и купивъ рыбину... *Гом. у. 2*, Живъ бывъ король зъ жонкой. И ня было у ихъ дзяцей. То́ды яна говориць: идиця и закиньця сѣтку у мори, и ўловиця вокуньца, ня боли тро́хъ хунтовъ. Яны пошли. Закинули разъ—нема ничо́го; дру́гей—такъ-жа само; а за третѣмъ разомъ уловили вокуньца—якъ-разъ три хунты. *Стын. у. 3*, Живъ сабѣ царъ. Ня было у ихъ снновъ. Собравъ царъ чужихъ дзей, и загадавъ имъ сплести брадникъ. Отъ, сплели дѣти брадникъ. Закинули яго на раку и ўловили рыбину. *Рогач. у.*

косточки. Зѣбла сучка—и тая забрюхацѣла. *) Черезъ годъ уси трое родзили по сыну: упѣредѣ родзила сына кѹхарка, тоды родзила сына царица, а затымъ родзила сына и сучка. Царицынъ сынъ пуцѣй за ўсихъ и слабѣй, а сучкинъ сынъ пригожѣй за ўсихъ и кряпчѣй. Ну, и стали яны рещь, уси трое на царьскимъ дворѣ. Растуцъ не по годахъ, ды по часахъ. Черезъ три годы стали яны ужю вяликими, и подзѣлылись сильными богатырями. Ставъ тоды сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы просиць царицыноваго сына, кабъ яго бацька вялѣвъ своимъ ковалямъ здѣлыць яму ляску у дзесяць пудовъ. Якъ ёнъ просивъ, такъ яму и было здѣлыно. Пошли яны тоды утрѣхъ на польгүваньне: царицынъ сынъ и кѹхаркинъ зъ ружжами, а сучкинъ зъ ляской. Пришли къ лѣсу, и змовились, што дзѣ ни ходзиць, дзѣ ни ходзиць, а къ вечару собиратца на гету проталину. Царицынъ сынъ и кѹхаркинъ пошли разомъ, а сучкинъ сынъ остався одзинъ. Якъ тольки тыхъ не стало видно, ёнъ подшибнүвъ свою ляску угорѣ. Покуль яна назадъ узвярнулася, прошло часы два. Подставивъ ёнъ подъ ляску свою ладоню. Яна якъ ляцѣла, ударилася объ ладоню и разсыпалась на мелкія крошачки. Стало примяркаць, и собралися ўси на гету проталину. Сучкинъ сынъ и ставъ жалитца: «вотъ, кажець, скувавъ мнѣ царь ляску! Ляцѣвъ веробей; я кинүвъ, кабъ яго забиць, а ляска якъ ляцѣла назадъ, дыкъ ударилася объ гетую травинку и разбилась. Такъ я сяньни и не забивъ ничо́го!» И ставъ ёнъ просиць царицынаго сына, кабъ яго бацька сказавъ ковалямъ своимъ здѣлыць ляску у дватцаць пяць пудовъ. Якъ было сказано, такъ было й здѣлыно. Пошли яны тоды зновъ у той лѣсъ, и змовились такъ жа само, якъ у першій разъ: дзѣ ни ходзиць, дзѣ ни ходзиць, а къ вечару собиратца на гету проталинку. Царицынъ жа сынъ и кѹхаркинъ пошли изнова удво́хъ, а сучкинъ сынъ остався одзинъ. Якъ тольки тыхъ не стало видно, ёнъ ишибнүвъ свою ляску угорѣ. Покуль яна назадъ узвярнулася, ёнъ ждавъ чатыре часы. Наставивъ ёнъ подъ яё колѣно, яна якъ ударилася объ колѣно—и разбилась на крошачки. Ставъ ёнъ тоды ждаць вечара. Стало смеркатца, стали ўси на проталинку собиратца. Сучкинъ сынъ изнова начавъ жалитца: «якую гето ляску искувавъ мнѣ царь! Кинүвъ я яё у ворону, ляцѣла яна назадъ, ударилася объ гетый сукъ—и разсыпалась! Такъ я й не забивъ ничо́го!» И ставъ изнова просиць царицынаго сына, кабъ яго бацька вялѣвъ своимъ ковалямъ скуваць ляску ў пяцѣдзесяць пудовъ, ды кабъ и вызлачана была. Рызказавъ царицынъ сынъ бацьку, якъ усё было. Пошовъ царь самъ у кузьню: ну, коли вы цяперъ ня здѣлыце ляски у пяцѣдзесяць пудовъ, ня вызлацице, ды коли яна рызобѣтца—дыкъ мой мечъ, а вамъ гылова съ плечъ! Здѣлыли ковали ляску и вызлацили. Узявъ яё сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы, и пошли изнова на польгүваньне. Пришли къ тому самому лѣсу, на тую самую на проталинку; и змовились такъ, якъ и ў першіе разы: дзѣ ни ходзиць, дзѣ ни плятца, а къ вечару собиратца на гету проталинку, кабъ домовъ ипи разомъ. Царицынъ жа сынъ и кѹхаркинъ пошли удво́хъ, а сучкинъ сынъ остався одзинъ. Якъ тольки тыхъ не стало видно, ёнъ ишибнүвъ свою ляску угорѣ. Покуль яна назадъ узвярнулася, ёнъ ждавъ шесь часовъ. Наставивъ ёнъ ладоню—ляска ударилася и отскочила. Шибнүвъ ёнъ яё яцо

*) Вар „Узяли слуги рыбину на кухню и зжарили, а шалуху выкинули на дворъ. Ходзила по двору кобыла и зѣбла гету шалуху...“ Сучкинъ сынъ замѣненъ кобылинымъ сыномъ.

кряпчѣй: покуль узварнулась, прошло дванатцѣ часовъ. Наставивъ подъ ляску колѣну—яна ўдарилась и отскочила. Шибнувъ ёнъ тоды яе съ усѣе силы, а самъ лёгъ. Выспавшись, уставъ и наставивъ подъ ляску лысину. Яна ударилась и отскочила, только трешку согнулась. Вотъ ёнъ съ тою ляской пошовъ у лѣсъ; и кого ни ўбачиць—ци звѣря, ци пщцу—забѣець безпретѣнно: трѣба только ляску угорѣ подшибнуць. Набивъ ёнъ такъ много и звяровъ, и пщцѣ. Вышовъ на проталинку, обклався вовками, медзѣвѣдзями, лисицами, зайцами, лосями, орлами, ястребами, разными—разными пщцами и звярьми, и ляжиць самъ пысарѣдъ ихъ. Стало смеркатца, стали ўси на проталинку собиратца. Пришли парицѣнъ и кухаркинъ сынъ, и низдзѣвились, што ў яго такъ много звярины.

Ну, прошло ци много, ци нѣ,—стали яны проситца у царя, кабъ пусдивъ ихъ оглѣдзиць своё царствіе. Царъ ставъ ихъ отгывариваць: «куды вы пойдзеце, вы ще молоды!»—Объ гето ты ня тужись, што мы молоды, только бласлови насъ!.. Дѣлыць нечаго: бласловивъ ихъ царъ, давъ каждому по коню, по харту, по мечу—кладенцу. Вотъ яны и поѣхали. Ъхали, ѣхали, ѣхали, ѣхали—и прѣѣхали у такей спенѣ, што только й видно небо ды земля. Тоды парицѣнъ сынъ и кухаркинъ говоруць: «вотъ, мы ѣдземъ, а ночуваць дзѣ будземъ?» А сучкинъ сынъ говориць: «вотъ, братцы! ня ўсѣ жъ подорожные у хаци ночуюць. Вотъ прйдзетца и намъ такъ ночуваць, коли не знайдземъ якэй хацѣнкі!» Проѣхали ящо трешку, ажны стоиць домъ на три вяццы. Увійшли яны туды, пыглядзѣли—покои чисты, ли ночлега мѣсто ёсь. Тоды сучкинъ сынъ и говориць: «ну, вы тутъ зготуйце обѣдыць, а я пойду оглѣджу мѣсто, яковѣ яно!» И пошовъ. Пройшовъ трешку, видзиць быстру рѣку, *) а на рѣцѣ калиновый мостъ. Яго мосцили начистая сила. Дяволы у полночь приходили у тэй домъ и прожирали людзей. Усѣ гето сучкинъ сынъ и ўвознаѣ. Варнувся ёнъ у домъ. Тые браты обѣдъ зготовили. Побѣдали. Ажъ вѣ и вечаръ. Сучкинъ сынъ и говориць: «ну, братцы, некоторому изъ насъ прйдзетца сѣночи ици на калиновый мостъ калавуриць!» Кинули яны жѣраби: первый жѣрабъ достався парицѣному сыну. Сучкинъ сынъ яму и говориць: «глядзи-жъ, ходзи ли калиныва моста, ды ня спи. А то самъ сабѣ и намъ бяду наспишь!» Пошовъ парицѣнъ сынъ къ мосту; ходзивъ, ходзивъ—якъ только подъ полночь—спавъ захоцѣвъ; мечъ подъ головы, и заснувъ. А сучкинъ сынъ сидзѣвъ, сидзѣвъ дома, ды думаецъ: дай-ка пойду пыляджу, ци на спиць ёнъ? Узавъ ляску и пошовъ. Приходзиць къ мосту, а ёнъ спиць. Ну, сучкинъ сынъ самъ ставъ ли калиныва моста. У самую полночь прилетаецъ триглавыи змѣй: «хто тутъ?»—Я Иванъ—зылотѣя пуговицы!—«Што-жъ ты, Иванъ—зылотѣя пуговицы, на чужую сторонѣ своё косыци занеся?»—А ўвидзимъ: ци я своё косыци принесъ, ци ты головы своё зложишь!»—«Ахъ ты якей дерзкій! Мы сколько годовъ жили, никто зъ нами ня грубивъ, только ты такей знашовся. Дми-ка токъ!»—«Ахъ ты, начистая сила! у цябе три рылы, а ў мяне одно: ты дми!.. Змѣй якъ дунувъ—дзѣ были имхи, болѣты, оржавиньни, потопы—стало гладко, якъ яйцо, на три варсты. Сучкинъ сынъ

*) *Въ с. Замочкѣ вар.*: Остановились у огняной рѣчки, у калиноваго моста. Змѣй говоритъ своимъ собакамъ и птицамъ: «што вы такъ беспокойны? Чаго, песьсее мясо, брешеця, чаго, ястребиное перье, кричица?»

—зылотэя пуговицы якъ дунувъ—усё пызолочивъ, бережки пызаворочивъ и на битву ставъ. Стали яны битца. *) Билиси, билиси—Сучкинъ сынъ змѣю двѣ гыловы збивъ, а змѣй яго по заборосни ў зямлю увогнавъ. Сучкинъ сынъ якъ замахнецъ ляской—последнюю гылову збивъ; Уси головы на осинивыхъ дровахъ спаливъ, а попялъ на быстру рѣчку пусчивъ. **) Самъ варнувся домовъ, узбудзивъ кухаркиного сына, сказавъ яму, кабъ готовавъ обѣдъ, а самъ лёгъ спаць. Ураньни приходзиць царичынъ сынъ. Сучкинъ сынъ уставъ и пытаецъ: «ну, што, ци ня чувъ чаго, ци ня бывъ якей шумъ и крикъ?»—Нѣ, ничо́го ня чувъ: никто ня йшовъ, ня тхивъ—усё было спокойно!.. Зготовався обѣдъ: сѣли яны, побѣдали, и стали вечара дожидатца. Увечари сучкинъ сынъ и кухаркинъ кинули жераби—жерабъ выпавъ кухаркиному сыну. «Глядзи-жъ, кажець Сучкинъ сынъ: ня спи, а то и самъ сабѣ и намъ бяду наспишъ!» Пошовъ ёнъ къ калинову мосту; ходзивъ, ходзивъ, а якъ подъ полночь—спаць захоцѣвъ. Узавъ, мечъ подъ головы подклавъ и заснувъ крѣпкимъ сномъ. Сучкинъ сынъ ўзнава пошовъ къ калинову мосту—што дзѣлыецъ калавурный? Пришовъ, а ёнъ спить. Ставъ ёнъ самъ калавуриць. Ходзивъ, ходзивъ, у самую полночь ляциць шасциглавый змѣй. «Хто тутъ?»—Я, Иванъ—зылотэя пуговицы!—«Што-жъ ты, Иванъ—зылотэя пуговицы, на чужую сторонѣ своё косыци принёсъ?»—А вотъ, помѣряемся: ци я косыци принёсъ, ци ты головы зложишъ!»—«Ды што мнѣ съ тобой мѣратца: посаджу на руку, другой ударю—и здзѣлыю мяккй блинъ, ды зѣмъ!»—Ну, а можа й подависься!»—«Дми ток!» кричиць змѣй.—У цябе шесъ рылъ, нячистая сила, а ў мяне одно: ты и дми!.. Змѣй якъ дунувъ—дзѣ были имхи, болоты, оржава, потоны—стало гладко, якъ яйцо, на цѣлыхъ шесъ вѣрстѣ. Дунувъ тоды Сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы—усё чисто пызолочивъ, бережки пызаворочивъ, и на битву ставъ. Схвацилиси битца. Билиси, билиси—Сучкинъ сынъ збивъ змѣю три гыловы, а змѣй яго по колѣны ў зямлю увогнавъ. Тоды Сучкинъ сынъ говориць: «поладзи, вунъ жонка йдзець ды сквыриць!» Отвярнувся змѣй, а Иванъ якъ свиснецъ—ще двѣ гыловы збивъ. Змѣй тоды говориць: «слухай, Сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы: цари, кыроли бьютца, а й то отдыхъ мѣюць; а мы сколько бѣмся и ня тдыхаемъ?» А Иванъ говориць: «цари, кыроли на коняхъ зѣзжаютца, а насъ съ тобой чортъ знёсь!» Ды якъ свиснецъ ляской—последнюю голову збивъ! Убивши змѣя, ёнъ пособравъ головы ды на осинивыхъ дровахъ поपालивъ, а попялъ на быстру рѣчку пусчивъ. Тоды пошовъ домовъ, узбудзивъ царичыного сына: «топи-тку ты печь, а я трошку отдыхну!» Ёнъ лёгъ спаць, а царичынъ сынъ усяго наваривъ, нажаривъ. Якъ ставъ дзень, приходзиць калавурный домовъ. Иванъ уставъ и пытаецъ: «ну, што, ци ня чувъ чаго, ци ня бывъ якей шумъ и крикъ?»—Нѣ, ня чувъ ничо́го; ня было ниякого шуму, усё было спокойно!.. Ну, сѣли яны, побѣдали, и стали ждаць вечара. Увечари приходзитъ

*) Встрѣча съ змѣемъ разсказывается и такъ: Подтѣхавъ змѣй съ того боку къ мосту и спрашуя: „кто тутъ ё?“—Иванъ Кристофоръ. А ты кто?—„А я змѣй трохголовый. Ну што ты пришовъ битца ай миритца?“—Нѣ, нячистая сила, я пришовъ на миритца, а битца.—„Ну, пераходъ ко мнѣ!“—Нѣ, нячистая сила: ты на конѣ, ты пераходи!.. Только змѣй узтѣхавъ на мость, мость увогнувся и вода поняла по косточки коню. Пераѣхавши, стали битца. (У шестиглаваго змѣя вода поняла мость коню по колѣно, а у двѣнадцатиглаваго—по пузо.)

**) Трупъ на ковалки порубавъ и у рѣчку покидавъ, а головы и коня подъ мость сховавъ.

па ици на калиновый мостъ Сучкину сыну. Собрався ёнъ ици, и кажеть братамъ: «ну, братцы, вотъ я иду, а вы ня спице усю ночь, а то мнѣ будзець дужо трудно!» —Якъ жа-жъ мы будземъ вѣдѣць, што табѣ трудно?—«А я дамъ вамъ знакъ вотъ якѣй: у столѣ утку ножъ, а на столѣ пыставлю стаканъ зъ водою. Якъ только канецъ кровъ изъ ножика ў стаканъ, дыкъ вы убирайцесь и їдзѣце ко мнѣ якъ можно скорѣй!» Здѣлавши такъ, Сучкинъ сынъ пошовъ на калиновъ мостъ. А браты засѣли у карты йграць. Игнали, йгнали—якъ только подъ полночь, спаць захоцѣли. Яны ящѣ пойгнали, и заснули крѣпкимъ сномъ. А Сучкинъ сынъ ходзиць ли калинова моста. У самую полночь прилетаецъ дванатцыглавыи змѣй. *)—«Ну, што, Сучкинъ сынъ—зылѣтѣя пуговицы, на чужую сторону свое косьци принесть? Будзець мнѣ чимъ побѣдаць!»—Пыгодзи, начистая сила: ще можа ўдависься!»—«Ды нѣ, я табѣ ня здамъ! Ты думаешъ, што братовъ моихъ забивъ, дыкъ и мяне забѣешь? Нѣ, вотъ я цябе сичасъ убью!»—Ну, што-жъ? Давай помѣряемся!»—«Дми токъ!» кричиць змѣй. —У цябе дванатцыць рыль, а ў мяне одно: ты и дми!.. Тоды змѣй якъ дунувъ—дзѣ были имхи, болоты, оржавы, потопы,—стало гладко, якъ яйцо, на дванатцыць вѣрстѣ. Сучкинъ сынъ якъ дунувъ—усѣ пызолоцивъ, бережки пызавороцивъ и на битву ставъ. Схвапилиси битца. Билиси, билиси.... Иванъ збивъ три гыловы змѣю, а змѣй яго по косточки ў зямлю увогнавъ. Тоды змѣй говѣриць: «цари, кыроли бѣютца, а й то отдыхъ мѣюць, а мы сколько бѣмся, а не отдыхаемъ?»—Цари, кыроли на коняхъ зѣѣжаютца, а насъ съ тобой чортъ знѣсь!.. Ды якъ свиснецъ—збивъ ящѣ три гыловы, а змѣй яго по колѣны у зямлю ўбивъ. Тоды Сучкинъ сынъ говѣриць: «поладзи-тѣа, вунъ жонка твоя їдзѣць и сквыриць!» Змѣй обявнвсь, а Сучкинъ сынъ схавивъ шапку ды якъ пусциць у хату, дзѣ спали яго браты—крышу ўсю збивъ, а товариши спяць. А кровъ изъ стакана чѣрезъ полилѣсь на столъ. Стали ўзновъ битца. Билиси, билиси... Змѣй кажеть: «дай отдохнуць, якъ волосу згорѣць!»—Ну, отдыхай!.. Покуль змѣй вырвавъ волосъ ды спаливъ, дыкъ Иванъ знявъ сапогъ зъ ноги и пусцивъ у хату—такъ верхній вянецъ и збивъ. А товариши спяць... Стали узновъ битца. У змѣя, покуль ёнъ отдыхавъ, силы убывло, а у Сучкиного сына прибыло. Билиси, билиси... Збивъ Иванъ змѣю ящѣ три гыловы, а змѣй яго по повясь у зямлю ўбивъ. «Стои! кричиць змѣй: дай отдохнуць, якъ соломинкѣ згорѣць!»—Ну, отдыхай! Покуль соломинка горѣла, Иванъ знявъ другѣй сапогъ, ды якъ пусциць у хату—ўсю хату зарывъ сапогомъ. Прочхнулиси браты, бачуць кровъ чѣрезъ бязиць! Сѣли скорѣй на конѣй и поѣхали. Приѣзжаюць и къ [калинову мосту—а змѣй яго по шю у зямлю ўбивъ, а ёнъ змѣю дзесаць головъ отсѣкъ. Ну, браты якъ наскѣчили, отсѣкли и послѣднія головы. Убивши змѣя, выцягнули яны Иваньку изъ зямли. Ёнъ дужо разсердзился на ихъ; коцѣвъ ихъ забиць. Стали яны тоды проситца у яго. Ёнъ змиловавъ и просивъ. Собрали яны ўси головы, спалили на осинovýchъ дровахъ, а попяль на быстру рѣчку пуспили **) Вотъ, ставъ тоды Сучкинъ сынъ разсказываць: «Якъ

*) Вар. девятиглавыи. **) Вар. записан. въ м. *Обучь* сѣлк. у.: Въ первую ночь ѣхала сестра змѣя, во вторую—тетка, въ третью змѣй трехголовый. Съ ними кони, псы и соколы. У моста кони зарзали, псы завыли, соколы заѣли. Сестра, тетка и змѣй спрашиваютъ: „кони, моѣ дорогіе, кого вы слышали, кого вы завидѣли? Псы моѣ дорогіе, кого вы слышали, кого вы

ходивъ першую ночь царицынъ сынъ, дыкъ ёнъ заснувъ, а я пришовъ и бывъ на калавурѣ, и ўбивъ триглавыго змѣя. Якъ ходивъ на другой ноцѣ кухаркинъ сынъ, и ёнъ заснувъ. А я пришовъ и бывъ на калавурѣ, и ўбивъ шасциглавыго змѣя. И ўсё гето вамъ ня ўзвѣщавъ. И вотъ, якъ на мойй чередзъ приляцѣвъ самый старшій братъ ихъ, я и запресивъ вамъ *не спать*.» Пошли яны къ хацѣ, а Сучкинъ сынъ и говориць: «дѣбро! мы змяѣвъ убили, а ёсь жа нѣйдзи ихныя жонки. Яны насъ мо-
гутъ ящѣ загубиць! Идзице-тку вы сыстановице хату такъ, якъ яна была, а я пойду разыщу ихныхъ жонокъ!» Тые пошли къ хацѣ, а Сучкинъ сынъ сѣвъ ны коня и по-
ѣхавъ. Ъхавъ, ѣхавъ, видиць—хатка. Ёнъ съ кыня злѣзъ, кыня поставивъ водали,
а самъ коцикомъ обрависъ, подѣ вокошко подкачивсѣ, ставъ кавкыць. Вышла къ
яму баба; вышла, узяла яго на рѣки и понясла у хату. Принясла и говориць: «ко-
цичакъ-котокъ, сѣренъкій лобокъ! ци ня знаешъ ты, ци ня вѣднешъ Сучкиного сына,
разбойника? Ёнъ мойго мужа забивъ. Кабъ я знала, куды ёнъ пойдзець, али куды
поѣдзець, обярнулася бъ я зялёнымъ лугомъ, и на тымъ ба луку стояла кыроваць.
Якъ бы ўзѣхавъ ёнъ на гетый лугъ, яму бъ зыхоцѣлося спать, такъ што ёнъ ва-
лився-бъ съ коня. Ну, якъ бы ёнъ лѣгъ на гетую кыроваць, вѣкъ ба енъ не проч-
хнувся...» Коцикъ прыгъ у окно—и высочивъ. Тоды яна говориць: «охъ, головка
бѣдная! мусиць, гето енъ бывъ, увознавъ про свою напасць. Ничѣго жъ я яму цяперъ
ня здѣлѣю!» А Сучкинъ сынъ пришовъ къ коню, сѣвъ на яго и поѣхавъ дали. Ъхавъ,
ѣхавъ енъ, видиць опяць хатку. Поставивъ енъ кыня, самъ коцикомъ обрависъ, подѣ
вокошко подкачивсѣ, ставъ кавкыць. Вышла къ яму баба, узяла яго на руки, поняс-
ла ў хату. Принясла и говориць: «коцичакъ котокъ, сѣренъкій лобокъ! ци ня чувъ
ты, ци ня видѣвъ, идзѣ тѣй разбойникъ Сучкинъ сынъ? Енъ мойго мужа забивъ.
Кабъ я знала, куды ёнъ пойдзець, али поѣдзець—обярнулася бъ я зялёнымъ садомъ,
у тымъ садзи была бъ яблыня съ зылотыми яблыками. Якъ бы прѣѣхавъ енъ къ тому
саду, *такъ* бы захоцѣвъ енъ яблыкъ. Ну, якъ бы поспытавъ енъ яблыкъ, тутъ бы
ўмѣръ!» Коцикъ прыгъ у окно—и ўцѣкъ. Яна й говориць: «головка бѣдная! мусиць,
гето самъ енъ бывъ, и ўсё увознавъ. Цяперъ ничѣго я яму ня здѣлѣю!» А Сучкинъ
сынъ пришовъ къ коню, сѣвъ на яго и поѣхавъ. Ъхавъ енъ, ѣхавъ, видиць ящѣ
хатку. Енъ узновъ кыня поставивъ, коцикомъ обрависъ, подѣ вокошко подкачивсѣ,
ставъ кавкыць. Вышла баба, узяла яго на руки, понясла ў хату. Принясла и гово-
риць: «коцичакъ-котокъ, сѣренъкій лобокъ! ци ня чувъ ты, ци ня видѣвъ дѣ Суч-
киного сына? Енъ мойго мужа забивъ. Кабъ я знала, дѣ ёнъ находитца, али куды
ёнъ поѣдзець, обярнулася бъ я ключавой криничкой. Якъ бы енъ ядъ увидѣвъ, захо-
цѣлося бъ яму пиць. Ну якъ бы только выпивъ енъ тѣй воды, такъ бы тойчасъ и
ўмѣръ!» Коцикъ прыгъ у окно—и побѣгъ.—«Головка бѣдная! мусиць, гето енъ самъ

завидѣлъ? Соколы мое дорогѣе, кого вы слышали, кого вы завидѣли?»—«Не ты тутъ ходяишь,
а Сучкинъ-сынъ!.. А Сучкинъ-сынъ сказывается: „а! вы меня въ глаза ругаете!“ Да какъ пальнеть
изъ лука... Въ первую и вторую ночь всѣхъ снесло стрѣлою, только осталось по одному коню,
псу, соколу, а въ третью ночь—ничего не снесло. И сталъ тогда Сучкинъ—сынъ биться съ змѣ-
емъ... Мать змѣя впослѣдствіи обращается *свиньей кованою*, и гонится за Сучкинымъ сыномъ,
царевичемъ и кухаревичемъ.

бывъ, и всё мое разознавъ! Цяперь я яму ничого ня здѣлю!» А Сучкинъ сынъ пришовъ къ коню, сѣвъ на яго и поѣхывъ дали. Ъхывъ, ѣхывъ ёнъ, видзиць яцо хатку. Ёнъ ояцъ кыня постновивъ, самъ коцикомъ обрацився, подъ вокошко подкачився, ставъ кавкыць. Вышла къ яму баба, сивая, старая, узала яго на руки и понясла ў хату. Принясла и говориць: «коцичакъ мой, котокъ, сѣренькій твой лобокъ! Ци ня знаешъ ты, ци ня вѣдаешъ, идзѣ тэй разбойникъ—Сучкинъ сынъ? Ёнъ мнѣ нанёсъ большую скуку: забивъ моихъ трѣхъ сынковъ, якъ соколковъ. Кабъ я знала, кабъ я вѣдала, куды ёнъ пойдзець, али поѣдзець—обярнулася ба я лютэй змяю, прожрала бъ яго и съ копеймъ разымъ!» Коцикъ прыгъ у вокошко, вокно разбивъ, и самъ уцѣкъ. Баба и говориць: мусиць гето ёнъ самъ бывъ! А Сучкинъ сынъ пришовъ къ коню, сѣвъ на яго и поѣхывъ къ братамъ. Отдыхнувши, сѣли яны ўси на коній и поѣхили. Ъхили, ѣхили, видзюць яны зялёный лугъ. Узѣхили на лугъ—такъ имъ спаць захоцѣлось! А трава—трава на лугу, дужо хорошая! Кухаркинъ сынъ и говориць: «а! якъ-жа спаць хочетца! Во, тутъ и трава добрая: пусцимъ коній своихъ, а сами трошку заснемъ!»—Нѣ, братцы, говориць Сучкинъ сынъ: якъ мы тутъ будземъ спаць? немащавъки ни кыровацц, ни нѣчаго послацц. Поѣдемъ-ка дали, можа хто кыроваць поставивъ, посцелю постлавъ!... Проѣхили яны яцо трошку, ажны стоиць кыроваць. Подѣхили поближѣй, Сучкинъ сынъ и говориць: пойду-тка я погляджу, ци крѣпка кыроваць. Подыйшовъ къ ёй, узавъ мечъ-кладзянецъ, ды якъ свиснець—такъ кровь съ кыровацц и полилась.... Разымъ усё и пропало: и лугъ, и трава, и кыроваць. «Вотъ, видзице, братцы, якая гето кыроваць. Гето была жонка триглавыго змѣя: яна хоцѣла загубиць насъ за свойго мужука!» Не стало имъ хоцѣтца спаць, поѣхили яны дальше. Ъхили, ѣхили, видзюць зялёный садъ. А яблыки, яблыки хорошія! Царицынъ сынъ говориць: «вотъ кабъ поспытаць, што ў ихъ за смакъ?»—А вотъ, говориць Сучкинъ сынъ: я сичасъ ихъ поспытаю; коли смашны, и вамъ дамъ! Пошовъ ёнъ у садъ, ходзивъ, ходзивъ—усё шукавъ большея яблыни съ зылотыми яблыками. Ажны яна пысарѣдъ сада. Ёнъ подыйшовъ, вынявъ мечъ—кладзянецъ, якъ свиснець—только кровь полилась! Усё й пропало. И не стало имъ яблыкъ хоцѣтца. «Вотъ жа, братцы, кажець Сучкинъ сынъ: гето была жонка шасциглавыго змѣя. Яна хоцѣла насъ загубиць за свойго мужука!» Поѣхили яны дальше. Ъхили, ѣхили, видзюць криницу. Якъ только увидѣли воду, такъ и захоцѣли пиць. Сучкинъ сынъ говориць: «постойце, я поспытаю, ци смашная вода?» Подыйшовъ къ криницы, ажъ тамъ плаваецъ по водѣ кубочакъ. Ёнъ якъ сѣканецъ по кубочку мячомъ-кладзянцомъ—только кровь полилась. И усё пропало. И пиць ня стало хоцѣтца. «Ну, ци вѣдыце, братцы: гето-жъ была жонка дванатцыциглавыго змѣя. Яна хоцѣла насъ загубиць за свойго мужука! Цяперь мы побили усихъ змяиныхъ жонокъ. Вы сабѣ ѣдзыце домовъ, а я поѣду дальше!» Тыя поѣхали домовъ, а Сучкинъ сынъ поѣхувъ искаць змяиную матку. Ъхывъ ёнъ, ѣхывъ видзиць—хатка. Зайшовъ енъ туды, ажны тамъ живець баба-юга. «Што, Иванъ Сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы, куды Богъ нясецъ?»—Такъ и такъ, бабуля: ишу змяинныя матки!.. И рызказавъ ёй усё, якъ было. Баба-юга узала половину соли, половину муки; замясила цѣто, спякла три бухоны и дала Ивану: «Вотъ, Иванъ, Сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы! Якъ будзешъ ты ѣхыць, нанадзедъ на цябе лютая

змѣя, захочеть цѣбе прожраць. А ты скажи: поѣжъ упярѣдъ мою хлѣбъ-соль, а тоды ўжо ѣжъ мяне! И кинь ей у ротъ бухонъ!..» Узявъ Сучкинъ сынъ хлѣбъ, подзякувавъ баби, и выправився дали. Ъхывъ, ѣхывъ, ажъ видзиць, ляпиць ны яго лютая змѣя: «ага, кажець: вотъ коли я цѣбе зѣмъ! Ты забивъ моихъ трѣхъ сынковъ, якъ соколковъ, трѣхъ дочушакъ, якъ зязюлекъ!»—Ну, што: поѣжъ упярѣдъ мою хлѣбъ-соль, а тоды ѣжъ и мяне!... Кинувъ ей бухонъ хлѣба ў ялицу, а самъ давай скорѣй уцекаць. Зѣбла змѣя хлѣбъ-соль, яе й разобрало. А яны ня пьюць такой воды, якую пьюць людзи; дыкъ яна и побѣгла у свою сторонѣ *). Тамъ было такое возярѣ, откуль уси яны брали водѣ. Вотъ яна пила, пила оттудѣ водѣ, пила—пила, выпила пыловину возярѣ. Тоды ўзнава погналась за Сучкинымъ сыномъ. Гналась, гналась—вотъ догоняецъ! «Ага, вотъ коли я цѣбе зѣмъ! Ты забивъ трѣхъ моихъ сынковъ, якъ соколковъ, трѣхъ дочушакъ, якъ зязюлекъ!»—Зѣжъ упярѣдъ, кажець Сучкинъ сынъ, мою хлѣбъ-соль, а тоды ўжо мяне зьясъ! И кинувъ ей другій бухонъ у ялицу. Зѣбла змѣя хлѣбъ, и разобрала яе опяць соль. Побѣгла яна ў свою сторонѣ, выпила усю водѣ у возярѣ, —только дзѣ-нидзѣ осталось у ямочкахъ,—и кинулась опяць за Иваномъ. Догнавши яго, змѣя разявила уже ялицу, кабъ яго прожраць, а ёнъ кинувъ ей послѣдній бухонъ: «зѣжъ упярѣдъ мою хлѣбъ-соль, тоды мяне зьясъ!» Разобрала змѣю соль, побѣгла яна ўзнавъ у свою сторонѣ. Пывыпила усю водѣ до капельки, и кинулась за Иваномъ. Вотъ, вотъ догониць. Видзиць Иванъ—стоиць кузня. Енъ туды: «братцы, кажець: запирайце скорѣй кузню: за мной змѣя гонитца, хочеть мяне зѣбъ!» Тутъ сичасъ двери запѣрли; коваль узявъ свое клещи, у пяцѣдзесать пудовъ, и ставъ ихъ распаловаць. А тутъ и змѣя приляцѣла, и кричиць на коваля: «подай мнѣ Сучкинаго сына! А коли не подаси, я й цѣбе зѣмъ, и яго!» А коваль кажець: «пролижи двери, ды высунъ сюды языкъ: я посаджу яго табѣ на языкъ!...» Змѣя якъ лизнула разъ—другей,—третей,—такъ двери и пролизала. Только яна высунула языкъ скрозъ двери, а коваль узявъ свое обцуги—ды за языкъ! Схвацивъ и дзяржиць. А другіе за молотки, ды давай змѣю биць пѣ голову. Прибили трошку, толы ўзяли и ўкинули у горенъ, ды й давай у два мяхи дупъ. Якъ только змѣя разгорѣлась, положили яе на кувадио и стали ўзнавъ куваць. Узявъ тутъ и Сучкинъ сынъ молотъ у пяцѣдзесать пудовъ. Кували яны, кували и вышовъ изъ яе конь **). Коваль и говѣриць: «ну, Сучкинъ сынъ—зылотѣя пуговицы! на табѣ жменьку лёну, садзисъ на гетаго кыня, запали лёнъ и ѣдзъ кругомъ свѣта. Коли объѣдзешъ, покулъ лёнъ згориць, дыкъ поѣжай зъ Богомъ, а не объѣдзешъ—дыкъ назадъ ко мнѣ ворочайся!» Сѣвъ Сучкинъ сынъ на коня, запаливъ жменьку лёну и поѣхывъ кругомъ свѣта. Повсвѣта не объ-

*) *Вар.* Побѣгла къ морю, напилася. **) *Вар.* „Поймали ковали змяю, скували зялѣзную соху, запрагли у яе змяю и дали Ивану Кристофору, штобъ пахавъ на ей зямлю. „Да глядижъ, кажа коваль: ня смѣйсъ, хоть што буди смѣшное!“ Ставъ пахавъ Иванъ Кристофоръ. Ба-ча ёнъ: то пень на соху, то соха на пень! Што ни дѣлавъ, ничѣго не подѣлая. Енъ и засмѣявся. Якъ засмѣявся, дакъ змѣя за имъ. Чуть ёнъ утекъ у кузню. Запрагли ковали опяць змяю, и вновь послали Ивана Кристофора пахавъ. Ставъ ёнъ пахавъ, бача—опяць тое жъ дѣ-еца: то пень на соху, то соха на пень. Ну, да ёнъ якъ залустивъ соху ў зямлю, дакъ бур-гонъ поднимався ажъ на сажанъ у вышки. Довѣвъ ёнъ такую борозну до мора да тамъ змяю и ўтопывъ. Такъ ёнъ отъ яе и ослобонився.“ На этомъ сказка оканчивается. *Гом. у.*

ѣхивъ, а лёнъ уже згорѣвъ. Варнувся ёнъ назадъ къ ковалю. Уложили яны коня у горенъ, стали дучъ у два мяхи; разогрѣвши, стали куваць, ноги поправляць. Кува́ли, кува́ли... «Ну, садзись-ка цяперъ!» Сѣвъ Сучкинъ сынъ на коня, запаливъ жменьку лёну и поѣхивъ кругомъ свѣта. Увесь свѣтъ обѣхивъ, а лёну згорѣло только половина жменьки. Приѣхивъ Сучкинъ сынъ къ ковалю, ставъ дзякуваць. Коваль и говориць: «ну, цяперъ ты ѣдзи на гетымъ кони, и никто цябе на имъ ня подолѣецъ у битви. Ну только сперажись: будзешъ ѣхыць черезъ такое и такое мѣсто, будзешъ тамъ большей кирмашъ: глядзи, не сустана́вливайся, а то попадзешся ў плѣнъ!»... Подзякувавъ ёнъ ще разъ ковалю и поѣхивъ. Ёхивъ, ёхивъ, видиць—*городокъ* стоиць, а ў нймъ большей кирмашъ, народу много. Сучкинъ сынъ и думецъ: «ну, якъ жа мнѣ не сустановитца? Тутъ людзи ўсѣ хрысьяне. Пойду и походжу троху по рынку!» Якъ скывавъ, такъ и здѣлывъ: кыня постновивъ, а самъ ставъ ходзиць по городку. Ходзивъ, ходзивъ—ажъ видиць, подыходзиць къ яму старъ-старичокъ, самъ съ кокоць, борода зъ локоць, вусы по сажню, вочи по ложки ня видзюць ни крошки. Якъ подыйшовъ къ Сучкиному сыну, такъ ў вусы и ўмотавъ: «ага, вотъ коли я цябе задавдю! Ты забивъ моихъ трѣхъ сынковъ, якъ сокольковъ, трѣхъ дочушакъ, якъ зязюлекъ, и жонку мою конемъ здѣлывъ ды ѣдзешъ на ёй!» Ды такъ сциснувъ вусами, што й дыхнуць ня можно. Што тутъ робиць? Во напасъ! Али-тки Сучкинъ сынъ надумався. «Ци вѣдыешъ, дзѣдъ, што я табѣ скажу? Ня губи-тка ты мяне: усѣ 'дно ня вернешъ ты своихъ ни сыновъ, ни дочокъ, ни жонку. А лучше скажи, куды ў сваты сходзиць: я за цябе высватаю ще лѣпшую жонку, чимси твоя была!» Дзѣдъ гетымъ дужо ўзрадавався: «ну, коли высватаешъ мнѣ дочку царя Побѣгая, дзѣда Сивовая, Марью царевну, дыкъ уже пуцу. Али усѣтки на жонцы не дамъ ѣхыць, такъ идзи!» Пуспивъ ёнъ изъ вусовъ Сучкинаго сына, тѣй и пошовъ. Идзецъ ды распытваецъ, идзѣ тѣй царъ Побѣгай, дзѣдъ Сивовай. Идзи—идзи, идзи—идзи, сустрѣчаецъ нѣякаго чаловѣка. Поздоровкылиси и разговорилиси. «Хто ты такей ёсь?» —Иванъ—Сучкинъ сынъ! А цябе якъ зовуць?—«Мяне Сямёнымъ. Куды жъ ты йдзешъ?» —Ды иду я къ царю Побѣгаю, дзѣду Сивовая, ды вотъ дороги ня вѣдыю!—«Охъ, худо табѣ дойци ды яго! Тамъ дужо много собакъ, и никого ня подпускаюць: за три вярсты къ чаловѣку бягуць и за клинныя ирвуць!»—А хто жъ ихъ можець отыгнаць? —«Я!»—Ну, ходзи со мной!.. Ишли, ишли, видзюць ящо чаловѣка. Поздоровкылиси, разговорилиси. Сямёнъ спрашыецъ: «якъ цябе зовуць?»—Гришкомъ. А цябе?—«Мяне Сямёнымъ!»—Куды-жъ вы йдзёце?—«Къ царю Побѣгаю, дзѣду Сивовая у сваты.»—Ну, якъ вы прыдзеце къ яму, ёнъ упередъ зы ўсяго пошлецъ васъ у лязню помытца. А ў тую лязню никто ня можець увыйци: ящо якъ подходишъ, дыкъ за три вярсты волосы сквярутца. «А хто-жъ яё можець отушиць?»—Я!—«Ну, ходзи зъ нами!» Пошли ўтроихъ. Ишли, ишли, видзюць ящо чаловѣка. Поздоровкылиси, разговорилиси. Звали яго Иваномъ. «Послѣ лязни, кажець Иванъ, дадучъ вамъ пиць и ѣсь: кабъ усѣ поѣли, што ёнъ отъ дванатцыи годовъ собираецъ—повные свирны съ хлѣбомъ, повные скляпы съ пицьцёмъ!»...—А хто-жъ гето можець здѣлывъ? спрашыецъ Гришка. —«Я!»—Ну, ходзи зъ нами! Пошли ўцецьварыхъ. Ишли, ишли, видзюць ящо чаловѣка—Мирькуху. Поздоровкылиси, разговорилиси. Мирькуха и говориць: «Послѣ обѣ-

да вывѣдуть ихъ вамъ усихъ узнаваць, которая старшая. Вы й не спознаеце, бы яны ўси одного лица!»—А хто жъ яё можець спознаць? спрашыецъ Иванъ.—«Я!»—Ну, ходзи зъ нами! И пошли ўпацярыхъ. Ишли, ишли, стали подходзиць къ царю Побѣгаю, дзѣду Сивоваю. Ажъ, ящѣ за три вярсты прибѣгли собаки и стали за клинныя ирваць. Сучкинъ сынъ и говориць: «ну, хто обирався удишиць ихъ?» Сямень кажець: я! Ды ўзявъ, собакъ половивъ, ды хвосты позвязавъ, ды усихъ сабѣ на плячо ўсклавъ и повёсь къ царю Побѣгаю, дзѣду Сивоваю. Пришли къ царю. Ёнъ и говориць: «ну, вѣрно табѣ ўзяць мою дочку! Идзице-тка жъ помыйцеся у лазьни, а то вы подорожные людзи, можа пѣчись якая зыбралася!» Яны й пошли. Якъ тольки стали подходзиць къ лазьни,—ящѣ не дыходзя вярсты три, стало жарко. Сучкинъ сынъ и говориць: «ну, хто обирався отушиць лазьню?» Гришка кажець: я! Ды якъ дунецъ—у лазьни увесъ жаръ пропавъ, стала ажны ниня! Вярнуліся яны къ царю Побѣгаю, дзѣду Сивоваю, и говоруць: «зачимъ ты насъ обманувъ? Пришли мы ў лазьню, а тамъ ня тольки духъ—а ажны печка ўся запыла!» Царъ и говориць: «ну, вѣрно, табѣ ўзяць мою дочку! Ну, ходзице жъ, зъ дороги подкряпицеся!» Взявъ имъ подаць ѣдзеньня—пиценьня, што отъ дванатцыци годовъ собравъ. «Ну, коли ўсё подадзёное поѣсьце, попѣце, дыкъ отдамъ дочку!» Стали яны пиць—ѣсь: наѣлиси, поўпилиси, а ни одной бочки ня выпили. Сучкинъ сынъ и говориць: «а хто обирався усё попиць—поѣсь?» Иванъ кажець: я! Ды якъ ставъ обручи збиваць зъ бочакъ ды пиць! Ћсь ды пѣецъ, ѣсь ды пѣецъ. А пивъ ёнъ бочку горѣлки такъ усё 'дно, якъ простэй чаловѣкъ ложку воды! Усё попивъ, усё поѣвъ, ды ящѣ кричиць: мало! ще больше подайце!»—«Ну, говориць тоды царъ: дзѣлыць нечаго: отдамъ табѣ дочку, тольки ўгадай, которая старшая!» И вывёвъ усихъ дванатцыць дочокъ: уси ровныя и зъ лица, и зъ росту. Сучкинъ сынъ и говориць: «ну, хто обирався спызнаць, иди!» Мирькуха говориць: я! Пройшовъ кылы ихъ разъ, другей, третей, ды ўзявъ одну за руку и говориць: вѣ яна! Сказали царю. Ёнъ приходзиць: «ну, мылодзецъ ты, Сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы! Скольки ў мяне ни сватали—вотъ ужо дванатцыць годовъ—ну ниhto ня змогъ яё высватаць!» Ставъ Побѣгай, дзѣдъ Сивовай, готовитца къ вяселью. И не ставъ такъ готовиць посвояму, али ставъ готовиць понаську, почаловѣччи. Ну, згуляли яны вяселья, бацька благословивъ нявѣсту и отправивъ яё съ Сучкинымъ сыномъ.

Пошли яны. Ишли—ишли, ишли—ишли, стала яна говориць: «скажи, мой милый другъ: за кого ты мяне высватавъ—ци за сябе, ци ще за кого?» Ёнъ кажець: «нѣ, не за сябе, а за дзѣда сиваго, што самъ съ кокоць, борода зъ локоць, вусы по сажню, вочи по ложки, ня видзюць ни крошки!» Якъ сказаць ёнъ ёй гето, дужо яна сосмуцилася. Пройшли тропку—яна обярнулася мѣсячкомъ, и давай уцекаць. Сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы обярнувся зоричкой, и догнавъ яё. Тоды яна обярнулася лябѣдкой и стала ўцекаць; а енъ обярнувся соколомъ, и догнавъ яё. Тоды яна обярнулася рысьсю и побѣгла ўцекаць; а енъ обярнувся шѣрымъ вѣнкомъ, и ўзновъ яё не пусцивъ. Тоды ўжо пошли яны къ дзѣду. Приходзиць къ яму, а енъ кажець: «а хто цябе вѣдыецъ, за кого ты яё высватавъ: можа не за мяне! Коли ты отъ щираго сердца сватавъ за мяне, дыкъ перайдзи черезъ гету пропасъ по спрунжи-

ни!» Сучкинъ сынъ перяксился и пошовъ черезъ, и перайшовъ.—«Ну, ты, дзѣвочка! Можа ты будзешъ на другихъ заглядатца, а мной гордуваць? Перайдзи-тка й ты!» Перяксилася яна и пошла, и такъ жа само перайшла черезъ пропасъ по спрунжыні. Тоды Сучкинъ сынъ и Марья царевна говорюць яму: «ну, мы перайшли: мы ни ў чымъ ня винны проці цябе. Перайдзи-ка ты: можа и ты тутъ знайшовъ сабѣ другую, можа на кого заглядався!»—Куды мнѣ заглядатца на другихъ! я ўжо старъ чаловѣкъ! —«Ничога: съ старыхъ усяго бываець! Ідзи-ка, ідзи!» Тольки ёнъ ставъ ици, а спрунжына дрыганулася—ёнъ и поляцѣвъ у пропасъ! И косточки яго тамъ разсыпалісь!

Знайшовъ тоды Сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы свойго кыня, што отобравъ гетый дзѣдъ, пожаниліся яны зъ Марьей царевной, и стали жиць ды поживаць, ды добра наживаць....

Д. Черногостье, стнн. у. Кр—нъ Тимофей Синкевичъ.

Сходныя съ настоящею сказкою помѣщены у Худякова в. II № 46 (Иванъ кошкннъ, Иванъ дѣвкннъ, Из. парицннъ) и у Афанасьева в. II № 30, в. III № 2 (эта же и въ сборникѣ Дмитріева) в. V № 54, в. VII № 3 и в. VIII № 2 и д. Сказка въ редакціи г. Худякова очень кратка (3 странички). Наиболѣе полны: № 3 в. VII и № 2 в. VIII Афан. (Иванъ Быковичъ, Буря богатырь, Иванъ—Коровій сынъ.) См. также Чубинск. 167, 252. Садовн. 1, 133

16. Удовинъ сынъ.

Вотъ была сабѣ удова. И мѣла яна сабѣ мальчишачку малѣнькаго, можа—такъ годы три ци чатыре. И жила яна у большой гѣрасци (горести), што у яе пропитаць души своѣ нечымъ, а не то, што пропитаць мальчишку етаго. Пѣплечъ изъ ёй живѣ большій купецъ. И ў етаго купца живѣ сынишка. И выбѣгавъ етый купцовъ сынъ къ удовиному гуляць; выбягуць вобѣ на вулицу и гуляюць. Разъ удовинъ сынъ и кажець: якъ ба я такую пиць примаваъ, якую ты, дакъ бо я Чуду-Юду звоеваваъ, сонца-мѣсикъ отобравъ и на небеса пусциваъ. Етый хлопчикъ, купецкій сынъ, побѣгъ двору, и расказавъ свойму бацьку: вотъ, татка: удовинъ сынъ говориць, што якъ ба я, каецъ, такую пиць примаваъ, якую ты, дакъ ба я Чуду-Юду звоеваваъ, сонца-мѣсикъ отобравъ и на небеса пусциваъ! Етый купецъ посылаетъ свойго сынишку на вулицу, и приказываецъ етому сынишку, кабъ ёнъ гукнувъ етаго удовинаго сына и кабъ подвевъ яго такъ, штобъ тѣй етыя бѣ самыя словы переказавъ, кабъ самъ купецъ почувъ. Етый купецкій сынъ выбѣгаетъ на вулицу, подбѣгаетъ подъ вокошко и говориць удовиному сыну: ходзи на вулицу гуляць! А ёнъ отвѣщаецъ: што мнѣ ици на вулицу гуляць, коли я ѣсць хѣчу! Купецкій сынъ говориць: ходзи только на вулицу гуляць со мной, я табѣ и хлѣба принясу! Вотъ ёнъ выбѣгаетъ на вулицу, и тѣй выносиць яму скибочку хлѣба, можець, такъ, разовъ паяцъ укусиць. Удовинъ сынъ укусивъ, тоды купецкій сынъ и требуетъ у яго етыхъ самыхъ рячей. «Скажи-ка ты мнѣ, што ты мнѣ говоривъ спрэжда: што ты можашъ Чуду-Юду звоеваць и сонца-мѣсикъ отобравъ.» Бацька яго стоиць у воротахъ и еты рѣчи слышиць: ци собственно ёнъ будзецъ говориць правду, или нѣ? Етый удовинъ сынъ переварнувся туды-сюды и во ўси чатыри стороны глянувъ, ци нема кого, кабъ нихто больше ня чувъ, помимо етаго хлопчишки, и кажець: «што я, кажець, у чора говоривъ? Што я, якъ ба такую пиць

принймавъ, якую ты у своего бацьки, то бѣ я собственно, собственно Чуду-Юду звоевавъ!» А купецъ етый, стоячи у воротахъ, еты рѣчи чуетъ, што ѣнъ, собственно, говориць правду. Такъ сячасъ бярець етаго Удовина сына къ сабѣ ў домъ, и продерживъ яго шесцаро сутокъ, и стараяся яго годуваць якъ ба получче. Такъ продерживъ шесць сутокъ и пишець до царя: «што вотъ, Удовинъ сынъ у такихъ то и такихъ лѣтахъ—што яму беспремѣнно дѣзѣтца уже годовъ пять—и енъ бярецьца своимъ собственнымъ языкомъ, што Чуду-Юду звоюю!» Царь приписываецъ къ яму, кабъ енъ у три часы бывъ къ яму, етый самый Удовинъ сынъ. Сячасъ запрягали пару лошадей, узjali етаго Удовина сына, и потащили. Привязали къ царю. Царь спрашиваетъ: чимъ цѣбе питаць, Удовинъ сынъ? А ѣнъ отказуецъ царю, што надо мяне три годы кормиць воловымъ мозокомъ (мозгомъ). Ну, и могли воловъ доставляць и рѣзачъ, и мозокъ яму готовиць. И ў етаго у царя бывъ ящо тожъ сынишка. Поддержали яны яго, етымъ воловымъ мозокомъ прокормили, тоды Удовинъ сынъ и подмываетъ етаго царскаго сына съ собой у товариши. Подговаруецъ ѣнъ царскаго сына съ собой у товариши и говориць: скажи ты отцу, нехай енъ приставиць купецкаго сына,—нехай ба енъ бывъ изъ пами у товаришахъ. Етый царскій сынъ сказавъ своему отцу: што потребуецъ купецкаго сына вотъ изъ такого и такого города! У царя етому дѣзѣтца ня довго: сячасъ написали бумагу и послали къ купцу, кабъ енъ выславъ своего сына. А купецъ етому не радъ, сына высылаць ня хочеть; только исъ царемъ ничего нельзя подѣлать: ето не съ такимъ человѣкомъ. Етаго сына своего ўзявъ и отправивъ. Тогда ѣнъ, Удовинъ сынъ, и кажець: «скажи-тка ты, кажець, своему отцу, кабъ енъ скувавъ мнѣ хуць небольшенькую палочку, кабъ мнѣ можно было по городу пройти, а то я собакъ боюсь. Хуць небольшенькую: пудниковъ дванатцаць.» А купецкій сынъ кажець: а мнѣ, кажець, два пуды! А царскій кажець: а мнѣ три, я сабѣ скую. Доложили царю. Царь приказавъ ковалѣмъ, кабъ яны скували Удовиному сыну дванатцаць пудовъ палку, и вочанья крѣпкую. А купецкому сыну два пуды, а царскому три пуды. Ковали етые, много-довго ня думаячи, скували имъ. Удовинъ сынъ получивъ отъ ковалѣвъ палку ету и зъ руки на руку перякинувъ, такъ и сказываецъ: ня можно зъ естой палкой и за ворота выйци никуды, бо ета палка несподѣжная (не-надежная). И выходзиць енъ зъ естой палкой на городъ на Карачовъ зъ естыми съ своими товаришами, съ царскимъ сыномъ и купецкимъ. Пусдивъ енъ ету палку ўгорѣ. Пробыла яна ўгори три минуты и лящиць назадъ. Енъ выставивъ ногу вотъ такимъ то родомъ, *) подогнувшись. Яна якъ ляцѣла изгоры, удариласъ объ колѣно, и перяломиласъ пополамъ. Такъ енъ уставъ и дужо ставъ сярдити на царя. И сказуецъ ѣнъ царскому сыну: «не прикажешъ ты своему отцу, кабъ енъ ня дѣлавъ обману мнѣ! Кабъ енъ приказавъ кузнецомъ, што якъ ба наилуччай скували, покрѣпче. Ну якъ етакъ яны будуць куваць, дакъ мы ўси помрѣмъ: и вы, и я. Вотъ ты скажи своему отцу, штобъ енъ приказавъ кузнецомъ скуваць мнѣ шастнатцаць пудовъ палку, якъ можно покрѣпче!» А царскій сынъ сказуецъ: а мнѣ пять пудовъ! А купецкій сынъ сказуецъ: а мнѣ три пуды. Перемяну и я свою!.. И царь етому тожъ не спокоентъ, што ковали дѣлаюць такую-то подлосць дѣли етакихъ людей подорож-

*) Сказанникъ дѣлаетъ соотвѣтственное тѣлодвиженіе.

ныхъ. И приказуеъ имъ: «што якъ будзеце куваць, кабъ не беспечалилися, кабъ кували крѣпко, а то я вамъ, ковали, посымаю головы, бо мнѣ етыя людзи дорого стоюць!» Куваць яны начинали, скували у три часы етыя штуки. Тоды Удовинъ сынъ получивъ свою отъ ковалевъ палку, и выходзиць на тое на самое мѣсто, гдѣ пускавъ тую палку пярёдоннюю, и пусцивъ яе тожъ подъ небяса. Эта палка яго пробывла три часы ўгорѣ. Наставивъ енъ ладонь правую,—эта палка якъ ляцѣла згоры, ударилася объ ладонь—перяломилася пополамъ! Етый Удовинъ сынъ безъ конца ставъ скушанъ: што мнѣ нельзя никуды и выйци! И самъ идзець налишно къ царю и сказуеъ: «коли вы хочете дзержаць мяне на свѣци, дакъ вы мяне дзяржице, и не дѣлайце мнѣ ниякаго обману, што мнѣ ня можно выйци и за ворота. Прикажице вы мѣдзьникамъ, которые мѣдзь плаваюць—котлы али звоны—нехай нальлюць мнѣ булаву мѣдную у дватцацъ пяць пудовъ, кабъ яна была крѣпкая, хорошая!» А царскій сынъ говориць: «мнѣ нехай восемъ пудовъ сольлюць.» А купецкій сказуеъ: «мнѣ нехай шесць пудовъ: нехай у насъ усихъ будуць адностайныя булавы етыя!» Етые мѣдзьники, довго ня думачи, злили ихъ у чатыри часы, и надзѣютца етые мѣдзьники, што тутъ уже подлосци нема ниякей. Такъ етый Удовинъ сынъ получивъ ету булаву отъ мѣдзьниковъ, сичасъ зъ руки на рукѣ перякинувъ яе, и такъ самъ ставъ, якъ слово, вясѣль, што эта штука-то по яго мышленьню здѣлана. И выходзиць енъ на городъ на Карачовъ и пускаеъ яе подъ небяса. Залетаеъ яна за болоки. Ходзивъ енъ трое судокъ по городу, ждавъ етыя своѣ булавы. На третьця судки, у первымъ часу, пришовъ на ето на самое мѣсто и выставивъ свою головѣ. Такъ яна якъ ляциць—и ўдарилася объ лысину объ яго, объ лобъ,—и покачилася. Такъ енъ радъ ставъ! Тоды кажеъ на товаришовъ: идзице-тка вы, товариши моѣ, прощайцесь-ка вы съ своимъ родомъ,—пойдземъ-ка мы ў бѣлый свѣтъ. Царскій сынъ пошовъ къ бацькомъ къ своимъ, попрощався, узавъ троху грѣшей ись собой, помолилися Богу, и идучъ у пучъ, у дорогу. А купецкій сынъ кажеъ: чаа мнѣ йци къ своимъ бацькомъ прощатца, коли я разъ попрощався и выбрався соўсімъ! Помолѣмшися Богу и пошли. Ишли яны, ишли, ишли, ишли, пройшли одно царство, али два,—подходзюць яны подъ поганый цмокъ. Мѣтца сподзѣжу етый Удовинъ сынъ, што тутотцьки енъ недалёко прожываеъ, Чудо-Юда. Такъ етый Удовинъ сынъ хочеъ промижъ—сѣбку ўзнаць, ци много у ихъ силы, ци можно на ихъ дѣ-небудзь сподзѣжу маіць. Такъ и заставляеъ купецкаго сына: нутка, кажеъ: кинь-ка ты свою булаву, кажеъ. Купецкій сынъ якъ кинувъ,—дыкъ яна залацѣла на восемдзсятъ дзвѣ вярсты. Тоды каеъ: нутка ты, царскій сынъ! нутка и ты кинь! Царскій сынъ якъ кинувъ, дакъ яна залацѣла на сто дватцацъ вѣрсть. А Удовинъ сынъ кажеъ: вотъ жа цяперъ я свою кину,—будземъ иди сощипа руки. Удовинъ сынъ свою якъ бросивъ, дакъ яна залацѣла у поганый цмокъ, идѣъ прожываеъ етый самый Чудо-Юда. Вотъ яны якъ ищиць, дакъ ищиць, якъ ищиць, дакъ ищиць дорогою,—находзюць купецкаго сына палку. Тоды кажуць: хвала табѣ, Божа, што мы найшли ету свою булаву: будзець чимъ хуць отъ собаки отмахнутца, идучи по дорози! Идучъ яны утронхъ далѣй по дорози. Удовинъ сынъ и сказуеъ: «ахъ, братцы моѣ, каеъ: нуце-тка мы старятца ищиць поскорѣя!» Ну, яны ишли, можеъ, судки, найшли царскаго сына булаву. Подняли яе и кажуць: хвала табѣ, Божа: бу-

дзень чымъ отъ собакъ отмахнутца, идучи по дорози. Пошли яны дорогою, прошли двое судокъ,—подняли Удовинаго сына бѣлаву: пришли, значитца, у поганый цмокъ. Тоды енъ у нихъ, у товаришовъ своихъ, и спрашущь: што ба мы, рабятѣ, здѣлали? кажець. Навили бѣ мы сабѣ дзѣ-нибудзѣ хвацѣру, да кабѣ у боку, кабѣ насѣ мало хто знавъ тутѣ! И нанимали яны сабѣ ў концы города: промижды ковалѣвъ хатка была. Тамъ жила ў той хатцы бобылка, такъ яны у яѣ давай проситца перяночаваць судки, алибо двоя. А яна отвѣщаецъ: «я бѣ рада васѣ пущиць, дакъ моя хатка сусимъ напригожая, малынькая!»—Да мы людзи ня пышныѣ, и мы жѣ у цѣбе дарѣя ня хочѣмъ, а мы табѣ заплѣчимъ тое, што ты у насѣ запросишь. Яна каецъ: будзѣе сабѣ зѣ Богомъ! И здаецца на ихъ раду: што дасцѣ, то будзѣе и ладно! Пробыли яны судки. Отъ етой мѣсносьци, дзѣ Чудо-Юда прабываецъ, яны были у три вярсты. Потомъ енъ найшовъ хатку водалѣ, кабѣ Чудо-Юда не найшовъ на ихъ усѣй силой, затымъ, што ихъ три брѣты, нячистыхъ, и енъ не сподзѣваецца помочь ихъ, разомъ уснхъ. Давъ Богъ ночь. Надзѣтца Удовинъ сынъ, што будзѣе Чудо-Юда ѣхаць по дорози; посылаецъ енъ туды, на сустрѣчу, купецкаго сына. Купецкій сынъ бярець съ собою свою бѣлаву и отправляетца на калиновый мостъ на ночь. Приходзиць туды, ставъ на мосту и самъ сабѣ думаецъ: «што мнѣ тутъ стояць на мосту? Якъ будзѣе хто ѣхаць, да ўдариць, дакъ я тутѣцки и повалюсь. Пойду-тка я лягу подъ мостомъ подъ етымъ! Кого я буду тутъ сцѣраецъ?» А Ёдовинъ сынъ, яго выправивши, ня мѣецъ енъ сподзѣе на яго. Бярець нѣсъ собою свою збрую, бѣлаву свою, и отправляетца за имъ услѣдъ. Приходзиць, становитца на мосту на етымъ, на калиновымъ. Етому ўремю позно ўвечари дзѣятца. Ёдзѣе самый малый братъ, съ трѣми головами. Узѣ-ѣжжая енъ на калиновый мостъ, такъ сичасъ конь зарзавъ, хортъ забрѣхавъ, соколъ зашебѣтавъ. Енъ коня мижда вушъ якъ удариць ладонью: «ты ча, травяной мѣтъ, зарзавъ? А ты, ча ты, пѣсеее мясо, забрѣхало? А ты, ястрибиное перье, чаго зацви-лило? Тутъ немашь някаго супротивника. Ёсць супротивникъ на продзеватомъ царсцѣви, на продзѣсѣтой зямлѣ—Удовинъ сынъ, дакъ яго сюды воронъ косци не занясець!» А Ёдовинъ сынъ стоючи отвѣщаецъ: да ня воронъ косць заносиць, а самъ добрый молодзѣеъ заходзиць!—«А ци ты тутъ?»—Тутъ!—«Ну, што жѣ будзѣе дзѣлаецъ: ци битца, ай миритца?»—Да не того я сюды, у свѣтъ у бѣлый, заходзѣвъ, кабѣ миритца, а того заходзѣвъ, кабѣ битца.—«Дми-тка жѣ ты, Удовинъ сынъ, точокъ по дорози, кабѣ намъ чисто було, ничего не мѣшало!»—А Ёдовинъ сынъ отвѣщая: што ты, нячистый духъ, заставляешъ мяне дуць точокъ: у цѣбе три духи, а ў мяне одзѣи. Мнѣ будзѣе ладно и такъ, и ня дувши!... Тольки етый Чудо-Юда злѣзаецъ съ конѣй, а Ёдовинъ сынъ ня пускаецъ яму ходу. Што ящо богато зѣ имъ ворозкатца,—махнувъ яго бѣлавою, такъ яго и головы доловъ—уси три! Енъ сичасъ узѣвъ, языки зѣ головъ повыцягавъ, усчапивъ на суровое лыко, да подъ камѣнь. А самъ сѣвъ на яго лошади и погнавъ на яго собствянную хвацѣру, а хорта и сокола забивъ. Енъ ба ихъ ня бивъ, дакъ боявся, што яны нячистой сили служили, дакъ якъ ба не зра-дзили адзѣ-нибудзѣ. Тоды самъ на свою хвацѣру, да й лёгъ спаць. Назаўтра, давъ Богъ дзень, приходзиць купецкій сынъ изъ сторожи двѣру. Такъ Удовинъ сынъ спрашущь: ну што, братъ: якъ ты тамъ ночававъ? Можѣ ишовъ хто, алибо ѣхавъ хто?

А ентъ отвѣщаецъ: «нѣ, братъ: простоявъ цѣлную ночь на мосту и вокомъ на звѣвъ, дакъ на видавъ, кабъ и птушка проляцѣла: ничагухтоныка на було!» Етый Удовинъ сынъ головою кивнувъ, да самъ сабѣ й кажець: «ахъ, Божа мой, Божа! занѣсть я голову на сторону! Товариши моѣ плохіе!» Дождали ночи. Посылаецъ ентъ царьскаго сына: нутка, братъ: иди-тка ты да постарайся получчи, кабъ коло насть людзи не смѣялись! Царьскій сынъ идзець и бярець свою булаву съ собой, и идзець на етое самое мѣсто. Такъ само и етый думаецъ сабѣ: «ето ёнъ мяне посылаецъ не напрасно! Мусиць, ентъ мѣець якую-небудзь надежу, што будзець непріязель якій-небудзь ици али ѣхавъ!» И большую ентъ сабѣ мѣець заботу, объ тымъ—«чаго я пошовъ отъ отца своего у бѣлый свѣтъ? Чаго мнѣ треба було? Коли ентъ обобрався воеваць яго, нехай ба ентъ одзинъ сабѣ ишовъ, воевавъ.» Ну, наконецъ поэтому треба уже ховатца и сабѣ. «Подлѣзу подь мостокъ и лягу спаць: што Богъ дасецъ, тое будзець!» А етый Удовинъ сынъ, выправивши етаго царьскаго сына, и уклавши спаць того, купецкаго сына, бярець свою булаву и отправляетца услѣдъ на тое мѣсто. Троху понорова, позно вечаромъ, ѣдзецъ Чудо-Юда съ шасцymi головами. Узѣѣжаецъ на мостокъ, конь становитца дуба и зарзавъ, а хортъ забрехавъ, соколъ защебетавъ. Ентъ коня мижда вушь: «ча, травяной мѣхъ, зарзавъ? А ты ча, песьсее мясо, забрехало? А ты ча, ястрябинное перье, зацвилило? Тутъ нема никакого супротивника. Ёсць супротивникъ на продзевятомъ царцви, на продзесятой зямли, Удовинъ сынъ; дакъ яго сюды воронъ косци не занясець!» А ентъ отвѣщаецъ: на воронъ косць заносиць, самъ добрый молодець заходзиць!—«Ци ты, каецъ, тутъ?»—А тутъ!—«Дакъ што жъ, будземъ миритца, ци битца?»—Да, я ли того сюды заходзивъ, кабъ зъ вами, нячистая сила, миритца! Я ли того йшовъ, кабъ битца!—«А я бѣ совѣтовавъ ба табѣ, Удовинъ сынъ, кабъ ты со мной помирился: табѣ бѣ було вочаньня лѣхше, а то я цябе убью, усѣ ровно.»—А мнѣ усѣ ровно помираць! Коли помираць, дакъ помираць. Усе 'дно: смерць одна.—«Ну, якъ ты сподзѣваецься помираць, дми-тка ты напѣрво токъ!» А Удовинъ сынъ отвѣщаецъ: якъ я мужикъ, дакъ мнѣ по смяццю будзець ладно, а якъ ты нячистый духъ, у цябе шесць духовъ, дми-тка ты! У цябе одзежа даликатная, дакъ табѣ кабъ було чисто и хорошо пройци! Чудо-Юда якъ дунувъ—на дванатцаць верстъ продувъ, чищай, якъ мятлой вымавъ. Начинали яны битца. Бились яны повтора часа, Удовинъ сынъ шесць головъ яму зрубивъ доловъ. И сичасъ, довго на думачи, повицягавъ языки зъ яго головъ, зачаливъ суровымъ лыкомъ да подь камянь. А самъ садзитца на яго лошадей и отгоняецъ на яго хвацеру; а хортъ и соколъ убивъ. Отправляетца къ сабѣ на хвацеру, и ложитца спаць. Назаўтраго, давъ Богъ дзень, приходзиць царьскій сынъ, и заспѣвъ Удовинаго сына ще на посцели и гукаецъ: «нутка, братъ товаришъ, уставай! бо на чужей сторонѣ засыпатца етакъ нѣколи. Вотъ, якъ я стараюся, дакъ цѣлную ночь не спавъ, и вокомъ на звѣвъ.» А ентъ, Удовинъ сынъ, отвѣщаецъ: што, братъ? ты можа задремавъ якъ небудзь, можа пропустивъ кого?—«Што жъ ба, братъ, я жъ ба цябе побоявся, ци што? Я жъ ба сказавъ, ци хто йшовъ, ци ѣхавъ!» Такъ Удовинъ етый сынъ устаецъ, самъ сабѣ головою кивнувъ и говориць: «ахъ, Божа мой, Божа!» Больше на 'твясцивъ яму нічо́го. Проходзиць дзень: яны то прохаджувались, то отдыхали. Дождали ночи, такъ изъ вечара садзились яны

у карты йграць усьи ўтроихъ. Удовину сыну, ето, нѣ до картовъ, а тольки ёнъ хощеъ устроиць, кабъ яны не спали цѣлную ночь ету. И якую енъ имъ игру выставлявъ—гуляцъ у возка. *) Прокинувъ енъ разъ изъ ими, и такъ сичасъ на ету на самую хозяйку, што у етой хатцы проживала: «выйдзи-ка ты, хозяйка, на ету ночь съ своё хаты: бо будзець у насъ сяёночи беспокойство!» А на ихъ каець: «вы, говориць, свою здали черадѹ, дакъ вы цяперъ гуляецъ высѣло. Ну й гуляйце, цѣлную ночь кабъ не спали, а я пойду свою чераду здаваць.» И ўторнувъ ножикъ у спяну, и подъ ножикъ поставивъ кубокъ. «Якъ у етый кубокъ изъ ножика кровъ капнець, дакъ бярице своё булавы и бяжице, кольки ёсць вашя силы, ко мнѣ!» Самъ свою бѹлаву узявъ и пошовъ. А яны, тольки Удовинъ сынъ вышовъ съ хаты, такъ сичасъ карты ето узали кинули, и лягли спаць. Приходзиць Удовинъ сынъ на тое на самое мѣсто и становитца сярязи мостка. Такъ у самую повночь ѣдзець Чудо-Юда зъ дзевяцymi головами: сонца у яго ў грудзяхъ, мѣсикъ у яго уво лѣбъ, звѣзды кругомъ яго. Якъ прѣѣжаецъ къ мостку, прямо Удовина сына палиць, пачець сонцамъ, якъ огнѣмъ, усѣ ровно. Якъ узѣѣжжавъ на мостокъ, дакъ у яго конь на колѣнѣки ўпавъ, сичасъ зарзавъ, хортъ забрехавъ, соколъ защебетавъ. Такъ и обясцився: Чудо-Юда! послѣдній разъ ты на мнѣ ѣдзешъ! А Чудо-Юда патаецца: «почомъ ты добро такъ узнавъ? Тутъ нема ниякаго супроцивника. Ёсць супроцивникъ на продзеватой зямли, на продзесятомъ царсцѣви, Удовинъ сынъ,—дакъ яго сюды воронъ косци не занасецъ!» А енъ говориць: ня воронъ косць заносиць, самъ добрый молодець заходзиць.—«Ну, што-жъ ты зъ мяне хочешъ, Удовинъ сынъ? Ци будземъ битца, ци миритца? Я бѣ табѣ совѣтовавъ лучче со мною помиритца, потомъ што ты со мною ще молодѣ гуляцъ!»—Зайшовши у свѣтъ у бѣлый,—молодѣ ня молодѣ, а миритца ня буду: што будзець—ня будзець, помираць дакъ помираць!—«Коли ты уже задумаваъ со мной битца, дакъ дми-тка ты точокъ; я ўзнаю цябе по дупцѹ, якій ты знаходзишься чаловѣкъ!» А ёнъ яму отвѣщаецъ: мнѣ точокъ сусимъ ня треба. Якъ ты пышанъ, дакъ ты сабѣ и дми, коли привыкъ по чистымъ ходзиць. А якъ я мужикъ, дакъ мнѣ ладно будзець и по сметьщипу... Чудо-Юда якъ дунувъ—на дватцать чатыри вярсты продувъ! Удовинъ сынъ головою кивнувъ и самъ сабѣ думаецъ: быць жа мнѣ забитому ўже! Чудо-Юда, вылезши изъ своё пязды, стоиць на своимъ точку, а Удовинъ сынъ стоиць на ў такой земли, што ня дувши, ба Чудо-Юда яго на свой точокъ ня пускаецъ. И начинали яны битца. Билися, билися,—пробилися чатыри часы. И отвѣщаецъ Удовинъ сынъ: а што, Чудо-Юда,—цари-короли воюютца, да 'тдышку маюць: дай, отдохнѣмъ маленько! А Чудо-Юда етому и радъ: здѣлавъ сабѣ папироску и закуривъ. А Удовинъ сынъ, покуль енъ завярнувшись отъ вѣтру скабочкой запаливъ ету папироску, знявъ зъ лѣвыя руки перчатку, ды якъ кинець у ету хатку, адзѣ остались товариши,—такъ съ хатки крышу и зняло усю чисто. А товариши спяць и ня чуоць ничего. И начинаюць яны зновъ битца. Билися, билися—Удовинъ сынъ подъ камянь хуваецца, кабъ трошку отдохнуць, а Чудо-Юда камянь разбиваецъ и Удовина сына забиваецъ. Остаецца Удовинъ сынъ по колѣно у крыви. Начинали изновъ

*) Игра, требующая большого вниманія. При равныхъ игрокахъ партія можетъ продолжаться чрезвычайно долго.

дратца, и пробились яны три часы. И просиць Удовинъ сынъ Чуду-Юду ояць: Чудо-Юда! Цари-короли воюютца, и то 'тдышку маюць: дай отдохнемъ трошку! А Чудо-Юда говориць то: «што ето ты зачинавъ со мною дратца, и дужо ты млбсень дѣлаешься!»—Да ўремя жъ намъ перпиць ящѣ, каецъ Удовинъ сынъ. А мѣецъ сподѣжу на товаришовъ, только енъ имъ ўремя норовиць, кабъ яны проспались. Изнявъ зъ лѣвыя руки перчатку и кинувъ у бокъ, и каецъ: «пускай ты мяне не бунтуешь, бо за тобой толку нема!» А за што енъ, ето, цѣхенько кинувъ?—кабъ цмоку неўдогадъ, што енъ сабѣ товаришовъ требуецъ. Перчатка жъ ета якъ переляцѣла, дакъ хатку по вокны раскопала. А яны спяць, ня чуюць! Чудо-Юда и говориць: «давайка, будзецъ намъ отдыхаць, ба мы й такъ довго отдыхаемъ!» Пилиць усѣ яго. И начали изновъ битца. Билися, билися—Удовинъ сынъ по поясъ у криви. Пробилися яны два часы—и давъ Богъ дзень. Надѣетца ёнъ, Удовинъ сынъ, што уже товариши собственно проспались. И проситца у Чуды-Юды: Чудо-Юда! цари-короли воюютца, и то 'тдышку маюць: дай отдохнемъ у третій разъ, а тоды уже битца будземъ до конца! Чудо-Юда здѣлавъ папироску, а енъ знаявъ зъ лѣвыя ноги чоботъ, якъ пусциць на ету саму хатку и кажець: а, нахай мнѣ хоць троху ляхчѣй станець! Якъ кинувъ—хату ету раскопало увѣс! Усхопилися яго товариши, полядзяць—и хаты нема, и бярвеньня плаваецъ по криви—и заплакали: немаць нашего товариша, ня будзецъ и насъ! А Чудо-Юда отвѣщаецъ Удовину сыну: што ты, Удовинъ сынъ? Кйдай ты, ня кйдай, дакъ ты мяне не поможешъ; усѣ ровно, табѣ не поможетца! А товариши етые узяли свое булавы и думуюць: дай побяжымъ! Можа ще заскочимъ—ёнъ будзецъ живъ. Прибѣгли къ етому цмоку, тоды цмокъ и догадався: «а, Удовинъ сынъ! Дакъ ты разумень! Якъ ба я табѣ отдышки не дававъ, дакъ ба я давно цабе забивъ!» Махнули по три разы енъ да товариши яго, и зрубили яму дзевяць головъ. И етому дѣятца—дзень уже большій: отогнаць яго лошадей на хвацѣру на яго нельзя ужо. Попобили яны етыхъ самыхъ лошадей, и хорта, и сокола, и поломали поязду яго, а языки зъ головъ поповыдзергали, почапили на суровое лыко и подъ камянь подложили. Удовинъ жа сынъ сонца й мѣсикъ отобравъ, завярчѣвъ у папѣрку и заложивъ за пазуху. И пошли на свою хвацѣру. А хозяйка ихъ попередзила ихъ припиць у хатку у свою,—ажно хатки нема: одно бярвеньня ляжиць. Сѣла яна на бярнушкѣ и плачець: што яна рада была, што справила сабѣ хацѣночку, хоць небольшенькую, дакъ пусцила нѣйкихъ разбойниковъ, яны во й раскопали хатку мою, што и самой нейдзи прожиць! Ажъ Удовинъ сынъ и отвѣщаецъ: ня бойсь, хозяйка: я твоихъ трудовъ ня хочу! Вынимаецъ ёнъ ёй пятсотъ палковыхъ грошій, сичасъ жа и отдаецъ ёй на руки; а самъ идзецъ на городъ наняць такую хвацѣру, адзѣ бъ яму троху отдохнуць. Нанявши хвацѣру, яны троху ўкусили, уси ўтроихъ. Тоды енъ такъ сабѣ и думаецъ: и отдохнуць то яму хочетца, и зрады боитца; и якія зрады—што мацѣрь яго, Чуды-Юды, большая вѣдзьма-волшебница, што яна можець напросиць съ чужихъ зямель къ сабѣ на помогу покрѣпчихъ цмоковъ, што яны могуць яго розыскаць у етымъ горѣ—и городъ выпалиць, и яго убиць. Перемянивъ енъ на сабѣ одзежу и пошовъ походзиць по городу у собстванный у етый домъ, адзѣ жили Чуды-Юды. Приходзиць у воръ и скидаецца кѣтомъ, да подходзиць подъ дзвери и коло дзварей—кавъ! При-

ходзиць мацерь етыхъ Юдовъ къ дзвярёмъ, и коцикъ етый кавкаецъ коло дзвярей. Яна яго узяла упустила у горницы ў своё. Трошку обноровя, приходзюць ихъ три жонки. Коцикъ етый дужо лисавъ коло ихъ: усё по ўлоньню повзаецъ и кланяецца имъ. Мацерь яго узяла на руки и яго гладзиць, и отвѣщаецъ яму: «мой ты копи-чакъ! Якъ намъ цяперъ прожизь однимъ? Жили кое-якъ-нибудзь, нахвацився Удовинъ сукинъ сынъ, побивъ моихъ сыновъ усихъ трѣхъ: оряшивъ мою жисць!» Малаго брата жонка и кажець: стой, мамъ, не печалься: мы и яго спрячемъ: будучъ ѣхаць по дорози, дакъ я скинуся крыницаю, што будзець вода, дакъ ажъ кипѣць, холодна; и ли тыя крынички будзець комага стояць—коня попойць, и черпаха лежаць—воды налиць: конь напѣтца и самимъ напитокца и поѣхаць. И захочетца имъ безъ конца пиць; што двѣ вярсты не доѣжжаючи до крыницы издѣлаецца ў ихъ у роци сушь, што прямо языки повывастивши зъ рота, будучъ ѣхаць до крыницы. Якъ выпьюць яны етыя воды, такъ тамъ и полопаютца!.. А другая, сярэдняго брата жонка, кажець: што, можа воду яны будучъ везци исъ собою, етакіе! А вотъ, якъ я здѣлаю, дакъ лучьче будзець. Скинуся яблоньню при дорози, што яблочки будучъ хорошія, сахарныя, красненькія. Яны якъ увидзюць, дакъ и духъ ихъ разгоритца: ето дзѣло лакомое! Якъ тольки зьядуць яблочки одно, сощипнувши, дакъ и лантушка ихъ пополопаецъ!.. А самага большаго говориць жонка: вы говорице усё тое, што можно оборонитца безъ вашихъ етыхъ штукъ. А вотъ якъ я здѣлаю, дакъ безъ моё штуки ня мѡжуць яны прожизь на свѣци. Што отъ этаго отъ городу на сто дватцаць верстъ попасу нема ниякаго ни конёмъ, ни сабѣ; дакъ я скинуся лугомъ привукраснымъ, трава будзець ядомая, и двѣ вербы будзець при дорози. Дакъ яны якъ будучъ ѣхаць, захочуць коня покормиць и сами отдохнуць. Коня жъ яны отпрягуць, да пусцюць на лугъ, а сами лягуць подъ вербами ў холодокъ. Якъ тольки лягуць подъ вербами, дакъ якъ заснуць, дакъ и на вѣкъ заснуць. А конь три разы скўбнѣць травы—и издохнець! А матка говориць: «што, говориць, дзѣточки: дзѣлайце, якъ знаеце. Коли вы ихъ спрячете, дакъ спрячете, а не спрячете, дакъ я постараясь. Скинуся свиньнёю, дакъ я у пятнатцаць вѣрстъ съ конёмъ ихъ проглычу!» Етый коцикъ со ўлоньня ў ихъ доловъ, дакъ дзвярёмъ, да коло дзвярей стоючи—кавъ! Узяла матка, яго выпустила вонъ. Енъ и пошовъ, куды яму треба. Догадались яны: «вѣрно ето Удовинъ сынъ, сукинъ сынъ, бывъ, да выслухавъ уси наши говорки!»

А Удовинъ сынъ цяператка узявъ, да сонца, мѣсикъ и звѣзды на небяса пусцивъ; затымъ што енъ не боитца уже зъ ихъ колѣна зрады ниякія, што енъ выслухавъ ихъ подозрѣніе усё. И давъ Богъ на дворѣ вясѣлосць, видносць на свѣци и цѣлосць: што мѣсичакъ у ночьчу свѣщцы, у дзень совнушко грѣецъ. И народъ етому безъ конца ставъ радъ. А то на сто восемдзсятъ годовъ было затменіе, што ня видзѣвъ ніхто ни сонца, ни мѣсика у вочи, затымъ што Чудо-Юда знявъ ихъ зъ неба и завладавъ. А коли енъ знявъ: якъ ня було Суса Христа на свѣци. Якъ Сусъ Христосъ народзився, —показавъ уси пуци, устройвъ сильныхъ крѣпкихъ богатыровъ, большихъ осилковъ, кабъ были божацкія силы и божацкое ўладзѣнныя, а ня дзьявольское. И Вожа, Вожа, сколько народовъ тоды собирались мижъ сѣбу и просили Господа Бога: хто ето здѣлавъ, поможи Господзь тому во ўсихъ дзѣлахъ яго!

Ну, поестому Удовинъ сынъ, и царскій, и купецкій купили сабѣ лошады хорошаго, запладили яны за лошады триста цалковыхъ, которая лошады можець бѣчь безъ попасу сто семдесять вѣрсть. А зачимъ яны выбирали такую: кабъ яна не могла повалитца безъ харчей на етый лугъ, покуль яны выбярутца на ўремя на хорошее. Набираюць яны пятнатцаць пудовъ сыровъ ись собой и пятнатцаць пудовъ соли, и мѣшаюць яны ето ўсѣ ўмѣсто, кабъ якъ-якъ можно быць да забавиць яе, кабъ яму куды-куды ды ўпечь отъ яе. Поѣхали. Ъдучъ яны дорогою, доѣжжаюць до етыя крыницы; и ёнъ имъ не сказавъ ничагухтонька, што ёнъ чувъ у ихъ, етымъ своимъ то-варисамъ. Подѣжжаюць подъ ету крыницу, захопѣлося имъ безъ конца воды. И ёнъ отвѣщаецъ: стойце-тка! Ваша-жъ колѣно усѣтки ня мужицкое: ето-жъ царскій сынъ, а ты купецкій сынъ; а якъ я мужикъ,—пойду вамъ воды подамъ и самъ напьюся. Такъ сячасъ за ету за свою за булаву, и идзець къ крыницы; а яны спрашуюць у яго: на што ты ето бярёшь? А ёнъ отвѣщаецъ имъ: а я перша помочу ету булаву, што гвоздзя було снижбвое, дакъ яно отъ бойки пораспатувалось, дакъ я яго помочу! Яны жъ сабѣ думаютъ, што ето ёнъ говѣриць правду имъ; дождаюць тыя воды, дакъ ня могуць и рѣчь проговориць. А ёнъ, не чарѣная тыя воды, якъ узявъ булавою во-зиць по крыницы, дакъ ёнъ збивъ яе, што одна грязь да кровь, а воды тыя и звань-ня нема. А яны дакъ ажъ заплакали: ты насъ хочашъ помориць вѣсь! Али-тки досъ яны лицъ хоцѣць, и поѣхали дали. Проѣхали яны зъ гѣни, *) и спрашуюць: «за што ты ето бивъ ету крыничку? Ета крыничка была привукрасная, а ты яе бивъ?»—А ёнъ имъ отвѣщаецъ: «ето ня крыничка, а ето была наша зрада!» И ѣдучъ дорогой. И ето было варстовъ у дзевяцьдзесять—становилася яблоня, што такія яблочки са-хѣрныя, привукрасныя! Якъ подѣжжаюць яны къ яблоньцы къ етой, дакъ прямо имъ дѣлаецца нивѣсць яковѣ—што хоцяць яны яблокъ етыхъ безъ конца. А ёнъ ка-жа: стойце-тка вы, братцы! вы тыки людзи—не со мной ровняги: я мужикъ, дакъ я знаю, якъ топоромъ сѣчь. Я яе ци завалю, ци якъ,—и принясу яблокъ, а вы што будзеце дѣлаць? Узявъ булаву съ собой, и идзець. Ня 'ббивавши яблокъ, да зачавъ яе самую биць: збивъ яе, дакъ одна грязь да кровь! Яны и стали объ етымъ скуш-ны: «вотъ, братъ, якій ты! Жалѣешь намъ и яблочка подаць!» Проѣхали зъ гѣни,—досъ имъ хоцѣтца яблокъ тыхъ, и думатъ забыли яны на ихъ. И патаюць яны у яго: «за што ты, братъ, яблонку такъ посѣкъ? И мы бъ изъ дзесятокъ сабѣ отщипну-ли, ще й чаловѣкъ ба якій отщипнувъ.» А ёнъ отвѣщаецъ: «ето не яблонка, а ето до-сада наша!» Поѣхали дальше. Подѣжжаюць яны подъ етый подъ самый подъ лужокъ, и самихъ ихъ сонъ безъ конца клониць, и конь прямо оспѣняецца—ѣсць хочецъ. Ну Удовинъ сынъ надѣтца на коня, што ёнъ ету залозу можець перялѣць. Такъ и ка-жець: стойце-тка, братцы: я пойду поляджу, ци можець конь ету траву ѣсць, ци нѣ? Барѣць ись собою ето булаву свою, приходзиць ихъ етымъ вербамъ,—якъ узявъ етыя вербы чисиць булавою своей! Изъ етыхъ изъ вербовъ лужокъ той увесь посохъ и такая здѣлалась дрягва, што ня можець курица пробѣчь по ёй. И на томъ жа часу досъ имъ спаць хоцѣтца. За што имъ досъ спаць хоцѣтца: што немашь при

*) Гоня, или гони—собственно полоса поля такой длины, которая позволяет при пахотѣ „прогнать“ борозду отъ одного конца до другого; затѣмъ мѣра длины въ 60 сажень.

ихъ духу нячистаго някаго. Сѣли яны и поѣхали. Доѣхали яны до станцыи, докуль конь могъ бѣчь, отпрягли коня и сами сѣли вячеряць. Повячеряли сами и перяночавали тамо умѣсци. Назаўтраго—давѣ Богъ дзень—устали, попомылись, Богу помолились и на распрощаніе выпили по чарочцы горѣлки. Удовинъ сынъ и отказуецъ имъ: «што вотъ, вы, братцы, идзице сабѣ домовъ: у васъ помѣсци ёсць хорошія, бацьки ёсць. Ну якъ у мяне нема названья: мацерь была старая—тая ўжѣрла,—я поѣду ў бѣлыи свѣтъ, хоць свѣту павидаю больше.» Попрощались тые, и пошли. Запрягаецъ ёнъ ету свою добрую лошадзь и ѣдзець у пуць-дорогу.—А свякровъ ета хвацилася, што нявѣстокъ ужѣ нема на свѣци, скидаецца сама свиньёй, и ляциць за имъ у догонъ. И што зъ роту у яе огонь пышець, а ў ноздры искры сыпюць, а вѣ вуши дымъ идзець. Набѣгаецъ на Удовинаго сына у дватцаць пяць вѣрстѣ и отвѣщаецъ: «у! ды ня ўцѣкѣ, сукинъ сынъ, Удовинъ сынъ! Спрятавъ моихъ сыновъ, спрятавъ моихъ нявѣстокъ, ну мяне не спрячешъ! Съ конемъ проглычу!» Ёнъ коня погоняецъ, кольки моць яго бярець! И довог ня думаячи, узаявъ пяць пудовъ сыру и пяць пудовъ соли, якъ замахнувъ, да ёй у ротъ якъ кинець! Яна проглычила. Проглыцѣвши, пробѣгла за имъ три вярсты—распалила яе ета соль,—што яна ня можець за имъ бѣчь дальше. Отправляетца яна у свою крыницу, адзѣ яна жила, водѣ пиць. И черязъ чатыри царствы яна пробѣгла. Напиласъ воды, сама сабѣ й думаецъ: нагоню опяць и зѣмѣ! И поляцѣла. Нагоняецъ изновъ и отвѣщаецъ яму: «ня ўцѣкѣ, сукинъ сынъ, Удовинъ сынъ! съ конемъ проглычу!» Ёнъ изновъ размахнувъ пяць пудовъ сыру и пяць пудовъ соли и кинувъ ёй у ротъ. Яна проглычила и сама сабѣ думаецъ: ето я разнаяу, проглыцѣвши! Пробѣгла яна чатыри вярсты,—забралася уже тѣразъ пяць царствъ—и распалила яе ета соль. Упала яна на колѣнкахъ, сама сабѣ думаецъ: «пущусь опяць у свою крыницу, напьюсь и ўзновъ догоню яго.» Бойтца, бачъ, зрады, пиць другую водѣ, што ёнъ можа колодзязи засоливъ уси. Пробѣгла яна пяць царствовъ за повтора часа, и воды напившись, сама сабѣ и думаецъ: «пустиць яго? нехай сабѣ сукинъ сынъ такъ уже ѣдзець!» Сходзила домовъ; забрала яе жаль. Сама сабѣ обдумалася: побягѣ изновъ. И побѣгла. Опяць на шастомъ царсцѣви догоняецъ яго—у доми яна пробыла шесць часовъ. И 'пяць ляциць и отвѣщаецъ яму тыя самыя рѣчи: «ня ўважу! Сямъю мою разоривъ!» Напусцивъ ёнъ яе поближе на сябе, и ўзявъ етыхъ остальныхъ пяць пудовъ сыру и пяць пудовъ соли, да якъ пусциць ёй у ротъ!—Яна й проглычила. И проглыцѣвши, пробѣгла яна за имъ семъ вѣрстѣ; сабѣ думаецъ: разнаяу!... И ўпала на колѣнкахъ, сусимъ пропадаецъ. Тоды и кажець: за што я могу свою душѣ такъ губиць? Отправилася опяць у свой городъ, у свою крыницу воды налитца. Напиласъ воды и бяжиць за имъ опяць у здогонъ. Знаецъ яна собственно, што у яго больше етаго припасу нема. Зирнувъ Удовинъ сынъ у прозорную трубу, а яна перабѣгла уже чацьвертое царство—бяжиць за имъ. А ў сѣмымъ царсцѣви стоиць кузня на дванатцаць верстѣ. И вѣ етой кузни куецъ Кузьма-Дземянъ, Михайло-арханій, судзьдзя правядный, и дванатцаць молотобойцовъ. И ета кузня зятѣзная ўся и на дванатцаць дзвярей. Ёнъ подѣѣжаецъ подъ ету кузню и гукаецъ: «ахъ, Кузьма-Дземянъ и Михайло-арханій, судзьдзя правядный! поратуй мяне, Удовинаго сына!» А яны сичасъ—бахъ! уси дванатцаць дзвярей отчинили: ѣдзъ и съ

конемъ сюды! Только ёнъ съ конемъ у кухню ўскочивъ—сичасъ уси дзвери зачинилися. Подбѣгаецъ яна къ етой кухни: «ахъ, Кузьма-Дземянъ и Михайло-арханій, судзьдя правядный, пожалѣйце и мяне! Што енъ, Удовинъ сынъ, сукинъ сынъ, оряшивъ моихъ трѣхъ сыновъ и трѣхъ нявѣстоукъ. Выхоце мнѣ яго оттуль!» А яны отвѣщаюць: возьми, пролизни сцяну и выставъ сюды языкъ, дакъ мы на языкъ яго табѣ ўссадзимъ: што хочешъ то зъ имъ и дѣлай! Это мы не знали, што енъ такій душагубникъ!» Яна разъ лизнула—не бярэць; другій лизнула—не бярэць; у третій разъ лизнула—трошки показався языкъ. А яны грѣюць дванатцатцэро клящей, и отвѣщаюць ёй: «лизни-ка ты ящѣ, да ўсадзи морду побольше, кабъ намъ можно было яго ўссадзиць!» Яна чацьвѣрты разъ якъ лизнула—дакъ усю храпу ўсредила! Яны ёй якъ ўплялися етыми клящами за языкъ, горячими, якъ узали биць у дванатцаць молотовъ, куваць яе,—збили яе изъ свиньни да на кобылу. «Ну, садзися, Удовинъ сынъ, на яе и объѣдз кругомъ кухни три разы, покуль згорить посконей куль!» А Удовинъ сынъ сѣвъ на яе, дакъ и разу не объѣхавъ, а куль згорѣвъ увесъ. Опяць яны яе привязали, узали у дванатцаць молотовъ ящѣ куваць. Посли етаго кували яны яе шесць часовъ, не перастаюць. Тоды и каецъ Кузьма-Дземянъ: «Ну-тка, Удовинъ сынъ, садзъ, объѣдз кругомъ кухни три разы покуль нитка кужалёвая перагориць!» Удовинъ сынъ на яе—нитки половина не згорѣла, а енъ чатыри разы обляцѣвъ. Цяперъ ёнъ имъ благодариць хорошо, а яны яму отвѣщаюць: што ёдзъ жаты, Удовинъ сынъ, у такое то царство, и ёсць тамъ царъ Постоляецъ, и енъ съ однимъ бокомъ, съ однимъ вокомъ, съ одною ногою, съ одною рукою, и половина головы и половина бороды. Ну ты зъ имъ не закладайся у пропуски гуляць, ня мѣй сподзежи, што кобылка ета хороша дужо.

Побѣхавъ Удовинъ сынъ изъ кухни у такое то царство. Набѣжаецъ на етаго царя Постолянца. Ну, етый узнавъ, што ў яго лошадзъ хорошая, и хочець енъ, кабъ якъ-якъ да яе отобраць у яго. И давай яму пратэнцыи (претензіи) дѣлаць, кабъ якъ-якъ зачатиць да отобраць. Тоды и кажець: Удовинъ сынъ! давай-ка мы съ тобой у пропуски погуляемъ! Такъ Удовинъ сынъ самъ сабѣ думаецъ: «якъ? етаго ня можець быць, кабъ енъ на 'днэй нозѣ, ды могъ мяне выперядзиць!» Узали, заклалися. Такія то рѣчи говорили: што коли я цябе, Удовина сына, выперажу, то кобылка моя; а коли ты мяне выперядишъ—царство твое! Стали яны бѣць у пропуски, дакъ Удовинъ сынъ три разы не скаканувъ, а царъ Постолянецъ чатыри разы оббѣгъ кружка яго. И кобылку тую й отобравъ у Удовина сына. И жалко сильно стало Удовину сыну етыя кобылки. И сказуецъ ёнъ царю Постолянцу: царъ Постолянецъ, якъ ба мы съ тобой положилися, кабъ табѣ ци ўплатиць за кобылку, ци ўслужиць? А нъ отвѣщаецъ: «мнѣ твоя плата не нада и служба не нада, а коли ты своё кобылки жалѣешъ, то ёсць на продзеватомъ царсцвы, на продзесатой зѣмлі баба Каргота. Што ў етыя бабы Карготы дванатцаць дочокъ, и якъ одна: и волосъ у волосъ, и голось у голось, и лицо ў лицо. Што ў яе коло яе дому на три дзесяцины шаке-томъ обгорожено, на жодной шакецини сидиць чаловѣчкая голова, только на 'днэй нема; а ўсѣ сватники, што у сваты приходили къ ей; дакъ высватаць ня высватае-юць, а докладъ здѣлаюць, дакъ яна имъ голову доловъ. Дакъ коли ты высватаешъ

малую дочару за мяне, дакъ кобылку вѣзмешъ тоды!» А малой дочары усяго восьмнанцаць годовъ, што яна ня хочець яе отдаваць за яго, и яе узнаць ня можно. Удовинъ сынъ Богу пераяксився и говориць: «пойду! Коли высватаю, дакъ высватаю, а ўсѣ 'дно дѣтѣ голоу положиць, дакъ положиць.» И пошовъ. Идзѣць ёнъ дорогою,—бѣжиць пѣ морю, якъ пѣ мосту, чаловѣкъ. Удовинъ сынъ кажець: добрый дзень табѣ бѣчъ пѣ морю, якъ по мосту! А енъ отвѣщаець: добраго здоравика, Удовинъ сынъ, —куды йдзешъ, пуць-дорогу вадзешъ?—«Иду къ бабѣ Каргоци за царя за Постоянца малую дочару высватаць.»—Якъ ба ты мяне ўзявъ съ собою, дакъ ба я табѣ яе указаць!—«А мнѣ етакіе бѣ людзи нады бѣ были!» И идучъ удвохъ. Проходзили яны, идучъ и зюкаюць—дорога корочѣй—находзили на Вусыню, што аднымъ вусомъ дзяржиць прудъ, на двананцаць камянѣй мелиць, а другій подъ небяса дзяржиць. Тоды енъ идзѣць, Удовинъ сынъ и кажець: «добрый дзень табѣ, Вусыня!»—Добраго здоравика, Удовинъ сынъ! куды йдзешъ, пуць-дорогу вадзешъ?—«Иду къ бабѣ Каргоци за царя за Постоянца у сваты!»—Возьми мяне съ собою, я табѣ пригоджусь!—«А мнѣ етакіе людзи надо!» Идучъ утроихъ дорогою. Ишли, ишли, ишли, ишли, ци много ци мало—пѣець Водопой море, пѣець, допиваець, и гвалту кричиць: пипъ хѣчу! Подходзюць яны утроихъ къ яму и говорюць: «добрый дзень табѣ, Водопой!»—Добраго здоравика, Удовинъ сынъ! Куды Богъ ясець? куды йдзешъ, пуць-дорогу вадзешъ?—«Иду къ бабѣ къ Каргоци у сваты за царя за Постоянца.»—Возьми мяне съ собою: я табѣ пригоджусь!—«Мнѣ етакіе людзи надо, пѣйдземъ сабѣ!» Идучъ учецьварыхъ. Нямного проходзили—жрець Прожора колоду, и доѣдаець и гвалту кричиць: ѣсць хѣчу! Отвѣщаюць яны яму ўси: дзень добрый табѣ, Прожора!—Добраго здоравика, Удовинъ сынъ! куды йдзешъ, пуць-дорогу вадзешъ?—«Иду къ бабѣ Каргоци у сваты за царя Постоянца!»—Возьми мяне съ собою, я табѣ пригоджусь.—«Мнѣ етакіе людзи и надо, пѣйдземъ!» Идучъ яны упяцарыхъ. Нямного проходзюць,—находзюць на Мороза. Морозъ идзѣць: хлопъ! хлопъ!—«Добрый дзень табѣ, Морозу!»—Добраго здоравика, Удовинъ сынъ! куды йдзешъ, пуць-дорогу вадзешъ?—«Иду къ бабѣ Каргоци у сваты за царя Постоянца!»—Везъ мяне табѣ будзець худо!—«Ну, ходзи со мной!» Идучъ яны ўшесцарыхъ. Идучъ, идучъ—подыходзюць подъ яе дворъ. На шакеци на етымъ сидзяць головы, а на 'днѣй шакецини нема головы. Удовинъ сынъ и кажець: во тутъ моя голова сядзець! А товариши кажучъ: можа бѣ и сѣла, дакъ товаришовъ богато ёс! Кругомъ яе двора ворѣтъ нихто ня можець узнаць, помимо етаго, што бѣгъ пѣ морю, якъ по мосту. Такъ сичасъ ёнъ ворота и отчинивъ. Узыйшли яны ушесцарыхъ къ бабѣ къ Каргоци. Баба ета тожъ сабѣ думаець: што это за людзи за такіе, што нихто ня могъ узыйщѣ, а яны ўзыйшли? Такъ Удовинъ сынъ и кажець добрыдзень табѣ, баба Каргота!—Добраго здоравика, Удовинъ сынъ! Што ты ко мнѣ ходзишъ?—«Я къ табѣ ходжу, баба Каргота, у сваты за царя за Постоянца меньшаю дочару!»—Ето моѣ сваты! Тольки вотъ, ёсць у мяне склепъ пива; коли той склепъ пива попѣець, отдамъ дочаръ.—«А бабочка, мы пипъ хочемъ! ходзи хѣцъ по стаканчыку, по два выпьемъ!» Яна и говориць: слуги, завядзице ихъ ў склепъ! Слуги тыя повали, да ихъ и замкнули у скляпъ. Покуль яны, мелкота ета, пили по стаканчыку, дакъ Водопой нагнаець бочку и пѣець. Выпѣець, тоды кулакомъ якъ удариць, ажъ

бочка посыпетца! Допиваецъ пиво и кричиць гвалту: баба Каргота! приставъ пива побольше! Отомкнули склепъ, баба ета и кажець: ну, ничего, попили! А ёсць у мяне склепъ пироговъ: поясьце пироги—моё сваты! Удовинъ сынъ и кажець: «а бабочка, мы ёсць хочемъ! хоць трошку зъ дороги покрѣнимся.» Тоды баба Каргота вядѣла слугамъ отомкнуць склепъ и ўпусиць Удовина сына съ усими сватами ў пироги. Покуль яны по пирогу зѣбли, а на яго й кажуць: нука ты, Прожира, постарайся! Прожира пироги поѣвъ и сцяну проѣвъ. И гвалту кричиць: ёсць хочь! И идучъ уси съ склепу ня выпускаюцца. Баба ета стала сярдзита, што яна высталяла еты штуки восемняццаць годъ, а яны за повтора часа прибрали. Была ў яе лазня зялѣзная. Вядѣла яна ету лазню натопиць, кабъ яна стала красна, якъ сковородѣ. «Вотъ, сваты мое: дзѣ службы сослужили, коли третью сослужице, някихъ боли службъ ня буду высталяць. Ступице мою лазню, перяночуеце у ёй—моё сваты!» Удовинъ сынъ отвѣщаецъ: «бабочка! мы жъ зъ дороги, дакъ давно хочемъ погрѣтца, помытца!» Вядзець яна ихъ у лазню. Только Удовинъ сынъ хочець ступиць, а Морозъ кажець: стой, ня прися, а то ноги попсѣють! Такъ Морозъ у лазню наперядзи, хлопъ! цихенько—троху похолодѣло; уступили яны уси ў лазню, стало ужо во́лно. А баба Каргота сичасъ дзвери зачини́ла и замкнула. Морозъ тоды другі́й разъ—хлопъ! третій разъ—хлопъ! «Ну, каецъ: лядзице-тка, рабаты, ци можно перяночуваць ненакрывшися?»—Только, што ў самую красу! Перяночували. Назаўтры баба Каргота высылаецъ своихъ слугъ: «отомкните лазню и повыкидайте скварки собакамъ, нехай собаки поядуць!» Отомкнули лазню—идучъ яны ўшесцярыхъ, одзинъ за 'днымъ, якъ дубы. Бабо́ ёто дзѣлаецца грузко. «Ну, коли жъ вы ўгадаеце мою малую дочару, то вы яе возьмеце поси́лно; а коли не ўгадаеце, голову я вамъ ня симу, а такъ пойдзеце.» Тоды Удовинъ сынъ ставъ скучаць: ня мѣецъ енъ сподзежи на своихъ товаришовъ ни на во́днаго. И ставъ зъ ими радзитца: што, братцы: якъ ба тутъ яе увознаць? А етый, што ходзивъ по морю, якъ по мосту, говориць: «э, Удовинъ сынъ! за глупосьцю ты, говориць, жури́сья! Требу́й-ка ты яе поскорѣй! Я ўвознаю.» Такъ яна и вядзець за собою услѣдъ цѣлыхъ дванцацера, и волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, и лицо ў лицо, и плячо ў плячо: якъ ёсь, якъ одна! Стала яна наперядѣ, за собою поставила бѣльшую, а за большай меньшаю, кабъ яны, значитца, не ўгадали, думали, што меньшая на концы стоиць. Удовинъ сынъ три разы обыйшовъ кругомъ ихъ, узнававь. Яны яму промижъ собку указавали, дзѣвки, кабъ енъ бравъ ня тую. Ну, етый, што ходзивъ по морю, якъ по мосту, кажець: досыць табѣ, Удовинъ сынъ, ходзиць! Сичасъ пошовъ да на бярэмя яе, малую, да Удовиному сыну ў руки: нѣ, нѣ, кажець: дзяржи! И за етымъ яны благодаряць бабу Карготу, и зъ естою дочарью отправляюцца у пуць свой. Только яны за ворота, дакъ Удовинъ сынъ, думавъ, што яна будзець ниць имъ улагодны, ажъ яна выпралась, и за болоки сѣла. А енъ по етымъ не скучаетца ўже, а кажець: Вусыня, постарайся-ка! Вусыня вусомъ яе оттуль узявь и отдавь яму опяць у руки. И идучъ яны ўси. И якъ который дойдзець до свойго мѣста, тамъ и останецца: Морозъ, дѣ хлопавъ, тамъ по свое мѣсто и остався хлопаць, и ўси такъ. А енъ провець изъ ёй дорогу. Приходзяць нкъ етому къ царю къ Постоянцу. Царъ Постоялецъ на яго кобылцы нацягавъ яму смолы, у такую

(вотъ такую) грудѹ, съ хату, и стопивъ ету смолу усѣ дно, якъ алей—у ключъ кипиць. И положивъ дзятелину тѣразъ яѣ, у родзи кладки, и посылаецъ яго: нутка, Удовинъ сынъ, перайдзи-тка ты тѣразъ есту кладку, тоды вѣзьмешъ ету свою кобылку! Етый тольки Удовинъ сынъ ступаецъ на былинку, а яна сичасъ уцягнула ў яѣ сталыный пруть съ аглицкія стали. Ёнъ и перайшовъ. Тоды и отвѣщаецъ яму: «нутка, царь Постоалець! Я жъ табѣ выслуживъ уже дзвѣ службы—и я жъ мужикъ, мѣхонша, а перайшовъ, а ты жъ такій лѣхкій! Хоць ба ўбачиць, якъ ты будзешъ ищиць по былинцы. Ты яѣ такъ и перяскачѣишь!» Тольки енъ поступаецъ, царь Постоалець, ищи, и ўходзиць посерядзи, а дзѣвка ета сичасъ пруть етый—сморгъ! Усмотрѣла, бачъ, яго, што ёнъ сусимъ некрасивъ—ничуць, низаванья, што зъ имъ жиць ня можно. Отъ ёнъ у етой самой смолѣ и затопився, што енъ самъ нацѣтавъ. А Удовинъ сынъ изъ естой дзѣвкой оживився тамоцьки, и стався на свѣци жиць тамо, у етымъ царсѣвн...

С. Тимоново, климовицк. у.

Крест. Антонъ Гончаренокъ, 38 лѣтъ, неграмотный. Ср. Афан. II, 280, III, 6, V, 118.

17. Иванъ Ивановичъ—кобылинъ сынъ.

Живъ сабѣ старикъ Мельянь при большой бѣдности. Було у яго два сыны. И жили яны дужо бѣдно, ня було у ихъ ниякія скопинки,—усяго одна курица. Дождався ёнъ ярмалковаго дня. «Што ты вѣдыешъ, моя баба?» кажа на жонку.—«А што?»—«Пойду я къ коршмѣ!»—«А чаго табѣ, мой милянкій, ходиць? Кабъ у цѣбе гроши были, дыкъ и самъ ба чарку горѣлки выпивъ и чаловѣку бѣ поднесъ; а якъ няма, дыкъ нѣ зачѣмъ и ходиць.»—«А будуць людзи вѣсци скопинку на базаръ, хоць я на скопинку подзвивлюся. А то ужѣ моѣ сердца отгнило, што ня могу я зъ гора ходиць!» Приходзя къ коршмѣ, ажъ тамъ сидиць Савка, самый першій яго знакомый, прѣцель.—«Ци здоровъ ты, братъ Мельянь?»—«А якъ ты сабѣ, братъ Савка, поживаешъ, крапѣйся?»—«А я слава Богу! Што ты, братъ, вѣдыешъ?»—«А што?»—«Сходи ты, Мельянь, къ свойму брату; ёнъ табѣ позычиць двананцаць рублѣвъ!»—«Э, нѣ, кажа, братъ: ёнъ мнѣ на 'бѣдъ хлѣба ня дасць, а то дасць ёнъ мнѣ двананцаць рублѣвъ!»—«Нѣ, братъ, дасць, иди!» Мельянь пошовъ къ брату. Приходзя: «дзень добрый!» говора.—«Добраго здоровья, братъ Мельянь! Ходи, братъ обѣдаць!»—«Обѣдайка на здорѣвѣе!» Ёнъ зъ естаго удзвивляецца: што ето тутъ за штука ёсь: сидзи, бывало, дзень зъ ноччу—не позовѣ обѣдаць, а то сычасъ зовець. Ёнъ побѣдавъ. Выходзя зъ застолья, благодариць за хлѣбъ-соль. Богатый братъ и пытаетца у своѣ жонки: «што ты вѣдыешъ, моя жонка?»—«А што?»—«Дадзимъ мы брату рублѣвъ двананцаць грѣшій: няхай ёнъ купя сабѣ хоць якую-небудзь кобылѣнку!»—«А дадимъ—сабѣ. Я бѣ рада была, кабъ и енъ такъ живъ, якъ мы живѣмъ. А то мы живѣмъ слава Богу, а енъ живѣ абы-якъ зъ дробнымы дзяцѣмы!.. Братъ унѣсь двананцаць рублѣвъ и давъ яму. Той узявъ гроши и благодариць: спасибо, братъ! И хоцѣвъ ищи. «Постой, братъ! съ чѣмъ жа ты пойдзешъ?» И нясець яму хлѣба повбохонѣ и сала ковалочакъ на дорогу. «За гроши ты купишь якую-небудзь шавлягу на лѣто, а ёсь нечаго будзя!» Приходзя Мельянь домовъ; етый хлѣбъ дзяцѣмъ отдавъ, а самъ такъ пошовъ.

Заходя у коршму, ажъ той Савка (лясунъ бывъ) ждѣеъ яго. «А што, братъ Мельянъ: ци давъ братъ двананцаць рублевъ?»—Давъ, каа, спасибо ямѹ!—«Ну, идзи жъ ты цяперъ домовъ. Ёсь у цябе одна курочка—возьми й тую, и зайдзешъ ко мнѣ.» Ёнъ пошовъ домовъ, узавъ ету курочку, звязавъ, и идзе. Приходзя у коршму, ажъ тамъ Савка ждѣе яго. «Ну, братъ Мельянъ: якъ пойдзешъ ты на базаръ, будуць табѣ жиды даваць двананцаць копѣекъ за курочку. Отдай, ня торгуйся больше. А тамъ ты пойдзешъ на базаръ коній купляць. И будзя тамъ коній присиленно много. Ну ты туды ня йдзи. А подалъ будзя стояць одна кобыленка и коло яе много народу будзя стояць. И будуць за яе даваць и семь и восьмь, и дадуць, говора, и дзесаць. Ну, а двананцаць рублей никто не дасъ. А ей цана двананцаць рублевъ. Дыкъ ты тоды ня подходзи, коли народу много будзя. Ну, а якъ отойдутьца, тоды—подыйдзи. И ня торгуйся: якъ скажа двананцаць рублевъ, дакъ и дай. Ды коли купишь, дакъ не продавай и ня мѣняй ни съ кимъ: дзяржи потуль, покуль табѣ ня треба бузды, а тоды у поля пусци!» Пошовъ Мельянъ на базаръ, курочку подъ паху ўзявъ. Подходя подъ городъ—идзе жидъ. «Што, Мельянъ, продаешъ курочку?»—Продаю!—«Што табѣ за яе?»—А што, говора: двананцаць копѣекъ! Жидъ, курочки ня беручи, полѣзъ у карманъ и вынявъ гроши. А тому жалко стало, хоцьвѣ ёнъ поторгуватца—зиръ на правый бокъ, ажно Савка зъ имъ поплсць идзе. Ну, и отдавъ курицу за двананцаць копѣекъ. Узавъ енъ гроши и пошовъ къ хлѣбопечайкамъ, и купивъ за двананцаць копѣекъ булочку хлѣба. Эта перапечайка зове: Мельянъ, Мельянъ! ходзи я табѣ перарѣжу, можа ў цябе ножа нема!

Приходя енъ на базаръ, ажъ тамъ коній присиленно много, на базари, да енъ ня йдзѣе, стоиць здѣляку. Посли смотрѣць—видзя, стоиць одна кобыла здали. Енъ поткнетца къ етой кобылы, ажно коло яе стольки народу, што й приступитца нельзя. Даюць за яе и семь рублѣвъ и восьмь, и дзесаць; ну двананцаць никто ня дае, а ёй цана двананцаць рублевъ. Мельянъ съ повчася обождавъ, покуль народъ троху разыйшовся. Тоды приходзя: «Здрастви, братъ!»—Здрастви! тѣй отвѣщая.—«Што, братъ, продаешъ кобылу?»—Продаю!—«А што табѣ за яе?»—А я, братъ, скажу табѣ усю правду: мнѣ давали за яе и семь рублевъ и восьмь, и дзесаць давали. Ну я меньше двананцаць ня 'тдамъ! Мельянъ, ня беручи кобылы, выймае ковалочакъ хлѣба, повбулочки: «на, братъ, табѣ уперадъ хлѣба-соли! А цяперъ на и двананцаць рублевъ. Хочашъ личи, хочашъ ня личи: яны уже пераличаны. Ето мнѣ братъ отдолживъ двананцаць рублевъ, кабъ купиць якую-небудзь шавлягу на лѣто!» Етый жа, ня беручи грошій, дае ямѹ пяць копѣекъ: ты ко мнѣ пришовъ съ хлѣбомъ-солью, а ў мяне хлѣба-соли нема, дыкъ на табѣ пяць копѣекъ на поводъ!—«Ну, спасибо табѣ, братъ!» Самъ ету кобылу узавъ и повѣвъ. Вѣсци, дакъ вѣсци ету кобылу по базару, выводзя яе зъ города. Сустрѣкая енъ свойго сусѣда, Прокопа. «Эхъ, братъ ты мой, Мельянъ, каа: скорѣй ты вядзи моимъ собакамъ мясо! Яны дужо давно выюць, ждуць твоего мяса!» Тольки енъ зъ имъ разминувся—брыкъ ета кобылѣшка со ўсихъ ногъ, и ўпала.—«Ахъ, Господзи милосливый! хуць ба моя кобылѣшка сама ўстала, хуць ба я ня просивъ людзей подымаць яе!» Кобылѣшка покачалась зъ боку на бокъ, усхвацилась, вѣд й пошла. «Слава Богу, што моя кобыла сама ўстала!» Енъ яе якъ вѣсци, дакъ вѣсци, якъ вѣсци, дакъ вѣсци, якъ вѣсци, дакъ вѣсци—

обнимая яго цёмная ноч. Ён яе сычась трохку припугав, и пусцив коло шляху: «няхай пощипля травіцу!» Толькі ён яе пусцив, а кобылёшка сычась брыкз со ўсіх чатырох ног, и повалилася. «Ах, Господзі мілосэрбны! хуц ба мая кобылка ўстала, хуц ба я ня просив людзей подымаць яе!» Яна покачалася, покачалася, и усхвацілася и пошла. «Слава Богу, што мая кобылка сама ўстала! хуц я ня просив людзей подымаць яе!» Разложив ён сабѣ цяпелцо и заснуў. Ці многа ці мало заснуў, ды заснуў. Прогнуўся и гавора: «ах, Господзі мой! гдзѣ мая, каа, кобыла?» Зір, зір круг сябе, а яна и ходзіць тут жа. Ён яе ўзяў, забрытаў и пошов. Як вёсці, дак вёсці, як вёсці, дак вёсці,—кобылка брыкз со ўсіх чатырох ног, и ўпала. «Ах, Господзі мой мілосэрбны! хуц жа б мая кобылка сама устала!» Яна покацілася з боку на бок—устала. Походила трохку, ён яе и повёв. Вёсці, дак вёсці, вёсці, дак вёсці—то цягнуў ён яе, усклавши на плячо повод, а то уже яна яго цягн на поводзі. «Ах, гавора: слава табѣ, Господзі, што я сь свай кобылкой ня справлюся іці. Ну, ўже што будзя, дак будзя, а ўссяду вярхом!» Як усёв ён, як пошла яна рысёю, а рысёю, рысёю, а рысёю, рысёю, а рысёю—не глядзіць ні гор, ні долины—валя а валя—и пріхав ён ік свай коршмѣ. «Зайду я ў коршму!» думая. А послі обдумався: «ах, чаго я пойду? пойдз дамоў!» А брат яго выходзя, и гавора: «эй, брат Мельяні! што ж ты не похваліся: што купляв, што продавав?»—«Ах, брат! што я продав? одну курыцу продав. За твоіх двананцац цалковых сабѣ кобылку купив!»—«Вярніся жа, хуц похваліся!» Ён вярнуся. «Што ты, брат, вѣдмеш?»—«А што?»—«Ёс у мяне двананцац коней: выбер сабѣ самага першаго коня, а мнѣ отдай свою кобылку!»—«Знаеш ты што, брат: услучай, твой конь будзя жиць у мяне, а мая кобыла пропадзѣць у цябе—ты прйдзеш и забяреш сабѣ свайго коня. А услучай, твой конь пропадзѣць у мяне—ня будзя ў мяне ні коня, ні кобылы!»—«А ето, брат, гавора, правда. Ёдз сабѣ, каа, з Богом!» Ён прыходзя дамоў. «Ах, сынкі мое, сынкі—соколкі! Ідз наша давіна подзѣлас? Дзѣ наша сошка, дзѣ наші лямешікі подзѣліся?» Да сам на печь. Сын большій сычась пошов, соху настроив, и похав, горбдз узораў. Пріхав дамоў, покормив яе трохку. Бацька прогнуся: «ах, сынкі мое, соколкі! дзѣ наша давіна подзѣлас? Дзѣ наша сошка, дзѣ наші лямешікі подзѣліся?»—«Э, татка, я ўже горбдз узораў!»—«А што ж, якова кобыла?»—«Слава Богу, таточка! дай Бог нам помѣрці з эстакамы коньмы! Бацька сычась похав, загорбдзязя ўзораў. Привёв яе, трохку покормив, сам побѣдав, отдыхав, и похав у поле ораць. Ёдзя яго сусѣд, Прокоп, сь кирмашу, и гавора: «вот, брат ты мой, Мельяні! хочаш ты, каб у цябе скоціна была: у мяне колькі конёв, колькі конёв, а я з ясны столькі ня ўзораў, колькі ты. А ты ўчора кобылку купив, и ты колькі ўзораў! Я з ясны постѣв шпаніцу, овёс, а твой за 'дзін дзень зровняся з моім!»—«Слава Богу, што завідуеш мойму жиццю!»—«Я не завідую, я правду говору!» Сычась яго кобылка брыкз со ўсіх чатырох ног и ўпала. «Ах, Господзі мілосэрбны! хуц ба мая кобылка сама ўстала!» А яна покачалася з боку на бок,—устала. «Слава табѣ, Господзі, што мая кобылка сама ўстала!» Ета кобылка як пошла, спорным шагом: кь одной

мягжъ прикинувъ, къ другой ставъ прикидаць—цупъ яго кобыла, стала!—Нѣ! крикнувъ ёнъ. Яна якъ хвацила—выкацила яму коцялокъ грѣшій. Ёнъ кобылу отпрогъ, за етій коцялокъ да домовъ. Посылая свойго большаго сына по дзядзьку: «Што, говора: мой сынокъ, сходзи ты по дзядзьку: няхай дзядзька къ намъ прйдз!» Ётій сынокъ приходзя къ дзядзьку: «дзядзька!»—А?—«Казавъ бацька, кабъ ты къ намъ прিশовъ.»—А чаго я къ вамъ пойду? Што вы гроши отдасце, ци што? А жонка кажа: «а сходзи-тка, чаловѣча: можа, каа, отдадучъ!» Ёнъ ето приходзя: «зачимъ, братъ, мяне требуешъ? Ци гроши мнѣ отдаси?»—А ўжо-жъ! Што виненъ, дакъ отдаць повиненъ. Кольки табѣ слѣдую?—«Кольки? ци ты ня вѣдаешъ, кольки—сто цалковыхъ!» Пошовъ той у кльцъ, отсчитавъ яму сто цалковыхъ, нясе. «На, говора, братъ, гроши!» Той гроши ўзявъ, вышовъ на дворъ: «ну, говора: хуць сто цалковыхъ, братъ, отдавъ, а кобылка, братъ, моя!»—А нѣ, што ты: ня сирочи, братъ, дзяцей моихъ!—«А што мнѣ твоѣ дзѣци!»—Кольки жъ я табѣ яще виненъ?—«Яще сто цалковыхъ!» Ёнъ пошовъ, нясе яму яще сто цалковыхъ: изволь, братъ, гроши! Той гроши ў карманъ. Приходзя къ жонцы: «во, каа, вѣръ ты имъ, еткимъ! Цѣлую вясну зъ голоду похъ и дзяцей моривъ, а гроши блювъ. Якъ пршлося кобылу браць, дакъ двѣсца цалковыхъ нашовъ!»

Ну, а ёнъ зъ естой кобылой якъ жиць, дакъ жиць, якъ жиць, дакъ жиць, яна—што годъ, дакъ конь, што годъ, дакъ конь, што годъ, дакъ пунька, што годъ, дакъ хлявокъ. Сыны яго подросли, и ставъ ёнъ жиць якъ лучче ня треба. Людзи посѣюць чецьверць, а ёнъ половину, а нажнець боли людзей, а намолоця удвѣя. Што ня здѣлая, дакъ усѣ ўдвойню. Вотъ, у яго зъ естыя кобылы якъ пошло, дакъ за двананцаць годоў яна прывяла яму двананцаць коней. Разъ пошовъ ёнъ у коршму. Тамъ у коршмѣ сядзиць бѣдны старецъ. «Ци знаешъ што, Мельяны? Вотъ, колибъ ты мнѣ отдавъ свою кобылу на зиму, съ прокорму: я дровъ сабѣ подвязы печку топиць, ну можа и смольля насыку, дзѣхцю выгоню: вамъ ба бѣ удруживъ, и сабѣ дѣло было бѣ!»—А ня вѣдаю, братъ: поговору съ сынама! Приходзя у дворъ. «Што, мое сынки?»—А што, татка?—«Да просивъ у мяне сусѣд кобылы на зиму, съ прокорму: сабѣ бѣ дровъ подвѣзъ печку топиць, можа бѣ и смольля насѣкъ, дзѣхцю выгнавъ: и намъ ба удруживъ, и яму дѣло было!»—Большій сынъ и говора: ахъ, тата, тата! Ци табѣ яще ета бясконница ня надоѣла? Цяперъ мы, слава Богу, сусимъ доволны,—а якъ мы спрежда жили? говора. Уздумай ты, каа, на Савково слово, што табѣ Савка приказавъ: штобъ дзяржавъ, покуль яна табѣ ня треба будзя. А ня треба будзя, пусци яѣ ў чистое поле!—«А што, моѣ сынки? Яна уже намъ ня треба, яна уже нажила насъ усимъ: и хлѣбомъ и солью, и одзѣжой и ѡжой, и скодинкой и посудзинкой, и будовлей—усимъ нажила. Пусцимъ яѣ у чистое поле!» Меньшій сынъ пошовъ, забрытавъ яѣ, вывавъ на горѣдъ, оброць здѣвѣ и пусцивъ. Яны обѣдаюць и въ вокно поглядаюць. Приходзюць икъ ёй двананцаць вовковъ отразу. «Ахъ, таточка: зьядуць вовки нашу кобылу!»—Ну, што жъ дзѣлаць, моѣ сынки! Зьядуць, дакъ воля Божая. Яна уже нажила насъ! Вотъ, тые вовки пршлы къ ёй, понюхали, понюхали, и пошли пречъ. «Нѣ, татка: поживѣ ще наша кобыла—вовки пошли ўси ў лѣсъ!» Наконець того, приходзя икъ ёй одна вовчица, и

большая—большая, ажъ цыцки по зямлѣ бовтаютца. «Зѣѣсь яѣ ета вовчица!»—Ну, зѣѣсь, дакъ зѣѣсь, што жѣ дѣѣлаць: воля Божая! Ета вовчица понюхала, понюхала кобылу, и пошла у лѣѣсь. Кобыла ўслѣѣдь за ѣй. «Вотъ жа, говѣдраць, таточка: пропадѣѣць кобыла —пошла ўслѣѣдь за вовчицай.» Вовчица, якъ пришла ў лѣѣсь, сычасъ чаловѣѣчьчымъ шталтомъ родзила сына. Услѣѣдь за ѣй кобыла родзила сына чаловѣѣчьчымъ шталтомъ.

Гѣѣтые сыны растуць не по годахъ, да по часахъ, не по часахъ, да по минутахъ. Удалиѣсь яны одзинъ у водзинъ: волосъ у волосъ, голосъ у голосъ. А пригожіе—однымъ словомъ, якъ кровь зѣ молокомъ. Выросли яны, и пошли сабѣ по лясу, за руки побравши. Ици, дакъ ици, ици, дакъ ици—сустракая ихъ лясникъ—старикъ: «Здра- стви, рабаты!»—Здрастви, старикъ!—«Вы откудова?»—Ня вѣдаемъ!—«Хто вы такіе?»—Ня вѣдаемъ!—«Якого вы сяленьна?»—Ня вѣдаемъ!—«Якія губерни?»—Ня вѣда- емъ!—«Хто ваши бацьки и маць?»—Ня вѣдаемъ!—«Ци хращоны вы?»—Ня вѣда- емъ!—«Ну, добро; ходзица со мной!» Ёнъ узявъ ихъ да привѣѣвъ домовъ. И говора на хозяйку: «ци знаешъ што? Я найшовъ сабѣ мальцовъ. Пытаю ў ихъ: откуль вы?»—Ня вѣдаемъ. Якъ зовуць?»—Ня вѣдаемъ. Ци хращоны вы?»—Ня вѣдаемъ. Дакъ треба ихъ перахрисциць!»—Дакъ што жѣ? треба, дакъ треба! Собрали кумовъ, отвiali къ попу, и перахрисцили. Попъ вовчицыному сыну давъ имя Романъ, а кобылиному Иванъ.

Цяперъ жа, етые мальцы стали у яго жиць. Лясникъ выўчивъ ихъ грамоци, што самъ знавъ. Жили, жили яны, а пѣсли надумалися: «што мы, братъ, тутъ будземъ жиць! Пѣйдземъ сабѣ разныхъ языковъ доходзиць!» Во й пошли. Уходзюць у городъ, сустракая ихъ отразу городничій. «Вы откуль, рабаты?»—Ня вѣдаемъ! «Хто вы та- кіе?»—Ня вѣдаемъ!—«Хто ваши бацьки—маць?»—Ня вѣдаемъ!—«Ходзица со мною!» Привѣѣвъ ихъ у сиротское и говора дозорщику: «призирай получче за етymi маль- цами! Якъ будуць яны приниматца за грамоту, дакъ пускай у святой дзень по го- роду; а ня будуць приниматца, дакъ и ў святой дзень дзяржи!» Етые мальцы за мѣѣсяць пройшли ўси ихны класы. Приходя етый городничій ўзнаѣь про ихъ. «Што етые мальцы?» спрашуя ёнъ у дозорщика.—О, етые мальцы дужо хорошо понимаюць! Коли бѣ ўси такіе мальцы, дакъ я бѣ и думаѣь забывѣь!.. Отъ, ёнъ ихъ пусцивъ на другій мѣѣсяць у городъ погуляѣь. Етые мальцы ходзили, ходзили по городу, послѣ вышли за городъ и написали таблицу. «Вотъ, братъ, говора: твоя матушка кобыла, а моя ма- тушка—вовчица. Станя табѣ тошно да нудно, ты приходѣь къ етому слупу; станя мнѣ тошно да нудно, я приду къ етому слупу. Ты ступай у правую сторону, я пойду у лѣѣвую!» Кобылинъ сынъ пошовъ у правую сторону, а вовчихинъ пошовъ у лѣѣвую.

Етый, правой стороной, ици, дакъ ици, ици, дакъ ици, ици, дакъ ици—приходя къ мору. Идѣѣь коло мора, ажъ ляжиць морскій ракъ. «Ахъ, говора, Господзи! Кольки на свѣѣци проживѣь, не доваѣлось морскаго рака побачиць, а цяперъ во, ня то, што по- бачу, дакъ и покушаю!» А ракъ етый отвѣѣщай: ахъ, говора, Иванъ Ивановичъ—Ко- былинъ сынъ! Да ты мноу подѣѣйсци не подѣѣяси, а только съ свѣѣту перавадѣѣшь. А коли Бога боѣѣсья, лучче ўкинъ мяне ў мора: я табѣ ў лихую годзину знадоблюся! Ёнъ яго ўзявъ да ў мора и ўкинувъ. Пошовъ дальше. Ици, дакъ ици, ици, дакъ ици, ици, дакъ ици, и ўбачивъ етъ морскую рыбу. И говора: «ахъ, Господзи! кольки на свѣѣци проживѣь, а ниразу морскія рыбы ня бачивъ, а цяперъ во доваѣлось ня только

побачиць а й покушаць—ня разъ, а можа два и три!» А рыба яму отвѣщая: Ахъ, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ! Да ты мною подъяси и разъ, и два, и три, ды ўсѣтки усяѣ не зъясси, а тольки мяне съ свѣту перавядзешъ. А коли боисся Бога, дакъ луччѣ возьми дручокъ да мяне у мора сонхнн: я табѣ къ лихой годзини знадоблюсь! Енъ узавъ дручокъ и сонхнувъ яѣ ў мора. Пошовъ дальше. Ици, дакъ ици, ици, дакъ ици, ици, дакъ ици—ажъ стоиць хатка на куриной ножцы. Енъ у ету хатку. У етой хатцы старуха, такъ плача, такъ рыдая, што за слезами свѣту не бача. Приходзя ёнъ у хату: «Здрастви, старуха!»—Здрастви, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ!—«Што ты, бабка, силно плачашъ, силно рыдаешъ?»—Ахъ, мой голубчикъ, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ! Якъ намъ ня плакаць, якъ намъ ня рыдаць, коли ў нашамъ царстві, ў нашамъ государстві—вѣрно ў томъ, у котаромъ мы живѣмъ—проявився поганый цмокъ. Етому цмоку ишла дань по цѣлому чаловѣку на дзень, и пришла дань къ самому цару, кабъ самъ царъ свою дочаръ увобравъ, и вѣзъ къ яму на зѣжку!—«А ци скоро жъ яѣ будучъ вѣзци?»—А вотъ, говора: сычасъ!—«Ну, говора, бабка: я вотъ лягу сычасъ засну трошку, а якъ будучъ яѣ вѣзци, тоды мяне узбудзিশъ!» И лёгъ, заснувъ. Тутъ яѣ удругъ вязуць. Ета старуха яго будзила, будзила—и била, и щипала, и што яна яму ня дѣлала—ничого рады не дала: сницъ да й годзя. Дакъ што яна придумала: прихинула своё глазы да яму у глазы, дакъ яѣ сляза да яму у вочи и капнула. Енъ прохвацився и спрашуя: ахъ, бабка: якъ ты мяне силно ўдарила!—Ахъ, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ! Я цябе ня тольки била, дакъ и щипала, и порола, и чаго ня дѣлала. А ето моя сляза упала табѣ на вочи, дыкъ табѣ показалось, што я цябе ўдарила!—«Што жъ, бабка, ци повязали царевну?»—А вонъ уже коло камяня сядзиць, и тые, што привязли, поѣхали: и полы и проводничіе.—«А вотъ и мы пойдземъ!» Сычасъ узавъ и пошовъ къ ёй. Приходзя туды: «Здрастви, царевна!»—Здрастви, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ!—«Ну, што, говора, душанька: присягнешъ ты мнѣ, што ты будзешъ дружина моя, а я буду другъ твой—отратую отъ смерци; ня присягнешъ—тутъ табѣ загибнуць!»—Присягну, говора, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ: я табѣ, а ты мнѣ. Я буду дружина твоя, а ты другъ мой.—«Присягни!»—Присягну: я буду дружина твоя, а ты другъ мой!—«Присягни!»—Присягну: я буду дружина твоя, а ты другъ мой!.. Сычасъ узавъ яѣ на улонья, и отнёс за семъ вѣрстъ отъ камя. —Яна яму дала на присяги своё золотое кольцо и хусточку. Посадзивъ яѣ и говора: ну глядзи жъ, што тутъ будзя! И пошовъ икъ камню. Приходзя икъ камню, ажъ вѣдъ съ подъ камя вылазя поганый цмокъ. «А!... га!.. Што ты царевна, дакъ ты отыйшлася за семъ вѣрстъ отъ камя! Да я цябе и тамъ найду, и тамъ зѣмъ!»—Ахъ ты, поганый ты цмокъ! Да ты упяродъ мяне зѣжъ, а тоды яѣ на закуску, якъ зайца!—«А ци тутъ ёсь Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ?»—Ёсь.—«Што жъ, брацець: ци будземъ битца, ци миритца?»—Нѣ, говора, прапоганое твоѣ мясо: не на то я йшовъ, кабъ миритца, а на то, кабъ битца!—«Ну, дми поле!»—Нѣ, собачье прапоганое мясо: не моя воля, а ты прѣжда дми поле!.. Енъ якъ дунувъ—на семъ верстъ лѣсу поломивъ. Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ якъ дунувъ поле, якъ сикнувъ яму гольцу (гололедица), дакъ яму и стаць някакъ няльзя. Якъ начали битца!.. Билиси, билиси, билиси, билиси, до

тыхъ поръ, што цмокъ ни рукой, ни ногой не поверня. Тоды ёнъ яго за хохоль, страханувъ (встрахнулъ), косци выкинувъ сорокамъ, а кожу ўзявъ, да мезянымъ палцамъ камянь поднявъ, да яё скомкавъ, скомкавъ, да подъ камянь и подложивъ.

Тамъ бывъ на поли пастушокъ-конюшокъ дворецкй, и бачивъ ето усё дзиво ихное. Ёнъ, ётаго убивши цмока, и пошовъ къ царевни. «Ну, говора, я трошку поляжу отдыхну, а ты пойци у мяне ў головѣ!» Лёгъ ей Иванъ Ивановичъ на колѣнки и заснулъ. А яна ищецъ у яго ў головѣ. Вотъ той пастушокъ-конюшокъ дворецкй приходзя икъ етой царевни. «Здрасти, царевна!»—Здрасти, пастушокъ-конюшокъ дворецкй!—«Што ето за чаловѣкъ?»—А ты жъ бачишь,—чаловѣкъ!—«Однача, отвярница ноги, я поляджу!» Яна—вѣдомо баба—узяла ноги отвярнула, а ёнъ нибытцамъ ставъ глядзѣць, ды й порнувъ яго ножомъ у горло. Зарѣзавъ и заволокъ яго у мора. Приходзя къ царевни. «Ну, царевна: ёнъ погибъ, и ты погибнешь! Присягни, што ты будзешъ дружина моя, а я другъ твой!»—Ну, присягну: я буду дружина твоя, а ты другъ мой.—«Присягни!»—Присягну: я буду дружина твоя, а ты другъ мой.—«Присягни!»—Присягну: я буду дружина твоя, а ты другъ мой. Присягнула. Вотъ яны побравши за руки, сычасъ у дворець пошли, и стали готовитца законный бракъ принимаць.

Якъ стало тому Роману тошно, якъ стало тому Роману нудно—ня можець ёнъ прожипц!.. Вотъ и пошовъ енъ яго дорогой, Ивановой. Ици, дакъ ици, ици, дакъ ици: ици, дакъ ици—и приходзя къ мору. Ажъ ляжаць тольки яго косци. Ёнъ етыя косци начавъ складаць. Якъ складаць, дакъ складаць, якъ складаць, дакъ складаць—косточка до косточки, суставка до суставки—изложивъ усяго! Изложивъ, и самъ сѣвъ коло яго. Ляцаць вороны—старый и молодой. Молодой говора: мясо на сожранья, нашай душѣ на оплетанья! А старый говора: нѣ, мясо смердзъ, а намъ будзя смерць! Старый жа поляцѣвъ дальше, а молодой спусцився, сѣвъ и ставъ цягаць косци. Романъ нѣякъ поткрався, да за яго. Надзѣлавъ ёнъ крику, назлятались къ яму вороны отъусюль, и надзѣлали яму крику, што дзѣць негдзи. «Ахъ, Романъ Романовичъ—Вовчихинъ сынъ! Што хочашъ, тое табѣ дадимъ, тольки пусци нашего ворона!»—Ничёго я ня хочу отъ васъ, тольки дайца мнѣ воды живушя и растуця! Етые вороны якъ поляцѣли за водой—ляцѣць, дакъ ляцѣць, ляцѣць, дакъ ляцѣць—пералаяцѣли теразь огняннуу раку. Посмылѣло имъ крылья, яны три дни пяхотой ишли. Приходзюць икъ етой крыницы; тамъ стоиць часовый: нѣякъ воды ўзяць. Тоды одзинъ воронъ подляцѣвъ къ крыницы и сѣвъ. Часовый кажа: ахъ, кабъ цябе! я жъ табѣ задамъ! Узявъ палку, да въ ворона! Той отляцѣвъ сажни на три, и зновъ сѣвъ. Часовый ояць поднявъ палку, да ўзновъ кинувъ. Воронъ ящё трошку отляцѣвъ. Часовый ояць за имъ. Тоды етые вороны у крыницы—щовкъ! щовкъ! Воды понабирали, узнялися и поляцѣли. Оглѣдзився часовый—воды нема! А яны ояць ляцѣць, дакъ ляцѣць, ляцѣць, дакъ ляцѣць, пералаяцѣли огняннуу раку. Подемылѣло имъ крылья, и яны зновъ три дни пяхотой ишли. Приходзюць туды: «Отъ, Романъ Романовичъ—Вовчихинъ сынъ, звольца вамъ воды, а пусцица нашего ворона!»—Нѣ, говора: я яго ня пушу, а прежда раздзару! Узявъ яго разодравъ, склавъ умѣсто, помазавъ растучай водой—зросся; помазавъ живушай водой—поляцѣвъ. Цяперъ яго ўзявъ, вымазавъ чисто ўсяго—и пальчики и суставчики—чисто ўсяго, растучай водой—ёнъ зросся, по-

мазавъ яго ўсяго живушай водой—отжился. И говора: «вотъ, братъ, якъ я заснувъ смашно!»—Ну, братъ Иванъ Ивановичъ! ты заснувъ на вѣки якѡмъ аминь. Ну, братъ, чаго доходзйвъ, того й доходзѣ! А самъ бывъ, да й няма. Тоды Иванъ Ивановичъ ици, дакъ ици, ици, дакъ ици по берагу морськимъ, и ўстрѣвъ того самаго рака. Ракъ дзѣржа яго кольцо. «Вотъ, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ! Я казавъ, што буду ў пригодзи у лихую годзину: вотъ, бярѣ своё кольцо!» Иванъ Ивановичъ поблугударстваваў: спасибо вамъ! и пошовъ. Ициць, дакъ ициць, ициць, дакъ ициць, ажъ ляжиць морская рыба и дзяржиць яго хусточку. «Здраствѣ, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ!»—Здраствѣ, морская рыба!—«Извольца вашу хусточку ўзяць!»—Покорня васъ блугударимъ! Узявъ хусточку и пошовъ далъше. Ициць, дакъ ициць, ициць, дакъ ициць, и приходзѣ у тую хатку. Ажъ ета старуха такъ пѣе, такъ весялитца, што не примяниць ни кѣ чаму. «Здраствѣ, бабка!»—Здраствѣ, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ!—«Чаго ты такъ весяліліся бабка?»—Якъ жа мнѣ не весялитца, коли ў нашамъ царствѣ, ў нашамъ государствѣ появи́лся поганый цмокъ. Етому цмоку ишла дань по чаловѣкку на дзень. И пришла дань кѣ самому цару, кабъ царъ свою дочаръ увобравъ и вѣзъ кѣ яму на зѣ́жжу. Привязли царевну кѣ цмоку, а тамъ бывъ пастушокъ-конюшокъ дворецкй, дакъ ёнъ этаго цмока ўбйвъ, царевну отъ смерци отратовавъ, и цяперъ вясельѣ гуляюць. Дакъ хто бѣ ни пришовъ, хто бѣ ни прѣ́хавъ, дыкъ и пѡюць и кормюць, ще й на дорогу даюць.—«Ци няма ў цябе, бабка, корытца?»—Нѣ, корытца ў мяне няма, а йшли тутъ два музыки, зачэпѣлиси мижда собою, стали дратца, и поломали одзѣнъ одному скрипки. Я пособирала етыя щечочки; яны вонъ подъ загнѣтомъ ляжаць у мяне. Ёнъ узявъ, етыя щечочки поскладавъ и склейвъ сабѣ скрипочку. Посли якъ зайгравъ, пошла ета баба танцоваць... разслухатца! «Ну, пѡйдземъ, старуха, на свадзѣбу!» Пошовъ на свадзѣбу. Приходзѣ на свадзѣбу, зайгравъ у свою скрипочку, ажъ дворець хѡдоромъ ходзѣ! Ета царевна почула, што такая музыка, бярѣ графiньчикъ горѣлки и нясе яго почтоваць. «Нѣ, говора, царевна: вы мнѣ еты́й стака́нчикъ ня подно́сьца горѣлки, а подна́сица мнѣ прамо кубышку!»—«Ну, што жѣ, милая дочъ, кажа царъ: просѣ, дакъ и подна́си!» Яна поднасла яму кубышку горѣлки. Ёнъ выпивъ, кровь разгорѣлася, повесѣлѣвъ ёнъ, скрипочку на столъ положивъ, хустку нѣс кишени вынявъ,—на шію, кольцо на палець. «Вотъ, цяперъ, слышна (слична) царевна, прошу у васъ милосци той стака́нчикъ, што прѣ́жда подноси́ли!» Яна яму подно́сиць стака́нчикъ водки, ёнъ бярець, да такъ, штобъ кольцо былѡ замѣтно. *) Яна й убачила. Зиръ на шію—и хустка яѣ. «А што, другъ, откуль ето ты маешъ сабѣ ето кольцо?»—А што, ци ня ваша ето кольцо?—«Я замѣчаю—похожа, моѣ.»—А кому жѣ вы, говора, присягали: ци мнѣ, ци пастушку?»—«Ня знаю.»—Вы вясельѣ ще ня гуляѣ?—«Нѣ!»—Ну, й ня гуляѣца жѣ, покуль ёнъ ня покажа цмоковой кожи сѣ подъ камня. Покажа кожу, дакъ гуляѣца; ну ня покажа, дакъ бѣца у барабаны, пушайца за́клики, и тре́буѣца Иванъ Ивановича—Кобылинаго сына. За што ето пастушокъ-конюшокъ дворецкй у такіѣ лицари по-павъ, што на царевни жѣнитца...

Цяперича, якъ стало имъ тошно, якъ стало имъ нудно—Ивану Ивановичу—Кобы-

*) Сказани́къ производи́тъ соотвѣтственную манипуля́цію.

линому сыну и Роману Романовичу—Вовчихиному сыну. Прибѣгають яны къ тому слупу, ажь тая таблица была—была красная, да ўже и почарнѣла... Вотъ, Романъ и кажа: твои матушка—кобыла и моя матушка—вовчица, померли у воднымъ мѣсти. Пойдемъ ихъ похуваемъ. Пошли, похували. Похувавши, Романъ Романовичъ—Вовчихинъ сынъ кажа: «ну братъ, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ! Чаго доходзивъ, того й дохѣдзь! И тутъ бывъ, тутъ няма.

Цяперъ, етый пастушокъ—конюшокъ поспробовавъ достаць цмокову кожу съ подъ камня. Приходзя къ цару и кажа: «ваша царское вяличаство! я тоды бывъ золь, дакъ я мезянымъ палцамъ поднимавъ камянь; а цяперъ моё сердца остановилось, я облачився, не могу ўсёй рукой поднятъ. Дайца помочи!» Яму дали два полки солдатовъ. Ну, етые два полки солдатовъ работали—работали до обѣдзды, сѣли обѣдаць —и зравнялася уся ихная работа, и знаку няма! Работали—работали до вечара, у ночь пошли; назаўтраго приходзюць ураньви—работы ихъ няма ниякой: якъ было, такъ и ёсь. «Нѣ, говора, ваша царское вяличаство: биця ў барабаны, пушайца заклики, ищица Ивана Ивановича—Кобылинаго сына, а я ня могу!» Разыйскали Ивана Ивановича—Кобылинаго сына. Приходзя ёмъ къ цару. «Ну, ваша царское вяличаство: отпраця по имъ по живомъ на тэй свѣтъ!» Собрали нѣсколько поповъ и отправили по живомъ на тэй свѣтъ. Повязли яго на тое мѣсто, дзѣ енъ яго ўбивъ, за семь верстъ отъ камяня. Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ приходзя къ етому камяню, мезянымъ палцамъ камянь поднятъ, кожу выпягнувъ, сконкавъ у комокъ, да якъ пусцивъ за семь верстъ, да етому пастушку у грудзи, такъ енъ и разсыпався у песокъ! Тутъ яго зъ естой кожей и зарыли.

Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ пошовъ у царскія палаты, принявъ законный бракъ, ожанився, и живецъ. Поживъ ёнъ нѣсколько уремя и заскучавъ. «Вотъ, говора, бацюшка!»—А што, мой любезный сынъ?—«Подходя подъ насъ чужаземець. Дайца мнѣ силы, треба якъ—небудзь боронитца!»—А кольки жъ табѣ даць силы?—«А ня больши—два полки солдатовъ!» Тэй давъ.—«Ну, ваша царское вяличаство, бацюшка, басловица!»—Ну вотъ, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ: Богъ цябе басловляя и я басловлю!.. Пошовъ енъ съ тыми солдатами. Приходзиць къ такой пущи. «Ну, говора, рабаты: идзица, куды хто хоча, и што стрѣнеця, то й биця: ци вужа, ци вовка, ци зайца. А собиравца вамъ тамъ и тамъ, ли такой то ракѣ!» А самъ пошовъ нкъ той рацѣ, отаборився и ждзецъ своихъ рабятъ. Яго рабаты пришли и наволокли етакій грудъ звярѣя, што няльзя приступитца къ яму. Ажь яна—матка того цмока, двананцацпголовая змяя—и плывѣ. «А, сукинъ сынъ, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ! неравѣвъ мойго сына, цмока; цяперъ я цябе нераваду!»—Ахъ ты, вѣдзьма ты лютая, поѣжъ уперадъ моихъ звярѣвъ, а тоды мяне на закуску, якъ зайчика!»—«А дзѣ твоѣ звяры?»—А во, лѣзь на кручу и ѣжъ!»—«Во, ще на кручу полѣзу; кидай сюды!» Ёнъ ставъ кидаць, ставъ кидаць, и поўкидавъ ёй усё до 'днои штуки. «Ну, говора: прощайца, рабаты! ожидайца мяне тут!» и скакнувъ у глотку..

Якъ стало етому Роману тошно, якъ стало яму нудно—ня можно прожитъ. Приходзя енъ у царскій дворець, нибытцамъ Иванъ Ивановичъ, и говора: «вотъ, бацюшка: прибавця яше силы, той мало!»—Кольки жъ табѣ?—«А дайца яше два полки!» Приходзилось яму

заночуваць у дворцѣ; ёнъ икѣ ёй и говора: вотъ, говора, вѣрная моя супруга: я цяперъ золь, ня могу сердца свайго уздэргаць; дакѣ глядзи: коли ты на мяне положишъ руку —я руку оторву, прихилишъ голову—я голову оторву!... Здалася ёй ночъ, бѣдной, цѣлы годъ. Назаўтраго давъ Богъ дзень. «Ну, бацёшка, дайца солдатова!»—А бяры! Дали яму два полки солдатова, енъ и пошовъ самой той дорогой, якой енъ ишовъ. Приходзя къ лѣсу. Ну, рабаты: куды хто хоча, туды й идзи; што устрѣнеця, то й биця: вука—вука, гада—гада, звѣра—звѣра! Тые пошли, и нанясли звярэя грудъ такіхъ, што ня пройци—Божа милосыливый! Самъ пошовъ на тое мѣсто. «Ну, рабаты, стройця кузюю! И кладзиця клящей у гораць побольше, и грѣйця пожарчѣй!» Удрукъ яна пливѣць, на двананцаці головахъ. «А, Романъ Романовичъ—Вовчихинъ сынъ! Разъ яго отратуваць отъ смерци, дакѣ хочашъ у другій. Врешашъ! Цяперъ я цябе збѣмъ!»—Ахъ ты, вѣдзема проклятая! Ты поѣжъ уперадъ моё звярэе, а мяне зыяси на закуску, якъ зайчика!—«А дзѣ твоё звярэе?»—А вонъ, на кручѣ!—«Подавай яго сюды!»—Хочашъ ёсь, дакѣ вылезешъ, пожрешъ!»—«Подавай сюды!»—Вылезешъ!—«Нѣ, сюды подавай!»—Вылезешъ! Яна вылезла.—Ну, рабаты: клещи пожарчѣй! Тольки яна стала ёсци—можа штуки зъ двѣ збѣла—а солдаты со ўсѣхъ боковъ клящами за языки, и давай жаріць молотами! Били, били, били, били,—видзиця яна, што плохо: «эхъ, Романъ Романовичъ—Вовчихинъ сынъ! усё табѣ отдамъ, тольки пусци мяне живу!»—Нѣ, ня хочу я сь цябе нічога,—отдай мойго товариша! Вотъ яна якъ барханула—ёнъ сычасъ и выскачывъ!—«Ну, братъ, яковѣ табѣ тамъ було?»—Да нічога!—«Ну, бяры молотъ, да би!» Ну, яе ўбили, головы позарывали, шкуру выколодили, косци ў мора: табѣ, рыба, пропитанья, а табѣ, кусть, одзяванья! Сычасъ собралісь и пошли у дворець. И стали тамъ уси жиць умѣсци. И я тамъ бывъ ня такъ давно.

С. Батумі, глукской вол. быховскаго у.

Отъ кр. Исая Васильева, 55 лѣтъ, неграмотн., долго служивъ кучеромъ. Ср. галицк. ск. Корнебурый Попелюхъ, у Драг. стр. 262. Также Рудч. II, 11.

18. Иванъ и кусюлька.

а, Живъ сабѣ дѣдка и бабка. И бывъ у дѣдки сынокъ Иванька. Отдали яны яго ў школу, а сами доглядали ходяйство. Вотъ, разъ, ожарабилася ў нхъ дома кобыла. А дѣду треба было ѣхать у хуру. Приходя Иванька нсѣ школы, батька яму кажа: «мой сынъ, некому кусюльки доглядать: ты ў школи, а ѣду ў хуру. Ти намъ паробка нанять, ти лучче кусюльку продать?»—Нѣ, татка, не продавай: я самъ буду доглядать, пришовши сѣ школы!.. Вотъ, поѣхавъ батька у хуру, а Иванька ставъ самъ доглядать кусюльку: урани ўстаня, догляда яе, и пойдя ў школу; прйдя сѣ школы, и зновъ зайдя къ кусюльцы. И дужо яе хорошо доглядавъ *). Отъ, приходя ёнъ разъ

*) Вар. сѣмн. у.: Якъ живъ сабѣ такъ купецъ дужо бѣгатый. И бывъ ёнъ жанатъ на другой жонцы. И яна была сѣма сѣ коршокъ, гылова сѣ горшокъ, а хвостъ три аршини. И у яго бывъ сынъ Иванька отъ першій жонки. Расъ поѣхали яны ны кирмашъ, и дрвинковъ наѣхало дужо много. Сынъ яго ходивъ, ходивъ ны кирмашу, и пинывились яму одна коросыливая кобылка. Енъ тоды кажець: «ни не прыдажная гета кобылка?»—«Прыдажна!»—А

такъ изъ школы, заходя къ кусюльцы, а яна по щиколодки у кривѣ стоитъ. Енѣ тогда спрашуетъ у яё: «кося моя милая, кося любимая, чаго ты такъ скучаешь?»—А якъ жа мнѣ не скучать: у твоѣ мачихи сяньни большая бѣда: хоча яна тябе стратить. Тогда хто мене доглядать будя?—«Ну, а што ето будя? Якъ яна мене стратить хоча?»—А ничѣго на будя. Нагрѣла яна табѣ чаю. Якъ увойдешъ ты ў хату, дыкъ табѣ яго й подадутъ. И ты ня пи, а стань пить, ды нибытцомъ-то и ўпусти!.. Ушовъ Иванька у хату и кажа: «дай мнѣ, мамъ, обѣдать! Яна дала яму обѣдать. Только ёнѣ ставъ ѣсти, ажъ яна кажа: «ахъ, головка бѣдная: забылася табѣ чайку дать, попить съ холоду!»—А давай теперь, матушка! Поднося яна яму чаю. Вотъ ёнѣ узавѣ казавъ-бы пить, да бытцомъ не нарошно и ўпустивъ... На другій день иде Иванька съ школы и зновѣ заходя къ кусюльцы. Полядѣвъ, а яна по колѣно ў кривѣ. Отъ, ёнѣ и спрашуетъ: «кося моя милая, кося любимая, чаго ты такъ скучаешь?»—А чаго я скучаю: у твоѣ мачихи сяньни ще большая бѣда, и тябе хочать стратить. Хто мене тогда доглядать будя?—«Якъ-жа яна мене хоча стратить?»—А спякла яна табѣ пирожокъ. Якъ увойдешъ ты ў хату, дыкъ яна дасть табѣ пирожокъ. А ты ня ѣжъ, ды собацы отдай, дыкъ убачишь, што будя собацы. Отъ, тое-бъ и табѣ было!.. Ушовъ ёнѣ у хату и кажа: «дай мнѣ, матушка, по'обѣдать!» Подала яна обѣдъ. Теперь, сѣвъ Иванька обѣдать, а яна и кажа: «вотъ! забыла табѣ дать пирожка, зъ разными зельями!» Дала Иваньку пирожокъ; ёнѣ разломивъ и отдавъ собацы. Той собака сичасъ и здохъ. Иванька ўзавѣ яго за хвостъ и тягнѣ съ хаты. Мати дожидаетца, што й яму такъ будя. А ёнѣ собаку вытягъ, помывъ руки ды за столъ. Поядавъ сабѣ, и пошовъ. Назаўтраго пошовъ у школу, отбывъ тамъ день, а ўвечари иде домовъ и заходя къ своѣй кусюльцы. Ажны яна стоитъ у кривѣ по пузо. Ёнѣ тогда кажа: «кося моя милая, кося любимая, чаго ты такъ скучаешь?»—А чаго я скучаю: опять хоча тябе мачиха стратити!—«Чимъ-жа яна хоча мене стратить?»—А вотъ чимъ: будя у васъ сяньни сыбота, и вы будета баню топить. Отъ, якъ пойдешъ ты ў баню, мачиха дасть табѣ *бѣлую* (въ знач. *чистую*) рубашку. Ты якъ надѣнешъ яё, дыкъ и конецъ! Пришовъ Иванька у хату, мачиха и посылая яго ў баню, и дае яму бѣлую рубашку перадѣтца. Пошовъ Иванька ў баню, помывъ ды й надѣвъ зновѣ черную рубашку, а етымъ рубашки и ня надѣвъ. Приходя домовъ, отъ, мачиха и спрашуетъ: «што-жъ ты у черной рубашцы, идѣ сколькои табѣ зы яё?»—Пяць цылковыхъ и ны квартиру горѣлки! Иванька побѣхъ икъ бацьку: „тата, дай мнѣ пяць цылковыхъ: я сабѣ куплю кобылку!“ Бацька тѣй якъ ня'шалѣвъ! Енѣ такей быгатый, а сынъ купляецъ кобылу зы пяць цылковыхъ. Ты, кажецъ, купи зы пядьсотъ цылковыхъ!“ Али давъ яму пяць цылковыхъ и ны квартиру горѣлки. Пришовъ Иванька купецадкѣй сынъ къ мужуку: „ну, на пяць цылковыхъ!“ А ёнѣ тоды кажецъ: „дуракъ ты: гетъ-шь я кылы пѣбе псымѣвся! Дай ты мнѣ дзесаць цылковыхъ и ны гарнецъ горѣлки!“ Пошовъ Иванька къ бацьку: „дай, тата дзесаць цылковыхъ и ны гарнецъ горѣлки!“ Купецъ давъ, а самъ лшо боли усерднися. Пошовъ Иванька къ мужуку: „ну, на дзесаць цылковыхъ и ны гарнецъ горѣлки!“ Узавѣ, отдавъ дзесаць цылковыхъ и ны гарнецъ горѣлки, и ўзавѣ кобылу. А яна и йди ня здоѣвецъ! Узложивъ ёнѣ повѣдъ ны плячо и пятнець туу кобылу. Бацька тѣй якъ увидѣвъ, дыкъ збѣлѣнися! Узавѣ ды отъ страму и побхувъ у далѣкѣй горадъ. У дворѣ остались только мачиха.

жъ ты тую рубашку дѣвѣ?»—А только ставъ, матушка, грѣть надъ печкой, што яна холодная, а яна й згорѣла! На другій день пошовъ ёнъ у школу, перабывъ тамъ день, а ў вечари иде домовъ и заходя къ кусюльцы. Ажны яна стоить у крыя по шю. Отъ, ёнъ кажа: «кося моя милая, кося любимая, чаго ты такъ скучаешь?»—А чаго я скучаю: у твоѣ мачихи сянѣни яще большая бясѣда; хочать яны тябе стратить. Дыкъ ты пи—и ня ўпивайся, ѣжъ—и ня ўѣдайся, спи—и ня ўсыпайся, а слухай, што будя!—«А што будя?»—Ды ничо́го ня будя. Хочать яны тябе зарубить. Дыкъ ты поляжи, ды й выйди на дворъ, а намѣсто сябе положъ свой потретъ!.. Ушовъ Иванька у хату, напився, наѣвся, и лёгъ нибытцомъ-то спать. Тогда мачиха пошла къ своимъ бахурамъ и кажа: идитя, отсачитя яму голову. Отъ, Иванька уставъ, да на тымъ мѣсти, дѣ спавъ, положивъ свой потретъ, а самъ вышовъ съ хаты *). Пришли тые у хату, выняли топоръ, и давай яго сѣкти. «Ну, кажа мачиха: будя!» Кинули яны топоръ, стали пить ды гулять, ажъ Иванька у хату: «здоровъ, мамы!» Тые глядять: «што ето такое, Господи? Мы яго засѣкли, а ёнъ живъ!» И побѣгли ўтякать.

Пройшло тамъ кольки днѣвъ, пріѣхавъ батька съ хуры. Вотъ мачиха пошла къ сусѣдцы. Пришла и жалитца: «отъ, хотѣла я своего пасынка стратить, да ня стратила ниякими зельями. Што ня здѣлаю, ёнъ усѣ вѣдая!» А сусѣдка кажа: «ё у васъ такое лошѣ. Яно усѣ яму говора!»—Якъ жа-жъ мнѣ яго стратить?—«Треба зарѣзать!»—Якъ-жа яго зарѣзать?—«А ты возьми ды нибытцомъ захворѣй, ды й скажи, што табѣ нараяно почкой лшонковой мазатца!» Вотъ, иде Иванька съ школы, и заходя къ кусюльцы—ти хороше яна догледжана. Ня вѣра батьку. Заходя къ кусюльцы, ажъ яна стоить уся ў криви, только вуши тырчатъ. Ёнъ подыйшовъ и кажа: «кося моя милая, кося любимая! чаго ты такъ скучаешь?»—А чаго я скучаю? Я тябе отъ смерти отратовала, а тияперъ мнѣ ўже пропадать!—«Дыкъ якъ ето?»—А такъ: мачиха нибытцомъ захворѣла, и кажа на батьку, што прираяно ёй зарѣзать кусюльку и яѣ почкой мазатца!—«Дыкъ што йто будя?»—А што будя: якъ придя ёнъ мяне рѣзать, дыкъ просись проѣхатца на мнѣ у послѣдній разъ... **)

Ушовъ Иванька ў хату, а батька ножъ истриить. Ёнъ спрашуя: «на што ты, татъ, ножъ истриишь?»—А, мой сынокъ; мати твоя захворѣла, дыкъ прираяно кусюльку зарѣзать, штообъ почкой мазатца; дыкъ яна тогды очуняя!—«А таточка! якъ жа яго рѣзать? яно такое хорошее!» Вышли яны на дворъ. Иванька и кажа: «дай-ка, татка, я на ёмъ проѣду ў послѣдній разъ!» Сѣвъ на кусюльку, выѣхавъ за ворота: «ну, прощай, татка! Попомни ты: я буду ноги мыть, а ты тую воду будешь пить!» Якъ махнѣ—только тогды яго й видѣли. ***)

*) Вар. Иванъ покупаетъ шапку невидимку, и положивъ портретъ на постели, самъ остается въ хатѣ, надѣвъ шапку. **) Мачиха тая, сыма съ коршоукъ, ылова зъ горшоукъ, а хвостъ три аршины, рязозлилася: стала писаць къ своему мужуку: «ничо́го нельзя зробиць нѣсь сыномъ, што рязоривъ насъ!» Мужикъ отписеца: пріѣду я зъ имъ рязябруся! А Иванька бывъ у школы. Нызаўтра идѣць домовъ и заходзиць къ своей кобыльцы, ажны яна стоить уся ў криви. «Чаго ты плачешь?»—Якъ жа мнѣ ня плакыць: выстрили табѣ висѣльницу, и будуць вѣшпиць.—«Што жъ мнѣ робиць?»—А якъ будуць цябе вѣшпиць, дыкъ ты просись, якъ можно, проѣхыць ны своей кобыльцы! ***) Вар. сѣня. у. Увийшовъ Иванька у хату, ажны пріѣхувъ яго бацька. Госцей ду́жо много. Сичасъ узали яго и пывали по горыду къ висѣльницы и сза-

Поѣхавъ Иванька вулицай; выѣхавъ за вулицу, ѣдя и ѣдя. Заѣхавъ ёнъ у такую нетарать! Лижити камянь. «Злазь-ка, Иванъ, кажа кусюлька: подымай-ка камянь!» Ёнъ злѣзь, поднявъ камянь, а тамъ яма. Лѣзь-ка туды, поспытай-ка воды зъ двѣхъ дѣжакт!» Вотъ, ёнъ поспытавъ. Кусюлька кажа: «вылазь-ка, завалюй камянь!» Отъ, ёнъ заваливъ. Сѣвъ на кусюльку, кусюлька и кажа: «нѣ, ня ўдѣрку. Злазь-ка! Лѣзь изновъ, ды выпи съ третѣтїя дежки пять разовъ!» Ёнъ выпивъ, вылазь назадъ, сичасъ заварнувъ камянь, сѣвъ на кусюльку. «Вотъ тяперъ самый разъ! кажа кусюлька. Ну, якъ жа мнѣ тяперъ табе несть: ти выпай лѣсу, ти нижай?»—А тяперъ якъ хочашъ—няси! Яна й понясла яго вышай лѣсу. Ъхали яны, ѡхали, и прїѣхали у царскій гóродъ. «Ну, кажа кусюлька: тяперака мяне пусти, а коли треба буду, выйди тольки да свисни—я й прибягу!» Пустивъ тутъ Иванька кусюльку, а самъ пошовъ, купивъ сабѣ шубу зялёную и ходя по городу. Отъ, иде городомъ. Хто попытая: откуль ты? Дыкъ ёнъ кажа: зялёная, зялёная! Дойшовъ ёнъ такъ до цара. Царъ и пытая: откуль ты? Ёнъ кажа: зялёная, зялёная! Отъ, царъ и кажа: «што ето за дуракъ такий? Ну, коли зялёная, дыкъ наймись ко мнѣ ў садъ!» Иванька и нанався ў садъ. Здѣлавъ сабѣ курень у саду, да й живе. Дыкъ у яго никто нивóднаго яблочка не ўкрада. Ну, и было ў цара три дочки, и яны носятъ яму, каждая почарадѣ, обѣдать у садъ. *) Прошло ти много, ти нѣ, тольки прислаю къ цару отъ змѣя на шастѣхъ головахъ по большаю дочкѣ: «коли ня 'тдаси дочкѣ, то самъ икъ прилячу, дакъ ня станя твоего й царства!» Отъ, царъ нарѣзавъ воловъ, собравъ обѣдню, на-збиравъ людей. Вядуть уже большую царову дочкѣ икъ змѣю; плачуть... И солдаты идуть зъ змѣею воюватца. Почувъ Иванъ, што плачуть, вышовъ у поле, крикнувъ да свиснувъ молодецкимъ посвистомъ да богатырскимъ голосомъ,—вотъ сичасъ конь и тутъ. Прибѣгъ и пытая ўже: «што ты, Иванъ Ивановичъ—купечацкїй сынъ зъ мяне потребуешъ?»—Што жъ я съ табе требую? Появляи царову дочкѣ къ змѣю на шастѣхъ головахъ, дыкъ хóчу повоюватца.—«Ну, улазь-ка мнѣ ў лѣвое вухо, а ў правое вылазь!» Отъ, ёнъ икъ вылазь, дыкъ такий молодець!—«Ну, садись на мяне!» Ёнъ икъ сѣвъ верхи, сичасъ ихъ и перагнавъ. Прїѣхавъ и ставъ коло рѣчки. Ажъ ѣдя й змѣй на шастѣхъ головахъ. Убачивъ Ивана и кажа: «што ты, Иванъ? Тре-

ли страмиць. А ёнъ усё просидъ, кабъ проѣхыць ны своей кобылицы. Тутъ госпи кажущ на бацьку: ну, дай ты яму проѣхыць! Ёнъ кажець—бацька яго: „ну, идзи проѣдъ!“ Смяютца кыли яго. Иванька пошовъ у хлѣвъ, узявъ кобылку, цовѣдъ на плечи и цягнецъ. Выцатнувъ съ хлѣва, сѣвъ, и кажець: „прощайце! Будзешъ ты, татулька, тую воду пиць, што я буду ноги мыць!“ Якъ рѣйнувъ, тольки яго й видѣли. *) Вар. сѣни. у. Прїѣхувъ ёнъ къ одному кырольку. Кобылку пусцивъ, а самъ пошовъ у садъ и легъ ны яго крывацї. Тутъ кыролёкъ тѣй якъ почувъ, сичасъ псылаецъ слугу скизаць; якое ёнъ право мѣеши класцїся на мой поспели? Приходзиць слуга къ Иваньку: „ходзиту къ кыролю: якое ты право мѣеши класцїся ны яго поспели?“ А Иванька купечацкїй сынъ кажець: кыли ёнъ угыдаецъ мою зыгадку, дыкъ пойду; а нѣ—дыкъ нѣ. Сказали объ гетымъ кыролю. Ну, тѣй кажець: хай зыгадаецъ. Иванька тоды ўзявъ, отщипнувъ три яблочки: одно дужо спѣлое, другое полуспѣлое, третѣе зялёное,—и отдавъ кырольку. Ёнъ угадывавъ, угадывавъ, и ўгадавъ-тки, и кажець: „Три яблочки—гето ў мяне три дочки: большая, сярѣдняя, и мѣньшая!“ Приходзиць тоды Иванька къ кырольку, и дужо яму уподобався. Вотъ кыралекъ и змовивъ яго къ сабѣ зъ садовничаго.

буетца тябе суды?—А якъ жа, песьсее мясо, ня требуетца мяне!—«Ну, што жъ ты—битца, ай миритца?»—Добрые молотцы николи ня миратца, а наболя бьютца!—«Ну, дми-ка токъ, Иванька!»—Нѣ, дми-ка ты, песьсее мясо! Отъ, змѣй икъ ставъ дуть, дыкъ якъ токъ (глиняный), а Иванъ ставъ дуть, дыкъ зялѣзный. Вотъ, икъ почали воюватца, дыкъ зямля-мать затраслася. Конь збивъ три головы, а Ёванька три сѣбъ. Крикнувъ тогда солдатамъ: «палитя тутъ, разметайтя!» А самъ сѣвъ ды й поѣхавъ. Отъѣхавши, коня пустивъ у поля, а самъ шубу зялѣную надѣвъ и легъ у курѣнь.

Прошло кольки-тамъ уремя, присылая къ цару по сяредня дочкѣ змѣй уже на девятѣхъ головахъ. Отъ, царъ собравъ опять обѣдню, нарѣзавъ воловъ, назвавъ солдатовъ... Зновъ вядути, голосятъ. Учувъ Иванька, што вядуть, голосятъ, вышовъ на ганки, икъ крикнувъ да свиснувъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ голосомъ—вотъ конь и тутъ. «Што ты зъ мяне требуешь, Иванъ Ивановичъ—купечацкій сынъ?»—А што я съ тябе требую? Пришовъ по царову дочкѣ змѣй на девятѣхъ головахъ, дыкъ я хочу повоюватца!—«Улазь-ка у правое вухо, а ў лѣвое вылазь!» Отъ енъ икъ вылазь—такій молодець! Икъ сѣвъ ды икъ поѣхавъ—усихъ перагнавъ. Пріѣхавъ и ставъ коло рѣчки. Ажъ вѣ, ѣдя й змѣй, такій, што на девятѣхъ головахъ. «Што ты, Иванъ? Требуетца тябе тутъ?»—А якъ жа, песьсее мясо, ня требуетца мяне!—«Ну, што жъ ты: битца, ай миритца?»—Добрые молотцы николи ня миратца, а наболя бьютца!—«Ну, дми токъ!»—Нѣ, дми-ка ты, песьсее мясо! Вотъ змѣй икъ ставъ дуть, дыкъ зялѣзный, а Иванька икъ дмухнувъ—дыкъ сяребранный. Отъ, икъ стали битца, дыкъ зямля-мать затраслася. Што конь позбивавъ головы, а што Ёванька позрублявавъ. Убили того змѣя. Отъ, Иванька и кричить: «рубитя, палитя, дмитя!» А самъ сѣвъ и поѣхавъ. Доѣхавъ до кураня, коня пустивъ, а самъ шубу зялѣную надѣвъ и легъ. Только ўснувъ, ажъ и ѣдя змѣй на дванатцатѣхъ головахъ по меньшаю дочку. Пришовъ отъ яго посолъ и кажа на цара: «лучъ отдавай дочкѣ, а то самъ икъ придя, дыкъ уже ня дожидайся!» Вотъ царъ плача. Собравъ енъ обѣдню. Люди збираютца вѣсть меньшаю яго дочкѣ, а дочка день и ночь Богу молитца: «Господи! коли-бъ и мяне той отратовавъ, хто моихъ сестеръ отратовавъ!...» Вотъ яе вядуть; яна плача и люди плачуть.

Зачувъ Иванька, што царову дочкѣ вядуть и плачуть, отъ енъ вышовъ, и крикнувъ да свиснувъ молодецкимъ посвистомъ да богатырскимъ голосомъ—отъ, конь и тутъ. Прибѣгъ и спрашуя: «Иванъ Ивановичъ, купечацкій сынъ, на што требуешь?»—А на што я тябе требую: опять пріѣхавъ по царову дочкѣ змѣй—на дванатцатѣхъ головахъ!—«Охъ, Ваня, плохо жъ наша дѣло будя!... Ну, да ничего: улазь-ка у лѣвое вухо, а ў правое вылазь!» Отъ, енъ икъ вылазь, дыкъ ставъ такій молодець, такій молодець!—«Ну, на-ка-жъ табѣ три пляшачки: одну пляшку самъ выпьешь, а другую мнѣ ў глотку выльешь, а третью у рану улььешь!» Сѣвъ енъ и поѣхавъ. Пріѣхавъ и ставъ коло рѣчки.

Вотъ енъ и ѣдя на дванатцатѣхъ головахъ, и кричить съ-сердца: «што ты, Иванъ? Требуетца тябе суды?»—А якъ жа ня требуетца!—«Ну, дми токъ!»—Нѣ, песьсее мясо, дми-ка ты токъ! Вотъ енъ икъ ставъ дуть, дыкъ мѣдный, а Иванъ икъ дмухнувъ, дыкъ золотій. Вотъ, и стали воюватца. Воювались, воювались—Иванъ и умо-

рився. «Ой, кажа: дай отдыхнуть!»—Нѣ, кажа змѣй: нельзя, а то ты отдыхнёшь, то зновъ будешь воюватца! Выпивъ Иванъ одну пляшку, и стали воюватца. Воювались, воювались, отъ, змѣй и говора: «дай, братъ, отдыхнуть!»—Нѣ, песьсее мясо, воюйся! Давъ ёнъ коню пляшку выпить, и стали зновъ воюватца. Отъ, Иванъ звоювавъ змѣя, а ёнъ поранивъ яго у рукѹ. Уливъ Иванъ водѹ съ третѣгя пляшки у рану и кричить: «эй, подай транку!» Вотъ царова дочка и ясе ямѹ шавковьянскую хустку. Ёнъ завязавъ рукѹ и кричить: «палитя тутъ, размятайтя!» А самъ сѣвъ на коня и поѣхавъ. Прїѣхавъ къ кураню, коня пустивъ, а самъ шубу зялёную надѣвъ и лёгъ у курень. Вотъ, икъ заснувъ, дыкъ на дванатцать сутокъ. А царова дочка, вярнувшись, принося яму у курень обѣдать. Приходя туды, а ёнъ спить, а на рукѹ у яго яё шавковая хустка. Будила яна яго, будила—ня ўзбудила, и пошла домовъ. Вотъ, идуть яны уже *сами* будить. Будили, будили—ня ўзбудили. Иде старанькій дядокъ: «ня будитя яго! Якъ выпся двананцать сутокъ, самъ устаня!» Вотъ якъ вышло двананцать сутокъ, пошли яны у курень и стали яго будить. Ёнъ сичасъ и ўставъ. Появили яго къ цару. Дознався енъ, што ето Иванъ побивъ змьева, и звячавъ яго съ своей мѣньшой дочкой. Згуляли яны вяселья и живутъ.

Чаразъ кольки днёвъ, ти, можа, годовъ, успомнивъ ёнъ на своего батьку. Захотѣвъ енъ поглядѣть своего старого ходяйства, и кажа своимъ: «треба мнѣ своего батьки отвѣдаты!» Яны й зажурились, и говорять: «ты жъ якъ поѣдешъ, дыкъ и ня прїѣдешъ!»—Нѣ, кажа: зачимъ ня прїѣду,—прїѣду! Ну, вотъ, запрагли ямѹ тройку коней, подушагъ намостили. Вышовъ енъ на ганки и кажа: ня треба мнѣ етые кони, у мене свой ё. Отъ, икъ крикнувъ богатырскимъ голосомъ да молодецкимъ посвистомъ—конь и тутъ: подыйшовъ подъ ганки и ставъ. Ёнъ сѣвъ и поѣхавъ, да прамо чаразъ заборъ. Ъхавъ, ѣхавъ, прїѣзжая у своё сяло. Бача—ничого нема зъ ихнаго ходяйства, и трава поросла. Ёнъ тогды спрашуя: «дѣ тутъ такой и такой старикъ живе?»—А ў попа у паробкахъ!—«А жонка яго дѣ?»—А ў богача ў нянькахъ. Вотъ ёнъ и поѣхавъ до попа. Якъ доѣхавъ, такъ у дворъ и ўѣхавъ. Приходя ў хату и проситца пераночувать. Ну, яго пустили. И пришлось яму ночувать у кучи зъ батькомъ. Иванъ Ивановичъ зъ дороги захотѣвъ вымыть ноги, и вялѣвъ принесть сабѣ воды. Вотъ, перадъ тымъ, якъ ложитца, енъ и вымывъ ноги. Лягли спать. Ноччи батька прошнувся и захотѣвъ енъ пить. Шукавъ енъ, шукавъ воды, и знайшовъ тую, што Иванъ ноги мывъ, да й узявъ, и напився. Назаўтраго ўрани прошнулися, поглядѣвъ Иванъ—воды отпито. Ёнъ тогды спрашуя: «хто мою водѹ пивъ?» Старикъ глядѣвъ, глядѣвъ, да кажа: я пивъ! Отъ Иванъ Ивановичъ и говора: «а ти помнишь ты, якъ сынъ табѣ сказавъ, што енъ будя ноги мыть, а ты будешъ тую воду пить? Отъ, яно такъ и ёстека: я ўчора вымывъ ноги, а ты той воды и напивсь. Я жъ твой сынъ!» Ставъ тогды батька проситца, штобъ яго простивъ. Ну, сынъ яго простивъ. Привяли тогды матку яго. Вотъ ёнъ привязавъ яё къ коньскому хвосту, конь яё и разнёсъ чисто ўсю. А самъ узявъ батьку своего и поѣхавъ зновъ къ цару. *) И стали тамъ усѣ ўкучи жить, да поживать, да добра наживать.

Гомельскій у.

*) Вар. сѣни. ўзда: Прїѣхавъ Иванъ у горыдъ, и видзиць, што бацька ходзиць по нищихъ. Приходзиць у дворъ, ажны матиха яго сядзиць зъ нѣйкимъ полубовникомъ, а тывару и дзе-

Въ сѣнн. у. борьба съ змѣями варьируется такъ: Ходилъ Иванъ по саду. Вдругъ всхвятился вѣтеръ и принесъ письмо: требуетъ трехглавый (потомъ шестиглавый, и двѣнадцатиглавый) змѣй дочь королька. Иванъ вышелъ на крыльцо, крикнулъ богатырскимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ—кобылица бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей „полюмя“ пышетъ и головешки сыплются. Прибѣжала и спрашиваетъ: на что требуешь, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ?—А вотъ душо сильная война.—Это еще не война, а будетъ война. Садись на меня. Онъ сѣлъ и поѣхали. Приѣхали туда. Коли стали биться—кобылица сбила двѣ головы, а онъ одну (потомъ кобылица 4, Иванъ 2, кобылица 8, Иванъ 4) Взялъ, камень поднялъ, головы подъ камень подложилъ, кобылицу въ поле пустилъ, а самъ пошелъ на печи легъ и лежитъ. Тутъ приѣхали солдаты королька, стали говорить, что они „завоевали“ змѣя. Королькъ съ радости „справивъ балъ.“ Всѣ балкуютъ, а онъ, Иванъ Ивановичъ—купецкій сынъ, лежитъ на печи, не идетъ балевать.... Послѣ убіенія 12-главаго змѣя стали и его просить на балъ. Вышелъ онъ на крыльцо, призвалъ кобылицу, въ лѣвое ухо влѣзъ, въ правое вылѣзъ, и сталъ такимъ „паничомъ“, что и не спознать. Придя на балъ, Иванъ попросилъ хваставшихъ генераловъ показать ему на мѣстѣ сраженія „потерю.“ Отправились всѣ туда—генералы ничего не знаютъ. Иванъ и говоритъ: ну, поднимайте камень, я покажу вамъ потерю. Тѣ поднимали, поднимали, и не могли поднять. Подѣхалъ Иванъ, поднялъ камень и показалъ корольку змѣинныя головы. Догадался королькъ, что не генералы „завоевали“ змѣевъ, и велѣлъ ихъ казнить. А Иванъ Ивановичъ—купеческій сынъ оженился съ его дочкой, и сталъ жить да поживать, да добро наживать.

6, Нѣѣкоторомъ царствѣ, нѣѣкоторомъ государствѣ, можа ѣ томъ, што мы живѣмъ, живѣ сабѣ такой купецъ прабогатый, могучій. И дужо енѣ бывѣ гордый; такой, што къ ямѣ никакимъ способомъ нельзя подойти што поторговать. Однимъ словомъ, што енѣ съ своими городнянами обсварився съ усіми, ниhto къ яму не хоча и зайти. И забременѣла яго жана, и родила сына. И ниhto къ ямѣ у кумовѣ не хоча йти, никого ѣнѣ не запроса. Ёнѣ тогды запрогѣ лошадку, шукать ужо сустрѣшнаго кума—кого сустрѣня, того и возмѣя. Сустрѣкая енѣ—ѣдя татаринѣ. Енѣ ставѣ татарина просить: господинѣ, ходи ко мнѣ у кумовѣ. Татаринѣ отвѣщая яму: якъ я пойду, коли я нехрищоный. Енѣ говора яму тое, што ты христить ня будешъ, а будя христить попѣ, а ты только мойго рабѣнка будешъ держать! Татаринѣ согласився, поѣхавъ къ яму ѣ домѣ. Понѣсли христить рабенка, перахристили и згуляли христини. И подаривъ татаринѣ своему хресънику жаробочка на каши.

Хресъникъ растѣ и коникъ расте, хресъникъ уже ладный и коникъ уже ладный. Ставѣ купецъ сына грамоти обучать. А ѣкався проклятый змѣй икѣ яго матцы, икѣ купечацкой жанѣ. Сынѣ пойдя ѣ школу, а батька ѣ лавку, а яна зѣ змѣямъ якъ хоча, такъ и дѣлая. Ладно. И ставѣ змѣй знущать купечацкую жану: «возьми ты истратъ своего сына, ты сабѣ луччаго родишь!» Яна отвѣщая ямѣ: якъ жа мнѣ яго стратить?—«А ты возьми ды спячи пирожокъ ись сульмой. Дакъ якъ придя ѣнѣ ись школы, ты ямѣ и дай поспѣдать. Енѣ якъ зѣѣстъ, дакъ и умрѣтъ.» Яна сыну наготовала пирожокъ, и спякла. Приходя сынѣ ись школы, ды не побѣгъ у ѣзбу, да побѣгъ уярѣдъ икѣ конику. Ёнѣ такъ усягды дѣлавъ. Пришовѣ икѣ конику, ажно яго коникъ плача. Енѣ пытаетца ѣ яго: «коня мой дорогій, чаго ты плачашъ?» Енѣ сятый частычки нема.. (Слѣдуетъ эпизодъ о мытѣ ногѣ, согласно съ гом. в.) Узавъ тогды Иванъ, накуплявъ тывару и писадзивъ своего бацьку тургуваць, а самъ поѣхувъ домовъ... (Что сдѣлалось съ мачихой, неизвѣстно)

отвѣщаетца: якъ жа мнѣ не плакать, коли твоя матушка хоча тебе страбить!—«Якъ жа яна хоча мяне страбить?»—А вотъ якъ: увыйдешъ ты у комнату, дакъ яна дастъ табѣ пирожокъ и съ сульмой поснѣдать. Дакъ ты яго якъ зъясн, дакъ и помрѣшь!—«А ти ня можно бѣ якъ отборонитца?»—А чаму жъ? можно! Исажи такъ матушчи своей: маменька! мнѣ вальвѣ учиталь ще Богу помолитца у книжачку. Да возьми той пирожокъ подѣ паху, и книжачку возьми, да стань молитца, да той пирожокъ и ўпусти. А тамъ будутъ собачки коло тябе, яны пирожокъ и ўхопять. Тоды побачишь, што изъ ими будя!.. Енѣ и пошовъ отъ коня да ў комнату. Пришовъ у комнату—матушка тая упадуецца коло яго: мой сынокъ, мой такій, мой сякій! Вд я табѣ пирожокъ спякла на снѣданне! Енѣ отказуя: «добро, маменька. Да тольки мнѣ ще учиталь накинувъ урокъ, кабъ я Богу помолился. Дакъ нѣколи снѣдать, а треба Богу молитца.» Узавъ книжачку, узавъ пирожокъ подѣ паху—вд й ходя по хати, и молитца. И собачки за имъ бѣгають. Матка кудысь отвярнулася, енѣ той пирожокъ вынявъ, разломивъ, да й кинувъ собачкамъ. Тыя собачки якъ зѣбли, дакъ у ихъ языки и повыпирало изъ рота. Енѣ кричить: «ай, маменька,—тревога! упустивъ пирожокъ, а собачки схавили, разорвали; зѣбли—дакъ и языки ў ихъ повыпирало. Ня-ўжебъ и со мной зробилось ето?» Яна яго стала уговаравать, стала сокрушать: ето такъ нѣшто случилось! Зготовила яму кушанья другого, спужалася. Затымъ, што енѣ яще младъ, сями лѣтъ, да ўже возрастъ могучій. Пришовъ батька зъ лавки, поснѣдали и пошли по мѣстахъ: той у лавку, а той у школу. Наконецъ, приходя опять змѣй. «А што, ти дѣлала ты ето?» Яна яму кажа: дѣлала! Да ўчиталь накинувъ яму урокъ—Богу помолитца. Дакъ енѣ узавъ пирожокъ подѣ паху, да ўпустивъ; дакъ собаки зѣбли и подохли.—«Ну, отъ жа—говора такъ—на табѣ ситцу, и пошй яму рубашачку.» А ето дѣло да было ў сыботу. «Собяруцца—батька зъ лавки, а сынъ изъ школы—и вытопать баню. И пойдуть яны у баню мытца. Енѣ у бани помыетца, да якъ надѣня тую рубашачку, дакъ и помре.» Яна постаралась, скоро яму рубашачку и пошила. Приходя сынъ съ школы, да якъ бѣгъ, дакъ такъ икъ коню и побѣгъ. Тд конь плакавъ, а тд ще хужай плача. Енѣ яго зновъ пытаецца: «коня мой дорогой, чаго ты плачашъ?»—А якъ жа мнѣ не плакать, што твоя тыки матушка хоча тебе стратить.—«А якъ жа яна хоча мяне стратить?»—А пойдеть вы у баню изъ батюшкомъ, и дастъ яна табѣ рубашачку. Дакъ ты тую рубашачку надѣнешъ, дакъ и помрѣшь.—«А ти ня можно-жъ якъ-небудъ отборонитца?»—Чаму, кажа—можно. Якъ помыетесь вы у бани, да пойдете на раку обдаватца, дакъ ты рубашачку возьми подѣ паху да й ўпусти у воду!... Приходя енѣ у комнату, а батька зъ лавки пришовъ. Вытопили слуги баню, и гукають ихъ у баню. Яна выправляя ихъ и дае яму рубашачку, и говора: вотъ, мой сынокъ, я табѣ новянькую рубашачку пошила, дакъ ты помывшись и надѣнешъ яе! Пошли яны зъ батькомъ у баню; помылися ў бани пошли на раку обдаватца. Енѣ рубашачку и ўпустивъ. Упустивъ, и говора: «ахъ, батюшка, тревога!»—Што тамъ?—«Да вотъ, батюшка: дала мнѣ маменька рубашачку; дакъ я, неўгадавши, на воду пустивъ!»—Э, мой сынъ! тольки бѣ у году и бяды, што ето! Ти ў насъ рубашакъ нема? Мы якъ клиѣномъ, дакъ намъ приставитца рубаха. Лишь-ба сами живы были!.. Купецъ крикнувъ на слугъ, слуги

побѣгли и принесли другую рубашку. Надѣлися яны, и пошли благополучно домовъ. Пераночували, а назаўтраго пошли по мѣстахъ: сынъ у школу, а батька ў лавку. Прилетая змѣй. «А што, ти дѣлала ты ето?»—Дѣлала.—«А дѣ-жъ ѣнь дѣвѣ?»—А, говора—на воду пустивъ! Змѣй отвѣщая ей: «ето яму нѣхто сказуя!» Кинувся по сумашѣтчихъ книгахъ, по хволшебницкихъ и найшовъ у книгахъ, што ето яму конь сказуя. Штобъ яго коня якъ-небудъ истрабить. Хорошо дѣло. Якъ-жа яго коня страбить?—«А такъ: придуть яны—батька зъ лавки, а сынъ съ школы—дакъ ты здѣлайся хворой. И такъ здѣлайся: кйдайся, говори нема вѣдома што... Покуль яны тябе положуть. Дакъ ты здайся нибытцамъ заснула, и прошнувшися, исказуй имъ сонъ: што мнѣ снився за сонъ? Кабъ Иваньковаго коня зарѣзати и вынати зъ яго жовть и сердца—серцамъ мазатца, а жовтю тертиса—дакъ ба я поздоровѣла; а то я скоро помру!» Сказка скоро сказуетца, да не скоро дѣло дѣлаетца: ето жъ усѣ продовжа-етца уремя. Приходятъ батька зъ лавки, а сынъ съ школы. Якъ сынъ бѣгъ, дакъ такъ и побѣгъ прамо къ коню. Тѣ конь плакавъ, а тѣ ще хужай плача. Ёнъ пыта-етца у яго: «коню мой дорогій, чаго ты плачашъ?»—Якъ жа мнѣ не плакать, што твоя матушка хоча ўже мяне страбить.—«А якъ жа яна хоча страбить?»—А вотъ, придите у комнату, дакъ повидите, што яна дѣлая, што яна вытворая. Яна сама сабе хворую приставляя. А яна не хворѣя, да такъ дурѣя. Яна кидаетца—подъ яѣ попала сильная горячка, а ето усѣ ложно. Вы яѣ положите изъ батькомъ, яна быт-цамъ и засне, и прошнувшися будя вамъ сонъ говорить: тѣ якій мнѣ сонъ снився! Кабъ Иваньковаго коня зарѣзати и вынати зъ яго жовть и сердца—серцамъ мазатца, жовтю тертиса—дакъ ба я тогды поздоровѣла.—«Ну, ти ня можно жъ якъ-ба-не-будъ отборонитца?»—А чаму жъ, можно! отвѣщая конь: якъ-небудъ уговори и батюш-ку и матушку. И матушка поздоровѣя, и конь мой будя конемъ. Батюшка тябе будя змовлять, будя змущать: зарѣжма коня, матушка дорожѣй коня. У мяне коній повна стайня—который табѣ угодный. А ты батюшку проси: нехай жа ў мяне будя конь хрѣснаго батюшки мойго. И ўговѣрите яѣ, яна и поздоровѣя... Пришовъ сынъ отъ ко-ня, ажно матушка на стяну кидаетца, дотворяя тое, што слухать нельзя. Приставляя сама съ сабе. Яны яѣ придержили, извезали и поклали, сынъ изъ батькомъ. Покуль яны побѣдали, дакъ яна и заснула, и выпалася. И прошнулася, и стала сонъ гово-рить имъ: вотъ якій мнѣ сонъ снився! Кабъ Иваньковаго коня зарѣзати и вынати зъ яго жовть и сердца—серцамъ мазатца, жовтю тертиса—дакъ ба я тогды поздоровѣла. Батька согласянь, а сынъ плача, и прося такими словами, якъ яго учивъ конь. И сышлося такъ: уговоривъ батьку и матку. Назаўтраго ўраньни пошли яны по мѣстахъ: батька ў лавку, а сынъ у школу. Скоро казка кажетца, да не скоро дѣло дѣлаетца. Такъ и тутъ. Прилетѣвъ змѣй: «а што, ти дѣлала ты такъ?»—Дѣлала.—«Ну, што жъ не зарѣзали?»—Уговоривъ батьку и мяне. Якъ ставъ просить, да ставъ плакать, дакъ и ўговоривъ.—«Ну, изновъ жа такъ дѣлай, такимъ способомъ, якъ дѣлала, изновъ такъ кажи, якъ казала. Дакъ батька-тыки наможѣтца, што зарѣжа коня.» Приходятъ яны—сынъ изъ школы, а батька зъ лавки. Сынъ якъ бѣгъ, дакъ икъ ко-ню и побѣгъ прамо. Тѣ конь плакавъ, а тѣ ще хужай плача. «Коню мой дорогій, чаго ты плачашъ?»—А якъ жа мнѣ не плакать, што твоя матушка хоча мяне стратить.

— «А якъ жа яна хоча тябе стратить?» — А такъ, якъ и тогда было. — «Ну, ти ня можно жъ якъ-ба-небудь отборонитца?» — Отчаго жъ, можно! конь яму сказуя. Уже батюшки ня ўговоришь, а скажи такъ: позвольте мнѣ, батюшка, хоть перадъ яго смертю по городу на имъ погулять. И надѣнь самую лучьчую на сябе одѣжу, бы намъ у твоего батюшки тяперъ ня жить! Приходя ёнъ у комнату, ажно матушка своимъ порядкомъ, якъ прежды дѣлала, такъ изновъ дѣлая. Яны зъ батюшкомъ яе звязали да й положили. Яна здалася, бытцамъ заснула. Прошнулася — опять тое платье, што плала. Батюшка согласянь, и ўговарая сына: мой сыночъ, у мяне коній повна стайня. Вярн сабѣ котораго хочашъ, а матушка жъ дорожѣй коня! Сынъ яму отказуя такъ: «ну, говора, родимый мой батюшка! Дай жа мнѣ самую лучьчую одѣжу, самую дорожѣйшую; хотя жъ я перадъ яго смертю на имъ покатаюся по городу!» Батюшка сына одѣвъ якъ наилучче. Пошовъ сынъ къ коню, поклавъ руку на крыжъ — конь яго якъ цопнувъ заднимъ копытомъ у груди, дакъ енъ у три кулі и покотився отъ яго. Уставъ ёнъ, ставъ яму обротъ надѣвать — енъ яго якъ цопнувъ переднимъ копытомъ у груди, дакъ енъ зновъ у три кулі покотився отъ яго. У третій разъ енъ ставъ сядло накладывать на коня. Конь яго якъ цопнувъ, дакъ енъ и не страпанулся. Тоды говора: «коню мой дорогой, за што ты мяне такъ бѣдешъ?» — Я тябе ня бую, да я табѣ силы прибавляю. Иди, распротись зъ батюшкомъ и зъ матушкой — поѣдомъ мы далѣко. Ёнъ пошовъ, зъ батюшкомъ распротився, зъ матушкой; съ усими рѣдними, и маршъ на коня. Самъ бывъ да й нема, только яго и чули.

Прискѣчили яны чаразъ девять змелъ у десятое царство. Пріѣзжають икъ городу. Ля города поплавець. И стоять на имъ три кусты: кустъ калиновый, кустъ смуродовый и кустъ супщиновый. Уѣзжають яны ўсерадѣ кустовъ. И сказуя яму конь: «иссѣдай жа зъ мяне, искидай дорогое плаття съ сябе да клади на верхъ на мяне, а самъ одѣнься такъ, якъ простый мужичокъ: обуи лаптики, надѣнь свиточку, надѣнь мегерочку. И иди ў городъ, и не признавайся, што ты купечацкій сынъ, а скажи, што я пастуховъ сынъ: мой батька свиньней пасе, а я пошовъ, кабъ дѣ нанятца. А етый царъ да довгое уремя да садя садъ, да ниякъ не насадя: люди садять, а енъ сохня. Ну и стань ты къ цару у садовники, да не работай зъ людьми, да работай одинъ. А случай табѣ якія тревоги, приходи у етые кусты и гукай мяне...» Ёнъ свою одѣжу скинувъ, знявъ, на коня положивъ, а самъ одѣвся у простенькую одѣжу и пошовъ у городъ. Приходя у городъ, ажны царскія прислуги бѣгають по городу, шукать новыхъ людей, — ти нема кого — къ цару на работу. Подходятъ икъ яму и спрашуютъ: «откуль ты, паранъ?» Ёнъ имъ сказуя: оттуль и оттуль — вѣдомо, чаразъ девять змелъ. «Якого жъ ты родъ?» — А родъ такого — простыхъ мужиковъ. Яны бачутъ, што енъ не съ простыхъ мужиковъ, а ёнъ тобитца. Яны у яго пытаютца: «ти ё ў тебе батька?» — Ё! — «Чимъ жа енъ займаецца?» — Свиньней пасе. А я ўже ня хѣчу свиньней пасти, пошовъ, кабъ идѣ нанятца. — «Ходи ты къ нашему цару, наймися садить садъ!» Ёнъ кажа: можно! Появляи яны яго къ цару. Привяли къ цару. Царъ ставъ спрашавать: «чій ты сынъ?» — Я пастуховъ сынъ. Мой батька свиньней пасе, а я свиньней пасти уже ня хѣчу, пошовъ, кабъ идѣ нанятца. — «Ну, наймися ў мяне садить садъ.» — Наймуся. Да только ня хѣчу зъ людьми работать, а коли одному, дакъ буду работать. Яны яго появили, и

показали яны яму мѣсто. Енѣ ставѣ работать. Ставѣ работать, стало яму шанцовать. Люди работают—садѣ сохня, а енѣ работая—примаецца, и растѣ, и цвѣтѣ. Пошли глядѣть саду, ажѣ у яго слава Богу. Зняли тогда тыхѣ народовѣ зѣ работы, и дали яму увесѣ садѣ. Построили яму у саду горницу. Ставѣ енѣ у саду житѣ, работать. Яму пищу доставляли, и принимали, и одивали. И стала ходитѣ мѣньшая дочка царская у садѣ зѣ дѣвушками. И дай кѣ яму заходитѣ у горницу. И стала яна у яго улюбляцца, и стала у яго пытатца: чѣй ты сынѣ? А енѣ кажа: а я пастуховѣ сынѣ.—Нѣ, кажа: ты не пастуховѣ сынѣ; а ты хотѣ якого купца, а хотѣ якого князя. Стала яна тамѣ маленько нѣшто записаватѣ, и отхинулася. Енѣ узаявѣ, да на той самой паперцы што-небудѣ и записавѣ. Яна щѣ боли стала яго полюблять, и стала почашай кѣ яму заходжуватѣ, стала поболи ѣ яго распрашуватѣ. Енѣ не сознаецца.

Издавнѣй было такое ѣремьянѣ, што не сватали, якѣ тяперѣ, а высылаецца потретѣ. Вѣд и за потретѣ коли полюбя, дакѣ заручины гуляють, ну не полюбя, дакѣ назадѣ отсылають. И пришло кѣ етому самому цару три потреты. Старшая дочѣ приняла, и сярѣдняя приняла, а ета—мѣньшая—не приняла. «Я не пойду, кажа, ни за кого, а пойду за садовника.» Зѣ яѣ и батька смяецца, зѣ яѣ и сестры смяютца, зѣ яѣ и прочѣе смяютца: «што ты идешѣ за пастуха замужѣ?»—Нехай сабѣ пастухѣ, я пойду за яго замужѣ! И почашай усѣ кѣ яму ходя, и усѣ у яго выпытуя. Ну енѣ ѣй одно кажа. И занимаецца ѣ ихѣ большія дочкѣ свадьба. Заручины згуляли, повянчатѣ повянчали, только бѣ уже заниматѣ вяселья гулять. Ажѣ присылая нячистая сила зѣ мора, той самый змѣй, што хотѣвѣ яго стратитѣ, кабѣ вѣзти царевну большую яму на жрѣнья. Тѣ гуляли по вясѣлому, а тѣ стали гулять по жалѣбному: стали плакатѣ, стали рыдать. Пошла мѣньшая дочка кѣ своему пастушку: «прощай, говора, другѣ мой любезный! Можѣ тамѣ мѣсто тѣя да мяне отдадутѣ, одначѣ я батьку усердила!» А енѣ уже отказуя: и зѣ Богомѣ, кажа. Нехай енѣ тамѣ хотѣ и ѣсихѣ поѣсть. Вотѣ-то, кажа, добро-бѣ было!.. Яна отѣ яго пошла, ихѣ сичасѣ и отправили зѣ музыкой и сѣ купанѣей зѣ жалѣбной, и зѣ войскоѣй. А енѣ святличку свою замкнувѣ, и вокошки позачинявѣ кругѣмѣ, и пошовѣ ихѣ трѣмѣ кустѣмѣ на поплавецѣ. И крикнувѣ и свиснувѣ молодецкимѣ голосѣмѣ, кавалерскимѣ подесвистѣмѣ: «эхѣ, сивчикѣ-бурчикѣ, вѣчный кавурчикѣ, станѣ перадо мной, якѣ листѣ перадѣ травѣй! Служивѣ я табѣ семь годѣ, послужи ты мнѣ етый часѣ!» Сивчикѣ-бурчикѣ бѣжить, ажѣ сырая матѣ —замля дрыжитѣ, зѣ задѣ головешки сыплутца, а зѣ ноздѣрѣ полома сапѣ.—«Живѣй, живѣй, Иванѣ Ивановичѣ, купечацкѣй сынѣ, абы ѣтратитѣ! Скидай ето платѣя съ сябе, а надѣвай свое!» Енѣ тѣе платѣя съ сябе, подѣ кустѣ, а тѣе, свое, съ конѣ да на сябе. Сѣвѣ на конѣ да тудѣ! Обѣѣхавѣ усѣ вармѣю и заѣхавѣ напѣрадѣ. Приѣѣжжаютѣ яны кѣ мору. Выхѣдя змѣй зѣ мора и оявляя: «а якѣй ето лицарѣ ѣды упрѣти мяне?»—А той ѣды, што тѣя не боитца! А змѣй отвѣщая яму: да мяне увесѣ свѣтъ, якѣ ѣсть, дакѣ усѣ боитца. Только ѣсть одинѣ Иванѣ Ивановичѣ, купечацкѣй сынѣ,—той мяне не боитца. Дакѣ енѣ щѣ младѣ, яго сюды ворѣнѣ и костѣ не занѣсе. А енѣ отвѣщая яму: «да ня ворѣнѣ добраго молодѣца костѣ нося, да енѣ самѣ тутѣ ворочаецца.» Змѣй яму и-сказуя: а што жѣ ты пришовѣ сюды—битца, ай мирѣца? Иванѣ Ивановичѣ яму отвѣщая: «да якѣй чортѣ будѣ зѣ навѣрноѣ силоѣ ми-

ритца: я пришовъ битца!» Якъ сѣканувъ—дакъ отразу чатыре головы яму и зрубивъ. Змѣй вярнувъ назадъ у мора и сказавъ усимъ боярамъ: отправляйтесь домовъ! Яны по вяселому отправилися домовъ изъ музыкой; по вясѣлому зайграли, заўспѣвали, а Ивана хотѣли поймаць съ конемъ и кликнули: «дяржи, дяржи!» А енъ бывъ да й нема! Пріѣжжа на мѣсто, на поплавецъ, злазя съ коня, скидая съ сябе плаття, кладе на коня, а тое надяе на сябе, и отправляетца у свою святлицу. А коня пустивъ у чистое поле гулять. Пріѣжжають яны со свадьбой, и зъ музыкой, повяселому, што имъ давъ Богъ благополучно. Прибгая яго навѣста къ яму и сказую: «вотъ, другъ мой любезный! Слава табѣ, Господи: давъ Богъ намъ счастья!»—Што такое? Няўже ня ўсихъ поѣли?—«Никого ня зѣвъ змѣй!»—Дакъ хто-жъ васъ заборонивъ?—«А нѣкій панъ-лицаръ. Якъ догнавъ насъ, дакъ кругомъ обѣхавъ насъ и заѣхавъ, напяродъ. Дакъ змѣй якъ вышовъ зъ мора, якъ стали битца, дакъ енъ яму чатыре головы сѣкъ. Дакъ змѣй назадъ у мора схувався и отправивъ насъ домовъ усихъ!»—Отъ, дурный той панъ! Нехай ба ѣвъ, хоть ба й усихъ поѣвъ!

Яны свадьбу первыя дочки догуляли, дѣло усѣ покончили. И заниматца стала свадьба сярэднія дочки. А ў того змѣя пни тые отъ зрубленныхъ головъ зажили. Енъ опять подае гласъ, кабъ царъ приставивъ яму сярэднюю дочку на жранья. То гуляли по вяселому, а то стали гулять по жалобному. Собрали купанію жалобную, и отправили ихъ къ змѣю. А Иванъ Ивановичъ святличку свою замкнувъ и пошовъ къ тромъ кустомъ на поплавецъ, и крикнувъ и свиснувъ молодецкимъ голосомъ, кавалерскимъ подсвистомъ: «эхъ, сивчикъ-бурчикъ, вѣчный кавурчикъ, станъ перадо мной, якъ листъ перады травой! Служивъ я табѣ семь годъ, послужи ты мнѣ етый часъ!» Сивчикъ-бурчикъ бязить, ажъ сырая мать-зямля дрыжить, зъ заду головешки сыплютца, а зъ ноздѣръ поломя сапя. «Живѣй, живѣй, Иванъ Ивановичъ, купечадкій сынъ, абы утратишъ! Сѣвъ енъ на коня и поѣхавъ къ мору. Выходя змѣй. Енъ якъ сѣканувъ, дакъ отразу чатыре головы и сѣкъ. Змѣй схувався ў мора, а ихъ отправивъ домовъ. Отправилися яны, зайграли, заўспѣвали по вяселому А енъ бывъ, да й нема, и отправився у свою святлицу.

Згуляли яны свадьбу сярэднія дочки, дѣло покончили, и стали гулять свадьбу уже етого пастуха зъ менъшой дочкой! Дакъ у етыя у менъшія дочки съ пастухомъ не такое собраніе, не такія и музыка, не такая и радость, а ўсѣ по простому. А ў того змѣя изновъ тые пни позаживали, и выкликаю енъ опять на зжиранья самую менъшую уже дочку. Етыя менъшія дочки не жалѣя такъ и батька. И нема уже къ ей ниякаго собранья, и музыки менай, и купаная менъшая,—войска, и плачу менай: не весѣма убиваетца батька. Собралися, садють яе на возъ. Яна пошла къ своему пастушку прощатца. Пришла у яго святличку, обняла яго, поцаловала и заплакала: «прощай, мой дружокъ! Отъ батьки я ласку утратила, и отъ тые славы не получила. Видно мне тамъ одну отдадутъ змѣю на зяденья за ўсихъ!» А енъ ей кажа: ну, и добро ето будя, коли ето злѣчитца съ тобой. Було табѣ ня йти за мяне!.. Яна пошла на возъ, а енъ живо святлицу ставъ замыкать свою. Замкнувъ святлицу, позачинявъ вокошки, и пошовъ на поплавецъ къ кустомъ. И крикнувъ и свиснувъ молодецкимъ голосомъ, кавалерскимъ подсвистомъ: «эхъ, сивчикъ бурчикъ, вѣчный кавурчикъ, станъ

перадо мной, якъ листь перадъ травой. Служивъ я табѣ семь годъ, послужи ты мнѣ етъй часъ!» Сивчикъ-бурчикъ бязжить, ажъ сырая мать-земля дрыжить, зъ заду голешки сыплотца, а зъ поздѣрь поломя сапя. «Живѣй, живѣй, Иванъ Ивановичъ, абы ўтратишъ! Да за етымъ разомъ пораня ўже й тябе!»—Ну, хоть пораня, да надо лучче постаратца ля жонки! Енъ тое плаття съ сябе, подъ кустъ, а тое, свое, на сябе, сѣвъ на коня—и маршъ на мора. Выходя змѣй зъ мора: «а, ето ты, Иванъ Ивановичъ, купечацкій сынъ! Ну, што жъ ты пришовъ сюды, битца, ай миритца?»—Да якій чортъ будя зъ нячистой силой миритца, я пришовъ битца!—«Ну, и давай битца!» Вились, бились, енъ три головы ссѣвъ, а чатьвертая осталась. Змѣй чатьвертой головой справився, да яму руку и ранивъ. А царевна зъ воза соскочила, да свою хусточку на яго рану узложила. А енъ другой рукой справився, да й тую голуву зрубивъ. Тулово покатилося у мора, а головы остались. На яѣ кричать: дяржи, дяржи! А енъ якъ можно поскорѣй на коня! Да самъ бывъ, да й нема. Приѣжжая на мѣсто, икъ кустомъ, ды иссѣвъ съ коня, пустивъ яго у чистое поля гулять, а самъ не перамѣнявъ плаття, да пошовъ у святлицу свою. У святлицу пришовъ, двери отчинивъ, а воконъ ня 'тчинивъ, да зацапився оттуль, и самъ лёгъ уже отдыхать послѣ работы. Яны приѣхали домовъ съ свадьбой. Усѣ благополужно. Батька ня вотъ-то и радъ. Яна приходя икъ святлицы, ажны позачиняты вокны и двери—ня 'тчиня двярей. Яна кругомъ походила, поплакала, поголосила—нема пастуха! И отправилася у кунпанію и сказюа: нема мойго пастуха,—утратила! Изъ яѣ смяютца, приставляютъ разныя насмѣшки... Пошла яна на другій день къ святлицы—усѣ чисто позачинято,—и вокны, и двери. Приходя ва третьтія сутки—ажны енъ ня только двери да ставни, дакъ и вокны порасчинявъ. А самъ ляжить на койцы у той самой одѣжи, и той самой хусточкой накрывшись, и смяѣтца. Яна якъ увидѣла яго, якъ ускочила, дакъ заразъ и обняла яна яго, а ёнъ яѣ. И признавъ енъ тогды усѣ отъ конца и до конца, якъ яму злучалось усѣ зъ естымъ самымъ зѣбемъ: што енъ хотѣвъ яго стратить, што енъ хотѣвъ яго коня стратить, што енъ икъ яго матцы ходивъ. Узяла яна яго подъ руки изъ радостью, полюбовалися, и пошли у кунпанію до отца. Пришли къ отцу, яна и сказюа отцу: вотъ, батюшка мой родимый, хто насъ усихъ поратувавъ—пастушокъ мой! Царъ тогды обрадовався весьма, хорошо, и ставъ доволянъ меньшимъ зятемъ лучче, якъ первыми. Свадбу згуляли, дѣло покончили. Описавъ имъ царъ половину свойго царства, а на кончини жизни осталось усѣ имъ. И стали яны жить. И коника свойго вялѣвъ на стайни поставить.

М. Городецъ, рочн. у.

Крестьян. Адамъ Федоровъ, 44 лѣтъ, слѣпорожденный. См. Чубин. 214, 219. Садовн. 77.

20. Удовины сыны.

Бывъ колись ня ў нашай зямли царъ. И было у яго три дѣчки. Узросли яны, царъ и захоцѣвъ ихъ замужъ по'тдаваць. Стали сватаць кавалеры першую дочку, стали наѣжжаць съ усихъ царствъ царевичи, королевичи. Никого яна ня ўподобала. «Нѣ,

кажа, бацюшка: не пойду я замужъ, а поставця мнѣ бѣлый домъ и купи мнѣ бѣлаго шовку, и я буду у ёмъ жиць и работаць!» Цару ци довго?—ёнъ здѣлавъ домъ и от-
дзяливъ дочку. Стала яна тамъ жиць, дѣбро и жила, завялася шиць бѣлый шовкъ.
Прикався къ ёй нячистая сила—змѣй трохголовый, уподобавъ ету дзѣвчину и ставъ
къ ёй лётаць. Лётавъ, лётавъ, и возмись ету дзѣвчину съ собой. Цяперъ етый царъ
ждавъ, ждавъ—нема дочки ў госци. Поѣжжая самъ туды. Бача—запустовавъ домъ,
нема дѣчки. Ёнъ ускінувся у скуку, што якъ жа можа быць—куды яна дзѣлась?
Ставъ распытаватца, разслухаватца: ци ня чули дзѣ, ци не бачили. Пусцивъ вобыскъ
—и осѣвъ, ци ня 'кажатца дзѣ.

А тымъ часомъ, пожила другая дѣчка годъ три—уремья и ету уже отдаваць дѣчъ,
сяредню. Ёнъ говора: «вотъ што, моя дѣчъ милая, любезная: мы думаемъ цябе от-
даць у людзи!»—Нѣ, говора, оцецъ мой любезный: мяне, кажа, ў людзи ня 'тдавайця,
а поставця мнѣ, говора, красный домъ: я отыйду у красный домъ. И постарайцесь
мнѣ красного шовку.—«Да, говора, любезная моя дѣчъ: одну, кажа, ўправивъ, и ця-
бе буду—ни за што ня буду!» Яна якъ узяла отца просиць, узяла отца просиць,—
кабъ безпрѣмѣнно домъ поставивъ. Етый оцецъ, чаго ня хоцьвѣ, узявъ и поставивъ
домъ ёй, и шовку красного приставивъ. Пожила яна мѣсяцы три, якъ прикасалася
къ ёй нячистая сила—шасциголовый. Лётавъ ёнъ, лётавъ, и забравъ ядъ къ сабѣ у
ночй. Царъ ждавъ, ждавъ—нема дочки ў госци. Поѣжжая туды—нема, домъ запусто-
вавъ. Ставъ ёнъ распытаватца, ставъ разслухаватца, пусцивъ вобыски—ня чуць!
Остався царъ съ одной дѣчкой.

Пожила меньшая дѣчка годъ три,—находзяцца людзи къ етой. Цяперака ёнъ го-
вора: «ну, што, говора, дѣчка; къ табѣ людзи нахѣдзютца. Я цябе, говора, хѣчу от-
даць у людзи замужъ, довольно, што двюхъ дѣчѣкъ уже управивъ: третью нигдѣ
ня пуць!» Ставъ находзяць къ ёй зяця. Эта дзѣвчина счула, што шукае оцецъ зя-
ця,—«нѣ, говора, оцецъ любезный: мнѣ, кажа, зяць ня треба. А поставъ мнѣ чор-
ный домъ, и постарайцесь мнѣ чорнаго шовку!» Етый оцецъ ня хоча.—«Дѣчъ моя
любезная! Я й такъ уже управивъ двѣ, съ кимъ я тоды буду жиць?»—Оцецъ мой
любезный! Мнѣ, кажа, хоць такъ, хоць такъ, дакъ зъ вами ня ўжиць! Тоды царъ
узявъ домъ становиць. Поставивъ домъ и приставивъ ёй шовку. Стала яна тамъ
жиць. Пожила яна мѣсяцы три, али можа чатыри,—прикався къ ёй нячистая сила
—змѣй дзевятиглавый! Узявъ ёнъ къ ёй лётаць, узявъ лётаць, лётавъ мѣсяцы три,
—узявъ, за ету дзѣвчину, и поляцѣвъ. Оцецъ етый довѣдався икъ ёй черазъ три дни,
якъ яна къ яму,—а тутъ нема дѣчки!... Ждавъ, ждавъ, завялѣвъ запрѣчь лошадей и
ѣдзя туды, у чорный домъ. Пріѣжжая—нема дочки и послѣднія. Ёнъ якъ укинувся ў
тугу по етыхъ дѣчкахъ!.. Хоча отцуратца усяго сваяго—и анпери, и ўсяго. «Мѣвъ,
кажа, три дѣчки,—цяперича нема ниводныхъ.» И пусцивъ вобыскъ по ўсихъ, по ўсихъ
сторонахъ: хто бѣ идзѣ ци ня чувъ, ци не слыхавъ вотъ такихъ и такихъ дѣчакъ
царскихъ. «Хто тольки, каа, окажетца зъ моими дѣчками—половина царства откажу!»
Прошло кольки уремья—тымъ часомъ ниhto ня 'казуетца нигдѣ! У другій разъ прося
изновъ: «хто бѣ тольки дочувся, дойскався, гдѣ моѣ дѣчки,—будзя, говора такъ жиць,
якъ я живу. Тольки пожалуста, каа, прослухайцесь, дзѣ бѣ хто ня чувъ!»

Було у довы три сыны. Пошли яны разъ у гумно молощиць. Приходзя къ имъ убогая, у ихъ хату: прося у ихъ хлѣба. А ў ихъ одна матушка дома, а сыны молощиць. Яна сычасъ гукнула сыновъ обѣдаць. Приходящя етые хлопцы зъ гумна; сѣли обѣдаць. Убогая ета й говора: вотъ што, говора, издѣлалось у нашимъ, говора, царстви. Було, говора, у нашего цара три дочки, и ихъ покрадено за ночь. Цяперича нашъ царъ прося: «хто бъ то найшовсь выказаць моихъ дочокъ,—половина яму царства откажу!» У другій жа разъ: «хто только найдзя моихъ дочокъ,—усё рѣвно якъ на моихъ мѣсци будзя жиць!» Етые хлопцы сѣли обѣдаць и почувли етыя словы, што ета убогая говора. Большой говора: «я ня слыхавъ! И званья мы ня знаемъ ничего!» А matka кажа: вотъ ба, каа, моё сынки, кабъ вы дзѣ-нидзѣ прочули, дзѣ дочки твѣ,—жили бъ мы тоды ловко, хорошо! Тоды сярэдняй кажа: нѣ, кажа, ня можа ихъ сознаць никто. А меньшій думая, што дзѣлаць. И ўбогая тая садзиць. Думавъ, думавъ, и надумався: «эхъ, вы, говора, брацьци, брацьци, и ты матушка! Насъ три, и ихъ три. Пушай отдасць намъ по жови, дакъ я, говора, отыйшу!» А ўбогая ета садзѣла, садзѣла, да словы етыя почувла, да дайсь-ка, да подальшъ, подальшъ—рассказуя етыя словы. Дойдзися до самаго цара. Етый царъ узрадовався и пусцивъ сильный вобыскъ: «будзя ёнъ благодаранъ мною, доволянъ, только сыйскаць!» Доставили яму убогую; доставили къ самому цару. «Ты, говора, убогая: слыхала дзѣ-нибудзь про моихъ дочокъ?» Яна говора: слыхала, тамъ и тамъ.—«Ну, говора, добро!» Завялѣвъ лошадей запречь, узявъ ету убогую на возъ и пославъ троухъ слугъ зъ естой съ убогой. Приѣжжая убогая къ этому двору, и слуги спрашующъ: ето, говора, той домъ?—Ето! Тутъ сычасъ подскакуя слуга подъ вокошко и спрашуетъ у етыя старухи: «Ци тутъ удова живе?»—Тутъ!—«Ци дома твоѣ сыны?» Яна отказуя: дома!—«А дзѣ жъ яны?»—Вонъ, говора, молощиць у гумнѣ! Енъ сычасъ кинувся къ имъ одзинъ у гумно. Пришовъ и говора: «здраслуй, Богъ на помочь! Ну што, вы, говора, слыхали про нашего цара дочокъ идзѣ-нибудзь?» Ты, большіе, говоруць: нѣту, ня слыхали, говора, нигдѣ. Етый слуга, пришовши, за ету убогую, да ў гумно, дзѣ яны молощиць. «Ты, говора, слыхала, якъ яны говорили про царскихъ дочокъ?»—Слыхала, говора.—«А который жа, говора, говоривъ?»—А вотъ, говора, утѣ етый, меньшій самый.—«Ты сказававъ объ дочокъ при убогой, при етой, якъ было?»—Сказававъ.—«А вы знаеца объ ихъ?»—Мы, говора, ня вочанно знаемъ, только, говора, знаемъ!—«Ну, коли жъ вы знаеца, садзицесь зъ нами, поѣдемъ!»—Нѣ, говора, я зъ вами не поѣду. Коли цару дочакъ жалко, дакъ самъ приѣдзя ко мнѣ! Еты слуги убогую кинули, лошадей заклали и опяць поѣхали зъ естымъ словомъ. Приѣжжающъ къ цару. «А што, говора: оказуетца дзѣ?»—Оказуетца, да ще не соўсिमъ. Вотъ у той и той, говора, сторонѣ ёсць, говора, паранъ ву довы, и енъ объ ихъ зная, объ дочокъ.—«Ну, што жъ вы яго ня ўзяли съ собой ко мнѣ?»—Мы, говора, хочѣли узяць съ собой—енъ ня хоча. Коли, говора, жалко цару дочокъ, енъ можа самъ приѣхаць ко мнѣ! Етый царъ, ничего ня думая, завялѣвъ опяць коней запречь и пославъ опяць слугъ, кабъ якъ можно быць яго привязли, яго доставили. Слуги поѣхали. Приѣжжающъ у ихъ домъ и спрашующъ у старухи: дзѣ твоѣ сыны?—У гумнѣ молощиць. Яны сычасъ кинулися у гумно уси утрыхъ, слуги. «Здравстві! Богъ на помочь!»—Здравстві! Благо-

дариць за добрыя слóвы!—«Вы ци ня слыхали дзё, нашаго цара нема дочокъ?» Меньшій и говора: я-то, говора, слыхавъ трoхи.—«Ну, говора, пожалуста: прося енъ васъ къ сабѣ!» Енъ имъ отказавъ, што мнѣ ня уремья ёздзиць. «А коли жалко цару дочокъ, енъ ко мнѣ самъ пріѣдзя!» Слуги зъ естымъ словомъ оборотились назадъ. Садзятца на коніи и поѣхали. Пріѣжжаюць къ цару. «А што, говора, ци были вы у яго?»—Такъ и такъ, говора: были у того чаловѣка, што чувъ про ихъ.—«Што жъ вы яго ня доставили сюды?»—Мы, говора, хоцѣли доставиць, да ёнъ кажа: мнѣ за вашими дочками нѣколи ёздзиць. А коли, говора, цару жалко, то енъ пріѣдзя самъ сюды. Етый царъ нибытто трoхи ўсердзился, рассерцавъ: «якъ жа, говора, мяне не послухаць, приказу мойго?» Али обдумався: «э, говора: оказуюцца моё дзѣци! Мнѣ можно и самому!» Завялѣвъ сычасъ запрагаць коніи и ўзявъ съ собою сколько-тамъ кого енъ хоцѣвъ, и поѣхавъ. Пріѣжжая къ етому дому, къ етой удовѣ и спрашюа: «ето, говора, удова?»—Ето.—«А дзё твоё сыны?»—А нѣту дома.—«А дзё яны?»—У гумнѣ молочуць.—«Ну, добро. Сыскаць ихъ!» Ну, matka збѣгала, и сказала: царъ васъ требую,—пріѣхавъ. Яны цапы кинули, приходзяць къ етому цару. «Здрастви!»—Здрастви!—«Вы, говора, што пріѣхали къ намъ?»—Я чувъ, каа, што вы слыхали объ моихъ дочокъ! Большіе кажуць: «нѣ, мы ня слыхали!» Етый то царъ испугався. А меньшій говора: «слыхали, и вѣдаемъ, дзё яны.»—Вы можеця ихъ сыскаць, моихъ дочокъ?»—«Мы, говора, дочокъ можамъ сыскаць ихъ, только кабъ намъ по жóни було!» Царъ етый, ничего ня думаячи, и отказуя ихъ, говора: только сыйщиця моихъ дочокъ: вамъ, говора, усё мое царство останѣцца. Потому, говора, што ў мяне дзяцей нѣту: кому яно останѣцца?»—«Ну, хорошо, говора: пойдземъ, говора, старатца. А вы зъ Богомъ отправляйцесь домовъ.»—Ну, якъ жа вы, говора: коли вы окажецесь назадъ?»—«Годъ, то навѣрно будземъ, каа, нуждатца, а што подольшъ—Господзь вѣдая. Яще ци будземъ и сами живы. Рады, говора, старатца етому дзѣлу, только моё браты плóхи: не надзѣюся я на ихъ, только самъ на сябе надзѣюся, а на братовъ нѣту. Ну только пойдземъ старатца!» Енъ говора: ну, кольки вамъ грошій лаць на дорогу?»—«Намъ, говора, гроши не надо, мы, говора, гроши найдемъ. Хоць головы, каа, положимъ, хоць найдемъ дзѣвокъ и гроши найдемъ!»—Ну, дзё жъ вы, говора, лошадей будзеця браць? Енъ яму отказуя: «ето не ваша дзѣло: я што надумався, то й найду, то й здѣлаю!» Царъ и поѣхавъ домовъ. *)

Цяперъ ёнъ говора на своихъ на братовъ: «убирайцесь, пойдземъ!»—Куды жъ намъ ийци? Што жъ мы пѣшки пойдземъ?»—«Ето не ваша дзѣло! Я найду коніи!» Попрошались зъ матушкой: «Матушка, баслови насъ ийци у чужую зѣмлю далёко!»—«Моё сынки любезные! Якъ жа вы пѣшки пойдзеця? Яны ей отказуюць: «нѣ, лю-

*) Въ гомельскомъ у. дочери просятъ красного, синяго и черного шелку: „покуль не наўчусъ я шить—вышивать, дотуль не пойду замужъ!“ Объ удювинныхъ сынахъ донесъ царю „старецъ“ (нищій). „Первая слуга“ поѣхала прямо въ гумно и поковыряла токъ подковами. Братяя слугу побили за это и прогнали. „Другая слуга“ уже слѣзла съ коня и кажа: могаѣбо!—Здорови!—Вы казали, найдети царовыхъ дочарей. Прося васъ царъ къ сабѣ на пораду!—„Ня-хворъ енъ и самъ пріѣхаты!..“ Царъ, пріѣхавши, застаецъ братьевъ за обѣдомъ и начинаецъ говорить о цѣли пріѣзда. Братяя рассердились, что онъ не сказалъ имъ: „хлѣбъ да соль!“—и не вступали съ нимъ въ разговоръ до тѣхъ поръ, пока встали отъ послѣобѣденнаго сна.

безная матушка: мы пѣшки ня пойдземъ; мы найдземъ коній.»—Сынки мое, можно на своихъ коняхъ ѣхати! Меньшій сынъ отказуа: «матушка моя любезная: нашъ конь мяне зъ двора не звязе.» Попрощались и пошли. Проходящъ у сѣпъ, у чистое поле, ажну пасѣць конюхъ лошадей. Лошадзей много. Приходящъ яны къ етому конюху и говорущъ: эхъ, говора, конюхъ—голубчикъ! дай намъ тройку лошадей! Енъ отказуа: лошади, кажа, не моѣ—лошади хозяина, ну тольки, говора, не на много ўремья дамъ лошадей. Выбирайца, каа, котораго—нибѣдзѣ сабѣ! Большой братъ выбравъ самага добраго коня: вѣ етаго, каа, ўзяць!—А возьми сабѣ, коли уподобавъ! Енъ и ўзявъ сычасъ коня. Цяперъ сяредній выбирая сабѣ: «а я, говора, утѣ ету возьму сабѣ!»—Ну, бари, говора ты ету. Сяредній ўзявъ сабѣ коня. И держущъ етыхъ лошадей браты етые два. «Ну, што жѣ ты, брадаць, сабѣ не бярешь лошады?»—Я сабѣ выбяру, говора. Ходзя рыжанькій конекъ, небольшенькій. Енъ говора: утѣ етаго я возьму коня! Конюхъ тѣй говора: што ты самую плохую лошады выбираешъ сабѣ? Тыя лошади хорошія, а ето самая поскудная.—«Ето не твое дѣло: я знаю, якого браць лошады!» Конюхъ ето слово замѣчивъ. Сычасъ енъ свиснувъ на етаго коня. Приходзя енъ къ яму, конь етый. Енъ яго спрашуа, у коня: «эхъ, кажа, голубчикъ, лошады моя любезная! ты мяне можашъ звець у чужую зѣмлю, и возьмемъ мы вачистую силу, идзѣ найдземъ, трохъ смѣковъ?»—Возьмемъ, кажа: радъ-старатца! Побрали яны етыхъ коній и повали. Приводзяць у якійся городъ, и браты яму сказуюць: «што жѣ мы вядзѣмъ коній у рукахъ? Надо садзятца!» Енъ отказуа: што-жѣ мы, братцы, ще сядземъ на ихъ, коли ще у насъ припасовъ нѣту. Мы на войско ѣдземъ, а мы жѣ зъ голыми руками ѣдземъ. Намъ треба подзѣлаць припасы! Допыталися, идзѣ ковали куюць. Приходящъ яны къ ковалѣмъ. Работающъ ковалѣвъ чаловѣкъ тритцаць. Енъ и спрашуа у ихъ: можаця вы мнѣ подзѣлаць припасы?»—Отчаго жѣ, можамъ!—«Здѣлайма жѣ вы мнѣ дванатцать пудовъ мечъ!»—Можамъ.—«И дванатцать пудовъ булаву, и дванатцать пудовъ сядло кабѣ зробили. А етымъ говора, простыя, братомъ монимъ, подзѣлайца. Ня боли, говора, якъ по пяць хунтовъ!» Етые ковали ўзялі работаць. Ня довго думаючи, подзѣлали. Енъ заявлявъ братомъ: «ступайца на городъ, покупляйца уздѣчки ловкія!» Етый жа рыжанькій конекъ, то бывъ—плохенькій, а то здѣлався такій, што страшно на яго ўзглянуць. Другъ по другу идуць,—по хозяину. И стала у яго золотая шарсцинка и сяребраная. Принясли уздѣчки. Яны коній позамуздовали етыхъ, и стали класць етый свой струмѣнь, сѣдлы. Увобралися якуратъ, якъ слѣдуя быць. Садзятца на лошадей. «Ну, говора, братцы: молись Богу, поѣдземъ, говора, у большую дорогу!» Етые браты стали садзятца на коній, и енъ сѣвъ. «Ну, поѣдземъ!» Побрали свое припасы, сѣли и поѣхали. Выѣжжающъ зъ города, а браты яго спрашуюць: «куды мы далѣко поѣдземъ?»—Поѣдземъ далѣко дужо, тольки ня ставайцѣся отъ мяне! И не поѣхавъ енъ шляхомъ прамо, а по поли. Ъхали яны дзень, другій, третій, ѣхали яны пѣдлую надзѣлю. Дороги ня пилнували, а ѣхали по лясахъ, ѣхали по водахъ. Етый жа пераляйца чѣразъ, хоць якая вода, а тая брадацьца осгаецца яго. «Што я тольки вась побравъ: вы мнѣ помочь плохая будзѣця. Ну нибытто мнѣ трошки весятѣй, што вы со мной ѣдзѣця!» Ъхали яны ще надзѣлю. Узѣжжающъ на чистое поле, и вядзѣнъ тутъ якійся городъ бѣлый. Браты у яго пытаютца: «Што ето, говорущъ, вид-

но такое?»—Эхъ, говора, братцы: подъѣдемъ ближе и угадаемъ, што такое: городъ, моо, якій, али, можа, якій домъ стоиць. Тольки, говора, намъ къ яму треба ѣхаць: мы яго ня минѣмъ, етаго дому!» Приѣжжаюць ближе—ажну домъ такіъ, што Вожа-Вожа! Ня можа и пщца пералаяцьць черазъ тэй домъ. Ажны тамъ живець, што передній узавъ—триголовный смокъ, у етымъ доми. Приѣжжаюць къ етому дому—вороты зялѣзныя; ня можа нхто добитца у етый домъ. Енъ говора на братовъ на своихъ: «злазѣця съ коній, отчинайця вороты етыя: довѣдаемся, хто тутъ живець, у етымъ доми!» Етые браты злѣзли съ коній, стали етыя вороты отчинаць. Дакъ яны ихъ и не подумали отчиниць! Етый меньшій якъ соскочивъ зъ лошады, и товхонувъ етыя вороты—вороты и поляцьѣли! Якъ поляцьѣли етыя вороты, енъ кажа на братовъ: «вядзиця коній подъ повяць!» А самъ ускакуя у домъ у етый. Ускочивъ на другій атажъ,—ажны старшая царская дочка сядзиць тамъ, на сколько зялѣзъ прикувана, а *яо* нѣту дома, енъ, нячистая сила поляцьѣвъ кудысь. Ускакуя къ ёй етый хлопецъ, и яна яго увидала: «э, говора, голубчикъ мой, землячокъ: ци самъ ты заѣхавъ сюды, ци Господзь занёсь?»—И сами зайшли, и Господзь занёсь, кабъ цябе отсюль узаяць.—«Нѣ, говора: вы мяне отсюль ня возьмеця. Енъ, говора, нячистая сила, огнѣмъ попали насъ усихъ!»—«Ня бойсь, возьмемъ! Узавъ сычасъ, зялѣзы еты потарвувавъ, и яе опрѣставъ. Наступая цемная ночь. Яна говора: «вотъ ёнъ сычасъ будзя ляцьѣць. Енъ счуя цябе пахомъ и засыпа огнѣмъ за вярсту!» Енъ узавъ свое припасы: узавъ свой мечъ и узавъ свою булаву на плечи, вышовъ къ братомъ и говора: «слухайця жъ, братцы, што я вамъ буду говорыць! Я сычасъ пойду на сустрѣчу: ну тольки жъ вы спаць не ложисьё! И якъ начане конь мой кидатца, дакъ спускайця яго ко мнѣ!» Собравсь ёнъ и пошовъ. И тамъ якась была гребля. Енъ подъ тую греблю и сѣвъ. А *енъ* сычасъ ляциць, огнѣмъ засыпавъ и ляциць. «Хто тутъ, говора, ёсць?»—Ёсць такіъ чаловѣкъ, што пришовъ сойскаваць, зачимъ ты по чужихъ земляхъ крадзешъ дѣвокъ?—«А што жъ ты, кажа, пришовъ, ци битца, ци миритца?»—Нѣ, нячистая сила, битца! Якъ сплялись битца... Билися, билися, билися, билися—помогъ хлопецъ сразу! Якъ помогъ яго хлопецъ етый—откулься узаялись три проклятыхъ, три чарты, и станюютца яму у помочь. Етый братъ кричавъ, кричавъ гвалту, конь ирвѣтца, а браты заснули. Енъ бився, бився—прошнулися тые браты. Вачуць—конь ирвѣтца крѣпко. Яны сычасъ прыскѣчили, коня етаго спустили. Конь якъ вырвався съ стайни, дакъ земля-маць застогнала, якъ побѣгъ икъ хозяину своему. Прибѣгая къ яму и спрашуя: живъ ты, ай убить?—Нѣ, ще живъ! Якъ узали удвохъ садзиць, якъ узали садзиць, дакъ яны яго убили на смерць. Енъ узавъ, головы потсыкавъ яму и кинувъ подъ греблю, а яго порубавъ на мелкія часпи. Сычасъ забравъ свое припасы и кладзе на своего коня. Приѣжжая у тэй домъ. Дзѣвчина ета видзя, што ёнъ увесъ у криви, выскакуя къ яму на ганки: ну, говора, што Господзь давъ?—Убивъ, говора: головы посеѣкавъ, подкинувъ подъ греблю. Ну, братцы: объ етымъ намъ нечаго богато мѣдлицъ—убирайцесь. Запрагайця змянну повозку, надѣввайця пара хомутовъ и садзиця ету дзѣвчину съ собой, поѣдземъ! Узали яны кольки-тамъ чаго на дорогу и поѣхали. Выѣжжаюць яны на дорогу, енъ и спрашуя: «ци ня чула ты, говора: идѣ тутъ твоя сестра живе?»—Чуць ня чула, идѣ яна, а тольки къ етому смоку прилятавъ

братъ, дакъ я замѣтила, изъ якія ень стороны лѣтая.—«Ну, я яго найду, пытатца нечаго!» И поѣхали. Ъхали то кольки, бачуць—красный домъ стоиць—огромный! Браты спрашуюць: «якійся-то городъ видзѣнь.»—Да, говора: подѣждземъ, говора, ближе, дакъ и ўгадаемъ, якій городъ: городъ ето, али домъ. Подѣжжаюць ближе, ажну стоиць домъ. «Вотъ, говора, идзѣ твоя сястра!» Подѣхали яны туды—ще силнѣй домъ за етаго, ворота ще крапчѣй! Ень говора на братовъ: злѣзайца съ коній, отчинайца ворота! Етые браты злѣзли и рады не дали ничего. Ень якъ соскочивъ, якъ товхонувъ—ворота и полячѣли. «Ну, подѣжжайца съ повозкой подъ повѣць!» Яны подѣхали, а ёнь прамо у горницу, на другій атажъ. Ускочивъ туды, ажъ сярэдняя дочка сядзиць, чисто уся скована у зялѣзы, зъ ногъ до головы. Убачила яго, сычасъ и заплакала: «эй, говора, голубчики—землячки! ци вы сами сюды зайшли, ци васъ Господзь занёсъ сюды?»—И сами зайшли, и Господзь занёсъ. Мы, говора, и сястру твою уже привязли.—«Няхай, говора, сястра сюды придззя!» Ень отказуя ёй: я цябе пушу къ ёй!—«Ты мяне ня 'торвешъ!»—Нѣ, каа, 'торву, по'тбиваю, каа, уся цаны! Якъ хвацивъ—зялѣзы еты потарвувавъ. Выскакуя яна къ сястрѣ къ своей и дужо заплакала: ай, говора, сястрица моя любезная! якъ ты, говора, попалася къ нячистой сили къ етой? Няўжо, каа, у нашего бацюшки хлѣбушка ня хватало намъ, што мы ня хоцѣли ѣсци?... Тымъ часомъ наскочила ночь. Яго жъ ня було дома, смока. Яна говора: «вотъ, сычасъ будзѣ ляцѣць, и огнемъ попали, бо ёнь за двѣ варсты огонь пусця!» Ень на братовъ говора: «ну, вы оставайцесь тутъ, а я пойду на сустрѣчу къ проклятому. Глядзица жъ вы, говора: не кладзицесь спаць. Якъ начне конь ирватца, кабъ вы яго спустили!» Да была тамъ якася гребля. Доходзиць ень до тѣя гребли, ажны ень ляпиць—Божа, Божа! Сычасъ, якъ подлетая, дакъ засыпавъ огонь,—исчувъ пахомъ. «Хто тутъ такій?»—А тутъ такій, што пришовъ сойскаваць, зачимъ вы летаеця у чужія земли да крадзеця у насъ дзѣвокъ?—«Да што жъ ты возьмешъ яе отсюдова?»—Я ўже ўзявъ!—«Што жъ, будземъ битца, ай миритца?»—Нѣ, будземъ битца!.. Якъ узяли битца! Билися, билися—помогаецъ ёнь,—проклятый.—Дай, каа, отдыхаць, покуль волосъ перагориць! Отдыхнувъ гроху. Узяли зновъ битца—посиливъ богатырь. Прискакуюць изновъ къ яму тые ироды на помочъ, убиваюць осилка соўсимъ. А браты етые заснули. Прохвацився одзинъ братъ, ажны ўжо лошады у колѣно зямлю выбивъ. Ень скорѣй яго спустивъ. Конь бяжиць скорѣй туды и спрашуя: ци живъ ты?—Ай, говора: ратуй! убиваюць соўсимъ!.. Якъ узяли удвохъ,—дакъ осилокъ яму знявъ усѣ шесць головъ. Головы подкинувъ подъ греблю, а яго порубивъ на мелкія штуки. Тоды зъ лошадемъ приходзя ёнь у дворъ. Сычасъ узявъ на братовъ сваритца: чаго вы укладуецесь спаць? Мяне, говора, были ўбили на смерць! Ну, тымъ часомъ, нечаго тутъ мѣлитца намъ: забирайца и ету сястру на повозку! Тые рады старатца. Посадили ету дзѣвку на возъ. Уѣжжаюць у поля. Меньшій говора на братовъ: утѣ ета табѣ жана, а ета табѣ! Старшую старшаму, а сярэднюю сяреднему. Вотъ вамъ по жони ёсць ужо, а мнѣ ще Богъ вѣдая гдѣзъ ци найдзетца. Тоды говора на дзѣвчину: ци не знаешъ ты, идзѣ сястра твоя меньшая?—Я знаць не знаю, дзѣ яна, ну только прилятавъ проклятый смокъ у госци къ брату, дакъ я видзѣла зъ якого ёнь боку лѣтавъ.—Ну, нечаго пытатца: я яго знайду! Ну, цяперака,

братцы, я лягу трошки отдышу! Выѣхали ў поле, лёгъ ёнъ отдыхаць—отдыхавъ усяго три часы. И вятѣвъ братомъ запрагаць лошадей: поѣдомъ! Позапрагли коней и поѣхали. Ъхали яны три дни, и видюць яны, стоиць чорный домъ. Браты спрашуюць у яго: што ето, говора: городъ якій видѣнъ?—А вотъ, каа, подъѣдемъ ближе, тоды увознаю! Етыя дзѣвчины видюць, што енъ стараетца хорошо, и стали яны яму благодарить за ето, и здѣлали яны яму першчаточки на руки: «твое руки силно позбаваны; такъ будзя болно!» Ёнъ етыя першчаточки сычасъ узявъ, схувавъ у карманъ. Подѣжжаюць къ етому дому—ажнѹ стоиць чорный домъ, дакъ такій домъ, што уже и рады ниякія не даць!—«Вотъ, говоруць браты: уже ня вѣдаемъ, якъ тутъ улѣзци у етый домъ,—дужо сильный!» Енъ сычасъ на братовъ: злазѣца, отчиняця ворота! Етые браты, нічога ня думаячи, соскочили съ повозки, товхонули ворота, дыкъ яны и не подумали, штобъ отчиниць ихъ. Енъ злѣзъ зъ лошады, у ворота у етыя товхонувъ,—не подаётца: ня давъ рады, ня 'тчинивъ. Сѣвъ на свою на добрую лошады. «Нука, говора: удвохъ ци ня 'тчинимъ!» Якъ разогналися, удвохъ товхонули—шулы вонъ! Улѣзли. «Ну, лошадей подвядзиця подъ повѣць!» Браты етые лошадей подвiali подъ повѣць, а енъ сычасъ ускочивъ у горницю на другимъ атажи, ажнѹ яна на кольки цаповъ прикована! Сквано и руки, и ноги,—усѣ посковано! Убачила яна яго, и заплакала силно, и говора: «здрастуй, голубчикъ-землячокъ! Ци ты самъ сюды зайшовъ, ци Господзь зайёсь?»—Да, говора: и сами йшли, и Господзь занёсь. Ну, тольки, говора, мы ужо твоихъ сяспѣръ привязли сюды обѣихъ.—«Мяне отсюля ня вдымеця, потому, говора, што етый дужо сильный, етый дзевятиголовный!» Енъ якъ узявъ старатца, да зялѣзы етыя потарвувавъ. Яна выскакуя къ сестрамъ. Ето видзиць яна, што ужо браты старатца ня хочуць и яму разказуя: «ты имъ давъ по жони, а яны ня хочуць старатца!»—А я ихъ жалосци ня хочу; яны мнѣ ня помогутъ нічога!—«Ну, говора: ёнъ дужо силенъ: ёнъ запаля огнемъ за три вярсты; и домъ етый спаля, и насъ поपालя!» Надыходзя ночь; енъ убираетца. «Глядзиця жъ, кажа, не засыпайця тутъ, кабъ лошады спусцили сычасъ, а я пойду на сустрѣчу!» Узявъ, на столъ поставивъ стаканъ, и надъ стаканомъ повѣсивъ етыя свое першчаточки. «Браты вы любезны! Вы, говора, кладзецѣся спаць; дакъ лядзиця: якъ поцячѣ зъ естыхъ съ першчаточакъ кровь у стаканъ у етый,—дакъ вы якъ можно лошады спускайця мнѣ!» А самъ пошовъ на сустрѣчу. Доходзиць до гребли—якаясь тамъ была—дакъ енъ сычасъ и ляциць. Якъ запусцивъ огонь за три вярсты, дакъ енъ яго по колѣни усупавъ искрѣмъ. Подлятая къ яму ближе: «да, говора: попавсь! Вотъ, каа, больше ня будземъ оторвуваць дѣвоекъ!»—Я за етымъ прѣхавъ, што я ихъ довжанъ поторвуваць: вы, песьсее мясо, ня дожны красць по чужихъ земляхъ дѣвоекъ!—«А што мы, говора: будземъ битца, ай миритца?»—Нѣ, я не за етымъ прѣхавъ, кабъ миритца, а за тымъ, кабъ битца!.. Якъ узяли битца... Билися, билися, билися, билися—помогая проклятый. Ёнъ прѣситца: дай отдыхнуць, покуль волосъ перагориць!.. А браты уклались спаць. Цяперака прошнулася большая дзѣвчина и бачиць, што съ стаканъ кровь уже пошла черазъ, и закричала: ступайця, скорѣй лошады спускайця! Тые побѣгли, лошады спусцили. Енъ уже чудъ тольки живой! Конь етый прибгая: ци живъ ты, ай убить?—Нѣ, каа, щѣ живъ. Якъ узяли битца, узяли битца—помогли проклятаго!

Якъ только убили, такъ яму головы етыя доловъ поссѣкавъ, подъ греблю позакидавъ, а яго на мелкія часточки порубавъ. За свойго за добраго коня, и на хвациру. Цяперъ етые рады ўси, што собралися: слава Богу, сямейку собрали ўсю: три сястры и три браты.—«Ну, говора, братцы: нямѣдленно запрагайця коній,—ѣдземъ!» Етые браты запрагли смоковыхъ коній и повозку яго, дзевяциголоваго, и поѣхали. Дзѣвки поѣхали у повозцы, а браты поѣхали на своихъ коняхъ, верхи. Проѣхали яны, можа, вярстовъ дзiesiąтокъ, и ета яго дзѣвчина знимая зъ руки съ своё золотое кольцо и дае яму. Ёнъ ня хоча браць. Яна на яго говора: «другъ мой любезный, надзѣвай! Я рада, што ты мяне вызволивъ; вѣрно уже я твоя буду супруга!» Ёнъ ўзявъ у яе персцяны и надзѣвъ. Надзѣвъ ето кольцо, и уздумавъ, што забывъ перщаточки у доми ў тымъ. «Ну, говора: пойду по перщатки!» Яны яго не близко! Ня пускаюць уся гуртомъ.—«Нѣ, говора: пойду! Кабъ проклятая сила нашимъ добромъ не пользовалась! А вы, говора, малёнько обождиця тутъ, покудова я.» Ёнъ якъ побѣгъ назадъ, ускакуя у етый домъ. Только хоцѣвъ етыя перщаточки зная—откуль бывши, сычасъ сатонки двери позачиняли, приўкрапили домъ. Остаётца енъ у дому одзинъ душой! А тутъ ни коня немашь зъ имъ, ни припасу. Яны ждали, ждали—яго ня чуто. Дзѣвки етыя говоруць: нуця вернемся ўси назадъ! А браты говоруць: «не надо!» Цяперъ енъ, бѣдный, кидався, кидався тамъ—няможно яму выльзць оттуль. Яны ждали, ждали, да й поѣхали, яго кинули одного. Ёнъ сядзѣвъ у етымъ доми надзѣбли двѣ. Орашённыя (рѣшеніе) яму уже приходзя, сусимъ смерць уже подходзя. Зирнувъ на руку на свою, ажно на руцѣ кольцо золотое. Ёнъ перщаточки етыя сычасъ у карманъ, и што ўздумавъ: ахъ, говора, Господзи милосѣрдный! Няўжо, говора, за мою щирасць Господзь мяне не пожалѣя ничимъ, ня вызволя отсюль? Да ўзявъ, да зъ руки на руку кольцо перамянивъ. Сычасъ двери етыя и поўтчинялися. Якъ отчинилися, енъ отгудова якъ вырвався! Сычасъ прыскакуя къ яму штукъ шесць проклятыхъ. Ёнъ имъ не подався. «Ну, говоруць: столько жъ ты старався, а табѣ, говора, ня мѣць жоны!» Тутъ, етые двое зачали зъ имъ буховатца, а тые уздогонъ за ими ўчатырохъ. Здогнали ихъ и дзѣвокъ побрали. Яны якъ ўзяли дзѣвокъ, стали тоды браты просиць у иродовъ у етыхъ, и своихъ выпросили, а меньшую отдали. Ёнъ вырвався оттуль, якъ пошовъ, да пѣшшой уздогонъ, ишовъ, ишовъ—не догнавъ нигдѣ! Годзи гнатца! Засмуцився енъ, што якъ бився, якъ старався—нема ничего! Идзѣць енъ сабѣ дорогой, самъ сабѣ одзинъ; ишовъ ня пивши, ня ѣвши надзѣбли двѣ. Прибываетца къ дзяревни. Попросився на ночь. Яны яго пусцили и пытаютца: откуль ты, чаловѣча?—Я подорожный чаловѣкъ! У дзяревни жъ у той бывъ тамъ якійсъ коваль. А ў того у чаловѣка, што ёнъ на ночь попросився, была дочка дзѣвка. «Вотъ, каа, чаловѣкъ добрый, ты утомивсь, идзи, каа, у запычакъ, тамъ отдыхай.» Етый полѣзъ у запычакъ, лёгъ отдыхаць. Приходзя тая дзѣвка у вечару. «Вотъ, говора: у нашего, говора, цара покрадзяны, говора, дочки, и цяперъ ёнъ вобыскъ такій давъ, штобъ ни нашовъ только хто дзѣ ихъ, усё отказуя царство. И найшлось, каа, три браты сыйскаць етыхъ дзѣвокъ. Поѣхали яны искаць ихъ—отыскали. Ьхали яны домовъ, дакъ меньшій братъ призабывся перщаточки у смоковымъ доми. Пошовъ по перщатки, а яго хропъ! и зачинили у доми ў тымъ. А браты не поѣхали назадъ ратоваць, да домовъ по-

ѣхали. Догоняють ихъ на дорози природы ўчатырохъ, и ўзяли ў ихъ етыхъ дзѣвокъ, отобрали. Дакъ тые два отпросило своихъ, а тѣй, што старався, дакъ того узяли, отдали имъ дзѣвку тую. Дакъ вотъ цяперъ тыя дзѣвки идучъ замужъ за етыхъ за хлопцовъ, што привязали. Цяперъ царъ скучаецъ, што отчаго жъ нема того самага воина и нема меньшія дочки? Яны яму отказали, што идучъ узадзи. Дакъ вотъ, говора, прислали къ нашаму ковалю, кабъ ёнъ имъ повыливъ золотыя кольца. Енъ, коваль етый, повыливавъ, повыливавъ и отославъ двѣмъ етымъ. Етыя кольца дойшли до самага цара. Енъ отдавъ ихъ дочкамъ. Тыя полядзѣли—хорошо повыдзѣлавъ. Тутъ нямѣдленно и свадьба зъ ими: уже жъ няльзя отказаватца цару, потому—слово!» А ўдовинъ сынъ, сѣдзючи, спрашуня: а ня чуда жъ ты, коли у ихъ будзя свадьба? Енъ, бачъ, прослухая, што будзя дальшъ. Увознавъ енъ у якое число свадьба и пошовъ ближе къ царству. Приходзя зновъ у дзяревню и проситца на ночь. Людзи говоруць: у тамъ, на краю, живе у насъ коваль, дакъ у яго можно пераночуваць. Приходзя удовинъ сынъ туды, попрасивсь на ночь; яны яго и пусцили. А коваль да ду-жо пьяница большая. Навивсь горѣлки и приходзя съ кузьни домовъ. Приходзя яго дочка—идзѣсь была—и сказуня: вотъ, говора: у нашаго цара покражаны дочки; нў только ихъ потыскували: двѣ уяродъ пріѣхало, а третьяця цяперъ оказалась. У тое и тое число будзя свадьба. А коваль тѣй, сѣдзючи: ну, пойдземъ уси на свадьбу глядзѣць! Только што ето поговорили, сычасъ приказъ вышовъ, кабъ коваль етый выливъ такое и такое кольцо. Коваль говора: добро, я вылью! Тоды етый удовинъ сынъ лёгъ отдыхаць и говора: «дзядзъ, и я, каа, ужѣю выливаць кольца!»—Якъ ето, каа, ты зроду не работаъ, да ты здзѣлаешъ? Ты ня здзѣлаешъ!—«Нѣ, говора, здзѣлаю!»—Ну, на жъ табѣ, говора, хорму уть ету, што выливаютца кольца, а я лягу трохи поляжу! Ето, знаешъ, коваль пьяный. Етый коваль лёгъ спаць, а хлопецъ кольцо зъ руки, да ў бумажачку узарцѣвъ. Прошинаетца тѣй коваль: эй, говора: запознився я, ня будзя готово кольцо, а треба, кабъ яно къ тому и тому часу было готово. Вотъ, кажа: пошовъ ба на свадьбу и яго бѣ узявъ съ собой. Удовинъ сынъ кажа: я жъ выливъ кольцо! Позирнувъ етый коваль на ето кольцо, дакъ ёнъ зродъ ня здѣлая такого! «Ого, кажа: хорошо! Буду, кажа, госць, што здѣлавъ такую штуку!» Узявъ кольцо да ў карманъ. И поясися етому кольцу на свадьбу къ цару. Подавъ ето кольцо цару,—царъ зирнувъ на кольцо, ажну ето кольцо дзѣлавъ енъ ще, выливавъ дочкѣ своей меньшай. Лядзѣвъ енъ, лядзѣвъ: мое кольцо! Богато ня мѣдляючи, къ дочкѣ. Подáli ёй на руки полядзѣць ето кольцо—яе кольцо! Яна ў голосъ: «откуль ето кольцо узялось? Ето, говора, кольцо того друга мойго, што енъ объ насъ старався! Ня ўжо бѣ енъ, говора, идзѣ живѣ яшчѣ?» А яна, бачъ—попався ёй зновъ няхрищонный, и яна присягнула яму, што выйдзя за яго, кабъ только енъ яе назадъ не цагнувъ. Цяперъ яна пусцила цихій вобыскъ, сказала братомъ и сястрамъ: «тутъ уже вѣйдзи другъ нашъ! Окажися!» И енъ оказався ёй цихимъ порадымъ. «Будзешъ ты ѣхаць до вянца, дакъ кабъ одзѣжу узяла мнѣ, а то я, бачъ, у лапникахъ, обнищився. Я яго на дорози убѣйдарую, а съ тобой повянчаюсь.» Ну, яны ѣдучъ до вянца, ничего ня думающъ, а енъ пошовъ упередзѣ. И яна примычая усякаго чаловѣка, усѣ глядзиць, кабъ увознаць. И ўвознала. И сычасъ говора: чаловѣча,

подсядзь, говора, зь нами!—на яго. Ёнъ сѣвъ. Яна сычась облилась слязами. Сторожакъ (и *стрыжакъ*) етый пытаецца у яе: чаго ты плачешъ? А яна яму ужо ня хоча говориць. «Перадзѣвай, каа, одзѣжу, чаловѣча!» Ёнъ сычась узявъ, одзѣжу перадзѣвъ. И тоды яна говориць: утѣ ето мой другъ! Дакъ удовинъ сынъ яго якъ хавивъ за голову, да якъ швыргне, дакъ на кольки часцей порвавъ яго, на мѣтлахъ! Цяперъ здѣлалі воборотъ назадъ къ цару—покажися, каа, налишно. Пріѣжжаюць яны, царъ и говора: «вотъ, говора, мой зяцъ! Вотъ етый старався, вотъ етый нуждався.» А яны уси собраліся къ яму: три сястры, три браты. «Вотъ за етымъ усё моё царство!» Три годы нуждався, ходзівъ, а цяперака ставъ царомъ, Иванъ-удовинъ сынъ. Поваянчаліся, узялі матку къ сабѣ *) и стали жиць да поживаць. А на братовъ сказаць: вашу ласку я вамъ пѣсли отдамъ.

Дер. Новоселки, кормянской вол. рогацев. у.

Крест. Федотъ Игнатовъ Горѣликъ, 68 лѣтъ. Въ молодости сплавлялъ плоты по р. Сожу. См. Афан. II, 280, III, 6, V, 118.

21. Сынъ продажённый.

а, Живъ у нашай сторонѣ лясникъ. Дзяцей у яго было порадошнаго, а живъ при большой бѣднѣ, и заняціе яго было ружейное. Вотъ разъ пошовъ ёнъ у лѣсъ. Ходзівъ, ходзівъ ёнъ нѣсколькі уремя—сядзиць пщица на дзєрєви съ сяннѹю копу. Ёнъ ладзитца ету пщцу биць. Пщица ета отвѣщая яму: «ахъ, чаловѣча добрый! ня би мяне, я живѣмъ табѣ у полу ўлячу!» Ёнъ ружжо подѣ дуба, полу подставивъ... Ждавъ, ждавъ—яна не падає. Ёнъ узновъ за ружжо; ахъ, кабъ ты околѣла, што ты мяне обмануешъ? Я цябе за другимъ разомъ убью! Отвѣщая яму пщица: «ахъ, чаловѣча добрый! ня би мяне, а табѣ живѣмъ у полу ўлячу!» Ёнъ ружжо подѣ дуба, разгарнувъ полу, дзяржиць. Ждавъ, ждавъ—не ляпиць. «Ахъ, кабъ ты здохла! Што ты мяне другій разъ обмануешъ? За третьимъ разомъ я цябе вѣрно ужо убью!» Ёнъ за ружжо, отводзя окурокъ. Только бразнуць,—а пщица отвѣщая яму: «ахъ, бѣдный добрый чаловѣкъ! ня би мяне, я табѣ живѣмъ у полу ўлячу!» Ёнъ ружжо подѣ дуба, разгарнувъ полу, и ждѣць. Яна яму у полу и ўпала. Принѣсь енъ тогды ету пщцу домовъ. Яна яму и говора: «што я табѣ скажу, бѣдный добрый чаловѣкъ: ци ёсь у цябе корова?»—Ёсь!—«Ну, рѣжъ корову, да корми мяне, бо будзя табѣ голоба за мяне!» Ёнъ корову зарѣзавъ. Пщица яе трѹя сутокъ ѣла, а послѣ того трѹя такъ посадѣла. «Што, говора, бѣдный добрый чаловѣча: ци ёсь у цябе другая корова?»—Ёнъ говора: ёсь!—«Ну, рѣжъ опослѣднюю корову, ды корми мяне, бо будзя табѣ голоба за мяне!» Ёнъ говора своей жонцы: «ци вѣдаешъ, баба: ета пщица говора, што рѣжъ опослѣднюю корову, ды корми мяне, бо будзя табѣ голоба за мяне!»—Ну што жъ, говора жонка: чимся мы мали отвѣчаць за яе, дыкъ луччє зарѣжъ! Ёнъ и зарѣзавъ. Яна трѹя сутокъ ѣла, а трѹя такъ посадѣла. На чацвѣртыя сутки говора: «Што, бѣдный добрый чаловѣча!»—А што?—«Няси мяне туды, дзѣ ты мяне ўзявъ!» Ёнъ яе

*) По гомельскому варианту, мать богатыря была взята во дворецъ, по его просьбѣ, тотчасъ при отправленіи сыновей на подвиги. „Давъ ей царъ горницу и слугу.“

опяць у полу и понёсь. Принося подь того дуба: ну, говора: ляци!—А нѣ, бѣднѣй добрый чаловѣча! Я сама къ табѣ оттуль звалилася: посаdzi мене такъ, якъ я ся-дзѣла. Енѣ ето полу скомкавъ свою, и на дуба лѣзя. Узлѣзь на дуба можа сажанъ, можа два. Ета пщца съ полы да подь яго. Яна яго якъ неспи, дакъ неспи, и занясла за тридзевяць зямель. Уносиць яго ў рощу у такую, што ня здумаць, ня ўзгадаць, тольки ў казкі сказаць. У тѣй рошці стоиць привукрасный домъ. Пщца ета говориць: «У етымъ доми живецъ мой бацька и matka. Идзи ты къ мойму бацьку, къ матцы. И будучъ яны у цябе спрашаваць: ци ня бачивъ ты Соловья-разбойника, нашего сына? Ты скажи, што бачивъ; не довольно того, што бачивъ, дакъ у своёмъ домѣ дзяржавъ; не довольно того, што дзяржавъ, дакъ двюхъ коровъ стравивъ на ёмъ. И будучъ яны табѣ даваць усяго, што заўгодно: и золото, и серабро, и мѣдзь. Дакъ ты нічога не бари, а тольки скажи: «ваша царская милосць! нічога я зъ васъ ня хочу, тольки ёсь у васъ подь подушками ўголовахъ три галочки: одну галочку отдайця мнѣ, а двѣ застанетца вамъ.» Енѣ повѣра, што ты мяне видавъ, и галочку табѣ отдасъ. Ты жъ тамъ довго ня будзь: не больше, якъ троя сутокъ, бо мнѣ выходзюць лѣты, треба оявитца къ бацьку, къ матцы! Енѣ и пошовъ. Подходзя подь окно къ матцы, яна убачила яго и кажа: «а, здрастуй, бѣднѣй добрый чаловѣча! Куды йдзешъ, куды пуць дорожку вядзешъ? Ты по свѣту ходзивъ: ци ня видзѣвъ дзѣ Соловья-разбойника, мойго сына?»—Видавъ, выдавъ; не довольно того, што видавъ,—а ў своёмъ домѣ дзяржавъ; не довольно того, што дзяржавъ, дакъ и двѣ коровы стравивъ на ёмъ.—«Ну, говориць, брацець: не я табѣ отдата, а панъ Богъ заплаата!» Сичасъ яго напоила, накормила, да подь печку. Ходзяинъ приходзя, по хацѣ ходзя: «пхе! русь-косъ пахня далёкая!»—Ахъ, говора, душанька: ты по Руси летавъ, Руси набрався, дакъ яна табѣ и пахня.—«Ахъ, говора, вѣрная моя супруга: не говори мнѣ! Коли я знаю, што вѣрно русь-косъ пахня далёкая! Давай вячераць!» Сѣли яны вячераць.—«Што, говора, другъ мой милый: што бъ ты здѣлаваць, коли бъ нашъ сынъ явився?»—А нічога: не знавъ бо дзѣ яго дзѣць, и зъ жалосци разорвавъ ба яго!—«Ну, а коли бъ пришовъ такій чаловѣкъ, што разказаваъ ба про яго, ци живъ енѣ—ты бъ яго не страцивъ?»—Нѣ! Напоивъ ба, накормивъ и дорогу показавъ.—«Ну, дакъ у мяне жъ ёсь такій чаловѣкъ!»—Ну, давай яго сюды! Вотъ яна печку отчинила: «лѣзь, бѣднѣй добрый чаловѣча, оттуль!» Енѣ вылезъ: «здрастуй, ваша царское вяличаство!»—Здрастуй, бѣднѣй добрый чаловѣкъ! Што жъ, братъ: видавъ Соловья-разбойника, мойго сына?»—«Видавъ, говора. Не довольно того, што видавъ, дакъ и ў своёмъ домѣ дзяржавъ; не довольно того, што у доми дзяржавъ, дакъ и двѣ коровы стравивъ на ёмъ!»—Ну, брацець: не я табѣ отдата, панъ Богъ заплаата. Садзись со мной вячераць! Енѣ сѣвъ зъ имъ, повячеравъ. Назаўтраго, давъ Богъ дзень, енѣ повѣвъ яго туды, дзѣ ўсё лежало: и золото, и серабро, и мѣдзь, и одзежа.—«Ну, говора, бѣднѣй добрый чаловѣча: бари сабѣ, што хочешъ: ци золото, ци серабро, ци мѣдзь. Бари, кольки понесци!»—Нѣ, говора, ваша царское вяличаство: ня хочу я нічога! Ёсь у васъ подь подушками ўголовахъ три галочки: вы одну мнѣ отдайця, а двѣ останетца вамъ.—«Ну, молодзецъ, бѣднѣй добрый чаловѣкъ! Вѣрно видавъ мойго сына! Почомъ ба ты знавъ, што у мяне ёсь подь подушками ўголовахъ три галочки.» И отдавъ яму одну галочку. «Ну, бѣднѣй добрый чаловѣча!

Бяри цяперъ золота, кольки понеси!» Енъ узавъ, набравъ клумакъ золота, и выходя у рошу, а Соловей-разбойникъ кричиъ на ўсю голову: «эй, бѣдный добрый чаловѣча! ходзи скорѣй, а то мнѣ выходзюъ лѣты. Я цябе тутъ и брошу. Треба мнѣ оявитца къ бацьку, къ матцы!» Енъ приходзя къ Соловью, той узавъ яго на сябе и понёсъ. Вотъ якъ неси, дакъ неси, якъ неси, дакъ неси, и занёсъ за двадзевяць зямель назадъ. «Ну, говора, бѣдный добрый чаловѣча! Мнѣ вышли лѣты, треба оявитца къ бацьку, къ матцы. Поспѣшай жа ты домовъ, и штобъ ты еты гроши занёсъ подъ того дуба, идзѣ ты мяне бравъ. Да глядзи, кабъ ты сяродъ дороги етыя галочки не разляпивъ, а то будзя табѣ худо!»

Енъ изъ естыми грошами ици, дакъ ици, ици, дакъ ици, ици, дакъ ици, — старався поспѣшаць и дзень и ночь. Ну и вышли етыя гроши до копѣйки. Обхарчився енъ, што й ѣсць нечаго. Вотъ енъ звярнувъ у лѣсъ, сѣвъ на колодзи и развярнувъ ету свою галочку... Якъ только развярнувъ, такъ и стало у яго царство. Ставъ енъ царомъ, и стала ў яго и прислуга и ўсё. Енъ жиць, дакъ жиць, жиць, дакъ жиць — и соскучавъ. «Ахъ, говора, Господзи! живу я тутъ одзинъ, а жана моя зъ дзѣтками дома. И я ня вѣдаю объ ихъ!» Однимъ словомъ соскучивъ. Подходя къ яму сатанюка: «Што ты, бѣдный добрый чаловѣча, зажурился?» — Да што, говора: разляпивъ я свою галочку, ниякъ не зляплю. — «А што мнѣ будзя: я зляплю!» — А што ты хочешъ? — «Отдай тое, што ў дворѣ ня вѣдаешъ!» Енъ думавъ, думавъ: што тутъ такое? Покинувъ я ў дворѣ двананцаць дзяцей; усё я знаю... А того не зная, што бяременную жонку покинувъ у дворѣ. «Ну, пушай сабѣ: отдамъ табѣ, што ў дворѣ ня вѣдаю!» — Ну, распишамся! Енъ разрѣзавъ мязанный палець, и пошла зъ естаго палца кровь. Енъ етою кровью и расписався на бумази. Гетый сатанюка схавися за кольцо и высочивъ на крыльцо, крикнувъ казакимъ голосомъ, молодецкимъ подсвистомъ, плесенець зъ ладони на ладоню, — и зляпивъ ету галочку. Енъ узавъ галочку и пошовъ. Ици, дакъ ици, ици, дакъ ици, и пришовъ подъ того дуба. Разляпивъ енъ тутъ туу галочку, и ставъ у яго дворець, стало царство, и енъ ставъ царомъ. Вотъ и ставъ енъ тамъ жиць. Проживъ енъ тамъ кольки ўремя. Разъ урани выходзиць енъ на крыльцо, глядзиць, — ажъ идзе яго жонка. Якъ схвацютца — поздоровкались. «Здрастуй, моя вѣрная супруга!» — Здрастуй, милый другъ! Прибѣгли дзѣци, ухапили за руки, за ноги, обда-лували: «Здрастуй, бацюшка!» — Здрастуй, дзѣци! Што-жъ, моя вѣрная супруга, чій ето грѣхъ? У насъ было двананцаць дзяцей, а чіе жъ ето тринадцатое услѣдъ бяжиць, якъ собачка? — «А, милый другъ: съ тобой прижила, безъ цябе родила!» — Ну, енъ жа ўжо не нашъ, я яго запродавъ! — «Коли запродавъ, дакъ Богъ изъ имъ: мы и зъ естыми проживемъ!..» Вотъ яны тутъ окороповалися жиць, и живуць. Вышло етому хлопчику двананцаць годовъ — енъ и приходзиць по яго. «Ну, говориць, бѣд-ный добрый чаловѣча: отдай моё!» Енъ яму отвѣщаецъ: енъ ящѣ младъ! — «Во, яму жъ двананцаць годовъ: самый молодець!» — Ну, коли самый молодець, дакъ и бяри сабѣ, говора. Енъ яго узавъ и повѣвъ. Якъ весци, дакъ весци, якъ весци, дакъ весци — вѣвъ енъ яго и по лясахъ, вѣвъ енъ яго и по борахъ, вѣвъ енъ яго и по болотахъ. Вѣвъ, вѣвъ — и приводзя къ своему кролю. И давъ яму хвациру у дзѣвуш-ки. Вотъ приходзя енъ икъ кролю за приказаніемъ: «Здрастуй, ваша царское вли-

частво!»—Здрастуй, младъ-юнушъ. Ну, ци йшовъ ты по лѣсахъ?—«Ишовъ, ваша царское вяличаство!»—Ишовъ по борахъ?—«Ишовъ, ваша царское вяличаство!»—Ишовъ по болотахъ?—«Ишовъ, ваша царское вяличаство!»—Ну, глэдзи жъ: кабъ ты у такимъ и такимъ бору лядо высѣкъ, выбравъ, узоровъ, заскородзивъ, узмѣшавъ, и пшаницу посѣявъ, запахавъ, кабъ пшаница ўзышла, и поспѣла, зжавъ, змолоцивъ, и змоловъ, кабъ и пироги спѣкъ, и ко мнѣ принѣсь на показъ за два часы до дня!.. Вышовъ енъ отъ кроля, и плача... Тая дѣвѣушка и спрашюа: «што ты, младъ-юнушъ, зажурился?»—Якъ жа мнѣ на журицца, коли мнѣ кроль задавъ на ночь такую работу, што я за годъ не передѣлаю.—«А якую?»—А вотъ: якъ пришовъ я къ яму, енъ и спрашюа: ци йшовъ ты по борахъ?—Ишовъ.—Ци йшовъ по лѣсахъ?—Ишовъ.—Ци йшовъ по болотахъ?—Ишовъ.—Ну, кабъ ты у такимъ и такимъ бору лядо высѣкъ, выбравъ, узоровъ, заскородзивъ, узмѣшавъ, пшаницу посѣявъ, запахавъ, пшаница кабъ узышла и поспѣла, и кабъ зжавъ, змолоцивъ и змоловъ, и пироги спѣкъ, и ко мнѣ принѣсь на показъ за два часы до дня!..—«А ты увядзешъ мяне у храццоную вѣру?»—Увяду!—«А не забудзешъ мяне?»—Не забуду!—«Ну, молиси Богу, ложись спаць!» Енъ сѣвъ, повячеравъ, Богу помолився, лѣгъ спаць. Вотъ дѣвѣушка узилась за кольцо и выскочила на крыльцо; якъ плесня зъ ладони на ладоню—и зляцѣлись икъ ей уси дѣяволы.—«Здрастуй, молодая сударыня!»—Здрастуй, поганые дѣяволы!—«На што насъ требуешь: ци на перакличку, ай на работу?»—Што мнѣ зъ вашя пераклички? Я зъ васъ работы требую. Смотрица, кабъ на томъ и на томъ бору лядо высѣкли, выбрали, узорали, заскородзили, узмѣшали, пшаницу посѣяли, запахали, кабъ пшаница ўзышла и поспѣла, зжали, змолоцили и змолили, пироги кабъ спякли и ко мнѣ за три часы до дня принясли! Яны ўзялися, усхвацилися: хто сѣчь лядо, хто убирать, хто ораць, хто скородзиць—усю работу къ отчоту. И сичасъ лядо высѣкли, убрали, заскородзили, ўзмѣшали, пшаницу посѣяли, запахали; пшаница ўзышла и поспѣла, яны зжали, змолоцили, и за три часы пирогъ икъ ей принясли.—«Ну, ступайца сабѣ по своимъ мѣстахъ. Узала дѣвѣушка пирогъ и понесла у покой. «Ну, говора, младъ-юнушъ: такъ подорожные людзи не засыпаюць! У дорози треба пораяѣй уставаць!» Енъ усхопився, уставъ, умывся, Богу помолився и хоцѣвъ ици.—«Што жъ ты, съ чимъ идзешъ? Бяри-тка вонъ пирогъ, да йдзи къ кролю за приказаніемъ.» Узавъ енъ пирогъ, усклавъ на золотое блюдо, рушникомъ накрывъ и понѣсь къ кролю. «Здрастуй, ваша царское вяличаство!»—Здрастуй, младъ-юнушъ! Ци суповнивъ приказаніе?»—«Суповнивъ, ваша царское вяличаство!»—Покажи!—«Звольца посмотриѣць!» Енъ етый пирогъ ня мытый, ня рытый цапъ! хрѣпъ-хрѣпъ и зѣвъ. «Ну, говора: молодець, младъ-юнушъ! Одну службу сослуживъ! Коли ще двѣ сослужишь—пушу къ бацюшку на житьцѣ! Ступай, брацець, троя сутокъ отдыхай, на чацьвѣртыя приходзи за приказаніемъ!» Пошовъ енъ домовъ и плача. Дѣвѣушка яго и спрашюа: «чаго ты, младъ-юнушъ, плачешъ?»—Якъ жа мнѣ не плакаць, коли кроль сказавъ, што ще двѣ службы треба сослужиць.—«А ўвядзешъ ты мяне у храццоную вѣру?»—Увяду.—«А не забудзешъ ты мяне?»—Не забуду.—«Ну молиси Богу, кладзись спаць!» Енъ сѣвъ, побѣдавъ, Богу помолився и лѣгъ спаць. Енъ думавъ, што спиць дзень, а ўжо троя сутокъ проходзя. Тоды дѣвѣушка будзя яго: «ну, младъ-юнушъ! не такъ подорожные людзи засыпаюць: треба пораныше ўставаць!» Вотъ енъ

устанѣ, умывся, Богу помолился, и пошовъ къ кролю за приказаньемъ. «Здрастуй, ваша царское вяличаство!»—Здрастуй, младъ-юнущъ! Ну, сослуживъ ты мнѣ одну службу; коли сослужишь ящѣ двѣ—отпущу къ бацюшку на житьцѣ! Видишь ты мой суборъ (соброръ, дворецъ)?—«Виджу!»—Видишь на томъ боку возяра гору?—«Виджу!»—Ну, штобъ ты на той горѣ дворецъ выстроишь получче мойго, кабъ макомъ накрывъ, и ў маковое зерня по три золотыхъ гвоздики бивъ. И кабъ за три часы усѣ было готово, и ко мнѣ за приказомъ пришовъ!... Пошовъ енъ домовъ и плача. «Чаго ты?»—«Да якъ жа мнѣ не плакаць: што приказавъ кроль работу на ночь, дакъ я за свой вѣкъ ня здѣлаю... «Што жъ енъ табѣ приказавъ?»—Приказавъ, кабъ на томъ боку возяра, на горѣ, выстроишь дворецъ, накрывъ макомъ и ў маковое зерня по три золотыхъ гвоздики бивъ.—«А ўвядзешъ ты мяне ў храцоную вѣру?»—Увяду. «А не забудзешъ ты мяне?»—Не забуду!—«Ну, молиси Богу, ложись спаць!» Енъ сѣвъ повячеравъ, Богу помолился и лёгъ. А яна ухвацилась за кольцо и выскочила на крыльцо. Якъ плесня зъ ладони на ладоню—и зляцѣлись къ ёй уси дьяволы. «Здрастуй, молодая сударыня!»—Здрастуй, поганые дьяволы!—«Што жъ ты насъ на перакличку требуешь, ай на работу?»—Эка вы, поганые дьяволы! што мнѣ ваша перакличка? я на работу васъ требую. Бачиця вы дворецъ кроля?—«Бачимъ!»—Бачиця гору на томъ боку возяра?—«Бачимъ!»—Ну, штобъ на той горѣ выстроили дворецъ получче кролева, макомъ покрыли и ў маково зерня по три золотыхъ гвоздики били. И кабъ у два часы было усѣ готово!—«Хорошо, сударынька!» Сичасъ якъ схаменулись: хто бровны нясе, хто рубя—сичасъ суборъ поставили, макомъ накрыли, кожное маковое зернятко трои золотыми гвоздиками прибили. Одно зерня ня ўспѣли—однымъ гвоздикомъ прибили, и про тое сказали: «вотъ, сударыня: на тымъ и на тымъ вуглѣ одного зерня ня ўспѣли прибиць трои гвоздьми, однимъ прибили!»—Ну, дбб-ро! Ступайця по своихъ мѣстахъ!.. Ну, младъ-юнущъ, не такъ подорожные людзи за-сыпаюць: треба пораньше ўставаць. Енъ уставъ, умывся, Богу помолвился, идзе къ кролю за приказаньемъ. «Здрастуй, ваша царское вяличаство!»—Здрастуй, младъ-юнущъ! Состроивъ суборъ?—«Состроивъ, ваша царское вяличаство, звольця смотрѣць!» Кроль ето вышовъ глядзѣць,—ажъ зъ яго золото каплець!—«Ну, братъ: двѣ службы сослуживъ: коли третью сослужишь, отпущу къ бацюшку на житьцѣ. Ступай, троя сутокъ отдыхай, на чацьвертыя приходзи за приказаньемъ!» Пошовъ енъ домовъ и плача. «Чаго ты, младъ-юнущъ, зажурился? Што кроль приказавъ?»—Што приказавъ: троя сутокъ отдыхай, а на чацьвертыя приходзи за приказаньемъ!—«А ўвядзешъ мяне у храцоную вѣру?»—Увяду!—«Не забудзешъ мяне?»—Не забуду!—«Ну, молиси Богу, кладзись спаць!» Яму батца, што енъ дзень спиць, ажъ проходзюць третцяя сутки.—«Эй, младъ-юнущъ! подорожные людзи такъ не засыпаюць. У дорози треба поранѣй уставаць!» Енъ уставъ, умывся, Богу помолился и пошовъ къ кролю. «Здрастуй, ваша царское вяличаство!»—Здрастуй, младъ-юнущъ! Ну, младъ-юнущъ: сослуживъ ты мнѣ двѣ хорошія службы; сослужишь ящо одну, отпущу къ бацюшку на житьцѣ. Твой бацюшка королюе, а ты за што сюды понавъ?—«Я, ваша царское вяличаство, ня знаю!»—Видишь ты мой суборъ?—«Виджу!»—Видишь ты суборъ на тымъ боку возяра?—«Виджу!»—Глядзи жъ, кабъ ты отъ субора къ субору здѣлавъ

мостъ: золотая мостничка, сребраная мостничка, золотая палѣ, сребраная палѣ. Не довольно етаго: кабъ обѣполъ мосту стояли разныя—разныя яблоны, и якъ буду ў суборъ ѣхаць, кабъ яблоны цѣли, а якъ съ субору—кабъ я яблоки щипавъ и ѣвъ!.. Енъ идзець къ дзѣвцы и плача. «Чого ты, младъ-юнушъ, плачашъ? Што король приказавъ?»—Што приказавъ? Видзишь ты суборъ кроля?—«Виджу!»—А видзишь суборъ на тымъ боку возяра?—«Виджу!»—Дакъ сказавъ кроль, кабъ отъ субора къ субору бывъ мостъ—золотая мостничка, сребраная мостничка, золотая палѣ, сребраная палѣ; кабъ обѣполъ мосту стояли разныя—разныя яблоны, и якъ будзѣ енъ у суборъ ѣхаць, кабъ цѣли, а съ субору—кабъ яблоки щипавъ и ѣвъ.—«А ўвадзешъ мяне у храпонуу вѣру?»—Уваду.—«А не забудзешъ мяне?»—Не забуду.—«Ну, молись Богу, кладзись спаць!» Ухвацилася за кольцо, выскочила на крыльцо, якъ плѣсня зъ ладони на ладоню—зляцѣлись икъ ёй уси дьяволы. «Здрастуй, молодая сударыня!»—Здрастуй, поганые дьяволы!—«Ци на перакличку насъ требуешъ, ай на работу?»—Ахъ вы, поганые дьяволы! што мнѣ зъ вашѣ пераклички, я васъ на работу требую. Видзиця вы нашаго кроля суборъ?—«Видзимъ!»—Видзиця суборъ на тымъ боку возяра?—«Видзимъ!»—Кабъ отъ субора къ субору вы здѣлали мостъ—золотая мостничка, сребраная мостничка, золотая палѣ, сребраная палѣ. Не довольно того: кабъ обѣполъ моста стояли яблонки, разныя—разныя яблонки. Будзѣ кроль ѣхаць туды, кабъ яны цѣли, а оттуда—кабъ яблоки щипавъ и ѣвъ...—«Нѣ, молодая сударыня! Етаго ня можно здѣлаць: у етымъ возяри дна нѣту!»—Нема не-возможности! Я вамъ разъ сказала: кабъ было здѣлано!—«Ня можно, сударыня: у етымъ возяри дна нѣту!»—Нема не-возможности: кабъ было здѣлано!—«Ня можно, сударыня: у етымъ возяри дна нѣту!»—А ци ня ёсь тутъ старая чарапахѣ зъ вами?—«Нема.»—Подаць яе сюды!.. Яны кинулись, и вядуць яе подъ пашки. Яна йдзе, хромае. «Здрастуй, молодая сударыня!»—Здрастуй, старая вѣдзьма!—«Зачимъ ты мяне требуешъ: ци на перакличку, ай за дзѣломъ?»—Што мнѣ съ твоѣ пераклички: видишь ты кроля нашаго суборъ?—«Виджу!»—Видзишь суборъ на тымъ боку возяра?—«Виджу!»—Кабъ отъ субора къ субору бывъ мостъ—золотая мостничка, сребраная мостничка, золотая палѣ, сребраная палѣ. Не довольно того: кабъ обѣполъ моста стояли разныя—разныя яблоны, и якъ кроль будзѣ туды ѣхаць—кабъ яны цѣли, а якъ оттуль, кабъ яблоки щипавъ и ѣвъ. Можешъ ты ето здѣлаць?—«Могу; да трудно ето здѣлаць: у етымъ возяри дна нѣту!...» Старая чардихѣ якъ схаме-нулася, сичасъ свой народъ узяла, стала строиць. Кто бровны пятая, хто доски... Яна сичасъ повыбирала здоровѣйшихъ дьяволовъ, посогинала ихъ, пали попоўставляла, кладзи позацяговала, мостъ настлала, и кончили. Тоды повыбирала другихъ, посогинала, и попоўставляла которому яблону, которому ёлку... Усѣ й готово. Тоды дзѣвущка ета приходзиць къ яму. «Ну, младъ-юнушъ, такъ подорожные людзи не засыпаюць. Треба поранѣй уставаць!» Енъ уставъ, умывся, Богу помолився, и хоцѣвъ ици. «Стой! съ чимъ ты йдзешъ? Натка коробку гвѣздзевъ и молотокъ. Лѣзь подъ мостъ, да забивай гвѣздзѣики, гдѣ надо, гдѣ й не надо, покамѣсь енъ будзѣ ѣхаць. А якъ будзѣ ѣхаць да гукне, дакъ ня тзывайсь, покулъ ня гукне три разы!» Вотъ енъ пошовъ и ўбѣвая гвѣздзи. Ажъ ѣдзѣ кроль. Чужѣ, подъ мостомъ стукаѣ. Енъ на куча-

ра: «стой! Што, младъ-юнушъ, ци ўморився?» Мовчиць.—«Я спрашую: младъ-юнушъ! уморився?» Мовчиць.—«Што ты, младъ-юнушъ, уморився?» *)—У-мо-рив-ся!—«Ступай, троя сутокъ отдыхай, а на чацьвертыя приходи за приказаніемъ!» Идзе ёнъ домовъ и плача. Дзёвущка и спрашуя: «што, младъ-юнушъ, плачешъ? што кроль приказавъ?»—Приказавъ троя сутокъ отдыхаць, а на чацьвертыя приходзиць за приказаніемъ!—«А ўвядзешъ ты мяне у храцоную вёру?»—Увяду.—«А не забудзешъ?»—Не забуду!—«Ну, а коли не ўвядзешъ да забудзешъ—дыкъ не страчивъ цябе кроль, —я страчу. Молись Богу, кладзись спаць!» Ёнъ повячеравъ, помолился Богу и лёгъ. Яму батца, спиць сутки, ажъ троя проходзя.—«Ну, младъ-юнушъ: не такъ подорожные людзи засыпаюць. Треба поранѣй уставаць!» Ёнъ уставъ, умылся, Богу помолвился, и пошовъ къ кролю. «Здрастуй, ваша царское вяличаство!»—Здрастуй, младъ-юнушъ! Ну здзёлавъ ты миѣ три хорошія работы, цяперъ я не знаю цябе, ты не знай мяне. Отправляйся сабѣ зъ Богомъ икъ бацюшку на житьдѣ. Твой бацюшка королюе, а ты за што попався у етакую службу.—«Ваша царское вяличаство, отдайца мою рѣсписку!»—Нема ў мяне рѣсписки!—«Пожалуйца, ваша царское вяличаство!» Призвавъ кроль того дьявола, што росписку бравъ: отдай росписку!—Нема ў мяне! Ну кроль принѣдзивъ яго отдаць. Идзёць ёнъ икъ дзёвущы весяль. «Ну, што кроль приказавъ?»—Казавъ: я не знаю цябе, ты не знай мяне! Казавъ отправлятца къ бацюшку.—«А ўвядзешъ мяне у храцоную вёру?»—Увяду.—«Не забудзешъ мяне?»—Не забуду.—«Ну, а коли жъ не ўвядзешъ, ды забудзешъ, дакъ не страчивъ цябе кроль,—я страчу!»

Выбрались яны оттуль и пошли. Ици, ици—троя сутокъ ишли, на пивши, на ѣвши,—усѣ отдалялись отседова. Пройшло три дни,—ходзяйка кроля оглѣдзилася, што нема дзёвущки. А тутъ старая чарапаха и подварнулася: «вы, каа, думаеца, што ето ёнъ пирогъ пѣкъ, суборъ дзёлавъ и мостъ строивъ,—ето ваши людзи ўсѣ дзёлали: и пирогъ пякли, и суборъ строили, а мостъ и цяперъ дзержуць, бо у возяри дна нема, палъ некуды было забиваць!» Побѣгла ходзяйка икъ кролю: «што ты людей мучишь? Ступай разорай мостъ, а кабъ людей повинявь!» Пославъ кроль чарапаху. Чарапаха мостъ разорила: яны лѣзущъ оттудова, якъ корчѣвья. Тоды ходзяйка говора на кроля: «ступай, догоняй ихъ! Кого нападзешъ, дакъ яго зѣбжъ, а дзёвущку бари назадь!» Ёнъ усѣвъ на ступу, товначомъ погоняя, и мятлой замятая и ихъ здогоняя. Яны учули етый гукъ и остановились. «Увядзешъ мяне у храцоную вёру?»—Увяду.—«Не забудзешъ мяне?»—Не забуду!—«Ну, я разсыплюсь пшаномъ, а ты здзёлай сь онучи пужайло, ходзи кругомъ и отгоняй, кабъ веробьи на клювали етого проса. А якъ ёнъ придзя, да спроса: ци не бачивъ ты, ци йшли тутъ пара людей,—ты скажи, што бачивъ тогды, икъ я ето лядо сѣкъ да просо сѣявъ. Дакъ ёнъ цябе очураецца!» Ну, узяла и разсыпалась просомъ, а ёнъ здзёлавъ сь онучки пужайло и ходзя кругомъ, пужая веробѣвъ. Прискакуя кроль: «здрастуй, бѣдный добрый чаловѣча!»—Здрастуй!—«Ци йшли тутъ пара людей?»—Ишли!—«Якъ давно?»—А такъ давно, якъ я ето лядо сѣкъ да просо сѣявъ.—«Э!.. прахъ ихъ догона! Ето ўже просо пора жадь, а яны тоды йшли,

*) Этогъ вопросъ рассказикомъ произносится крича, а отвѣтъ на него тихо, болѣзненно.

якъ енѣ сѣявъ. Дзѣ я ихъ догоню!» И вороцивсѣ назадѣ. Приходзя домовъ; жонка спрашуя: «а што, ци догнавъ?»—Да нѣ, не догнавъ.—«А ци бачивѣ ты кого?»—Да бачивѣ, чаловѣкъ сѣярогъ просо. Я спросивѣ, ци йшли тутѣ пара людзей? Енѣ кажа: йшли. Якъ давно? А коли я ето лядо сѣкъ да просо сѣявъ. Дакъ идзѣ я ихъ догоню, коли тое просо ужо жаць пора...—«Ахъ ты, дуракъ! Надо було яго зѣсци, а просо ўзяць. Яна большая штукарка: здѣлалася просомъ, а енѣ сѣярогъ. Идзи зновѣ догоняй, да кого убачишъ, того й зѣжъ, а дзѣвку назадѣ бяри!» Уссѣвъ енѣ на ступу, товкачомъ погоняя, мятлой замаята и ихъ здогоняя. Яны ўчули гукъ и остановилися. «Нѣ, увядзешъ ты мяне у хращоную вѣру?»—Увяду.—«Не забудзешъ мяне?»—Не забуду.—«Ну глядзи жъ: я стану овечачками, а ты пастухомъ. Якъ енѣ спроса, ци ня видзѣвъ ты пары людзей, скажи, што видзѣвъ, тогды, якъ наймався пастухомъ, да ў мяне одна овечка была, а цяперака, слава Богу, стадо.» И скинулася овечачками, а енѣ ставъ пастухомъ. Прискакуя енѣ къ пастуху. «Што, братъ, ци ня видзѣвъ ты пару людзей?»—Видзѣвъ.—«А якъ давно?»—А такъ давно, коли я наймався пастухомъ, да ў мяне одна овечка была, а цяперъ у мяне стадо!—«Э!.. идзѣ я ихъ догоню! Тутѣ овечакъ, моо, съ тыщу. Не по пяць жа яна приводзила. Кольки ето годовъ прошло!» И поѣхавъ назадѣ. А яны побѣгли дальше. Пріѣжжая енѣ домовъ; жонка пытая: «ну што, ци догнавъ?»—Нѣ, не догнавъ.—«А ци видзѣвъ кого?»—Видзѣвъ стадо овечакъ и пастуха.—«А, якій ты дуракъ! Чаму жъ ты яго ня зѣвъ, а овечакъ домовъ не гнавъ? Ето жъ яна, большая штукарка, здѣлалася овечками, а яго здѣлала пастухомъ. Ступай, догоняй: кого нападзешъ, дакъ яго зѣжъ, а дзѣвушку назадѣ!» Енѣ ето на ступу уссѣвъ, товкачомъ погоняя, мятлой слѣдъ замаята и ихъ здогоняя. Почули яны етый гукъ. «Стой! ци ўвядзешъ мяне у хращоную вѣру?»—Увяду.—«Не забудзешъ мяне?»—Не забуду.—«Ну, глядзи жъ: я стану церковкой, а ты попомъ. Якъ енѣ пріѣдзя да спроса, ци йшли тутѣ пара людзей, ты скажи, што йшли, тогды, якъ мяне попомъ восвящали, да мнѣ ету церковку становили. Енѣ цѣбе очураецца!» И скинулася церковкой, старенечкой, а енѣ ставъ попомъ. Пріѣжжая енѣ. «Здрастуй, оцецъ духовный!»—Здрастуй!—«Ци ня видзѣвъ ты пару людзей?»—Видзѣвъ.—«А якъ давно?»—А такъ давно, якъ мяне попомъ восвящали, да мнѣ ету церковку становили.—«Э, прахъ ихъ догоня! На етой церковцы ужо мохъ поросъ и углы обѣхали, и попъ ссивѣвъ. Поѣду назадѣ, идзѣ я ихъ догоню!» Верць назадѣ, а яны пошли у свой пуць. Пріѣжжая домовъ. «А што, ци догнавъ?»—Нѣ.—«А ци бачивѣ кого?»—Бачивѣ у поли церковку и попа.—«А дурный жа ты! чаму жъ ты яго ня зѣвъ? Ето жъ яна, большая штукарка, скинулася церковкой, а яго здѣлала попомъ. Будзь-ка ты дома, а я сама пойду!» Сичасъ яна на ступу ўссѣла, товкачомъ погоняя, мятлой слѣдъ замаята, и ихъ здогоняя. Почули яны етый гукъ. «Стой! Увядзешъ ты мяне у хращоную вѣру?»—Увяду.—«Не забудзешъ мяне?»—Не забуду.—«Ну, глядзи жъ: я разольлюсь возяромъ, а ты сядзѣ у лодочку, да ўсѣ посередзини возяра круцися, а кѣ берагу не пріѣжжай, бо яна якъ цѣбе схопиць, тоды й мяне возьма. Будзя яна просиць, кабъ перавѣзци яѣ, дакъ ты скажи: выпш возяро, тоды перайдзешъ по сухонуци!» И сичасъ хлипъ—и разлилася возяромъ. А енѣ на сярэдзини и кружитца. Пріѣжжая *змяя*:

«здраслуй, бѣдный добрый чаловѣкъ! Перавязи мяне на той бокъ!»—Ахъ ты, каа, змѣя лютая! Выпи ето возяро, тоды по сухопуци перайдзѣшт! Вотъ яна стала пиць. Пила, пила.... тутъ-тутъ возяро выпиць, ужо гразь смокча—покацилась по бѣрагу, а возяро хлипъ—и опяць повно! Яна стала изновъ пиць. Пила, пила—усѣ выпила, ужо живую гразь смокча—покацилась по бѣрагу, а возяро хлипъ—и ўзновъ повно! Стала змѣя опяць пиць. Выпила до капельки, вотъ-вотъ гразь допиць—покацилась по бѣрагу отдыхаць, хлопъ—и лопнула! «Ну, цяперича мы пойдземъ спокойно!» И пошли сабѣ. Ня мѣли ниякихъ сабѣ ни заботъ, ни страху. Идучъ, идучъ, дзѣ захочучъ, отдыхнучъ. Ици такъ, ици—и пришли у тое прирощенное царство, дзѣ яго бацька корольовавъ. Подыйшли къ городу, яна й кажа: «ну, ты идзи къ бацьку, а я тутъ останусь. Да глядзи, богато не продовжай уремя, увѣдзь мяне у хращоную вѣру. А коли забудзешъ, дакъ табѣ худо будзя!» Ёнъ пошовъ къ бацьку, а яна у городъ, и нанялась тамъ у столярни работаць, и занялась тамъ разными разносцями: и тое и другое, и шахвы, и шкатулки, и креслы—однымъ словомъ, масцеровый чаловѣкъ. А енъ, пришовши, поздоровкався съ усими, зъ бацькомъ, зъ маткой. Тые рады, што енъ вярнувся: усѣ ровно, якъ съ того свѣту. Проживъ тамъ кольки, да на яѣ и забывся. Бацька и матка стали залицаць за яго чужаземку. Яна жъ ето узнала, надзѣлала яму разныхъ разносцѣй—шкатулочакъ, креселцовъ, тое, другое, и принясла къ яму у спальню. Скинулась тутъ голубочкой, сѣла ў ногахъ на койцы и стала разговарываць: Вотъ, говора, младъ-юнюшъ, якая твоя правда! Якъ було табѣ трудно, дакъ ты обѣщався мяне у хращоную вѣру увѣсци, и не забытца, а цяперъ, якъ стало табѣ слободнѣй, дакъ ты й забывся. Я за цябе лядо сѣкла, пахала, пшаницу сѣяла, пирогъ пякла—ты обѣщався увѣсци у хращоную вѣру и не забытца, да й забывся! Я суборъ строила за цябе—ты обѣщався увѣсци у хращоную вѣру и не забытца, да й забывся! Я за цябе мостъ дзѣлала, ты говоривъ: увяду у хращоную вѣру, не забуду,—да й забывся! Я дробнѣй маку за цябе разсыпалась, ты казавъ: увяду у хращоную вѣру, не забуду,—да й забывся! Я за цябе камянемъ разсыпалась по полю, ты казавъ: увяду у хращоную вѣру, не забуду,—да й забывся! Я за цябе горой на-роджалась, ты казавъ: увяду у хращоную вѣру, не забуду,—да й забывся! Я кровь свою за цябе по полю разливала, ты казавъ: увяду у хращоную вѣру, не забуду, да й забывся!.. Енъ прохвацився, усломнивъ яѣ,—и ня 'дзѣвавшись, ня 'бувавшись—прамо къ бацьку. «Нѣ, кажа, бацюшка: ня треба мнѣ чужаземку: ёсь у мяне своя дзѣвшука. Етой дзѣвшуцы ничѣго не надо, тольки надо у субори пераксциць и ўвѣсци ў хращоную вѣру!»—Ну, мой сынъ, намъ ето и лучше, што у цябе ёсь своя дзѣвшука! Сичасъ шасцярникъ коній запрагли у кипажъ, ету дзѣвшуку посадзили, и ў суборъ. Пераксцили, увяли у хращоную вѣру, сичасъ бракъ приняли, и живуць.

С. Батунъ, быховскаго у. Крест. Исая Васильевъ. Ср. Чубин. 180.

6, Занявся сабѣ мышъ зъ веробѣмъ лядо копаничиць. И наняли яны три пары быковъ лядо тое ораць и жито сѣяць. Ну, ўзяли, лядо ўзорали, жита посѣяли къ налѣтцю. Жито тое налѣто якъ ударило—три зарны! Яны два зарны подзялили, а третьяго ниякъ не подзѣлюць: веробей говора на мышъ: ты дзяли наполь! А мышъ

говора: ты дзялі напольш!—ба дружка друкъ ня вѣра. Веробей возьма жарно—по-
ляциць угорѣ, а мышъ возьма жарно—полѣза у норѣ. Кинули тогды жѣраба, кому дзя-
лицъ третѣе зерня. Жѣраба попало—мышы дзялицъ. Цяперъ мышъ узала третѣе
зерня да й перакусила, да не на двѣ часточки, да на три! Зновъ издѣлалы мижъ
собой спорку за третѣю часточку зерня. Споровали, споровали, и сучинили мижъ со-
бой драчу. Дрались, дрались—никто никого не подѣлѣя. «Ну, говора мышъ на ве-
робѣя: вызывай ты свою ўсю помочъ, и я свою бярэ; и будземъ воеваць: хто кого
перабѣе, такога и третѣя часточка зерня. Ну, якъ тѣй веробей возляцѣвъ да за-
свиставъ, дакъ уся къ яму, якая тольки ёсць, лятучая пшца зляцѣлася. А мышъ
якъ запицѣла, дакъ уся чисто звѣрина къ ёй собралася: и вовки, и львы, и псы, и
ўсякая гадзіна, што тольки на зямлѣ повзая. Спрашуюць у ихъ: «объ чимъ требуеце
скоро, што нельза было при сабѣ ничѣго ўзяць?»—Вотъ, кажучъ яны: перша мы не
подзялялі третѣяго зерня, адыл не подзялялі третѣю часточку зерня; дыкъ треба бит-
ву здѣлаць: хто кого отобѣе, тому третѣя часточка зерня попадзе. Ну, и давай дратца...

Охотникъ идзе зъ ружжомъ по лясѣ и находзя перво-на-перво на мышына звѣра,
и дзивитца: што ето такое? Кольки ў лясѣ ходзівъ, сь-отрода не бачивъ стольки
побитаго звѣра. И хоцѣвъ узяць любую сабѣ штuku: тамъ ци оленя, ци рысь, ци
що, да незмогъ: не понясе, не поцягна—увесь звѣръ убитъ. Цяперака, пройшовъ енъ
этаго звѣра бягучаго, приходзя на пшичаго звѣра. И такжа само, увесь пшичій
звѣръ убитъ. Ёнъ ставъ и дзивитца: Господзи, што ето такое здѣлано? Кольки было
звѣра бягучаго и повзучаго—увесь побить. Ну, етый побить, а отчаго жъ, кажа, ля-
тучаго звѣра побито? Озирнувся ёнъ назадъ, ажно сядзиць ороль на кусци живой.
Ёнъ зложився на яго, хоцѣвъ зъ ружжа ўбичъ, а ороль тѣй отвѣщая: ахъ, братъ
охотникъ! ня би мяне, а возьми мяне домовъ, дакъ я знадоблюся табѣ коли-небудзь.
Ёнъ ето озирнувся кружка сябе, хто ето отвѣщая—и нема никого. Ёнъ тоды зло-
жився на яго другій разъ. А ороль зновъ отвѣщая: ня би мяне, кажа: а возьми къ
сабѣ и корми мяне яруй пшаницѣй и пой сладкуй вудой, я табѣ знадоблюся. Ёнъ
зновъ тыки озирнувся кружка сябе, хто ето разговаруецъ, ды й нема никого.—«Ну,
говора: за третѣимъ разомъ убью, дѣлаць нечаго!» Третѣій разъ зложився, а ёнъ
отвѣщая изновъ: «ну, братъ-охотникъ, ня би, я самъ дамся живой!» Узавъ и зва-
лився къ яму сь куста доловъ. «Ну, говора: вядзи мяне, братъ охотникъ, домовъ. Я,
кажа, хоцѣвъ у свою сторону ляцѣць, домовъ, да оборванъ увесь, не долячу!» Ёнъ
яго приводзиць домовъ. Ставъ яго кормиць пшаницѣй бѣлуй, сладкуй вудой поиць.
Годъ кормивъ яго—лавки продавъ сь товарами на яго за годъ. Зновъ ставъ другій
годъ кормиць. Прокормивъ другій—домъ продавъ за другій годъ. Хоцѣвъ уже яго
выпусциць, дакъ ёнъ кажа: «корми, корми третѣій годъ!»—Нѣ, братъ ороль, ня ў
силахъ я цябе кормиць.—«Ну, штожъ, кажа: у силахъ, ня ў силахъ, а треба кор-
миць. Я, кажа, уси твоѣ труды узнясѣ: ворочу, кажа, твоѣ лавки, ворочу, кажа, домъ
твой!» Ёнъ узавъ, поставивъ жану за работницу, и самъ пошовъ у работники: про-
давъ усѣ своё имущаство на орла. Покормивъ ёнъ яго третѣяго повгода, тоды ороль
кажа: выпусци-ка цяперъ мяне силъ своихъ увознаць! Ёнъ узавъ, яго пусцивъ. Ороль
тѣй поляцѣвъ. Летавъ ёнъ троя сутокъ. Ходзяиць тѣй заскучавъ: кормивъ, кажа, орла,

самъ и жана у работники пошли, затрачивъ усѣ,—и цяперъ ни орла, ни хлѣба, пропало усѣ! На чацьвертыя сутки выходзя ходзяинъ зъ города глядзѣць орла, у якій бокъ енъ поляцѣвъ, а енъ и ляциць назадъ. «Нѣ, братъ охотникъ: ще треба два мѣсяцы кормиць!» Енъ зновъ два мѣсяцы ставъ кормиць. Прокормивъ яго два мѣсяцы, тоды ороль говора на ходзяина на свойго: «бяри, говора, ружжо своё и торбу, говора, свою охотницкую бяри, и пойдземъ съ тобой у дорогу!» Енъ узавъ торбу и ружжо, и пошли за городъ. Вышовши зъ города: ну, садзисъ, кажа, на мяне, ходзяинъ; пойдземъ, кажа, поскорѣй! Енъ сѣвъ на яго верхи. Тэй и поднявся у гору подъ зоболоки. Подъ зоболоки поднявши, пусцивъ яго доловъ. Тольки бъ яму доловъ упасць, а енъ подъ яго: «стой, братъ! цѣль будзешъ. А вѣдаешъ, говора, якъ ты на мяне першій разъ зложився? Яково табѣ було, а? Ну, цяперъ, кажа, пойдземъ поскорѣй, а то жана ёсци хоча, а грошій нема, купиць не завошто!» Общалився енъ за яго и пошли зновъ у ходъ, подъ зоболоки. Поднялись подъ зоболоки, енъ яго зновъ пусцивъ доловъ, уже другій разъ. Тоды яму только бѣ доловъ упасць, енъ зновъ подъ яго. «Стой, кажа: дзяржисъ за мяне, будзешъ живъ! Вѣдаешъ, якъ ты на мяне другій разъ зложився?» Общалився енъ зновъ и поѣхали подъ зоболоки. Поднялись подъ зоболоки, енъ яго зновъ пусцивъ изъ зоболокъ. Тольки бѣ яму третій разъ упасць доловъ, енъ зновъ подъ яго: «стой, братъ, цѣль будзешъ! А ци вѣдаешъ, кажа, якъ ты третій разъ зложився на мяне? Яково табѣ було, а? Вотъ такъ жа и мнѣ! Цяперака сядзимъ съ тобой, посядзимъ, каа, отдыхнѣмъ, воды, каа, напѣмъ да покуримъ. Слухай-ка, братъ, што я цяперъ буду говориць. Пойдземъ мы дальше, будзя стояць большій мѣдны домъ на три вянцы, на три крылцы. У томъ доми будзя жиць моя бѣлая сястра. Якъ прїѣдземъ мы къ тому дому, да пусцимся на зѣмлю, дакъ ты, говора, бяри бичовку, чапай мяне за шію: и возьми, каа, друка, и би мяне мижда крыль, што ёсць силы твоѣ. Яна ўбача съ третьяго вянца и кинетца прамо зъ вокна на зѣмлю и будзя цябе просиць: идзѣ ты мойго брата узавъ, и завошто ты яго такъ болно бѣешъ? И будзя табѣ даваць и гроши и хлѣба, ты ничога не бяри, а проси тую скрыночку, што ў яѣ сяродъ двора у каменномъ стовпѣ замурано! Да глядзи, не зѣвай!» Поляцѣли яны дальше. Ляцѣли, ляцѣли—стоиць большій мѣдны домъ на три вянцы, на три крылцы. Яны спуслились; узавъ охотникъ бичовку, зачавивъ орла за шію и бѣе друкомъ мижда плечъ. Убачила ето съ третьяго вянца яго бѣлая сястра, кинулась прамо зъ вокна на зѣмлю и прося: «идзѣ ето ты мойго брата ўзавъ? завошто ты яго бѣешъ такъ? Я яго шесць годоў не бачила, а ты привѣвъ яго ко мнѣ! Што табѣ треба, я табѣ заплачу, отдай мнѣ яго: ци гроши, ци хлѣба, ци домъ выстроиць, дакъ я могу выстроиць и самью твою сыщу и буду кормиць до вѣку!» Ну енъ ёй говора: мнѣ ня треба ни гроши, ни хлѣба, ни домъ твой,—отдай ты мнѣ тую скрыночку, што у цябе сяродъ двора у камянномъ стовпѣ замурано!—«Ну, нѣ, кажа: скрыночки не отдамъ табѣ. Идзѣ ты яго ўзавъ, туды й вядзи; якъ хочешъ, такъ изъ имъ и живи!» Пошли япы зъ двора. Тѣ бивъ яго, на дворъ идучи, а зъ двора йшовъ—ще лучче бивъ. Вельми заплакавъ ороль. Стало ёй жалко, вярнула назадъ ихъ: «выпиця, каа, закусиця и грѣшій на дорогу возьмиця, кольки треба, и отправляйцесь зъ Богомъ!» Яны вярнулись назадъ у домъ, выпили,

закусили на радости съ своей сестрицай, грошій узали на дорогу и отправились. Вы-
 вавъ ень яго зъ яё дому у степь. «Ну, зновъ, кажа, садзись на мяне, понясу, каа,
 къ сяредняй сястрѣ: можа, тая скрыночку дасцъ.» Цяперича, подѣѣжаюць яны подѣ
 сяредняю сястру. Стоиць домъ сяребраный на три вянцы. «Ну, говора: проси у етой
 якъ ни можно! Якъ ня 'тдасцъ, дакъ намъ трудно будзя!» Ень яго зновъ зачавивъ
 бичовкою за шію и почавъ биць друкомъ. Пришли прамо къ ёй на дворъ. Яна уба-
 чила съ третьяго вянца, кинулася зъ вокна на зѣмлю къ имъ, и давай яго просиць:
 «ахъ, говора, чаловѣкъ: за вошто ты такъ вельми мойго брата бѣёшь? Возьми зъ
 мяне, кажа, ци гроши, ци хлѣба, ци што табѣ треба, да отдай мнѣ яго. А коли ня
 'тдаси, дакъ ня би!»—Ну, говора: мнѣ ня треба ни гроши твоё, ни хлѣбъ, ни домъ.
 Отдай мнѣ тую скрынячку, што сяродъ двора у камянный стовпъ замурована!—«Нѣ,
 кажа: не дамъ! Идзѣ ўзявъ, туды сабѣ и вядзи яго. Якъ хочешъ, такъ изъ имъ и
 живи! Ень узавъ яго, повевъ зъ двора, и давай зновъ погоняць яго друкомъ. Яна
 вярнула ихъ назадъ, напоила, накормила, грѣшій дала на дорогу, и отправила. «А
 скрыночки, кажа, ня 'тдамъ табѣ етой!» Ну, вышли яны зъ дому зъ яе у степь.
 Ороль кажа: садзись, кажа, поляцимъ къ третьяй сястрѣ, икъ самую меньшую. Тая,
 кажа, коли етой скрыночки не отдаси,—кончана наша жисць, не попадзѣмъ и домовъ!
 Ляцѣли, ляцѣли—стоиць золотый домъ, на три вянцы, на три крылцы. Опустилися
 на землю, подходуць къ двору. Ень зновъ зачавивъ бичовкуй орла за шію, бѣе дру-
 комъ и вядзе на дворъ. Яна ўбачила съ третьяго вянца, зъ дому и кинулася на
 землю. Спрашуя: «откуда, чаловѣкъ, узавъ брата мойго и завошто ты яго такъ
 вельми бѣёшь?» Зразу заплакала, сѣла на колѣнцы и прося: «бари, што хочешъ, и
 вядзи брата на дворъ!» Ёнь кажа: коли отдаси тую скрыночку, што сяродъ двора
 у камянномъ стовпѣ замурована, повяду и отдамъ брата, а коли ня 'тдаси тыя скры-
 ночки, ня 'тдамъ табѣ брата и на дворъ не повяду.—«Да вядзи, кажа, ў горницы:
 выпьемъ, закусимъ, подумаемъ,—можа й отдамъ!» Увийшли у комнаты, сѣли за столъ,
 стали выпиваць, закусуваць и добрыя рѣчи казаць. «Идзѣ жъ ты, кажа, братъ,
 бывъ? Чаго ты къ етому чаловѣку попавъ?»—Да я, кажа, бывъ на воинстви,—тре-
 бовали. Много силы побито, и я ўвесъ бывъ пораняць, да ще бывъ живой. А етый
 чаловѣкъ ходивъ зъ ружжомъ по лѣсу, убавивъ мяне и хоцѣвъ убиць изъ ружжа.
 Ну, я ставъ яго просиць: ня би мяне, а возьми домовъ, корми мяне, и раны злячи,
 и перья ўзрасци. Цяперича, ень ставъ сусимъ бѣдный, покуль раны злячивъ и перья
 ўзрасчивъ. Мы цяперъ идзѣмъ, гдѣ бъ заработаць, да ямѣ убытки ўпладиць. Ну, вотъ
 и пришли къ табѣ на обѣдъ: грошій нема, хлѣба нема—которыя сутки ничѣго ня ѣли..
 Ну, яны выжили, закусили. Ороль ставъ самъ просиць, а хозяинъ бытцомъ лёгъ пья-
 ный спаць, а самъ слушае, ци отдасць яна скрыночку. Ажно яна говора: «нѣ, ня при-
 ходзѣтца ямѣ отдаць!» Хозяинъ тоды устаецъ: ну, пойдземъ, кажа, ороль! Узавъ
 яго, зачавивъ у комлатахъ за шію бичовкуй и почавъ яго лупиць друкомъ, да уже
 по чомъ попало. Вывавъ яго съ комлатъ, ставъ ень съ сестрой прощатца, слѣзно за-
 плакавъ. «Треба отдаць!» сама сабѣ думая сестра: «а то забѣе брата!» И вярнула
 ихъ. Вярнулися назадъ, сѣли опяць за столъ, и давай зновъ выпиваць, а йна пошла
 за скрыночкуй. Стовпъ тѣй разбили, скрыночку ўзали и ўцагнули у комлаты. Яна и

кажа на того охотника: «ну, распишися, што ничего ня будзеш маць на моимъ брацц!» Енъ чирканувъ; узявъ скрыяку, усунувъ у барсучью торбу, узявъ ружжо своё, попрощався зъ яго сястрой и попросивъ орла провесци яго, показаць пуць-дорогу: ну, братъ, кажа: покажи пуць-дорогу! Енъ кажа: «идзи туды, куды глядзишъ, куды твоё вочи смотраць: ня будзешъ ни ўбить ни обиджанъ, и домовъ прйдзешъ. Тольки глядзи: ня 'тчиний скрыннки на дорози. А якъ прйдзешъ домовъ у городъ, ды знайдзешъ жану—выдзи изъ города и отчини скрынку сяродъ поля!» Енъ сабѣ и пошовъ прямо, куды вочи глядзяць, якъ ороль яму рассказавъ. Ишовъ енъ, ишовъ и обдумався: скрыночка лёгка, што жъ я нясу? Можа ў ёй нема ничего. Треба отомкнуць и поглядзѣць, што ў ёй ёсць. Вынявъ енъ съ торбы скрыночку, узявъ и отомкнувъ. Якъ отомкнувъ,—такъ сичасъ и стали яму городъ строиць. Ажъ енъ спужався. Построили городъ нема знаць съ чаго такіъ, што и ў царстви ихъ не было такого. И нема яму ходу, не́коли домовъ ищи—свой городъ ёсць. Узнавъ змѣй двананцациглавый, што на яго зямлѣ городъ выстроены почище яго, посылая посланцовъ своихъ спросиць: хто тамъ безъ мойго позволенья выстроиъ городъ? Нехай ба спросився, тогды бъ строивъ! Посланцы прѣбжаюць и спрашуюць: «хто тутъ ходзяинъ?»—Я!—«А хто табѣ вальвъ строиць тутъ?»—Ето я тутъ по судзбѣ выстроиъ: мнѣ на треба было тутъ строиць, да судзба одолѣла.—«Ступай, кажущъ, икъ нашаму цару! Намъ веляно приставиць цябе туды на расправу!»—Я кажа, самъ не пойду туды; нехай вашъ царъ самъ приходзя, абы прѣдзя: у яго слугъ и работниковъ богато, а я, якъ бачиця, одзинъ! Отправилися посланцы назадъ къ змѣю, звясцили яму, што тамъ стольки усякаго строенья и добра, што у змѣя и третей часци того нема. И сказавъ ходзяинъ: нехай самъ царъ прѣдзя ко мнѣ. Змѣй вальвъ запрегъ коній и поѣхавъ у городъ. «Отчаго, ты, кажа состроивъ на мойй зямли городъ?»—Ваша царская милосць! мяне судзба такъ одолѣла. Ходзивъ я ў лѣсъ и нашовъ ранятого орла; ускормивъ я йго, отвѣвъ домовъ, дакъ енъ отдавъ мнѣ скрыночку, и казавъ на дорози у яе не глядзѣць, а тоды полядзѣць, якъ приду домовъ. Ну мнѣ захоцѣлось на дорози ѣсць, а ўзявъ полядзѣвъ, и самъ ня вѣдаю, якъ усё ето здѣлалось. Цяперъ не знаю, што й дѣлаць. Змѣй тоды кажа: «я табѣ ўсё згоню ўкучу, только што мнѣ за ето будзя?»—Я жъ ня вѣдаю, кажа охотникъ.—«Отдай мнѣ тое, што у дома ня вѣдаешъ!» Енъ думавъ, думавъ, перадумавъ и говора: усё знаю.—«Коли ты ўсё знаешъ, дакъ табѣ жъ лучше; а ты ўсё жъ отдай тое, чаго ня знаешъ!»—Ну, ёнъ кажа, отдаю, што дома не знаю. Написавъ змѣй бумагу: «ну, цяперъ роспишися!» Енъ кажа: я жъ не могу росписатца, я жъ няграмотный.—«Ну, кажа, возьми ножикъ, прорѣжъ на правой руцѣ палець и поставъ три хресцики кровью!»—Ахъ, нема жъ у мяне ножика: нечимъ палца прорѣзаць. Вотъ енъ вынявъ свой ножикъ, енъ узявъ и порѣзавъ палець, и поставивъ три хресцики. Змѣй тоды ўзявъ и загнавъ увесь городъ у скрыночку. «Ну, цяперъ отправляйся домовъ!» Тѣй усунувъ скрыночку у торбу и пошовъ. Приходзя домовъ; жонка живе у сусѣдзей, хлѣба куска не мае. Енъ давай икъ ёй признаватца, а яна къ яму ниякъ: нѣ, кажа: я не твоя, ты ня мой! Покуль уже ёнъ рассказавъ ёй, якъ ёнъ поймавъ орла, якъ яго яны кормили, якъ на яго прокормили и лавки и домъ, якъ яны служижъ пошли. Признала яна яго, ёнъ яе за руку и повѣвъ. Поглядзѣць,

а слѣдомъ идзе хлопчикъ. Ёнъ и спрашуя: «якій жа ето хлопчикъ?» — Ето жъ, кажа, нашъ сынъ, што родзівся безъ цябе! Вышли яны изъ города, пришли у степъ. «Ну, садзिएсь да бжця!» дае имъ свой хлѣбъ подорожный. — «Да татъ: твоѣ булки не смашны, ци подавитца ими?» кажа сынъ. «Тожъ объ етымъ и заработки уси?» спрашуя жонка. — Нѣ, кажа, стой! Тоды вынявъ скрыночку зъ барсучія торбы и отомкнувъ. Якъ отомкнувъ, дакъ откуляка што ўзялося: такій городъ привукрасный, што и ў цара такого не было. Яны ўсп ходзюць и дзвюгта. Сынъ тоды и кажа: «ну, татъ, басловляй: ты зъ дороги, а мнѣ ў дорогу! Треба ициць къ двананцадиглавному змѣю!» А бацька й збывъ про ето. Якъ не жалко сына, а треба знаражаць у пудъ. Собрався ёнъ и пошовъ. Идзе ёнъ по дорози, уходяжу у лѣсъ. У лѣсѣ стоиць хатка, маленькая, дзяравая. Ёнъ уходя зъ тую хатку — нема никого. Ходзівъ, ходзівъ ёнъ по хаці, заходѣвъ покуриць, да огню немашъ. Ёнъ подыйшовъ къ ямцы, копнувъ попелъ, а оттуль выскочила баба сопливая. Выскочила и кажа: ахъ, унучакъ! сядзь, отдышъ: змѣй цябе уже поджидая. Да добро ты здѣлаваъ, што ко мнѣ зайшовъ. Возьми вядро да зачерпни у рѣчцы воды, а я табѣ обѣдъ звару! Цяперъ ёнъ пошовъ, воды принёсъ, яна обѣдъ зварила. Сѣли, побѣдали. «Ляжъ, отдыхни, унучакъ, до вечара! увечари пойдзешъ.» Ёнъ легъ, оддыхнувъ. Пропнувся, ажво ужо вечаръ. Ёнъ по хаці туды-сюды — немашака бабы. Ёнъ у ямку, — яна зновъ у ямцы. Выскочила оттуль: «ахъ, унучакъ! Возьми вядзѣрцо да зачерпни у рѣчцы воды: я табѣ вячерку звару!» Ёнъ принёсъ воды, баба зварила вячераць. Повячерали и лягли спаць. Назаўтраго ўстали, и отправляя яна яго у дорогу. «Ну, унучакъ: идзи ты къ той рѣчцы, што бравъ воду, зайдзи вярсты на повторы къ правой рудѣ. Тамъ, кажа, стоиць большій кусть. Ты улѣзь у тэй кусть и сядзи. Будуць тамъ ляцѣць двѣ лябѣдки разомъ, а третьця ззаду одна. Яны, якъ приляцаць, одвяжуць крыльля, скинуцца дзявицами, и стануць купатца. Дакъ ты у етыхъ двохъ ничѣго не бяри, а ў етыя, што ззаду будзѣ ляцѣць, возьми што-небудзь. Да ня тдавай, покуль яна не скажа, што будзешъ другъ мой. Тоды спроси у яе, якъ тэй огонь потушиць, што у горадзи у змѣя?» Пошовъ ёнъ къ рѣчцы, знашовъ кусть и сховався въ ёмъ. Ажъ ляцяць двѣ лябѣдки разомъ, а третьця ззаду. Приляцѣла и стала кружитца падъ кустомъ, ци нема тамъ злѣдзія якого. Скинулись яны тоды дзявицами, повѣсили одзѣжу на кусть и стали купатца. Ёнъ и ўкравъ у яе панчошку съ правыхъ ногъ. Вылязли яны зъ воды, стали одзяватца. Тыя жъ двѣ одзѣлись и поляцѣли, а ета цапъ за панчошку — нема панчошки съ правыхъ ногъ. Яна тоды спрашуя: «эй, хто ето ўзявъ мою панчошку, отдай — награджу, чимъ хочешъ.» Ёнъ мовиць. Яна опяць: «отдай, кажа, панчошку: якъ старше мяне — оцѣць будзешъ мой; а меньше мяне — братъ будзешъ мой; а якъ ровный мнѣ — другъ мой!» Якъ назвала другомъ, ёнъ и вышовъ съ куста. «А, ето ты узявъ! Мой бацька давно цябе ждзѣць!» — Якъ жа мнѣ остановиць полома у городзи, у твоего бацьки? Яна дала яму хусточку бѣлую и кажа: «махни етой хусточкой на бадвы боки, якъ будзешъ уходяиць у городъ, и полома сцѣпитца!» Ёнъ узявъ и пошовъ къ бабѣ назадъ. Баба тая кажа: «а што, ци ўзявъ што, унучакъ?» Ёнъ показавъ. «Ето правда, унучакъ: етымъ огонь уяць можно. Ну, унучакъ, пріяси жъ вядзѣрцо водзицы, вячерку зготовиць!» Ёнъ принёсъ, яна зварила вячераць, повячерали и лягли спаць. Перапочававъ ёнъ, на-

заўтраго баба ізновъ посылая яго у кусть сярегі. «Глядзі жъ, кажа: змѣй поставя у своихъ воротахъ стовпы, што муха не проляциць и комаръ не проповзе мижда ихъ,—такъ яны шпарко бьютца. Вотъ ты, якъ украдзешъ у яе съ одзежи што-небудзь, дакъ и спреси, якъ остановиць етыя стовпы.» Ёнъ залёгъ у кусть и зновъ присярогъ яе: укравъ зъ ногі подвязку. Тоды яна ізновъ жа такъ вызываецъ: коли старше мяне—будзешъ оцецъ мнѣ; а меньше мяне—будзешъ братъ мнѣ; а ровня мнѣ—будзешъ другомъ мнѣ. Ёнъ и явився. Яна яму и кажа: «чаму ты зразу не казавъ тоды, што табѣ треба? И цяперъ ухвацыв!» Ёнъ кажа: зразу ня ўсё скажешъ! треба подумаць. А ты скажи-ка мнѣ цяперъ, якъ у твайго бацькі стовпы остановиць, што такъ шпарко бьютца, што муха не проляциць и комаръ не проповзе? Яна яму кажа: «якъ подбѣдзешъ къ воротамъ, дакъ скажи стовпамъ: а нуця, перакиньдеса лѣвы на правый бокъ, а правый на лѣвый! Якъ перакинутца яны, дакъ такъ и останутца!» Ёнъ пошовъ назадъ къ бабѣ. Приходжуя къ бабѣ, а яна и спрашуя: «што жъ, ці дала яна табѣ што, ці на 'твѣтъ сказала?»—Нѣ, не дала нічога, а сказала: якъ прѣдзешъ къ воротамъ, дакъ скажи: нука, перакинься лѣвый стовпъ на правый бокъ, а правый на лѣвый! Баба кажа: ну, ложись спаць: яна сказала правду! На трэтьцее раньне зновъ баба посылая: идзі яце! змѣй поставивъ у дверахъ мечъ, треба тую мечъ звярнуць! Пришовъ ёнъ, лёгъ подъ кусть. Приляцѣли лябѣдкі стали купатца, енъ тоды у послѣдней и укравъ засцяжку. Изновъ яна стала вызываць: хто укравъ яе вещи? Ёнъ вызываецъ. Яна тоды кажа: што ты мяне мучишъ? што табѣ яцѣ треба. Ёнъ кажа: у домі у твайго бацькі, у дверахъ, стоиць мечъ. Якъ мнѣ яе саставиць? Яна тоды дае яму персцянь съ правыя руки и кажа: «якъ подбѣдзешъ ты къ дверамъ, дакъ тамъ будуць мячи. Ты повярни персцянь вочкомъ къ ладони; мячи тоды абѣрнутца къ табѣ тупымъ концомъ, и ты прѣдзешъ у хату.» Приходзя енъ къ бабѣ той назадъ. Баба и спрашуя: якую жъ примѣту дала яна? Ёнъ разказавае ёй, што яму лябѣдка дала кольцо и сказала: якъ, кажа, прѣдзешъ икъ дверамъ, перавярни яго вочкомъ къ ладони, тоды мечъ войстриемъ икъ змѣю перавѣрнетца. Баба тоды гавора: «на жъ, унучакъ, и моѣ три примѣты. Якъ будзешъ ворочатца назадъ, яны табѣ прыгдзятца!» Дала яму вузюлокъ пяску, и дала шотку, и грабѣнку кляновую. «Якъ, кажа, будзя за тобой погонь ициць, дакъ ты пяскомъ назадъ посыпъ. Тоды, станя пясчаное мора. А якъ махнешъ шоткуй, то здзѣлаютца логи-болоты, яловый лѣсъ; а якъ махнешъ грабенкуй, то здзѣлаютца пуца-драмуца, кляновая уся. Тоды ты можа ўцячешъ отъ яго домовъ!» Узавъ енъ етыя вещи, поспасибкувавъ и пошовъ у пуць-дорогу. Приходжуя подъ городу, такъ и бача, што огняное полома наслано на яго. Ёнъ узавъ бѣлую хустку, махнуў ёй на 'бадвы боки—полома и ўтухло. Уходжуя енъ у городъ, къ дому двананцацiглаваго змѣя, а ў яго воротахъ два стовпы, дружка объ дружку бьютца, што муха не проляциць и комаръ не проповзе. Ёнъ етымъ стовпамъ кажа: перакиньдеса лѣвый на правый, правый на лѣвый! Яны перакинулись и остановились. Якъ яны толькі остановились, енъ махнуў рукой, и пошовъ прамо у дворъ. Змѣй убачивъ яго изъ вокна и кажа: ахъ, ожидавъ якъ солодкихъ конхветъ, да ня прѣдзетца зьѣсць: потушивъ огонь и стовпы остановивъ. Ну, да—думаецъ сабѣ змѣй—поставлю мечъ—наскбчишъ! Хлопецъ той пришовъ къ дверамъ, такъ сичасъ пер-

спянь той перавярнувъ на палцы вочкомъ къ ладони, мечъ и перавярнувся змѣю у грудзи. Увійшовъ енъ у хату и кажа: «Здрастуй!»—Здрастуй, здрастуй! говора змѣй; ждався, ждався, да не дождався: хоцѣвъ изъѣсць, а, кажа, ня зѣвѣтъ, подавився тобой. Ну, цяперъ, кажа, якъ змогъ ты припиць ко мнѣ ў домъ, дакъ можешъ цяперъ и моимъ царствомъ правиць, якъ самъ знаешъ. Ёсць у мяне одна дочка незамужняя, дакъ я за цябе замужъ отдамъ.—«Нѣ, кажа: коли половину царства отпишешъ мнѣ и отдаси дочку замужъ, дакъ буду царствомъ твоимъ правиць!»—Ну, кажа змѣй, нехай будзя такъ. Тольки во што я табѣ скажу: коли дочку мою меньшую узнаешъ, дакъ будзя твоя; а якъ нѣ, дакъ голову ссяку... Меньшая дочка чула, што казавъ бацька, и стало ей жалко етаго царевича. Убачила яна яго и кажа: «якъ собяре насъ бацька укучу трохъ, то будзя ў насъ голось у голось, волось у волось, нога ў ногу и одзежа въ одзежу. Якъ поставя енъ насъ у радъ, дакъ я пошевальнѣ цихенько ногой. Ты тоды и выводзи мяне изъ раду и кажи: вотъ ета яна. Поставя енъ насъ у другій разъ у радъ, дакъ у мяне будзя муха сядзѣць на голавѣ. Тольки не зѣвай, не дзивись на бокъ. А ў третій разъ зновъ якъ поставя, дакъ глядзи хоршенько: я правымъ вокомъ моргну! Тольки глядзи, кажа, не прозявай, а то ўсё пропадзе.» Якъ яна сказала, такъ усё и было, енъ три разы яе и ўгадавъ. «Цяперъ, кажа змѣй, треба свадзѣбу гуляць!» Поѣхали къ вянцу, повянчались. Повяли ихъ на ночь у клѣць, да й замкнули, кабъ яны ня вышли. Назаўтраго змѣй посылая посланцовъ, дружковъ: «идзиця, узнайця, чаго ихъ такъ доўго нема?» Яны пришли, а клѣць запѣрта. Ходзили яны, ходзили, ниякъ ня можно допытатца—запѣрто. Узлѣзъ одзінъ на столь, узывавъ стольницу и усунувъ туды голову. А яна кажа: возьми бацьковъ мечъ, да стань на часахъ, да руби имъ головы! Енъ узывъ мечъ и зрубивъ яму голову. Ёнъ туды и ўвалився. Тоды полѣзъ другій—и яму такъ жа само. И до тыхъ поръ, стоявъ покуль усимъ двананцаці посланцамъ головы позрубавъ. Поскладавъ енъ туловы хрестъ на хрестъ, поднявся по ихъ доверху, вылязъ самъ и жонку выцягнувъ. Жонка тоды три разы плюнула, и побѣгли. А змѣй ждавъ, ждавъ и пославъ тринанцатаго посланца. Тэй приходзя, бача—усё замкнуто и забито. Кинувъ на верхъ, ажъ тамъ стольница выбита. Енъ туды голову усадзивъ, бача—много народу побито. Хоцѣвъ ужо ищиць, а дали спросивъ: «ци ёсць тутъ хто живой?»—Ёсць, кажуць тамъ: мы молодые.—«А што жъ вы ня тзыбаецесь?»—А ще, кажуць, рано! Енъ пошовъ икъ змѣю и кажа, што молодые ще спяць. «Ну, ступай жа скорѣй зови, а то голову зрублю доловъ. Приходзя енъ и спрашуя: «ци скоро вы?»—Подожджи трошки, сычасъ выйдземъ. Идзи домовъ, мы сами придземъ. Пошовъ енъ и сказавъ змѣю. Змѣй пославъ изновъ, а слюна кажець: ня вѣдаемъ, ци будземъ мы цяперъ живы. Змѣй тоды догадався, што ихъ нема тамъ, кинувъ вяселья и погнався ў погонь: «дзѣ нападу, тамъ и зѣймъ обоихъ!» Дужо уже бывъ сярдзить. А тые бѣгли, бѣгли, яна кажа: «ахъ, мой милый! стань ты на правую ногу да послухай, ци ня шумиць дуброва, ци ня стогня дорога, ци нема за нами погони?» Енъ ставъ и кажа: «ахъ, милая: вельми шумиць дуброва, вельми стогня дорога!»—Ето нашъ бацьшка за нами у погонь ѣдзя. Ци ёсць у цябе примѣты, што табѣ баба сопливка давала?»—«Ёсць!»—«Сыни жъ, кажа, назадъ паскомъ! Енъ сыгнувъ и здѣбалася назаду песчаное мора. Побѣгли яны даль-

ше, а змѣй перабрався черазъ песчаное мора и зновъ ихъ догоняя. «Ну, цяперъ, кажа, махай ззаду щоткуй!» Енъ махнувъ—и стали логи да болоты, и лѣсъ яловый, такіи гусценный, што и вужъ не проповзе. Побѣгли яны дальше, а змѣй перабрався черазъ пуцу и зновъ ихъ догоняя. «Ну, цяперъ махни грабѣнкуй кляновуй!» Махнувъ енъ грабѣнкуй, и здѣлалася пуца драмуца кляновая. Перабрався змѣй и черазъ пуцу драмуцу кляновую. «Ахъ, кажа яна: вельми жъ дужъ, окаанный! И черазъ ето перабрався. Ну, цяперъ я скинуса рѣчкой, а ты будзешъ вокупемъ. Енъ скинетца щукой, и будзя цябе хватаць зъ головы: вокунь, вокунь, стань ко мнѣ бокомъ! А ты ворочайся къ яму задомъ и скажи: коли ты, щука, войстра, дакъ возьми мяне съ хвоста! А я ўсё буду усыхаць, дакъ енъ и останетца у етой рѣчцы. Будзя у насъ воды просиць, а мы скажамъ: якъ ня ўмѣвъ дома умпраць, дакъ будзешъ на дорози пропадаць!» Ну, такъ усё и було: змѣй етый щукой пропавъ у высохшай рѣчцы. Пошли яны даяй; ишли, ишли, пришли у городъ, ажко яго бацьки ще живы. Сустрѣцили яго, заплакали и кажущъ: «ахъ ты, сынъ нашъ любый! столько годовъ цябе ня було!»—Ну, кажа, што було, то пройшло, а тольки, татъ за цябе да чаразъ орла по чужой сторонѣ пришлось много гора перацярпѣць. Ну, да цяперъ, кажа, усё пройшло. Вярнули мы усё, што затрадили, а цяперъ будземъ жиць да поживаць, да зновъ добра наживаць.

С. Меркуловичи, рогич. у. Записано въ моемъ присутствіи учителемъ народнаго училища Петрашнемъ со словъ кр. Ивана Зубаренко, 44 лѣтъ, неграмотнаго. Сказка, распространенная въ губерніи; записана въ гомельск., рогачевск. быховск. сѣненск. оршанск. и могилевск. ўздахъ. Гомельскій вариантъ сходенъ съ рогачевскимъ; онъ начинается такъ:

Живъ бывъ дѣдъ да баба. И жили яны ня совсимъ у бядѣ, ну тольки яны сабѣ бяду мали у томъ, што ня було у ихъ дятей. Вотъ, пошовъ разъ дѣдъ у заработки. Ишовъ, ишовъ—бача мостикъ. Пошовъ дѣдъ подъ мостикъ *за своимъ дѣломъ*, ажъ тамъ бьютца вяробей зъ мышшу за пшанишное зернятко. Вотъ, вяробей и кричить: дѣдъ, раскуси намъ зернятко! Дѣдъ послухавъ вяробѣя, раскусивъ зернятко. Мышь и вяробей зѣли зернятко, дѣдъ сабѣ и пошовъ даяй. Троху пройшовъ, вяробей изновъ кричить: дѣдъ, возьми мяне съ собой! Дѣдъ вярнувся и ўзявъ вяробѣя, да ня пошовъ уже у заработки, да пошовъ домовъ. Приходя домовъ и кажа: «бабъ! я табѣ гостинца принесть!»—Якого?—«А вяробѣя.»—Пранцовъ ты дѣдъ! якого жъ ты принесть! Поругала дѣду, поругала. Ну, да няхай сабѣ живе! Вотъ яны и живутъ. Дѣдъ коню замяшая, вяробей съ конемъ подая, и живутъ. Живутъ яны такъ годы три. Вяробей выкормився, ставъ большій. Тогда енъ и кажа на дѣда: «дѣдъ, каа, полятимъ-ка мы къ моимъ сястрамъ у гости!»—Полятимъ!—«Якъ жа мнѣ тябе, дѣдъ, нести: ти високо, ти низко? Икъ низко, дакъ черазъ большіе ласы вочи повыколунаемъ, а високо, дакъ хорошо буда!»—Ну, дѣдъ кажа, няси сабѣ и високо! Вотъ, сѣвъ дѣдъ на вяробѣя, вяробей яго и понёсъ вышай за ўсихъ лясовъ. Нёсъ, нёсъ и говора: «вотъ, скоро буда видянъ бѣлый дождъ. Тамъ живе моя большая сестра. Яна якъ убача насъ, дакъ буда просити мяне у тябе. Будути табѣ давать усяго. Дакъ ты не бари ничего, а проси бѣлаго сундучка!» Вотъ, долятая вяробей зъ дѣдомъ на крылцо. Такъ дѣдъ вяробѣя—тись! а вяробей—пись! Сестра почула и бегить: «здоровъ, здоровъ,

мой братка, идѣ ты столько бывъ?» Узяли ихъ подъ пашки, посадили за столъ—шаняты! Напились вяробей зѣ дѣдомъ, наѣлись, вотъ дѣдъ и кажа: пойдомъ домовъ! А сясра вяробѣева кажа: «да ты, дѣдъ, иди, а ты, братка, оставайся тутъ. На та-бѣ, дѣдъ, хлѣба и ковнай, и пояжжай зѣ Богомъ домовъ!»—Коли даси, кажа дѣдъ, бѣлый сундочокъ, дыкъ пойду! няхай и братъ у тябе остаѣцца!—«А нѣ! ня треба мнѣ и братъ, нѣ отдавать сундучокъ. Идитя сабѣ!»

Вторая сестра жила въ желтомъ домѣ, третья въ красномъ. Она отдала дѣду красный сундучокъ: «нехай жа мнѣ лучъ братъ будя!» Дѣдъ раскрылъ сундучокъ близъ того мостика, гдѣ взялъ воробья. Явившійся змѣй предлагаетъ дѣду «втоптаты городъ въ сундукъ: только дай мнѣ тоя, што ў тябе у доми забытое дѣло!» Такииъ образомъ дѣдъ отдалъ змѣю своего сына, *Микиту Запродаева*. Пришло время, змѣй присылаетъ одно письмо, другое—дѣдъ даетъ харчей *Микиту Запродаеву* и отправляетъ. По дорогѣ заходитъ Микита къ бабѣ, та угощаетъ его блинами, и на утро говоритъ: «вотъ што я табѣ искажу, мой голубецъ: икъ пойдяшь ты, дыкъ троху пройшовши, будя мора, и ля берагу мора будя дубъ. Икъ етому дубу прилятаты того змѣя дочки, прилятаты, поскидаятъ платяты, покладутъ крылцы ли того дуба, а сами пойдуты купатца. Дыкъ ты возьми крылцы меньшія дочки!» Микита сдѣлалъ такъ и дочка посовѣтовала ему, придя къ змѣю, «унасть ницъ, а то енъ тябе зѣбсть: пройшовъ уже строкъ, было давнѣй приходить. Приходя Микита къ змѣю—ще ў пороzi шапку знявъ—упавъ ницъ, и ляжить. Змѣй ходивъ, ходивъ вокругъ яго, ходивъ, ходивъ, адыли кажа: устай! Микита ўставъ. Иди, доглядѣй воловъ!»

Другіе воловники начали завидовать Микиту, что у него волы были сытѣе другихъ, и стали на него клеветать змѣю. Тотъ поручалъ Микиту добыть яблокъ золотыхъ и серебряныхъ и строить «церкву такую, што сами звоны звонятца, сами свѣчи налятца, сами книжки читаютца.» Когда дочка это сдѣлала и змѣй рѣшилъ съѣсть ихъ, они убѣжали, оставивъ послѣ себя слюнки на постели, на постолахъ и на клямкѣхъ. Слюнки на постели отвѣтили посланнымъ: «устаемъ!» На постолахъ: «обуваемся!» На клямкѣхъ: «умываемся и идомъ!»

Окончаніе сказки замѣчательное: «Лятѣвъ, лятѣвъ змѣй уздогонъ, и вотъ дотояя. Тоды жонка Микитова скинулася криницай, а Микита ставъ вокунѣмъ. Только змѣй хотѣвъ пить водѣ, а вокунъ ямѣ якъ пырсня у вочи, такъ ямѣ вочи и заливъ. И ниякъ няльзя яму той воды пить. Тоды змѣй и кажа: «штобъ жа ты тутъ до вѣку стояла!» А вокунъ отвящая: «штобъ жа ты дѣ ни ходивъ, а суды пришовъ!» Съ тыхъ поръ змѣй, дѣ ни ходя, дѣ ни лятая, дыкъ усѣ икъ ей приходя....»

23. Роги.

Такъ сабѣ нѣўкоторомъ царствіи, нѣўкоторомъ государствіи, ци можа ў томъ, што мы живѣмъ, живѣ сабѣ чаловѣкъ. И было у яго три сынки, якъ соколки. Ёнъ ихъ пораскивъ, погодовавъ, пуць имъ подававъ, а дзялицъ нигдѣнаго не дзяливъ до смерци до своѣ. Наконецъ того, старикъ исчувъ кончинную жисць. И енъ своихъ сыновѣвъ собравъ и говора сыновѣямъ: «моѣ сыны! я ўже собираюся умираць, и треба мнѣ

вась раздзялиць. Возьмиця вы мяне, ды насыця на той и на той берагъ къ синяму мору, ды перавасыця черазъ мора на востровъ подь зялёнаго дуба: я вась тамъ раздзялю.» Яго сыновѣ ўзяли и понясли, и насыли на перамѣнку, кажанъ понямногу. Мож яны пронасли яго три дни, можа больше пронесли, покуль донесли до мѣста. А подь зялёнымъ дубомъ да стояла у яго скрынка. Енъ вынимаа исъ тѣе скрынки торбочку и дае большаму сыну, и гова: ци доволянъ ты, мой сынъ, моей наградой? Енъ отвѣщаа: дзѣлаць нечаго, доволянъ! Затымъ, што енъ убачивъ, што нема нічо-го у ёй, пустаа. Дакъ и нядоволянъ, и боитца бацьки сердзиць. Вынимаа другому сыну, сяредняму, рожокъ, што трубяць, и знова кажа: ну, ци доволянъ ты, мой сынъ, етой наградой? Енъ отвѣщаа: дзѣлаць нечаго, доволянъ! По того слядъ, по большаго. Тоды енъ вынимаа меньшаму сыну, холбостому—а тые два жанатыхъ—рушничокъ, и зновъ спрашуя: ци доволянъ ты, мой сынъ, моей наградой? И ёнъ отвѣщаа такъ, по томъ слядъ: доволянъ! Тоды енъ и расказуя сыномъ. Большаму сыну: «вотъ, мой сынъ! ты при ходяйстве живешъ, табѣ надобны ўсякіе расходу ходяйскіе. Ты етую торбочку, коли куды надо, сколотни, будзя яна табѣ повна. Выбрешъ зъ яе куды надо, и повѣсишъ. А коли ящо надо, опяць сколотни, опяць яна будзя повна. И покамѣсць твоя жисць—будзя сь цябе!» А другому, сяредняму сыну, расказуя: «а ты, мой сынъ, по лясницкой часці ходзишъ, по лясахъ; случай табѣ ўсякій бываа. Стрѣця цябе ня-пріяделъ ци ўдвохъ, ци ўтрохъ, кольки случитца,—дакъ ты у водзинъ конецъ рожка затруби, дакъ табѣ помочь и будзя, кольки табѣ треба. А ў другій коньчикъ затрубишъ, дакъ яны зновъ убярутца у рожокъ! А ты, меньшій мой сынъ,—холостый; табѣ ще нічо-го ня треба; табѣ треба тольки кабъ зъ дзѣвками погуляць. Дакъ ты возьми, рушничокъ раскапи да скажи: рушничокъ раскацися, добрый молодець садзися, насы мяне туды й туды,—куды хочешъ!» Тоды и пытаа у ихъ: «а што, моё сынки: ци довольны вы моей наградой?» Яны яму говоруць: довольны! Изъ радосьци. «Вотъ цяперъ, моё сыны, я вамъ скажу: хачеця вы ўзяць ету скрыночку, дакъ запражиця коня да возьмиця; а коли лянцёся, дакъ няхай яна гніе тутока, бо ў ёй нема нічо-го!» Яны зъ радосьци, ўзяли свойго бацьку да понесли. Туды насыли три дни, а оттуль за повтора притащили. Принесли яго домовъ. Енъ кольки уремя поживъ да й померъ. Яны стали жиць межда собой, братъ изъ братомъ.

И проявилась черазъ дзевяць зямель, у дзесатымъ царстві, у цара дочка, такаа красаваа, пригожаа, и картыжница большаа. Кольки къ ёй кавалеровъ наѣжжало, дакъ яна у карты обыграа, да тоды и выбѣя. Прочувъ про ето холостый, и давай у большаго брата просиць торбочки. Большой братъ не хоцьвъ яму даць: перавядзешъ, и нічо-го сь цябе ня будзя! Довго цягалися, а наконецъ того—давъ. Енъ вышовъ на дворъ, вынявъ рушничокъ, да кажа: «рушничокъ раскацися, добрый молодець садзися, насы мяне къ той царевни!» Сичасъ енъ ни бывъ ба тамъ. Увышовъ у городъ, купивъ сабѣ хорошую одзѣжу, купечанскую, одзѣвся да й ходзя по городу и пытаа у городзецкихъ жиялей: якъ ба мнѣ къ вашай княжнѣ подыйци? Яны яму сказуяць: ня еткіе були, яна ихъ обѣгровала, а цябе нечаго обаграваць! Енъ имъ гова: «а ўже жъ попробуемъ, што зъ естаго будзя!» Яны яго привяли къ часовымъ. Часовые пропустили яго. Енъ увывшовъ у горницу, поздрастовався, и сѣвъ пироваць.

Попили, погуляли, и давай у карты йграць. Грали нѣскольки дней, нѣскольки сутокъ: усѣ яна отбираа гроши, а ёнъ усѣ съ торбочки колоця. Яна ў яго спрашуня: воть што, мой милый другъ, любезный! Изъ якими я играла—обыгрывала, ну цябе ня 'быграць. Откуль ты етыя гроши бярэшъ? Видно я твоя!»—А ўже жъ моя! ёнъ говора. Ну, бросили ў карты гуляць, и сѣли хлѣбъ-соль ѣсць. Яна яго хорошенько на-поила, и стала спрашуняць: «усѣ ровно, я твоя! Искажи мнѣ правду, откуль ты етыя гроши бярэшъ?» Чаловѣкъ выпивъ, разумъ послабѣвъ, и дай сказаць, откуль гроши ёнъ баре: у мяне ёсць такая бацькова торбочка; не моя, а большаго брата. Дакъ я яѣ буду колоциць, а яна усѣ будзя повна!.. Яна тоды яму ще крапчѣйшаго напнтку дала, кабъ ёнъ упився больнѣй, шѣянѣй. Пивъ ёнъ, пивъ, покуль напився, да й зъ ногъ звалився! Яна яго тоды обобрала, торбочку ўзяла, гукнула своихъ часовыхъ, да якъ дала яму казацкихъ нагаѣвъ! Выбила хорошенько, да й за двери выпихнула. Ёнъ проспався, проглуздався, поладзѣвъ—няма торбочки, тольки рушничокъ! Ёнъ рушничокъ вынявъ, разостлавъ: рушничокъ раскацися, добрый молодець садзися, няси мяне домовъ! Прискочивъ домовъ, ставъ у сярэдняго брата просиць рожка. Сярэдній братъ ставъ на яго сваритца: «што? перавѣвъ большаго брата награду, перавядзешъ и мою!» Ёнъ яму кажа: што Богъ дасць, тое и будзя: можа варну и тую—и твою, и свою. Сяредняму брату дзѣлаць нечаго: давъ яму рожокъ. Ёнъ вышовъ на дворъ, рушничокъ вынявъ, разложивъ: «рушничокъ раскацися, добрый молодець садзися, няси мяне, рушничокъ, опяць якъ той царевни!» Ёнъ опяць на мѣсци. Ли того горада останавився на поли и ставъ у рожокъ играць. Ставъ играць, ставъ играць, дотуль игравъ, покуль увесъ той городъ войскою обнявъ. Што ў того цара и силы стольки нема, разная войска: и казаки, и жандары, и ўсякая войска, якая тольки на свѣци ё, дакъ ёнъ натрубивъ. Распявъ бѣлый шацѣръ, поставивъ межда собой часовыхъ, обнявъ увесъ городъ пушками, разнымъ припасомъ, и смаля у городъ! И здѣлавъ вывяску такую, што выяшу усѣ царство и разорѣ городъ, затымъ што тутъ ня живуць царъ съ царевной, а живуць злѣдзян. Якъ имъ можно было мяне обкрасць? Царъ той вышовъ на дворъ, глянувъ у прозорную трубу, и спужався, што нема ямѣ силы, нема ў яго стольки войска, нечимъ яму оправитца. Ёнъ ставъ на свою дочку, на царевну, сваритца: идзи, моя дочка, перапроси, бо черазъ цябе намъ усимъ голо-вой не накладаць. А ня треба було табѣ такъ чападъ. Царевна сичасъ жа надзѣ-лася у хорошее платье, узяла съ собою прислугъ, и пошла къ яму просиць съ прозьбой. Подходя къ яго шатру, къ яго часовымъ, часовые яѣ ня пускаюць: «куды идзешъ, коравка намытая? Ты яго разъ обобрала.» Яна горко плача и прося, якъ можно, прося, кабъ яны яѣ пропустили. Яны яѣ ня пусцили, сказали, што нашъ царъ спиць. А ёнъ ня спиць, усѣ чуя, да тольки яѣ муштруя. Подождавши, яна подходя у другій разъ: «здѣлайца милосць, пропустица мяне къ своему государу!» Яны яѣ у грудзи, ня пускаюць, сказуюць, што нашъ государъ ящо спиць, ня ўставъ. А ёнъ ня спиць, да усѣ яѣ такъ муштруя. За третьимъ разомъ подышла, ёвъ вальѣвъ пропустиць часовымъ. Яна подышла къ яму, укленила, стала плакаць, стала просиць: другъ мой любезный, просци мяне! Послѣ етаго ня будзя ўже етаго. Усѣ 'дно ты мой, я твоя! Ёнъ сѣвъ, давай яѣ госциць съ своими часовыми, и яѣ прислугъ принявъ. Попирова-

ли, погуляли, и стала яна просиць яго опяць у свой домъ зъ яго дружиной. *) Енть узавъ свою дружину, и яё прислуги, и пошли у яё домъ, и стали тамъ пиць и гуляць. Пили, гуляли нѣскольки уремя, наконецъ того, яна яму опяць хорошихъ напитковъ поднясла, кабъ ёнъ попьанѣвъ. И опяць у яго давай спрашувать: «откуль ты набравъ столько войськи, што у мойго бацюшки столько нѣту яё, и якъ ето ты ко мнѣ присталяеся зъ далѣкія стороны?» Енть, выпивши добро, да й признав-ся ёй: у мяне ёсць такій рожокъ, што якъ у яго затрублю, дакъ ще у пяць радзей набярётца столько. У одзинъ конецъ затрублю, дакъ яна набярётца, а ў другій конецъ затрублю, дакъ яна опяць убярётца ўся. И ё у мяне такій рушничокъ: куды угодно енть мяне занясе и опяць домовъ принясе.» Яна яго яще больше подпоила крапчѣйшими напитками. Енть до-туль пивъ, покуль и заснувъ. Яна яго хорошенько обобрала: узала рожокъ, узала рушничокъ, вышла на ганки, и давай трубиць у рожокъ у другій конецъ. Потуль трубила, покуль усю войську утрубила. И часовые яго поўцякали: усихъ умѣсто по-трубила. Только остались яё часовые, яё слуги, а яго нема никого. Яна своихъ ча-совыхъ гукнула, яго ўбудзила, да вывала яго на дворъ, да дала яму такихъ нага-ѣвъ казацкихъ, кольки яму ўлѣзло. Вытаскали яго за городъ да й укинули у балку. Енть кольки ўремя проляжавъ, покуль прочухався послѣ чесци, тоды поповзъ кое-якъ ровомъ тымъ; и поповзъ, и пошовъ, не чаявъ уже живымъ быць. Няльзи яму и до-мовъ ници, потому обкрадзянъ увесъ. Дакъ енть сабѣ думая: пойду, ци не найду дзѣ якую пропащъ—упропаситца, бо мнѣ домовъ няльзя варнутца: и братовъ боюся, и нѣ съ чимъ. Пройшовъ кольки уремя—дзень, ци два, ци можа й три берагомъ, повзъ болото, чую яблышный воздухъ пахня. Енть сабѣ думаа: пойду, ци не найду дзѣ яб-лычка смагу прогнаць—бо ўже ротъ заросши смагой—негдзи а ни напитца, а ни ўгу-сиць чаго. Нашовъ яблыну рогатую, кашлатую; сорвавъ яблычко и ўкусивъ того яб-лычка. Якъ поросли на ёмъ роги! Такіе, якъ на яблынци! Було яму лихо, да й по-горѣло! То ишовъ, дакъ хоць нічо́го не чапавъ, а то идзе, дакъ бярезникъ скоблия рогами! Пройшовъ кольки уремя, ци дзень, ци два, ци можа три, поскобливъ рогами бярезникъ, уже чую зновъ яблышный воздухъ. Енть сабѣ думая такъ: «пойду, ци ня зѣмъ уже такого яблыка, кабъ уже пропасци!» Потому, стыдно уже выйци и на свѣтъ Божій зъ естакрой карой. Одна кара, што роги, другая кара, што побито крѣп-ко бизунами. Найшовъ яблыну, хоробанькую яблыну, сорвавъ яблычко, укусивъ, и отпали уси яго роги, и ставъ енть ще получчай того, якъ бывъ: и здоровѣй, и боль уся унялася. Ёнть яще нарвавъ яблыкъ, боли да боли, доставъ хусточку, была ў яго у карманику, дакъ ёнъ у хусточку завярнувъ ихъ, да й пошовъ тымъ слѣдомъ, кото-рымъ скобливъ бярезникъ рогами. Пришовъ икъ той яблыни, къ рогатой, нарвавъ и тыхъ яблыкъ, да ў другое мѣсто. Да й пошовъ у городъ опяць у той самы. Ажны нанимаа царъ работниковъ засаджаваць садъ у сябе. Кольки ўремя енть яго заса-джуа, дакъ енть усё сохня; дакъ енть нанимаа садовниковъ. Енть и оявився: я могу садъ садзиць! Донесли ето цару, што такій и такій парань поднимаетца быць за са-довника. Сичасъ доложили цару. Выкликаа царъ яго самого къ сабѣ на лицо и спра-шую у яго: можашъ ты садзиць? Енть отвѣщаа: чаму, могу. Енть яго присталяа икъ

*) По опредѣленію расказчика, „войська, што при ёмъ знаходзилася.“

народомъ, а ёнъ говора: я ня хѡчу зъ людзями садзиць, отвядзица мнѣ у другимъ мѣсци, зъ другога крыла! Яны яму показали другое мѣсто, енъ и ставъ заниматца работой. Ето казка скоро кажатца, да ня скоро дзѣло йшло. Енъ садзиць садъ самъ сабѣ у другимъ мѣсци. Народъ садзяць садъ, енъ сохня; а енъ садзя садъ—енъ и расце, и цвице, и яблоки растуць. По кончаніи дзѣла, пошли обсматраваць работъ. Пошли, дзѣ садзили народы—нема нічога: якъ було, такъ и ё,—посохло ўсё. Яны посмѣялись, пороготали, повыдумавали и опяць говораць: пойдземъ глядзѣць новага садовніка работы. Пошли глядзѣць новага садовніка работы,—и яго работа привукраснаа: и расце, и цвице, и яблыки растуць, и польза вялікаа. Донясли яны са-мому цару, што ня треба больша ніко́го браць и плаціць, акромъ новага садовніка: нехай живе и садзя, покуль яго жисць. Царъ выстроиць яму святличку и приставіць къ яму дзѣвцу, кабъ яму служила, пищу готовила, подносила кушанья, послі яго прибирала, обмывала. Енъ занявся работой, хорошой. И начала царевнина служанка ходзіць къ яму на гулянки; и енъ начавъ яе прывчиваць (пріучиваць, пріучаць) къ сабѣ, и казуя: «што, вотъ, говора: ты красаваа дзѣвица, а то бъ ще покрасивѣла, коли бъ зѣла мойго яблыка, што я табѣ дамъ. Мудрѣй ба была за свое царевны!» Ну, ета прося: пожалуста, дай мнѣ яблычка; ці продай, ці такъ дай. Енъ ёй яблычко хорошее вынявъ и давъ, хорошее. Яна яго зѣла,—и то была красаваа, а то ще гораздо покрасивѣла, што такъ яе и царевна ня ўвознала. И пытаа у яе: дзѣ ты ето такія масци набрала, нарумянилася? Яна говора: «ето, говора, мнѣ давъ садовникъ новый яблыка, дынь я якъ зѣла, дакъ я подужѣла и попригожѣла, и повесилѣла сама сабѣ.» Ну, яна казуя: ходземъ жа мы поторгумъ и мнѣ яблыка! Ну, и пошли торгуваць яблыка. Приходзюць къ садовнику и торгуюць. Ёнъ дае ня тое яблычко, а другое—рогатае, и прося за яго, што самъ хоча. Царевни жъ грошій ня нѣтъ: абы бъ толькі достаць! Ёй, бачъ, дорога красава, што ёй обидно, што дзѣвка пригожѣй царевны. Садовникъ яблычка ёй поклавъ, а гроши отъ яе узявъ, и говора: «ты жъ ня ёжъ яго цяперъ, а зьяся заўтра ўрани.» А для того енъ ўремя продаваа, кабъ енъ удѣкъ оттудъ. Узяла яна яблычко, пошли яны сь святлицы. Енъ святлицу зачинивъ, усё свое собравъ, ды самъ—маршъ! Хорошо! Ето казка кажатца, да толькі довга дзѣло проходзя. Покуль царевна пераночувала, дакъ садовникъ іскрывся у городзі, и нема ніко́го у святлицы. Назаўтраго ўрани помылася царевна и зѣла того яблыка. Якъ поросли на царевні ро́ги! Дакъ ня мѣсцятца и ў комлапі! Што хоча который зламаць—болиць; хоча срываць—болиць; и ня ўходзя ў двери, ня можна выйці вонъ! Царъ казуя: «вотъ, моя дочка! Ето вѣрно енъ самы! Будзешъ ты цяперъ гораваць, було табѣ ня дзѣлаць такіхъ прыступковъ!» Здѣлалі вобыскъ по ўсімъ городамъ, ці не найдучъ якога знахара, якога чаловѣка, кабъ ето збавіць могъ. Той жа самы паранъ купивъ ксяндзовское платца, надзѣвс такъ, якъ ксѣндзъ, и наўчився маленько грамоци, и оявився: «я могу вычитаць ёй усё, толькі кабъ яна созналася своими грахамі!» Приставілі яго къ ёй. Енъ кажа: «выйдзица ўсі вонъ: мнѣ треба яе сповѣдаць и молитву читаць!» Ладно! Вышли ўсі вонъ; енъ ставъ яе сповядаць, и ставъ пытатца граховъ: «Вотъ, дзцятка, можа ты ко́го обидзѣла? Можа хто на цябе плачатца?» Ну, яна и призналася: «вотъ, я торбочку узяла у та-
*

кого и такого кавалера.» Енъ кажа: сподай, дзицятка, ето мнѣ! ето треба на косцѣль отдаць! Яна и отдала яму торбочку. Енъ тоды ставъ читаць молитву—што читаа, а што маня—потому, грамоци знавъ мало, а ето только такъ прикословіе, кабъ якъ-небудзь да своё узяць яму. «Нѣ, дзицятка: ще ня ўси грахи! Ще нѣшто заняла у людзей! И тое подай на косцель!» Яна и рожокъ отдала яму, и рушничокъ отдала. Енъ тоды ваяльвъ топиць лазьню, и ваяльвъ приставиць шэсцьдэсяць музыковъ. Вытопили лазьню, приставили музыковъ, узали яе подъ руки и повали у лазьню. Енъ узявъ яе зъ руки персяня и ўбивъ у лазьни подъ брусомъ. Раздзѣвъ яе якъ треба быць и подчавивъ яе за ноги за брусъ, якъ кобылу подцягнувъ. И крикнувъ на музыковъ: итрайца! Музыки зайграли, енъ яе якъ узявъ нагаёмъ, дакъ знявъ ёй родзимую шкуру ись пять и до головы. Тоды вокно расчинивъ: «рушничокъ раскапсися, добрый молодзецъ садзися, нiasi мяне икъ братомъ!» А яе такъ и кинувъ. Тые музыки играли, играли, да й потомилися, и нема ниякого отъѣзду зъ лазьни. Яны пошли, двери разломили, ажно яна висиць подъ брусомъ, якъ кобыла. Яны отвязали, оттуль яе вывали,—кровь зъ яе цяче!.. Ну, прислуги яе обмыли, обчапурали, тья рапы. Вацька и выславъ яе ў свѣтъ: «идзи, кажа: бо ето енъ самъ! Шукай яго, можа дзѣ знайдзешъ!» А енъ явився къ братомъ. Браты говораць: «годзи табѣ плустаць пѣ свѣту! Жанися уже тутъ, да будомъ жиць,—добро, што своё поўзыскувавъ!» —Нѣ, братцы, ня буду жанитца, подожду! Проживъ можа годъ, а можа повтора, а можа повгода—назвѣстно кольки—выѣхали яны уси ўтрохъ ись сохами на поле работаць. Работаюць яны—ажно яна идзе шляхомъ. Енъ и кажа: «во, братцы: вы казали, кабъ я жанився,—вѣ моя жонка идзе!» Яны засмѣялись, надзѣляли смѣху; вѣдомо, бачуць, што еткое чудо. Подыходзя яна къ яму, обняла яго ноги, стала цаловаць, стала просиць: «просци мнѣ! што было, то пройшло, а цяперака я твоя,—што хочашъ, то со мной и дзѣлай, бо мнѣ уже домовъ не ворочатца отсюль!» Яны собралися, поѣхали домовъ, узали яе съ собой. Ъдуць дзярэвняй, хто ўбача—смяютца. Приѣхали, сичасъ погосцивъ яе, принявъ за госця, зъ братами, и давъ ёй яблычко, хорошее. Яна якъ зѣбла,—дакъ тѣ была пригожаа, а то ще ў пяць радзей попригожѣла! Роги зъ яе спали, и боль тая унялася: не чуя боли уже ниякия. Ну и начали жанитца, вяселья гуляць. Згуляли вяселья и послали къ бацьку поклонъ, што благополушно усѣ. Вацька давъ много прыданого. И цяперъ живуць. И я тамъ, спяпучи, бывъ, медъ-вино пивъ, по губахъ цягло, а ў ротъ не попало.

М. Городецъ, рогач. у. Отъ кр. Адама Өедсрова 44 л. слѣпорожденнаго.

Довольно сходная сказка есть у резьянъ. Тамъ отъ бѣлыхъ фигъ выросъ хвостъ, отъ черныхъ онъ отпалъ. Меньшой братъ не наказывалъ царевны, но вѣнчался, далъ ей черную фигу. Слав. Сборн. т. III, 306—308. Также см. Афан. VIII, 214.

24. Назакъ-Громакъ Ляксѣй Хвѣдоровъ.

Нѣўкоторомъ царствѣ, нѣўкоторомъ государствѣ, вѣрно, ў томъ, у которомъ мы живемъ, живъ сабѣ хресцянинъ-бѣднякъ. Живъ енъ дужо при большой бѣдносци. Поэтому енъ померъ. Вотъ, съ того остався яго сынь, Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хвѣдо-

ровъ, ни при чомъ. Тоды ень засмутнѣвъ: «о Господзи! Што жъ я живу, живу, и оцень мой живъ, и ня 'ставивъ мнѣ ничо́го!» Походзивъ ень по хащи, глянувъ—на сѣнцы вислицъ кисеѣцкъ-мяшечакъ. Узавъ ень, знявъ яго, полядзѣць, што у имъ ёсь, бача—тамъ красивцѣ и вогнивецѣ. «Ахъ, Господзи! Хвалиць Бога, што хоць гэта за-сталося, бацьковъ поминюк!» Узавъ ень развязаць и выпявь. Вынявъ гэтыя вогнивецѣ и красивцѣ, сѣканувъ ень разъ—выскочивъ молодзецѣ. Отъ одного разу ень сѣканувъ двананцаць разовъ; выскочило, значитца, двананцаць молайцовъ, и спрашуяць у яго: што табѣ, гаворуць, треба Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хвѣдоровъ? Тоды ень спрашуя: треба мнѣ пиць и ѣсь, ѣсь хѣчу. Тольки сказавъ,—стало перадъ имъ пицѣня, ядзѣня, разны прыборы. «Што-жъ мнѣ робиць?» Попивъ, поѣвъ. Якъ попивъ, поѣвъ, тутъ уже и нема яго ничо́го, усё яно минулося. Собравъ ень своё красивцѣ, вогнивецѣ и крамянёкъ, и пошовъ пупѣмъ дорогой. И матушку свою съ собой узавъ. Ици, дакъ ици, ици, дакъ ици, и приходзя на гэтыя пляцъ, што солдаты вучутца, подъ государственны дворъ. Ставъ тутъ и сѣканувъ двананцаць разовъ, выскочило двананцаць молайцовъ и спрашуяць у яго: што треба, Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хвѣдоровъ? Ень имъ отвѣчая: «треба мнѣ выстроиць домъ чище царскаго дворца и штобъ коло гэтаго дворца стояла войскѣа, часовые, кругомъ!» Тоды на заўтрашній дзень гэта черазъ ночь стало. И выѣжжая на заўтрашній дзень зъ гэтаго зъ дворца съ царскаго вѣстовый смотрѣць на гэтыя пляцъ. Убачивъ гэтыя домъ, и отношуетца къ цару: «заняць нашъ пляцъ: выстроены дворъ чище царскаго дворца.» Потому выѣжжая царъ самъ осмотраць, попробоваць яму разбѣць гэтыя домъ, посунуць. Подавъ яму Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хвѣдоровъ бумагу, што ты мойго двора не разобѣешъ. Тэй царъ назадъ и поѣхавъ. Скольки ень хоцѣвъ, проживъ, а бывъ ень холостый. Вотъ ень гавора: «треба намъ ици, мамка, у сваты!»—А куды жъ намъ ици?—«Да треба намъ ици къ цару у сваты!»—Якъ жа, мой сынъ, мы пойдземъ, коли мы мужики простые, а ёнь царъ?—«Ступай, кажа, матка: отдасъ!» Узавъ ень свой крамянёкъ и вогнивецѣ, и сѣканувъ двананцаць разовъ,—выскочило двананцаць молайцовъ: «што треба, Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хвѣдоровъ?»—Да што треба? Треба намъ ици у сваты къ цару. Ци отдасъ ень дочкѣ свою за насъ?—«Отдасъ!»—Якъ жа намъ яе узяць?—«А якъ жа узяць? Дадзѣмъ мы вамъ драгоцѣнный камянь—дыямантъ, и ўхини ты яго у платочакъ, уложи у карманъ, и нехай зъ имъ идзе матка у сваты. И нехай яна идзе прамѣ у комлату и вялицъ позачиняць вокны; и нехай яна положи яго на столъ, и загоратца ўси комлаты, ажъ зазья!» Узяла матка дыямантъ, ухинула у платочакъ и пошла. Приходзяць яна къ имъ у комлату и кажа: зачиница, пожалуста, вокны! Яны зачинили вокны, положила яна на столъ дыямантъ,—такъ усё и загорѣлось, ажъ зья.. Тоды царъ гавора: «што ты, баба, хочешъ за гэтыя камянь?»—Я хѣчу? Пришла къ вамъ ў сваты за свойго сына. Царъ замѣчивъ, што ень гэтакій штукаръ,—можець и мнѣ помогци у воинстви,—и здѣлалы яны запоины зъ естой зъ бабой. Тоды ень яе и отправивъ: «Ну, ступай жа ты, бабка, домовъ, покуль табѣ будзя указы!» Сычасъ ень, ня довго думая, разославъ минихвесты по ўсѣхъ царяхъ у во ўси землі: кабъ зъѣжжались ко мнѣ на заручины: я выдаю дочь! Присылая ень гэтой баби указъ, кабъ ишла яна къ яму на заручины. Яна пошла дѣлаць

заручины. Здѣлали яны заручины, списали, у которое, значитца, число, у якій дзень будзя у ихъ вяселья. Дочка гэта царская я была дужо штукованая. Узяла яна гэта сабѣ у голову: «коли жь ты гэтакій штукаръ, хочешъ мяне узяць, дакъ я табѣ штуку устрою,—погодзи жь!» Здѣлали яны тыя заручины,—«вотъ жа, говора яна, матка—на сваякруху—якую я табѣ скажу штуку: кабъ было къ вяселью выстроены садъ отъ нашаго крыльца до вашаго. Якъ будземъ ѣхаць къ вянку, кабъ яблонки цвѣли, а зъ вянка—кабъ яблоки были готовы, поспѣли къ обѣду. Да кабъ ня ўвознала, на чомъ ёнъ пріѣдзя!» Матка гэта приходзя домовъ и давай плакаць: «куды гэта мы залѣзли? што намъ гэта дѣлаць?»—Ну, што ты плачешъ?—«Да якъ жа ня плакаць: заказала дзѣвка твоя, кабъ икъ вяселью бывъ выстроены садъ отъ ихнаго крыльца до нашаго. Якъ будзеца къ вянку ѣхаць, кабъ яблонки цвѣли, а якъ зъ вянка—кабъ яблоки поспѣли. Да ще,—кабъ яна ня ўвознала, на чимъ ты пріѣдзешъ!»—Эхъ, матка, матка:што намъ гэта устроиць?! Сычасъ дождаюць яны гэтаго урема, у которую вяселья дѣлаць. Выходзіць ёнъ у вечару на дворъ, сѣканувъ ёнъ двананцаць разовъ, выскочило двананцаць молайцовъ: «што треба табѣ, Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хведоровъ?»—Заказала намъ царская дочка, кабъ было отъ нашаго дворца до царскаго дворца садъ абополь дороги выстроены. Ци можамъ мы гэта выстроиць?—«Да окромя насъ никто у бѣлымъ свѣці ня можець выстроиць!»—И казала яна, кабъ ня ўвознала, на чомъ я пріѣду. Тоды яны яму отвѣчили такъ: «Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хведоровъ, ложись спаць спокойно: таразъ ночъ гэта ўсё будзя готово!» Дочка царской ня спитца, усё думаецца: якъ ёнъ усё гэта здѣлая? Ускочила яна у ночи ще, вышла на дворъ глядзѣць, ци будзя гэта вѣрно, кабъ ёнъ устроиць,—а тамъ ужо цвятуюць яблонки разнамы цвятамы,—ня можно отгладзіцца! Тоды яна говора: ну, говора, штукаръ! Давъ Богъ дзень, ёнъ сычасъ собираецца и ѣхаць къ ёй. И што ёнъ запрогъ у пояздъ?—Козловъ! Выжъ подъяжжае подъ крыльцо, выходзя яна глядзѣць. Тоды яна говора: «ну, говора, однакъ ня можно ўвознаць, на чомъ пріѣхавъ!» Усѣла и поѣхала зъ имъ. Усѣла и поѣхала зъ имъ яна, ѣдзя и распрашуя на гэты садъ, ды й говора: ну, однака! вотъ устроиць, дакъ устроиць! говора. Ёдзя отъ вянка, глядзіць—яблоки уже готовы на обѣдъ. Пріѣхали зъ вянка, подносяць имъ гэтыя яблоки на обѣдъ. Згуляли яны свадзьбу, поѣхали домовъ,—къ сабѣ ёнъ повезъ. Бацька отписавъ имъ богато посаги, войскі даў колькі. Вотъ колькі яны тамъ жили якъ мужъ зъ жаной, а яна усё-тки добра яму ня мысліць. Пошли яны разъ спаць, яна и говора: «скажи ты мнѣ, Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хведоровъ, чимъ ты гэткаі штуки присталяешъ? Ци ты зъ якія зямлі, ли ты здѣшній чаровникъ?» Тоды ёнъ усё-тки боитца яе; якъ гэта ёй яму сказаць? Серца яго чуя, што яна хоча яму зло здѣлаць Тоды-тка ёнъ абдумався: «якъ-тыки можно? Яна моя жана, якъ яна можа здѣлаць мнѣ злось якую?» И тоды ёнъ ёй сознався. Сознався ёй, и гэта, показавъ ёй увесь примѣръ, якъ ёнъ усё гэта дѣлаваъ. Гэты примѣръ ёнъ ёй показавъ, и яна сама зняла, поспробовала здѣлаць. Ну, яна у яго открала, и говора: пойдземъ-ка мы проходзімся! Тоды ёнъ пошли изъ ёй на прохаждэньне и яна дала приказъ напярэжъ солдатамъ: «якъ будземъ мы ици, да будземъ уходзіць (входить), мяне упусціце, а яго возьміце на штыхи!» Якъ яны варнуліся, солдаты яе пусціли, а яго хо-

цѣли на штыхи ўзяць. Тоды енѣ цапъ-цапъ у карманы—нема яго вещи! «Братцы вы моѣ, говора солдатамъ: што я вамъ здѣлывъ? Я длі васъ устройвѣ службу лѣхкую, одѣжу лѣхкую!» Яны яго и пусцили. Тоды енѣ бросивъ усѣ и пошовъ у свѣтъ. Якъ пошовъ дорѣгой, якъ пошовъ дорогой,—бѣѣтца три дьяволы, прамо, до смерци забиваютца. Енѣ спрашуя: «за што вы бѣѣсѣя, молайцы?»—А вотъ, мы расскажемъ примѣръ: бывъ у насъ бацька. Тоды енѣ помѣръ, а намъ осталось яго богацьце: коверъ-самолѣтъ, жбанъ-ли-жбанъ, шапка-нявидзимка, чаботы-шкурляты. Коверъ-самолѣтъ такой, што занясе цябе у бѣлый свѣтъ, а жбанъ-ли-жбанъ—накорми мяне! А ў шапцы-нявидзимцы нхто цябе не ўбача. Дакъ вотъ мы ниякъ гэтаго богацьця не подѣлимъ! Тоды енѣ обдумався, якъ ба яму гэта отобраць. «Ну, братцы, кажа: окромя мяне нхто васъ не подѣля!» Пошовъ енѣ у лѣсъ, отрѣзавъ палку, якъ шибѣць енѣ имъ у ельникъ густый: «ну, кажа: хто ету палку упяродъ ухапѣ, того гэта ўсѣ яго!» Енѣ гэто и пилнѣя: якъ побѣгли яны за гэтой палкой, енѣ сычасъ шапку нявидымку на головѣ, чаботы-шкурляты на нѣги, у коверъ самъ ухинувся—жбанъ-ли-жбанъ, подымайся! И поляцѣвъ. Ухапили яны гету палку, прибѣгаюць на гэтое мѣсто: тому жалко, а тые рады—«нехай не достанетца ни табѣ, ни намъ, никѣму!» Прилетает енѣ на забытнѣй мостырѣ. Уходѣиць у гѣтый суборѣ, монахи гѣтые чуць тольки што живы, ня могуць пропавкнущѣ—зъ голоду позводзилися. Тоды енѣ говора: жбанъ-ли-жбанъ, дай-ка пиць-ѣсци! Жбанъ-ли-жбанъ давъ пици, ѣсци. Тоды енѣ самъ ня ўзявъ ѣсци, узявъ бутылку вина и рѣмочку, и пошовъ у суборѣ у гѣтый, наливъ рѣмочку, одному уливъ у ротъ, тоды другому, тоды третѣйму, усимъ поўливавъ. Яны грошачку отлынулися. И ставъ енѣ починая суборѣ. Выписавъ енѣ бумагу и пославъ у гѣтый у лицейный домъ, дѣѣ лыютца звонѣ, кабъ вылиць звонъ триста пѣдовъ. И ўжо енѣ тутъ перамянивъ имя своѣ: написавъ,—завѣдуя забытнѣмъ мостыромъ такой и такой—Шѣрая Свита—налѣво шита. Гѣтый звонъ вылили. И якъ яго приставиць? Коньмы ня можно приставиць. Ухинувся енѣ у коверѣ, узявъ жбанъ-ли-жбанъ и поляцѣвъ туды! Прилетая у гѣтый у лицейный домъ, сычасъ гѣтый звонъ ухинувъ у коверъ—жбанъ-ли-жбанъ, подымайся у забытнѣй мостырѣ! Енѣ сычасъ приляцѣвъ у забытнѣй мостырѣ и зачавиць гѣтый звонъ на звоницу. На заўтрашнѣй дзѣнь пошли служицѣ на служѣнья, звоницѣ у гѣтый звонъ. Якъ ударивъ у гѣтый звонъ на суборѣ, дыкъ у царскимъ дворцѣ повысыпалися шибки, и яна съ поспѣли доловъ звалилася, обѣ мостѣ ударилась. Выскочила яна на крылцо и слушае: звонюць у забытнѣмъ мостырѣ на суборѣ. Тоды яна бацьку выхвалѣетца: «вотъ, говора, вы на мяне тоды сварилися—такая ты, шельма, сукина дочка, на што ты яго страбила, а вотъ енѣ, говора, живѣ. Гэто ня Шѣрая Свита—налѣво шита, а гэто Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хведоровъ. Енѣ на гѣтыя штуки здашенѣ!» Сычасъ царѣ высылая аквитанта свойго на забытнѣй мостырѣ: хто тамъ надѣ мостыромъ завѣдующѣй? Приѣжжаая аквитантѣ и спрашуя у яго: «хто надѣ гѣтымъ надѣ забытнѣмъ мостыромъ завѣдующѣй?» Тоды енѣ говора: Шѣрая Свита—налѣво шита! Спросивъ енѣ и ўѣхавъ, и отношѣетца къ цару: гэто на забытнѣмъ мостырѣ находжѣетца Шѣрая Свита—налѣво шита. А яна стоючи отвѣчая: нѣ, говора: гэто ня Шѣрая Свита—налѣво шита, а Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хведоровъ. И сказала, што хочѣтца ѣй довѣдатца на гѣтый

мостырѣ, хочетца ѣхаць Богу молитца на яго. И яна приказала, кабѣ Шѣрая Свита—налѣво шита здѣлавъ мостѣ отъ забытнаго мостыра до царскаго дворца—золотая мостничка, сяребраная мостничка, и черазѣ дзесѣць мостничакѣ довжны хвенари горѣць. Енѣ сы-
часѣ говора: жбанѣ-ли-жбанѣ, кабѣ бывѣ такіѣ и такіѣ мостѣ! Черазѣ ночь и явив-
ся мостѣ. Ёѣ жа, проклятой, ня спитца, и выскакуя ще у noci глядзѣць на дворѣ. Видзя—мостѣ ажѣ зыя, и хвенари гораць. И ниякѣ яна ня можа дождатца дня. Ждѣць яна прамо бѣгая. Давѣ Богѣ дзень, яна сычасѣ садзитца и ѣдзя на бѣдню. Ня можа яна отгѣдзитца! Прѣѣжая яна на гѣтый мостырѣ, уходя у суборѣ Богу молитца. Гѣто яна молитца, дзивитца: гѣтакаго собору нема у цѣломѣ царствѣ! Отый-
шла обѣдня—енѣ и зовѣ ихѣ на 'бѣдѣ кѣ сабѣ. Отправляя яна бацьку, а сама оста-
ѣтца и обѣдая, и не такѣ на 'бѣдѣ смотра, якѣ на яго: яго ўсѣ лицкуя, кабѣ не уклѣпатца—показуя, што бытцомѣ мужикѣ яѣ. Тоды яна и спрапуя: ты, говора, ня Шѣрая Свита, а ты Казакѣ-Громакѣ Ляксѣй Хвѣдоровѣ! Енѣ ниякимѣ вобразомѣ не сознаѣтца: гѣтакую штуку яна дала! Будзѣ ты сама, а я самѣ, ня хѣчу я цябе! Али обдумався: а можа яна ня будзя ўжо такѣ дзѣлаць! Поткацццц яна кѣ яму прамо сатаню. И сознався ёнѣ ёнѣ: такѣ, говора, вѣрно: я Казакѣ-Громакѣ!—«Ну, я жѣ та-
бѣ покаянѣ дамѣ, што я ўжѣ боли такѣ дзѣлаць ня буду: на табѣ красивцо, вог-
нивцо твоѣ, и будземѣ жиць укучи!» А яна яго при сабѣ и возя. Сычасѣ енѣ подумавѣ, подумавѣ: «треба гѣтый мостырѣ бросиць, а то яна мяне опяць стрѣбя.» Дождавѣ енѣ noci, узавѣ яѣ у коверѣ. «Жбанѣ-ли-жбанѣ, подымайся на выспу!» И тамѣ енѣ выстроиць сабѣ домѣ, опяць жа такіѣ жа хорашѣй. «Нѣ, отсюль, брешешѣ, не ўцячѣшѣ.» Кольки яны тамѣ пожили, и усѣ-тыки яна доходзиць гѣтыя вещи. «Нѣ, брешешѣ! я табѣ не сознаю, откуль гѣтыя вещи!» Ну, звѣстно: баба—сатана! Якѣ поткацццц яна кѣ яму, ночь и двѣ—можа и сѣ повгода—баба усякаго звяздѣ, али поткацццц яна кѣ яму—и сознався ёнѣ! Яна коло яго лисой. Увѣривѣ енѣ ёнѣ, показавѣ уси гѣтыя прахты. Тоды яна ночѣчи, ня довго думаючи, собраласѣ, узала усѣ чисценько, покинула яму тольки двѣ булочки хлѣба. Узала кремянцо—вогнявцо, сѣ-
канула двананцаць разовѣ, выскочило двананцаць молайцовѣ: «што треба?»—Раски-
дайце увесѣ гѣтый домѣ по кирпичинѣ по ўсѣй выспѣ! Жбанѣ-ли-жбанѣ, нияси мяне у бацьковѣ домѣ! Приляцѣла яна у бацьковѣ домѣ.

Цяперака енѣ назаўтраго прошнувся, зирѣ-зирѣ—раскиданѣ увесѣ домѣ, тольки одна кирпичинка подѣ головой! Заплакавѣ дужо енѣ: отѣ дѣѣ цяперѣ загину ўжо вѣрно! Зирнѣць енѣ у головы—лежаць двѣ булочки хлѣба. «Ну, хвала табѣ, Божа: хуць ёсѣ чимѣ душу отживиць!» Сѣвѣ, поѣвѣ, и пошовѣ ходзиць по-выспѣ. Бача ёнѣ—плы-
ве корабѣ. Давай енѣ кричаць и шапкой махаць, гукаць кѣ сабѣ. И гѣто матросѣ убачивѣ, што чаловѣкѣ ходзя по выспѣ и гукаѣ ратунку. Гукаѣ матросѣ работниковѣ, вялицѣ узяць лѣхкую лотку, ѣхаць узяць гѣтаго чаловѣка.

А бацька, якѣ прѣѣхала яна домовѣ, давай сваритца: «вотѣ, кажѣ, надо сѣ цябе шкуру зняць свиньячѣчу и волову, тоды ты будзешѣ людзьмы, а гѣта шкура ня твоя. А тольки яна сѣ цябе коли-николи да злѣзя!» Яна бацьку ничога ня 'твѣчи-
ла. Ну, а тымѣ часомѣ, узали яго у корабѣ и повязали сѣ собой. Вывязли яго на бе-
рагѣ, енѣ и пошовѣ дорогой. Идѣе, идѣе—ѣсци хочѣ, ня можа вытримаць. Бача енѣ

—стоиць кустъ ягодъ красныхъ. Енъ узавъ, красныхъ ягодъ зѣвѣ—то бывъ красенъ, а то ще покрасивѣвъ! Пошовъ енъ дальше, нашовъ кустъ черныхъ ягодъ. Зѣвѣ ягодъ—и выросли у яго роги. Што тутъ робиць? Варнувся назадъ, узавъ ѣсци красныя ягоды, зѣвѣ енъ ихъ можа кулакъ—гѣтыя роги зъ яго позлазили. Тоды стоиць кустъ лозы. Узавъ енъ плѣсци корзины, наплевъ корзинъ, набравъ ягодъ одну красныхъ, другую черныхъ. И царская дочка брала за городомъ съ криницы воду мытца сабѣ. А енъ про гѣту криницу знавъ. Сычасъ енъ туды и побѣгъ. Пришовъ и сѣвъ: знавъ, какой яна приходзя пѣрой. Прибѣгая служанка зъ бутылкой, воды. «Дай мнѣ, голубка, попиць воды!»—Дала бѣ я табѣ воды, да боюся—царская дочка узная, яна дужо злая!—«Да ня бойсь!» Енъ ци пивъ ци нѣ—голодному чаловѣку какое питыцѣ уже—тольки здѣлавъ примѣръ. Давъ енъ ей зѣсци красныхъ ягодъ; стала яна дужо пригожая—ня можно на яѣ отгѣбдзитца! Якъ ускѣчила яна на порогъ, тая и ўзнала, што яна давала водѣ некому. Ну, а тая таитца ўзяла: не давала.—Нѣ, кажа, давала! Яна й созналася: давала старичку: енъ давъ мнѣ ягодъ, я зѣбла и стала такая пригожая. Яна посылая: ступай, привядзи мнѣ того старика, кабъ и мнѣ узяць гѣтыхъ ягодъ. Почомъ плаци, плаци, а мнѣ доставъ гѣтыхъ ягодъ! Пошла тая дѣвка шукаць ягодъ. Найшла яго на тымъ жа мѣсци. «Што ты хочешъ за ягоды?»—Нача ня 'тдамъ ягоды, якъ сто рублей за штуку. Дала яна яму рублей триста, енъ давъ ей ягодъ кулакъ хороший, и кажа дѣвцы: «нехай ягодъ не разбирая, а скомкая, скомкая и усн зѣбсь отразу! Тоды будзя дужа пригожа.» Яна такъ и здѣлала. Якъ зѣбла яна тыхъ ягодъ—поросли на ей горбы да роги—ня можно ей ни сидзѣць, ни лежачъ! Бацьку, звѣстно, жалко: «ахъ, сукнина ты дочка! Чаго ты хоцѣла, того ты й достала!» И ставъ ей разныхъ дохторей сойскаваць. Што яны давали ей разнаго зелья! Нема пользы. Стали зрѣзаць: дзѣ зрѣжуць одзинъ, нарасце дзесяць. Нема рады! Давай сойскаваць бабѣ разныхъ—нема пользы. А Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хведоровъ идзе тоды городомъ коло крамовъ, и сидзиць крамникъ, и гукаю яго къ сабѣ: «эй, дзѣдъ! ци ня вѣдаешъ ты, якъ ба согнаць тые горбы, роги, што поросли на царской дочцѣ?»—Зачимъ? я могу самъ согнаць. Крамникъ трахъ яго у краму, да й замкнувъ, а самъ пошовъ сказаць, што ёсь такій дзѣдъ, што бярѣтца лячиць царскую дочку. Отъ, яго и попѣрли туды. Ну енъ сказавъ вытопиць у три часы лазню и привезци три возы суншиннику. Тутъ гѣто удругъ: якъ сказавъ, тутъ сичасъ и готово. Енъ тоды сказавъ позачиняць вокны и двери и сказавъ, што хто будзя близко да што-небудзъ почуя, дакъ тому будзя усѣ тое—и горбы и роги. Уздавъ духу, давъ ей три красныхъ ягодки зѣбсь, кабъ горбы порадеѣли, да якъ ставъ тымъ суншинникомъ хвостаць! Во гѣто, кажа, волова шкура! Знавъ яѣ; зновъ давъ три ягодки зѣсци, кабъ горбы порадеѣли, уздавъ духу, узавъ лупиць, бивъ, бивъ... Во гѣто, кажа, свиньячча шкура! Вѣе да й приказуя: «во гѣто вогнивцо-кресавцо! Во гѣто жбанъ! Во гѣто коверы!»—А ци гѣто ты Казакъ-Громакъ Ляксѣй Хведоровъ?—«А ты думала хто? Ты думала, што ты мяне згубишь?» Давъ ей яще ягодки три, остались тольки горбы три ци чатыре. Тоды яна уварицѣлася да якъ дуна за ўсымы за гѣтымы вящамы. Прибѣгая домовъ—ня пускаюць.—Ня бойцесь, гѣто я!—«Во, я казавъ знаяць три шкуры, дыкъ людзьмы будзешъ, моя й правда!» кажа бацька. Узала яна гѣтыя вещи, при-

нясла у лязню. Узавъ ёнъ вещи, давъ ей уси ягоды и стала яна и здорова и пригожа. Идуць яны зъ лязни обявхись. А бацька да писавъ минихвествъ: хто вылѣча яе, за того замужь отдамъ! Якъ пришли яны на ўпокой, бацька сычасъ, безъ няжыхъ, сычасъ свадзьбу дзѣлаць: «а што, кажа, за гэтакаго лапсарника треба замужь ици!» Тоды яна отвѣща бацьку: бацюшка, ня треба намъ свадзьбы, гэта жъ Казакъ-Громакъ Ляксѣй Хвѣдоравъ. Ну, и стали жиць, поживаць, и цяперъ живуць.

Дер. Семукачъ, городищенск. вол. быховск. у. Бр. Якимъ Яськовъ, 24 лѣтъ, неграмотный. Семья Яськовыхъ изстари славилась *казанниками*, но къ сожалѣнію при протѣхѣ мнѣ не удалось видѣть старѣйшихъ членовъ семьи. Приведенная сказка отчасти можетъ служить образчикомъ того, чѣмъ будутъ народныя сказки лѣтъ чрезъ десять въ устахъ молодого поколѣнія, и по языку и по развитію фабулы.

25. Иванъ рыбаць.

Живъ сабѣ рыбаць ли сіняго мора. Ёнъ постоянно займавсья рыболовемъ, и дзень и ночъ. Бывъ у яго сынъ Иванъ. И тѣй заўсягды зъ бацькомъ рыбу ловивъ. Ну сыну Ивану луччє повадзилось рыболовѣ, чимси бацьку. Пройшло нѣсколькі годоў, рыбаць тѣй помѣрь, и ставъ занимацца рыболовемъ адзінъ Иванъ. И послѣ бацьки рыболовѣ ще луччє повадзилось яму, якъ при бацьку. Ну одно время, похавъ енъ на рыбу, ловивъ цѣлы дзень, и толькі подъ вечаръ уловивъ одну рыбину, да такую, што ня видзѣвъ у своѣй жисци. И самъ сабѣ говориць: «ну, хоць не удача рыболовѣ, не обнаковенно счасливо, да надзѣюсь, што мой бацька у жисць ня видзѣвъ такой рыбы, якъ я зловивъ сягодня!» Рыба отказуецъ яму: «роптаешъ, што мало рыбы? Ну, я хачу, кабъ ты совсѣмъ ня ловивъ больше рыбы. Возьми зъ мойго рота кольцо, узложи яго на палець и скинь,—табѣ триста дукатовъ высыпнѣца!» Разинула яна ротъ, ажъ тамъ на рыбиномъ языку кольцо. Узавъ ёнъ кольцо, надзѣвъ на палець да здзѣвъ—триста дукатовъ посыпалось. «Ну, ци будзешъ ловиць больше рыбы?»—Сохронъ Божа, ніколі ня буду!—«Ну, пускай мяне ў мора!» Ёнъ аё узавъ и кинувъ у мора, а самъ зъ радасцей поплывъ скорѣй икъ берагу. Плывѣць, да накладаецъ кольцо да знімаецъ, накладаецъ да знімаецъ, и такъ накладаючи да знімаючи, да по триста дукатовъ считаючи, покудова къ берагу доплывъ, повную лотку дукатовъ нагрузивъ. Ну не доплывши сажневъ тритцаць до берагу, лодзь яго стала тонуць. Стала тонуць и утонула. Чувъ Иванъ рыбаць не утонувъ, толькі застався ў жисци самъ и кольцо на пальцу. А лодзь зъ дукатами утонула. Приходзиць ёнъ домоў мокрый и безъ рыбы. Матка и братьця малолѣтніє якъ убачили яго мокраго, безъ рыбы, дужо перапугались и заплакали. «Што гето такое ёсь, што ты ніколі безъ рыбы не приходзивъ, а сягодня не принёсь нічога, и увесь мокрый?»—Ну, нічога, маменька: хувъ чувъ не ўтонувъ, ну объ гетымъ не безпокоюсь. И ты, маменька, не безпокойся: хувъ рыбы и нѣту, ну й больше ловиць не буду. Надзѣюсь, што не буду хоцьцѣ смотрѣць на рыбу, не то—жсци. Матка яго заплакала ще боли: «сынъ мой милый! сь чаго жъ мы будземъ жиць, коли ты ня будзешъ рыбы ловиць?»—Ну, маменька, подай маѣ поѣсць што-небудзь, я тоды покажу, што я мѣю безсчотный капиталъ на своѣй рупѣ. И подайце мнѣ посуду такую, кабъ улѣзло у

яё тритцацъ гърцовъ. Матка дала яму ѣспи, и поднесла посуду. Ёнъ подъѣвъ, сѣвъ на эдликъ и ставъ кольцо на палець ускладаць и знимаць и по триста дукатовъ считаць. И повный ящикъ насыпавъ. «Ну, цяперича, маменька, на вашъ вѣкъ будзець гетыхъ дзенихъ дастаточно. А я самъ отираваюся на свѣтъ, свѣту повидаць!» И пошовъ енъ у свѣтъ. Вѣдомо, якъ енъ рыбаць, ня бывъ нигдзѣ, дакъ енъ поцикавився свѣту повидаць. Пошовъ енъ у свѣтъ, ишовъ, ишовъ—увыйшовъ у прочеее государство. У гетымъ государстви было вяликое страженіе, и послѣ страженія треба было гѣтому цару заплациць вяликую силу дзенихъ прочеьму цару. И не знавъ ёнъ, што дзѣлаць, скудова выбраць такую силу дзенихъ. Объявивъ енъ по ўсімъ государствамъ: «хто бѣ найшовся такій, кабѣ гетыя гроши уплациць, то бѣ стався моимъ зяцемъ!» Ну никто не находзился. Почувши Иванъ рыбаць гето, уздумавъ сабѣ, што енъ можець выплациць и статца зяцемъ цара, а послѣ смерци яго статца й царомъ. Приходзиць енъ къ цару и говориць: «вяликій государь! я выплачу гетую подаць!» Государу гето смѣшно стало, што такій непочестный чловѣкъ бярдѣца выплациць такъ много грошій, што цѣлое царство не могло выплациць. Ну потомъ енъ раздумався: а можа, енъ и мѣець такій капиталъ! «Ну, хорошо!» говориць царъ, хуць зъ насмишкой, ну говориць: «почестный чловѣкъ! Якъ жа ты выпладишь такую подаць?»—А вотъ такимъ манеромъ: прикажице, вяликій государь, построиць такій домъ безъ воконъ и безъ дварей, кабѣ у ёмъ помясцилось столько грошій! Сичасъ государъ вялѣвъ построиць. И построили домъ тритцацъ сажневъ длинины и дзесяць ширины, безъ вокошакъ и безъ дварей, тольки покинули у самымъ варху вокошачко, можа, у варшинѣ. Иванъ рыбаць туды ўлѣзъ и яму тольки ѣспъ туды спускалося по вярочки. Перасѣдзивши енъ тамъ одзінъ мѣсяць, уже царъ убачивъ яго на вярху. Ёнъ удздивився, якъ енъ отгудова вышовъ. Иванъ рыбаць попросивъ лѣсвицу злѣсци съ крыши, и говориць: вотъ, вяликій государь, мѣеце геты гроши подѣ вашимъ распорядженіемъ! Царъ, увидзѣвши столько гроши, узрадовався, обнявъ и поцалувавъ Ивана рыбака и назвавъ яго своимъ зяцемъ. Сичасъ одославъ яго съ своей дочкой для выполнения законнаго брака у церкву, а самъ скоро занявся записаць яму усѣ государство и утвърдивъ яго наслѣдникомъ.

Проживъ нѣскольки лѣтъ съ своей жаной Иванъ рыбаць, жана яго начала допрашавать, откуда енъ узавъ столько грошій. Ёнъ, любя свою жану, открывъ ёй усю правду, и показавъ ёй гето кольцо. Яна жъ, узавши кольцо, пошла къ своему отцу и говориць: «надо ўбиць гетаго мужука! Ёнъ намъ больше ня треба!» Иванъ рыбаць, учувши геты слова, и побѣгъ упекаць. Бѣгъ енъ, бѣгъ, и послѣ спуга такого, не угадавъ, якъ забѣгъ у глыбѣ лѣсу. Чуецъ енъ, нѣшто—цуну-луну! цуну-луну! бытто бѣютца. Ёнъ ставъ радъ, што добѣтца до людзей. Приходзиць на гето мѣсто, ажъ трохъ чартовъ бѣютца и дзярутца. Тоды ёнъ спрашуецъ: чаго вы бѣецеся и дзерецеся? А яны кажущъ: «што табѣ за дзѣло?»—Нѣ,—разскажице мнѣ, за што вы бѣецеся, дакъ я васъ помиру!—«Ну, вотъ цяперъ мы табѣ скажемъ! Нашаго бацьку убивъ Домбиль, такъ сказаць, пярунъ. Вотъ, осталось послѣ яго бочка золота, боты самискоки, дыванъ самоносный, и шапка нявидка. Боты дзѣлаюць однимъ сгнѣмъ сто вѣрстѣ, дыванъ занясець куды хочешъ, а шапку нявидку якъ надѣець на голову, никто цябе ня

увидиць. Дакъ вотъ мы гетыхъ вѣщей не подзѣлимъ!» Такъ Иванъ рыбакъ говориць: «ну, ты, кулявый чортъ, бѣжи по сухое древо, а ты, простой рогатый, бѣжи по камень зъ двумя рогами, а ты, криволупый, бѣжи по козячьй рогъ. Якъ принесець въ мнѣ гето, я васъ подзѣлю!» Знаецъ, што гетыхъ вѣщей нидзѣ нема близко. Вотъ, скоро, якъ черци разбѣглись, который сабѣ, пошибче, енѣ зложивъ золото на дыванъ, узѣвши, боты надзѣвши на ноги и шапку нявидку на головѣ, сѣвъ на дыванъ и говориць: дыванъ, нѣси мяне къ моей жонцы ў дворець! Дыванъ поднявся и поляцѣвъ. Прилетаецъ у дворець. Ставъ енѣ на крыльцы, ажъ чуецъ—музыка играецъ. И гето було, што Ивана рыбака жонка ишла замужъ за вяликаго князя. Иванъ, учувши гето, што яго жонка идзѣць за другого замужъ, енѣ тоды гето золото, што було на дыванѣ, раздавъ людзѣмъ, а самъ узѣвши дыванъ подъ паху,—шапка нявидка у яго на головѣ, а боты самискоки на ногахъ—уходзиць у дворець, и яго никто ня видиць. Ажъ смотриць—сядзиць яго жонка за столомъ. Подходзиць енѣ къ ей, бярець у яе талерку, и кидаетъ на землю. Яна сичасъ возразумѣлась, што тѣ яе мужъ, пришовши зъ мертвыхъ, гето дзѣлаецъ, и говориць: Иванъ, мужъ мой, зъ мертвыхъ устави! Енѣ говориць: брешешъ, я живой, а ты при живомъ за другого замужъ идзешъ! Подходзиць енѣ къ своему тѣсту, и бѣецъ яго у морду: «Якое ты на мяне выдававъ рашенне? Безъ ниякія вини и мое добро забравъ, и мяне хоцѣвъ попераць!» Царъ у то время крикнувъ громкимъ голосомъ: ловице, ловице гетаго разбойника! Хвацились ловиць, нема вѣдомо кого, бо нікого ня було видно. Тоды Иванъ хвацивъ ломиць креслы и столы и до того ўремя ломивъ, покудова царъ присягнувъ, што аму ниякой обиды ня будзѣць. Стали яны тоды изновъ умѣспи жиць. Жонка яго и начала подпытаваць: што йто цябе ня було видно, якъ ты къ намъ пришовъ? Енѣ кажець: «я мѣю такую шапку, што яе якъ надзѣць, дакъ нявидно чаловѣка. Вотъ у мяне гета шапка ёсь, и дыванъ ёсь самоносный и боты самискоки.» Посли того, узнавши объ яго вещи, стала жиць зъ имъ согласно, и подходзиць яго боли. Уздумала сабѣ: якъ ба яго страпиць, а вещи кабъ мнѣ застались? И стала подмуцаць яго, кабъ ѣхаць на дымантовыя долины и набраць дыманту. Енѣ согласився. Набравъ харчи на повгода, сѣвъ на дыванъ и поѣхавъ зъ ей на дымантовыя долины. Приѣхали туды, набрали дыманту и стали отправлятьца домовъ. Отѣхавши нѣскольки верстъ, товхонула яна ногой, и самый наибольший камень звалила зъ дывана. «Ахъ, милый мой мужъ! Злѣзь подыми гетый камень дымантовый!» Енѣ приказавъ дывану стаць ли каменя. Дыванъ ставъ, енѣ злѣзь узѣць гетый камень, а яна сичасъ и сказала: дыванъ мой, нѣси мяне ў палаць мой! Дыванъ поднявся и поляцѣвъ, а Иванъ рыбакъ и застався у тѣй дзиковой пустыни. Прозабывъ енѣ, што мѣвъ на ногахъ своихъ боты самискоки. Штобъ енѣ скоро ўздумаць, то бѣ енѣ ускочивъ на дыванъ, а то енѣ тоды ўздумаць, коли яна проляцѣла уже боли, якъ пятьсотъ верстъ. Енѣ тоды вялѣвъ ботамъ скакаць, здзѣлавъ пяць сигнѣвъ, ну упавъ у такую пуцу драму, што тольки видно земля да небо, и скакаць больше нѣякъ—древы мѣшаюць. Ставъ енѣ ходзиць по лѣсу; ходзивъ, ходзивъ, захоцѣлось аму ѣсци, да не было чаго. Ставъ енѣ шукаць, што бѣ тутъ такого зѣсци, глядзиць—стонць яблынь, золотыя яблоки. Ставъ енѣ ихъ ѣсци; якъ зѣвѣвъ одно яблоко, такъ и здзѣлався козломъ. Хо-

дзниц по ласу, бляець, якъ козэль. Хоцьв ба енъ уже лучче померци, чимси быць козломъ, ну немашь ниякаго средства: ня могъ найци сабѣ ни смерци, ни жисци чаловѣчечкой. Ходзивъ енъ такъ, ходзивъ, ажъ смотриць—висяць яблоки, и совсими дренныя, поморщенныя. «Дай, думаець сабѣ, зѣймъ гетыхъ яблоковъ, можа я помру отъ ихъ!» Якъ зѣвъ енъ одно яблоко, сичасъ и ставъ чаловѣкомъ. Радъ ставъ, якъ бытто на свѣтъ народзився! Сѣвъ енъ тоды ли яблонки и ставъ плѣсци корзинку. Тоды, сплѣвши корзинку, набравъ яблокъ, золотыхъ и поморщенныхъ, и пошовъ дальше. Выбивсь на поле и ставъ скакаць у своихъ ботахъ самискокахъ. Прискочивъ къ дворцу, къ своей жонцы, ажъ яна съ своимъ отцомъ сидиць на балхонѣ и разговаріецъ объ Иванѣ рыбака. «Вотъ, говориць: богатъ чаловѣкъ, ну тольки што ня ўмѣецъ съ своимъ добромъ распоразитца!»—А енъ не дуракъ, говориць царъ. «Дзѣйствицельно дуракъ, што дався мнѣ такъ обманываць сябе.» А енъ чуетъ гето усё. Подходзиць икъ имъ и говориць: «вѣликий государь! ци не пожелаецъ купиць яблокъ золотыхъ, бо надзѣюсь, што у вашамъ саду нѣту такихъ!» Царъ не хоцьв, ну жана рыбака говориць: панаша, купимъ! Достаточно дзенихъ ёсь. Дадзимъ заработаць бѣдному чаловѣку. И откупили усю корзиночку золотыхъ яблокъ и стали ѣсць. Якъ зѣбли по яблочку, такъ удругъ и обьяврулися ў козловъ: енъ козэль, а йна коза. Ну, начальство увидзѣбли, што ў дворцѣ цара найшлись козэль и коза, и министра приказавъ ихъ выгнаць въ обору до скоту. И были яны уси въ безпокои, што не стало цара ў покой. И раздумались яны, што гето вѣрно причина, што царъ—козэль, а йна—коза. И приказали слугамъ, кабъ возварнуць назадъ гетыхъ козъ. Стали лячиць ихъ, пользоваць, ну ниякой помочи не було. Тоды Иванъ рыбака говориць: эй, лѣкарь! не знаецъ, якъ вылѣчиць козу и козла. Прикажице-тка вытопиць лязню и завѣсци козу и козла, ды наготовце молодого дубничку, тоды я буду лячиць гетыхъ козъ. Сичасъ усё и сповнено: и лязня стоплена, вода нагрѣта, и дубинки напараны. И вялѣвъ енъ поставиць сторожу, кабъ ниhto не подходзивъ подъ лязню. Пошовъ самъ у лязню, а тамъ уже приведзены козы. Отъ, енъ и ставъ ихъ лячиць дубинами: бѣецъ, колодиць, шерсць ирвѣецъ, за бороды дзярѣецъ... Козы кричаць: мэ-мэ-мэ! А енъ кажець: нѣ, ня мэ, а й мнѣ було злѣ. Отойдзѣгца на три шаги, да й опяць хвадиць за роги. Козэль круциць головой, а онъ жарыць дубиной. «Вотъ такъ вамъ сподманываць рыбака!» И лупиць дубиной бока. Сичасъ вялѣвъ лакею принесиць кольцо, дыванъ, шапку нявидку. Якъ тольки лакей принѣсь геты вещи, енъ узавъ, надзѣвъ усё гето на сябе и кажець: «вотъ жа, знайце, цесць и жана, мужа и зяця рыбака!» Такъ жа сѣвъ на дыванъ, и подавъ имъ два яблочки поморщенныхъ. Яны якъ зѣбли, дакъ и стали людзьми, а енъ здаецъ приказъ дывану, кабъ занесъ яго за минуту домовъ, къ матки и къ братьцямъ. Дыванъ и понесъ яго. А царъ выварнувся съ козла ў чаловѣка и кричиць сторожи: страляйце найскорѣй у гетый бокъ, куды енъ поляцѣвъ! Яны стали страляць, и той стрѣлъ и цяперича слышно, бытто якъ громъ гремиць... А енъ прляцѣвши, ставъ радъ, што увидзѣвъ своихъ родныхъ, и ставъ зъ ими жиць съ тыхъ поръ.

Д. Ладиково, пустынк. вол. стынненск. у. Запис. мѣщ. Ивашкевичъ со словъ мѣщ. Миханла Ляховича, католика—литвина, 26 лѣтъ, переселившася въ могилевскую губ.

изъ виленской въ 1874 году. Русской грамоты Ляховичъ не знаетъ. Помѣщаемъ въ виду заявленія рецензента „Вѣсти. Европы“ (1886 г. апр. стр. 883—887.) хотя должны заявить, что собираніе *такихъ* памятниковъ не входило въ нашу программу.

26. Иванъ дуракъ двѣнадцать кобылицъ пасцивъ.

Ну, починаетца казка. Такъ тошно, якъ и ў нашамъ мястэчку у Пропольску, ли ў сялѣ, ли ў дзярэвни, жило такъ сабѣ три браты мужуки: два разумныхъ, а третій дурень. И стались яны сиротами горкими: оцѣ ихъ помѣръ и маць. И жили яны при большой бѣднотѣ. Стали яны подростатъ, и ѣсць нечаго ряшицелно—хуць зъ голоду умирай. Стали яны придумаваць: «якъ бы тутъ намъ прожизь, братцы? идзѣ бѣ намъ найдиць кусокъ хлѣба?» Другъ, большій братъ пошовъ. И пошовъ у лѣсъ у дрямучій. И напавъ ёнъ тамъ домъ у томъ у лясѣ. У томъ дому живе старуха. И наймаецъ яна яго пасцѣвиць двѣнадцать кобылицъ одны судки; даецъ яму на выбѣръ самую перву кобылицу и дзѣвѣся рублей дэнагъ. Отъ, етый мужикъ обдумавъ: «слава табѣ, Господзи! ето мнѣ Богъ долю давъ: за судки получиць едакую благодаць отъ Бога!» Къ етому жъ кажа ета старуха: «смотри, чаловѣкъ! Ежали ты спасёшь двѣнадцать кобылицъ, получаешъ плату, которая табѣ сказана. А ежали ты не спасёшь етыхъ кобылицъ, то голова табѣ доловъ и на частоколину устѣркну!» Цяперъ яна усходзиць къ етымъ кобылицамъ у пуню, и давай зялѣзнымъ прутомъ ихъ наказываць кожнѣю: «смотриця, говора: поховайцеся по мохамъ, по болотамъ, по большимъ рѣкамъ!» Тоды ёнъ гониць етыхъ кобыль пасцѣвиць, яна даецъ *пиро* (пирогъ) и стаканъ пива. Енъ ето пиво выпивъ и погнавъ кобылицъ етыхъ пасцѣвиць на лугъ. Пригнавъ етыхъ кобылицъ пасцѣвиць, другъ, етый чаловѣкъ сѣвъ. Етыя кобылицы ходзѣю змирно и цихо, одна на другую голову кладуць. Енъ и говориць: хвалиць Бога; што мнѣ ихъ упасцѣвиць? Енъ якъ сѣвъ на купини, дакъ и заснувъ. Прошнувся етый чаловѣкъ—нема на 'дныѣ кобылицы! Ходзивъ, ходзивъ, шукавъ, шукавъ, плакавъ—нѣтъ на дныѣ. Енъ и думая: а можа яна помилая! Дс ўзявъ и пошовъ къ старуси къ етой. Яна узяла яму да голову отсѣкла, да на частоколину и устѣркнула.

Цяперъ етые браты ждали, ждали—нема большаго брата. Узявъ, пошовъ другій, сярраднй братъ. Приходзя у етый самый лѣсъ, икъ етому дому къ самому. Другъ, выходзя опяць ета старуха наймаецъ. Дае яму самую перву кобылицу и чатыреста рублей гроши: уже, бачъ, одна голова засталася, дакъ дай и ящѣ. И говориць яму тожа: спасёшь моихъ лошадей, получишь што сказано; не спасёшь—отсяку голову и устѣркну на частоколину! Енъ опяць обдумавъ: ето мнѣ Богъ долю давъ: за 'дны судки чатыреста рублей, и кобылица сама перва. Якъ енъ гнавъ етыхъ кобылицъ, опяць *пирѣ* даецъ яму и стаканъ пива. Енъ узявъ да й выпивъ стакаць етый пива. Опяць, кобылицъ погнавъ на лугъ пасцивиць. Видзиць ёнъ, што кобылицы ходзѣю змирно, одна на 'дну голову кладуць, енъ обдумавъ: зачымъ мнѣ на ўпасцивиць? И сѣвъ на купину и ўснувъ. Пррошнувся—нѣтъ на 'дныѣ кобылицы! Што жъ енъ: походзивъ, походзивъ, поплакавъ, поплакавъ—не нашовъ ни водныя. «Ну, пойду къ старуси: хуць

платы ня получу, хуць дасць подѣсьць, пойду ще куды!» Цяперь, ёнъ якъ пришовъ, яна голову отсѣкла и усторкнула на частоколину.

Етый дурачокъ ждавъ, ждавъ—нема ни 'днаго: уже енъ и ня ѣвши помираецъ. Узывъ да й енъ пошовъ. Идзёць по ласу—гориць боръ; кричиць на пни гадына: эхъ ты, Иванъ дурень, порятуй мяне, я табѣ при злой годзини знадоблюся! Енъ приходзя къ ей и кажа: я цябе боюся! А яна яму 'тказую: возьми шостъ и положи на пень. Я обвярчуся на шостъ, и ты мяне вынесешъ. Енъ узывъ шостъ, положивъ на пень. Яна обвярѣлася коло шоста, енъ яе ўзывъ и вынесъ и пусцивъ на волю. Тогда енъ узывъ и пошовъ дали. Приходзя къ ряцѣ—ляжиць ракъ на берягу, и гукаецъ: Иванъ дурень, порятуй мяне: я табѣ при злой годзини знадоблюся! А енъ кажа: якъ мнѣ цябе рятуваць?—Укниъ мяне у ряку! Укинувъ енъ рака у ряку, и пошовъ енъ омяць пучемъ. Другъ, напавъ енъ на собакъ табунъ: ррѣжуць большія собаки маленькаго щаночка. Етый щаночакъ говоря: эй, Иванъ дуракъ, порятуй мяне: я табѣ при злой годзини знадоблюся! Енъ узывъ хлудзину, разбивъ етыхъ собакъ и 'тобравъ етаго щанка отъ ихъ. Большія побѣгли сабѣ, а малый сабѣ. А енъ пошовъ своей дорогой опяць.

Ишовъ, ишовъ, и приходзиць къ етому самому къ дому. Ета старуха заглѣдила и давай наймаць етаго Ивана дурачка пасцивиць кобылицъ тыхъ. Опяць дае кобылицу самую первую и шессотъ дзенягъ, и наймаецъ на 'дны судки. И кажа яму: спасешъ моихъ кобылицъ—вотъ табѣ перва кобыла и шессотъ рублей дзенягъ; не спасешъ—голову отсяку и на частоколину усторкну! Етый Иванъ отвярнувся и начавъ плакаць сильно. Откуль етый щанокъ выбыгая къ яму и кажа: Иванъ дуракъ, ня плачь: я твоему горю помогу! Другъ, ета старуха уносиць яму пирѣ и стаканъ пива. Енъ узывъ да й выпивъ. И дала яму пугу, а сама опяць пошла зъ залѣзнымъ дубцомъ у пуню, школицъ опяць етыхъ своихъ дочокъ. И приказуя имъ: лядзиця, послѣдній разъ хувайцесь по мохамъ, по болотамъ и по большимъ рѣкамъ! Погнавъ енъ кобылицъ на лугъ, яны ходзюць змирирно, такъ што одна на 'дну голову кладуць. А енъ на купини сѣвъ и заснувъ. Пррошнувся енъ—нема ня 'дныѣ кобылицы. Енъ давай плакаць: што тутъ дзѣлаць—голова пропадзѣе? Откуль гадыня узялася и говоря: Иванъ дуракъ, дзяржи пугу у рукахъ крѣпко! Откуль ракъ кричиць зъ ряки: Иванъ дуракъ, хапайся на первую кобылицу! Ета гадыня якъ пошла пороць етыхъ кобылицъ съ болота, то яна не дала имъ побыць повчаса. Побѣгли яны у ряку—откуль етый ракъ узявся: не давъ имъ быць ни подъ берягомъ, ни напосярѣдку—сущипавъ ихъ усихъ до косьци. Выхопилися яны на берягъ, енъ сычасъ и стапивъ перрвую кобылицу. Такъ узывъ ихъ жарить пугой по сийни—рядомъ усихъ, пригнавъ ихъ усихъ, и запѣръ ихъ у пуню. Самъ приходзя у домъ. Другъ, прибѣгая къ яму щаночакъ етый опяць, и говоря цихо яму: лядзи, Иванъ дуракъ, не бярѣ самыя первыя кобылицы, а попроси у яе зъвергача, который законанъ подъ яслями у гной!

Дала старуха яму шессотъ рублей и дае самую первую кобылицу. А енъ кажа: ня треба мнѣ, старуха, самая первая кобылица,—мнѣ нейдзи зъ ей дзѣтца; а дай мнѣ того зъвергача, который подъ яслями у гной ляжиць! Яна и жалѣла, а потома—тыки отдала. Енъ узывъ, у мѣхъ уклавъ етаго зъвергача, да й понесъ на плячахъ. Вынасъ

за плотъ и вытрясъ зъ мѣха. Тѣй жерябокъ кажа: Иванъ дуракъ, пусци мяне, я пойду высу дванадцать кобылицъ! Етый жерябокъ узавъ и пошовъ, и поссавъ дванадцать кобылицъ етыхъ. Приходзя назадъ къ яму и кажа: Иванъ дуракъ, садзись на мяне! Енъ узавъ да й сѣвъ на яго. Енъ яго узавъ да й понесъ выше лѣсу, и носивъ многое уремя, и много свѣту повидавъ Иванъ дурень. Принося на его мѣсто на самое опяць. Говоря: Иванъ дурень, посypi тутъ, я пойду поссу етыхъ дванадцать кобылицъ! Пошовъ да й поссавъ тожа дванадцать кобылицъ. Прибѣгая къ етому Ивану дурачку опяць назадъ и говоря: садзись на мяне! Тѣй сѣвъ, енъ и понесъ яго по подбѣлоччу! И носивъ многое уремя—много свѣту повидавъ Иванъ царевичъ—и занесъ у чужое царство.

У етымъ царствѣ цмокъ у мори живе. И потреблявъ сабѣ на спокушеніе усякій дзень по чаловѣку. Многіе народы отѣбъвъ. Доходя до царскія дѣчи вочарядъ. Сказущъ цмокъ сямиголовный: ты, царъ, хуць самъ идзи, хуць дочь вядзи. А 'сталные народы у большой скуцы, и царъ изъ дѣчай. И бывши енъ такъ изъ ёй ровно, якъ умёршій, и говориць: «Господзи, наняси, Божа, такого чаловѣка, штобъ мою дочь успасивъ отъ смерци. Коли енъ молодой—будзя яму жана, а коли сяррѣдній—будзя ёй дзядзюшка, у коли старшій—будзя оцъ рѣдній. И будзя яму моя дочь и моё царство!» Приходзитца, бачъ, абы самъ, абы дочь идзи. Другъ, етый самый Иванъ дуракъ приходзя къ коню къ свойму, и буйны-буйны слѣзы покачилися у етаго Ивана дурня. Етый конь говоря: «Иванъ дуракъ, не ўлаяйся—мы етаго цмока побѣмъ!» Привяли царевну изъ дому къ синяму морю, поставили царевну на бѣломъ камяни, высцилали дорогу чорнымъ сукномъ отъ дому и до моря.

Етый цмокъ якъ полѣзъ изъ моря по царевну—съ семя головами, конь говоря: Иванъ дурень, садзись на мяне и дзяржись покрѣпче, и дзяржи у рукахъ копѣе крѣпко и попадай яму у сяррѣднюю голову! Етый лошады якъ бѣгъ икъ синяму морю, дакъ якъ усхавився копытами на первую голову, дакъ копытами первую голову и сѣкъ; а сяррѣднюю голову Иванъ дуракъ копьѣмъ пробивъ. Поплывъ етый цмокъ унизъ по морю. Остався Иванъ дуракъ съ царевной зъ естой. На вѣки вякомъ яго й царство.

М. Пропойскъ, быховск. у. Кр. дер. Поповки Петръ Емельяновъ, 56 лѣтъ, негр.

27. Василь—Удовинъ сынъ, богатаго Марочки зятъ.

Ето у котормъ-то царствѣ, у котормъ-то государствѣ, у такомъ, у котормъ мы живѣмъ, живъ бывъ прабогатый Марочка. Енъ никѣго ня кормивъ и ня поивъ, и на ночь ня пускавъ,—ни нищихъ, ни бѣдныхъ, ни ўбогихъ. И ўси прознясли жалобу къ Богу. И Господъ захоуцьвъ правило знаяць самъ съ прабогатаго Марочки, ци вѣрно ето правда? Тоды Господъ зайшовъ на ночь, и ставъ проситца ў кухни (предл. пад.). И яму отвясцили: што мы безъ прабогатаго Марочки ня могѣмъ пусциць! Спросили у прабогатаго Марочки, отвясцивъ прабогатый Марочка: што сычасъ позвадъ старика ко мнѣ ў комнаты! Да. Цяперъ прабогатый Марочка сказуя такъ: «старикъ, прошу милосци вашія покорно не прогнѣватца. Я табѣ дамъ усѣ продоволствіе, тольки ня гнѣвайся, што я появляю цябе отвесць у лазыню, ли спокою твоего ношлегу.»

А енѣ у яго такъ просився: «баринь, прошу я васѣ—подѣ койкой ночавадѣ (мнѣ).» —У мяне будучѣ госци, дзѣдочка, дакѣ табѣ неспокойно будзя!—«Баринь, прошу вашія милосци покорно дадѣ мнѣ свячу у лазню, помолитца Богу!» Прабогатый Марочка появляѣвъ свячу дадѣ, и завесцѣ яго у лазню; Марочка прабогатый пославаѣ слугу свою, у лазню старика завесцѣ. И послѣ пославаѣ вячѣряцѣ покоѣвой дзѣвущой, и што самѣ кушавѣ.

Якѣ пріясла вячѣру дзѣвка, и старикѣ молитца Богу у книжку. Тоды злетаюцѣ три янгялы и отчиняюцѣ дзѣри. И старикѣ спросивѣ у ихѣ: зачимѣ, янгялы, слуги моѣ вѣрные, ко мнѣ пріяцѣли? И яны яму отказали такѣ: о Господзи, многомилосливый! Нѣўкоторомѣ царствѣ, нѣўкоторомѣ государствѣ ородзила удова сына: якое яму дадѣ щасця и долю и имя? Богѣ сказавѣ такѣ: «дадѣ яму щасця и долю прабогатаго Марочки, а имя—Василька Удовинѣ сынѣ!» Тоды янгялы узнялися и поляцѣли. Стѣвъ Господзѣ вячѣряцѣ. Появѣчаяѣвъ Господзѣ и говорицѣ такѣ: дзѣвущка, слыхала ты ето, што я говоривѣ янгяламѣ? Ина говорицѣ: слыхала.—Ну и можашѣ ты отказацѣ прабогату Марочку, и ня довгое уремя провесцѣ! Тоды дзѣвка, сычасѣ якѣ пріяшла яна у комнаты, сычасѣ бариню сказала, прабогату Марочку: што, баринь, ня ёсцѣ ето старикѣ, а ёсцѣ самѣ ядѣный Господзѣ! Марочка такѣ спросивѣ у дзѣвки: почомѣ ты узнала? Дзѣвка отказуя такѣ яму: «што, баринь, вотѣ почомѣ: пріяцѣли три янгялы, и спрашавали у яго, што нѣўкоторомѣ царствѣ, нѣўкоторомѣ государствѣ, ородзила удова сына: якое яму дадѣ щасця й долю, и имя? Господзѣ такѣ сказавѣ: дадѣ щасця й долю прабогатаго Марочки, а имя—Василька Удовинѣ сынѣ!»

Ну, Марочка вялѣвъ запрягацѣ тройку конѣй, и набиравѣ сабѣ много грошѣй, и отправлявѣся шукацѣ удовы изѣ естымѣ сыномѣ. Ёнѣ нѣскульки уремя проѣздзивѣ, покуль допытавѣся. И нашовѣ ёнѣ удову, и захоцѣлѣ ёнѣ откупѣцѣ етаго сына—Василька. Удова яму нѣскульки уремя проявля—не хочѣла яму продацѣ, а послѣ погалилася на гроши и продала яму,—за много грошѣй продала. Ну, тоды енѣ узявѣ етаго Василька и повѣзѣ, и ўвѣзѣ у лѣсѣ, у большѣй лѣсѣ. Ето уремя бывѣ сильный морозѣ и большѣй снѣгѣ. Ёнѣ яго сычасѣ раздѣвѣвъ, якѣ мацѣ родзила, и оставивѣ тамѣ у снагу. Тоды и поѣхавѣ. А яго тамѣ бросивѣ.

Ня многое ўремя провождаючи ѣхавѣ жа другѣй помѣщакѣ, тольки назвѣстно якѣй. Узѣѣхавѣ на тое мѣсто, чуя—кричицѣ дзицѣнокѣ. Ёнѣ пославаѣ лакея: идзи, полядзи, якѣй ето дзицѣнокѣ кричицѣ! Ёнѣ пошовѣ, полядзѣвъ, дзицѣнокѣ етѣй гуляя красочками, разными цвѣтами. Отѣ, енѣ сказавѣ, етѣй лакей: баринь, ето якѣйся-то дзицѣнокѣ способный, што енѣ голѣй сядзицѣ и разными красочками, цвѣтами, гуляя! Тоды помѣщикѣ сказавѣ такѣ: идзи возьми яго, етаго дзяцѣнка! Лакей пошовѣ, узявѣ. Такѣ етѣй узявѣ кѣ сабѣ на ўлоньня и привѣзѣ домовѣ. Тоды расцивѣ, расцивѣ яго, годовѣ до дватцѣци узгодовавѣ яго.

Прѣѣжжаа Марочка у госци кѣ етому пану. Ёнѣ такѣй жа вѣрный, што лучѣе у свѣци нема ли етаго пана, што яго росцивѣ. Тольки ёнѣ не знаа, чимѣ яго зовуцѣ. И яны яго звали знайдѣёномѣ. Тоды панѣ ставѣ хвалѣтца, што енѣ моцно вѣрный лакей у яго. А прабогатый Марочка ставѣ спрашавѣ: идѣѣ найшли вы яго?—А ў томѣ и ў томѣ мѣсци! Тоды енѣ сказуя: отдайца вы мнѣ яго за зяцѣ! У мяне одна

дочаръ, дакъ нигдѣ не знайци зяця! Етый панъ сычасъ жа сыжалѣвъ яго. А прабогатый Марочка якъ ставъ яго просиць, ставъ просиць, тоды панъ обдумався и отдавъ у зяци. Марочка написавъ письмо украдѣне, штобъ вихто не знавъ и ня вѣдавъ, и отдавъ яму на дорогу. И штобъ енъ никому не показавъ, окромя яго хозяйки. Енъ и пошовъ.

А яго насерадзи дороги сустрѣвъ ядыный Господзь и спрашуя у яго такъ Василька Удовинъ сынъ: здравсти, дзѣдушка, бацюшка мой!—Здравсти, здравсти, Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць. Куды жъ цябе Богъ нясе? А енъ скажуя: нѣ, старикъ: яще ня бывъ Марочкинъ зяць, а буду!—Хорошо, говора: Богъ цябе басловиць. Съ чимъ жа ты идзешъ: ци съ письмомъ, ай зъ рѣчами? А енъ говора такъ: дзѣдушка, я иду съ письмомъ! Енъ у яго ставъ спрашаваць: покажи письмо!—Дзѣдушка, бацюшка мой! приказали моцно строго, штобъ я ни зашто не показавъ!.. Енъ у яго таки допросився: «ня бось! ни кому ты показуешь письмо, а самому ядыному Богу. Я ни хто, а самъ ядыный Господзь!» Тоды Василька показавъ яму письмо. Енъ узявъ письмо и поладзѣвъ у яго, и сказавъ такъ: «Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць! Цябе выправляно не ожаницъ, а стрябиць! И скоро приказано своей жанѣ—до Марочковаго прїѣзду!» Тоды Господзь разгарнувъ на своё колѣно и написавъ своей рукою своё письмо, и тоды свою руку подписавъ: «сычасъ жа Васильку Удовинаго сына до Марочковаго прїѣзду штобъ Марковаго хозяйка сычасъ одружила изъ дочарю съ своей и выселья згуляла!»

И нѣскульки уремя провѣвши, прїѣжжаа Марка домовъ. Василь здрастуетца зъ имъ. И крѣпко усерчавъ. На кого усерчавъ—на свою хозяйку: ли чаго не по мѣму здзѣлала? А яна яму сычасъ тоды письмо и скажуя: якъ жа мнѣ такъ здзѣлаць, коли ня вы присылали письмо, а самъ ядыный Богъ, и свою руку подписавъ. Поладзѣвъ Марочка у ето письмо—вѣрно, правда. Тоды енъ у Марочки нѣскульки уремя провевъ, да й нямное. Тоды говора Марочка такъ: Василька Удовинъ сынъ, а мой зяць! Скажи жъ ты маѣ усю правду, коли ты Бога видавъ, и дзѣ ты яго видавъ? А яму Василь отказуя такъ: «опецъ мой, я видавъ Бога на дорози, и енъ твой письмо у мяне узявъ и подравъ, а вынявъ свою бумагу изъ кармана и положивъ на колѣно и написавъ своё письмо!» (Што бъ ето имянно було здзѣлано, што Господзь устроивъ Васильку, Удовину сыну). Тоды Марочка яму скажуя: «вотъ, мой зяць: ето дужо пракрасно, ето—любимое письмо! Ну, коли жъ ты Бога знаешь, дакъ сходзи икъ Богу, спроси, чаго трое сутокъ цѣмяно було? А я табѣ дамъ гроши на дорогу и хлѣба.»

Тоды Василька узявъ хлѣба ковалочакъ и грошій, сколько енъ яму давъ, у торбочку, и тоды пошовъ дорогой. Приходзя къ морю и къ рицѣ перявозу. Прїѣжжаа къ яму перявозчикъ старѣнкій, сивянкій. Василька говора такъ: здравсти, старичокъ!—Здравсти, здравсти, Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць! Куды цябе Господзь нясе? А енъ старику отказавъ: што пойду икъ Богу, спрошу, чаго трое сутокъ цѣмяно було. Старичокъ Васильку просивъ: ахъ, Василька, каа: спроси й объ мяне; докуль мнѣ трудзитца и добрыхъ людзей возиць?—Добро, спрошу. Перявѣзъ енъ яго, пошовъ Василька дали. Приходзиць къ рѣчцы—ляжницъ шука большая теразъ рѣчку, уся помятаа, по ёй уси и ходзюць и ѣдуць. Шука яму поздра-

стовалась: здрасти, Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць, куды цѣбе Господзь нясе? Василька ёй отказавъ, щучы: што пойду имъ Богу, спрошу, чаго трое сутокъ цѣмъ было? Щучка просила Василька: спроси и объ мяне: докуль мнѣ тутъ лежать?—Добро, спрошу. Пошовъ Василька дальшъ. Уыходящъ на горѣ на большую—качающъ двѣ дѣвки яблоко, крапина золотая и сребряная—одна къ одной, и яны уже у колѣно зямли выбили. Енъ говора: «здрасти, дѣвушки!»—Здрасти, здрасти, Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць! Куды цѣбе Господзь нясе?—«Пойду къ Богу, спрошу, чаго три дни цѣмъ было?» Яны яго просили: Василька Удовинъ сынъ! просимъ мы цѣбе, што бѣ ты спросивъ объ насъ, докуль мы будемъ яблочко качаць? Енъ каа: добро, спрошу! Опяць Василька пошовъ. Приходя Василька у пущу—загоняа старикъ птушачку длиннымъ шастокъ у дуплѣ. И енъ уже у колѣно зямли выбивъ,—и не загнаць птушачки у дуплѣ. Енъ говориць: здрасти, дѣдушка! А дѣдъ говора: здрасти, здрасти, Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць! Куды цѣбе Богъ нясе? А Василька старикъ отказавъ: дѣдъзя, иду къ Богу, спрошиць, чаго три дни цѣмъ было? Дѣдъ просивъ Васильку: спроси и объ мяне, докуль я буду птушачку ету загоняць у дуплѣ? Василька сказавъ: што, хорошо, спрошу и объ цѣбе! И пошовъ дальшъ.

Выходя Василька на сценъ—на сцяну крутитца конь на былинѣ, на чаребылинѣ—золотая шарецынка и сребраная. Енъ ставъ прѣци коня, Василька, и удивляецца: што такое? Конь спрашуа у Василька: ахъ, Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць, куды цѣбе Господзь нясець? Василька коню отказавъ: пойду къ Богу, спрошу, чаго три дни цѣмъ было? Конь Васильку просивъ: спроси и объ мяне, докуль я буду тутъ крутитца? Василька сказавъ коню: добро, спрошу! Опяць Василька пошовъ дальшъ. Нѣскульки енъ прошовъ далнимъ, стонѣ хатѣ, у той хатѣ сядзѣць мацерь божая. Енъ увывовъ у хатку, эдѣвъ шапку, перахриецився и говора такъ: здрасти, старушка, матушка моя! А яна яму отказала: здрасти, здрасти, Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць! Ци самъ сюды зайшовъ, ци воронъ сюды занесъ? Енъ ёй отказавъ, Василька: старушка, матушка моя! Ня тѣ добрый молодзецъ, што воронъ косыци заноса, а тѣ добрый молодзецъ, што самъ заходзя! Тоды яна у яго спрашуа: зачимъ ты пришовъ?—Матушка моя, пришовъ спросиць у Бога, чаго три дни цѣмъ было?—Добро. А што ты выдавъ не дорези? што табѣ злучалоса? Вотъ, енъ ёй сказавъ: «што выдавъ коня на сцяну на большомъ, крутитца на былинѣ, на чаребылинѣ—золотая шарецынка и сребраная. И просивъ мяне, штобъ я спросивъ объ коня, докуль яму крутитца на этой былинѣ?» Яна спрашуа у яго опяць жа: а што дальшъ выдавъ?—«А дальшъ выдавъ старика у пущу—загоняа шастокъ птушачку, у колѣно зямли выбивъ кругомъ дуба,—и у дуплѣ не загнаць птушачки. И просивъ енъ мяне, штобъ я спросивъ у Бога: до якого урема мнѣ трудзѣцца и ету птушачку загоняць?»—Ну, а дальше што видѣвъ?—«А дальшъ видѣвъ дѣвокъ на крутой горѣ—качающъ одно яблоко, крапина золотая и крапина сребряная, и по колѣно зямли выбили. И просили мяне, штобъ я спросивъ у Бога, докуль имъ качаць яблочко? А дальшъ выдавъ на дорожѣ щучку: ляжиць яна тѣразъ рѣчку, уся поломаная, по ёй уси идуць и ѣдуць. И щучка просила мяне, штобъ я

спросивъ у Бога, до якого уремя лежать ёй?» Старуха спрашуеъ опять жа: што дальшъ выдавъ, значалу, што зъ дому вышовъ? Василька отказуя старуси: што выдавъ перавозыника на мори. И просивъ старикъ мяне, штобъ я у Бога спросивъ: докуль яму возиць добрыхъ людей терязъ море? Тоды старуха, мацерь божая, сказала Васильку: «што, Василька, можа ты ще ня ёвши? Сядзь покушай!» И поднясла яму покушаць чацьвёртую дольку проскурки. Енъ сёвъ, зёвъ тую чецвёрць должки, и ставъ сытъ. И сказуя ёй: благодарю табѣ, старушка, матушка моя, за твою вячерю! Тоды яна яму сказала: «Василька, лёзь подь печь! И не прогнѣвайся, бо моё сынъ и унуки якъ придудъ, дакъ яны цябе сожгуць. Сынъ—богъ, а унуки—луна и сонца. Дакъ яны цябе спалюць, што яны моцно жарки. Коли яны увесъ свѣтъ грѣюць, а то зблизку! А я про цябе спрошу у бога!» Тоды Василька и полёзь подь печь.

И зайшло сонца, и пришли яны домовъ уси три ў хатку. Якъ отчинили яны хатку, и говориць богъ: фэ, русь-косъ пахня! А старуха яму отказала: сынку мой, чаду возлюбленный! Ты по свѣту ходивъ и русу-косу набрався, дакъ табѣ и тутъ пахня. А богъ такъ сказавъ: «матушка моя, у насъ ёсць госць да й далекій, Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць. Зачимъ енъ сюды пришовъ, треба у яго распросиць?» А яна яму отказала такъ: «сынку мой, чаду возлюбленный! Енъ зъ дороги утомився, а я ў яго распросила до твоего приходу: чаго три дни цымяно було?»—Енъ не самъ жа пришовъ спрашаваць, а яго прабогатый Марочка приславъ. Ну за што жъ енъ яго приславъ? За то, што енъ на яго усердзился терязъ моё письмо. Енъ хоцьёвъ яго страциць, за што остаётца яму прабогатаго Марочки шасця и доля, Васильку Удовину сыну. Дакъ вотъ за што три дни було цымяно—я яму раскажу—што сонца купалося три дни, дакъ за то було на свѣди цымяно!.. Старуха стала спрашаваць: «сынку мой, чаду возлюбленный! докуль ето у спячу у валикомъ на былини, на чарнобылини, коню крутитца—золотая шарсцина и сярэбраная?»—Маць моя возлюбленная! ето ня конь, а Васильково шасця; ето яго дзеньги. Якъ пойдзя Василька домовъ, дакъ я яму дамъ свой платокъ на придмѣтъ (примѣту), што енъ имянно жъ у мяне бывъ и своими глазами мяне выдавъ, и я яму давъ дорогій госцинякъ, любя яго. Якъ енъ расцеля етый платокъ подь коня, то енъ разсыплетца золотомъ и сярэбромъ на платокъ. И Василька ўробѣя, што яму цяжоло несць будзя, а яму будзя лехче пара!.. Тоды матка спрашуя: сынку мой, чаду возлюбленный! Докуль етому чаловѣку—старичку у лёси, у пуши, загоняць большимъ шастомъ птушачку у дуплѣ у дуба, и ў колѣно зямлю выбивъ, и не загнаць? Богъ отказавъ: «матушка моя, ето не чаловѣкъ, а чаровникъ: енъ могъ съ чаловѣка душѣ выняць безъ поры, ну усадзиць—николі ня ўсёдзя. Дакъ енъ праграшивъ богу, покуль пераставленіе, оконченіе свѣту!»—Ну, добро! Докуль, сынку мой, чаду возлюбленный, дзѣвкамъ яблочко—золотая крапина и сярэбраная—качаць, у колѣно зямлю выбили—одна икъ одной?»—«Матушка моя! Яны праграшили богу: яны удвѣхъ одного мѡлойца любили, и загубили—штобъ ни той, ни той не остався. Дакъ яны не яблочко качаюць, а головку яго. Дакъ яны будуць качаць до сконьченья свѣту!»—А докуль щуццы терязъ рѣчку лежать? Яна уся поломана и помята, бо по ёй идуць и ёдудъ?»—«Матушка моя возлюбленная, щучка праграшила богу: якъ ишла воськѣ терязъ рѣчку—двѣ роты пяхоты и три роты

коньницы, дакъ яна ихъ проглынула. Дакъ якъ будзя Василька ипи домовъ и те рязъ яё парейдзя, а йна будзя спрашаваць у Васильки: што богъ казавъ, скажи пожалуста, про мяне?—Василька нехай скажа ей выхаркнуць усихъ. Тоды яна выхаркни и пойдзя у ряку гуляць, а воська ёта пойдзя у восползу у Василяву, ёнъ будзя распораджатца етой воськой!» Тоды matka спрашуня яще: сынку мой, чаду возлюбленный! Докуль дзёду перавозынику возиць на мори людзей? А енъ отказуа: покуль Василька придзя домовъ и съ своей воськой, которыхъ шука выхаркнець; тоды Марочка прабогатый позавидуа на Васильку на своего зяця, и пойдзець жа самъ у бога спрашаваць, чаго три дни цмяно було. Яму будзець думатца, што и яму ето будзя, а енъ якъ придзя икъ морю, тоды гукне старика, старикъ якъ усосодзя прабогатаго Марочку на паромъ и отпихне отъ берягу, дакъ енъ будзя вёковаць, перевозиць людзей, а старикъ пойдзя по міру кормитца!.. Тоды гукнувъ Васильку: Василька, Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць! Выйдзи пожуласта сюды! Ци ты слыхавъ, ци табѣ разказаць, зачимъ ты пришовъ?—А енъ сѣвъ на колѣнахъ перядъ Богомъ, исклавъ руки и говориць такъ: о Господзи многомилосливый, я ўсё слыхавъ, што вы говорили, и понявъ! Тоды Господзь вынимаа хустку большую—золотая крапина и сребряная—и сказавъ яму такъ: нѣ табѣ платокъ, мою приди́тъ, што ты имянно у мяне бывъ. И тоды якъ дбйdzешъ до коня, подсцали подъ коня. Дакъ ето ня конь, а доля твоя, и енъ разсыплетца на етый платокъ. И бяри на плечи и няси съ собой. И табѣ здастца, што моцно цяжоло, а яна будзець ляхтѣй пѣра. А тоды скажашъ дзёду, што кизано. Ты чувъ, што казано? Енъ яму отвѣсцивъ, што чувъ.—«И про ўсихъ чувъ?»—Про ўсихъ чувъ.—«Ну и ўсимъ разкажи, што кому будзя, до якого уремя якъ кому работаць. Ну за етымъ отправайся домовъ, и Богъ цябе басловиць у пуди и ў дорози!»

Тоды Василька пошовъ домовъ. Доходзя до коня, расцилаа свою хусту—разсыпався конь: золото и сѣябро, на хусту. Василька узрадовався, дужо яго душа узвесилилася, радъ ставъ, сѣвъ на колѣнахъ, исклавъ руки и помолився Богу: слава табѣ, Господзи, и благодарю Богу ядыному, што мяне Господзь сыжалѣвъ! Узавъ хусту на плечи—и хуста ляхтѣй пѣра. Идзёць Василька домовъ. Приходзя у лѣсъ у пушу, приходзя къ дзёду: здравти, дзёдушка!—А здоровъ, здоровъ, Василька! Што про мяне Богъ сказавъ? А Василька отказавъ яму такъ: ты могъ съ чаловѣка душу выняць, да ня можашъ усадзиць. Дакъ ето ня дубъ, а чаловѣкъ; а ето ня птушка, а душа. Дакъ ты яё ни вѣкъ не загонишь до пераставленья свѣту! Тоды Василька пошовъ дальшъ. Приходзя къ дзѣвкамъ: здравти, дзѣвушки!—А здоровъ, здоровъ, Василька Удовинъ сынъ. Ци спросивъ ты объ насъ у Бога?—Спросивъ.—Докуль намъ качаць яблоко? А енъ имъ сказуа такъ: ето не яблоко, а молодойцова головка. Вы удвѣхъ любили, да й загубили, дакъ до пераставленья свѣту вамъ качаць! Пошовъ Василька дальшъ. Пришовъ икъ щучы. Щучка спрашуня: ахъ, Василька, што про мяне Богъ казавъ?—Погодзи, покуль я перайду, тоды табѣ скажу!.. Ты програшила Богу, проглынула воська—двѣ роты пяхоты и три коньницы. Дакъ за нѣскульки разовъ выхаркни ету воську ўсю, дакъ воська пойдзя со мной, а ты пойдзешъ у рѣку гуляць! Подождавъ енъ перайшовши, покуль яна харканула нѣскульки разовъ, и

и выхаркала усю ваську. Тоды сама пошла у рѣку гуляць, а васька—етые солдаты, поблагодарили Василю, што ёнъ ихъ нѣз того свѣту ўзворочивъ. И ўзяли Василька на руки и понесли домовъ. Дойшли до перавозьника, и кричиць Василька перавозу: подай, старикъ, пожалуста перавозъ якъ можно поскорѣй, и перевязи моё васька, тоды я скажу, што про цѣбе Богъ сказавъ. Тѣй старикъ перавѣзъ Васильково васька и Василю. Тоды Василь ставъ разсказаваць старику: «што ўзрадуецца прабогатый Марочка монѣ васькѣмъ и монѣ грошамъ, и позавидуецъ на моё васька и на моё гроши, што мнѣ Богъ давъ, и самъ пойдзя къ Богу спрашаваць, чаго три дни цѣмяно було. Коли я, не знаючи дороги и не знаючи Бога, домовъ до Бога и распросивъ, а прабогатый Марочка—у яго ўсяго много и ёнъ знаа дорогу, дакъ ёнъ самъ пойдзя, штообъ и яму Богъ ето давъ. Ну Богъ яму сказавъ тольми до моря дойци. Дайдзя ёнъ до моря и сядзя на перавозъ, и ты, старикъ, ня будзъ дуракомъ, ня 'ставайся, пихни якъ можно поскорѣй паремъ на море, и ёнъ оstaatца до праставленія своей жизни перавозьникомъ а ты пойдзешъ свою душъ по міру кориць, и тымъ отъ Бога будзешъ доволянъ!»

Тоды Василька прѣбхавъ доможъ нѣз васькомъ нѣз своимъ и поздрастувася нѣз своимъ отцомъ, прабогатымъ Марочкомъ: здраствн, говора, оцѣцъ мой! Якъ живы и здоровы поживаецѣ нѣз вашаю хозяйною, нѣз вашаю дочарью, а зъ мойей жаной? А прабогатый Марочка исказуя такъ: «здраствн, здраствн, мой зяць Василька! Живъ ты, здоровъ, у дорози бывши, якъ Богъ миловавъ цѣбе?»—Вацяшка, слава Богу! И благодарю Богу за яго дорогій гасцняцъ и за подарокъ!—«А ци спросивъ жа ты у Бога, чаго три дни цѣмяно було?» А етъ говора: спросивъ!—«Ну, зачнмъ жа, говора, було три дни цѣмяно?»—А за тымъ, што сонца купалося!

Тоды Марочка не повѣривъ Васильку, узавъ моцно много грошій съ собой, и повилѣвъ запрягаць тройку лошадей, довезъ яго до моря, и тоды поѣхавъ спрашаваць къ Богу, а Василю приказавъ такъ: «Василь, мой зяць! распораджайся монѣмъ ходзяйствомъ до тѣхъ поръ, покудова я прѣйду, якъ я самъ; штообъ було благополужно и ўсѣ хорошо!» Тоды сѣвъ и поѣхавъ. Прѣбхавъ прабогатый Марочка нкъ морю и гукая перавозу: перавозьникъ, подай пожалуста перавозъ, якъ можно поскорѣй! Перавозьникъ етому радъ. Ёнъ могъ старатца, якъ лучче. Перягнавъ паромъ, и даецъ Марочка старику дзенги за перавозъ унярѣдъ; а старикъ отказавъ прабогатуму Марочку: нѣ, баринъ, ня треба мнѣ ваши гроши, тольми садзицѣся поскорѣй! Тоды Марочка сѣвъ на паромъ, и старикъ отпихнувъ отъ берягу, а самъ съ парому доловъ: «и за етымъ, баринъ, прощайце! Вамъ вѣковаць возиць, а мнѣ по міру кормитца! Такъ Богъ сказавъ.» И оstaatца Василю Марково добро и шасця и доля по Господову повилѣнью. И яны осталися зинць.

И я тамъ бѣвъ, и медъ-вино нѣвъ, и ў році ня було, и по бородѣ не цякло. И дали мнѣ оттуляка смоляную кобылу и рѣнное сядло, и горохвинную уздѣчку и сыромятныи коньчукъ. Я сѣвъ на кобылу, и оттуль поѣхавъ. Прѣбжаю у лѣсь, горѣцъ цяло ли смоляка. Я нкъ цяну ближе, а кобылка моя ниже; я яцѣ ближе, а кобылка ще ниже; а за третымъ разомъ я приближился, и кобыла соўсиямъ зпнжизася. Я ўзявъ рѣнное сядло и горохвинную уздѣчку и сыромятныи коньчукъ, и пошовъ. Доходжу до поновыхъ воротъ, высочили поновы индыки и отобрали у мяне

гороховинную уздечку. Я дойшовъ до училища—у нашего учителя свиньи злыя; яны выскочили и отобрали у мене рѣвное сядло. На што мнѣ тоды коньчукъ—я коньчукъ бросивъ.

М. Гайминъ, бѣл. у. Отъ кр. Никиты Петрова, 56 лѣтъ, неграмотнаго.

Сказка весьма распространенная въ русскомъ эпосѣ. Срав. Афан. вып. I стр. 80, II—294. Чубинск. 133 и 341. Драгом. 329, запис. въ Галиціи. У насъ было множество списковъ изъ различныхъ уѣздовъ губерній. Изъ встрѣчъ Василька приведу еще двѣ: 1, „Стоиць человекъ ни живей, ни мёртвый, ни дѣйствующъ ни рукой ни ногой, стоиць и ѣвесь трасѣтца... И будецъ стоиць до скончання свѣту, за то, што на ночь никого не пущивъ и никого не подаривъ...“ 2, „Съ одной кучи человекъ каменья бярѣць и кидаетъ другую. И дѣѣ бярѣць, тамъ прибавлетца, а куды кладѣць, тамъ ничего нема... И будецъ кидаетъ до скончання свѣту, за то, што ёнъ красть у людей. И дѣѣ ёнъ бравъ, тамъ Богъ давалъ боли, а куды клалъ, тамъ Богъ ничего не давалъ...“

28. Дикій Бурма.

Бывъ собою хозяинъ богатый. Што ѣ яго была дочаръ вельми пригожая. И яна, замужъ ня вышовши, забременѣла. Народзила яна сабѣ сына, и сама собою яна, по нашаму, бѣитца уже бацьки. Народѣвши яна сына, никому яна не объявляла, и сичасъ етаго рябѣшачка уварнула у полу и пошла. И знала яна недалѣко отъ сябе пущу непроходимую, што по ёй мало хто ходивъ. Вотъ яна узяла етаго рябѣшачка и занясла туды и кинула у лѣсъ. Сняги были большіе. Цяперъ, яна прорѣзала яму живоецѣнка, штобъ выпустить яму кишки, кабъ ёнъ окончивъ сичасъ. Ну, по етымъ дѣѣли, пошла яна домовъ, отправилась. Оцець той патаетца у яе: «адѣѣ ты пробывала, уремя продовжала довго?»—А была у товаришки своѣ, гуляла такъ, сама собою. За мной дѣѣль нема ниякихъ, дакъ я гуляла! И давъ такъ Богъ, што кругомъ етаго рябѣшачка раставъ снѣгъ на дзесяцину, животъ яго ставъ сусимъ якъ надо быць, кишки етыя назадъ увыйшли, и живоецѣнка яго зросся, што яна прорѣзала. Такъ стало, што якъ зверхъ дзесяцины отъ яго, дакъ морозы пякуць такіе, што няможно духу къ сабѣ пригарнуць, а коло самаго красочки цвѣтуць, и ёнъ то за тую красочку халаецъ, то за тую, гѣкаецъ, забавлетца самъ съ собою. Дѣѣвчини жъ зда-лося, што яна яго занясла Богъ знамо куды сярѣдъ пущи, а того не знаяць, што ли дороги у пяць шаговъ бросила.

Етому урему нямного дѣѣятца, (н. н.) пробывъ рябѣнокъ шесць часовъ у ласу, и ѣдзецъ купецъ Иванъ Ивановичъ за товаромъ исъ своимъ исъ извожыкомъ. И чуецъ ёнъ—у ласу гу-гѣ, гу-гѣ, гу-гѣ, гу-гѣ! гѣкаецъ нѣшто, только нязвѣстно што. Вятѣвъ ёнъ своему звожыку придержъиць коній и йци узнаць етаго дѣѣла. Етый звожыкъ пошовъ къ етому рябѣнку, дакъ по такимъ святу! Ногу ѣсодзиць, ногу вынець, ногу ѣсодзиць, ногу вынець! А подходзиць къ рябѣнку—коло яго краски пвѣтудъ. Приходзиць назадъ икъ кунцу. Купецъ спрашуетъ: што, братъ, ты тамъ бачивъ такое? Ёнъ отказуетъ: «вотъ што, господиный купецъ,—Богъ знаецъ, што такое: сидиць рябѣшачекъ, и нема ли яго ни снѣгу ни ничѣго, только краски цвѣтуць, и ёнъ зъ ими гуляецъ.» Купецъ злѣвъ исъ своѣ съ поязды, и пошовъ самъ. Приходзиць къ рябѣнку, и духъ яго разгорѣвся, кабъ узяць етаго рябенка. Угарнувъ яго у полу, кабъ

яму было цѣло и принёсъ до своѣ поязды. Сѣвъ на поязду и вѣлиць своему звощыку завярнуць коній, и ня бѣаць за товаромъ, а завезць етаго рябѣшачка къ сабѣ домовъ. Привёзь къ сабѣ домовъ и сичасъ собравъ кумовъ. Принясли къ попу кедиць яго. Бярѣць попъ вангѣлію и подымаець книгу становиць етому рябѣшачку імѣння. Повтора часа глядзѣвъ у вангѣлію, кабъ поставиць яму імѣння якое,—не выпадаець яму імѣння ниякаго, якъ Дзикій Бурьма. Ну, окспили яго и ставъ енъ у купца годуватца. Купецъ нанявъ яму мамку, и енъ расцѣць не годами, а часами. Пошли етому купцу доходы такіе, што бывало уторгуець у три годы, дакъ цяперъ уторгуець у три нядзѣли тое самое. И трѣхъ годъ енъ яго отдавъ у школу, до сями годъ енъ выповъ ись школы, и якъ ёсь на свѣци якая грамота, такъ енъ усю понявъ.

Пробывъ енъ у купца двананцаць годъ, и пошли купцу, значитца, сильныя доходы. Тоды купцы сусѣдскіе промижды собки думуюць: «за што яму такіе доходы? За чужого рябѣшачка давъ Богъ щасця! Отписаць къ царю, пушай лучче служиць царю, чимся яму!» Узяли написали къ царю на бумази гербовой и отослали: «што вотъ, такъ и такъ, у такого то купца живецъ знайдзѣнъ, малецъ такій вумный, такій разумный, што енъ будзецъ годзитца вамъ у сынодъ. Прозваніе яго Дзикій Бурьма.» Царъ получивъ бумагу, прочитавъ и радъ ставъ: ну, мнѣ етакіе людзи и надо вумныя! Приписавъ у ету губерню, штобъ енъ у чатыре часы бывъ приставленъ. Ну, яго у чатыре часы приставили. Потребувавъ яго царъ къ сабѣ, спросивъ у яго акзаминтовъ изъ разныхъ языковъ. Енъ яму отдавъ акзаминты на двананцаці языкахъ доразу. Знявши зъ яго етые акзаминты, сычасъ яго перавяли ў сынодъ. И што ў сынодзи енъ скажець, ня можець ништо перьямниць—ни царъ, ни хто. Пробывъ енъ у сынодзи дзевяць годовъ. Ето зъ роду яму знаходзілось дватцаць адзинъ годъ. Думаець енъ такъ сабѣ, якъ ба уже и жанитца. Наконецъ етому, царъ не вѣлѣвъ яму браць ни ткудова, а хоциць отдаць свою дочаръ, кабъ енъ получьче стараяся ў сынодзи, кабъ яму вочи не драли, што енъ—либо якій старецъ—ли государя, што супроцивъ яго ня можно ни якіми судзѣбами. И отдавъ дочаръ за яго. И што енъ уславився у царя по вѣсѣмъ царьстви, што царъ за имъ постоянно спокоенъ—усѣ енъ распоряджаецца.

Цяперъ, на придзевятомъ царьстви, на придзесятой зямли номѣръ царъ. Осталося отъ яго костыль и панахвида и царьская коруна. Докладаюць етые санотчики, и найпача етые побольшіе начальники царю: коли у васъ Дзикій Бурьма вѣрѣянь, нехай енъ вамъ доставиць отъ такого то царя костыль и панахвиду и царьскую коруну. Дзикій Бурьма приходзиць на бѣдъ, царъ и патаецца ў яго: «ну, што, Дзикій Бурьма? Знаешъ?»—А што, оцѣць?—«Я хѣчу послаць цябе у дорогу!»—У якую?—«А вотъ, на придзевятомъ царьстви, на придзевятой зямли номѣръ царъ: дакъ засталося отъ яго костыль и панахвида и царьская коруна. Якъ ба ты доставивъ яе?» А енъ отвѣщаець: я доставиць-то ето могу, коли жъ той пойдзѣць со мною, хто ето вамъ нараивъ! Ну, по царьскому приказанью треба тымъ начальникамъ ициць. А сами то яны и не хѣлѣли бѣ. Бярѣць енъ съ собою дужо много солдатовъ, цѣлную, можа, берегату (бригаду), и начальниковъ етыхъ усихъ, што нараили царю, и канцельію съ собою, музыку, и поѣхали. Бѣхали яны нѣскольки урема, можа повгода,—терязъ дзесяць царствовъ перабратца не малое разстояніе! Подѣхали яны къ тому царству. Не

доѣзжаючи того царства вярсту, а можа и двѣ, стоиць хатка. Етый Дзікіі Бурма вядѣвъ коніі отпречь ли етыя хатки, а самъ заходзиць у хатку у егу. Тамъ живецъ старушка одна, и яна етой царицы удовѣ не йзъ родни, а значитца, знакомая етой царицы, и яна ей можець повѣриць абы-што, не змотала яна. Етый Дзікіі Бурма здѣлавъ гуль: стали пиць, гуляць, музыка граецъ... Гониць пастухъ съ поля,—дакъ уся скачуць: коровы сабѣ, вовцы сабѣ, козы мудрыѣй усихъ скачуць! И Дзікіі Бурма давай просиць ету старушку, кабъ яна просила царицу сюды выйци, кабъ якъ-якъ яе выманиць. Ета старушка написала царицы: «прошу васъ къ сабѣ у госци, не такъ у госци, якъ поглядзѣць дзива.» Ета царица сама ня ѣдзецъ и ня йдзецъ, а шлѣць своихъ самыхъ вѣрныхъ слугъ, и приказуецъ слугамъ: коли яны хорошо угосцяць васъ и привяцюць, дакъ и вы къ сабѣ зовиця ихъ. Слуги тыя прогуляли едакъ судки и зовуць ихъ исъ собою врямо туды, усю ету силу, усю капэлюю. А старуха отправилась уперядзи нкъ ей, ей растолковала, якіі челоувѣкъ, што, куды. Приѣхали яны, музыка заиграла, сама царица вышла, приняла ихъ до чесци. Дзікіі Бурма отвѣщаецъ: «вотъ што, рябяті! Пиця, гуляйця, сколько вамъ нравитца, ну только вума не пропивайця николи!» А Дзікаго Бурму приняла яна особенно до чесци. И промижъ собку удалися у разговоры: што, куды, якъ? А енъ етыхъ рячей ей вытавкуватца ня хочець, а заговаріецъ ей зубы другими рячами. Було у яго разные напѣтки, епъ кое-якъ зъ ей поладзивъ, загосцився и своихъ напѣтокъ, и подобрався къ ей. И здѣлалась яна хмелная. Были у яго коло боку сичасъ жа сонныя капли. Якъ то ёнъ давъ ей понюхаць—тамъ яна и заснула на томъ мѣсци. Ета старушка сичасъ за костыль, за панахвиду, за царскую коруну, да Дзікому Бурму у руки: «да и отправляйся-ка ты зъ естымъ адзѣ бывъ!» Етый Дзікіі Бурма на рябятъ и кажа: «которые поўпилися, тые нехай сабѣ остаютца, а которые нѣ, дакъ запрягайця коніі и поѣдземъ. Да поскорѣя!» Яны коніі тыхъ запрягли и поѣхали. А царица ета спала шесцаро судокъ послѣ етаго. Проѣхали яны чатыре царьствы, узѣхали на лугъ, на хорощій, такъ Дзікіі Бурма и кажець: «во што, рябяті: коніі мы попозѣбили, и цяперъ, слава Богу, повдороги ўѣхали; отпрягайця вы, коніі попасѣмъ и сами отдохнѣмъ!» Яны стали коніі отпрягаць, а енъ злѣзъ съ поязды, да на лугу перякинувся,—якъ перякинувся, такъ сичасъ и заснувъ. А яны коніі ня 'тпрягаючи маршъ по коняхъ—и поѣхали, и ўсё тое повязли. А енъ проспавъ трое судокъ. Тоды уставъ, Богу перякесцився—нема ничо́го при имъ! И ѣсць хочетца, и негдзи купиць, и грошій нема при имъ, и соўсимъ голый. Такъ сабѣ думаецъ: «э, што Богъ дасць, да дасць—пойду етой дорогой, куды-нибудзь да выйду!» Пройшовъ енъ судокъ троя, бачиць енъ—стоиць домъ, безъ конца огромный, високий, такіі, што... Боитца енъ у етый домъ заходзиць! И треба зайци, и боитца, и ѣсць хочетца. А тоды думаецъ: што Богъ дасць, дакъ дасць—пойду! Заходзиць енъ у етый домъ. Сядзиць баба 'два за столомъ. Енъ каецъ: «добрыі дзень!»—Добраго здоровика! Ну што, Дзікіі Бурма? отъ моѣ сястры укравъ костыль, панахвиду и царскую коруну? Отъ яе удець, думаешъ, што и отъ мяне уцячѣшь—нѣ!—«Ахъ, Божа, Божа налѣ милосѣрдный! У нашай то сторонѣ—ци бьюць, ци вѣшаюць, дакъ сытаго, а не голоднаго!»—И я табѣ за пицяннѣ, за ѣдзяннѣ не стою! Садзись, пи и ѣжъ, кольки твоей души угодно! Енъ сѣвъ за столъ,

можа тамъ разовъ пачъ-шесць укусивъ, самъ сабѣ подѣ носъ и говориць: «Божа, Божа нашъ милосѣрдный! Якъ я ў своихъ царьствѣ бывъ, и вѣрно служивъ, и ня выслуживъ ничога. А якъ ба тутъ, кажетца, свою голову бѣ положивъ, такъ ба вѣрно служивъ, стараясь!»—Коли ты, Дзикій Бурьма, по правдзи говоришь, и будзешъ жиць со мною вѣрно, то я цябе губиць ня буду! И присягнувъ ёнъ ёй такъ: «што будзъ служиць вѣрно, лучче якъ у своемъ царьствѣ буду вѣроваць. Ты будзешъ мнѣ жана, а я твой мужъ!»

Тое жъ начальство вещи еты доставило и сказало на Бурьму, што Бурьма спялствовався, збуянивсь, ни на вошто. Ну, а Бурьма проживъ изъ ёю годъ, прижили яны сабѣ дзявчоночку. Прожили другій—опяць мѣую хлопчика. И по етымъ боку яны живуць, а по другимъ море, заняло яго, куды яму ициць у пуць. Подговаріецъ енъ яе: «што ты, душачка, знаешъ? Живемъ мы на свѣцѣ, не бачимъ ни Бога, ни людзей—никого, званія! Ци ў насъ нема гробшій, ци чаго? Запрягли бѣ мы коній, поѣхали бѣ у церкву—ци ў рускую, ци ў польскую—усѣ жъ ёсць Богъ на свѣцѣ!» Яна—баба—на ето и ротъ разинула. Разъ запрягли, поѣхали, и ў другій, хоць и ў третій. А ў чацьвѣртый разъ ёнъ и кажа: я жъ тыки хозяйинъ знаходжуся у своемъ добромъ—своиць ужо—поѣзжай ты, душачка, одна, а я тутъ приглѣджу у хозяйствѣ!» Яна вялѣла запречь коній, и поѣхала сабѣ съ кучаромъ одна. А на дворѣ сказала: ворота зачиняйцесь, замки замыкайцесь, кабъ Дзикій Бурьма ня ўцѣнь. Сичасъ ворота хляпъ!—зачинились, замкнулись, а Дзикій Бурьма на дворѣ оставсь, хоць головой бися! Довго не зѣваючи, Дзикій Бурьма узавъ, барканъ раскидавъ и здѣлавъ сабѣ торокъ. Сѣвъ сабѣ на етый торокъ, набравъ сабѣ хлѣба, грошій, 'дзѣжи, и поплывъ по морю. Уѣзжаецъ можа ў половина моря—и яна на дворъ готова. Якъ узѣхала на дворъ—сичасъ и съ ума сыйшла: «ага, кажець, Дзикій Бурьма: воть вѣроваешъ, дакъ вѣроваешъ! Лучче ўже некуды, якъ вѣроваешъ!» Сичасъ ускочила у хату, узала ету дзявчоночку, на 'дну ногу стала, другую ўгору—и разодрала пополамъ. «На жъ, кажа, Дзикій Бурьма, и табѣ половинку!» Якъ шибне, дакъ ета половинка прямо на торокъ! Дакъ етый торокъ кулей вобъ зямлю—у воду потонувъ. Етый Дзикій Бурьма бачиць дзѣло, што потонаецъ соўсимъ, узавъ яе, якъ бросивъ ету половинку у воду—сичасъ торокъ на верхъ. Яна узала, и другую половинку такжа! Енъ и тую такъ. Тоды узала хлопчика: на жъ табѣ, кажець, сына—ходзяина на заводъ! Якъ кинула за ноги, и ўскинула яму на торокъ, вареты за три! Етый торокъ ще скорѣй тонець того. Енъ думавъ, думавъ, што тутъ дзѣлаць?—шарахъ ногой, да яго у воду! Торокъ на верхъ. Во й перяѣхавъ. Ставъ на берязи и сабѣ думаецъ: слава табѣ, Господзи—перябрався! И отправляетца ициць у пуць. Ну, ишовъ енъ, можець, судокъ трое ци чецьверо, съ харчою, зъ естою, што набравъ. Прибравъ яе, попоѣвъ, а судки уже идзець ня ѣвши. Приходзиць къ и двору на большаку. Енъ радъ бывъ, думавъ, што ето коршма. А гроши ёсь. «Ну, думаецъ, вышью, закушу!» И боитца заходзиць, затымъ што вяликъ, али сабѣ думаецъ: «што Богъ дасъ, то дасъ, а пойду!» Приходзиць у етый домъ, сядзиць Дзѣдъ-Шкуропѣтъ съ однимъ вокомъ. Уходзиць енъ у хату: «добрый дзень табѣ, Дзѣдъ-Шкуропѣтъ!»—А, добраго здоровика табѣ, Дзикій Бурьма! Хто мнѣ надо, дакъ мнѣ тэй самъ идзець

у руки! Одну пламеньницу обкравъ и ўдѣкъ, коло другой насмѣялся: пару дзяцей приживъ, и отъ тѣхъ удѣкъ. Дакъ ты думаеъ, што и отъ мяне уцячешъ? Нѣ, отъ мяне уже не ўцячешъ!...—«Божа, Божа!.. Дзѣдъ-Шкуронѣтъ, дай-ка ты мнѣ укусиць чаго-небудзь! Тоды сабѣ уже што хочешъ, дзѣлай: ци би, ци дзяри, ци вѣшай!»—Вд на столѣ стоиць пипяныѣ и ѣдзяныѣ, садзисъ, пи и ѣжъ, кольки табѣ ўгодно!.. Енъ сѣвъ, можа разовъ пяць—шесць укусивъ. Дзѣ уже полѣзець у ротъ чаловѣку, коли смерць надъ шіей! Подпѣрся рукой правой да й кажець: «Божа, Божа нашъ милосѣрдный, святы! Якъ у своимъ царствіи бывъ задохтура за такога, што у кого не было ноги, дакъ ногу пристанавливавъ, у кого не было руки, руку придзѣлававъ, у кого не было бока, дакъ бокъ присталявъ!»...—А воко ци ўмѣешъ пользоваць?—«Да што, дзѣдзячка: я табѣ ето воко выпользовавъ бы у три минуты, тольки докладу богато треба!»...—А якій жа докладъ?—«А вотъ які: треба мѣдная черпаху, вядры ў три, и завѣсиць коцѣль висучій у воротахъ, и натопиць яго повенъ смолы, и треба зъ женскаго волосу совиць канатъ, кабъ ты не ворохнувся!»—Э, ето соўсимъ глупостный докладъ! Коли ты мнѣ воко выпользуешъ, дакъ я цябе доставлю у твоѣ царство у три часы, а докладъ усякій могу доставиць оттуль, дзѣ ты бравъ костыль, панахвиду и царскую коруну—у два часы!.. Сичасъ пошовъ енъ у клѣць, высталяець висучій коцѣль, сѣдовъ у семяро, и завѣсили яго у воротахъ, натопили яго повнюхтонакъ смолы. Положивъ ли котла мѣдную черпаху у три вядры, а сами стали виць канатъ изъ женскаго волосу. И звили яны сорокъ сажнявъ. Ускипаячили смолу жидко такъ, якъ алѣй. Ёнъ яго поклавъ у воротахъ, и ўкручивъ яго етымъ канатомъ усяго. «Ну-ка, дзѣдушка, поциснися!» Дзѣдъ тѣй поциснувся, дакъ канатъ тольки повыцяннувся! «Однача, дзѣдъ, ты силянъ!»—У мяне, кабъ у небо ды ў зямлю стовпъ бывъ уставленъ, дакъ бы я свѣтъ обярнувъ!—«Ну, дзѣдичка, лядзитка ты на небеса: якъ по небу ходзяць болоки швидко, кабъ твоѣ воко такъ ходзило швидко уво лѣѣ. Якъ на неби сонца свѣциць жарко, ярко, кабъ твоѣ вочачко сваяцило уво лѣѣ жарко и ярко!» Тоды зачарепеаць черпаху смолы, да якъ узольлѣць на тое на здоровое воко... Якъ ворохнѣтца Дзѣдъ-Шкуронѣтъ! Ажъ земля—матка здрыганулася! Посыпалісь тые канаты ўсі чисто, и ёнъ кричиць: эй, ворота, зачинайцесь, замки, замыкайцесь, кабъ Дзикій Бурьма ня ўдѣкъ никуды зъ двора! Такъ етыя ворота сичасъ хляпъ-хляпъ! зачинились и замкнулись! А Дзѣдъ-Шкуронѣтъ за вочи обѣручъ узаявся: «во, вылячивъ, дакъ вылячивъ! Што жъ цяперъ робиць? Во нахвацисъ сукинъ сынъ!» Стоиць Бурьма и ня вѣдаець, што дзѣлаць. А тоды узаявъ, етые концы собравъ, да й подвизався козлу подъ пузу, да й висиць. Дзѣдъ Шкуронѣтъ повзаець по двору, шукаець Бурьму. Приповзаець къ корови, спрашѣець: ци тутъ Дзикій Бурьма?—Нѣ, дзѣдъ, нема! Коли бъ бывъ, мы бъ табѣ на рогахъ яго вынасли! Поповъзъ ёнъкъ конямъ: «Коні, ци тутъ Дзикій Бурьма?»—Нѣ, нема, дзѣдичка: мы бъ табѣ копытамі выкачили. А козѣль етый: «билль-билль-билль! говориць: у мяне Дзикій Бурьма подъ пузомъ! Бяри яго!» А той говориць яго не разбярѣць. Тоды козѣль разогнався да яго рогами подъ ябро: вд дзѣ Бурьма: бяри яго! А Дзѣдъ Шкуронѣтъ усердзисъ: «мнѣ надоѣвъ Бурьма, а тутъ ты ще подъ ябро колаешъ!» Схаливъ яго, да терязъ барканъ и перакинувъ. А Бурьма

кричиць: «ай, дэ́дзичка! ты жъ мяне околѣчивъ!»—Ци ты уже тамъ?—«А тутъ, кажець: оставайсь здоровъ!» Поповъзъ ёнъ тоды у хату, узывъ сякерку: на табѣ, кажа, разбойникъ, за твое выгоды, што ты мнѣ воко выпользовавъ! На дорози дровъ насичѣшь, цяпло накладѣшь! И шибнувъ сякерку. За воротми стояла сосонка; ета сякерка у сосонку и ўлипла. Ёнъ хоцѣвъ яе узяць усѣй рукой, да побоявся, да мезинимъ—торькъ! палцемъ. Палець етый и прилипъ къ сякерцы! Дэ́дъ-Шкуронетъ кричиць: сякерочка, ци ўзяла?—Узяла, дэ́дзичка, да нямножко! Ёнъ выхвацивъ ножикъ съ кармана—да по палцу! Да й самъ пошовъ. Пройшовъ енъ судки—и тамъ добре не поѣдавъ, и тутъ нейдзи—ѣсць хочетца. Чуецъ ёнъ у ласу: хлопъ—хлопъ! Сабѣ думаецъ: «треба бѣ було ициць полядзѣць, што тамъ хлопаецъ, да боюся! Э, дай пойду, поляджу, што такое?» Приходзиць енъ туды, дакъ левъ изъ змѣемъ воуетца. Якъ змѣй лева сѣканецъ, дакъ тольки шерсць разлегаетца, а якъ левъ сѣканецъ змѣя, дакъ пересячѣць усяго—одна жилка останѣтца; а покуль яще замахнѣць, дакъ змѣй изновъ увесъ зростаецца. «Добрый дзень вамъ!»—Здоровъ, Дзикій Бурьма! Поможи намъ воеватца—который котораго. Кому пособишь звоеваць, дакъ доставимъ у твоѣ царство! Остановили яны бойку свою, и дали яму ѣсць удвохъ, кабъ помочь имъ битца. Ёнъ разы три укусивъ, и думаецъ: «што ето такое? Левъ таки съ хрящоныхъ людзей, а змѣй—ето-жъ начистый духъ.» Левъ якъ сѣканецъ змѣя, дакъ одна жилка осталась, а енъ ножикъ вынявъ да по жилцы по етой, дакъ змѣй и покачився! «Ну, кажець: догадався, кому пособиць,—доставивъ ба я цябе у твоѣ царство: назадъ къ Дэ́ду Шкуронету!» А левъ кажець: садзись на мяне, привязувай шапку крѣпко, затыкай бавылной вуши! Сѣвъ енъ на яго, левъ и понёсь у яго царство. Принёсь яго къ царству и кажець: «Вожя сохрани, похвалисья, што я цябе принёсь,—тоды зѣймъ я цябе!» Приѣхавъ ёнъ у дворъ. Тутъ жонка рада стала безъ конца, и щесць яго ставъ радъ. Такъ яго подгосцили нямножко, и давай спрашувать: якъ ты суды достався? Ёнъ не признавався, не признавався, али признався: «такъ и такъ, доставивъ мяне левъ!» Тольки выходзиць на крылцо, енъ и стоиць, ротъ разинувши. «Ну, вотъ, Дзикій Бурьма: вороцись назадъ къ жонцы, попрощайся, ба отъ мяне уже ня выкрудисься: ето не царевны, да ня Дэ́дъ Шкуронетъ!» Ёнъ вярнувся, попрощався, выходзиць изновъ къ яму. Ну, што? попрощався?»—«Прощався, да ето не я казавъ!»—«А хто-жъ?»—«Хмель!»—«А дзѣ ёнъ расцѣць?»—«Я табѣ не покажу, дзѣ енъ расцѣць, я табѣ покажу сокъ съ хмелю съ того.»—«Ну, покажи!» Вотъ енъ яго увѣвъ у склепъ, адзѣ горѣлка стояла можа повтораста годовъ, жовта, якъ йволга, солодка, якъ мѣдъ—пиць прикро. Вотъ етый левъ покушавъ яе—смашно. Выпивъ вадро, выпивъ два, и потуль енъ пивъ, покуль на тымъ мѣсци и сунувся. Етый Дзикій Бурьма назбиравъ облычча, пѣскубокъ, и етого лева усяго укрупивъ, умотавъ у облычча и пѣскубки, да ўзявъ дубовый коликъ, да якъ узывъ того лева праць по рабрахъ! Проспавъ енъ троя судокъ. Тоды уставъ, дакъ няможно и головы подняць, ни выплутатца ниякимъ родомъ. И спрашуецъ у Бурьмы: «якъ ето можно, кабъ съ хмелю болѣли косцы, и кабъ не памятоваць нічо́го—едакъ я уплутався!»—«А вотъ жа, ты мнѣ ня вѣривъ! Такъ жа и на́щинець: якъ выпья, дакъ нічо́го ня помниць. А ты мяне хоцѣвъ зѣѣсци за глупосъ.—«Ну, я табѣ тое прощаю! Покажи ты мнѣ-

дзѣ ентъ расцѣпъ? Я яго оряшѹ, и званья яго ня будзець на свѣци!» А надъ моремъ стояла сосонка. Дакъ сонца на заходзи, сцѣнь на вѣдзи болшущій! Дакъ яго собираюць, да у бочки льюць... Вотъ левъ якъ кинетца у море, да воевавъ, воевавъ—кореньнемъ, полѣньнемъ—узмуцивъ егу воду, ня видно сцѣни стало. Тоды вылѣзъ. Попрощалися, поцаловались. «Ну, ступай изъ Богомъ, живи здоровъ! Не кажи никому ни ты, хто цябе доставивъ, ни я, што со мной было. А хмель цяперъ ня будзець изъ роду!» На етымъ остався Дзикій Бурьма жиць у етымъ царьствіи. А начальниковъ тыхъ самъ царь уже понаказувавъ.

С. Тимоново, климович. у. Кр. Антонъ, неграм.

29. Куваль бѣды искавъ.

Жили сабѣ были кравецъ и шавецъ, и куваль, и яны вѣкъ бяды ня видѣли. Вотъ яны пошли бяды искаць. Ишли яны, ишли, и видзюць яны—стоиць баба. И гета баба была вѣдзьма. Ина у ихъ пытаетца: куды вы идзичѣ? А йны кажуць: «бяды искаць. Вѣкъ бяды ня видѣли!»—А! наця жъ вамъ клубочекъ, и кадиця етйи клубочекъ: куды ёнъ покѣтитца, туды й вы йдзича. И найдзеца бяду! Вотъ кравецъ узявъ за коньчикъ нитычку, и пошли. Клубочекъ самъ коцитца, и яны за клубочкомъ идучъ. Кацнися, кацнися гетый клубочекъ, и ўкацнися у хатку. И яны за нмъ улѣзли у хатку. Пылядзяць, ажно печка топитца. Пылядзяць, ажно чортъ сядзичъ ли печи—красныя вочи. Улѣзли яны у хатку, тоды чортъ кажець: грѣйдеси, рябяты: заразъ будземъ гуляць, весялитца. Тоды пытаетца ў ихъ: хто вы?—Я куваль!—«Ну, добра. А ты хто?»—Я кравецъ! Ёнъ узявъ, кравца скручивъ, скомкавъ, поджарювъ и зѣвѣвъ. «А ты хто?»—Я шавецъ! Енъ и шавца узявъ скручивъ, скомкавъ, поджарювъ и зѣвѣвъ. А ны кывала кажець: «Ты куваль?»—Куваль!—«Ну, скуй мнѣ вилки, у пекли грѣшныхъ ворсаць!» Енъ ставъ куваць, а чортъ пришовъ ды глядзичъ на вилки. Вотъ куваль узявъ ды напаливъ вилки, ды якъ дасъ яму пы вочахъ! Енъ и зывалися. Али ўскочивъ, ны порогъ сѣвъ и ня пускаецъ кывала. А ў чорта ў хаци було три овечки. Куваль узявъ одну овечку, якъ ударювъ у чорта—чортъ только кылыхнувся. Енъ узявъ другую овечку, ударювъ чорта, ня збивъ чорта съ порогу. Узявъ енъ третью овечку, якъ ударювъ у чорта,—чортъ звалився съ порогу, и ляжиць безъ памяци. Куваль узявъ гетого чорта и прикувавъ яго къ мосту, а самъ пошовъ. Ишовъ, ишовъ, бачиць—на бярѣзини висиць мулюваный топоръ. А бярѣза дужо большая. Лѣзъ ёнъ, лѣзъ за тымъ топоромъ, узлѣзъ. Только узявся за тѣй топоръ—рука и пристала! А чортъ очучурувся и бягиць дыгонаць кывала. Видзичъ куваль—идзець чортъ зъ рыгами, вотъ ёнъ вынювъ съ кишени пожикъ, отрѣзувъ руку, ды нутку драло бѣхчи! Прибѣхъ у дворъ и ставъ кызаць жонцы: «а бабулька, навидався горя! Ня дай Богъ вамъ, дѣтки, такого горя!» Ставъ тѣй куваль жиць. «Нѣ, кажець: ня хѣчу и вѣкъ такой бяды, и не давай Богъ никому такой бяды!» И ставъ жиць, и Богъ щасця яму ставъ даваць. И наживъ енъ много добра, и скота много.

С. Мощены, стпнн. у. Крест. Кондратій Хиженковъ. Ср. Чубин. 85.

30. Проварна Ярыжка.

Да бывъ сабѣ Иванъ Ивановичъ, рускій царевичъ. А ёнъ бывъ большій кардѣжникъ, и любивъ крѣпко у карты гуляць. И была на возморъи, у котормъ то парстви, жила тамъ Василиска Дьяболска, и ина тожъ охотница у карты гуляць. Ну, гэтый Иванъ Ивановичъ тожа знавъ, што ина любить у карты гуляць, ну и могъ ёнъ къ ёй доѣхаць, и могъ ёнъ зъ ёй у карты разыйгратца. Ну, играли яны много уремя, да й дотуль яны играли, покуль Иванъ Ивановичъ, рускій царевичъ обыгрався. Итакъ ёнъ обыгрався, што и государственную коруну проигравъ.

Якъ ёнъ поѣхавъ домовъ, Василиска Дьяболска и замуrowала гэту коруну у печь. Ну гэто ёнъ отъ яё отѣхавъ у свой государскій домъ и ставъ ёнъ празъ есто клопотать. Собравъ роту солдатовъ къ сабѣ и говориць: идзице-тка по ўсёмъ моимъ царству, и воспитайцесь такого чаловѣка, ци не обярѣтца хто мою коруну отыйскаць. Ну и приходиць солдатъ, быттомъ такъ, якъ и ў Городзище, и заходиць ёнъ у каршму, и ў каршми спрашавая: ци нема тутъ такого чаловѣка, кабъ парськую коруну отыйскаць? Лѣзя изъ за печки у каршми чаловѣкъ и объявляетца: «а вотъ я могу!» —Ну, хто жъ ты такой ёсь?—«Я Проварна Ярыжка, прогоркая пьяница!»

Ну сычасъ солдатъ бере яму стаканчикъ горѣлки. А ёнъ говора, Проварна Ярыжка: «ахъ ты, служба! Проварна Ярыжка у каршми гуляя и не по гэтымъ стаканчику выпивая!» И показавъ яму ядро: «вѣ мой стаканчикъ!» Ну, якъ увидѣвъ солдатъ, што ёнъ богатырьскій чаловѣкъ, то ёнъ, солдатъ, могъ старатца гѣтому. Видзиць, што на ёмъ свитка плошѣнская, то ёнъ радъ старатца ли яго купиць, и поведъ яго до цара.

Приводзя яго къ цару, и ёнъ говора: «здравствій, ваша царское вяличаство!»—Ну, спрашавая яго государъ: «якъ цябе зваць?»—Зваць мяне Проварна Ярыжка, прогоркая пьяница!—«Ну, што жъ ты можашъ мою коруну отыйскаць у Василиски Дьяболски?» Отвѣщая ёнъ цару: могу, только мнѣ надо солдатовъ полкъ, и надо корабъ, и надо пороху, и надо увесь припасъ солдацкій!.. Цару ци довго? Убрались на корабъ и поѣхали морамъ. И можа яны ѣхали мѣсяць и больше, и подъяжаюць подъ дворець, такъ не дальше, якъ ярсты ў три до дворца до Василиски Дьяболски. Цяперъ Проварна Ярыжка вылазъ на берагъ и пошовъ берагомъ, а имъ сказавъ ожидаць. Ну, приходзя Проварна Ярыжка прогоркая пьяница подъ дворець, а тамъ кругомъ яё дворца обвився большій вужъ, и въ зубы хвостъ узявъ; и хто идзе у дворъ къ ёй, ёнъ пуская, а хто идзе зъ двора, того ня пуская. Ну й упуcтивъ ёнъ яго. И ўходиць ёнъ у первую комнату, Проварна Ярыжка. И сычасъ якъ увыйшовъ ёнъ, и увидавъ государскую коруну, умурованную у печь, и чуць яна видна. Ну, гэтый Проварна Ярыжка сычасъ яё выдравъ и сховавъ за пазуху. Оъявляетца тоды къ Василиски Дьяболски: «Здравствій, Василиска Дьяболска!»—Здравстуй, Проварна Ярыжка! Ну, чаго жъ ты сюды пришовъ?—«Я слышавъ, што вы охотники у карты гуляць?»—Да, охотники!—«Ну, вотъ жа, позволя мнѣ на корабъ сходзиць: у мяне ёсць книжачка такая, што вы можаця увесь свѣтъ обыгратъ!»—Ну, ступай сабѣ на корабъ и принеси мнѣ книжачку гэту! Вышла ина на дворъ и кричиць: «вартовый!

отпусти Проварну Ярыжку прогоркую пьяницу на корабль сходщица!» Ну и пошовъ енѣ. Приходя на корабль и говора солдатамъ: смотри, рабаты; будзець до васъ отъ Василевски Дыяболски нападежня! Ну, а самъ у лѣхкую лотку сѣвъ и поѣхавъ. «Грабця, каа, рабаты, якъ можно, и уцекайця якъ можно, и отбивайцеса орудіемъ!» А самъ поѣхавъ. Ъхавъ енѣ можа дзень, а можа и два, и захоѣлось яму ѣсь. Вылязъ енѣ на берагъ. Идзе берагомъ—стоиць хатка. Уходиць енѣ у хатку, ажъ тамъ на столѣ стоиць чанъ капусты, чанъ каши. Ну, гѣтый Проварна Ярыжка садзитца за столъ и кушая, и тольки кушая и скучая, што ня вѣдая, чій столъ, а покушаць то енѣ покушая. Ну, и покушавъ енѣ, Проварна Ярыжка, и сядзиць. А отчаго енѣ сядзиць? Што гѣта хатка такая: хто у яе идзе, ина пуская, ну назадъ ня пуска никого. Сядзиць енѣ, ждѣе. Ну, и оявляетца гѣтой хаты ходяинъ, косовокій богатыръ: «о, каа, русь-косъ пахня!» А енѣ кажа: гѣто ня русь-косъ, а Проварна Ярыжка!—«А! гѣто ты, Проварна Ярыжка, мою сястру побядзиви?» А гѣта Василевска Дыяболска посылала на корабль, и яны ня могли доступицца до корабля. Отчаго яны ня могли доступицца,—што тые солдаты, што остались на корабляхъ, ударили изъ пушакъ. Василевска Дыяболска ждала, ждала ихъ, и не дождалася. Сѣла ина на зялѣзную ступу и товкачами погоняя, и прилятая къ кораблю. Садзитца на корабль, и бяре солдата и пытаецца: ци ты Проварна Ярыжка? Якъ скажа солдатъ: я Проварна Ярыжка! Ина—глоць! и проглыне. И такъ, што увесь корабль поѣла.

Цяперъ гѣтый Проварна Ярыжка садзитца съ косовокимъ богатыромъ обѣдаць. Цяперъ гѣтый косовокій богатыръ говориць: «а што такъ, Проварна Ярыжка, на мяне такъ позираешъ?»—А я, говора, на цябе позираю, што ты на 'дно воко косовокій, а на другое соўсिमъ не бачишъ!—«А што, ты мнѣ вылячишъ?»—Я бъ то табѣ могъ вылячиць, коли бъ бывъ у цябе припасъ!—«А якій табѣ треба припасъ?»—Треба припасъ мнѣ: пудъ соломы, и треба, треба мнѣ зялѣзны ланцугъ хорошій, и треба мнѣ припасъ—коцѣль! Отвѣшая яму косовокій богатыръ: «ѣсь у мяне увесь гѣтый припасъ!» Дае яму упяродъ коцѣль, тоды смолу услѣдъ. Разгрѣвая Проварна Ярыжка гѣту смолу, и разогрѣвъ силно. Цяперъ спрашуя: нася ланцугъ! Унося енѣ ланцугъ яму. Ну, сычасъ Проварна Ярыжка увязавая косовокаго богатыра ланцугомъ: страпнянись-ка, ци будзя крѣпко! Страпнянувь енѣ—ланцугъ посыпався! «Нѣ, кажа, шукай крапчѣйшаго!» Принесъ енѣ ланцугъ другій, ставъ енѣ увязавать яго другимъ ланцугомъ: «страпнянись изновъ!» Ну, страпнянувся—енѣ не подався, гѣтый ланцугъ. Садзитца косовокій богатыръ на порози ли того, кабы Проварна Ярыжка ня ўцѣкъ. «Цяперъ, кажа Проварна Ярыжка, вылупъ вочи хорошо!» Узавъ енѣ ковшъ, зачерпавъ смолы и линувъ яму у вочи!... Якъ ускоча косовокій богатыръ, разорвавъ ланцугъ: «дакъ во якъ, каа, ты лѣчишъ! Погулай жа, не ўцячѣшь отъ мяне!» Сѣвъ на порози и сядзиць. А бывъ у косовокаго богатыра козелъ такій любимый, што енѣ изъ имъ гулявъ. Проварна Ярыжка садзитца на гѣтаго козла и щовкъ яго подъ пузо! Гѣтый козѣль якъ брыгнецъ празъ порогъ и празъ гѣтаго богатыра! Цяперъ кричиць косовокій богатыръ: «идѣть ты, Проварна Ярыжка?»—А я ўже на дворѣ!—«А хто цябе вынесъ?»—А козѣль, кажа, вынесъ! Выскочивъ енѣ цяперъ услѣдъ, косовокій богатыръ, да якъ пуска за имъ услѣдъ сякеркой: «на, табѣ, кажа, и мою сякерку!»

Гэты Проварна Ярыжка цапъ за гэту сякерку аднымъ палцомъ—гэты палець і пріставъ къ сякерцы. Крочиць гэты косовокій богатырь: ці дзяржишъ ты?—Дзяржу, да мало! Бача Проварна Ярыжка, што гэта дэбло плохо, ёнъ-чикъ, да палець і отр'язавъ, і пошовъ.

Ишовъ енъ, ишовъ опяць берагомъ можа дзень, а можа й два—стоиць хатка тожъ. Заходзя енъ у тую хатку, ажъ тамъ на столѣ чанъ капуста, чанъ каши. И садзитца енъ за столъ і начинае ѣсь. Ну, укусивъ енъ трошки, приходзя Оплетавъ—богатырь: «э, кажа, русь-косъ пахня!» А енъ кажа: ня русь-косъ, а Проварна Ярыжка тутъ ёсь! Садзитца гэты Оплетавъ-богатырь кушаць, і садзиць яго опяць ісь собой: «кушай, кажа, кушай, да й пойдземъ!» Ну, покушаві яны, вылязлі ізъ за стола, і садзитца Оплетавъ богатырь яму на плечи, Проварну Ярыжку. Енъ яго і понёсь. Нёсь, нёсь ёнъ яго, поднесъ подъ яблонку і проситца: пазволь мнѣ на гэту яблонку злазиць, достаць яблосъ! Тэй пусцивъ. Енъ полѣзь, даставъ яблосъ сабѣ і яму. Сѣвъ тоды Оплетавъ-богатырь яму зновъ на плечи, і зновъ енъ яго понёсь. Поднося яго къ другой яблонцы. Яблосы на гэтой яблонцы—якъ покушаешъ, дакъ і заснёшъ. Спрашуя Проварна Ярыжка у Оплетавъ-богатыра: пазволь мнѣ і зъ гэтой яблонкі достаць яблосъ. Богатырь дзаволивъ. Енъ полѣзь, даставъ яблосъ і давъ яму ѣсь. Енъ якъ ізбѣвъ, дакъ і заснувъ. Проварна Ярыжка, бача, што Оплетавъ—богатырь заснувъ, і пошовъ.

Ишовъ енъ, ишовъ опяць берагомъ і приходзя къ горѣ, ікъ большой горѣ, і на тэй горѣ левъ і змѣй бѣютца, сіло бѣютца. И просюць Проварну Ярыжку разсудзиць ихъ. Енъ разсудзівъ ихъ такъ: «ты, змѣй, стань подъ горой, а ты, левъ, стань на горѣ! Змѣй, разинъ ротъ: якъ левъ будзя бѣгчы зъ горы, ты яго проглынёшъ!» Левъ якъ разогнався зъ горы, такъ і разбивъ змѣя. Тоды левъ говориць: «ахъ ты, Проварна Ярыжка, садзись на мяне! павязу цябе у твоё царство!» И повёзь. Подвозя къ царскаму дворцу і гавора: «Проварна Ярыжка, не хвались нигдѣ, што ты на льву—звѣру ѣхавъ. А коли ты похвалился, што ты на льву—звѣру ѣхавъ, то не будзя табѣ нічога!»

Проварна Ярыжка принося къ цару крѣпку дзержаву і отдае цару. Царъ яго спрашуя: што табѣ треба за гэто?—Треба мнѣ за гэто, штобъ куды ні пошовъ, усюды кабаки былі отчиняты!.. Вядома, што Проварну-Ярыжку треба? Царъ дзаволивъ. Вотъ распився Проварна Ярыжка, расп'янятувався, і похвалився п'яный, што на льву—звѣру ѣхавъ. Якъ похвалился, такъ счасъ кабаки і закрылісь...

С. Городище, бѣх. у. Отъ кр. Якова Сампсонова, 61 года.

31. Иванька большій, середній Иванька і меньшій Иванька.

Жили сабѣ у воднымъ сялѣ мужъ ізъ жаной, і жили яны дужо бѣдно. Яна бяремянна была і родзила яна трохъ сыновей зразу. Кумамы ніхто къ імъ ня йшовъ, значитца, былі яны дужо бѣдныя. Тоды яна гавора: возьми ты ихъ у торбочку і няси у рѣку!—тыхъ трохъ сыновей. Ёнъ такъ і здѣлавъ: узавъ у торбочку і понёсь. Сустрэкая яго старичокъ: што ты, гавора, нясешъ? Гавора: нясу торбочку жита

на прудъ, треба змолоць! А енъ говора: «нѣ, говора, ты мяне обманьешъ: ты ня-сѣшъ трохъ ангаловъ топиць! Наси, говора, домовъ, положъ у колыску, нехай спяць, говора, до третьяго дня. Я тоды къ табѣ приду, на третій дзень!» Той вярнувся назадъ и такъ здѣлавъ. На третій дзень приходзя енъ, той старичокъ, къ тому бѣдному, и говора яму: «отлони ты зъ вѣника три розочки и вли воды. Ня треба къ бацюшку неси, мы, говора, дадзѣмъ самы імѣння, перахрысцѣмъ. И дадзѣмъ імѣння — три Иваньки: Иванька большій, сярэдній Иванька и меньшій Иванька. И положъ ихъ узновъ у колыску, нехай спяць до третьяго дня. И приду я на третій дзень узновъ къ табѣ!» Такъ яны и здѣлалі. И тожа, енъ приходзя, на третій дзень къ яму и говора: ну, котораго ты мнѣ Иваньку даси за гэта, за моѣ труды? Енъ кажа: котораго хочешъ!—А я, кажа, большаго сабѣ возьму Иваньку! Тоды жонка пожалѣла яго: «нѣ, мы, говора, даць не дадзѣмъ, а продаць продадзѣмъ!»—А што жъ ты хочешъ за яго?—«А вотъ, говора: спрэжда такъ продавали: якъ сто-ницъ, грошмы обсыпъ, тоды бяри сабѣ...» Тожа енъ такъ и здѣлавъ: вынявъ сь кишени и обсыпавъ грошмы. И узявъ сь собой. Тоды жонка узновъ пожалѣла яго и кажа на мужика: догонъ и отбярѣ яго! Енъ вышовъ, полядзѣвъ—нидзѣ яго нема.

А гэтый старичокъ узыйшовъ зъ імъ на небяса и сказавъ яму, кабъ енъ усюдыхъ ходзівъ и ўсѣ дзѣлавъ, тольки, кажа, не садзися у золотомъ креслі! И давъ яму двѣ трысцинки: одна тросцинка на пропитаньня—гэта, значитца, якъ удара, дакъ яму будзя пропитаньня—а другая на прогуляньня,—значитца якъ удара, дакъ яму музыка открытца, весялосъ. Вотъ старичокъ отлучився, а енъ усюдыхъ ходзівъ, ўсѣ дзѣлавъ, да не послухавъ старичка, и сѣвъ у золотымъ креслі. Якъ сѣвъ, дакъ и ўбачивъ, што дзѣтца на ўсімъ свѣці! И дужо енъ гэтому ўзрадовався: што якъ макъ зацѣтала, такъ енъ и бача ўсѣ; и ўвесь народъ на ўсімъ свѣці, якъ одного чаловѣка; и бача, якъ чаловѣкъ заломъ заломлюя!

Старичокъ тоды на яго усѣрдзился, на Иваньку большаго, што енъ сѣвъ у кресло, и ўсѣ ўбачивъ, и спустивъ яго доловъ. И давъ яму жарабца и говора: «усюдыхъ можашъ ходзиць, идзѣ хочешъ, усюдыхъ гуляць, наниматца, тольки не наймайся, у кого кучаравыя волосы!» Вотъ Иванька пусцивъ свойго жарабца у лѣсныя лѣсы, а самъ пошовъ пуцѣмъ дорогой. Ици енъ, ици, ици енъ, ици, соўстракая пана: «Здраствій!»—Здраствій! Куды идзешъ?—«Иду найматца!—Ци не наймесься у мяне?—«Наймуся!» Посли убачивъ кучаравыя волосы на головѣ у яго: «нѣ, панокъ, кажа: ня буду найматца у цябе—у цябе кучаравыя волосы!» Той панъ заўхавъ напѣродъ, умывъ голову, учасавъ, кабъ волосы гладкіе были, и опяць соўстракая, кабъ наймаць яго—ушодобався яму крѣпко! «Здраствій, чаловѣкъ! Куды идзешъ?»—Иду найматца!—«Ци не наймесься у мяне?»—Наймуся!.. И нанявся ў яго. Тоды панъ уса-дзівъ яго къ сабѣ на возъ, и поѣхали яны—повѣзъ панъ къ сабѣ домовъ. Пріѣжжая туды, домовъ, покруцилися у яго волосы—обсохла голова. Иванька и кажа: нѣ, кажа, панокъ, ня буду, кажа, у цябе,—кучаравыя у цябе волосы, пойдують цябе! Такъ енъ и пошовъ пуцѣмъ—дорогой отъ яго.

Якъ ици, дакъ ици, якъ ици, дакъ ици—ишовъ и по поляхъ, ишовъ и по борахъ, и приходзя у иншая царство, къ царському саду, къ самому первому. И пилнуя

гэтаго саду старичокъ. Ёнъ и говора: «давай, говора, я цябе обмяню, за цябе покалавуру гэтаго сада!» Тоды енъ гэта: а чаго, говора, обмяни. Ночь, говора, можно!— Ну, ложися спаць! Такъ старикъ и здзѣлавъ, и лёгъ спаць. Ставъ Иванька калавуриць, и говора: треба штуку уводраць гэтому старичку! И вышовъ на поля и крикнувъ помолодзецку, свиснувъ показацку: кабъ мой лошады сычасъ тутъ быць! Тэй жарабець сычасъ прыбѣгая къ ямѹ и спрашуя: «чаго, Иванька, жалаешъ? Што за служба?»—А вотъ, говора: треба гэты садъ намъ сорваць, скораниць и спалиць, кабъ тутъ чистое поле было! Конь кажа: «можно! Садзисъ на мяне! Такъ енъ и здзѣлавъ: сѣвъ на яго, и поѣхали яны тэй садъ ирваць: ёнъ лятаць, а ёнъ дзырэвѣя йрваць, у груды складаць и палиць тэй садъ, дзѣлаць чистое поле.» Такъ енъ издзѣлавъ (и придых.), и легъ спаць. Прошнувся тэй старичокъ, и будзя того Иваньку, и плача: «што гэта намъ надзѣлалася, Иванька?»—Што такое?—«Да вотъ, бывъ садъ—чистое поле стало!»—Нѣ, говора, старичокъ, не стращай(ся)!.. И ў скорымъ уреми дочулся до гэтаго царъ, и приславъ листъ, кабъ тому старому голову доловъ. Тоды говора Иванька тэй тому посланцу: отпишамъ мы яму назадъ, нехай енъ обнорвиць до третьяго дня, бы ни ў водной зямлѣ гэтаго нема, кабъ знимаць голову бязъ суда: нехай спрежда судъ будзя! Гэтакъ енъ отписавъ и пославъ назадъ. Гэтаго царъ и послушавъ. А Иванька сычасъ выходзя у чистое поля, крикнувъ помолодзецку, свиснувъ показацку: кабъ мой конь сычасъ быць! Бяжиць гэты лошады: «чаго, Иванька, жалаешъ? што за служба?»—А ёсь, говора, у такімъ то царстви, у такой то зямлѣ садъ, ще пригожѣй гэтаго—золотыя яблоки и ўсякія: треба намъ съ того саду наломаць сучча!—«Тэй садъ обгорожанъ камянемъ у три варсты кругомъ, и три варсты ўгору. Худо намъ достаць будзя! Ёсь тамъ проклятая змѣя, дакъ яна тымъ садомъ завѣдѹя, и ў яе, у тыя у змяи ёсь три дроцины. «И хто ў садъ у тэй уляницъ, и тыя дроцины крана, дакъ яна и ўзная. Ну, да садзисъ на мяне, поѣдземъ!» И подыялися високо, на три варсты вышынѣй, пераскочили у тэй садъ и не крапули на 'дныѣ дроцины. Стали ломаць, стали—ирваць съ кажныя яблонки по сучку: конь ставъ лятаць, а енъ ломаць и ў кишены накладаць. И стояли обополь ганокъ тыя змяи, стояли двѣ яблонки: на 'днѣй яблоки золотыя, на другой сярэбраныя. И захопѣлось яму съ тыхъ яблонокъ отломиць по сучку. Конь тэй яму говора: «ты злѣзъ зъ мяне и отложи пару сучковъ зъ гэстыхъ яблонокъ. Да глядзи, ня йдзи туды, у покои, и на яе не любуйся!» Ёнъ отломивъ пару сучковъ зъ яблонокъ, и ўвийшовъ къ ёй у покои. А змѣя спиць. Ёнъ углѣдзися у яе, улюбовався—и зъ яе сонныя сокпивъ. Яна й ня ўчула. Тоды гэта енъ сокпивъ, а конь по колѣно камянемъ ставъ. Выходзя енъ къ коню, конь ямѹ говора: «ахъ, Иванька, ня треба было табѣ такъ дзѣлаць: и ты пропавъ, и я пропавъ. Идзи возьми пудъ мыла у яе ў головахъ и сотри на сябе!» Такъ ёнъ и здзѣлавъ—пудъ мыла сцѣръ на сябе. Сычасъ, выскакуя енъ къ коню. «Ахъ, кажа, Иванька! Якъ можно поспѣшай: старайся ўзяць у яе у головахъ два пуды мыла, и сотри на сябе!» Такъ ёнъ издзѣлавъ, испѣръ два пуды мыла на сябе. Сычасъ, выходзя енъ къ коню: вышовъ тэй конь наверхъ, якъ бывъ, такъ и ёсь. «Ахъ, говора, Иванька! садзисъ на мяне, якъ можно уцекаймо отсюль, бы ты головой наложышъ, и я наложу!» Подыялись яны узновъ ў три варсты

упекаѣ и зачали одну дроину. Тая дроина завьянѣла, а яна проинулася. «Ахъ, говора: я знаю, хто тутъ бывъ: тутъ бывъ большій Иванька. Ёнъ мой садъ обворовавъ и зъ мяне сокивъ. И ничего, говора, зъ имъ ня здѣлаешъ!»

А яны прѣхали къ тому старику, и конь давай лятаѣ, а енъ яблонки саджаѣ. Сычасъ тыя яблонки зацвѣли того часу. И тыя, што тамъ обаполь ганокъ вышкнущъ, посадивъ. И тутъ обаполь ганокъ яблочакъ золотый и яблочакъ сярэбраный. Яны зацвѣли и отцвѣли, и сычасъ яблоки поспѣли того дня. Сычасъ отписуя Иванька тому царю, кабъ ѣхавъ обсматраваѣ того сада. Тѣ бывъ садъ хороший, а гѣто ще луччій! Царъ пославъ туды своѣ три дочи. Пошли яны полюбоватца туды на шпацирѣ. Ходили, ходили яны по саду, любовалися, и говорущъ: то бывъ садъ, а гѣто луччій садъ! Пошли яны дальше, убачили тые яблочки, што обаполь ганка—золотый яблочакъ и сярэбраный яблочакъ—улюбовалися ими и захоцѣли ихъ вышкнущъ. Што яны хочущъ ошкнущъ, дакъ яны угѣру подымающа. Яны спрашущъ тоды: «што ты, Иванька, хочашъ зъ насъ?»—Ничого я ня хочу, а вотъ заголися, три разы вокругъ сама себе обкрудися, тоды дамъ!—«Хочашъ ты, Иванька, зъ насъ скипцъ?»—А хѣчу, кажа. Такъ яны и здѣлали. (Ёнъ зъ ихъ скипцъ). И ёнъ имъ усимъ трѣмъ по яблочку давъ. И приходущъ яны туды, домовъ, и говорущъ: вотъ, папенька, мы такого саду ще ниразу ня видѣли! Яны говорущъ, а меньшая и говора: «коли ты мяне, папенька, ня 'тдаси за того Иваньку, дакъ ня буду жицъ съ тобой!» Яна ў яго дужо улюбилася. Тоды пиша царъ къ Иваньку, кабъ ёнъ къ имъ бывъ, къ имъ прѣхавъ. Тоды тѣй Иванька отписуя царю: коли выстрою енъ отъ свойго дворца до моѣ хаты мостъ—одна мостница золотая, одна сярэбраная, и кабъ обаполь моста дзѣравѣмъ высаджано, и кабъ дзѣравѣ тое зацвѣло разными цвѣтамы—тоды поѣду!.. И гѣто на ёнъ жалая—царъ, а гѣто дочъ яго, што ўлюбилася ў яго крѣпко. Такъ енъ издѣлавъ: мостница золотая, мостница сярэбраная, такъ и издѣлавъ до яго хаты. Цяперъ Иванька зновъ отписуя: хай у сутки выстрою цѣркву, и тоды я поѣду зъ яго дочкой обвѣнчаюся. Такъ ёнъ издѣлавъ. Цяперъ узновъ Иванька отписуя къ царю: кабъ бывъ подъ мяне сычасъ шасцарикъ коній, тоды я зъ яго дочкой повѣнчаюся! Такъ ёнъ издѣлавъ. Тоды подъяжжа подъ яго шасцарикъ лошадей, енъ и подѣхавъ подъ царскія ганки. Яго дочъ убираетца къ вянцу, садзитца зъ имъ и ѣдзя у соборъ до вянца. Такъ яны поѣхали, повѣнчались у собора. Царъ отписавъ тоды половину свойго царства своему зяцю, половину своѣ силы—воинства. А тые два браты зъ отцомъ своимъ засталися и зъ *мачеромъ* на мѣсци.

С. Городище, быхов. у. Крест. Яковъ, 60 лѣтъ.

32. Курила Кожемяка.

Якъ то была нѣйдзи силная гора, а ў тѣй горѣ живѣ цмокъ. Тоды гѣтый цмокъ укравъ у цара дочку. Жила яна годъ у тѣй горѣ съ цмокомъ, жила два. А ў тѣй горѣ была джюрка, куды летавъ цмокъ. Разъ, якъ поляцѣвъ цмокъ, улетаецъ у тую джюрку голубъ. Тоды яна написала карточку къ своему бацьку, на ниточку привязала и начапила на шію голубу. Якъ начапила карточку, дакъ выпустила голуба вонъ.

Голубъ пылаѣвъ у тѣй городъ, откуль цмокъ узавъ царевну, и сѣвъ на даху. Тоды людзи убачили, што у того голуба нѣкая карточка на ши, и стали яго ловиць. Уловили, отвязали карточку отъ ши и стали читаць. А ў тѣй карточцы написано: «оцень мой любезный, достаньца мяне съ такей и съ такей горы. И больше мяне никто не доставецъ, опричь Курилы Кожамаки. И вотъ якъ вы яго можеця узнаць: якъ только будучъ топится печки и будзецъ ици дымъ, дыкъ уво ўсикъ домахъ дымъ пойдзецъ на бокъ, а ў яго прамо. Ёнъ силнѣй цмока, и кыли хочеця достаць мяне отсюль, дыкъ упросица Курилу!»

Тоды тѣй царъ собравъ стариковъ поштѣнныхъ и пославъ ихъ къ Курилу, просиць, кабъ енъ доставъ яго дочкѣ зъ горы отъ цмока. Пошли цяперъ тые старики къ Курилу и стали яго просиць. Просили, просили, и кланялися, и каралися—ня ўпросили. Собравъ тоды царъ сярѣднихъ людзей и пославъ ихъ къ Курилу, просиць, кабъ енъ доставъ яго дочкѣ зъ горы отъ цмока. Пошли яны къ яму кланялися, каралися, усѣ просили—нѣ, ня ўпросили. Засмуцився тѣй царъ и ня вѣдаецъ, што яму цяперъ робиць, якъ-ба-то яго упросиць. Тоды яму пораяли особы: возьми ты, поспробуй послаць малыхъ рабятъ, можа енъ надъ ими изымилуетца! Енъ послухавъ тыя рады ихныя, собравъ малыхъ дзяцей и пославъ ихъ къ Кожамаку, просиць, кабъ енъ сходитъ къ цмоку за дочкой за царской. Пошли тыя дзѣци къ Кожамаку, а енъ на возяри кожи мнѣць. Стали яны перадъ имъ плакаць, кланятца. Тоды яго бытцомъ-то узала жалъ. Разрываѣ енъ тыя кожи на чатыри часци и ўкинувъ у возярѣ. И пославъ сказаць цару, кабъ енъ купивъ дванатцаць пудовъ няньки и шѣсь пудовъ смолы, и доставивъ яму. Курила обварцѣвся пянью, обсмолился смолою, и пошовъ на тую горѣ.

Приходиць енъ на тую горѣ, ажны цмокъ сичасъ вылетаецъ къ яму: «што, говориць, Курила, зачимъ пришовъ сюды?»—А пришовъ, кажець за царской дочкой. Отдай мнѣ яѣ!—«Нѣ, я не отдамъ царскія дочки!»—А ня 'тдаси, дыкъ мы съ тобой разбяремся! И схпилися яны битца. Билися, билися съ самаго раньня до самаго повдня. Цмокъ убивъ Курилу по пяты у зѣмлю, а Курила цмока убивъ по колѣни. Тоды цмокъ кажець: «отдышемъ, Курила! Цари съ царями бьютца, короли съ королями бьютца, и то отдушку маюць, а мы съ тобой бились половина дня, и ня 'тдыхаемъ!» А Курила кажець: нѣ, я ня хѣчу отдыхаць, битца, дакъ битца! Стали яны узновъ битца. Билися, билися отъ самаго повдня до самаго вечара: Курила цмоку голувѣ знаявъ, а цмокъ убивъ у зѣмлю Курилу по колѣни.

Убивши проклятаго цмока, Курила раскопавъ горѣ и доставъ царевну. И доставши царевну, приставивъ яѣ къ отцу. Царъ, увидавши свою дочку перадъ собой, крѣпко узрадовався, угосивъ Курилу якъ можно лучче и давъ яму дужо много грѣшей.

Вярнувся Курила домовъ и лѣгъ спаць на дванатцаць сутокъ. И приставивъ ли двярѣй часового, и приказавъ яму такъ: которые хоцяць посмотриць на мяне мушины, ты пускай, ну женщины ня 'днѣй не пускай! Якъ лѣгъ енъ спаць, тоды яго матцы крѣпко захоцѣлось на яго полядзѣць. Узала яна, одзѣлась у мушинскую одзѣжу и приходиць. Часовѣй думавъ, што гѣто мушина, и пропустивъ яѣ у покой. Увійшла яна туды, дзѣ енъ спавъ, и якъ только глянула на яго, такъ енъ и ўмѣръ...

Г. Стэнно. Ср. Афан. I, 495, Кулишъ II, 27. Драгом. 248, кратко. Nowosielski I, 278.

33. Степанъ — великій панъ.

Якъ живъ сабѣ Степанъ шавецъ, и бывъ енѣ большій п'яница. И такъ енѣ распився, што никто не дававъ яму шицъ ни ботувъ, ни чыравикувъ. Пропивъ Степанъ усѣ, што ў яго було, и пошовъ у свѣтъ. Ишовъ, ишовъ и заблудзивъ у лѣси; зайшовъ у болото, у лозы, обшарпався и сѣвъ—нѣкуды йди голому. Сядзиць енѣ тамъ, у чомъ мацъ родзила. Ажны видзиць, бяжиць лисица къ яму: «Здраствій, Степанъ вяликій панъ!» А Степанъ кажець: які́й я вяликій панъ—у мяне їсци нема чого, одѣтца не ўво што!—«Ничѣго, кажець лисица, будзешъ вяликій панъ. Ци попиешъ ты мнѣ чыравики, а я табѣ дзѣвку высватаю пругожую, богатую!»—Добро, высватай, коли ласка: я попію чыравики!—«Ну, сядзи-жъ тутъ да пій, а я пойду сватацъ табѣ пругожую дзѣвку!» Степанъ ставъ шицъ чыравики лисицы (дат. пад.), а лисица побѣгла къ Грому. Бяжиць, бяжиць—сустрѣчаецъ зайца. «Куды ты бяжишъ, кумка?» патаецца заяцъ.—А къ Грому у госци!—«Возьми и мяне съ собой!»—Э, штобъ васъ зайцовъ було дзевяць, тоды бъ я ўзяла!.. Загугукавъ заяцъ, и собралосъ дзевяць зайцовъ, а лисица дзесятая. И пошли яны къ Грому. Пришли къ Грому. Лисица кажець: «Громъ, Громъ! приславъ табѣ Степанъ, вяликій панъ дзевяць зайцовъ у госцинець!»—Ну, скажи Степану *спасибо*! И вялѣвъ загнаць зайцовъ у хлѣвъ.

Вярнулася лисица къ Степану: «Степанъ вяликій панъ! ци попиешъ ты мнѣ чыравики?»—Нѣ, ще!—«Ну, коли не попиешъ, дыкъ и я табѣ дзѣвки ня высватала!» Пошла зновъ лисичка къ Грому. Идзѣць, идзѣць,—сустрѣчаецъ вовка на дорози. «Куды ты бяжишъ, кумка-лисичка?»—А къ Грому у госьци!—«Возьми и мяне съ собой!»—Штобъ васъ вовковъ було дзевяць, я бъ ўзяла!.. Якъ завывъ вовкъ, и собралосъ дзевяць вовковъ, а лисица дзесятая. И пошли яны къ Грому. «Громъ, Громъ! приславъ табѣ Степанъ, вяликій панъ госцинца дзевяць вовковъ!»—Скажи пану *спасибо*! Запѣръ и вовковъ у хлѣвъ. Вярнулася лисица къ Степану и патаецца: «Степанъ, вяликій панъ! ци попиешъ ты мнѣ чыравики?»—Нѣ, ще!—«Ну, коли не попиешъ, дыкъ и я табѣ дзѣвки ня высватала!...»

Узновъ пошла лисица къ Грому. Идзѣць, идзѣць—сустрѣчаецъ медзвѣдзя. «Лисичка—сястричка, куды ты бяжишъ?»—Къ Грому у госци!—«Возьми и мяне съ собой!»—Нѣ, цябе не возьму! Штобъ васъ було дзевяць, то бъ ўзяла!.. Якъ заравѣць медзвѣдзѣ, и пришло дзевяць медзвѣдзей, а лисичка дзесятая. Пошли яны къ Грому. «Громъ, Громъ! приславъ табѣ Степанъ, вяликій панъ дзевяць медзвѣдзей госцинца!»—Скажи пану *спасибо*!.. Загнавъ и медзвѣдзей у хлѣвъ. Вярнулася лисичка къ Степану: «Степанъ, вяликій панъ, ци попиешъ ты мнѣ чыравики?»—Нѣ, ще не попиешъ!—«Дыкъ и я табѣ ня высватала ще навѣсту!»

Тоды пошла ўзновъ лиса къ Грому. На дорози сустрѣчаецъ ильва. «Куды ты, кумка, бяжишъ?»—У госци къ Грому!—«Возьми и мяне съ собой!»—Штобъ васъ ильвовъ було дзевяць, тоды бъ я васъ ўзяла!.. Левъ якъ заровъ, и собралосъ дзевяць лавовъ, а лиса дзесятая. И пошли яны къ Грому: «Громъ, Громъ! приславъ табѣ Степанъ, вяликій панъ госцинца дзевяць ильвовъ и приславъ къ табѣ у сваты, къ твоей дочцѣ. Самъ енѣ пригожий, родня ў яго вяликаа, —отдай за яго дочку!»—Якъ

жа мнѣ ня тдаць своей дочкѣ замужъ за Сцепана, вяликаго пана, коли енѣ присылаецъ такіе гостинцы. Тольки я ня вѣдаю, ци пойдзець дочка!... А дочка кажець: пойдю! Цяперъ, вярнулася лиса къ своему Сцепану, вяликому пану и говориць: «ну, Сцепанъ, вяликій панъ, ци пошивъ ты мнѣ чыравики?»—Пошивъ!—«Ладно, коли пошивъ; и я высватала табѣ дзѣвку богатую, у самаго Грома, да пругожую, чарнобрыную!» Надзѣла лисица чыравики ды й кажець: «добра! чыравики мнѣ прійшлися! Цяперъ пойдземъ къ Грому жанитца!»

Пошли яны къ Грому. Бачиць лисица, вязецъ по дорози мужикъ возъ добра. Тоды яна говориць Сцепану: лядзи жѣ, набяри добра зъ воза, якъ мужикъ побяжиць за мной! И пошла наўстрѣчь мужуку. Мужикъ якъ убачивъ лисицу, такъ и побѣгъ къ ёй. Яна отъ яго, а енѣ за ёй. Отбѣгъ отъ воза. Тоды Сцепанъ подбѣгъ къ возу, схавиць што зъ воза и побѣгъ у лѣсъ. А лиса сватыця за имъ. Подѣбли яны и пошли дали. Идуць ўзновъ дорогою. Приходзюць у городъ, на мѣсто. Лиса кажець: лядзи-жѣ, Сцепанъ, вяликій панъ: якъ побягуць купцы за мной, хватай у крамахъ одзежу сабѣ! Цяперъ, якъ убачили купцы лисицу на мѣсци, такъ и побѣгли за ёй. А Сцепанъ ускочивъ у крамъ, схавиць у вохапокъ, што попало, да й побѣгъ уцекаць. А лиса сватыця услѣдъ за Сцепаномъ. Одзѣвсь енѣ, идуць яны ўзновъ по дорози. Ишли, ишли, приходзюць къ мосту. Лисичка говориць: «Сцепанъ, вяликій панъ! Я пойдю напяродъ къ Грому, а ты разрушъ гѣтый мостъ, поскидай съ сабе одзежу и покидай на водѣ!» Побѣгла лиса къ Грому и кажець: «ай сваточыкъ! пераходзили мы теразъ мостъ, мостъ обломився и потопилася уся дружина Сцепанова, а яго я чужъ выхвацала! Дыкъ енѣ сядзиць на бѣразѣ, и стыдно яму ици къ вамъ голому!»—Тоды Громъ кажець: а сватыця жѣ, а мялянская, дзякуй табѣ, што ты яго выхвацала!.. Послали подъ яго конѣй, дали пругожую одзежу. Енѣ одзѣвсь, и прѣбжаецъ. Увийшовъ у покой, заложивъ руки назадъ и ходзиць сабѣ, ды усѣ зъ боку на бокъ позираецъ. Тоды Громъ патаецца у лисы—сватыця: чаго гѣто, сватыця, Сцепанъ, вяликій панъ, позираецъ косо зъ боку на бокъ? А лисичка-сястричка говориць: гѣто енѣ того позираецъ на боки, што енѣ у мяне николи не носивъ гѣткія одзежи: енѣ усягды прибивався у найлѣпшую одзежу!.. Тоды дали Сцепану перадзѣць другую одзежу, лѣпшую. Подбѣгла лисичка и шапорнула: ходзи цяперъ ровно, не позирай на бокъ! Отъ енѣ перадзѣвсь и ходзиць сабѣ по покояхъ, якъ вяликій панъ.

Ожанивсь енѣ на Громовой дочкѣ, згуляли вяселья, тоды лисица говориць: ты, Сцепанъ, вяликій панъ, тутъ будзѣ, а я побягу! А Громъ спрашуецъ: куды жѣ ты, сватыця, бяжишъ?—А вѣдымо-жѣ—сватыця: треба усѣ пригатаваць! Надо якъ треба устрѣциць Сцепана вяликаго пана, зъ молодзницей!.. И побѣгла. Бяжиць, бяжиць—пасѣтца стадо воловъ. Яна пытаецца у пастуховъ: «пастухи, пастухи, чіе гѣто волы?»—Змѣя Горымца!—«Ай, пастухи: коли у васъ хто спросиць, чіе гѣто волы, дыкъ не кажиця, што Змѣя Горымца, а скажиця, што Сцепана, вяликаго пана. А то, ўдзець Громъ зъ Молоднѣй, енѣ пупалиць и пусмалиць васъ, коли вы гѣтакъ не скажиця!»—Добра, скажамъ сабѣ й такъ!

Побѣгла лисичка дальше, видиць табунъ лошадей. «Пастухи, пастухи! чіе гѣто конѣ?»—Змѣя Горымца!—«Ай, пастухи, пастухи! не кажиця Змѣя Горымца, а кажиця

Сцепана, вялікага пана! А то ўдзець Громъ зъ Молоньней, ёнъ васъ поб'ець і пупаліць, коли не будзеца такъ казаць!»—Добро, скажамъ!

Поб'ігла лисичка далей, бачіць—пасётца стадо коровъ і овецъ. Яна пытаецца, у пастуховъ: «пастухі, пастухі, чіе гэта стадо коровъ і овецъ?»—Зм'я Горымца!—Ай, пастухі: не кажыця вы, што гэта Зм'я Горымца, а кажыця, што Сцепана, вялікага пана. А то ўдзець Громъ зъ Молоньней, ёнъ васъ поб'ець і пупаліць!»—Добро, скажамъ і такъ. Бяжыць лисица далей, ажны видзіць—жнуць жнейкі. Яна спрашчыць: чіе вы, жнейкі?—Зм'я Горымца!—«Ай, жнейкі: ўдзець Громъ зъ Молоньней: ёнъ васъ і пупаліць і пусмаліць, коли вы будзеца казаць, што вы Зм'я Горымца. Вы кажыця, што вы Сцепана, вялікага пана!» А жнейкі кажуць: добра, скажамъ!

А лисица поб'ігла далі. Глядзіць, ажны косюць косцы. «Косцы, косцы, чіе вы?»—Зм'я Горымца!—Ай, косцы: ўдзець Громъ зъ Молоньней: ёнъ васъ і пупаліць і пусмаліць, коли вы будзеца казаць, што вы Зм'я Горымца. Вы кажыця, што вы Сцепана вялікага пана!»—Добро, скажамъ! Поб'ігла лисица далей, видзіць, стоіць домъ на два янцы, вокругъ слугі ходзюць. «Слугі, слугі, чій гэта домъ?»—Зм'я Горымца!—«Ай, слугі: ўдзець Громъ зъ Молоньней: ёнъ васъ пупаліць, пусмаліць, коли вы будзеца такъ казаць. Вы кажыця, што вы Сцепана, вялікага пана!»—Добро, скажамъ!.. Уб'ігла лисичка ў покой, бачіць, Зм'я і Зм'я збіраюцца іці на прахацку. Лисичка гаворыць: «ці в'ідаецца што? Ыдзець сюды къ вамъ Громъ зъ Молоньней: ёнъ васъ поб'ець і пупаліць, кылі вы ня схуаецеся. Ты, Зм'я, схувайся у дупл'е ў тэй дуб'е, што лі палацовъ стоіць, а ты, Зм'я, л'эзь пад мостъ!» Похуваліся Зм'я і Зм'я ў Зм'яю, а лисичка осталася ходзячай у домі: жд'ець Сцепана, вялікага пана зъ молодухой і т'эсцамі.

Ўдучъ яны ўжэ, Громъ зъ Молоньней, къ Сцепану, вялікаму пану догуліваць вяселья, бачуць большое стадо волавъ. Громъ патаецца у пастуховъ: чіе гэта воны?—Сцепана, вялікага пана! Поўхалі далей, бачуць большій табунъ лошадей. «Чіе гэта коні?»—Сцепана, вялікага пана! Громъ тэй ажны рад'уецца! Ўдучъ далей, бачуць стадо коровъ і овецъ. «Эй, пастухі, чіе гэта коровы да овцы?»—Сцепана, вялікага пана! Пріўхалі къ жнейкамъ, Громъ патаецца: жнейкі, чіе вы? А жнейкі кажуць: Сцепана, вялікага пана! Поўхалі далей, бачуць косцовъ: «Косцы, косцы, чіе вы?»—Сцепана, вялікага пана! Ўдучъ яны далей, видзюць домъ на два янцы, большій, пругожій. І вокругъ слугі ходзюць. Громъ патаецца у слугъ: «чій гэта домъ?»—Сцепана, вялікага пана! Громъ думаецъ: во, богатыі якіі гэтыі пані!

Выб'ігаецъ лиска сватыця, сустрачаецъ іхъ на крылцы і вядз'ець у покой. А Сцепанъ вялікіі панъ толькі дзівіцца. Увійшлі яны у покой, лиска под'іла къ Грому і кажэць: «Громъ, Громъ! я ніколі ня вядз'іла, якъ ты грывіш і якъ Молонья бліскаецъ. Покажы ты мн'е, стукні вотъ суды у гэтыі дубъ, у дупл'е!» Громъ якъ загудзіць, якъ загрыміць, якъ стукнець у дупл'е—разбіць дуба ўм'ісці зъ Зм'емъ, а Молонья спаліла. Тоды лиска узновъ гаворыць: «Громъ, Громъ, я загл'ідзілася і ня вядз'іла, якъ ты ударіць. Стукні ще вотъ у гэтыі мостъ!» Громъ якъ загудзіць, якъ загрыміць, якъ стукнець у мостъ—і разбіць яго ўм'ісці зъ Зм'яю, а Молонья спаліла!..

Такъ кумка—лиска—сватыцюшка зд'ілала ўсё, што хоц'іла. Сталі яны тамъ п'іць—гудзіць, добрыя мыслі маць, і застався Сцепанъ, вялікіі панъ у гэтыі дом

ходяиномъ, и ставъ наживаѣтъ яще большаго добра. И я тамъ была, медь-вино пила, по бородѣ цыкло, а ў ротъ ня пупало. Дали мнѣ смыкъ—я пудъ ворота шыкъ; дали мнѣ чыпалу—я побѣгла пы сялу; дали мнѣ блинъ, што три годы гнивь. Я за тѣй блинъ да домовъ. Выскочили дѣвки, молодзицы, кричаѣтъ: блинъ, блинъ! да за мной! Я давай тѣй блинъ по кусочкамъ ирваѣтъ, да имъ кидаѣтъ. Такъ увесъ и раздзялила тѣй блинъ. А сабѣ ничо́го й не осталось.

С. Уляновичи, стнн. у. Зап. С. М. Космачевская. Ср. Афан. IV, 42, Сад. 82, Чубин. 204

34. Иванъ-царь Копицкій.

Живъ сабѣ такъ одинъ ўюношъ, звали яго Иванъ. И яго ня було ниякихъ *родиталей*: ёнъ живъ одинъ. Наймѣтца сабѣ гдѣ у паробки, и живе. Отъ, разъ, договорився ёнъ служить у хозяина на цѣлный годъ. И за сколько ень у яго нанявся—за 'динъ шагъ (т. е. полкопѣйки, денежка). Прослуживъ ень щиро етый годъ и дае яму хозяинъ десять карбованцовъ и хлѣба на дорогу. Ёнъ жа не бярэ етыхъ грошай, ни хлѣба, узявъ только одинъ заробляныи шагъ, пообѣдаѣтъ, попрощавсь съ хозяиномъ и пошовъ. Дойшовъ ень до крыницы, шагъ етый узявъ и кинувъ у крыницу. А самъ пошовъ у другую дярэвню, и ставъ тамъ ще на годъ у хозяина—за два шага (т. е. 1 коп.) Прослуживъ ень тамъ цѣлный годъ, хозяинъ дае яму дватцать карбованцовъ за яго працу и хлѣба на дорогу. Ень жа не бярэ етыхъ грошай, ни хлѣба, а бярэ только своё заробляныи два шага. Пообѣдаѣтъ, попрощавсь, и пошовъ. Пришовъ ень къ самой той крыницы и укинувъ своё два шага. Сѣвъ тамъ, отдыхавъ, и пошовъ дальшъ. Приходя зновъ у другое сяло, и договоривсь тамъ у хозяина на годъ за три-гроши (1½ коп.) Выслуживъ ёнъ етый годъ, дае яму хозяинъ расчотъ: дае яму три-цать карбованцовъ, и хлѣба й сала на дорогу, за яго працу. Ень кажа: на што мнѣ трицать карбованцовъ, коли я договаравався за три гроши? Ня ўзявъ ень тыхъ грошай, а ўзявъ своё заробляныи три-гроши, пообѣдаѣтъ, узявъ хлѣба на дорогу и сала, попрощавсь и пошовъ. Вышовъ ёнъ у поля, доходя до той самой крыницы, и етыхъ три-гроши укинувъ. Самъ пошовъ подъ *кону*, сѣвъ да й давай хлѣбъ ѣсть и сало. Нѣчимъ яму було рэзатъ, дакъ ень ись цѣлаго и кусая.

Ажъ во, бягитъ лисичка-сястричка: «драстуй, Иванъ, царь *Копицкій*!»—Здоровъ, лисичка-сястричка!—«Дай и мнѣ хлѣбца!»—Да я давъ ба, дакъ вѣ—ножика няма, нѣчимъ отрэзатъ!—«Погуляй-ка, я доставу!» Побѣгла ў сяло, украла ножикъ и принося. Вотъ Иванъ порэзавъ хлѣбъ и сало, сѣли яны удвохъ, и давай ѣсти хлѣбъ да сало, полудновать. Тогда лисица спрашуя у Ївана: а што, Иванъ, царь Копицкій: ти ты холостый, ти жанатый?—Холостый, кажа Иванъ. Яна тогда кажа: ну, Иванъ, я за табе пойду ў сваты къ Грому! А ень отказуя: Якъ жа! Тамъ за табе ня 'тдадутъ!—Нѣ, ота-дуть! Я побягу, а ты обжидай мене тутъ!.. Побѣгла лисичка лѣсомъ, а на сустрачу ей мядвѣдь иде: «драстуй, лисичка-сястричка!»—Здоровъ!—«Куды ты йдѣшь?»—А за вами медвѣдями: заўтра ў Грома болшій празьникъ, то ень и васъ медвѣдѣвъ прося къ сабѣ. Дакъ позбирай хутчѣй усихъ медвѣдѣвъ, да й пойдомъ заўтра ўрани. Мядвѣдь пошовъ збирать, а лисица побѣгла даляй. Бѣгла, бѣгла, сустракаетца вовѣ:

«драстуй, кумка-голубка, куды ты йдешъ?»—А за вами вовками: заўтра у Грома болшій празьнік, то ёнъ и васъ вовковъ прося къ сабѣ. Дакъ вотъ позбирай усихъ вовковъ, да заўтра и пойдомъ урани! Вовкъ побѣгъ збирать по лясѹ вовковъ, а лисица пошла даляй. Бягить заяцъ. «Драстуй, кумка-голубка! Куды ты йдешъ?»—А по васъ, зайцовъ: заўтра у Грома болшій празьнік, то просивъ ёнъ и васъ зайцовъ къ сабѣ. Иди хутчѣй збирай усихъ зайцовъ, да й пойдомъ!..

Назаўтраго ўрани позбiрались усѣ мядвѣди, вовки, зайцы съ усято лѣсу. Вотъ лисица и повяла ихъ къ Грому. Приводя туды, поставила ихъ на дворѣ, а сама пошла у хату. «Драстуй, Громъ!—Здоровъ, лисичка-сястричка!—«Пришла я къ табѣ, Громъ, у сваты за Ивана, цара Копицкаго. Вунъ ёнъ приславъ табѣ звяровъ, дарѹ!»—Спасибо. А чаму жъ Иванъ самъ ня пріѣхавъ ко мнѣ у сваты?»—«Да яму стыдно показатца суды!»—Зачимъ такъ?»—«Да енъ ѣхавъ зъ города, на яго напали разбойники и ободрали яго: и коняй узяли и повозку, и одѣжу зняли. То ёнъ и ня йдѣ суды, а тамъ сидитъ подѣ копой!» Тогды Громъ приказавъ загнать звяровъ у звярыняцъ, а лисицы дать коняй съ кучаромъ, и давъ одѣжу ли Йвана. Лисица поѣхала къ Ивану и кажа: «одявайся у ету одѣжу, поѣдомъ къ Грому!» И наўчила яго, якъ и што казать Грому. Ну, енъ одѣвсь, и поѣхали. Пріяжжяать туды. Громъ узавъ яго подѣ-пашки и повѣвъ у комлаты. Вотъ яны повянячались зъ Громовой дочкой и стали жить у Грома. И лисица зъ ими.

А на тымъ мѣсти, коло той крыницы, што енъ укинувъ три копѣйки, вышла цѣрква, и на вярху написано золотыми литарами: Ивана, цара Копицкаго.

Вотъ, пожили яны мѣсяцъ, а можа два, у Грома, стала тогды лисица говорить Иваньку: «ну, Иванъ, проси Грома, штобъ намъ ѣхать у своѣ царство!»—А дѣ-жъ яно?»—«Да ты тольки ѣдь!» кажа лисица. Отъ Иванъ ставъ просить Грома, штобъ ѣхать у яго царство. Громъ кажа: ну, поѣдомъ! Узяли, запрагли коняй и поѣхали. Ъдутъ и бачать тую цѣркву. Громъ и читая: Ивана, цара Копицкаго! А Иванъ кажа: такъ, вѣрно, ето моя цѣрква. А лисица побѣгла упародѣ. Отъ яна бягить, бягить, бача—пасуть пастухи стадо коняй. Прибѣгла яна къ имъ: «драстуйтя, пастухи!»—Здоровъ!—«А што, чій ето скотъ?»—Зміёвъ!—«Вотъ жа, кажа лисица: ѣда тутъ Громъ, и сирося у васъ, чій ето скотъ, то вы скажитя: ето скотъ Ивана, цара Копицкаго! А коли скажятя: зміёвъ, то ёнъ васъ убѣе и скотъ забярѣ!»—Добро, кажать пастухи. Вотъ лисица и побѣгла дальше. Дояжжяать до пастуховъ Иванъ да Громъ. Громъ и пытая: чіе ето кони?» А пастухи кажать: Ивана, цара Копицкаго!—Такъ, вѣрно кажа Иванъ: ето моѣ кони! А лисица dobyтая до другихъ пастуховъ, што пасли коровъ. «А што, чій ето скотъ?»—Ето скотъ зміёвъ!—«А вотъ што: ззаду ѣдя Громъ. Ёнъ сирося у васъ, чій ето скотъ, то вы скажитя: Ивана, цара Копицкаго! А коли скажятя—зміёвъ, то ёнъ васъ убѣе и скотъ съ собой забярѣ!»—Добро, скажамъ!.. Побѣгла яна дальшъ. Дояжжяать Иванъ и Громъ до тыхъ пастуховъ, Громъ спрашуя: а што, чій ето скотъ?»—Ивана, цара Копицкаго!—Такъ, вѣрно, ето мой скотъ, кажа Иванъ.

Добытая лисица до города. Прибѣгла яна къ змію и кажа: вотъ, ѣдя суды Громъ, то я боюсь, коли бъ ёнъ табе ня страбивъ. Сховайсь ты лучъ, покуль ёнъ тутъ

погостюя. А штобъ ень ня такъ сярчавъ, вяли *побликовать*, што ето городъ Ивана, цара Копицкаго, и штобъ сустрѣли яго зъ вяликою милостю и ў твой домъ привяли!.. Отъ, змѣй сховався у дуплѣ на тое дерево, што стояло на дворѣ проти окна. А люди поѣхали на сустрѣчу Грому, сустрѣли яго зъ вяликою милостю и привяли у домъ змѣйвъ. Тогда лисица кажа Ивану: прикажи ты своимъ слугамъ, што бѣ у ето дерево съ пушки выстралили, и ўсѣ, што ў ёмъ ё, штобъ спалили: тамъ сядить змѣй, котораго етый домъ!» Отъ, сичасъ слуги выстралили съ пушки, и тое дерево разбили на мелкія щепочки и спалили.

Громъ тогда, погостювавши, поѣхавъ домовъ, а Иванъ, царъ Копицкій ставъ тамъ паровать ужѣсто змѣя зъ Громовой дочарью. После етаго здѣлали пиръ на ўвесь мѣръ, и я тамъ бывъ, мѣдъ-вино пивъ, по вусамъ такло, а ў роти ня було.

Гомельск. у.

35. Панъ Копичинскій.

Жили были сабѣ такъ два браты. Жили яны богато и ня видзили бяды. Тоды яны пошли искаць бяды. Ишли, ишли, у кого ня спытаютца, ниhto имъ бяды не на-раиць. Пошли яны щѣ дали и видзюць раку. А ў тѣй рацѣ сядзиць баба по вуши у грази. Стали яны у яе пытатца бяды, а ина кажець: «выцягниця мяне, тоды скажу!» —Нѣ, скажи, тоды выцягнемъ!—«Нѣ, выцягниця, тоды скажу!» Алитки яны яе выцягнули. Тоды яна кажець: «зайдзиця за горѣ, тамъ убачиця дворъ, шастоколомъ обнесяный: о тамъ бада живець!» Яны подзяковали и пошли. Пришли къ тому двору, а тѣй дворъ зъ двананцаці ворѣтами, а тѣя ворѣты порасчиняты. Тоды яны зайшли на дворъ. Якъ только узойшли на дворъ, ворота зачинилися. Приходзюць къ хацѣ, двери расчиняты, а якъ зайшли яны ў хату, двери зачинилися. А ў тѣй хацѣ только печь ды столъ стоиць, а на тѣй печи ляжиць ды сушитца баба, якую яны выцягнули. Стояць яны ды боятца. А баба ўстала, узала сякеру ды кажець: который зъ васъ старѣйшій братъ? А ^мёнъ кажець: я! Яна яму голову отсѣкла, тоды сыпакла и зѣла. Сама залѣзла на печь ды й заснула. А другій братъ думаець: якъ бы тутъ вылазцы? На другій дзень яна ўстала, ды Богъ ёй давъ слѣпотѣ. Яна кажець: дзѣ ты, дзицятка? А ёнъ кажець: тутъ, бапка! Ды самъ бѣгаець по вуглахъ. «Идѣ ты, дзицятка?»—Тутъ, бапка!—«Идѣ ты, дзицятка?»—Тутъ, бапка! Бѣгали, бѣгали по хацѣ, тоды видзиць ень—расчинилися двери. Енъ тоды побѣхъ на дворъ ды сховався у вовчарникъ и сядзиць. «Идѣ ты, дзицятка?»—Тутъ, бапка! Пришла яна тоды у вовчарникъ и стала у дверяхъ. Ставъ ёнъ ёй подаваць овечакъ. Яна ухопиць, голову отсѣчець ды й кинецъ черазъ шастоколь. Енъ подасъ, яна отсѣчець голову ды й кинецъ черазъ шастоколь. Перадававъ ёнъ ёй усихъ овечакъ—осталася только одна. Енъ ёй подавъ яе ды й самъ уцупився крѣпко у вовну. Баба ухалила овечку, отсѣкла ёй голову, ды й перакинула черазъ шастоколь, перакинула исъ овечкой и того чаловѣка. Якъ только перакинула, дыкъ ворота уси и отчинилися, и баба стала видзиць. Тѣй чаловѣкъ побѣхъ уцекаць, а баба за имъ. Яна кажець: догоню! А ень кажець: не догонишь!—Догоню!—Не догонишь!—Догоню!—Не догонишь! Бѣгла, бѣгла

не догнала. Пуссила баба за нѣ сякерку. А сякерка попала не ў яго, да ў дупѣ. Енѣ думаець сабѣ: *возню* топорѣ! Тольки притронувся, а рука и притала къ сякерцы. И баба набягаець. Енѣ тоды руку по локоцѣ откручивѣ, ды й побѣхѣ. А баба узяла сякерку, руку зѣла и пошла домовѣ.

Тѣй чаловѣкъ ишовѣ, ишовѣ, ашѣ видзиць копа сѣна. Енѣ сѣвѣ подѣ тѣй копой, и сядзиць. А рука болиць, ѣсци хочетца!... Бяжиць коло тые копы лисица, убачила яго ды кажець: «здоровѣ, панѣ Копичинскій!»—Здоровѣ!—«Што сядзишь тутѣ?»—А што шѣ, рука болиць, ѣсци хочетца. —«Ну, циху: я табѣ ѣсци дамѣ!» Пошла йна искаць ѣсци, ашѣ вязуць баранки. Яна лягла на дорози ды й на дышиць. Наѣхали на яѣ, ўзяли ды положили на посльѣдній возѣ. А лисица поповыкидала уси баранки ды подобрала и принасла Копичинскому. Тоды енѣ подѣвѣвѣ ды кажець: цяперѣ, нема у мяне чаго надѣвѣць! Лисица пошла искаць яму одѣежи, ды видзиць, вязуць солдатамѣ шанялѣ, штаны. Яна легла на дорози и на дышиць. Яны яѣ узложили на возѣ, а яна поповыкидала одѣежу и упекла. Позвала Копичинскаго, енѣ подобравѣ и надѣвѣвся. Тоды лисица кажець: ци хочешѣ жанитца, я цябе ожаню! А енѣ кажець: хочу! Тоды лисица побѣгла у сваты къ цару Грому и высватала за Копичинскаго яго дочку. Стали збиратца къ вянцу. Лисица побѣгла къ Копичинскому ды кажець: лѣзѣ по шію у водѣ ды пусци свою одѣежу на воду. Енѣ улѣзѣ у воду по шію, пусцивѣ одѣежу на водѣ, а самѣ якѣ ба тонецѣ. Лисица побѣгла къ Грому ды кажець: ѣдзѣя скорѣй, а то панѣ Копичинскій утопитца! Яны поѣхали, выпягнули яго зѣ воды, ды дали яму одѣежу дужо хорошую. Тоды енѣ надѣвѣвся ды кажець: «у мяне було гѣткихѣ восамѣ, ды я ихѣ обѣ землю бросивѣ! Што гѣто за 'дѣежа?» Поѣхали яны къ вянцу, перавянчалися и поѣхали домовѣ. А лисица побѣгла поперадѣ, ды видзиць, пасуць конѣй. Яна побѣгла къ пастухамѣ, ды кажець: чѣ гѣто конѣ? А яны кажуць: цара Зымѣя! А лисица кажець: «ня кажица, што цара Зымѣя, а кажица, што пана Копичинскаго. А то ѣдзецѣ яго цесѣ (тестѣ), царѣ Громѣ, дыкъ енѣ васѣ побѣецѣ!» Ды сама побѣгла дали. Бѣгла, бѣгла, ашѣ видзиць, пасуць коровѣ. Ина побѣгла къ пастухамѣ ды кажець: «чѣ гѣто коровѣ?» А яны кажуць: цара Зымѣя!—«Ня кажица, што цара Зымѣя, а кажица, што пана Копичинскаго. А то ѣдзецѣ цесѣ яго, царѣ Громѣ, дакъ енѣ васѣ побѣецѣ!» А сама побѣгла дали. Бѣгла, бѣгла, ашѣ видзиць—пасуць гусей. Ина кажець: чѣ гѣто гусѣ?—Цара Зымѣя!—«Ня кажица, што цара Зымѣя, а кажица, што пана Копичинскаго. А то ѣдзецѣ яго цесѣ, царѣ Громѣ, дыкъ енѣ васѣ забѣецѣ!» А сама побѣгла дали. Бѣгла, бѣгла, ашѣ видзиць—пасуць сѣвиньней. Тоды яна кажець пастухамѣ: чѣ гѣто сѣвиньнѣ? А яны кажуць: цара Зымѣя!—«Ня кажица, што цара Зымѣя, а кажица, што пана Копичинскаго. А то ѣдзецѣ яго цесѣ, царѣ Громѣ, дакъ енѣ васѣ забѣецѣ. Тоды лисица побѣгла къ самому цару Зымѣю, ды кажець: «ховайся, царѣ Зымѣй, а то ѣдзецѣ царѣ Громѣ, дыкъ енѣ цябе забѣецѣ!» А енѣ кажець: куды жѣ мѣ ховатца?—А ў гѣтый дупѣ, у дуплѣ! Тоды енѣ улѣзѣ у дуплѣ и сѣ сямѣй, а лисица закрыла ихѣ.

Ѣдзецѣ царѣ Громѣ коло пастуховѣ. У кого ни спытаецца: чѣй гѣто скотѣ? Уси кажуць: пана Копичинскаго. Прѣяжжаюць икъ дому, а лисичка наготовила ѣсци. Увѣйшли яны ў хату, побѣдали. Тоды лисица кажець на цара Грома: вотѣ, кажець, царѣ Громѣ! ты якѣя каменья разбивавѣ, якѣя дзярѣвѣя разбивавѣ, якѣя дворѣ разби-

вавъ, а гэтаго дуба ня разобъёшь!» Ёнъ якъ усердитца, якъ удариць у дуба—дыкъ дубъ и разбився у тресочки!... Справили яны вяселья, и Копичинскій ставъ царо-ваць у царству Зымѣя-цара. На тымъ вясельи и я бывъ. Коли вяселья кончытца, тоды моя басня продовжитца.

Д. Богданово, ульян. вол. стѣнн. у. Крест. Ѳеодосъ Осиповъ.

36. Попелышна.

У воднэй хади на 'дзиноцы живъ сабѣ Попялышка и котъ. Попялышка усё ў ям-цы кычався у попяли, а котъ живъ на печи. Жили яны гэтыкъ доўго. Одзинъ разъ котъ кажець Попялышку: «слухай, Попялышка! Што мы такъ живемъ цѣлый вѣкъ? Пойду я къ Грому и къ Молоньи у сваты, и высватаю табѣ ихнюю дочку, и ты оженись-ся!» А Попялышка кажець: «куды мнѣ жанитца? У мяне нема ни одзѣжи, ни люд-скосци; я ўсё кычаюся у попяли, а ты хочашъ мяне жаниць на Громовой и на Мо-лоньиной дочкѣ!»—Нѣ, ожаню, кажець котъ. И пошовъ у сваты. Ишовъ, ишовъ, и тэразъ три дни приходзиць якъ Грому. Увийшовъ у яго пылацы. Громъ якъ убачивъ кота,—ахъ кажець, які́ славный котокъ! Узявъ яго на ўлоньи къ сабѣ и ставъ гладзиць. А котъ кажець: «я къ табѣ, Громъ, ня гуляць пришовъ, а чувъ, што у васъ ёсь дочка, дыкъ я пришовъ у сваты. Ды сватыю не за простаго, а за пана По-пялышку!» Громъ зъ Молоньёй пырадзились, пырадзились, ды й сыгласились отдаць дочку за Попялышку. Згуляли яны запоины, и котъ-сватъ на запоинахъ троху подпивъ; мусили яго ня пусциць проци ночи у дорогу. Нызаўтраго енъ уставъ, пыхмялився, и кажець на Грома: «ну, я пойду ужо ды пана Попялышки. А тэразъ днёвъ сколько мы будземъ якъ вамъ. Тольки я видзѣвъ у васъ дзиравые мосты на дорози, дыкъ вы прикажица ихъ пыладзиць, а то якъ буду я ўхыць съ своей дружиной, дыкъ часомъ увалюся!» Попрошався ёнъ зъ Громомъ, зъ Молоньёй, и пошовъ домовъ. Ишовъ, ишовъ, при-ходзиць къ тэй хади, идзѣ шюць красныя шапки. Енъ назбиравъ шматъ красныхъ окраекъ, и приносиць ихъ домовъ. «Ну, кажець, Попялышка: высватавъ я табѣ Гро-муву дочку!» А самъ сѣвъ шпцъ съ тыхъ окраекъ шапки. Нашивъ енъ ихъ дужо много, цѣлый мѣхъ. Тоды узали яны съ Попялышкомъ гэтый мѣхъ шапокъ, и пошли къ Грому. Ишли яны, ишли, дойшли до мосту, котъ узявъ да й поўкidyвавъ у воду шапки! Приходзюць яны къ Грому. Котъ жа пошовъ у станыцю, а Попялышка уба-чивъ первую печь, дыкъ и ставъ кылы яе, и ўсё глядзиць у попелъ у ямку. Тоды Громъ кажець: а дзѣ жъ панъ Попялышка? А котъ говориць: «ахъ, кабъ ты знавъ, панъ Громъ, што у насъ злучилося! Мы якъ ўхали, тольки доўхали ды моста, а енъ и провалился; дыкъ и дружина уся пытопилася, тольки шапки пѣварху плаваюць, и кони, и коляски, и одзѣжа яго хорошая. Дыкъ енъ у дрэнной одзѣжи стыдзитца сюды йци!» Тоды яны узали яго *надзѣли* у хорошую одзѣжу, и згуляли вяселья.

Цяперъ кажуць Молонья и Громъ: ну, цяперъ поўдземъ къ табѣ, пывязѣмъ свою дочку! Тоды котъ кажець: «енъ чаловѣкъ одзiнокий, у яго некому прибраць пылацевъ. А якъ вы поўдзеця къ яму, дыкъ у неприбранныхъ пыладахъ будзець няпругожа. Дыкъ вы тутъ пыдожджица, а я пойду, прыбару яму палацы!» Яны осталися, а котъ

побѣгъ отъ ихъ. Бяжиць енѣ дорогой—ажъ косиць дужо много косцовъ. Котъ пыта-етца: чіе вы? А косцы кажуць: вужовы. Тоды котъ кажець: «не кажиця-вужовы, а кажиця пана Попялышки, бы їдзець тутъ Громъ изъ Молоньней, дыкъ яны васъ и спалюць и ссмалюць, коли вы скажаця, што вужовы!» Тоды побѣгъ енѣ дали, видиць—жнѣць дужо много жонокъ. Котъ прибгаецъ къ имъ и пытаецца: чіе вы? А жнѣи кажуць: вужовы!—«Не кажиця-вужовы, а кажиця пана Попялышки; а коли скажаця вужовы, дыкъ тутъ будзецъ їхаць Громъ зъ Молоньней, яны васъ испалюць и ссмалюць!» Тоды побѣгъ дали, ажъ пасытитца дужо много коровъ и овечакъ. Котъ пытаецца у пастуховъ: чіе гѣто коровы и овечки? А пастухи кажуць: вужовы! А котъ кажець: «не кажиця вужовы, а кажиця, што мы пана Попялышки, кыли ў васъ хто спыта-етца. Вы тутъ будуць їхаць Громъ изъ Молоньней, дыкъ яны васъ спалюць и ссма-люць.» Тоды бяжиць енѣ дальше, видиць—дужо пругожій пылаць. А ў гѣтымъ пы-лаци живѣ самъ вужъ. Прибгаецъ енѣ къ вужу. Вужъ якъ убачивъ ката, уловивъ яго, пысадивъ на ўлоньня, гладзиць яго и кажець: ахъ, якій славный котокъ, дайця яму їсьци! Яму того часу налили їсьци. Енѣ подївѣвъ и кажець: ахъ, панъ Вужъ! Я прибѣгъ цябе перасцерагчй; бы їдзець Громъ изъ Молоньней, дыкъ я чувъ, што яны радзилиси цябе и спалиць и ссмалиць! Вужъ спужався и кажець: а дзѣ жъ мнѣ дзѣтца? А котъ кажець: а ў цябе на поли їсь большій дужо дубъ, дыкъ ты улѣзъ у дуплѣ и сядзъ. А Громъ якъ пераїдзець, дыкъ я табѣ тоды скажу, дыкъ ты выле-зешъ. Вужъ пошовъ ды й сѣвъ у дуплѣ. А котъ побѣгъ назадъ. Прибѣгаецъ къ Гро-му и кажець: ну, їдзъ, я ўжо приладзивъ пылацы! Громъ запрогъ буды восьмѣркой и поїхавъ къ Попялышку зъ жонкой, зъ дочкой, съ котомъ и съ Попялышкомъ. Ёдуць яны и видиць дужо много косцовъ. Громъ пытаецца: чіе вы косцы? А яны кажуць: Попялышковы! Поїхали дали, видиць дужо много жнѣи. Тоды пытаецца Громъ: чіе вы? А жнѣи кажуць: Попялышковы! Тоды поїхали яны дали, ажъ насыцюць пастухи дужо много коровъ и овецъ. Громъ пытаецца: чіе вы? А пастухи кажуць: Попялыш-ковы! Тоды прїїхали яны у дворець. Котъ кажець: ну, злѣзайця! гѣто Попялышковъ дворець! Громъ зъ Молоньней, и зъ дочкой, и съ Попялышкомъ, вылезли зъ буды и пошли у пылаць. Увийшли у сярѣзину, а тамъ ажъ золото кашпець. Сѣли зы столы, а на столахъ тольки птушаччаго молока нема, а то їсѣ їсь!

И пгычали яны гуляць вяселья у Попялышки. Отгуляли вяселья, тоды котъ ка-жець: вотъ, панъ Громъ изъ Молоньней! Тутъ дужо добро намъ було и будзецъ жиць; али тутъ їсь вужъ, дыкъ енѣ намъ житьця не даецъ! А Громъ кажець: а дзѣ енѣ живѣць?—А вотъ я, кажець котъ, васъ пывяду! И повѣвъ Грома и Молоньню къ ду-бу, дзѣ сядзѣвъ вужъ. Якъ привѣвъ ихъ къ дубу, ды показавъ гѣтый дубъ—Громъ якъ давъ пяруномъ—дыкъ дубъ и расщавивъ! А Молоньня якъ свиснула—дыкъ и за-горѣвся и дубъ и вужъ, и згорѣли! Тоды Громъ попрашався зъ дочкой и зъ зяцемъ и поїхали домовъ. А Попялышка ставъ жиць у вужовымъ ховиварку.

И ужо якъ ставъ паномъ, дыкъ ужо ня лазивъ у ямку у попяль. А котъ бывъ у яго комисаромъ...

Д. Слудцы, лукомльскай вол. стѣнн. у.

Отъ кр. Данилы Клементьева запис. кр. Миронъ Познякъ.

37. Тритцаць три сыны, два и одзинь.

Вотъ были такъ сабѣ бацька и matka. И мѣли яны тритцаць три сыны, два и одзинь. И етый одзинь, болшій сынъ, бывъ дуракъ. Были яны дужо зъ бѣднаго зложенія; а покуль етыхъ сыновъ порасцивъ, бѣдзякъ моцно ставъ. Порасцивъ ёнъ сыновъ, посправлявъ усимъ имъ топоры: тритцаць три топоры, два и одзинь. Пошли яны логъ церабиць на сѣнокосъ. Выцерабивши логъ, дождались яны уремтя того, што треба косиць. Поѣхавъ бацька у мясечко, купивъ тритцаць три косы, двѣ и одну. Выкосили яны логъ. Яны жъ—тритцаць три и два—особянно косили, а дуракъ особянно сабѣ косивъ. И выкашуа ёнъ одзинь туу часъ, акъ тыа уси своимъ семействомъ выкашуюць. Дождались погоды, сѣно тоа пограбли, посклали ў стоги, а дуракъ свою часъ особянно. Приходзюць домовъ, и спрашуа бацька у ихъ: идзѣ, каа, вашъ братъ, дуракъ нашъ? Што вы яго бросили? Яны гувораць: «ахъ, бацюшка! А што мы яму здѣлаамъ, коли ёнъ сильный: ёнъ такія копы злѣжаа укучу, акъ мы стоги. То мы ничѣго ня можамъ здѣлаць!» Ну, акъ отцу, стало жалко свуго сына дурака, то пушовъ ёнъ на работу къ яму самъ. Приходзя къ дураку, дуракъ и гувора: «благодару табѣ, оцень, што ты мяне не поконавъ!» И цяперъ, дуракъ ставъ своё копы къ одонищу цягаць на своихъ плячахъ, акъ на коні, и ўсадивъ свуго бацьку на дѣнища и зачавъ у стогъ складаць сѣно. Искавши у стогъ сѣно, кинавъ бацьку на стогу и пушовъ самъ думовъ. Пришовъ думовъ, спрашуюць у яго брацьця яго: «идзѣ ты бацьку дзѣвѣ?»—А на стогу!—«Коли-жъ мы яго возьмёмъ?»—«Акъ за сѣномъ поѣдомъ, тоды й возьмёмъ! Ну, акъ имъ жалко отца свого, дакъ яны ўзяли, пошли да й зняли отца съ стога, ня дожидаячись.

Акъ стояци сѣну тому, дакъ до восеньска уремтя. А въ восянь гувораць разумныя дураку: «дуракъ, а видъ наша сѣно кони чужія поѣли!» Дождаетца ёнъ ношнаго уремтя, дуракъ, и иде на сторожу. Сѣвъ на сторожу, прибѣгаа тритцаць три кони, два и одзинь, и на ихъ золотая шарсцinka и сарэбранаа. И ставъ проци дурака лошады простиы. Етый дуракъ не позавидовавъ на прыгожаго коня, да ўфацивъ простого. Етый «лошадзь яму кажа: «ну, гувора, Иванъ Ивановичъ: ўзявъ ты мяне, и ўсихъ побярешъ!» Сѣвъ етый дуракъ на лошады и поѣхавъ ду дому, и ўси ўслѣдъ за имъ. Приѣхавъ Иванъ Ивановичъ у дворъ, ихъ загнавъ у пуню и замкнувъ на замокъ. И ўходзя ў хату и гувора: вотъ, братцы, я ўспярогъ сѣна свуго и вашаго! Оцень почувъ ето и пушовъ у пуню, поладзѣвъ и ўпужався. И пришовъ у хату и гувора: сыны моё! згоняця ихъ зъ двора: ето лошады не простыя! А сыны гувораць: мы згоняць ихъ ня будомъ, а поѣдомъ на ихъ къ цару на гуляння! Поѣхавъ сярэдній сынъ у мясечко, и купивъ тритцать три сядлы, два и одно, и уздѣчки. Осядлали коняи и поѣхали яны; дуракъ уяродъ. Уяжжаюць яны у сцѣпъ къ зялёному лугу, и стоиць тамъ хатка бабы ягы, косцяныя ногы, и на крылцы у яе пѣвянь сядзиць—босы до зѣмлі, а акъ крикня, дакъ голось на ўвесь свѣтъ иде, и гусли самыгранны—самы йграюць, самы скачуць. И ўѣхали яны у тую хатку, а бабы ягы, косцяныя ногы, нема дома, поѣхала на прогулянье; тольки дома яе тритцаць три дочки, двѣ и одна, и зъ естымы зъ братамы волось у волось, голось у

голосъ, лицо ў лицо. Етъя дочки только-што вярнулися съ прогулянья, и прїѣхавши, лягли яны спаць. Ну акъ яны силны и могущи, потомилися, и отдыхающъ яны троа сутокъ. Цяперъ имъ гувора Иванъ Ивановичъ, дуракъ: што, браци? Не ложичеся спаць изъ имы, а то будзя вамъ смерць. А нуця мы плащця парамѣннмъ изъ ихъ на сябе, а съ сабе на ихъ. Потому, акъ ихъ маць прїѣдзя съ прогулянья, а мы зъ имы волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо ў лицо—дакъ мы будомъ цѣлы! Парамянили яны платця и лягли отдыхаць коло тыхъ дѣвкохъ—тритцаць три, два и одзинъ. Пріяжжаа баба-яга исъ прогулянья на кобылицы-сивицы. Акъ уходя яна у своу хату и гувора: «вотъ, дбѣро: госць ко мнѣ прїѣхавъ, пригнавъ моихъ коній—тритцаць три, два и одзинъ!» И съ того сердца схватила исъ сѣньки мечъ и порубила своихъ дочокъ. Тоды сѣла за столъ, разныхъ напнтковъ напилася, и лягла спаць. Акъ яна заснула, тоды устае Иванъ Ивановичъ, дуракъ, и побуджаа своихъ бѣратовъ: пора намъ, каа, братцы, упекаць отъ яѣ! Посядлали коній и поѣхали зновъ къ цару. Прїѣжжающъ яны у царскій дворъ и гувораць: «вотъ, гувѣраць, ваша царскаа анпираторство, госцинчикъ вамъ привяли!» Царъ съ тыа зъ радости ставъ зъ имы пиць и гуляць и бѣсѣдоваць. Цяперъ, попивши, погулявши, яны гувѣраць: «вотъ, ваша царскаа анпираторство: ѣ у бабы ягы, косцяныа ноги, гусли самыгранны, самы йграющъ, самы скачущъ. Вотъ, акъ ба на ваша крылцо: дужо бѣ пригожа було!»—А можаця вы ихъ доставиць?—«Ня то мы могѣмъ,—дуракъ доставя! А мы вамъ, каа, ня етакуу службу сослужамъ! Ето ще службѣчка!» Призовающъ яны дурака къ сабѣ: сослужитка ты намъ службѣчку, достанъ отъ бабы-ягы, косцяныа ноги, гусли самыгранны—самы йграющъ, самы скачущъ! Приходя Иванъ Ивановичъ на конюшню къ своему лошады и гувора: вотъ, каа, лошады мой добрый: загадали намъ браты службу! Лошады гувора: ихъ, хозяинъ мой, Иванъ Ивановичъ, ня смущися! Ето службѣчка, а служба ще ўперадѣ будзя. Тоды Иванъ Ивановичъ акъ усердзися, акъ скоча на свуго коня, акъ кричавъ богатырскимъ голосомъ, свиснавъ молодецкимъ посвистомъ, сѣвъ и поляцѣвъ. Подъяжжаа ѣнъ къ етому крылцу, ухаливъ етъя гусли на бяремѣ, схаливъ и поѣхавъ. Привозя Иванъ Ивановичъ етъя гусли къ цару и ставя на царскимъ крылцы ихъ: яны самы йграющъ, самы й скачущъ. Той царъ зновъ съ тыа зъ большія радости ставъ пиць и гуляць и бѣсѣдоваць зъ братамы. А дурака яны и ў разонтъ ня принимающъ. Тоды яны сколько уремѣя пили, гуляли, а тоды гувѣраць: «ваша царскаа анпираторство! Мы вамъ ще службу сослужимъ. Ё ў бабы ягы, косцяныа ноги, на крылцы пѣвянъ—косы до зямлѣ, а акъ крикня, дакъ голосъ на ўвесь свѣтъ идѣе! Колибъ на ваша крылцо, дакъ ба дужо пригожа було!»—А ци можаця вы яго доставиць?—«Ня то што мы могѣмъ доставиць, дуракъ нашъ можа доставиць! Цяперъ яны яго призовающъ. «Ну, братъ Иванъ: сослуживъ ты намъ службу, сослужи другуу. Доставъ намъ, кажуць, пѣвня, што у бабы ягы, косцяныа ноги, на крылцы, косы до зѣмли, а голосъ на ўвесь свѣтъ. Дакъ на наша бѣ крылцо, каа, пригожа було бѣ!» Пошовъ ѣнъ къ коню. «Што, лошады мой добрый? Вѣлѣли намъ браты сослужиць службѣчку—доставиць пѣвня отъ бабы ягы, косцяныа ноги. Тоды конь гувора: эхъ, хозяинъ мой, Иванъ Ивановичъ, ня смущися! Ето ня служба—службѣчка, служба ще уперадѣ будзя. Доставимъ. Закажи, каа, кувало два пруты зѣлѣныхъ скуваць

погоняць мяне. А то, каа, моя хозяйшка цяэръ (теперь) хитра, знаа, што мы пріѣдомъ. Цяперъ жа, скувавъ куваль два пруты, Иванъ осядлавъ коня, сѣвъ, крикнавъ богатырскимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ, и поѣхавъ. Пріяжжаюць яны у сцяпы, у зялёныя луги. Ну цяперъ лошады говора: «ну, Иванъ Ивановичъ, ходзянтъ мой! Оставайся ты одзинъ, а я побягу къ свуѣй хозяйсцы и спровѣдаю, дзѣ яна.» Оставивъ лошады свайго любезнаго хозяина, Ивана Ивановича, а поляцѣвъ енѣ къ свуѣй хозяйсцы, къ баби-язѣ, косцяной нозѣ. И прилѣтуа енѣ жостко, становитца стромко, и смотриць хозяйсцы у окно—дзѣ яна? Отдыхаа яго хозяйшка на посцели бѣлой. Тоды лошады отправляетца къ свайму любезному хозяину, Ивану Ивановичу. «Ну, любезный мой хозяинъ, Иванъ Ивановичъ, садзись на мяне, пугоняй, каа, бойко, а ня кричи громко, кабъ моя хозяйшка ня почула!» Пріяжжаюць яны къ баби—язѣ, косцяной нозѣ икъ крылцу, забираюць пѣвня—косы до зѣмли, а голосъ на ўвесѣ свѣтъ—на бярэмо. Лошадъ и гувора: «хозяинъ мой, Иванъ Ивановичъ, любезный хозяинъ! коли хочашъ сослужыць братомъ службу—не жалѣй мяне, сячи зялѣзнымы прутамы, уломки зялѣзныя за шкуру мнѣ саджай!» И поляцѣли. Привозюць етаго пѣвня икъ цару и становюць на крылцо. Пѣвнянъ пая, гусли йграюць—и—и, красиво!

Съ тые зъ радосци изновъ царъ ставъ пиць и гуляць и бясѣдоваць съ тымъ зъ братамы. Цяперъ яны гуворуць: «вотъ, каа, ваша царская анцяраторство! Отобрали уси вешпи у бабы ягы, косцяныя ногы. А цяперъ ёсць одна вешпъ: у якомъ царстві, у якомъ государстві ёсць Алѣна курулевна—пракраснаа дзѣвица. Ну, и силѣй, и мудрѣй, и пригожѣй за яѣ нема й ў свѣци нікого. Яна на жану вамъ красиваа бѣ жана была!»—А можаця вы яѣ доставиць?—«Ня то мы могомъ, дуракъ нашъ можа доставиць. А мы ще не такуу службу вамъ сослужамъ!» Цяперъ прізваюць яны брата Иваню. «Вотъ, братъ, сослужи ты намъ службу: ёсць у якомъ, царстві, у якомъ государстві Алѣна курлѣвна, пракраснаа дзѣвица. Дакъ доставъ ты яе сюды цару на жану!» Пошовъ енѣ на конюшню къ свайму лошады и гувора: вотъ, каа, добрый мой лошады! Загадали намъ браты службу. Ё у якомъ царстві, у якомъ государстві Алѣна курлѣвна, пракраснаа дзѣвица, дакъ вялѣли доставиць яе сюды! И лошады засмуцився. «Во ето, любезный хозяинъ, во ето служба! А ще тыки служба большаа будзя! Ну, надзявай на мяне дорогуу збруу, и запрагай у дорогій тарантась, и забирай уси припасы: и пѣвня, и гусли, и разныя напитки. И бари двананцаць пудовъ снасци!» Енѣ надзѣвъ сярэбраный хомутъ и сярэбрануу сядзѣлку, запрогъ у дорогій тарантась, узявъ уси припасы, и отправився у дорогу. Ъхаць, дакъ ѣхаць, ѣхаць, дакъ ѣхаць—тритцаць три годы, два и одзинъ. Пріяжжаа на морскій пристань, дзѣ Алѣна курлѣвна гуляа. Выдувъ лошады изъ ноздзѣрѣ мостъ—золотаа мостничка и сярэбранаа, и насадзивъ обаполь мосту садъ—золотаа яблонка и сярэбранаа, и выдувъ два стўлы золотыхъ, на 'днымъ стули посадзивъ пѣвня—косы до зямли, а голосъ на ўвесѣ свѣтъ идзе—и гусли самыгранны—самы йграюць, самы скачуць, а на другимъ поставивъ разныя напитки. «Ну, хувайся, любезный мой хозяинъ, Иванъ Ивановичъ, пудъ мостъ, и слухай, што яна будзя гувориць, а я побягу у зялёный сцешъ кормитца. А акъ буду потребянъ, ты свисни,—я прыбегу!» Вотъ, у скоромъ уремью Алѣна курлѣвна по мору ѣдзя у золотой лоточцы, а сярэбранымъ вяселдомъ

пограбаа, їдзя и пїсяньки ўспяваа. Прїяжжаа на свой пристань и выходзя. И гувора: «хто на муей пристани красоту такую выстроить? Коли бь ень туть бывь, што бь я яму здѣлала? Хоць ба кушомъ здѣлала, хоць ба мужь мой бывь ба.» Пошла яна тоды кь той красотѣ, узыйшла на мость, подыйшла кь пївню и кь гуслямъ, сѣла ў стули, напилась разныхъ напитковъ и заснула. Тоды Иванъ Ивановичъ съ пудъ мосту вылазъ, узавъ снасъ и завязавъ яе соннуу. Тоды крикнавъ богатырскимъ голосомъ, свиснавъ молодецкимъ посвистомъ. Услышавъ лошады яго голосъ и бязиць кь яму зь дзыхныхъ полѣвъ а зь зяленыхъ луговъ, кь своему любезному хозяину. «Ну, любезный хозяинъ мой, запрагай мяне поспѣшно!» Запрогъ ёнь свою лошады, кинавъ уся свое вѣшпи, только забравъ Алѣну курулевну, забравъ и поѣхавъ. Стѣвъ ень, поѣхавъ, и за тритцаць три часы, и два й одзинъ прїѣхавъ. Прїяжжаюць яны на царскій дворъ, опрощулася яна; страпанулася—уся снасъ зь яе обѣхала. Вышли браты на стрѣчу: «вотъ, каа, ваша царскаа анпараторство, привѣзъ дуракъ вамъ жану—пригожую!» А яна гувора: можа буду жаной, а можа нѣ. Можа тому буду жаной, хто живыа воды доставя мнѣ и мартвыа, и силныа. Ну, цяперъ царъ призавъ братовъ и гувора: сослужиця жь цяперъ мнѣ службу: доставця воды живыа и мартвыа и силныа.—Да ето ня то мы,—дуракъ нашъ доставя! Призаваюць дурака брата: ну братъ, кажуць, Иванюша: сослужи, кажа, послѣднюю службу намъ! Ень засмуцився и заплакувъ. Пошовъ на конюшню и гувора: вотъ, гувора, лошады мой драгоцѣнный! Загадали намъ службу сослужиць: достаць воды живыа и мартвыа и силныа! Тоды лошады засмуцився: во ето, каа, ня службочка, а служба; тутъ мы и головой наложамъ обадва. Ну, упрочамъ, што Богъ дась! отвѣстуа хозяину. Запрогъ ень свуго коня у лѣхкуу пувозку; дали яму грошій на дорогу харчитца; ень и поѣхавъ. Ъхавъ, дакъ ѣхавъ—тритцаць три годы, два и одзинъ, и заѣхавъ у якіася царствы, што уже и самъ не знаа. И подыажжаа якъ тому городу, дѣъ три колодзяжи изъ естой вудой. Лошады гувора: «ну, хозяинъ мой любезный, Иванъ Ивановичъ: я ляжу—здохну, а ты разрѣжъ мнѣ брухо, улѣзь у мой трупъ и сядзи. И будзя летаць воронъ изъ воронятмы, и ёнь упадѣць на мой трупъ, и захоча воронѣнокъ моо воко выклонуць, дакъ ты не давай—ухвацй яго. Зачане воронъ просиць цабе: Иванъ Ивановичъ, пусци мойго дзяцѣнка! А ты скажи: нѣ, воронъ! приняси мнѣ воды живыа и мартвыа, и силныа! Цяперъ ёнь акъ поляциць за етой водой и принясе, дыкъ ты етого вороненка и раздзяри. Дакъ ень яго акъ намоча, ты и будзешъ знаць, якого сорта вода!» Якъ сказавъ ето конь, повалився. Ень пузо разрѣзавъ, улѣзь у трупъ и сядиць. Ляциць воронъ съ трѣмы воронѣнками. Яны упали на трупъ; одзинъ воронѣнокъ прискакуа кь воку, хоцьвъ воко выкляваць,—а ень яго и поймавъ. Тоды етый воронъ гувора: «Иванъ Ивановичъ, пусци муйго дзяцѣнка!»—Нѣ, каа, ня пушшу. Сослужи службу мнѣ: доставъ, каа, воды—живыа, мартвыа и силныа!—«Подвяхи жь мнѣ, Ивана Ивановичъ пуздѣрики подъ крыльля, то я полячу и принясу,—сослужу табѣ службу!» Иванъ Ивановичъ, яму узавъ, подвяхавъ, ень и поляцѣвъ. Ляцѣвъ до города сто вярстовъ шѣ. Прилѣтуа ёнь у городъ,—часовыа стояць надъ етымы надъ колодзяжмы; ень упавъ, и не подлѣтуа,—сядзиць. Солдаты гувораць: «нумъ, каа, мы пташку ету поймаамъ!» И за имъ. А ёнь усѣ даляй, даляй, отводзя ихъ. Отвѣвъ ихъ далѣко, самъ

поднявся, набравъ воды и ў воднымъ колодезѣ, и ў другимъ, и ў третьцямъ—поднявся и полаяѣвъ. Прилѣтуа ихъ лошади къ той: «ну, Иванъ Ивановичъ, бари ў мене вѣщи своѣ!» Тоды Иванъ Ивановичъ узявъ, на двѣ половинки разодравъ яго воронѣнка. Воронъ дзюбочкой узявъ, помочивъ у пудзѣрикъ зъ мяртвой водой, да на вороненка—енъ зросся. Тоды зъ живой—енъ отживився; а съ сильной—силанъ ставъ. Тоды Иванъ Ивановичъ узявъ, своего лошадея етой водой помочивъ, енъ зросся и отживився; тоды сильной помочивъ—енъ силанъ ставъ и красивъ. Енъ сѣвъ на яго и поѣхавъ. То ѣхавъ тритцаць три годы, два и одзинъ, а то за тритцаць три часы, два и одзинъ ставъ. Тоды выходзя Алѣна курлѣвна на дворъ и спрашуа: «Ци привѣзъ, Иванъ Ивановичъ, воды?»—Привѣзъ.—«Ну давай мнѣ!» Тоды Иванъ Ивановичъ отдавъ ёй водѣ туу. Принявши воду туу, Алѣна курлѣвна зачала вясельля гуляць съ царомъ и напоила Ивана Ивановича разнамы напйтками. Енъ заснувъ, а яна и перасѣкла яго напополамъ. Тоды узяла яго трупъ, у водѣ перамыла, склала, мяртвой водой спрыскнула—енъ зросся; тогды яна живой спрыскнула—енъ отживився; тоды сильною—ставъ ёнъ сильный—могушій. Тоды царъ напився разныхъ напйтковъ и кажа: здѣлай и мнѣ такъ Алѣна курлѣвна! Яна ўзяла мечъ, и зрубила яму голову. А зъ Иваномъ Ивановичамъ посваталась и пожанилась. Братовъ своихъ ёнъ отправивъ у свою замлю по днымъ: пошли, акъ ниця! А енъ застався на царскимъ мѣсьци жиць зъ ёй.

Чацвѣртый годъ, акъ я тамъ бывъ. И ў ихъ уже двоа дзяцей ё: Марка й Лугъ-янъ. Акъ ишовъ я по дзяревни, дакъ малцы выросточки зараджали холостуу пушку гноамъ. Схалили й мене ў кучи, да ў пушку. Акъ высталили, дакъ я вярцѣвсь, вярцѣвсь, да прамо суды къ вамъ и упавъ, и явивсь казки казаць.

С. Нисимковичи, рогачев. у.

Кр. Якимъ Ивановъ, 48 л. неграмотный. Ср. Др. 336—Сорокъ одинъ братъ.

38. Золотое перо.

Давно-давно нѣколи жило у насъ два браты. Поѣхали яны разъ у Сяннѣ. Ъхли. Ъхли и знайшли на дорози дзяцѣнка и жирабѣнка. Старѣйшій кажець: нехай мнѣ будзець гэты дзяцѣныкъ! А меньшій кажець: нѣ, нехай мнѣ. И стали яны ажны сваритца зы того дзиценка. Спорилиси, спорилиси яны гэтыкъ, али кажуць: ну, пойдземъ ихъ пану, пынасьмъ гэтыго дзяцѣнка: нехай насъ панъ разсудзиць. «Ну, й пойдземъ!»—Ну, й пойдземъ! кажуць яны одзинъ одному. Сказали гѣдыкъ, и пошли къ пану. И пынасли туды гэтыго дзяцѣнка и жирабѣнка. Якъ принесли къ пану дзяцѣнка и жирабенка, панъ якъ увидзѣвъ,—яны яму дужо зныравилиси. Отъ, ёнъ имъ и кажець: чимси вамъ спороватца, отдайца вы мнѣ лучше ихъ: я вамъ зыплачу. Браты тые пырадилиси, ды ўзяли ды й отдали пану гэтыго дзяцѣнка и жирабѣнка, а панъ зыплачивъ имъ, сколько яны тамъ згыворилиси.

Осталиси яны у пана. Панъ узявъ, отгыродзивъ имъ по покою: одзинъ покой рабѣнку, а другій покой жирабѣнку. И вызвавъ яго панъ Иванькимъ. Ставъ панъ ихъ гыдуваць, стали яны рѣсьць: не по годахъ растуць, ды по числахъ. Скоро казка кажетца, ды на скоро дзѣло дзѣлаецца; такъ и тутъ. Вырѣсь Иванька. Панъ разъ пыславъ

яго ись хуливарку ў дзярэвню—якь вотъ изъ Богданыва ды ў Андрейчики—приказы-ваць мужикамъ на прыгонъ ици. Ёдзець ень на тымъ, на своимъ, кони по дорози, ажны видзиць—ляжиць ны дорози золотое пяро, ды якое пригожее! Тольки Иванька согнувся яго браць, а конь кажець: Иванька! нярушъ пяра, ня будзець бяда! Иванька не послухивъ кня, и ўзявъ пяро. Узявъ Иванька пяро и поўхивъ на дзярэвню, приказавъ тамыцки мужикамъ, кабъ ишли заўтра ны прыгонъ къ пану, и поўхивъ у дворъ. Приўхивши, занёсь пяро къ сабѣ у покой и пыложивъ. Якъ пыложивъ, такъ увесь покой и освятило. Приходзиць панъ, увидзѣвъ гэта пяро и кажець Иваньку: Иванька, отдай мнѣ гэта пяро! Иванька кажець: бяри сабѣ! Унёсь панъ пяро у своё покои, дыкъ такъ и освятило покои, усё равно якъ днемъ, такъ и ноччу. Ставъ съ тыхъ поръ панъ Иваньку любивъ и жалѣць. Тоды пыропкй набунтували пану ны Иваньку. «А паночикъ нашъ! Иванька кызавъ, што ень можець дыстаць тую птушку, што ссорила гэта пяро!» Панъ приказавъ Иваньку и кажець яму: ну, Иванька! кыли ты знашовъ гэткыя пяро, цяперъ жа ты мнѣ знайдзи тую птушку, што ссорила гэта пяро. А нѣ, дыкъ мой мечъ, табѣ гыльва съ плечъ! Иванька, якъ почувъ гэта, якъ зыплачетца! Побѣгъ къ коню: «а коничекъ! Божа шъ мой, Божа! што я буду дзѣлыць?»—А што?—«А штой шъ? зыгыдавъ мнѣ панъ: якъ дыставъ (прош. вр.) пяро, дыкъ дыставъ (повел. накл.) и тую птушку, што гэта пяро згубила. А коли не знайду я тую птушку, дыкъ панъ скизавъ: мой мечъ, а табѣ гыльва съ плечъ!»—А што, Иванька: я табѣ кызавъ: нярушъ пяра, ня будзець бяда! Ну, да гэта бяда—не бяда, бяда яцо ўперадзъ.—«А што шъ дзѣлаць?»—А йдзи къ пану ды возьми у яго бочку смолы и лаконъ пылытна. Иванъ пошовъ къ пану, ўзявъ тамыцки бочку смолы и лаконъ пылытна, и принёсь къ коню. «Ну, садзися на мяне, Иванька, ды бяри бочку смолы и лаконъ пылытна!» Сѣвъ ень и поўхыли. Ъхыли, ѣхыли и подѣѣхыли яны къ сосоничку. Конь и говориць Иваньку: ну цяперъ, Иванька, возьми пылотно ды нымашъ яго смолой и распяли на гэтый сосонникъ! Иванька ўзявъ, нымазывъ пылотно, разыстдавъ на сосонникъ, а самъ сѣвъ, схувався ды й пилнуецъ. Ци довго, ци нѣ ень ждавъ, ажны ляциць птушка. Сѣла яна на гэта пылотно; ну якъ сѣла, дыкъ и прикипѣла. Конь кричиць: скорѣй, Иванька, лови, кабъ яна не поляцѣла! Иванька потсочивъ и схавивъ яе; уложивъ зыпазуху, уссѣвъ на кня ды й поўхивъ. Приўхивъ къ пану, отдавъ яму птушку, а самъ пошовъ отдыхаць.

Пройшло сколько тамъ уремя, пыгнило у того пана ўсё сѣно. Панъ думывъ, думывъ, отчаго бъ гэта яно пыгнило, и ниякъ не ўгыдаецъ. А пыропкй ўзяли ды зновъ набунтували ны Иваньку пану: «а паночикъ! Иванька кызавъ, што ень можець сходзиць икъ Богу запытатца!» Панъ вальвѣ имъ пызваць Иваньку. Пыропки пызвали Иваньку. Приходзиць ень къ пану, панъ кажець Иваньку: «Иванька, сходзитку ты къ Богу; спытайся у Бога, чаго гэта у мяне сѣно пыгнило. А кыли ня сходзишь, дыкъ мой мечъ—табѣ гыльва съ плечъ!» Иванька якъ пыбязиць къ коню, ды якъ зыплачетца: а Божа-шъ мой, Божа! А конѣчикъ мой! А што шъ я буду дзѣлыць? Скизавъ панъ исходзиць къ Богу спытатца, чаго яго сѣно пыгнило! А конь кажець: а што, Иванька! я кызавъ табѣ: нярушъ пяра, ня будзець бяда. Ну ды гэта ще бяда не бяда, яцо уся бяда напѣрадзи. Али, што дзѣлыць? Садзись, Иванька, на мяне ды

поѣдемъ! Усѣвъ Иванька на кыня и поѣхыли. Ъхыли, ѣхыли, стоиць хатка. Ух-
дзюць яны у хатку, ажны у тэй хатцы дзѣдъ на печи кычаецца ды кричиць гвалту.
Увыйшовъ Иванька у хатку, ёнъ и кажець: «куды цябе, Иванька, Богъ нясець?»—
А іду къ Богу, пытацца, чаго пыгнуло паныво сѣно.—«Ахъ, мой ты унучекъ: спы-
тайся шъ у Бога, чаго я гэдыкъ кычаюся на печи! и злѣсци ня можно, и ноги моѣ
отмѣрзли?»—Добро, спытаюся! Пошовъ Иванька дали, ишовъ, ишовъ, ажны бачиць
—кычаецца пы дорози мылодзица и яѣ уси топчуць, и уси черазъ яѣ ѣдзюць. «Куды
цябе Богъ нясець, Иванька?»—Иду къ Богу, пытацца, чаго паныво сѣно пыгнуло.—
«Запытайся шъ тамъ у Бога, Иванька, чаго гэта я увесь свой вѣкъ ляжѹ ны дорози,
и мяне ўси топчуць, и ўси черазъ мяне ѣдзюць!»—Добро, кажець Иванька, и по-
ѣхывъ дали. Ъхывъ ёнъ, ѣхывъ, ажны бачиць—удвохъ челоўѣкы пераливаюць воду съ
одного колодзеса у другій колодзесь, ды ня могуць ниякъ пералиць. «Куды цябе Богъ
нясець, Иванька?»—Иду я къ Богу, пытацца, чаго паныво сѣно пыгнуло.—«Скажи
шъ ты, Иванька, тамъ Богу, што мы гэта увесь вѣкъ свой пераливаемъ воду съ од-
ного колодзеса у другій колодзесь, ды ниякъ не перальлѣмъ: у воднымъ колодзясі ня
меньшінь, а ў другимъ ня большінь.»—Добро, скажу! кажець Иванька и поѣхывъ
дали. Ъхывъ ёнъ, ѣхывъ, и пріѣхывъ ажны къ самому мору. Видзиць Иванька, ля-
жиць у мори рыбина, ниякъ ня можець яна пераварнутца. «Куды цябе, Иванька,
Богъ нясець?»—А іду къ Богу, пытацца, чаго паныво сѣно пыгнуло.—«А скажи шъ
ты тамъ, Иванька, Богу, чаго гэта я ляжу на днымъ боку, и ниякъ не пераварнуся.»
—Добро, кажець Иванька, скажу! Пераѣхывъ Иванька мора, ды й поѣхывъ дали.
Ъхывъ, ѣхывъ—стоиць хатка. Ъдзець ёнъ кылы тыѣ хатки, ажны выходзиць съ тыѣ
хатки старенькій челоўѣчекъ. «Куды ты ѣдзешъ, Иванька?»—Ъду къ Богу, пытацца
у Бога, чаго гэта у пана сѣлѣта ўсѣ сѣно пыгнуло.—А того у пана сѣно пыгнуло,
кажець старенькій челоўѣчекъ—гэта бывъ Богъ—што Дзѣвка Пылынянка двананцыць
дней купалыся у мори, ды гуляла съ сонцамъ. Отгэтаго ня було сонца, ишовъ дожджъ,
паныво сѣно и пыгнуло. Иванька тоды кажець: «а Божа, Божа! што я видзівъ ны
дорози, якъ ишовъ сюды: нѣйкій челоўѣкъ у хатцы на печцы кычаецца, ды кричиць
гвалту, што злѣсць ня можно, и ноги яго отмѣрзли?»—Гэтій челоўѣкъ бывъ морось,
и ёнъ дужо много у людзей добра пыморозивъ, много людзей голыдъ цярпѣло празъ
яго и много людзей ёнъ пысироцивъ. Коли ёнъ зложиць руки наўхрестъ, што ня бу-
дзець боли нікого морозиць и нікого обиждаць, дыкъ пойдзець и будзець ходзиць.
А кыли ня зложиць рукъ наўхрестъ, дыкъ узнова будзець лежаць на печи не злѣ-
заючи.—«А Божа, Божа! што я ящо видзівъ: нѣйкая мылодзица ляжиць, кычаецца
ны дорози, черазъ яѣ уси ѣдучъ, яѣ уси топчуць,—усю яѣ прытоптали?»—Гэта мы-
лодзица была старая вѣдзьма—змія; отбирала яна чужѣя молѣки. Людзи мѣли пы двы-
нанцыць коровыкъ, ды ня мѣли мылычка; а яна ни водныя коровы ня мѣла, ды мы-
локо ѣла. Людзи празъ яѣ смягли! Вотъ яна за гэта ляжиць ны дорози, што людзей
много обиждала. Кыли яна складзець наўхрестъ палцы, присягнець, што ня будзець
отбираць у чужихъ коровъ молѣки, дыкъ устанець, а не присягнець, дыкъ узнова
будзець лежаць ны дорози!»—А Божа, Божа, што я ящо видзівъ ны дорози: удвохъ
челоўѣкы пераливаюць воду съ одного колодзеса у другій, ды ниякъ не перальюць:

уво днымъ колодзяси ня меньшіиць, а ў другимъ ня большіиць?—«Гѣтые людзи были ўперадзи быгытыри, и дужо прыгынiali бѣдныхъ мужуковъ на прыгонъ къ сабѣ,—и малыхъ и старыхъ—и здзикалисi надъ ими. Кыли яны складуць руки накрывъ, ды присягнуць, што боли ня будуць такъ дзѣлыць, дыкъ тоды яны вылькуюць воду; а кыли не складуць рукъ накрывъ, дыкъ узнова будуць пераливаць!»—А Вожачка, Божа, што я ящо видзівъ: ляжиць на мори рыбина увесъ вѣкъ свой на днымъ боку, и ня можець перавярнутца?—«Гѣта рыбина полкъ сылдатывъ зѣла; кыли яна выпусиць ихъ, дыкъ пыплывець, а кыли ня выпусиць, дыкъ узнова будзець лежаць!»

Пошовъ Иванька у дворъ къ пану. Ишовъ ёнъ, ишовъ—приходзиць къ мору, дзѣ ляжиць тая рыбина. Рыбина кажець: «а што, Иванька, што мнѣ Богъ казавъ?»—Постой, якъ перайду на тэй бокъ, тоды скажу! Перайшовъ на тэй бокъ и кажець: Богъ казавъ, кыли ты выпусишь полкъ сылдатывъ, дыкъ пыплывешь; а кыли ня выпусишь, дыкъ ня пыплывеши! Рыбина разинула ротъ. И—ихъ! солдаты идучъ, музыка йграецъ! якъ вышлi ўси, рыбина й пуплыла. Пошовъ Иванька дали. Ишовъ, ишовъ, ажны видзиць—тэя самыя два чelовѣки воду пераливаюць. «А што, Иванька? што намъ Богъ кызавъ?»—Постойця, дайця выйци напѣрадъ. Зайшовъ ёнъ напѣрадъ, тоды кажець: а во што вамъ Богъ казавъ: вы были уперадзи быгытыри, вы прыгынiali мужуковъ бѣдныхъ на прыгонъ къ сабѣ—и малыхъ и старыхъ—и здзикалисi надъ ими. Кыли вы склыдзець руки накрывъ, што ня будзеце боли обиждаць бѣдныхъ, дыкъ вы перальцець гѣту воду; а кыли не склыдзець, дыкъ вы низашто не перальцець! Мужики, почувши гѣто, якъ пыбгучъ за Иванькымъ, а Иванька якъ побяжиць уцекаць... Вѣгъ, бѣгъ, алитки уцѣкъ. Пошовъ ёнъ дали, ажны ны дорози ляжиць тая мылodziца, и черавъ яё и ходзюць и ѣздзюць—ую яё стоптали... «А што, Иванька, што тамъ мнѣ Богъ скызавъ?»—Постой, я зайду напѣрадъ, тоды скажу! Зайшовъ ёнъ напѣрадъ тэй мылodziцы и кажець ёй: во што табѣ Богъ кызавъ: ты уперадзи была старая вѣдзьма—змiя; ты отбирала чужѣя молоки, людзей дужо обиждала, людзи тогды смягли. Кыли ты складзеши руки накрывъ, што ня будзеши гѣтыкъ дзѣлыць, дыкъ пойдзеши; а кыли ня зложишь рукъ, дыкъ и вѣкъ тутъ лежаць будзеши! Мылodziца зложила руки накрывъ—и пышла зъ дороги. Пошовъ Иванька дали. Ишовъ, ишовъ, ажны кычаецца тэй чelовѣкъ на печы. «А што, Иванька, што тамъ мнѣ Богъ кызавъ?»—Постой, зайду напѣрадъ, тоды скажу! Зайшовъ напѣрадъ и кажець: ты бывъ уперадзи большэй морось, и много пыморозивъ у людзей добра, много людзей цярпѣло голыдъ прасъ цябе, много ты людзей пысироцивъ. Кыли ты складзеши накрывъ руки, што ня будзеши боли обиждаць людзей, дыкъ злѣзешъ съ печи, а кыли нѣ, дыкъ николи ня злѣзешъ. Чelовѣкъ тэй склавъ руки накрывъ, злѣзъ съ печи и пошовъ. Пошовъ Иванька дали. Ишовъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ, и приходзиць у дворъ. Панъ пытаецца: «ну, Иванька, што Богъ скызавъ: чаго моё сѣно пыгнило?»—А во чаго, паночекъ, кызавъ Богъ, пыгнило твое сѣно: Дзѣвка Пылынянка двананцыць дней купалася у мори и гуляла съ сонцамъ. И отгѣтаго ня було сонца, бывъ дожджъ, сѣно твое и пыгнило!—«Мылodziць, Иванька, ступай отдыхай!» Пошовъ Иванька отдыхаць. Пройшло сколько ўремя, пыропки зновъ набунтували пану на Иваньку: «а паночикъ нашъ! Иванька кызавъ, што ёнъ Дзѣвку—Пылынянку дыстаць можець!»

—Пызовиця мнѣ суды Иваньку. Побѣгли яны, гукнули Иваньку зъ яго покою. Приходзиць енѣ къ пану; панѣ кажець: «Дыстанѣ ты мнѣ, Иванька, тую Дзѣвку—Пылынчанку! А кыли не дыстанешъ, дыкъ мой мечъ, табѣ гылыва съ плечѣ!» Иванька якъ заплачетца, якъ пыбѣжиць къ коню: «а конечикъ ты мой! А Божа шѣ мой, Божа! А што мнѣ дзѣлыць: панѣ скызавъ мнѣ дыстаць Дзѣвку Пылынчанку, а кыли не дыстану, дыкъ панывъ мечъ, мнѣ гылыва съ плечѣ!»—А што, Иванька, ци я не кызавъ табѣ: нярушѣ няра, ня будзець бяда. Ну, ды гэта бяда не бяда, бяда ящо уся напѣрадзи. Што дзѣлыць, здазисѣ на мяне, поѣдземъ искаць Дзѣвку—Пылынчанку! Уссѣвъ Иванька ны кыня, и поѣхыли. Ъхыли яны, ъхыли, ажны идзець тѣй челоувѣкъ морось, што упѣрадзи на печыы лежавъ. «Добрыи дзень табѣ, Иванька! куды цябе Богъ нясѣць?»—Ны здорovia! Иду искаць Дзѣвку Пылынчанку, панѣ скызавъ.—«Ну, Иванька, пойду и я съ тобой. Ты шѣ мнѣ помогъ, можа и я табѣ пымогу што-небудзь!» Пошли яны удвохъ уже. Ишли, ишли, ажны идзець тая мылодзица,—вѣдзьма, што лежала ны дорози. «Добрыи дзень табѣ, Иванька! куды цябе Богъ нясѣць?»—Ны здорovia! Такъ и такъ: иду по Дзѣвку-Пылынчанку, мнѣ панѣ скызавъ дыстаць.—«Пойду й я зъ вами. Бы ты мнѣ помогъ, можа й я табѣ, Иванька, што-небудзь пымогу!» Пошли яны уже ўтроихъ. Ишли, ишли, ажны стрѣчаюць тыхъ двоухъ челоувѣкывъ, што водѣ пераливали упѣрадзи. И яны Иваньку добрыдзень не дали. Пошли яны утроихъ дали. Идуць, идуць, и приходзюць къ мору. Якъ бы тутыцьки дыстаць зъ мора Дзѣвку-Пылынчанку? Думыли, думыли, алитки уздумыли. Мылодзица тая скинулыся крѣмкой и стала на морьскимъ бѣрази; и ў тѣй крѣмцы видаць дужо пружогиѣ ступки, хустки, и ўсѣ чисенько, што кому треба, усѣ ёсь. Ды такое пружогаѣ, што и ўздумыць ня можно. Вытыркнула Дзѣвка-Пылынчанка гылову зъ мора, ды якъ увидзила гѣту крѣмку, дужо ёй зыхоцьдлося што-небудзь у гѣтый крѣмцы узяць. Али боитца, ци нема кого. Вытыркнула яна гылову другій разъ, пылядзѣла, пылядзѣла—нема никѣго, бы Иванька съ конемъ захувався, мылодзица скинулася крѣмкой, а челоувѣкъ тѣй ставъ морозымъ. Вытыркнула яна гылову ў третей разъ; глядзиць, узнова никѣго ня видаць. Тоды яна сама сабѣ думыць: ужо тутъ никѣго нема: пойду ў крѣмку. Вылязла зъ мора и пошла. Тольки яна вылязла, а морось узявъ ды мора ўсѣ и зыморозивъ. Конь крикнувъ ны Иваньку: бяжи, Иванька, лови скорѣй Дзѣвку-Пылынчанку! Тая якъ почувла гѣто, што хочуць яѣ ўловиць, побѣгла у мора. Ажны тамъ усюдыхъ ледъ. Иванька яе тутъ и ўхвацивъ. «Ну, кажець конь: дзяржи, Иванька, покрапчѣй гѣту Дзѣвку-Пылынчанку, ды поѣдземъ!» Подзякывавъ Иванька мылодзицы тѣй и морозу, што пымогли яму уловиць Дзѣвку-Пылынчанку, ды ўссѣвъ ны кыня и поѣхывъ къ пану у дворъ. Приѣхыли у дворъ, отдавъ Иванька пану Дзѣвку-Пылынчанку, а самъ пошовъ отдыхаць. Одыхнувъ енѣ сколько—тамоцьки, тая Дзѣвка-Пылынчанка вилѣла пану дыставиць ёй зъ мора яѣ скрынку. Призвавъ барджѣй панѣ Иваньку и кажець: «дыстанѣ ты мнѣ зъ мора скрынку Дзѣвки-Пылынчанки! А кыли не дыстанешъ, дыкъ мой мечъ, а табѣ, Иванька, гылыва съ плечѣ! Иванька якъ заплачетца, якъ заголоситца! Побѣгъ къ своему коню: «а конечикъ! а татычка ты мой! а Божа шѣ мой, Божа! А што шѣ я буду дзѣлыць цяперъ?»—А што тамъ?—«Мнѣ панѣ скызавъ: кыли ты дыставъ Дзѣвку-Пылынчанку, дыкъ дыстанѣ жа шѣ цяперъ скрынку яѣ зъ мора; а кыли не дыстанешъ,

дыкъ мой мечъ, а табѣ гылыва съ плечѣ!»—А што, Иванька! Ци я табѣ не казавъ, што нярушъ пѣра, ня будзець бѣда? Ну, ды гѣто бѣда не бѣда, бѣда ящѣ уперадзи. А треба якъ-небудзь дыстаць скрынку. Садзисъ на мяне поѣдземъ! Усѣвъ Иванька на кыня, и поѣхыли. Ъхыли, ѣхыли, ѣхыли, ѣхыли—нікого нийдѣъ ня видаць. Пріѣхыли къ мору, ажны выходзиць рыбина, што лежала на днымъ боку. «Добры дзень, Иванька! Куды Богъ нясець?»—А іду дыставаць скрынку Дзѣвкі-Пылынѣнки зъ мора, панъ скызавъ.—«Ну, Иванька, ты мнѣ ўперадзи помогъ, а я цяперъ табѣ пымогу. Посидзи-тку ты тутъ, а я пойду прикажу усѣй рыби искаць скрынку!» Сѣвъ Иванька на бѣрази, а рыбина пышла у мора и зыгыдала усѣй рыби йскаць скрынку. Искала, йскала ўся рыба, и не знайшла. Рыбина узновъ зыгыдала искаць, другіі разъ. Рыба йскала, йскала—не знайшла. Третьціі разъ якъ зыгыдала рыбина искаць, якъ пышла ўся рыба! Ихъ! Апъ кишиць, апъ мора шумиць. Искали, искали, али-тки одна маленькая рыбинка нясець скрынку Дзѣвкі-Пылынѣнки!.. Ухвадила рыбина скрынку и пыдыла Иваньку. Узывъ енъ скрынку, пыдзякывавъ, усѣвъ ны кыня и поѣхывъ къ пану. Ну, пріѣхывъ у дворъ, отдавъ скрынку Дзѣвці-Пылынѣнцы, а самъ пошовъ у свой покой отдыхаць. Отдыхнувши, думыецъ сабѣ: ну, ужожъ нигдѣ я не пойду. Ажны вѣ табѣ: Дзѣвка-Пылынѣнка зыгыдала пану дыставиць воды гоючія й живучія. Пызвавъ панъ Иваньку: «сходзи ты, Иванька, пріянеси мнѣ воды гоючія и живучія! Кыли пріянесѣшъ, дыкъ ладно; а кыли не пріянесѣшъ, дыкъ мой мечъ, а табѣ, Иванька, гылыва съ плечѣ!...» Иванька, якъ почувъ гѣто, якъ заплачетца, якъ залѣтца слязми!.. Побѣхъ икъ коню: «а Вожа мой, Вожа! а конѣчикъ мой, а татка мой! А што я буду дзѣлыць?»—А што?—«Ды зыгыдавъ мнѣ панъ прінесци воды гоючія и живучія, а кыли не пріянесу, дыкъ панывъ мечъ, а моя гылыва съ плечѣ!»—А што, Иванька: ци я табѣ не кызавъ, што нярушъ пѣра, ня будзець бѣда. Ну, ды ще гѣто бѣда—не бѣда, бѣда будзець напѣрадзи. Садзисъ на мяне, поѣдземъ! Сѣвъ Иванька ны кыня, и поѣхыли. Якъ ѣхыць, дыкъ ѣхыць—и пріѣхыли къ мору. Тоды конь кажець Иваньку: «злѣзай-ка, ды рѣжъ мяне!»—Якъ я цябе буду рѣзыць? А хто шъ мяне будзець тоды учиць?»—«Я табѣ кажу: злѣзай ды рѣжъ! Улѣзешъ у моѣ косци, и якъ будучъ тутъ садзитца круки клюваць мяне, дыкъ ты, якъ можно, хапай, лови кручанѣнка!» Иванька узнова кажець: якъ я цябе буду рѣзыць? А конь говориць: ня бось, рѣшъ! Нечего дѣлыць. Злѣзъ Иванька съ кыня, разрѣзывъ пузо, ды ў сярѣдину, у косци, улѣзъ, схувався—сядзиць, пилнуиць крука. Ажны икъ-раст лецяць круки. Кручанѣнки лецяць ды кричаць: тата, мясо! тата, мясо! А старыі крукъ кричиць: нѣ, дзѣтки: гѣто зрада наша, зрада наша! Али кручанѣныкъ зляцѣвъ ды сѣвъ на кысцяхъ; тольки хоцѣвъ енъ клюнуць, а Иванька й стапивъ яго. Тутъ крукъ ставъ просиць, кабъ Иванька отдавъ яму дзяцѣнка яго, а Иванька кажець: злетай ды пріянеси мнѣ гоючія и живучія воды, дыкъ я табѣ отдамъ, а то ня тдамъ. «Ну, дай жа мнѣ, Иванька, двѣ пляшачки!» Давъ яму Иванька двѣ пляшачки, ѣнъ одну пляшачку привязавъ къ одному крылцу, а другую къ другому, и пылацѣвъ. Ляцѣвъ, ляцѣвъ, прилетаецъ туды, двѣ живучая и гоючая вода. Бачиць, тую воду пилнуюць бабы съ кочѣргыми. Ниякъ ня можно воды дыстаць! Енъ тоды узывъ и пылацѣвъ кылы самыхъ ихъ. Бабы тыя и заглѣдилиси: вунъ, вунъ, кажуць, акая дзівная птушка—

съ плясачками подъ крыльцами! Загнѣдзилися и отыйшлися отъ воды. Крукъ тоды скоренько къ водзѣ, зачерпнувъ у водну пляшку гоючія воды, у другую—живучія, поднявся и поляцѣвъ, повѣсь водѹ къ Иваньку. Приносиць ёнь водѹ, Иванька узавъ ды кручанѣнка и разыдравъ пыпыламъ. Тоды узавъ гоючія воды, узявъ на кручанѣнка, кручанѣныкъ згоився; узявъ живучія воды—кручанѣныкъ отжився. Бывъ кручанѣныкъ хорошій, а то ящѹ полѣпшивъ. Тоды Иванька кажець: злетай ды доповни мнѣ плясачки! Узавъ крукъ плясачки, схувавъ подъ крыльцемъ, набравъ пругожихъ стужекъ, и пылацѣвъ. Приляцѣвъ ёнь къ водзѣ, а тамъ узновъ бабы сидзяць съ кочѹргыми, и никѹго ня пускаюць. Што тутъ робиць? Отляцѣвъ ёнь трошку отъ воды, ды такъ якъ ляцѣвъ, и кинувъ истушки. Бабы побѣгли сѣбираць истушки, а крукъ скоренько къ водзѣ, зачерпнувъ у обѣднѣ плясачки, и пылацѣвъ. Узавъ Иванька водѹ, отжививъ кыня, отдавъ круку кручанѣнка—дзяцѣнка, и поѣхыли у дворъ. Отдавъ Иванька водѹ гоючюю и живучюю Дзѣвцы Пылынянцы; яна и говѹриць яму: можа ты мяне обманюешъ, треба цябе посѣць! Иванька кажець: сячи сабѣ! Узала яна топоръ и посѣкла Иваньку на дробныя частычки. Тоды узала гоючія воды, спырснула яго,—цѣло згоилося. Узала живучія воды ды спырснула,—Иванька уставъ. «Ахъ, кажець якъ я смашно бывъ заснувъ!» Бывъ Иванька пругожій, а то ящѹ пругожѣйшій ставъ! Панъ тоды кажець Дзѣвцы-Пылынянцы: здѣлай и мнѣ гѣдыкъ! Дзѣвка-Пылынянка узала сакерку ды й посѣкла пана на дробныя кывалычки, уложила у горщокъ и зварила. А Иванька посватылися зъ Дзѣвкы-Пылынянкой и пожанилися, и стали жиць.

Дер. Андрейчики, раснян. вол. стыннен. у.

Со словъ кр. Онуфрія, 64 лѣтъ, записаль кр. Кирилъ Тимофеевъ.

Въ *Гомельскомъ у.* сказка варьируется такъ: Три сына старика стерегли сѣно; меньшей, Иванюшка дурачекъ, поймалъ кобылу. Она привела за собою табунъ лошадей во дворъ, и тамъ родила конька для Иванюшки. Поѣхали братья въ сваты, по дорогѣ Иванюшка поднималъ золотое перо. Братья стали пытать: «ти нема у кого дѣвокъ, душъ со три?» Вѣдьма предложила имъ своихъ дочерей, и когда они легли спать, конь Иванюшки вызвалъ его и предупредилъ, что вѣдьма хочеть ихъ убить. Братья спасаются, одѣвшись въ одежды дочерей вѣдьмы. Она убила своихъ дочерей. Далѣе, братья поступили на службу къ царю. Умные начали завидовать дураку и вслѣдствіе ихъ клеветъ, тотъ посылался царемъ къ вѣдьмѣ за золотыми яблоками, за золотыми скринками, и потомъ—«дознатца, чаго три дни сонца ня усходило?» Исполняя послѣднее порученіе, Иванюшка встрѣтилъ на дорогѣ «рыбину упѣракъ раки», проглотившую безъ Вожьей воли семь кораблей съ людьми, челоуѣка, переливавшего воду изъ стакана въ стаканъ, за то, что во время «шинкарства» подѣшшивалъ воду въ вино, и наконецъ, «неправедную судѣю», котораго черви «сточили.» Узнавъ отъ Бога, что солнце не всходило три дня потому, что морская дѣвка хотѣла его поймать, Иванюшка долженъ былъ доставить потомъ и морскую дѣвку. Окончаніе сказки сходное съ приведенною выше.

Слич. Афан. VII, 121. Садовн. 187. Чубин. 290.

39. Шиварь-молодзецъ.

У котрымъ-то царстви, ну тольки ня ў томъ, у котрымъ мы живёмъ, живъ сабѣ дзѣдъ ды баба. Жили яны дужо довго, ну ня было у ихъ дзяцей. Подъ старось ня могли яны ужо своими трудами большими заробиць сабѣ хлѣба; вотъ дзѣдъ и нанявся у пана за лясника быць. Ідзець ёнъ разъ пы лясу, кыло большаго болота. Видзиць, пылацѣла зъ гестаго болота вутка. Пошовъ ёнъ пы болоту, и видзиць у кусци дванатцыць вуциныхъ яецъ. Ёнъ узавъ ихъ и понёсъ домовъ. Принёсъ домовъ гетыя яйцы, и кажець баби: на табѣ, баба, гетыя яйцы, спражи ты мнѣ яешню! Тая баба стала на яго крычаць: «што ты, дѹракъ, говоришь? У насъ нема дзяцей, а ты хочешъ, кабъ я табѣ спекла яешню. Ідзи пріяняси лубку, я буду высѣджываць дзяцей!» Дзѣдъ пошовъ принёсъ лубку, постлавъ соломы, поклавъ яйцы. Сѣла баба на яйцы и сядзиць. Сядзи, сядзи тая баба—исѣдзилася на товкачъ, а дзяцей ня вывела. Сядзи, сядзи баба,—исѣдзилася на ложку, и вывела одзинатцыць сыновъ, а дванатцатаго Івана Шиваря, добраго мылойца.

Не растуць яны пы годахъ, а растуць по числахъ, и выросли большіе. Тоды говоруць яны бацьку: идзи, татъ, пыпроси у пана дванатцыць дзесяцинъ ляда! Пошовъ дзѣдъ къ пану, ставъ просиць; просивъ, просивъ и выпросивъ ляда. Приходзиць домовъ и говориць: «ну, сынки: панъ давъ намъ дванатцыць дзесяцинъ лѣсу. Ідзиця, сячиця яго!»—Ідзи жъ, татка, у кузьню, здзѣлай намъ дванатцыць топоровъ пы дванатцыць пудовъ! Пошовъ дзѣдъ у кузьню, здзѣлавъ дванатцыць топоровъ пы дванатцыць пудовъ; хоцѣвъ прінесци, ды ни воднаго не подыавъ. Приходзиць домовъ и кажець: здзѣлавъ я топоры, идзиця, бариця! Пошли сыны, узали топоры и почали сѣчь лѣсъ. Стали сѣчь: котрый сячѣць, котрый дзярѣць—и высѣкали за дзень дванатцыць дзесяцинъ лѣсу. Пришли домовъ и говоруць: ну, татъ, мы ужо повысякали увесь лѣсъ. Ідзи цяперъ къ пану, пыпроси дванатцыць бочекъ овса! Пошовъ дзѣдъ къ пану, ставъ просиць овса; просивъ, просивъ—давъ панъ овса. Пришовъ ёнъ домовъ: ну, кажець: идзиця, бариця овёсъ, панъ давъ! Узали яны овёсъ и за 'дзінъ дзень засѣяли усѣ своё поле. Тэй овёсъ якъ рэсци, дыкъ рэсци,—ставъ уже поспѣваць. На табѣ: унадзівся нѣхто у гетый овёсъ, ставъ яго биць, лумаць, пустащиць. Стали сыны тые пилнуваць овса. Одзинъ пилнувавъ—ня ўпилнувавъ, другій пилнувавъ—ня ўпилнувавъ, и такъ уси. Наконцы пошовъ пилнуваць Іванъ Шиварь, добрый мылодзецъ. Пришовъ ёнъ у вовёсъ. А посяродъ овса стоявъ большій дубъ. Отъ ёнъ у гетый дубъ наторкавъ зялёнаго овса, сѣвъ поколо дуба и пилнуецъ. У самую півночь прыбѣгаецъ у вовёсъ кобыла, а за ёю прыбѣгли дванатцыць жерабцовъ—золотая шарсцинка, сярэбраная шарсцинка, золотый копытокъ, сярэбраный копытокъ. Прыбѣгла кобыла къ дубу, и стала рваць зъ дуба овёсъ. Тутъ Іванька Шиварь, добрый мылодзецъ, схвацивъ яе за гриву и ставъ биць. Бивъ ёнъ яе, бивъ, убивъ по колѣню у зямлю и говориць: ага, будзешъ ходзиць у мой овёсъ? Яна говориць: буду! Ставъ ёнъ знова яе биць. Бивъ, бивъ, убивъ по брухо. А што, будзешъ ходзиць у мой овёсъ?—Буду! Ёнъ яе знова ставъ биць. Бивъ, бивъ—убивъ по вуши. «А што, будзешъ ходзиць у мой овёсъ?»—Нѣ, ня буду! Ёнъ тоды выдагъ яе изъ зямли, сѣвъ

и поѣхавъ. За кобылой побѣгли и ўси жерабцы. Приѣжжаецъ ёнъ домовъ. А ў ихъ ды не було хлѣва. Пошли яны къ другому хозяину зняли у того зъ замли новый хлѣвъ и загнали туды коній. А гетые кони были большого вѣдуна—чаровника. Ставъ ёнъ ихъ шукаць, и найшовъ у Ивана Шивара, добраго мылойца. Просивъ енъ, просивъ, кабъ отдали коній яго, ну Иванька Шиваръ говориць: «твое кони знистожили мнѣ увесъ овёсъ. Я табѣ ихъ не дамъ, а бари сабѣ кобылу!» Тѣй сѣвъ на кобылу и поѣхавъ.

Ци много, ци мало поживши, стали браты шукаць, кабъ имъ дзѣ-небудзь ожитца. Поѣхали яны у дорогу. Ъхили, ѣхили, приѣжжаюць на калиновый мостъ. Иванька Шиваръ, добрый мылодзецъ, увидзѣвъ на мосцѣ золотое пярo и хоцѣвъ яго ўзяць. А конь яму говориць: нярушъ гетаго пярa, а то будзецъ дужа быльшая бяда! Ну ёнъ не послухавъ и ўзявъ. Приѣхали яны къ однѣй баби, къ сястрѣ того чаровника, а ў яе ды було дванатццѣ дочокъ. Яна якъ увознала, што гетые кони яе брата, и высватала за ихъ своихъ дочокъ. Ночыи полягли браты спаць зъ гестыми дочками, и заснули. Яна жъ поглядзѣла и говориць: ага, вы у мойго брата отобрали коній, вотъ я цяперъ вамъ познамаю головы: мой мечъ, а вамъ голова съ плечъ! А Иванька Шиваръ ды й почувъ гетыя словы. Уставъ ёнъ цихынько съ посцели, пошовъ на дворъ, стоиць тамъ и цяженько ўздыхаецъ. А конь яго и почувъ: чаго ты, Иванька Шиваръ, ўздыхаешъ!—Ды якъ жа ня ўздыхаць: казала баба, што яе мечъ, а намъ гылыва съ плечъ! А конь кажець: а што? я табѣ говоривъ, кабъ ты не бравъ пярa! Вотъ цяперъ загубиць васъ баба. Идзи скорѣй, скажи братамъ, кабъ яны зняли свою одзѣжу ды надзѣли на дзѣвокъ, а ихныя сабѣ надзѣли! Енъ тоды побѣхъ скорѣй къ братамъ и кажець: скорѣй вы перадзѣньця имъ свое одзѣжи, а ихныя сабѣ надзѣньця! Яны ўзяли, перадзѣлиси, и зновъ заснули. Приходзиць баба и давай сѣчь своихъ дочокъ; посѣкла, посѣкла и пошла. Браты тоды скорѣй на кони ды уцекаць! Назаўтраго увидзила баба, што дочокъ засѣкла, сѣла у ступу и побѣгла ихъ дыгоняць. Чувъ-чувъ не догнала Иваньку Шивара добраго мылойца, али енъ успѣвъ пераскочиць черазъ калиновый мостъ. Выварнувшиси, ёнъ ёй кричиць: «а што шъ, баба, чаму не ловила мяне?»—А ты, Иванька Шиваръ, добрый мылодзецъ, коній звѣвъ?—«Звѣвъ, бабушка!»—Дочакъ моихъ зѣѣвъ?—«Зѣѣвъ, бабушка!»—Ну, прощай!—«Нѣ, не прощай, а ще ў госци дожидай!» А самъ и поѣхувъ.

Ъхили яны уѣсци, ѣхили, и заѣхили у чужія земли, у иньшее царство. И на-нялись у того цара за работниковъ: браты на току молоциць, а Иванька Шиваръ садъ пилнуваць. И имъ було хуже, а яму лѣпи. Стали яны яму завидоваць, што яму лѣпи, а имъ хуже, и стали гывориць: якъ бы намъ яго ци забиць, ци зарѣзыць? А другіе кажуць: ци зарѣзыць, ци забиць—грѣхъ, а лучче скажемъ цару, што у тѣй бабы, идзѣ мы жанилиси, ёсь самопатный жбанъ: што боли пѣшъ, то боли хочетца. Дыкъ царъ яго пошлѣць туды, а тамъ яна яго забьёць! Пришовъ царъ на токъ, яны и говоруць: «вотъ што, царъ: идзѣ мы жанилиси, ёсь самопитный жбанъ. Дыкъ Иванька Шиваръ вамъ яго дыста-виць. Призвавъ царъ Иваньку и говориць: «што ты, Иванька Шиваръ, добрый мылодзецъ, щиро мнѣ служишь?»—Щиро!—«Ды ящо не соўсимъ! Вотъ мнѣ говорили твоѣ бра-ты, што у тѣй бабы, идзѣ вы жанилиси, ёсь самопитный жбанъ. Кабъ ты мнѣ яго дыставъ! А не дыставишь, дыкъ мой мечъ, а табѣ гылыва съ плечъ!» Вышовъ

Иванька Шиварь на дворъ и цяженъко ўздыхнувъ. А конь почувъ, што енъ такъ цяжко ўздыхаецъ, и говориць: «што ты, Иванька Шиварь, такъ цяжко ўздыхаешъ?»—Якъ жа мнѣ ня ўздыхаць? Царь казавъ, што у тѣй бабы, идзѣ мы жанилиси, ёсь самопитный жбанъ. Дыкъ кабъ я яго дыставивъ, а кыли не дыставлю, дыкъ яго мечъ, а мнѣ гылыва съ плечъ!—«А што, Иванька: я табѣ казавъ, кабъ ты не бравъ пяро, а ты не послухавъ мяне, узавъ. Вотъ табѣ цяперъ! Ну, да гето бяда не вяликая, я табѣ ў ёй пумогу, а будзецъ бяда большая! Идзи ты скажи царю, кабъ давъ намъ три дни поѣсць, попиць и погуляць, и кабъ давъ двананцыць воловъ, по двананцыць пудовъ, а то ў тые бабы ёсь шесъ котовъ, што зѣдаюць доразу челоуѣка.» Ну, поѣли яны три дни, попили, погуляли, ды ўзяли двананцыць воловъ по двананцыць пудовъ и поѣхыли къ тѣй баби. Приѣхыли яны къ калиновому мосту, конь и говориць: «вотъ, у бабы цяперъ съ комину искры сыплотца; а якъ станець дымъ ици, тоды ты мяне гукни,—я пойду походжу троху!» Сѣвъ енъ на камень и глядзиць. Глядзѣвъ, глядзѣвъ—усѣ уперадъ искры сыпалиси, а во сычасъ ставъ и дымъ ици! Енъ свиснувъ, конь приѣѣгъ, и говориць: садзисъ жа скорѣй, бяри воловъ и поѣдземъ! Узавъ енъ воловъ, сѣвъ на кыня, и поѣхыли. Приѣхыли яны туды стали ў сянѣхъ—баба сплциъ. Енъ тоды пошовъ скорѣй по самопитный жбанъ. Тольки ўвийшовъ, а коты къ яму. Енъ скорѣй узавъ шесць воловъ, ды ў запѣчку имъ торкнувъ. Стали яны ёсь, а енъ ухавивъ самопитный жбанъ, ды уцекаць. А коты зѣбли тыхъ воловъ, ды за имъ; а ёнъ ящо уторкнувъ имъ пы волу, а самъ и поѣхвъ. Прошнулася баба, бачиць—нема самопитнаго жбана! Сѣла на ступу, товкачомъ пыгонаецъ, пымяломъ услѣдъ заметаецъ—ѣдзецъ у догоню. Догоняецъ Иваньку, вотъ-вотъ ухващиць Иванькуваго кыня за хвостъ—алитку енъ пераскочивъ черазъ калиновый мостъ. Пераѣхавши черазъ мостъ, выварнувся енъ къ баби, а баба кажець: «а што, Иванька Шиварь, коній звѣвъ?»—Звѣвъ, бабушка!—«Дочекъ моихъ звѣвъ?»—Звѣвъ, бабушка!—«Самопитный жбанъ звѣвъ?»—Звѣвъ, бабушка!—«Ну, прощай!»—Нѣ, не прощай, а ще ў госци дожидай! И поѣхувъ. Приѣхувъ къ царю, отдавъ самопитный жбанъ. То було яму хорошо, а то ящо полѣпшало. А братамъ якъ було, такъ и було. Тоды яны сабѣ думаютъ: якъ бы намъ яго страбиць: ци зарѣзыць, ци забиць? А другіе говоруць: ци зарѣзыць, ци забиць—грѣхъ, а лучше скажемъ царю, што у тѣй бабы ёсь самодуды. Вотъ царь яго пошлѣць, дыкъ можа яна яго цяперъ забѣць. Пришовъ царь на токъ, яны и говоруць: вотъ што, царь: у тѣй бабы, идзѣ мы жанилиси, ёсь самодуды—што боли йграешъ, то боли хочетца. Вы пошлица Иваньку Шивара, енъ вамъ ихъ дыставиць!.. Пришовъ царь домовъ и говориць: «што Иванька Шиварь, добрый молодзецъ? щиро ты мнѣ служишъ?»—Щиро и вѣрно, ваша царское вяличаство!—«Ну, не соўсишъ ящо. Вотъ у тѣй бабы, идзѣ вы жанилиси, ёсь самодуды. Дыкъ ты мнѣ ихъ дыставъ, а кыли не дыставишъ, то мой мечъ, табѣ гылыва съ плечъ!» Вышовъ Иванька Шиварь, добрый молодзецъ на дворъ, такъ цяженъко ўздыхаецъ. А конь яго почувъ и спрашнѣць: «чаго, Иванька Шиварь, такъ цяжко ўздыхаешъ?»—Якъ жа мнѣ не ўздыхаць, кыли сказали браты, што у тѣхъ бабы, идзѣ мы жанилиси, ёсь самодуды, и царь сказавъ мнѣ дыставиць, а коли не дыставлю, то яго мечъ, а мнѣ гылыва съ плечъ.—«А што, Иванька: я казавъ—нярушъ пяра! А

ты не послухавъ—вотъ табѣ и бѣда. Али я ў гетой бѣдѣ табѣ пумогу, а будзецъ табѣ ящѣ большая бѣда. Идзи скажи пану, хай дасъ намъ три дни попиць, поѣсь, погуляць, и хай дасъ намъ три горошины по три пуды, а то ў бабы ёсь три мухины, што отразу челоуѣка зѣѣдаюць!» Давъ имъ царь три дни попиць, поѣсь, погуляць и давъ три горошины по три пуды. Погуляли яны и поѣхыли. Ъхыли, ѣхыли, прѣѣжаюць къ калиновому мосту. Конь говориць: «я жъ пойду, походжу трошку, а ты сядзъ на камень и глядзи, бы цяперъ съ комины сыплютца искры, а якъ станецъ дымъ иди, то ты свисни, я й прибягу!» Сѣвъ енъ на камень, глядзѣвъ, глядзѣвъ, усѣ искры сыплютца. Ажны во пошовъ и дымъ. Енъ свиснувъ, конь прибѣгъ и кажець: садзись скорѣй ды поѣдземъ! Сѣвъ енъ на кыня и поѣхыли. Прѣѣжаюць туды, баба ляжиць на койцѣ, кыло яѣ самодуды, а на ихъ мухи сидзяць. Конь кажець на, Иваньку Шивара, добраго молойца: кидай ты одну горошину мухинамъ! Енъ кинувъ, мухины стали ѣсь горошину, а самодуды и зайграли. Баба кажець: ципеця вы, мнѣ й такъ тошно! Кинувъ Иванька другую горошину, мухины стали яѣ ѣсь, а баба знову говориць: ципиця вы, мнѣ й такъ тошно! Кинувъ Иванька послѣднюю горошину, мухины зновъ кинулись ѣсь яѣ, а самодуды зайграли. Тоды баба узяла ды ихъ поцѣрла, яны перастали йграць, баба й заснула. Иванька Шиваръ, добрый молодзецъ, схвацивъ самодуды и поѣхувъ. Прогнулася баба, убачила, што нема самодудовъ, сѣла на ступу, товкачомъ погоняецъ, помяломъ услѣдъ заметаецъ, и побѣгла у догонъ. Чувъ не ухвацила яна Иваньку Шивара, али енъ ужѣ пераѣхавъ черазъ калиновый мостъ. Вывярнувся енъ къ баби, баба и кричиць: «што, Иванька Шиваръ, добрый молодзецъ, коній звѣвъ?»—Звѣвъ, бабушка!—«Дочокъ моихъ зѣвъ?»—Зѣвъ, бабушка!—«Самопитный жбанъ звѣвъ?»—Звѣвъ, бабушка!—«Самодуды ўзявъ?»—Узявъ, бабушка!—«Ну, прощай, Иванька Шиваръ, добрый молодзецъ!»—Прощай, бабушка! Поѣхывъ енъ къ цару, отдавъ самодуды. Тѣ было ему хорошо, а то ще полѣзшало.

Тоды браты говорюць сами съ собой: во якъ яму усѣ удаецца! Якъ бы намъ яго страбиць: ци зарѣзыць, ци забиць? А другіе кажуць: нѣ, зарѣзыць ци забиць—грѣхъ, а лучче скажемъ пану, што якъ мы ѣхыли, дыкъ видѣли—плавыець у чавеньчику Дзѣвка Красавка. Дыкъ енъ яго пошлѣць за ёй, ёнъ не дыставиць, и самъ згинець!.. Пришовъ царъ на токъ, яны и говорюць: вотъ што, ваша царское вяличаство: якъ мы ѣхыли, дыкъ видѣли плавыець ў чавеньчику Дзѣвка Красавка, ды тыкая пригожая, што и сказаць няможно. Пошлиця Иваньку Шиваря, енъ вамъ яѣ дыставиць. Пришовъ царъ домовъ. Пришовъ домовъ и говориць: «што ты, Иванька Шиваръ, добрый молодзецъ, щиро и вѣрно мнѣ служишь?»—Щиро и вѣрно, ваша царское вяличаство!—«Ды ящѣ не соўсимъ. Вотъ што браты твоѣ говорили: якъ вы ѣхыли, дыкъ видѣли, што у чавеньчику Дзѣвка Красавка плавыець. Дыкъ кабъ ты мнѣ яѣ дыставивъ. А кыли не дыставишь, то мой мечъ, табѣ гылыва съ плечъ!» Вышовъ Иванька Шиваръ на дворъ и цяженько уздыхнувъ. Конь близко бывъ, почувъ, што енъ такъ цяжко уздыхаецъ и говориць: што ты, Иванька Шиваръ, такъ цяжко уздыхаецъ?»—Якъ жа мнѣ ня ўздыхаць; сказавъ царъ, кабъ я дыставивъ яму Дзѣвку Красавку, а кыли не дыставлю, дыкъ яго мечъ, мнѣ гылыва съ плечъ!—«А што, Иванька! Я табѣ казавъ, кабъ ты не бравъ зылотога пѣра, а ты не послухавъ—вотъ табѣ и бѣда. Ну, ды гето

ще не бѣда, а будзець табѣ ящо большая бѣда! Хай намъ дась царь три дни попиць, поѣсь, погуляць, и хай дась намъ тываровъ усякихъ крамныхъ и бочку зъ двананцыци зялѣзными вубручами и двананцыць воловьихъ шкуръ, и разныхъ напитокувъ, наѣдкувъ. Пошли яны, погуляли, узяли бочку и шкуры, и тывары, и напитки разные и поѣхыли. Ъхыли, ѣхыли, ѣхыли, ѣхыли—пріѣзжаюць къ мору. Тоды Иванька Шиварь, добрый молодець узявъ, развѣсивъ тывары на дубахъ ли берагу, ды поставивъ напитки, наѣдки, а самъ схувався. Дзѣвка-Красавка ўвидѣла тывары, подѣхыла ближе къ берагу, пыглядѣла, пыглядѣла, и поѣхыла. Ъздзила, ѣздзила—узнава пріѣхыла къ гетымъ дубамъ. Вышла на берагъ, разглѣджуець тывары. И ўвидѣла разные напитки и наѣдки. Стала яна пиць—ѣсь, упилася и заснула. Тоды конь говориць: бяри яѣ, садзи у бочку, и обвивай воловьими шкурами! Енъ узявъ, укладъ яѣ у бочку, уварцѣвъ у двананцыць шкуръ, и повѣзъ. На дорози бачиць енъ—бязиць парсюкъ, зылотая шарсцинка, сяребраная шарсцинка, и кажець: «Иванька Шиварь, добрый молодець! не кажи, што я побѣгъ гэтой дорогой, а скажи, што другой!» Поѣхыли яны дальше,—бязиць пастухъ. «Иванька Шиварь, добрый молодець, скажи, куды побѣгъ парсюкъ?» Иванька Шиварь не пыказавъ яму тую дорогу, пы какой побѣгъ парсюкъ, ды пыказавъ другую. Пастухъ и побѣгъ. Поѣхыли яны узнава. Ъхыли, ѣхыли, стала яна прошинатца. Якъ пыварнулася—шесь зялѣзныхъ вубручовъ пераломилися и шесь воловьихъ шкуръ перарвалися. И опяць заснула. Пріѣхыли яны у дворъ: якъ пыварнулася—шесь зялѣзныхъ вубручовъ пераломилися, и шесь воловьихъ шкуръ перарвалися, и яна вышла зъ бочки. Царь и повѣвъ яѣ у покой. Иваньку Шивару тѣ было хорошо, а то ще полѣпшало. Царь хоцьвъ на тэй Дзѣвцы Красавцы жанитца, а яна кажець: кыли дыставишь мнѣ зъ мора зылотую скрынку жою и сяребраный ключикъ, дыкъ пойду зы цябе, а не дыставишь, дыкъ не пойду! Позвавъ царь Иваньку: «ну што, Иванька Шиварь, щиро и вѣрно мнѣ служишь?»—Щиро и вѣрно, ваша царское вялчачство!—«Ну, ды ще не соўснимъ: дыставъ ты мнѣ зъ мора зылотую скрынку Дзѣвки-Красавки и сяребраный ключикъ. А коли не дыстанешъ, дыкъ мой мечъ, табѣ гылыва съ плечъ!» Вышовъ Иванька на дворъ и цяженько уздыхнувъ. Конь недалёко бывъ, почувъ, што енъ такъ цяжко уздыхаець, и говориць: «чаго ты Иванька Шиварь, добрый молодець, такъ цяжко уздыхаешъ?» А енъ кажець: якъ жа мнѣ ня ўздыхаць, кыли скызавъ царь, кабъ я дыставивъ зъ мора зылотую скрынку Дзѣвки Красавки и сяребраный ключикъ, а кыли не дыставлю, то яго мечъ—мнѣ гылыва съ плечъ.—«А што? ци я табѣ не казавъ, кабъ ты не бравъ зылотога ляра. А ты не послухавъ, узявъ—вотъ табѣ и бѣда. Гето бѣда, дакъ бѣда, и я скажу, што бѣда. Ну, ды йдзи скажи, хай дась намъ три дни попиць, поѣсь, повесялитца!..» Ну, попили яны три дни, поѣли, погуляли, повесялилися, и поѣхыли. Ъхыли, ѣхыли, пріѣхыли яны къ тому морю. Конь и говориць: ну, я пойду, трошку походжу, а ты ляжъ и ляжи. И будзець тутъ ици цѣлая стада ракувъ, дыкъ ты не бяри ни воднаго рака, а тольки ззаду будзець ици кривый маленькій рачикъ, дыкъ ты яго и ўлови. Стануць тоды раки просиць цябе, кабъ ты пусцивъ яго, а ты не пускай, скажи, кабъ принесли табѣ тья вещи!.. Вотъ Иванька Шиварь лёгъ и глядзиць. Глядзѣвъ, глядзѣвъ—повзуць раки—цѣлое мора! И енъ не бравъ ни воднаго, а

увидѣвъ, што назадѣ повзѣць кривый маленький рачикъ, ень яго и ўловивъ. Стали тоды тѣя раки просиць яго, кабъ ень отдавъ имъ рачика: отдай, кажущъ, намъ гетаго рачика, гето нашъ братъ меньшій! Ень говориць: нѣ, ня 'тдамъ: дыстаньця мнѣ зъ мора зылотую скрынучку и сребраный ключикъ Дзѣвки-Красавки! Пуплыли яны искаць тыхъ вящей. Искали, искали—не нашли. Ажны баяжцѣ парсюкъ зылотая шарсцинка, сребраная шарсцинка и говориць: «што табѣ, Иванъ Шиваръ, добрый молодець, треба тутъ?»—Ды треба мнѣ дыстаць у мори зылотую скрынучку и сребраный ключикъ Дзѣвки-Красавки. Ды вотъ раки йскали, не нашли!... Якъ сказавъ ень такъ, гетый парсюкъ бовць у мора и поплывъ. Поплывъ и поплывъ, и раки за имъ,—и цягнуць зылотую скрынучку и сребраный ключикъ. Узявъ Иванька гетыя вещи, отдавъ имъ кривого рака, подзякувавъ и поѣхувъ.

Прыѣхувъ къ цару, отдавъ вещи. Ну гета Дзѣвка-Красавка ня любіць цара, ды любіць Ивана Шивара, добраго молойца. Вотъ тоды ужо и царъ ставъ шукаць злучаѣ, кабъ якъ нибудзь яго страбиць. Приказавъ ень своимъ слугамъ подоиць двананцыць кобыль и вялѣвъ гето мылоко спариць, ускіяпаць. Тѣя ўскіяпали мылоко; прызвавъ царъ Ивана и говориць: «я хочу пабе пыкупаць у кобылинымъ мылоцѣ!» Вышовъ Иванька Шиваръ на дворъ и цяженько уздыхнувъ. Конь близко бывъ, почувъ, што ень такъ цяжко уздыхаецъ, и говориць: што, Иванька Шиваръ, добрый молодець, такъ цяжко уздыхаешъ?»—Якъ жа мнѣ ня ўздыхаць? Сказавъ царъ, што хочець мяне ў кобылинымъ мылоку пыкупаць. А яно такое жаркое, што ня можно подыйци къ яму!—«Глядзи жъ, Иванька Шиваръ: якъ скажущъ табѣ лѣзць у коцѣль, дыкъ ты напромилуй Богъ прости: привядзица мнѣ мойго кыня: хай жа ёнъ пуплачець по мнѣ.» Вотъ пошли яны къ котлу. Иванька ставъ просиць цара, кабъ привяли яму кыня: «хай жа ёнъ пуплачець по мнѣ!» Тоды царъ говориць: «ну, идзица привядзица яго кыня!» Привяли слуги кыня; ень подыйшовъ къ котлу и ўпусцивъ три слязины лёду по три пуды. Иванька усконнувъ у коцѣль, покупався тамъ и вялязъ. И тѣ бывъ красивъ, а то ще покрасивѣвъ. Бачиць царъ, што Иванъ Шиваръ, добрый молодець попригожѣвъ у мылоцѣ, захоцѣвъ ень и самъ пукупатца, и говориць слугамъ: подойця вы зновъ двананцыць кобыль и нагрѣйця мылоко, якъ тоды награвали. Слуги пыдоили двананцыць кобыль и спарили мылоко. Пришовъ царъ къ котлу, а къ яму и пыдойци нельзя отъ жару. Ну, каецъ: привядзица жъ и мнѣ изъ стайни самага лѣпшаго кыня, хай ёнъ по мнѣ пуплачець! Тѣя слуги пошли, привяли кыня, а конь ня йдзѣць къ котлу, бо дужо жарко, а тольки скачець кыло котла. Царъ ждавъ, ждавъ, ды й ускочивъ у коцѣль—и спарився тамъ...

А Дзѣвка Красавка зъ Иваномъ Шиваромъ добрымъ молойцомъ ожанилася, и цяперъ живуць. И здѣлыли пиръ на ўвесъ міръ. И я тамъ бывъ, медъ-вино пивъ; повусамъ цакло, а ў ротъ не пупало.

Г. Стэнно. Мѣщ. Петръ Николаевъ Кучинскій.

40. Ладька.

Жили сабѣ три браты; одного звали Ладзька. Жили яны бѣдно, не було имъ ни ў чѣмъ удачи. Вотъ и пошли яны ў свѣтъ доли искаць. Ишли, ишли, приходзюць у

лѣсъ. Видзюць—стоиць хатка. А ў гэты хатцы жила вѣдзьма, што людзей ѣла, и ў яе было три дочки. Стали яны проситца на выць, а вѣдзьма кажець: кили будзець зь моими дычкамі спаць, дыкь ночуйця. Нечыго имь робиць—нейдзи вычуваць, яны кажущь: ну будземъ! Пусцила ихъ вѣдзьма на выць, и пыклала большую дочку зь большымъ братомъ, сярэдняю съ сярэднымъ, а меньшую зь Ладзькимъ. Яны уси заснули, а Ладзька ня спить. Чуець ёнъ, што вѣдзьма вышла съ хаты, и думець сабѣ: мусиць нѣшто тутъ будзець! Ставъ ёнъ пытацца у меньшыхъ сястры, якъ яны живуць, што у ихъ ёсь? Ина яму кажець: «ёсь у насъ конь, сярэбряная шарсцинка, зылотая шарсцинка, зылотый копытъ, сярэбряный копытъ; ёсь у насъ гусельки сымыгранныя: сами йграющь, сами скачущь—ни пиць, ни ѣсь ня хочетца, тольки любо слушаць; и ёсь у насъ шаринка: хуць якая будзець ряка, а кили махнёшь гэты шаринкый на-пéредь, дыкь мостъ станець, а якъ махнёшь нызадъ, дыкь узнова ряка станець!»—А йдзѣ ина ляжидъ? пытаецца Ладзька. Ина яму скызала, а посьли и заснула. Вотъ Ладзька уставъ и вышовъ вочъ. Пыладзиць—увы йстопцы огонь горницъ. Ёнъ подыйшовъ къ вокну, пыладзѣвъ увы йстопку, ажны тамъ вѣдзьма ножъ истриць! Тоды ёнъ пришовъ у хату, ды ў яе дочокъ хвустки зынявъ зь головъ и пыныдзивавъ братамъ, и сабѣ надзѣвъ ны гылову хвустку, а вѣдзьминымъ дычкамъ пыныдзивавъ шапки, и цыхынько лёгъ. Приходзиць вѣдзьма и щупець: чья гылыва у шапцы, тому гылову прочъ, чья гылыва у шапцы, тому гылову прочъ, и по'трѣзыла усимъ трёмъ дычкамъ головы! Сыма пышла зы лучинкый, а Ладзька уставъ, шаринку укравъ, разбудзивъ братовъ ды кажець: ну, братцы, пойдземъ на ўдѣки, а то будзець худо! И пошли яны ўцекаць. Увийшла вѣдзьма зь лучинкый у хату, спляснула руками, и зарюла (заревла), што порѣзала своихъ дочокъ. Побѣгла яна дыгонаць братовъ, а яны прыбѣгли къ ыгняный ряцѣ, и мыста нема. Ладзька махнувъ шаринкый, и мостъ ставъ. Тольки яны перайшли черезъ ряку, Ладзька махнувъ шаринкый нызадъ, и мыста не стало. А тутъ и вѣдзьма услѣдъ гонитца. Прибѣгла, а мыста немашыцьки. Яна кричиць: «а што, Ладзька, укравъ шаринку?»—Укравъ, бабка!—«А што, Ладзька, порѣзывъ моихъ дочокъ?»—Нѣ, бабка, сыма порѣзыла!—«А ци прибудзешъ ты ко мнѣ?»—Чаму, бабка! Вярнулыся вѣдзьма у дворъ, а яны пошли сабѣ дальше. Вотъ яны ишли, ишли, ишли, ишли, приходзюць ихъ кыролю. И стали у кырыля служиць. Старшимъ братамъ было плохо жиць, а Ладзьку добра: яго король любивъ. Стали яму браты завидываць, и зыхоцѣли яго съ свѣту збыць. Вотъ яны и кажущь кыролю: Ладзька табѣ вѣрно служиць, а правды ня кажець: ёсь у вѣдзьмы конь—зылотая шарсцинка, сярэбряная шарсцинка, зылотый копытъ, сярэбряный копытъ. Ёнъ табѣ гетыго кыня дыстаць можець! А сами думуюць: цяперъ ёнъ отъ вѣдзьминыхъ рукъ ня выйдзець! Король призвавъ Ладзьку и говориць яму: ты мнѣ вѣрно служишь, а правды ня кажешъ! Ёсь у вѣдзьмы конь—зылотый копытъ, сярэбряный копытъ, зылотая шарсцинка, сярэбряная шарсцинка, кабъ ты мнѣ яго дыставъ! Ладзька сыбрався и пошовъ у дорогу. Приходзиць ихъ вѣдзьми, ажны яе у дворѣ нема—у чорта ны родзйнахъ гуляець: звавъ яе чортъ у бабки, у яго рябёныкъ родзився. А конь зы дванатцыци дѣверями, зы дванатцыци замками. Ладзька якъ махнувъ шаринкый—замки прочъ, и двери рысчинилися. Ёнъ узавъ кыня и поѣхувъ. Пришла

вѣдзьма домовъ—кыня нема! Побѣгла ина у погонь зы Ладзький. А Ладзька подѣхувъ къ ыгняный ряцѣ и якъ махнувъ шаринкый, дыкъ мость ставъ, а перяѣхавши махнувъ нызадъ, ряка стала. Прибѣгаецъ вѣдзьма къ ряцѣ, видзиць, што гнатца дали некуды, стала ли ряки и кричиць: «А што, Ладзька, укравъ шаринку?»—Укравъ, бабка!—«А што, Ладзька, укравъ кыня?»—Укравъ, бабка!—«А што, Ладзька, порѣзывъ моихъ дочокъ?»—Нѣ, бабка, сьма порѣзыла!—«А ци прибудзешъ ты ко мнѣ?»—Чаму, бабка!

Привѣвъ Ладзька кыня къ кыролю; було яму кырошо жиць, ащо полутчало! Тоды браты говорюць кыролю: «Ладзька табѣ вѣрно служиць, а правды ня кажець. Ёсь у вѣдзьмы гусельки сымыгранныя—сами йграюць, сами скачуць, ни пиць, ни їсь ня хочетца, тольки любо слухыць. Енъ табѣ можець ихъ дыстаць!» Король пызвавъ Ладзьку и говориць: ты мнѣ вѣрно служишь, а правды ня кажешъ! Ёсь у вѣдзьмы гусельки самыгранныя—сами граюць, сами скачуць; ни пиць ни їсь ня хочетца, тольки любо слухыць. Кабъ ты мнѣ ихъ дыставивъ! Узывъ сабѣ Ладзька торбу, краюшку хлѣба, жменю гороху и пошовъ къ вѣдзьми. Приходзиць къ ей у хату, ажны яна ляжиць ны лавцы и зысыпаецъ, а гусельки лежаць на столѣ. Енъ пыткався, и кинувъ одну горошинку на йструны. Йструны зазвняѣли, а вѣдзьма кажець: ишь муха-злая духа! и яна гуляць зыхоцѣла! Енъ другую горошинку кинувъ, а вѣдзьма узнова тое самое говориць, тольки циишый. Енъ, пытодзя, третью горошинку кинувъ. Вѣдзьма ничого не кажець—спиць. Енъ схвадивъ гусельки, ды наўходы! А вѣдзьма прошнудыся ды яго и пыймала. И хоцѣла згугуваць и зѣѣсци. Ажъ прибѣгаецъ чортъ и просиць вѣдзьму на хрисцины. А ина кажець: а нѣ, не пойду: я свойго злочинца пыймала, треба яго зѣѣсци! А чортъ яѣ дывай просиць, дывай молиць: мы яго, каецъ, у яму запрѣмъ, каменьямъ ды полѣньямъ зывалимъ, а посьли зъ имъ рызбырѣмся! Вѣдзьма послухала. Усадили яны яго ў яму, ды й зывалили, а яна пышла ны хрисцины. А Ладзька узывъ шаринку, якъ махнецъ—рядъ каменяня, рядъ полѣняня доловъ! Пызмахавъ усѣ, а самъ вылѣзъ. Увыйшовъ у хату, а гусельки лежаць ны столѣ. Енъ ихъ схвадивъ, и побѣгъ уцекаць. Приходзиць вѣдзьма—ни Ладзьки, ни гуселекъ нема. Ина побѣгла у погонь, а Ладзька ужо перайшовъ черезъ огняную ряку, махнувъ шаринкый нызадъ—мыста не стало. И некуды вѣдзьми дали гнатца! Стала яна при ряцѣ и кричиць: «А што, Ладзька, укравъ шаринку?»—Укравъ, бабка!—«А што, Ладзька, укравъ кыня?»—Укравъ, бабка!—«А што, Ладзька, укравъ гусельки?»—Укравъ, бабка!—«А што, Ладзька, порѣзывъ моихъ дочокъ?»—Нѣ, бабка, сьма порѣзыла!—«А ци прибудзешъ ты ко мнѣ?»—А чаго я къ табѣ прибуду: ци ўгловъ твоихъ глядзѣць? Вѣдзьма тутъ, со злосьци, ударилася объ землю, и разбылися! А Ладзька пошовъ у дворъ. Идзѣць енъ, идзѣць дорогой—гусельки! сами йграюць, сами скачуць, ни пиць ни їсь ня хочетца, тольки любо слухыць! Устрѣчаецъ Ладзька челоўка. А ў гетаго челоўка кій. Челоўкъ убачивъ гусельки и кажець: «дывай пымѣняемъ кій на гусельки!»—А якій твой кій?—«Мой кій такій, што хуць якое войско, тольки скажи: кій, мой вѣрный слуга, поби гето войско!»—енъ и побѣецъ!» Пымѣняли яны. Ладзька троху пройшовъ, и пыкызалыся яму скушно бязъ гуселекъ; енъ и кажець: кій, мой вѣрный слуга! Идзи заби гетыго челоўка и отбярй гусельки! Кій

пошовъ, человѣка забивъ, и гусельки отыбравъ. Идзецъ Ладзька. Гусельки играющъ, кій скачещъ, а на ўстрѣчу яму идзецъ человѣкъ съ пугы. Давай, каещъ, пымѣняемъ пугу на гусельки!»—А што твоя пуга? пытаетца Ладзька.—«А мыя пуга тыкая, што тольки скажи: пужка-посвистушка, подыми гето войско!»—и хуць якое побитое войско,—дыкъ ина подымиць!» Пымѣнявъ Ладзька гусельки, на пужку и пошовъ. Пройшовъ Ладзька троху, скушно яму стало. Енъ и каещъ кію: кій, мой вѣрный слуга! идзи гетыго человѣка заби и гусельки отбяр! Кій пошовъ и гето здѣльывъ. Идзецъ Ладзька дали: гусельки йграющъ, кій скачещъ, пужка свищещъ—васѣло яму! А на ўстрѣчу человѣкъ съ сякирой идзецъ. «Пымѣняемъ, каещъ, сякиру на гусельки!»—А што твоя сякира? пытаетца Ладзька.—«А моя сякира тыкая, што кыли ей прикажешъ, то хуць якій домъ за нычъ зрубиць!» Пымѣняли яны. Пройшовъ троху Ладзька—скушно яму стало. Енъ и каещъ кію: кій, мой вѣрный слуга! Идзи, гетыго человѣка заби и гусельки отбяр! Кій человѣка забивъ и гусельки отыбравъ. Идзецъ Ладзька: гусельки играющъ, кій скачещъ, пужка свищещъ, сякира зы пыасомъ тырчиць—васѣло яму! Приходзиць енъ ны кыролевское поле, обнимаещъ яго цѣмна ночь. Каещъ Ладзька сякири: «зруби мнѣ за ночь домъ, полутче кыролевскаго!» Яна и зрубила. Ны другій дзень уставъ король, видзиць, што стоиць ны яго поли дворецъ, и пысылаещъ узнаць, хто тамъ ёсь, и кабъ енъ къ кыролю явився. «Якую енъ праву мѣвъ безъ мойго пызволенья строиць дворецъ ны мойй зямли?» Посланцы пошли, а Ладзька пывялявъ кію зъ двыра ихъ пригнаць. Усердзился король, пыславъ войско. Якъ увидзивъ Ладзька, што войско идзецъ, дыкъ енъ и скызавъ кію: кій, мой вѣрный слуга! Идзи поб! гето войско! Кій пошовъ и побивъ усѣ. Король пыславъ войска ящо больше, а кій и тое побивъ. Пошовъ тоды самъ король къ Ладзьку съ поклономъ, и ставъ яго просиць милосѣди. Ладзька каещъ: а што будзещъ,—я табѣ усѣ войско подыму? Король каещъ: што хочешъ, бари, тольки пыдыми! Ладзька каещъ: отдай зы мяне свою дочку замужъ, и отдай мнѣ гето ўсѣ поле, дѣѣ стоиць мой дворецъ! Король сыгласився. Вотъ Ладзька каещъ: пужка-посвистушка, подыми усѣ гето войско! Пужка якъ стала бѣгаць ды свистаць—ўсѣ войско устало! Скоро яны сыйграли свадьбу.

И я тамъ ны васельли бывъ, мѣдъ-вино пивъ, пы вусамъ цякло, а ў роди на было. Дали мнѣ скыворѣду, й побѣгувъ пы горѣду; дали мнѣ чепялу, а побѣгувъ пы сялу; а якъ дали мнѣ смыкъ—я зы вороты пымыкъ! И уцѣкъ...

Д. Санги, латышов. в. стѣнн. у.

Запис. учит. нар. уч. Громузовъ. См. Чубин. 87, 409.

41. Тремъ—сынъ.

Вотъ было сабѣ такъ у бацьки три сыны. Пошли яны расъ на хвоту, ходзили, ходзили, ничего не найшли. Рызыйшлися яны по двымъ, и кажуць одзявъ одному: кыли хто кого найдзещъ, гукайца тоды усихъ! Вотъ идзецъ меньшій братъ, и видзиць—стоиць дупъ, а на дубу гняздзечко. Полѣсь енъ на дупъ,—у гняздзечку мальчикъ. Ставъ енъ тоды гукаць братовъ. Гукавъ, гукавъ, догукався сяредняго брата; сяредній

гукавъ, гукавъ, догукався большого брата. Меньшій братъ узавъ мальчика, навязавъ на поясъ и спустивъ зъ дубу. Принесли яго домовъ, стали ксциць—никакъ именья не прикладуць. Думыли, думыли и дали яму ймя Трёмъ-сынъ. Вотъ меньшій братъ кажець: я опишу яму на ксцины жрябенка! сяредній кажець: а я опишу сядло! А большій кажець: а я опишу уздэчку! Ну, тэй мальчикъ якъ рэсци, дыкъ рэсци—ни по годахъ, ды по часахъ, вырысь вяликий. Пошовъ енъ расъ къ сусѣдзимъ, яму сусѣдзи говоруць: «што ты ў ихъ будзешъ жиць? Ёдзъ отъ ихъ, бяри свойго кыня и сядло и уздэчку.» Енъ пришовъ домовъ и кажець: отцы моё милые, я ня буду у васъ жиць! Яны кажущъ: зъ Богомъ сабѣ, Трёмъ-сынъ! Меньшій выывавъ кыня, сяредній вынась сядло, большій вынась уздэчку. Собрали яго и выправили, поѣхувъ ёнъ. Ёхувъ, ёхувъ, ёхувъ, ёхувъ,—ажъ сядзиць птахъ—за семь вёрстъ видно отъ яго. Подъѣхувъ енъ къ птаху и хоцьвъ яго схациць. Тольки за яго, а птахъ пыднявся и пыляцьвъ, осталыся одно пярo у яго ў рукахъ. Поѣхывъ ёнъ съ тымъ пярoмъ дали. Якъ выстновиць пярo, такъ усё поле и освѣциць. Ёхывъ ёнъ, ёхывъ, и пріѣхывъ ды царя. Царъ нанавъ яго къ сабѣ зы конюха, коній чисциць.

Вотъ, ставъ енъ у царя жиць, ставъ коній дыглядаць. Другіе жъ конюхи идущъ чисциць коній—царъ имъ свѣчки подаець, а Трёмъ-сынъ и свѣчекъ не бярець и вычисциць лучше за ўсихъ коній своихъ. Царъ усё дзивитца, што тэя бяруць свѣчки, а ёнъ нѣ, ды лучше за ихъ вычисциць. Стали конюхи яму завидываць, стали за имъ пыдглядываць. Одзинъ узавъ и прокруцивъ дзирку съ своё стайни въ яго, дыкъ празъ тую дзирку освяцило и гѣтую стайню. Тэй увидзивъ пярo, ды пошовъ къ царю и сказавъ: затымъ ёнъ свѣчекъ не бярець, што у яго ёсь пярo птаха. Вышовъ царъ на ганыкъ и гукаець: «Трёмъ-сынъ, ходзи сюды! Казали, што ў цябе ёсь пярo птаха. Отдай яго мнѣ!» Трёмъ-сынъ и отдавъ. Нызаўтраго рано вышовъ царъ на ганыкъ и гукнувъ Трёмъ-сына: Трёмъ-сынъ, ходзи сюды! Пришовъ Трёмъ-сынъ, царъ и кажець: «дыставивъ ты мнѣ пярo, дыставъ ты мнѣ й птаха!» Трёмъ-сынъ заплакувъ и пошовъ къ своему коню. Конь спрашуець: чаго, Трёмъ-сынъ, плачешъ?»—Якъ жа мнѣ ня плакыць, кося? Сказыавъ мнѣ царъ: дыставивъ ты мнѣ пярo, дыставъ и птаха!.. —«Не плачь, Трёмъ-сынъ, гѣто не беда, беда будзешъ ўперадзъ. Идзи скажи царю, хай дасъ два пуды пшаницы, два вядры горѣлки и шесь корытцувъ!» Царъ дыставивъ усё гѣто, Трёмъ-сынъ и поѣхувъ на тымъ коні. Ёхыли, ёхыли, пріѣхыли къ большэй горѣ. Налили яны тоды два корытцы горѣлки, насыпали два корытцы пшаницы и пставили на горѣ. Конь кажець: я жъ пойду походжу, а ты подлѣзь подъ корытцо и глядзи: якъ приляциць птахъ, зѣбсь одно корытцо пшаницы, выплѣць одно корытцо горѣлки, и пералациць на другое корытцо горѣлки. Тоды ты яго лови!.. Трёмъ-сынъ такъ и здѣльывъ. Уловили птаха и поѣхыли. Пріѣхыли у дворъ, отдали птаха царю. Поставивъ Трёмъ-сынъ кыня на стайню, самъ пошовъ отдыхаць. Нызаўтраго рано выйшувъ царъ на ганыкъ и ўзнава гукаець Трёмъ-сына. «Ну, Трёмъ-сынъ, дыставивъ ты мнѣ пярo, дыставивъ птаха, вотъ жа на мори на лоточцы плаваець Настася-Прекраса, дыставъ мнѣ яе!» Пошовъ Трёмъ-сынъ къ коню и заплакувъ. «Чаго ты, Трёмъ сынъ, плачешъ?»—Якъ жа мнѣ не плакыць? Сказыавъ мнѣ царъ: дыставивъ ты мнѣ пярo, дыставивъ ты мнѣ птаха, дыставъ мнѣ—на мори на лоточцы плаваець

Настася Прикрася!—«Ну, не плачь, Трёмъ-сынъ: гѣто не беда, беда будзець ўперадзѣ. Идзи скажи пару, хай ѣдзець на мѣсто, выкупаець краснаго тывару!» Царъ поѣхувъ, накуплявъ краснаго тывару и отдавъ Трёмъ-сыну. Поѣхали яны ўзнова. Ъхыли, ѣхыли, пріѣхыли на море. Конь и говориць Трёмъ-сыну: развѣѣсь тываръ ли берагу. И якъ будзець плусци у лоточцы Настася Прикрася, скажець: «сподмана!» Ты кажи: красныя тывары. Ина выйдзець и будзець торгуваць у цябе тывары, а я лопну копытомъ по лоточцы, лотычка и пуплудець. Ты яд возьми и вядзи къ цару!.. Такъ яны и здѣлыли. Узяли Настасю Прикрасю и привяли къ цару.

Назаўтраго рано выйшла Настася Прикрася на ганыкъ, гукнула Трёмъ-сына и гориць: «дыставивъ ты парю, дыставивъ ты птаха, дыставивъ ты мяне. Ёсь у моё матушки на мори ны вокошку повилѣны, дыставъ ихъ мнѣ!» Трёмъ-сынъ заплакувъ и пошовъ къ коню. «Чаго, Трёмъ-сынъ, плачешъ?»—Якъ жа мнѣ не плакыць? Сказыла мнѣ Настася Прикрася: ёсь у моё матушки на мори ны вокошку повилѣны, дыставъ ты мнѣ ихъ.—Ну, не плачь, Трёмъ-сынъ! Гѣто ня беда, беда будзець ўперадзѣ! Садзись, поѣдземъ!» Ъхыли, ѣхыли, пріѣхыли къ мору. Конь говориць: ты жъ стань ля мора, а я пуплыву пы повилѣны. И глядзи: кыли будучъ красныя бѣрковкі сьыкаць, дыкъ не вярнуса, а кыли бѣлыя, дыкъ вярнуса!.. Нырнувъ конь у мора; Трёмъ-сынъ ждэць. Якъ заскочуць красныя бѣрковкі, якъ зыплачець Трёмъ-сынъ!.. Ажны пылядзиць—скачуць бѣлыя бѣрковкі. Ставъ енъ ратъ. Ажъ скоро и конь плудець, и насець у зубахъ повилѣны. Ну, поѣхали яны домовъ. Отдавъ Трёмъ-сынъ повилены Настаси Прикраси, постановивъ коня на стайню, а самъ пошовъ отдыхаць.

Назаўтраго рано выйшла Настася Прикрася на ганыкъ, гукаець Трёмъ-сына. «Ёсь, каець, у моё матушки на мори привязыно двананцыць жерапцовъ на двананцыць лунцуговъ, а тринанцытая кыбылица на тринанцыць лунцуговъ; дыставъ ихъ мнѣ!» Трёмъ-сынъ заплакувъ и пошовъ къ коню. «Чаго, Трёмъ-сынъ, плачешъ?»—Якъ жа мнѣ не плакыць? Сказыла мнѣ Настася-Прикрася: ёсь у моё матушки на мори привязыно двананцыць жерапцовъ на двананцыць лунцуговъ, а тринанцытая кыбылица на тринанцыць лунцуговъ; дыставъ ты мнѣ ихъ.—«Не плачь, Трёмъ-сынъ! Гѣто беда не беда, беда будзець ўперадзѣ! Поѣдземъ!» Пріѣхыли ўзнова къ мору. Конь кажець: «ты жъ стань ля мора, а я пойду грысци лунцуги. Упѣрыть буду грысци ў кыбылицы. Кыбылица пыбажыць, а за ёй уся жерапцы. Дыкъ ты якъ будзець бѣхчи кыбылица, хватай яд, и ѣдзъ къ Настаси Прикраси!» Такъ и здѣлыли. Прибѣгли жерапцы за кыбылицы у дворъ. Настася-Прикрася выйшла на ганыкъ, заманила ихъ; коськи моё, коськи!.. Яны ёй и зарзали.

Назаўтраго рано выйшла Настася Прикрася на ганыкъ, гукнула Трёмъ-сына и кажець: «дыставивъ ты парю, дыставивъ ты птаха, дыставивъ ты мяне, дыставивъ ты мнѣ повилѣны, дыставивъ двананцыць жерапцовъ на двананцыць лунцуговъ, а тринанцую кыбылицу на тринанцыць лунцуговъ,—дыставъ ты мнѣ гоючія воды и живучія!» Заплакувъ Трёмъ-сынъ и пошовъ къ коню. «Чаго ты, Трёмъ-сынъ, плачешъ?»—Якъ жа мнѣ не плакыць: сказала Настася Прикрася дыставиць гоючія воды и живучія!—«Во гѣто беда, дыкъ беда!.. Али жъ ничога, поспробуемъ! Идзи къ цару, нехай дась ножъ!» Пошовъ Трёмъ-сынъ къ цару, узявъ ножъ. Ну, кажець конь: садзись на мяне, поѣдземъ!» Сѣвъ Трёмъ-сынъ и поѣхыли. Ъхыли, ѣхыли, пріѣжажаць къ

радѣ. «Ну, Трѣмъ-сынѣ, бари ножѣ, рѣжѣ мнѣ пузо. И якъ прилецаѣ круки ды садущѣ ны мяне, ты лови. Станущѣ яны просицѣ, кабѣ ты пусцивѣ, ты й скажи, кабѣ принясли намѣ гоющія воды и живушія.» Трѣмъ-сынѣ такъ и здѣлывѣ, поймавѣ кручанѣнка. Крукѣ пылацѣвѣ и принѣсѣ воды гоющія и живушія. Трѣмъ-сынѣ рызодравѣ кручанѣнка, пумазаваѣ яго водою, енѣ и отжився. Пумазаваѣ кныя—конѣ отжився. «Ну, каецѣ, Трѣмъ-сынѣ: садзисѣ пыскорѣй, дзяржисѣ пыкрапчѣй, поѣдземѣ, а то вылецицѣ на насѣ цмокѣ, спалицѣ цябе и мяне!» Усцѣвѣ енѣ и поѣхувѣ. Ня ўспѣвѣ далеко отѣхнѣцѣ, якъ ляцицѣ за имѣ цмокѣ съ огнѣмѣ, и палицѣ яго со ўсихѣ сторонѣ. Вотѣ, вотѣ бы сусимѣ згорѣцѣ, али недалеко дворѣ бывѣ; ускочи́ли яны у дворѣ; цмокѣ и пылацѣвѣ ни съ чимѣ.

Отдавѣ Трѣмъ-сынѣ водѣ гоющую и живущую Настаси Прикаси. «Нѣ, кажецѣ, постой, можа ты манишѣ!» И сѣкла яму гыловѣ. Тоды узяла, спорснула водою гоющей и живушей, енѣ и отживѣ. То бывѣ пригожѣ, а то ще попригожѣвѣ! Царѣ тоды говорицѣ Настаси Прикаси: здѣлѣый и мнѣ такѣ! Яна й порубила яго на куски. А съ Трѣмъ-сыномѣ пыбралися и живуцѣ.

Д. Латы́мово, ульян. вол. стнн. у.

Со словѣ кр—ки Марѣи Николаевой, 48 лѣтъ, записалѣ кр. Иванѣ Клащенокѣ. Сравни. Малор. разск. и пред. Драгоманова, стр. 286. Трѣмъ сына нашла разбойники. Прекрасна Настасѣя посылаетѣ его и за намистомѣ. Воду гоющую и живущую замѣняетѣ горячее молоко, въ которомѣ панѣ „зовсімѣ изпксѣ, ажѣ облизѣ.“ Чубинск. 290. Садовн. 73.

42. Дра-птахѣ.

Живѣ бывѣ такѣ сабѣ одзинѣ богатѣй челоѣкъ. И було ў яго три сыны: старшій бывѣ разумнѣй, сяреднѣй такѣ сабѣ—ни туды ни сюды, а меньшій бывѣ дурачокѣ—Иванѣ дурачокѣ. Бывѣ у гѣтыго богатыра садѣ преболшеннѣй-вяликіѣ, а ў саду яблунка стыяла—яблычко зылотое, яблычко сярэбраное. Скоро казка кажетца, ды ня скоро дѣло дѣветца—унадзисѣя у гѣтый садѣ нѣйкіѣ злодзя: кожныя ноци у садзи бываецѣ, зылотыя и сярэбраныя яблочки оббиваецѣ, сучча обламѣуецѣ. Ставѣ дѣдѣ радзитца съ сынами, якѣ бы гѣтаго злодзю ўловицѣ. И пырадилися такѣ, што треба имѣ гѣтыя яблунки пилнувацѣ; упѣрытѣ пойдзицѣ бѣльшій сынѣ, за бѣльшимѣ сяреднѣй, а меньшому хуцѣ ици послѣ усихѣ, а хуцѣ соўсимѣ ня йци. Ну, пошовѣ на першую ноцѣ злодзю пилнувацѣ бѣльшій сынѣ, разумнѣй-то. Ходзѣвѣ, ходзѣвѣ енѣ пы саду. Якѣ пыдѣ повночѣ—зыхоцѣлося яму снацѣ. Ёнѣ и заснувѣ. Назаўтраго рано приходзицѣ бацька ў садѣ, бачицѣ—яблочки обкляваны, сучча оббиты, а вартовщикѣ ничѣго ня чувѣ, не бачѣвѣ. Ставѣ енѣ сваритца на сына, што енѣ никѣго ня ўпилнуваѣ; ды дѣлѣцѣ ужо нечаго. На другую ноцѣ ици у садѣ сяреднему сыну пилнувацѣ злодзю. Тѣѣ пошовѣ, ходзѣвѣ, ходзѣвѣ пы саду, Богу молився, а якѣ пыдѣ повночѣ—и заснувѣ. Приходзицѣ рано бацька—узнаѣя яблочки пукляваты, сучча оббиты, а сынѣ ничѣго ня чувѣ, ня видѣвѣ. Посварѣвѣ енѣ ны яго ды й пошовѣ. Давѣ Богѣ смерканѣне, приходзитца чѣрада Ивану дурачку ици злодзю пилнувацѣ. Ёнѣ просѣитца ици, а бацька кажецѣ: «куды табѣ, дураку, ици! Кыли разумныѣ ходзи́ли, не ўлови́ли,

а табѣ ўжо уловиць!» Али-тку якъ-ни-якъ ды ўпросився. Пошовъ енѣ у садъ, Богу пымолився, узлѣзъ на яблыну, сѣвъ на вилочкахъ и сядзиць. Сядзѣвъ, сядзѣвъ—никого нема. Ажъ у самую півныць ляпиць Дра-птахъ—освячила увесь садъ, ды якъ затарарахаець! Стала яна сучча оббиваць, яблуки клюваць, а енѣ мѣшився, мѣшився, ды якъ хѣпиць Дра-птаха за хвостъ. Енѣ ирванувся и пыляцѣвъ, тольки паро остался у Ивана-дурачка. Давѣ Богъ дзень, приходзиць бацька у садъ, видзиць—и яблуки цѣлы и сучча ня 'ббиты. «Ну, каець: никого ня було, затымъ и цѣлы!» И не давѣ вѣры Ивану дурачку, што енѣ бачивъ Дра-птаха. Приходзиць Иванъ дурачокъ у хату, вынувъ паро Дра-птаха зъ-за пазухи, такъ усю хату и освятило, ажъ зьяець. Якъ тольки бацька увидзѣвъ паро, зыхоцѣлось яму якъ-नियाкъ уловиць Дра-птаха. Вотъ енѣ насушивъ сухаровъ, и распусцивъ своихъ сыновъ по ўсихъ сторонахъ. Большому давѣ сухаровъ больше: «табѣ, кажець, треба за ўсихъ больше ици!» Сярэднему давѣ сухаровъ сярэдня: *) «табѣ треба ици сярэдня!» А Ивану дурачку давѣ за ўсихъ меньше: «табѣ треба за ўсихъ меньше ици!»

Попшли ўси три браты у дарогу. Ишли, ишли, пытомилиси и ѣсци зыхоцѣли. Большій сѣвъ ля возяра, ѣсь сухари, водой запиваець. Ажъ прибѣгаець вовкъ: «человѣчекъ, дай мнѣ хлѣбца хуць разовъ съ пятокъ укусиць!» А тѣй кажець: ахъ ты, вовчища-дурнища, ты идзѣ бывъ, туды й идзи! а мнѣ дарога ящо вяликаая, мнѣ самому треба.—«Дай, каець: на злую годзину и я табѣ знадобенъ буду!»—О, знадобникъ нашовся! Идзи сабѣ, убайрайся! Вовкъ побѣгъ далыше. Бязиць, бязиць, бачиць—сярэдній братъ ли раки сухари ѣсь, водой запиваець. Прибѣгъ къ яму: «добрый дзень табѣ, человѣчекъ!»—На здаровье!—«Дай мнѣ, человѣчекъ, хуць разкй на три укусиць хлѣба!»—Ахъ ты, вовчища-дурнища! Ты идзѣ бывъ, туды й идзи, а мнѣ дарога ящо вяликаая, мнѣ самому треба!—«Дай, каець, человѣчекъ: на злую годзину я табѣ знадобенъ буду!»—Убайрайся ты, гѣткій знадобникъ! Ты вѣ пыдѣяси, ды й пойдзешъ сабѣ, куды захочешъ, а мнѣ треба во ици шукаць Дра-птаха!... Побѣгъ вовкъ далыше, ажъ видзиць—сядзиць меньшій братъ, Иванъ дурачокъ, надъ водой, ѣсь хлѣбъ и водой зыпиваець. Прибѣгъ енѣ къ яму: «добрый дзень табѣ, Иванька!»—На здаровье!—«Ци не давѣ бы ты мнѣ сколько-небудзь хлѣбца укусиць?»—Зачимъ? Можно: садзись во, ды й ѣжъ, дѣ будзецъ! Сѣвъ вовкъ, и ѣвъ сколько хоцѣвъ. Подѣѣли, тоды вовкъ кажець на Ивана дурачка: «садзись ны мяне, Иванька, ды поѣдземъ, куды табѣ треба!»—Ды Богъ съ тобой, идзи сабѣ, куды йшовъ; я й пѣшки пойду. Ставъ отговаруватца. Вовкъ узнова говѣриць: «садзись, Иванька! Ты тольки сядзи ды дзыржись, я самъ цябе дыставлю, куды треба!» Сѣвъ Иванька на вовка и поѣхувъ, якъ птушка ляпиць.

Ѣхыли, Ѣхыли, пріѣхыли у иньшая царство. Ставъ вовкъ подъ плотомъ и говѣриць Иваньку: «ты идзи цяперъ къ цару ў дворъ. Тамъ будзецъ склепъ на двананцыцѣро двярей, на двананцыцѣро замковъ, на двананцыцѣро стырожовъ: у тымъ склепи Дра-птахъ сядзиць. Заразъ будуць гнаць царскихъ кѣнй на воду поиць. Я свисну, собярутца моѣ братыци и погонюць тыхъ кѣнй. Слуги пыбагуць ихъ отбораниваць, и стырожи тые пыбагуць, ты й идзи просто ў склепъ: табѣ ўси дзвери расчинютца, ўси

*) Нарѣчѣ колиц.

замки отомкнутца. Тольки гляди: Дра-птахъ пригожъ, а клѣтка ящѣ пригожѣй; ты Дра-птаха возьми, а клѣтки не бери, а то сычасъ якъ тольки възьмешься за клѣтку, такъ уси двери позачинютца, уси замки замкнутца!» Пошовъ Иванька къ царскому двору, ажны тутъ гонюць царскихъ коней. Вовкъ свиснувъ, собралися яго братьци и погна-ли тыхъ коней. Уси побѣгли зъ двора ихъ отбораниваць, а Иванъ тымъ часомъ у склепѣ. Яму уси двери отчинилися, и уси замки отомкнулися. Увийшовъ ёнъ туды, такъ яго усяго и осія-ло: Дра-птахъ пригожъ, а клѣтка ящѣ пригожѣйша! «Якъ яё покинуць? Возьму!» И цапъ за клѣтку. А тутъ уси двери хляпъ-хляпъ—позачинилися, уси замки замкнулися. При-бѣгли стырожи и узяли Ивана. Били яго, драли яго и цару дыставили. Царъ яго судзиль три дни, а тоды на волю отпусцивъ. Пришовъ Иванъ къ вовку и плачець, и жалитца на своё безталаньне. «А, я жъ табѣ казавъ, ня рушъ клѣтки! Ну, али не плачъ, иди другимъ разомъ за Дра-птахомъ: заразъ узнова будуць коній гнаць!» Пошовъ Иванька сы плачомъ у другій разъ зы Дра-птахомъ. Ды уже не хватався за клѣтку, и принёсъ Дра-птаха къ вовку.

«Ну, кажець вовкъ, поѣдземъ дальше! Садзись пыскорѣй, ды дзяржись пыкрапчѣй!» Сѣвъ Иванька на вовка и поѣхыли. Ъхыли, ѣхыли и пріѣхыли у третьеє цар-ство. Ставъ вовкъ у алешичку и говориць Иваньку: «Тутъ во ёсь крыница. Иди ты къ крыницы, и будзець ици туды за водой царская дочка, и за ёй вѣдры будуць кацитца. Ты рукавъ зними, ды усё кланяйся, и якъ будзець яна ли цябе ици, ты яё рукавомъ зыхвацц, а руками, хронь Божа, не хватай! Ды гылову зыварни отъ яё, а то яна цябе вочама зѣсь!» Пошовъ Иванька къ крыницы; бачиць—идзець царская дычка, а за ёю вѣдры коцютца; отъ ёнъ и ставъ кланитца, рукавъ наставивши. Яна говориць: «што ты до мяне маешъ, Иванька?» А ёнъ кланявся, кланявся, ды якъ хвацить яё руками... Яна яго узяла на руки, якъ малаго дзяценка, ды й отнесла къ цару. Царъ яго ныказавъ ды й пусцивъ: гляди, Иванька, другій разъ не попадайся! Пришовъ Иванька къ вовку и плачець, и жалитца, што яго царъ набивъ. А вовкъ кажець: а ты мяне ня слухаешъ, такъ табѣ й треба. Ну, али досъ плакыць, иди ў другій разъ къ крыницы, ды гляди жъ, руками не хватай яё, и гылову зыварни, а то яна цябе вочама зѣсь!» Пошовъ Иванька къ крыницы, убачивъ царскую дочь, зы-хвацивъ яё рукавомъ и принёсъ къ вовку.

«Ну, садзись ны мяне, Ёванька, пыскорѣй, ды дзяржись пыкрапчѣй, поѣдземъ дальше!» Сѣвъ Иванька, дзяржиль у рукахъ и царевну и Дра-птаха, и пріѣхыли яны у чацвѣртыє царство. Ставъ вовкъ подъ плотомъ и говориць ны Иваньку: «ну, Ивань-ка, ты жъ иди къ цару у дворъ; тамъ у стайни стоить конь—зылотая шарсцинка, сяребраная шарсцинка, и возокъ зъ рыбѣей косци. Заразъ погонюць воловъ поиць; я свисну, собярутца моё братьци и погонюць воловъ. Слуги уси пыбягуць сы двора воловъ отбораниваць, а ты тымъ уремямъ иди ў стайню и возьми кыня и возокъ зъ рыбѣей косци, ды тамъ дужо не зыглядувайся, а то узнова вловюць!» Ну, Иванъ по-шовъ, и ўсё такъ и стало: узявъ ёнъ кыня зылотая шарсцинка, сяребраная шар-сцинка, и возокъ зъ рыбѣей косци, сѣвъ ны возокъ и пріѣхывъ къ вовку.

«Ну, цяперъ, говориць вовкъ, поѣдземъ домовъ! Сѣвъ Иванька съ царевнѣй у во-зочекъ, Дра-птаха узявъ, и поѣхыли, и вовкъ бяжиць. Дорогой помѣнялися яны персянями:

царевна дала яму свой, а ёнъ ей свой. Доѣхыли яны ды того мѣста, дзѣ Иванька хлѣбомъ кормивъ вовка, вовкъ и говориць ны Иваньку: «глядзи жѣ, Иванька! не дайся, кабъ яна гылову табѣ чесала, а то якъ станець яна ў цябе йскаць, ты заснёшь, а браты придучъ и цябе загубюць!»—Попрощавсь зъ ими и побѣгъ. Проѣхывши трошку, стала царевна просиць: «дай, я ў цябе пойшу!» Иванька ставъ отказуватца, алитки яна яго уговорила. Стала яна йскаць яму, ёнъ и заснувъ. Ажны якъ разъ ѣдучъ браты. Увидзли, што енъ вязецъ Дра-птаха и кыня-зылотая шарсцинка, сяребраная шарсцинка, и царскую дочкѣ, и хоцѣли яго зарѣзыць. Тоды царевна стала тухаць Иваньку подъ бокъ, кабъ ўбудзиць. А браты говорюць: кыли ты яго узбудзишь, дыкъ нашъ мечъ—табѣ гылова съ плечъ! Тая соўсиль спужалась, а большій братъ и отсѣкъ Иваньку гылову. Сѣли яны и поѣхыли.

А Иванька якъ лежаць, дыкъ лежаць—разнясли круки яго й костычки по чистому полю. Ажны прибѣгаецъ туды, на тое мѣсто, вовкъ. Ставъ ёнъ збираць косточки, одну къ одной прикладуваць, ставъ збираць—и зложивъ усяго умѣсто, только одного мезинаго палца не хвацило. Узявъ вовкъ лозинку, выстругавъ палучку, и приклавъ гету палучку къ руцѣ. Тоды дыхнувъ на косци, Иванька и ўставъ, и палочка тая здѣлалась палцомъ! «Ахъ, кажець, якъ я смашно заснувъ!»—Нѣ, кажець вовкъ: ты не спавъ, а цябе большій братъ забивъ, бо ты мяне тки не послухавъ! Здѣлывъ тоды вовкъ Иваньку скрипку изъ лозинки, и кажець: «у цябе ў дворѣ вяселья идзецъ: большій братъ бярець царскую дочкѣ замужъ зы сябе. Дыкъ ты йдзи и играй тамъ у дворѣ на гетой скрипочцы. Яны стануць зваць цябе, кабъ ты ишовъ на вяселья къ имъ играць: будзецъ зваць сяредній братъ—ня йдзи; будзецъ зваць старшій—ня йдзи; ну позовецъ бацька, тоды йдзи—бацьку послухай!»

Пшовъ Иванька у дворъ у свой, зайшовъ у садъ и ставъ рыпаць, сѣдзя пыдъ яблынкый—рыпаецъ ды й рыпаецъ. Почули гето уси, што енъ рыпаецъ у садзи, стали просиць, кабъ ёнъ ишовъ на вяселья йграць. Упѣредзи ставъ просиць сяредній братъ,—ёнъ не послухавъ, не пошовъ; тоды пришовъ большій,—ёнъ не послухавъ, не пошовъ; послѣ уже приходзиць бацька. Ёнъ послухавъ бацьки, пошовъ. Сѣвъ у запечку и ставъ рыпаць. Рыпавъ, рыпавъ, стали яму пыдносиць горѣлку. Поднёс сяредній братъ—ёнъ не бярець; поднёс большій—не бярець; поднёс бацька—и отъ бацьки не принявъ. Мусила поднесци яму горѣлки царская дочка. Ёнъ узявъ, горѣлку выпивъ, а въ чарку положивъ тѣй персяня, што яна яму дала. Яна якъ увидзила свой персяня, и крикнула: «вд мой милый другъ! Во гетый, каецъ, дыставъ Драптаха, дыставъ и мяне, дыставъ и кыня—зылотая шарсцинка, сяребраная шарсцинка, и возокъ зъ рыбѣей косци! Якъ мы ѣхыли, дыкъ енъ заснувъ, а большій братъ забивъ яго, ды сказавъ, што гето ёнъ усѣ дыставъ!.. Кинулась къ яму на шю, зыплакыла.

Бацька жѣ якъ почувъ гето, сычасъ валѣвъ привязаць тыхъ братовъ къ коньскимъ хвостамъ, а Иванька жанився съ царской дочкой, и ставъ жиць ды поживаць, ды добра наживаць, а лиху збываць.

Д. Тютюки, расн. вол. стынн. у.

Со словъ негр. кр. Ивана Мартинова, записалъ кр. Кирилъ Аникіевичъ. Ср. Афан. вып. VII, стр. 121—133 Худяк. I, стр. 1.

43. Иванъ Ивановичъ — удювинъ сынъ.

У нѣкоторомъ царствѣ, у нѣкоторомъ государствѣ... Зачинаетца не казка, а приказка. Будзецъ казка уперяду, поѣдавши мяхкаго хлѣба у серяду...

Нѣўкоторомъ царствѣ, нѣўкоторомъ государствѣ было у водной старухи три молодойца, сильные богатыри. И покупляли яны сабѣ лошадей и отправляютца у пущь. Бѣхали нѣскольки версть однимъ пущемъ еты братьици. Два изъ ихъ вумные, узывалися рѣвчачи, ну, а третій малый — маленько зъ дуриною бѣвъ. Нѣскольки проѣхали тысячъ версть — стоиць стовпъ. На стовну написано: хто пойдзецъ уть етымъ пущемъ, счасливый будзецъ чаловѣкъ; хто етымъ пущемъ пойдзецъ, красную дзявицу за сябе вѣзьмець; ну хто пойдзецъ правою стороною — убить будзецъ. Братця ето обсовѣтовалися, которые были вумные: давай мы, братъ, пойдземъ уть етымъ пущемъ, а еты нехай идзецъ сюды! Который пущъ показанъ плохій. Распрошались яны утронхъ и пошли разными пущами.

Етый пошовъ дурачокъ етымъ пущемъ, дѣъ назначено убитому быць. Ишовъ, ишовъ, нѣсколько судокъ, приходзиць — стоиць хатка. Ёнъ у тую хатку. Тамъ сядзиць старая старушка. «Здрастуйца, бабушка!» — Здрастуй, поцтениѣйшій! отказуецъ старуха яму. «Одовжи мнѣ, бабушка, попиць воды!» Яна яму отвѣщаецъ: голубчикъ ты мой сызы! Рада бѣ я табѣ даць воды, дакъ у насъ троя судокъ ужю по зямли воды нема! — «Отчаго такъ, бабушка?» — А ёсь у нашамъ царствѣ сильный богатырь, змѣй. Дакъ ёнъ сожираецъ народъ. Коли яму дадуць чаловѣка, то енъ воды на нѣскольки днѣвъ пусциць. Опяць, якъ чаловѣка не дадуць, изновъ удзержиць водъ. Ёнъ усю зямлю народъ обожравъ ужю, а приходзиць черада до царевны, — на сожаренья царевну. — «Дакъ якъ жа, бабушка, мнѣ узнаць той пущъ, у ето царство добратца?» — А вотъ, мой голубчикъ, идзи вотъ такимъ то пущемъ. Будзецъ стояць хатка у цѣмнымъ лясу, на куриной ножцы. У той хатцы опяць старуха живецъ, Ягипица, сильная волшебница. Тая табѣ раскажець, куды ициць, или поведъ дасць!.. Поблагодаривъ енъ старуси и отправився зъ естыми словами.

Нѣскольки пройшовъ версть, незнамо наткнувся на хатку. Увышовши у хатку, зирнувъ — сядзиць дужо страшная, дряхлая старуха. «Здрастуй, старуха Ягипица, сильная волшебница!» — Здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ! Ци по хоци ходиши, ци по няволи? — «Якъ, Ягипица — волшебница, добрый молодець ходиць по няволи?» — усё по хоци. Одовжи, пожалуста, Ягипица — волшебница, водзицы попиць!» — А вотъ скоро напѣсься, мой голубчикъ, коли зайшовъ у ету сторону! — «Почаму жа такъ, старая чартовка, я скоро напѣюсь?» — А потому ты скоро напѣсься, за што мяне волшебницай узываешъ. Якъ прїѣдзецъ мой сынъ съ охоты, тоды цѣбе напоиць водою! — «Куды жъ енъ, голубка, пошовъ на хоту?» — А коли ёнъ силу мѣецъ, дакъ енъ никого не боитца; куды захочецъ, туды и идзецъ. — «Ну, вотъ ба, бабушка, жалавъ ба и я у товариши къ твоему сыну стаць. Расскажи, старушка, у якій ёнъ отправився пущъ?» — А вотъ куды, Иванъ Ивановичъ: отправився ёнъ у вяликий садъ. Коли жалашъ, Иванъ Ивановичъ, у товариши стаць, я табѣ дамъ поведъ. На етыхъ часахъ привязуць царевну на сожареніе моему сыну. Якъ енъ царевну, богъ дасъ, сожрѣць,

тоды пусницъ воду по ўсаму нашему царству!—«Ну, голубка, покажи жъ мнѣ пуцъ: радъ я старятца твоему сыну у помочь, кабъ мнѣ не зблудзиць!»—Добро, Иванъ Ивановичъ; коли жалаешъ, дакъ черязъ твой вумъ можа и ты станѣсься живый!.. Дала яму клубочекъ изъ ниточкой: куды етый клубочекъ будзець кацита, и ты за имъ услѣдъ поспѣшай. Тамъ яго и вайдзеши!»—«Ну, благодаримъ, старуха, табѣ за хорошія слова!» Попрощавсь и пошовъ.

Етый клубочекъ кацился по мохохъ, по лясохъ, по болотохъ, нѣскольки судокъ, нѣскольки урема, и енѣ за имъ ишовъ. Прикобуетца етый клубочекъ икъ царьскому дворцу. Ли того дворца выкъ, голосъ сильный дужо! Ажъ царевна збираетца на сожарення. Етый клубочекъ було супунивсь трохи,—скоро й покацился; и укацился у вяликій садъ, дзѣ змѣй сожираецъ народъ, изъ дванатцати головами. Прикацился у садъ, и супунився. Сичасъ къ яму являетца якей-то молодзецъ: «здраслуй, Иванъ Ивановичъ! Што жъ, младъ, рано ты сюды заходзишь такъ,—ци по хоци, ци по няволи?»—Добрый молодзецъ по няволи ня ходзиць, усѣ по хоци!»—«Ну, дакъ подожджи жъ! Коли по хоци, дакъ мы съ тобой погуляемъ. А я, молодзецъ, полячу на синее море воды напича и больше силъ набратца!..» Удругъ отъ яго и отпавився. А енѣ бывъ змѣй, только бязъ силъ яще.

Нямного згодзя вязуць царевну въ акипакъ, чепъвярней, и вязецъ цыганъ. Обобрава у государствѣ, «што я убью змѣя, поѣду зъ ей!» А етый царъ отписавъ, што хто побядзиць змѣя, тому половина царства, и на ей жанитца, на царской допцѣ. Удругъ етому цыгану неколи було тутъ ожидаць, якъ енѣ увидавъ, што сидзиць нѣйкій челоуѣкъ у етымъ саду. Енѣ думавъ, што ето тѣй самый змѣй; и ўхвацивъ царевну съ колясницы и бросивъ прямо къ ямѣ, и лошадей, якъ можны скорѣй завярнувъ, и поляцѣвъ шибко назадъ. Приѣжжаецъ назадъ у царство, и хвалитца: «што я маленько яго приглушивъ; а якъ только пойду, такъ суснмъ яго прикончѣ, и царевна останетца жива!»

Ета жъ царевна заплакала силно и зарыдала, и упала перядъ добрымъ молодойцомъ на колѣнки, склавши бѣлыя руки: «бѣлый молодзецъ! што хоцица, то бярица, только съ свѣту мяне не трябица!»—Нѣ, голубушка, не пужайся! Ты мяне считаешъ, што я змѣй, народъ пожираю?»—«Такъ, вѣрно! Я считаю цябе, што ты самый тѣй, што табѣ народъ присталяюць на сожареніе!»—Нѣ, голубушка! Я нѣскольки зямель пройшовъ, кабъ приняць трудъ за цябе, да змѣя етого побядзиць. Ты мяне не бойся!.. Ина ўпала перядъ имъ на колѣнки, палуецъ яго руки и ноги: «коли можно, дакъ постарайся! Ты отъ мойго отца, што захочешъ, то получишь!»—Ну вотъ жа, голубушка, садзися и не бойся; енѣ скоро будзець ляцѣць. А якъ жа мнѣ тоды увознаць цябе, коли мнѣ поможець Богъ яго побядзиць?»—«А вотъ, добрый молодзецъ, по чаму можно признаць: отдамъ я своѣ два кольцы зъ руки табѣ. Тоды, коли найдетца хто нибудзь—услучай я останусь жива—дакъ оцѣць будзець мяне посылаць подъ вянецъ. Вотъ приставъ етый самый цыганъ! Вѣрно енѣ ко мнѣ будзець приставаць. А другая примѣта: ты здзѣлайся тоды либо—якимъ музыкантомъ, дакъ я усѣ буду цябе ожидаць. Разнаго сусловія будуць музыканты, и военные, и съ усьихъ зямель,—то мнѣ усѣ ня будзець нравитца музыка. Якъ только ты доложишь, што

пришовъ музыка съ чужихъ земель—лишь ба якая скрыбочка лубяная—цябе скоро допусцоць. И вдобавокъ, моё кольца етые надѣнь на правую руку. Якъ только ты зайграешъ, я сичасъ увознаю свое кольца, тогды и цябе увознаю!»—Дакъ ты цяперъ, красная дзявица, садзись, ня бойся мяне. А тоды, якъ пойдзець у насъ битва, то ты не улякайся, не ўбѣгай нікуды, а то ты можашъ со спугу нема вѣдомо куды збѣць. А ящо табѣ приказую: енъ скоро будзець ляцѣць. Случаѣмъ я задрямлю, дакъ вотъ на табѣ мою мечъ, и прямо мяне тоды подъ бокъ ворсай, не лякайся. Якъ енъ будзець ляцѣць, силно будзець лѣсь клонитца, тоды мяне и будзи.

Ёнъ лёгъ и малёнько ставъ дремаць. Нямножко спусця, ставъ вѣцяръ пошурхаваць сильный. Эта дзявица силно заколоцилася. Только слухаецъ яго приказанія—пока лѣсь станець клониць. Тоды, якъ начавъ лѣсь клониць, силно яна, громкимъ голосомъ, кричиць и добраго молайца будзиць: рятуйця мяне! Ето ничего яго не бярець—не ворочаетца. Удругъ, видиць яна, што дзѣло плохо, ухватила войструю мечъ, и прямо бросилася яму подъ рябро войстрою мечью. Енъ тоды стрепанувъсь, и скоро силно усахпивъсь: «што ты, красная дзявица, мяне силно такъ пужаешъ?»—А я слушаю твоего приказанья! Посмотри-ка: лѣсь гнуся, а цяперъ уже и до зямли гнѣтца.—«Ну, благодарю цябе, красная дзявица, што мяне скоро силно разбудзила!»

Глянувъ енъ на лѣсь, ажъ тутъ, у нѣскольки минутъ, сичасъ енъ явитца. Ци мало, ци много дзѣялося етому уремю—скоро казка кажетца, да не скоро дзѣетца—удругъ сичасъ етый змѣй явлетца. «Што-жъ, добрый молодзецъ! раскажи ты цяперъ сторию—моё мѣсто заступивъ ты: ци съ тобой будземъ битца, ай миритца? Мнѣ съ тобой битца,—да ты мнѣ младъ юнашъ ящѣ!»—Младъ не младъ, а только я не пришовъ черазъ нѣскольки земель къ табѣ миритца, а пришовъ битца!—«Коли жалаешъ битца, выходзи на точокъ!» Вышли яны на точокъ, обы, стали у параци. Змѣй говориць: «но! би мяне!»—Енъ говориць: нѣ, ты мяне уярёдъ би! Спорили яны, спорили, ну потомъ змѣй узливъсь: дзяржись, добрый молодзецъ! Якъ джигнувъ разъ—по колѣно зразу у землю ўбивъ. Тоды говориць добрый молодзецъ: ну, дзяржись жа ты, сожарицель народу! Якъ джгнувъ—три головы зразу съ плечъ! Тоды змѣй и говора: ну, дзяржись жъ опяць покрятѣй! Енъ яму говориць: крѣпко-ня-крѣпко, а уже на служби стоючи, треба стояць! Змѣй якъ джгнувъ другій разъ—по поясъ у зямлю ўбивъ. Тоды говориць добрый молодзецъ: ну, сожарицель народу, дзяржись жъ и ты цяперъ покрятѣй! Якъ джигнувъ добрый молодзецъ другій разъ—зразу шесць головъ збивъ! За два разы дзевяць головъ збивъ. Тоды змѣй говориць: «эхъ, добрый молодзецъ, сильный богатырь! Не надѣявся я на цябе! Цари-короли бьютца, и то залогу маюць—давай дадимъ залогу, трошки отдохнемъ!» А енъ яму отвѣщаецъ, добрый молодзецъ: нѣ, я не пришовъ къ табѣ залогу даваць, а пришовъ къ табѣ у 'хоту съ тобой погуляць. Цяперъ начинайка мяне третій разъ биць! Змѣй яму отвѣщаецъ: «ну, коли жъ ты не жалаешъ, дакъ дзяржись послѣдній разъ покрятѣй!» А енъ говориць: колибъ я цябе боявся, дакъ ба я къ табѣ не пападався—жъ угодна би! Тоды змѣй яго якъ джгнувъ—по пахи у зямлю ўбивъ, третій разъ.—«Ну, дзяржись-ка, сожарицель народу, на послѣдній разъ зѣжжу, ци на пусцишь ты по етому царству людзёмъ воду!» У третій якъ джгнувъ змѣя—

головы до 'днои зваливъ зъ змѣя! Тоды пристунаецъ къ яму, вылезши изъ ямלי, добрый молодецъ: «ну, пушай воду, дакъ поставлю головы уси на плечи, и съ тобой помирился!» Етыя головы уси заболмотали: «пусцимъ, пусцимъ, только осадзи насъ на мѣсто!» Енъ тоды на 'дну голову говориць: «Я етымъ рѣчамъ вашимъ ня вѣрю, а дуй ка на 'дно дзерево!» Одна голова якъ дунула—тое дзерево усохло. Енъ оняцъ и говориць на тую голову: дуй, кабъ сичасъ зялёно стало! Яна дунула,—яно зялёно и стало.

Етый добрый молодецъ ставъ да й обдумався: «ахъ вы, нячистая сила! Валяетца: головы сабѣ, тулово сабѣ, а ядъ ящѣ идолскій—змѣйный!» Разердзився, вынявъ свою мечъ, головы етыя разрубивъ на мелкія часци, а языки вырѣзавъ да ў карманъ съ трѣхъ головъ. И пошла тоды вода, давъ Богъ, по всяму етому царству. Милосць вяликая!.. Тоды ухвацивъ добрый молодецъ богатырьской силою, начавъ огромное дубѣ у ласу ломаць, и большей грудь огонь раскладаць. И еты головы и тулово посѣкъ, порубавъ, и бросивъ у большей огонь. Тоды, якъ облёгсъ малѣнькій огонь, тоды енъ говориць: «подходзи сюды, красная дзявица, ня бойся цяперъ. Заўтри хто за тобой ни прїѣдзецъ, дакъ ты побѣждай, а за етымъ, не давай только вѣтру поцелу раздумаць. А цяперъ, прощай,—я лягу маленечко отдыхну. Тымъ жа самымъ змысломъ якъ будзешъ видзѣць, хто будзецъ ѣхаць, хватай оняцъ войструю мечъ и ворсай мяне оняцъ подъ рябро. Оняцъ жа табѣ и той, хто прїѣдзецъ, жалаецъ смерць здзѣлаць, и будзецъ цябе просиць: «скажи, што я змѣя побядзивъ!» Тоды ты яму подавайся рѣчами слабками, на супоръ ня йдзи, а то и табѣ смерць здзѣлаецъ!»

Удругъ назаўтраго утра являетца той цыганъ икъ ей. Почула яна, што колясница бурчиць, хвацила яна войструю мечъ, оняцъ бросилася доброму молайцу подъ рябро: устанъ, добрый молодецъ, пробудзися! Якей-то отъ мойго папьяньки посланникъ ляпиць. Енъ усхвацився и обдумався: не робѣй, дзѣвица, не пропадзешъ, жива будзешъ! А самъ скоро поспѣшно стулился,—што зъ естаго посланника издзѣтца. Етый цыганъ, якъ прилетаецъ къ ей—«о, бацю! Дакъ ци ты ще жива?» Бярецъ съ подѣ-полы свою цыганскую хорму—сякеру—«ну, коли жѣ ты, бацю, жива, да не скажешъ, што я змѣя побядзивъ, да не пойдзешъ за мяне замужъ, дакъ я табѣ голову отрублю!» Яна бросилася къ яму и говориць: «милый мой, родный мой, ты, ты мяне збавивъ—пойду за цябе. И скажу свойму отцу, што собственно ты побядзивъ змѣя!» Енъ тоды зъ радосьци бярецъ яе вѣжно подъ пахи и садзиць благородно у поязду и заворачуецъ строга лошадей. Только завярнувъ лошадей, тронувъ ѣхаць—етый добрый молодецъ, ли-ўцѣли цыгану, вынявъ цѣхинецко еты три языки и бросивъ у пояздъ у задъ, кабъ цыгану было чимъ похвалитца, што енъ побядзивъ. А цыганъ жа етый и знаць не зная, што языки прилѣплены. Отправився цыганъ у царскій дворець. Якъ приводзиць живую дочь царскую, хва-таюць цыгана вѣжно подъ руки, палуюць дочь и милуюць, и спрашуюць у яе: хто собственно змѣя побядзивъ? Яна и тамъ жа уробѣла и говориць: опецъ мой родный, штобъ тамъ ни було, только цыганъ змѣя побядзивъ!

Царъ, много ня думавши, сичасъ разославъ хвишки, кабъ збиралися князья-бояры на свадзьбу, а яго одзѣвъ у чистую одзѣжу. Рада бѣ ета царевна либо отлучитца

куды, поговориць коё съ кимъ, съ отцомъ, али зъ мацерью, ну ёнъ ня пушаецъ шагу яе отъ сябе. И силно яна, красна дѣвица, скучаецъ по томъ молойцу,—якъ ба у глаза яго увидаць? Тоды и говориць: ну, отецъ мой любезный, собирайця уже къ свадьби, къ свадьби, только задавайця хвишки по ўсихъ сторонахъ, кабъ были къ свадьби разныя музыканты.

Позѣхались князья, бояры на свадьбу, разныя державы, а цыганъ етый уже якъ на шурбохъ (весель), выхваляетца, што я змѣя побядзивъ! Ну, приготувались соўсиимъ къ свадьби. Етый жа добрый молодець, якъ лёгъ отдыхаць, дакъ проспавъ дванатцаць судоку, на ўсё на ето забывъ. Опнувъ, и одумався: «ахъ, Божа мой! быць вѣрно царевнѣ замужамъ за цыганомъ!..» А яна усё ўремя ето продовжала! Разныя музыканты къ ёй подходили зъ разныхъ зямель, ну яго не уличила. Удругъ енъ собравъ сабѣ лубяную скрыбочку и лышний (лычный, лыковый) смышокъ, и являетца къ царьскому дворцу и докладаецъ: «не угодно,—я съ чужихъ зямель пришовъ музыкантъ. Я слыхавъ, што тутъ дочки государственныя будзець свадьба?» Доложили царю. Дочь ето услышала, ажъ уся прыгнула! Рада бъ яна пойди одна, ну цыганъ поспашнѣй за руку, ня пушаецъ одну. Етаго жъ музыканта уси плююць, харкаюць: «куды ты лѣзешъ, тутъ ня етакіе ёсь!» Ёнъ ня тѣщаецъ имъ ничего, и похмуривши голову стоиць. Ета царевна просиць папаянку поспашнѣй выхodziць на пляць послухаць музыки етой. Выходзюць на пляць князи, бояры и ета самая царевна. Ну цыганъ яе дзяржиць покрѣпче подъ руки. Тоды яна говориць: «папаянка, позволяй яму зайграць, етому чужастранныму музыканту!» Енъ сича съ вынимаю свою лубяную скрыбочку, якъ зайгравъ, такъ тая царевна чуць не могла тамъ плясаць. «Папаянка мой родный! Вотъ цяперъ я вамъ признаюсь, хто змѣя побядзивъ и хто другъ будзець милый. Утѣ етый самый добрый молодець змѣя побядзивъ и мяне на етый свѣтъ живую пусцивъ!» И якъ-живо рвѣтца къ етому музыканту. Ну цыганъ яе ня пускаецъ и кричиць громкимъ голосомъ: нявѣрно! я змѣя побядзивъ! Тоды царевна говориць: «опросица, папаянка, у яго моихъ двухъ кольцовъ. Коли приходилось мерць мнѣ, дакъ я своё кольца збросила зъ рукъ, да отдала тому, который змѣя побядзивъ!» Стали прочія державы у етаго цыгана спрашываць: получивъ кольца у царевны, или нѣтъ? Енъ со зла, цыганьской натурой и хормой: «нѣ, бацю, у яе ня було ниякихъ кольцовъ. А змѣя я побядзивъ!» А яна говориць: «ну, папаянка родный, спросица у музыканта примѣты!» Удругъ призываюць музыканта, якъ енъ играецъ, и увидали у яго на правой руцѣ два персьени. Уси и закричали: браво, браво, браво! Етый жа цыганъ ниякъ яе отъ рукъ ня пускаецъ и говориць: я змѣя побядзивъ! Етый музыкантъ и говориць: «ваша царское вяличаство! я спориць ня буду, яхай сабѣ и енъ. Вялиця выкациць тоё поязду, которую ѣздили за царевной!» И тоды скоро поспѣшно прикачили на точокъ поязду. Етый музыкантъ говориць: ну, коли ты змѣя побядзивъ, бяри три языки съ поязды! А яны тамъ усё 'дно, уросли. Етый цыганъ отвѣщаецъ: «дакъ отчаго жъ, бацю, ихъ не ўзяць? Я ихъ сичасъ возьму!» Появляѣли яму скоро поспѣшно вынимаць языки етые. Енъ якъ ляцѣвъ, дакъ за дзинѣ руками—не подаётца; за другій—такжа не подаётца; тоды за третьимъ—такжа етымъ статомъ. И тоды кричиць: «позвольца, я зубами оторву!» Енъ хватався къ

кажному и зубами, ну не 'дзинь не подався. Тоды кричиць громкимъ голосомъ: «подайца ножъ, я повырѣжу!» Ножка яму не позволили подаць. А ня пусцили яго къ царевни уже й на минуту.

Крикнули на того музыканта: «подходзи и бари свою примѣту съ поязды!» Ёнъ подыйшовъ. Якъ узався правой рукою—уси отстриали отъ одного руда,—и ў карманъ ихъ положивъ. Опяць уси тоды заплясали: «браво, браво, браво! Вотъ хто змѣя побядзивъ!» Етый жа царь, довго ня думавши, сильно узлився, и вятѣвъ силнаго жарябца вывесць съ конюшни, и привязаць етаго цыгана къ хвосту и пусциць у чистое поле. А етаго музыканта стали чисто одѣваць, и стали зъ имъ сичасъ жа свадьбу играць.

Вотъ я тамъ, в. в., на свадьби на тэй бывъ, медъ-вино пивъ—по губахъ не цякло и ў роци ня було.

М. Молостовка, чериковск. у.

Отъ крест. Данила Якимова, 45 л. неграмотнаго. Былъ нѣкогда кучеромъ.

44. Празъ Ильюшку.

Жили сабѣ удвоихъ мужъ зъ жаной, и народзился у ихъ сынъ Ильюшка. Проживъ ёнъ большъ дватцацци годовъ, и лежавъ дватцаць три годы на 'днымъ боку. Послали того, пролежавъ ёнъ дватцаць три годы, приходзя къ яму дядуля—Господзь. «Што ты, Ильюшка: воды бъ напився, ци квасу?» Ёнъ говора: могу напигца воды! И сказавъ яму дядуля принѣси вядро воды. Такъ енъ якъ унёсь, такъ и выпивъ. Тоды послъ говора: «якъ ты, Ильюшка, маесясь самъ собою?»—А во, дядуля: мѣюся такъ, што могу отъ зямли неба достаць, а отъ неба зямли! (Дужо давъ яму Господзь богатырскую силу.) Тоды говора, штобъ ёнъ унёсь вядро квасу. Тэй якъ унёсь, такъ и выпивъ. Тоды дядулька узновъ спрашуя: «якъ ты мѣесясь, Ильюшка?»—Нѣ, кажа, дядуля: чустую, што крѣпокъ, да ўжо такъ не могу здѣлаць—отъ зямли неба достаць!—«Живи жъ, говора, Ильюшка, на здоровья и очищуй свѣтъ. Прощай!»

Тоды яго matka зъ бацькомъ пошли гѣтакимъ уреямъ, у пятровку, якъ во й цыперъ, *) пошли лядо сѣчь, а яго, значитца, кинули болнаго. Тоды Ильюшка знаявъ вороты, поставивъ на ихъ бочку воды и дванаццаць булокъ хлѣба, и повёсь имъ на головѣ обѣдаць. Яны, значитца, не знающъ, што давъ яму Господзь здоровья. Подходзя енъ къ ляду, бацька убѣчивъ, говора: нашъ Ильюшка идзе!—Вѣд, кажа matka: нашъ Ильюшка такъ здѣлая? Гѣто такъ нѣхто идзе. Енъ тольки часу (т. е. кончины) дожидая!.. А того не ўвознала, што Господзь яму давъ.—«Нѣ, кажа бацька: гѣто нашъ Ильюшка!» Приходзя Ильюшка: помогай Богъ вамъ! говора. Тоды бацька зъ маткой узрадовалися, што пришовъ ихъ сынъ Ильюшка гѣтакъ.

Тоды енъ говора: «ну, оцень зъ матыцю, обѣдайца, ложицась отдыхаць, а я посякаю лядо!» Тоды оцень—маци по'бѣдали, лягли отдыхаць, а енъ ставъ лядо сѣчь, да ня сѣчь, а такъ ирваць съ кореннямъ. И ставъ Ильюшка тэй лѣсь кидаць на 'дзинь бокъ и на другій на семь верстъ, и загаживъ тымъ лѣсомъ раку Дунай на семь верстъ. Тоды разлилася тая рака и пошла по ўсихъ сторонахъ, хоцѣла увесь свѣтъ оттопиць—крѣпко загаживъ. Промнувся яго оцень—маци, убачили, што енъ надѣлавъ и

*) Сказка записана около 20-го июня, въ петровъ постъ.

говорущъ: «ахъ, Ильюшка, не ладно дѣлаешъ, свѣтъ затопишь!» Тоды пошовъ Ильюшка къ Дунай-рацѣ, и зновъ ставъ раскидаваць лѣсъ на семь верстъ, расчищуваць раку. Расчисивъ раку и пошовъ домовъ. Ракъ якъ была, такъ и пошла зновъ гуляць. Приходзюць бацька зъ маткой домовъ. Ильюшка пославъ бацюшку своего нѣкъ попу. «Ёсь у яго такіъ конь, купи ты мнѣ яго за пять золотыхъ!» Енъ пошовъ къ попу: бацюшка, ёсь у васъ лошады за пять золотыхъ, прося Ильюшка продаць гэтаго лошады!—Ёсь, говора, продамъ! Ёнъ и купивъ.

Приводзя къ сыну домовъ. А коникъ бывъ ня чистый, коросливый, маленькій. Тоды тэй Ильюшка пускаецъ яго, того лошады, у чистое поле на двананцаць сутокъ, штобъ двананцаць трѳвинъ зѣвъ за двананцаць днѣвъ. А самъ пошовъ у кузню къ ковалю и зработавъ двананцаць пудовъ булаву залѣзную. Тоды вышовъ на чистое поле добрый молодзецъ Ильюшка, раскрутивъ тую булаву и шибнувъ угорѣ. Яна ляцѣла двананцаць часовъ, половина сутокъ, и якъ узворочалася, подставивъ енъ колѣно. Яна якъ ляцѣла—дѣръ объ колѣно, и рассыпалася. Тоды опяць енъ: нѣ, говора, треба крапчѣйшую дѣлаць! Опяць пошовъ къ ковалю у кузню, и здѣлавъ булаву дватцаць пудовъ. Побалувавъ яе у рукахъ: вотъ гѣта, говора, будзя мнѣ хорошо! Тоды здѣлавъ сабѣ пигу (pigu)—усѣ ровно, шаблю войструю здѣлавъ сабѣ. Тоды вышовъ добрый молодзецъ Ильюшка на чисто поле, и крикнувъ помолодзецку, свиснувъ показакку: кабъ мой конь сычасъ тутъ бывъ! Енъ прибягая. Бяжиць—земля дрыжиць, самъ увесъ колодитца—дужо ставъ крѣпко селянъ. Прибягая, и ставъ,—повсцина золотая, повсцина сяребраная. И спрашуя: чаго, Ильюшка, жалаешъ?—А поѣдемъ у бѣлый свѣтъ, очищаць, нягіднаго Сокола побиваць!

И прося енъ у отца-маци бугусловѣнства: бугусловиця, онецъ-маци, у бѣлый свѣтъ ѣхаць мнѣ! Онецъ говора: «Богъ бословиць и мы бословимъ. Куды надумався, отпраляйся сабѣ, куды табѣ Господзь бословивъ!» Тоды енъ убобравъ лошады у золотое сядло, узавъ съ собою весь струмень бойный—булаву и пигу, и поѣхавъ у бѣлый свѣтъ. Ёхавъ енъ, ёхавъ—трое сутокъ, и прѣхавъ у царство цара Прѣжора. Енъ по дзѣсяць чаловѣкъ ѣвъ на дзень, а нягідный Соколъ яму доставлявъ ѣсь. Енъ, нягідный Соколъ якъ свисня, дакъ на двананцаць верстъ даленѣй чаловѣкъ упадая—крѣпко селянъ бывъ. И доставлявъ яму, цару Прожору, по дзѣсяць чаловѣкъ у дзень. И сядзѣвъ тэй нягідный Соколъ на двананцаць дубахъ одзинъ, и ў яго двананцаць роговъ. Тоды Ильюшка подъяжая, енъ и говора: «здрастуй, Ильюшка, добрый молайца! чаго ты сюды зайшовъ?»—Самъ добрый молайца охвотою зайшовъ!—«Што жъ, Ильюшка, ци битца будземъ, ци миритца?»—спужавъсь, значитца, зная, што головѣ положи. Енъ говора: не на тое я йшовъ, штобъ миритца, а на тое, штобъ битца съ тобой! Тоды якъ крикнувъ помолодзецку, свиснувъ показакку, говора: «бослови, Господзи, и ўси мнѣ сродственники—онецъ, мацѣ на помочь, и лошады мой, изъ нягіднымъ Соколомъ повоеватца!» Тоды якъ хвапивъ добрый молайца Ильюшка булаву, якъ дзѣрнувъ яго пѣ голову—на мѣсци и положивъ. Отрубивъ яму головѣ и устыкнувъ яе на пигу, и посѣкъ яго тулово на дробный макъ, и ўзавъ—у осиновый грудъ, и спаливъ. Сычасъ крикнувъ помолодзецку, свиснувъ показакку: «ну, мой лошады, поѣдемъ якъ нягідному цару Прожору!» Ну й поѣхали—головѣ на пигу!

Подъяжжаюць туды, и высталяюць тую голову нягиднаго Сокола на пиги у цара подь ганкомъ. Тоды услыхавъ тей царь Прѣжоръ, што нѣхто ѣдзя, и говора: «хто тамъ ѣдзя? Кого гэто мой нягидный Соколъ допусцивъ?» А того не зная, што нягиднаго Сокола голова у яго подь ганкомъ на пиги!—А ѣдзя, каа, Ильлюшка! Будзя тое и табѣ, што твоему Соколу! говора на цара Прожора. А енѣ бывѣ крѣпко жиравъ; дакъ вочи у яго заплыли и бровы заросѣли, и енѣ ничѣго ня видзѣвъ. Дакъ енѣ говора: слуги моѣ вѣрные, подымиця мнѣ виламы бровы! Хоцѣвъ енѣ полядзѣць на Ильлюшку. А добрый молодець Ильлюшка узявъ булаву и идзе къ яму уже, ажъ ганки тращаць подь ногами. Царь Прожоръ спрашуя: а дзѣ жъ мой Соколъ? Ильлюшка сычасъ выскакуя на ганки, бярѣтца за пигу и показуя: а во, говора, дзѣ твой Соколъ! Царь Прожоръ говора: «слуги моѣ вѣрные! Дайця намъ пиценьня, ядзеньня—попѣемъ, поядзимъ мы зъ Ильлюшкой!» Тоды завялѣвъ царь Прожоръ приготоваць ли Ильлюшки золотое кресло, съ собой посадзѣць.

Не хопидь Ильлюшка ничѣго, садзитца нибытцомъ-то пиць-ѣсь изъ имѣ, да ничѣго не говора, схавивъ зъ головы свою шапку—двананцаць пудовъ, якъ ударивъ—того нягиднаго цара Прожора—дакъ на три аршины сцяну камянную пробивъ, и яго наскрозъ сцяны пробивъ!.. Убивъ енѣ нягиднаго Сокола и цара Прожора, и очисцивъ свѣтъ.

Тоды убераецца енѣ у бѣлы свѣтъ, ѣхаць цуцѣмъ дорогою. И уяжжая енѣ у такіе лясы, у такую пушу драмушу, што ня ўздумаць, ня ўгадаць, тольки ў казкахъ сказаць. Пріяжжая енѣ у такое царство, ня ў гэто, дзѣ мы живемъ, а ў прочая. Пріѣжжая енѣ тулы. И ставляецца у тымъ царстві прудъ на двананцаць камянѣвъ. Подъяжжая енѣ туды и говора: «Вогъ помочь вамъ! ци ня ѣсь у васъ, рабѣты, воды попиць?» Яны отказуюць: «чаму, кажуць, можно водзицы попиць, ѣсь хорошая!» Попивъ енѣ воды, подзякувавъ: «ну, спасибо вамъ за хорошую воду!» И разговорилися яны. И спрашуюць яны у яго: «вотъ, говоруць, ци не пораешъ ты намъ, ци не поможешъ ты намъ двананцаць камянѣвъ узложиць? Мы бѣ табѣ, што ты хочешъ, запладили бѣ.» Тоды говора Ильлюшка: я вашія платы ня хочу, а пособиць могу. А ци крѣпки ваши ганки!—гэто, значитца, ўзнѣсци камяни наверхъ.—«Отчаго, говоруць, крѣпки—можаца ўзойци!» Обѣ тымъ яны не знаюць, што енѣ такі крѣпкій богатырь! Тоды енѣ узявъ, на 'дну руку камянь надзѣвъ и на другую надзѣвъ, и ставъ ступаць на ганки. Ступивъ—тыя ганки ломютца. «Нѣ, говора, ня могу ўзнѣсци по гэтыхъ ганкахъ, ломаютца ганки. Ну, да мнѣ ваши ганки ня треба, я могу й такъ поўскидаць!» Узявъ адзінъ камянь у водну руку, а другі у другую, и поўскидавъ ихъ наверхъ, туды, дзѣ треба ихъ класци. Ну, тоды яны говоруць: «ну, просимъ мы цябе, кабъ ты ўсѣ поўскидавъ!» Такъ енѣ узявъ и ўсѣ поўскидавъ. Тоды яны говоруць: «хто ты такі, добрый молодца?»—Я Ильлюшка Ивановъ!—«Што жъ ты зъ насъ хочешъ: ци гроши, ци што?»—Ничѣго я зъ васъ ня хочу, хочу тольки благодаренья, кабъ вы мнѣ постоянно благодарили.—«Можа хочешъ, мы цябе попоштуемъ хорошымы напیتкамы?»—Ну, мнѣ гэто ваша ня треба! Прощайца, по Христу братцы! Очисцивъ я увесѣ бѣлы свѣтъ! Живица на здорovia! Вотъ, цяперъ вы ня знали, а цяперъ я скажу, што я ѣсь сильный могуцій богатырь, Ильлюшка Ивановъ. И молищесь Богу за моѣ здорovia погэтомъ!..

Тоды уяжжая ёнъ оттудова и пріяжжая у цэркву, у соборъ отца Миколая. Заѣхавъ ёнъ у той соборъ, помолился Богу низкимъ уклономъ, и отцу Миколаю поклонился за своё здоров'я. Поклонился и сѣвъ на коня и поѣхавъ у своё царство. Сколько проѣхавъ ласамы, морамы, болотамы, покуль проѣхавъ у своё царство, доставился. Пріяжжая туды, приходзя у свой дворъ къ отцу, къ маці. Такъ яны узрадовались: «ахъ, говоруць, Ильюшка! Мы уже думали, што цябе на свѣци нема!»—Слава Богу, каа: живъ и здоровъ, и вясѣль, и очисцивъ увесъ свѣтъ! Цяперъ, говора, хай христіянскій міръ молитца Богу за мяне!..

Сычасъ лёгъ на бацьковой постели, лежаваъ ёнъ три дни и пераставився. И поступивъ у святъ—святый Ильюшка. «Вотъ, говора, буду я громовой тучай завѣдуваць!» А отцу завялѣвъ завесць гэтаго лошадыя ояпць къ попу и дякуваць яму низкимъ уклономъ отъ мяне и отъ сябе за гэтаго лошадыя. Такъ ёнъ и здѣлаваъ, завѣвъ лошадыя: благодаривъ, татўлька, и сынъ, благодару и я за вашаго лошадыя! И мой сынъ уже пераставився, и просивъ васъ, кабъ вы на похороны на моё были! Попъ пришовъ отпраививъ яго, и схоронили яго у склепъ... Господзь такъ давъ: ниhto яго не знавъ, ня видѣвъ—отправився ёнъ водой у склепи у Кіевъ, у пящеры,—плывъ по Сожи по рацѣ. И оявився, и получивъ сабѣ святъ у пящеры. И цяперъ тамъ.

А маць яго здоровыя, вяселыя, осталися и цяперъ, и живуць.

С. Городице, бых. у. на р. Друти. Отъ кр. Кузьмы Прохѣрова Исаева, 30 л., негр.

45. Чудная дудка.

а, Живъ сабѣ дѣдъ да баба. И было у ихъ двѣ дочки, а третій сынъ Кирилка. Пошли яны у лѣсъ по ягоды. Дакъ дѣвки ня бяруць яго да гуляять, а Кирилка ягодокъ глычокъ набравъ. Тоды сѣстры ягоды у яго отобрали, ножикомъ яго зарѣзали, подъ колодочку подкатили, коринкой вочки накрыли, и пошли домовъ. И сказали дома, што Кирилка згубився. *)

Выросъ на Кирилку дубчикъ золотый и сярэбранный. Вотъ ѣхали тамъ купцы, убачили той дубецъ, выразали яго и здѣлали дудочку. Зайгравъ купецъ на дудочцы, а яна выигравая:

Ня йрай, купчикъ, ня йрай:

Моѣ раны ня ўразъ.

Моя рана вяликая:

Мяне сѣстры зарѣзали,

Подъ колодку подкатили,

Коринкой вочки накрыли!..

«А братъ, кажа купецъ: дивная якая дудка!» Подивились, подивились и поѣхали. Заляжжаят яны у сяло. А хатка дѣдова стояла край сила. Купцы и заѣхали къ имъ на ночь. Разговорилися, и стали казать про свою дудочку: «вотъ, кажать, у насъ якая дивная дудка! Натка, дѣдъ, поиграй-ка» Ставъ дѣдъ играть, а яна выигравая:

Ня йрай, таточка, ня играй:

Моѣ раны ня ўразъ.

Моя рана вяликая:

Мяне сѣстры зарѣзали,

Подъ колодку подкатили,

Коринкой вочки накрыли!..

«Натка ты, бабка, поиграй! што ето за дудка?» Стала бабка играть, а дудочка кажа:

*) На мѣстномъ говорѣ *зубить* знач. потерять. Згубитца—потеряться, заблудиться.

Ня йграй, мамочка, ня йграй:	Мяне сестры зарѣзали,
Моѣ раны ня ўразь.	Подъ колодку подкатали,
Моя рана вяликая:	Коринкой вочки накрывали!...

«А Божа жъ мой! Ти ня про Кирилку яна пяде? Натя-тка вы, сѣстры, поиграйтя!»

Стала одна играть, а дудочка выигравая:

Ня йграй, конорѣзная душа, ня йграй:	Вы мяне зарѣзали,
Моѣ раны ня ўразь,	Подъ колодку подкатали,
Моя рана вяликая:	Коринкой вочки накрывали!..

Тоды на другую сястру кажать: нутка ты поиграй! Яна зайграла, а дудочка кажа:

Ня йграй, конорѣзная душа, ня йграй:	Вы мяне зарѣзали,
Моѣ раны ня ўразь.	Подъ колодку подкатали,
Моя рана вяликая:	Коринкой вочки накрывали!..

Дѣдъ и баба дознались, что дочки зарѣзали Кирилку—сына и вельми заплакали.

И прогнали тыхъ дочокъ отъ сябе.

Гом. у.

б, Бывъ сабѣ дѣдъ да баба. И была у ихъ Алѣнка-дочка и Иванька—сыночъ. Пошли яны ў лѣсъ по ягоды. Ходили, ходили яны по ясу, и назъбиравъ Иванька боляй, а Алѣнка менай ягодъ. Тогда Алѣнка кажа: «ходи, Иванька, я ў тябе वोшай пошукую!» Ёнъ поклавъ ей голову на ўлоньня, а яна узала яго да й зарѣзала!.. Выкопала яму подъ ягоромъ, яго тамъ поховала, жовтымъ пяскомъ присыпала, коринкой вочи накрывала, и пошла домовъ. Дѣдъ пытая у яе: а гдѣ Иванька?—А згубився! —Гдѣ згубився?—А ў лѣси!.. Заплакали яны и пошли шукать. Шукали, шукали, и обламу дѣлали,—ня найшли!

Бѣхали коло того ягора паны, убачили ягоръ и посылаять лакея: иди, выражъ дубчикъ, да здѣлаемъ дудочку! Пошовъ лакей, выразавъ дубчикъ зъ ягора, и здѣлали дудочку. Зайгравъ панъ у дудочку, а яна играя:

Помаленячку играй:	Подъ ягоромъ поховала,
Моѣ косточки бразчать (или: болять).	Жовтымъ пяскомъ присыпала,
(Или: Моѣ сердца не ўрай).	

Мяне сястра зарѣзала,	Коринкой вочки накрывала!..
-----------------------	-----------------------------

«Ахъ, братъ, хорошая дудочка! Нѣка ты поиграй!» Лакей зайгравъ, а дудочка опять кажа:

Помаленячку играй:	Подъ ягоромъ поховала,
Моѣ косточки бразчать.	Жовтымъ пяскомъ присыпала,
Мяне сястра зарѣзала,	Коринкой вочки накрывала!..

Подивились яны и поѣхали, и дудочку узали съ собой. Бѣхали, бѣхали и ўѣхали ў сяло. И выпросились на ночь къ тому дѣду. Разговорились, и ставъ дѣдъ журицца при пану по своѣмъ сыну. Вотъ панъ и кажа: дѣдъ! у насъ якась чудная дудочка ё! Показали дѣду дудочку и кажать: нѣ-ка поиграй у дудочку, дѣдъ! Дѣдъ узавъ дудочку и зайгравъ. У той дудцы такъ и говора:

Татка, помаленьку ты йграй:	Подъ ягоромъ поховала,
Моѣ косточки бразчать.	Жовтымъ пяскомъ присыпала,
Мяне сястра зарѣзала,	Коринкой вочки накрывала!..

Дали яны играть дѣдовой баби: на́ка ты, бабка, поиграй у дудочку! Бабка узяла дудочку и зайграла, а ў дудцы такъ и говора:

Мамка моя, помаленячку играй:

Подъ ягоромъ поховала,

Моѣ косточки бразчатъ.

Жовтымъ пяскомъ присыпала,

Мяне сясстра зарѣзала,

Коринкой вочки накрывала!.

Вотъ яны сидятъ да й плачатъ по своимъ Иваньку! Даютъ тогда яны играть той Алѣнцы: на́ка ты, моя дочка, поиграй у дудочку! Яна ня бярэ, да ўтыкая. — «Да на!» — «Я ня хочу!» — «Да на бо!» Дали ей силкомъ. Узяла яна дудочку и зайграла. А дудочка кажа:

Помаленьку, шельма Алѣнка, играй:

Подъ ягоромъ поховала,

Моѣ косточки бразчатъ.

Жовтымъ пяскомъ присыпала,

Мяне на што зарѣзала,

Коринкой вочки накрывала?..

Яны догадались, што Алѣнка зарѣзала сына Иваньку. Сидятъ да й плачатъ, да й думаютъ, што той дочкѣ здѣлать? Узяли яѣ, за косы икъ коньскому хвосту привязали, и разняли по полю!...

С. Переростъ, юм. у. См. Чубин. 473, Садовн. 105.

в, Живъ сабѣ дзѣдъ ды баба. Було у ихъ три сыны: два разумныхъ, а третій дуракъ. Вотъ, икъ бацька сыстарився, сыбравъ ёнъ своихъ сыновцѣвъ къ сабѣ, и кажиць имъ: «вотъ, дзѣтки, я старъ ужо. Кыли я помру, дыкъ хто ны мойй могилцы переночуиць, тѣй уловиць зылатого воперька!» А етый воперѣкъ царьскій садъ рывъ, и царь обѣщавъ тому валикую награду, хто етаго воперька уловиць. Вотъ, пымѣръ ихъ бацька. Тоды яны схували яго на могильнику у могилцы и стали ходзиць почарѣдно на могилку нучуваць. Пошовъ перьво большій сынъ нучуваць. Пришовъ ёнъ ны могильникъ и сѣвъ пыдъ бярѣскый. Сидзѣвъ ёнъ, сидзѣвъ — у самую повныць зыкылоцилися земля. Ёнъ спужався и побѣхъ у дворъ. Прибѣхъ у дворъ, и пытаецца яго жонка: «ци перенучувавъ?» — Нѣ! — «А што?» — Ды земля зыкылоцилася, я чужъ уцѣкъ оттуль! Ну другую ночь пошовъ сяредній сынъ. И сяредній сынъ такъ жа: земля зыкылоцилася, ёнъ ня ўцѣрыпывъ и ўцѣкъ у дворъ. На третью ночь пошовъ дурачокъ нучуваць. Узявъ ёнъ съ собой мяшокъ и пошовъ. Приходзиць ны могильникъ, обобравъ сабѣ мѣсто пыдъ бярѣзый, и сѣвъ пыдъ бярѣскый нучуваць. А етая бярѣза стыяла надъ бацькиной могилкой. Сидзѣвъ ёнъ, сидзѣвъ, у самую повныць зыкылоцилися земля. Видзиць ёнъ — бязиць выпярѣкъ, зылатая шарсцинка, сяребраяная шарсцинка. Вотъ ёнъ бязиць, етый выпярѣкъ, прямо къ дурачку. А ёнъ разставивъ мяшокъ, ды якъ дасъ выпярѣку довбешкой, вотъ ёнъ и ўскочивъ у мяшокъ. Ёнъ зывязавъ мяшокъ и понѣсъ у дворъ. Нѣсъ ёнъ, нѣсъ, идзѣць яму на ўстрѣчу бдльшій братъ. «Што ты нясѣшь, дуракъ?» патаецца у яго. — А якое табѣ дзѣло, разумный? Воперька насу!.. Тоды большій братъ отобравъ у яго довбешку, и забивъ яго; выкопавъ ямку и зухувавъ. А воперька понѣсъ къ царю. Принесъ и кажець: «здраствійца!» — Здравовъ: што скажешъ? — «А принесъ я вамъ звѣрька того, што ў твоимъ садзи рывъ!» Царъ радъ, зысадзивъ яго за столъ, почестувавъ яго, давъ яму сколько дѣ грошій — ныградзивъ яго. Пошовъ разумный домовъ, радъ ёнъ. Приходзиць

домовъ, разсказуюць, якъ царъ яго ныградзівъ—и жонка рада, и дзѣцц рады. И стали жиць. Такъ яму тое и минулося; обѣ дурака и забылись.

Скольки урэмѣ пройшло, прыгнали пастухи статыкъ на тое мѣсто, идзѣ дуракъ схуванъ. А на томъ мѣсці, идзѣ дуракъ лежавъ, турсоцинка (тростянка). Пастухи зрѣзыли яе, и здзѣлыли посвирѣль, и стали играць. Играли яны, играли, чуюць голось изъ посвирѣля: «Играйця, играйця, моѣ пастушки! Мне братъ тутъ забивъ зы зылотога воперька!...» Дзвютьца пастухи, што ето ёсь? Идзѣць пидорожникъ. Пастухи дали и яму пыйграць. Игравъ енъ, игравъ, и яму тое кажець. Дзвютьца яны, ашъ идзѣць царъ. Дали яны царю пыйграць. Ставъ ёнъ играць, и чуюць голось съ посвирѣля: «Играй, мой паночикъ, играй! Мне братъ тутъ забивъ зы зылотога воперька!» Дыгадався царъ, што яго обманивъ тѣй большій братъ. Сычасъ яго вялѣвъ узаяць, и предали яго смерци.

С. Мощены, стн. у. Кр. Горостевичъ. Сходн. сказки см. у Чубин. 473; Садов. 105.

47. Братъ—баранчикъ.

а, Жила сабѣ такъ удова, и было у яе двоя дятей: дочка Алѣнка и сынъ Иванька. Пошла разъ matka жито жать, а яны пошли матки шукать, да й заблудили. Ходили, ходили, увыйшли у лѣсъ, да й прибудилися къ хатцы. Увыйшли яны у хатку, ажъ тамъ сядити змѣй. Яны кажать: «дѣдка, голубчакъ, пусти насъ на ночь!»—А почуйтя! Увыйшли ето яны, параночавали, назаўтраго змѣй кажа: дѣвка—дзявица, пойдешь за мене замужъ?—Пойду! Пожанилися яны. Тогда змѣй уже кажа: «Алѣнка—жонка, давай Иваньку у засадъ засодимъ, кормить будомъ, да зьядимъ!»—Давай! Отъ, засадили яны яго у засадъ. Алѣнка замаяшая Иваньку одного тѣста, да поясе бытто Иваньку, да на сметнищи выкиня. А яму украдя то хлѣбца, то борщiku, то крупничку—принясе да плача—плача ли Иваньки... Чаразъ кольки-тамъ днѣвъ змѣй кажа: «Алѣнка жонка, иди-тка Иванькинаго мѣзянца отрѣжъ, ти пожирѣвъ ёнъ!» Яна пошла къ Иваньку, да плакала-плакала, да пошла на сметнища, найшла косточку да зварила да й дае змѣю. Енъ грызъ-грызъ косточку, да кажа: нѣ, ня сытъ ще! Давай еще кормить! Кормили, кормили, змѣй изновъ кажа: Алѣнка жонка, иди-ка Иванькиныя ляшки отрѣжъ, да звари! Алѣнка пошла, да плакала, плакала ли Иваньки, да пошла, найшла на сметнищи шкуратокъ, да ў борщъ укинула, да зварила. Вытягла шкуратокъ зъ борщу да й дае змѣю. Енъ грызъ, грызъ шкуратокъ: нѣ, кажа, ще ня сытъ. Давай ще кормить! Отъ, Алѣнка замаяшая тѣсточка, поясе, на сметнищи выкиня, а Иваньцы украдя то хлѣбца, то борщiku, то крупничку, да занясе да й дасть. Кормили, кормили, змѣй изновъ кажа: Алѣнка-жонка, иди-тка Иваньку няси, будомъ рѣзати! Яна пошла, да плакала, плакала ли Иваньки, да ўнясла яго, помыла чисто, бѣлую рубаху надѣла, вытопила печь жарко. Змѣй лопату узаяць: ну, Иванька, садися! Отъ ёнъ што сядя, дакъ ня такъ—то бокомъ, то жогомъ. Змѣй кажа: ня такъ ты жъ вѣ якъ садися! Енъ изновъ якъ сядя—ня такъ. Тогда Алѣнка кажа на змѣя: ты жъ тыки старѣйшій, поучи яго! Отъ Иванька злѣзъ, а змѣй сѣвъ на лопату, да й кажа: ты жъ о такъ садися! Тольки змѣй сѣвъ, а Алѣнка и Иванька узали змѣя

да ў печь, да заслонкой и прикутали! Ёнъ просився, просився, да й сосмажився!... Яны набрали у яго ўсяго да й пошли.

Ишли, ишли, уздумала Аленка, што забылися яны персьня. Аленка кажа: я пойдучу! А Иванька кажа: я пойдучу!—Ну, иди, мой братка, да гляди жъ, ня лижи того туку, зъ змѣя!—Нѣ, ня буду! Пошовъ ень, узавъ перстанъ, да и думая: што это яна мнѣ казала: ня лижи туку! Дай-ка я лизну! Только лизнувъ—и здѣлався бараньчыкомъ! Бягити да бя! бя! Алѣнка убачыла, да и кажа: тѣ-то, мой братка! я табѣ казала: ня лижи того туку! А ты ня послухавъ! Да заплакала, да й пошла дальшъ. Ишли, ишли, ажъ ѣдутъ купцы: «дѣвка-дзявица, садись на возъ!»—Да я сяду, да коли бъ вы ўзяли етаго бараньчика,—ето мой братъ!—«Возьмямъ!» Яна сѣла на возъ, узяла бараньчика. Пріѣхали нѣкъ двору, купецъ кажа: дѣвка-дзявица, пойдешъ за мяне замужъ?—Пойду! Отъ, побралися яны и живутъ. Купецъ ёй приказуи: ляди жъ, не ходи николи у лазню! А яна ня послухала да разъ и пошла. А тамъ ли лазни хатка, а ў той хатцы змяя живе. Алѣнка только раздѣлася, увыйшла у лазню, а змяя ух-пила яе, навязала на шю камянь, да ў рѣчу и ўкннула. А самъ увобралася у Аленкину одѣжу, да й пошла къ купцу жить. Отъ, жила, жила, адылй кажа: зарѣжмо бараньчика! А купецъ каа: ахъ ты, каа, дура: хіба табѣ ня жалко свайго брата! А тая кажа: зарѣжъ, я хѣчу баранины! Нечого тому дѣлать; пошовъ ень рѣзать, а бараньчыкъ миркича, миркича... Ёнъ и пустивъ. Побѣгъ бараньчыкъ на берагъ и гукаа: «Алѣнка-сястрица! вары вѣрать, ножи тѣчать, мяне рѣзать хѣчать: покажись хоть по пашки!» Яна показалася и кажа: «Иванька, мой братка! накажи мойму пану, нехай сѣтку закидаа, мяне зъ воды вытягаа!» А кучаръ ето и подслухавъ. Прибгая бараньчыкъ домовъ, змяя зновъ кажа: да я хѣчу баранины, зарѣжъ бараньчика! Пошовъ ень рѣзать, а ень изновъ миркича, миркича... Ёнъ и зновъ выпустивъ. Побѣгъ бараньчыкъ и къ рѣчцы, а кучаръ и сказава пану. Панъ пошовъ да й сѣвъ за кустомъ. Отъ бараньчыкъ и гукаа: «Алѣнка-сястрица! вары-варать, ножи точать, мяне рѣзать хѣчать: покажись хоть по пашки!» Только яна показалася, а панъ—откуль бывши—да вытягъ яе, оттѣръ, привѣвъ домовъ, надѣвъ сорочку. И ставъ бараньчыкъ зновъ Иванькомъ. Стали яны умѣсти жить. А змяю къ коньскому хвосту привязали, да по полю разносили.

С. Переростъ, пом. у. Отъ кр. Евтея Лобзикова.

б, Живъ сабѣ дзѣтъ зъ бабой, и было у ихъ двоя дзяцей: сынъ Исакъ и дычка Кыпарина. А дзѣтъ ды любивъ дужо веробѣвъ ѣспи. Вотъ уловивъ ень ихъ шматъ, и отдавъ баби смажиць, а кошка одного и ўкрала: было дзесаць, стало дзевяць. Ставъ дзѣтъ считаць веробѣвъ, и не досчитався. Не досчитався ень одного веробѣ, и кажець на бабу: дзѣ веробей? дзѣ веробей? Ставъ шумѣць, кричаць, съ кулаками кидатца—и забивъ бабу. Дзѣци тыя—дзѣвка ды малецъ—боятца того, кабъ ень и ихъ не забивъ, собралися, и пошли ўпрочки. *) Идучъ яны и ўсѣ вызать пыглидаюць, капъ ихъ бацька не догнавъ. Ишли яны, ишли, и зыхоцѣлося малыцу тому пиць:

*) *Вар.:* Живъ сабѣ адзінъ челоуѣкъ. Тоды ень узавъ, оживився, и родзилось у яго двоя дзяцей—сынъ и дочка. Пройшло сколько уремя—померъ тѣй бацька. А матка вышла замужъ за другога. Тому сыну и дочцѣ дренно было жыць у вѣтчиіа. Собралися яны и пошли ў свѣтъ...

сястрица, я дужо пиць хочу! Даждзъ найшовъ, и ў коньскимъ копытѣ вода стоиць. Ёнъ говориць: напьюся я съ коньскаго копытѣ? Яна кажиць: ня пи, брацець, а то коникомъ обернешся! Пошли дали. Ишли, ишли—стоиць у коровьимъ копыцѣ вода. Малець кажиць: сястрица, я съ коровьяго копыта напьюся?—Ня пи, брацець, бо коровкой обернешся! Ишли, ишли, и дужо яму пиць хочета—ёнъ ашъ валитца. Бачуць яны, стоиць вода у бараньнемъ копытцы. Малець кажиць: сястрица, напьюся я изъ бараньяго копытца?—Ня пи, брацець, а то баранькомъ обернешся!.. Дужо яму пиць хоцьлося, и ёнъ ня послушавъ сястры и налився. Оглянётца ина вызать, ашъ бяжиць баранька, и на имъ одна шарсцinka зылотая, другая сярэбраная. Ина яму говориць: «а што, брацець: я казала—ня пи, а то баранькомъ обернешся! Што шъ я цяперъ буду съ тобой дзѣлыць?..» Ишли яны, ишли—обнимаецъ ихъ ночь. Стояла блиско ли дороги копешка; яны подышли пыдъ копешку и зынычували: сястра пыдъ копешкой, а баранька узлѣсь ны копешку. Ашъ їдзець панъ. Бачиць—нѣшто на копешцы блищиць. Ёнъ кажиць на слугу: «сходзи ты, полядзи, што гэта тамъ блищиць!» Полядзѣвъ ёнъ и кажець: ляжиць на копѣ баранька—золотая шарсцinka и сярэбраная—а пыдъ копой пругожая дзѣвка. Панъ кажець: идзи, привядзи ихъ сюды! Слуга пошовъ и приводзиць ихъ. Панъ пысадзiвъ дзѣвку у поясдъ, и поѣхыли, а баранька ззадзи бягнiць. Пріѣхыли яны у дворъ, панъ вялѣвъ ёй даць одѣжку хорошую; яна одзѣлася, и то была пругожая, а то ще попригожѣла. Нядовго побыла, панъ изъ ёй и ожавiвся. И баранька у ихъ ставъ жиць.

Жили яны, жили, и родзила яна рабѣшка. И такога пругожаго, якъ и сама. И ставъ баранька няньчыць того рабѣшкi. И была ў дворѣ дзѣвка покоёвая. Расъ ина говориць: барыня, пойдземъ мы покунаемся у ставокъ!—Пойдземъ сабѣ! Пошли яны купатца, дзѣвка тая пихнула паню у воду и ўтопила. *) Тоды баранька узнавъ, што няма сястры яго, и ставъ плакыць. Тоды якъ тольки ныстанець ночь, ёнъ възьмець рабѣшка, прынесѣць къ ставку и кажець: «Кыцяринка сястрица, вылѣсь изъ воды, пыкорми рабѣшка!» Подыметца вѣцерь, ставокъ заволнуецца, выйдзець сястра и покормиць дзяцѣнка. Ёнъ прынесѣць дзяцѣнка домовъ, и самъ плачець. Тоды панъ убачивъ, што ёнъ плачець, и патаецца у яго: «объ чымъ ты, баранька, плачешъ?»—А объ тымъ я плачу, што гэта не моя сястрица!—«А дзѣ шъ твоя сястрица?»—А моя сястрица у ставку!—«Якъ жа шъ намъ яе дыстаць?»—А треба сажалку бочками обставиць! Пришла ночь, панъ вялѣвъ обставиць сажалку бочками, и пошовъ уѣѣсци зъ баранькомъ къ сажалцы. Принесъ баранька дзяценка и ставъ зваць сястру: «Кыцяринка-сястрица, вылѣсь изъ воды, пыкорми рабѣшка!» Вотъ яна вылязла и ўвалилася у бочку. Панъ яе зы волосы придзерживъ и перакесивъ. Яна и осталась. Узали яны дзяцѣнка и пошли домовъ. И баранька скинувся зновъ малцомъ, Исакомъ. Стали яны жиць, пыживаць, ды добра пыживаць. А слугу тую привязали къ конимъ и рызорвали...

Г. Стинно. Сходн. ск. см. Афан. II, 276; IV, 141; Худак. II, 85. Рудченко II, № 14 и 18. Кулиш. II, 23. Драгом. 352, запис. въ Галиціи.

*) *Вар.* Была ў пана мачиха. Расъ яны пошли у лязню мытца. Мылиси, мылиси—и не стало воды. Тоды яны пошли воду черпаць на раку. Мачиха яе и ўпихнула у воду. Пришла

49. Иванька -- сынонь.

а, Живъ дѣтъ зъ бабый, и ня було у ихъ дзяцей. Тоды баба кажець дѣду: идзи ты, дѣдзька, у лясокъ, отсячи пенюшокъ, здѣлай люлечку, уложи буртулѣкъ и кылыши! Дѣтъ послухавъ, пошовъ у лясокъ, сѣѣкъ пенюшокъ, здѣлавъ люлечку, уложивъ буртулѣкъ и ставъ кылыхаць. Кылыши дѣтъ, кылыши—пыкызалася ручка. «Цыць, бапка, пыкызалася ручка!»—Кылыши, дѣдзька-лябедзька,—ци не пыкажетца другая!.. Дѣтъ кылыши, кылыши—пыкызалася другая ручка. «Цыць, бапка, пыкызалася другая ручка!»—Кылыши, дѣдзька-лябедзька,—ци не пыкажетца ношка!.. Дѣтъ кылыши, кылыши—пыкызалася ношка. «Цыць, бапка, пыкызалася ношка!»—Кылыши, дѣдзька-лябедзька,—ци не пыкажетца другая!.. Дѣтъ кылыши, кылыши—пыкызалася другая ношка. «Цыць, бапка,—пыкызалася другая ношка!»—Кылыши, дѣдзька-лябедзька,—ци не покажетца головка!.. Дѣтъ кылыши, кылыши—пыкызалася головка. «Цыць, бапка, пыкызалася головка!..» Отъ, ёнъ вылѣсь зъ люльки, и пошовъ и сѣвъ на печи зы стовпомъ. Дѣтъ и баба дали ямѹ имя Иванька. Стала баба обѣдъ готовиць: «дѣдзька-лябедзька, сходзи воды!» А Иванька кажець: «я схожду, мамулька!»—А ты шъ маленький?—«Ну вѹ: схожду!» И принѣсь воды. Наготовила баба горшки: дѣдзька-лябедзька, сходзи дровъ! А Иванька кажець: «я схожду, мамулька!»—А ты шъ маленький!—«Вѹ, схожду, мамулька!» Сходзивъ, дровъ принѣсь. А тоды кажець бацьку: «идзи ты, татка, ў лясокъ, отсячи буртулѣкъ, здѣлай мнѣ човникъ, я поѣду рыбку ловиць!» Дѣтъ пошовъ у лясокъ, сѣѣкъ тамъ буртулѣкъ и здѣлавъ човникъ ямѹ. Ёнъ и поѣхувъ рыбу ловиць. Зварила баба обѣдъ и пынясла ямѹ ѣсци. Пришла къ рѣчцы и стала яго гукаць: «сынку мой, сынку! перяпечка зъ макымъ, каша зъ маслымъ!» Енъ почувъ: «моя, кажець, мамка, моя!» Пріѣхувъ, подѣвъ, рыбу отдавъ, и ўзнава поѣхувъ рыбу ловиць.

Жила тутъ неподалеку вѣдзьма. Почула яна, якъ матка гукаецъ Иваньку, и захоѣла яго зѣсь. Пришла къ берягу и стала яго гукаць (*басомъ*): «сынку мой, сынку! перяпечка зъ макымъ, каша зъ маслымъ!» Енъ почувъ, што не яго матка: «не моя мамка, кажець, не моя!» Тоды вѣдзьма пышла къ кывалю. «Кываль-кывалѣныкъ, скуй мнѣ язычоныкъ!» Кываль скувавъ. Ина ўзнава пышла къ берягу и стала гукаць: «сынку мой, сынку! перяпечка зъ макымъ, каша зъ маслымъ!» Енъ думывъ, што матка, и пріѣхавъ къ берягу. Вѣдзьма яго ухапила и пынесла къ сабѣ. Принесла и кажець своей дочцѣ Алени: «вымый яго, ды вытыпи печку, ды сымажъ! А я пойду привяду воронья—крюччѣ!» Вѣдзьма пышла, а дочка Алена вымыла яго, вытыпила печку жарко, тоды говориць Иваньку: садзись ны лопату! Енъ сѣвъ, ды не такъ. Яна кажець: во гѣтыкъ сядзь! А ёнъ кажець: я шъ ня ўѣтю, пыкажи мнѣ! Ина сѣла ны лопату, а ёнъ узявъ и ўсадзивъ яе у печь, и заслонький прикутивъ. А самъ узлѣсь на дупъ, и сядзиць.

Пришла вѣдзьма зъ вороньѣмъ, съ крючкомъ, и зѣбла свою дочку. Воронья жъ да крючка лягли спаць, а яна стала кычатца. Кычаецца ды говориць: пывалюсю, махиха домовъ. Баранька пытаецца: идѣ сестра?—А тамъ осталася! Пошовъ баранька у лазню, а тамъ нема нікого...

пыкачусю, наѣвшиси Иванькываго мяса!.. А енѣ зѣ дуба: пывалюсю, пыкачусю, наѣвшиси Аленкиного мяса! Ина глядиць, ажно енѣ на дубу! Тоды пышла вѣдьма кѣ кывалю, и ныкувала мѣхъ тыпоровѣ. Стала сѣчь дуть. Якъ тольки яна сѣканецъ—янка зыпросецъ. Пулумала мѣхъ тыпоровѣ. Побѣгла узнова кѣ кывалю, ныкувала два мяхи тыпоровѣ. Ашѣ леяць гуси. Иванька просиць у ихъ париникъ (пѣрко-паринка, единичн.) Яны яму кивыли пы паринцы. Иванька отпоркувь одну ручку. Ляиць другое стадо гусей. Иванька пыпросивъ у ихъ париникъ. И яны яму кивыли пы паринцы. Енѣ другую ручку отпоркувь, и пыляцѣвъ у свѣтъ.

А вѣдьма сѣкла-сѣкла дуба, два мяхи тыпоровѣ пылымала, и ня сѣкла.

Д. Кмики, латышевск. вол. стѣнн. у.

б, Ну, ииши!... Бувъ сабѣ дѣдъ да баба, и бувъ у ихъ Иванка сынокъ. Отъ, Иванка и кажа батьку: татѣ, здѣлай мнѣ золотый човникъ, сярэбраное вяселцо: я пуйду рыбки ловить! Здѣлавъ дѣдъ яму човникъ и вяселцо, посадивъ Иванку у човникъ: ѣдъ, мой сынокъ, рыбку лови! Пуплывъ Иванка на рыбу и ставъ ловить. А matka наварила каши, ¹⁾ и пуцѣсла яму обѣдать. Пришла кѣ рѣчцы, и почала яго гукать: «Иванка, мой сынокъ! золотый твой чавнокъ, сярэбраное вяселцо! ²⁾ Плыви, плыви кѣ беражочку, икѣ жовтянькому пясочку: я табѣ ѣсточки принясла!» Иванка почувъ, приплывъ, пубѣдавъ, отдавъ рыбку, и зновъ пуплывъ. ³⁾ И була тамъ змяя, ⁴⁾ а ў змяи була Алѣнка дочка. Яна почувла ето, дакъ яна кажа дочцѣ своей Алѣнцы: «дочка моя! Я пуйду на рѣчку, пугаю Иванку, а ты затопи печку. Якъ принясу Иванку, дакъ штобъ ты зжарила, и на столъ поставила!» Дакъ змяя пушла на берагъ, ходя пу берагу да ўсѣ гукаа: «Иванка, мой сынокъ! золотый твой чавнокъ, сярэбраное вяселцо! Ёдъ, ёдъ, мой сынокъ, кѣ беражочку, вязи рыбку! Ты мнѣ рыбки, а я табѣ кашки!» Иванка почувъ и кажа: брешашъ, брешашъ, змяя: не моѣ мамки гулусокъ! Пубѣгла змяя кѣ кувалю: куваль, кувалѣкъ, искуй менѣ язычокъ, якъ у Иванкиной матки! Куваль пуглавъ змяиний языкъ на кувалдо и пучавъ кувать. Здѣлався змяиний языкъ потонѣй. Пушла яна узновъ на берагъ, ходя да ўсѣ гукаа: «Иванка, мой сынокъ! золотый твой чавнокъ, сярэбраное вяселцо! Ёдъ, ёдъ кѣ беражочку, я табѣ кашку принясла!» А Иванка почувъ да й кажа: «чую, чую, змяя! не моѣ мамки гулусокъ!» Разсердилась змяя, побѣгла ўзновъ кѣ кувалю: «коли ня скуеши такого языка, якъ у Иванковой матки, дакъ я тябе зѣмѣ!» Куваль перакувавъ ей языкъ: здѣлався языкъ, якъ листина. Узяла яна кучаргу и торбу, пушла на берагъ и запѣла матчинымъ голосомъ, Иванковыя матки: ня вѣришь, Иванка сынокъ, золотый чавнокъ? Ближай, ближай кѣ беражочку—твоѣ мамки гулусокъ!... Иванка й приплывъ кѣ берагу. Якъ тольки Иванка приплывъ, яна яго кучаргой зачепила и ў торбу ўтащыла. Принѣсла думовъ яго, да й кажа своей дочцѣ Алѣнцы: «Аленка, моя дочка,—принѣсла Иванку табѣ: мый яго, да саджай у печь, пражы яго мясо! А я пуйду по гостей! Покуль я привяду гостей, дакъ ты Иванку жаръ и на столъ поставъ!» Пушла вѣдьма по гостей, а Алѣнка печку вытопила, да й Иванку съ торбы высадила. Вымыла

1) Вар. гом. у. напекла блиновъ... 2) Мулюванный чавнокъ... 3) Гукала, гукала Иванку, не догукалася и пушла ду дому. 4) Вѣдьма.

яго, надѣла бѣлую рубашку, да ѣ стала саджать у печь: «садись, Иванка, на лопату, да лѣзь у печь!» Што ни сядя Иванка на лопату, усѣ ня ўлазя у печку; што ни сядя — усѣ ня такъ. «Я, каа, ня ўлѣзу. Ты поўчи мяне: пуспробуй ты ўлѣзти, тоды я пулѣзу!» Яна сѣла на лопату, а енѣ яе у печку бубухъ! И заслонкой заслонивь, и ступою закативъ,—и жжаривъ Алѣнку. Изжаривши, на столъ поставивъ; поставивши на столъ да ѣ кажа: «стой, Алєнка, стой, покуль твоя мамка приди!» Тоды позамыкавъ вурѣты, хвортку, сѣнцы, а самъ узлѣзъ на горѣ, и захуався у коминъ, штобъ яго никто ня видѣвъ. Мамка Алєнчина пришла, привяла гостей, дворъ отомкнула, а сѣнцы стала отныкать—ни якъ ня 'томкне. «Алєнка дочка, отомкни!» А туго ня знаа, што Алєнка уже спяклась на жару! Отъ, яна гукала, гукала—ня йде Алєнка. «Ишъ, шельма, уже гулять пубѣгла!» И выдумала двери. Увийшли ў хату; яна кажа: «ѣжти, ѣжти Иванкино мясо, ѣжти!» И зѣбли Алєнку. Тоды лягла да ѣ кажа: «пукачуся, пувалюся, Иванкинаго мяса наѣввшись!» А Иванка сѣдючи у комини, кажа: «пукачуся, пувалюся, Алєнчинаго мяса наѣввшись». — «Пукачуся, пувалюся, Иванкинаго мяса наѣввшись!» — Пукачуся, пувалюся, Алєнчинаго мяса наѣввшись!.. Почула яна яго голусъ, и пушла Иванки шукать. А ёнѣ уже на крышу узлѣзъ и сѣвъ на комини. Убачила яна яго тамъ и пулѣзла достувать. Только пудлазя братъ, ажъ лятять гуси. Иванка гувора: гуси сѣрмя, гуси бѣлыя! Скиньтя мѣ по пѣрушку, и я зъ вами пулячу! Скинули яму гуски по пѣрушку, енѣ обѣркався, пуднявся, и пулятѣвъ зъ ими. Лятѣвъ, лятѣвъ—притомився. Бача ў чистомъ поли широкаго дуба, ¹⁾ енѣ и сѣвъ на дуба, на самый варшокъ. Коли поглядить, ажъ и змяя тутъ! Прибѣгла къ широкому дубу и ходя вокругъ дуба, достаѣ Иванку. А Иванка сѣвъ високо и оправдаѣтца тамъ. Змяя яго и ня бача. «Пустой, кажа, Иванка, пустой: я тебе пуймаю!»—Ты мяне ня пуймала, дыкъ ты мяне и ня пуймалшъ!... Што той змяѣ дѣлать? «Пуйду къ кувалю, скую тупоръ, дуба зрублю и тебе забью!» Пубѣгла, принясла тупоръ, и пучала рубить дуба. Только бѣ дубу повалитца, а зайчикъ прибѣгъ, да пердъ! дубъ и зросся. Стала яна узновъ рубить. Рубила, рубила—тупоръ хрупъ! и зломився. Пубѣгла яна у кузьню къ кувалю: «куваль-кувалѣкъ! искуй менѣ тупорокъ, штобъ дуба подрубить!» Скувавъ куваль ёй тупорокъ. Пубѣгла яна дуба рубить. Только бѣ дубу пувалитца, и змяѣ зѣѣсть Иванку—ажъ лятять вутки. Иванка гувора: «вуточки-лябедочки! скиньтя мѣ по пѣрушку, и я зъ вами пулячу!» Вутки послушали Иванки, скинули яму по пѣрушку. Ёнѣ зъ ими и полятѣвъ. Лятѣвъ, лятѣвъ, змяя зъ имъ бѣгла, бѣгла, и ня догнала. ²⁾

Прилятѣвъ Иванка къ своему дому, откуль пошовъ, сѣвъ на коминъ, а яго нитхо ня бача. Слухая енѣ, што батѣна зъ маткой гуворать. Ажъ яны журатца обѣ имѣ. Ёнѣ тоды злѣзъ оттуль да ў хату. И стали яны умѣсти жить!..

М. Жлобинъ, рогач. у.

Ср. Афан. I, 35; VI, 109; VII, 247. Худяк. II, 60. Чубинск. 406. Кулиша II, 17; Драг. 353.

1) Вар. январь. 2) Сказка оканчивается и такъ: побѣгла вѣдьма подъ широкаго дуба, ходя кружкѣ, а Иванки ня бача. А Иванка узавъ да голину отломивъ, да голину якъ шибувъ, дакъ и вѣдьму убивъ. Вотъ табѣ, вѣдьма! И Алєнки нема, и вѣдьмы нема. А Иванка живѣ остався..

50. Журавль кошалёнъ.

Живъ сабѣ такъ дзѣдъ зъ бабой. Ня мѣли яны при сабѣ ни дзяцей, ни якихъ сродственниковъ, такъ сабѣ жили удвояхъ у хатцы. Жили яны крѣпко бѣдно. Вѣдомо, были крѣпко старыя, годовъ по восьмидесятъ, а можа и боляй,—звѣстно, старыя людзи довго жили. Прижили яны до того, што и ѣсць нечаго. Тольки тымъ и питались, што дзѣдъ достаня якихъ-небудзь сухарковъ по міру. Дождались яны вясны красны. Баба дзѣда и наставляя: «дзѣдка, людзи тыки усё сѣюць, хоць ба ты по сѣявъ пшана, у насъ нѣйдзи гарчикъ ёсь! Хоць ба мы, бяззубыя, на старосци поспытали кашки, ци крупничку, мякаго и пѣплага, а то гѣтые сухарки уже крѣпко обрыдзѣли!» Дзѣдъ бабы послухавъ, и по сѣявъ пшана по вяснѣ краснѣ. Всыявъ лядцо, и на лядцы по сѣявъ, на пни. Посѣявши дзѣдъ пшана, не пошовъ глядзѣць яго цѣлую надзѣлю, яго ўсходу, ли ёсь изъ яго што, ли нема. На другую надзѣлю пошовъ—выросло пшано ажъ по поясъ. Такъ богъ поспяшивъ, кабъ яно росло на старыхъ, на бѣдныхъ, што ѣсць нечаго. Приходзя ёнъ къ пшану свойму, бача ёнъ, стоиць у яго пшанѣ журавей, ды такій большій, прагромный. Якъ приходзиць (неопр. накл.) къ тому пшану, ўзявъ палку и шибнувъ у того жорова. Жоровъ поднявся и полаяцѣвъ. Ставъ глядзѣць дзѣдъ того пшана, ажъ яно усё чисто збито, потоптано, поломано. Ёнъ тоды приходзя домовъ и кажа баби: «вотъ, бабка, давъ намъ богъ хорошую уроду пшана, да ня дасъ богъ спожиць. Отчаго такъ ня дасъ богъ спожиць—унадзвися жоровъ у пшано, и прамо ѣсь, кося—усё чисто побивъ, поломавъ!» — А, мой дзядулька, а ты жъ бывъ спрежда стралцомъ, возьми стрѣльбочку, почисци аё, подповзи да й заби яго. Вотъ будзя намъ и мясо! Той дзѣдъ послухавъ, ўзявъ стрѣльбу почиспивъ, и вутромъ пошовъ къ пшану. А журавей да прылятавъ перадъ повднемъ. Тоды ёнъ тольки подпавзуя, подыхода, строитца, кобъ убиць того жорова, приходзи туды,—а ёнъ тамъ. А ёнъ якій, значитца, жоровъ—самъ змѣй. Ёнъ тольки подышовъ, а жоровъ сычасъ скинувся: то бывъ пцицай, а то скинувся паномъ—ажъ зъяя, при усёй хорми, у твари красный. Отвящая тѣй панъ тому дзѣду: стой, говора, дзядулька, ня би мяне, говора. И спрашуя у яго: «гэта твое, дзядулька, пшано?» — Моё! — «Што жъ хочашъ за своё пшано?» Тѣй дзѣдъ спужався: бача—такій панъ, а ёнъ такій шкутъ, ободранный, залатанный, укуранный, якъ у лазьни у якоі! «Што, кажа, я жалаю: нема ў мяне нікого-ни дзяцей, ни сродственниковъ—кормиць мяне некому!» — Ну, дзядулька, коли ў цябе нікого нема, и некому цябе кормиць, дыкъ идзи ты за мной,—зялёной тропой, шавковой травой. Якъ пойдзешъ ты зялёной тропой, шавковой травой, выйдзешъ ты на поляну, тамъ будзя мой дворъ. Ня йдзи ты назаходъ сонца къ мойму ганку, зайдзи ты наўпроци повдня. Тамъ будзя другій ганокъ: ты на яго и идзи у мой домъ. Тамъ будзя часовый стояць; ёнъ спрoся у цябѣ: куды ты идзешъ? А ты скажи: къ журавлёвому. Ёнъ цябе пусця. А тутъ я, можа, почую, а можа, у вoкно убачу,—самъ отчиню табѣ дзвері и ўпущу у свой домъ!... Сказавши гэта, ёнъ сычасъ тропъ-тропъ! Здзѣлалісь у яго рукі крылушкама, а ногі ногама. Ёнъ ўзнявся и полаяцѣвъ. Тѣй дзѣдъ и пошовъ зялёной тропой, шавковой травой. Ици яму, ици,—выходзя на поляну, и бача домъ сяродъ поляны. Такое строеніе,

што ни здумаць, ни згадаць, толькі ў казках сказаць; можа такога і ў цёломь нашым царстві нема—такъ и зьяя! Цяперъ, подхадзя тэй дзёдз кь дому, подыходзя кь тому ганку, што отъ повдня, стоиць часовый яго, того журавлеваго. «Ты куды, каа, идзешъ, шкутъ ты гэтакій? Ты достоинъ тутъ плятца?» А тэй почувъ, жоравъ, лопъ-лопъ, отчиняе одну комлату, а тоды другую: «а пойдзи, пойдзи сюды!» Часовый сыйчасъ отступився на бокъ. Вотъ дзёдз пройшовъ одзинъ покой, другій покой, уходя у третій. Журавъ посадивъ яго у кресло—якъ вотъ вы мяне примѣрича—и поставивъ яму ядзёння, пицёння, вина усякаго, придухтовъ, хрухтовъ (продуктовъ, фруктовъ)—открывъ яму свой увесь столъ, толькі молока птушачьяго ня було. Угоспивъ того дзёда, тоды спрашуа: «што ты, дзядулька, хочашъ за свое просо?»—Мой панокъ, мой золотый, ня могу сказаць: што ваша ласка, то й дасце!.. Тэй панъ пошовъ у другій покой, и вынося яму кошалёкъ. И говора: «ну, дзёдз, коли ты идучи по дорози, захочешъ ѣсци, ты скажи: кошалёкъ, кошалёкъ! дай мнѣ пицёння, ядзёння! Енъ открыетца, и съ того кошалька будзя и столъ, и кресло, и тыя самыя кушаньни, што ты ў мяне ѣвъ. А якъ подьсяси, напѣсься, наясися, тоды скажи: пицёння, ядзёння, хоронися у кошалёкъ! Тоды яно усё скрыетца, ты згорни, и идзи сабѣ домовъ. Толькі по многу ня пи, а то увопѣсься, и хто-небудзь уградзя кошалёкъ!»...

Тэй дзядулька, пройшовши по дорози домовъ, захоцѣвъ поспробоваць: ци именно правда гэта будзя, што мнѣ жоровъ отвяснивъ? Отыйшовъ повдороги, енъ сѣвъ, вынявъ кошалёкъ, раскрывъ, и кажа: «кошалёкъ, кошалёкъ! кабъ мнѣ було пицёння, ядзёння!» И тутъ заразъ явилось якъ покой, ажъ зая, и открылось пицёння, ядзёння. Дзёдз тэй поспытавъ того, сяго по малой часточцы, тоды кажа: пицёння, ядзёння, хоронися ў кошалёкъ! Усё и сховалось. Приходзя енъ кь своему кь сялу, кь своей хатцы. Уходя ў свою хатку, да: «дзень добрый! каа: ци жива тутъ, баба моя?» —А жива, дзядулька! (старческимъ голосомъ) А ты, ци живъ?—«Я живъ, здоровъ!» —А я жъ думала, што цябе ци вовки зѣѣли, ци мядвѣдзи забили, у мохъ зацягнули, закопали и колѣдзѣземъ заварнулі!..—«Нѣ, бабулька: вовки ня зѣѣли, мядвѣдзи ня забили, а принесъ я хлѣба-соли, будзя зъ насъ по нашей жисци! Садзись-ка, бабка, за столъ, и я сяду,—можа ты зъ мѣсяцъ ня ѣла. Будзя намъ пицёння, ядзёння!» —Што ты, дзядулька? Откуль ты возьмешъ пицёння-ядзёння?—«Садзись-ка, садзись!» Сѣли яны за столъ, вынявъ дзёдз кошалёкъ, поклавъ на столъ. А столъ тэй коравый,—вѣдомо, у курницы. Раскрывъ енъ кошалёкъ: «ну, кошалёкъ, кошалёкъ! кобъ було открычено пицёння, ядзёння!» И, тутъ, откуль што узялось! То была курница, а тутъ стали покой, можа получчѣ гѣтыхъ, *) да што гѣтыя—можа и ў цёломь царстві нема такихъ. И разныя-разныя пицёння-ядзёння: тутъ и вины, и бабки, и пироги,—усяго було. Баба тая ни здзивилася! «Божа мой, Божа мой, откуль усё гэта? Откуль ты гэта ўзявъ?»—А вотъ, бабка: якъ послала ты мяне забиць жорова, дыкъ я приходжу кь своему просу, а ёнъ тамъ. Толькі я зложився, кабъ яго забиць, а енъ скинувся паномъ, такимъ паномъ, што ажъ зая. «Што ты, кажа,

*) Сказка записывалась въ квартирѣ мѣстнаго священника о. Давидовича, которую въ селѣ можно признать весьма приличною.

хочашъ зъ мяне за своё пшано?» Я ямѹ кѹ (кажу): у мяне нема никого, кормиць мяне некому! Тоды енъ каа: идзи ты ко мнѣ у мой дворъ зяленой тропой, шавковой травой, тамъ я цябе награжду! Пошовъ я туды, у дворъ къ яму, енъ мяне накормиць, напоиць и давъ гѣтый кошалѣкъ. Ну, изъ гѣтого кошалька намъ усѣ открываецца!.. Тая баба выпила, обняла того дзѣда, поцаловала: «ну, спасибо жъ таъ (табѣ), дзѣдка: я рада тобой; ты усѣ ровно якъ съ того свѣту явився! Ци вѣдаешъ ты што дзѣдка? Мы одны живѣмъ, ни ў людзей ня бываемъ, ни людзи у насъ. Ци вѣдаешъ што: позовѣмъ мы къ сабѣ войтѣ и старосту у госци къ сабѣ! У насъ гѣтакій столъ, и хата наша отъ стола правитца!»—А якъ, баба, сабѣ хочашъ: можашъ и позваць сабѣ, нехай и побудуць у насъ!.. Тая баба закухлила намятку, пошла на сяло и позвала войтѣ и старосту: «ходзиця, каа, моѣ дзѣтки, ко мнѣ у госци!»—Што ты, каа, старая корзина, якіе у цябе госци? Жыве у западной хацѣ, можа ёсь нечаго, а яна у госци зове!—«Нѣ, моѣ дзѣтки, тоды будзеця насъ ругаць, якъ побываецца, да ня будзя у насъ накрывацелно стола. А напяродъ нечаго ругаць!» Тоды тые одумались: ну, нехай сабѣ и такъ, пойдземъ сабѣ! И пошли яны удвояхъ у госци. А яны, значитца, охвочи попиваць, коли хто зове! Уходзюць яны у хату: «дзень добрый, дзѣдъ!»—Здоровы!—«Што скажаця намъ?»—А вѣ сядзця, посидзиця на лавцы: и скажамъ и покажамъ! Тые сѣли. Одзинъ кнутъ держа—пугу, а другій—бизунъ. Вѣдомо, войты и старосты были гроза для хресцянь, заўсѣды съ кнутами ходили по сялу, съ хатъ выгоняли на барщину. Тоды дзѣдъ вынявъ кошалѣкъ. «Кошалѣкъ, кошалѣкъ, кабъ було пицѣння, ядзѣння открывацелное!» Посля того открываецца съ того конялька пицѣння, ядзѣння, усякое угощѣння ли усяго засѣданія, кольки будзя—ли пяць, ли дзесяць. Тоды енъ угощаецъ войтѣ и старостѣ. Тые пьюць и ядуць, и ня здзивютца, што гѣто такое: и пицѣння и ядзѣння, и хата посвятлѣла? Ци ня Богъ гѣто зъ неба скинувъ рай? гѣто и ў нашаго пана нема такого угощѣнія, стола, украшѣнія! Тоды яны напилися, наѣлися—ловко нахлябались и зялёнаго и вишнёваго, якое тольки ёсь на свѣци—и пошли. Баба и говора: «ци вѣдаешъ што, дзядулька?»—А што?—«Позовѣмъ мы пана къ сабѣ у госци?»—Што ты, баба дурная! Во, правды: хто бабы слухая, заўсѣды погибая. Пойдзя къ намъ панъ, къ старцомъ къ takimъ! Идзитка, енъ табѣ кнутомъ уздасца!»—«А што будзя, да будзя—пойду!»—Ну, идзи сабѣ! Пошла баба. Приходзя къ пану у покой, да. Выходзя панъ: «А што, старая бабка, скажашъ?»—А што, паночакъ, скажу: просивъ дзѣдъ, прошу и я васъ къ сабѣ у госци!»—«Што? ахъ ты быдла! Ты мяне зовѣшъ у госци? Я пойду къ старчиси?»—Нѣ, паночакъ: ня ймецѣ вы вѣры мнѣ, запытайцесь у своихъ вѣрныхъ людзей. Ёсь у васъ войтъ и староста: спросиця у ихъ, ци можно ици къ намъ, ци нѣ?»—«А, во ладно, ладно!» Сычасъ, позвавъ лакеявъ, кучаровъ: сходзиця, позовиця ко мнѣ на часокъ войтовъ: позывая панъ васъ! Тоды слуги тые пошли къ войтомамъ: казавъ панъ, кабъ вы къ пану ишли! Приходзяць войты къ пану: на счотъ чаго вы насъ зовецѣ?»—А во на счотъ чаго: зове вѣдзьма мяне ў госци, дыкъ ци можно къ ёй ици?»—А, паночакъ, можно, можно: мы у пана ня видѣли такого стола, якъ у ихъ. Ёсь у яго кошалѣкъ, и зъ яго усѣ открываецца: золото канецъ—посуда, и чаго тамъ нема: и горѣлки разныя, и вина, и столъ. Можно поиди! Тѣй панъ послушавъ войтовъ, явлѣвъ

своимъ кучаромъ, кабы заклали коняи, панъ съ паняй одѣзли и поѣхали, не такъ пиць-ѣсци, якъ тыя правды узнаць: ци именно правда, ли можа ложно, што старуха говора. Поѣхали; пріяжжая къ тѣй хатцы, и злая съ хвалтона (фаэтона?) Тоды дѣдъ тѣй выходзя: ня гнѣвайцця; паночакъ, моя хатка знаружа ня чиста, а ў сяредзини будзя вамъ и стульля, и цваты, и усё накрывацално—мое поштэніе! Уходзиць тѣй панъ у тую хату, и ставъ у пороги. Тоды тѣй дѣдъ вынявъ кошалёкъ и говора перадъ паномъ: кошалёкъ, кошалёкъ! кабы было тутъ пицёння, ядзёння и ўсякое украцёння у мойй хаци! Тутъ сычасъ усё открылося: и пицёння, и ядзёння, и усякое украцёння: што и ў цѣломъ царствіи нема такого открывацельнаго стола, якъ у яго! Вотъ тѣй панъ бача—ня стыдно сѣсць. «Просимъ, паночакъ, на свой на хлѣбъ—на соль, на усякое бугусловенство!» Ставъ панъ разбираць тыя вины, бача, што самыя дорогія. Стали пиць и ѣсци. Извѣстно, блугуродный чаловѣкъ ня столько угощаецца, сколько разными совѣтамы удѣшаецца. Гэто ня мужикъ, што, якъ кажущъ, якъ дорвѣтца, дакъ нажрѣтца! Тоды попили, поѣли, панъ и кажа: дядуля, табѣ совѣстно мѣць гѣтый кошалёкъ; ты такій шкутъ, а ў цябе домъ и столъ повыше мойго. Мнѣ совѣстно, каа, проци своихъ друзей. Я цябе прошу по ласцы: отдай ты мнѣ гѣтый кошалёкъ. Дамъ табѣ провизію суповную: крупы, мукѣ, закрасу; усё, што треба, усё табѣ буду присталяць. И слугу табѣ дамъ, и корову, и свинью, и масло—усё. На што табѣ й кошалёкъ? Я цябе поховаю, и сыботники отпраблю, удѣшу, по номастырахъ позаводжу!.. Тѣй дѣдъ поговоривъ зъ бабой: «ну што, баба, будземъ робиць? панъ прося. Ци отдадзёмъ, ци нѣ?»—Ну што жъ, дѣдъ: панъ прося—треба послухаць. Намъ усё будзя: и слуга будзя и одѣжа—и помыто, и подадзено!.. Послухали и отдали. И осталися у своей у дзиравой хатцы, якъ были. Тѣй панъ узавъ кошалёкъ и поѣхавъ. Тоды давъ имъ и провизію и слугу: пудъ муки, пудъ гороху, пудъ крупъ яшныхъ дравыхъ, пяць хунтовъ сала, три хунты масла, дзясць хунтовъ соли—выдавъ имъ паёкъ. Потрабили яны тѣй паекъ у нѣскульки дней. Потрабивши паекъ, послали яны свою слугу у хульварокъ къ пану. «Пане, прислали дѣдъ ды баба по паёкъ,—тѣй паекъ вышовъ!» Тоды тѣй панъ не давъ пайка, и слугу ня пусцивъ. Полно, каа, даваць: у мяне ёсь гѣткихъ много, што треба даваць Мнѣ треба кормиць тыхъ, хто работаа, а яны на барщину ня ходзюць. Хай по міру собираюць и ядзяць: зъ міру по нитцы,—голому рубашка; зъ міру по крошцы—двоимъ пропитатца можно! Такъ панъ и знявѣривъ, слово змянивъ. Пошла тая слуга и отвясцила гэто дѣду: «казавъ панъ, што у мяне ёсь гѣткихъ много, што треба даваць; треба кормиць тыхъ, што работаюць. А вамъ казавъ по-міру собираць и ѣсци. И мнѣ назадъ у дворъ ипи!» И пошла назадъ. Осталися тые дѣдъ изъ бабой, якъ были—душама: и коравые, и дзиравые, и ў нуздзи у валикой.

Дѣдъ тѣй тоды думавъ, думавъ, думавъ, думавъ думу: што тутъ робиць? Якъ хлѣбъ доставаць? И надумався: пойду-тка я къ тому жураву, пожалюся яму,—ци не помилюя, ци не дасъ ёнъ другого кошалька. Той баба звяла. Сказано: хто бабы слухая, тѣй заўсёды загубая. Зъ бабой живёшь, правды не кажи николи! Надумався, и пошовъ ентъ. «Пойду, кажа, баба къ жураву, ци ня дасъ ёнъ намъ другого кошалька?»—Ну, сходзи, дѣдъ. Дась, не дась, а сходзи!.. Ну, ентъ пошовъ зялёною тропою,

шавковою травою. Ишовъ, ишовъ, приходзя на полянку. На тэй полянцы журавовъ домъ. Приходзя ёнъ къ журавлёвому дому, подыходзя подъ яго ганокъ. Часовый сейчасъ на яго кричиць: ты куды, шкутъ, табѣ тутъ треба? А жоровъ почувъ, сейчасъ лопъ-лопъ, двери отчинивъ: а, ходзи, ходзи сюды! Часовый сейчасъ на бокъ. Увийшли яны у покои; одзинъ пройшли, другій, увийшли у третій. Жоровъ пытаетца: «ну што, дзядулька, можа хто обидзѣвъ?»—Што, паночакъ,—панъ обидзѣвъ. Позвала баба войтовъ у госци, напоила, накормила, а тоды кажа: позовѣмъ мы пана! Я не хощѣвъ, али сатана звядзе и сокола. Пошла яна, позвала. Пріѣхавъ панъ съ паней. И подлѣгъ ёнъ подъ мяне, кабъ отдаць яму кошалѣкъ, подлѣгъ и подлѣгъ; я, кажа, усѣ табѣ буду присталяць. Мусивъ я у бабы попытатца. А баба кажа: отдай, дзѣдъ, треба пана послухаць, ёнъ жа усѣ намъ будзя присталяць. Отдавъ я кошалѣкъ, а панъ приславъ намъ паѣкъ. Тоды якъ той паѣкъ вышовъ, енъ и знявѣривъ: хай, каа, по міру идучъ собираць да й кормятца!... Ну, жоровъ посадивъ яго за столъ, угощая, а той за слязама и ня їсь... «Ци не дасцѣ вы мнѣ, кажа, ще такого кошалька?»—Добро, дамъ, дамъ! Будучъ знаць ус! Ня дамъ я табѣ кошалька, али дамъ табѣ бочоночакъ!.. Пошовъ енъ у другій покой, вынося бочоночакъ и вуча яго: «приходзи ты домовъ, скажи: баба, лѣзь-ка съ печи. Ня принѣсь я кошалька, а принѣсь бочоночакъ! Якъ баба злѣзла съ печи, ты и скажи: нука, дванатцаць молойцовъ, лѣзь-цека зъ бочоночка, расцяниця гѣту бабу, улиниця ёй кнутама хорошенько! Дадучъ яны баби, тоды скажи: нука, дванатцаць молойцовъ, лѣзьця у бочоночакъ! Ну, тоды скажи баби, кабъ яна закухлила свою намятку и пошла къ пану, да ня казала, што ты принѣсь бочоночакъ, а сказала бѣ, што принѣсь другій кошалѣкъ, ще почище того. Позови пана и паню, и войтовъ, и дворанъ усихъ. И якъ собярутца уси, посаdzi пана съ паняй на куцѣ, а тыхъ усихъ на дворѣ. Тоды скажи: нуцетка дванатцаць молойцовъ, лѣзьце-ка зъ бочоночка, улиниця имъ усимъ! Якъ дадучъ, тоды скажи: нуцетка, дванатцаць молойцовъ, стойця у порози! И потребовай назадъ свойго кошалька!..» Подзяковавъ дзѣдъ, пошовъ домовъ. Якъ улинувъ баби! Баба побѣгла позвала пана и паню, и войтовъ, и дворанъ усихъ. Якъ улинули имъ, усимъ, и дворанамъ, и войтомъ, и кучаромъ, усимъ! Ну, дванатцаць молойцовъ, стойця у порози! «Ну, пане, положъ тутъ кошалѣкъ, а то будзя и табѣ такое угощеньня, якогo ты николи ня бачивъ, и дзяды твоѣ и прадзяды ня бачили!» Грозя, бачъ! А што грозиць, коли тэй и самъ усѣ видзѣвъ, и стояць у порози дванатцаць молойцовъ съ кнутама! Панъ тэй, видзя, што плохо, да призапомнивъ узяць съ собою. Отвящая дѣду: «отдаю, дзядулька, табѣ кошалѣкъ твой питамянный, только пусци живого! Много—мало мнѣ жиць, будзя зъ мяне и свойго добра. Призовиця мнѣ мойго слугу!» Призвали того слугу, припустили яго къ пану. «Пожалуста, голубчикъ, їдзь скорѣй у дворъ, и тамъ и тамъ, у шахви, ци можа у скрыни, ляжиць кошалѣкъ. Возьми яго и приставь мнѣ яго сюды у скоромъ урею, а то мнѣ тутоцьки плохо знаходзятца!» Чаму?—коли дванатцаць дьяволовъ стояць у брыляхъ, стояць съ кнутама! Давъ ключики, при сабѣ мѣвъ у кишаню. Тэй поѣхавъ, узявъ тэй кошалѣкъ, идѣъ було сказано, и пристаивъ къ пану. Тэй панъ кажа: на, дѣдушка, твой кошалѣкъ, только пусци мяне! Дѣдъ узявъ кошалѣкъ и кажа: а дайцетка яму! Ёнъ мужуковъ бѣе болю, а ня ўѣтраа,

што болно, хай-ка и енъ почүстүя, якъ намъ болно! Ну, узали дванатцаць молодойцовъ, отдзюбашили троху, тоды дзѣдъ кажа: дванатцаць молодойцовъ, лѣзця у бочоночакъ! Панъ тоды хѣду! ци ўзявъ шапку, ци нѣ, а шубу посѣкли до новакъ, у куски! Тѣй дзѣдъ остався тоды жиць съ своимъ кошалькомъ, съ своей силы до обороны. И ни-кто яго ўжо ня тронувъ.

С. Городище, быховск. у.

Отъ кр. Ивана Степанова Мельникова, 38 л. негр. Ср. Садовник. 136. Чубин. 344, 350.

51. Жорова кайстерка.

Жили сабѣ дѣдъ да баба. Ня було у ихъ николячки хлѣба. Почала баба ругать дѣда: пранцовъ ты дѣдъ, иди хлѣба зарабатывать! И выгнала дѣда съ хаты. Пошовъ дѣдъ. Ишовъ, ишовъ, уморився; лёгъ подъ кустомъ да й плача. Ажъ лятить жоровъ зъ довгими ногами. Дѣдъ яго за ноги. А жоровъ кричить: пусти, я табѣ штось принясу! Пустивъ дѣдъ жорова, жоровъ полятѣвъ и нясе яму кайстарку. Дѣдъ кажа: што йто за кайстарка?—А ето такая кайстарка, што якъ скажашъ: «раскатись, развались, дай попить, поѣсть, што на свѣти есть!»—яна и дастъ.... Пошовъ дѣдъ домовъ—годи зароботковъ шукать. Отышовъ трохи, да й думая: «нумъ, я поспробую,—мога жоровъ мяне обманивъ!» Да й кажа: «кайстарка, кайстарка, раскатись, развались, дай попить-поѣсть, што на свѣти есть!» Яна того часу раскатилась и дала яму поѣсть, попить, што только на свѣти ё. Поядавъ ёнъ и пошовъ домовъ. Приходя у своё ся-ло, сустракая яго кума: «Здоровъ, каа, кумокъ, идѣ бывъ?»—Да ходивъ, каа, кум-ка, хлѣба зарабатывать, да тыперака уже ня треба!—«Чаму?»—А вѣ жоровъ, спасибо, давъ мнѣ кайстарку!—«Якая жъ ето кайстарка?»—А ето такая, што якъ скажашъ на яе: раскатись, развались, дай попить, поѣсть, што на свѣти есть! Яна и дастъ!—«Ты жъ, моо, кумокъ, уморився! Зайшовъ ба ко мнѣ, отдыхавъ?» И повяла дѣда къ сабѣ. «Положъ, каа, кумокъ, кайстарку у сѣнцахъ, у насъ никто ня возьма!» Той поклавъ. Повяла яна яго у хату, почала поштувать. А дочѣ шапорнула: возьми, каа, тую кайстарку, а замѣсть яе положъ другую, свою! Тая такъ и здѣлала: свою кай-старку положила, а тую жоровову узала. Упоштували яны того дѣда, што чуть но-ги поволокъ. Усунули яму за пазуху кайстарку и выправили. Приходя дѣдъ домовъ. «Ну, баба, разжився я на хлѣбъ! Садись-ка за столъ!» Сѣли яны, вотъ дѣдъ и го-вора: «кайстарка, кайстарка! раскатись, развались, дай попить, поѣсть, што на свѣти есть!» А кайстарка и ня поворухнѣла. Разсердилась баба, и прѣзала дѣда съ хаты. Пошовъ, плачучи, той дѣдъ зновъ туды, подъ той кустъ, сѣвъ подъ кустъ, и горюя, сѣдючи. Ажъ лятить опять той жоровъ. Дѣдъ яго за ногѣ! «Пусти, кажа жоровъ, я табѣ принясу штось другое!» Пустивъ дѣдъ жорова, жоровъ полятѣвъ, и нясе яму лопату. «Што ето за лопата?»—А ето такая лопата, што накладешь на яе листья, да принасеешь къ печи—будя хлѣбъ! Дѣдъ поспасибовавъ и пошовъ домовъ. А кума уже стереже. «Кумокъ, што ето у тебе за лопата?»—А ето такая лопата, што на яе якъ накладешь листья, да поднясеешь къ печи,—будя хлѣбъ. «Ты жъ, кумокъ, умо-рився; зайди къ намъ, отдышъ!» И повяла яго къ сабѣ. «Поставъ, кажа, кумокъ,

лопату у сѣнцахъ, у насъ никто ня возьма,—и золото положъ, дакъ цѣло будя!» Стала поштувать дѣда, а дочцѣ шапорнула: подмани лопату! Поштували, поштували дѣда,—у того и языкъ ня ворочаетца. Дали ямѹ свою лопату и выправили,—чуть совка-етца. Приходя дѣдъ домовъ. «Бабѣ, а бабѣ! Слава Богу, разживсь на хлѣбѣ! Приготуйка листья!» Тая дала ямѹ листья. Енѣ ихъ на лопату да ў печь. Тое листья и згорѣло. Баба тая якъ стала дѣда ругать! Ругала, ругала, и выпихнула за двери. Пошовъ дѣдъ зновъ къ тому кусту. Сѣвъ подъ кустъ, плача, горуя... Лягитъ зновъ той жоровъ зъ довгими ногами. Дѣдъ яго за ногѹ. «Пусти, каа, дѣдъ: я табѣ ще штось принясу!» Полятѣвъ жоровъ, и принося яму мѣхъ. «А якій это мѣхъ?»—А его такій мѣхъ, што якъ на яго скажашъ: зъ мяшка! дакъ яно табѣ и ўсыпля, *) што треба!.. Пошовъ дѣдъ домовъ, да на дорози раздумався: «дай-ка я поспробую, можа мяне жоровъ зновъ подманивъ!» Да и кажа: зъ мяшка! Только сказавъ, ажъ выскакуя оттуль чаловѣкъ зъ дубиной. Якъ почане дѣда возить! Бивъ, бивъ... Той кричить: «ай, годи!» А енѣ бѣе. «Ай, болно!» А енѣ усѣ бѣе. «Будя ўже табѣ битца!» А енѣ усѣ бѣе. «Лѣзь ты ўже у мяшокъ!» Якъ сказавъ—у мяшокъ, енѣ и сховався. Пошовъ дѣдъ даляй. Приходя на сяло, а кума уже зновъ стераже. «Драстуй, кумокъ! Што нясѣшь?»—Мѣхъ!—«Што жъ это за мѣхъ?»—А его такій мѣхъ, што на яго якъ скажашъ: зъ мяшка!—дакъ яно табѣ и ўсыпля, што треба!—«Зайди жъ, кумокъ, отдышь у мяне!» И появля. «Положъ, каа, мѣхъ у сѣнцахъ, у насъ цѣло будя!» Енѣ поклавъ. Стала кума яго поштувать, а дочцѣ шапорнула: «скажи тамъ—зъ мяшка!» Дочкѣ зъ-дуру и скажи. Енѣ и давай яѣ бить. Тая кричить, а енѣ яѣ бѣе! Выбегла matka, енѣ и яѣ. А дѣдъ сабѣ поштуетца! Бивъ, бивъ, тоды яны догадались,—за кайстарку, да за лопату. «На, кумокъ-голубокъ, только скажи, штобъ ня бивъ боли!» Отъ дѣдъ и кажа: у мяшокъ! Яго и ня видно. Узаявъ дѣдъ лопату, и мѣхъ, и кайстру, и пошовъ домовъ. Приходя домовъ. «Ну, баба, слава Богу, разжився на хлѣбѣ!»—Пранцовъ ты дѣдъ! Ты усѣ разживаеся, да усѣ подманяешь!—«Нѣ, садись-ка за столъ!» Сѣли яны. Дѣдъ на кайстарку кажа: «раскатись, развались, дай попить, поѣсть, што на свѣти есть!» Яна и дала. Поядали хорошѣ. Дѣдъ тоды кажа: накладитка, баба, листья на лопату! Баба наклала. Енѣ у печь,—ажъ ставъ хлѣбѣ! Пошовъ тоды дѣдъ къ сусѣдямъ на вяселья. Заспоривсь тамъ съ пѣя-ными, и стали яго бить. Енѣ пошовъ домовъ, узаявъ мѣхъ, приходя зновъ къ сусѣ-дямъ, да й кажа: зъ мяшка! Той выскочивъ да й давай ихъ бить! Бивъ, бивъ, усихъ перабивъ. Стали тогды дѣда боятца.

Гом. у.

52. Зъ рога всяго много.

Коли такъ живъ сабѣ дзѣдъ изъ бабай. И ў ихъ ня було ничего, только одна лубочка жита. Тоды дзѣдъ кажець баби: бабка, бабка, што мы будземъ дзѣлыцъ изъ гѣтымъ житомъ? А баба кажець: а йдзи у прудъ, змяли тамъ жито, хлѣбца спячомъ!

*) Двусмысленное выражение: кромѣ буквального значенія, употребляется въ смыслѣ—сильно побить, наказать розгами, палкой или кнутомъ.

Пошовъ тоды дэѣдъ у прудъ, змоловъ гэто жито, и идзець домовъ. Идзець домовъ, и зайшовъ у каршму. А муку поставивъ на зувалини ли каршмы. Откуль узався вѣ-
перъ, и раздувъ тую дэѣдову муку. Узавъ дэѣдъ лубку и пошовъ домовъ. «Баба,
баба, што мы будземъ дэѣлаць? Поставивъ я муку на зувалинки, а вѣперъ раздувъ
яе!»—А йдзи, дэѣдка, ня даруй яму!.. Пошовъ тоды дэѣдъ шукаць вѣтра. Ишовъ,
ишовъ, ишовъ, ишовъ, бачиць—хатка. Узавъ енъ тую хатку за вуголь и ставъ обо-
рачиваць. А вѣперъ кричиць: «ня бури мою хатку! А на табѣ окрайчикъ хлѣба:
што ты будзешъ яго ѣсци, то ёнъ будзець бѣльшиць!» Пошовъ дэѣдъ домовъ, и зай-
шовъ къ кумѣ на ночь. Ставъ енъ ѣсць тэй хлѣбъ, а енъ ня меняецъ, ды боляецъ.
Ноччу кума узала, отрѣзала окрайчикъ свойго хлѣба и отмянула: яго узала сабѣ, а
свой дала яму. Приходзиць дэѣдъ домовъ, стали яны ѣсци тэй окрайчикъ, и зѣли!
Тоды баба кажець: идзи, дэѣдка, не даруй вѣтру! Пошовъ дэѣдъ узнова. Ишовъ,
ишовъ, знайшовъ вѣтрову хатку, узавъ яе за ўголь и ставъ оборачиваць. Тоды
вѣперъ гукаецъ: «чаловѣкъ, чаловѣкъ, ня бури мою хатку, а на табѣ бараньку.
Якъ ты скажашъ: баранька, стрыханися, высыпъ злата-серабра!—ёнъ и высыпиць.»
Гэтый дэѣдъ узавъ бараньку и пошовъ домовъ. Пошовъ домовъ и зайшовъ опяць къ
кумѣ на ночь. Посядзѣвъ трешку, и ўдзумаваъ, ци правда гэто, што яму сказаваъ вѣ-
перъ. И кажець кумѣ: дай мнѣ, кумочка, дзяругу! Тая кума дала яму дзяругу. Енъ
поставивъ бараньку ны дзяругу и кажець: баранька, стрыханися, высыпъ злата-серабра!
Баранька стрыханулася и высыпавъ золота и серабра. Кума гэто убачила, и ночь-
чу замянула барана. Нызаўтраго дэѣдъ узавъ кумиваго бараньку, и пошовъ домовъ,
Приходзиць домовъ, поставивъ бараньку ны дзяругу и кажець: барапъка, стрыханися,
высыпъ злата-серабра! А баранька тэй стоиць, якъ дуракъ! Прогоняецъ тоды баба
узнавъ дѣда: идзи, ня даруй вѣтру! Пошовъ дэѣдъ опяць къ вѣтровой хаци и ставъ
яе опяць за ўголь оборачиваць. Вѣперъ гэто убачивъ и кричиць: чаловѣкъ, чаловѣкъ,
ня бури мою хату. На табѣ рожокъ, цяперъ твое ўсё вернетца, тольки скажи: зъ
рога ўсяго много! Пошовъ тэй дэѣдъ домовъ, заходзиць узнавъ къ кумѣ. Посядзѣвъ
троху и гавѣриць: вотъ, кумка ты моя! Ёсь у мяне рожокъ; енъ што тольки захо-
чешъ, дасъ, тольки скажи, кумочка: зъ рога ўсяго много!—тутъ усяго будзець! Вотъ
дэѣдъ выповъ на дворъ, а кума заразы и кажець: зъ рога ўсяго много! Якъ тольки
яна гетыкъ сказала, якъ выскачыло зъ яго, якъ стали яе биць! Били, били, а яна
кричиць. Уходзиць дэѣдъ. «Ай, кумокъ, ратуй мяне! отдамъ табѣ окрайчикъ и ба-
раньку, капъ тольки яны кинули битца!» Тоды дэѣдъ кажець: охъ, усё ў рога! И
яны ўси позахувалися. Отдала тоды кума и окрайчикъ, и бараньку; дэѣдъ узавъ и
пошовъ домовъ. Пришовъ домовъ, и ставъ жиць. И ставъ ёнъ такимъ богатымъ, што
ни дзумаць, ни згадаць, ни ў казцы сказаць, ни пяромъ написаць! Ну й звѣстное
дэѣло: кыли енъ такімъ богатымъ, дыкъ енъ и друживъ изъ богатыми. Разъ издѣлывъ
дэѣдъ пирушку, и сыззавъ своихъ товаришовъ богатыровъ. Тоды яны на гэтой пи-
рушцы поўпилися. А одзинъ нѣ. Вотъ лягли яны гэто спаць, а тэй узавъ гэтый
хлѣбъ и бараньку, и къ сабѣ домовъ. Нызаўтраго оглѣдзався гэтый дэѣдъ—нема ни
бараньки, ни окрайчика. Дэѣдъ тоды запрогъ коня и поѣхавъ къ тому пану. Тэй пы-
таецца у дѣда: што ты мнѣ, дэѣдъ, привезъ? А дэѣдъ кажець: привезъ табѣ рожокъ!

— «Покажи, якій?» Дзёдъ показавъ. Тоды панъ спрашуецъ: што изъ имъ дзёльлюць?— «А вотъ што, паночакъ: скажи тольки—зъ рога ўсяго много! дыкъ ёнъ и дась.» Панъ заразъ и кажець: зъ рога ўсяго много! Якъ выскочили яны, якъ начали яго оплитуваць! Панъ гэтый кажець: ай, дзёдка, ратуй! Отдамъ бараньку твоего, и окрайчыкъ отдамъ! А яны яго оплитуюць! Тоды ўжо дзёдъ ўзьмиловався надъ имъ и кажець: охъ, уси ў рогъ! Яны уси и пухувалися. Узявъ тоды окрайчыкъ, и бараньку, и рожокъ, и пошовъ домовъ. И ставъ тоды дзёдъ жиць самъ по сабѣ: ня ставъ дружитца ни съ кимъ!

Д. Коровичи, замоук. вол. стынн. у. Кр. Иванъ Дашкевичъ.

53. Два съ трубы.

Жили были сабѣ дёдъ да баба, и ня було у ихъ хлѣба. Выкопавъ разъ ихъ пѣвянь зернятко подъ мостомъ. Узяли яны его зернятко, усыпали ў мѣхъ, повязали на млынъ и змолили. Усыпали тую муку у мѣрку, и понёсъ дёдъ муку домовъ. А вѣтаръ узявъ да тую муку и выдувъ зъ мѣрки. Зновъ няма хлѣба. Вотъ и пошовъ дёдъ вѣтра судить. Ишовъ день, ишовъ другій, три дни увыйшовъ—ажъ стоитъ хатка на куриной ножцы. Увийшовъ дёдъ у хатку, ажъ у той хатцы сядить Щастя на стули. Дёдъ кажа: «драстуй!»—Драстуй, дёдъ! Куды йдешъ?—«Вѣтру шукать!»—На што?—«Хочу судить яго!»—Што ёнъ табѣ здѣлавъ?—«Мою муку раздувъ: таперь у насъ зъ бабой хлѣба няма!»—Ня йди ты вѣтра шукать, а на табѣ стулчикъ. *)—«А што это за стулчикъ?»—А это стулчикъ вотъ якій: стулчикъ, стулчикъ, разварнись, дай етому чаловѣку питяння, ядяння, и ўсякаго кушання!.. Дыкъ стулчикъ сичасъ перакружнўся, пераварнўся, и давъ яму питяння, ядяння и ўсякаго кушання. Вотъ дёдъ поймавъ, узявъ стулчикъ, подяковавъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ цѣлый день, а на ночь зайшовъ ихъ дѣвкамъ. Тыя пытають у дѣда: што это, дёдъ, у тебе за стулчикъ? А вотъ якій: стулчикъ, стулчикъ, разварнись, дай етымъ дѣвкамъ питяння, ядяння и ўсякаго кушання! Стулчикъ перакружнўся, и давъ имъ питяння, ядяння и ўсякаго кушання, чуть яны поѣли. Вотъ дёдъ лёгъ спать, а дѣвки стулчикъ и перамянили!.. Назаўтраго ўраньні енъ уставъ, узявъ стулчикъ и пошовъ. Приходя домовъ: «бабъ, а бабъ! садись-ка за столъ!» Баба сѣла, и енъ сѣвъ, и говора: «стулчикъ, стулчикъ, разварнись, дай намъ питяння, ядяння, ўсякаго кушання!» Стулчикъ а ни зъ мѣста! Узяла тогды баба ёмку, якъ почала дѣда возить—возила, возила, ти ще, ти годи... «Уздумавъ, кажа, мяне дурить, старый бѣсъ!»

Иде опять дёдъ вѣтру шукать. Ишовъ, ишовъ—и день, и два, и три. Ажъ стоитъ хатка самая тая. Увийшовъ енъ у тую хатку, ажъ сидить Щастя на стули. «Драстуй!»—Драстуй! Куды идешъ?—«Вѣтру шукать!»—Ня йди ты вѣтру шукать, а на табѣ барашку!—«А што это за барашка?»—А это вотъ якій барашка: барашка, струхнись! Енъ струхнўся—ажъ якъ посыпатца чарвонцы. Вотъ то енъ узявъ барашку, подяковавъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ цѣлый день, утомився; заходя у шиньк. Жиды и спрашуютъ: што это, дёдъ, у тебе за барашка?—А во якій: барашка струхнись! Той струхнўся—чарвонцы такъ и псыпались. У жидовъ ажъ руки заколотились.

*) Вар.: столчикъ.

Напоили яны яго горѣлкой, поклали спать, а ночьчи барашку и перамынили. Назаўтраго уставъ дѣдъ, узавъ барашку и пошовъ домовъ. Приходя домовъ и говора: дяржи, баба, приполъ! Яна поднялась, а енъ говора: барашка, струхнись! А енъ и ня повернетца! Якъ узала яна ёмку, якъ почала яго бить, била, била, ругала, ругала...

Пошовъ енъ узновъ вѣтру шукать. Ишовъ день, ишовъ другій, увыйшовъ три дни, и приходя икъ той самой хатцы на куриной ножцы. Увыйшовъ у хатку. «Драстуй!» — Драстуй, куды йдешъ? — «Пойду йзнавъ вѣтру шукать!» — Ня йди вѣтру шукать, а на табѣ ету трубу! — «А што ето за труба?» — А ето такая труба, што не кажи: два съ трубы! А то выскача двоя й уздадутъ!.. Узавъ дѣдъ трубу, подяковавъ, и пошовъ домовъ. Ишовъ, ишовъ, и заходя на ночь къ дѣвкамъ. А тыя ўже й рады. «Дѣдка, каа, што ето у тябе за труба?» — А ето, моё голубки, такая труба, што ня кажи: два съ трубы! Вотъ вышовъ енъ на дворъ, а яны скорѣй: «два съ трубы!» Якъ жа выскочили двоя, якъ начали ихъ довбать! Довбали, довбали... Увыхода дѣдъ. «А што? давайтя мой стуликъ, а то вотъ яны вамъ уздадутъ!» Дѣвки тыя уняли стуликъ и отдали дѣду. Тогда дѣдъ кажа: два ў трубу! Тые и сховались. Узавъ енъ стулчикъ и пошовъ. Приходя у шинкъ. Жидовки и спрашуютъ: «што ето у тябе за труба?» — А такая, што ня кажитя: два съ трубы! Вышовъ дѣдъ на дворъ, жидовки сичасъ: два съ трубы! Якъ выскочило изновъ двоя, якъ почали ихъ довбать! Довбали, довбали... Увыхода дѣдъ: а што? давайтя мойго барашку! Тыя принесли и отдали дѣду. Тогда дѣдъ кажа: два ў трубу! Тые и сховались. Узавъ енъ барашку, узавъ стулчикъ, и трубу, и пошовъ домовъ. Приходя домовъ. «Ну, баба, садись-ка за столъ!» Яна сѣла. Дѣдъ тогды кажа: стулчикъ, стулчикъ, пераварнись, дай етой баби питяння, ядяння, усякаго кушанья! Енъ перакрутнувся, и давъ баби питяння, ядяння и ўсякаго кушанья. Поядала яна, вылязла зъ застолья, и пытая: а ето жъ, каа, што за барашка? — А ето во якій барашка: дяржи-ка приполъ. Яна поднялась, а дѣдъ кажа: барашка, струхнись! Той струхнувся, чарвонцы такъ и посыпались... «А якую жъ ты ето трубу у пороzi поставивъ?» — А труба ето такая, што ня кажи: два съ трубы!

Вотъ поѣхавъ дѣдъ орать. А баба назбирала усихъ своихъ родичовъ, назвала гостей и кумовъ, посадила за столъ и давай господарити. «Стулчикъ, стулчикъ, разварнись, дай намъ питяння, ядяння, усякаго кушанья!» Стулчикъ давъ. Упоштовались бабы и пытаяти: а што ето за барашка? — А во якій: барашка, струхнись! Барашка струхнувся — чарвонцы и посыпались! Баба дала усимъ по чарвонцу. Тяперъ къ трубѣ: што ето за труба? — А ето труба такая, што ня кажи-два съ трубы! Одна баба ня ўтѣрпѣла, да кажа: два съ трубы! Якъ выскочило двоя, якъ почали яе довбать... А другой завидно. Кричитъ и тая: два съ трубы! Выскочило ще двое, почали и тую довбать! Муторно приходилца гостямъ тымъ, да ня ўїѣять унять. Яны кричатъ: два съ трубы! годивамъ битца! А съ трубы ще выскакуя два. Яны кричатъ, а яны выскакуяти. И выскочило на кажную бабу по двоя — давай ихъ усихъ довбать!..

Довбали, довбали, покуль ходяня прїѣхавъ съ поля. Убачивъ, што тутъ дѣятца, и кажа: два ў трубу! Тые и поховались. Ставъ тогды дѣдъ зъ бабой жить да поживать.

Гем. у.

Въ Оѣннен. у. вѣтра замѣняетъ и морозъ, поморозившій гречу у бѣднаго мужа. Онъ жилъ въ пущѣ-дремущѣ, въ хатѣ безъ оконъ и безъ дверей, и сидѣлъ „на дуплѣ“ весь „у сопляхъ“, въ видѣ стараго дѣда. Мужикъ бралъ жару „у кубарь“ и ходилъ палить мороза. Тотъ далъ ему столикъ, кайстерку и наконецъ рогъ.

54. Брусочакъ, рамянень и новилна.

Жили такъ три брата: два разумныхъ, а третій дуракъ. И ня стало имъ чаго ѣсьци. Тоды бѣльшій братъ пошовъ, капъ идзѣ нанятца—ци ў паробки, ци ў пастухи. Ишовъ енъ, ишовъ, и зайшовъ къ дзѣду на ночь. «Куды ты, чаловѣчакъ, идзешъ?»—Иду, капъ идзѣ нанятца ци ў паробки, ци ў пастухи!—«Змовся у мяне овечачакъ пасциць!» Ну, енъ змовився. Перанучували, а назаўтраго погнавъ енъ у поля. Якъ енъ выгонавъ, дыкъ дзѣдъ давъ яму бутэлочку и вялѣвъ принѣсци тѣй воды и тѣй травы, што будуць ѣсь и пиць овечачки. Енъ погнавъ. Якъ тольки подышли овечачки къ рѣчцы, дыкъ того часу кинулись у рѣчку и поплыли на тѣй бокъ. А енъ остався. Сѣвъ енъ и плачець. Ашъ, якъ зайшло сонца, бягуць овечачки назатъ. Перабѣгли чаразъ раку и побѣгли домовъ. Тоды енъ зачерпнувъ бутэлочку воды, вырвавъ травы, и понѣсъ дзѣду. Дзѣдъ узывъ, полядзѣвъ и каець: нѣ, дзицятка, гѣто ня тая трава, што ѣли овечачки, и ня тая вода, што яны пили! Давъ яму брусочакъ, што даець ѣсьци и пици, и отправивъ. Ишовъ енъ, ишовъ, пришовъ къ пню. Сѣвъ на пни и ставъ ѣсьци. Тоды подѣвъши, пошовъ дали. Ишовъ, ишовъ и заходзиць къ чаловѣку на ночь. Людзи тѣя вячерали, и просюць и яго къ сабѣ вячераць. «Нѣ, каець, спасибо, я ня хѣчу!» И не пошовъ. А якъ яны повячерали, тоды енъ сѣвъ на концы стола, поклавъ брусочакъ и кажець: «дай попиць, поѣсьци!» Брусочакъ давъ яму, енъ подѣвъ и легъ спаць. А хозяинъ усѣ гѣто видзѣвъ, якъ брусочакъ яго кормивъ. Дыкъ енъ ночы уставъ, узывъ у яго тѣй брусочакъ, а яму поклавъ свой, схожій на тѣй. Енъ жа уставши ня глѣдзився, узывъ тѣй брусочакъ и пошовъ домовъ. Приходзиць домовъ и кажець братамъ: ну, братцы, злѣзайця съ печи, я васъ накормлю! Яны злѣзли; енъ поклавъ брусочакъ на столъ и кажець яму: дай попиць, поѣсьци! А тѣй брусочакъ и ня давъ.

На другій дзень пошовъ сяредній братъ найматца ци ў паробки, ци ў пастухи. Зайшовъ и гѣтый къ тому самому дзѣду, и такъ жа само змовився у яго пасциць овечачакъ. Якъ гнавъ енъ у поля стаду, дзѣдъ давъ яму бутэлочку и вялѣвъ принѣсци тѣй воды и тѣй травы, што будуць ѣсьци и пиць овечачки. Енъ погнавъ. Якъ тольки пригнався къ рѣчцы, овечачки того часу и побѣгли у рѣчку, и поплыли на тѣй бокъ. Сѣвъ енъ и плачець. Увечари овечачки бягуць назатъ, пераплыли чаразъ раку и побѣгли домовъ. Тоды енъ зачерпнувъ воды, вырвавъ травы и понѣсъ дзѣду. Тѣй дзѣдъ полядзѣвъ и кажець: нѣ, дзицятка, гѣто ня тая трава и ня тая вода, што пили и ѣли овечачки! И отправивъ яго домовъ. И якъ енъ отходзивъ, давъ дзѣду яму рамянень, што самъ дававъ ѣсь и пиць. Узывъ енъ гѣтый рамянень и пошовъ домовъ. Ишовъ, ишовъ и пришовъ къ пню. Сѣвъ на пни; давъ яму рамянень пиць и ѣсь: енъ подѣвъ и пошовъ дальше. Ишовъ, ишовъ, и зайшовъ на ночь къ тому къ самому мужуку, што укравъ у большаго брата брусочакъ. Подглѣдзивъ гѣтый мужикъ,

што яму рамянѣкъ даѣць пиць и ѣсь, енѣ и яго почтѣ подмянивѣ. Назаўтраго тѣй, ня глѣдзивишися, узаявѣ рамянѣкъ и пошовѣ домовѣ. Приходзиць домовѣ и кажець: злѣзайцатку, братцы, съ печи, я васѣ накормлю! Тѣя злѣзли, сѣли за столѣ; енѣ поклавѣ рамяшокѣ на столѣ и говориць яму: дай попиць, поѣсьци! А енѣ и ня давѣ.

На третѣй дзень говориць дуракѣ: «пойду-тку я служиць! Ци не зароблю хлѣба?»—Куды ты пойдзешѣ, дуракѣ: кыли мы, разумныя, ня заробили, а ты ня заробишь! Дуракѣ ня послухавѣ братовѣ и пошовѣ служиць. Ишовѣ, ишовѣ енѣ, и зайшовѣ къ тому къ самому дзѣду. Дзѣдѣ пытаецца: «куды ты идзешѣ, чаловѣча?»—Иду, капѣ идзѣ нанятца ци ў паробки, ци ў пастухи!—«Змовси у мяне овечачакѣ пасыпиць!»—А чаму! Перапучувавѣ дуракѣ у яго, и назаўтраго погнавѣ овечачакѣ. Якѣ енѣ выгонявѣ, давѣ дзѣдѣ яму бутэлочку, и вялѣвѣ, капѣ енѣ принѣсь яму тѣй воды, што будуць пиць овечачки, и тѣй травы, што яны будуць ѣсьци. Погнавѣ дуракѣ; овечачки побѣгли, пераплыли чаразѣ раку, а дуракѣ ускочивѣ на барана ды й самѣ пераѣхавѣ. Пераплыли овечачки на тѣй бокѣ и побѣгли. Бѣгли, бѣгли, и прибѣгли къ церкви. Убѣгли у церкву и зачали ѣсьци проскурки и пиць мѣдѣ. Дуракѣ узаявѣ проскурку, наливѣ бутэлочку мѣду, и погнавѣ овечачакѣ домовѣ. Побѣгли овечачки, пераплыли чаразѣ рѣчку, а енѣ ускочивѣ на барана и самѣ пераѣхавѣ. Приносиць енѣ дзѣду мѣдѣ и проскурку. Дзѣдѣ узаявѣ, полядзѣвѣ, и кажець: гѣто тая трава, што моѣ овечачки ядучѣ, и тая вода, што яны пѣюць! Перапучувавѣ дуракѣ, даѣць яму дзѣдѣ ковилку, што даѣць ѣсь и пиць, и отправивѣ яго домовѣ. Енѣ ишовѣ, ишовѣ, пришовѣ къ пню. Сѣвѣ на пни, побѣдавѣ и пошовѣ дали. Ишовѣ, ишовѣ и заходзиць на ночь къ тому мужуку, къ самому, куды заходили разумныя браты. Мужикѣ тѣй просиць яго вячераць, али енѣ не пошовѣ. А якѣ яны повячерали, тоды енѣ поклавѣ ковилку на столѣ и кажець ей: дай мнѣ пиць и ѣсь! Яна дала яму, енѣ и подѣвѣ. А хозяинѣ гѣто ўсѣ видзѣвѣ. Тольки лягли спаць, енѣ тоды цихонько уставѣ, подыйшовѣ къ столу, и хоцѣвѣ ужо узаяць ковилку, а поклась схомую. А дуракѣ гѣто почувѣ. Енѣ ухапивѣ ковилку да давай яго биць! Бивѣ, бивѣ, тѣй тоды ставѣ проситца: ня би, отдамѣ и брусочакѣ и рамянѣкъ! Дуракѣ пераставѣ биць, а мужикѣ отдавѣ яму брусочакѣ и рамянѣкъ. Якѣ тольки отдавѣ, дыкѣ енѣ и пошовѣ домовѣ. Приходзиць домовѣ и кажець братамѣ: «злѣзайца съ печи, я васѣ накормлю!»—Идзѣ ты, дурнила, насѣ накормишь? Кыли мы, разумныя, ня накормили, а то енѣ накормиць!... А енѣ кажець: злѣзайца, злѣзайца! Яны злѣзли, енѣ отдавѣ большаму брату брусочакѣ, сяредняму рамянѣкъ, а сабѣ оставивѣ ковилку. Подѣбли яны и стали жиць. И боли не ходили на службу заробляць сабѣ гроши.

Заст. Кимейна, пустынск. вол. стынн. у.

У составителя было одиннадцать списков этой сказки. По недостатку мѣста, остальные не помѣщаются. Главные мотивы ихъ слѣдующіе:

1. Богатый братѣ далѣ бѣдному доенку муки, вихорѣ ее «размель.» Мужикѣ пошолѣ съ вихремѣ «позыватца». Приходитѣ въ вихреву хату, въ пущѣ-драмушѣ, и тамѣ находитѣ мать вихря, которая по приходѣ сына бранить его. Вихорѣ даетѣ мужику простенькую кайстерку, которая и кормить мужика нѣкоторое время. Потомѣ богатый братѣ покунаетѣ у бѣдняка эту

кайстерку за два воза жита. Вихорь даёт бѣдняку другую кайстерку, золотую. Богачъ мѣняетъ первую кайстерку на вторую, сзываетъ гостей, и двѣнадцать молодцовъ «чистятъ» ихъ кнутами. (Гом. рог. уу.) 2. Богатаго мужика прогнала жонка зарабатывать хлѣбъ: «гѣто богатця ня твоё—моё, а ты идзи зарабатай сабѣ!» Стыдно богатому мужику идти служить, пошолъ онъ въ лѣсъ, въ надеждѣ, что тамъ его волки съѣдятъ. Приходить въ пушу дремущу, видитъ, встаетъ изъ-подъ березины человѣкъ, «выше воболокъ» и спрашиваетъ у мужика: «ци зъ добрыя ты воли ходишь, чаловѣчакъ, ци по няволи?» Узнавъ о положеніи мужика, лѣсовикъ даётъ ему суму, изъ которой являются два молодца и «пытютца: што треба?» На дорогѣ онъ угостилъ куму, и она суму подмѣнила. А дома жена пуще разсердилася и выгнала мужика изъ дому помеломъ. (У бѣлор. самый позор. родъ наказанія) Пошолъ мужикъ къ кумѣ за своей сумой—и тамъ набили. Съ горя идетъ мужикъ въ лѣсъ. Лѣсовикъ даётъ ему другую суму, лучшую. По словамъ: «два съ сумы!» изъ нея являются два молодца съ розгами и немилосердно сѣкутъ, прежде самого мужика, потомъ куму и кума—которые вслѣдствіе этого, отдають первую суму—и наконецъ жену богатаго мужика. (Оршан. и сѣненн. уу)

Ср. Садовник. 186. Чубин. 344, 350.

55. Бязрукая сестра.

Живъ сабѣ дзѣдъ .ды баба, и було у ихъ двоя дзяцей—сынъ и дочка, и гѣтыя дзѣци дужо ладно жили мижъ собою. И говоруць имъ бацьки, кабъ яны и послі ихъ смерци жили такъ само хорошо, якъ цяперъ при ихъ. Помѣръ бацька, помѣрла и matka. Заходѣвъ братъ жанитца. Вотъ и патаецца ёнъ у сестры: якъ думаешъ, сястрица ци можно мнѣ жанитца? А сестра яму отвѣщаецъ: брадець мой роднянскій, якъ хочешъ, такъ и дзѣлай! Тольки якъ оженишься, дыкъ ня будзешъ мяне такъ жалѣць, якъ цяперъ жалѣешъ! Братъ обіцавсѣ ёй, што усё равно будзецъ, якъ цяперъ. Ну и жанивсѣ братъ. Ды не радзитца енъ изъ жонкой, ды усё съ сястрой радзитца: куды треба яму исци, абы ѣхыць, то енъ пойдзецъ къ сястрѣ и радзитца зъ ёй. Нявѣстцы дужо ня спудобалосѣ гѣто, што енъ не радзитца зъ ёю, а радзитца съ сястрою, и зычала яна яму бунтуваць на яе. Поѣхувъ разъ мужикъ яе на охвоту дужо далёко, ды й призабавивсѣ. А жонка узѣла отруты ды й отручила самую лѣпшую корову у хлѣви цыхонько, а тоды послала письмо мужуку: «вотъ якая твоя сестра спорадница: отручила самую лѣпшую корову нашу!» Енъ ёй отвѣщаецъ: «што не корова насъ наживала, а мы корову!» Тоды жонка ящо горше ня ўзлюбила золовку: узѣла узновъ отруты и отручила самага лѣпшаго коня цыхонько, а мужуку написала, што гѣто сестра зробила. Мужикъ узновъ отписавъ ёй: «што и жарабка мы наживали, а не жарабокъ насъ!» Тоды шъ што яна рѣбиць? Родзивсѣ у яе рабѣшчакъ. Яна яго узѣла и загубила! А мужуку послала карту: «вотъ якая твоя сестра спорадница: загубила корову, загубила жарабка, а цяперъ и рабѣшачка нашаго загубила!» Вотъ пріѣхавъ мужикъ у дворъ и говориць сястрѣ: «досиць ты скацину мою губила, а табѣ прощавъ, а гѣтаго я ўжо не могу простиць. Надзявай,

сестра, смиротную кошулю, и выходзи на крылець!» Сястра яму ни словечка не сказала, надзѣлася и вышла. «Садзись на колёсы, поѣдземъ!» Сястра сѣла, и поѣхала. Ъхали яны, ѣхали, и пріѣхали у такую валикую пущу-драмушу, што ни ў казцы сказаць, ни прамомъ выписаць. Братъ кажець ны сястру: злѣзай съ колёсъ, кладзи руки на колёсы! Яна злѣзла съ колёсъ и пыложила руки на колёсы. Братъ узавъ топоръ и отсѣкъ ей руки: «якъ ты, каецъ, дѣлала добро, такъ и я дѣлаю табѣ!» Идзи сабѣ у свѣтъ!» Ды самъ и поѣхувъ домовъ, а яе тамъ покинувъ. Ина тамъ блудзила, блудзила, и прибудзилися у царскій садъ, дѣ были зылотыя яблоки подѣ счотомъ. И кажное ранняя царъ ихъ приходзивъ, считовавъ. Бохъ ей давъ такъ, што одно яблычко зылотое согнулыся, и яна яго зѣла. Нызаўтраго ўраньни пришовъ царъ считоваць яблыки. Считаваъ, считаваъ—одного яблыка нема. Тоды енъ каецъ: «хто тута ёсь у саду? кыли старши мяне—маць моя будзешъ; кыли ровна мнѣ—жана моя будзешъ; кыли младчи мяне—сястра моя будзешъ!» Ну яна ня 'кызалася. Узновъ ей Бохъ такъ давъ, што одно яблычко согнулыся, и яна яго зѣла. Нызаўтраго рано пришовъ царъ считоваць яблыки—узнавъ одного нема. Тоды енъ кажець: «хто тута ёсь? Кыли старши мяне—маць моя будзешъ; кыли ровна мнѣ—жана моя будзешъ; кыли младчи мяне—сястра моя будзешъ!» Ну яна ўзнавъ ня 'кызалася. И ўзнава Бохъ давъ такъ, што одно яблычко согнулыся, и яна яго зѣла. Нызаўтраго рано пришовъ царъ считоваць яблыки—одного узнава нема. Тоды енъ кажець: «окажися, хто тута ёсь у саду! Кыли старши мяне—маць моя будзешъ, кыли ровна мнѣ—жана моя будзешъ; кыли младчи мяне—сястра моя будзешъ!» Яна й окызалася. Увидзѣвъ царъ яе, и дужо яна яму спудобалася, бы яна была дужо пригожая. Знявъ енъ яблычко, откусивъ самъ и ей давъ: нѣ, дзявчина, зѣвшъ яблычка, бы ў цябе нема рукъ, нечимъ узяць. Повѣвъ енъ у дворъ; узвѣвъ на крылець и кинувъ яе на крылцы, а самъ пошовъ къ матцы ды гавориць: «мамочка моя! пришла у нашъ садъ одна дзявчина, ды дужо пригожая, хочу я зъ ей жанитца!» Матка кажець: якъ сабѣ хочешъ, такъ и робъ. Вотъ, тольки шъ, якъ ты зъ ей будзешъ жиць, кыли ина бязъ рукъ!»—«А ничога, гавориць: я шъ ей слугу найму!» Вотъ и пыжанились яны, и живуць дужо ладно. Прожили яны такъ можа зъ годъ. Тольки разъ поѣхывъ мужъ яе на хвоту, а яна осталася зъ маткою. Безъ яго давъ ей Бохъ дзяцёнычка—уво лѣбъ мѣсяць, у потылицы зорки. Пыслала яна къ мужуку пысланца, а матка й пысьмо пыписала, што у яго сынъ родзився. Тѣй посланецъ якъ понёсъ пысьмо къ мужуку, и зайшовъ пы дорови у одзинъ дворъ нучуваць. Ды й злучилося яму якъ-разъ зайци у братнюю хату. Навѣстка пуспила яго на ныць, ды й давай пытаць, куды енъ идзёць и откуль. Енъ и гавориць, што нясёць пысьмо къ мужу. Ина распытала у яго усё чисто: у кого енъ служиць, што и якъ. Енъ усё чисто ей рызкававъ, яна и спызнала, што гэта тая самая золовка, што яна хоцѣла страциць. Ну, лягли яны спаць. Тоды тая навѣстка устала уноччи, узяла у того пысланца пысьмо, ды й переписала: «што жонка твоя родзила ни жуку, ни жабу!» ды й узновъ пыложила у яго хатомычку. Нызаўтраго уставъ тѣй пысланецъ и пошовъ. Приходзиць къ мужику и отдавъ пысьмо. Прочитаваъ тѣй мужъ пысьмо, подумывъ, подумывъ, ды й отписаваъ: «што ёсь, нехай тое и будзёць, покуль я самъ не вярнуся!» Тѣй пысланецъ, нызатъ идучи, узновъ

зайшовъ на нычъ ў тую самую хату. Тоды тая нявѣстка узновъ украла письмо и переписала: «капъ матка у водзинъ часъ страдала тое, што родзилися и того, хто родзивъ!» Ну, и пошовъ тэй посланецъ зъ гэтымъ письмомъ. Отдавъ письмо матцы. Матка тая дужа дзивиыся, што енъ гэтыкъ прыкызавъ дѣлыцъ, али нічо́го ня зробішъ! Пыдвизала ёй рабѣшачка и выправила яе ў свѣтъ. Пошла яна, бѣдная, заплакывши. Ишла, ишла, зыхоцѣлыся ёй напйтца. Видзицъ—крыничка. Тольки яна согнулыся пицъ, а дзяцѣнычакъ хлѣпъ! и вывалився у крыничку. Видзицъ яна, што енъ ужо й тонець, а сама зробіць нічо́го ня можець, бо рукъ нема, нечимъ узяць. Стоиць ды горко плачець. Али чуець голысь: «не плачь мылодзичка, али пымолися Богу и процягни свою правую руку!» Ина такъ здѣлыла, и вырысла у яе правая рука. И хочець яна ухациць скорѣй дзяцѣнычка, ажны голысь узновъ ёй говдориць: «нѣ, ще рано! Узновъ пымолися, ды другую руку пыцягни!» Ина такъ здѣлыла—вырысла у яе другая рука! Во тоды яна перехрицилыся, выцягнула дзяцѣнычка и пошла дали. Ишла яна, ишла, и заходзиць у тоя сяло, идзѣ живѣ яе братъ. И зыхоцѣлыся ёй дужо зайци и пыладзѣць ны того брата, што колись-то яе дужо жалѣвъ. Заходзиць яна у хату, ажны тамъ и мужикъ яе: заѣхывъ сѣ охвоты на нычъ. Нявѣстка якъ увидзѣла яе, заразъ жа яе спызнала, али тольки, што гэта зъ руками, а золовка яе бязъ рукъ. Ну, вотъ, гэта золовка у своей нявѣстки проситца на нычъ. Яна яе за ништо не пускаецъ: «куды, каецъ, я цябе пущу? Тутъ во и такъ ёсь у насъ чужій чаловѣкъ; сама бачишъ, хатка цѣсная, а ты зъ дзяцѣныкымъ!» Мужикъ жа зъ братомъ, почувши, што нѣкая мылодзица проситца на нычъ, пуспили яе: «тольки капъ ты намъ казки кызала! Ипа кажець: дѣбро, моѣ паночки! скажу вамъ—казку ни казку, али такъ, якъ бы и правду!.. Ну и зычала яна рызсказываць усѣ своѣ житѣцѣ: якъ ина жила зъ бацькомъ, якъ зъ братомъ, якъ братъ яе жанився, ды якъ яе нявѣстка ня ўзлюбила... А нявѣстка ажно покаецца со злосьци, слухаючи яе гэтыя казки. Якъ дыказала яна гѣту свою казку, дыкъ и шапычку зняла зъ рабѣшычка. А ў яго уво лѣбѣ мѣсяцъ, ны потылицы зорки!.. Дыкъ братъ и мужикъ заразъ спызнали, якая гэта мылодзица, и про што яна кызала. Тоды братъ кажець: «хоцѣла ты за ништо зъвесци яе сѣ свѣту, дыкъ я шъ цябе зъяду!» Привязавъ яе къ коньскому хвосту и пусцивъ у чистое поля. А царъ тэй забравъ свою жонку у дворъ...

С. Немойта, спѣнн. у. Запис. О. О. Потаповичъ.

6, Бывъ сабѣ дѣдъ да баба, да було у ихъ двоя дятей—сынъ и дочка. Вотъ яны жили—жили, ды й помѣрли, остались двоя дятей. Отъ хлопяцъ той якъ ставъ старатца, ходяйствуваць: ёнъ по дорогахъ ѣздя, а дѣвка тая ўже дома—и разживсь, лавку состроивъ, почавъ торгуваць, адылй уже и сѣ купцами раззнакомивсь и сѣ парами, ставъ и по чужихъ зямляхъ ѣздить. А дѣвка дома суповная усѣ. Ну ёнъ и жалѣвъ яе хорошо, за то, што яна усѣ суповняла дома. Задумавъ тогды енъ жанитца. «Ожаниось я, каа, моя сястра, хочъ ты одного будешъ глядѣть!» И ожанивъ. 1) «Тяперака, ты, моя сястра, сяди ў лавцы, а жана моя буда дома!» А самъ и поѣхавъ

1) *Вар.* Выросли дѣти, сястра и говора брату: „ожанись ты, братъ, нечаго тогды ты поѣдешъ у дорогу, я пойду у лавку, а жана твоя буда дома!“ Братъ и ожанивъ.

у чужія земли. Отъ, енъ оттуля заработокъ привязе, а сестра дома ще боляй зароби у лавцы. Придя енъ у лавку: «драстуй, моя сястрица!»—Здоровъ, здоровъ, мой братка! Яна станя хвалитца: вотъ я выторговала стольки и стольки! И енъ станя хвалитца: во и я сколько заробивъ у дорози! Дыкъ енъ сястру жалѣя, а жонцы стало криво. Вотъ енъ побывъ зъ мѣсяцъ дома и зновъ поѣхавъ. А жонка зарѣзала индыка. Икъ енъ пріѣхавъ, яна и кажа: «здоровъ, здоровъ, мой милянкій!» И заплакала: «пропади, каа, тое серабро, икъ жить ня добрѣ! Твоя сястрица, моя зовица страбила индыка!»—Ничѣго, говора братъ, умѣсти наживали, умѣсти и зживать будомъ! Пошовъ енъ у лавку и говора: драстуй, моя сястрица!—Здоровъ, здоровъ, мой братка! Вотъ, братка, я кольки выторговала! И енъ ставъ хвалитца: «вотъ я кольки заробивъ у дорози!..» Побывъ енъ зъ мѣсяцъ и зновъ поѣхавъ. Дыкъ жонка бязъ яго узала да зарѣзала дорогоценнаго сокола. Прѣѣздивъ енъ годъ, пріѣзжая домовъ. «Драстуй, жонка!»—Здоровъ, здоровъ, мой милянкій!.. И расплакалась: пропади тое й серабро, икъ жить ня добрѣ! Твоя сястрица, моя зовица страбила ндыка, страбила й дорогоценнаго сокола! А енъ кажа: «ничѣго! умѣсти наживали, умѣсти и зживать будомъ!» Пошовъ енъ у лавку: «драстуй, моя сястрица!»—Здоровъ, здоровъ, мой братка! И стала хвалитца, што яна выторговала дома; и енъ ставъ хвалитца, што выторговавъ у дорози. Побывъ мѣсяцъ дома и зновъ отъѣзжая. Дыкъ жонка узала и страбила безъ яго жарабца. Пріѣзжая енъ домовъ. «Драстуй, жапа!»—Здоровъ, здоровъ, мой милянкій! И заплакала: пропадай тое серабро, икъ жить ня добрѣ! Твоя сястрица, моя зовица страбила ндыка, страбила дорогоценнаго сокола и страбила жарабца!—«Ничѣго, говора братъ: умѣсти наживали, умѣсти и зживать будомъ!» Пошовъ енъ у лавку. «Драстуй, сястрица!»—Здоровъ, здоровъ, мой братка! И стали хвалитца одинъ одному, хто кольки заробивъ. Побывъ енъ зъ мѣсяцъ, и зновъ отъѣзжая на годъ. А жана яго родила безъ яго, и загубила. Пріѣзжая енъ домовъ, яна и заплакала: пропадай тое й серабро, икъ жить ня добрѣ. Твоя сястрица, моя зовица страбила ндыка, страбила дорогоценнаго сокола, страбила жарабца, а тыперь страбила нашего отроча!... Енъ засмутился и пошовъ у лавку къ сестрѣ. Тая рада: «драстуй, драстуй, мой братка! Вотъ я стольки й стольки заробила!» А енъ засмущенъ. Ничѣго енъ ей ня сказавъ, а пошовъ домовъ, запрогъ пару луччихъ лошадей, поклавъ на повозку сякерку и колодочку, и поѣхавъ къ сестрѣ у лавку. «Нумъ, моя сястрица, прокатаясь по городу!» Сѣли и поѣхали. Яна спрашуетъ: на што ты, мой братка, поклавъ сякерку и колодочку у повозку? А енъ кажа: дѣли запасу! Ъхали яны, ѣхали, и пріѣхали ў лѣсъ. Енъ кажа: «злазь, моя сястрица, клади голову на колодку!» А яна говора: за што, мой братка?—«Ну, клади руки!» Яна поклатла руки, енъ и поѣскавъ руки ей!.. И пошла яна у лѣсъ. Ходила яна тамъ, ходила, ажъ царовъ сынъ охотничивъ у тымъ лѣси, и напавъ на яе. Бача, яна такая пригожая, енъ узавъ яе до сябе и повѣвъ домовъ. Привѣвъ яе домовъ ды й кажа отцу: утѣ это жъ, батюшка, моя нявѣста! Отъ яны плакали, плакали, ды й ожанили яго зъ ей. Ожанили, енъ поживъ зъ ей кольки тамъ, и поѣхавъ у чужое царство. Отъ, яго жонка дома родила сына—у потылицы шѣсячко, уво лѣвъ звѣздочка, по локоть у золоти, по колѣно ў серабри. Отъ, *старые* написали писъмо и послали къ яму: «родила твоя

жонка сына—у потылицы мѣсячко, уво лбѣ звѣздочка, по локоть у золоти, по колѣно ў сѣрабри!» Послали съ солдатомъ тое письмо. Иде, иде солдатъ, и увывшовъ у городъ, дѣ старый дворъ братовъ. Стрѣла яго братова жонка и кажа: «ходи, мой голубокъ, ко мнѣ на ночь!»—Нѣ, ня пойду, пойду даляй!—«Ня йди, ўже ня рано, иди пераночуй у насъ!» Енъ и пошовъ икъ ей на ночь. Яна ў яго спрашуя: куды жъ ты йдѣшь?—А нясу письмо къ такому и такому царовому сыну! Распытала яна ў яго, объ чимъ и якъ, дала вѣчерать, постелю постлала, и спать поклала. «А письмо, каа, положъ, мой голубокъ, за вобразы!» Отъ, яна тое письмо узяла, пераписала такъ: «родила твоя жонка няўма-што: задъ собачьчій, а перадъ телячьчій!» и поклала, а тое, што енъ нѣсъ, у печку ўкинула. Пропшнувся солдатъ, узявъ письмо и пошовъ. Пришовъ енъ у той городъ, отдавъ царовому сыну письмо. Енъ прочитавъ: «перадъ телячьчій, а задъ собачьчій!» и заплакавъ. Пожуривсь, пожуривсь, поплакавъ, поплакавъ, а тогды написавъ своё письмо такъ: «батьюшка мой! Што ё, то няхай до мойго приходу у дворѣ поживе!» Письмо тое отдавъ солдату, той и понѣсъ. Приходи зновъ у той городъ, и стонти зновъ тая братовая, и зове яго: «ходи мой голубчикъ, ко мнѣ пераночуй! Я табѣ баньку вытоплю!» Зайшовъ солдатъ икъ ей, пошовъ у баню, а письмо поклавъ за вобразы. Братовая тая узяла письмо, написала другое, таковое: «штобъ до мойго приходу яго стратили!» Уставъ солдатъ назаўтраго, понѣсъ тое письмо. Принѣсъ письмо. Яны 'къ прочитали, и заплакали: «якъ намъ яго стребловать? Яно такое хорошее!» А енъ не расте годами да часами. Вотъ старые плакали, плакали, да ўвобрали яе у хорошую одѣжу, навязали ей грошай два вузлы, и дятѣпочка увяртѣли, подвязали, да й пустили ў свѣтъ. Пошла яна ў бѣлый свѣтъ. Ишла, ишла, захотѣла воды. Найшла рѣчачку и стала водѣ пить. Только яна нагнулась, а дитя и ўпало ў рѣчку. Яна хѣпала-хѣпала куксочками—куцами руками, ня ухѣпала, да давай зубами. Зубами ухватила, дакъ только полка у зубахъ осталась, а дитя и ўпало. Отъ яна на берагъ вышла и плача. Ажъ изъ за куста бѣжить хлопчикъ. «Чого ты, мамка, плачешъ?»—А якъ жа мнѣ ня плакать: стала водѣ пить, дакъ дитя упало и потонуло! Енъ и кажа: «ето жъ, мо, я самый?»—Нѣ, у мойго сына у потылицы мѣсячко, а на лобѣ звѣздочка! А енъ у картузку. Дыкъ енъ ись сябе картузокъ хватѣ! Отъ, яна и ўзрадовалась. *) Тогды енъ кажа: пбйдомъ, мамка, даляй! Пошли яны даляй, приходять до сяла, ажъ церква стоить, и ли церкви крыница. Вотъ яны пошли у тую церкву, молились, молились Богу... Дыкъ енъ и пытаа: ти ё ў тѣбе, мамка, гроши?—Ё, мой сынокъ. Отъ, енъ вузѣлъ вывязавъ, отдавъ на церкву, да й зновъ давай молитца. Молились, молились, да й другій вузѣлъ отдавъ на церкву. Зновъ молились, молились, и пошли къ крыници. Дакъ енъ кажа: мочай, мамка, руку! Яна помочила одну руку—рука й ё, яна й другую—и другая ё. **)

Отъ яны и пошли оттуля, и пришли у сяло. Яна кажа: дѣ бѣ намъ тутъ

*) Вар. „Вышла на берагъ и плача. Приходя къ ей дядокъ: чого ты, молодичка, плачешъ?—Якъ жа мнѣ ня плакать,—моё дитя утопилося! Енъ узявъ, яго зъ воды доставъ, подяржавъ на рукахъ—яно и отжило и выросло, и стало ходить....

**) Вар. „Привѣвъ яе дядокъ икъ крыници, и кажа: саджай, молодичка, руки у воду! Яна помочила, и стали руки...“

попроситца на ночь?—А я, каа, вѣдаю! Пойду у етый дворъ попрошуся! А яна кажа: дѣ у такой хорощій дворъ насъ пўстать, такихъ старцовъ? Пошовъ енъ проситца. Пришовъ къ хвортцы—ня паралѣзя чаразъ хвортку. Дыкъ ёнъ пузомъ ковзъ—перасковзнувъ. Увийшовъ енъ у хату проситца. Бача ходяинъ—енъ такой утѣшливый хлопчикъ, и пустивъ. Вотъ енъ пошовъ, матку тую привёвъ у хату. Яны кáжаты: «идитя жъ вы на кухню, а то тутъ назбираютца усякіе купцы да цары!» Яны и пошли на кухню. Отъ, назбирались усякіе князи и гуляять. И говорать промижда собой: хочъ ба намъ хто сказавъ басынюку яку! Отъ хозяинъ кажа: «а ў мяне тамъ на кухни ночуя такой утѣшливый хлопчикъ, той ба, мо, сказавъ!» Ну, яны пожалали привести яго суды. Ну, яго привяли, отчинили двери, дыкъ енъ пузомъ чаразъ порогъ ковзъ! Ну, и почавъ казаты: То жъ такъ, каа, колись: остались малыя дѣти отъ отца, отъ матери—братъ и сестра. И яны занимались ходяйствомъ. Вотъ братъ заробивъ грошай, да й ожанивъ. Отышла свадьба, поѣхавъ енъ у чужую зямлю. А жонка яго дома зарѣзала индыка, и сказала мужику: вотъ, твоя сястрица, а моя зовица, зарѣзала индыка! А енъ каа: клопотъ сабѣ! мы по етомъ ня зголѣямъ! Поѣхавъ енъ зновъ, жонка зарѣзала уже сокола, и звярнула зновъ на сестру. Енъ зновъ простивъ. У третій разъ уже зарѣзала жарабца, и кажа мужику: во ўже до чаго яна добралась—жарабца зарѣзала! Енъ кажа: а клопотъ, умѣсти наживали, умѣсти и живать будомъ! Тогда тая бача, што ничего ня здѣлая, загубила свойго дятенка и звярнула на сестру. Енъ тогда узавъ, запрогъ коний и поѣхавъ зъ ёй у лѣсъ. Привёвъ у лѣсъ, руки на колодку, потсякавъ и поѣхавъ домовъ. А яна у лѣси и осталась. Охотничивъ тамъ царовъ сынъ и напавъ на яе. Узавъ яе съ собой и повёвъ домовъ. Привёвъ и кажа отцу: батюшка мой, ето моя нявѣста будя. Отъ яны пожурились, поплакали, што яна бязрукая, да дѣлать нечаго—узали ожанили. Поѣхавъ царовъ сынъ у чужое царство, а дома родила яго жонка сына, такого, якъ ба и я: у потылицы мѣсячко, на лобу звѣздочка, по локоть у золоти, по колѣно ў сѣрабри. Отъ яны написали письмо къ своему сыну. А братовая тая яе прочитала тое письмо и написала другое: родила жонка наўма-што: задъ тяляччій, перадъ собаччій! Дойшло тое письмо до того сына. Енъ отписавъ: нахай яно будя до мойго приходу у дворѣ! А братовая зновъ прочитала, да й пераписала: штобъ до мойго приходу и ў дворѣ ня було! Дойшло яно къ отцу, къ матери, яны прочитали, одѣли яе у хорощую одѣжу, увязали ёй того дятенка, увязали ёй ще два вузлы грошай, и пустили. Вотъ яна ишла, ишла, захотѣла пить. Дойшла до рѣчки, стала пить, а дитя унало у рѣчку и ўтопилось. Вышла яна на берегъ и плача. Ажъ выбытая зъ за кустовъ хлопчикъ, якъ ба и я, и кажа: чаго ты, мамка, плачашъ?—А якъ жа мнѣ ня плакать, коли моѣ дитя утопилось! Енъ тогда картузикъ зъ головы хватъ, а ў яго на потылицы мѣсячко, на лобу звѣздочка. Яна узрадовалась, и пошли далай. Пришли къ церкви, ли церкви крыница. Яны помолились, той сынокъ, такой, якъ ба и я, развязавъ тые вузлы, гроши отдавъ на церкву, и пошли къ крыниці. Сынъ той яе говора: мочай, мамка, руку! Яна помочила, рука и ё. «Мочай и другую!» Яна помочила, и другая ё. Попросились яны на ночь, и пушано ихъ. Вотъ мы таперака й тутъ!» Зная шапочку, а ў яго у потылицы мѣсячко, а на лобу звѣздочка. «Драстуй, каа, батюшка

мой!» А ень тамъ сядѣвъ мижда князевъ. «Драстуй и дядюшка!» Вотъ яны поздравались, побѣгли за маткой на кухню, привяли яе, стали гулять.

А дядинку туу яго привязали къ коньскому хвосту и пустили у чистое поля.

Гом. у. Ср. Чубин. 71. Садовник. 304.

59. Буреня.

Зайшла одна баба изъ дочкой замужъ за дѣда изъ дочкой. Тяперака, дѣдова дочка дужо разумнаа, а бабина дочка дурковата. Ну, послала баба дѣдову дочку корову гнать, и дала яна ей куль посконей, и штобъ спрала и соткала, и трубку збылила, и змотала. Ну, яна, дѣвка таа, тяперака, притгнала корову Буреню на пасту и стала плакать. И пришла корова Буреня къ ей: «чаго ты, сиротина бяздолнаа, плачашъ?»—А якъ жа, коровка Буренька, мамъ, (зв. пад.) ня плакать? Што яна мнѣ дала и спрасть, и соткать, и полотно скатать, и домовъ принесть?—«Ну, тяперака, лѣзь у моѣ у правое вухо, а ў лѣвое вылезъ!» Яна вылезла, дакъ трубка полотна и ляжить перадъ ёю. Притгнала яна домовъ и принясла туу трубку мачиси. «Ну, што, дѣдъ, будомъ дѣлать? Ето яна дѣ-небудъ узяла. Треба яе ураньни пристяречь, идѣ ето яна узяла?» Тяперъ, на другій день погнала изновъ, и дала ей повѣсмо кужалю, штобъ спрала и соткала, и ўбалила, и ў трубку скачала. Погнала яна корову Буреню на пасту и стала плакать. Пришла икъ ей корова Буреня и пытаа: чаго ты, сиротина бяздолнаа, плачашъ?»—Коровка Буренька, мамка моя, худо мнѣ, што мнѣ дѣлать, дала уже повѣсмо кужалю!—«Лѣзь у правое вухо, а ў лѣвое вылезъ, будя ўсѣ!» А яны пристярагли, отецъ пристярогъ, што ето съ чаго выхода. И пришовъ домовъ и кажа: «а што, бабъ: зарѣжамъ корову!» А корова Буреня пришла къ дѣвцы: «Вотъ, моя лябѣдка, не плачь и ня журися—яне зарѣжутъ. И ня ѣжъ ты мойго мяса, только збирай косточки моѣ, што яны будутъ уже ѣсти мясо, увяжи тыа косточки, позбиравши, у транку, и закопай ихъ у землю проти польного окна на вулицы. И будешъ ты сядѣть и ў воєно глядѣть, и будешъ ты яне и видать!» Яно такъ и здѣлалось. Закопала яна, собравши, тыа косточки проти польного окна на вулицы, у вечари. И тяперака яна пераночавала и ў вокошко глянула: и разлилася крыница на томъ мѣсти и выросла яблонь надъ крыницой, и на той яблонцы золотое яблоко ды сярэбрапое!.. И ўдивилися ўсѣ началство болшое и доклалися до цара: «ваша валикое и високое правосходитялство! вы люди якіе, разумные и хорошие, а вы такія штуки ня видали, якъ мы видали!» И тяперъ закликнувъ закликъ: отчаго яно и што вышло—такаа штука. Яны пріѣхали туды на распросъ дѣла. Ну никто ня знаа, ня вѣдаа: Богъ вѣдаа, стнуль яно узялося такое. И яна ня призналась. И пріѣхавъ самъ царъ у дярэвню, ето усѣ убачивъ, и кажа: «Ихто мнѣ зъ естыа яблонки яблочко ущине и зъ естыа крынички водички зачерпня, туу возьму замужъ за свойго сына!» И собравъ ёнъ пять дѣвогъ. Нивѣдвая яна ня доступна—яна выщипула и воды не зачарѣнула! Тяперъ мачиха и говора: моо, моя дочка и выщипня подъ нашимъ воєномъ. И падчарку туу яна подъ корыто сковала, ну а дочку свою послала. Таа дочка яе роднаа подышла къ яблоньцы, дакъ яна високо подиялася, и крыница разлилася—яна ня

приступилась. Сусѣдка на мачиху и говора: «ну, чаму жъ ба вы подчарки ня поспробовали?»—Э, падчарки! Дужо треба яна тутъ! Здоровѣ, сорочка съ поплѣвъ!.. *) Тоды другій сусѣдъ говора: «а й твоя дочка латъ на лату и йгла ня бываа!» И кажа цѣру: «Ёстакя у яе щѣ падчарка!»—А дѣ жъ яна?—«А яна яе подѣ корыто сховала, штобъ вы яе ня видѣли!»—Якѣ жа ето вы могли яе мнѣ ня показать, якая яна?—«А намѣ, каа, страмѣ яе показать вамѣ, етакому начальнику, што надѣ усьмѣ царствомъ, показать яе!»—Што жѣ, вамѣ нечаго страмитъ: Господь насѣ создавъ и сляпыхъ и хромыхъ, и Господь на ўсѣхъ на насѣ смотра, и намѣ треба на ўсѣхъ—однѣ на другого смотрѣть! А мы у Бога—души наши—уси ровны! кажа царѣ. Ну, тожѣ яны выняли яе съ подѣ корыта и кѣ цару подвали. «Коли ты мнѣ, кажа, выщипнешъ зѣ естыа яблонки яблочко и зачарэпнешъ зѣ естыа крынички воды, дакѣ я тябе за свойго сына замужъ возьму!» Яна пошла, пришла кѣ яблоньцы. Тѣ была високо, а то стала низянько! И выщипнула яна ямѣ золотое яблочко и сярэбраное, и зачарэпнула яна съ крыницы яму и воды. «Вотѣ, ты сказавала, што яна, зѣ блаженнаго, ня стоа ничого, а вотѣ жа яна достала. Вѣрно яна будя у мяне нявѣсткой, бару за свойго сына!» Узявъ, убравъ, и съ собой повѣзѣ. Якѣ повѣзѣ съ собой, дакѣ и крыница услѣдъ за ёй и яблонка услѣдъ за ёй! Тѣ была яна подѣ польнымъ вокномъ, а то стала яна подѣ кутьнимъ вокномъ, коло царскаго коло прастолу, дѣ епѣ садить, да кушая. Узявъ енѣ ету дѣвку Морею (мож. быть и Марей) и съ своимъ сыномъ повянчавѣ.

И тяперака, стало заболно мачиси, што яна еткаа, да попалася кѣ цѣру. Што жѣ, яна злобу мыслила на яе большуу, штобъ ёй у свѣти ня жить, якѣ—якѣ да перавестъ. Ну, тяперака, яна якѣ написала письмо да послала кѣ ёй: «Забывайся ты на то, якѣ што было коли, и жалаю я тябе кѣ сабѣ у гости. И рада я табѣ буду, якѣ своей души!» Яна и поѣхала туды у гости. Пріѣхала, и тожѣ заходилася яна—обродила. И родила яна у бани. Тяперака, мачиха узяла, по локти ёй руки потсякала, куксы ей позаверчавала и рабѣночка подвязала и ў свѣтъ у бѣлый пустила. А свою дочку у туу одѣжу убрала и выправила. А яна, якѣ ходитѣ, дакѣ ходитѣ съ тымъ зѣ рабѣнкомъ,—по свѣту уже страждалася. И пришла яна кѣ синяму мору. И захотѣла яна дужо воды. Тяперака рабѣнокъ той говора: «пусти мяне съ подѣ вязки, я табѣ воды дамѣ!»—Дѣтка моѣ рѣдное, якѣ ты мнѣ подаси: ты малѣе и дробнѣе, ты ня достаешь воды мнѣ, упадешъ самѣ у воду!.. Тяперѣ яна согнула у мора сама воду пить, и обмочила своѣ куксы у водѣ,—такѣ руки яе и стали, якѣ были!.. Дакѣ яна угору руки подняла: «о Господи милосѣливый навѣшній, кажа: ня 'ставивъ ты нигдѣ загнѣуть моѣй души!..» Тоды дитя яе стало рѣстѣ не по годахъ, да по часахъ. Тольки до мора яна яго нясла, отъ мора за руку вяла ўжо. Якѣ итѣть яны, итѣть, дакѣ дойшли до царскаго двора до того до самаго. Пришла яна на кухню и стала проситца у слугѣ: «пустѣть вы мяне на ночь хотѣ погрѣтца!»—Ето жѣ, моа мянянькаа, царскій дворѣ: няльга намѣ пускатѣ никѣго!—«А я, моѣ голубки, сяду у зѣпачку, хотѣ

*) Пословица, выраж. неумѣстность. Ср. „На мое штаны ў бѣкы!“ Или: „Пришѣй кобыли хвостѣ, а у яе свой ѣстѣ.“ „Сѣ поплѣвъ“ технич. выраж. Когда, при пряденѣи, въ нитку попадаѣтъ кѣстрипка, ее вырываютѣ зубами, чтобы не прерыватѣ работу пальцевѣ, и потомѣ выплевываютѣ. Сдѣланныа изъ этой выплеванныа кѣстрипки рубаха, будѣтъ рубаха „сѣ поплѣвъ.“

погрѣюся, я ня буду и показаватца!» И пустили яе. Яна сѣла у запячку изъ дятенкомъ тымъ, штобъ ниhto ня бачивъ. Собрались туды усѣ началоство царское, и стали яны кой—што разговаравать и ў карты играть. Тоды тѣй хлопчонокъ каа: «матушка, позвольтя, я збаю царомъ баячку!»—Дѣтка моё, любое моё, ня показуймося зъ естаго запячку, а то ня дадутъ яны намъ погрѣтца!.. Зачувъ ето царъ, што енъ проситца, и сказуа енъ: «што жъ ты, женщина, ня пускаешъ рабѣнка къ намъ? Пойди, хлопчишка, сюды, бай намъ баячку!»—Ну, збаю вамъ баячку, искажу вамъ казочку: «Была, кажа, на свѣти такаа мачиха, и ў мачихи падчарка—якъ моа матушка. И высылала яна яе на пасту съ коровой, давала яна ей кулъ лёну и кулъ посковей и спрасть, и соткать, и ў трубку скачать. Тяперака, яна лягла и плача. Приходя къ ей коровка Буренька: чаго ты, мать Морей, плачашъ, рыдаешъ, табѣ будя усѣ хорошо!» А царъ тѣй уже и ўзявъ на вусъ, на думахъ стало: якъ-разъ якъ енъ свою жонку бравъ!... «Коровка Буреня кажа: у правое вухо улѣзь, а ў лѣвое вылязь, и будя табѣ усѣ хорошо! И спралось ей, и соткалось, и готовое поняслось домовъ. И то жъ проклятая мачиха ня повестилась, што то ёсь на свѣти Богъ, што яна на яе усякія мошентвы накачавала. И зарѣзала туу коровку Буреню, а падчарка законала тыя яе косточки проти польнаго вокна на вулицы. И выросла съ тыхъ косточакъ коровы Бурени яблонька—яблочко золотое и сярэбраное, и разлилась крыничка. Тяперака, сказали объ етымъ цару. Приѣхавъ енъ туды и хотѣвъ достать тыа воды и ущипнуть тыхъ яблочковъ И ниhto яму естаго ня здѣлаа. Тяперака вынули падчарку съ подъ корыта и яна и яблочковъ ущипнула и воды зачарѣпнула. И вышла яна замужъ за царскаго сына, и вышла за ей крыница и яблонь!..» А матка таа зъ запячку говора: дѣтка, што ты тамъ, ня знаючи, говораешъ!... А царъ кажа: бай, бай, хлопчишка, баячку, бай, ня слухай матки своѣ! Хлопчикъ и кажа: «Тяперака, мачиха ня подумала, што ёсть Богъ нябесный, а царъ земляный, и написала письмо, што жалаа яна къ сабѣ у гости, мать Морейю мою. Поѣхала яна у гости, и обродилась изъ ёю у бани, и родила яна сабѣ сына, Ивана воина. Тяперака яна якуу штуку приставила: отсѣкла моѣй матцы руки по локоть, поўвартѣла ей у куклы руки, отсѣкши, и мяне подвязала, и выправила у свѣтъ со мной, Иваномъ воиномъ. А къ цару послала свою дочку. Ишла яна, ишла, пришла къ синяму мору воду пить. Согнулася яна воды пить ротомъ, помочила свое куксы, и стали ей руки. Мы якъ ити, дакъ ити, и зайшли мы къ цару къ Водейскому, *) и попросилися мы на ночь погрѣтца. И тяперъ тутъ... Здрастуйте, отецъ мой родимый! приповъ я къ вамъ, вашъ сынъ, Иванъ воинъ—силенный богатырь, изъ матушкой!» Да шапочку знявъ. Глядь, ажно ў яго звезда на лысини!

Царъ тоды угадавъ ихъ. «Вотъ я, кажа, ссяку мечомъ твоей жанѣ голову съ плечъ! Ето ня жана твоя, а ето нахальница. А жана твоя у запячку сядить!» Тяперъ енъ: дѣтка моа, воля твоя! Енъ узявъ и голову сѣбѣ. «Вотъ тяперъ, мать Морей, тяперъ табѣ тутъ жить!» А самъ засядлавъ коня и поѣхавъ тожъ къ мачиси

*) На мой вопросъ—какой это царъ Водейскій? рассказщица замѣтила: „Ти ты ня вѣдаешъ? Царъ Давыдъ Водейскій, у царствіи котораго будутъ ўси души—и живыя и мертвыя!“ Значить, *иудейскій*?

къ яе, у дворъ. «И бяритятка, говора, лошади хорошаго и привязити яе къ коньскому хвосту, и пошлитя яе у чистое поля, и разняситя вы яе кости и мождки по чистому полю. И тутъ табѣ спочивать, до вѣку проklinать!»

Вѣ коли я сказала табѣ казку съ конца до верху!...

С. Нисимовичи, рогач. у. Кр.—ка Домна Морозиха, старушка.

Весьма сходный вариантъ записанъ въ островенской волости, сѣненскаго у. верстахъ въ 300 отъ Нисимовичъ, и на другомъ говорѣ (восточномъ). Не помѣщаемъ его за недостаткомъ мѣста, тѣмъ болѣе, что онъ сходенъ почти дословно съ этимъ. Но окончаніе островенск. вар. такое:

Когда мачиха и падчерица пошли въ баню, мачиха оборотила ее рысью, а свою дочь послала съ ребенкомъ къ Ивану Васильевичу, королевскому сыну. Ночью ребенокъ захотѣлъ ѣсть и началъ кричать. Нянька вынесла его на крыльцо и стала звать мать: «рыся Марыся! и гуся спяць и куры спяць, только сынъ твой ня спиць: трѣхъ дзѣнь молодзѣнь ѣсци хочець!» Мать прибѣжала, накормила ребенка и снова убѣжала въ лѣсъ. На третью ночь, Иванъ Васильевичъ, королевскій сынъ, по наущенію няньки, схватилъ рысью, когда она хотѣла бѣжать въ лѣсъ. Она «скинулась» мухой, онъ ее разорвалъ; сдѣлалась иглою—онъ переломилъ, тогда она сдѣлалась молодичей... Мачиху съ ея дочерью привязали къ лошадинымъ хвостамъ и разнесли по чистому полю.

Въ д. Кіевкѣ, аленовицк. вол. оршанск. у. сказка эта варьируется такъ:

У дѣда были дочь и сынъ. Мачихины порученія исполнялъ быкъ. Когда дочь мачихи посмотрѣла это, баба притворилась больною и потребовала «яловичины.» Дѣдъ зарѣзалъ быка. Падчерица, промывая «кишки,» нашла тамъ два зерна: одно золотое, другое серебряное, и посадила ихъ «у воротахъ,» по наущенію быка. Тамъ явилась медовая крыница, двѣ яблони—одна съ золотыми, другая съ серебряными яблоками, и кони—золотая шерстинка и серебряная. Скоро пасынокъ, напившись воды изъ овечьяго слѣда, сдѣлался «баранькомъ.» Прѣѣзжій купецъ женился на падчерицѣ и повезъ къ себѣ; за ней потекли рѣки медовыя, поѣхали кони—шерстинка золотая и серебряная,—повезли чудесныя яблоньки, и побѣждалъ баранька. Чрезъ три года падчерица приѣхала съ мужемъ, ребенкомъ и «баранькомъ» въ гости къ своему отцу. Мачиха послала мужа ея съ «дѣдомъ» въ баню «съ дороги,» а сама въ это время раздѣла падчерицу, обшила ее въ «рысью скѣру» и выгнала, а свою дочь нарядила въ ея платье. Купецъ не замѣтилъ обмана и поѣхалъ домой. Тамъ, когда ребенокъ начиналъ ночью плакать, баранька бралъ его, выносилъ на дворъ и кричалъ: «рыся, рыся! молодзѣнь плачець, ѣсци хочець!» Она отвѣчаетъ: «бягу, качу, сына кормлю!» Кормитъ сына и спрашиваетъ у бараньки: «Ци спиць панъ съ панею?»—Спиць!—«Ци йдуць рѣки мядовзя?»—Нѣ!—«Ци ѣсь яблочки золотыя и сярэбраныя?»—Нѣ!—«Ци ѣсь кони—шерсточка золотая и сярэбраная?»—Нѣ!.. Чрезъ нѣсколько времени услышалъ это купецъ и сдѣлалъ «обламя.» На облавѣ поймали рысь, она и сдѣлалась женщиной. Въ то же время баранька сталъ мальчикомъ, потекли рѣки медовыя, явились яблоньки и кони... Бабину дочку привязали къ лошадиному хвосту и пустили въ чистое поле.

6, Живъ дзѣдъ изъ бабой, и была у ихъ дочка. Баба померла, тоды дзѣдъ говориць дочцѣ: «будземъ съ тобой, дочушка, жанитца!»—Нѣ, татulyка: пойду ў

мамульки спатаюся! Приходзиць на могильникъ и плачець... «Чого шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Хочець татулька, капъ я зы яго замушъ ишла!—«Нѣ, дочушка: хай енъ табѣ справиць такое платъця, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ!» Ина пошла и говориць: «справъ мнѣ, татулька, такое платъця, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ!» Енъ ей справивъ. «Ну, дочушка, будземъ жанитца!»—Нѣ, татулька, пойду ў мамульки спатаюся! Пошла на могильникъ и плачець... «Чого шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Татулька хочець, капъ я зы яго замушъ ишла!—«Нѣ, дочушка: хай енъ табѣ справиць такіе черавики, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ!» Ина пришла и сказала: «справъ мнѣ, татулька, такіе черавики, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ!» Енъ ей справивъ. «Ну, дочушка, будземъ жанитца!»—Нѣ, татулька, пойду ў мамульки спатаюся! Пришла на могильникъ и плачець... «Чого шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Татулька хочець, капъ я зы яго замушъ ишла!—«Нѣ, дочушка: хай енъ табѣ справиць такую повоску, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ!» Ина пришла и сказала: справъ мнѣ, татулька, такую повоску, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ! Енъ справивъ и говориць: «ну, дочушка, будземъ жанитца!»—Нѣ, татулька: пойду ў мамульки спатаюся! Пришла на могильникъ и плачець... «Чого шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Татулька хочець, капъ я зы яго замушъ ишла!—«Нѣ, дочушка: хай енъ табѣ справиць такихъ коній, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ!» Ина пришла и сказала: справъ мнѣ, татулька, такихъ коній, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ! Енъ ей справивъ и говориць: «ну, дочушка, будземъ жанитца!»—Нѣ, татулька: пойду ў мамульки спатаюся! Пошла на могильникъ и плачець... «Чого шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Татулька хочець, капъ я зы яго замушъ ишла.—«Нѣ, дочушка, хай енъ бярэць у дзярэвни удову съ трои дочкамі!» Пошла яна и сказала: «бярѣ, татулька, удову съ трои дочкамі!» Енъ и ожанився.

Мачиха была злая, ня ўзлюбила яна свое падчарки. Появлѣла ей, капъ гнала у поля, и дала ей розвины кудзели: «спрадзи, сотчи, выбяли и ў трубучку скаци!» Пошла яна на могильникъ и плачець... «Чого шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Чаму шъ мнѣ не плакыць: дала мачиха розвины кудзели и сказала: спрадзи, сотчи, выбяли и ў трубучку скаци!—«Ёсь у цябе коровка Буренька: ты у водно вухко дунѣ, а ў другое процягни—яно спрадзѣтца, сотчѣтца, выбялитца и ў трубку скоцитца!» Ина пошла, уво 'дно вухко дунула, у другое процягнула—яно спралосѣ, соткалосѣ, выбялилосѣ и ў трубучку скацилосѣ. Гонѣць ина домовъ и скачець.

На другій дзень мачиха ще навязала розвины кудзели, и послала зъ ей дочеку нибытцамъ учитца. Пошла ина узновъ на могильникъ и плачець. «Чого шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Мачиха опяць дала розвины кудзели и дочку послала нибытцамъ учитца!—«Ты возьми, скажи: сястрица, давай я ў цябе вошій пойшу! Ина ляжиць, ты й скажи: спи вочко, спи другое! Ина й заснѣць. А ты возьми, узновъ уво дно вухко дунѣ, а ў другое процягни—яно спрадзѣтца, сотчѣтца, выбялитца и ў трубучку скоцитца!» Ина пришла и говориць: ходзи, сястрица, я ў цябе вошій пойшу! Ина пришла йскаць, а падчарка говориць: спи вочко, спи другое! Ина й заснула. Тоды падчарка уво дно вухко дунула, у другое процягнула—яно спралосѣ, соткалосѣ, выбялилосѣ и ў трубучку скацилосѣ. Ина тоды говориць: уставай, сястрица,—я ўжо

ѹсѣ подѣлала, погонимъ домовъ! Тоды мачихина дочка идѣць и плачець, а падчарица смяѣтца ѥ скачець.

На третѣй дзень мачиха ще навязала розвины кудзели и послаа нибытцамъ учитьца другую дочкѹ. Пошла ина узновъ на могильникъ и плачець... «Чаго шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Мачиха узновъ навязала розвины кудзели и дала другую дочку нибытцамъ учитьца!—«Ты скажи ѥй: ходзи сястрица, я ѹ цябе вошій пойщу! И скажи: спи вочко, спи другое! Ина ѥ заснѣць. А ты возьми въ одно вухо дунн, а ѹ другое пропцягни,—яно спрадѣтца, сотчѣтца, выбялитца, и у трубучку скоцитца!» Пошла ина и говориць: ходзи, сястрица, я ѹ цябе вошій пойщу! Стала у яе вошій искаць и говориць: спи вочко, спи другое! Ина ѥ заснула. Тоды ина узая уво дно вушко дунула, у другое пропцягнула—яно спралоса, соткалося, выбялилося и ѹ трубучку скацилося. Ина тоды говориць: устай, сястрица, погонимъ домовъ—у мяне ѹсѣ готово! Гонюць яны домовъ—мачихина дочка плачець, а падчарица скачець.

Тоды мачиха устала третей дочкѣ третее воко, навязала ѹзновъ розвины кудзели и послала тѹю дочку нибытцамъ учитьца. Не пошла падчарица на могильникъ, погнала просто у поля. Пригнала у поля и кажець: ходзи, сястрица, я ѹ цябе вошій пойщу! Стала йскаць и говориць: спи вочко, спи другое! Вотъ, одно вочко заснуло и другое заснуло, а третее глядзиць. А ина уво дно вушко дунула, у другое пропцягнула—яно спралоса, соткалося, выбялилося и ѹ трубучку скацилося. А мачихина дочка ѹскочила и говориць: видѣла, видѣла! Погнали яны домовъ: мачихина дочка скачець, а падчарица плачець.

Тоды мачиха нибытцамъ захворѣла и кажець дѣду, капъ зарѣзавъ тѹю коровку Буреньку. А падчарка говориць: нѣ, татенька, я пойду ѹ мамульки спатаюся! Пошла на могильникъ и плачець... «Чаго шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Татенька хочець зарѣзати корову Буреньку!—«Хай рѣжець, только капъ ты перабирала кишки. Ты тамъ знайдешъ зернятко. Пысади яго ты пыдъ вокномъ!» Зарѣзали яны корову Буреньку, стала ина перабиравъ кишки, и знайшла зернятко, и пысадила яго пыдъ вокномъ. Выросла съ того зернятка яблынка—одна лисцинка зылотая, другая сяребраная, одно яблычко зылотое, другое сяребраное. Зыхопѣла мачиха тыхъ яблыковъ и послала дочку збиць. Тая што только ни кинѣць палку—ина ѹсѣ по головѣ бѣець, а яблыковъ ня 'тбиваець. Послала ина другую дочку и третѣю—и тымъ такъ само.

У святый дзень мачихины дочки поѣхали къ церкви, а падчары мачиха насыпала у макъ попялу и дала чистиць. Пошла ина на могильникъ и плачець... «Чаго шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Чаму шъ мнѣ ня плакыць: выправила мачиха своихъ дочокъ къ церкви, а мнѣ дала макъ чистиць съ поиломъ!—«Ѣсь у цябе копи, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяць: подияси ить, яны топнуць и перачислюць!» Подиясла йна макъ конимъ, копи топнули и перачислили... Прибралась падчарка у платця, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяць и ѹ черавики, сѣла у повоску, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяць и поѣхала. Ъдзець, никуды ны боки не глядзиць,—на яѣ ѹси глядзиць. Такъ жа само и ѹ церкви. И заглѣднѣвся на яе царскій сынъ, и хопѣвъ увознаць, хто йна Ѣсь. Узавъ енъ, растопивъ у порози смолы, ина якъ ишла, такъ черавикъ яе тамъ у смолѣ и остався. Приѣхала ина домовъ,

поставила коній, скинула платьця, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяць, надѣла брудную рубашку и пришла ў хату. А тѣй царскій сынъ узавъ черавикъ и ставъ ѣздиць по ўсѣмъ царству, мѣраць тѣй черавикъ, искаць тыя паненки. Потсякала мачиха своимъ дочкамъ палцы, какъ пришовся черавикъ, а падчарку подварнула пыдъ корыто. Пріѣхавъ царскій сынъ туды, ставъ примѣраць дочкамъ мачихинимъ—ня приходзитца. А падчарка пыдъ корытомъ кышлянула. Енъ пытаецца: хто гѣто у васъ кашляецъ? А мачиха кажець: гѣто убогая!—Покажицятку намъ яе! Яны выняли яе съ пыдъ корыта—черавикъ и пришовся. Тоды яна и другій принясла.

Выватывъ ёнъ яе и повѣзъ домовъ. Якъ повѣзъ яе, дыкъ и яблонка за ёй пошла. Сколько тамъ яны пожили, и родзила яна. Пріѣхыли яны на хребѣины, мачиха влѣла вытопиць лазьню, и пошла уяродъ за ўсѣхъ зъ родзихой. Тамъ яна обярнула падчарку лисицай, а свою дочку поклала къ дзяценку. А баба пупорѣзница гѣто знала. Якъ захочецъ рабѣшачекъ ѣсци, баба выйдзець на вулицу и кажець: «лиска, лиска! *) дзиця плачець, ѣсци хочецъ!» Яна прыбяжнѣ, пососнѣ рабѣшачка, и ўзновъ пыбяжнѣ. Дознавъ гѣто мужикъ. Якъ тутъ яе уловиць? Баба пупорѣзница говориць: якъ я яе призову, ина станець сосиць, а ты возьми, вераценцамъ скуры подтрахни, яны й загоратца. Вотъ баба вышла на вулицу и гукаецъ: «лиска, лиска, дзиця плачець, ѣсци хочецъ!» Яна прибѣгла, скинула скуры лисѣіа и стала дзяцѣнка сосиць. А енъ вераценцамъ и подтрахнувъ тыя лиски—яны й загорѣлись. А ина кажець: «ци ня лиски моѣ гораць?»—Нѣ, кажець баба: гѣто ў твоего кума, а ў моего зяця свиньней смалюць!.. Ну, ина и осталася.

Тоды яны дознали, што тамъ была мачихина дочка и ўзяли яе и мачиху, привязали къ коньскому хвосту и растащили по чистому полю...

Д. Рубежъ, стѣнн. у. на границѣ съ витебск. губ.

Ср. Афан. VI, 273. Худяк. II, 71. Садовников. 218. Чубинск. 448, 459, 466. Драгоман. 361.

61. Три сестры.

Жила сабѣ ўдова ў концѣ сяла и было у яе три дочки. Отъ разъ, разговорились яны, якая за якого хоча ити замужъ. Отъ, большая и кажа: «отъ, коли бъ мнѣ пришлось ити замужъ за царскаго ключника!» А сярѣдняя кажа тожъ: «а мнѣ бъ за царскаго кучара!»; А меньшая кажа: «дурныя вы! вы сказали бъ, якъ отъ я думаю: за царскаго сына!» Казали яны ето увечари. А йшовъ царскій сынъ, да ўси етыя ихъ говорки и потслуhavъ подъ вокномъ! Отъ, пройшла ночь. Назаўтраго того вечера приходя къ тымъ дѣвкамъ царскій сынъ и царскій ключникъ и кучаръ, и кажать имъ: «казали вы такъ и такъ: тая за того хѣчу ити замужъ, а тая за того?»—Казали!... Отъ, ихъ тойчасъ и повянчали, которая за котораго хотѣла ити. Перайшли яны уси у царскій дворъ, и живутъ уси при царскомъ дворѣ. Двѣ большія и разсердились на меньшую: што якая яна была поганая, а то стала старше ихъ.

*) Весьма вѣроятно, что слова: „лиска, лиска!“ составляютъ искаженіе словъ—„рыска, рыска!“, происшедшее въ то время, когда въ Вѣлоруссіи послѣдовало уменьшеніе звѣрей: туровъ, рысей и т. п. По созвучью и рысь замѣнена лисицей.

Пожили годовъ три, и поѣхавъ царъ къ другому цару у гости. А яго царица безъ яго родила сына. Тья сѣстры поткупили бабку, штобъ яна поткинула собачанѣнка, а дятѣнка имъ отдала. Бабка дятѣнка узяла, а поткинула собачанѣнка. Здѣлали яны тому дятенку склепъ, засадили яго туды и пустили на рѣчку. Плывъ ёнъ, плывъ, и пераймая яго дѣдъ рыболовацъ. Перанявъ ёнъ той склепъ и нясе домовъ: во, кажа, бабъ, я што перанявъ на водѣ! Разбили яны той склепъ, ажъ тамъ дятѣнокъ. Яны и кажать: «во, слава табѣ, Богу: ня було у насъ дятей, а тяперака й у насъ буля!» И живутъ, догладаять того дятѣнка. Дѣдъ зновъ рыбу лова.

А тья сѣстры яе и другія старшины послали тому цару письмо, и сказали: «што, воть, твоя жава родила щанѣнка!» Прияжджая царъ. Полядѣвъ—такъ и ё, щанѣнокъ! Ёнъ простивъ ето ёй. Пожили ще трохи, царъ изновъ поѣхавъ у прочая царство. А жонка безъ яго изновъ родила сына. Тья сѣстры поткупили такъ жа само бабку. Бабка дятѣнка того узяла да имъ отдала, а породиси поткинули котянѣнка. Яны того дятѣнка узяли да зновъ у склепъ, и пустили по водѣ. А дѣдъ рыболовацъ перанявъ той склепъ и принося домовъ. «Во, бабъ, я ще штось перанявъ на водѣ!» Разбили яны той склепъ,—тамъ зновъ дятѣнокъ. «Во, слава табѣ, Богу, ще дятѣнокъ ё!» Стали и того годовать. И зновъ дѣдъ ставъ ходитъ ловить рыбы.

А тья зновъ отослали цару письмо, хвалатца: што твоя жонка родила котянѣнка! Царъ, побывши, приѣхавъ. Полядѣвъ—ажъ и правды котянѣнокъ. И захотѣвъ енъ ёй муку здѣлать. Пошовъ енъ къ санаторщикамъ, штобъ яны разсудили на яе мѹку якую-небудъ. Санаторщики яму кажать: нѣ, някай сабѣ живе на воли! Ето отъ Бога, ну ня 'тъ такого чаго-небудъ!.. Царъ простивъ и етый разъ. Пожили яны ще годъ, царъ зновъ поѣхавъ у прочая царство. А царица тутъ безъ яго родила дочку. Тья сѣстры яе поткупили зновъ бабку, бабка и поткинула лягушку. А тую дѣвочку узяла да имъ отдала. Яны яе такъ жа само у склепъ, и пустили на рѣчку. Дѣдъ той рыболовацъ перанявъ склепъ и нясе домовъ. «Во, кажа, бабъ, я ще штось перанявъ на водѣ!» Разбили яны той склепъ, ажъ тамъ дѣвочка. Дѣдъ той и кажа: «слава табѣ, Богу! у насъ уже троя дятей ё!» Стали яны годовать ихъ за дятей, и яны живутъ у ихъ и почитаятъ дѣда за батьку, бабу за матку.

А сѣстры послали цару: «што твоя царица родила лягушку!» Царъ побывъ днёвъ два, ти боли, и приѣхавъ домовъ. Полядѣвъ—такъ и ё, лягушка! Вялѣвъ тогда царъ выкласть каминный стовпъ, и заклавъ туды царицу, только голову пустивъ на волю. И дававъ ёй потрошку їсть: хунтъ хлѣба, хунтъ воды у день, боли ничога.

Той дѣдъ рыболовацъ изъ бабой померли, стали жить одны дѣти. Живутъ сабѣ утrophъ браты и сѣстра, и повырастали. Браты ходять на 'хвоту, а сѣстра наваря имъ обѣдать да вячерать. Такъ и жили. Отъ, поживши ти много, ти мало такъ, насадила тая сѣстра сабѣ садъ. И ў тымъ сади ё усякая красочка и ўсякое древо. Отъ разъ, пошли браты на 'хвоту, а яна вышла у свой садъ. Ходя по саду, расхажуя, красуетца, любитца, сама съ собой разговаруя: чаго, говора, у мяне тутъ няма? Усё ёстяка, чаго души заўгодно! А сатана проклятый и почувъ. Скинувся старымъ дѣдомъ и кажа ёй: «а воть чаго, кажа, красавица, няма у твоёмъ саду: дерава паяющаго, птаха говорущаго и крынички!»—Правды, правды, кажа: етого у мяне

яна. А дѣ жъ яго можно достать? Сатана проклятый и кажа: «а можно яго достать на такой и такой горѣ!» И пошовъ. Отъ, увечари пришли браты, сястра и разсказуя усѣ, што було. Тогда большій братъ кажа: пойду-тка я пошукаю!—А иди сабѣ зъ Богомъ! Пошовъ той братъ. Ишовъ, ишовъ—подыхода къ горѣ. Отъ, и чутно здаляку, што хтось сядить подъ горою да й кричит: «куды, щанёнокъ? куды?» А ето той самый сатана проклятый. Подыхода енѣ, а сатана проклятый кажа: «я думавъ, што ето щанёнокъ, ажъ ето во якій добрый молодець! Ну, куды жъ тябе Богъ нясе?» Енѣ кажа: туды и туды, за такимъ дѣломъ и такимъ!—«Нѣ, кажа сатана: ня достать табѣ!»—Ну, што будя, дыкъ будя, а пойду!—«Ну, иди сабѣ, да ляди жъ, назадъ ня 'зирайся, хоть якъ табѣ будя!» Отъ енѣ и пошовъ. Шовъ, шовъ, а тутъ унизу музыка играя, у бубны бьют, кричати... Енѣ ня ўтерпивъ, зиръ назадъ—камянямъ и лёгъ!

Отъ, назаўтраго пошовъ другій братъ. Ишовъ, ишовъ, сатана той изновъ кричить: куды, котёнокъ, куды? Подыхода енѣ къ тому чорту, енѣ и кажа: «я думавъ—котёнокъ, а ето во якій добрый молодець! Ну, куды жъ тябе Богъ нясе?»—А туды й туды, за такимъ и такимъ дѣломъ!—«Нѣ, ня дойти табѣ туды, твой братъ уже ляжить тамъ!»—Ну, однакъ, што будя, дыкъ будя, а пойду!—«Ну, иди сабѣ, да ляди жъ, назадъ ня 'зирайся, хочъ якъ табѣ будя!» Енѣ и пошовъ. Шовъ, шовъ, а тутъ музыка играя, у бубны бьют, кричати... Пройшовъ енѣ шаги два за брата, и ня ўтерпивъ—зиръ назадъ,—такъ камянямъ и лёгъ!

Отъ, на третій день—няма братовъ. Пошла сама сястра. Узяла ваты у карманъ, бутылочку и платокъ большій, да й пошла. Иде, иде, доходя до того мѣста, идѣ кричавъ сатана. Чутно изновъ кричит: куды, лягушка, куды? Подыхода къ ямѣ, енѣ и кажа: я думавъ—лягушка, ажъ ето во якая красотка! Ну, куды жъ тябе Богъ нясе? Яна кажа: туды и туды, за такимъ дѣломъ и такимъ!—«Наўрадъ, коли бъ табѣ достать! Тамъ уже твоѣ браты ляжати!»—Ну, да што будя, дыкъ будя, а пойду!—«Ну, иди сабѣ, только ляди жъ, назадъ ня 'зирайся, хоть што табѣ будя!» Отъ, яна ватой вуши заткнула, платкомъ голову завязала да й пошла. Тутъ, музыка играя, у бубны бьют, въ барабаны бьют, а ей и нячутно ничего. Пошла яна и пошла. Узыйшла на горѣ, зачерпала воды у бутылочку у крыничцы, выкопала древо пясная, узяла уловила птаха говорущаго, увяртѣла ў платокъ и понясла. Иде зъ горы, и дѣ только камёнычкѣ ляжати, яна и помажа водицай зъ бутылочки той камёнычкѣ,—съ камёнычика стана чаловѣкъ. Камёнычиковъ сто яна помазала, и чаловѣкъ сто услѣдъ за ей пошли. Подыйшла яна къ двомъ большимъ камнямъ, помазала яна тые камни—а то яе браты ляжали—якъ помазала, яны и ўстали: ахъ, кажать, сладко икъ мы заснули! А сястра кажа: «на вѣкъ ба вы заснули, коли бъ ня я. Ну, ходемтя жъ домовъ!» Пошли яны домовъ. Посадила яна тое древо, пустила птаха, выкопала ямку и ўлила туды водицу зъ бутылки, и здѣлалась крыница. Отъ, яны и живути. Вокно расчинять, а птахъ узлятить на окно да й заговора, а древо пие—весяло ў саду. Стали браты узновъ ходить на хвоту, а сястра обѣдать готуя. Собралися разъ уси обѣдать, расчинили окно, птахъ узлятѣвъ на окно и заговоривъ: «позовитя-тка вы цѣра къ сабѣ ў гости, и зжарти яму щанёнка, котанёнка, лягушку

да лягушкины монисты. Жартя да й поставтя, няхай ёсти!» Сястра кажа: идтя, позовитя! Браты пошли звать, а яна жарила шанёнка, котянёнка, лягушку, да лягушкины монисты. Приходя царь. Поставили яму жараное ето на столъ, посадили яго за столъ; расчинили вокошко, птахъ и ўзлятѣвъ на вокошко. Узлятѣвъ и заговоривъ: «позвали цара и поставили перадъ имъ шанёнка, котянёнка, лягушку и лягушкины монисты... Ъжъ, штобъ тябе пранцы ѣли! Ето твоѣ дѣти, да жонкины слёзы!» Да й почавъ разсказувать, якъ што було. Доказавъ дотуля, што ето яго дѣти: дѣвка и два хлопцы. Царь узрадовася, ставъ ихъ обнимать, цалувать.

Кинули яны усѣ и поѣхали домовъ, къ царю. Захвативъ ёнъ [живую щѣ свою жонку, вьлѣвъ разбить скорѣй стовпъ. Слуги разбили, вынули яе. Царь привязавъ къ одному жарабцу одну сястру яе къ хвосту, къ другому другую, а къ третьему бабку, и пустивъ жарабцовъ у поля. Жарабцы поразносили ихъ, куды рукъ, куды ногъ, куды голову—сами прибѣгли пороженіе. Отъ, царь ставъ жить зъ жонкой, зъ дятми, у своимъ царствіи. И тяперъ дѣсь *предки* того цара живути тамъ.

С. Переростъ, юм. у. Кр-нъ Василій Ермоленковъ.

62. Сынъ Хороборъ.

Живъ бывъ кроль и ў яго було три дочи. А ў другого кроля бывъ одинъ сынъ. И ёнъ поѣхывъ у сваты къ меньшей королевнѣ. Большіи хоцѣли, капъ ёнъ ихъ узавъ, и стали хвастываць. Тоды большая скызала: я съ однэй кужалинки вытку тритцыцъ пыстаывъ исъ пыставомъ! А сяреднія кажець: а я съ одной шпанички спяку тритцыцъ пироговъ исъ пирожкомъ! А меньшая кажець: «а я роджу тритцыцъ сыновъ и сына Хыробора—уво лбѣ звѣзда, у потылицы мѣсицъ, по поисъ у злыци, по колѣни [ў сѣребри.» Ёнъ узавъ меньшую сястру замушъ. Пожили яны троху, поѣхывъ царевичъ у другое—прочее царство. А йна родзила тритцыцъ сыновъ и сына Хыробора—уво лбѣ звѣзда, у потылицы мѣсицъ, по поисъ у злыци, по колѣни ў сѣребри. Пыслала ина къ мужу къ своему письмо слугой, а слуга зайшовъ къ сяредней сястрѣ. Тая сястра ныкормила яго, ныпоила и спаць пыложила, а сама переписала письмо, и написала, што родзила тритцыцъ щенюковъ и щенюка палудзиваго и паршиваго. Нызаўтри ўнова ныкормила яго, ныпоила и отдыла письмо. Принѣсъ ёнъ царю письмо. Царь прычитавъ, и отписавъ: «яки яны ёсь, капъ ды мойго пріѣзду ня были трачены!» Слуга тэй якъ ишовъ нызатъ, ящо зайшовъ къ сяредней сястрѣ. Ина йго опяць ныкормила, ныпоила и спаць пыложила, а сама письмо переписала, и ныписала: «яки яны ёсь, капъ умѣси зъ ёй ды мойго пріѣзду были заковыны у зелѣзную бочку и пущены на моря!» Яны такъ и здѣблыли: зыкували и пусцили на моря... Царь, пріѣхывши, и ўзавъ къ сабѣ своячину.

А яны плавыли, плавыли у бочцы, тоды сынъ Хыроборъ кажець: «о Госпыдзи, капъ узнилася хвилія и прибила насъ къ берягѣ, а бочку разбила!» Плыл яны, плыл, и приплыл къ острову. Бочка разбилися и яны вышли на бережъ острыва. На тымъ островѣ тыкая пуца-драмуца, што не ўздумыць, не ўзгыдаць, не ў прикызи скызаць. Яны тутъ ходзили, ходзили, тоды сынъ Хыроборъ кажець: «о Госпыдзи,

капъ тутъ бывъ нашъ горытъ (городъ)!» Лягли яны спаць. Нызаўтри устаюць, ашъ горытъ такіъ тамъ, што усякого пріянту (провіянту) ёсь. Стали яны тамъ жиць: матка сидзиць, у книшку читаець, Богу молитца, а тритцыць сыновъ кытаюць зылатое яблычко и не скажуць одзинъ на 'днаго—брэдзишъ! Ишли кылы того острыва кырабли. Тоды сынъ Хыроборъ кажець: «крэньщики моё, кырабельщики, заёдзья вы пыладзиця мойго горыда, повидайця мойго дзива!» Яны пыходзили, пыладзѣли. Тоды сынъ Хыроборъ кажець: «нечимъ мнѣ васъ дариць, дарую я васъ коткомъ!» А котокъ прыхъ у кырабель! Пріѣхыли яны къ царю. Царъ кажець: «милы моё крэньщики—кырабельщики! Вы ѣдзили по свѣту, ци ня видзѣли вы якого дзива?»—Ахъ, кролю нашъ навывшайшій! Дзяды и прадзѣды ѣдзили, а такога дзива ня видзѣли, якъ мы видзѣли. Бывъ островъ; на имъ была пуца-драмуца тыкая, што не ўздумыць, не ўзгыдаць, не ў прыкызи скызаць. А цяперъ тамъ горытъ такіъ, што ёсь усякого пріянту. А ў тымъ горыдзи паня у книшку читаець, Богу молитца, тритцыць сыновъ кытаюць зылатое яблычко, и не скажуць одзинъ ны 'днаго—брэдзишъ! Ящо ёсь сынъ Хыроборъ—уво лбѣ звѣзда, у потылицы мѣсиць, по поисъ у зольцы, по колѣни ў сѣребри. Во дзиво! Царъ хоцьвѣ ѣхыць туды, а своячнина кажець: «ай, во дзиво! Во то дзиво, што ёсь на дзевятымъ царсцѣви, на дзевятый зямлицы кыза пыбапыль (побаполъ) озера: на 'днымъ рогу прутъ (прудь—мельница), на другимъ мость, и на двынатцыць камяневъ мелюць. Усякого пріянту тамъ ёсь! Во то дзиво, а ето што за дзиво?» Царъ и не поѣхывъ.

Кырабельщики выбрали тывару и поѣхыли нызатъ. Опяць ѣхыли кылы острыва. Тоды тэй котокъ прыхъ на 'стровъ, и побѣхъ у горытъ. Сынъ Хыроборъ кажець: «а што, котусь: што повѣдзявъ татусь?»—А што повѣдзявъ татусь: татусь хоцьвѣ ѣхыць, а цятуса (тетуса—тетя) скызала: ай, во дзиво! Во то дзиво, што ёсь на дзевятымъ царсцѣви, на дзевятый зямлицы ёсь кыза пыбапыль озера: на днымъ рогу прутъ, на другимъ мость, на двынатцыць камяневъ мелюць и ўсякого пріянту тамъ ёсь! Енъ и остыновився!.. Ставъ ужо вечеръ, лягли яны спаць, а сынъ Хыроборъ вышовъ вонъ и кажець: «о Госпыдзи, капъ гето стало за нощъ тутъ!» Нызаўтри ёсь у ихъ кыза пыбапыль озера, на днымъ рогу прутъ, на другимъ мость, на двынатцыць камяневъ мелюць.

Идуць кырабли. Тоды сынъ Хыроборъ кажець: «милы моё крэньщики-кырабельщики! Заёдзья ко мнѣ, пыходзиця по горыду, повидайця мойго дзива!» Яны зайшли, пыходзили, пыладзѣли. Сынъ Хыроборъ кажець: «нечимъ мнѣ васъ дариць, дарую я васъ коткомъ!» А котокъ прыхъ у кырабель! Яны и поѣхыли. Пріѣжжаюць яны къ царю. Царъ кажець: «милы моё крэньщики-кырабельщики! Вы ѣдзили по свѣту, ци ня видзѣли вы якого дзива? Кырабельщики кажудъ: «кролю нашъ навывшайшій! И дзяды и прадзѣды ѣдзили, а такога дзива ня видзѣли, якъ мы видзѣли! Бывъ на морі островъ; на островѣ была тыкая пуца-драмуца, што не ўздумыць, не ўзгыдаць, не ў прыкызи скызаць. А цяперъ ны стровъ такіъ большій горытъ, што ёсь у имъ усякого пріянту. Сядзиць тамъ паня, у книшку читаець—Богу молитца, а тритцыць сыновъ кытаюць зылатое яблычко и не скажуць одзинъ ны 'днаго—брэдзишъ! И ящо ёсь сынъ Хыроборъ—уво лбѣ звѣзда, у потылицы мѣсиць, по поисъ у зольцы, по колѣни ў сѣребри. Ящо ёсь кыза пыбапыль озера, на днымъ рогу прутъ,

на другимъ мостъ—на двынатцыцъ камяневъ мелюцъ!» Царь только хоцѣвъ ѣхыцъ туды, а своячина кажець: «ай, во дзиво! Во то дзиво, што ёсь на дзеватымъ царсцѣви, на дзеватый зямлицы воперь—загуберь: лычемъ орэць, вушамы вѣецъ, хвостомъ засѣваецъ: а за имъ и варитца и снигаритца: чего живъ челоуѣкъ, того ёсь!» Царь и остыновився.

Выбрали кырабельщики тывару и поѣхыли. Ъхыли кылы того острыва, котокъ брыкъ на 'стровъ, и побѣхъ у горытъ. Сынъ Хыроборъ кажець: «а што, катусь, што повѣдзавъ татусь?»—А што повѣдзавъ татусь: татусь только хоцѣвъ ѣхыцъ нашаго дзива глядзѣць, а цятуса скызала: «ай, во дзиво! Во то дзиво, што ёсь на дзеватымъ царсцѣви, на дзеватый зямлицы воперь—загуберь: лычемъ орэць, вушамы вѣецъ, хвостомъ засѣваецъ; за имъ и варитца и снигаритца: чего живъ челоуѣкъ, того ёсь!» Ёнъ и остыновився!... Ставъ ужо вечеръ, лягли яны спаць. Сынъ Хыроборъ вышовъ и кажець: «о Госпыдзи, капъ гето стало за ночь тутъ!» Нызаўтри ёсь воперь—загуберь, ходзиць по горыду, лычемъ орэць, вушамы вѣецъ, хвостомъ засѣваецъ; за имъ и варитца и снигаритца: чего живъ челоуѣкъ, того ёсь!

Идуць кылы того острыва кырабли. Тоды сынъ Хыроборъ кажець: «милыи моё крэнъицци-кырабельщци, заѣдзѣця вы ко мнѣ! Пыходзиця вы по горыду, пыладзиця вы мойго дзива!» Яны зайшли, пыходзили, пыладзѣли. Тоды сынъ Хыроборъ кажець: нечимъ мнѣ васъ дариць,—дарую я васъ коткомъ! А котокъ прыхъ у кырабел! Яны й поѣхыли. Пріѣхыли яны къ царю. Тоды царь кажець: «милыи моё крэнъицци-кырабельщци! Вы ѣздзили по свѣту, ци ня видзѣли вы якого дзива?»—Кроля нашъ навывшнѣйшій! дзяды и прадзѣды ѣздзили, а такога дзива ня видзѣли, якъ мы видзѣли. Бывъ на мори островъ; на тымъ островѣ была пуца-драмуца, што не ўздумыць, не ўзгыдаць, не ў прыкызи скызаць; а цяперъ тамъ горытъ такій большій, што усякыго пріянту тамъ ёсь. И паня сядзиць, у книшку читаецъ—Богу молитца; и тритцыцъ сыновъ кытаюць зылатое яблычко и не скажуць адзинъ ны днаго—брэдзишъ! Ящо ёсь сынъ Хыроборъ—уво лѣъ звѣзда, у потылицы мѣсиць, по поныс у золыци, пы колѣни ў сѣребри. Ящо ёсь кыза пыбалымъ озера: на днымъ рогу пруть, на другымъ мостъ, на двынатцыцъ камяневъ мелюць. Ящо ёсь воперь—загуберь: лычемъ орэць, вушамы вѣецъ, хвостомъ засѣваецъ; за имъ и варитца и снигаритца: чего живъ челоуѣкъ, того ёсь!.. Царь хоцѣвъ ѣхыцъ туды, а своячина кажець: «ай, во дзиво! Во то дзиво, што ёсь на дзеватымъ царсцѣви, на дзеватый зямлицы пярсцѣныкъ зъ рушнючкомъ. Яго якъ чернѣшъ (тернѣшъ—потрѣшъ)—выскычиць двынатцыцъ мылойцовъ: яны й варюць и снигарюць; чего живъ челоуѣкъ, того яны дыставюць!» Царь и остыновився.

Кырабельщци выбрали тывару и поѣхыли. Ъхылы кылы того острыва, тэй котокъ прыхъ на 'стровъ и побѣхъ у горытъ. Сынъ Хыроборъ кажець: «а што, катусь, што повѣдзавъ татусь?»—А што повѣдзавъ татусь: татусь только хоцѣвъ ѣхыцъ нашаго дзива глядзѣць, а цятуса скызала: «ай, во дзиво! Во то дзиво, што ёсь у дзеватымъ царсцѣви, на дзеватый зямлицы пярсцѣныкъ зъ рушнючкомъ. Яго якъ чернѣшъ, дыкъ выскычиць двынатцыцъ мылойцовъ: яны й варюць и снигарюць; чего живъ челоуѣкъ, того яны дыставюць!» Ёнъ и остыновився!.. Ставъ ужо вечеръ, лягли яны спаць. Сынъ Хыроборъ вышовъ на дворъ и говориць: «о Госпыдзи, капъ жа тэй пярсцѣныкъ бывъ у насъ!» Нызаўтри й ёсь тэй пярсцѣныкъ.

Идуць кырабли. Сынь Хыроборъ кажець: «милыи моє крэнъшчыки—кырабельшчыки! зафэдзя вы ко мнѣ, пыходзя вы по горыду, пыладзя вы мойго дзива!» Яны зайшли, пыходили и пыладзѣли. Сынь Хыроборъ кажець: нечимъ мнѣ васъ дариць,—дарую я васъ коткомъ! А котокъ прыхъ у кырабелъ! Яны й поѣхыли. Пріѣжаюць яны къ царю. Царъ кажець: «мылыи моє крэнъшчыки—кырабельшчыки! Вы фэдзили по свѣту, ци ня видзѣли вы якого дзива?»—Ахъ, кролю нашъ навывшійшій! И дзяды и прадзѣды фэдзили, а такого дзива ня видзѣли, якъ мы. Бывъ на мори островъ; на тымъ островѣ была пуща-драмуша, што не ўздумыць, не узгадаць, не ў прыкызи скажаць. А цяперъ горыць такій, што усяго тамъ ёсь, усякого прыянтъ. И садзиць тамъ паяя, у книшку читаець, Богу молитца; тритцыць сыновъ кытаюць зылотое яблыку, и не скажуць одзинъ ны дваго: бредзишъ! Ящо ёсь сынь Хыроборъ,—уво лбѣ звѣзда, у потылицы мѣсиць, по пойсъ у зольци, пы колѣни у серебри. Ящо ёсь кыза пыбапыль озеръ: на днымъ рогу пруть, на другимъ мостъ, на двынатцыць камяневъ мелюць,—усякого прыянтъ тамъ ёсь. Ящо ёсь воперь-загуберь, лычемъ орець, вушамы вѣецъ, хвостомъ засѣваецъ, а за имъ и жаритца и снигаритца: чего живъ челоувѣкъ, того ёсь. Ящо ёсь парсѣеныкъ зъ рушнючкомъ. Яго яць цернѣшъ—высычиць двынатцыць мылойцовъ: яны й варюць и снигарюць, чего живъ челоувѣкъ, того яны дыстывляюць!... Царъ хоцьвѣ фыхць туды. А своячнина кажець: «кыли шъ Хыроборъ такій, хай ёнъ здзѣлыецъ мостъ—зылотая мостничинька и серебряныя; кылы того моста капъ были жовнеры, капъ были сады—виныграды, капъ у тыхъ садахъ зыморскіи коты басни байли, пташки райскіи пѣсни распѣвали. И тѣй мостъ капъ бывъ отъ того острыва ды царскыго двыра. Тоды мы поѣдземъ туды!» Царъ и остыновися.

Выбрали кырабельшчыки тывару и поѣхыли. Фыхыли кылы того острыва, а котокъ скокъ на вострывъ, и побѣхъ у горыць. Сынь Хыроборъ кажець: «а што, катусь,—што повѣдзявъ татусъ?»—А што повѣдзявъ татусъ: татусъ тольки хоцьвѣ фыхць, а цятуся скызала: «кыли ёнъ такій, хай здзѣлыецъ мостъ—зылотая мостничинька и серебряныя, и капъ пыбапыль того моста были жовнеры и сады-виныграды, а ў тыхъ сыдахъ капъ зыморскіи коты басни байли, райскіи пташки пѣсни пѣди. И капъ тѣй мостъ бывъ отъ того острыва ды царскыго двыра. Тоды мы поѣдземъ!» Царъ и остыновися.

Ныставъ ужо вечеръ, лягли яны спаць. Сынь Хыроборъ вышовъ на дворъ и кажець: «о Госпыдзи, капъ жа гетый мостъ бывъ!» Цернувъ парсѣеныкъ изъ рушнючкомъ, выскочило двынатцыць мылойцовъ. Сынь Хыроборъ имъ приказыецъ: капъ бывъ такій и такій мостъ! Нызаўтри и ёсь мостъ отъ того острыва ды царскыго двыра. Тоды яны—царъ и своячнина—поѣхыли туды. Пріѣжаюць яны туды, царъ яць пыладзѣвъ, ажны гето яго жонка, яго дзѣци. Тоды енъ узавъ, своячнину на коньскихъ хвостахъ рызорвавъ, а зъ ёй ёнъ ставъ жиць ды поживаць, ды добра ныживаць.

Д. Томашонки, остров. вол. спыннен. у. Кр—нъ Иванъ Өоминъ, 68 лѣтъ, негр. Въ селѣ *Высокомъ Городцѣ*, того же уѣзда, въ 70 вер. отъ д. Томашонокъ сказка эта начинается такъ:

«Было у матки три дочки. Была яна удовою, жила яна сяротъ лѣсу. Бывъ такой король, любивъ енъ на полюванья фэдзиць. Пріѣхавъ енъ у тѣй лѣсѣ. Скольки-тамъ енъ охоцився сяротъ лѣсу, видзиць—хатка стоиць. Пославъ енъ туды своего послу,

послухаць, што у тэй хатцы гомонюць. Ашъ ббольшая дочка говориць: «капъ мяне тэй король узавъ замушъ, што тутъ по полюванню ходзиць, я пъ яго однимъ повесомомъ усё войско одзёла!» Другая говориць: «капъ мяне тэй король узавъ, я пъ яго одной ниткой усё войско опшила!» Третьяя говориць: «капъ мяне король узавъ, апъ яму родзила два сыеки, якъ соколки, и дочушку—золотую коску!..»

Царъ оженился на третьей дочери. Затёмъ слѣдующія варьяціи: Сестра одного сынка сдѣлала оборотнемъ. Первымъ дивомъ для купцовъ была царская жена, *одинъ сынъ* ея и дочь, которыхъ они нашли на пустынной дотолѣ «выспѣ.» Вторымъ дивомъ было появленіе *двухъ* сынковъ соколковъ и дочери. Третьимъ—котъ баюнъ на столбѣ: вверхъ идетъ—байки баеъ, а внизъ идетъ—пѣсни поетъ. Четвертымъ—«гайдукъ, што шагъ шагнецъ—сто вёрсть, што брыкъ брыкнецъ—повтораста вёрсть!» Подслушиваль рѣчи царя и «швагерки» сынъ, дѣлавшійся соколкомъ по желанію матери: «обярнися, сынокъ, соколкомъ, яци къ татку, къ давнѣйшей пѣденьцы, цяперашней мамянцы,—послухай, што ў татки говорудъ!..» Мостъ строилъ гайдукъ по желанію самихъ дѣтей, для облегченія пути отцу.

Сказки въ Бѣлоруссіи рассказываются исключительно въ зимніе долгіе вечера, и преимущественно въ «святые вечера»—съ 25 декабря по 6 января, въ которые всякія работы, даже легкія, воспрещаются. Они всецѣло посвящаются веселью, играмъ. Среди игръ не последнее мѣсто занимаетъ игра въ орѣхи, „въ цотъ ай лишку“ (русск. четъ или нечетъ). Близъ г. Сѣяна, въ д. *Латыголь*, вышеприведенная сказка рассказывается именно въ связи съ игрою въ цотъ ай лишку. Приводимъ ее здѣсь въ виду этого:

б, Было у бацьки три дочкы: голысь у голысь, волысь у волысь, лицо ў лицо. Сплевъ имъ бацька по лубучцы, пошли яны у лѣсъ по грипки. Якъ ставъ иди дожджъ насильный, сѣли яны подъ бярэзиный. Дужо сильный дожджикъ ишовъ, ашъ побѣгла рѣчка черазъ царскій дворъ. Пыславъ тоды царъ свою слугу: откуль гэта рѣчка идзець? Ёдзець слуга, ашъ стоиць бярэзинка, подъ тэй бярэзинкый сядзиць три дзѣвицы. Одна сястра кажець: кыли пъ мяне царъ узавъ замушъ, я пъ яму войску усю одзёла! А другая сястра кажець: кыли пъ мяне царъ узавъ замушъ, я пъ яму войску усю окормила! А третьяя сястра кажець: кыли пъ мяне царъ узавъ замушъ я пъ родзила яму сына—на лбѣ мѣсиць, въ нотылицы зорки! Тоды слуга тэй поѣхувъ и разкызавъ цару. Царъ яму кажець: ёдзъ, возми тую, што скызала: роджу сына, на лбѣ мѣсиць, въ потылицы зорки. Слуга тэй поѣхувъ и привёзъ. Царъ и оживисъ. Пожили троху, царъ и поѣхувъ на дальнюю границу. А яго жонка родзила сына—на лбѣ мѣсиць, въ потылицы зорки. Написала яна листъ и послала слугой до своего мужа. Слуга поѣхувъ до цара и заѣхувъ къ яе сясстрѣ на ночь. Сястра ўзяла, листъ прочитала, и ўкинула тэй листъ у печь, а отписала листъ, што родзился ни собачовокъ, ни лягушонокъ. Царъ прочитавъ листъ и отписавъ: «што родзилось, нехай гудетца!» Слуга поѣхувъ и заѣхувъ знова къ сясстрѣ на ночь. Сястра ўзнава листъ прочитала, укинула тэй листъ у печь, а отписала: «собраць треба бовдаровъ, здзѣлыць бочку и просѣчь воконцо, ўсадиць туды того рабѣшка и пусциць яго на мора!» Прочитали листъ тэй, здзѣлыли бочку, просѣкли воконцо и пусцили рабѣшка на мора. Яго маць пышла кыло мора, ходзиць ли мора й плачець. А яе сястра пришла у дворъ и стала жиць ны яе мѣсці. Царъ пріѣхувъ и ставъ жиць зъ ёй.

А тѣй малецъ вышовъ зъ бочачки, ды ня росъ пы годахъ, ды по часахъ. Енѣ построивъ своей матцы на мори крылцо и черазъ мора двѣ кладычки: одна кладычка зылотая, а другая сяребраная. По гѣтыхъ кладычкахъ енѣ пошовъ икъ матцы. «Мамка, пойдземъ: сянъни свадьба у мойго татки зъ мойй цѣткой!»—Мой сыночакъ! куды мы пойдземъ, насъ яны прогонюць!—«Ня бось, мамка, не прогонюць! Надзѣнь, мамка, старенькій армякъ, завярци на гылыву старую хвустку!» Здзѣлывъ сабѣ лясковенькую скрышку, и пошли къ цару на вяселья. Подыйшовъ енѣ пыдѣ вокошко и зайгравъ у скрыпучку дужо пригожо. Почувъ царъ тѣй, што пригожо нѣхто йграецъ: «Возьмемъ, кажець, гѣтыго музыку!» А жонка кажець: нѣ, ня треба браць!—«Нѣ, кажець, возьмемъ—пригожо играецъ!» Яны яго ўзяли. «Идзи, мамка, сядзъ за печный, а я пойграю!» Унѣсь царъ тѣй коронку орѣхувъ: «а хто гѣты орѣхы отгыдаецъ, опишу я тому пуловина царства!» И никто ня ўзався. Тольки тѣй малецъ кажець: «я отгыдаю!» Цѣтка яго закричала: «ты ня тгыдаешъ!» Ны яе уси крикнули: «нѣ, нехай отгадынецъ!» Енѣ ставъ отгадываць:

Было ў бацьки три дочкй—цотъ пара орѣшкувъ!
Голысь у голысь, волысь у волысь—цотъ пара орѣшкувъ!
Сплѣвъ имъ бацька по лубучцы—цотъ пара орѣшкувъ!
Пошли тыя дочки у грибы—ц. п. о! Пошовъ дужо сильный дожджъ—ц. п. о.
Сѣли яны пыдѣ бярэзинкый—ц. п. о. Дужо сильный дожджъ ишовъ—ц. п. о.
Аштъ побѣгла рѣчка черазъ царскій дворъ—ц. п. о. Царъ пославъ свою слугу—ц. п. о.
Откуль пошла гѣта рѣчка—ц. п. о. Ъдзець слуга, стоиць бярэзинка—ц. п. о.
Подъ тѣй бярэзинкый сядзиць три дзявнцы—цотъ пара орѣшкувъ!
Тоды большая скызала—ц. п. о. Капъ мяне царъ узавъ замушъ ц. п. о.
Я пѣ яму одѣла усю войську—ц. п. о. А сяреднія скызала—ц. п. о.
Капъ мяне царъ узавъ замушъ—ц. п. о. Я пѣ усю войську окормила—ц. п. о.
Тоды меньшая скызала—ц. п. о. Капъ мяне царъ узавъ замушъ—ц. п. о.
Я пѣ родзила яму сына—ц. п. о. На лѣбѣ мѣсиць, вѣ потылицы зорки—ц. п. о.
Слуга тѣй поѣхувъ и скызавъ царю—цотъ пара орѣшкувъ!
Царъ приказавъ узяць тую—ц. п. о. Што кызала: роджу сына—ц. п. о.
На лѣбѣ мѣсиць, вѣ потылицы зорки—ц. п. о. Слуга поѣхувъ, узавъ дзѣвку—ц. п. о.
Привѣзъ къ цару, царъ и жанився—ц. п. о. Тоды царъ поѣхувъ ны границу—ц. п. о.
Яго жонка родзила сына—ц. п. о. На лѣбѣ мѣсиць, вѣ потылицы зорки—ц. п. о.
Тоды ина написала—ц. п. о. Што родзила сына—ц. п. о.
На лѣбѣ мѣсиць, вѣ потылицы зорки—ц. п. о. И пыслала слугой къ цару—ц. п. о.
Слуга заѣхувъ къ яе сястрѣ—ц. п. о. Ина ўзяла, прочитала—ц. п. о.
Ды ўзяла листъ, кинула ў печку—ц. п. о. Ды написала, што родзился—ц. п. о.
Ни собачанёныкъ, ни лягушанёныкъ—цотъ пара орѣшкувъ!
Царъ прочитавъ листъ и отписавъ—ц. п. о. Што родилося, нехай годуецца—ц. п. о.
Слуга заѣхывъ зновъ къ сястрѣ на ночь—цотъ пару орѣшкувъ!
Ина прочитала и написала—ц. п. о. Сыбраць бондаровъ, здзѣлыць бочку—ц. п. о.
Ўсадиць туды мальчика, и пусциць на мора—ц. п. о. Такъ яны и здзѣлыли—ц. п. о.
И пусцили на мора мальчика—ц. п. о. Яго матка пышла ходзейць кыло мора—ц. п. о.

Хѣдзиць ли мора, сама плачець—ц. п. о. А яе сястра пошла жиць на яе мѣсто—ц. п. о.
 Тоды тѣй малецъ вышовъ зъ бочки—ц. п. о. И ня росъ пы годахъ, а пы часахъ—ц. п. о.
 И построивъ сяротъ мора ганыкъ—ц. п. о. Своей матцы—цѣтъ пара орѣшкувъ!
 И черазъ мора двѣ кладычки—ц. п. о. Одна сяребраная—цѣтъ пара орѣшкувъ!
 А другая зылотая—ц. п. о. А царь прѣхывъ й оживяся зъ яе сястрой—ц. п. о.
 Я почувъ, што у мойго татки свадьба—ц. п. о. И скывавъ мамки—ц. п. о.
 Пойдемъ къ татку ны вяселья—ц. п. о. Мамка кажець—ц. п. о.
 Якъ мы пойдемъ—ц. п. о. Яны насъ прогонюць—ц. п. о.
 Ня бось, мама, не прогонюць—ц. п. о. Надѣнь старый армячокъ—ц. п. о.
 Завярци гылыву ў старую хвусту—ц. п. о. Я отрѣзывъ—ц. п. о.
 Лясковенькую искрыпочку—ц. п. о. Подышовъ пыдъ окно—ц. п. о.
 И заигравъ красивенько—ц. п. о. И почувъ татка—ц. п. о.
 И вялѣвъ ўзяць гѣтыго музыку—ц. п. о. Жана яго ня хоцѣла—ц. п. о.
 А царь кажець: вѣзьмемъ—ц. п. о. Дужо красиво йграецъ—ц. п. о.
 Яны мяне ўзяли—ц. п. о. Я скывавъ мамки—ц. п. о.
 Идзи, мама, сядзъ за печкый—ц. п. о. Тоды царь унёсъ коронку орѣхувъ—ц. п. о.
 А хто гѣты орѣхи 'тгыдаецъ—ц. п. о. Опишу тому пуловина царства—ц. п. о.
 Нихто не ўзявся—ц. п. о. Тольки я ўзявся—цѣтъ пара орѣшкувъ!

Пераличивъ уси орѣхи, ды шапычку зъ гылывы и знявъ—а ў яго на лбѣ мѣсиць,
 а вѣ потылицы зорки! Тоды цѣтку яго привязали къ коньскому хвосту и разырвали
 ны часци, а зъ ими царь ставъ жиць ды поживаць, ды добра ныживаць.

Кр—ка Марья Николаева Ср. Чуб. 40.

64. Кроль и дочка.

Живъ сабѣ кроль.... Коли-то, богъ зная коли, кроли тые были!.. И заўдовѣвъ.
 И была у яго зроду одна дочаръ: матчинъ голосъ, матчинъ и волосъ, матчина кра-
 са, матчинъ ростъ. И яна у яго, у кроля, была любимая дочаръ, одна зроду. И
 ўлюбився кроль у роднаю дочку, у любимыя дочи своѣ: любимая моя дочь, хѣчу
 ожанитца! Дочь отвѣчая: «любимый бацюшка мой, жаницесь сабѣ зъ богомъ, богъ
 вамъ нехай позволяя!» И засталися матчины чаравики и золотый пярсецѣнокъ. Кроль
 и говора: дочь моя любимая, вынь мнѣ изъ скрыни матчинъ золотый пярсецѣнокъ и
 чаравички. Того я за сябе возьму, кому пярсецѣнокъ и чаравички у часъ придутца.
 Ъздзивъ, ѣздзивъ, мѣравъ, мѣравъ—чаравички то вялики, то малы, пярсецѣнокъ то вяликъ,
 то малъ,—никѣму у часъ не пришлись. Цяперъ, прѣбжжая енъ у дворъ ки своей дочи
 любимой. «Дочь моя любимая, искажу я табѣ усю правду, якъ яно ёсць!»—Бацюшка,
 родзимый, скавайца!»—«Дочь моя любимая, мѣрай матчины пярсецѣнокъ и чаравички!»
 Помѣрала яна—усѣ ў часъ: чаравички ў часъ, пярсецѣнокъ у часъ! «Дочь моя ро-
 дзимая, любимая, хѣчу я съ тобой дружитца!»—Бацюшка мой родзимый, справця мнѣ
 грѣбянь, якъ у неби ясный мѣсяць, за косу закласць! Поѣхавъ кроль, и доставляя
 грѣбянь. Надлужая дочку и хоча зъ ёй дружитца. А дочка думая, якъ ба душѣ спа-
 сиць свою. Яна у школы была,—и на матчину книжачку богу молитца. Осталася матчина

книжачка ёй. «Опецъ мой родимый, справця мнѣ такую хустку, якъ у неби ясное сонца, голову покрыць!» Енѣ сыйчасъ поѣхавъ, и доставивъ ёй хустку, якъ у неби ясное сонца. Надлужая енѣ свою дочку: «дочъ моя родзимая, любимая, што табѣ больше надо?»—Бацюшка родимый, справця мнѣ такое платця, якъ у неби ясныя звѣздочки! Поѣхавъ енѣ, сычасъ и платця доставивъ, якъ у неби ясныя звѣздочки. «Ну, цяперъ, дочъ моя любимая, больше ня треба табѣ ничего, а треба намъ дружитца, треба на шлюби становитца!»—Нѣ, бацюшка родимый, яще мнѣ справця свинный кожушкѣ!... Цяперъ енѣ поѣхавъ, ѣздзивъ, ѣздзивъ, ѣздзивъ, ѣздзивъ—у скоросци не натрапивъ свинного кожушника.

Яна, у томъ дзѣли, дорогая дочъ, усю посуду, уси гроши, усю 'дежу дорогую спаковала у матчину скрыню. Цяперъ вынила зъ матчиныя скрыни бялёвый клубочакъ, зачала ниточкой скрыню за вухо, Богу щиро помолилася, у матчину книжачку бословилася, и спросилася у покойныя маменьки, кабъ маменька бословила яе выбратца зъ бацьковаго дому—«кабъ душѣ мою Богъ спасивъ.» Матка съ того свѣту бословила, нябошца. И Богъ ёй бывъ до помочи, кабъ матчина скрыня ишла за ёй на ниточки,—большая скрыня, сильная, на каточкахъ. Цяперака, выбралася зъ бацьковаго дому наўпроци ночи. Спасивъ яе Спасъ милосьливый!

Якъ вярнувся кроль—нема дочи. Енѣ сыйчасъ описаць своё царство, и съ царства доловъ: самъ сябе змянивъ, безъ пороку; никому не знатно, за што енѣ съ царства рышывся. И у страдѣ пошовъ. Пошовъ енѣ у страдѣ до жизни страждаць (нищенствовать) и душѣ свою спасаць, грѣхъ свой замаливаць. Дочка и свою душѣ спасила и отца своего спасила.

Пошла цяперъ гэта дочъ наўпроци ночи, сама не знала, кольки за ночь увыйшла—и скрыня за ёй ишла,—занялося на раннюю зару. И увыйшла яна у жовтые пяска, й у высокія горы. На высокую горѣ сама ўзыйшла и скрыня за ёй. Разгарнула на високой горѣ жовтый пясочакъ, разгарнула глыбоко, рукамы на колѣнцахъ, закрыла скрыню жовтымъ пясочкомъ. Отыйшлася отъ тыя высокія горы вѣдалеко, отыйшлася, на книжачку молитца и силно плача. Цяперъ, давъ Богъ, дождалася другія ночи. Пришла яна на ночь къ матчиной скрыни, узыйшла на горѣ, ажъ стоиць мижъ горъ домочакъ. Яна сыйшла зъ горы отъ матчиной скрыни и потходзила къ тому домочку подъ вокошко. У тымъ дому живе удова, старенькая старушочка, старенькая. У тые ўдовы одзинъ сынъ изъ роду,—красивый, росливый. Ёнѣ сядзиць на стулку и пиша бумагу. Подыйшла яна подъ вокошко, и на правой рудѣ матчинъ пярсцёнокъ. Подыйшла подъ вокошко, и тольки первый разъ положила на сябе хростъ правой рукой, перахрасцилася, хростъ положила на сябе и сказала: аминъ. Удовинъ сынъ красивый, росливый, вумный и разумный, глянувъ празъ сцякло и убачивъ яе лицо и золотый пярсцёнокъ. Енѣ спрашуетца у маменьки у своѣ—маменька отдыхала на своей лежанцы, на своей кроватцы, старушачка отдыхала:—«Маменька родзимая, дзявчоночка подъ вокномъ у насъ! Маменька родзименька, выйду я къ ёй на гавокъ, позову яе къ сабѣ перъя драць?» Отвѣщая старушачка, родзимая маменька: сыночакъ мой,—Богъ вѣдае, якая дзявчоночка, отеуль?... Цяперъ, по гэтымъ дзѣлу, вышовъ ёнѣ а ганки, давъ ёй правую рукѣ: здравти, дзявчоночка! И яна яму правую рукѣ. Якъ

ухватився за яе правую руку, — парспёночакъ зѣхавъ съ палца у яго у правую руку. Ёнъ яго, золотый парспёнокъ, укладъ у карманъ. Цяперъ дзявчонку повезъ на кухню къ своей послужу. Пришовъ у свой покой, сѣвъ на стулку, и зновъ жа ставъ писаць. По гэтымъ дзѣли, пошовъ енъ зновъ у кухню. Яго послуги стали яе осмйхаваць, дзявчонку тую, што Богъ вѣдая якая, откудова и што. Паничъ спрашуетца у маменьки свое, у старушачки: «маменька родзимая, возьму я гэтую дзявчончку къ сабѣ у покой, нехай яна тутъ перья дзяре!» Маменька яму сказала: «ахъ, мой сынокъ, на што жъ намъ у покояхъ двѣ? У насъ жа ёсь покоёвка!» — А нехай сабѣ, маменька, удвохъ будуць! И призвавъ яе у покой. И посадзѣли до котораго часу, и енъ на пусцивъ яе у кухню, — яна ночавала у покой.

А ў другимъ доми, у хульварку, отъ того дома можа вярсты двѣ, а можа и три, починаетца вяселья. И прислали съ того вяселья коннаго кучара и письмо, кабъ ёнъ прибывъ на тое вяселья изъ старенькой маменькой. На другое раньня, устали, маменька спрашю у сына: «сыночакъ мой, поѣдемъ на вяселья. Можа и табѣ тамъ, сыночакъ, уподобаетца паненка!» Ну, и поѣхали на тое вяселья. Яму ня хотетца и дня перадноваць на вясельи, хотетца яму у свой домокъ на ночь. Цяперака спрашуетца у маменьки: «маменька родзимая, поѣду я къ ночи у свой домокъ: послуга наша нанятая-нявѣрная!» Маменька старушачка говора: «ахъ, сыночакъ, я ня хочу наўпроци ночи ѣзди!» — Ахъ, маменька родзимая, я ли цябе заўтрашній дзень пришлю пару лошадей и кучара!.. Маменька пуссила яго домовъ. Пераночувавъ ночку у своимъ домочку. Назаўтраго ранянько, якъ занялося на зару, спрашуетца тая дзявчонка у панича: «здзѣлай милось, на 'ставъ моё прозбы: запражи пару лошадей и возьми два паробки своихъ, хорошихъ молайцовъ!» Сыйчасъ пару лошадей запрагли и сѣли ўчацьвярыхъ: два паробки — два молайцы — и паничъ зъ дзѣвкой. Цяперъ, поѣхали, поставили лошадей подъ горой високой, дзѣвка кажа: «ступайця, братцы, за мною на гору!..» Пошла дзѣвка напяродъ, а за ёй паничъ, на гору на высокую, а за ими два паробки ўслѣдъ. Дзѣвка прісѣла на колѣнцахъ, разгарнула жовтый пясочакъ, выняла съ кармана хустку, счиссила у скрыни верхъ хусткой, чисценьку выперла. Узяла яна ниточку и пошла, сама зъ горы за ёй покацилась скрыня, а за скрыняй паничъ идзе. А скрыня на каточкахъ коцетца зъ горы. Цяперъ, стали узнимаць скрыню да на лошадей становиць! Со ўсахъ силъ чупъ подняли скрыню учацьвярыхъ, на лошадей поставили. Сѣли на скрыни паничъ и дзѣвка и поѣхали у домокъ. Зняли яе ли ганокъ, поставили, и ўкачили у покой.

Пославъ паничъ по маменьку лошадей, а тоды пошовъ распоряджаць своихъ паробковъ. Тэй часъ дзѣвка къ столику пришла къ паничовому, открыла скрыночку, узала холостую бумагу и чарнило, и списала, што у яе у скрыночцы ёсь. Цяперъ, ухозя паничъ у покой, дзѣвка тая отчинила матчину скрыню, подняла вѣко верховое. Якъ подняла вѣко верховое, — увесь покой освяцило. По гэтымъ дзѣлу, паничъ дождаецъ свою маменьку старенькую изъ вяселья, — узрадовався ёнъ, самъ не зная якъ дожидая свою маменьку. Полюбивъ сярдэшня дзявчончку, попоравилася яна яму и волосомъ, и голосомъ, и ростомъ, и красою своею. А цяперъ прихинулася яго душа и сэрца яе боли икъ ёй. А дзѣвка скрыню зачинила, у карманъ ключики уложила,

и сѣла на своёмъ мѣсти перья драць. Пріяжжая маменька старенькая зъ вяселья и спрашуетъ у свойго сына: сынокъ мой родный, откуль у насъ гѣтакая скрыня заможная? Отвѣчая маменьцы свой сынъ: маменька, Богъ намъ давъ скрыню! Маменька яму отвѣчая: «ну, што жъ, мой сынокъ,—сознайся!» Енъ тѣй дзявчонцы циховько шапарнувъ: «ускрый вѣко у скрыни при маменьцы!» Яна сыйчасъ ключики съ кармана, отмыкнула скрыню и ўскрыла вѣко. Ускрыла вѣко—освятила скрыня увесь покой! Узрадовалась старенькая маменька! «Сыночакъ мой, чаму ты на вяселья не пріѣхавъ? Паненки цябе силно сярдэшныя хоцѣли, кабъ ты пріѣхавъ на вяселья!» А енъ маменьцы отвѣчивъ: маменька моя родненька, стареньячка моя! Чаго намъ на вясельи выглядаць? Наша паненка сама къ намъ прыбыла!—«А дзѣ жъ яна, твоя паненка?» —А чія жъ гѣто у насъ сильная, маменька, скрыня? Гѣто жъ паненкина! И прося маменьку старенькую, кабъ яна бословила яго зъ гѣтой дзѣвкой шлюбъ узаяць. Гѣта маменька старенькая, хоць была и дужо стареньячая, а бачила большъ, чимся я, сляпая,—бача, што и голосомъ, и волосомъ, и ростомъ, и красой своею яна ня прѣстаго стану, яна и богословила сына. По гѣтымъ дзѣлу, якъ богословила яна свойго сынка, свойго родзимаго, красиваго, росляваго, вумнаго, и разумнаго, маменька стареньячая, енъ сярдэшныя ўлюбився, и не сознався, покуль зъ ёй повянчався. Якъ ўзобралася яна до шлюбъ уво всё свое одзѣянныя, дакъ освятила суборъ божій, святую цэрковку. По шлюбъ, звѣнчавшыся, приходзюць яны у евой домочаць.

Цяперъ, приходзіць яе оцецъ родзиманькій. Яна спрашуетца: «другъ мой любезный, другъ мой присяджонный, вѣрный! Позволь мнѣ румочку вина гѣтому старичку своимъ руками поднёсци?» И укинула у румочку матчинъ золотый пярсцёнокъ у вино. Якъ выпивъ старичокъ румочку вина, и выколоцивъ на руку пярсцёночакъ золотый. Узирнувъ на золотый пярсцёночакъ, обробѣвъ и задрыжавъ,—угадавъ. Цяперъ спрашуетца яна у свойго друга любезнаго: «позволь мнѣ, кабъ гѣтый старичокъ у насъ поживѣ!» Другъ любезный принявъ старичка и позволивъ яму пожиць. Живе у ихъ тѣй старичокъ. Яна не сознаѣтца другу любимому, якій тѣ старичокъ, и яго упросила, кабъ енъ не сознався, што енъ у страдъ пошовъ. Потудова не созналася старикова дочь, покудова не ставъ старикъ жись свою кончаць.

У скоросци старичокъ жись кончивъ, и ўпрошая яна свойго друга любимаго сярдэшныя, кабъ енъ гѣтаго старика хорашѣ поховавъ. По гѣтымъ дзѣлу, оная прося у шѣхъ нядзѣль отправиць старичка и памятникъ хорашій поставиць на ёмъ. «Жана моя дорогая, жана моя любезная, другъ мой сярдэшный, объ чомъ ты стараешься объ гѣтаго старичка?» —Другъ мой любезный, другъ мой сярдэшный—гѣто мой родзимый оцецъ!.. Во коли созналася!

Казка ўся, казаць нельзя—кончылася.

С. Чиррынка бых. у. Отъ кр. Марьи Николаевой, 72 л. негр. недавно потерявш. зрѣніе.

65. Юда разбойникъ.

Живъ сабѣ старикъ ись старухой. Помѣръ старикъ, осталася старуха безъ старика изъ дзяцымъ. Пожила яна годъ, ай два, покуль што было, дзѣдова старанья,

и побѣдѣла яна. Тогда идзе яна дорогой и сама сабѣ думая: «якъ ба откуль узяць якій прѣхвить? Не жалѣла бѣ нивѣсь чаго!» Сама сабѣ думая такъ.

Цяперъ, ня тутъ казано, и поткався гѣто дьяволъ. Енѣ зная, што чаловѣкъ думая. И енѣ идзе насупроци яѣ дорогой, у капялюши, бытто паничъ якій, и страчаецца зѣ ёй: «ахъ, здраствацъ, здраствацъ, бабка! Ну што ты говорила сама сабѣ, ци думала?» Якъ ёнѣ вѣдая, дакъ у яе и пытаецца такъ. А яна тѣйтца: «нѣ, я, говора, ничѣго ня говорила и ня думала!»—Нѣ, говора, бабка, ня бойсь: я жѣ вѣдаю, знаю ўсѣ! Цяперача енѣ сказавѣ гѣто кѣ ёй, дакъ яна говора: «а вотъ што я думала: штобѣ откуль якій прѣхвить—способѣ узяць, не жалѣла бѣ нивѣсь чаго!» Сама обѣ сабѣ гѣтаго ня зная, што яна забярѣмѣла: можа отъ дзѣда осталась, а можа отъ злучаю. Ёнѣ ёй говора: «ну, говора, бабка: дамъ табѣ што угодно—грошій и золота, якіхъ хочешъ, кольки угодно; тольки, што вѣдаешъ у сябе, тѣ твоѣ, а што ня вѣдаешъ, тѣ моѣ!» Яна думала, думала, перадумала и скоцину й посудзину, и ўсѣ своѣ добрѣ и сямѣю усю,—а обѣ гѣтымъ ня зная, што бярѣмяна. «Ну, говора, нехай сабѣ такъ: што вѣдаю, тѣ моѣ, а што ня вѣдаю, тѣ твоѣ!» Цяперъ енѣ на яѣ говора такжа: «ну, бабка, отвярнися ко мнѣ плячмы и сступи задомъ трѣйчи у мой слѣдъ!» Ина отвярнулася кѣ яму задомъ и ступила трѣйчи у яго слѣдъ. «Ну, такжа цяперъ, говора, бабка, подпишися своѣй кровью. Прорѣжъ мезянаго палца, ли бо показалася кровь хоць чутѣчку, кабѣ своєю кровью потписатца!» Ну, и потписалась.

Цяперъ ёнѣ повѣвъ яе у инбары ў своѣ, и бярѣ, бабка, кольки хочешъ, кольки сила твоя понѣсци грошій! Ина набрала, кольки хоѣла, и вывѣвъ енѣ яе на дорогу, и пошла яна домовѣ. И живе луччѣ якого ходзяина,—што у яе ё и грошій и ўсяго.

И давѣ Богъ, приходзя уремя, пора тая, што ёй треба обродзитца. И обродзилася яна, и родзила сына. Расцѣвъ сынѣ тѣй, якъ на парѣ—на *изъ* руку цягня—не по дняхъ, да по часахъ, не по часахъ, да по минутахъ расцѣвъ. Жила яна годѣ—два, ѣли три, ѣли кольки-либо продолжалось,—енѣ годовѣ тѣразъ два, тѣразъ три усѣ ровно—новыи ходзяинѣ ставѣ. Такъ скоро росѣ.

И цяперака, приходзя уремя тѣе, што треба яму ици кѣ дьяволу, ислужить за гѣтыя гроши. Енѣ прощаецца, убираецца ици. Матка у гѣлось, у плачѣ. «Куды ты, мой сынокъ, пойдзешъ? Ци табѣ ў насѣ худо, ци цяжко, ци чаго нема?» Енѣ отвѣщая матцы: «мовчи, мама, уздумай ты на пярѣдняго, што якъ ты запродала мяне: сама обѣ сябе ня чувѣвала, што я ў цябе бывѣ!» Матка подумала на тѣе, уздумала, што правда. Некуды ёй плакацѣ. Енѣ попрѣшався изѣ маткой, изѣ братмы, изѣ сястрама, и со ўсѣй своєю сямѣєю, изнявъ образѣ, поцаловавъ, и пошовѣ за гѣтыя гроши отслужавацѣ. А самѣ ня вѣдая, куды йци. И пошовѣ.

Идзе дзѣнь и другій, ци третій, и ня вѣдая куды. И страчаецца на дорози сѣ чаловѣкомъ, и говора одзинѣ другому: здраствацѣ!—Здраствацѣ! Да куды цябе Богъ нясе? пытаецца у гѣтаго мальчика. А гѣто—Юда разбойникъ, што убивѣ бацьку и матку, и душѣ повтораста людзей побивѣ. «Иду икъ дьяволу отслужавацѣ гроши!»—Ты жѣ ня вѣдаешъ, куды ици? Пойдземъ умѣсци сѣ тобой, я цябе завяду, бо ты ще ня вѣдаешъ!.. Ну й пошли яны разѣмъ.

А енѣ, гѣтый Юда разбойникъ, што и бацьку забивѣ, и матку забивѣ, и душѣ

повтораста людзей побивъ, енѣ у самаго у старшаго у дьявола за кума,—дзяцей дзяржыць. Енѣ ужо такъ такий приступникъ, такий грѣшникъ! Такъ усё рѣвно, якъ по повѣтрю ходзя,—енѣ и на тымъ свѣцѣ, енѣ и на гэтымъ свѣцѣ ходзя. Пришли яны туды, къ дьяволу. Привѣвъ енѣ гэтаго мальчика у камлату. Малець, якъ увоспли, дакъ енѣ и ставъ у пороzi, а Юда разбойникъ, якъ зная ужо, дакъ енѣ и пошовъ дальше туды у камлаты. Чортъ пытаецца: хто тамъ? А енѣ идзе къ яму и гавора: «а гэта, гавора, я, пане куме! Ну, нехай, гавора, я ўжо тутъ! Даруй, пане куме, мнѣ тое слово, што я скажу?»—Ну, кажа, дарую!.. Якъ жа сказаў, што дарую, такъ и дароваў. У ихъ, бачъ, такъ жа якъ и ў насъ на совѣсци дзяржатца. Ці сказаў, што дарую, то й даруя, узыхаваць ня будзя, перамѣняць словъ,—на правдзи дзяржатца... «Ну, нехай ужо я тутъ, дакъ хоць ба и хоцьвѣ уцечъ отсюль, дакъ и не ўцяку, и нхто мяне не ўкрадзя, ня выведзя отсюль. А гэты малець, чаго енѣ тутъ стоиць? Енѣ Богу душой виноватъ тольки!» А енѣ кажа: яго тутъ нема! чортъ ужо на Юду. А енѣ изновъ кажа: «нѣ, кажа, ёсь!»—Нѣ, нема!—«Нѣ, ёсь!» Спираютца. А ў ихъ уво всякаго свѣдѣльствы (реестры. По объясненію рассказчика—бумаги, метрики.) Тутъ енѣ собравъ усихъ, дзѣ якіе были черцы, и поглядзіць у лейстрахъ у яго.—«Нѣ, нема,—нідзѣ не записанъ!» Перагледзіць уво всихъ—нема.. Дзѣ якій сляпый завалаяся, замаварыся на шметыніку, у тресыніку, сляпый, хромый, бязрукі́й и бязногі́й чортъ. Сыйчасъ и того узыхали, прывяли къ яму, къ старшому чорту; што енѣ надъ ямы надъ усимы. И поглядзіць у яго ў лейстрахъ, у метрыкахъ,—ажъ енѣ тутъ записанъ! Старшій чортъ гавора: «отдай, гавора, выпиши, кабъ ишовъ енѣ домовъ, гэты малець!» А кумъ жа яго, Юда разбойникъ, тутъ стоиць и гэта слышыць, што енѣ приказуя яму. А ёнъ, хромый той, зъ имъ спираецца тожа: «О!... вы сколько маеця—по душъ по повтораста, по двѣсця, и, моо, по пятсотъ ў у другихъ, а я одну душъ сабѣ наживъ, вы й тую хочеця отобраць, кабъ у мяне ня было соўсімъ. Ня дамъ!» А енѣ гавора: «отдай!!!»—«Ня дамъ!!! Спиралісь, спиралісь сколько разовъ, цяперъ старшій чортъ гавора: «тащиця яго у кузьню, гэтаго чорта!» И Юда тутъ жа разбойникъ стоиць, и слыша гэта усё, якъ жа чортъ вялѣвъ того у кузьню несць.

Ну, цяперъ яго у кузьню притащили. И Юда сюды разбойникъ прішовъ у кузьню смотрѣць, што будучъ дзѣлаць гэтому сляпому и хрому чорту, бязрукому и бязногому. Появлѣвъ тэй класци яго на ковадло. «Биця, гавора, у два молоты!»—И смотра Юда разбойникъ. Били, били у два молоты... «Ци отдаси?»—Нѣ, ня 'тдамъ! «Биця ў чатыри!» Били, били у чатыри... «Ци отдаси?»—Нѣ, ня 'тдамъ!—«Биця у шесъ молотовъ!» Били, били у шесъ молотовъ... «Ци отдаси?»—Нѣ, ня 'тдамъ!—«Биця у восьмъ!» Били, били у восьмъ молотовъ... «Ци отдаси?»—Нѣ, ня 'тдамъ!—«Биця, у дзесяць молотовъ!» Били, били у дзесяць молотовъ... «Ци отдаси?»—Нѣ, ня 'тдамъ!—«Биця у дванатцаць молотовъ!» Били, били ў дванатцаць молотовъ... «Ци отдаси?»—Нѣ, ня 'тдамъ!.. Ну, якъ жа можна больше й биць ужо? И што яму дзѣлаць: етакъ ужо били—у дванатцаць молотовъ! Ну, а якъ сказаў, што дарую, дакъ треба жъ дароваць, гэтаго мальчика пусціць, кабъ ишовъ домовъ. Юда разбойникъ стоиць тутъ жа, видзіць, што якъ можна ще здѣлаць што больше, гэтакъ

били! Тоды старшій чортъ кажа: «ну, коли такъ, ня 'тдае,—тащица яго на кумову пощель!» А Юда не зная самъ объ сябѣ, якая яго пощель; гэтаго ще ня вѣдавъ, тольки видзѣвъ, якъ били. Якъ сказавъ старшій чортъ: тащица яго на кумову пощель!—такъ тэй сляпый чортъ и не захоцѣвъ на кумову пощель класцися: узавъ лейстры зъ за пазухи, сляпый, хромый, бязрукій, бязногий, да й объ землю кинувъ: «наца сабѣ, чортъ васъ бари!» Тоды старшій чортъ узавъ, выписавъ зъ лейстры яго и пусдивъ домовъ. Пошовъ тэй малецъ домовъ; и живе, якъ добрый ходзяинъ. И спасъ яго Юда разбойникъ, што попросивъ у кума гэтаго слова, кабъ даровавъ яму.

Цяперъ жа узала яго, Юду, цикавось: што гэтакъ били у дванатцаць молотовъ, да й то ня 'тдавъ, а якъ сказавъ: *на кумову пощель*, дакъ енъ и бросивъ. Цяперъ узнова просиць енъ свайго кума, старшаго чорта: «Ну, говора, пане куме, даруй мнѣ ще гэта слово, што я буду просиць?»—Дарую!... Сказавъ—дарую, то й треба дароваці. «Покажи мнѣ, пане куме, пощель мою, што я не бачивъ ящѣ яе!» Якъ сказавъ жа—дарую, то й даровавъ. «Ахъ, говора, пане куме, табѣ на яе не пора яще класцися; да нечаго дзѣлаць: ужо якъ сказавъ—покажу, дакъ покажу!» И яна за дванатцаць дварей, за дванатцаць замковъ замкнула. И вальцѣвъ енъ отмыкнуць замки и двери расчিনিць, и говора: «идзи, пане куме, полядзи! Да не пора ще табѣ класцися на яе, дакъ ты до дзевяцера дварей перайдзи, а за троя дварей не доходзь, бо не пора табѣ на яе класцися!» Ажъ енъ, якъ пошовъ, дакъ не дойшовъ до дзевятихъ дварей, тольки дойшовъ до сѣмыхъ дварей, и увидзѣвъ свою пощель мяккую—огонь горіць и смола кипіць, и ў тымъ огни бляха якъ огонь горіць, чірвона, раскипѣлася отъ огню, и на ёй выстлали пощель такую черци Юду разбойнику: и шкла набили, и гвоздзя насадзили, и шпылякъ, и голокъ—насадзили усяго! Якъ увидзѣвъ Юда разбойникъ свою пощель—такъ енъ испужався!! И пошовъ упекаць оттуль!

Ну, обдумався енъ самъ съ собою, и пошовъ спасатца, сповѣдатца къ попѣмъ у цэркву. И придзя у цэркву къ попу, да—бацюшка, говора: разграшица мяне! Я, говора, убивъ и бацьку, и матку, и душъ повтораства людзей побивъ. Попъ тэй думая, думая, ня придумая—акія покуты яму назначиць? што енъ такъ много награвивъ. «Нѣ, говора: не разграшу я цябе!» Ёнъ усердзितिца, што попъ не разграшая, не сповѣдуя яго,—попа ў лобъ! Убѣе, и пошовъ далышъ. Приходзя икъ другому къ попу: «Бацюшка, разграши мяне: я ўбивъ бацьку, матку и душъ повтораства людзей побивъ, и попа ўбивъ, што не разграшивъ мяне!» Попъ думая, думая: «нѣ, кажа: не разграшу я цябе: нема такія покуты, кабъ на цябе накласць!» Ёнъ усердзился—попа ў лобъ, убивъ и пошовъ далышъ. Приходзя къ третьяму попу: «бацюшка, разграши мяне: я ўбивъ и бацьку, и матку, и душъ повтораства людзей побивъ, и двоухъ поповъ убивъ, што не разграшили мяне!» Ёнъ думавъ, думавъ гэты попъ: што яму здѣлаць? за покуту даць? Ня придумавъ. «Нѣ, говора, дзѣтка, ня могу разграшиць!» Такъ ёнъ и гэтаго ў лобъ. Пошовъ къ чацьвѣртому—и того ўбивъ. Такихъ способѣмъ ходзівъ енъ, ходзівъ—и дванатцаць поповъ забивъ гэтакъ!

Тоды идзе пущай. Тоды, кажуць, жили пустельники по пущахъ, спасалися—самъ сябе спасаваъ, такъ и проживаваъ у лясу. Идзе отъ енъ дорогой, пущай, и страчаецца съ попомъ—пустельникомъ: тольки высвячився, ёдзя молодой попокъ дорогой; и енъ

яго ня ўвознавъ, што попъ, тольки замѣнивъ, што хресцикъ на ши, на грудзѣхъ, дакъ ень догадався, ци ня духовный гѣто чаловѣкъ, да говора: «Здрастваць!»—Здрастваць!—«Ци ня бацюшка вы, говора: ци ня духовные людзи?»—Такъ ень говора: ага, говора, духовные!—«Ну, говора, бацюшка, разгрышиця, говора, мяне: я бацьку й матку ўбивъ, душъ повтораста людзей побивъ и дванатцаць поповъ убивъ, што не разгрышили мяне. Ну якъ не разгрышишъ и ты мяне, и цябе тринацатаго убью!» Попъ тѣй думавъ, думавъ: што тутъ дзѣлаць? Покуль надумався, якую кáру даваць, покуту яму накладаць. Тогды спрашуя у яго: «добро, говора; а ци будзешъ ты царпѣць тое, што я табѣ буду вялѣць, якую покуту накладаць?» Ень ужо здався на тое, што буду царпѣць, отвѣчаць.—«Ну, ходзи, кажа, за мной!» Юда пошовъ тогды услѣдъ.

Пришовъ за имъ услѣдъ у яго дворъ, у поповъ, попъ яго выповадавъ, а причасця не дае, бо ень не достоинъ. И вынося яму ножъ, большій ножъ—сѣ поваршина, и бяри, говора, гѣтый ножъ самъ сябѣ у руку, и би самъ сябе у спягню, якъ можешъ!.. Ень узявъ тѣй ножъ у руку, и самъ сябе у спягню якъ ударивъ—убивъ сабѣ у спягню увесь ножъ!—«Вярни, говора, на-бокъ, отламавай!» Якъ повярнувъ, такъ и отломивъ,—остався тольки кромокъ ля чаранца зялѣнца того, можа на вяршокъ, ци на повваршка. Тоды ень яго ўзновъ выповадавъ, да й не причасця. Пошовъ, выбравъ дуба самаго бôльшаго со всяго лѣсу, да й показуя яму: «ну, говора: зрубѣ гѣтаго дуба гѣтымъ кромкомъ, тогды прйдзешъ ко мнѣ!» Ень яго рубивъ, рубивъ, кромавъ, кромавъ гѣтымъ кромкомъ—покуль скромавъ. Ну, скромавъ, тоды и пришовъ къ попу. Попъ пôсли гѣтаго дуба, што ень скромавъ, оцяць яго выповадавъ, а причасця не давъ. Цяперъ ёнъ яму вялѣвъ спалиць яго одного, гѣтаго дуба, кабъ не припратавъ дажа ниякой цурочки къ яму, къ гѣтому дубу. Паливъ ень, паливъ (трениемъ?), ну и спаливъ ень яго, тольки сѣ самаго тулова, зъ большія сѣ колодки. И ень ихъ у кучу, головешки гѣтыя, поскладавъ и пошовъ къ попу: спаливъ, говора, бацюшка! Тѣй попъ пошовъ смотрѣць, ци спаливъ, ажнѣ спаливъ. Спаливъ, а тольки тѣразъ гѣту ночъ зъ головешакъ пáростки пошли. Тогды попъ яго выповадавъ, а причасця не дае. Ну, цяперича якъ выповадавъ, сыйчасъ яго посылая: «йдзи жѣ, говора, туды и туды, туды и туды, на тую и на тую, на високу на гору. Тамъ и тамъ, на тѣй и на тѣй, на високой на горѣ, яблоныва булава, што ты бацьку й матку ўбивъ и душъ повтораста людзей побивъ. Сходзи, яе прѣняси сюды!» Пошовъ ень, яе прѣнёсь. Выповадавъ ень яго зновъ, а причасця не дае. Тоды показавъ, дзѣ яму яе посаdziць. Яна ужо ссохла, обгнила и черви яе обточили.. Ень посадивъ, и ли дороги такъ жа не далѣко, ну вярстовъ за семъ отъ рѣчки. И приказавъ ень яму у роци водѣ носиць, поливаць яблонываю булаву, кабъ отыйшла, прѣнялася. И сказавъ ракомъ повзаць къ рѣчцы и отъ рѣчки на колѣнцахъ усѣ, и ў ротъ воды узяць, а ў руки голюку якую, ломачину узяць. Гольлѣ—ломачча у ловжѣ уво дну кучу, у гурѣ скидаць, а зъ роту водой булаву яблонываю поливаць. И ходзивъ, ходзивъ ень гѣтакъ, носивъ, носивъ, ракомъ на колѣнцахъ повзавъ, и носивъ, и поливавъ булаву яблонываю сухую, гнилую, чарвиваю, а ломачча скидавъ у грудъ, у ловжѣ, уво дну кучу. Идѣе чаловѣкъ, войтъ пѣяный—якъ бувало прѣтоны служили—и говора: «ну, говора: того й того зживъ, и зживу, такую яго маць, водки ня купивъ, ще того

и того живу, што горѣлки ня купивъ!» А гэто Юда усё слыша. Такъ енѣ обдумався: «ахѣ, нехай жа я такій одзинѣ попався, што трудно и вылезци отсюль! Чаго жѣ ты хочешъ заробиць гэтаго, што я?» Да ўхавивъ камень, усхавившись, да войту гетому у лобѣ, и забивѣ. Тогда подѣ яблонываю подѣ булаву поповзѣ, да и лёгѣ отдыхаць ницѣ крыжомѣ. Якъ лёгѣ, такъ и заснувѣ. Спиць три годы, ня опинаетца. И попѣ забывся на того ўжо на Юду разбойника.

Бѣдзя енѣ разѣ дорогой и слыша—пахнуць яблоки дужо хорошія, смашныя. Ёнѣ вѣлѣвѣ суняць лошадезей на кучара, и идзи, говора, пошукай: тутѣ нѣйдзи недалёко яблонка ёсь—яблоки дужо пахнуць хорошія! Пошовѣ тѣй кучарѣ, нашовѣ яблонку и подѣ яблонкой чаловѣкѣ ницѣ крыжомѣ ляжиць и мохомѣ уросѣ. Приходязя кѣ попу и говора: «ахѣ, бацюшка! подѣ яблонкой чаловѣкѣ ляжиць ницѣ крыжомѣ, и мохѣ уросѣ у яго! Такъ тѣй попѣ уздумавѣ на тое, усхавився, соскочивѣ и прибѣгая кѣ яблонцы: на ёй ўжо яблоки поросѣли... А енѣ спиць ницѣ, крыжомѣ, и мохѣ уросѣ. Такъ тѣй попѣ говора: «ахѣ, Юда разбойникѣ, ци не пора табѣ уставаць?» Такъ-то Богѣ и давѣ: якъ тѣй попѣ сказаць, енѣ и прошнувся и ўстае. «Ци выпався?» говора.—А выпався, отдыхавѣ хорошо!.. Да й поглядавая на яблонку на свою, голову задравши. Такъ тѣй попѣ говора: «ну, можа, ци не пора яблоки твоѣ колоциць?» А енѣ жа отвѣчая: ня вѣдаю, говора, можа й пора.—«Ну, лѣзь-ка ты, говора, колоци!» Енѣ узлѣзѣ, разѣ колонувѣ—ниякѣ! «Колоци другій разѣ!» Склонувѣ другій разѣ—ниякѣ! «Колоци, говора, яще разѣ!» Якъ склонувѣ третій разѣ, дакъ ихѣ дужо много было, усё рѣвно, якъ громѣ загремѣвѣ—яблоки. Третяцю часѣ доловѣ яблоковѣ излѣхало. «Колоци ще разѣ!» Склонувѣ яще разѣ—яще стольки. «Колоци ще!» Склонувѣ ще,—уси яблоки облѣхали доловѣ! Стали смотрѣць на яблонку, ажѣ на яблонцы, на самой вярхушцы, на самымѣ верси, два яблоки осталося. «Ну, говора, колоци!» Склонувѣ разѣ—ниякѣ! «Колоци другій разѣ!»—Склонувѣ другій разѣ—ниякѣ! «Колоци третій разѣ!»—Склонувѣ третій разѣ—ниякѣ! «Ну, лѣзь доловѣ! Вотѣ жа, говора: я цяперѣ уси грахи сѣ цябе знявѣ: што й душѣ повтора-ста людзей побивѣ, што и дванатцаць побивѣ,—ну бацькинѣ грѣхѣ и маткинѣ ня могу разграшиць, гэто, што два яблоки остались!»

Высповядавъ яго и причасивѣ. «Ну, говора, цяперѣ гэтыхѣ граховѣ ня могу разгрышиць, а ўси грахи знявѣ сѣ цябе. Ложися на гэтый ловжѣ (ложе), што ломачка скидавѣ у кучу, ницѣ крыжомѣ!» Енѣ ўжо здався. Лёгѣ на ловжѣ, узлѣзши, ницѣ, крыжомѣ, а попѣ узявѣ сярничку—чиркѣ, чиркѣ! Подпавивѣ ловжѣ гэтый сѣ чатырохѣ сторонѣ.

А енѣ не полѣзѣ ўжо излѣ ловжѣ, сѣ огню, на 'гнѣ ўжо остався горѣць. А Богѣ сославѣ ангала душѣ ўзяць, понѣсци кѣ Богу, за бацьковѣ и за маткинѣ грѣхѣ отвѣчаць...

С. Чигиринка, быховск. у. Отъ кр. Василя Герасимова Козловскаго, 51 г., негр.
Ср. у Драгоман. краткіе варианты. (Стр. 131 и 406.)

66. Бѣднякѣ и мертвецы.

Жили были два брата. Одзинѣ бывѣ бѣдный, другій богатый. У богатаго была бясѣда. Вѣдный братѣ пришовѣ кѣ яму, а енѣ говориць: «чаго ты пришовѣ? Ты мнѣ

не братъ, идзи отъ мяне!» Вѣднѣй и пошовъ. Якъ только вышовъ отъ брата, дакъ не пошовъ домовъ, а пошовъ соўсины у другій бокъ. Ишовъ ёнъ, ишовъ, видзиць церкву. Ёнъ зайшовъ у церкву, помолвися Богу, поклонився перадъ кажды́мъ обра́зомъ, и пошовъ дальше. Ишовъ, ишовъ нѣскульки дней, и подходиць къ драмучаму лѣсу. Только ставъ уходиць у драмучій лѣсъ, а тутъ и стало цямнитца. Вотъ ёнъ ишовъ, ишовъ, уже подъ полночь. А цѣмнѣ—ничагухтынка не выдаць. Только ёнъ пройшовъ дальше, видзиць маленькій огонёкъ. Ставъ ёнъ дальше ици, чуець—нѣхто говѣриць. Ёнъ ставъ за товстымъ дзеравомъ, ажъ идуць дванатцаць чело́вѣкъ. Одзінъ спрашуець: ну што, ци заклали тамъ сѣна конимъ, овса ци засыпали, воды ци налили? Яму отвѣчаюць: «усѣ подѣлалі, и сѣна наклали, и овса насыпали, и воды налили, досъ будзецъ имъ на дванатцаць дней!»—А ци хорошо запѣрли, ци замкнули, и дзѣ ключи положили? Яму отвѣчаюць: «усѣ запѣрли, замкнули, а ключи поклали повыше дварей!»—Ну, добро! Пойдземъ!... И пошли ўси. А бѣднякъ тѣй усѣ гето чувъ. Вотъ ёнъ обдумався, и пошовъ туды, дзѣ огонёкъ бачивъ. Пришовъ туды, нашовъ ключи, усѣ поразомкнувъ, порасчинивъ, улѣзъ у покои. А ёсь яму хочетца! А голодный жа заўсѣгды пера ёсь ищець. Пошовъ ёнъ ёсь разойскуваць, и нашовъ разнаго пиценья, ядзенья—напився и наѣвсь. Ставъ тоды ходзиць по покѣихъ. Приходиць икъ склепу, отмыкнувъ, видзиць—одны только трупы ды головы! Ёнъ спужавсь. Али думаець: «яны жъ пошли на дванатцаць дней! Я ще справлюся!» И пошовъ дальше. Отпѣръ другій склепъ, видзиць—одна одѣжа. Ёнъ дальше. Отпѣръ третій склепъ, видзиць—одна посуда, зылотая ды сярэбраная. Пошовъ яще дальше, нашовъ чацьвѣртый склепъ, зъ грошамі, а гроши—усѣ золото ды серабро. Тоды бѣднякъ гетый думаець: ну, цяперъ я можа разживусь! Пошовъ отыйскавъ конюшню, отпѣръ яд—а тамъ тритцаць шесъ коней стоиць. Ёнъ пошовъ найшовъ колѣсы; запрогъ дванатцаць коней. На перыхъ трохъ коней ёнъ наложивъ одны трупы; на другую тройку поклавъ одной одѣжки; на третью наклавъ одны посуды, зылоты да сярэбраныя, а на чацьвѣртую тройку насыпавъ грошій. Тоды собрався и поѣхавъ оттуль. Ъхавъ, ѣхавъ, ну только уѣхавъ у сяредзину лѣса, захоцѣлось яму крѣпко спаць. Зварнувъ ёнъ зъ дороги у лясокъ, выпрагъ коній, ёсь имъ давъ, а самъ лёгъ спаць у пярэднемъ возу. Вотъ ёнъ спить одзінъ дзень, спить и другій. Тоды яму почулося, —нѣхто яго будзиць. Прогнувся ёнъ, ажны и колесы выкачаны на дорогу. Почулося яму, што нѣхто кажець: запрагай скорѣй коній, ды якъ можно ўцекай; а ня ўцячешъ, дыкъ смерць будзецъ табѣ! Ёнъ запрогъ коній, пераксвився и давай уцекаць. Ъхавъ, ѣхавъ, подѣѣжаецъ икъ церкви. Ёнъ коній придзѣрживъ, а самъ пошовъ у церкву, капъ помолитца Богу. Якъ пришовъ, такъ гарнецъ серабра на церкву отдавъ; помолвися Богу, перадъ кажды́мъ обра́зомъ поклонився и оная поѣхавъ.

Приѣхавъ домовъ. Упяродъ за ўсяго сыйскавъ пуня́ и дзяка, и пухуваць тые трупы, што привѣзъ отъ разбойниковъ. За ховтуры ёнъ давъ попу гарнецъ серабра, дзяку давъ половина гарца, а старосту съ паламаромъ по пригоршняхъ. Справивъ хорошія ховтуры, помянувъ ихъ, якъ треба, и ставъ сабѣ жиць походзяйську.

Вотъ ёнъ живець сабѣ при ўсѣй выгодзи. Разъ была у яго бясѣда. Вѣднякъ позвавъ у госци свойго богатаго брата. А богатый говѣриць: «куды я пойду къ тѣй

голи? Што ў яго ёсь? Чимъ енъ мяне будзець чествоваць? Скоринками, ци што,—што по свѣту собравъ?» А жонка богатаго стала яго уговариваць: «ну, дыкъ што, што енъ бѣдзень, а мы богаты? Можа енъ насъ на совѣтъ зовець!» Енъ послухавъ, и пошли ў госци. Якъ пришли яны къ яму, посадзивъ енъ ихъ за столъ, ставъ подносиць страву такую, якую яны ще ня їли и зроду. Дзивица богатый, и ставъ распытываць у брата: идзѣ ты нашовъ стольки богацьця? А бѣдный говориць: «мнѣ Богъ давъ!»—Якъ жа табѣ Богъ давъ?—«А вотъ якъ: коли я ў цябе бывъ и ты мяне не принявъ, я пошовъ у свѣтъ. Ишовъ я, ишовъ, увидзѣвъ я церкву. Я зайшовъ, помолився, и пошовъ дальше. Ишовъ, ишовъ—присцигла мяне ночь у лясу. Тоды вышовъ я къ огню и увидзѣвъ людзей. Я ставъ за дзераво и ставъ глядзѣць, ци много ихъ: ставъ считаць, и насчитаць ихъ дванатцаць человекъ. Одзинъ спросивъ: ци заложили конимъ сѣна, ци посыпали овса, ци налили воды? А другій кажець: «усѣ подзѣлалі, досѣ имъ будзець на дванатцаць дней.» Посли гетаго и пошли. Якъ толькы яны пошли, дыкъ я пошовъ у ихъ домъ. Якъ увыйшовъ у ихній покой, дакъ усѣ ровню, якъ у рай. Ставъ я ходзиць по ихныхъ склепахъ. Расчинивъ одзинъ склепъ—виджу я одны головы ды трупы. Я спужався. Али думаю, што яны пошли надовго, и я справлюся. Пошовъ дальше, виджу другій склепъ. Я расчинивъ—а тамъ одна одзѣжа. Я пошовъ дальше, нашовъ третейскій склепъ. Я опяць расчинивъ—тамъ посуда одна. Тоды нашовъ я чацьвѣртый склепъ. Расчинивъ я яго, ажъ тамъ одно золото ды серабро. Пошовъ я тоды, запрогъ коній, насыпавъ гетаго золота и серабра, набравъ одзѣжи, посуды, наклавъ и мертвыхъ труповъ, и поѣхавъ домовъ. Пріѣхавши, трупы я поховавъ, а гето ўсѣ мнѣ осталось. Вотъ я съ тыхъ поръ и живу, слава Богу!»

Завидно стало богатому: задумаваъ енъ ици и набраць сабѣ грошій. Якъ толькы отъ брата пришовъ, такъ запрогъ коня и поѣхавъ. Ъхавъ, ѣхавъ, и дзѣ толькы устрѣниць коршму якую, тамъ заѣдзець и напѣтца горѣлки. А якъ усядзиць на коня, толькы засвищиць, запяець, ды й покоиць. Проѣжжаець ля церкви—не заѣхавъ, не помолився, а толькы запѣвъ ды засвиставъ, и поѣхавъ дальше. Коли хто спросиць: куды ты ѣдзешъ, человекъ? Енъ кажець: богацьця шукаць! Ъхавъ енъ, ѣхавъ, ци довго, ци корѣтко—уѣжжаець у цѣмный лѣсъ. А тутъ яго и цѣмна ночь обнила! Ыдзець енъ дальше, и увидзѣвъ огонекъ. Енъ звярнувъ на бокъ зъ дороги, да й ставъ за ляскомъ пихенько. Видзиць—идуць людзи. Одзинъ кажець: ци заложили тамъ конимъ, ци дѣбро запѣрли? Другій кажець: усѣ ладно подзѣлалі; и конимъ ѣсь заклали, дѣ будзець дней на восемь! А третейскій кажець: нѣ, ня пѣйдземъ на стольки; а то и яще хто обкрадзець насъ. Мы собираемъ понямогу, а хто пріѣдзець—изъ цѣлой кучи набярець. Не больше, якъ на шесъ дней пѣйдземъ!.. Ну и пошли. А богатъ якъ толькы яны пошли, сыйчасъ сѣвъ на коня да й маршъ у разбойницкій домъ. Якъ толькы узѣхавъ на дворъ, такъ сыйчасъ коня свойго привязавъ, а самъ и пошовъ у покой. Ну, покуль пріѣхавъ, ѣсь захоцѣвъ. Енъ пошовъ искаць сабѣ чаго зѣсь. Нашовъ разныхъ наликовъ-наѣдковъ—наѣвся якъ треба, налився и ставъ лѣсни лѣць.

А разбойники на гетый разъ ня ўси пошли толькы увосмярыхъ, а чатыре осталось дома, пилноваць, кабъ хто узновъ не пришовъ ды не покравъ гроши. Якъ яны почувли геты лѣсни, яны пошли да й забили яго...

Жонка богатаго ждала, ждала—нячуць яе мужука. Пошла яна кь бѣдняку и говѣриць: «вѣрно, мойго ходзяина забито, што яго нячуць. Идзи ты яго пойщи!» Тѣй и пошовъ. По дорози енѣ зайшовъ у церкву, поставивъ перадъ вобразами свѣчи, помолвися Богу и пошовъ дальше. Ишовъ, ишовъ, и кь ночи чуць до лѣсу добрѣвъ. Идзѣць енѣ по лѣсу ўсю ночь. Якъ только ставъ потходзиць кь дому, увидзѣвъ и разбойниковъ. Енѣ схуався за дзераво, и яны собралиси укучу и говѣрюць: ну, на сколько дней пойдземъ? Другій говѣриць: да дней на восемь, не больше! А третій кажець: «нѣ, ужо никто ня будзець красци: мы того ужо забили!» Порадзилиси гедыкь и пошли. А енѣ ихъ, стоячи, пераличивъ, ци ўси яны пошли, капъ хто не застався дома, ды не загубивъ яго, якъ ѣнѣ прйдзець.

Пошовъ енѣ у домъ. Ну якъ ѣсци хоцѣвъ, пошовъ искаць сабѣ пищу. Тоды наѣвши, напивши, пошовъ коній запрогъ, и ставъ искаць свойго брата. Только расчинивъ первый склепъ, видзиць—братъ яго ляжиць навярху. Енѣ узавъ брата, усклавъ на повозку, а тоды и остальные трупы забравъ на три повозки, а на три повозки наклавъ одзѣжи, на три посуды и на три золота и серабра. И отправився домовъ. Только уѣхавъ до половины лѣса, якъ яму крѣпко захопѣлося спадъ. Енѣ звярнувъ зъ дороги у лѣсъ, коній выпрагъ, попривязавъ, а самъ лёгъ у передней повозцы и заснувъ. Спиць енѣ одзинъ дзень, спиць и другій, тоды яму почулося, што яго нѣхто будзиць. Енѣ прошнувся и видзиць, што яго и колеса выкачены на дорогу и кони запрежаны. Почулося яму зновъ, што нѣхто кажець: ѣдзь, чловѣчекъ, скорѣй, а то смерць близко! Енѣ якъ прошнувся, такъ сыйчасъ и поѣхувъ. Ъхавъ, ѣхавъ, и ставъ подѣѣжаць кь церкви. Енѣ ояць узавъ грѣшій и повѣсь кь церкви; ажны видзиць, у ѣй служеньня нема. Енѣ тыя гроши поклавъ на крылцы, помолвися Богу и поѣхувъ. Якъ только прѣѣхувъ домовъ, привѣзъ пупа, дзяка, и похувавъ усихъ тыхъ забытыхъ. Отправивъ ховтуры по ўсихъ, расплачився, якъ слѣдоваецъ, а самъ ставъ жиць сабѣ спокойно съ своей бабой.

Поднялись скоро яго дзѣтки. Тоды сыны и говѣрюць: «вотъ, татъ: живѣмъ мы богато и ўсяго у насъ ѣсь—и золота и серабра, и посуды, и одзѣжи, а живѣмъ мы у гедакой курной хатцы! Построимъ мы сабѣ, татъ, новую хату!» А бацька говѣриць: «нѣ, моѣ сыны! Я ужо старъ, и въ гетой хатцы вѣку доживу, а вы коли хочеца, дыкъ сабѣ стройца!» Вотъ яны стали йскаць мѣста хорошаго ли дома. Искали, йскали, и выбрали мѣсто-ли дороги. Задумали тутъ строиць заѣздный домъ, бо тутъ, думаюць, мѣсто выгодно. Ну, якъ задумали, такъ и здѣлалъ—выстроили домъ. И ўпросили тыки свойго бацьку покинуць курную хату и жиць изъ ими.

Тые жъ разбойники, якъ только вярнулиси, такъ и ўвидзѣли, што ихъ домъ обобранъ. Стали яны тоды думаць, якъ ба имъ найци своё. Вотъ яны порадилиси, ды разбилися на чатыре шайки и пошли во всѣ чатыре стороны, сойскаваць пропажу. Ходзили, ходзили, а тоды пришли утрохъ у самый тѣй заѣздный домъ, и занучували. Спросили сабѣ ѣсь, имъ и подали на сребраной посудзи. Яны видзюць, што гето ўся посуда ихная. На другой дзень яны расплацилиси, и заплацили за ўсѣ ўтроа дорожѣй, чимъ стоила тая вячера. Вышли за ворота, оглѣдзили хорошенько гетый дворъ. Ну еѣвъ бывъ хоць на одзиноцы, али дужо укралѣнъ. Одзинъ кажець: дужо крѣпокъ дворъ!

А другій кажець: «гето жъ ли насъ яще лучче. Якъ мы приѣдемъ сюды, то мы ўсѣ запрожъ, и никто ня выскочиць. И мы ўсихъ ихъ порѣжемъ, и своё добро заберомъ.» А коли яны нучували, дыкъ ходзяинъ спросивъ: «откуль вы и хто?»—Мы, каецъ, купцы, торгуемъ саломъ! Вотъ можа надѣбли черезъ двѣ будземъ везць по гетой дорози сало!..

Собралися уси разбойники домовъ и стали говориць, хто йдзѣ бывъ и што видзѣвъ. Одзинъ говдориць: я ничего не нашовъ! Другій—и я ничего! Третьцїй—и я, каецъ, ничего ня видзѣвъ, ничего не нашовъ. А гетые ўжо говбрюць: «а вотъ мы дыкъ нашли того, што насъ обокравъ. Енъ уже и заѣздный домъ выстроиць, и тамъ живѣць цяперъ. Якъ тольки мы пришли къ яму, ды попросили ѣсь, дыкъ енъ поднёс намъ пиць на нашай посудви. Мы яе и спызнали, што гето наша посуда. Вотъ цяперъ и пойдземъ туды!» А другій говдориць: а якъ енъ насъ ня пусциць? Тоды третьцїй кажець: «а вотъ якъ мы къ яму убяромся: возьмемъ большую бочку, и дзевяць улѣзецъ у гету бочку, а троя останѣтца, тые, што тамъ были. Якъ спросиць: съ чимъ гета бочка? дыкъ нехай скажуць, што съ саломъ. Тоды укоюць бочку у сарай, а вы сами заночуйця у особянной комлаци, капъ никого тамъ ня було. Якъ яны успятца, тоды зыпалиця свѣчку, придиця у сарай, насъ выпусциця, а тоды уже мы ихъ порѣжемъ и вещи своё забяромъ!»

Такъ и здѣлали. И поѣхали. Ъхали, ѣхали, стали подѣѣжжаць ихъ заѣздному дому, скували тыхъ товаришовъ у бочку, а ўтроихъ остались. Приѣхали, попросилися нучуваць. Енъ пусцивъ ихъ, показавъ имъ сарай, идзѣ конїй ставиць и бочку, давъ замокъ, капъ замкнуць, и отвѣвъ ихъ у особянную комлату. И давъ свѣчку, капъ ночъчи полядзѣць конїй лучче було. Давъ Богъ ночь, ходзяинъ апѣръ ворота, позамыкавъ усѣ и лёгъ спаць. У самую глушь, у полночь, коли ўси спали, разбойники гетые устали, запалили свѣчу и хоцѣли йци выпускаць тыхъ. Тольки вышли на дворъ—чуюць, нѣхто ѣдзець изъ звонкомъ. Яны служалися, потушили скорѣй свѣчку, и пошли ў свою комлату. А тѣй, зъ звонкомъ, подѣѣхавъ къ воротамъ и ставъ будзиць ходзяина. Будзивъ, будзивъ—гукавъ, гукавъ—никакъ не догукаетца. Пославъ енъ тоды кучара черезъ замѣтъ пералѣзци, ды подъ окно кричаць, капъ енъ прошнувся. Чупъ-ня-чупъ добудзилися того ходзяина. Уставъ енъ, отпѣръ ворота, упусцивъ того челоуѣка. Тѣй увыйшовъ у хату, и попросивъ, капъ дали чаго цѣлаго, согрѣтца. Ходзяинъ наставивъ самуваръ, подавъ яму. Тѣй напився, обогрѣвъсь и говдориць: «ну, челоуѣча! табѣ сядни будзецъ страшная ночь!» И поѣхувъ. Ходзяинъ запѣръ за имъ ворота и узновъ лёгъ спаць.

Тые жъ разбойники устали, свѣчку запалили и пошли выпускаць тыхъ разбойниковъ. Тольки вышли на дворъ, чуюць—играецъ полковая музыка, кричаць ура! бьюць у барабаны! Яны потушили скорѣй свѣчку и пошли у свою комлату. А тая музыка усѣ ближе, ближе, и подыйшовъ къ гетому дому цѣлый полкъ солдатовъ. Обступили дворъ и стали будзиць ходзяина. Будзили, будзили,—не прошинаетца. Пералѣзли яны черезъ замѣтъ и стали у окно кричаць. Узбудзили яны и говбрюць: «хто у цябе ёсь?»—Енъ каецъ: трое купцовъ!—«Покажи ихъ!» Енъ повѣвъ ихъ показуваць. Якъ тольки показавъ, такъ енараль сказавъ солдатамъ убиць ихъ. Солдаты разѣкли двоухъ пополамъ. Тоды ходзяинъ ставъ просиць ихъ: «што вы гето робице? якъ гето

можно?» А енараль кажець на того на третьяго разбойника: иди, покажи вапа сало! Узяли солдаты гетого разбойника, привёвъ ёнь ихъ къ бочцы. Разбили солдаты бочку, ажны тамъ дзевяць челоувѣккъ разбойниковъ! Солдаты и засѣкли ихъ усихъ.

Тоды енараль говориць ходзяину: «гето тые разбойники, идзѣ ты гроши бравъ. Вотъ яны пришли перво ўтрохъ развѣдаць, а цяперъ пришли уся, кабъ васъ порѣзаць и гроши своѣ узяць!» Тоды ходзяинъ спрашаваецъ у ихъ: «а хто жъ вы такіе ёсь?»—А первый, што пріѣхжавъ и разбудзивъ цябе,—гето братъ твой! Якуратъ у гетое самое уремя разбойники хоцѣли цябе загубиць. Ну якъ почули звонокъ твоего брата, спужались и потушили огонь. Тоды, якъ братъ поѣхувъ, яны зновъ устали, запалили огонь и пошли выпускаць тыхъ, што сидѣли у бочцы. Ну якъ почули нашу музыку, спужались и зновъ схувались у кампату! Я енараль, забить бывъ разбойниками. Ты мяне похувавъ умѣсци зъ братомъ. А солдаты—гето тэй народъ, што ты оттуль вывозивъ, ды хувавъ. Мы до того уремя, покуль ты насъ не похувавъ, были ни на тымъ свѣци, ни на гетымъ! А цяперака ты ѣдзѣ туды, у тэй домъ, забяри усѣ ихное добро, а домъ спали, и споживай усѣ. А цяперъ прощай, цяперъ цябе никто ня тронець!..

Съ тыхъ поръ ставъ тэй ходзяинъ тамъ жиць, ды поживаць безъ усякаго страху.

Г. Стэнно. Записана кр. дер. Синиць, остров. вол. сѣнен. у. Тимофеемъ Синкевичемъ.

Въ м. *Черепъ*, того же у. записана эта сказка съ слѣдующими измѣненіями:

Разбойники складывали деньги въ амбарѣ, который по словамъ: «Софинъ, Софинъ, отчинися!» отворялся, а по словамъ: «Софинъ, Софинъ, зачинися!» затворялся. У бѣдняка была дочь *Заранка*. Богатый братъ давалъ бѣдняку осьмину мѣрять деньги, и по приставшей къ осьминѣ монетѣ узналъ о богатствѣ бѣднаго брата. Разбойники привезли товарищей въ *кожаныхъ* бочкахъ, подъ видомъ оливы. Труповъ бѣднякъ не погребалъ. Его спасла дочь Заранка, заливъ смолой всѣ отверстія въ *кожаныхъ* бочкахъ, въ которыхъ было десять разбойниковъ. Два же другіе, желавшіе жениться на Заранкѣ, были ею убиты.

67. Злыдьни.

Жили сабѣ два брата поплячъ. Яны подылились, и одинъ ставъ богато жить, а другій—што далай, дакъ бяднѣя. Вотъ пошовъ разъ бѣдный у шинкѣ, нанивсь горѣлки, узавъ съ собой у глѣкъ, иде домовъ да пая. Прислухаетца—ажъ хтось за нимъ иде и услѣдъ пая, подмогая. «Хто йто за мной услѣдъ пая?»—Мы!—«Хто вы?»—Твое злыдьни! Мы жъ усюдахъ за тобой ходимъ! Вотъ бѣдный и кажа: «Хочетя горѣлки?»—Хочемъ! «Ну, лѣзья у глѣкъ, тамъ горѣлка вамъ ёстак!» Яны ўлѣзли у глѣкъ, а енъ хутчѣй узавъ да ихъ затгнувъ тамъ. А тогды што здѣлавъ? Выкопавъ ямку, да туды глѣкъ и закопавъ у ямку.

И ставъ енъ съ тыхъ поръ поправлятца, и побогатѣвъ. Богачу жъ стало ето завидно. Приходя енъ къ бѣдному и ставъ распытывать у того, якъ енъ побогатѣвъ, съ чаго? Той узавъ, да ўсѣ и расказавъ. Вотъ той богачъ пошовъ на тоя мѣсто, дѣ были закопаны злыдьни, выкопавъ злыдьнявъ и ототкнувъ глѣкъ. Енъ жа думавъ,

што злыдні зновъ пойдуть имъ брату жить, ажно яны стали за имъ услѣдъ ходити, яго смоктати. И здѣлавсь той богатъ прабѣднымъ чаловѣкомъ, прагоркимъ п'яницомъ.

Гомельск. у. Ср. Драгоман. 413.

68. Горе.

Якъ живѣ сабѣ дзѣдъ изъ бабой и ня було у ихъ дзяцей. И жили яны дужо бѣдно. Штѣ яны ни сѣяли, ничего имъ не родило. У гэтаго дзѣда бывѣ дужо богатый братъ; ёнъ гэтаго бѣднаго дзѣда не почитавъ дажа и за брата. Разъ дзѣдъ кажець на бабѣ: «жана моя любезная, што намъ тутъ жиць? Чаго мы тутъ доживёмся. Поѣдемъ мы ў свѣтъ, куды кони пойдучъ, однакъ уже ня будзець хуже, якъ тутъ!» Дужо имъ было дренно жиць.—«Ну, што жъ, дзядулька, поѣдемъ!» Пошовъ дзѣдъ запрагаць коній. Тольки яны стали выбиратца, ажъ чуюць яны—плачець дзяцёночикъ за печкой. Баба тоды кажець: «дзядулька, возьмемъ мы гэтаго дзяцёночка, однакъ у насъ дзяцей нема!» А дзѣдъ кажець: нѣ, ня будземъ браць—гето наша горе! Баба стала плакаць и кажець: «коли мы яго ня возьмемъ, дыкъ и я не поѣду!»—Ну, баба, коли ты уже хочешъ яго ўзяць, дыкъ я яго упихну у бутлю—у мяне ёсь большая!. Упихнули гэтаго дзяцёнка у бутлю и поѣхали. Дзѣдъ кажець: «ня будземъ управляць конёмъ. Куды ёнъ пойдзець, туды и мы поѣдемъ.» И поѣхали. Конь пошовъ у лѣсъ. У лясѣ тамъ спежачка. И поѣхали яны по тэй спежачцы. Ъхали яны, ъхали цѣлый дзень. Стало ужо смеркатца. Дзѣдъ видзиць—рѣчка, а кыло рѣчки травка зялёненькая, и кажець баби: заночуемъ мы, баба, тутъ! Баба кажець: заночуемъ! Распрогъ дзѣдъ коня, пусцивъ яго попасываць на травку, а сами лягли спаць. Дзѣдъ, лежавши, ўздумавъ про гэтаго дзяцёнка. Ёнъ цѣхынёк устави, ўзявъ бутлю, привязавъ яе за вярровку и кинувъ у рѣчку, а конецъ привязаваъ за кустъ. Прошнулася баба, нема дзяцёнка: «дзѣ дзѣвся дзяцёнокъ?» И стала плакаць. Поплакала, поплакала, а тоды запрагли коня и поѣхали дальше. Ъхали, ъхали, пріѣжжаюць подъ хольварикъ. Тоды дзѣдъ баби кажець: не поѣдемъ у хольварикъ такими старцами, а лѣпи выкопаемъ тутъ землянку и будземъ жиць!.. Злѣзъ дзѣдъ съ коня и ставъ копаць землянку. Копавъ, копавъ, чуець, нѣшто тамъ стучиць. Ставъ енъ копаць, ажъ тамъ скрыня грошій. «А бабочка жъ моя, кажець: полядзиту, у мяне цѣлая скрыня грошій! Я выкопавъ!» Дужа яны ўзрадовалися. Пошли, купили сабѣ гэтый хольварикъ и мужиковъ. Мужики были дужо бѣдные. Дзѣдъ давъ имъ по троху грошій. Яны дужо были рады гэтому и дужо яго слухали. Стали яны работаць, лѣсь рубиць, новые хольварки строиць. И разбогацѣвъ тэй дзѣдъ ящѣ больше.

Захоцѣвъ енъ тоды зѣздиць къ тому богатому брату. И говѣриць баби: баба, я поѣду къ тому брату! А баба кажець: «чаго табѣ ъхаць? Ёнъ тоды вырекався насъ, а цяперъ ты ўздумавъ къ яму ъхаць.»—А нѣ, кажець дзѣдъ, поѣду!.. Справивъ сабѣ хорошую одзежу и поѣхавъ. Пріѣжжаець туды къ брату, а братъ яго не ўвознавъ, думавъ, што къ яму пріѣхавъ якій помѣщикъ. Позвавъ яго у комнату, ставъ частоваць, и пытаецца: откуль вы? Ёнъ кажець: «Якъ гэта вы мяне не ўвознали,—я жъ вашъ братъ!» Ёнъ тоды ставъ пытацца: «якъ гэта ты добывъ такое богатства?»—Да

было у насъ, кажець, горе у хаці. И якъ ставъ я выѣжжати, то яно скинулось, якъ рабёнокъ, и плакало за печкой. Я не хоцѣвъ браць, али баба стала плакаць, капъ узявъ. Я тоды усадзивъ яго у бутлю и повёзъ. Ъхали мы, ѣхали и занучували кыло рѣчки. Я ўзявъ, цихынько привязавъ къ бутли камень и кинувъ яе у рѣчку, а конецъ привязавъ за кустъ на берази!—«И цяперъ яно тамъ ёсь?»—Ёсь!—«Покажи ты мнѣ, дзѣ яно?»—Добро, їдзъ со мною, я табѣ и покажу!.. Енъ и поѣхавъ. Приѣжжаюць яны туды, тоды дзѣдовъ братъ и кажець: вынемъ! А дзѣдъ кажець: «на што? Ня треба!» А енъ узявъ и выпцягнувъ бутлю. Поглядзяць, ажъ гэты дзяцёночыкъ дужо худый. Богаты братъ яго оттуль вынявъ и кажець: идзи къ своему хоздзяину! А горе кажець: «нѣ, не пойду. Енъ мяне бивъ и топивъ, енъ ня добрый. Я пойду лучче къ табѣ!» И общапився кыло яго. Што енъ ни дзѣлавъ—ніякъ ня-можно зняць. Повёзъ у дворъ, и скоро здѣлався такимъ бѣднымъ, якъ бывъ яго братъ. А тэй дзѣдъ ставъ жиць сабѣ съ своей бабой богато и щасливо.

Г. Стэнно.

69. Два брата.

Жили сабѣ два брата: одзінъ живъ богато, а другій бѣдно. Богаты живъ при ўсёй выпгѣдзи, самъ не работава, а тольки ходзивъ ды красовався, бо мавъ паробковъ много, што на яго работали.

А бѣдный живъ у вяликой нѣждзи. Тольки тымъ и кормився, што коли рыбы паловиць. Вотъ разъ гэты бѣдный припозьнився на рацѣ, и занучувавъ тутощки пыдъ комяжкой. Вотъ, ночычи приходзюць сюды три черцянкы. Сѣли яны ны комяжцы и стали гывориць, хто їдзѣ бывъ, дзѣ што видзѣвъ, дзѣ што дзѣлавъ. Вотъ одзінъ черцяно́къ говориць: вотъ я поддзѣлывъ штуку, дыкъ поддзѣлывъ: разбуривъ мость у прудзи. Тамъ цяперъ сколько мужуковъ съ коньми работаюць, и ниякъ не направюць. Ну тутощки соўсімъ глупая вещь: узяць, три разы на пятуху завезць зямли ў лапцы, и мость поправитца. Молодзецъ будзецъ тэй, хто догадаетца! А другій черцяно́къ говориць: ну братъ, и я здѣлывъ хорошую штуку: паню загодзивъ. Даюць три тысячи тому, хто яе вылячиць, ну никто не бяре́тца. А тутъ соўсімъ глупая вещь: узяць, лягушку разодраць и пожазаць яе. Вотъ и ўся штука. Молодзецъ будзецъ тэй, хто догадаетца! Третьцій говориць: а я законавъ пыдъ бярозой три гарцы серабра. Хицѣръ будзецъ тэй, хто найдзець ихъ!.. Поговорили яны гэтыкъ и разыйшлися.

Тоды тэй, бѣдный мужикъ, вылѣзъ съ пыдъ комяжки, откопавъ три гарцы серабра, направивъ мость у прудзи и вылячивъ паню. И ставъ енъ дужо богаты. Богатому жъ брату стало завидно, чаго енъ такъ скоро ставъ богаты. Приходзиць енъ къ бѣдному и ставъ распрашуваць. Тэй усё яму и рассказавъ, якъ было. Тоды богаты пошовъ и лёгъ пыдъ комяжкой. Ночычи приляцѣли черцянкы, сѣли ны комяжцы и стали говориць. Першій кажець: ахъ, братцы, нѣхто нашовся, и поправивъ мость у прудзи! А другій кажець: и мою паню нѣхто вылячивъ. Третьцій кажець: ну, братцы, и моё жъ гроши нѣхто побравъ! Ци нема, братцы, кого тутъ, ци не

подслухаецъ хто? Перавярнули яны комяжкѹ, ажъ мужикѹ, якъ прутѹ, ляжиць. Ну, яны яго ухвацили и поцягнули у водѹ.

Енѹ и цяперѹ яще плаваецъ по водзѹ.

Д. Тютѹки, сынн. у. Кр. Кириллѹ Аникіевичѹ.

70. Чортовая маць.

Жило сабѹ такѹ два браты: адзінѹ бывѹ богатый, а другій бѣдный, енѹ яго и за брата не считавѹ. Вотѹ и злучилося у богатаго вяселья. Позвавѹ енѹ и яго на вяселья; толькы счотѹ тѹй, што позвавѹ!

Ну, бѣдный, якѹ ни старався, выстарався хлѣбець, и пошовѹ кѹ яму на вяселья. Пришовѹ да й стоиць у порози, а богатырѹ частуецѹ гостей, и не глядзиць на брата. Бѣдный подышовѹ, поцалувавѹ яму ў рукѹ и говориць: прими, брадець, мой хлѣбець! А енѹ говориць: «идзи кѹ чортовой мацери!» Енѹ заплакавѹ, и пошовѹ домовѹ кѹ баби, и говориць: пославѹ мяне братѹ чортовы мацери искаць! Узавѹ енѹ тѹй самы хлѣбець и пошовѹ. Ишовѹ, ишовѹ, пришовѹ у лѣсь. А тамѹ стоиць хатка. Енѹ пришовѹ у хатку, а тамѹ баба. «Чого ты пришовѹ сюды?»—А чого шѹ? Пославѹ мяне братѹ чортовы мацери искаць! Яна кажець: «а я сама ѣсь чортовая маць!» Отдавѹ енѹ ѳй хлѣбець, яна яму и говориць: «ну, идзи шѹ кѹ мору, а тамѹ обярнѹтыхъ три лотки. Ты подлѣсь подѹ лотку, и слухай, хто што будзець говориць!» Енѹ пошовѹ, подлѣсь подѹ лотку и сядзиць. Идуць три пары чарцей. Первая пара говоруць: «вотѹ я сянѹни здѣлавѹ штуку: у царскія дочки жаба!» (болѣзнь)—А якѹ бы гѣто направиць?—«А вотѹ якѹ: узяць, подняць у мосци доску, мостницу, а тамѹ лягушка *короватая*. Узяць яѣ, раздзерци и вымазаць языкѹ. Яна и поправитца!» А другая пара говоруць: «а я здѣлавѹ штуку: прудѹ моловѹ на семѹ камянѣвѹ, а цяперѹ ставѹ и ня мелець.»—А якѹ яго направиць?—«А вотѹ якѹ: узяць коль осиновый, и ўдариць обѹ камень, и пойдзець молоць!» А третьяя пара говоруць: «а я штуку здѣлавѹ: вода, гдѣ была—у рѣчкахѹ, возярахѹ, у болотахѹ—усюдахѹ перасохла!»—А якѹ яе направиць?—«А тамѹ на поли стоиць кѹстѹ лозовый. Узяць, за вихорѹ яго колонуць, и пойдзець вода!»

Давѹ Богѹ дзень, вылѣсь енѹ ись-подѹ лотки и идзець. А тутѹ за дохторами ѳздзюць, шукаюць, хто бѹ вылѣчивѹ царевну. Енѹ и говориць: я дамѹ рады! Тутѹ яго сыйчасѹ узали, приставили кѹ царю. Енѹ поднявѹ мостницу, тамѹ сядзиць лягушка короватая. Енѹ узавѹ яе, раздѣрѹ, и вымазавѹ языкѹ. Яна и поправилася. Дали яму платы, сколько яго змога, и запрагли тройку лошадей, и вязуць яго. А тутѹ ходзюць, плачуць... «Чого вы тужица?»—Да вѹ прудѹ моловѹ на семѹ [камянѣвѹ, а цяперѹ ставѹ.—«Ну, я направляю!» Узавѹ коль осиновый, якѹ давѹ по камяню, и пошло молотца. Заплацили яму и тутѹ хорошо. Ыдзець енѹ дальше, а тутѹ умираюць безѹ воды. «Ну, кажець, постой: я направляю!» Пошовѹ на поле, а тамѹ стоиць кѹстѹ лозовый. Енѹ узавѹ яго за вихорѹ, якѹ колонуѹ—и пошла усюдахѹ вода. Яму й тамѹ заплацили дѹбро. Приѣхавѹ енѹ домовѹ и ставѹ богатый.

А тѹй жа богатырѹ позавидовавѹ яму, и такѹ жа само пошовѹ кѹ мору и подлѣсь

подъ лотку. Приляцѣли черци и говоруць: «вотъ, братцы: мы што поддѣлали, нѣхто й поотдѣлававъ. Ци ня бывъ хто тутъ?» Отварнули лотку, а тамъ богатырь ляжиць. Яны яго й расцережали на часточки.

С. Замоцкѣ, стнн. у.

71. Богатый братъ и бѣдный.

Жили два браты: одзінъ бывъ богатый, а другой бѣдный бывъ. Одзінъ расъ богатый братъ яго устроиць балъ. Пришовъ гэнны бѣдный къ гэнному богатому брату, богатый и говориць: «ня приму я цябе ны свою балъ!» И прыгнавъ гэнного бѣдного. А ёпъ ды зынимався рыболовѣмъ. Рассердзился ёнъ ны брата и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, приходиць къ вызару. Видиць, стоиць кымага; кылы кымаги муруваныя хатка. Пошовъ ёнъ къ муруваной хатцы, ашъ стынъ челоуѣкъ. Пыдыйшовъ ёнъ къ яму и ставъ просиць у яго лотки, рыбы пыловиць. Давъ тэй яму лотку, енъ сѣвъ и поѣхавъ. Ловивъ, ловивъ—усё дробненькыя рыпка ловицца. Пыловивъ енъ яе много и думыць: ци ловиць яцо, ци фхыць домовъ? Али думыць: закину-тку я яцо растъ! Закинувъ енъ вуду, пычавъ ловиць рыбу пу повпуду. Пыловивъ трошку, и ўловивъ такую рыбину, што й зъ роду такае ня видзівъ. Стала гѣна рыбина зъ имъ гымопиць, и стала у яго проситца, капъ ёнъ яё узновъ у воду пусцивъ. А енъ ня пускаецъ, ды ў торбу ўкладыецъ. «Якъ я цябе, каецъ, буду пуцаць, кыли я бѣдный; мнѣ нечего ёсь, а ты яцо просисся, капъ я цябе пусцивъ!»—Ну, кыли такъ, дыкъ укладзи ко мнѣ ў ротъ рукѹ и дыставъ тамъ колцо зылотое!.. А енъ бонтица, капъ я аа ня 'тку-сила яму руки, и говориць: «ты мнѣ хочешъ рукѹ откусипъ!»—Нѣ, ня бойся, уклады! Ну, енъ дыставъ тое колцо и спрашыецъ: «што мнѣ зъ яго за польза?»—Ня бойся, будзецъ польза! Выкидай-тку пыскорѣй усю свою рыбу, ды кладзи колцо у кымагу! Енъ выкинувъ усю рыбу, ды ня ўспѣвъ и кылца пыкласци, якъ кымага грошій повна стала. Тоды енъ *узятчи* яе и пусцивъ. А самъ пріѣхавъ къ бѣрагу, здѣвъ штаны, здѣвъ сорочку, пыклавъ грошій повно и пошовъ у дворъ. Пришовъ у дворъ, высынавъ грощи ды й думыць: што тутъ робиць? Стольки грошій я маю. Ци строиць мнѣ новую хату, ци нѣ? Али думыць: построю! И построивъ, лѣнше, чимъ у брата. Устроиць балъ пы ўлазины, а брата не пыззавъ. Тоды тэй братъ пысылаецъ къ яму свойго сына ды й говориць: «сходзи-тку ты, пылядзи, што у яго ёсь тамыцьки ны бали?» Енъ пошовъ, пылядзѣвъ, ды скорѣй пызатъ: «татычка ты мой! у цябе того немашацька ў скрынцы, што ў яго кылы порога!»—Пызови-тку яго сюды: я ў яго пысытаю, идзѣ ёнъ стольки быгадѣця наживъ! Пришовъ гэнны бѣдный братъ къ яму, и пысызавъ усё, якъ было. Тоды тэй думыць: «пойду-шь-тку й я зловлю гѣткыю рыпку; я буду тоды быгадѣй зы яго!» Пошовъ енъ къ тей хатцы, увыйшовъ туды, склонився и ставъ просиць у нѣх лотки. А гѣно были людоеды. Яны яго сханили, пырубили ды ў котлы поўкидали. Жонка й дзѣци ждали, ждали. «Нѣшто начуць яго? Пойдземъ-тку пышукаемъ!» Пришли туды, увыйшли у тую хатку, ды й пытаюць: «ци ня видзили мойго мужука?» А яны ничёго не кажущъ, ды пожи подъ сѣрца ткаюць. Зыгололи и нѣх.

Тоды ўсё ихныя быгадѣця дыстались тому брату, бѣдный што бывъ.

С. Лугиновичи, стнн. у.

72. Правда и Кривда.

а, Начномъ скѣзку, а не скѣзку, да приказку, скѣзка будзя зоўтра пусли убида, пудъивши мяккаго хлиба.

Були саби два хлѣпцы, удзинъ звовся Кривда, а другій Прѣвда. И ходили яны пу кусочкахъ. Такъ Прѣвда пруса хлиба, а Кривда крадзя. У Прѣвды хлиба нема, а ў Кривды пувна койстра. Удзинъ разъ заявля яны мижъ собку свѣрку: якъ лучъче жиць? Кривда кожа: кривдой лучъче жиць! А Прѣвда кожа: нѣ, прѣвдой лучъче жиць! —«Ну, худземъ дорѣгой, куго понадумъ, у того й попытаамъ, чимъ лучъче жиць—ци правдою, ци кривдою? Ишли, ишли, и бѣчуць—на пѣли пасе дзидъ овецъ. «Зайдомъ къ яму, попытобемся!» Приходзюць къ дзиду. «Здростуй, дзидъ! Искажи ты номъ, якъ лучъче жиць, ци кривдою, ци прѣвдою?» Дзидъ подумавъ, подумавъ, задрѣвъ вѣчи ўгору и кожа: «кривдою лучъче жиць, а прѣвдой цяперъ ня проживешъ. Кривдой живши, скорій што-нибудь укрѣдзешъ: ци ў пона лѣсу укрѣдзешъ, ци хлиба ўкрѣдзешъ, усѣ тыки бѣльше ё. А прѣвдою идзѣ шту вѣзьмешъ?» Прѣвда кожа: «нѣ, ня прѣвду, дзидъ кожашъ! Прѣвдой лучъче жиць. Худземъ, Кривда, дѣли!» Пройшли дѣли по до-рузи, и бѣчуць—йдучъ жиды. «Дувѣй попытобемъ у етыхъ жидѣвъ.» Здуropy, купцы! —Здуроў, здуроў, хлѣпцы!—«Искажия вы номъ, якъ лучъче жиць—кривдою, ци прѣвдою?»—А шту жъ? Кривдою лучъче жиць! И мы вѣгъ живомъ кривдою: куго не подмѣняшъ, и нема ничѣго! Тугды Кривда кожа Прѣвдзи: «а шту, не казѣвъ я таби, шту кривдой лучъче жиць?» Пошли изнувъ дѣли. Прѣвда захоўла йсци и прѣся у Кривды: дѣй мни, бротъ, хлиба, хуць кусѣчакъ! А Кривда кожа яму: «дай, я таби выколю вуко!»—На, коли Бѣга не боишься! Кривда выколола вуко и дала хлиба кусѣкъ. Юнъ (ѣнъ) зывѣвъ, и пошли дѣли. Прѣвда изнувъ захоўла йсци. Бротъ, дѣй мни хлиба яще!» Кривда кожа: дай я выколю другое вуко! Прѣвда дала выколоць вуко другое. Кривда выколола вуко и дала хлиба яму. Тогды кожа: «шту жъ, я ця-бе цяперъ водзичъ буду сляпѣго?» Кинувъ ды й пошуў.

Прѣвда пѣповзкомъ, пѣповзкомъ ды й войшла ў лѣсъ. И чуя, хтѣсь говѣра юй (ѣй): идзи ты етой сѣжѣкой, и придзешъ ты акъ ручайку, и помый вѣчи: ты будзешъ бѣчиць. Тугды глѣнь удоль по ручайку, убѣчишь большѣго дуба. И ты ўзлизь на гѣтаго дуба и томъ ночуй. Злѣцятца ў нѣчи пудъ гѣтаго дуба розное змайю (змѣйѣ—сѣбир.). Шту будучъ казѣць, ты ўсю (всѣ) слѣхай. Юнъ токъ и зробивъ. Злѣцалися змайю на нѣчь. Удзинъ кожа: я томъ-то бувъ вутъ. Другій кожа: а я томъ-то. А третѣй кожа: «а я вутъ у королювсѣкой дѣчки; кѣльки литъ мучу яё ўже, и нѣхто ня мѣжа вялячиць. Кѣбъ такий найшувся, узѣў—у воднаго купца ю (ѣ) на вѣрутахъ Бужаа Мѣ-церъ—узѣў тую викону, да спустиў изъ яе воды, да дѣвъ юй нанѣтца, я бѣ тугды нѣразу не поляциў, и яна бѣ була здѣруваа за 'дзинъ чѣсъ!..» Якъ стѣвъ дзѣнь, Прѣвда змѣзла зъ дуба и пошуў акъ купцу, акъ тому. «Дзѣнь дѣбрый, купецъ!»—Здуроў, здуроў, Прѣвда! А чаго ты пришуў?—«Я пришуў, дѣйце мни гѣту Бужаю Мѣцеръ!»—Я таби домъ яё, тѣльки отслужѣ мни гудъ за яё!.. Прѣвда остѣўся служѣць. Прѣшуў гудъ. Купецъ грѣши (грѣши) дае, а Бужѣя Мѣцѣри не дае, затымъ кѣбъ яще гудъ послѣужиў юнъ. Юнъ буў столаръ дѣбрый: дзѣлаў рѣзныя стулки,

стола дурогіе. Юнъ жа грушій не бярэ у купца. А купецъ Бужія Моцери ня дае. Остоўсь яще гудъ служиць. Прослужиў два годы. Тугды купецъ отдаў яму Бужаю Моцерь. Юнъ узёў и пошоў акъ королю. Королювскія слуги ня пускаюць яго. Юнъ и кôжа: скажица королю, шту я пришуў лячиць паненку. Слуги сказôли королю. Корóль яго съ охвôтою принёў; накормиў, напоиў и дóў яму часы два отдыхнуць. Провда отдыхнуў и пошуў акъ паненцы. Спусциў зъ Бужія Моцери воды и дóў юй напигца, и спырснуў ны яе трôхи (трôхи—немного). Яна стôла здоруваа. Тугды прихóдзя корóль и пытôетца: «вылячиў?» А яна упêрадъ зы яго откôзуя: «я ўже здурова!»—Ну, шту жъ,—ты жанôтний, ци холúстый!—«Холúстный!»—Ну, буду жаниць я цябе на своей дочцы!.. Жаниў Прôвду на паненцы. Вяселья згулêў дôброе: горэлки було три сôтки (сотки) съ пулувиной! Пожиў Прôвда годы два и кôжа: «тôта! я пойду у свою (свое) сяло!» Корóль яму позвóлиў. Юнъ собрôўся йхаць, прусигца и паненка услидъ. Юнъ узёў съ собой и жóнку, и пойхали у свою сяло.

На дорóзи сустриўся юнъ нсь Кривдой. И юнъ Кривду угадоў, а Кривда яго ня ўгадôла. «Здуроў, Кривда!»—Здуроў, здуроў, ваша сьмêцелство! Тульки я ня видаю, хту вы такія юсцака?—«А ци выдаешъ ты Прôвду, шту ты юй вучи колóв?»—Видаю, видаю!.. Стовъ на колиянцы и умолая Вугомъ: «спросци мни, шту я таби здзилаў!»—Ня буйсь, ня буйсь, ня будзя ничôго. Я й таби нарôю тôкъ. Идзи вуть у гэтый лисъ, и нôйдзешъ сьцêжку. Пуйдзешъ ты етой сьцêжкой, и нôйдзешъ ты ручаюкъ. Помыешъ вучи и глêнешъ удовжъ ручайка, убочишь большôго дуба. Узлизь на яго и заночуй!.. Кривда ето здзилаў усю, шту казола Прôвда. Зляцилися змяю подъ дуба на ночъ. Удзинъ кôжа: я тôмъ буў! Другий кôжа: я вуть томъ-то буў! А третъий кôжа: «а я, бротъ, шту тугды каздô, дакъ тûе усю и здзилалôся: нôкто (нôкто) найшуўся такій, шту ўзёў мяне да й выгнаў. Ци не сядзиць, бротъ, туть хтû на дуби, ци не слухаа юнъ, шту мы раскôзуемъ?» Узёў змий и ўзлизь на дуба. «Э, бротъ! дакъ ёто ты тутака сядзишь и ўсю слухаешъ, шту мы кôжамъ!» Узёў яго за куўнеръ и скинуў яго зъ дуба.

Рассыпаўся юнъ на семсôтъ кускóў, и здзилалôся семсôтъ шинкуў. И цяперъ у ихъ горэлку пьюць.

С. Озераны, рогач. у. Записано г-жей Шекунъ. Ср. Афан. в. I, стр. 63.

6, Жили сабъ два браты, и занимались яны торговляй—гоняли корабли съ товарами. Вотъ разъ ёдутъ по мору яны, и стали споригца. Больший кажа: «моя луччая жисть! Я кручу да мотаю, на душû хватаю, дакъ чайкъ успиваю, а ты правды дяржисься, не вячеравши спать ложисься. А меньший кажа: нô, моя луччая жисть! Спорили, спорили, нôкто никôго не пераспора. «Ну, цехай, говоратъ, кого устрôномъ на мôри, да якъ ёнъ разсудя, такъ и будя!» Ёдутъ дальше, и стрôли пана. И давай говорить яму объ своихъ спори. Большой кажа: «я кручу, мотаю, на душû хватаю, чайкъ успиваю, а ёнъ правды дяржитца, не вячеравши спать ложигца!»—Вôрно, говора панъ: хто правды дяржитца, усягды не вячеравши спать ложигца. И такъ, што больший братъ съ паномъ осудили меньшого брата, отнять у яго усъ чисто товары, што яму нема ничôго. А пана принявъ къ сабъ за товариша, больший братъ.

Посадили яны яго удвохъ у лёгкаю лотку и вывязли на востровъ и кинули яго тамъ. А послѣ раздумались: «будя йти другое судно, и енъ насъ догоня, увидявши. Пойдомъ, вочи повыкалужаю, енъ ня будя бачить, куды мы пойдомъ!» Вярнулись и повыкалужали вочи.

Ёнъ повзавъ, повзавъ по вострову, и сляпуючи забився подъ дубъ у коренья. Стала ночь. Чуя енъ, штось прилятѣло и сѣло на дубъ, а тогда другое и третьяя и ще, и ще. И давай мнѣда собой говорить. Одинъ говора: «вотъ, я якъ прозвѣвъ сяньни! Што братъ брату вочи повыкалужавъ!» А другій говора: «ага, а коли бъ енъ тутъ бывъ, да ето чувъ, уставъ рано, да ставъ росу збирать, да вочи мазать, то бъ и бачивъ! То жъ якъ я штуку удираю! Якъ только грэблю насыплатъ, работаятъ цѣлый мѣсяць—а я за часъ порву!» А третій кажа: «ага, а коли бъ енъ тутъ бывъ, да ето чувъ, да затясавъ колъ пареворотянь зъ другою копца, да съ парелѣтка (перелѣтка) съ чорнаго барака съ подъ правыя пахи вовны настригъ, да забивъ наўхрасть, да якъ только ты поверняшь, коли бъ енъ кинавъ туды колъ, то бъ ты и ирвать закаявся! То жъ якъ я—дакъ королевскую дочь обязумивъ: яна рубахи на сабѣ рве да ѣсть, людей ѣсть. Дакъ яе засадили у тямницу, што только одно вокошачко на два вяршки кругомъ!» А чатвѣртый говора: «ага, коли бъ хто тутъ бывъ, да ето чувъ, да ўзявъ нашаго старшаго коверъ тутъ, да розостлавъ, да сказавъ: ниси мяне на брынский лѣсъ у пустыню, да ўзявъ хрѣстъ тамъ, да полятѣвъ къ королевской дочкѣ, да тымъ хрестомъ благословивъ яе, дакъ ба ты у вокошко гнѣвсь, гнѣвсь, и шкуру бъ полужавъ!» Запѣли пѣвни, яны и полятѣли.

Ёнъ вылезъ, да ставъ кругомъ дуба собирать росу, да мазать вочи—и ставъ бачить. Увидявъ енъ коверъ, узавъ разостлавъ яго, сѣвъ на яго и кажа: коверъ мой любый, ниси мяне на брынский лѣсъ у пустыню! Коверъ и понѣсь туды. Уходя енъ къ монаху и рассказавъ, што чувъ. Давъ енъ яму хрѣстъ. Ёнъ вышовъ, сѣвъ опять на коверъ: коверъ мой любый, ниси мяне туды, идѣ рвѣтца грэбля! Коверъ и понѣсь. Енъ спустився, приходя къ майстрамъ: «што у васъ чутъ?»—А ничога ничутъ, только вѣд—грэблю рве!—«Э, я бъ здѣлавъ, што не рвало бъ больше, коли дастѣ сто карбованцовъ!» Дали яны яму сто карбованцовъ, енъ затясавъ колъ зъ другою конца, у парелѣтка выстригъ вовны, наўхрасть забивъ у колъ, и ставъ. А яны ўже наладили. Якъ только ёнъ повярнувся ирвать, а енъ туды коломъ! То енъ у водѣ ажъ завншавъ! Вотъ и кинавъ ирвать.

Ёнъ опять разостлавъ коверъ: «коверъ мой любый! ниси мяне туды, дѣ обязумилась королевская дочь!» Енъ и понѣсь. Остановились вярсты за три отъ города. Пошовъ енъ пѣшки, у городъ. Попросивъ тамъ ночавать, и спрашуя у ходинна: «што тутъ чутъ у васъ?»—А чутъ, што королевская дочь обязумилась. Намъ слышки идуть, што коли бъ хто вылячивъ, то бъ король принявъ яго къ сабѣ упримы!—«Э, я бъ вылячивъ!» Тутъ, па ўспѣвъ пераночавать, а слышки ўже перададаны, што тамъ и тамъ ёстяка такой чаловѣкъ, што барѣтца вылячить королевну. Пришли солдаты, обкружили той домъ, дѣ енъ ночававъ и ўзяли яго. Вотъ и повяли яго туды, дѣ была королевна. Отвалили завалъ и ўпихнули яго туды. А яна, голая, разавила ротъ и бажить къ яму. Енъ узавъ и благословивъ яе хрестомъ. Якъ полтѣвъ у тое вокошачко чортъ, якъ полтѣвъ—што й тямница затрашала! Ну, якъ только вышовъ зъ яе

чортъ,—ей стало стыдно. Яна упала перадъ имъ ницъ. Енъ тогды напранувъ яе своей оде́жой, яна ўстала и попросила часовыхъ, штобъ ей принесли яе оде́жу. Подали ей оде́жу; яна одѣлась, и вышли яны обявши и пошли у домъ. Якъ увыйшли яны у домъ, тогды яна прибралась, и пошли у церкву, повяньчались, и енъ ставъ наслѣдникомъ.

Вотъ, чаразъ сколько урема пригоняя къ яму братъ товаръ и приходя у яго домъ. Ну, однача енъ принявъ яго за гостя. Тогды той ставъ распрашувать: якъ ето ты суды зайшовъ? Енъ яму говора: у мяне ё такій ковёръ, што куды скажашъ, туды енъ и нясе. Тогды енъ яму отдавъ корабли съ товарами, а енъ яму отдавъ ковёръ. Сѣвъ енъ на яго: «ковёръ мой любый, няси мяне, гдѣ ты бывъ!» Ковёръ понёсъ яго подъ дубъ. Дождавсь енъ ночи, прилятаять на дубъ тые самыя и говора́тъ: «вотъ, той, што братъ вочи выколовъ—енъ уже королёмъ! А яковд то табѣ, што ты ир-вавъ грэблю?»—Ага, говора: якъ я тольки повярнувсь, енъ якъ удара мяне коломъ пд голови, дакъ я повгода лячивсь. А яково то табѣ было, што ты королеву обя-зумивъ?—Ага, кажа: якъ увыйшовъ у тямницу, да благословивъ хростомъ, дакъ я гнёвсь, гнёвсь у вокошко, и кожу полузавъ чисто на сабѣ, цѣлый годъ лячивсь.—«Дайка мы, братъ, спустимсь, ти ня тутъ енъ слухая!» Спустились подъ коренья, а енъ сядить. Ну, тутъ яго на мелкія части порвали...

Гомельск. у.

в, Жила гэдыкъ Кривда и Правда умѣсци. Али нырадзилиси яны пойдц абы-куды ў свѣтъ. Ишли яны, ишли, али зыхоцѣлося Правдзи ѣсци. Тоды Правда ка-жець: «ци вѣдыешъ што, Кривда?»—А што? «Ды вд што: я ѣсци хочу!»—Правдзиш-ная правда! Вотъ правда, дыкъ правда!—«А чіе-жъ мы будземъ ѣсь?»—Будземъ сабѣ твоё ѣсци, кажець Кривда.—«Ну, будземъ!» Подѣѣли яны Правдзинаго, и пошли дали. Ишли, ишли, узнова зыхоцѣла Правда ѣсци. «Ци вѣдыешъ што, Кривда?»—А што?—«Ды я ѣсци хочу!»—Правдзишная правда! Вотъ правда, дыкъ правда, што ѣсци хочетца!—«А чіе жъ мы будземъ ѣсци?»—Ды будземъ ужо твоё доѣдаць! Выняла Правда своё, и зѣѣли удвохъ. Зѣѣли, и пошли дали. Проишли ящо троху, Правда узнова зыхоцѣла ѣсци, и кажець на Кривду: «Я ѣсци хочу, давай цяперъ будземъ твоё ѣсь!»—Нѣ, кажець Кривда: я не дамъ свойго ѣсци!—«Во, правдзиш-ная кривда! Вотъ кривда, дыкъ кривда: якъ моё, дыкъ ѣла, а свойго ня хочешъ даць мнѣ!»—Ну ўжо, кыли даси воко выкылоць, дыкъ дамъ ѣсци! Правда думыла, думыла: якъ тутъ здѣѣлицъ? Ёсци дужо хочетца, хуць ты ўмирай. «Ну, нѣ, кажець, коли!» Кривда выкылыла воко, и дала Правдзи ѣсци. Подѣѣли яны Кривдзинаго и пошли да-ли. Ишли яны цяперъ довго, али зыхоцѣлося узнова Правдзи ѣсци. «Ци вѣдыешъ што, Кривда?» кажець яна.—А што?—«Ды, кабъ ты знала, мнѣ ѣсь хочетца!»—Правдзишная правда, што ѣсци хочетца! Вотъ правда, дыкъ правда!—«Ну, дывай жа, будземъ ѣсци твоё!»—Нѣ, не дамъ!—«Вотъ правдзишная кривда! Вотъ кривда, дыкъ кривда: якъ моё, дыкъ поѣли удвохъ умѣсци, а свойго дыкъ вотъ, цяперъ не даёшь мнѣ!»—А дай, выкылю другое воко, дыкъ дамъ ѣсь! Правда зыплакыла ды думець: якъ ба здѣѣлицъ? А ѣсци хочетца, хуць умирай.—«Нѣ, кажець, коли!» Выкылыла Кривда другое воко Правдзи и дала ей ѣсци. А покуль яна ѣла, дыкъ Кривда яе и кинула, а сама пошла дали.

Правда подѣла, ды тутыцьки и осталыся: бы куды ици бязь вочь? Лежала, лежала на 'днымъ мѣсци, и заснула. И соснилося Правдзи уво снѣ: «повзи ты, Правда, на росу, ды жменькой росы на вочи ўзли!» Пропнулыся Правда, поповзла на траву и узлила жменькой росы на вочи. Тѣ бачила Правда хорошо, а то стала бачиць ящѣ лучче! Пышла Правда дали. Ишла, ишла, видзиць, стыяць у бору колоды съ пчалáми. Правда хочѣла узаяць, зѣѣсци меду, а пчолы кажуць: «нярушь наст! Мы табѣ нѣкыли будземъ знадобны!» Правда подумала, подумала: а можа и правда, можа коли яны будуць знадобны! Минула яна гѣтыхъ пчолъ и пошла дали. Пропшла дали, ѣсь ёй хочетца! Бачиць яна гняздо на дзєрави. «Полѣзу, думыець, хуць птушинухъ яецъ подѣймъ!» А птушка кажець: нярушь мойго гнязда! Я табѣ—нѣкыли буду знадобна! Правда подумала, подумала: а можа и правда, можа коли яны знадобятца! Покинула гняздо, ды й пошла. Ишла, ишла, зайшла у хульварикъ, ажны тамъ Кривда ужо стала зы лакея. Нанявъ панъ Правду къ сабѣ зы 'конома. Ну Кривда увознала Правду, а Правда увознала Кривду: Жили яны, жили, али Кривда думыець: якъ бы тутъ зжиць Правду? Думала, думала, Кривда, али надумалася. У пана ня було дзяцей, и панъ дужо хочѣвъ дзяцей. Тоды Кривда-лакей пошовъ къ пану ды кажець: «паночакъ, нашъ акономъ кызавъ, што ёнъ можець дыставиць вамъ дзяцѣнка!» Призвавъ панъ аконома: «дыставъ, кажець, мнѣ дзяцѣнка!»—А йдзѣ жъ мнѣ яго узаяць?—«А дзѣ хочешъ! мнѣ што за дѣбло!» Вышовъ акономъ на дворъ и плачець. Ажны ляциць птушка: не плачь, кажець: будзець табѣ дзяцѣныкъ! Поляцѣла Богъ вѣдыець куды на поле, ухвацила у бабы дзяцѣнка и принясла къ аконому. Акономъ яго и отдавъ пану.

Тоды Кривда ўзновъ набунтувала пану: «а паночакъ, нашъ акономъ кызавъ, што енъ за ночь церкву выстроиць, тольки звоновъ не почениць, и пераксциць гѣтыго рабѣнка!» Позвавъ панъ Правду: «построй, кажець, мнѣ церкву за ночь, тольки звоновъ ня вѣшай, и пераксци гѣтыго рабѣнка. А кыли гѣтыго ня здѣлыешъ, дыкъ я цябе съ свѣту збáсую!» Вышла Правда на дворъ, ды якъ заплачетца! Ажно ляциць пчала: «ня бойсь, кажець: усѣ будзець готово, тольки идзи спытайся у пана, идзѣ церкву стновиць?» Панъ скызавъ пыстновиць церкву ны пугурку. Тоды пчолы якъ узялиси, и пыстновили церкву зъ вузы. Нызаўтраго идзець панъ съ Кривдой у церкву, нясуць рабѣнка. Увыйшли у церкву—у церкви ўсѣ чисенько ёсь. Пераксцили рабѣнка; панъ отдавъ яго Правдзи домовъ занѣсци, а самъ съ Кривдой заставъ у церкви, разглядуваць церкву. Ходзили, ходзили, а совнйко пригрѣло—вѣуза и растала. Церковка повалилася, яны тамъ у бузѣ и пропали. А Правда засталася у тымъ хульварку жиць, ныживаць.

Стнн. у.

По другому варіанту, панъ, убѣдившись въ клеветѣ Кривды, заставилъ его лѣзть на стогъ, «што остався отъ чатырохъ годъ», и играть тамъ на скрипкѣ. Когда Кривда сдѣлалъ это, панъ поджогъ стогъ, и Кривда сгорѣла.

Сказокъ, подъ назв. Правда и Кривда, у бѣлоруссовъ весьма много. Въ нашемъ распоряженіи находится до десятка списковъ. Въ нѣкоторыхъ сохранились мѣстологическія черты. Напр. въ одн. сп. къ дубу, на которомъ сидѣлъ ослабленный братьями поборникъ правды, собрались медвѣдь, волкъ и лисица, къ нимъ подошолъ старенькій

дѣдокъ и въ разговорѣ сообщилъ, что роса, собранная въ ночь на Купалу, способна возвращать зрѣніе; что при бездождіи и слѣдствіи его—голодѣ—слѣдуетъ отвалить большой камень отъ рѣки, и тогда пойдетъ дождь и прекратится голодъ... Въ др. сп. вода высыхаетъ въ царствѣ оттого, что въ нее вброшена собака облупленная и „напханая“ соломой. Появляется вода снова оттого, что „трохъ годъ жарабецъ да трохъ годъ молодецъ“ выбрасываютъ эту собаку. Сказки о правдѣ и кривдѣ см. у Афан. в. I, стр. 63, вып. V, стр. 56, вып. VI, стр. 102; у Худяк. вып. II, стр. 46; у Чубинск. стр. 45, 386.

75. Чортъ злодѣй.

Живѣ сабѣ дзѣдъ да баба. Жили яны при большой бѣднощи. Коли выпросюць у кого зернятъ, змелюць, ды пополамъ съ попеломъ спякуць прѣсночокъ—объ тымъ и жили. Вотъ разъ пошовъ дзѣдъ у поля, узавъ съ собой свою шавлюгу, и пянъки узавъ. Поѣхавъ и ставъ ораць. Оравъ, оравъ, захопѣвъ ѣтъ ѣщи. Тоды ѣтъ выпрогъ свою шавлюгу, пусцивъ шавлюгу на лугъ, а самъ сѣвъ на ўзмежку и ставъ съ пянъки вярочки виць. Вивъ, вивъ, ажны приносиць баба яму прѣсночокъ. Положивъ дзѣдъ коло сябе прѣсночокъ, ставъ кончаць вярочку, ажны высакуецъ чортъ и сханивъ прѣсночокъ. Дзѣдъ зиръ—нема прѣсночка! Полядзиць, ажъ чортъ побѣгъ у болото. Дзѣдъ за имъ. Увѣйшовъ ень у палацы у красивыя, ажны тамъ дужо много чярпей. Пришовъ дзѣдъ къ старшому чорту и спрашиць: дзѣ мой прѣсночокъ? А ень кажець: шукай у молодыхъ черцянокъ, бы старый гѣтымъ занимацца ня будзецъ! Дзѣдъ кажець: разѣвайца роты! Яны разинули, ень и увидзѣвъ свой прѣсночокъ у черцянкѣ у роци. «Во, кажець, мой прѣсночокъ!» Тоды старшій чортъ говориць тому черцянку: «на што ты гѣто здзѣлывъ? Яны й такъ бѣдны! Возьми, дзѣдъ, яго служиць къ сабѣ, хай отслужиць!»—Куды я яго буду браць? Што ѣтъ будзецъ у мяне дзѣлыць, мнѣ самому ѣсь нечаго! Ну, алитку узавъ,—добро, думаецъ, дровъ у лѣсъ зѣздзиць!

Привѣвъ яго домовъ. Достали яны сабѣ жменьку жита. Ень кажець: «давайца мнѣ молоць!»—А нѣ, мы сами змелемъ, намъ самимъ нечаго дзѣлыць!—«Нѣ, давайца!» Отдали яму молоць. Ёнъ моловъ, моловъ, уже й хлѣбъ замасили, а ўсѣ повны жорны муки. Стали яны яе у засѣкъ сыпаць, сыпали, сыпали, и насыпали повенъ засѣкъ. Тоды яны думаютъ сабѣ: дадзѣмъ яму молоць и пшаницы жменьку! Достали жменьку пшаницы у сусѣдзѣй, ставъ ёнъ яе молоць, и намоловъ повный засѣкъ пшонныя муки. Достали яны тоды жменьку ячменю; ень и съ тые жменьки намоловъ повный засѣкъ ячменныя муки. Живѣць дзѣдъ изъ бабой ўжо ладно!

Стали яны тоды землю пахаць. Черцянокъ тѣй туды-сюды пывярнувся—ўсѣ поле и спахавъ. «Што цяперъ, дзѣдъ, будземъ дзѣляць? Возьмемъ у пана издзѣльно лядо высѣць, ды посѣмъ пшаницы!» Узали яны лядо. Ень яго за 'дзинъ дзень разсѣкъ, узоравъ и пшаницу посѣявъ. Зародзилася пшаница добрая. Стали дзялицъ. Гѣтый жа черцянокъ кажець дзѣду: нехай панъ возиць возами, а я табѣ буду носиць ношками. Панъ сабѣ думаецъ: што то возъ, а што то ношка! Усѣ-тку возъ больше! Ну, выславъ ень коній. Панъ жа узавъ съ поля дзѣсяць возовъ, а тѣй засиливъ усѣ остальное ды подѣгъ.

Тоды ень говориць дзѣду: ну, дзѣдъ, поѣдземъ у дровы! Привѣвъ дзѣдъ яго къ лозѣ, а чортъ кажець: нѣ, я гѣтыхъ дровъ сѣчь ня буду, покажи мнѣ товстыхъ!

Привѣвъ дзѣдъ яго у боръ. «Нѹ, кажець, цяперъ идзи сабѣ ў дворъ, я й безъ цябе ўправлюсь!» Пошовъ дзѣдъ домовъ, а чортъ наваливъ колодъ съ кореннемъ, наклавъ на павлюгу дровъ, чуць не подъ небо, сѣвъ на возъ и вязецъ, ды такъ вязецъ, што и чацьверикомъ не догонишь! Ёдзець панъ на чацьверикѹ и пристаюць кони. Ёнъ тоды, тэй панъ, говдориць: давай мѣняць коній! Чортъ кажець: давай! Помѣняли яны коній и поѣхали. Пріѣжаець енъ икъ дзѣду на чацьверикѹ: «эй, дзѣдъ, отчиний ворота, вѣзу дровы!» Отчинивъ дзѣдъ ворота, бачиць чецьвярикъ коній.—«Што жъ ты, кажець, пріѣхавъ на чацьверикѹ,—у мяне жъ сѣна нема!» Пошовъ тоды чортъ икъ пану молоиць, сѣно заробляць. На бицюкъ узавъ бярвяно, на цѣпилно узавъ балку и ставъ молоиць—сыйчасъ усѣ й пымолоивъ. Пошовъ къ пану: паночекъ, я пымолоивъ. Коли будзеце ласковы, дайця мнѣ румку горэлки! Панъ узрадовася: а йдзи, милянкій, у склепъ! Тамъ горэлка стоиць и закусиць ёсь чимъ! Чортъ пошовъ, попивъ горэлку, поѣвъ хлѣбъ, сыръ, ветчину, и приходзиць къ пану: «дзякуй, паночекъ: выпивъ, закусивъ. Ци не дали бъ мнѣ нѣшачку сѣна?»—А вунъ тамъ у лѣси, за ракой, стоиць стогъ. Идзи, наскуби сабѣ ношку. Чортъ пришовъ, узавъ стогъ обмотавъ вярочкамі и понёсь. Увидзѣвъ войтъ: «ахъ, паночекъ, вы казалі ношку паскусць, а ёнъ увесъ стогъ поволокъ!»—Ахъ, кабъ яго! Выпустиця на яго двоухъ быковъ бодливыхъ, хай яго забодаюць! Выпустили двоухъ воловъ, а чортъ тыхъ воловъ за вуши ды на стогъ, и понёсь. «Ахъ, кабъ яго! Пусциця скорѣй двоухъ парсюковъ, хай яму лытки оборвучъ!» Пусцили парсюковъ. Ёнъ и тыхъ за вуши, да на плечи, и понёсь. Приносиць, сѣно па дворѣ постновивъ, а быковъ и парсюковъ у хлѣвъ загнавъ. И ставъ дзѣдъ жиць походзяйску.

Прослуживъ чортъ годъ и кажець: «дзядулька, отправаь мяне домовъ!»—А йдзи, моё дзицятко, зъ Богомъ!.. Тоды чортъ опяць кажець: «дзядулька, пусци мяне домовъ!»—Да йдзи жъ, моё дзицятко, зъ Богомъ! Чортъ тоды узнова спрашiецъ: «пусци мяне, дзядулька, домовъ!» А дзѣдъ якъ разсердитца: «а йдзи ты, кажець, къ чорту!» Ёнъ тоды зароготавъ и побѣгъ.

С. Замочекъ, спянн. у.

Сказка записана во многихъ вариантахъ. Иногда чертъ наказывається непосредственно старшимъ чертомъ, безъ жалобы дѣда, за то, что крадетъ хлѣбъ, положенный на окно простынуть, или табакерку, положенную дровосѣкомъ-бѣднякомъ на пень, или за то, что толкаетъ въ грязь дѣда и пачкаетъ на немъ чужую свитку. Тогда чертъ приходитъ къ дѣду подъ видомъ работника и усердно служить годъ, или три года. Когда, по прошествіи срока, дѣдъ хочетъ удержать его, какъ хорошаго работника, чертъ открываетъ ему, кто онъ такой и за что наказанъ. Въ одномъ вариантѣ финаль такой: Чертъ, приди къ пану молотить, сложилъ на току снопы и поджогъ ихъ. Солома перегорѣла, и панъ увидѣлъ, что его хлѣбъ весь вымолоченъ: зерно въ сучѣ, макина въ другой, солома тоже цѣла. Тогда панъ наложилъ полно гумно сноповъ и поджогъ ихъ—и сгорѣлъ самъ, и гумно, и снопы. А дѣдъ тогда сталъ жить на мѣстѣ пана.

76. Сестра и братья—орлы.

У якогъ-сь сяли такъ було, живъ старикъ. У яго бульшъ ня було, опрѣчь два сына, и матка ихъ, сынувѣвъ тыхъ бярѣянная була. Пунюсь юнъ паску пусвяцаць на вяликодняя. Тутды юнъ принѹся паску пусвяцивши, а яны бѣютца. Тутды юнъ гувора: «ахъ, сынки вы моѣ! бѣяюсь вы, якъ урлы акія!» Тутды яны узнялись и пуляцили,

якъ урлы, якъ юнъ сказовъ. Тугды яны пуплокали межда субой: «вѣтъ, було два сынувья, и тыхъ нема! Застолися удны!» Ну яны кѣлки томъ пробулѣ, гѣдѣ али повгуда, а рудзила таа баба дочкѣ саби. Таа дочка стѣла русци, разумнѣць. Дзѣйци на вулицы стѣли смятца дочцы дзидовой, а тымъ сынувьямъ сястры: «вѣтъ, каа, бацька твуй колдунѣ: сынувьяу пудзилау урлами!» Тугды яна, припууши домѣу, стѣла плѣкаць: «дѣйца мни хлиба и койстручку. Хуць вѣкъ, гувора, буду стражджаць, а братѣу своихъ буду шукоць.» А бацька зѣ маткой ня пускоюць, плочуць: дзѣ ты ихъ нѣйдзешъ? А яна гувора: прупѣли яны, прупаду и я, кулѣ ихъ не найду! Ну, тугды узла яна саби торбучку и пушла, куды вѣчи глядзѣць. Яна ишла и дзѣнь и нѣчь, и прихѣдзя у пушу у такую, штѣ тѣльки небо ды зямля,—ня вѣдаа, куды яна сама идзѣ. Яе нѣчь убѣяла, яна сѣчѣсь пудѣ ёлучку и обнучѣла. Тугды назѣбѣтраго устѣла, кѣлки-нибудзѣ прѣйшла. А томъ стуиць домѣкъ неболшій. Ли туго думка бѣютца два урлы. Яна убѣчала и заплѣкала. Ну, сѣчѣсь у туго хѣтку увѣйшла. Увѣйшла—дѣи порцыи хлиба лежаць на стулѣ и дѣа стаганы ($z=g$) вуды. Яна сѣчѣсь увѣшла, удного куска хлиба утѣсила и другого; удного стаганѣчика утѣпила и другого. Сама на печку узлѣзла и ляжиць. Такъ тѣразѣ вѣскульки урѣмѣ яны подзилались такими мулѣйцами, акъ бы и такій нарѣдѣ. Цѣперѣ яны ухѣдзяци у туго самую хѣтку. «Ахъ, броцець—удзинѣ удному гувора—шту, гувора, нѣмѣ Вугѣ даѣ прупитанѣня, и тѣе нѣхто дзѣля зѣ нами!» Тугды яны сѣли за стулѣ и повужинали. *) Тугды яны сѣчѣсь обѣ сырую зямлю удѣрилися, и дзѣлалися узноу урлами, у пуляцѣли битца. Тугды самаа таа порцыя на стулѣ и стѣла, акъ была: дѣа стаганы вуды и дѣи обѣрѣньки хлиба. Таа сястра тѣкъ жѣ само и дзѣлала: утѣлила утѣ удного 'бѣрѣченька и утѣ другого, и утѣпила вуды сѣ удного стаганѣчика и зѣ другого, а сама упиць на печѣ схѣвѣлась. Тѣя братѣы, побѣвшися, узновѣ приляцѣли, подзилалися такими людзѣми, якъ ба надо, увѣйшли у хѣтку, пудѣйшли кѣ стулѣ и гуворуць: «ахъ, Гѣспѣдзи! штѣ нѣмѣ даѣ Вугѣ прупитанѣня, и тѣо нѣхто утѣбраа. Ци худѣй, ци дѣубрѣй—вылазѣ, обѣищѣйся! Хтѣ тутѣ утѣбраа Вужѣа прупитанѣня?» Яна вышла зѣ за печки и слѣзно заплѣкала. Яны пытоютца у ѣе: хтѣ ты *такѣй*? Яна гувора: я ваша сястра! Мѣньшій гувора: у нѣсь ня було сястры! А булѣшій каа: «якъ жѣ, у нѣсь matka засталѣсь бѣрѣмянѣнаа. Можѣ и тошѣно, штѣ наша сястра. Ну, кулѣ жѣ ты наша сястра, дыкъ ты онамѣй на три гѣды, дыкъ насѣ узѣвуѣиць; а кулѣ ня выдзѣржиць, дыкъ насѣ дали запраѣаешъ!»

Дыкъ яна, сѣслизѣиць, пушла. Идзѣ Вугѣ знаа куды. Ишла яна дзѣнь и нѣчь, на другѣю нѣчь усѣхѣдзиць такъ; пудѣйшла тѣо жѣ само пудѣ бѣрузку, занѣчлежилѣсь. Ну, занѣчлежилѣсь, а ѣе субѣки опаѣвали. Юѣи нѣльга кричаць, дыкъ яна на бѣрузку узлѣзла. Ёто жѣ охѣвѣицься царскѣй сынѣ. Чуѣя юнѣ, субѣки цахляць, да на 'дномѣ мѣсци, никуды не бягуць. Ну, тугды юнѣ прихѣдзя кѣ бѣрузѣи. Убѣчиу ѣе на бѣрузѣи и кѣжа: злѣзь! Яна мѣвчиць. Юнѣ кричѣу, кричѣу—мѣвчиць. «Ну, ци вѣмѣй, ци глухѣй, хтѣо ни *юсь*—злазѣ долѣу!» Тугды яна злѣзла и плѣча. Юнѣ ѣе за рукѣ и повѣу у дѣвѣрѣ, гѣсударскѣй сынѣ. Ну, тугды юнѣ прихѣдзя домѣу и гувора на матку: «пу, глядзи жѣ, матушка, я хѣчу зѣ юѣи пожанѣица!» А яна гувора: ты кѣуго

*) Вѣ озеранскомѣ говорѣ слово *ужинаць* означаѣтъ ѣсть „ци вѣ ранѣцы ци вѣ дзѣнь“, но не вѣчерѣмѣ.

пупадзешъ у лиси—ци нямого, ци глухого,—то ўсё таби хуршое, то ўсё ты хочашъ пубраць ихъ! А юнъ утвѣчаа: ци нямаа, ци глухаа, а будзя муя жана! Матка дужо не хоцѣла, кабъ юнъ яе броў, а оцецъ изъ имъ хоцѣў. Ну, юнъ и ожаниўся. Пожили яны нѣскульки урэмя зъ юй, сычасъ у никотўромъ царствѣ пудымдетца вўинство и требуюць ихъ—бацьку съ сыномъ—на тое вўинство. Ну, юнъ сычасъ поймаў зъ бацькомъ, и кинуў яе бярэмянную,—яна забярэменила. Яны прубыли томъ кульки гудъ, мѡ гудъ пяць, ци кўльки томъ—туды яна рудзѣла два сына, а ихъ яще ня було уттуль. Сваяруха оглѣдзила, што яна рудзила два сына и дужо пригожѣя: у вуднымъ уву лбѣ сонца, а звѣздочка-зараньница у потылицы, а ў другимъ мѣсячко уву лбѣ, а звѣздочка-зараньница у потылицы. Ну, туды юй вельга було ще гуворѣць. Сваяруха за ихъ, обѣихъ пубрала ды ў склепъ у такій, шту нхту не хўдзя туды, и замкнула. Яна жъ тульки плѡча. Ну, туды сѣла матка таа, пиша сыну: «вугъ, сынўкѣ! я казѡла таби—не жанись на юй: рудзила яна ни щаняць, ни субачаняць, нема якъ, каа, ихъ и писаць!» Ну, а юнъ отнисуў юй: «ну, хуць и коценяты, ду мойго прѣйзду кабъ цѣлы були!» Ну сычѡсь, дўвго ня думаючи, юнъ прѣхуў оттудува, и тѡ, и спрѡшуя у маткі: «дзи моѡ дзици?» Яна каа: «вунъ тѡмъ я у склепъ поўкидѡла ихъ, шту яны никуды неспѡсўбны!» Юнъ туды съ сэрца пушўў, тўй склепъ разломѡў. Тульки разломѡў, ажъ тўй склепъ увесъ зьяя, и яны у розныхъ тьвѣтахъ сидзяць. Ну, цяперъ юнъ побрѡў тыхъ сынўў, а матка на сустрѣчу идзе. Юнъ выхопиў мечъ, да на матку каа: «вугъ, матушка, ты хоцѣла двѣ души загубиць, дыкъ я удву загублю!» Ды ўзяў матку и засякъ. Тульки матку засякъ, тьѣ браты приляпили урлами, и ударились объ сырую зямлю, и стѡли такими людзьми, якъ бы й надо. Ну, яна сычѡсь, таа нямаа, загувѡрила, убѣяла свуихъ братўў, поцалувѡлись. Туды царскій сынъ вываў чецъвяро кўнѣй, ўзѡў, запрогъ, забрѡў своихъ швагроў и жану съ сынами, и поймаў къ свойму тьсцю. Кѡзка скўро скѡзуетца, ды ня скўро дзѣло дзѣлялось. Отцуроўся царскій сынъ и цѡрства, што матка плўхо хуцѣла здзилаць

С. Озераны. Отъ кр. Сераф. Мих. Коновалова, 25 л., неграмотнаго.

77. Церква восковая.

Живъ сабѣ дѣдъ изъ бабой, и яны были дужо богатые. Мѣли яны двапатцѣть паръ воловъ, дванатцѣть паръ конѡвъ, на сябе и на людѡй по *шесть* паръ. Бывъ у ихъ одинъ сынъ. Ожанили яны яго и живутъ такъ, и живутъ. Ставъ батька умирать, и ставъ ѣнъ приказавать сыну: гляди жъ, сыномъ: якъ я дѣлавъ, такъ штобъ и ты дѣлавъ! Помѣрли батька зъ маткой, ставъ жить сынъ на томъ ходѣйствѣ. Живъ ѣнъ такъ, якъ и отецъ, помогавъ бѣднымъ. Вотъ разъ пришло къ яму подъ окно и гѡвѡра: ти ты лучъ будешъ гѡравать за молодѡстю, ти перадъ старѡсть? Думавъ ѣнъ сабѣ, думавъ, нѣякъ ня придумая. И спрашуя у жѡнки: якъ мнѣ казать?—Кажѣ: лучъ за молодѡстю гѡравать! Ёнъ такъ и сказавъ. И ставъ ѣнъ съ тыхъ поръ бѣднѣть, и чаразъ кольки урэмя не стало у яго ничѡго: ни грѡшѣй, ни хлѣба, ни скѡтины. Живъ ѣнъ, живъ, дожився до того, што ѣсти нечаго. Було ў ихъ двѡя дѣтей. Вотъ яны собѡрались и пошли ў свѣтъ за пропитанѣямъ,—по мѣру пошли.

Ишли яны, ишли, пришли у лѣсъ. И соусимъ яны приморились. Жонка кажа: дай отдыхномъ! Сѣли яны отдыхать. Стала ў яго жонка вошай шукать, и заснули. А дѣти побѣгли шукать цвятовъ. Той убача хорошій цвятокъ, а той яше лучьчій—и отбѣгли отъ ихъ далеко ў лѣсъ, и заблудили. Бѣгають яны по лясѣ, плачаты! Бѣгали-бѣгали и ўзбѣгли на дорогу. Ажъ ѣдутъ той дорогой пары. Убачили етыхъ хлопчи, ковъ и говорать на кучаровъ: идитя возьмита ихъ у карэту. Узяли ихъ ись собой, подыали, и повязли. Прошнѣлись батька и матка—няма дятей. Шукали яны, шукали ихъ, и ня найшли. Плакали, плакали, и пошли одны. Ишли, ишли, пришли къ доро-зи. Ажъ ѣдя по дорози царъ. Пріѣхавъ къ имъ, убачивъ жонку,—а яна була дужо прыгожая—и спрашѣ: «ти ето твоя жонка?» Енъ кажа: моя!—«Отдай мнѣ яе, я дамъ табѣ злата-сѣрабра за яе!»—Ня хочу я ни злата, ни сѣрабра, ня 'тдамъ я яе ни за што! Царъ тогды кажа на кучара и на лакея: возьмита яе ў карэту! Тые злѣзли, узяли яе за рѣки и посадили ў карэту, а яму ўзяли разостлали платокъ, насыпали повянтъ золота, кинули, и поѣхали. Остався енъ одинъ у лѣси, и ставъ плакать. Плакавъ, плакавъ, узявъ тѣя гроши, поклавъ на пень, самъ лѣтъ спатъ подъ кустикомъ, и спитъ. Лятѣвъ ороль (вар.—воронъ), убачивъ бѣлый платокъ и думавъ, што гусь, да за яго! Ухапивъ и понёсъ. Узнёсъ на дуба, полядѣвъ—няма ничога. Енъ и кинувъ гроши на дуби. А енъ прошнѣвъ, бача—няма ничога: ни сыновъ, ни жонки, ни грошій. Зновъ заплакавъ, и пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, звѣся зъ яды. Иде енъ—бѣжить мышъ. Енъ узявъ и притисъ яе костьюлѣмъ, и кажа: «мышка, мышка, я хуть тебе зѣмъ!» А яна говора: «ня ѣжъ мяне, чаловѣча (вар.—добрый молодецъ)! Ты мной ня поядаяшь, тольки душу напोगанишь (вар.—наскварнишь). Буду я табѣ у вяликой пригоди!» Енъ подумавъ и говора: можа ето и правда! И пустивъ яе. Пошовъ дальше. Ишовъ, ишовъ—хочатца ѣсти. Иде енъ лѣсомъ, и ляжкитъ у лѣси муравья. Енъ узявъ, раскопнувъ кучу муравьи, узявъ мурашачку и говора: мурашачка, хуть я тебе зѣмъ! А мурашка яму отказѣ: «ня ѣжъ мяне, чаловѣча! Ты мной ня поядаяшь, а свою душѣ напोगанишь. Пусти мяне, я табѣ буду у вяликой пригоди!» Енъ узявъ и пустивъ. Пошовъ дальше. Ишовъ, ишовъ лѣсомъ, бача—лятають пчолки. Енъ поймавъ одну пчолку и кажа: «ну, хоть ету пчолку раздавлю, да зѣмъ—ихъ дѣти ловять, да ядаты! Пчолка, пчолка, я тебе зѣмъ!»—Ня ѣжъ мяне, чаловѣча! Мной ня поядаяшь, тольки душѣ напोगанишь. Пусти мяне, буду я табѣ у вяликой пригоди! Пустивъ енъ пчолку и пошовъ дальше.

Ишовъ, ишовъ, видянтъ городъ. Увийшовъ енъ у городъ и говора: «што ето за городъ?»—А ето городъ, дѣ самъ царъ живе! Отъ енъ и пошовъ къ цару. Приходя къ цару: «ваша вяличаство анпираторство! примитя мяне, чужастраннаго чаловѣка, хуть за кусокъ хлѣба!» Царъ давъ яму поядать, и поставивъ яго на конюшню. Ставъ енъ кормить лошадей, ставъ ихъ доглядать—стали яны получъ тыхъ, што царъ прояжжая. Отъ, приходя къ яму царъ, убачивъ коня и кажа: молодецъ странникъ! Тогды пошовъ икъ кучарамъ: «э, кажа, ваши кони хуже за тыхъ, што странникъ доглядая. Я ня буду вашихъ коня и братъ, а буду странниковыхъ коня и братъ на проѣздъ!»

Вотъ стали тые на яго сѣрдитца, хочать яго уже страбить. Думали, думали, што на яго сказать цару. Одинъ кажа: «я знаю, што вамъ сказать. Скажитя цару: што

казавъ вашъ странникъ, што коли бѣ енѣ тутъ царомъ бывъ, то бѣ увесъ хлѣбъ, кольки яго ѣ у цара, за ночь пяралотивъ, и зновъ у скирты склавъ!» Яны сказали цару. Вотъ, царъ вышовъ на крылцо и гукае: «эй ты, нищій! иди суды! Ти казавъ ты такъ и такъ?»—Нѣ, ваша вяличаство государство, я такъ ня казавъ! А царъ говора: «ляди жѣ, коли ты етаго ня здѣлаяшъ, то мой мечъ, табѣ заўтра ўрани голова съ плечъ!» Пошовъ енѣ и заплакавъ. Плакавъ, плакавъ, а тогды ўспомнивъ: «вотъ, каа, дѣ бѣ тая мышка была, да суды прибыла!» А мышка и тутъ: иди, каа, чаловѣча, спроси, дѣ жито сыпать? Пошовъ енѣ къ цару и спрашуа: дѣ жѣ жито сыпать? Царъ сказавъ: у гамазею, а ня ўлѣзя у гамазею, дакъ коло гамазѣи сынъ! Сказавъ странникъ мышки, а яна кажа: иди жѣ, чаловѣча, ляжъ спать, а заўтра ўрани приходи зъ мятлой, коло гамазѣи замятай! Отъ енѣ уставъ назаўтраго ранянько, пришовъ къ гамазѣи, ходя зъ мятлой, да зерняты заматая. Пришовъ царъ, бача—усѣ чистянько жито пяралочано и солома зновъ у скирты зложена! «Ну, молодець, кажа: ступай на мѣсто кѣнай кормить!»

Ставъ енѣ опять доглядать коняй. Приходя царъ глядѣть коняй, яго кони зновъ лучъ отъ усихъ. Енѣ тогды говора на кучаровъ: «ня буду я брать вашихъ кѣнай, а буду брать странниковыхъ коняй на проѣздъ!» Вотъ яны зновъ хѣчать страбить яго. Пошли и сказали цару: «казавъ вашъ странникъ, што коли бѣ енѣ у етымъ дѣли царомъ бывъ, то бѣ енѣ усю ету солому перамаявъ на полову и опять у кучу склавъ!» Вотъ царъ и гукая яго: «эй ты, нищій! ходи суды! Ти казавъ ты такъ, и такъ?»—Нѣ, ня казавъ!—«Ну, дакъ ляди жѣ: коли ты етаго ня здѣлаяшъ, то мой мечъ, табѣ заўтра ўрани голова съ плечъ!» Вотъ той вышовъ и плача: «ахъ, каа, мурашачка! Дѣ бѣ ты была, да суды прибыла! Яна жѣ мнѣ казала, што будя ў вяликой пригоди!»—Ня клопочись, чаловѣча, я тутъ уже. Иди спроси, куды солому класть? Пошовъ енѣ къ цару. Царъ кажа: клади туды, дѣ солома ляжить, подѣ строу; а ня помѣсташъ, сыпъ на токъ! Тоды мурашачка говора: «иди ляжъ спать, а заўтра ўрани приходи заграбать!» Вотъ енѣ назаўтраго пришовъ урани да й ходи зъ граблями да зъ мятлой, да пераколачаявая. Пришовъ царъ, ажъ уся чисто солома на полову перамята. Енѣ ни здивися! «Ну, говора, молодець! Иди на своё мѣсто!» Енѣ пошовъ и опять ставъ доглядать кѣнай. Приходя царъ,—зновъ яго кони лучъ отъ усихъ. «Ня буду, кажа, брать у васъ коняй на проѣздъ, а буду у ницаго!» Зновъ яны хѣчать яго страбить. Пошли и говѣратъ цару: «казавъ вашъ странникъ, што колибъ я ў етымъ дѣли царомъ бывъ, то бѣ я зъ воску церкву здѣлавъ: сами бѣ попы пѣли, сами бѣ книжки читались, кадальницы сами бѣ бовтались, и сами бѣ звоны звонили!» Царъ опять вышовъ на крылцо и гукая странника: «эй ты, нищій, ходи суды! Ти говоривъ ты такъ и такъ?»—Нѣ, ня говоривъ!—«Ну, дакъ вотъ: коли ты етаго ня здѣлаяшъ, то мой мечъ, заўтра ўрани табѣ голова съ плечъ!» Енѣ пошовъ и плача: «ахъ, пчолка! дѣ бѣ ты была, да суды прибыла!»—Ня журись, чаловѣча, я ўже тутъ. Иди спроси, дѣ строить? Енѣ пошовъ къ цару. Царъ сказавъ: строй унѣ тамъ на бугранку! «Ну, кажа пчала: иди ляжъ спать, а заўтра ўрани приходи съ крылцомъ пылъ зматать!» Назаўтраго ўрана енѣ пришовъ съ крылцомъ и зматая пылокъ на церкви, и въ звоны звоня. Прошнувся царъ, чуя, штось звѣнать звоны.

Вышовъ енѣ бясѣ пбѣса на крылцѣ, поладить—ходя страньникъ выкругъ церкви. Пошовъ енѣ туды у церкву, царѣ. Енѣ жа думавъ, што енѣ трохи побывъ тамъ, ажѣ енѣ прохординѣ до повдня: такъ усѣ яму здалось вясѣло у церкви, прыгожо. Сонца припаякло, церква и растала и цара залила.

Прибѣгли казаки, енаралы: «што такое ето ты издѣлавъ, странникъ?» Узяли яго и засадили ў тямницю. А церкву ету посукали на свѣчи. Позбирались поны, князи, енаралы, казаки. «Давайта, кажать, зѣ естыя церкви свѣчи подаѣмъ усимъ. У кого ў рукахъ свѣчка загоритца, тому й быть царомъ!» Узяли, усимъ подавали свѣчки, и ще двѣ свѣчки выстались. Яны говорять: «треба привести страньника и того, што стереже яго одинъ, привести ихъ и дать имъ свѣчки.» Привяли странника. Узявъ енѣ свѣчку, свѣчка ў яго и загорѣлася! Уси крикяули на ўра: «проздоровляемъ зѣ новымъ царомъ!» А другіе кричать: «такому страньнику да быть царомъ?»—Ну, однача яму Богъ показавъ быть царомъ!.. И ставъ енѣ на парахъ. Проздравили яго и повяли къ царицы. И треба яму було спать ложитца съ царицай, ну енѣ сорбѣвся и ня лёгъ.

Вышла царица прогулюватца, и бача—ѣдутъ по мору два корабли. Приѣхали къ берагу, и злучились ходянины умѣсто и одинъ одного угадали, и одинъ одному говорять: «якъ твой отецъ живъ?»—А мой, каа, отецъ живъ съ своимъ батькомъ, а зѣ нашимъ дѣдомъ. И мѣвъ нашъ дѣдъ дванатцать паръ воловъ и дванатцать паръ конѣвъ. Помиравъ дѣдъ и ешаму отцу приказувавъ: якъ я дѣлавъ, такъ и ты дѣлай! Отъ енѣ помѣръ, а отецъ такъ и почавъ дѣлать, якъ енѣ дѣлавъ. Разъ подыхода якъ яму годъ воіно и говора: ти ты будешъ перадъ молодостю горавать, ти перадъ старостю? Енѣ думавъ, думавъ, и ня придумавъ, што яму сказать. Узбудивъ жонку и кажа: якъ намъ казать? Яна кажа: лучъ перадъ молодостю горавать, а перадъ старостю красоватца! Отъ енѣ и отказавъ яму, што хоча перадъ молодостю горавать. Отъ енѣ побывъ кольки-тамъ-нибудъ,—и гроши ўси няравялись, и воловъ попроядавъ и конѣвъ попроядавъ, и пошли мы ў свѣтъ. Ишли, ишли и приморились. Яны лягли отдыхать, а мы стали красочакъ шукать. Красочка за красочкой, красочка за красочкой,—и збѣгли мы отъ отца и отъ матяры... Отъ, царица увознала своихъ дятей, и повалилася. Тутъ сячасъ прибѣгли, узяли яе и понясли къ цару ў дворъ, и поклали у постель. А тыхъ забрали и повяли къ цару. Енѣ испрашуя: «што вы тамъ здѣлали царицы, што яна повалилася?»—Да мы, кажа, ничого ня здѣлали! Мы братецъ братца узнавъ, и говорили, якъ нашъ дѣдъ живъ.—«А якъ вашъ дѣдъ живъ?»—Да енѣ мѣвъ дванатцать паръ воловъ и дванатцать паръ конѣвъ—на сябе шесть паръ, и на людей шесть паръ. Помиравъ нашъ дѣдъ и приказавъ своему сыну, нашему батьку, такъ дѣлать, якъ енѣ дѣлавъ. Нашъ батька такъ и дѣлавъ. Разъ подыйшло къ яму годъ воіно и говора: ти ты будешъ перадъ молодостю горавать, ти перадъ старостю? Енѣ сказавъ: перадъ молодостю. Прожили мы послѣ того кольки-нибудъ, ня стало й хлѣба у насъ, и гроши попроядали и воловъ, и конѣвъ, и пошли у свѣтъ. Ишли, ишли, приморились; сѣли яны отдыхать и заснули, сѣдючи, а мы удвохъ братцы стали краски ирвать: краска за краской, да й забѣгли ў лѣсъ. Выбегли мы на дорогу да и плачамъ. Ъхали цары, узяли насъ, той на свою новозку, а той на свою, и вырастили насъ. А тянеръ мы тутъ стрѣлись, увознали одинъ одного!.. Ну, царѣ

угадавъ, што ето яго дѣти, и ставъ ихъ цаловать: ето жъ, кажа, дѣтки, я вашъ отецъ, а царица ваша мать. Ну, вышла суды и царица, и стала цаловать дятей. Отъ, здѣлали яны бясѣду и стали гулять. Посли того вышовъ царъ исъ сынами съ своими и зъ жаною прогулюватца. Бачать, на бѣрази, на дубу, сядить лебядь. Царъ загадавъ казанамъ убить тую лебядь. Вили, били яны, ня ўбили. Полѣзли на дуба, ажъ то платокъ зъ грошами.—«А, кажа царъ: ето тыя гроши, што мѣ царъ за жану давъ. Ихъ у мяне ороль укравъ!»

И стали яны тамъ жить—поживать, гора забывать. Можя й тяперъ ще тамъ красуютца подъ старость.

С. Переростъ, юм. у. Запис. кр. Сампсонъ Легчаковъ.

Сказка своимъ содержаниемъ напоминаетъ во многомъ житіе Евстафія Плакиды. Намъ до-
ставлена въ нѣсколькихъ спискахъ. Ср. Чубинск. стр. 539.

78. Завидливый.

Якъ живъ сабѣ одзинъ дзѣтъ, да бывъ ёнъ дужо бѣднѣй. И бывъ у того дзѣда одзинъ сынъ. Вотъ тѣй сынъ простудився у зимку, зыхворѣвъ и помѣръ. Пошовъ дзѣтъ просиць, капъ пумогли яму выкупаць ямку и здѣлыць труну. Ну нихто къ яму ня идзѣць, бы ёнъ бывъ дужо бѣднѣй. Тоды ёнъ кажець самъ сабѣ: ёсь у мяне корыто, укладу я яго у корыто, дѣшкой накрыву и пухуваю! И пошовъ самъ кыпаць яму. Кыпавъ енъ, кыпавъ, зямля мерзлая, ашъ тыпоромъ сячѣць... Идзѣць нѣйкій чловѣкъ, старенячкій: «пумогай Бохъ!»—Дзякуй, дзядулька!—«А ци мерзла зямелька?»—А няго нѣ, дзядулька!—Кынай-тку ты вунъ тамъ подъ ёлкой: тамъ будзѣць мякчѣй!.. Сковызавъ гѣтыкъ и пошовъ. Ставъ енъ кыпаць подъ ёлкой, ашъ тамъ зямля мяккая. Кыпавъ, кыпавъ енъ, и выкыпавъ горлачь зѣлыта. Обрадывався дзѣтъ, пошовъ домовъ, нанявъ дзѣлыць хорошую труну, и нанявъ пупа хуваць. Вотъ, якъ пухували, дзѣтъ и зыплацывъ имъ чарвонцами. Тоды жонка того пупа стала завидуваць дзѣду, и кажець на пупа, капъ ёнъ пошовъ, укравъ у того мужука золото. Попъ кажець: якъ жа я пойду: енъ мяне спызнаецъ! А яна кажець: «зарѣшь вола, облупи яго зъ гыловой, надзѣнь на сябе шкуру зъ рогами, а я зашію. Идзи гѣтыкъ къ яму, енъ спужаетца и пыбязиць, а ты возьми зѣлыто.» Попъ обшився у волниную шкуру и пошовъ къ мужуку. Тѣй якъ увидзѣвъ, перапужався и побѣхъ уцекаць. Узявъ попъ сабѣ зѣлыто и понѣсь домовъ. Отдавъ тамъ жонцы зѣлыто и ставъ знимаць съ сябе шкуру. Ды нѣ! шкура ня знимаетца, бы зжилась. Такъ енъ и не знявъ яё, и помѣръ. Завязали яго ў лѣсь, ўкинули ў ровъ, и закидали колодками...

Д. Латыново, спѣнн. у. Кр. Мих. Павловскій. Ср. Чубин. стр. 105 и Драгом. стр. 154.

Въ гомельскомъ у. сказка варьируется такъ:

6. Живъ у воднымъ сляѣ бѣднѣй чловѣкъ. Ня мѣвъ ёнъ сабѣ куска хлѣба да-
жа. Умѣрло у яго рабѣшачакъ. Енъ звавъ, звавъ людей на ховтуры—ня дозався, затымъ, што енъ бывъ вельми бѣднѣй, нихто яго и ня слухая. Енъ давай плакати, давай самъ дѣлати гробъ. Здѣлавъ гробъ,—няма нікого яму копать. Енъ, плачучи, пошовъ самъ и ямы копать. Ставъ яму копать—и выкопавъ казанъ съ чарвонцами.

Принёс ён гроши домовъ, и пошовъ къ полу: батюшка, пойдёмъ, похувайтя мойго рабёночка!—Я не пойду къ табѣ хувати, у тябе грошай няма мнѣ заплатитъ за ховтуры. Тогда той чаловѣкъ вынавъ чарвоняцъ и дае попу. «Дѣ ты, лопатонъ, узавъ такія гроши?»—Менѣ Богъ давъ: ниhto мяне ня слухавъ дѣлать гробъ и копать яму. Дакъ я самъ здѣлавъ гробъ и пошовъ ямы копать, и выкопавъ казанъ грошай. Вотъ яны у мяне й ё! Попъ сичасъ пошовъ и похувавъ бѣдняковаго рабёнка. И ставъ думать, якъ ба у яго узять етыя гроши. А матушка и наўчала яго: «якъ придя ночь, ты возьми, зарѣжъ козла, падѣнься у яго шкуру, нибытцомъ чортъ, иди къ яму и скажи: подавай моё гроши! Енъ спужаетца и отдасть!» Дождали noci. Зарѣзавъ попъ козла, облунивъ яго, самъ улѣзъ у козлиную шкуру, матушка яго обшила, енъ и пошовъ къ бѣдняку отбирати гроши. Подыхода подъ окно и кажа: «давай моё гроши!»—А хто ты такой?—«А чортъ!» Той глянувъ у окно, бача—роги! Спужався и кажа: ну, коли ты—чортъ, дакъ нѣ табѣ гроши!.. Попъ узавъ гроши и принёсъ домовъ. Отдавъ гроши жонцы и ставъ знимать козлиную шкуру исъ сабе. Знимавъ, зникавъ, ня знімаецца. Енъ кажа: матушка, ходи ты зними зъ мяне шкуру. Стала яна знімати, а ёнъ кричити, што болно. Козлиная шкура приросла икъ тѣлу. Што ни дѣлали, ниякъ ня знінуть. Енъ тогда понёсъ тыя гроши назадъ тому бѣдняку. А той кажа: «у мяне жъ гроши бравъ чортъ, а ня попъ.» Такъ енъ, той попъ, и померъ...

Ср. № 24 Отд. Юмористич.

80. Бѣднякъ и смерть.

Жили такъ сабѣ у воднымъ сямѣ два брата: одинъ бывъ богатый, а другій бѣдный. Жили яны мижъ собой ня дружно, богатый ня пускавъ къ сабѣ и на вочи бѣднаго: коли, бывало, убачиць, што тѣй идзець къ яму, ёнъ того часу замыкаецъ двери. Тѣй бѣдный просивъ, просивъ у яго хуць троху хлѣба даць, жонку и дзяцей накормиць, а ёнъ не даецъ: «откуль, каецъ, у мяне будзецъ, кыли я стану раздаваць уснмъ?» Тогда бѣдный такъ обядаиць, што ня мѣвъ ани ничего. Вотъ енъ и думаецъ самъ сабѣ: што будзецъ-ня будзецъ, пойду ночью украду у брата вола! Стала ночь, уси ў дзюревни послули, енъ и пошовъ. Идзець, идзець, чуецъ нѣхто ще за имъ идзець. Озвнувъ енъ—идзець нѣкій чаловѣкъ. «Куды ты йдзешъ?»—А куды ты, туды й я!—«А зачимъ ты йдзешъ?»—Скажи ты уперадъ, зачимъ ты йдзешъ, тоды и я табѣ скажу.—«Брацець ты мой! у мяне дома ѣсь нечаго, дыкъ я мусивъ пойца къ брату вола красци!»—А я, кажець тѣй, иду у яго ўзяць послѣдняго дзяцёнка! Пришли яны къ двору богатаго брата, а яны ще ня спяць. Смерць кажець: «ци вѣдыешъ што? Я пойду вывяду табѣ вола съ хлѣва, а ты йдзи у хату къ имъ. Ды глядзи, якъ будзецъ дзяцёныкъ чихаць, не кажи яму: па здоровье! Енъ три разы чихнець, а ты мовчи!..» Пошовъ енъ у хату, а тые уси вячераюць. «Добры-вечаръ, хлѣбъ да соль!»—Здоровъ, спасибо!.. И не сказали яму: садзись зъ нами! Сѣвъ бѣднякъ на лавцы, лядзиць, а дзяцёныкъ сядзиць у люльцы. А яны молоцюць кашу сы скварками, у бѣднаго ажъ слюнки цякуць. Вотъ дзяцёныкъ разъ чихнувъ—уси мовчаць; другій разъ чихнувъ—мовчаць. Тогда якъ третій разъ чихнувъ, бѣдный гэтый якъ закричиць:

«на здоровье табѣ, дзипятка!» А Божя жъ мой! Якъ ёнъ гэто сказавъ—хата зыклопилася, ворота знялись съ кручча, вокны повылятали, и запищѣвъ и закричавъ нѣхто! Уси перапужались! Ставъ тоды быгатый пытатца у бѣднаго: «што гэто такое здѣялося, якъ ты крикнувъ: на здоровье?»—А што здѣялося? мнѣ нечаго було ёсь и я ишовъ къ вамъ вола украсци ды зарѣзыць. Бачу, за мной нѣхто идзѣць. Я пытаю: хто ты ёсь, куды ты идзешъ? А туды, кажець, куды й ты. Я пытаюсь: зачымъ жа ты идзешъ? А я, кажець, возьму душѹ послѣдняго дзяцѣника. Пришли мы къ двору, у васъ огонь гориць. Енъ кажець: идзи жъ ты ў хату, ды коли дзяцѣныкъ будзѣць чхаць три разы, дыкъ не кажи: на здоровье!.. Кипулись тоды уси яму дзякываць, што одзинь бывъ дзяцѣныкъ и того бѣ ня було, якъ бы ня ёнъ. Пыдзялився быгатый зъ бѣднымъ усямъ пыполамъ: што було ў быгатаго, тое було и ў бѣднаго. И стали яны жыць ладно. Я тамъ бывъ, и усѣ гэто бачивъ.

Г. Стымно.

81. Знайдзень.

У нѣкотарымъ цѣркви, мѹжа (може) у якімъ мы живомъ, ў городзи Одзесци, на гѣтымъ мѣсци, буў токъ саби богѣтый мужикъ, якій любивъ пускоць усѣмъ прохѹжихъ на пучь: богѣтыхъ купцѹў клѹў спѣць на куды, а нищихъ на печь. Буѹгъ рассердзѣўся за гэто и наказѹў яго: помюрло у яго троя дзяцѣй. Юнъ тугды кѹжа: «гэто Буѹгъ усердзѣўся на мяне, штѹ я кладу богѣтыхъ спѣць на куды, а бѣдныхъ на печь. Издзѣлаю я токъ: буду класць бѣдныхъ на кутъ, а богѣтыхъ на печь!» Зайхаў нѣкъ яму исперва Буѹгъ на ночъ. И здѣйлаўся Буѹгъ такимъ старымъ, што мужикъ яго на пузнобѹ (познавъ). А пусьлѣ прѣйхаў купецъ. То мужикъ пуложиў дзѣда на кутъ, а купца на печь. Тугды купецъ и кѹжа: уѹгъ, брѣтъ, якаа у мужика прѣеда: нишаго пуложиў на кутъ, а мяне, купца, —на печь, кобъ кусоли прусы! А Буѹгъ его усѣ чуя, штѹ купецъ кѹжа.

Дождѣлись ночи; бѣгалы приляѣбѹць пудъ вокно и кѹжуць: «Гѹсподзи! рудзѣўся у такоу-ту мужука баранъчикъ; якую яму долю дѣць (даць)?—Няхѣй вувкъ зьѣсь! А купецъ, лежучи на печи, и чуя: перрѣвды, кѹжа: ня будзи вувкъ псци баранъчика, я ўпярѹдъ зьѣмъ яго! Минутъ тѣразъ нѣць приляѣбѹць изнѹў бѣгалы пудъ вокно и кѹжуць: «Гѹсподзи, рудзѣўся у такоу-ту мужука сынѹкъ. Якую яму долю доць?» А Буѹгъ кѹжа: нехѣй етаго купца доля, якій на печи ляжиць! А купецъ кѹжа: «нѣ, ня застѣнетца моя доля, я яго перавяду съ свѣтѹ!»

Пераночувѣли яны и пойхали у рѣзныя дорѹги. Купецъ пойхаў акъ тѹму мужуку, у якуго родзѣўся баранъ. Прѣйхаў у двѹръ, выхѹдзя дзѣдъ. «Здрѣстѹй, дзѣдъ!»—Здѹроѹ, понѣ! Штѹ ты, понѣ, прѣйхаў?—«Я прѣйхаў къ таби кулѣць барана, якій родзѣўся сягѹдни. «Дзѣдъ пыѣбетца: «ѣи бѹѣто даси грѹшай?»—А бѹѣто таби, дзѣдъ, доць?»—«Дой ми двѣ гривни!» Купецъ отдѣѹ двѣ гривни за баранъ и кѹжа: вы жъ испячиця ми яго, барана! Дзѣдъ кѹжа: бѣба, а бѣба! испячи пѣну барана! Бѣба ўзяла, барана зарѣзала, шкурку облѹпила, кинула субѣѹку, а мѣсо на скворѣду. Испякла, и пѹстѣвила на вѹкно чѣхѹць. Тульки постѣвила—прибѣгъ вувкъ, и зьѣў барана, а пѣну не кинуў ни хѹѣсника.

Тугды купецъ пойхаў къ тѹму мужуку, у якуго рудзѣўся сынѹкъ. Прѣйжаа къ

двору, выхўдзя мужикъ. «Здрѣстуй, мужикъ!»—Здуроў, пань! Чаго ты, понь, прійхаў?—«Я прійхаў къ таби: продой мни свойго хлўпчика, якій рудзівся сятудни!»—А скульки ты, купецъ, даси за яго?—«А скульки ты хучашъ за яго?»—Я хучу бугдо грўшай за яго: поставлю яго на мўсть, и кружка яго обсыпъ зўлотомъ и серабрўмъ! Купецъ обсыпаў зўлотомъ и серабрўмъ, и узёў хлупчика ись собўй. А гѣто дзилалось у зимняе урѣмя. Поихаў юнъ домўу, уйхаў у большій лись, и кѣжа на кучара: «суними кўнай! нѣ, няси хлупчика, зарыжъ и кинь у снигъ, а сѣрца принаси мни!» Кучаръ хлупчика узёў, унёсь у лись и подумаў: «ахъ, Господзи! за шту я буду рызаць нявинную душу?» Утварнуўся наздѣ, боча пудъ кустомъ лажницъ зѣяць. Юнъ яго узёў, зарызаў, сѣрца выпяў и повюсь пѣну, а хлупчика у снигъ кинуў. Пѣну сѣрца утдоў и поихали домўу. А хлупчикъ остѣўся у снугу. Сўнца пригрыло тѣя мїсто, дзи сядзиць хлупчикъ и ростѣу томъ снигъ, пуресли тьвяты, запїли птўшки!.. Ихавъ за тымъ купцўмъ мужикъ. Дойхаў ду того мїста и сўстановиўся: боча у бугъ (бокъ) пушли сляды. Юнъ пошуў гѣтыми слядѣми, боча хлупчика. Юнъ узёў яго и варнуўся домўу, и кѣжа: бѣба, знашўу я саби хлўпчика! Будомъ яго звоць—Знайдзюнь.

Церазь скўльки годуў прійхаў купецъ акъ гѣтому мужуку, и заночувѣў. Мужикъ вячераў, захоцїў вуды. «Знайдзюнь, пудѣй вуды!» А купецъ пытаецца: «якій ето у вѣсь «Знайдзюнь?»—А я нашуў у лиси у снугу! Купецъ подумаў: гѣто тўй хлўпчикъ, якуго я кинуў у снугу! Уть, юнъ напїсѣу письмо, и пруса ихъ, кѣбъ Знайдзюнь утїюсь письмо жуңцы. Юнъ и повюсь. И приказѣу яму: лядзи, никоу не пукѣзуй!» А у пїсьмї было напїсано: «жана моя милаа! Пукўль я прїнду, кѣбъ гѣтый хлупяць бувъ зарызанъ и сўбѣки мѣсо пўйли!» Кулї хлупяць ишувъ пу дорўя, ту на ўстрїчу ямў Бугъ: «куды ты идзешъ, хлупяць?»—Нясу, дзїдочка, письмо!—«Покѣжъ мни!»—Ни, дзїдочка, няльга!—«Ну, перакїнь зъ руки на рукў!» Юнъ перакїнуў,—томъ и напїсѣлося: «жана моя милаа! пукўль я прїнду, кѣбъ гѣтый хлупяць буў на мойй дзївцы жанатъ!» Уть, покуль купецъ прїхаў, жуңка вяселья згўлѣла. Тугды купецъ кѣжа: постўй, бротъ, я цѣбе усю-таки живуго ня 'стѣвлю!

А у купца була винница. Юнъ пошуў у винницу и сказѣу парѣбкўмъ: «куго я перваго прїшлю, вы туго бярїця и кїдайця у коцїоль! Хуць юнъ будзя каздѣ, шту я худзяинъ, а вы кїдайця!» Кулї пулягли спѣць, купецъ кричиць: «Знайдзюнь!»—Я!—«Идзи, повїрь рабучїхъ!» Церазь минуту изнуў гукѣя (гукае): «Знайдзюнь!» А жуңка кѣжа: юнъ пушуў! Уть купецъ ускучїў и побїгъ у винницу и прїбїгъ уперудъ за зѣця; ту парѣбкї узѣли яго и ўкїнули у коцїоль. «Я, кѣжа, худзяинъ!»—Вїдаемъ мы, шту ты худзяинъ!..

И ўсталося Знайдзюну усю купцово жилища, якое Бугъ тогды вялївъ. Яны томъ живучъ, дубрд спуживоучъ, тўльки нѣсь туды не жалѣюць.

С. Озераны. Запис. г-жей Шекунъ, въ моемъ присутствїи. Ср. № 27.

82. Богъ въ гостяхъ.

Живъ бывъ одзїнъ ходзяинъ, и енъ бывъ дужо богатїй. И енъ никого не дарївъ, никѣго на ночь не пускавъ, а коли прїдзецъ къ яму стараць, дыкъ енъ

завяздѣць у лязню ды тамъ и запрѣць. *) И зыхоцѣлося яму Господа Бога попросиць у госьци кѣ сабѣ. Тоды енѣ пошовѣ кѣ одному обра́зу, укленчувѣ, и ставѣ Богу молитца и просиць яго кѣ сабѣ ў госци. Помолився и пошовѣ домовѣ; и вятѣвѣ выстацѣ отъ свойго дому до того обра́за пылотномѣ. Зыпросивѣ кѣ сабѣ усихѣ пановѣ у сусѣдстви, и стали выжидаць Бога. Вотѣ, приходзиць кѣ яму Господзѣ Богѣ. И не показався имѣ своимѣ отличіемѣ, али старымѣ старичкомѣ. Тѣй жа богачѣ, што выжидавѣ Бога, не спознавѣ яго, думавѣ, што гѣто старацѣ. Отправляецѣ енѣ яго у лязню: обгодзи, кажець, тамѣ; а послѣ, якѣ распоряджу госцей, цябе пывову! Отправивѣ яго послѣ гѣтаго у лязню, и запѣрѣ.

Назаўтраго уздумувѣ енѣ на гѣтаго старца и побѣгѣ отпиратѣ лязню. Прибѣгѣ, отомкнувѣ лязню, пыладзѣвѣ, а тамѣ нема нікого! Енѣ дужо спужався. Узнавѣ, што енѣ не старца запѣрѣ, а самаго Господа Бога, што просивѣ у госьци... Тоды давѣ енѣ на ўси обѣдни, и каявся, што ня будзѣць боли запираць старцовѣ у лязни.

Г. Спінно.

83. Марка богатый.

Бывѣ такой Марка богатырѣ. Одзинѣ разѣ енѣ собравѣ кѣ сабѣ много госьцей на бясѣду. Гуляли, гуляли, и разгулявшися, Марка говѣриць: «капѣ ко мнѣ на гѣту бясѣду пришовѣ самѣ Богѣ, и яго бѣ было чимѣ угосциць!» Тольки енѣ гѣто сказавѣ, ажну приходзиць нѣйкій старичокѣ и проситца у яго нучуваць. Марка богатырѣ пославѣ яго на кухню. Приходзиць старичокѣ на кухню, а тамѣ тольки одна дзѣвка. Дзѣвка накормила яго, напоила и кажець: «ляжѣ, дзядулька, на гѣтой посцели ды й пераночуй!» Тѣй старичокѣ и лёгѣ. А ѣй якѣ ня было мѣста дзѣ легчи, то яна пошла у садѣ и легла подѣ вокномѣ, на загавалини, на травѣ. Тольки яна заснула, ажѣ уставѣ у садзи большій шумѣ. Яна ўскочила; поглядзиць у окно—ажны старичокѣ сядзиць за столемѣ, а перадѣ имѣ стоиць свѣчка, а коло боку стоиць янгель и кажець: «Вожа, Вожа! у такимѣ то мѣсьци родзился мальчикѣ у чаловѣка. Якую яму даць долю?» А Богѣ отвѣщаецѣ: даць половина Марковаго богатѣця! И якѣ тольки сказавѣ гѣтыкѣ, такѣ нема-вѣдома дзѣ и дзѣвся и Богѣ, и янгель, и свѣчка.

На другій дзень приходзиць дзѣвка кѣ Марку и кажець: «ты пирувавѣ, а ў цябе бывѣ учора Богѣ, и половина твоего богатѣця отдавѣ мальчику, што учора родзился!» Марку тутѣ узяло. Начавѣ енѣ тутѣ думаць, якѣ бы найци того мальчика ды жиць сѣ свѣту, бо жалко половина свойго богатѣця. И поѣхавѣ енѣ по свѣци шукаць. Ъздзивѣ, ѡздзивѣ, то туды, то туды—и тыки нашовѣ. Ставѣ просиць енѣ того чаловѣка, капѣ продавѣ яму свойго сына. Тѣй не хоцѣвѣ, не хоцѣвѣ, а тоды кажець жонцы: «Богѣ изѣ имѣ! Можѣ енѣ удастца якій злодзѣй, ци помрѣць,—продадѣмѣ яго и купимѣ сабѣ вѣшную зямлю и будзѣмѣ жиць!» И продали.

Узявѣ Марка мальчика, завѣзѣ яго у сцяпы, кинувѣ у снѣгѣ, а самѣ и поѣхавѣ домовѣ. Ночѣйи ѣхали пу сцяпу купцы сѣ тыварамѣ. Видзюць яны—у сцяпу гориць

*) Бана считается „поганымѣ“ мѣстомѣ, гдѣ по преимуществу имѣють пребываніе темныя силы. См. № 93 и 94.

цяло. Одзинъ купецъ поставивъ кѣній и пошовъ къ тому цяплу. Приходзиць енъ туды, ажъ видзиць—сядзиць мальчикъ, перадъ имъ гориць свѣчачка, а енъ гуляецъ у красочки. Тѣй купецъ и ўзявъ мальчика къ сабѣ и поѣхавъ изъ имъ прыдаваць тывары. И такъ яму повязало, што и за годъ безъ мальчика ёнъ не продавъ стольки тывару и съ такимъ прибыткомъ, якъ изъ мальчикомъ за нядзѣлю.

По знакомдсьци злучилося гэтаму купцу бываць у Марки. И разговарився енъ изъ Маркомъ про гэтаго мальчика: дзѣ и якъ енъ яго нашовъ, и якъ яму пошанцувано изъ имъ у торговли. «Э!» Марку усё ровно якъ уколало! Спознавъ енъ, што гэта тѣй мальчикъ, што енъ хоцѣвъ збавиць съ свѣту. И ставъ енъ просиць гэтаго купца продаць яму гэтаго мальчика. Тѣй ўзявъ зъ яго большія гроши и продавъ. Сычасъ Марка ўзявъ гэтаго мальчика, и якъ ўзявъ, то и забивъ яго у бочку, и пусцивъ на мора. Плыви, плыви тая бочка по мору, и пераплыла на другій бокъ мора. Выкинуло яе тамъ на берагъ, дно и выскочило. А тамъ прали платця поповы дочки. Уподобався енъ поповымъ дочкамъ, и ўзяли яны яго къ сабѣ ў домъ. Привяли ў домъ, поць спрашѣецъ: ци кшанде ты, дзицятка? А енъ каецъ: ня вѣдаю, татулька! Поць ўзявъ пераксцивъ яго, и назвавъ Пятрокомъ.

Вотъ, живець Пятрокъ у попа. И стало попу вяликое щасце: якъ бывъ дужо бѣдзень, дыкъ ставъ такъ дужо богаты. Дочувся Марка, што поць ставъ богаты, и захоцѣвъ енъ узнаць, съ чаго енъ такъ разбогацѣвъ. Пріѣхавъ енъ къ попу, поць яму и разказавъ: якъ и съ чаго. Спознавъ Марка, што гэта енъ отъ того разбогацѣвъ мальчика, што енъ пусцивъ на мора у бочцы. Ставъ енъ просиць попа, каць енъ продавъ яму мальчика. Довго-кдротко яны споровали, наконецъ того, поць продавъ мальчика. Написавъ Марка карту, отдавъ Петроку и пославъ яго къ своей жонцы, и приказавъ, каць не стаявъ нидзѣ, а до яго пріѣзду каць бывъ у дворѣ. А ў карточцы было написано: «каць до мойго пріѣзду гэтаго малца зарѣзаць, спалиць и попелъ развѣяць!»

Пошовъ тѣй Пятрокъ у Марковъ дворъ. Идзѣць ёнъ, идзѣць, ажну стоиць ны мосьцѣ старичокъ. А гэта бывъ самъ Богъ. И кажець тому малцу: куды ты йдзешъ? А енъ отвѣщаецъ: мяне Марка быгатырь шлѣць съ картой якъ жонцы!—Покажи мнѣ тую карту! Пятрокъ показавъ, а Богъ намѣсто того написавъ духомъ святымъ: каць до мойго пріѣзду гэтаго малца пожанили зъ дочкой мой! Якъ принѣсь Пятрокъ карту, полядзѣла жонка, и сычасъ стали гуляць вяселья. Згуляли вяселья, ажну пріѣжджаецъ Марка. Бачиць енъ, што тѣй малецъ, што енъ вялѣвъ спалиць, сядзиць зъ яго дочкой у самой лѣпшай комнаці. Ёнъ якъ увыйшовъ у кату, дакъ и начавъ пробираць свою жонку, чаму яна яго ня спалила. А жонка выняла карточку и кажець: якъ ты вялѣвъ, тѣкъ я и здѣлала: ты написавъ, каць я яго ожанила зъ дочкой! Полядзѣвъ Марка у карту, бачиць, што на ёй имъ самимъ гэтакъ написано. И толку не добярѣць: здаётца писавъ *спалиць*, а написано *жаниць*, ды съ кимъ—изъ яго дочкой! Думавъ ёнъ, думавъ: што тутъ дзѣлыць изъ гэтымъ малцамъ? Алитку надумався; призвавъ Пятрока и говориць: вотъ коли ты ў мяне будзешъ добрый зяць,—коли сходишъ на тѣй свѣтъ къ мойму бацьку ись письмомъ, и принасешъ отъ яго отвѣтъ.

Узявъ Пятрокъ письмо и пошовъ—што жъ яму робиць? Идзи, идзи—и приходзиць

къ огнянэй раѣ. Бачиць—Марковъ бацька на гэтой раѣ перавозиць безпера-
ста́нку грѣшныхъ у пекло. Пятрокъ подыйшовъ, подавъ карту яму, и просивъ, каецъ,
Марка отвѣту! Бацька Марковъ кажець Пятроку: «нилькаго отвѣту я табѣ не дамъ. А
тольки скажи Марку, што я яго жду, капъ енѣ мяне змяняивъ... перавози!» Пошовъ
Пятрокъ назадъ. Пришовъ къ Марку, разказавъ яму: «такъ и такъ, бацька твой пе-
равозьникомъ на огнянэй раѣ, и ждэць, капъ ты яго отмянивъ!» Якъ почувъ гэто
Марка,—дужа усердзился. Што енѣ такі́й богаты́й, а бацька перавозьникомъ. Запрогъ
коній и поѣхавъ на тэй свѣтъ, вызволяць бацьку. Пріѣхавъ къ огнянэй раѣ и кри-
чиць: подаць перавозъ! Вотъ бацька подѣхавъ, Марка сѣвъ на перавозъ—и остався
перавозиць грѣшныхъ. А бацька пошовъ у рай.

Пятрокъ жа ставъ жиць на Марковымъ мѣсци зъ яго дочкой.

М. Лукомль, стѣнн. у. Запис. крест. М. Познякъ.

84. Справядливый солдатъ.

Служивъ солдатъ дватцаць пяць годовъ,—по старыхъ службахъ. И отправивъ яго царь
домовъ. Тоды давъ яму жалованья три копѣйки, и давъ яму старенькій ранчикъ. Ёнѣ
и пошовъ. Ишовъ ёнѣ нѣскольки днёвъ домовъ, и сустра́каецца съ старикомъ,—ну
зъ якимъ жа старикомъ—изъ Богомъ. Тольки енѣ ня знавъ, што ето Богъ. Ёнѣ го-
вора старику: «здраслуй, старикъ бацюшка!»—Здраслуй, здраслуй, солдацикъ поштѣн-
ный! Што жѣ, отслуживъ Богу и вяликому царю?—«Да, слава табѣ Богу и вяликому
царю,—служивъ Богу и вяликому царю, анператолю, вѣрно, и заслуживъ за мою тру-
дящую службу три копѣйки серябромъ!» Тоды старикъ яму сказую: «ахъ, солдацикъ,
обидзѣвъ цябе царь, ну Богъ цябе ня 'бидзя за твою вѣрную правду!» А солдацикъ
сказую такъ: «Богъ жа вѣдаа: сожальѣ мяне Господзѣ, али нѣтъ?» Богъ такъ сказавъ:
«ну, солдацикъ, обѣ етымъ ня робѣй: будзешъ Богу молитца, и Богъ на цябе не за-
будзя, подумаа обѣ цябе (ви́н. пак.)!» И дойшли съ старикомъ до дзярэвни, и зай-
шли исъ старикомъ у шинькъ. Тоды солдацикъ говора на старика: «старикъ, выпьемъ
по рюмочы, за копѣйку!» Ну, тоды горѣлочка дѣшава была. Узяли за копѣйку и вы-
пили на дорогу, штобъ лехче ноги были стариковы и солдатовы, и оняць пошли. Вы-
шли изъ дзярэвни, и разышлись, и попрощалися. На другі́й дзень оняць сустра́кают-
ца исъ старикомъ зъ естымъ самымъ. Тоды солдатъ радъ ставъ: «здраслуй, стари-
чокъ, бацюшка мой! Слава табѣ Господзи, што я зъ вами оняць повидався! Пойдземъ
ужѣсца!»—А пойдземъ, служба! Вотъ, яны и пошли. Оняць доходзюць до дзярэвни, до
шинка. «Старичокъ, выпьемъ по рюмочы за копѣйку ящѣ?»—Я жѣ ня знаю, якъ
хочашъ ты! Солдатъ узявъ за копѣйку, и выпили по рюмочы. Осталася у солдата
одна копѣйка, а двѣ зъ Богомъ пропивъ. Вышли изъ дзярэвни, оняць разошлись, и
попрощалися. Ну, и назаўтрыго идэць солдатъ, идэць и старикъ наўпроци, тэй самы́й, и
сустра́каютца. Ну, дѣбро. Ето скоро кажатца, да наскоро дѣшетца, и ня думаць, и ня
гадаць, а казки казаць, добрымъ людзѣмъ слушаць. Сыйшлися съ старикомъ солдатъ.
«Здраслуй, старичокъ, бацюшка мой поштѣнный! Слава табѣ, Господзи, што я васъ
увидавъ. Якъ я васъ увижду, дакъ равнѣ, якъ я свойго отца,—такъ я радъ!» Ну,

старикъ яму сказавъ такъ: благодарю табѣ, солдатъ, што ты мой устрѣчай радъ!—
«Ну, и пойдземъ, старикъ, до дзяревни заўмѣсци!» Пошли съ солдатамъ умѣсци до
дзяревни, и зайшли у шинкѣ—кабакъ, значитца—и солдатъ говора: «старикъ, ёсь
ящѣ у мяне одна копѣйка, пропѣёмъ и тую—выпѣемъ по рюмочцы. Случаемъ, поцераю,
тоды шкода будзѣ! Хай я съ старикомъ по любопитносци выпью по рюмочцы!» Ста-
рикъ солдату сказую: «благодарю цябе, солдацикъ, за твое угощенья! Коли ты слу-
живъ Богу и вяликому царю, то ты и ли мяне вѣрно обратився!...» Ну, й пошли съ
шинка. Вышли яны у чистое поле, треба имъ уже распрощатца. Тоды старикъ гово-
ра на солдата: «знаешъ ты, говора, што?»—Ну, што?—«Я хопѣвъ табѣ учиниць
дружбу ли твое справядливосци: давай мы съ тобой на раньчики помянемъ?» И у
старика, бачъ, раньчикъ и ў солдата. Тоды солдатъ боитца: «ахъ, говора, стари-
чокъ: якъ жа мнѣ можно помянѣць царскую выслугу? Ня можно!» Ну старичокъ яму
сказавъ такъ: «солдатъ, ня бойся: за мой раньчикъ будзѣ табѣ большаа награда и
вяλικое щасця!» Солдатъ обдумався, и замянявъ. Тоды старикъ яму сказую такъ: «вотъ
жа, солдатъ: захочашъ ты пиць и ѣсць, и разное кушаньня, дакъ ты здѣнь рань-
чикъ мой исъ плечъ,—ну тольки ня ў кършми, а ў поли,—и скажи такъ: раньчикъ,
открыйся, выйдзи, добрый молодзецъ, дай мнѣ и пиценья и ядзенья, разнаго ку-
шаньня! Ёнъ и дасъ. И якъ будзѣ табѣ якія страхъ, дакъ ты скажи: раньчикъ, рас-
крийся, добрый молодзецъ, явися, отби злого урага отъ мяне! Дакъ енъ и на допус-
ца!» Тоды замянялися яны на раньчики и попрощалися. И пошли.

Нѣскольки урема пройшовъ солдатъ, и захопѣвъ здѣлаць сиробу. Захопѣвъ ѣсць,
и сѣвъ на дорози, и попросивъ ѣсць: раньчикъ, открыйся, добрый молодзецъ, явися,
дай мнѣ пиценья—ядзенья, разнаго кушаньня! Тоды раньчикъ открывъсь, вышовъ
молодецъ, вынимаа разные напнтки и наѣдки, и поднося солдату. Солдатъ етый сѣвъ
на кольнѣкахъ, иславъ руки и помолився Богу: «о Господзи многомилосливый! вѣрно
я Богу ўгодзень, што мяне Господзь сожалѣвъ! Наўжли я зъ Богомъ суетрѣвса?
самъ сабѣ размышляя. Вѣрно, говора, такъ и будзѣ!» Ну, енъ ето кольки разовъ
сиробу здѣлавъ, и зайшовъ къ помѣщику на ночь. И ў того помѣщика двоя комлатъ:
одны на горѣ, а другія ля возяра. Дакъ енъ приказавъ усей дворни своей, во всемъ
дворѣ, штобъ безъ яго дозволу, Божа сохрани, нікого на ночь ня пускавъ ніхто.
Етый жа солдатъ попросивъсь на ночь. Сычасъ жа доложили пану, што проситца сол-
датъ на ночь. Панъ такъ сказавъ: нехай енъ ко мнѣ прйдзѣ! Солдатъ пошовъ къ
яму: баринъ, пусциця пожалуста намъ перяночавацъ! А енъ говора: «да, солдатъ, я
цябе пушу перяночавацъ; коли ты у моихъ комнатахъ перяночуетъ ля возяра три
ночѣ, дакъ у мяне ёсь одна дочъ, дакъ я цябе къ ёй у зяци приму!» Ёнъ говора: ба-
ринъ, можно,—я перяночую усюдахъ! Появлѣвъ баринъ солдату хорошую вячерю дацъ,
што енъ самъ вячеряя, и завесъ солдата у комлаты къ возяру. Солдатъ говора: ба-
ринъ, пожалуйця мнѣ свѣчку, Богу помолитца! Баринъ давъ свѣчку ладную, давъ
солдату лакея: покажи яму идзѣ спацъ! Тоды, привѣвъ лакей у комлаты солдата и пока-
завъ на хорошей посцели спацъ солдату. Пошовъ лакей назадъ у тыя комлаты, а солдата
закмнувъ. Солдатъ запаливъ свячу и ставъ молитца Богу; и помолився Богу, и лёгъ спацъ.

Пройшло половина ночи. У самую глушь приходзи два чарты къ солдату, и

гукающъ: отчини! Солдатъ спрашуя: хто тамъ такой?.. А ето да построивъ панъ комлаты тамъ, дѣѣ жили чарты, дакъ яны не дающъ яму жиць тамъ. Коли хто заночуя, дакъ яны яго до косточки обсмоктучъ. Назаўтраго придзя лакей, да косци у возяро выкиня. Объ тымъ и справа ўся. И енъ нарочито шукаа такихъ людей, ци ня 'бярётца хто такой, можа перяначуя у моихъ комлатахъ, и енъ обѣщаа къ своей дочари етаго чаловѣка узяць, хто три ночи перяночуя.

Вотъ яны и приходзюць удвохъ. Солдатъ спрашуя: «хто тамъ?»—Мы!—«Хто вы?»—Черци!—«Кольки васъ?»—Два!—«Ну, пожалуста! Вы мнѣ ня 'тчиняли сюды, и я вамъ не пойду отчиняць!» Тоды черци сами увыйшли. И говоручъ: «солдатъ, убирайся отсюдова, тутъ ня твоѣ мѣсто. начаваць, а наша. А то якъ придучъ наши дѣбди, дакъ твоѣ косци по'бсмактуюць!»—А ето были старшій. —А солдатъ имъ такъ отказавъ: вы мяне сюды не завали, а мяне панъ завѣвъ и давъ мнѣ мѣсто начаваць. А я зъ вами распоряджусь, а изъ помѣщницкія койки то не полѣзу! И говора: «раньчикъ, открийся, добрый молодець, явися, возьми нячистую силу и прикуй къ сцѣнцы, покуль пятахи запяюць. Вотъ куды!» енъ сказавъ. «Панъ запраже лошады, поища попа, и пераксцимъ ихъ, и будзя два чаловѣки: усѣтыки большъ людей будзя!» Добрый молодець выскочивъ, узявъ ихъ ободвыхъ за борода и прикувавъ ихъ къ сцѣнцы. А борода такія бѣлыя, махынныя, якъ у Аверьки. *)

Вотъ, приходзя опяць жа два. «Служба, отчини!»—Хто тамъ такой?—«Мы!»—Хто вы?—«Черци!»—Зачимъ вы?—«Службочка, милая, просимъ мы ў цябе, *нуцы* стариковъ нашихъ! Што хочашъ, мы табѣ дадимъ, только *нуцы*! Скоро пятахи запяюць!»—Што вы мнѣ дасцѣ?—«А што хочашъ?»—А вотъ што я хочу: половина комлатъ моихъ,—штобъ вы ня касались!»—«Ну, добро!»—Распишицяс на етомъ! Ну, яны расписались на половину комлатъ—солдацкія. Тоды солдатъ повялѣвъ раньчику открытца, доброму молойцу явитца, и ўзяць ихъ отъ сцѣнки и выкинуць за порогъ. И сычасъ жа якъ яны пошли, и пѣвни запѣли. Солдатъ остаётца у живыхъ.

Давъ Богъ дзень. Посылаа панъ лакея: идзи, выкинь солдацкія косци у возяро!—Енъ уже вѣдаа, што солдата уже зѣбли. Сычасъ прыбитаа лакей у комлаты, отмыкаа двери и стучиць по комлатахъ. Солдатъ спрашуя: хто тамъ стучиць? А лакей говора: я!—«Хто ты?»—Лакей!—«Да маць вашу такую, васъ много тутъ лакеявъ було!» Той побѣгъ назадъ. «Баринь, солдатъ живъ!»—Можаць быць? живъ?—«Живъ!» Ну, сычасъ етый панъ надзѣвъ на сябе пальто и побѣгъ глядзѣць солдата, ци живъ енъ. Увыйшовъ у комлаты, и стучиць по комлатахъ. «Хто тамъ такой?»—А я!—«Хто, ты?»—А панъ, барины!—Да маць вашу такую, васъ много бариневъ було тутъ, и зъ рогама, и зъ ногама!» А панъ кажа: пожалуста, не ругайцеса, я самъ иду къ вамъ на лицо, просиць васъ на чай. Я дужа доволяня, што вы живы!» Ну и пошли яны у комлаты. «Благодарю вамъ, баринь, што вы пришли, позвали мяне на чай!» И остаётца, попивши чай, до другія ночы. И яны уже балевали, госцевали цѣлый дзень. И повячеравши, енъ яго туды опяць жа завѣвъ, уже у другую половину. «Баринь, знаеця што? Вотъ ета половина комлатъ уже наша! А якъ ба тую отбиць?» Енъ ставъ яго просиць большъ. И завали яго на другую половину. Узявъ енъ

*) Аверька—мѣстный старикъ, слушавшій вмѣстѣ со мной сказку,—бородаць.

свѣчку большаю, запаливъ на ўсю ночь, помолился Богу, и легъ на другой ужю койцы. Тоды, половину ночи прошло, идущъ два чарты старыя, да ўжо ня тыя, а другія. «Солдатъ, отчини!»—«Хто тамъ такій?»—«Мы!»—«Хто, вы?»—«Черци!»—«Да ўже я зъ вами распоряджусь сягоньни, маць вашу такую! Вы ўчора мнѣ ня дали спаць! Яны увыйшли сами. Тоды: «удекай, служба, зъ нашихъ комлаты! Ето комлаты наши! Што ты дзѣлаешъ ето? Коли мы у пана отобрали, а ў цябе и отбираць нечаго!» А солдатъ тоды казую: ну, посмотримъ, хто ў кого отбярэ: ци вы ў мяне, ци я ў васъ!—«Ну, убирайся: наши дзѣци якъ придучъ, дакъ твоѣ косци обсмокчучъ!» А енъ говора: «посмотримъ! Раньчикъ, раскрыйся, добрый молодець, явися, пожалуста, прикой етыхъ сукиныхъ сымовъ, нячистую силу, икъ сцѣнцы, покуда пятахи запяюць!..» Ня ўспѣвъ жа раньчикъ приковаць етыхъ, нашло повны комлаты. Солдатъ бився, бився—яны яго згоняюць съ посцели. Открылся раньчикъ, выскочивъ добрый молодець, якъ узавъ ихъ биць,—чисто усихъ побивъ! Опяць два приходзя и просяць солдата, по ласцы ўжо: «службочка, милянкѣй! што ты хочашъ, бари—пусци нашихъ дзяцей и нашихъ бацьковъ!»—Нѣ, ня пущу ни вѣдного, покуль пятахи запяюць. Запаяць пятахъ, панъ привязе попа, и ўсихъ перякспимъ, то нѣсколько душъ народу прибавитца на свѣци!.. А яны яму отказуюць такъ: «што ты хочашъ, то зъ насъ возьми, только пусци!» Ну, енъ имъ загадавъ насыпаць тую половину, што енъ учора отобравъ, повну грошамы, штобъ икурать повну, только спежачку яму покинули. Яны насыпали и пришли къ яму, штобъ енъ ишовъ посмотрѣвъ, ци вѣрно. «Я посмотрю двѣмъ, а цяперъ я съ койки ня пойду. Раньчикъ, открийся, добрый молодець, явися, выкидай ихъ усихъ, нячистую силу, за порогъ!» Раньчикъ раскрывся, молодець выскочивъ и повыкидавъ ихъ за порогъ. Остаетца солдатъ у живыхъ.

Присылая панъ лакея: «идзи, повыкидай хоць косци!» Лакей прибжаа. Солдатъ закрывавъ: «хто тамъ?»—Я!—«Хто ты?»—Лакей!—«Да маць вашу такую, тутъ много васъ сеночи лакеявъ було!» Лакей побѣгъ: живъ солдатъ! Да штось, говора, насыпано грошай повны комлаты, таа половина, идзѣ учора солдатъ ночававъ! Сычасъ одзяѣтца панъ, идзѣць къ солдату и по комлатахъ стучиць. «Хто тамъ такій?»—А я, баринь!—«Ну, коли ты баринъ, поглядзи у тую комлату, што дзѣтца. Комлаты наши, и гроши наши!» Баринъ етому радъ. Сычасъ узавъ етаго солдата и пошли чай пиць. Цѣлый яны дзень тамъ балевали, рады ўжо!

Дойшло до ночи, опяць панъ солдата выправляя, и дае яму третью свячу, ще большаю. Солдатъ запаливъ свѣчу и поставивъ, и Богу помолился, и легъ спаць. У повночь приходжучъ два чарты, опяць жа ня тыя—уже третій сортъ—и говоручъ: «служба, отчини!»—«Хто тамъ такій?»—«Мы, чарты!»—«А, вы мнѣ ня 'тчиняли и я вамъ отчиняць ня буду. Коли треба, сами увойдзеца!.. Яны ўвыйшли. «Служба, убирайся отсюля, а то мы цябе тутъ обсмокчимъ!»—Раньчикъ, открийся-ка, добрый молодець, явися, прикуй нячистую силу къ сцѣнцы,—отъ я зъ ими распоряджусь!.. Раньчикъ открылся, добрый молодець явися и приковавъ къ сцѣни, и сядзиць. Солдатъ ляжиць, спокоять. Якъ наляцѣло ихъ, да якъ воронья, повны комлаты,—и писнуць нѣйдзя! Добрый молодець якъ ухапивъ, якъ узавъ ихъ биць, якъ узавъ ихъ биць—отбивъ чисто усихъ! Скоро урема патухома (дат. множ.) залѣць. Опяць жа два идучъ,

да такіа сивыя, старше ужо за ўсїхъ, и говоруць солдату: «што табѣ треба отъ насъ, то мы табѣ усѣ суповнимъ, толькі пусці насъ усїхъ!»—Вотъ што мнѣ треба: комлаты моѣ, и штобъ дзеньгами былі насыпаны, якъ таа половина. И распишицясъ со мной!—«А йдзѣ жъ мы, гавора, будземъ жиць?»—А ваша вѣзюро! Тоды яны насыпалі повны комлаты грошай и расписалісь, што комлаты яго, а ня ихъ; гроши яго, а ня ихъ, а вѣзюро ихъ. Енъ узявъ, посмотрѣвъ на ўсѣ,—здѣлано якуратно ўсѣ—енъ и появлявъ доброму молайцу повыкідаць усїхъ вонъ. Добры молодзецъ узявъ ихъ, повыкідавъ усїхъ до 'дногò, и зацѣлі пѣвны.

Давъ Богъ дзень. Ня пославъ уже панъ лакея, а пошовъ самъ. Якъ прішовъ панъ самъ, посмотрѣвъ у комлаты—и енъ ня знаа, дзѣ золата дзѣць! Сычасъ пошлі ісь солдатамъ на горѣ у комлаты и сѣлі бясѣдоваць. Панъ гавора: «ну, што, солдаты, согласянъ зъ мойей дочаръю жанітца?»—Да, баринь, коли вы согласны мяне прыняць, то и я согласянъ къ вамъ пристаць! А панъ етый сказуа тоды: я табѣ даруя тья комлаты, што ты отобравъ, и гроши, и повное ходзайство, и свою дочь.

Тоды сычасъ жа пославъ панъ етый за своимы госцямы, за музыкой и за попомъ. Госці попріѣхалі. Яны попілі заручины. Вотъ такъ ба, якъ ба у насъ, близко церква была, *)—сычасъ ихъ повязлі и повяньчалі, и вяселья сыйгралі. И осталіся яны жиць.

Тоды солдаты спрашуя у етаго пана: баринь, ёсь у васъ баня?—Ёсь!—Треба бѣ зъ дороги помытца у бани! Баринь появлявъ вытопиць баню и пріготовиць, якъ слѣдуя быць, помытца. Вытопілі баню, пріготовілі якъ слѣдуя быць, помытца, и зовуць солдата у баню мытца. А баня ля вѣзюра, изъ вѣзюра воды наносілі. Приходяа солдаты у баню—повна баня чарцей: ли чаго воды наносілі изъ вѣзюра? «А што, солдаты, усѣтыкі попался къ намъ, дакъ попался. Мы отъ цябе ня 'тсгунімъ. Мы съ тобой расписаліся: домъ твой, гроши твоѣ, а вѣзюро наша, дакъ ня смѣешъ браць нашя воды, дакъ тутъ табѣ ужо конецъ!» Солдаты отпросілся у ихъ: пойду ісь ходзайкой попрощаюсь, изъ роднымы! Прішовъ у комлату и гавора: ну што, баринь, хай моя жана, а ваша дочаръ, ідзѣць со мною ў баню умѣсці! Панъ сказава такъ: ето дзѣло ваша! Якъ хочашъ, такъ и можашъ распорядзітца съ своей жаной—дзѣло ня моѣ!.. Енъ тоды довѣвъ жанѣ до бани, и нѣсколькі шаговъ ня довѣвши до лавны,—«ну, жана моя, раздѣвайся соўсімъ, якъ маць родзіла!»—Якъ жа я буду раздѣватца, ня дойшовши ў лавню?—«Нѣ, надо раздѣватца!» Стало быць, яна яго ще совѣсцитца: якъ ето раздѣватца, ня дойшовши у лавню? Однача, ёнъ влялицъ: «коли ты не раздѣнёсья, дакъ застанеся ты удовой, а мнѣ приходзітца загібаць!..» Жана раздѣлася, растрепала волосы, стала ракомъ, енъ сѣвъ на яе варьхомъ, и тоды поѣхавъ на ёй задомъ. Отчинивъ ёй двери. Зірнулі етыя черці,—на комъ ёнъ ідзю? Енъ імъ сказуа такъ: «вотъ, черці, коли вы увознаеца, па комъ я іду, то я вашъ; а коли ня ўвознаеца, то ўсі суды убірайцеся!» И лопаа по срацы. Яны тутъ ходзілі, ходзілі кругомъ яе—ня ўвозналі. Вѣдомо—тутъ хвостъ, а тутоцкія намя вѣдома што. «Ну, службочка, міляный, мы што хочашъ дадзімъ, а сюды не полѣзямъ!»—Ну, давайца половину вѣзюра! Распишицясъ!.. Яны расписалісь: таа

*) Въ Гайшынѣ сказкі занісываліся мною въ училищѣ, вонѣ церкви.

половина ихнаа, а ли лазьни моя. Енъ сычасъ пославъ ихъ разбиць точками, размѣ-
риць. Яны разбили возяро, и размѣрили, и расписалися, и сами убралися изъ лазьни.

А солдатъ помывся у лазьни изъ своей ходзяйкой и осталися жиць. И я тамъ
бывъ, и медъ-вино пивъ, и у роци ня було и по бородѣ не цякло.

М. Гайшинъ, бых. у. Запис. мною. Говоръ смѣшанный.

85. Купчикъ небогатый.

Якъ живъ купецъ, ды помѣръ. И осталися у яго жана и маленькій сыпёнычикъ.
Тогды, умираючи, енъ скызавъ жалѣ: «помни, жана любезная: кыли енъ вырысець,
у совершенныи лѣты выйдзець, тогды яму передай гроши на руки и ўсё моё иму-
щество!» И такъ, годовъ ды семнатцати, бывъ енъ у мацери. И просидъ енъ у мамень-
ки: «маменька моя любезная, дай мнѣ сто рублей: пойду на базаръ што-нибудь ку-
пиць.» Маменька дѣ яму сто рублей, и пошовъ енъ на рынокъ. Ходзивъ, ходзивъ по
рынку цѣлый дзень, и не спозрился яму ниякій тываръ. Тольки енъ видзиць—но-
сидъ мужикъ ката. Енъ говориць: што табѣ зы ката, мужичокъ?—Сто рублей! Енъ
вынявъ яму съ кымана сто рублей и отдавъ зы ката. Приходзиць домовъ, и маць
яго спрашиецъ: «сынка мой возлюбленный, якого жѣ ты тывару зыкупишь?»—Купивъ
звярушку! А маць говориць: «ето жѣ ты ката купивъ!» А енъ говориць: якая мнѣ штука
трапилася, такую я и купивъ! Маць кажець: «сынку мой, сынку—дурный твой разумъ!..»

Тогды яны пывичерали, лягли спаць. А назаўтри поўтру енъ знова просиць у
матки сто рублей. А матка говориць: «сынка мой, ты яще такую глупусь купишь, якъ
учорася!» Енъ и говориць: што мнѣ спозритца, тоя я куплю! Тогды матка дала яму
сто рублей, и пошовъ енъ на рынокъ. И ходзивъ енъ цѣлый дзень, и ничего яму
не трапилось. Идзецъ енъ домовъ, а человекъ видзецъ собаку. Енъ спрашиецъ: «што
ты вядзешъ?»—Собаку!—«Што, ты яго продаешъ?»—Продаю!—«Што ты за яго хо-
чешъ?»—Сто рублей! Тогды енъ отдавъ сто рублей тому человекъу за собаку. И при-
шовъ енъ домовъ съ собакой. Мать у яго спрашиецъ: «якого ты тывару закупишь?»
—Собаку!—«А што отдавъ?»—Сто рублей! Стала яна бранитца: «вотъ, сынку—глупый
твой разумъ: учора ты купивъ ката, а сягони собаку. Вотъ двѣсця рублей изъ кыр-
мана!» Тогды енъ кажець: «маць моя, молися ты Богу, кладзися спаць!» Назаўтри уста-
ецъ енъ раненько, помывся бѣленько, помолився щиренько, и просиць у матки яще
сто рублей. А матка кажець: сынку мой, сынку! Ты уже занёсъ двѣсця рублей, и
яще сто рублей! А енъ кажець: маць моя, можець при худый годзины знадобны бу-
дучъ! Тогды маць яму выпяла сто рублей и подала. Енъ у яе ўзявъ и пошовъ на
рыпкъ. Ходзивъ, ходзивъ, и ничего яму не трапилось купиць. Къ вечару дзѣло—тра-
пився яму пѣйкій паць, и кажець яму: «молодой нарень! ци не доставъ бы ты у skle-
пи у барыни умёршей зылотэй персень? Што хочешъ, я табѣ заплачу, хуць тыщу
рублей, только достань мнѣ, подай!» А енъ говориць: отчаго, можно! Тоды енъ ўзявъ,
одымкнувъ склепъ и упусивъ яго туды, а двери замкнувъ. Пошовъ енъ пы гробахъ,
ажны ляжиць паня умёршая, а зылотэй персень ажны зяецъ у яе на руцѣ. Енъ
укленчивъ перядъ ёй и пымоливсь, и говориць: «позволь мнѣ персень зъ руки зняць!»

Тогды узавъ яе зы правую руку и знявъ персень. И тогды уклѣнися ѣй низенько у ноги и пошовъ къ дверямъ и стучиць у двери: «пусти мене вопъ, я ўжо персень дыставъ!» А панъ говориць: пыдай мнѣ персень скрозь двери у болонку! А енъ кажець: «я табѣ не подамъ! перша ты мене выпусци, и зыплаци гроши, тогды я табѣ отдамъ!» Енъ жа яго ня пускаець, а енъ персьня не даець. Тогды енъ, сѣдзючи тамъ, знявъ персень съ пальца, зъ руки на руку перякинувъ, и стало перядъ имъ три мылойцы. И спрапуюць у яго: паня-Ивана (зват. пад.), што за ўслугу надо? А енъ имъ говориць: разбиця гетый склепъ и доставця мене у войцовскій домъ! Тутъ тые добрые мылойцы разбили склепъ и доставили яго у войцовскій домъ къ мацари.

Тогды жъ маць у яго спрашiець: «сынку мой, што жъ ты за сто рублей купивъ?» —Ничого по мойй натуры не трапилося, маменька! Молися Богу, ложися спаць: заўтри поўтру, маменька, будзецъ мудрѣй вечара!.. Узавъ персень зъ руки на руку переманивъ, и стало перядъ имъ три мылойцы и спрашиваюць: «паня-Ивана, што за ўслугу надо?» А енъ сказываець имъ: штобъ за ночь домъ бывъ выстроень такий, што ни ўздумаць—згадаць, тольки ў приказки сказаць! Яны яму говоруць: «паня-Ивана, ложися спаць: за ночь усѣ будзецъ!» Лѣгъ ѣнъ спаць. Назаўтри устабъ и видиць ѣнъ, што енъ и маць спаць у паринахъ, прiслуга у ихъ ёсь—и кўхари и лакеи. Маць спрашiець: сынку мой, сынку, откуль табѣ гето Богъ давъ! Енъ и говориць: маменька моя, што я отъ Бога задумаю, тое мнѣ Богъ и дасъ? Тогды жъ енъ, перябывши дзень, и къ вечару дзѣло—говориць: «маменька моя, молися Богу, ложися спаць: заўтри поўтру мудрѣй вечара будзецъ!» Тогды енъ узавъ, перякинувъ персень зъ руки на руку,—выскочило перядъ имъ три мылойцы и спрашиваюць у яго: паня-Ивана, што надо за ўслугу? Енъ и говориць: «кабъ було шасцѣрка лошадей и пояздъ хорошій: кучари, лакеи и хвалетыри; кабъ мадери мойй одзежа была хорошая къ царю ўхыць у сваты!» Тоды яны сказали: «паня-Ивана, молися Богу, ложися спаць: будзецъ табѣ поўтру усѣ!» Тогды жъ енъ уставъ поўтру и посмотривъ—стоиць притната шасцѣрка лошадей, съ кучарами, зъ лакеями, съ хвалетырами, и мацари одзежу привязли. Маць устала и говориць: сынку мой, сынку, откуль табѣ шасця давъ Богъ? Тогды енъ говориць: ну, маменька моя: убирайся и ѣдзь къ царю у сваты. Я думаю узавъ за сабе яго дочъ! Тоды маць говориць: «сынку мой, идзѣ царъ оддасъ зы цябе дочъ?»—Ну, маменька, оддасъ-ня тдасъ, а свататца надоби! Маць яго прибралыся, одзѣлыся, и поўхыла. Прiѣжаець туды къ царю, и царъ у яе спрашiець: объ чимъ ты прiѣхыла, купецкая жана? Яна яму отказьець: прiѣхыла у сваты за своего сына! Царъ гукнувъ дочъ свою и сказьець: вотъ, купецкая жана прiѣхыла у сваты за сына своего! Яна яму отказьець: «я тоды пойду зы яго, кили будзецъ домъ чисте нашего ойда, и выстрыецъ мостъ отъ нашего дома и до яго—сiребряная штымпальная и зылотая штымпальная, сiребряная мосцина и зылотая мосцина—тогды я пойду зы яго за мужъ!»

Поўхыла яна домовъ и сыну сказываець: сынку мой, идзѣ намъ узавъ царьскую дочъ, и здзѣлыць тое пы яе зыгадцы? А енъ ѣй отказьваець: маць моя, маць,—молися Богу и ложися спаць: заўтри повутру мудрѣй вечара!.. У вечари жъ енъ кольцо перякинувъ зъ руки на руку, и стало перядъ имъ три мылойцы и спрашиваюць у яго:

«паня-Иваня, што за ўслугу надо?»—А вотъ што: кабъ поўтру мостъ бывъ выстроень—зылотаы штыпальная, сярэбряная штыпальная, зылотаы мосцина, сярэбряная мосцина, отъ нашаго дома ды до царьскаго!—«Паня-Иваня, молись Богу, ложися спаць—будзець усё!»

Тогды енъ ўставъ раненько, поглядзѣвъ, ажны мостъ выстроень, ажны зіець! Будзиць енъ матушку и кажець ей: «маменька, поўбжай къ царю у сваты по гетому мосту!» Яна жъ устала, одзѣлыся и поўхыла. Пріѣжжаецъ къ царю. Царъ выходзіць на высокъ балхонъ, узаявъ позорную трубу и смотріць: ажны мостъ отъ яго крылда и до купецкаго выстроень, ажны зіець! И спрашіець енъ дочь свою: видно табѣ ици за Ёваньку, купецкаго сына! Дочь яго говориць: «кыли жъ енъ хитрець ды мудрець, то нехай енъ разнымъ винограднымъ обседзіць побалоль мосту, и якъ мы будземъ ѣхыць къ вянцу, кабъ цвицьвъ, а отъ вянца—кабъ отцвицьвъ, и кабъ мы могли кушаць ужо плоды!» Тоды жъ маць яго зъ естыми словами узала и поўхыла домовъ. Пріѣжжаецъ домовъ, и сынъ у яе спрашіець: «а што, ци высваталася?» А йна кажець: зыгадала зыгадку не гораздо хорошо: кабъ ты высыдзівъ побалоль моста винограднымъ: къ вянцу ѣдзя, кабъ цвицьвъ, а отъ вянца—ужо ѣли бъ плоды! Енъ тогды кажець: «молись Богу, да кладзися спаць: заўтра повутру будзець мудрѣй вечара!»

Енъ сыйчасъ персценъ перякинувъ зъ руки на руку, и стало перадъ имъ три молайцы и спрашиваюць: «паня-Иваня, што за ўслугу надо?»—Вотъ, говориць: кабъ разнымъ винограднымъ обседзили побалоль моста: кабъ къ вянцу ѣдзя, цвицьбли, а отъ вянца—отцвицьбли и ўспѣли плоды, кабъ мы кушали!.. Назаўтри устаецъ, вышувъ на высокъ балхонъ, смотріць—по 'быхъ сторонахъ обседжано разнымъ винограднымъ. Енъ тогды кажець: «матушка, ступай одзѣвайся, и ѣдзъ къ царю у сваты!» Тоды яна поўхыла къ царю у сваты, и кажець ей царъ: ну, што жъ? Хочешъ ты со мной сватовство завяспи? А яна яму кажець: жалаецъ мой сынъ дочь вашу у супружество узаяць! Тоды царъ вызываецъ свою дочь и кажець: «якую загыдку зыгадываешъ, а енъ тое суповняецъ. Видаць, што вы будзеце супруга яго, а енъ вашъ!» Яна тогды загыдку зыгадываецъ: «кыли жъ енъ мой супругъ, дыкъ кабъ были у яго лошадки получче вашыхъ, на якихъ вы ѣдзеца на паску къ обѣдни; карета кабъ была получче вашай; домъ чинце вашаго; пицяннѣ и ядзяннѣ получче нашаго. И кыли усё гето за почъ будзець здзѣлыно, дыкъ нызаўтри нехай пріѣжжаецъ къ вянцу; а якъ пріѣдемъ зъ вянца, кабъ столы были застланы проспирадлами, пицяннѣ и ядзяннѣ понаставлено!» Тогды царъ кажець: «кыли ты моя сватыця, то нехай усё гето у васъ за почъ будзець, дыкъ заўтри къ вянцу пріѣжжайця!»

Пріѣжжаецъ яна домовъ, а сынъ высакыецъ икъ ей на ўстрѣчу и спрашіець: ну што, маменька? А йна говориць: «сынку мой любезный, зыгадала царевна зыгадку не гораздо хорошо: кабъ къ заўтрему у насъ были лошаdzi получче ихныхъ; карета, збруя кабъ почице царьскій!»—Маць моя родзімая, молися Богу, ложися спаць: поўтру будзець мудрѣй вечара!.. А енъ, добрый молодець, узаявъ, персценъ зъ руки на руку перякинувъ, и выскочили три мылойцы, и спрашиваюць у яго: «паня-Иваня, купецкій сынъ, што за услугу надоби?» А енъ имъ казываетъ: што заўтри я буду принимаць законный, бракъ дыкъ кабъ лошаdzi, карета, кучари и лакеи получче царьскихъ

были; кабъ, покуль я зъ вянца прѣйду, кабъ столы были закрыты дырогими просцирадами и пиценьѣ, ядзеньнѣ получчѣ царскаго поставлено! Яны яму отказываюць: «молися Богу, ложися спаць: за ночь усѣ твоѣ дзѣло суповнито будзець!» Тоды енъ пошовъ спаць. Назаўтри уставъ енъ раненько, умывся бѣленько, вышовъ на подворіцу, ажъ видзиць, што усѣ тое суповнито, што царевна приказала. Тогды яны увыбралися и поѣхыли къ царю законный бракъ принимаць. Вышла тая царевна, посмотрѣла, ажны видзиць, што уся яго дружина увыбравая получчѣ отцовскій. Што робиць? Отець побогословивъ тоды законный бракъ принимаць. Туды яны ѣдучъ, разные хрухты пвицяць, а покуль ихъ обвѣнчали, дыкъ ужо усе хрухты поспѣли, и стали яны щипаць и кушаць. Обвѣнчавшись, яны у царя побалували, погуляли и поѣхыли у дворъ. Царъ жа пославъ за ими царамонію и самъ поѣхывъ осмотрѣць ихъ съ усѣй своей свитой. И видзиць, што у яго зяця усѣ почище и получчѣ, чимъ у яго самагд. И говориць енъ: «сынку мой и дочь моя, богословляю я васъ усимъ добрымъ щасцемъ!» Тогды царъ побывъ тамъ съ своей свитой, погулявъ и поѣхывъ у свой царскій домъ.

Ну, сколько яны жили тамъ, пѣскульки годовъ благополучно. Енъ жа, Иванъ-купецкій сынъ ничего худого ня думаецъ, а йна ўсѣ думаецъ, кабъ зъ имъ разлуку мѣць и перякинутца къ проклятому царю. И стала яна зъ имъ добры рѣчи говориць: «другъ мой, и супруга моя! што жъ гето мы одзинъ съ однимъ живѣмъ и правды не кажемъ? Откуль ты гетакаго богатця узявъ и розуму набрався?» Тогды ёнъ ей отказыець: «жана моя и супруга! На што вамъ того допытыватца, чаго нельзя знаць?» А йна яму говориць: «кыли ты мой другъ, а я твоя, дыкъ должонъ мнѣ правду сказаць; а кыли не докажешъ мнѣ правды, дыкъ я выйду къ своему ойцу! Тогды епъ ей отказыець: «кыли ты хочешъ знаць гето дзѣло, только кабъ гето знали мы ды Богъ третій: никому не кажи—ни ойцу родному, ни мацери!» И сѣли яны разные пьяныя вины распиваць, и стала яна разные хорошія рѣчи говориць. Попивши винъ разныхъ и пьяныхъ, и лягли яны отдыхаць. «Искажи ты мнѣ, другъ милый, отчаго ты ставъ богатъ и откуль ты розуму набрався?» Енъ жа ей отказыець: «ёсь у мене на правый руцѣ персень, и якъ я яго только зниму съ пальца, и зъ руки на руку перякину, дыкъ сыйчасъ выходзюць три мылойцы и дыставляюць яны мнѣ усѣ, што надо!» Тогды, якъ заснувъ епъ быгатырьскимъ сномъ, яна сыйчасъ узяла, зняла зъ руки у яго персень, и зъ руки на руку перякинула, и сыйчасъ выскочили три мылойцы и спрашиваюць: царевна наша, што за ўслугу вамъ надоби? А йна говориць: «кабъ гетый домъ, и со мной, и ўсѣ яго быгатыця перенесли къ нявѣрному царю, къ проклятому цмоку, а яго покинули у бацькинымъ доми зъ яго матушкой!» Назаўтри устабъ ёнъ раненько и видзиць енъ, што нема того ничого, што у яго было, только ёнъ у войцовскимъ домику. Царъ же вышовъ на высокъ балхонъ и видзиць епъ, што нехилий мосту, ни разныхъ виноградывъ, ни зяцева двора. Тогды енъ пославъ вѣдомыхъ: «спрашываюць хто живой—зяць или дочь моя, дыкъ пристановиць ихъ ко мнѣ!» Кили сѣли яны посмотрѣли, то увидѣли, што нема ни царевны, ни двора, а только зяць одомавъ. И матушкой своей. Тогды узяли яго добра мылойца, и пристановили на-лишно (biel-u) къ царю. И спрашыець яго царъ: «идзѣ ты подзѣвъ свою жану, а мою дочку?» Узявъ царъ и вѣдывъ замуруваць яго у стобъ (стоўбъ-столбъ), и здѣльць

одно маленько вокошко и пыдаваць яму у тое вокошко хвунть хлѣба и хвунть воды. «Енѣ, видаць, большій хитрецъ!»

Тогды, на другій дзень, оглѣдзился котъ и пёсъ, што нема ихнаго ходзяина. И пёсъ кажець коту: пойдземъ искаць свою царевну! А котъ яму отказець: «хорошо, што ты вяликъ и дужъ, можешъ переплысь черезъ сине море!» А собака яму кажець: «кыли я переплыву, то и цябе перевязу!» Тоды яны узали, бросили старуху, яго маць: и пошли изъ дому къ синему морю. И кажець собака на кота: «садзися на мяне и дзяржися!» Поплывъ собака по синю морю. Плыви, плыви, и переплыли яны на тэй бокъ. Вылѣзли на берегъ, котъ соскочивъ, собака страханувся, и пошли яны шукаць царевну. Бѣгли, бѣгли, и прибѣгаюць къ тымъ самымъ палацямъ, што были у Ивана—купецкаго сына. Тогды сыйчасъ улѣзаюць яны у домъ, и обрадовалась имъ царевна. «А! говориць: коцька мой, и кобелька мой, якъ гето вы мяне найшли?» Котъ ставъ мышей биць да ў косцёръ складаць, а собака ставъ на кухни кухарю повмиски мыць. Кухаръ и лакей жалѣюць собаку, а царевна кота. Тоды котъ тэй приладзился: ина сницъ, а енѣ цѣхынёк зубками тое кольцо колыши, колыши, и здѣвъ енѣ тое кольцо. Якъ здѣвъ, дыкъ енѣ сыйчасъ говориць собаку: што кольцо ужо ёсь, пойдземъ домовъ, кабъ ходзяина намъ захапиць живого!» Тогды яны якъ пудзь, дыкъ пудзь, и прибѣгли къ синему морю. Тоды собака говориць на кота: «садзися на мяне, поплывёмъ; тольки хорошо дзяржи персень, яя выпусци!» Сыйчасъ тогды плыви, плыви, и спрашѣнь собака у кота: котъ, ци ёсь персень? А котъ мовчиць. Тоды, сколько яще проплыли, и спрашѣнь узновъ собака у кота: ци ёсь персень, а то я цябе утоплю! А котъ забоявся, кабъ енѣ яго ня ўтопивъ, и кажець: ёсь! Ды персень и ўпусцивъ у море. Якъ приплыли яны къ берегу, дыкъ котъ соскочивъ ды на ель. А собака спрашѣнь: ча ты, котъ, ускочивъ на ель? А котъ кажець: а што жъ? Якъ ставъ ты спрашиваць, ци ёсь персень, а я сказавъ: ёсь, —а персень у море!.. Тогды собака кажець коту: «лѣзь доловъ, пойдземъ мы сабѣ новаго ходзяина шукаць!» И побѣгли. Якъ бяжи яны, бяжи, прибѣгаюць яны къ рыбагу: собака сперажець дворъ, а котъ очищаць домъ. Ходзяйка рада котомъ, а ходзяинъ собакомъ. Тогды, разъ, уловивъ тэй ходзяинъ большого щупака, и стала тая ходзяйка чистиць того щупака, и найшла у сярѣдинѣ у яго персень, и кажець ходзяину: «якого гето ты щупака уловивъ, што енѣ проглынувъ персень!» И поклала яго на полицу. А котъ тое дзѣло видѣвъ. Ну, повячеряли яны и лягли спаць, а котъ не забывеся тое дзѣло, узавъ персень у ротъ и выскочивъ у болонку. И говориць собаку: «ходзи, пойдземъ! Персень ёсь! Кабъ намъ свойго ходзяина захапиць живого!» Тогды яны якъ пудзь, дыкъ пудзь, и прямо у тое царство, идзѣ енѣ жану сабѣ бравъ. И прямо прибѣгаюць къ тому слупу, идзѣ енѣ умуроваць. Полѣзъ котъ по слупу къ тэй шибѣ, куды яму подаюць ѣсь. Услыхавъ Иванъ Ивановичъ —купецкій сынъ, што къ яму лѣзець яго котъ, и разбивъ енѣ шибѣ и ставъ гладзиць кота; а котъ ставъ яму кланятца и усунувъ яму персень у руку.

Иванъ Ивановичъ, якъ увидѣвъ персень, дыкъ дужо обрадовався, и зъ руки на руку пераклнувъ, и стало перадъ имъ три мылойцы и кажуць: «паня-Ивана, купецкій сынъ, што за услугу надоби?» Тоды енѣ кажець: «кабъ гету турму разбили

и мене достановили кь мойй мацари у бацьковъ домикъ!..» Сыйчасъ узали яны, турьму разбили и того часу яго домовъ достановили. Маць дождала сына; обрадовалася яна и кажець: «сынку мой, сынку, якъ цябе Богъ милуець?» Енъ жа кажець: молись, мамка, Богу, ложися спаць, —вутро вечара мудрянѣй! И ўзавъ енъ персень, зъ руки на руку перякинувъ, и стало перядъ имъ три мылойцы, и спрашуюць у яго: «паня-Иваня, купецкій сынъ, што табѣ за ўслугу надоби?» Енъ жа имъ кажець: кабъ домъ мой достановили на тое мѣсто, идзѣ енъ бывъ; и кабъ жану мою пристановили у мой дворъ разомъ, сонныхъ, съ проклятымъ цмокомъ; и кабъ цесць мой, царь, а яе оцень, прибывъ сюды съ усей своей свитой!» А мылойцы яму кажуць: «молися Богу ды кладзися спаць: вутро мудрянѣе вечара!» Назаўтри, уставши, видзиць енъ, што енъ у тымъ самымъ дома, и яго жана спить зъ нявѣрнымъ царемъ, съ проклятымъ цмокомъ. Приѣхавъ царь осматриваць яго и свою дочку. Иванъ Ивановичъ—купецкій сынъ тоды говориць: «оцень мой и царь! вотъ вы мене казнили, а што ваша дочъ,—съ кимъ яна живець?..» Тоды царъ приказавъ нявѣрнаго царя, проклятаго цмока, порубиць, спалиць и попелъ здуць, а яе привязаць кь лошадинымъ хвостамъ, и ў чистое поле пусциць, и разорваць.

А Ивану Ивановичу—купецкому сыну скизавъ: живи цяперъ зъ Богымъ—богословляю цябе, и выбирай сабѣ жану уво ўсिमъ моимъ царствіи.

С. Сорниця. Отъ кр-на дер. Дуброва Василя Цыбуна записала г-жа Плещинская. У насъ было еще пять списковъ этой сказки. Ср. Аф. VI, 331; VII, 262. Садовн. 41. Чубин. 52, 59.

86. Нещастный Егарь.

Нѣўкоторымъ царствіи, нѣўкоторымъ государствіи, бывъ такъ одинъ царъ холостый. И енъ мѣвъ у сябе охвотника прабольшаго; и енъ назывався Нещастный Егарь. Тольки у водно ўремья царъ етый ожидавъ госцей кь сабѣ съ прочихъ зямель. Ну, и приказавъ яму, штобъ было кь такому то уремью разныя дичины яму, а коли ня будя, говора, кь тому-то дню, дакъ я табѣ голову зниму. Нещастный Егарь уставъ сабѣ рано и пошовъ на 'хоту. Проходивъ день, зъ ранья до вечара, и ня видзѣвъ дажа маленькія птички, ня токмо штобъ вяλικое што. Приходя домовъ, вечаромъ, являецца кь цару. Царъ спрашуя у яго: што, говора, Нещастный Егарь, знашовъ што, али нѣ? Нещастный Егарь отказуя: я, говора, ня токмо што хорошее ня видавъ, а дажа и махонькія птички ня видавъ у вочи! Тоды царъ яму кажа: «ну, вотъ, Нещастный Егарь, даю табѣ два дни строку; гляди, штобъ бязпремѣнно была дичина, дѣ хочашъ яе возьми, хоть подъ зямлєю; а коли да ня будя, дакъ табѣ голову зниму!» На другій день пошовъ, ходивъ зъ ранья и до вечара, и то жъ ня видавъ ничего. Вечаромъ являецца кь цару и говора: «нѣтъ ничего!»—Вотъ, послѣдній, говора, строкъ—заўтрашній дзень: штобъ было мнѣ напремѣнно!..

Отправляетца енъ на хватуру, Нещастный Егарь, и лёгъ спать. На третій день устает енъ равнянью, мыетца бѣлянью, узавъ своё *ружю*, и отправляетца у лѣсъ. Ходивъ по лѣсу зъ ранья и до повдня, и ня видзѣвъ тожъ а ничого! Тольки надумався самъ сабѣ: «пойду-тка я изъ лѣсу кь возару, можа я хоть вуточку знайду,

абы бекаса якого!» Выходжу на песокъ, изъ лѣсу къ вѣзюру, оглянувся кругомъ себѣ, бача—лятитъ три вуточки. Енъ тоды зложився, хотѣвъ ихъ бить улѣтъ, а тоды самъ сабѣ раздумався: «што жъ я у лѣтъ буду бить? Я одну только забью! Не-хай яны луччѣ сядуть, дакъ я, можа, якъ небудзь подповзу и усихъ отразу убью!» Яны окружились вокругъ вѣзюра и пали, ударились вобъ зямлю, и здѣлались три пракрасныхъ дѣвушки. Раздѣлись и начали купатца. Енъ подповзъ по кустахъ, оглѣдився, што ето три дѣвушки, и што енъ надумався?—Узявъ, да одны дѣвушки плать-тя сховавъ, и самъ скрывся. Яны покупались, вышли на берагъ. Етыя жъ двѣ одѣ-лись, крылушками страпанулись, поднялись и поляцѣли; а тая и осталась. Ета, треть-тая, шукала, шукала—няма платья! Улѣзла у воду опять и говора: «хто тутъ узявъ моѣ платья? Отдай! Коли старшій—отецъ будешъ мой; коли младшій—братъ будешъ рѣдныи; коли урѣвни—то будешъ мужъ мой!» Енъ тоды говорить: скрый-ся, говора: я положу на мѣсто платья твоѣ! Яна скрылася, енъ положивъ на мѣ-сто платья, и самъ отышовъ, скрывся, што яна голая. Яна вылезла и одѣлася. Тоды спрашуя: «лу, выходи сюды, хто такі?» Выходжу енъ, яна узнала: «здра-стуй, говора, другъ мой любезный, Нещастный Егаръ!» Енъ отказуя: «здрастуй, го-вора, вумница!» Узялися одинъ другого подъ руку и пошли. Тольки идуть, сичасъ идуть разное звярѣ къ яму. Енъ и начавъ бить ихъ. Такъ жа и птаство разное—и вутки, и гуси, и лебяди—уси лятать къ яму, што яму треба. Набивъ евъ кольки яму треба було разныя дичи, и отправилися у городъ. Завѣвъ ету жану свою на хвацѣру, а самъ являетца къ цару.

Царъ выхода: «здрастуй, говора, Нещастный Егаръ!»—Здравія жалаю, кажа, ва-ша царское вяличаство!—«Ну, што жа, говора, ти приготовивъ што?»—Такъ тошно, ваша царское вяличаство! Тольки прикажия запрѣгти три хургоны по троя коняи, потому—яна ще у лѣси!... Царъ сичасъ приказавъ ето сповнѣть яму. На три тройки сичасъ сѣвъ и поѣхавъ за дичиною. Поѣхавъ, и привожуа къ цару. Царъ увидѣвъ и зрадовався, и благодаривъ яму: спасибо, Нещастный Егаръ, за твоѣ труды, што ты мнѣ постарався якъ такому урѣмью, што мнѣ треба. И я славлюсь тобой, што ты хорошій охвотникъ у мяне; ты у мяне слышанъ и загранидай по прочьчихъ земляхъ!» Тольки енъ надумався: што якъ царъ тыперъ милостивъ къ яму, дакъ найшло яму у голову проситца жанитца позволенія. Тольки царъ, видя (прош. вр.) яго етыя думки и говора: «што ты, Нещастный Егаръ? Я вижу, што ты штось думаешъ; хочешъ штось говорить ти просить?»—А такъ, вѣрно, ваша царское вяличаство! Позвольта, говора, жанитца!—«Хорошо, говора: позволяю и блугусловляю; я блугусловляю, и Богъ тѣбе блугусловить! И вотъ табѣ на свадьбу усѣ, што треба, отпускаетца—де-негъ и ўсяго!» Енъ поблагодаривъ цару и пошовъ на хвацѣру къ названой жанѣ. И давъ яму царъ волюготу, на нѣскольки урѣмья, на свадьбу, и покулъ уже тамъ...

Начали зѣбжжатца къ цару госциѣсь прочихъ зямель. Енъ ихъ принимая, частить, —гульбища занялося. Енъ и начавъ славить Нещастнаго Егара, што, вотъ. енъ наго-товавъ разныя дичи на кушанья. А Нещастный Егаръ начавъ свадьбу гулять. Отый-шла свадьба, яна сабѣ нашла работать што-небудъ тамъ; отчинила вокошко, сѣла подъ вокномъ и вышивая хустку сабѣ. Тольки цару треба було якіясь бумаги изъ

саноту. Царь посылая мальчика, годовъ пятнатцать, у санотъ: «приняся, говора, мнѣ такія-то бумаги!» Етому мальчику треба було итить той вулицай, дѣ живе Нещастный Егарь. Етый мальчикъ ишовъ и ўсмотрився на жану нещастнаго Егара и остановился: смотрѣвъ, смотрѣвъ, што яна дужо красивая. И призабывъ, куды яго посылали и вярнувся опять у дворець. Царь спрашуа: «чу што, принёсъ?» А ень отвѣщая: никакъ нѣтъ, ваша царское вяличаство!—«А зачймъ ты ня привёсъ?»—А ишовъ я мимо хвациры Нещастнаго Егара, яго жана сидить подъ вокопкомъ и шія. Засмотрився я на яе красоту и забывся, куды и зачймъ мяне послано!.. Царь назвавъ яго дуракомъ, етаго мальчика, и посылая другого. И другій такъ жа само, ишовъ, засмотрився, и той позабывъ. Вярнувся ень у дворець и говора: вапа царское вяличаство! Ишовъ я—сидить Нещастнаго Егара жана и вышивая; я засмотрився и забывъ, куды мяне посылали! Царь тоды подумавъ, што ето вѣрно, што яна такая красивая, приказавъ запрети коняи и поѣхавъ самъ. Проѣхавъ мимо, и надумався ѣхать у санотъ. Приѣхавъ туды и говора: «придумайтя, господа совѣтники, куды бѣ намъ послать Нещастнаго Егара, штобъ ень оттуль ня ўзворотився. Да и сыйчасъ жа!» говора. Лны подумали, подумали и говора: «ёсть у такимъ то царстви, за тридевять зямель, елень-золоторогъ. Приказать яму, штобъ ень яго приставивъ. Ень пойдя за нмъ, и вѣрно ня ўзворотитца. Покуль туды дойдя, дакъ и можа што и злучитца зъ нмъ!» Вечаромъ посылая за Нещастнымъ Егаромъ царь, требуа во дворець. Приходжуа Нещастный Егарь, являецца къ цару. «Здраямъ-жалаямъ! кажа, ваша царское вяличаство!» Послѣ свадьбы уже давнёненько видѣлись.—Здрастуй, говора, Нещастный Егарь! А вотъ што я табѣ, говора, скажу: ёсть у такомъ то царстви, за тридевять зямель, елень-золоторогъ. Штобъ ты мнѣ яго, говора, приставивъ; штобъ ень у мяне, говора, бывъ, красиво бѣ було, говора. Ну, и отправляйся, говора, отпочивай, а заўтрашній дзень, раньничкомъ, штобъ ты и отправився!..

Нещастный Егарь отправився домовъ. Приходжуа, и крѣпко скучанъ (скучень). Жана и спрашуа у яго: «што, говора, другъ Нещастный Егарь заскучавъ?»—Якъ жа мнѣ ня скучать, коли царь приказавъ, штобъ я доставивъ—ёсть у такимъ-то царстви, за тридевять зямель, елень-золоторогъ. Якъ я яго, говора, отыйшу?» Ето уже уремья було вячерняя. Жана яму и кажа: «молись Богу, ложись спать: вутро буди мудранѣй вечара!» Нещастный Егарь положився спать. Жана яго ще вышивала. Только заснувъ Нещастный Егарь, яна выходжуа на крылцо, свиснула и гукнула: «елень, говора, золоторогъ, стань перадо мной сычасъ жа!» Елень-золоторогъ явився перадъ ёй. Яна чапая тамъ яго якимъ пояскомъ, ти чимъ, и вяде у комнату. А Нещастный Егарь етаго ничего ня знавъ,—спавъ. Повутру жана устаѣ и буди яго «уставай: говора, другъ мой Нещастный Егарь, мыйся да Богу молися, вяди еленя-золоторога къ цару!» Ень ня вѣра ёй: польно табѣ путить со мной!—«Ну, оглянись, говора, поляди: вонъ ёнь стоить, говора, готовъ!» Нещастный Егарь узглянувъ и ўрадовався,—убачивъ. Сычасъ умывся, Богу помолився, बारे еленя-золоторога и вяде къ цару у дворець. Царь яго похваливъ: спасибо, Нещастный Егарь, молодець!» Только не весьма радъ етому, што ень такъ скоро исполнивъ: учора приказавъ, а сянны уже и привёвъ. Отправся, отпыхни, бы ты утомився, говора, а вечаромъ явися опять ко

миѣ!» Нещастный Егаръ отправився домовъ, а царъ опять у санотъ, изъ няѣдовольствіемъ къ совѣтникамъ, што няхорошо одумали. «А подумайтя, говора, што-небудъ лучшая!» Яны одумали, што у такимъ-то царстви, далеко, ёсть мядвѣдь-золотовухъ пра-вогройный (преогромный). Дакъ енъ уже ня можа примиритца къ яму, ня можа яго ўзяць!...

Енъ вечаромъ являетца опять, Нещастный Егаръ. Здравстуй, Нещастный Егаръ! што я табѣ скажу: тамъ то и тамъ то, у такимъ то царстви, ёсть мядвѣдь-з-лотовухъ. Штобъ ты пошовъ туды и миѣ етаго мядвѣдѣ приставивъ... намедлянно... Вотъ табѣ и ўсё! А ня приставишь—голову доловъ.

Нещастный Егаръ отправився домовъ. Приходжуя, то-жъ задумався и голову повѣсивъ. Жана и спрашуя: «што ты, говора, другъ мой, Нещастный Егаръ, задумався и печалился объ чимся?»—Якъ-жа миѣ не печалитца, коли ваялѣвъ царъ доставить—ёсть тамъ то и тамъ то мядвѣдь-золотовухъ—штобъ я яго доставивъ. А якъ я могу яго доставить?—«Да, говора: вотъ, другъ Нещастный Егаръ: коли бъ ты мяне ня бравъ, дакъ ба и бяды, говора, ня бачивъ. Ну, однача, молисъ Богу, ложисъ спать—вутромъ будзѣ мудрантѣй вечара!» Енъ помолился Богу и лёгъ спать. Яна тамъ яще што-небудъ дзѣлала, покуль енъ заснувъ. Такъ-жа вышла на крылцо, свиснула и гукнула: «ахъ, мядвѣдь-золотовухъ, стань, говора, перадо мной!» Мядвѣдь являетца тую минуту. Яна бярѣ яго, чапая jakimъ-небудъ пояскомъ и уводжуя у хату. Назаўтраго, вутромъ, устаѣ яна ранянько и будѣ Нещастнаго Егара: «уставай, говора, другъ Нещастный Егаръ, да вяди мядвѣдѣ къ цару!» Енъ прохватився, скоро ўсавъ, помывся, Богу помолился и повѣвъ мядвѣдѣ. Приводѣ мядвѣдѣ къ цару. Царъ яму поблагодаривъ: «спасибо, Нещастный Егаръ, што постарався,—молодецъ!» Ну только етымъ бывъ крѣпко недоволянь, што Нещастный Егаръ узворочився назадъ. Сычасъ отпустивъ яго домовъ: «ступай, говора, отпочивай; тоды я цѣбе потребую, коли треба будѣ!» Вотъ Нещастный Егаръ отправився домовъ, а царъ приказавъ лошадей закладавать, и отправляетца въ санотъ. Пріѣхавъ у санотъ и приказуя своимъ совѣтникамъ: «вотъ вамъ, господа совѣтники, штобъ вы одумалися—трохдневный вамъ строкъ—штобъ послать Нещастнаго Егара такъ, штобъ енъ ня могъ узвярнутца назадъ!» Совѣтники думали, думали, ня могутъ обдуматца, што имъ здѣлать такое. Потомъ надумалися: поѣдомъ мы по шинкахъ, пошукаемъ пѣяницы,—говорать, што съ пѣяницъ дужо вумные бывають! Пріѣхали у водинъ, полядѣли—нема никого, и ў другій—тожъ бывъ пустый. Пріяжжають у третій, и закурили тамъ папирески, али цыгары; ажъ вѣ, съ подъ лавки вылезая пѣяница. Видъ у яго оббрузгъ, вочи позаплывали, позакоравили,—можа мѣсяць ня мывся. Протѣръ енъ своѣ вочи, и бача, што господа объ чимся думаютъ. Подходжуя къ имъ и прося у ихъ: «господа, похмялиця пожадуста, и я можа объ васъ што подумаю; я бачу, что вы объ чимся задумалися!» Господа етые требуютъ полустохъ горѣлки и чайной стаканъ. Сычасъ подали; яны наливають и приглашають яго похмилитца. Енъ выпивъ стаканъ горѣлочки, попросивъ у господъ и покурить трѣшки. Ну, господа дали яму папиреску, али цыгарку покурить. Потомъ яще стаканъ горѣлки, другій, выпивъ. Ну, тоды и спрашуя у ихъ: позволѣтя, господа, спросить у васъ, объ чимъ вы задумалися? Яны говоруть: «у насъ дѣло не большое: только вотъ штобъ ты намъ порайвъ, куды

послать Нещастнаго Егара, штобъ енъ не вярнувся!»—Ето, господа, говора, штука небольшая, да только треба зъ васъ по двѣ тыщи рублей!—Вѣдомо, штобъ було выпивать за што. Господа етые вынимають гроши и просятъ яго, штобъ енъ сказавъ. Енъ гроши узавъ и говора: «пошлитя Нещастнаго Егара туды, нема вѣдома куды, принести то, нязвѣстно што!» Ну, господа етые вельми узрадовались, подзяковали яму и поѣхали. Прияжжаютъ прамо у дворець къ царю. «Ну што, одумались?»—Одумались, ваша царское вяличаство!—«Ну што?»—Да послать Нещастнаго Егара туды, нема вѣдома куды, принести то, нязвѣстно што!..

Сычасъ треба царъ къ сабѣ Нещастнаго Егара. Егаръ являетца къ царю, царъ и приказуя яму: «тойчасъ отправляйся туды, нема вѣдома куды, принеси то, нязвѣстно што. А не принясешъ, дакъ мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Нещастный Егаръ пошовъ домовъ, уздыхнувъ и заплакавъ. Жана у яго спрашуя: «чаго, другъ мой, Нещастный Егаръ, плачашъ?»—Якъ жа мнѣ ня плакать, коли приказавъ мнѣ царъ: иди туды, нема вѣдома куды, принеси то, нязвѣстно, што!—«Да, говора, другъ мой, Нещастный Егаръ: коли бъ ты мяне не бравъ, ты бъ и гора ня видавъ. Цяперъ, говора, треба табѣ самому отправлятца!» Сычасъ начала яму приготавливать на дорогу што яму треба було. Ну, енъ збираетца и отправляетца у дорогу. Попрошались яны. Проводжуя яна яго и дае яму клубочакъ такій, и приказуя яму: якъ выйдзешъ ты за городъ, дакъ ты клубочакъ кинь перадъ собой. Куды енъ покатитца, туды и ты услѣдъ иди. И вотъ табѣ, говора, хусточка. Ету хусточку сховай. Будешъ итти по большомъ лясѣ—стежка будя наибольшая, пѣшаходная и ня торная. Узойдешъ етой стежкой на полянку у лясѣ, и тутъ стоять будя хатка, ня большая. У етой хатцы живе баба—старая и вельми страшная: вуши большія, цыцки подъ столь подвязаны... Якъ увойдешъ у етую хатку, баба ета грозно спроста у тебе: хто ты такій, зачымъ ходишь? Ты ей ничего ня твѣщай: постой, бабушка, хусточкой вочи протру, тоды расскажу, хто я такій, а то за слязми нявидно мнѣ ничего изъ дороги. Якъ ставяшь ты хусточкой протирать вочи, дакъ баба тебе и узная, хто ты такій...»

Попрошались яны, и пошовъ, и отправився. Енъ пошовъ у дорогу, а царъ яго забравъ жинку къ сабѣ у дворець. Ну, пошовъ Нещастный Егаръ дорогой, кинувъ уперадъ сябе клубочакъ, клубочакъ покатився, и енъ услѣдъ иде. Зайшовъ у большій лѣсъ, по стежцы пришовъ на большую полянку. На той полянцы стоять хатка, маленькая. Енъ заходя у ету хатку, у етой хатцы баба—старуха, большая и вельми страшная. И спрашуя у яго: «хто ты такій, зачымъ ходишь?»—Стой, бабушка, ня бранись: вотъ вочи хусточкой протру, тоды расскажу,—зъ дороги за слязми ничего ня видно!.. Вынявъ хусточку и ставъ протирать вочи. Баба убачила хусточку и ўвознала яго, хто енъ такій. «Ето ты, Нещастный Егаръ, мой унучакъ?»—Такъ, вѣрно, говора, бабушка! Сычасъ усапилась, подъ пахи яго посадила, стала кормить, поить и распрашавать: «куды Богъ нясе?»—А вотъ, бабушка, иду, каа, туды, нема вѣдома куды, принести царю то, нязвѣстно што!—«Ня знаю, говора, унучакъ мой, Нещастный Егаръ! Ну, ложись, говора, зъ дороги отдохни, а я распрошу, ти ня вѣдая хто!» Енъ лёгъ, отдыхая, а баба вышла на крылцо, свиснула, гукнула—и

бегутъ икъ ей разное звярё: ильвы, мядвѣди, лоси, вовки, лисицы—уси, якіе ёсть на свѣти, ажъ до зайчика. Яны ўси проходжуютъ повзъ яе, яна усихъ распрашуетъ: ти ня вѣдая хто, якъ итить туды, нема вѣдома куды, принести то, нязвѣстно што? Уси отвѣщають: ня вѣдаемъ, бабушка! Тоды яна отправила звяровъ и гукнула птаство—усихъ, якія тольки на свѣти ёсть. Уси проходжуютъ повзъ яе, яна распрашуетъ: ти ня зная хто, ти ня вѣдая хто, якъ итить туды, нема вѣдома куды, принести то, нязвѣстно што? Уси отвѣщають: ня вѣдаемъ, бабушка! Отправила яна тоды птаство, и гукнула усихъ разныхъ гадовъ. Сповзлися гады: ужъя, гадюки, ящарки, лягашки и жабы—уси, якія тольки ёсть на свѣти. Уси идучъ повзъ яе, яна распрашуетъ: ти ня зная хто, ти ня вѣдая, якъ итить туды, нема вѣдома куды, принести то, нязвѣстно што? Нихто ня зная. Тоды яна спрашуетъ: а ци ўси вы тутака ёсць? Стала личить, и ня доличилася одныѣ жабы—старыя и хромыя. Яна крикнула, штобъ сычасъ разыскали яе! Приставили. Баба зъ грозами крикнула на яе: дѣ ты, старая чартовка, забарылася? Жаба отказуетъ: бабушка, я на дорози заснула трошки. Чаловѣкъ ѣхавъ у дровы на волю и каткомъ ногу мнѣ отгѣрь, сонной, дакъ я припоздала.—«Ну, знаяшъ жа ты, якъ итить туды, нема вѣдома куды, принести то, нязвѣстно што?»—Знаю, кажа, бабушка!—«Ну, вяди жъ, говора, мойго унучика, Нещастнаго Егара, туды!»—Хорошо, бабушка, добро, говора, повяду!.. Сычасъ Нещастный Егаръ и отпраився у дорогу. Жаба хромая упяродъ, Нещастный Егаръ услѣдъ за ей. И пошли яны по лясакъ, по болотахъ, по мохахъ. Дѣ колода валикая, Нещастный Егаръ и перасѣдая яе. Поднести яе няльзя було, потому яна дороги такъ ня знала, а треба було самой ити упяродъ. Пройшли лѣсъ, выходжуютъ на чистый степъ. Вача Нещастный Егаръ, што ляжить большій камянь, вельми большій. Приходжуютъ къ тому камяню, ажъ тамъ нора туды. Жаба ползла у тую нору, и енѣ пошовъ. У той норы тѣмно було,—скрылася жаба, потерявъ жабу. Прошовъ нору, выходжуя на видный свѣтъ тожа. Стоить домъ правогромный. Енѣ уходяжуя у домъ той—нема никого тольки дванатцать корватявъ стоить. Ну, идѣ жъ дѣтца? Енѣ узавъ да ўлѣзъ у грубку. А ёсть то хотѣвъ крѣпко,—ня було чаго. Посяджу у етой грубцы, хто-небудзь довжонъ быць, што-небудзь ёсць будзятъ!» Такъ у самаго повдня, чуя ляскъ и коньскій топъ. Подѣхали дванатца чаловѣкъ, позлязали съ коняй, пусцили ихъ у стайню, а сами уходятъ у етій домъ и спрашуютъ ёсть. «Мурза, говорать, дайка попить, поѣсть намъ!» Сычасъ столъ открывся такой, што чаго угодно—и питѣнья и ядѣнья. Садятца за столъ и кушаютъ. Подѣли, устали зъ-за стола и говорать: «прибярй, мурза!» Етій столъ скрывся. А яны лягли по корватяхъ отдыхать. Нямного поспали, устали опять и поѣхали. Нещастный Егаръ разглѣдивъ, што яны уже убралися, ня чутно, а ёсть-то ўже хоча порадошно, вылазъ изъ грубки и просить: «матушка Мурза, дай попить, поѣсть!» Сычасъ открылося яму яще лучше, якъ тымъ, столъ. «Вотъ, каа, пою и кормлю тритцать лѣтъ, а ще никто николи и матушкой не назаватъ! А вотъ нашовся одинъ такой, што за тритцать годовъ матушкой назаватъ!» Ну, сѣвъ, поѣвъ; уставъ. «Ну, матушка Мурза, прибярй!» Матушка Мурза прибрала, скрывся етій столъ—няма. Тоды спрашуетъ: «матушка Мурза, пойдѣшь ты со мною?»—Пойду, говора. Ну и вярнувся енѣ опять своимъ путемъ назадъ. Нямножко

пройшли, Нешастный Егарь и спрашуя: тутъ матушка мурза?—Тутъ! Я уже на 'станусь!.. Пошли такъ жа даляй. Приходжуютъ къ берагу мора. Нашли яны лоточку сабѣ тамъ и поѣхали по мору. Нешастный Егарь спрашуя: «тутъ, матушка Мурза?» —Тутъ! Вотъ скоро будя тутъ востровъ. Тамъ будя старый чортъ съ чартянкомъ просить у тябе ѣсть, будя куплять мяне, будя давать табѣ золота и серабра, кольки хочашъ. Ничого ты не бари, а проси у яго топоромъ и молотокъ. А я отъ тябе на 'станусь!.. Якъ ѣдутъ, устрѣчаютъ сейчасъ—идутъ чортъ и чартянокъ, старый и малянкій. «Эй, чаловѣкъ, дай поѣсть!»—Обожджи, говора: на берагъ узѣѣду. дамъ Пріяжжаютъ къ берагу, сейчасъ вылезли: матушка Мурза, дай попить, поѣсть! Яны сѣли, стали ѣсть. Вотъ, думали, поядимъ усѣ! Ёли, ёли, ажно яго усѣ цѣло ще! Енъ, чортъ, говора: «эй, чаловѣкъ, продай столъ!»—Купляй!—«Бари грошай много, кольки хочашъ, золота и серабра!»—Матъ, каа, на треба твоихъ грошай, а дай топорокъ и молотокъ! Чортъ полумавъ: ето на цѣлый вѣкъ хватя зъ мяне! Узаявъ и отдавъ топорокъ и молотокъ. Сѣвъ Нешастный Егарь у лоточку свою и поѣхавъ даляй. Етый чортъ столъ обярнувъ у воду: енъ думавъ, што зъ воды вылезъ, бо на було ў лотцы. А Нешастный Егарь, отѣхавши трошку, спрашуя: матушка Мурза, ты тутъ?—Тутъ! Я на 'тстану. Такъ жа будя, яще устрѣтя одияъ жа чортъ и будя просить ѣсти. Давай и тому. Етый будя давать такъ жа само много грошай. Ты не бари, а проси у яго красивцо и крамянецъ, и губки шматокъ!.. Такъ... Ёдутъ, сейчасъ бачутъ—ѣдя насупротки чортъ. «Эй, говора, чаловѣкъ, дай ѣсци, а то ўтоплю!»—Стой, говора, на тони; а вотъ на берагъ узѣѣдомъ, дамъ, покормлю!.. Узѣѣхали на берагъ, Нешастный Егарь говора: «матушка Мурза, дай попить, поѣсть!» Столъ открывся, сѣли и начали ѣсть. Подѣли. Начавъ чортъ торговать: «продай, говора, столъ!»—Купи! —«Возьми отъ мяне много грошай, а столъ отдай!»—На хочу, говора, твоихъ грошай, а дай красивцо, крамянецъ и губки шматокъ! Чортъ раздумався и отдавъ. Одинъ другому подяковали, и отправився Нешастный Егарь. Отѣхались няного, енъ спрашуя: «матушка Мурза, ты тутъ?»—Тутъ, говора: я отъ тябе на 'тстану!

Такъ жа поѣхали дальше. Пріяжжаютъ къ вострову. На тымъ вострови право-громный лѣсъ, дубѣ. Мурза говора яму: узѣѣжжай на берагъ вострова! Яны узѣѣхали на войстровъ на етый, вылезли зъ лотки, приходжуютъ къ дубамъ, къ етымъ. Мурза Егару и говора: «бяритка, говора, топорокъ и молотокъ: топоромъ у дуба сѣкани, а молоткомъ ударь!» Енъ узаявъ, сѣканувъ у дуба топоромъ, молоткомъ ударивъ—здѣлався корабъ, и плыве по водѣ! Такъ енъ здѣлавъ ихъ нѣскольки кораблѣвъ,—скольки яму треба було, штобъ уже подойти къ тому цару, у видѣ няпрітеля, значитпа. Тоды Мурза говора: «ну што жъ, говора, корабли у насъ ёстяка, а народу намашака. Треба жъ, штобъ и народъ бывъ на корабляхъ. Вынимай красивцо и крамянецъ, и губки шматокъ!» Егарь достаетъ съ кармана. «Пракладавай губку икъ крамянѣкѣ, скажуя Мурза, и красай огонь!» Енъ праложивъ, крашанувъ,—такъ выскакуя полкъ солдатовъ съ усими припасами и зъ начальствомъ. Такъжа и музыка, усѣ, што и надо. Накрасавъ енъ етаго народу кольки яму треба було, по ўсмотрѣнню кораблѣвъ. Распорядивъ зъ начальствомъ матросовъ, што треба отправлятца ў путь. А перво здѣлать молебство, и угощенья для войскъ. «Дай-ка, матушка Мурза, пить

и ёсть!» Явився столь на ўсю войскѣ. Попили, поѣли; музыка зайграла, подняли парусы и пошли у ето царство, откуль Нещастный Егарь. Приходятъ; близъ города того остановились. Такъ етый царь и ўробѣвъ, што нязвѣстно якая войска — хлотъ обняли городъ. Царь етый и ўробѣвъ, што напяритель найшовъ, а того ня вѣдая, што ето енъ самый.

А Нещастный Егарь посылая свойго полковника, начальника, требуя штобъ царь етый явился къ яму на пристань. Царь етый нямедленно и пріяжжая. Нещастный Егарь поздравовалися и начавъ разговоръ: «Я бѣ, говора, хотѣвъ—я большій охвотникъ, ѣду зъ дальнія стороны,—я наслышанъ у васъ ёстяка большій охвотникъ называецца Нещастный Егарь, я бѣ хотѣвъ зъ имъ похвотитца!» Царь отвѣщая, што яго нѣту, енъ посланъ, да ще яго няма назадъ.—«А жана яго дѣ?» Цару тогды штось и ня такъ почулося, што жинка, бачъ, уже у яго ў доми. Енъ сычасъ и догадася. А жана уже Егарова, яна уже давно зная, што ето за штука. Сычасъ жа услѣдъ за царомъ яна приказала лошадей заложить и поѣхала на пристань. Удругъ убачивъ Егарь свою жаву, посылая на ўстрѣчу узвести яе на корабль. Узяли яе подъ пашки и привяли. Увийшовши на корабль, обняла яго за шію и сказую: «здраслуй, мой другъ, Нещастный Егарь! Вотъ коли я тябе дождалася! Вотъ хто, кажа цару, мой другъ, а ня ты!» Енъ тогды, довго ня думаючи, на штыхи подняли яго да ў воду. А сами у тымъ царствіи стали жить. И тяперака живутъ.

Дер. Шараховскія Буды, меркул. вол. роіам. у.

Кр.—нъ Максимъ Петровъ 50 л. неграм. Ср. Чуб. 281. Садовн. 57.

87. Ганнуса.

Бывъ такъ сабѣ у бабы одинъ сынъ, и тяперака, яна яго ожанила. И ўзяла сабѣ нывѣстку Ганнусю,—хорошуу молодіцу, только зъ бѣднаго зложенія. Тяперъ енъ ня узлюбивъ яе, хозяинъ. Сваякруха и кажа: «што жъ мой сынъ! коли ты уже ня узлюбивъ яе, вышлю я яе ноччи у темный лѣсъ и ў щирый боръ?»—А сынъ кажа: што хочашъ зъ ёй дѣлай, абы только коло мяне не была!—«А мой сынъ; зыядуть жа яе вовки, дакъ плохо, мой сынъ, тогды будя жить безъ яе!» Енъ отказуя: ахъ, мать моя роднаа! свѣтъ валикъ, возьму я сабѣ яще покрашъ за яе!—«Ахъ, мой сынокъ! можа возьмашъ, а можа и ня возьмашъ! А перваа, моё дитятка, дружина луччи за другія дружины; а другаа мой сынъ, будя ня такаа!»—Ну, што хочашъ изъ ёй дѣлай, абы коло мяне не была!

И выслали яе напроти ночи у тёмный лѣсъ, у щирый боръ. Якъ пошла Ганнуся-сиротина у темный лѣсъ, напали на яе вовки, и разорвали яе: кому рука, кому голова, а кому сусимъ Ганнуса. Головочку подкатили подъ колодочку, а хребѣтнуу косточку на колодочку... Давъ Богъ день. Прилятѣвъ воронъ къ матцы и кричить надъ головою: «вотъ жа, кажа: няма вашіа Ганнуси—вовки разорвали,—головочку подъ колодочку *) а хребѣтнуу косточку на колодочку!» Пошла таа мати Ганнуси шукати

По существующему у бѣлоруссовъ повѣрью, волки бояться ёсть голову человѣка, и растерзавъ его, прячутъ голову или въ яму или подъ колоду.

у темный лѣсъ у щирый боръ. Чорный воронъ лятить и круная.—вяде, и привёвъ яе къ Ганнуси-сиротини. Пришла туды мати, заплакала: «Ганнуса моя, сиротиночка! Дѣтка моё, любое моё! Ня гнѣвайся на мяне и ня сердися на мяне: вѣрно табѣ Господь-Богъ давѣ смерть такуу! Будяшь ты у царстви нябесномъ!..»

Пришла яна думовъ; пераночували. Давѣ Господь-Богъ день, мати й кажа: сыньку мой, сыньку любый, дитя мое дорогое! Увобрали мы Ганнусю-сиротину, чужого дитенка, узращонаго! Соснився мнѣ, мой сынъ, совѣ дивный, прадивный, думный, прадумный,—и ни ся енѣ мнѣ соснився, ни ся у казцы сказався: видѣла я, што нема бытто на свѣти нашіа Ганнуси сиротины!..»—Мать моя родимаа! почомъ ты ето знаешь, што яе вѣа на свѣти?—«А мой сыньку любый, ты ня слыхавъ, а я слыхала, якъ воронъ кричавъ надъ нашимъ двуромъ, говоривъ: «што зѣбли вашу Ганнусю сивые вовки, и поклали, кажа, яе головочку подъ колодочку, а храбѣточку на колодочку!»

Вотъ, тогда уже сынъ обмякъ... «Ну, мать моя родимая, прощай мяне: за етымъ уже пойду я отъ тябе у бѣлый свѣтъ,—и ў бѣлый свѣтъ, мать моя, и ў темный лѣсъ. И буду я труждатца тритцать три годы, и за свое грахи у номастырахъ Богу молитца, и монахомъ и попомъ (дат. мн.) грахомъ своимъ признаватца!..»—Сыньку мой любезный! ето посознавайся, да и ў темный лѣсъ убрайся на тритцать три годы! Оттрудися ты свое грахи, и прѣдешъ свою Ганнусю ховать. И будяшь ты яе ховать, и будяшь ты яе умолять, и упрашавать, штобъ яна табѣ граховъ збавила!..

Оттудився енѣ тритцать три годы и пришовъ думовъ, и собравъ яе уси косточки, и узавъ и головочку, и здѣлавъ домовину, и укладъ у домовину. И таперъ, енѣ яе законавъ, и поставивъ капицу надъ ёй, и прибивъ у капицы у той распятію, штобъ люди ишли мимо, молилися за Ганнусю, и жѣрствы давали. И выкопавъ колодязъ, штобъ люди мимо ходили, и водѣ пили. И самъ чаразъ три дни пераставився. «Прощай, моя Ганнуса милаа, перваа присяга!..»

С. Нисимковичи, рогач. у. Отъ кр—ки Д. Морозовой.

88. Дѣдъ и баба.

Живъ дзѣдъ зъ бабай, бяздѣтныя. И были яны зрадзивішыся ня ўмираць одзинъ бязъ другого, а кыли умрѣць одзинъ, дыкъ кабъ и другій лѣзъ у труну. Жили яны, жили, и умѣрла уперадзи баба. Тоды дзѣдъ скизавъ, кабъ труну здѣлыли гѣтый баби такую, кабъ у яе двоя лѣзало. Уси людзи дзивютца съ того дзѣда, што енѣ гѣткую труну скизавъ дѣлыць. Ну али здѣлыли труну широкую—якъ двомъ легчи. Пыложили бабу ў труну и вязуць на могилянйкъ. И дзѣдъ пошовъ. Попъ отправивъ што треба, спустили бабу ў ямку, и дзѣдъ лѣзець ложитца кыло бабы. Уси людзи кажуць яму: што ты, дуракъ, лѣзешъ живой у яму? А енѣ кажець: а кыли мы такъ уговорилиси: якъ ина умрѣць, я полѣзу живой, а якъ умру, ина полѣзець! Попъ тоды кажець: «ну, ня трогайца яго, хай пыляжиць до заўтрыго; ня треба зыкапываць!» Ну, кинули яго тамъ и рызышлиси. Ляжавъ дзѣдъ, ляжавъ, бачиць попповныч лѣзець у труну змяя. Улѣзла туды и стала дзяцей рыжаць; и выродила ихъ няживыхъ. Тоды яна пышла и принясла травинку: одного пымазала—енѣ отживъ, другого

пымазала—и тѣй отживъ. И такъ усихъ по'дживляла. Тоды дзѣдъ у гѣтый змяи ухвацивъ гѣту травинку, и пымазавъ бабу. Баба.и отжила. Пошли яны тоды домовъ, и стали узнова жиць. Жили яны, жили, тоды дзѣдъ уздумывъ што: дай поспробую, ци ляжиць баба у труни! Ды узавъ и прикинувся нибытто ўмѣрь. Баба плачець, бядуець, якъ ёй живой лѣзци у труну. Али сабѣ думаець: «а можа енъ ня соўсимъ умѣрь! Дай я лину яму вару на вочи!» Тольки яна поднясла къ яму варъ, а енъ и ускочивъ. И давай яе биць: а ци я табѣ ливъ варъ на вочи? Бивъ, бивъ, али послѣ помирилися и стали жиць. И цяперъ мусиць живуць.

Д. Гончарово, ульянов. вол. стѣнн. у.

89. Котокъ — золотый лобокъ.

Живъ дзѣдъ изъ бабай. И были яны дужо бѣдны: ня было у ихъ ни хлѣба ни капусты. Тоды баба кажець дзѣду: «ѣдзь ты, дзѣдзька, у лясокъ, ссячи дубокъ, вязи на мѣсто, продай и купи хунцикъ муки!» Приѣхавъ дзѣдъ у лѣсъ, стукъ у дубокъ—выскакыецъ котокъ, зылотый лобокъ, зылотое вушко, сяребраное вушко, зылотая шарспинка, сяребраная шарспинка, зылотая лапка, сяребраная лапка. «Дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: послала мяне баба у лѣсъ зѣѣздиць, ссѣчь дубокъ, вѣзци на мѣсто продаць, и купиць хунцикъ муки!—«Ѣдзь, дзѣдъ, у дворъ: будзець мука!» Приѣхавъ дзѣдъ у дворъ, ажны у яго муки повны засѣки. Подѣѣвъ дзѣдъ хлѣба, тоды баба кажець яму: «вотъ, дзядулька, выйстри топорокъ, ѣдзь у лясокъ, ссячи дубокъ, вязи на мѣсто продай, и купи хунцикъ соли!» Выйстривъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у лясокъ, стукъ у дубокъ—выскакыецъ котокъ зылотый лобокъ, сяребраное вушко, зылотое вушко, сяребраная шарспинка, зылотая шарспинка, сяребраная лапка, зылотая лапка: «дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ коточакъ, мой голубочакъ: хлѣбъ ёсь, соли нема! Пыслала мяне баба ссѣчь дубокъ, отвезецъ на мѣсто продаць, купиць хунцикъ соли!—«Ѣдзь, дзѣдъ, у дворъ: будзець соль!» Приѣхавъ дзѣдъ у дворъ, ажны ў яго соли повны засѣки. Подѣѣвъ дзѣдъ хлѣба съ солью, тоды баба кажець: «вотъ, дзядулька, выйстри топорокъ ды ѣдзь у лясокъ, стукни у дубокъ, выскочить котокъ,—пыпроси у яго капусту!» Выйстривъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у лясокъ, стукъ у дубокъ—выскакыецъ котокъ, зылотый лобокъ, сяребраное вушко, зылотое вушко, сяребраная шарспинка, зылотая шарспинка, сяребраная лапка, зылотая лапка: «дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: хлѣбъ ёсь, соль ёсь,—капусты нема!—«Ѣдзь, дзѣдъ, будзець капуста!» Приѣхавъ дзѣдъ у дворъ, а ў яго капусты повенъ склепъ. Наварила баба капусты, дзѣдъ подѣѣвъ. Тоды баба кажець: «вотъ, дзядулька, капъ цяперъ салца!» Выйстривъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у лясокъ, ударивъ у дубокъ,—выскакыецъ котокъ, зылотый лобокъ, зылотое вушко, сяребраное вушко, зылотая шарспинка, сяребраная шарспинка, зылотая лапка, сяребраная лапка: «дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: просиць баба салца!—«Ѣдзь, дзѣдъ домовъ: будзець салцо!» Приѣхавъ дзѣдъ у дворъ, ажны у яго сала повна клѣць. Наварила баба капусты съ саломъ дзѣдъ подѣѣвъ. Тоды баба кажець: «вотъ, дзядулька

капъ пяперъ намъ муки пшонной! Вотъ ба я пражанинки зварила бѣ! Выйстри топорокъ, ѣдзь у ласокъ и ударъ у дубокъ!» Дзѣдъ выйстривъ топорокъ, поѣхавъ у ласокъ, стукъ у дубокъ,—выскакыецъ котокъ, зылотый лобокъ и т. д. «Дзѣдъ, дзѣдъ, чаго табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: треба баби мучицы пшонной!—«Ѣдзь, дзѣдъ, домовъ: будзецъ мучица!» Приѣхавъ енѣ ў дворъ, ажны ў яго муки повны засѣки. Наварила баба пражанины, дзѣдъ подѣвѣ. Тоды баба говориць: «вотъ, дзядулька, капъ пяперъ мяса! Возьми топорокъ, ѣдзь у ласокъ, ударъ обѣ дубокъ!» Узавъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у ласокъ, стукъ у дубокъ,—выскакыецъ котокъ зылотый лобокъ и т. д. «Дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: просиць баба мяса!—«Ѣдзь, дзѣдъ, у дворъ,—будзецъ мясо!» Приѣхавъ дзѣдъ у дворъ, ажны у яго шасты отъ мяса ломаютца. И стали яны жиць, якъ треба быць. Пожили можа зъ годъ, можа зъ два, баба ўновь кажець дзѣду: «вотъ дзядулька, капъ ты бывъ войтомъ, а я войцхой! Возьми, дзядулька, топорокъ, ѣдзь у ласокъ, ударъ обѣ дубокъ!» Узавъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у ласокъ, стукъ у дубокъ,—выскакыецъ котокъ-зылотый лобокъ и т. д. «Дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: хочецъ моя жонка, капъ я бывъ войтомъ, а йна войцхой!—«Ѣдзь, дзѣдъ, у дворъ: будзешъ ты войтомъ, а баба войцхой!» Приѣхавъ дзѣдъ у дворъ: ажны яго баба войцхиха, а енѣ якъ войтъ. Пожили яны скольки-небудзь, баба узнова кажа: «вотъ, дзядулька, хочу я, капъ ты бывъ шляхцицымъ, а я шляхцянкою!» Выйстривъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у ласокъ, стукъ у дубокъ,—выскакыецъ котокъ-зылотый лобокъ и т. д. «Дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: хочецъ моя баба, капъ я бывъ шляхцицымъ, а йна шляхцянкою!—«Ѣдзь, дзѣдъ, у дворъ,—будзешъ шляхцицымъ, а баба шляхцянкою!» Приѣхавъ енѣ у дворъ, ажны яго баба якъ шляхцянка, а енѣ якъ шляхциць. Жили яны шляхтыми, жили. «Нѣ, дзядулька, дренно намъ быць! Вотъ, дзядулька, капъ ты бывъ панымъ, а я паней. Возьми топорокъ, ѣдзь у ласокъ, ударъ у дубокъ!» Узавъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у ласокъ, стукъ у дубокъ,—выскакыецъ котокъ—зылотый лобокъ и т. д. «Дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?» Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: баба моя хочецъ, капъ я бывъ панымъ, а яна паней.—«Ну, ѣдзь, дзѣдъ, домовъ, будзешъ ты панымъ, а баба паней!» Приѣхавъ дзѣдъ у дворъ, ажны яго баба якъ паня, а енѣ якъ панѣ. Побыли яны панами, тоды баба кажець: «вотъ, дзядулька, хочу я быць парицый, а ты капъ бывъ царомъ!» Выйстривъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у ласокъ, стукъ у дубокъ, ажны выскакыецъ котокъ-зылотый лобокъ и т. д. «Дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ мой голубочакъ! моя баба хочецъ, капъ я бывъ царомъ, а яна парицый!—«Ну, ѣдзь, дзѣдъ, у дворъ: будзешъ ты царомъ, а баба парицый!» Приѣжаецъ дзѣдъ у дворъ, ажны яго баба якъ парица, а енѣ самъ якъ царъ. Побыли яны трохи парами, тоды баба кажець дзѣду: «вотъ, дзядулька, ѣдзь ты у ласокъ, ударъ у дубокъ: хочу я, капъ ты бывъ богымъ, а я божихой (или: богородицой), а дзѣци боженатыми!» Узавъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у ласокъ, стукъ у дубокъ, ажны выскакыецъ котокъ-зылотый лобокъ, зылотое вушко, сяребраное вушко, зылотая шарсцинка, сяребраная шарсцинка, зылотая лапка, сяребраная лапка: «дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: моя баба хочецъ, капъ

я бывъ богымъ, а яна божихой, а дзѣпи боженатыми.—«Ну, їдзъ, дзѣдъ, у дворъ!» Прїѣхывъ енъ у дворъ, ажны ляжиць сучка нсъ щанатыми. Злѣзъ енъ съ колесъ и ставъ субакымъ. Понюхалиси яны и побѣгли...

Д. Латыгово, стнн. у. Кр—ка Матрена Маркова.

Сказка имѣеть много вариантовъ. По нѣкоторымъ, котокъ живетъ въ пенюшкѣ. Тогда баба говоритъ дѣду: „идзи ты у ласокъ, высачи кіѣкъ, постукай объ пенюшокъ, ци ня выскочиць котокъ-зылотый лобокъ, попроси у яго“ и т. д. Иногда дѣдъ говоритъ когу: загадала мнѣ баба загадку,—ци отгадаваць, ци нѣ?—Якую?—Да просиць, кабъ и т. д. Иногда дѣдъ обращается въ собаку, а баба въ кошку. Въ одн. вар. дѣдъ дѣлается урядникомъ, потомъ становымъ, исправникомъ, мировымъ, а баба мировихой, губурнаторомъ, гынараломъ, паромъ и нах. богомъ.

90. Морозъ.

Живъ сабѣ одзинъ мужикъ изъ жонкой. У мужука была matka и у жонки была matka. Тольки жонка ня любила свою свякруху. «Вязи, кажець мужуку, свою матку у лѣсъ! Што яе дурно хлѣбомъ кормиць?» Узявъ мужикъ свою матку и повѣзъ у лѣсъ. Привезъ, посадивъ подъ ёлкой, а самъ и поѣхавъ у дворъ. Сядзиць тая баба. Ажъ приходиць Морозъ. Тропнувъ пугой, и кажець: «а што, бабка, морозъ?»—Морозъ, паночакъ: яго пора,—нехай пануецъ, нехай крулюецъ!.. Давъ Морозъ баби цѣплую шубу, боты и хустку. Сядзиць баба, прибралася.

Дома кажець мужуку жонка: «їдзъ у лѣсъ, вязи свою матку у дворъ, мусиць змерзла, дыкъ треба пухуваць!» Поѣхувъ мужикъ, ажны видиць—сядзиць яго matka у шуби, у ботахъ, у хустцы. Узявъ мужикъ матку и повезъ у дворъ. Прїѣхали ў дворъ. Стало нявѣстцы завидно. «Вязи, кажець мужуку, мою матку у лѣсъ, на тое самое мѣсто!» Повезъ мужикъ цѣшу у лѣсъ, посадивъ подъ ёлкой и поѣхавъ у дворъ. Сядзиць баба, ажны приходиць Морозъ. Тропнувъ пугой и кажець: «а што, бабка, морозъ?»—Морозъ, кабъ енъ лопнувъ! Усердзився Морозъ. Якъ ставъ лѣпаць кругомъ! Заморозивъ бабу. У дворѣ жонка кажець: «їдзъ у лѣсъ, вязи мою матку у дворъ!» Мужикъ поѣхавъ у лѣсъ, полядзиць—ажны баба замерзла! Привозиць няживую цѣшу у дворъ. Заголосила тутъ жонка!... Такъ и пухували бабу.

С. Пустынки, стнн. у. Зап. г-жей Козловской.

По другому варианту, Морозъ приходилъ къ свекрухѣ три раза. За первый отвѣтъ онъ награждалъ ее шубой, за второй—черевиками, за третій—хусткой. Прїѣзжаецъ сынъ, а вокругъ нея цвѣты цвѣтутъ... Ср. Афан. IV, 129. Чубинск. 434.

91. Объ дзѣдовой дочцѣ и объ яе лихой мачиси.

Вотъ казочка начинаецца и съ хвоспика задзираецца... Ето не казка—приказка, а казка будзя уперадзѣ. Отъ фирца, отъ бурца, отъ вѣшнаго калавурца, отъ поро-сѣночка виноходца... Поросѣночакъ виноходзецъ высакаа, выбѣгаа, добраго молайца зрываа.. Ето не казка, а приказка,—казка будзя ўперадзѣ... А цяперъ пиши!

У нѣкоторомъ царствіи, у нѣкоторомъ государствіи, а можа ў томъ, у которомъ мы сами живемъ, живъ сабѣ старикъ со старухой. И была у ихъ одна дочка. Отъ,

старуха померла, остався старикъ зъ дочкой удвохъ. Скушно стало старику удвохъ, ень узавъ оживився на другой баби. А у тые бабы тожъ была одна дочка. Да такаа лихаа была баба, што ненавидѣла дзѣдовыя дочки, своѣ падчарицы. Захоѣла яна яе звесци съ свѣту, напусцилася на дзѣда, стала яго ругаць: отвязи, дзѣдъ, свою дочку у лѣсъ! Дзѣдъ запрогъ кобылку и посадивъ дочку на колѣсы. Поѣхали у лѣсъ. Пріѣхали у лѣсъ; дзѣдъ наклавъ дочцѣ нянло ў хатцы, и кажець: сядзи, донька, тутъ, вари кашку, а я пойду у лѣсъ лучину биць! Вышовъ дзѣдъ изъ хаты, пройшовъ троху у лѣсъ и привязавъ къ соснѣ довбня. Вѣцеръ днѣ, довбня стукаа объ сосну, а дочка думаа, што бацька лучину бѣе, и кажа: тата, гу! А довбня—стукъ! Просядзѣла до самаго вечара, а довбня усѣ стукаа. Прибѣгла къ дзѣвцы мышка малынькая и кажа: дзѣвка-дзявица, дай мнѣ каші: я табѣ къ худому урею знадоблюся! Дзѣвка дала мышцы каші, накормила яе. Тымъ часомъ стало цѣмпо. Уломився у хату мядзвѣдзь. Дзѣвка спужалася, а мядзвѣдзь кажа: «ня бось, дзѣвка! Сцали-ка поцелю: сцали ступу, товкачъ, вилки, кочаргу и ўвесь ломъ!» Дзѣвка постлала. «Цяперъ, туши цяпло! На табѣ звончакъ: будземъ съ тобой жартоваць!» Дзѣвка такъ и здѣлала. Удругъ прыбѣгаа къ ёй мышка и кажа: дзѣвка-дзявица, дай мнѣ звончакъ, а сама лѣзъ подъ печь! Дзѣвка отдала мышѣ звончакъ, а сама схувалася подъ печь. Отъ, мышка стала бѣгаць и звониць звончкомъ по хаці, а мядзвѣдзь ставъ усѣ кидаць на голось, идзѣ звенѣвъ звончакъ. Усѣ пораскидавъ, а ў дзѣвку не понавъ забиць. Самъ уморився и заснувъ. Дзѣвка, якъ стало видно, вылѣзла цихенько изъ подпечыча и сѣла. Прошнувся мядзвѣдзь, и ўставъ и кажець: «ну, дзѣвка, молодзецъ: умѣешъ жартоваць! Отъ табѣ тройка коній, карета, и добра много! Отвязи ето ў дворъ, и на другую ночъ прйдзи пожартуваць: я табѣ ще боли добра дамъ!»

Дзѣвка тая пріѣхала у дворъ. Убачила яе сярдитаа мачиха, и спужалася; пуци стала ругаць старика: отвязи мою дочку! моя дочка привязе двѣ кареты! Коли ета привязла, дурнаа и окбчнина,—а моя боли привязе! Дзѣдъ запрѣгъ тую самую кобылку, посадивъ бабину дочку па колѣсы, и повѣзъ па тое самое мѣсто. Привезъ туды и кажа: идзи у ету хатку, вари сабѣ кашу, а я буду лучину биць! Бабина дочъ бачила, што дзѣдова дочка привязла богато добра, ина зъ радосьци стала вариць кашу и думала сабѣ: я ня буду такаа дурань, яще боли привязу добра! Удругъ прыбѣгаа къ ёй мышка и кажа: дзѣвка-дзявица, дай мнѣ каші: я табѣ къ худому урею знадоблюся! Дзѣвка закричала на мышку: во, погань! Ударила яе ложкой и забила мышку! Тымъ часомъ стало цѣмпо. Прихожаа мядзвѣдзь изновъ у хатку. «Здрастуй, дзѣвка, дзявица! Сцали-ка поцелю: ступу, товкачъ, вилки, кочаргу и што ёсць у хаці!» Дзѣвка такъ и здѣлала. «Цяперъ туши цяпло! На табѣ звончакъ: будземъ съ тобой жартоваць!» Дзѣвка узала звончакъ, стала бѣгаць по хаці, а мядзвѣдзь схвацивъ стуцу и шибнувъ прямо на дзѣвку, и забивъ дзѣвку! За ночъ яе обсмоктавъ, и косци ў кучу склавъ. Назаўтраго ранянько прошнулася старуха до дня ще: «запрягай старикъ скорѣй кобылу, ѣдзъ къ моей дочцѣ, пособи ёй довѣзци, а то ина, моя разумушка, чисто замучитца!» Дзѣдъ запрѣгъ кобылку и поѣхавъ па тое мѣсто. Увышовъ у хату, бача, што нема дочки бабиной, а тольки сярѣдъ хаты ляжиць кощей кучка!.. Дзѣдъ узавъ, косци собравъ, у машокъ склавъ, и поѣхавъ домой. А

сучка у дворѣ ляжиць подѣ столонъ и кажа: гавъ, гавъ! дѣдова дочка у добрѣ, а бабина у мяшку! Баба усердилася, што яна такъ кажа: ахъ ты проклятаа! Стала яе мяшуклой биць, и выгнула яе вонъ изъ хаты. Удругъ на ето ўремя узѣхавъ дѣдъ на дворъ. Баба кинулась къ дѣду и пытаа: «што ты скоро прѣхавъ? Ци не поломалася карета?»—Нѣ, баба—дурень: дочка твоя схувалася у мяшокъ! Баба ухапилася за мяшокъ, и спужалася, што тамъ косци. Тутъ сичасъ сомлѣла и померла..

А дѣдъ, управду, не ставъ дуко й гонятца за етымъ.

М. Гайшинъ, быховск. у. Кр—нѣ Евсей Морозовъ, 32 л. неграм.

92. Дѣдова дочка,

Живъ дѣвъ изъ бабай. У дѣда была дычка, а у бабы ўнучка. Тая баба дѣдовой дочки ня ўзлюбила и скучаецъ дѣду: «вязи, дѣдъ, дочку у ласокъ: яна гультайка, дурнушка!» Дѣдъ пазаўтра запрогъ кобылку, пысадзивъ дочку и повѣзъ у ласокъ. Ъхали, ѣхали, ажны стоиць пысародъ ласка хатка на куриный ножцы, вовчимъ хвостомъ подпѣрта, мядзвѣджимъ хвостомъ накрыта. Дѣдъ и кажець дочцѣ: «ну, моя дочушка, идзи у гэту хатку, а я пойду дровцы сѣчь. Я табѣ буду отгукатца!» Пошла яна у хатку, а енѣ узивъ булаवेशачку, привязавъ къ бярозцы, и поѣхавъ у дворъ. Вѣцеръ булаवेशачку гоняецъ, яна обѣ бярозку стўкаецъ, а дычка кажець: вѣ мой татка дровцы сячѣць! Ставъ и прицемокъ, а татка ня йдзѣць. Вышла яна съ хатки: татка, гу! А булаवेशачка обѣ бярезину дзынъ! Дыгадаалася яна, што татка яе покинывъ и зыплакыла. Плакыла, плакыла—страшно однэй нучуваць,—яна и гукаецъ: «хто ў лѣси, хто ў цѣмнымъ, ходзи ко мнѣ нучуваць на цесовую кырваць!» А мядзвѣдзъ кажець: «я ў лѣси, я ў цѣмнымъ: иду къ табѣ нучуваць на цесовую кырваць!» Дѣвка спужалася ды у хатку; ажны идзѣць мядзвѣдзъ. «Дѣвка, дзявица, руса косица, отчини сѣни!» Дѣвка отчинила. «Дѣвка, дзявица, руса косица, отчини хату!» Дѣвка отчинила. «Дѣвка, дзявица, руса косица, перасадзи мяне черазъ порогъ!» Яна перасадзила. «Дѣвка, дзявица, руса косица, усадзи мяне на лавку!» Яна усадзила. «Ули мнѣ воды у водно вушко—побяжиць мука; у другое вушко—побѣгла мука, улила у другое—побѣгла крупа. Тоды яна хату топиць, кашу вариць, блины пачѣць. «Ну, дѣвка, дзявица, руса косица, будземъ вячериць!» Дѣвка узяла кашу на столъ постновила. Обѣли яны вячериць; стали ѣсь кашу, а мышка выскочила съ подпечча, ускочила ёй на плячо, ды й шепчѣць: «дѣвка-дзявица, руса косица, дай мнѣ лыжачку кашки: буду я табѣ при цѣмной ночи угодница!» А мядзвѣдзъ почувъ: «хто тамъ просиць чаго?» А дѣвка, мовча, зачарепнула лыжачку каши, ды чухъ подѣ столъ. Мышка зѣла кашку и пошла подѣ печь. Стали блинцы ѣсци. Мышка выскочила съ подпечча: «дѣвка, дзявица, руса косица, дай мнѣ блинокъ: буду табѣ у цѣмной ночи вяликаа угодница!»—Хто тамъ просиць? у лопѣ яе лыжвой! А дѣвка узяла, мовча скомкала блинокъ и кинула подѣ столъ. Мышка зѣла и пошла подѣ печь. Повячерили. «Ну, дѣвка-дзявица, руса косица! Повячерили ужо, буду спаць класцися; сцали посцелю: радѣ каменья, радѣ корчевья, у гѣловы ступу,

жорнами накрыта!» Дзэвка постлала поспелю. «Ну, дзэвка-дзявица, руса косица! на табѣ ключики, ходзи по хаці, да бразкай!» Давѣ ей ключики. «Тупи лучинку!» Яна потушила. А мышка выбыгла сѣ подпечча: «дзэвка-дзявица, руса косица, дай мнѣ ключики, я буду бѣгаць да бразкаць, а ты лѣзь подѣ печь!» Полѣзла дзэвка подѣ печь, а мышка узяла ключики да бразь, бразь, бразь! ключиками, и по хаці бѣгаець. Мядзэвѣдз ухавивѣ каменья, пу—лю! на мышку. А мышка подѣ печь. Не попавѣ. «Дзэвка-дзявица, руса косица, ци жива ты?»—Жива то жива, али невяликіі клѣкъ. Отѣ мышка зновѣ выскочила сѣ подпечча, бразь, бразь, бразь! ключиками, и по хаці бѣгаець. Мядзэвѣдз ухавивѣ полѣнья, пу—лю! на мышку. «Дзэвка-дзявица, руса косица! ци жива ты?»—Жива то жива, али невяликіі клѣкъ!—«Ага, ня пупавѣ!» А мышка выскочила сѣ подпечча—бразь, бразь, бразь! ключиками. А мядзэвѣдз схавивѣ корчевѣ, пу—лю! на мышку. «Дзэвка-дзявица, руса косица, ци жива ты?»—Жива то жива, али невяликіі клѣкъ! А мышка тая посядзѣлѣ подѣ печчу, ды ўзнава выскочила сѣ подпечча ды ключиками—бразь, бразь, бразь! А мядзэвѣдз у яе пу—лю! ступу, жорны... А мышка й уцякла подѣ печь. «Дзэвка-дзявица, руса косица, ци жива ты?»—Жива то жива, али невяликіі клѣкъ!..

Давѣ богѣ дзень. Мядзэвѣдз уставѣ, а дзэвка тая ужо сядзиць на лавцы. «Ну, дзэвка, дзявица, руса косица, отчини мнѣ хату!» Яна отчинила. «Перасадзи мяне черазѣ порогѣ!» Яна перасадзила. «Отчини мнѣ сѣни, дзэвка!» Яна отчинила. «Проводзи мяне, дзэвка!» Дзэвка тая проводзила яго у ласокѣ. А тоды увыйшла у хату, ажны тамѣ што одзѣжи разны—хустки, сподницы, бурнѣсы—што добра, грошай... Пригонаецѣ мядзэвѣдзѣ и тройку коніі ей. Прибралася тая дзэвка, сѣла на коніі и ѣдзець. Ажны идзець яе бацька, и дзивитца, што яго дычка такѣ прибралася. «Поѣдемѣ, кажець, дочушка у двору!» И поѣхыли домовѣ. Была у бабы сучачка. Выскочила сучачка на порогѣ у сѣни: «цявѣ, цявѣ, цявѣ! ѣдзець дзѣдова дочка на тройцы коніі, якѣ пана!»—Брешаць, сукина дочка, кабѣ цябе вовки зѣли,—яе ужо и косцей нема! А ворота рыпѣ! и ўзѣхала дзѣдова дочка, якѣ паненка! Баба тая кажа: «во прибралася, обпивало, обядало!» И кричиць на дзѣда: вязи мою дочку туды, идзѣ была эта! Дзѣдѣ и новѣзѣ яе у ласокѣ. Приѣхыли у ласокѣ, ажны стоиць хатка на куриной ножцы, вовчимѣ хвостомѣ подпѣрта, мядзэвѣджимѣ хвостомѣ накрыта. Дзѣдѣ покинувѣ яе, а самѣ поѣхувѣ у дворѣ. Увечара вышла яна сѣ хатки и гукаецѣ: «хто ў лѣси, хто ў цѣмнымѣ, ходзи ко мнѣ пучуваць на цесову кыроваць!» А мядзэвѣдзѣ кажець: я ў лѣси, я ў цѣмнымѣ, идѣ кѣ табѣ пучуваць на цесову кыроваць! Приходзиць мядзэвѣдзѣ. «Дзэвка-дзявица, руса косица, (или: красна сподница) отчини мнѣ сѣни!»—Самѣ отчинишь, ня хворѣ!—«Дзэвка-дзявица, руса косица, отчини хату!»—Самѣ отчинишь!—«Дзэвка-дзявица, руса косица, перасадзи мяне черазѣ порогѣ!»—Ня хворѣ, самѣ пералѣзешѣ! «Дзэвка-дзявица, руса косица, уссадзи мяне на лавку!»—Самѣ узлѣзешѣ!—«Ули мнѣ, дзэвка, воды у правое вушко—побяжиць мука, у лѣвое вушко ули—побяжиць крупа: хату топи, кашу вари, блины пачи!» Яна улила,—побѣгла мука и крупа. Яна хату топиць, кашу вариць, блины пачець. Сѣли вячериць. А мышка выбыгла сѣ подпечча: «дзэвка-дзявица, руса косица, дай мнѣ лыжачку каші: буду табѣ у цѣмной noci вяликая угодница!» А дзэвка

мышку по лбу лыжкой, мышка и побѣгла подь печь. Стали ѣсть блинцы. Мышка узнова выбягла съ подпечка: «дзѣвка-дзявица, руса косица, дай мнѣ блинокъ: буду табѣ ў цѣмной ночи вяликаа угодница!» А дзѣвка яе по лбу! Мышка и побѣгла подь печь. Повячерили. «Дзѣвка-дзявица, руса косица, сцали пощелю: радѣ каменья, радѣ полѣнья, у головы ступу, жорнами накрытца!» Дзѣвка постлала. «На жѣ табѣ ключики, бѣгай по хади да бразкай. Туши лучинку!» Дзѣвка потушила лучинку и стала бразкыць, а мядзѣвѣдзѣ ухапивѣ полѣнья, пу—лю! у дзѣвку, и забивѣ. Соссавѣ яе, косци поломавѣ и пошовѣ у лѣсѣ, а яе закидавѣ корчевѣемъ, каменѣнемъ.

Нызаўтра пріѣхывѣ дзѣдѣ, ажны ўнучка забита, закидана. Узавѣ ень яе на санки и повѣзѣ домовѣ. А тая сучка бабина: цывѣ, цывѣ, цывѣ! вязуць бабину унучку няживую!—Врешишѣ, сукина дочка, вовки цябе ѣжѣ: ѣдзець, якѣ паня! Ажны вороты рыпѣ! Выскочила тая баба, ажны унучка няжива. «А Божа жѣ мой, Божа! Гадѣ гѣтый! Забивѣ жа ень мою унучку! Цяперѣ, дзѣдѣ, дзѣлай домовину, трунѣ, яму копай, унучку хувай!» Дзѣдѣ пошовѣ, труну здѣлавѣ, яму выкопавѣ, унучку пухувавѣ.

Пришовѣ у дворѣ и стали дзѣдѣ, баба и дзѣдова дочка—дурнушка жиць. И цяперѣ живуць. А бабиный унучки и косци ў зѣмли погнили.

Дер. Вздорники, ульян. вол. стын. у. Отъ кр-ки Арины Сильвестровой, 64 лѣтъ, запис. г-жей Космачевской. Сказка общераспространенная. Ср. Афан. V, 65; VIII, 309. Худ. I. 48. Чубинск. 97.

93. Черци и падчарка.

Была у матчихи падчарка и рѣдная дочка. Одзинѣ разѣ, у суботу, мылиси яны у лазьни. Пришовши домовѣ, матчиха послала падчарку ў примыльнякъ принѣсци квасу—посли лазьни напйтца. А ў лазьни, вядома, кажанѣ разѣ послѣ людзей, черци мнѣютца. Вотѣ, падчарка тольки стала черпаць квасѣ, ашѣ черци и высакаюць ижѣ ей и говоруць: «скажи намѣ, дзѣвка, идзѣ намѣ достаць бялѣваго хылста на сорочки, зѣ лазьни одѣтца?»—А што шѣ вы мнѣ дасцѣ за тое, што я вамѣ искажу? Тоды яны привясли ей много золыта, серабра. Яна узала и говориць: ны бялѣвый холстѣ много треба!.. Треба знайци дужо славную облогу... Тоды яе треба драць, драць... Тоды скородзиць, скородзиць... Тоды мѣшаць, мѣшаць... Тоды треба дужо славнаго сѣмѣя... Тоды треба яго сѣиць, сѣиць... Тоды пахаць, пахаць... Запахавши, яно будзець усходзиць... Тоды росци, росци... Тоды цвиць, цвиць... Отцвицши, будзець спѣць, спѣць... Якѣ поспѣць, яго треба браць, браць... Выбравши, треба молоциць, молоциць... Обмолоцивши, треба мочиць, мочиць... Якѣ вымяквець, треба цигаць, цигаць... Вычитнувши, стлаць, стлаць... Якѣ вылежитца, треба поднимать, поднимать... Поднявши, треба сушиць, сушиць... Якѣ высохнець, треба мяць, мяць... Помявши, треба трапаць, трапаць... Потрапавши, треба часаць, часаць... А тамѣ останетца кужалѣ... Яго треба прасци, прасци... Тоды ткаць, ткаць... Тоды бялицѣ, бялицѣ... Выбаливши и будзець бялѣвый холстѣ!..

Тольки яна сказала гѣто, а пѣвянь и запѣвѣ. Черци й уцякли. Тоды яна узала тое золыто, серабро, што надавали ей черци и пошла домовѣ. Пришла домовѣ, а

матчиха уже спиць, рада, што няма падчарки. Назаўтраго устала матчиха, полядзиць, ажны падчарка ляжиць у золыци, у серабрѣ...

У другую сыботу послала матчиха свою дочку. Черци само жъ такъ выскочили нкъ ёй и говоруць: «скажи намъ, дзѣвка, идзѣ достаць бялеваго холста?»—А, на яго жъ много треба! Треба посѣяць, выбраць, помочиць, выниць, постлаць, вылежитца—подняць, помяць, попросци, выткаць, выбялиць—и будзець бялевый холст!.. Тоды черци ухвадили яе и задушили, и кинули на печку... Матка ждала, ждала дочки, не спала ўсю ночъ—не дождалася. Назаўтраго чупъ-дзень побѣгла ў лазню. Прибѣгаець, ашъ яе дочка задушанная—ляжиць на печцы..

Д. Кимейка, стнн. у. Запис. жѣщ. А. Шимановичъ.

94. Падчарка и чортъ у лазни.

Живѣ дзѣдъ изъ бабой. У дзѣда была дочка и у бабы была дочка. Баба не любила дзѣдзину дочку. Разъ у сыботу на дзяды, баба кажець дзѣду: идзи, дзѣдъ, вытопи лазню! Пошовъ дзѣдъ топиць лазню. Топивъ, топивъ и къ вечару вытопивъ. Приходзиць у хату и кажець: ну, баба, лазня ужо готова! Тоды баба кажець дзѣду: мы пойдемъ у лазню, а твоя дочка нехай остаецца дома у хаці прибираець. Пошли яны утронхъ мытца—дзѣдъ, баба и бабина дочка, а дзѣдзина дочка осталась у дворѣ: помыла усѣ къ святу, подмела, прибрала у хаці, и ждзѣць. Помылиси яны у лазни, пришли домовъ. Тоды баба кажець дзѣдовой дочкѣ: идзи, сукина дочка, у лазню! Пошла тая дочка у лазню. Ци мылася, ци нѣ—вѣдомо якое ужо мытьцѣ однэй уночи—направулась скорѣй ды й побѣгла домовъ. Прибѣгла у дворъ, хвацилася за крали—нема краль. «Татка, кажець: забылася я ў лазни свое добрыя крали!» А баба почула: бяги жъ, сукина дочка, сычасъ прыниси! Заплакыла яна, пошла у лазню. Приходзиць туды, ажны тамъ чортъ мытца. «Дзѣвка-дзявица, руса косица, ходзи ко мнѣ мытца!»—Спасибо, я ужо помылася! Однакъ стала зъ имъ мытца. Мылиси, мылиси—не стало воды. Тоды дзѣвка кажець: чимъ жа мы будземъ мытца, коли воды нема? Тоды чортъ пытаецца: чимъ жа мнѣ паносиць воды?—А идзи, кажець дзѣвка, у мойго татки на количку висиць рѣшато; возьми ды й паноси! Чортъ побѣгъ, узавѣ рѣшато: носивъ, носивъ—покуль прыбязиць, тольки каплець. Алитку якъ-не-якъ наносивъ. Помылиси. Тоды чортъ кажець: «ну, цяперъ будземъ жанитца!»—Што жъ я буду жанитца, коли мнѣ нечимъ выперцися! Чортъ побѣгъ и принесть ёй золотый рушникъ. Выцерлася яна, чортъ и кажець: ну, цяперъ будземъ жанитца!—Якъ я маю жанитца, коли ў мяне нема кошули! Чортъ побѣгъ, и принесть ёй золотую кошулю. Надзѣла яна кошулю, чортъ и кажець: цяперъ мы будземъ жанитца!—Якъ жа я маю жанитца, коли у мяне нема споднички! Чортъ побѣгъ и принесть золотую сподничку. Надзѣла яна сподничку, чортъ узнову кажець: будземъ цяперъ жанитца!—Якъ жа мнѣ жанитца, коли у мяне нема панчошакъ! Чортъ побѣгъ и принесть ёй золотыя панчоски. «Ну, будземъ цяперъ жанитца!»—Якъ жа я маю жанитца, коли у мяне нечимъ панчошакъ подвязаць! Чортъ побѣгъ и приносиць ёй золотыя подвязки. Надзѣла яна панчоски, подвязала, тоды чортъ кажець: ци

пойдешъ цѣперъ за мене замужъ?—Якъ жа я пойду, коли у мене нема чаровичакъ! Чортъ побѣгъ и приносиць золотыя чаравички. Надзѣла яна чаравички, тоды чортъ кажець: ну, цѣперъ ужо будземъ жанитца!—Якъ жа я маю жанитца, коли у мене нема хустки! Чортъ побѣгъ и приносиць золотую хустку.—Надзѣла яна хустку, чортъ и кажець: ну, цѣперъ будземъ жанитца!—Якъ жа мнѣ жанитца, коли у мене нема куртки! Чортъ побѣгъ и принёсъ ей золотую куртку. Надзѣла яна куртку, чортъ и кажець: цѣперъ будземъ жанитца!—Якъ жа мнѣ жанитца, коли у мене нема пальта! Чортъ побѣгъ и принёсъ золотое пальто. Надзѣла яна пальто, чортъ тоды кажець: ну, цѣперъ ужо усѣ,—будземъ жанитца!—Якъ жа мнѣ жанитца, коли у мене нема рукавичакъ! Чортъ побѣгъ и принёсъ золотыя рукавички. «Ну, цѣперъ будземъ жанитца!» Вачиць дзѣвка, што ўсѣ ужо у яе ёсь, а пѣвни не пяцъ, и кажець: будземъ сабѣ! Вышли яны на вулицу и почали кружитца *) Тольки стали кружитца, а пѣвянѣ и запѣвѣ. Чортъ и провалився скрозь зямли. А яна пошла домовѣ. Бацька дужо узрадовався, што яна такъ надзѣлася, а матка ажъ счаригѣла со злости. Тоды яны стали пытатца, хто яе такъ *надзѣла*, а йна кажець: «прибѣгъ ко мнѣ пѣйкій чаловѣкъ и ўсѣ просиць, кабъ я зъ имъ жанилась. Я стала казаць, што якъ жа я маю жанитца, коли у мене нема ничога, дыкъ егъ мнѣ усѣ гэта и принёсъ.»

Послала тоды баба свою дочку у лязню. Прибѣгъ къ ей чортъ: «дзѣвка-дзявица, руса косица, будземъ мытца!»—А воды пема. Возьми вядро, наноси! Чортъ наносивъ. Помылиси. Тоды ёнъ кажець: будземъ съ тобой жанитца! А яна кажець: якъ я маю жанитца, коли у мене нема кошульки, споднички, курточки, панчошакъ, подвязокъ, чаровичакъ, хусточки, пальта, рукавичакъ!.. Чортъ принёсъ ей усѣ гэта разомъ, усѣ золотое. Яна надзѣлася, чортъ и кажець: ну, цѣперъ будземъ жанитца! Яна думала, думала и кажець: будземъ! Вышли зъ лязни на вулицу и почали кружитца. Кружилися, кружилися по дорози, прикружилися къ лязни; чортъ яе задушивъ, кровь высавъ, косци вытресь, а шкурой печку обкрывъ. Была у бабы сучка. Яна сядзиць подъ столонъ, ды цявъ, цявъ, цявъ! Дзѣдовы дочки шумки шумяць, бабинны дочки косци бражжаць! А баба даець ей блины: кажи, што бабинны дочки шумки шумяць, а дзѣдовы косци бражжаць! А сучка усѣ ня гэдыкъ брешець. Тоды баба кажець дзѣду: идзи ты, дзѣдъ, полядзи, што тамъ дзѣгца! Пошовъ дзѣдъ, узавъ у торбу косци, шкурой обкрывся и идзець. Баба якъ увидзѣла, дакъ и сомлѣла.

А дзѣдова дочка скоро замужъ вышла за хорошаго чаловѣка.

Г. Сынно. Кр-нъ Павел. Астаповъ, 50 лѣтъ, неграмотный.

У насъ было шесть пересказовъ этой сказки. Недостатокъ мѣста лишаетъ насъ возможности помѣстить ихъ всѣ.

95. Дочка и падчерна.

Жили сабѣ дѣдъ да баба: И были у ихъ двѣ дочки: дѣдова дочка Ганночка, а бабина Катярина. Отъ яны пойдуть на супрадки, на посидѣнки, дакъ дѣдова дочка праде да праде, а бабина скача да пляша, да музыкъ наймая. Отъ дѣдова дочка

*) Вихрь—чертова свадьба.

попрала уси мычки да й кажа: Катъ, ходѣмъ домовъ! И пошли. Подыйшли къ воротамъ, Катъка и кажа: лѣзь подъ ворота отопри, а я твоѣ починки подяргу! Узьяла бабина дочка Гавнины починки, да й пошла у хату. Пришла да й кажа матцы: «во, мамка,—дѣдова дочка скача да пляша, да музыкъ наймая, а я во кольки починковъ напрала!» Отъ, баба и кажа дѣду: дѣдъ, вяди ты свою дочку у лѣсъ: яна тольки дурно хлѣбъ ѣсти! Дѣдъ отрѣзавъ ей лусточку хлѣба и повѣвъ. Вѣвъ, вѣвъ, привѣвъ акъ лѣсу, и кажа: ну, иди сабѣ одна! Яна й пошла. Иде, иде—стоитъ колодязъ. Отъ, колодязъ и кажа: Дѣвка, дявица, вычисть мяне! буду я табѣ у валикой пригоди! Яна узьяла и вычистила колодязъ. И пошла даляй. Иде, иде—плыве дежка. «Дѣвка, дявица, обмый мяне: буду я табѣ у валикой пригоди!» Дѣвка узьяла, обмыла и пошла даляй. Иде, иде—стоитъ яблona. Отъ, яблona и кажа: «дѣвка-дявица, обколоти мяне: буду я табѣ у валикой пригоди!» Ганночка узьяла, яблону обколотила, яблочки у кучку склала, да й пошла даляй. Иде, иде—стоитъ котиная хатка на куриной ножицы. Отъ яна зайшла у тую хатку, ажъ тамъ усякіе шавки (шелки), золото, серабро. Яна набрала шовку, грошай, да й пошла домовъ. Пришли коты ў хатку, бачать—хтось бравъ шавки, гроши. Побѣгли яны услѣдъ за ей. Вягутъ коты, добѣгли до яблонки: «яблонка, яблонка, ти ня йшовъ хто тутъ? ти ня ѣхавъ хто?»—Нѣ, ня бачила, ня видѣла, ня йшовъ, ня ѣхавъ,—варнитесь!.. Побѣгли коты. Вягутъ, бягутъ—стоитъ дежка. «Дежка, дежка, ти ня бачила ты, ти ня видѣла ты: ти ня йшовъ тутъ хто, ти ня ѣхавъ хто?»—Нѣ, ня бачила, ня видѣла, ня йшовъ, ня ѣхавъ,—варнитесь! Побѣгли коты. Вягутъ, бягутъ—стоитъ колодязъ. «Колодязъ, колодязъ, ти ня бачивъ ты, ти ня видѣвъ ты, ти ня йшовъ тутъ хто, ти ня ѣхавъ хто?»—Нѣ, ня бачивъ и ня видѣвъ—варнитесь! Коты и варнулися, а Ганночка и пришла домовъ у шавкахъ. Тогда и бабина дочка проситца. Баба и кажа дѣду: провяди ты и мою Катю! Дѣдъ отрѣзавъ лусточку хлѣба и повевъ. Вѣвъ, вѣвъ, да и варнувся: иди уже, каа, одна! Яна и пошла. Ишла, ишла—стоитъ колодязъ. «Дѣвка, дявица, почисть мяне!»—А, Божа милый! буду мочитца! И пошла даляй. Иде, иде—плыве бочка. «Дѣвка-дявица, обмый мяне! буду я табѣ у валикой пригоди!»—А, Божа милый, буду мочитца! Да й пошла даляй. Иде, иде—стоитъ яблонка. «Дѣвка-дявица, обколоти мяне! буду я табѣ у валикой пригоди!»—А, Божа милый, буду сорочку дратъ! Да й пошла даляй. Иде, иде—стоитъ котиная хатка на куриной ножицы. Пошла яна у тую хатку, ажъ тамъ усякіе шавки, да гроши. Набрала яна грошай и шовку, и пошла домовъ. Прибѣгли коты, бачать—хтось бывъ. Яны услѣдъ. Вягутъ, бягутъ—добѣгли до яблонки: «яблонка, яблонка, ти ня бачила, ти ня видѣла; ти ня йшовъ тутъ хто, ти ня ѣхавъ хто?»—Бачила, видѣла—бягитя, догѣнитя! Побѣгли коты даляй, стоитъ бочка. «Бочка, бочка, ти ня видѣла, ти ня бачила, ти ня йшовъ тутъ хто, ти ня ѣхавъ хто?»—Бачила, видѣла,—бягитя, догѣнитя! Побѣгли коты даляй. Бѣгли, бѣгли—стоитъ колодязъ. «Колодязъ, колодязъ, ти ня бачивъ, ти ня видѣвъ, ти ня йшовъ тутъ хто, ти ня ѣхавъ хто?»—Бачивъ и видѣвъ,—бягитя, догѣнитя! Побѣгли коты даляй; бѣгли, бѣгли—догнали бабину дочку Катарину и разорвали...

Гом. у.

Указатель къ мифическимъ сказкамъ.

- Алёна № 2,—королевна 37.
 Алёнка № 46, 47, 49, 50.
 ангелы 27, 81, 83.
 Андрейчики 38.
 Баба—вуши большія, дычки подъ столъ 86.
 баба—вѣдьма 29.
 баба—по уши въ грязи 35.
 баба сопливая въ поелѣхъ 22.
 баба—чертова мать 70.
 баба-юга, б. яга 3, 9, 14, 15, 37.
 баранъ 8, б. вытряхив. золото 52, 53,
 —черный 73.
 бараномъ дѣлается отъ змѣинаго туку 47 и
 отъ воды изъ бараньяго копыта 48.
 безручка 55, 56, 59.
 береза 2, 8, 29, 46 в, 76, 92.
 беременность отъ вихря 8, отъ гороха 13,
 отъ рыбы 15.
 Богъ въ гостяхъ 27, 81, 82, 83, 84.
 богатырскія шутки 13.
 Богданово 38.
 болото 2, 4, 5, 9, 15, 21, 23, 43, 44, 75, 86.
 боты-самискоки 25, чоботы-шкурляты 24.
 бочка, пущенная на море 5, 7, 62, 63, 83.
 бочки кожанья 66 пр.
 бочонокъ, изъ него 12 молодцовъ, № 50.
 брови, поднимаемыя вилами, № 44.
 бросанье стрѣлъ 13,—булавы 16,—де-
 негъ въ криницу 34.
 брусокъ, обративш. въ горю каменн. 7,
 —дававшій пищу 54.
 брынскій лѣсъ 73.
 булава, ляска 16, 20, 44, 8, 10, 15, 65, 46 в.
 бумага, письмо 24, 27, 28, 64, 81, 83, 86.
 Буреня 59, 60.
 Бурьма 28.
 бычокъ съ копчацокъ 5.
 бѣгство за болоки 16.
 бѣгунъ по морю, какъ по мосту 16.
 бѣлый домъ 20.
 Василиска Дьяболска 30.
 Василь 14,—удовинъ сынъ 27,—полякъ
 войстрый кувпакъ 14.
 великій князь 25.
 Вернигору 8, 9.
 Вечорка 13.
 винница 81.
 виноградъ 85.
 Вихоръ 8, 8 в.
 влѣзанье въ ухо 18, 59.
 вовкъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 15, 17, 33, 34,
 42, 87, 86.
 вовкъ кривый 9,—мѣдный, чугуун. 4.
 вода, возвращающая зрѣніе 7 в, 72.
 вода гоющая и живущая, живая и мерт-
 вая № 2, 4, 8, 9, 11, 17, 37, 38, 41.
 вода живая 61.
 вода пересохла 70.
 вода сильная и безсильная 4, 10, 18, и
 вино 2, 10, 14.
 возокъ съ рыбьей кости 42.
 война птицъ съ звѣрами 22.
 воль 6, 11, 13, 14, 42, 86,—струпи-
 вый 7.
 воперь-загуберь 62.
 воперекъ золотый 46 в.

- воробей 22, 22 в.
воронъ, крукъ № 2, 3, 4, 5, 6, 8, 11, 17,
37, 38, 49, 87,—струпливый 7.
восемь, восьмеро—6, 16, 17, 65, 66.
восемнадцать—10.
восемьдесятъ два—16.
Вусыня—16.
выдра—10.
вырля—2.
выспа, островъ 24, 23, 8, 62, 73, 86.
вѣдьма 29, 49.
вѣтеръ 52, 53.
Гадюка 7 в, 9, гады 86.
Галиція 27 пр.
галочка, изъ нея царство 21.
глазъ вставляется 28, 29, 30.
глотка змѣи, въ нее богатырь бросается 17.
Голованъ 10 пр.
головешки проросшія—65.
голуби 8.
гора 1, 4, 5, 8, 11, 12, 14, 32, 61, 64.
горе 68.
городъ 4, 10, 12, 13, 14, 15, 19, 20,
21, 24, 32, 62, 77, 86.
горошины 13, 39, 40.
Господь 44, 84.
гребенка, изъ нея горы 6, 7,—пуща 22.
гребень, якъ у неби мѣсяцъ 64.
гребло, изъ него лѣсъ 4.
гребля 20, 73.
грипъ-птущка 13.
Грипка-морозъ 15.
Громакъ 24.
громовая туча въ завѣд. Ильюшки 44.
Громъ 33, 34, 35,—и Моложня 33, 36.
грѣшникъ по повѣтрію ходитъ 65.
гуси 4, 86.
гусли самыгранны 39, 40.
Два—№ 7, 15, 16, 21, 41, 61, 64, 65,
76, 77, 84.
двадцать—21.
двадцать—№ 10, 12.
двадцать одинъ—№ 28
двадцать пять—№ 10, 15, 16, 84.
двадцать три—№ 44.
двадцать четыре—№ 16.
двери желѣз. чугуна. № 6, 8, 12.
двѣнадцать—№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10,
11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 20, 21,
22, 24, 26, 28, 32, 35, 37, 38, 39, 40,
41, 42, 44, 50, 65, 66, 77, 86.
двѣсти—№ 26, 85.
девять—№ 7, 9, 10, 14, 28, 65.
девяностъ—№ 16.
девять земель, десятое царство 19, 23, 62.
дежка 95.
девяностъ—№ 11.
дерево поющее 61.
десять, десятеро—№ 8, 10, 12, 13, 15,
17, 20, 28, 44, 65.
Дикій Бурьма 28.
дитя въ гнѣздѣ 40.
дождь 11, 13.
домъ стеклянный 12,—зол. сер. мѣдн. 22.
дорога крыжовая 14.
Дра-птагъ 42.
дрова 3,—осиновыя 5, 6, 10, 15, 44.
дрожаніе земли 7 пр. 14, 19, 28, 44, 46 в.
дубъ № 1, 4, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 22 в,
23, 33, 35, 36, 39, 43, 44, 49, 65,
72, 73, 77, 89, 86.
дубинка драчунъ, кій 3, 40.
дубчикъ золот. и серебрян. 45.
дудка чудная 45, 46, 46 в.
Дунай 44.
духъ божій 8.
дыванъ самоносный, рушничекъ, коверъ са-
молетъ 23, 25, 24, 73.
дымъ—10, 32, 39.
дымантъ 10, 24, 25.
Дѣвка Красавка 39.
Дѣвка Половянка 39.
дѣвки яблоко катаютъ 27.
дѣдъ на печи ноги отморозилъ 38.

дѣдъ Шкуропетъ—28.
 дѣти, разорванныя пополамъ 28.
 Елка 1, 76, 78, 85, 90.
 евангеліе 28.
 Егарь 86.
 Египица, Ягипица 43.
 елень-золоторогъ 86.
Жаба—86.
 жаръ птица 11, 14, 38, 40.
 жбанъ-ли-жбанъ 24, самопитный жбанъ 39.
 желчь 19.
 женитьба на дочери 7 в, 60, 64.
 женщина, смотрѣвшая на соннаго богат. 32.
 жоровъ 50, 51.
 жулеячка 8, 14.
 Забранка 14.
 забытіе слова *хлѣбъ* 8.
 заваливаніе дороги 1, 7 в, 8.
 запечекъ 20, 59.
 запрещеніе жениться 9.
 Заранка сынъ 13,—дочь 66 пр.
 заземливаніе въ расколотое дерево 7 в.
 заяцъ 3, 4, 5, 8, 15, 33, 34, 81, 86.
 звергачъ 26.
 звѣзда на лысины 59, 55, 56, 16, 62, 63.
 землю перевернулъ бы 28.
 злыдни 67.
 змѣева хата № 1.
 змѣй, смокъ, цмокъ 2, 7, 9, 17, 28, 30, 32,
 34, 35, 41, 47, 72, 85.
 змѣй Горымець 33.
 змѣй съ 2 головами № 12 13.
 змѣй съ 3 голов. № 1, 2, 11, 12, 14, 15,
 16, 20.
 змѣй съ 6 голов. № 3, 10, 11, 12, 13,
 14, 15, 16, 18, 20.
 змѣй съ 7 голов. № 26.
 змѣй съ 9 голов. № 10, 11, 18, 20,—солн-
 це въ груди, мѣсяцъ во лбу, звѣзды
 кругомъ 16.
 змѣй съ 12 голов. № 4, 7 в, 9, 10, 13,
 14, 15, 18, 19, 22, 43.

змѣй воду отнялъ 43.
 змѣиная вода 15.
 змѣиная жонка, матка 15.
 змѣя 15, 21, 31, 33, 47, 50, 88,—двѣ-
 надцатиглавая № 17.
 змѣя горящая 26.
 змѣя очи выпила 10 пр. 11.
 Знайденъ 81.
 зубъ 6, 7, 3, 5.
Иванъ Иваневичъ рус. царевичъ № 2.
 Иванъ царевичъ № 3, 5.
 Иванъ Ивановичъ рус. царевичъ 7, 30.
 Иванъ Ивановичъ кобылинъ сынъ 7.
 Иванъ Ивановичъ купецъ 28.
 Иванъ Ивановичъ купецкій сынъ 18.
 Иванъ Вечерковъ 13.
 Иванъ Златовусъ 8.
 Иванъ Васильевичъ 59 пр.
 Иванъ дуракъ 12, 26.
 Иванъ Кристофоръ 15 в.
 Иванъ пьянишникъ сынъ 9.
 Иванъ объѣдало 15.
 Иванъ воинъ 59.
 Иванъ сучкинъ сынъ 15.
 Иванъ царь Копилкій 34.
 Иванька 4, 6, 38, 46, 47, 49, 50.
 Иванька царевичъ № 10.
 измѣненіе лица отъ яблокъ 23, отъ мытья
 13, отъ дуновенія 13.
 иль № 2, пылъ 4.
 Ильюшка № 44.
 Ирвидубъ 8.
 Искъ 48.
Казакъ 24.
 кайстерка, дающая пищу 51, ковилка 54,
 кошелекъ 50.
 Каменникъ 8.
 камень 2, 3, 4, 6, 8 11, 17, 18, 44, 86,
 бѣлый камень 26, 3 версты въ горѣ,
 3 кругомъ № 31, 70.
 капли сонныя 28.
 Карачевъ 16.

Каргота 16.
карты 8, 14, 15, 16, 23, 30, 59.
картыжница 23.
Катерина 48. Кіевскія пещеры 44.
кипящая смола 16,—молоко 39.
Кирилка 45.
клевщи 50 пудовъ № 15, 16.
клубокъ № 2, 43, 64, 86.
клѣтка волшебная 42.
книги сумасшедшія 19,—волшебныя 9.
кобель 14.
когти двѣ четверти № 10.
коваль—6, 8, 10, 11, 13, 15, 16, 20,
29, 44, 50, 49.
коваль, кующій солдату 14.
коза побасолъ озера 62.
колодезь—95, 94.
колоколь, звонъ № 24, 77.
коль-переворотень 73.
комъ земли съѣсть—клятва № 1.
конь, якъ на неби звѣзды 60.
конь 12, 14, 39, 41, 17,—коросливый 44.
конь, крутящійся на былинѣ 27.
конь, выкованный изъ змѣи 15, 16.
копье 14.
корабль 7, 14, 24, 30, 62, 73, 77, 86.
коруна 29.
костыль 28, 77.
котелъ 7, 8, 28, 30, 39,—въ него вбра-
сываютъ хозяина 81.
котокъ-золотый лобокъ 89.
котъ 2, 36, 39, 62, 85, 95.
Кошечъ безсмертный 3,—Рыба 7 в.
край свѣту 13.
кравецъ 29.
красный домъ 20.
кресиво огниво 86, 24.
кресло золотое на той свѣтъ 13,—на не-
бѣ, дающее даръ всевѣдѣнія 31.
Кривда 72, 74.
кровь съ ножа, изъ стакана 12, 15, 16, 20.
кроль сатанинскій 21, 61.

крыница 59, 60, 61.
ксендзь 23.
Кузьма-Демянь въ кузницѣ 16.
кузница волшебн. 14, 15.
купецъ 1, 7 в, 8, 9, 16, 18, 23, 45,
47, 72, 83, 85.
Курила Кожемяка 32.
кусть 19, 22, 51, 70, 86.
кусюлька 18, 19.
кутокъ № 1, 81.
кучерявый 31.
Ладья 40.
лазня, баня № 2, 3, 5, 6, 8, 16, 18,
19, 23, 24, 27, 26, 44, 59, 60, 93,
94, 82, 84.
ланцугъ, пѣлъ 10, 11, 12, 29, 30, 41,
13, 20.
лебедки 86.
левъ № 1, 2, 3, 4, 5, 28, 30, 33, 86.
лейстры чертовы 65.
Лексѣй Хведоровъ 24.
летанье съ помощію гусин. перьевъ 49, 50.
лисица № 1, 3, 4, 5, 8, 33, 34, 35, 86.
Ломизелѣзо 9.
Ломикамень 9.
лопата, дѣлающая листьа хлѣбомъ 51.
лось 4, 8, 15, 86.
лотка, комята, човень 69, 70, 71, 73, 86.
Лугьянъ 37.
лычко 2, 7 в, 16.
лѣсъ, дуброва, пуца № 2, 4, 5, 6, 7, 8,
10, 12, 21, 22, 25, 26, 27, 40, 43,
44, 1, 62, 66, 70, 76, 77, 78, 86,
87, 90, 91, 92.
лѣсникъ 17, 21, 39.
лѣсовикъ 54 в.
людоѣды 71.
люлька 4, 31, 49, 80.
лягушка 8, 69, 70, 86.
Макъ 7, 60.
манная пища 7 в.
Марка 37.

Марка богатый 27, 83.
 Марья 4, 5, 6.
 Марья царевна 3.
 мать божія 27.
 медвѣдь бѣлый 10.
 медвѣдь-золотовухъ 86.
 медвѣдь—изъ уха мука—92.
 медвѣдь—№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 15,
 33, 34, 86, 91, 92.
 Мельянь 17.
 мельница № 2, 3, 4, 5, 6, 8, 44, 69, 70.
 мертвецы—66, 85.
 мечъ 9, 10, 11, 22, 37, 43, 59, 76, 77.
 мечъ-самосѣтъ 14, 15,—кладенецъ 15, 20.
 Микита Запродаевъ 22 в.
 Миколай отецъ 44.
 Мирькуха 15.
 Михайло архангелъ 16.
 мозгъ воловій—16.
 молодицу прохожіе топчуть 38.
 молоко звѣриное 1, 2, 3, 4, 5.
 молотокъ 86.
 молотѣба 20, 75 пр. 77.
 монастырь 7 в, 24, 87.
 Морея 59.
 море № 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 14, 15,
 17, 19, 22 в, 23, 26, 28, 30, 37,
 38, 41, 43, 44, 59, 62, 63, 70, 77,
 83, 85, 86.
 море огненное 3.
 Морозъ 15, 16, 38, 54, 90.
 мостница золотая и серебрян. 21, 24, 31,
 37, 62, 85.
 мость № 3, 5, 7, 9, 12, 24, 33, 69.
 мость калиновый 15, 16, 39.
 музыка 12, 61,—отъ которой всѣ пля-
 шутъ 28.
 муравей 77.
 Мурза 86.
 мухины 39.
 мытье ногъ 18.
 мышъ 22, 22 в, 77, 91.

мѣсяць во лбу, звѣзды въ потылицѣ 55,
 56, 76.
 мѣхъ, изъ него молодецъ 51.
 мясо человѣчье 10, 11, 13.
 Настася Прекраса 14, 41.
 небо достать 44.
 Невѣдомый 77.
 невѣданье 17.
 невѣстно што, нема вѣдома куды
 86.
 нора на той свѣтъ 10, 11, 14, 86.
 Облака 22, 16.
 оборачиваніе въ собаку 89, козла 25,—
 котика 15, 16,—въ стадо овецъ 21,
 барана 47, 48, 59 в, волка 15, рысь
 15, 59 в, лисицу 60, уточку 14, 86,
 лебедку 22, 15, въ орла 76, сокола 15,
 голубку 21, 32, муху 59 в, блоху 6,
 мѣсячко 15, зорочку 15, лугъ 15, садъ
 15, крыничку 15, озеро 21, иголку 6
 59 в. церковь 21.
 овцы, ѣвшія проскурки 54.
 огонь 10, 22, 43,—самовозгорающ. 77.
 одиннадцать—№ 6.
 Одноглазый 28, 30.
 озеро 4,—бездонное 21, 71, 84, 86.
 оживленіе мертвѣго 3, 5, 4, 42.
 оживотвореніе обрубка 49.
 окаменѣлость 31, 61.
 крайчикъ 9,—несѣдаемый 52.
 окунь 15, 22 в.
 онѣмѣніе 76.
 Оплетаѣ-богатырь 30.
 орелъ 5, 6, 15,—раненый 22.
 осина 8, осинový колъ 70.
 отсѣченіе головы—казнь 9, 59.
 отцовскую могилу стерегли 46 в.
 очи пожирающія 42.
 Панахвида 28.
 панъ Копичинскій 35.
 паня Йвана 85.
 парсюкъ 8, 39.

пасты кобылицъ наемъ 26.
 пастъ сыромятный 14.
 пенъка 7 в.
 перевозникъ 27, 83.
 перегонки 16.
 переливаніе воды изъ одного колодезя въ другой 38.
 переходъ черезъ пропасть 15, 16.
 перо золотое 38, 39.
 перстень, кольцо № 2, 4, 14, 17, 20, 22, 25, 42, 43, 47, 62, 64, 71, 85.
 перчатка 14, 20.
 песокъ 64,—изъ него песчаное море 22.
 Петрокъ 83.
 печь 6, 9, 21, 22, 29, 30, 32, 35, 36, 38, 39, 49, 50, 68, 76, 81, 93, 86.
 пига 44.
 пипка, изъ нея 12 молодцовъ 12.
 пиво сильное и безсильное 13.
 пирогъ самъ моровся, самъ пекся 5,—въдъ-минъ 26, изъ пшеницы за 1 ночь выросъ 21.
 платье примѣривали 7 в, 64.
 платье, якъ на неби звѣзды 60, 64.
 повилены 41.
 Повношникъ 13.
 повозка, якъ на неби звѣзды 60.
 позорная труба 14, 23, 85.
 погребъ 5.
 подземное царство 10, 11, 12, 13, 14.
 покои 2, 4.
 покута 65.
 полтора 8, 16, 22.
 полова 77.
 полтораста 8, 65.
 Попелюшка 36.
 попелъ 5, 7, 10, 12, 14, 15, 22, 36, 60.
 попь 7 в, 44, 65, монахъ 73, 83.
 поросенокъ 7 в.
 постель отцеубійцы въ аду 65.
 Постоялецъ царь 16.
 потеря царевенъ 11,—царицы 12.

потреть 18.
 почка, ею мазаться 19.
 Правда 72, 74.
 привязываніе къ дереву—казнь № 4.
 проволока, дротъ мѣдный 7 в, 8.
 продажа дѣтей 27, 31, 81, 83.
 продевятое царство, продесятая земля 16, 28.
 Прожора 16, 44.
 пролизываніе стѣны 15, 16.
 проскурка 27, 54.
 просомъ разсыпалась 21, 50.
 пруть желѣзный 1, 26, 37.
 птахъ, выносящій съ того свѣта 10, 11, 13.
 птахъ говорущій 61.
 птица съ сѣнную копу 21.
 птицы райскія 62.
 птушка вѣстница 4,—припис. дѣтя 74.
 пужка посвятушка 40.
 пустыня 25, 73.
 пчела 74, 77.
 пшеница яра, бѣла 14, 22, 41,—выросшая за ночь 21.
 пьяница 9, 30, 33.
 пѣвень—голосъ на весь свѣтъ 37.
 пѣтухъ, на немъ землю возили 69.
 пѣтушинный крикъ 2, 93, 84.
 пять № 9, 12, 13, 16, 17, 20.
 пятнадцать—№ 7 в, 9, 10, 12, 13, 16, 86.
 пятьдесятъ № 8, 15.
 пятьсотъ № 16.
 Разбиться о землю 40.
 разбойники 2, 64, 65, 66.
 рай 83.
 ракъ 8, 17, 26, 39.
 ранчикъ, изъ него молодецъ, дающій кушать 84.
 резьяне 23 пр.
 ременекъ, дававшій пищу 54.
 рогъ, труба—изъ нихъ молодецъ 52, 53.
 рожокъ, изъ него войско 23.
 Романъ, вовчихинъ сынъ 17.

роса, возвращающая зрѣніе 73, 74.

росписка у чертей 21, 65.

ростаньки 14.

ростъ по часамъ 1, 2, 8, 13, 14, 15, 17,

28, 38, 39, 40, 59, 63, 65.

ружье 1, 3, 6, 8, 15, 21, 22, 50, 86.

руки приживаютъ 55, 56.

рыба 8, 10, 17, 38, 15, 71.

рыболовецъ 25, 61, 71, 85.

рѣжетъ своихъ дочерей 37, 39, 40.

рѣка 15, 35, 44, 49, 61, 69, 83.

рѣка огненная 8, 15 в., 17, 22, 40, 54.

Савка 17.

садовникъ 3, 19, 23.

садъ 31, 43, 19, 23, 61, 62.

сажаніе на дерево—казнь 5, 7 пр.

самодуды 39.

санаторщики 61.

сватовство 19, 33, 60, 85.

свинья 15 в, 16.

свѣчка 83, 84.

семь, семеро 3, 9, 16, 17, 19, 28, 41, 44, 65, 70.

семинадцать—85.

семьсотъ—72.

Семень, собакъ истребляющій 15.

серебро 10, 11.

среда 9.

сердце, имъ мазаться 19.

сестра, ей руки отсѣкли 55, 56.

синичка 8.

сивчикъ-бурчикъ 19.

склепъ, пещера 3, 5, 8, 10, 12, 14, 42,

61, 76, 85.

скоть 9.

скрипка 17, 42, 43, 63.

скрынка, изъ нея городъ 22, 22 в.

скрыночка стеклян. 12,—Дѣвки Пол. 38,

—Дѣвки Красав. 39,—матчина 64.

слеза будить богатыря 17.

слуга 4, 8.

слупъ, стовпъ замурованный 7 пр. 8, 61, 85.

слупъ съ надписями 11, 12, 17, 43.

слюна говорящая 6, 22, 22 в.

смерть 80.

смерть Кошья 8.

смолякъ 3.

снѣгъ, тающ. вокругъ младенца 27, 28, 81, 83.

соборъ 20, 24, 32, 44.

собаки изъ волика 6, 7.

собака 1, 2, 9, 85, 91, 92.

сожженіе 65.

Сожъ рѣка 44.

соколъ 14, 15 в., 16.

Соколъ негинный 44.

солдаты 11.

Соловей разбойникъ 21.

сонныя капли 28,—яблоки 30.

солнце, мѣсякъ и звѣзды пущены на не-

беса 16.

солнце и луна 27.

сонъ богатырскій 9, 18, 19, 32, 65.

сорока 5.

сорокъ № 28.

сосанье дочерей 10.

сосонка 28, 91.

сподницы 12, 13.

спящую сокиивъ 31.

старъ старичокъ 15, 1, 2, 14, 31, 27,

78, 82, 83.

Софінъ, соб. имя 66 пр.

старушка 14, 15, 17, 28, 26, 43.

Степанъ великій панъ 33.

степь 15, 20, 22, 27, 37, 83, 86.

сто № 8, 15, 17, 85.

сто двадцать—№ 16.

столпы движущіеся 22.

стрѣла желѣзн. каменная 13, 14.

стрѣльба, какъ громъ 25.

страннопріемничество 81.

стуга 21, 30, 39.

студчикъ даетъ пищу 53.

субота 18, 19, 93.

супругъ пережившій ложится живымъ въ

гробъ умершаго 88.

- Сусъ Христось 16.
 судъ 31.
 сынодъ 28, 86.
 сѣверка, къ ней руки прилипи 28, 29,
 30, 35.
 сѣверка, за ночь домъ строить 40, ко-
 рабли строить—86.
 Сѣнно 38.
 Табака 2, 8, 16.
 татаринъ 19.
 той свѣтъ—83.
 торбочка, изъ нея деньги 23.
 точокъ 10, 13, 14, 15, 16, 17, 18.
 трава воскрешающая 7 в, 88.
 Тремъ-сынъ 41.
 тресочка съ кровью 7 в.
 три № 1, 2, 3, 6, 7, 7 в, 8, 9, 10, 12,
 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22,
 23, 25, 27, 28, 30, 39, 43, 44, 61,
 62, 65, 69, 70, 76, 84, 85, 87, 86.
 тринадцать № 8.
 тридцать № 14, 20, 86.
 тридцать одинъ 62.
 тридцать три № 14, 37, 87.
 тридцать шесть 66.
 тридевятое царство, тридесятая земля 14,
 21, 86.
 триста № 11, 16, 24.
 тростка 14, 46 в.
 труна желѣзная 3.
 тынъ зелѣзный 14, 16.
 тысяча 85.
 тѣма трое сутокъ 27.
 Убіеніе брата 45, 46, 46 в.
 убіеніе матери 76.
 убогая 20.
 ударъ копыта дѣлаетъ богатыремъ 19.
 удова 20.
 Удовинъ сынъ 16, 20.
 утадываніе меньш. дочерей 15, 16, 22.
 ужака 10.
 ужъ 36, 88,—кругомъ дворца, хвостъ въ
 зубы 30.
 утварь дом. указываетъ, гдѣ дѣти 5, 6.
 утопленница ожившая 47, 48.
 ухо—верста 10.
 Хатка на курян. ножѣ 3, 17, 92, 95,
 86,—вертящаяся 9,—туда пускаетъ, а
 оттуда нѣтъ 30, 35.
 хвосты конскіе, привязыв. къ нимъ—казнь
 2, 4, 12, 18, 47, 55, 59. 59 в, 60,
 61, 62, 85.
 хмара 11, 13.
 хмель 28.
 холстъ 2, 4, 93, 82.
 Хороборъ 62.
 хорть 3, 14, 16.
 хрещоная вѣра 21.
 хуста 3, 4, 5, 6, 7, 9, 17, 19, 22, 27, 86.
 хуста, якъ у неби солнце 64.
 Царь Побѣдай дѣдъ Сивовой 15.
 церква восковая 74, 77.
 церква—сами звонъ звонятся 22 в.
 церква надъ крыницей 84.
 цыганъ 43.
 Чаволай 9.
 чай 18.
 чашка 4, 8.
 черевикъ 10, 12, 13, 33, 60, 64.
 черепаха старая 21.
 черепашиный 2.
 Черниговъ 12.
 черный домъ 20.
 чертъ 4, 7 в, 8, 20, 21, 24, 25, 29, 40,
 5, 64, 69, 73, 75, 93, 94, 84, 86.
 чертовы христинъ 40.
 чертова мать 70.
 четыре—3, 6, 9, 15, 16, 19, 20, 28, 66.
 Чигринка 13.
 чистить свѣтъ 44.
 чиханье—близость смерти 80.
 чугуны башмаки 7 в.
 Чудо Юда 16.
 Шабли 2, 4, 12, 44.

шавецъ 10, 12, 29, 33.
шапка-невидимка 18 в, 24, 25.
шапкой, сапогомъ крышу сбиль 15, пер-
чаткой 16.
шапкой Прожора убилъ 44.
швачка солдатъ шила 14.
шерсть золотая и серебр. 20, 27, 37, 39,
40, 42, 48, 59 в.
шесть № 4, 3, 7, 9, 10, 14, 15, 16, 28,
32, 39, 41, 43, 65, 66.
шестнадцать—№ 16.
шестьдесятъ—№ 23.
шестьсотъ—№ 11.
шибельница—№ 11, 18.
Шиварь молодець 39.
ширинка, мостъ дѣлавшая 40.
школа 18.
шкура родимая 23, 24.
шкура приросшая 78, 79.
шовкъ 2, 4, 7 в, 9, 20, 7.
шуба зеленая 18.
шѣрая свита 24.
Щастье 53.
щенокъ 26.
щетка 4, 6, 7, 22.

щить 14.
щука чрезъ рѣку 27, щупакъ 85.
Ѣзда на львѣ 28, 30,—на волкѣ 42,—
на козлахъ 24.
ѣсть нематымъ 21.
Юда беззаконный чертъ 5.
Юда прозвуститель 6.
Юда (Чудо) 16.
Юда разбойникъ 65.
Яблоки золот. и серебр. 7 в, 32, 37, 42.
яблоки, ягоды—отъ нихъ рога 23, 24,—
козломъ 25.
яблоки, какъ громъ 65.
яблоня 65, 95, съ золот. ябл. 15, 16,
25, 55, 21, 24, 59, 59 в.
ягоръ—46.
языкъ змѣя 2, 16, 43.
яйцо 8,—золот. сер. мѣдн. 11, 10, или
трубочка 13.
яица утки, изъ нихъ дѣти 39.
яма подъ камнемъ 18,—въ горѣ 1.
Ярыжка Проварна 30.
ястребъ 15.
ящерка. 86.

СКАЗКИ БЫТОВЫЯ,

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ И САТИРИЧЕСКІЯ.

1. Мѣна.

Якъ живѣ сабѣ дзѣдъ изъ бабой. Постѣяли яны бобѣ подѣ поломѣ. Тѣй бобѣ якъ рѣспи, дыкѣ рѣспи—выросѣ подѣ самый полѣ. Яны узали, полѣ раскинули. Тѣй бобѣ якъ рѣспи, дыкѣ рѣспи—выросѣ подѣ самую столѣ. Яны узали, столѣ раскинули. Тѣй бобѣ якъ рѣспи, дыкѣ рѣспи—выросѣ подѣ самое небо. Поглядзѣвъ дзѣдъ на бабу и кажець: «полѣзу по стручѣчу на небо!» И полѣзѣ. Лѣзѣ, лѣзѣ, и узлѣзѣ на самое небо. Тамѣ яму богѣ подаривѣ золотую цяцерку. Узавѣ дзѣдъ цяцерку и пошовѣ домовѣ. Видзиць—пасцюць конюхи коній. «Дзенѣ добрый, дзѣдзѣка! идзѣ ты бывѣ?»—На неби ў пана бога!—«Што табѣ панѣ богѣ давѣ?»—Золотую цяцерку!—«Помѣ-пийся зѣ нами на коника!» Дзѣдъ помѣнявся, узѣзѣ на коня и ѣдзець домовѣ. Видзиць—пасцюць пастухи воловъ. «Дзенѣ добрый, дзѣдзѣка! идзѣ ты бывѣ?»—На неби у пана бога.—«Што табѣ панѣ богѣ давѣ?»—Золотую цяцерку!—«А идзѣ жѣ яна?»—Помѣнявъ на коника!—«Помѣняй зѣ нами коника на волика!» Дзѣдъ помѣнявся, узавѣ вола и пошовѣ. Видзиць, пасцюць барановѣ. «Дзенѣ добрый, дзѣдзѣка! идзѣ ты бывѣ?»—На неби у пана бога!—«Што табѣ панѣ богѣ давѣ?»—Золотую цяцерку!—«А идзѣ жѣ яна?»—Промѣнявъ на коника!—«А коникѣ идзѣ?»—Промѣнявъ на волика!—«Промѣняй намѣ волика на баранѣ!» Дзѣдъ помѣнявся, узавѣ баранѣ и пошовѣ. Идзѣць, видзиць, пасцюць индыковѣ. «Дзенѣ добрый, дзѣдзѣка! идзѣ ты бывѣ?»—На неби ў пана бога!—«Што табѣ панѣ богѣ давѣ?»—Золотую цяцерку!—«А идзѣ жѣ яна?»—Промѣнявъ на коника!—«А коникѣ идзѣ?»—Промѣнявъ на волика!—«А воликѣ дзѣ?»—Промѣнявъ на баранѣ!—«Промѣняй намѣ баранѣ на индыка!» Дзѣдъ промѣнявъ баранѣ на индыка и пошовѣ. Идзѣць, идзѣць, видзиць—дзѣци гуляюць на вулицы, ѣздзюць на кочарѣжкахѣ. «Дзенѣ добрый, дзѣдзѣка, идзѣ ты бывѣ?»—На неби ў пана бога.—«Што табѣ тамѣ богѣ давѣ?»—Золотую цяцерку!—«А идзѣ жѣ яна?»—Промѣнявъ на коника!—«А коникѣ идзѣ?»—Промѣнявъ на волика.—«А воликѣ дзѣ?»—Промѣнявъ на баранѣ!—«А баранѣ идзѣ?»—Промѣнявъ на индыка!—«Промѣняй намѣ индыка на кочарѣжку!» Дзѣдъ промѣнявъ, узѣзѣ на кочарѣжку и прѣхавѣ на кочарѣжцы домовѣ. Баба ў яго пытаецца: «ци жѣ бывѣ ты на неби у пана бога?»—Бывѣ!—«Што табѣ панѣ богѣ давѣ?»—Золотую цяцерку!—«А идзѣ жѣ яна?»—Промѣнявъ на коника!—«А коникѣ дзѣ?»—Промѣнявъ на волика!—«А воликѣ дзѣ?»—Промѣнявъ на баранѣ!—«А баранѣ идзѣ?»—Промѣнявъ на индыка!—«А индыкѣ дзѣ?»—Промѣнявъ на кочарѣжку!..

Усердзилась баба на дзѣда, давай яго кочарѣжкой биць. Забила до смерци и похувала подѣ загнетомѣ.

С. Пустынки, стнн. у. Запис. г-жей Козловской. Ср. Афан. II, 201; V, 52; VI, 92.

2. Бубокъ.

Бувъ сабѣ дѣдка и бабка, була у ихъ курка рабка. Пубѣгла яна на сметьничакъ, знашла бубочакъ. Принесла бубокъ до дому, гукаа бабку: «бабка, бабка, отчини! Отчини—нясу бубокъ!» Принесла бубокъ и пусадилла ў макотѣрь. Рости бубокъ, рости—къ росъ бубокъ, къ росъ—дакъ пудъ самую столь. Вырусъ бубокъ пудъ самую столь, дакъ бабка зъ дѣдкумъ и радятца: «Шо будомъ, кажа, дѣдка, дѣлать?»—«Шо будомъ, кажа, бабка, дѣлать?»—«Нехай, кажа, бубокъ рустѣ, а мы возымимо, да у столи дирку прорѣжмо!» Дѣдка узавъ ла у столи дирку прорѣзавъ. Той бубокъ къ рости да рости,—пудъ самую крышу! Дѣдка зъ бабкуй радятца: «шо будомъ, каа, дѣлать: ти намъ бубокъ злумать, ти намъ крышу бурить?»—«Нѣ, кажа бабка: возымимо да хату раскрыймо, а няхай бубокъ рустѣ. Къ росъ той бубокъ да росъ—пудъ самое небо. Дѣдка зъ бабкуй радятца: «якъ бы намъ дустать бубокъ?» А чорный котъ уткуль узався, бубокъ злумавъ, и дѣда зъ бабую спужавъ. Дѣдъ изъ бабуй радятца: «утъ табѣ! И хату раскрыли, и бубка няма! А шо будомъ дѣлать?.. А ето курка виновата!» А баба кажа: дакъ мы пругонимо курку! Усердилась баба да курку пругнала.

Курка пубѣгла на сметьничакъ, да й кудакча. А тамъ було бугато пѣвнявъ. Пѣвни пытаютца: «чаго, курка, кудакчашъ?»—«А вы ня вѣдаета мугд гора: найшла я на сметьничку бубочакъ, принесла къ бабцы и пусадилла ў макотѣрь. Вырусъ бубокъ пудъ самое небо. Уткуль узався чорный котъ и злумавъ той бубокъ. Бабка изъ дѣдкумъ усердилися, да й мяне пругнали. Дакъ я во худжѣ да й кудакчу!»—«Ну, ты, курка-рабка, икъ намъ пристань,—ты будяшъ наша худайка!»..

М. Жлобинъ, рогащевск. у.

3. Коноплянка.

Жили были дѣдъ да бабка. Была у ихъ курка рабка; панясла яецъ повянъ коробецъ и вывала куранятокъ. Въе баба курицу, што яна ня дае имъ цыцкй, ня кормя ихъ грудью. Дѣдъ глядѣвъ, глядѣвъ и говора: «дурная ты, баба! за што яе бѣешъ?»—«А што жъ яна ня дае имъ цыцкй? Дѣдъ кажа: «хйба жъ у яе е цыцка? Ты насыпъ имъ конопель, да поставъ воды, яны й будути ёсти!» Баба такъ и здѣлала. Отъ, куранятки пьютъ и ядятъ. И ўпала одна коноплянка подъ мость. Икъ рѣсти да рѣсти тая коноплянка—выросла подъ самый мость. Отъ яны мостницу подняли. Тая коноплянка икъ рѣсти да рѣсти—выросла подъ столь. Отъ яны стольницу подняли. Икъ рѣсти да рѣсти тая коноплянка—выросла подъ крышу. Яны й крышу раскрыли. Коноплянка тая къ рѣсти да рѣсти—выросла подъ небу. Отъ, дѣдъ узлѣзъ по коноплянки на небу и кричати: лѣзъ и ты, баба, суды! И баба узлѣзла на небу. И пошли яны по небу. Ишли, ишли—пришли къ сырной хатцы на куриной ножцы. Увышли яны ў хатку, у той хатцы попранишныя лавки й полицы, а ходяина няма. Отломили яны попраниковъ зъ лавки, наколупали сыру съ стѣнъ, залѣзли подъ печь, сядать да й ядятъ. Ажъ прибегаяти козы, и кажать: хто, хто у нашай хатцы ёсть? Коли старый—погоня козъ пасти, коли малый—будя дома сядѣти да хатки глядѣти.

Отъ яны и вылязли съ подпечьча. Дѣдъ погнавъ козъ пасти, а баба дома сидѣть. И теперь тамъ живутъ, сырѣ да поправки ядятъ.

С. Переростъ, юм. у.

Въ одномъ вар., записанномъ въ томъ же уѣздѣ, сказка оканчивается такъ:

«Отъ погнавъ дѣдъ козъ, а баба осталась у хатцы прибирать, ажъ прилятая зымяя. Пригнавъ дѣдъ съ поля, зымяя и отобрала вочи у дѣда и у бабы. Погнавъ дѣдъ зновъ козъ пасти и узявъ съ собой скрипку. Сѣвъ и играя. Прилятая зымяя: дѣдъ, пойграй, а я поскачу! Отъ ентъ расколовъ дуба и кажа: становись суды у расколину, тогда пойграю! Яна стала, дѣдъ вынулъ клинъ, колода и стиснула зымяя ноги. Узявъ тогда дѣдъ свой кнутъ, икъ ставъ яе бить: «отдай дѣдовы да бабины вочи! отдай дѣдовы да бабины вочи!» И убивъ яе. Икъ только убивъ, дыкъ и ставъ бачить. Приходя у хатку, и баба бача.»

Ср. Драгом. 366.

4. Бобинка.

Живъ дѣдъ зъ бабай. У дѣда бывъ пятухъ, а у бабы была курычка. Пятухъ выкыпавъ на шуметьнику дѣду бобинку, а курица выкыпала баби на шуметьнику горошинку. Принёсъ пятухъ свою бобинку ды отдавъ своему дѣду, а курычка принясла свою горошинку ды отдала своей баби. Дѣдъ кажець: што мнѣ дѣлать зъ гэтый бобинкый? Возмутку ды посаджу яе. А йдѣ жъ мнѣ яе пысадзиць? Посаджутку я яе подъ полымъ (досчатая настилка въ избѣ, замѣняющая кровати). Узявъ дѣдъ свою бобинку ды посадзивъ яе подъ полымъ. Ну, ладно, пысадзивъ ентъ яе. Тая бобинка росци, росци—вырысла подъ полъ. Што тутъ дѣлыць? Узявъ дѣдъ полъ рызобравъ. Росци, росци тая бобинка—вырысла пыдъ полаци. Дѣдъ узявъ—на полаци, и полаци раскидывъ. Росци, росци тая бобинка—вырысла подъ столь. Што тутъ дѣлыць: треба столь разбираць. Дѣдъ узявъ полѣзъ ны горѣ, рызобравъ столь. Росци, росци тая бобина—выросла пыдъ страху. Дѣдъ узявъ и страху рызобравъ. Росци, росци тоды бобинка—вырысла подъ самое небо. Дѣдъ зъ бабай пилнуюць, кабъ хто ня здѣлывъ абы-чаго ихный бобинцы. Тоды тая бобинка зацвицѣла и поспѣла. Якъ только поспѣла бобинка, дѣдъ кажець: треба лѣзци щипаць бобѣ! А баба кажець: «и я полѣзу съ тобой!»—Нѣ, баба: кыли мы ўдохъ полѣземъ на бобинку, дыкъ яна зломитца. Ты луччи лѣзь у торбу, а я возьму торбу ў зубы, и буду лѣзци и цабе ў торби несци. Только глядзи, кабъ ты ничего не казала, якъ я буду лѣзци!—«Вѣ, што я—дурная?»... Ну, ладно. Улѣзла баба у торбу, дѣдъ торбу завязавъ да ў зубы. И полѣзъ на бобину бобѣ щипаць. Лѣзь, лѣзь—большу пыловину уже ўлѣзъ, баба мовчиць. Полѣзъ ентъ дали, а яна ня ўперпила, кричиць: дѣдъ, ци скоро мы узлѣземъ? Дѣдъ мовчиць. Баба узнова кричиць: «ци скоро?» А дѣдъ усѣ мовчиць. Тоды баба за третьимъ ўжо разымъ якъ крикнець: «што ты, ня чуешъ? ци скоро мы узлѣземъ?» Дѣдъ кажець: скоро! Ды, вядомо, ротъ разинывъ, а торба зъ бабай вырыслася зъ зубовъ и поляцѣла на землю!.. Дѣдъ думыць самъ сабѣ: «ну, што жъ дѣлыць—ничого не починишь, треба уже лѣзци

на небо торбы йскаць, бы на небо ближэй злазиць, якъ на землю!» Ну, ладно. Полѣзъ дзѣдъ на небо торбы йскаць. Лѣзъ, лѣзъ, узлѣзъ на небо. Ходзивъ, ходзивъ тамъ на неби, видзиць—стоиць хатка. Пришовъ енъ къ тэй хатцы, ажны яна быранычкымъ замкнута, цукерычкый запхнута. Дзѣдъ узавъ першъ быранычекъ зѣввъ, а тоды узавъ, цукерычку зѣввъ. Якъ зѣввъ дзѣдъ быранычекъ и цукерычку, хатка й отомкнулася. Увийшовъ дзѣдъ у хатку, ажны ў тэй хатцы печь збита съ перापечь, блинами накрыта. Пошовъ енъ къ печи, ажны ў ей усякая ядъ стоиць, усякая страва. Енъ усё тое поѣввъ, поѣввъ, ды самъ пыдъ корыто и схуався. Ляжиць енъ цыхынько пыдъ корытымъ, ажны приѣгаюць козы у хату. Убачили, што ихъ стравы потронуты, хвосты пызадрали, ды якъ зыблякечуць! Пынаповнили яны ўзнава всё ды й пошли, покинули тольки одновокую козу пилнуваць у хаці. Дзѣдъ и почавъ пѣць съ пыдъ корыта: «спи вочко, спи вочко!» Кыза и заснула. Енъ тоды скоренько устави, усё тое поѣввъ, попивъ, ды узнова пыдъ корыто схуався. Прибѣгаюць козы, хвосты пызадрали, ды якъ заблякечуць, што нѣхто ўзнава ў хаці попивъ, поѣввъ. Били, били тую козу, и покинули пилнуваць хаты ужо зъ двомя воками. А сами побѣгли. Якъ тольки яны побѣгли, дзѣдъ узнова съ пыдъ корыта ставъ пѣць: «спи вочко, спи другое! спи вочко, спи другое!» Кыза и заснула. Тоды дзѣдъ скоренько вылѣзъ съ пыдъ корыта, напився, наѣвся, ды ўзнавъ пыдъ корыто схуався. Приѣгаюць козы, хвосты пызадрали, якъ зыблякечуць, што ўсё попотронуту! Дывай биць тую козу рогами, што ня ўпилнувала! Тоды яны усё пынаповнили и сами пошли, а пилнуваць у хаці покинули съ тромя воками козу. Дзѣдъ узнова съ пыдъ корыта запѣввъ: спи вочко, спи другое! А на третьее не казавъ, думавъ, што у яе тольки два воки. Кыза тая на два воки задрамала, а третьее глядзиць. А дзѣдъ скоренько съ пыдъ корыта, ды ўсё тое, што яны пынаповнили, поѣввъ, попивъ, и ўзнавъ схуався. Тольки жъ енъ схуався, ажны приѣгаюць козы. Хвосты пызадрали, якъ зыблякечуць, што ўсё попотронуту! Приѣгли къ тэй козѣ, што покинули пилнуваць у хаці, и хоѣли яе биць, а яна й пыкызала имъ пыдъ корыто. Яны корыто подняли, ажны тамъ ляжиць дзѣдъ. Яны яго узали ды давай рогами биць; били, били, ды ўзали на роги ды й скинули зъ неба...

Д. Тухинка, ульянов. вол. спнн. у.

5. Хомкева жонка.

Бывъ сабѣ Хомка, и была ў яго жонка,—гультайка была. Разъ пошла яна жито жать. Пожала, пожала, спонъ ти два нажала, да й лягла спать. Мужикъ ждавъ, ждавъ обѣдать; ды узавъ и пошовъ къ ей на поля. Приходя икъ ей, бача—яна спить. Отъ енъ узавъ, одѣжу зъ яе знявъ, а яе дѣхтямъ вымазавъ, перьямъ опсыпавъ, узавъ одѣжу и пошовъ домовъ.

Пришовъ домовъ, надѣввъ андаракъ, завязавъ хустку, да йзатопи въ печку, и блины паче. А жонка прошнудалась къ вечару, и сама съ сябе дивитца: ти я Хомкова жонка, ти не я? Пошла яна у сяло, иде дорогой и гукая: «гу-гу-гу! ня такъ ишла, якъ иду!» Пришла къ своей хати, подыйшла подъ окно и пытая: «Хомка, Хомка,

ти дома твоя жонка?» А ень кажа: «дома, блины пяче!» Тоды яна и кажа: «вѣрно я ня Хомкова жонка!» И почала хаты считать: ето Сямёнъ, а ето Халимонъ, а ето мой дворъ! Подходя зновъ подъ вокошко и пытаецца: «Хомка, Хомка! ти дома твоя жонка?»—Дома; вонъ яна блины пяче! Ну, яна и кажа: «вѣрно я ня Хомкова жонка!» Пошла зновъ по сялу. Иде и кричить: «гу-гу-гу! ня такъ ишла, якъ иду!» Ажъ идуть на сустрѣчу ёй два злодѣя, нясутъ скрыню грѣшай. Якъ убачили яны яе, якъ спужаютца,—кинули й скрыню зъ грошамы, да сами бѣгчи! А мужикъ усё ето бача. Выбѣгъ ень съ хаты, ухавивъ скрыню, да й кажа: «годи уже бродяжничать! Ходи уже домовъ!» Отъ яна тогды тольки увознала, што яна Хомкова жонка.

Годи съ тыхъ поръ спатъ у поли!...

Рогач. у. Ср. Аф VI, 18. Садовн. 152.

6. Царехъ.

Живъ ба сабѣ такъ Царехъ зъ жаную. И соснилися яму гроши у копца на горки, близко ли дороги. Пошовъ ень шукаць. Ощупавъ штыхомъ, ощупавъ, яны не подались. Ень дождавъ другого году. Пошовъ ень шукаць на тое мѣсто самое, и ощупавъ, ну грѣшай не доставъ. Снатца яму на третій годъ гроши. Ень приходзя на тое мѣсто, троху копанувъ, и тольки бѣ узяць—а тутъ ёдучъ на тройки коней два паны исъ кучаромъ и гукають Цареха на дорогу. И знають, што Царехъ. «Ходзи-тка, ходзи, покажи, чаловѣка, ты чаловѣка сколовъ. Чимъ ты отвѣицшъ за три годы? Ты три годы яго коловъ. Чимъ ты за яго отвѣицшъ?» Гукають кучара: «розокъ!» Узяли яго, положили, придержали, якъ дадучъ яму розокъ исъ повсѣтнѣ!—«Цяперъ, Царехъ, уставай! Бяри гроши, да съ умомъ!» Поворочавъ, поворочавъ Царехъ скрыню зъ грошмы, и не подѣлявъ одзинъ. Тоды ень пошовъ домовъ, узявъ жачокъ и поставивъ у рѣчку; пошовъ на 'хвоту, забивъ зайца. А ў жачокъ поймалась щучка. Тоды ень вынвивъ щучку, навевъ силцо, и усадзивъ щучку ў силцо, а зайца усадзивъ у жакъ. Приходзя домовъ. «Ходземъ, молодзица: давъ Богъ намъ гроши!» И пошли. Идучи й говора: «постой-тка, поляджу: я ставлявъ жачокъ!» И выймае изъ жака зайца. Дзивитца жонка: «а-ай! якъ ень суды улѣзъ?» Пошли дали; приходзюць у лѣсъ. «Постой, молодзица: я тутъ нѣйдзи сило ставлявъ на бору!» Пришли къ силу, и выймае изъ силца щучку. Тожъ яна, молодзица, дзивитца. Послѣ идучъ, а древо устромилося на древо, и скрыпичъ яно: киги! киги! Жонка пытаецца у Цареха: што ето? Ень кажа: «мовчи! ето пана нашего черци давюць!» Приходзяць яны къ грошамъ. Узяли яны и понясли домовъ. Жили бѣ яны годъ, ли два, и ставъ Царехъ пьянствуваць крѣпко. Пошла жонка къ пану на жалобу: «вотъ, паночакъ мой! Царехъ нашовъ гроши!» Сячасъ послали за Царехомъ. Приходзиць Царехъ къ пану. Спрашая панъ: «што, Царехъ, гроши нашовъ?» Ень отказуе: нѣ!—«Врешашъ, нашовъ!» Выгукая жонку на воко. Яна й говора: што жъ ты тоишь? Мы жъ ишли съ тобой по гроши, якъ вынявъ ты зайца изъ жака и щучку изъ силца! Да на што жъ табѣ, панъ, луччи: ето тоды було, якъ пѣбе черци давили! Панъ жонку по щѣ, да й вонъ за порогъ выгнавъ. А Цареху ще ружку горѣлки давъ, и идзи зъ Богомъ!..

С. Городище. Кр. Николай Ермолаевъ, 66 лѣтъ.

7. Противная жонка.

У насъ часто гуворуть объ противныхъ жонкахъ. Дакъ вотъ у одного мужика була противнаа жонка. Вонъ выяжжаа на поля и гувора: «ты жъ, жонка, гляди, сягодняи хорощій обѣдъ моо навариишь?»—Навару, гувора.—«Ты ще, пожалуй, и поросѣнка, гувора, убьѣшь?»—Убью, гувора.—«Ще, моо, здуру и яешню жжариишь?»—Жжару, сукинъ сынъ!—«Ты ще, пожалуй, вѣзьмешъ услонъ и столъ съ собой?»—Сукинъ сынъ, вѣзьму!...

Удругъ, смотра мужикъ у поли, иде жонка, нясе столъ и услонъ и обѣдъ. Мужикъ кинувъ суху, пудбѣгаа пусобить, а яна гувора: «ня треба, я сама занясу, куды нясу!» Сѣли за столъ и давай кушать. Путѡмъ мужикъ гувора: «жонка, кажа: тамъ кулодаяжъ кулу дуруги,—кули бъ ты ня ўпала!»—А, сукинъ сынъ, упаду! Ъда мужикъ съ поля, бача—стуить столъ, услонъ и посудъ, на чомъ обѣдали, а жонки нѣту. Ну мужикъ надѣжи ня маа, думаа: такъ сабѣ яна пуставила, кабъ евъ пушжався. Забравъ ѣнъ усѣ, пріяжжаа думовъ,—няма жонки. Перанучувавъ почъ—няма жонки. Живе день, живе другій—няма. Думаа мужикъ: шо тутъ дѣлать? няўжли жъ тыки яна упала у кулодаяжъ? Надумався мужикъ такъ: якъ яна була такаа противна, пожалуй, яна ще й тамъ живаа. Схуджу-тка я туды пугукаю! Приходя туды къ кулодаяжу и гукаа: ти ты, гувора, тутъ?—Тутъ. Пожалуста, гувора, вытягни мяне! Ёнъ пушовъ думовъ, узявъ вожжи, упустивъ у кулодаяжъ, и ставъ тягнуть. Тѣгъ, тѣгъ—вытягую зъ рогами чорта. Ёнъ—«братъ! гувора: ня пугайся, гувора. Спасибо табѣ, шо ты вытягъ мяне!»—Да я, гувора, думавъ, шо йто жонка муя!—«А братъ ты мой, гувора: якъ ето ты изъ ею живъ. Я едва яе сосилавъ утопить! Чуть—чуть яе утопивъ,—яна усяго мяне сочипала. Я тое, яна тое,—усѣ сиоруя; едва-едва могъ посиловать, да утопивъ. Ня журись, гувора. Блугодаримъ, шо вытягъ! Досюда ты живъ бѣдно, а тяперъ будешъ бугатымъ чаловѣкомъ. Я, кажа, у бугатаго купца увойду ў домъ, и буду выгонять яго зъ дому. Ты обьявись,—шо я вотъ, знатца, знахаръ—мугу выгнать чорта. Ёнъ буда давать табѣ грошай, дакъ ты ня ўважай, а бари якъ можно больше!»—Ну, добро! Мужикъ пушовъ думовъ, а чортъ сабѣ.

Пройшло мало уремъя, выживаа чортъ купца зъ дому. А мужикъ уже прислухаетца. Пріяжжаа ў горудъ, почувъ, шо случилось съ купцомъ, шо ня дае яму збыту. Мужикъ пудходя къ етому купцу и гувора: «шо, гувора, у васъ няспукойно ў доми, господинъ купецъ?»—Да, братъ, няспукойно: такое гѡра, шо мѣ табѣ няльзя разсказувать дажа.—«Э, гувора, пустое! Кули бъ я захотѣвъ, сичасъ и выгуню, ничего ня будя!»—А ты можашъ, братъ?—«Мугу!»—Дакъ постарайся, братъ, потрудяся ли мяне, выгонъ!—«А шо ты за ето даси мѣ, шо я табѣ выгоню?»—А шо ты хочашъ?—«Триста рублей, шо жъ я хѡчу. Даси, дакъ выгоню!»—Дакъ выгоняй, братъ!—«Дакъ давай жа гроши!» Купецъ думаа такъ: правда, неправда, нехай пропало триста рублей, а то жъ и домъ и ймушество пропадаа! Давъ яму триста рублей.—«Ну, ходѣмъ, гувора на купца, у твой домъ, я сичасъ выгоню и ночувать будашъ спукойно!» Ёнъ сичасъ увийшовъ у домъ, по ўсихъ куткахъ пуходивъ, постукавъ, полянавъ, да й пушовъ сабѣ. Купецъ зарогутавъ: во якъ, кажа, надувъ мяне мужикъ: во якъ

выгоняять!—«А отъ, таперъ смѣло будашъ спать, я уже яго выгнавъ!» Мужикъ только вышовъ за вуроты отъ купца, страчаетца съ чортомъ—зъ рогами, съ пѣвнявыми ногами, съ хвостомъ, обросши. «Шо жъ ты, насмѣшку мнѣ здѣлавъ, ти шо? Я хотѣвъ тебе чаловѣкомъ здѣлать, а ты узавъ триста рублей. Хиба ето гроши? Ну, пугоди жъ, кажа: тебе таперъ скоро узнаять, што ты умѣяшъ выгонять, а я залѣзу у царскій домъ: ты мяне уттуль ня выгонишь, и самъ погинешъ, якъ пугалисья на гроши. Було такъ ня дѣлать!»

Ну, мужикъ отъ вуротъ пушовъ думовъ, служався, а чортъ сабѣ пушовъ. Прошло мало уремья, ставъ чортъ у царскимъ дворцы распураджатца пусвоюму,—бушуя, спать ня дае пу ночамъ. Скоро узнали пру етаго мужука, шо енъ умѣя чартей выгонять. Царъ сичасъ пославъ аквитанта пу туго мужука, приставить яго. Чугунокъ тоды ня було, ѣздили на поштовыхъ. Узяли яго на поштовый и пувязли къ цару у двурѣцъ. Мужикъ, ня дояжжаа дватцать пять вѣрстъ ду двурца, прося тугò аквитанта: «ты, кажа, мяне ду двурца ня дувожъ вярстовъ на пять,—мнѣ треба пѣшкомъ ити, а то я яго ня выгоню!» Приѣхали на пять вярстовъ, остановились. «Ну, вы можата сабѣ таперъ ѣхать, а я буду у двурѣцъ! Кули буду, да буду,—ти рано, ти позно, да буду. Мнѣ треба пѣшкомъ ити!» Той поѣхавъ, а мужикъ начинаа ити шибко, а путомъ начинаа бѣгтъ. Бѣгъ, бѣгъ,—уморивсь, скидаа съ сябе верхнюю удежу, и опячь бягить. Бѣгъ, бѣгъ—скидаа шапку, а потумъ скидаа съ сябе обуй, а потумъ, пробѣгши, скидаа рубашку, а потумъ и штаны, близко ли царскаго двурца. Чортъ убачивъ яго, выбягъ га крылцо, и кричить: «чаго ты такъ крѣпко сюды бяжишь? Ето по смерть ты бяжишь, стараешься такъ крѣпко!» А мужикъ, уморившись, ня проговора: эй, погоди, братъ ты мой: ты ня знаяшъ случаю!—«Шо тамъ тукòе?»—Вылезла жонка и шукаа—дѣ чортъ. Дакъ ето я бѣгъ, кабъ дать табѣ звѣсть, кабъ ты куды небудь утякавъ, бò недалёко за мной яна, сичасъ прибязить!—«Якъ, недалёко уже?»—А вò сичасъ будя. Бачъ, я едва выперадивъ яе, поспѣшавъ; удежу усю, бачъ, поскидавъ!—«Ну, бари сабѣ гроши, бари сабѣ ўсё,—я утяку! Не кажи только, што ты бачивъ мяне!» Засвиставъ и полатѣвъ...

М. Жлобинъ, рогач. у. Кр. Степанъ Васильевъ Корыбскій, 50 лѣтъ, неграмотный.

8. Жонка выдумщица.

Послала жонка мужука на базаръ продаваць бараньку и кажець: купи на базари и соли и моли, и зъ людзьми пысадзи и новину привязи, и баранька кабъ цѣль бывъ! Поѣхувъ тэй мужикъ на базаръ и думаетъ: якъ тутъ быць? Приѣхувъ на мѣсто; подходиць къ яму нѣйкій стараць и купляецъ барана: «што хочешъ за барана?»—Ды я продавъ бы якъ людзи, али жонка казала купиць и соли и моли, и зъ людзьми пысадзѣць и новину привезць, и баранька кабъ цѣль бывъ!—«А, я табѣ нараю: возьми бараньку обстрижи, вовну продай и купи, што яна казала, а можа и зъ людзьми пысадзисья!» Послухавъ енъ яго, обстригъ бараньку, продавъ вовну и усё купивъ! И ящо остались одна копѣйка. Пришовъ енъ у каршму, ашъ тамъ людзи складаютца на гарнецъ горѣлки, и одны копѣйки не стаецъ. Енъ кажець: у мяне ёсь копѣйка!

Ну, купили яны горѣлки и напилися ўси. Приходзиць енѣ къ возу, запрогѣ коня, и хочѣвъ ѣхаць. Ашѣ подходзиць тѣй самыи стараць и пытаецца: «Ци здѣлавѣ ты такѣ?»—А дзякуй табѣ, дзядулька: усѣ купивѣ и зѣ людзьми посядзѣвъ, вотѣ толь-ки нема новины!—«Ну дѣбро, я скажу новину! Якѣ прїѣдзешѣ домовѣ, дыкѣ скажи ты жонцы, што вышла такая новина: которая баба заложилѣ ноги за вуши, будзешѣ ей дужо большое жалованье нѣи. Отѣ жа глядзи: якѣ тольки яна заложилѣ, ты вярвеку пятлѣй и накинѣ и на руки и на ноги, ды бизуномѣ!..» Подзякувавѣ мужикѣ и поѣхувѣ домовѣ. Выскакуецѣ жонка: «а, кажець, догадавѣся! А ци привѣзѣ жа ты: мнѣ новину?»—Привѣзѣ! Дай ѣспи, тоды скажу! Дала яна яму ѣсьци, и ўсѣ просиць, кабѣ новину сказавѣ. Енѣ подѣвъ и кажець: «и во йкая новина: которая баба заложилѣ ноги за вуши, будзешѣ большое жалованье нѣи!»—Ай, дыкѣ и я гѣто здѣ-лаю!.. Пспробувала разѣ, другій—и заложила. Енѣ скоренько пятлю и накинувѣ, и на ноги и на шію. Ды узавѣ бизунѣ, ды якѣ ставѣ скоблиць.... Отскобливѣ такѣ, што яна заказалася боли выдумываць!..

Д. Дубовцы, рясн. вол. стннен. у. Мѣщ. Пашкевичѣ.

9. Жонна и разбойникѣ.

Якѣ было ў водного бацьки три сыны. Бацька й матка умѣрли, осталися дзѣци одны. Жили яны дужо богато. Тоды два браты ожанилися, а третій, меньшій, бывѣ холостый. Большой брат узавѣ дужо пригожую жонку. Разѣ большій брат кажець «пойдземѣ мы, братцы, у лыки ночѣчи, бо якѣ днемѣ, дыкѣ обдзираюць, а намѣ гѣто будзешѣ дужо стыдно, дыкѣ мы лучѣчи пойдземѣ ночѣчи!» Давѣ Богѣ смерканье, и пошли яны. Пришли къ лѣсу,—яцо видновато. Дыкѣ яны сѣли у сосоньничку, кыло лѣсу недалѣко. Сидзяць яны, сидзяць, ашѣ идуць ли ихѣ три разбойники, и пытают-ца одзинѣ у водного: куды, братцы, пойдземѣ?—А пойдземѣ мы къ тому, у кого дужо жонка пригожая! Гѣтый большій брат, што сидзѣвъ у сосоньничку, якѣ почувѣ, и кажець братамѣ: пойдземѣ мы, братцы, у дворѣ! А тые браты камуць: няўжо у цябе пригожѣй усихѣ жонка?—Нѣ, братцы, пойдземѣ, пропадзи яны и лыки тые! Ще обкрадуць! И пошли ўси у дворѣ. Приходзюць икъ двору, ашѣ у ихѣ видно. Поли-дзяць у вокно, ашѣ два разбойники сидзяць сѣ сяредняго брата жонкой и пируюць, а старшаго разбойника сѣ старшаго брата жонкой нема. Тые разбойники почувѣ, што нѣхто подѣ вонномѣ ѣсь, ды наўдѣки, а сяредній брат и меньшій за ими,—побѣгли ихѣ дыгоняць. А большій брат ставѣ спрашываць у сяредняго брата жонки: дѣѣ моя жонка? А йна кажець: пошла ў клѣць зѣ разбойникомѣ! Енѣ тоды побѣгѣ у клѣць; приходзиць, ашѣ двери запѣрты. Ставѣ енѣ кричаць, камѣ яму отпѣрли,—яны ня тѣпи-раюць. Енѣ тоды узавѣ топорѣ и ставѣ топоромѣ двери ломаць. Разломавѣ двери, улѣзѣ у клѣць, и почали яны зѣ разбойникомѣ битца. Билися, билися, мужикѣ кажа жонцы: поможи мнѣ! А яна кажець: што мнѣ табѣ пымагаць? Кыли енѣ цябе здолѣецѣ, я яго жонка буду, а кыли ты яго—твоя буду! Билися яны, билися,—пуваливѣ разбой-никѣ мужука и ставѣ циснуць яго колѣнками. Мужикѣ кажець на жонку: дай мнѣ косу, я яго колону! Жонка знала косу ды й подаецѣ разбойнику. Тоды мужикѣ бачиць,

што конецъ яму будзець, ставъ зваць свойго злого собаку. Собака тэй сорвався съ цѣпу, прибѣгъ у клѣць и перакусивъ горло разбойнику. Уставъ тэй мужикъ, уволокъ разбойника у хату, пыложивъ подъ полъ. Тоды позвавъ усихъ луччихъ мужовъ, позвавъ и бацьку й матку жонкину, пысадзивъ усихъ за столъ, пыставивъ мѣду-вина, разныхъ наѣдковъ и кажець: «госційки вы моѣ дорогіе! Буду я вамъ гывориць казку, а хто мнѣ перемѣшаецъ, тому голову съ плечъ!»—Ну, ўсѣ на гэта сыгласилися. Отъ епъ тоды пычавъ разказуваць: «Якъ живѣ я холостымъ. И захоцѣлось мнѣ жанитца. Узявъ я душко пригожую жонку. Разъ я кажу братамъ: браты моѣ родныя, пойдземъ мы у лѣсъ у лѣски! Пришли мы къ лѣсу, яцѣ завидно, и сѣли у сосоньничку. Чуемъ—идуць три разбойники и кажущъ: пойдземъ къ тому, у кого жонка пригожая! Мнѣ ня сидзятца, повѣвъ я братовъ у дворъ. Приходзимъ, ашъ два разбойники сидзятъ съ сярэдняго брата жонкой и пируюць, а моѣ нема. Тыѣ моѣ браты погналі гэтыхъ разбойниковъ, а я ўходжу ў хату и пытаюся, дѣѣ моя жонка. Сярэдняго брата жонка кажець: у клѣцѣ съ старшимъ разбойникомъ. Пошовъ я ў клѣць, а яны заперлися. Я кажу: отчиниця! Яны ня тчиняюць. Я тоды ўзявъ топоръ и ставъ сѣчь двери. Разбивъ двери, улѣзъ и ставъ зъ разбойникомъ битца, и кажу: жонка, поможи мя! А яна кажець: «а што мнѣ табѣ пымагаць пришлося: кыли енъ цябе убѣдѣць, а яго буду, а кыли ты яго, я твоя буду.» Билися мы, билися, пуваливъ мяне разбойникъ и ставъ мяне цискаць колѣнками. Я кажу: жонка, дай мнѣ косу! А яна узяла косу ды и даецъ разбойнику. Я тоды позвавъ свойго собаку. Прибѣгъ собака и перагрызъ горло разбойнику!..» Жонка слухала-слухала, ды кажець: неправда гэта ўсѣ! Енъ тоды узявъ ды выпцягнувъ разбойника съ подъ пола... Ну, присудили мужи знаяць ёй голову.

На тымъ и казцы копецъ.

Стынно.

10. Празьнишная жонка.

Бывъ сабѣ дѣдъ да баба, и была у ихъ дочка. Отдавъ дѣдъ яѣ замужъ, давъ ёй худобку и ўсѣ, што треба. А работать яна ня ўмѣла. «Молодиць, (зват. пад.) чаму ты ня работаешъ?»—Мнѣ няльга работать: мяне матка у понадѣлокъ родила, уво ўторокъ хрестила, а ў сѣраду христыны были, а ў четваръ пахристыны, а ў пятницу да ў сыботу родиталевъ поминали... 1) Ня хоча ничего работать празьнишная жонка: що—дзень празьникъ у яѣ, гуляя да й гуляя. Уже й сорочки у яѣ няма, а ўсѣ празьникъ. Зажурился яѣ ходяшъ, поѣхавъ орать у диравой сорочцы. 2) Оре мужикъ у диравой сорочцы, ажъ иде солдатъ домовъ. Убачивъ енъ, що мужикъ оре у диравой сорочцы, и пришовъ къ яму. «Здрастуй, чаловѣкъ добрый! Чаго ў табе, чаловѣкъ, грѣшное тѣло ня прикрыто?»—А того, що сорочки няма: празьнишная ў мяне жонка, кожанъ дзень у яѣ празьникъ!—«Шо ты мнѣ даси, я табѣ яѣ наўчу работать?»—Нѣ, братъ; ня наўчашъ!—«Наўчу!»—Ну, братяць, наўчи: усѣ табѣ дамъ, що хочашъ!—«Якъ яѣ звать?»—Празьнишная жонка!..

1) Слич. в. II, Пѣсн. Юмор. № 88. 2) Вар. Зажурился ходяшъ, што нема сорочки, поѣхавъ орать у кожуху.

Увыйшовъ солдатъ у хату. «Здрастуй табѣ, празьнишная баба!» А яна сидить сабѣ на печи, сидить; руки згорнула, сорочка диравая... «Що ты, празьнишная баба, сидишь: ти сѣдњи празьникъ?»—Празьникъ!—«Якій сѣдњи празьникъ?»—А мяне матка ў понедѣлокъ родила, а во ўторокъ хрестила, а ў сераду христыны были, а ў четвърь пахристыны, а ў пятницу да ў сыботу родиталявъ поминали... Поставивъ солдатъ ранняцъ на лавцы, узявъ солдатъ бабу за волосся—вўча бабу работаты: «въ понедѣлокъ работай, работай; уво ўторокъ попрадай, попрадай; у сераду помотай, помотай; у чатвергъ потыкай, потыкай; у пятницу полатай, полатай; у сыботу покатай, покатай, а ў нядѣлю надывай, надывай,—и ходяину надѣтъ дай и сама надѣнься!» Дравъ, дравъ яе, кольки хотѣвъ, узявъ ранняцъ, и пошовъ. Пріѣхавъ дѣдъ съ поля, ажъ баба прадѣ. Слава табѣ, Господи!.. Стали яны жить да поживаты, да добро наживаты.

Гом. у. Ср. Драгом. 125, въ шести строкахъ.

11. Янка войтъ.

Служивъ у водного пана войтъ, Василь. Ёнъ бывъ чаловѣкъ дужо быгатый. Умираючи, приказавъ ёнъ своему сыну Янку: «помни, сынокъ, гѣто, што я табѣ гыворў: никѣли съ панымъ не дружи, жонцы правды не кажи, и чужихъ дзяцей за здольниковъ не бяри!» Помѣръ бацька; Янка ставъ жиць дѣбро, усяго було досиць, и грошій було много. Зыхоцѣлыся пану узяць Янку уво дворъ, кабъ енъ зыступивъ бацьки яго мѣсто. Янку хуць не хоцѣлыся, али воли паньскей ня могъ процивитца: оставивъ жонку, сына Гришку, и ўзявъ зъ бѣдныя хаты мальчика за здольника на помычь сыну, у свой дворъ, а самъ пошовъ на службу за войта къ своему пану. Дѣбро яму тамъ пывалося: людзи пыважаць стали, и панъ дужо пылюбивъ и яму усѣ своё хоздзяйство звѣривъ. Али войтъ бывъ чаловѣкъ разумный. Пришло яму ў голову украсци сѣкыла того, што панъ надъ усѣ боли любивъ. Пошовъ ёнъ уночы и ўкравъ яго. Укравши сыкыла, занѣсъ яго у такое мѣсто, што ниhto яго вѣшно знайди ня могъ. Тоды войтъ Янка забивъ ворону, обскубъ яе и приносиць жѣнцы ды своего двора. И говориць ей пыдъ большимъ сакрѣтымъ: «гѣто, кажець, я приѣсь сѣкыла, —укравъ яго у своего пана. Лядзи жъ, борони Богъ, никѣму не кажи на свѣци, бы тоды усѣ житѣцѣ прыпадѣць! Спачи мнѣ яго,—кажуць, мясо яго дужо смашно!» Послухала яго добрая жонка, на скорый поспѣхъ утушила того сыкыла. А войтъ Янка неконешня ёсци хоцѣвъ гѣтыго сыкыла,—отдавъ и пошовъ, куды яму було треба.

А ў паньскимъ дворѣ крикъ ды галасъ пыднявся, што сыкыла не стало съ покою. «Му-сиць, нѣхто яго ўкравъ!» Пыразсылавъ панъ людзей уво ўси сторѣны. Хто ухавивъ шапку, хто поясъ, и пыразбѣгалися, хто куды, йскаць сыкыла. Вѣгали, бѣгали, шукали, шукали, и не знайшли,—поворочались съ пустыми руками. Патаетца у ихъ павъ: «што жъ? ня чули, ня видѣли мойго любимого сыкыла?» Людзи отказуюць, што хоздили и тамъ, и сямъ, и паталися, али нийдѣ ни чули, ни бачили! Ставъ панъ скучатъ дужо и журитца, ня можець забыць сыкыла. Войтъ Янка ня мѣвъ съ панымъ и спыткатца, бы знавъ яго; боявся у яго и спытатца што-нибудь.

Ци довго було такъ, ци мало, али бѣда бѣдой стала. Янки жонка дыжидалыся,

дыжидалыся, и сыкыла приготува́та ў масьли. И якъ няможно було яго дождатца, дыкъ яна попросила куму свою любимую поспытаць сыкыла. И рысказала ёй сакрэць мужука, али кабъ кума ніко́му не кызала. Ну, кума, вядома, пыклялася, што будзецъ усё цихо, и што зъ яё ня выйдзець лиха на голову Янки кума. Пышла яна къ другой кумѣ, и тольки однёй ёй сказыла, што смашного мяса у кумы войцыхи спытала. Тутъ, зю-зю-зю, гу-гу-гу, и вышло, што соколье мясo ёла кума войцыха. Дойшлося гэта скоро й до пана. Ай крикъ-галась пыднявся! Янку войта пыдхвацали и ў цямниці пысадзили. Панъ сыбравъ много людзей, прыскочивъ къ Янкывой жонцы: «што, гэта ты, Мар'я, вѣдзьма старая, сыкыла мойго зжарила?»—Нѣ, паночакъ; я сама не брала у пана. Мой Янка прынесъ обскубаную птушку и сказыавъ мнѣ спечъ. Я ўложила у миску и спякла яму якъ треба. Али Янка бывъ у пана на служби, и ня спытавъ!.. Панъ ставъ кричаць, сёрдзятца, што сыколу смерць такая. А ёнъ много цавився. Кинувъ зъ Мар'ей гывориць, пошовъ у дворъ отдыхаць, бо бывъ крѣпко уморився. Пыложився зъ дысады на поспели и сказыавъ привесци Янку съ цямниці. «На што жъ ты, Янка, старый слуга, гэта зробивъ? Чаго табѣ треба було отъ мяне? На што ты сыкыла мойго жывиць?»—Нѣ, панокъ,—мнѣ и спытаць ня пришлося. Али якъ сказыали людзи пану,—нехай будзецъ воля паньская. Я ня буду отпиратца: вина моя! Чини, панъ, што хочешъ со мной!—«Будзешъ повѣшанъ, абы отъ розыкъ ня ўстанешъ!»—Добро, панокъ. Али тольки прошу пана, позволь мнѣ домовъ сходзиць, пыпрошатца зъ жонкы, зъ дзяццми и сусѣдзй на дзяревни пызову къ сабѣ, пыговоримъ со ўсими, якъ на свѣци жиць треба!..

Панъ пусцивъ Янку войта домовъ, али, ня довго думая, и самъ пошовъ пыдзевитца, якъ Янка будзецъ прощатца и чымъ госцей своихъ будзецъ витаць. Вотъ, тольки людзи сыбралися къ Янку, ажъ тутъ и панъ на дворъ приходзиць. Заразъ уси старики пычали просиць пана у хату. Ёнъ увыйшовъ. Тоды Янка прыносиць мяшокъ грошй на столъ. Насыпавъ на столъ чатыри кучи грошй и кажець: «одна куча жонцы Мар'и, одна куча сыну Гришку, одна куча здольнику, а одна куча тому, хто мяне вѣшаць будзецъ!..» Якъ почули гэта—сынъ зыплакывъ, жонка слязми зылилася, а здольникъ кажець: «я цябе, татка, повѣшу, нехай мнѣ будзецъ двѣ кучи грошй!»

Ну, усё ладно. Али пычавъ Янка перадъ усими рѣчи гывориць, было што послухаць! «Помню, кажець, я мойго бацьки-нябоцника приказанье! Ёнъ перадъ смерцю сказыавъ: помни, сынокъ Янка, моё напомяньне: николи съ паномъ ня дружи, жонцы правды не кажи, и чужихъ дзяцей за здольниковъ не бяри!» Стала гэта рѣчь яго усимъ надзिवна, али пану стало й стыдно, бы ёнъ войту, черазъ дружбу, бывъ виченъ сто чарвонцавъ. Тоды Янка кажець: «нехай-тку гроши уси чатыри кучи, пылежаць, я щё прынесу!» Пошовъ, и прыносиць живого сыкыла!

Ахъ, якъ жа панъ узрадывався! Ставъ яго обнимаць, цыловаць зы яго розумъ. Уси признали Янку боли чесьци и славы съ тыхъ поръ. И ёнъ уже тоды на войты не пошовъ, а зыстався у дворѣ вѣсци своё ходзайство, кабъ здольниковъ не дзержаць.

Д. Борокъ, стнн. у.

Запис. г. Демешкевичъ. Ср. Чубин. 530—535.

12. Два брата.

Ну вотъ, были такъ сабѣ у водномъ сялѣ два брата. Ободва жили яны умѣсти, а тоды подялилися, и большій забидѣвъ меньшаго: давъ яму одну коровку, а сабѣ узавъ семь коровъ и ўсѣ добрѣ. Ну, дакъ енѣ уже бѣдякъ,—идѣ яму дѣтца? Дакъ енѣ прийдя къ богатому, да й работаа за кусочакъ хлѣба, абы бѣ давъ подѣѣсти, а у дворѣ-то и нема ничѣго, а ў дворѣ и баба ѣсть и дявчюшка малаа ѣсть. Люди тогды стали яму казать: «эхъ, каа, што ты—робишь, робишь, тутъ самъ подѣясн, а ў дворъ табѣ нечаго нѣсти. А ты бѣ пошовъ къ людямъ, дакъ ба ты и самъ подѣѣвъ, и ў дворъ ба табѣ дали кусочакъ хлѣба!» Тогды енѣ узавъ и пошовъ къ чужимъ людямъ, мо къ чаловѣку къ якому. Поработавъ тамъ день ти два, дали яму кусокъ хлѣба, а мо муки жменьку, ти такъ чаго, што богъ давъ. Заробивъ хлѣба кусокъ, принѣсъ домовъ, ну й подѣѣли яны тамъ. Ну, тогды приходя къ яму братъ яго богатый у гости да й кажа: «што ты, братъ? то приходивъ, кажа, ко мнѣ, а то уже и ня йдѣшь!» кажа.—А што жѣ, кажа, мнѣ йти? Я роблю, роблю, самъ подѣѣмъ, а ў дворъ ты мнѣ и ковалка хлѣба ня даси. Ну, да хоть я къ табѣ, братъ, ня пойду, дакъ я тябе угостю. Уняси-тка, хозяйка, того молочка, што коровку подоили, да хлѣба я ковалочакъ заробивъ. Сядька, каа, братъ, да подѣѣжъ у мяне!.. Дакъ енѣ сѣвъ и подѣѣвъ; подѣѣвъ, подяковавъ и пошовъ у свой дворъ. Ну, тогды, богатый пришовъ у свой дворъ да й кажа на бабу: «вотъ, каа, бабѣ: подялилися мы зъ братомъ, да нахорошо!»—Ну, якъ?—«Да якъ жа: у яго одна коровка, да ё молочко, а у насъ семь коровъ, да ня стоюти яго одныѣ коровки!.. А што, кажа, баба?»—А што?—«А мы оттягаемъ у яго и туу коровку!» А баба кажа: якъ жа намъ яе оттягать?—«А якъ: я пойду къ пану! Тыки жѣ я чаловѣкъ богатый, а енѣ бѣдный чаловѣкъ, дакъ я пойду къ пану и скажу, што енѣ у мяне хлѣбъ бравъ, да ня отдавъ, ти ще што. Дакъ мнѣ панъ и присудя яго корову. Яго жѣ коровка хорошаа, а наши лядаштыя!» Ну, пошовъ къ пану и пожалився: «енѣ у мяне хлѣбъ бравъ, кажа, то тое, то сѣе, ды ня 'тдававъ. Дакъ мнѣ, кажа, приналежно коровку ету отобратъ!» Ну, тѣй призвавъ бѣднаго: ти виноватъ ты, такъ и такъ?—Нѣ, кажа, ня виноватъ: я ня бравъ у яго ничѣго. Ето, каа, на мяне, моо, напасть якаа: спроситя и на міру у начальниковъ! Ну, панъ и говора: «треба бѣ, каа, судить и за бѣднаго чаловѣка, и богатый отказуя, што енѣ, каа, виноватъ яму!» Ну, тѣй панъ думавъ, думавъ, што яму дѣлать, за кого яму судить, а дили и говора: загадаю я вамъ три загадки: коли богатый отгадаа, дакъ яму бѣднаго коровка, а коли бѣдный отгадаа, дакъ богатаго семь коровъ бѣдному! Ну, тогдыень скажавъ имъ загадки: што жѣ то у свѣти милѣй за ўсяго? А другую сказавъ: што жѣ то ў свѣти быстрѣй за ўсяго? А третью сказавъ: што жѣ то ў свѣти сычѣй за ўсяго?

Ну, типерь, пошли яны ўже домовъ. Бѣдный иде да плача, а богатый иде да радуецца. Ну, енѣ приходя домовъ, богатый, да й кажа: вотъ, кажа, баба: загадавъ, кажа, панъ три загадки!—Якія жѣ, кажа, тыа загадки?—Одна кажа, што у свѣти милѣй за ўсяго?—«Э, кажа баба: я, кажа, туу загадку разгадаю: милѣй жа, кажа, нигдѣ нема ничѣго, якъ мы съ тобой живомъ мило да дружно. Ето, кажа, загадка

про насъ, я ўгадала!»—А другая загадка: што у свѣти быстрѣй за ўсяго?—«Э, кажа: у насъ жа ё жарабокъ жирный, мосный, дакъ дужо шибко бѣгаа—быстрѣй яго нікого ў свѣти нема. Во и ету я, кажа, разгадала загадку!»—А третьтя загадка: што, кажа, сычѣй за ўсяго?—«А ето, кажа, у насъ ё кабанъ, дакъ ни ў кого, ни ў кого нема такого сытнаго, якъ ёнъ!» Енъ кажа: ти вѣрно жъ ты, каа, баба, угадала?—«А якъ жа, кажа, ня вѣрно? Ето уже, што я ўгадала, дакъ ето вѣрно!...» Ну, а тѣй бѣдыкъ пришовъ домовъ, плача, а дочка таа у яго пытаецца: татка, каа, чаго ты плачашъ? А енъ каа: якъ жа, каа, моя дочка ня плакать: загадавъ панъ три загадки: перваа—што у свѣти милѣй за ўсяго? А другая: што у свѣти быстрѣй за ўсяго, а третьтя: што сычѣй за ўсяго? Якъ ихъ отгадать, богъ знаа.—«Э, татка, соколок! ложись, каа, спать: дасть богъ день, дасть и путь!» Лягли яны спать, пераночували. Тіперъ енъ кажа: устайвай, моя дочка! Кажы, што ты мнѣ скажашъ?—«Да вотъ, каа, татка: перваа загадка—милѣй за ўсяго у свѣти сонъ. Хоть якое гора, а якъ ляжашъ, заснешъ и забудеся. А быстрѣй за ўсяго—мысли: дѣ ты думай, ти думай—а твоѣ мысли уже тамъ. Самъ ты тутъ, а твоѣ мысли уже далёко. А третьтя загадка: сычѣй за ўсяго, каа, зямля! Яна и сычѣй и богатѣй за ўсяго: люди зъ зямли и живютца и кормютца!» Ну, тіперъ иде къ яму богатый: «ну, ты, каа, ня ўгадавъ, а я ўже ўгадавъ, якія тыя загадки! Ходемъ!» Ну, а бѣдному и ня хочатца ити, да треба. Пошли яны къ пану, панъ и кажа: «ну, богатый, становись! Ти ўгадавъ?»—«Э, панъ! Я ўгадавъ, кажа, добро!»—Ну што жъ? кажа.—«А вотъ што: милѣй, кажа у свѣти нічого нема, якъ мы зъ бабой живомъ—дружно, хорошо!» Ну, а што жъ, кажа, быстрѣй за ўсяго?—«Ну, а быстрѣй за ўсяго ёсть у насъ жарабокъ, каа—быстрѣй за яго нічого нема!»—Ну, а сычѣй усяго?—«А сычѣй за ўсяго ёсть у насъ, каа, кабанъ, дакъ енъ дужо жирный: сычѣй за яго нічого нема!» Панъ стоить, усё ето слухая.—Ну, а ты жъ, кажа, бѣдыкъ, ти ўгадавъ?—«А богъ, кажа, святыи знаа, ти ўгадавъ я, ти ня угадавъ!»—Ну?—«Милѣй за ўсяго, каа, сонъ, быстрѣй за ўсяго мысли, сычѣй, кажа, за ўсяго зямля!» кажа.—Ну, вотъ жа, кажа: ты, богатый, каа, ня ўгадавъ, а бѣдыкъ угадавъ, што за загадки. Вотъ, табѣ, кажа, отдать бѣдному своѣ семъ коровъ! Ну, богатый уже мулитца: якъ жа ето отдать семъ коровъ тыхъ? Ну, а якъ присудили у суду, штобъ отдаданы были, дыкъ што тутъ,—мулься ня мулься...—Ну и ступайця зъ богомъ у дворъ! кажа. Тольки яны пошли до двора, тіперъ панъ говора: эй, бѣдыкъ, варниська, каа, сюды! Ну, енъ вирнувся. А енъ и говора: ну, почомъ ты етъа загадки угадавъ?—«А ёсть у мяне, каа, дывчонка малаа, дакъ ето яна мнѣ сказала тѣкъ сказать!»—Ну, вотъ, яна, кажа, твоя таа дывчонка, вумнаа разумнаа: на жъ, каа, табѣ семъ яецъ вараныхъ, нясі, каа, ихъ у дворъ, отдай той дывчонцы и скажи, штобъ яна высидѣла за ночь, вывjala куранятъ, и штобъ къ обѣду прислала мнѣ цыпленка зготоваты.. Ну, бѣдныи узавъ лйцы, иде домовъ, да плача слёзно. «Ну, вотъ табѣ, кажа, дочка семъ яецъ; штобъ ты зъ ихъ вывjala за ночь куранятъ и послала къ пану кураненка на обѣд! Енъ плача, а яна кажа: татъ, ня плачь! Дась богъ день, дась богъ путь: што небудъ и будя, кажа; ня плачь! А дочка етаа была калѣка: сѣднемъ сядѣла, ногамы ня ўладѣла, и ёй усё янгали показавали, якъ што говорить. Пераночували яны,

батька й говора: ну, што жь мнѣ, моя дочка, дѣлать?—А вотъ што, кажа: ёсть у мяне пригорщи пшанца. Возьми ты яго, ето пшанцо, няси къ пану, отдай пану и скажи пану, нехай енъ за ночь лядо выпратая, высяча, тогды выпала, тогды успаша да й постѣ етымъ пшаномъ, и штобъ ето пшано узросло, енъ пожавъ, намолотивъ и мнѣ приславъ, штобъ было чимъ куранѣнка выкормить, икъ пану на обѣдъ нести!.. Вѣднѣй чаловѣкъ пошовъ, понёсъ пшано и отдае пану, и говора: вотъ, моя дочка прислала пшанцо и казала, штобъ за ночь лядо выпратали, успахали, етымъ пшаномъ постѣяли, и штобъ яно узросло и штобъ пожали, намолотили и прислали ёй, штобъ было чимъ цыпенка кормить, къ пану на обѣдъ нести! Тогды панъ кажа: што ето яна у тябе такаа мосно разумнаа! А енъ кажа тогды: а я жь ня знаю, богъ жа яе знаа, ёй вѣрно такъ богъ давъ! Панъ ужо говора тогды: «якъ жа ето, кажа, можно, штобъ за ночь лядо вытярабить, засѣять и штобъ узросло и поспѣло? Ето ня можно здѣлать!»—А вотъ жа, кажа, панъ: коли ты ня можашъ етаго здѣлать, дакъ и мы ня можемъ съ пячонѣхъ яецъ куранятъ вывастити, выкормить и къ пану на обѣдъ принести!—«Ну, иди жь ты, кажа, домовъ, и скажи ты ёй, што няхай яна прѣдѣ заўтра ко мнѣ ни ў чомъ ни на чомъ, ни ў сорочцы ни голаа, ни по дорози, ни по полю, и штобъ подарокъ мнѣ принесла, да я яго не споживъ—дакъ я на ёй ожанюсь!» Пришовъ бѣднѣй мужикъ домовъ и плача. «Чого ты, татъ, плачашъ?»—А якъ жа, кажа, мнѣ ня плакать, коли вѣлѣвъ панъ прѣхатъ табѣ заўтра икъ яму ни ў чомъ, ни на чомъ, ни ў сорочцы ни голаа, ни по дорози ни по полю, и штобъ подарокъ яму принесла, да енъ яго не споживъ?—«Што жь, кажа, иди попроси, кажа, мнѣ козла и брадѣникъ, дакъ у брадѣникъ уварчуса, а козла у тѣлѣжку запрагу и поѣду!» Батька доставъ ёй брадѣникъ и козла. Яна запрагла козла у тѣлѣжку, уварѣблѣсь у брадѣникъ, узяла у руки кота и поѣхала ни полемъ, ни дорогой,—поѣхала по яго саду, по горобахъ. Ъда, ломаа,—городнину, усѣ. Тогды панъ спужався: хто ето, кажа, ѣда? А! Ето жь таа, што я ўчора приказавъ!.. Вѣлѣвъ енъ тогды выпуститъ собакъ, кабъ яе зарѣзали. Собаки побѣгли, а яна кота кидѣль! А котъ на яблонку, а собаки за имъ! А яна на козлѣ у комлату шамъ! «Нума, каа, панъ, жанитца! Бачъ, я прѣхала ни ў чомъ ни на чомъ, ни ў сорочцы, ни голаа, ни по дорози ни по полю, и подарокъ принесла, да собаки твоѣ отогнали!» И стала яна сичасъ и хорошаа и здороваа. Панъ изъ ёй и жанився.

А бѣдаку богачъ отдавъ семь коровъ, и стали яны зъ бабой жить да поживать. Моо, и тяперъ живутъ...

С. Нисимковичи, рогач. у.

13. Семилѣтка.

Живъ сибѣ такъ одзинъ чаловѣкъ изъ своей жонкой. Ну, у ихъ ня було семь годъ дзяцей. А енъ живъ дужо бѣдно. А сусѣд изъ имъ радомъ живъ, бывъ богачъ, ижѣвъ усяго много. И бывъ у яго пѣдцалокъ, и енъ семь годъ не цалився. Ну, цяперяка, у етаго бѣднаго забременяла жонка, а у богача ставъ целнѣй пѣдцалокъ. Ну, такъ у одно ўремя у етаго жонка бѣднаго родила дзѣвочку, а ў того богатаго родилася цялушка.

Цяперъ, ета богачова жонка узяла да поладзѣла цѣлцы у зубы—зубы красны. «Э, кажа, дзѣдъ: етый цялёнокъ ня ўзгодуецца!» Потому, кажущъ: якъ зубы красны—ня ўзгодуецца. «Выкинь яго за плотъ!» Богачъ тэй узявъ да й выкинувъ того цялёнка. Цяперъ бѣдный пошовъ по водѣ. Набравъ воды, и бача, што ляжиць цяленокъ ля, плоту, запѣсь воду и кажа: «вотъ, бабъ! Я пѣсь воду, бачивъ, што ля плоту ляжиць цяленокъ. Пойду я да возьму етаго цяленка? Добра намъ на што-нибудь будзя!»—А йдзи, кажа, возьми, приняси! Енъ принесъ етаго цяленка и говора: ну, бабъ, добро намъ будзя: цяперъ къ хрэзбынамъ зарѣжамъ, добро чимъ будзя закусиць! Баба говора: «а нѣ, дзѣдъ, хай луччы расцѣ цѣлочка! Можа мы такъ обойдемся!»

Ета цѣлочка выроста, стала рослая, жирная, и тая дзѣвочка стала быстро росць, и выроста такаа хорошаа, вумнаа, што и сказаць няльзя, якаа вумнаа дзѣвочка. Тоды етый богачъ говора бѣдному—разговорились такъ ци ў шинку ци дзѣ: «откуль ето у цябе цѣлка такаа хорошаа?»—А, кажа, братъ ты мой: мнѣ богъ давъ ксцины; пошовъ я воды, а за плотомъ ляжиць цѣлка, и яе ўзявъ и привѣсь у дворъ. И хоцѣвъ зарѣзаць икъ хрэзбынамъ, а баба не дала рѣзаць мнѣ! Богачъ говора тогды: «э, братъ, дакъ ето моя цѣлка! Я, кажа, отбярु цѣлку, ето моя цѣлка!»—Ну, братъ, говора бѣдный: пойдземъ къ пану, якъ панъ разсудзя. Якъ жа: я семъ годъ кормивъ яе, ще пользы не бачивъ отъ яе, а ты уже отбираешъ яе!.. Пошли яны къ пану. Етый жа богачъ, якъ пришовъ къ пану, дакъ сичасъ: «здрастуйца!» порукавъ зъ имъ. Той кажа: садзнецесь у насъ! Енъ сѣвъ, а бѣдный стоиць у пороzi. Тоды панъ говора: объ чомъ вы пришли ко мнѣ? Обады й говоруць: на судъ, паночакъ!—На які́й судъ? Бѣдный разказа́въ свою обиду: «такъ и такъ; давъ богъ мнѣ хрэзбыны, я пошовъ воды и нашовъ за плотомъ цѣлочку маленькую. А енъ цяперяка кажа: што ето моя, и отбираа у мяне ету цѣлку.» А богачъ кажа: ето моя цѣлка! у мяне бывъ подцѣлокъ семъ годъ, и не цялився, а на сѣмымъ году оцялився. Жонка поладзѣла яму у зубы и сказала, што енъ ня ўзгодуецца; и я выкинувъ яе за плотъ. Ето моя цѣлка!.. Панъ тогды и говора: «ну, вотъ: загадаю я вамъ три загадки. Хто отгадаа, того й цѣлка. Отгадайца мнѣ, што у свѣци сыцѣй и што богачѣй, и што быстрѣй? Хто отгадаа три загадки, того и цѣлка!» Пошли яны ў дворъ. Бѣдный пришовъ и плача. И кажа: вотъ, моя дочушка, и бабка! Давъ намъ богъ цѣлочку, и тую богачъ отбираа! Богъ вѣдаа, кажа! Загадавъ намъ панъ три загадки—дзѣ намъ, кажа, дурнямъ, отгадаць? Мы, кажа, ня 'тгадаемъ ихъ! Дзѣвочка ета пытаецца: якія жъ, татъ, загадки? скажи намъ! И енъ разказа́въ етыя загадки имъ. Тогды дзѣвочка и кажа: «э, кажа, татъ, ложися спаць! Утро мѣдрѣй вечара, заўтра, кажа, тое и будзя!»

А богачъ пришовъ у дворъ и радъ. «Ну, бабъ! цѣлка будзя наша! Загадавъ панъ три загадки, треба ихъ отгадаць!» Ну, енъ разказа́въ три загадки: панъ сказа́въ отгадаць, што у свѣци сыцѣй и што богачѣй, и што быстрѣй? Тоды баба кажа: э, дзѣдъ ты, дзѣдъ! ты дурень, кажа. Сыцѣй жа, кажа няма, якъ у насъ кабанъ! О! сыцѣй у свѣци няма! А богачѣй жа насъ няма нікого: мы, кажа, богачѣй за ўсіхъ! А быстрѣй, кажа, нашаго вороного коника няма на свѣци нікого: енъ жа выйдзя на вулицу, якъ поладзиць, дакъ на ўвесь свѣтъ, якъ орѣлъ!.. Перяночавали, давъ

богъ дзень. Тоды дзѣвочка ета кажа: «татъ, идзи ты къ пану и скажи, што сыцѣй усяго зямля, богачѣй бога нема никдо, а быстрѣй усяго мысли чаловѣчацкія!» Пришли яны къ пану. Панъ пытаецца: ну, што, ци угадали? Богачъ сичасъ и гавора: ге, панъ! што тамъ угадаць: сыцѣй ничоґо нема, якъ нашъ кабанъ; а богачѣй, паночакъ, мяне нема—я богачѣй усихъ; а быстрѣй, кажа, нема, якъ мой конь вороный!—Ну, а ты, кажа, бѣдны! разкажуі ты, якъ ты, кажа, угадавъ? Той кажа: а, паночакъ! сыцѣй нема, кажа, якъ зямля; а богачѣй бога нема никдо; а быстрѣй у свѣццї нема, якъ мысли чаловѣчацкія! Тоды панъ кажа на богача: ге, гыцаль ты, кажа, гыцаль! Дакъ ты богачѣй мяне? Ступай, кажа, вонъ! А ў бѣднаго пытаецца: хто жъ цябе, кажа, наўчивъ?—Ето мяне наўчила моя дочка сямигодная,—яна родзилась разомъ тоды, якъ ета цѣлка цѣлилася. Яна семъ годъ ня ходзила, и цѣлка моя семъ годъ не цѣлилася! Панъ каа: ну, идзи сабѣ зъ богомъ: цѣлка твоя! Енъ пошовъ у дворъ.

А панъ идзѣсь бывъ, заѣхавъ у тую дзярэвню, дзѣ живѣ бѣдны, и узяло у бокъ яму, што откуль яна могла угадаць, такая маленькая дзѣвочка, моё загадки? Довжно быць, яна якая няпрѣстая! Заѣхавъ на дворъ, бацьки ня було ў дворѣ и матки—у поли были—только была одна дзявчонка. Енъ пытаецца у яе: дзѣвочка, къ чаму мнѣ прывязаць кднїй? А яна яму тоды кажа: а ци къ зимѣ прывяжи, ци къ лѣту! Тоды панъ стоиць, вочи вылупивъ, не разбярѣ, што такое зима, што такое лѣто? Тоды енъ пытаецца: скажи мнѣ, дзѣвочка,—што такое зима, што такое лѣто? Яна тоды кажець: ну, хоць къ колесамъ прывяжи, а хоць къ санѣмъ! Тоды панъ етый побывъ тамъ, полюбовався, видиць—дзявчонка красивая, вумная, хорошая дзявчонка, и сказавъ ёй: скажи, кабъ увечари твой бацька прйшовъ ко мнѣ!

Тоды бацька прйшовъ у дворъ, яна и кажа: «вотъ, таточка, бывъ тутъ панъ, и казавъ, штобъ ты увечари прйшовъ у дворъ!» Етый мужикъ сичасъ пошовъ къ пану. Прйшовъ къ пану, и панъ яму кажа: ну, ничего, кажа, мужикъ: вумная твоя дочка! На жъ табѣ, кажа, лубку яецъ; скажи ёй, кабъ квакуху посадила, и вывяла мнѣ къ заўтрему на свѣдѣнныя пыпльаць, и прйнаси мнѣ къ свѣдѣнню! Тоды тэй мужикъ идзе и плача. «Чаго ты, татъ, плачашъ?»—Да вотъ, моя дочушка: загадавъ намъ панъ загадку хорошую: кабъ ты, каа, квакуху на яйцы посадила и къ заўтрему высидзѣла пыпльаць! Тоды дзѣвка кажа: «мамъ, бярика етыя яйцы, да би ў пыгунъ, да пряжи яешню, да ложимося спаць—утра мудрѣй вѣчара, а заўтра—богъ бацька!» Перяночавали. Яна кажа: татъ! на табѣ горщокъ, да идзи скоренько-скоренько къ пану, да скажи, кабъ енъ скорѣй-скорѣй лядо выслѣкъ и намотычивъ, и проса насѣявъ, и намолоцивъ, и проса натовкѣ, да ў етый горщокъ кабъ крупъ насыпавъ—писклять кормиць! Пошовъ дзѣдъ къ пану. Тоды панъ кажа: «ничого, каа, вумница твоя дочка! Скажи жъ ты ёй, дочцѣ своей, кабъ яна ни пашкомъ прйшла, ни на кони прѣхала, и ни голая, ни ў сорочцы, и кабъ подарокъ мнѣ прйнасла, да ня дала. Коли здѣблаа—то замужъ за сябе возму, а ня здѣблаа—голову зъ яе зниму!» Мужикъ етый пошовъ у дворъ, и плача. И кажа: вотъ, моя дочушка! Надзѣлала клопоту: загадавъ панъ табѣ загадку хорошую: кабъ ты къ яму, кажа, ни пашкомъ прйшла, ни на кони прѣхала; ни голая, ни ў

сорочцы; и кабы подарокъ яму принесли и штобы ея не попользовался. Коли здѣлаешь—замужъ возмемъ; а ня здѣлаешь—голову знимъ!—Ну, татъ, треба ўловиць зайца намъ! Тоды яна узяла, жакъ такій попала, сорочку здѣла, у жакъ уварѣлася, на кічкакъ сѣла и їдзя, и зайца съ собой узяла! Тоды подъяжжаа къ пану. Панъ етый стоиць на крылцы. Баца ея, што [уже дѣло плохо,—треба яму яе за сябе узяць—што яна здѣлала тое, што ея загадавъ,—тоды ея узявъ, да собаками яе зашкывавъ. Собаки икъ ей—гү, а яна ўзяла да зайца шибель на дорогу. Собаки за зайцомъ побѣгли, а яна икъ пану на крылцо. «Здрастуй, панъ!» Пану етому уже дѣлаць нечаго—треба жанитца зъ ей! Ея появилъ въ ей оддежу паньскую исправиць—мужицкое усё доловъ, жанився зъ ей, и живуць сабѣ хорошо.

Поживши тамъ сколько, поѣхавъ ея у чужій край, а ей приказавъ: «лядзи жъ, кабы ты ня судзила безъ мене тутъ моихъ людей, а то ты ня моя, а я ня твой.» Ну, панъ отправився. Жила яна сколько тамъ одна, ци много, ци богато, и звучило такъ: пошли два мужики на кирмашъ; одзинъ купивъ колѣсы, одзинъ кобылу. Ъхали яны удвохъ, и кобыла ожарябилася. Тѣй кажа: мой жарябенюкъ, моѣ колѣсы ожарябились! А тѣй кажа: мой жарябенюкъ—кобыла ожарябилася. Цягались, цягались—ходземъ къ пани! Якъ паня уже разсудзя. Пришли къ пани. «Чого вы, кажа, мужички?»—А вотъ, каа, панячка, разсудзица намъ судъ!—«Якій?»—Ожарябилася моя кобыла, а ея кажа, што яго колесы ожарябились; каа: яго жарябенюкъ! Ну, тоды паня кажа: «хочъ жа мнѣ, каа, панъ приказавъ, кабы я васъ ня судзила, однакъ, кажа, быць по сяму! Возьми, кажа, ты чаловѣчакъ, отпрати кобылу, да вядзи у дворъ. За кимъ, кажа, жарябенюкъ пѣдзя, того й жарябенюкъ!» Тоды етый кобылу повевъ, и жарябенюкъ за ей побѣгъ. А колесы стоиць! «Цягни, кажа, на сабѣ колесы!» Ея и цягня. Отъ, между ими кончився споръ. Тоды пріѣхавъ панъ у дворъ, и дочувся, што яна разсудзила етыхъ мужиковъ. Якъ жа ты, моя мила, сѣла ты ослушницца мойго приказу? Я табѣ сказавъ такъ, а ты здѣлала такъ: убирайся, кажа, отъ мене! Бяри сабѣ, кажа, што табѣ милѣй, што табѣ любѣй, и стушай—кабы я цябе не бачивъ! Тоды паня ета и кажа: ну, што жъ, другъ мой любезный! боли намъ съ тобой не бачитца, хочъ мы на распрощенья выпьемъ хорошенько! Узяла, напоила хорошенько пана! Панъ упився и заснувъ. Тутъ яна живѣй приказала кучарямъ заперць коней у карету, и лакеямъ вялѣла яго скорѣй туды укласць, да й маршъ къ бацьку на дворъ! Тамъ скорѣй яго пьянаго съ кареты, да на полъ, у горохвины! «Во, тутъ табѣ: прохмеляйся! Ну, татъ, а ты заўтра готуй топоры да мотыки, пѣйдемъ заўтра смолу копаць!» Назаўтраго етый панъ прошнувся: глядзь, глядзь—идѣтъ ето я? Што йто ты, душачка, здѣлала?—А што ты, душачка, приказавъ, тое й здѣлала: ты мнѣ милѣй усяго, я цябе й узяла съ собой! Отправляйся зъ бацькомъ смолу копаць!—«Душачка, каа: садзись у карету, пѣйдемъ у дворъ, будземъ жиць, якъ жили....» И я тамъ бывъ, медъ-вино пивъ, и самъ чучъ не заснувъ такъ, якъ панъ...

Д. Шоломы, быховск. у. Кр. Афанасій Тарасовъ, 32 л. неграмотный.

Въ Сѣненскомъ у. сказка варьируется такъ:

Послѣ женитьбы панъ запретилъ женѣ вѣшиваться въ его «суды». Но когда пришли

эти два мужика судиться и панъ рѣшилъ, что ожеребились колеса, паня вдругъ вскрикнула: «а душачка! досыщъ табѣ судищъ: поладзитку, рыба зъ возярѣ бѣгаецъ у ячмень—увесъ ячмень поѣла!» (Или: щука выбыгла зъ возяра,—увесъ горохъ поцѣрла!) Панъ говоритъ: развѣ можетъ рыба бѣгать? А паня отвѣчаетъ: а развѣ могутъ колеса ожеребиться?.. *Тамъ же*, въ числѣ задачъ, панъ велитъ дѣвушкамъ уловить вѣтеръ. Она посылаетъ къ нему ружье, прося зарядить его водой. Тогда она подстрѣлитъ вѣтра и поймаетъ. Затѣмъ велитъ съ трехъ «каливъ» льна шить ему за ночь рубашку. Она посылаетъ ему три пруты, прося ихъ посадить, вырастить и за ночь сдѣлать «понарядъ» для кросень, на которыхъ она соткетъ ему рубашку...

Сравни. „Мудрая дѣва, семилѣтка“ Афан. VI, 177. Худ. I, 30; Садовник. 206; Драгоман. 347; Чубинскаго 611—614.

14. Судья праведная.

Буду сабѣ у вотца два сыны. Отъ, отецъ помѣръ; яны яго поховали, а тогда узяли и подылилися. Меньшій жа бывъ разумѣйшій, а большій дурнѣйшій. И у меньшаго разумѣйшаго бывъ одинъ сынъ, а у большаго у дурнѣйшаго было три сыны. Якій тамъ дѣлъ (дѣлежъ) бывъ—давъ большаго етый меньшій одного волика, а то ўсѣ сабѣ забравъ. И поставивъ яго, меньшаго етаго, панъ дясятъникомъ. Надѣлю прожилъ, пріѣхавъ етый панъ съ своего двора у тую у дярвенку. Яму люди и говорятъ: «ня стоѣ етому чаловѣку быть дясятъникомъ, здѣлай яго войтомъ!» Чаразъ надѣлю панъ изновъ пріѣхавъ. Люди яму отказуютъ: «ня стоѣ яму быть войтомъ, здѣлай яго старостомъ!» Такъ здѣлавъ яго старостомъ, а самъ поѣхавъ домовъ. Пріѣжаа етый панъ у третятю надѣлю, етые люди кажутъ яму: «нѣ, панъ: ня стоѣ яму быть старостомъ, здѣлай яго надъ частью—ляндвойтомъ!» Панъ здѣлавъ яго ляндвойтомъ и поѣхавъ домовъ. Бувъ у етаго пана хвольверикъ, и помѣръ у яго тамъ прикайщикъ. Енъ яго сховавъ, и поѣхавъ сабѣ другого прикайщика шукать. Заяжажа у тоя сяло, дѣ етый ляндвойтъ бувъ, люди и говорятъ: нѣ, панъ: ня стоѣ яму ляндвойтомъ быть, здѣлай яго прикайщикомъ! Етый панъ каа: да, мнѣ прикайщикъ и треба!—Ну вотъ жа, панъ: и у свѣти такого чаловѣка нема разумнаго! Ну, панъ и узявъ яго къ сабѣ у хвольверикъ за прикайщика. Живе етый чаловѣкъ тамъ за прикайщика, править дѣлы хорошо. Пройшла зима, давъ богъ ясноу, и стали люди пахатъ полоски на яръ. Тоды большаго брата сыны стали говорить батьку своему: «вотъ, татъ: уся люди попахали полоски своё, а намъ нѣ на комъ: одинъ быкъ, да й той ня здолѣя. Сходи ты, татъ, къ нашему дядьку, а къ своему брату у хвольверикъ, и попроси у яго хоть одного волика, а коли ласка, дакъ и пару. Ти не попахали бѣ и мы своё полосочки!» Етый батька говора: «ахъ, моѣ сыны! вы не знятея, якій вашъ дядька, а мой братъ,—якій ёнъ хвабрый и сярдитый. Енъ намъ и воловъ етыхъ не дастъ, а тольки мяне зняважа!» Етыя сыны и кажутъ: «да што богъ дастъ, то и будя! Можѣ енъ насъ и пожалѣя, и пару воловъ можѣ енъ намъ дастъ! Вотъ, татка-соколокъ, возьми ты кошалокъ, и иди проси яго на промилуй богъ!» Енъ узявъ кошалокъ и пошовъ икъ брату у хвольверикъ. Приходя къ яму у хату. Братъ убачивъ:

што ты, братъ, пришовъ?—А што жъ, братъ, я пришовъ? Къ табѣ! Просили твое племянники, а мое сыны, и я прошу: дай ты намъ пару воловъ изъ сохамы! Братъ етый и говора: на што яны вамъ?—Эхъ, братъ мой родный: да люди полосочки попахали, а наши нѣ, няпаханыя; дакъ здѣлай милость, братка нашъ родный, пожалѣй ты насъ: дай ты намъ пару воловъ изъ сохамы! Етый братъ ускричавъ: на што я вамъ буду пару етыхъ воловъ давать,—вы ихъ понистожи́те!—Нѣ, братка, будомъ лядѣть такъ твоихъ воловъ, якъ своё воко у лисини! Ёнъ, етый братъ, покричавъ, покричавъ, и давъ яму пару воловъ изъ сохамы, изъ колесамы. Етый чаловѣкъ запрогъ воловъ у колесы, поклавъ сохи на колесы и поѣхавъ домовъ. Пріяжаа домовъ, яго сыны и рады ето, што дядька давъ пару воловъ.

Тоды яны етыхъ быковъ у сохи, и запрагли и'своего у соху, и поѣхали полосу пахатъ. Ето недалёко отъ даревни. Приѣхали ихъ полосцы и погналися одинъ за'днимъ гуськомъ. И стали яны рады, што изроду у три сохи ня пахали, а то пришлось пахати. Обогналися яны три разы кругомъ полоски етыя, такъ приходя чаловѣкъ ихъ имъ: Божа помози вамъ, люди добрыя!—Здоровъ, старшокъ поштэнный! Ну, етый чаловѣкъ и кажа: ну, кажитя люди добрыя, кого вамъ жалчѣй: ти дядьковыхъ воловъ, али дядьковаго сына? Етыя сыны стали, воловъ уняли, и заплакали: Господи Божа, што ето такое за безчастя: кому-небудъ да надо ўмирать? Воловъ пожалѣй, дыкъ дядьковъ сынъ умре у хвольверку, а пожалѣй сына, дыкъ волю подохнути. Плачуть яны да думаютъ, а енъ говора: довго ня думайта: говоритя скорѣй! Яны обдумались, што у дядьки одинъ сынъ, а воловъ цѣлый хвольверикъ,—«дакъ нехай, каа, волю дохнутъ, якъ дядьковому сынѹ одному помиратъ!» Ну, етыя волю тутъ жа сейчасъ у сохахъ и подохли. Сыны етыя кинули воловъ, пошли къ отцу зновъ у дворъ у свой: «вотъ, татъ, иди зновъ къ дядьку, скажи, што волю подохли!»—Якъ жа яны подохли?—«А такъ и такъ: ти дядьковому сыну умирать, ти воламъ подыхать. Мы й сказали: воламъ!»—Ну, каа, моё сыны: таперъ моя смерть, енъ мяне забѣе тамъ, хоть повѣся.—«Ну, татка, хоть би, хоть повѣся, а уже треба сказать, што воловъ нема, што подохли волю!» Енъ узавъ, за кошель, и пошовъ къ брату у хвольверикъ. Приходя къ брату у хату. «Што ты, братъ, изновъ пришовъ?»—Эхъ, братъ: твоихъ воловъ уже нема, подохли! Етый братъ ускричавъ: «эхъ, братъ! якъ я не хотѣвъ табѣ дать, што ты бяздѣльникъ, што ты моихъ воловъ понистожишь, а яно такъ и ёсть. Ну, братъ, пойдомъ съ тобой къ пану на жалобу,—ето волю не моё, а паньскія!» Узняли и пошли. Ишли, ишли, приходють у сяло—и церква ё и попъ. Увийшли у сяло, етый прикайщикъ и говора: ночь настагаа, пу куды, братъ, пойдомъ на ночь?—Братъ, куды ты пойдяшъ, туды й я, потому—я виноваетъ.—«Ну, пойдомъ къ попу?»—А уже жъ, братъ, пойдомъ: куды ты пойдяшъ, туды й я!.. Пришли къ попу. Только увийшли у хату—у етаго попа родины. Етый попъ за прикайщика за етаго, посадивъ яго за столъ, и давай горѣлку пить: «слава богу, кажа, што васъ богъ принесъ! Мнѣ богъ давъ родины!» Пьютъ яны горѣлку, а етый виноваетъ стоять. Стоявъ, стоявъ, тоды узавъ—висить пологъ—енъ подыйшовъ и сѣвъ на полу ли пологу. И на полу нема никого: ни породихи ни бабки,—яны ходили ў лязню, парились. Приходя попадья уперадъ за бабки, етый чаловѣкъ сидитъ коло полога. Попадья и

говора: вотъ, ты сидятъ за столомъ и закусуютъ, а табѣ и чарки горѣлки не дадутъ, кажа. Яна узяла отварнулася отъ яго, якъ яна спитъ, у головы, и узяла пляшку горѣлки, и наливаа яму чарку горѣлки. «Будь, каа, здоровъ, чаловѣкъ добрый!»—Питя, матушка, на здоровья! Яна узяла, прикушала, и дала яму. Енъ садитъ и думаа: ти дасть другуу, ти нѣ, а ету выпью! Наливаа яму и другуу; енъ самъ сабѣ думаа: ти дасть другуу, ти нѣ, а ету выпью! Наливаа яму и третью. Енъ и туу выпивъ. Тоды ету пляшку поставила у головы, а сама пошла изъ хаты вонъ. Приходя бабка изъ пологу и кажа яму: вотъ, чаловѣкъ добрый, ты пьютъ и закусуютъ, а табѣ и чарочки ня дадутъ! Отварнулася отъ яго, узяла туу пляшку зновъ и наливаа чарку горѣлки, и кажа яму: чаловѣкъ добрый, будь здоровъ!—Пи на здоровья, бабка! Яна узяла, трошки прикушала, долила яму, и поднося. «На, чаловѣкъ добрый, выпи!» Енъ чарку ету у руки узявъ и самъ сабѣ садитъ и думаа: ти дадутъ другуу, ти нѣ, а ету выпью! Наливаа яму и другуу, и третью—зновъ три выпивъ! Узяла яна пляшку ету, поставила у головы, и сама кудысь отварнулася. Етый чаловѣкъ выпивъ ладнаго горѣлки, а закусить—можа дни три ня ѣвши бывъ, паща—и ня дали яны яму закусить ничога. Етый чаловѣкъ ставъ пьянъ крѣпко и сядѣвъ енъ ли запячку. И на ўзапячку у паленочкахъ ляжить рабеночакъ етый, попялѣночакъ (л=н) у ночовкахъ. Тоды етый чаловѣкъ опъянися и посунувся повзъ стѣнку, да локтемъ у ночвы на попялѣнка на етаго, и задавивъ етаго молоденца!.. Собрались попадѣдя, бабка, полядять, ажъ енъ уже задавивъ попялѣнка! Яны закричали и ў ладони запляскали и кажутъ на етаго прикайщика: «што ты ето къ намъ такого чаловѣка привѣвъ, издѣлавъ енъ намъ безчастя,—попялѣнка задавивъ!» Етый попъ выскочивъ изъ стола и говора на прикайщика: куды ты зъ естымъ чаловѣкомъ идешъ? Енъ сказуа: вотъ, батюшка: ето виноваетъ мой—вяду къ пану на жалобу!—«Пойду жъ, братъ, и я съ тобой на жалобу къ пану!» Давъ богъ ранья, и пошли. Ишли дорогой по ласу. Тутъ коло дороги высечано лядо, и на томъ ляди посяно рѣпы. У етаго чаловѣка опричь тыя горѣлки ня було у роти ничога хлѣбнаго уже сутокъ троя. Енъ иде и думаа: вырву я хоть одну рѣпку и зѣмъ, хоть смагу прогоню! Узявъ енъ, ногою уступивъ на лядо, вырвавъ рѣпину сабѣ одну, да ў руку сабѣ. Тутъ сычасъ—сторожи тутъ были—за яго цапъ! «Стой, рабаты: куды вы идетѣ?»—А идомъ—ето нашъ виноваетъ: вядомъ мы яго на жалобу!—«Ну, и мы зъ вами повядомъ яго!» И пошли яны ето уже ўтроихъ, а виноваетъ чатьвертый. Пошли дорогой. Ишли, ишли яны дорогой, приходятъ къ лугу. На етомъ на лугу, коло дороги, пасе гончаръ кобылу. Гончара етаго кобыла утопилася у грязь. Етый гончаръ одинъ мучитца,—етия кобылы ня вытягня зъ грази. Люди етия идутъ мимо яго. Гончаръ и прося: «эхъ, люди добрыя, пособити мнѣ кобылу тягать изъ грази!» Попъ и прикайщикъ и сторожъ: мы табѣ кобылы тягать ня будомъ! А етый виноваетъ иде ззадъ и кажа: дай мнѣ, братъ гончаръ, кусочакъ хлѣбца, я табѣ помогу: я ўже ня ѣвши помираю!—Ходи, братъ, пособи, я табѣ цѣлый бѣхонъ дамъ хлѣба! Пришовъ енъ. Гончаръ узявъ кобылу за гриву, а виноваетъ увязъ по колѣно у грязь, и узявъ за хвостъ. Потягнули яны на берагъ кобылу. Только потягнули—и хвостъ вырвавъ етый виноваетъ у кобылы. Гончаръ и кричить: эй, люди добрыя, куды вы идетѣ? Люди етия яму и сказуютъ: вядомъ

этаго чаловѣка къ пану на жалобу!—Ну и я зъ вами пойду! Кинувъ усё и пошовъ зъ ими. Идутъ яны дорогою уже ўпятарыхъ. Идутъ яны близко коло пана, коло этаго,—коло двора тяче рака большаа, ладнаа. Теразъ туу рѣчку мостъ. Идутъ яны по томъ мосту, и виноваетъ етый надумавъ што? «Вѣрно, мнѣ, каа, пропасть: возьму я утоплюся!» Узавъ, узлѣзъ на паредину, да й скаканувъ у воду. Скаканувъ у воду—а тамъ подъ мостомъ подъ тымъ купалися чанцы (сокращ. чарняцы). Енъ скаканувъ—такъ прамо на чанца! И чанца забивъ! Етыя остальные тамъ, чанцы за яго,—выволокли зновъ на берегъ. И кричатъ: люди добрыя, куды вы идете? Имъ сказали етыя люди: вядомъ этаго чаловѣка къ пану на жалобу! Тоды етый чаловѣкъ бача, што гора, негди дѣтца уже! И чанцы идутъ къ пану! Отъ енъ иде близко коло самага коло паньскаго двора зааду, и ляжить каманъ хунтовъ пять, круглый. Енъ узавъ за тѣй каманъ, да самъ сабѣ и думаа: возьму етый каманъ: што богъ дастъ, то й будя!

Увышли яны ў хату. Прикайщикъ сказавъ свою обиду пану, попъ свою, рѣпникъ свою, гончаръ свою; чанцы свою обиду тожъ сказали пану. Тоды етый панъ гукаа виновайца: што жъ ты, каа, чаловѣкъ добрый, богато такъ шкоды надѣлавъ? Тоды етый виноваетъ ставъ на порози и усё чисто рассказавъ, якъ яно було. И лѣпаа по камни—за пазухой отдулось: суди, каа, пане, по правди: будя и табѣ, будя и мнѣ! Тоды етый панъ призываа прикайщика своего: «у тябе, каа, сынъ одинъ, а воловъ у кошари много. Отдай яму этаго сына, а я табѣ пару воловъ, помяжъ тыщи якихъ ты хочашъ возьми, и съ сохамы, зъ боронамы!» Прикайщикъ ставъ и думаа: «хай пропадають волю, а мой сынъ при мнѣ!»—Ну, каа: на бокъ! Подходи ты, батюшка! Расскажи ты свою причину, объ чомъ?—Такъ и такъ, судья праведнаа: задавивъ мойго рабёночка!—«Ну, дѣбро! Слухай жа суды, батюшка: ты тяперь отдались отъ попадѣди, отдай яму; няхай енъ зъ ёй живе, покуль рабёночка приживуть. Тоды енъ табѣ отдасть яё зъ рабенкомъ!» Етый попъ обдумався: нѣ, каа, хай мой судъ на бокъ, буду я самъ съ попадѣдѣй жить! Тоды панъ кричитъ: ну, рѣпникъ, подходи! Енъ подышовъ. «Объ чомъ, якаа твоя причина?»—Такъ и такъ: вырвавъ рѣпину!—«Ну, вотъ што, рѣпникъ: отдай ету сяголтѣяню рѣпу мнѣ; а на лѣто я выдару ляду и посѣю рѣпу, и отдамъ вамъ усю рѣпу!» Рѣпникъ обдумався и кажа: покуль урода, а готовую отдай! Нѣ, и нашъ судъ такъ.—«Ну, на бокъ! Ну, подходи ты, гончаръ!» Гончаръ подышовъ. «Вотъ што, гончаръ: отдай свою кобылу, што безъ хвоста, етому чаловѣку и со ўсимъ возомъ; хай етый чаловѣкъ бѣдный на ёй потулъ ѣздя, потулъ ѣздя, покуль у кобылы отросте хвостъ. Тоды енъ табѣ отдасть кобылу и горшки!» Гончаръ обдумався. «Нѣ, кажа, панокъ! хай и моё, каа, панокъ такъ!»—Ну ты, гончаръ, на бокъ! Чанцы, подходятя вы! Объ чомъ, якаа причина? Еты чанцы подышли. «Такъ и такъ: забивъ нашего чанца!»—Ну, вотъ што, чанцы: возьми ты яго за ету прахтыку, за ету причину, посади ты яго подъ мостъ. И потулъ скажитя, покуль яго забьете!»—«Нѣ, панокъ: ти убѣёмъ мы яго ти нѣ, а свой коранъ звядомъ! Хай и наша такъ!»—Ну, и на бокъ!.. Такъ енъ разсудивъ ето хорошо! Тоды и говора: ну, люди, пошлится домовъ, а ты, чаловѣкъ добрый, останься!

Тыя пошли, а яго за рѣкавъ придерживъ и кажа: ну, што жъ ты, каа, чаловѣкъ добрый, казавъ: суди насъ по правди—будя табѣ, будя и мнѣ? Тоды етый чаловѣкъ

кажа: «спасибо вамъ, што вы судили хорошо! Коли бъ вы ня судили хорошо мяне, тоды бъ я ставъ на порогъ вышай людей, и вынявъ ба етый камянь изъ за пазухи, и прямо бъ вамъ, панъ, и пеканувъ у черапъ ба, штобъ и вамъ тутъ смерть була! Мнѣ уже одинъ отвѣтъ!» Панъ тоды кажа самъ сабѣ: «хвалить жа бога, што я по правди судивъ!» Да узявъ того мужика, завярнувъ, да за двери: «иди жъ, кажа, домовъ, да ня будь такой разбойникъ!..» Вотъ моя и казка ўся.

С. Нисимковичи, рогац. у. Кр-тъ Денисъ Семеновъ, 43 л. неграмотный.

Бывшіе у насъ другіе списки сказки не помѣщаемъ. Въ *Гомельск. у.* богатый братъ идетъ судиться съ бѣднымъ за то, что тотъ вырвалъ хвостъ у его лошади, привязавъ возъ дровъ къ хвосту. Въ *Снинен.* за то, что волки съѣли у бѣдняка лошадь, взятую у богача для привоза дровъ. *Здѣсь же:* Богатый братъ былъ бездѣтенъ; но когда бѣдный поймалъ чудную «рыбину» и далъ ее съѣсть женѣ его, то у нихъ родился сынъ. «Судья праведная» присудилъ отдать этого сына бѣдняку. Богачъ разум. не согласился.

Ср. Чубинск. 657.

15. Несцерка.

Живъ сабѣ такъ Несцерка, мѣвъ дѣткыкъ шесцерко. Робиць лянитца, красци боитца, попросиць не насмѣецъ—не съ чаго яму прожиць. Вотъ енъ узявъ ды й пошовъ къ богу. Идзецъ, ажны ѣдзецъ Юрѣя-зылотовое сядло. «Здоровъ, святѣй Юрѣю!»—Здоровъ! Хто ты такой?—«А я, кажець, Несцерка, дѣткыкъ шесцерко, робиць лянюсю, красци боюсю, попросиць не насмѣю!»—Куды жъ ты идзешъ?—«Къ богу!»—Чаго?—«А вотъ чаго: не съ чаго мнѣ прожиць, дыкъ пойду къ богу спрошу, чимъ мнѣ займатца: ци читаць, ци писаць, ци зъ горшковъ хватаць? А ты куды, святѣй Юрѣю?»—Къ богу й я!—«Зачимъ?»—А про свое надобноспи!—«Ну, усюмни тамъ, святѣй Юрѣю, про мяне!»—Добро, усюмню!—«Спытайся ў бога, святѣй Юрѣю, чимъ мнѣ займатца?»—Добро, спытаюсь!—«Забудзешъ, святѣй Юрѣю?»—Нѣ, нѣ, спытаюсь!—«Нѣ, забудзешъ! Дай мнѣ ў зыставу свою зылотовую стрямѣну, што не забудзешъ!»—А на чимъ жа я поѣду? Несцерко узявъ лозинку, здѣлывъ стрямѣну и привязавъ, а зылотовую у зыставу узявъ. Поѣхывъ тѣй Юрѣя къ богу, а енъ дожидаетъ яго, покуль енъ вернетца, на тѣй дорози, куды треба було ѣхыць Юрѣю. Тоды святѣй Юрѣя распросивъ у бога про свое надобноспи и ставъ садзитца на коня. А богъ увидзѣвъ лозовую стрямѣну и пытаецца: а идзѣ твоя стрямѣна?—А, Господзи, Несцерка отобравъ,—мѣецъ дѣткыкъ шесцерко, робиць лянитца, красци боитца, попросиць не насмѣецъ, съ чаго яму прожиць?—«А нехай круциць ды мотаетъ и душѣ питаецъ!» Юрѣя и поѣхывъ. Подѣѣхывъ енъ къ Несцерку, тѣй Несцерка пытаецъ: а што, святѣй Юрѣю, што табѣ богъ кызавъ?—А во што богъ кызавъ: нехай круциць ды мотаетъ и душѣ питаецъ! Ну, дай жа Несцерка, мою стрямѣну, што ты у мяне узявъ у зыставу, зылотовую!—«А кыли я уцабе яе бравъ? Я ще самъ табѣ давъ стрямѣну лозовую. Пыдавай мнѣ яе нызадъ! Во моя стрямѣна—ли сядла!..» Што тѣй Юрѣя выбрався зъ Несцеркомъ, али-тки мусивъ зыплациць зы лозовую стрямѣну.

Тэй Несцерка побѣгъ у хату. «Троху пожитку ё, славь-богу! Мяѣ-тки не выпрасно богъ скизавъ, што якъ солгу, дыкъ живѣ буду и съ того хлѣба!» Проживъ тое, што зыплачивъ яму Юрѣя зы лозовую стрямѣну, тоды ўзявъ и повѣсивъ зылотую стрямѣну ны воротахъ. Ажны ѣдзецъ панѣ быгатый. Увидѣвъ стрямѣну, што висить ны воротахъ и кажець своему кучеру: зайдзи, пыпытайся, ци ня ёсь у яго прыдажныя сѣдлы? Кучеръ зайшовъ у хату и спрашиецъ: што, ты сѣдлы дзѣлынешъ?—Дзѣлыю, кажець Несцерка, ды тольки ны зыказъ, пытому, я дзѣлыю сѣдлы дырогін—серебрыныи, зылотыи! Кучеръ пошовъ и скизавъ пану. Тэй панѣ злѣзъ, и стали дыгывариватца. Дыгыварилиси, капъ енѣ здзѣлывъ яму сядло за сто рублей, и зъ-горы гроши. Узявъ Несцерка гроши ды й сядзиць на печи. Пріѣжаецъ тэй панѣ зы сядломъ, а енѣ ляжиць босый на печи. «Идзѣ сядло?»—Якое сядло, паночекъ?—«Ды тое, што я табѣ дававъ гроши!» Несцеръ тольки ксцитца: а-вой—а-вой! Якое у мяне сядло? Я ня ўмѣю лапцей сплѣспи... Панѣ тэй кричавъ, кричавъ, ды й кажець: выдзѣвайся, пойдземъ на судъ! А Несцерка кажець: а што, ци я босый поѣду?—Ахъ, дзябלי яго возьми! Кучеръ, дай яму моѣ валенцы! Ну, выдзѣвайся, пойдземъ!—«А што, ци я голый поѣду?»—А, нехъ ци, пане, дзябли ўзяли! Дай яму, кучеръ, мою хутру! Кучеръ принесъ хутру, Несцерка обувся, одѣвса. Вышли вонъ. Панѣ ставъ садзитца ны коня, а Несцерка глядзѣвъ, глядзѣвъ, ды кажець: «а што я, ци сыбака, ци што—што я пяхкомъ пыбягу!»—А, нехъ ци дзябли, пане, узяли! Дай яму, кучеръ, присяжного кыня! Сѣвъ тэй Несцерка и поѣхыли на судъ. Пріѣхыли туды. Стали ихъ судзиць. «Ну, што ты, Несцерка, гроши пану ня 'тдаешъ?»—«Ды я жъ яму ня винувать! Енѣ ко мяѣ вяжетца, самъ ня вѣдаю чаго. Хочецъ, мусиць, сырваць што-нибудзъ! Зарызъ скажець, што гѣто и боты яго на мяѣ! Панѣ тэй кажець: дуракъ ты! дыкъ гѣто жъ моѣ боты!»—Ну, во, видиця! Енѣ во кажець, што боты яго на мяѣ. Можя енѣ скажець, што и хутра гѣта яго! Панѣ ўзнава: ахъ, кабъ цябе дзябли, пане! Гѣто жъ моя хутра!»—«Ну во, видиця, господзины судьдзи: енѣ ужо признаѣтца и къ хутри! Можя, заразъ скажець, што й конь гѣто яго! Панѣ тэй ўзнава кричиць: ахъ, капъ цябе дзябли, пане! Гѣто жъ и конь мой!»—«Ну во, видиця, господзины судьдзи: енѣ ужо кажець, што й конь яго!» Судьдзи тэй думыли, думыли, ды й кажущъ пану: нѣ, братъ, видаць, што ты илжешъ, што ето ўсѣ твое: и хутра, и боты, и конь, и гроши! И ничого не присудзили Несцерку (въ знач. никакаго взысканія). Сѣвъ тэй Несцерка ны коня и поѣхувъ у дворъ. Засталиси яму и конь, и хутра, и боты, и гроши. И цяперъ живецъ съ тыхъ грошей.

Д. Тыльцы, латыгов. вол. стынн. у. Кр. Кондратій Рынкевичъ.

б, Буѣ саби Несцерко, було ў яго дзяцей шесцярко. Юнѣ заробиць лянитца, а ўкрѣспи бунтца, а пупросиць стыдзитца. Узѣў, пушоў къ бугатуму мужуку проסיць хлиба. Мужикъ яму хлиба ня доў, доў жменьку муки. Юнѣ кулі принясь ету муку думоў, спякла жўнка коржъ и разлумала дзяцямъ. Цяперъ, кулі яны зыли етый коржъ, бульше нема ничого исци, нема ани! Пушоў юнѣ акъ другому мужуку. Другій мужикъ доў жменьку муки. Юнѣ ишоў думоў, вицяръ дунуў, и высипуў усю муку зъ жмени. «Пуйду, гувора: убью витра!» Прихўда къ витру: «на шту

ты высыпуу мою муку?» А вицарь кажа: «постуй, Несцяр: я винуват! За гэта таби домъ (дамъ) кўзлика, якій моа (можа) сыпаць усякамі грошмі. Якъ прызямъ дымоу, дыкъ и скажи: кузликъ, кузликъ, насыпъ грўшай! Юнъ и насыпля!» Пушоу Несцярка у двурь! Пу дуроси зайшуу юнъ акъ рандару; пупросиу горылки. Рандаръ яго напоиу. Юнъ напився пьяный и люгъ спаць, а жидъ узёу кузлика, и другого пуставиу. Прошнувся юнъ, кузлика узёу и пувюу дымоу и кѡжа (кажа): «жунка, вяду кузла, якій дае бугато грушай! расцilia хусту!» Жунка разоствлала хусту. «Кузликъ, кузликъ, дой грушай!» Кузликъ стуиць, и ничего ня доу. «Э, кули гэто мяне вицаръ обманиу, пуйду знуу къ яму!» Прихудзя къ витру. «На што жъ ты мяне обманиу: доу мни кузлика, шту й грушай ня дае?»—Ни, Несцяр! Я таби доу дубраго: ето цябе пудманиу нихто! Ци заходзиу ты акъ куму (кому)?—«Заходзвю акъ жиду рандару!»—Юнъ цябе и обманиу! Домъ тоби ще скацярку, якаа дось пиць и исьци. Разварни яе и скажи: скацярка, дой пиць и исьци! Яна и дѡсь (дасть). Пушоу Несцярка дымоу. Идзе пувзъ кършму, вышоу жидъ и кѡжа (кажа): Несцяр, ты ужѡ бугатый, ня хочашъ зайци и чърку горылки выпии! Несцярко зайшуу и прун горылки. Жидъ доу яму горылки, кульки юнъ ходиу. И напився юнъ пьяный и заснуу. Жидъ скацярку ўзёу, а другую такую пудложиу. Несцяръ устоу—скацярка у запазуси, и пушоу дымоу. «Жунка, нясу скацярку, якаа дае пиць и исьци. Субирай гусцей!» Жунка субрала гусцей (гостей,) пусадзила на ловку. «Ну, Несцяр, разгартуй скацярку: хай гўсци выпиваюць да закусуюць!» Несцяр разгарнуу скацярку: скацярка, дой пиць и исьци! Скацярка ня дае! «Э, кули такъ, ня пуйду болшъ акъ витру!» Узёу позычиу рубля грўшай и куню (коню) усадзиу у срѡку, и скузоу жидомъ: прудою куня, куплѡйца! Жиды приходзюць и торгуюць куня. «Кульки таби, Несцяр, доць за яго?»—Дойца мни пяцьдзесять палковыхъ! Жиды яму даюць пяць золотыхъ (75 коп.)—«Идзиця вы отъ мяне! Ха-ха-ха,—смѡяцѡся надо мною! Муя кубыла грушамы сыпля!» Узёу, пуставиу чацьвярикъ потъ хвустъ, и сцѡбнуу пугой. Кубыла выкинула уднуѡ рубля.—«О, бачили!»—Ну, будзя, будзя, Несцярко, не сцѡбай! Доли (дали) Несцярку пяцьдзесять палковыхъ. Несцярка тья грўшы (гроши) пропиу. Цяперъ шту дзилаць? «Пуйду куго-небудзь убюу!» Узёу дувбешку и пушоу на дурѡгу, и стоу на мусту. Идзя Юрай на сивымъ кони и пытоетца: «чаго ты, Несцяр, стуишь?»—Хѡчу куго-небудзь убиць, кобъ отобраць грўшай. А ты хту такий пытоецься?»—«А я Юрай!»—Куды ты идзямъ? «Иду (ѣду) къ бугу!»—Пупытѡй, тамъ, чимъ мни питатца? Хѡй бугъ дось мни пимъ (пиць) якую-небудзь!»—«Дўбро, пупытѡю!»—Ни, Юрай, ты забудзямъ! Дой мни стрымя сь провья нуги!.. Юрай утчаниу и утдоу. «Отъ, цяперъ ты ня забудзямъ! Будзямъ на куня садзитца, а стрымя нема, дакъ и ўздумаешъ на мяне, на горкаго Несцярку!»

Вышуу Юрай отъ бўга (бога) и стоу садзитца на куня; убачиу, шту нема стрымя и ўздумуу на Несцярку. «Господзи, чимъ Несцярку питотца?»—А шту забожитца, да заклѡнетца, дакъ тое яму и останѡтца!.. Прихуу Юрай къ Несцярку. «Здуроу, Несцярко!»—Здуроу, Юрай! Ну шту, пупытѡся?»—«Пупытовся! Вугъ искузау: шту забожитца да заклѡнетца, тое *таби* и останѡтца. Ну, дой жа муѡ стрымя!»—А кули ся у цябе брѡу стрымя?»—«А я жъ ихау къ бугу, дакъ я таби доу!»—Ни, Юрай,

я ня броў!.. Ну, шту жь Юрью довго спорыць зь імь—узёў ды й поихуў, куды знёў (знавъ). А Несцярка пушоў духоў и повисиў на вуротах стрыма. Идзя пань пувзъ Несцяруву хоту. Глянӯ на вуроты и кѡжа на кучара: стой! пулядзетка, на вуротахъ висецъ зулутое стрыма. Ето юнъ, мусиць, дзилая сюды зъ зулутыми стрымами. Кучаръ, гукнитка гэтаго мужука! Кучаръ гукнуў мужука. Несцярка вышуў, знёў шапку. «Здрѡстуй, пань, на шту ты мяне гукаашъ?»—А моа ты дзилаешъ сюды зъ зулутыми стрымами?—«Дзилаю!»—Издзилай мни!—«Издзилаю!»—Кульки ты вузьмешъ?»—«Триста цалковых!» Пань доў яму пувтораста задатку. «А вутъ, пань, у нядзилю присылайця кучара за сядломъ и останныя грӯшы.» Пань поихуў духоў. Дуждавъ нядзили, одоў кучару груши, и поихуў кучаръ къ Несцярку. «Ну, шту, Несцярка, издзилаў сядло?»—Издзилаў, давой грӯшы! Кучаръ грушы утдоў, ды й кѡжа: дой жа сядло! Несцярь яму отказуя: прѣдзъ исъ панумъ зоўтра, вѡзьмеця сядло. Кучаръ пуикаў духоў. Прѣихаў духоў и пушоў акъ пану у хоту. Пань пытаецца: ци узёў сядло? Кучаръ яму каа: зоўтра, пань сь тубой пуидомъ! Назаўтраго пань запругъ троя куняй у куляску и пуикаў. А Несцярь уже стрыма знёў зъ вуротъ. Прѣихаў къ Несцярку и гукаа: «Несцярь, худзи-тка сюды, няси и сядло!»—Якое таби сядло? Хѣба я умію дзилаць сядло? Дзи ты бѡчиў, кобъ мужикъ дзилаў сядло?»—«А якъ жа? Ты жь у мяне узёў грушы!»—Куль? хѣба ты здурэў?»—«Дакъ пуидомъ, Несцярь, судзѣтца!» Пуидомъ? Хѣба жь я пуиду босый, голый? Дой мни свѡе чоботы, и дой мни свѡю шубу!.. У пана було двоя чоботуў, одны цюплыя, другія такія. Юнъ цюплыя боты знёў, и утдоў Несцяру. Несцярь на-дзиў и сиў исъ паномъ пѡплячки, и пуикали на судъ. Прѣихали акъ суду. Пань суско-чиў и пубигъ упераду акъ судзѣбнымъ, кобъ уперадъ разказаць про Несцяра. А Несцярь излазя пумаленьку и идзе услѣдъ. «Ну, шту жь ты, Несцярь, у пана гру-шы броў?»—Я грӯшай ня броў, у мяне и своихъ бугато ю! Юнъ можа на мяне под-маниць. Юнъ можа скажа, шту ето и шуба яго на мни и чоботы!—«А якъ жа не моя?»—Кобъ твоя, дакъ ба была на таби. а то яна на мни. Искажашъ мо, шту ето куня твѡе?.. Начали судзиць, шту усю Несцярово: и шуба сь чоботами и куня сь ку-ляской. Несцярь вышоў на двуръ и сиў у куляску, и каа на кучара: поная! (со-кращ. погоняй!) Прѣихуў духоў, кучара расчѣтоў и утпровиў духоў, а куняй пру-доў, грӯшай наброў. И начали зъ жаной жиць и дзѣтогъ курмиць.

Пришлось мни тамъ быць, побываць, горылочки пупиваць. Хопився я за вуко и ў роци сухо. Доли мни пирѡ—я за порогъ; доли мни блинъ—я за вуроты виль. И муюй казцы кунецъ.

Д. Станьково, рог. у. Кр. Иванъ Шидловскій.

17. Шугъ.

Жили были такъ три браты, и ўси яны были злодѣи. Собрались яны нѣшто разъ вѣхыць красци мѣдъ; вотъ и поѣхили. Украли колоду меду ды вязуць. А сусѣдъ ейхний и увидзивъ рето. И гетый ейхний сусѣдъ ды дужо большій бывъ шугъ. Вотъ енъ дыгнавъ ихъ, подпозъ цихынько къ колодзи, узьлѣзъ на колесы, ды мѣдъ са-

выграбъ. А тоды ўзявъ, туды наклавъ, ды соскочивъ и пошовъ домовъ. Приѣжджающъ яны домовъ; уняли колоду у хату и отчинили. Старшій братъ кажець: треба поспробываць мѣду! Ды пымакнувъ палець и облизавъ. А сярэдній спрашяець: «ци смаханъ, братъ, мѣдъ?» А яму хоць и не смашно, али кажець: смаханъ, братъ! поспробай ты! И сярэдній пымакнувъ палець, поспробывавъ, ды тольки мордой закручивъ. А меньшій кажець сяреднему: ци смашный мѣдъ? И той кажець: смашный! Тоды поспытавъ и меньшій. Поспытавъ и кажець: «ахъ, капъ вамъ, братцы, такъ смашно было жиць, якъ гетый мѣдъ смаханъ!» Тоды тѣя браты кажущь: «гето ўжо намъ поддѣлавъ нашъ сусѣдъ—шуть! Пойдземъ яго забѣёмъ!» И пошли къ яму.

А енъ ещо упародъ почувъ гето, ды увѣвъ кобылу у хату, а ина наклала... Тоды енъ узявъ, накидавъ туды серабра, и перабираець. Приходжущъ тѣя браты и спрашяюць: што гето ты дѣлаешъ? А енъ кажець: «ды во ў мяне гета кобыла серабромъ валаець. Коли ня будзеца мяне биць, дыкъ я продамъ вамъ гету кобылу!» Яны узрадовались, заплацили яму много грошій, и пывяли кобылу домовъ.

Першъ за ўсихъ узявъ яе къ сабѣ старшій братъ. Напоивъ, накормивъ и поставивъ на ночь у хату. Устаець назаўтраго, и давай кыпатца. Кыпавъ, кыпавъ, и ни копѣйки не нашовъ. Прибѣгаець икъ старшому сярэдній бртъ. «Ну што, ци нашовъ?» —А, братъ, нашовъ: будзець и мѣ и дзяцѣмъ моимъ! Тоды сярэдній кажець: «ну, дыкъ давай жа мѣ сянени на нычъ кобылы!» Тѣй отдавъ яму. Ёнъ гедыкъ само накормивъ, напоивъ и поставивъ на ночь у хаці. Назаўтраго устаець ёнъ и давай кыпаць. Кыпавъ, кыпавъ, и не нашовъ ни грошка. Прибѣгаець меньшій къ сяреднему. «Ци нашовъ?» Сярэдній и яго обманивъ такъ жа само. Узявъ меньшій къ сабѣ кобылу, накормивъ, напоивъ и поставивъ на ночь у хаці. Назаўтраго уставъ дужо рано и начавъ кыпаць. Кыпавъ, кыпавъ, и ничего не нашовъ. Пообѣгъ къ братамъ и кажець: «ахъ вы, обманьщики! капъ вамъ повѣкъ такіе гроши!» Тоды яны кажущь: «ну, цяперъ ужо пойдземъ, ни зашто не просыцимъ: забѣёмъ яго!»

А шуть гето давно знавъ. Зарѣзывъ козла, узявъ пузырь, наливъ кровью, подвязавъ жонцы пыть паху и кажець: я цябе порну ножымъ у гетый пузырь, дыкъ ты тоды зывалися; а якъ возму пугу ды удару пы табѣ, дыкъ ты ўскочы и идзи на работу! Вотъ, приходжущъ тѣя браты ў хату, а енъ и нычавъ кричаць на жонку: чаму ня йдзешъ у грибы, пранцаватая! А йна кажець: а вой, куды я пойду? Отъ енъ нбытцамъ рассердзился, ды якъ порнець ёй ножымъ пыть паху—кровь съ пузыра и пылила ручкомъ, и баба тая пывалилася... Тѣя браты думяюць: ци не здурнѣвъ ёнъ, жонку забиць! А шуть ухвацивъ пугу, якъ удариць по жонцы, дыкъ жонка ускочила и пышла. Тоды яны кажущь: продай намъ гетый ношъ и пугу, дыкъ мы ня будземъ цябе биць! Ёнъ и продавъ имъ и ношъ и пугу, много грошій узявъ. Ну й такъ жа узявъ перша гетый ношъ и пугу старшій братъ. Пришовъ у повночь домовъ и кажець жонцы: идзи, жонка, у грибы! А тая кажець: а вой, куды я пойду! А ёнъ яе ножымъ потъ бокъ. Тая того часу и сысьвяжилася... Тоды узявъ пугу, бивъ, бивъ и по ёй и пы зямли—не ўстаець жонка! Ёнъ скорѣй выкопавъ яму ды й зыкопавъ яе, капъ другіе браты ня вѣдыли. Троху пыгодзя прибѣгаець сярэдній братъ: «а што, ци ўдалася пуга и ношъ?—А ўдалася!—«А дзѣ шъ твоя жонка?»

—Ды пошла шь у грибы!— «Ну, дыкь дай жа шь и мнѣ!» Тѣй и отдавъ. Приходзиць сярэдній братъ домовъ и кажець своей жонцы: идзи, топи лазню! А тая кажець: «што ты гето? Сягоня шь свято, якъ я буду топиць?» А тѣй надовго думывши якъ сопонувъ ножымъ у сердца, дыкъ тая и зыхрапла ды й вобъ землю... Тѣй тоды схвацивъ пугу, якъ удариць—не ўстаець; енъ другій разъ—не ўстаець; бивъ, бивъ—и ничо́го. Вотъ тоды ужо енъ спызнавъ, што гето шутъ ихъ обманивъ. Пошовъ къ старшаму и пытаецца: «няўжо твоя жонка отжила? А я шь свою забивъ!» Тоды и старшій признався, и кажець: «идзи, братъ, домовъ, и якъ прѣдзецъ меньшій, дыкъ ты яго обмани, капъ и енъ свою жонку забивъ!» Пришовъ сярэдній домовъ, выкыпавъ яму, зыкыпавъ жонку ды й сядзиць у хади. Ашъ прибігаецъ меньшій и кажець: ну, ци пробувавъ отживляць жонку? А енъ кажець: а, братъ, забивъ и отжививъ, и ина ужо топиць лазню, приходици вотъ сяньня мытца! Тѣй кажець сярэднему: ну, дай жа шь и мнѣ пугу и ношъ, бы й моя жонка ня слухаецъ мяне! Узавъ ношъ и пугу, пошовъ домовъ и кажець жонцы: идзи, жонка, за горѣлкой! А ина ня йдзець ды ругаецца. Отъ ёнъ схавивъ ношъ: ахъ ты, курва! ты ще мнѣ будзешъ ругатца! Ды якъ рызанецъ по горлу, дыкъ таа и зывалилася. Тоды енъ пыходзивъ троху, узавъ пугу съ круку ды лопъ по ёй—не ўстаецъ жонка; ёнъ другій разъ—не ўстаецъ; енъ бивъ, бивъ,—али ужо и спызнавъ, што яго обманили и браты и шутъ. Крѣпко разсердився, побѣгъ къ сярэднему брату и чуць ня зѣвъ яго, кричучи, за тое, што енъ яго обманивъ. Послѣи сыйшлиси яны и зговорылиси, кабъ беспремѣнно забиць ци повѣсиць шута за тое, што енъ здыѣлавъ имъ дужо большій уронъ. Собралиси и пошли.

А шутъ ящѣ ўпяродъ выкыпавъ яму, самъ улѣзъ и ўзявъ исъ собой диду. А жонцы скызавъ: «закрый мяне дошками, сама сядъ на ихъ и гылоси; а якъ придуць тѣя браты биць мяне, дыкъ ты скажи, што я ўжо помёръ!» Приходзюць браты, а ина сядзиць на ямини ды й голосиць, причытыецъ. Тоды яны кажущъ: чаго ты плачешъ, мылодзица? А йна кажець: «чаму шь мнѣ не плакыць, коли мой мужикъ помёръ!» Тоды яны нычали радзитца, што дѣлаць. Вотъ, и кажець старшій: «а што мы здыѣлыемъ? Усё равно, мы ужо ничего яму ня здыѣлыемъ,—вѣзьмемъ ды наваляемъ ны яго могилку!» Ды спустивъ штаны и сѣвъ. А шутъ узавъ дзиду, ды празъ щелку якъ поронецъ яму у тую—дыкъ тѣй чуць гвалту ня крикнувъ. Али уцѣрпивъ и думыецъ: нехай порнецъ и имъ! Тоды и сярэдній сѣвъ на яму,—и сярэднему гедыкъ само порнувъ шутъ дзидой. И тѣй такъ само соскочивъ скоро, али ня крикнувъ, и думаецъ: нехай и меньшаму порнецъ! Сѣвъ пошовъ меньшій, а енъ тому якъ порнувъ, а тѣй якъ соскочиць, ды якъ крикнець! Тымъ братамъ хоць и не до смѣху, али зыхытали кылы яго, ды кажущъ: «ву, чортъ яго бари! хоць и порнувъ намъ и жонокъ звѣвъ, али енъ ужо ня вывернетца зъ нашихъ рукъ!..»

Тоды достали яго изъ ямы, усадзили у мѣхъ и повязали къ возяру топиць. Привязали къ возяру, пыложили на бѣрагу. Старшій братъ тоды кажець: во цяперъ пойду вырыжу прутъ, ды дамъ—дамъ на прощанье хорошенько! А сярэдній кажець: пойду шь и я вырыжу! И меньшій такъ само кажець: и я пойду вырыжу прутъ, ды дадимъ яму уси! И пошли ўси ў лѣсъ. Чуецъ шутъ, сѣдзя у маху, што яны пошли, а нѣхто дужо шпарко ѣдзець. Тоды енъ дывай кричаць: «ай, ня умѣю ни читаць,

ни писаць, а на королевство садзюць!» А гето йхавъ панъ дужо богатый. Почувъ ёнъ гето, подыйшовъ къ машку, развязаъ яго, выпусцивъ шута ды кажець: «я ўмью читаць и писаць, нехай мяне садзюць на королевство!» Тоды шутъ кажець: лѣсь у мѣхъ, а я цябе зываю; дыкъ тутъ придучъ тоды три чаловѣки и пьсадзюць цябе на королевство! Панъ той, нядовго думавши, улѣсь у мѣхъ, а шутъ завязавъ яго, а самъ сѣвъ ны яго коній и поѣхывъ. А браты припли, отжарили тому паву, ды й укинули у возяро,—тольки бурболки пошли...

Пришли яны домовъ, рады, што утопили шута, што не дававъ енъ имъ а ни красци, а ничо́го дѣлаць. Троху пыгыдзя, глядзяць яны: што гето такое? Ъдзець шутъ ны такихъ бурыхъ коняхъ, што яны ниразу ня видзили. Выскочили яны съ хаты и пытаюць: а вой! идзѣ ты бравъ еткихъ коній? А енъ кажець: «а вы шѣ сами чули, якъ топили мяне, што я ўсё казавъ: бурый, бурый, бурый. Тамъ жа у возяри страхъ, што коній! Я выбравъ сабѣ бурыхъ и съ колыманшкой ды й поѣхувъ!» Тоды тѣя браты давай просиць яго, капъ енъ ихъ пыўтапливавъ, капъ и имъ вывесци по парцы такихъ коній. Тѣй тоды узывъ ихъ, поўсадживавъ у мѣхъ, завѣсь у. возяро и пыўтапливавъ усихъ трохъ. А ихними хатами и замлей самъ ставъ уладаць.

М. Лукомль, сѣни. у. Запис. кр. Миронъ Познякъ.

б, Жили сабѣ два браты. Одинъ бывъ бѣдныи, а*другій богатый. Большій бывъ богатый, а меньшій бѣдныи. Богатый мавъ съ паномъ хорошій совѣтъ. Тяперака приходя меньшій братъ къ большаму и прося: одовжи мнѣ, браточка, грошай! А енъ яму отказуа: «атъ, такому дураку буду гроши давать!» Оборотився енъ зъ естымъ словомъ назадъ и зарѣзавъ овечку. Постѣяли яны тогды гречку, большій братъ и меньшій. Поморозивъ морозъ гречку обоихъ, и большого и меньшого. Тяперака, пошовъ шукать меньшій братъ мороза, и шкуратину узывъ съ собой. Ишовъ, ишовъ, приходя ў лѣсь. И тамъ ё пень большій, и сядить на тымъ пни морозъ,—сивый такіи, борода сивая, самъ увесь сивый. И спрашуа меньшій братъ у мороза: «што ты мнѣ здѣлавъ? ты моихъ дателей посиротивъ—ты мою усю гречку побивъ!» Тяперака морозъ кажа на бѣднаго: на табѣ во ету торбочку, и иди зъ естой торбочкой на дяревню, и тамъ мужикъ богатый—силно живе! Ёнъ пошовъ, приходи подъ вокошко—огонь горить, и прѣситца енъ на ночь: «пуститя мяне, подорожнаго чаловѣка, на ночь!» А тамъ была одна ходяйка, и говора: мого чаловѣка нема дома, мнѣ пустить тѣбе пѣльга! А ёнъ отказуа: ради Бога, пуститя! Тогды яна обдумалася: «ну, иди, кажа, сабѣ хоть тамъ ли коми́на пераночуй, на горѣ, на хати, вопъ тамъ!» Ёнъ лѣгъ къ коминочку и пригрѣвъ свой бочокъ. Удругъ слыша ёнъ, штось стукая у ворота. Тогды яна спрашуа, тая баба: хто тамъ стукаа?—«Арина, Арина, отчини мнѣ!»—«Ды хто ты?»—«Попъ!» Отъ, яна яму отчинила, пустила яго ў хату, за столъ яго посадила, поставила, знатца, разные налитки, разные наѣдки, и частуа... Гуляять!.. Тогды етый чаловѣкъ дирочку раскопавъ, дивитца (смотриць) ў хату и ето ўсё бача. Чуять яны, ще хтось стукая у ворота: «Арина, Арина, отчини мнѣ!» Яна отчинила, ажъ ето дякъ.—«Ахъ ты, дякъ ты лысый, чаму ты разомъ съ попомъ ня ишовъ!» Тяперака, етый чаловѣкъ дивитца у дирочку, што, знатца, зъ естыя ходяйки дѣетца. Пилі, пилі, ажъ зновъ

стукаютца у ворота: «Арина, Арина, отчини мнѣ! Отъ яна: ахъ ты, проклятый пономарь, лысая мотыка! Чаго вы ўсѣ по 'днымъ ходите? Тяперака, яна ямѣ отчинила и усихъ за столъ засадила. Тѣ бывъ пирь хорошій, а то ще получчавъ! А той усѣ дивитца у дирочку, што изъ естаго будя. Тяперака, гуляять такъ, што бяда. А чаразъ часъ того урема стукая у ворота: «отчини, жана, ворота!» Тогды яна говора: «ахъ, Божа мой! Идѣ мнѣ васъ дѣть,—мой ходяинъ пріѣхавъ?» А попъ отказуя: а я потъ печь полѣзу! А тогды дякъ говора: «а куды жъ мнѣ?»—И ты туды жъ лѣзь, за попомъ, потъ печь! Тяперъ пономарь говора: «а мнѣ жъ куды дѣватца?»—А й ты туды лѣзь, потъ печь! Сховались яны потъ печь, отъ, яна тое усѣ поховала—горѣлку на полицу, а жараное и вараное у печку, и идѣ ямѣ отчинять ворота,—и нездоровая уже, авдаракъ спустила. «Охъ, охъ! нездорова я!» Тяперака, отчинила яна яму ворота, уходя ёнъ у хату. Увійшовши ето у хату, спрашуя сабѣ у жаны вячеры. А яна яму отказуя: «я и печки не топила, и ничо́го не варила, бо чуть тольки хожу—сусимъ я штось нездорова. Онъ, на столѣ хлѣбъ, онъ, тамъ цыбулька ляжить... Хлѣбъ, соль, водичка—отъ у мяне и вячера!» Тогды тѣй узавъ воды корецъ, хлѣба и цыбулю, и ўсѣ ето ѣсть. А тѣй усѣ дивитца изъ хаты, што ето дѣтца изъ тѣхъ ходяйки! Тяперака, енъ лядѣвъ, лядѣвъ,—стало яму жалко яго. Иалѣзь енъ съ тѣхъ-хаты и подыходя подѣ вокошко къ ходяину. «Пусти, каа, ради Бога, ходяинъ, мяне на ночь!» А яна отказуя: а на што ёнъ намъ? Я нездоровая, ёнъ докучать будя! А ходяинъ отказуя: «нѣ, треба пустить: я самъ по дорогахъ ѣжду! Ходи, добрый чаловѣкъ!» Енъ пришовъ у хату и сѣвъ на лавцы, ли яго, идѣ ёнъ сядѣвъ. «Вячерай со мной, добрый чаловѣкъ!»—А, ходяинъ, вячерай ты сабѣ!—«Нѣ, кажа, вячерай: вотъ табѣ вода, вотъ табѣ хлѣбъ, соль.... Моя ходяйка нездорова была, и вячеры не зготовила!»

Тяперака, яны сидять, хлѣбъ ядять и цыбульку, водой запивають. А чаловѣкъ той усѣ за торбочку шкрабая. Тогды спрашуя ходяинъ: «што ты шкрабаешъ усѣ торбочку?»—А яна у мяне вяликая ворожка, тая торбочка!—«Коли яна вяликая ворожка, дакъ выворожъ невѣ, ти будя скоро здорова моя жонка!» Тогды ёнъ торбочку тую шкрабъ-шкрабѣ! и отказуя: «твоя жонка будя заўтра здорова, и такъ, што Божа, Божа!» Посядѣли ще мале урема, ёнъ изновъ за торбочку—шкрабъ, шкрабѣ! «Што ты ето изновъ за торбочку шкрабаешъ?»—Да яна ворожка вяликая, ета торбочка! Отъ, полядитца, ходяинъ, што у васъ у печцы дѣтца!.. Узавъ тѣй ходяинъ свѣтло, открывъ заслонку, ажъ тамъ гусь жараная, поросенокъ жараный... Вынимая енъ усѣ ето съ печи, ставлюя на столъ. А тѣй чаловѣкъ зновъ за тую торбочку шкрабъ-шкрабѣ: «поляди, каа, ходяинъ, што ў тебе на полицы дѣтца!» Той зновъ за свѣтло, и тягня съ полицы вино, наливку и всякаю всячину. «Да, кажа: хорошая твоя торбочка ворожка—вѣру я ёй!» Тогды яны сидять и ядять, и пьють, и закусують... Посадивъ енъ того чаловѣка за столъ, а самъ сѣвъ насупроти яго. Тяпера, ёнъ изновъ за торбочку шкрабъ-шкрабѣ! А ходяинъ спрашуя: што ты ето изновъ за торбочку шкрабаешъ? А ёнъ яму отказуя: «да яна у мяне ворожка, ворожка прилихая!»—Да што-жъ яна ворожка?—«А полядитца подѣ печку, што тамъ дѣтца!» Полядитъ ходяинъ потъ печку, ажъ тамъ попъ сидить на перади. «Чаго ты, каа, суды

залѣзъ?» Сичасъ яго за косы, за длинныя волосѣя, ды по вуху! Ставъ яго бить. Бивъ, бивъ, сколько хотѣвъ и вонъ яго вытягнувъ. Ну, тяперака, добрався до дьяка. «А ты чаго, дьякъ лысый, суды забрався? Ходи й ты суды!» Качавъ, качавъ яго высняччамъ, качавъ, качавъ, да й вонъ яго. Тогда: «ходи й ты, лысая мотыка, и табѣ ета самая честь будя!» Качали, качали уже удвоихъ, да й вонъ вытягнули, усихъ, прамо, няживыхъ. Тяперака на жонку: «Дакъ такъ ходяина сустракаять! Ты мнѣ дала воды да сольки! Отъ, и табѣ такая честь будя, якъ и имъ!.. Ну, твоя торбочка—на етаго чаловѣка—ворожка, дакъ ворожка! Тяперь я ей вѣру! Продай, говора, ты мнѣ яѣ!»—Нѣ, дядячка, не продамъ я яѣ,—яна мнѣ дорого коштуя, яна мяне и кормя и поя: я яе ни за якія гроши не продамъ!—«Да нѣ, продай, продай!»—Ну, только хiba ли васъ продамъ. Только яна мнѣ дорого стоя: другому кому и за двѣ тыщи не отдавъ ба, а уже ли васъ только за тыщу продамъ! Ну, тяперака, узявъ ёнъ гроши и иде домовъ зъ радостю.

Приходя домовъ и хвалитца брату: «отъ, братяцъ,—ты думавъ, што у мяне грошай ня будя, а вотъ у тебе столько грошай няма, сколько ў мяне. Я за 'дну овеччаю шкуратинку столько узявъ! Отъ, якъ я дѣло продавъ!» Тяперь, пришовъ большій братъ къ пану, да й говора: «нумо мы, панъ, порѣжамъ усихъ нашихъ овецъ! Сколько много у насъ грошай будя!» Порѣзали усихъ своихъ овецъ, понанѣмали усихъ еты шкуратинки на возы и повязли ихъ продавать. Отъ, хто подойдя, дакъ енъ и прося за шкуратинку тыщу цалковыхъ. Ну, ниhto етыхъ шкуратинокъ и не бяре. Позавадживались у етыхъ шкуратинкахъ черви, вѣдомо—лѣто. Доказали ето полицѣйскому. Узяли яго у полицаю. Отъ ёнъ пиша письмо къ пану: «панъ, выручтя мяне оттудова—соўсишь запропасть!» Ну, панъ яго выручивъ,—засыпавъ полицѣю грошами. Приходя тогда енъ къ пану и говора: «панъ, што мы етому дураку здѣлаять, што ёнъ насъ такъ обмануя? Нумо состронимъ нужникъ и попрокалавасемъ дирки, и яго туды усодимъ!» Ну и построили, и ўсадили. И ўси мужики на яго гадили. Тяперака, ёнъ тамака думая: «што мнѣ тутака дѣлать?» Позвавъ свою жонку да й затѣявъ ей здѣлать бочоночакъ у два дны, и два вядры. Отъ енъ тое *добрѣ* собирая да льѣ у бочанокачъ, да заткне,—дакъ яму и ничѣго. Тяперака, енъ думая сабѣ: «треба вылѣзть отсудова!» Ну, такъ-сякъ вылизъ съ того зъ нужника, знатца, узявъ той бочоночакъ и пошовъ у путь—дорогу.

Ишовъ, ишовъ, и заходя къ шинкару на ночь,—енъ знавъ, што у шинкара багато грошай,—да, значитца, и говора: «ти можно менѣ тутъ пераночавать на лавцы? У мяне бочоночакъ *золота*, ти будя ёнъ цѣль?»—Ложись, снй! Ня бойся, усѣ цѣло будя!.. Ёнъ, знатца, лѣгъ, и притворився, якъ бытто спить. Тогда той шинкаръ думая: «охъ, якъ ба тоя золото украсть?» Узявъ свой бочоночакъ серабра и нясе яму покласть у головы. Тожа яго бочоночакъ вядры у два. Тогда шинкаръ подложивъ свой бочоночакъ, а яго вытягнувъ,—а *ёнъ* бытцомъ-то ничего ня чуя. Чаразъ минуточку прошинаетца и будя шинкара, штобъ ёнъ яму давъ кручокъ горѣлки: «мнѣ треба у дорогу итить!» А шинкаръ обястився: рано ще! Ёнъ тогда говора: «ну, за етымъ прощайтя, мнѣ до свѣту дожидатца неколи!» И пошовъ. Значитца, приходя домовъ исъ тымъ серабромъ къ жонцы и къ дѣтямъ. Тяперака, приходя

къ брату и говора: «вы съ паномъ хотѣли мене заср..ь у нужнику, а я за ваша г...о онъ сколько серабра узьяв,—два вядры!» Приходя изновъ братъ другій икъ пану: «ну, панъ: што намъ зъ естымъ дуракомъ дѣлать? Мы думали, што ёнъ тамъ помре ажъ енъ утѣкъ и продавъ г...о, и ўзявъ два вядры серабра! Нумо и мы такъ, панъ, здѣлаемъ: закажамъ майстрамъ такіе бочоночки, будомъ наливать и продавать и възьмамъ большія гроши!» Такъ и здѣлали,—повязли у городъ г...о тое. Приходятъ покупщики спрашивать: «што ето такое?»—Г...о!—«Якъ, кажать, г...о?»—Да такъ: г...о!—«Сколки за яго?»—Два вядры серабра за бочонокъ! Тые, знатца, плюнули и пошли. Ёнъ стоити. Стоявъ, стоявъ, дяржавъ, дяржавъ тое г...о,—городъ увесь провонаявъ. Дали вѣдома у полицяю. Пріяжжая полицэйскій осматривать, ти правда, што ето г...о. Забрали яго, значитца, со ўсѣй изъ естой збруяй у полицяю, а тое добро яго повыкидали у ровъ. Тяперака, пиша енъ пану: «поддувъ насъ, панъ, дуракъ! Выручтя мене отсюлика!» Панъ заплативъ большій штрапъ и выручивъ яго!

Пріяжжая домовъ: «што мы будомъ дѣлать изъ естымъ дуракомъ? Ёнъ насъ наѣчивъ уже добро! Треба у мѣхъ усадить и ўтонить яго!» Ну, усадили у мѣхъ и привязли къ возяру. Тяперака братъ говора: «треба жъ яго выповядать: тыки жъ енъ моя кровь! Треба позвать попа!» Оборотились назадъ и поѣхали за попомъ, а яго у мяху за кустомъ кинули. Чужъ енъ, што гоня воловъ, значитца, жидъ барышникъ,—и кричить у етомъ у мяху: «ратуйтя, хто ў Бога вѣруя! Ни читать, ни писать не умѣю, а на королевство содыть!» Тяперака, приходя ходяинъ-жидъ и говора: «што ты, чаловѣча, кричишь?»—А што жъ: ни читать, ни писать не умѣю, а на королевство хочуть садить!.. Жидъ той выпустивъ яго изъ мѣха, отдавъ яму усѣ своё право, а самъ улѣзъ у мѣхъ и сядить. А той и погнавъ-сабѣ воловъ другой стороной. Пріяжжая братъ и съ попомъ и съ паномъ. Жидъ имъ объясивсь: «я умѣю и цытать и писать,—мене на королевство садить!»—А! твой язычокъ змянився! Нѣ, тутъ табѣ капуть будя!... Вычитавъ попъ надъ имъ, и яго укинули у возяро.

Ну, тяперака, поѣхали домовъ и говора: «ну, слава Богу, мы своего напріятели зжили! Тяперака мы поживемъ!» Ну, а тѣй чаразъ сколько дней пригоняя воловъ и сивыхъ, и бурыхъ. И говора брату: «отъ, вы думали мене утопить съ паномъ,—ажъ полиди, якихъ я воловъ пригнавъ оттуль!» Пошовъ той къ пану: «отъ, панъ,—што намъ зъ дуракомъ дѣлать? Ёнъ вярнувсь, и насъ сусимъ знистожа!»—Што жъ, кажа панъ: вязи и мене туды, и я воловъ пригоню!.. Узали яны, значитца, дурака, позвали попа, узали мяхи и поѣхали усѣ разомъ,—и панъ, и братъ, и дурачокъ, и попъ. Приѣхали къ возяру, панъ и говора: кйдайтя мене скорѣй! Отчитавъ яго попъ, яго и ўкинули. Отъ, мѣхъ буръ-буръ-буръ! Братъ, значитца, и говора: «ето енъ воловъ застае! Кйдай и мене скорѣй!» Укинули яго, и енъ—буръ-буръ-буръ... А попъ кажа: «што жъ: имъ воловъ, а мѣхъ ничого! Кйдай и мене туды скорѣй, я застану болий!» Дурачокъ забравъ тогды послѣ ихъ и коній, и повозки, и збрую ихнюю, и поѣхавъ у дворъ спокойпо. А яны и тяперъ дѣсь ловять бурыхъ и сѣрыхъ воловъ...

С. Еремѣно, пом. у.

Запис. г-жа А. В. Карповичъ.

19. Михай кравецъ и Мартинъ шавецъ.

Нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ собралися ўмѣсто два товарищи майстарыхъ—Марцинъ шавецъ и Михай кравецъ. Такъ яны собралися и разговорилися одинъ зъ другимъ. «Чимъ ты, братъ, занимаешься?» пытаецца Марцинъ у кравца. А Михай отказуа: я могу у дикія вутки вынуць яйцы зъ гнязда и яна не почуя, не злятить зъ гнязда! Пошли яны вутки шукать. Нашли вутку, Михай выбравъ яйцы, вутка и не злятѣла. А покуль енъ выбиравъ, дакъ Марцинъ у яго подошвы отпоровъ, а енъ и не почувъ. Ну, тяперъ, отыйшли яны троху, Марцинъ и спрашуа: «а што, братъ Михай: ци твоѣ сапоги на двѣ подошвы питы?»—Нѣ, на 'дну!—«Поляджи жъ, кажа, нема ни водня!» Тоды Михай полядзѣвъ—нема подошвовъ. Ну, *ёнъ* выпимая съ кармана подошвы и прикладая подошвы къ Михеевымъ сапогамъ. «Ну, вотъ што, кажа, братъ Михай: покладомъ, што вутка спала, якъ ты вынявъ яйцы; а ты жъ не спавъ, якъ я отпарававъ подошвы!» Вотъ, тяперъ, Михай отказуа: ну, вотъ што, братъ Марцинъ: будомъ мы съ тобой жить за товариша, согласно! Тольки куды падо у хорошее мѣсто, у хорошій городъ, у столичный, а не такъ якъ-побудз!

Увыйшли яны у городъ, наняли сабѣ хватуру. Якъ яны майстры—Марцинъ шавецъ, а Михай кравецъ, дакъ яны наняли сабѣ хватуру. Тамъ яны жили, работали, тэй шивъ сапоги, а тэй портнёное. Вѣдомо, шавецъ и кравецъ. Вотъ яны жили, жили, пѣсли надумався Марцинъ: «што мы, каа, братъ, будомъ такъ працовать? Пойдомъ, каа, братъ, воровать!» Михай пытаецца у яго: куды мы пойдомъ воровать? Марцинъ шавецъ отказуа яму: «куды жъ мы пойдомъ—пойдомъ, каа, у царскій склепъ!» Пришли у склепъ, отомкнули, випа корыто папустили, муки насыпали, да псовъ напоили. Псы напилися. Яны хвосты по пары позвизали, да чаразъ плотъ понеравѣшали. Цяперака Михай ставъ вартоваць, а Марцинъ воровать,—што треба было яму, браць. Цяперъ, наконецъ, выходючи съ инбару, царскую шубу сабѣ ўзявъ.

Пришли до дому. Давай дзялицъ свою крадзежку: усѣ подзилили, а шубы ниякъ не подѣлюць. Марцинъ кажа, што я воровавъ—миѣ шубу! А Михай говора: я вартовавъ, дакъ миѣ! Ну, а за тымъ часомъ, якъ мы не раздѣляиъ, пойдомъ лучче спросимъ у цара, якъ маемъ мы спорить—кому шубу: ти тому што, воровавъ, ти тому, што вартовавъ? Ну, пришли яны къ цару. Ёнъ, мо, на третьямъ итѣлки спавъ. Подмостилися яны подъ окно. Вотъ, у цара, баяшникъ бывъ—вѣдомо, царъ спить, а баяшникъ байки бая. Дакъ енъ задрамавъ на тое ўрэмя. Яны подмостилися и пытають у цара: «ваша царское вяличаство! Были у вашамъ дому воры, што треба, воровали, и наконецъ, царскую шубу узяли. Усѣ подзилили, а шубы ниякъ не подѣляиъ. И парошно пришли спрашавать у вашѣя милосѣдци, кому вы прикажесца: ти тому, хто воровавъ, ти тому, хто вартовавъ?» Цяперъ, царъ думавъ, што ето баяшникъ кажа, вотъ енъ думавъ, думавъ, и кажа: «якъ то можно тому, хто вартовавъ? Хто вартовавъ, той ба уцѣкъ, а хто воровавъ, того бъ поймали. Дакъ треба тому, хто воровавъ!» Яны й пошли. «Вотъ жа, каа Марцинъ: видзишъ, брапецъ,—шуба тому, хто воровавъ!» Ну вотъ, яны и пошли на свою хватуру.

Вотъ, царъ слухавъ, слухавъ—ни чуть баяшника; а баяшникъ спить сабѣ, ни чуя,

што и воры были, што и спрашавались,—енъ этаго ня чүя ничо́го. Ну, цяперъ, царъ говора: «ну-тка, баяшникъ, избай мнѣ новую ету баячку, што сичасъ баявъ!» А баяшникъ ня чувъ. Ёнъ заводя одну. «Нѣ, каа, ня ету! Уть ету, што сичасъ баявъ!» А енъ ня чувъ, дакъ енъ почомъ зная. Заводя другую. «Нѣ, ня ету! Во тую, што сичасъ ты казавъ, што ў царскимъ скляпу воры были и шубы не подзялили!» А тэй ня зная. «Э, кажа царъ: ци нема у насъ обманы якія? Послатъ сичасъ чисавога оглѣдшицъ склепу!» Пошовъ чисовый, собаки висяцъ чаразъ плѣту, инбаръ разбить. Ёнъ приходзя и сказую: были, говора, воры у вашамъ склени!

Давъ Богъ день ужо, и царъ, якъ ба не было, вѣдомо, усякій 'звѣстанъ ставъ, што у пара были воры. И цару стали смяятца много, што енъ свою шубу самъ ворамаъ подиливъ. Ето цару стало совѣстно, што усякій амү смяѣтца. Ну, тоды царъ назначивъ двоухъ жандаровъ, ти солдатовъ, и давъ имъ водить козла. «Ужо коли воры, дакъ яны козла мѣжда васъ украдутъ!» Ну, яны водили, водили по городу цѣлный день, потомъ ужо привязали яго на часъ ли стовпа, сами пошли у шинкѣ по кручку выницъ. Вѣдомо, день жа ходили ня ѣвши. А яны, тожа, козла отрѣзали и пошли! Ну, цяперака, вышли тые—няма козла! Якъ имъ отказавать? И козла няма, и воровъ не нашли. Ну, приходють яны. «Дзѣ жъ вашъ козелъ?»—Няма!—«А воры?»—Няма!—«Да якъ жа ето вамъ пришлось?» говоруть.—Да якъ-ся, говоруть, загуло-задуло, якъ вѣтромъ, яворку якъ пожомъ перарѣзало—и няма козла!—«Ну, дакъ вотъ: заўтра, говора, хоть пять рублей хунтъ, а штобъ козлиное мясо було! Ужэ яны сами козлиного мяса ѣсть ня будутъ,—продавать будутъ. По чомъ, по чомъ, да хунты три купицъ. Хто будя продавать, дакъ той и воръ!»

Ну, цяперъ, назаўтраго пошли, нашли у *ихъ* козлиное мясо, купили. Вышовъ тэй, што кунивъ козлиного мяса и написавъ на воротахъ: «вотъ *здѣсь* купляно козлиное мясо.» Чаразъ часть-минуту вышовъ Марцинь нарошно зирнуць, и убачивъ, што на ворѣтахъ написано: «козлиное мясо.» Уходитъ енъ у домъ и говоритъ: «эхъ, Михай братъ! плохое наша дѣло выходя: написано на воротахъ, што козлиное мясо *кү*пляно!», —Эй, братъ, каа Михай: пойдомъ-ка мы обаполь вулицы—ты по 'днэй сторонѣ, а я по другой—и напишамъ на ўсихъ воротахъ: *здѣсь* козлиное мясо *кү*пляно! Узяли и пошли, и пройшли обаполь усей пробойной вулицы, и понадишували на ўсихъ воротахъ, што козлиное мясо *кү*пляно. Цяперака, *ѣмъ* принося мясо. «Ну, нашли, говора, воровъ?»—Найшли! Ну, пойдземъ къ имъ, я написавъ, каа, на воротахъ! Приходять яны туды. Сюды глядзяцъ—написано: тутъ козлиное мясо; туды глядзяцъ—написано тутъ козлиное мясо! Ну, яны пройшли скрозъ вулицу—усюды написано. Ну, ти ўси жъ воры? Одинъ кравъ, а ня ўси. Да й поѣхали, не нашли вора. Ну, такъ жа смяютца цару, што шубу у яго украли, козла помижъ рукъ узяли, говядину продали, и ўсѣ воровъ немашъ. Совѣстно цару. Цяперъ царъ собирая къ сабѣ балъ: и худыхъ и добрыхъ, усихъ, и простыхъ, и разнаго званья. Понаготовавъ столы, вина, усяго, закуски, и вотъ, насыпавъ ли столовъ сѣжки чарвонцовъ. Поставивъ остражу, смотрѣцъ здалека: хто согнѣтца, тэй воръ.

Ну, цяперъ, яны пили, пили, тоды Марцинь воръ говора: «эхъ, братъ Михай! ти ня можно бѣ намъ подобрать етые чарвонцы?», говора.—А якимъ жа мы родомъ ихъ

подбярэмъ?—«А вотъ, пойдомъ-ка мы домовъ!» Пошли яны, да надѣли сапоги большіе росейскіе ужо, да вару подъ подомвы напиковали, ето, подысподъ. Вотъ, яны и пе согиналися: походили по чарвонцахъ, дакъ яны и поприлипали къ вару. И согипатца никто ня согинався, и чарвонцовъ мало осталось. Усѣ-тыки, балъ сышовъ, и чарвонцы подобрали, и злѣдзявъ не знали.

И усѣ-тыки якъ ба хто да хто смявся, а больше за ўсѣхъ ксѣндзъ смяѣтца цару: и шубу раздзяливъ, и козла украли, и мясо продали, и чарвонцы побрали—и усѣ-тыки няма. И объявивъ царъ пабликацыю: «прошу милосѣци воровъ къ сабѣ! Усѣ вамъ прощаю, а награжду васъ чимъ хочета!» И пришли яны парошию къ цару: «здрастуйтя, ваша вяликое анпяраторство!»—Здраство, здрастві! А што вы за люди?—«Вотъ пришли къ вашай милосѣци, тожа, воры ваши. Дѣбѣла усѣ наша: мы и уворовали шубу—вы намъ подзалили, мы и козла уворовали, и мясо продавали, и чарвонцы подобрали!»—Прошу вашія милосѣци, кабъ вы здѣлалі штучку лкую ксяндзу, кабъ я посмьявся ли ксяндза, а то ксѣндзъ мнѣ дужо смяѣтца!.. Вотъ яны написали яму число, кабъ у такій и такій день ёпъ пріѣхавъ у косцѣль нѣ мшу. Ну вотъ, яны подъ тое число подышли къ ксяндзу и наготовали сабѣ мѣхъ большій шкураціный, якъ ковальскій, и паловили торбу раковъ, и насукали свѣчачакъ, да такихъ то-нянькихъ, усякому раку по свѣчачцы. Вотъ, свѣчку запалить, да раку у клюбы дадутъ,—ёпъ сѣисця, яны яго и пускаѣ по двору: ёнъ повзе и свѣчачку нясѣ. Яны усю торбу ету раковъ распустили, яны и повзаюѣ и свѣцюѣ, ето, по двору. А сами, вотъ, пришли къ вокну, да вокно выпяли, да обополъ вокна двѣ свѣчи запалили, а сами стали за лѣтками, и мѣхъ держуть. А ще у мѣхъ усыпали гарцовъ дватцаѣ сажі, етыя, которая у кѣмини выцїраетца. Тоды стали кричать: ксен—жа бо—жїй! При—славъ Богъ ан—гѣ—ловъ по тво—ю ду—шѣ спа—сеньця! Ксѣндзъ спросоньця усахився, зїрнувъ, што ажъ зыяя увесъ дворъ—свѣчки горать. Тоды яны опять жа сказали: ксен—жа бо—жїй! При—славъ Богъ ан—гѣ—ловъ по тво—ю ду—шѣ спа—сеньця!—«Куды мнѣ, каа, ициць?»—А въ вокно, каа. Тутъ ужо наготованъ мѣхъ, тольки лѣзы!.. Ну, ёнъ у вокно. Яны яго зацїпили, и понясли икъ косцѣлу къ дверамъ, ли косцѣлу повѣсили, ли двярей. Ето къ тому дню наготовили, якъ царъ пріѣдѣ нѣ мшу. Повѣсили мѣхъ, на мяху положили булаву и написали такъ: «хто етою булавою удара, тому дастъ Богъ спасеньця; а хто моцнѣй удара, то ще больше спасеньця будзѣ!»

Ну, прїѣжжая царъ у нѣ мшу. Приходя къ косцѣлу и видзѣ—висиць мѣхъ и ляжиць булава, и написано: «хто три разы удара, тому дастъ Богъ спасеньця!» Етѣ разъ ударивъ—мовчить, ксѣндзъ тамъ, тярпѣть. Другїй разъ ударивъ—мовчить; третїй разъ якъ ударивъ, ксѣндзъ ужо ня вытерпѣвъ и кричить: ой! Ну, сїчасъ жа зяѣли тѣй мѣхъ, стали развїзавать. Вылѣзъ оттуля ксѣндзъ, усѣ ровно якъ чортъ удѣлався у сажу—вѣдомо, гарцовъ дватцаѣ яѣ тамъ было! Ставъ тоды царъ смяѣтца съ ксѣндза: «няхай жа я шубу подїливъ, козла отдавъ, говядину купїавъ, чарвонцы потдававъ, а то й ты во: табѣ треба имшу служить, а ты во ў мяху сидїшь!»

И за етымъ ёнъ ворама давъ чистый бялетъ во всю свою зямлю: усѣ вамъ свой прощаю, и бялетъ вамъ чистый дам!..

Д. Шароховскія Буди, рог. у. Кр. Максимъ Петровъ, 50 лѣтъ, негр.

У насъ было много пересказовъ этой сказки изъ гом. и сѣнн. уу. Мѣсто царя въ нѣкот. изъ нихъ занимаетъ панъ. Онъ присуждаетъ штуку заграничнаго сукна, украденную у него, вору Антону, назвавшемуся дворяниномъ, т. к. вору—холопу—не пристало-де носить платье изъ загр. сукна. Ср. Афан. VI, 64, 72; V, 27.

20. Не любо—не слушай.

Нѣўкоторомъ царствѣ, нѣўкоторомъ государствѣ, и имянно ў томъ, идѣ мы живѣмъ, у дзярэвнѣ жило сабѣ три браты: два разумныхъ, а третей дурень. Братыци разумныя были ковалями. Поддѣлали сабѣ ружжи и стали ходиць на охвоту, а дурень ляжиць сабѣ на печцы, ноги задравши, ничего сабѣ и не думая. Браты ходили, ходили—и толку мало. Давай сваритца на дурака. «Давай мы яго возьмемъ съ собою, што енъ ляжиць? Будземъ дурно хлѣбомъ кормиць! Ты, дуракъ, сякій-такій ляжишь, ничего ня дѣлаешъ, а мы страждаемъ, работаемъ, куѣмъ, стараемся, а ты бязъ пользы ў насъ! Заўтра поцягнемъ цябе на охвоту, посмотримъ съ цябе старанія, што ты памъ забьѣшь?» Здѣлали яму ружжо; ѣнъ яго подержавъ и бросивъ: «на што яго мѣ, ружжо? Я зъ дубинкой лучше забью!» Пошли по лясѣ. Ходили, ходили яны дзень—няма нічога. И ўдругъ, нападаецъ етый дурень косперъ дровъ, и гукаецъ, кричиць на ўвесь лѣсъ, гукаецъ етыхъ разумныхъ сюды. Яны думали, што енъ забивъ якаго небудзь звѣра, приѣбгаюць къ яму. «На што ты насъ гукавъ?»—А вотъ, нашовъ я косперъ дровъ; у васъ ёсць хлѣбъ и сало, дакъ вотъ можно разложиць цяпло да поддѣсць, а то цѣлый дзень ня ѣвши ходимъ, такъ! Яны поругали яго: «ахъ ты, говора, дурень! Ты насъ збивъ съ свойго пуця, што мы йшли своимъ пуцѣмъ!» И бросили яго, и пошли своей дорогой, по лясѣ. А дурень етый пошовъ сабѣ.

Опять етый дурень нападаецъ кусть хоршій, отличинный, и тамъ было разныя дерева, и такъ по подобію, што яму ловець надо здѣлаць, сало печь. Вотъ енъ тоды опять гукаецъ братовъ; справивъ на ўвесь лѣсъ крикъ: сюды, братцы! Етые браты, почувши: вотъ жа, говоруць, вѣрно дурень што-нибудзь понавъ, якую-нѣбудзь звярыну; пойдземъ, говора, къ яму на ратунокъ! Начали яго искаць,—ѣнъ сядиць на колодзи, коло етаго куста й кричиць: сюды, братцы! Ины приѣбгаюць и спрашиваюць: «ну, што ты, говоруць, дурень, кричишь? Забивъ кого?»—Зашто я кажа, буду биць,—мяне никто не забидзивъ. Да вотъ хоршій кусть нашовъ,—можно ловцовъ наддѣлаць; а у васъ сало; разложимъ цяпло да поддѣдимъ! Яны опять на яго давай кричаць: «ахъ ты, дурень негодный! Насъ испуцивъ, зъ дороги збивъ! За тобой намъ ниякія удачы нема. Больше и будзешъ гукаць, дакъ ня пойдземъ!» Етый дуракъ пошовъ сабѣ, а яны пошли сабѣ также своимъ пуцѣмъ.

Етый дурень ходивъ, ходивъ по лясѣ,—попадаецъ звѣра—мядзвѣдзя. Ставъ боратца зъ имъ, а мядзвѣдзя етый зъ имъ споритца. «Нѣ, говора, ня пуцу! Браты и такъ на мяне сварились, сказали, што на помощь ня придуць. Треба мѣ самому ихъ шукаць!» Тоды мядзвѣдзя етаго за вуши, самъ варьхомъ на яго, усѣ ровно, якъ ў родзи на лошады, и поѣхавъ братовъ шукаць. Ъздзивъ, ѣздзивъ, мядзвѣдзя етаго уморивъ до пуха, што ўже мядзвѣдзя и мокеръ ставъ. Тоды нападае братцовъ

и говоря цихонько: «сюдю, говоря, братцы! И самъ я ўморився, и мядзвѣдзѣ умо-
рився, а вы, говоря, и ня слышиця!» Яны говоруць: ну, што мы будземъ зъ имъ
дзѣлаць? Вѣд, што дзѣлаць? Тутъ ужо вѣстно, што дзѣлаць! Одзінъ ружжо заря-
дзівъ—бахъ у яго, другі—бахъ! А енъ за вуши дзяржиць. Мядзвѣдзѣ повалился.
«Што жъ цяперъ будземъ дзѣлаць, убивши мядзвѣдзя?» А дуракъ етый говоря: вотъ
што будземъ дзѣлаць: коли бѣ у насъ бывъ лошады, дакъ бы мы усклалі бѣ, да и
повязалі бѣ домовъ! А большій братъ говоря: «што жъ, говоря, повяземъ? Давай тутъ,
говоря, разбярёмъ!»—А што жъ мы, разобравши, будземъ дзѣлаць?—«А вотъ, отрѣ-
жымъ по куску, да цягло разложымъ, да зжаримъ по куску да зыдзимъ!» А дуракъ
тогда говоря: «што жъ мы будземъ яго гадзиць? У васъ жа ёсць сало да хлѣбъ!»
—Эге, говоря разумный: дакъ мы што брали, тое и зѣли!—«Да, дакъ вы, говоря,
желаеца зъ мяне добычи? Упярѣд вы мяне кормили, а цяперъ я васъ! Што жъ мы
будземъ яго жарыць, у насъ жа и огню нема?»—Ну, нічога, што огню нема: узлѣзъ,
который, на самое высшая дзерево ды посмотри, можа дзѣ огонь увидзись, тогда
можно за 'гнѣмъ сходзиць!.. Удругъ большій братъ и полѣзъ на дзерево. Тогда оттуль
и говѣра: вотъ, говѣра, на правой стѣроны огонь видаць и якоесь-то сяленіе! Зла-
жуецъ доловъ. «Ну, хто жъ у насъ за 'гнѣмъ пѣйдзець?»—А ўже жъ довждѣт иццѣ
сарѣдній братъ разумный! Тѣй пошовъ.

Приходжуя у тое сяленіе, уходяжу зъ лѣсу,—коло лѣсу овинъ. У овини огонь
гориць; тамъ старикъ кучу вѣщиць змолоченную рожі. Ёнъ говоря: «Богъ помочъ та-
бѣ, старикъ!» Старикъ отвѣщая: здоровъ! Што ты пришовъ?—«А я пришовъ, гово-
ря: вызволь мнѣ, дзѣдушка, огню!» Ёнъ говоря: нѣтъ, говоря, огню у мяне даромъ
нѣту!—«Ну, што жъ табѣ даць?»—Да платы я сѣ цябе не возьму, а скажи мнѣ
сказку, и приказку и третью нябыльницю. А не скажашъ, дакъ огню не дамъ, и сѣ
спины полосу выражу, да яшной макиной натру, да й мятлой ддрѣнной изъ гумна
пропру!.. Етый тогда молодзецъ думавъ, думавъ: «не знаю, говоря, нічога!»—Ну, не
знаешъ, дакъ вотъ што! Сичасъ ножъ выпявѣ, полосу знявѣ, яшной макиной нацѣрѣ,
да ддрѣнной мятлой изъ гумна проперѣ. Приходжуя етый братъ къ своимъ братомъ,
къ дураку и къ большау разумному. «Ну што, дзѣ твой огонь? Мы тутъ прожда-
лися!»—«Да што, тамъ якійся старикъ, да огню не даецъ, а распросивъ, хто у васъ
старшій, довждѣт тѣй прициць за огнемъ! Пошовъ етый старшій за огнемъ.

Приходжуя къ дзѣду. Дзѣдъ кучу вѣя. «Здрастуй, дзѣдъ! Богъ помочъ!»—А, здоровъ,
благодаримъ покорно! Што жъ скажашъ? Ци гуляць пришовъ?—«Нѣ, не гуляць, а пожа-
ста, дѣдушка, одовжи огоньку!»—Нѣ, говоря, добрый молодзецъ: у мяне даромъ огоньку нѣ-
ту. А коли хочешъ огоньку, дакъ скажи сказку, приказку и третью нябыльницю. Ну не ска-
жашъ, дакъ и огоньку не дамъ, и сѣ спины полосу выражу, яшной макиной натру, и ддрѣнной
мятлой зъ гумна пропру!.. Етый думавъ, думавъ, молодзецъ—не зная нічога. «Што жъ ты,
молодзецъ, мовчишь, думаешъ? Коли думаешъ, дакъ говори!»—Нѣ, дѣдушка: Богъ табѣ сѣ
тобой и зъ ямъ, сѣ твоимъ огнемъ! Я пойду безъ огня!»—Нѣ, говоря дзѣдъ: кажи сказку,
а не скажашъ, дакъ полосу выражу. Такъ не пушу!»—Не знаю!.. Тѣй сичасъ ножъ
выхвацивъ, полосу сѣ спины выправивъ, яшной макиной нацѣрѣ, и поганой мятлой
изъ гумна проперѣ. Етый братъ приходжуя къ своимъ братомъ, идучи и плача уже.

Дурень и спрашует: «што жъ ты, говоря, огня не принёс? Одзинь ходзивъ, не принёс, и другій такъ пришовъ!»—Ахъ ты, говоря, дуракъ ты окаянный! Лучче бъ ты етаго звѣря ня бивъ, лучче бъ мы зъ голоду поссыхали, а цяперъ дакъ и ня ёли ничого, и причину получили! Приходжуеца табѣ ипи за 'гнѣмъ, а коли ня пойдзешъ, дакъ мы бросимъ цябе тутъ исъ твоёй добычай,—будъ ты неладзень соўсимъ и зъ добычай и съ охвотой!»—«Ну, што жъ, говоря: ещё объ етымъ треба клоподиць! Ёли огня нѣту, дакъ и добычу бросиць! Я сичасъ сходжу! Тольки пожалуста, братыци, штобъ ня ўходзили и мяне не бросали. А я огню сичасъ приставлю!»

Дуракъ приходжуя у етый овинъ, старикъ уже кучу згребаетъ. «Богъ помочь, дзѣдушка!»—Благодаримъ, говоря, молодець! Што мнѣ скажашъ?—«А вотъ, говоря, дзѣдушка: одовжи мнѣ огоньку!» Дзѣдъ отвѣщая: у мяне огоньку даромъ нѣту, а коли хочешъ огоньку, дакъ скажи сказку и приказку, и третью нябыльницу. Ну не скажашъ, дакъ и огоньку не дамъ и съ спины полосу выражу, яшной мякиной натру и поганной мятлой зъ гумна пропу!»—«Можно! Тольки съ тымъ злучаемъ, кабъ бряхни не было. Узлучай, я не скажу сказку, приказку, третью нябыльницу, дакъ ты у мяне полосу вырѣжешъ; а ўзлучай, ты бряхню задаси, збунтуешъ мяне, дакъ я ў цябе па спине полосу выкрою, яшной мякиной натру, да й огню возьму!» Етый старикъ говори: ну, ну, ну, говоря, кажи!—«Што жъ, говоря,—кажи! Ето жъ надо сѣсць, да й расказаваць!»—Ну, идзѣ жъ мы съ тобою сядземъ?—«Во, у вовини спрашует, дзѣ сядземъ! Сноповъ по бяррѣму возьмемъ да й сядземъ, одзинь къ одному поближе, штобъ слушаць ловчѣй, расказаваць!»—Во, думая дзѣдъ, попався я ў лапы къ дураку!»—«Ну-ка, ну, дзѣдушка, слухай,—я буду расказаваць. Вотъ, ишовъ я, говоря, по ласу, и чую крикъ, а якій крикъ—ня звѣстно. Я сюды на етый крикъ якъ можно спяшиць, на рятунокъ. Приходжу сюды—щамель изъ мядзѣвѣдемъ бѣётца. Тоды я искажую: «што вы ето дзѣлаеця? Што ў васъ не хвацило?» Мядзѣвѣдъ скажуя: снъ па моихъ твѣятыхъ бярэць мѣдъ! А щамель отвѣщая: нѣ, говоря, твѣаты не твоѣ, твѣаты Божжіе, а ты ихъ топчешъ,—мнѣ ихъ браць нейдзи!»—«Ну, што, говоря мядзѣвѣдъ, зъ имъ дзѣлаць? Пособъ мнѣ яго убиць, я табѣ дамъ два пуды меду!» А щамель отказуя: «нѣ, говоря, помози мнѣ забиць яго: я табѣ дамъ одзинь пудъ меду, а добыча твоя ўся!» Я мядзѣвѣдзя за вуши, а щамель дубинкой, да мядзѣвѣдзя уколопили. Тоды щамель говоря: вотъ добрый человѣча! Бари пудъ мѣду, а мядзѣвѣдъ твой увесъ!... Етый старикъ стоиць и подумливая: вотъ, попався у лапы къ дураку! И говоря: ну, ну, ну, дальше!»—«Ну вотъ, цяперича одну кончили, начинаемъ другую!»—Ну, ну, говоря, говори, послушаемъ, дзѣлаць нечаго!»—«Цяперича, я ишовъ по ласу. Ходзивъ, ходзивъ цѣлый дзень, да ўже йзъ мочи выбивсь, да уже наконецъ и ёсць хочетца. Иду я и думаю: што тутъ, кабъ што-нибудь поѣсць? Иду я, и слышу—у осиповымъ дзереви дзятлы йграюць. Ну, хоць нельзя, а надо якъ-нибудь достаць ихъ да поѣсць! Я ўзлѣзъ на ето дзерево, ставъ ихъ доставаць—увесъ улѣзъ. Дзятлы заговорили: «ахъ, дзядзя добрый, ци на ночь пришовъ, ци намъ што скажашъ?»—Нѣ, кажу я: ни на ночь пришовъ, ни сказаваць—я ёсць хочу!»—«Да у насъ нечаго!»—Я васъ поѣмъ!»—«Подожжи, кажа, добрый человекъ: сичасъ оцѣцъ приляциць, принясѣць говядзины!»—Якой говядзины?»—«Да за корой дзѣ-

нибудзь червячка достаня!»—Да што жь мнѣ изъ этой говядины: я этой говядины ня уживаю! Тоды я начавъ, узавъ и поѣвъ ихъ. Ну, поѣвши, треба уже домой уходиць. Помѣряю руку—ня лѣзя вопъ, помѣряю ногѹ—и нога ня лѣзя; помѣряю голову—и голова ня лѣзя! Тоды сяджу и думаю: што мнѣ дѣлаць? Вотъ придзетца у етымъ дуплѣ пропасци! Адылѣ думаю: што жь ето я? У мяне жь у доми топоръ ё! Зобравъ я за топоромъ, а тутъ уремя—ўже скоро сонца зайдзя, мнѣ зѣваць неколи,—я узавъ да побѣжавъ рыссю домовъ, топоръ узавъ, приѣжавъ, дуплѣ ето разсѣкъ, тоды вылѣзъ и самъ... Ну што, дѣдѹшка, хороша сказка?»—Хороша, хороша!—«Ну, будземъ дальше говориць!» Дѣдъ сядзиць и думая: вотъ попался ў лапы!—«Назаўтраго я ураньня погнавъ скодину пасци у поля, мимо поповыя нивки. Тамъ, на поповой нивки, стоиць дубъ большій. И чую, штось то тамъ шаволитца: и шумъ, и стукотъ большій. Приходжу я поближе, бачу—на дуби поповы рабаты горохъ молоцюць, а самъ попъ сядзиць у кресля на самой макушцы, и смотриць на ихъ, кабъ яны не баловались. Я приходжу поближе и скажу имъ: Богъ помочь вашай работи! Вацюшка отвѣщая: спасибо, добрый молодець! Ходзи жь, говоря, дамъ горошку! Сячасъ я подходу, подставивъ шапку, насыпали мнѣ гороху у шапку. Тоды я пошовъ къ своимъ лошадымъ, ставъ етый горохъ ѣсць. Горохъ бывъ смашны, отличны. Я ето забавлятца, забавлятца—поѣвъ горохъ. Поляджу—моихъ лошадей нѣту! Я тоды лошадей искаць своихъ: я и по ясу, я й по болотамъ... Выходжу зъ лѣсу, идучъ болоки сусимъ коло самыя земли. И ето мнѣ уздумалось, што якъ узойдучъ лошади на етыя болоки, дакъ тоды зайдучъ яны на той свѣтъ: тоды уже не найдзешъ ихъ! И ўзлѣзъ я на етыя болоки. Иду по ихъ дальше и дальше. Болоки еты—якъ по полю—низко, якъ къ лѣсу—подымаютца повыше; и дальше-больше—подъ небо! И такъ я ходзиць по ихъ—стоиць роща зялёная. И думаю сабѣ: икурать, яны по етыхъ по болокахъ и ўзышли у етую рощу! Приходжу сюды—ажны ето рай. И спрашую у мяне сторожа: што ты, добрый человекъ, сюды заблудзивъ?—«А ци не зашли сюды моѣ лошади?» Яны говорюць: твоѣ лошади тутъ ня были и ня будуць! Пошовъ я кругомъ етаго раю, ближе къ пеклу. Тамъ, посмотрю,—люdzi грѣшныя возюць смолу у пекло. И виджу я—твой оцѣцъ и мой оцѣцъ возюць смолу. Твой жа оцѣцъ у воглобляхъ, а мой за поводиры. И твой оцѣцъ пристае. Тоды мой оцѣцъ говѣннымъ лычкомъ яго за бороду зачанивъ да й тоща, а поганой дубинкой поговя...»—А брешашъ, говоря, окаинный! Ёнъ тоды выпинае ножъ, а дѣда барѣць за ковнеръ и рѣжець на ёмъ полосу. Дѣдъ говоря: «а добрый молодець, бяри огню, сколько хочешъ,—мы съ тобой поладзимъ!»—Нѣ, дѣдъ, такой у насъ бывъ договоръ: и по заслуги и плата! И ўбачивъ на спячѣ, на колыскахъ двѣ полосы. «А ето жь што за такія за штуки?»—А ето у мяне были два молотцы,—просили огню, да не дали ниякаго отвѣту!»—«А, коли жь такъ—дакъ нема табѣ прощеня!» Узавъ, у дѣда полосу зявъ, яшной макишой нацѣрь, и поганой мятлой зъ гупа пропѣрь. Узавъ етыя полосы и пошовъ къ братомъ. А браты ожидали яго, ожидали, и говорюць: «нѣ, коли намъ бывъ такой злучай, а яго давно и ў печцы зжогъ!»

Приходжуя енъ, приношуя огню, спрашуя: «пу што, браты, прождалися мяне? Вотъ я, говоря, и 'гню прибывъ!» Яны стали 'гонь раскладаць, согрѣлися и раздѣлися,

сидзяць у одныхъ рубашкахъ. И рубашки у кррвыи. «Што ето у васъ рубашки у кррвыи? Ци не ето ваши штуки, што у васъ дзѣдъ познймавъ?»—Такъ, говорюць, тошно ето! Сичасъ ёнъ повѣвъ ихъ къ болоту, обмывъ ету мякину у ихъ, прикладъ етыя полосы, да попрививъ ниткой. Тоды начали мядзѣвѣдзя етаго жарыць,—жарыць да спожываць. Вотъ, и казка ўся.

М. Пропойскъ, бых. у. Кр. Василій Петровъ, 57 л. негр.

6, Нѣўкоторомъ царствіи, нѣўкоторомъ госу́дарствіи, имянно у томъ, у якомъ мы живемъ... Починаецца казка... Живъ сабѣ кравецъ. И ня було у яго отца. Цяперяка, поживъ ёнъ нѣскульки урема, дождався енъ, што родзися у яго опецъ. Тоды ёнъ, значыцца, рядъ старатца для 'тца добыць водки цѣлюу кухву и поѣхаць у подваль. Нў (вм. но) у яго нѣту лошады, запречъ не́кого. Пошовъ енъ туды-сюды къ сусѣдзімъ. Просиць коня—нихто не даець. «Ну, стой жа,—я й безъ васъ обойдуся!» И запрѣгъ муху и комара у цялегу и поѣхавъ у подваль за водкой. Пріѣхавши, торговатца зъ винокурщиномъ за водку: сколько табѣ дать за цѣлую кухву? Ну, сторговались яны; дзенъги отдавъ, тоды навалили ету кухву. Повѣзъ ёнъ яд. Привожуя зъ горки у ложину, а тутъ оная надо зъ горки подыматца. Муха и комаръ не вѣзець. Ёнъ кнўтомъ поцягнувъ муху и комара. Муху соўсимъ засѣкъ, а комаръ одзинъ поцягнувъ—перервався. «Дай жа, говоря, зъ досады хоць водки напьюся, и подожду, можа хто будзя ѣхаць, дакъ попрошу, штобъ довѣзъ!» Легъ отдыхаць, выпивши водки... Бочка рассохлася, водка поцякла по колюгахъ вонъ. Откудова бывши, журавли наліцѣли. Стала пасьвятца суды, къ етому возу. Видзюць—возъ, мужыкъ спіць. Яны захоцѣли піць. Видзюць водку по колюгахъ. Яны ету водку давай піць. Напилися етыя водки—во й лягли отдыхаць, ляцѣць не́куды. Етый кравецъ уже прошнувся, Видзюць, што журавли лежаць, напившись горѣлки. Начавъ ёнъ чалаць да подъ ясь. А самъ яще водки напився и лёгъ и ёнъ отдыхаць изъ журавлями. Пóтомъ. етыя журавли проспалися, а ёнъ спіць. Сичасъ журавли етые куды́рлу, куды́рлу!—и поляцѣли, кравца етаго и понясли. Кравецъ етый прошнувся, видзюць, што дзѣло плохо—и осталася и водка, и насыць яго бязвѣстно куды. Ножычакъ у яго у кармани. Ёнъ сичасъ узявъ, отрѣзався отъ етыхъ журавлѣвъ—и павъ ёнъ у болото, уѣхавъ ёнъ по самую голову. Тутъ покамясь посады́зѣвъ дзенъ—два,—откудова вутка тутъ явилася. Подумала, што купина, волосы яго звярцѣла туды, сюды, и здѣлала гняздо. Напесла яецъ. Ёнъ сабѣ сядзіць и думаець—што тутъ дѣлаць? Прибѣгая заяць; сичасъ за яечко, обороцився къ яму задомъ и ставъ ѣсць. Ёнъ сичасъ ушлѣвся за хвостъ, и сичасъ кррыкувъ: утў! лю! Заяць ирванувся и побѣгъ, и остався зайцовъ хвостъ у рукахъ. Вотъ кравецъ и подумливая: што тутъ будзя? Сядзіць дзенъ—два, удругъ, тутъ, черезъ нѣскульки урема, прибѣгая вовкъ—нападаю етыя яечки у яго въ хохлѣ. Опаяць, вовкъ ставъ етыя яечки ѣсть и ставъ задомъ. Ёнъ етаго вовка за хвостъ, закрутивъ ладно коло рукъ, обжручь уже. Вовкъ думая, што ето галюки, и ня думая, што ето на яго причина злучилася! А тоды опаяць кррыкувъ уво ўсю силу: утў! улю! Вовкъ якъ спужаетца—и потóща етаго кравца зъ болота вонъ, на сухое мѣсто.

Кравецъ етый видзя, што слава табѣ Господзи,—цяперь уже живымъ останусь! Приходжуя домовъ, ажъ опецъ уже и бѣгая,—не дождавсь и горѣлки. И цыперь живуць.

Тамъ же, отъ того же. Ср. Чуб. 83, 517. Драгом. 338. Сказка весьма распроѣтра. въ губ. У насъ было 12 списковъ ея, запис. въ различн. уу.; кромѣ того, во время поѣздки, казанники почти всегда предлагали рассказать её.

22. Дурные люди.

а, Якъ живѣ сабѣ дзѣдъ изъ бабой, и была у ихъ дочка. Только кажець дзѣдъ баби: а што, баба, прѣмемъ мы зяця къ дочцѣ? Баба кажець: прѣмемъ! Приняли зяця солдата. Разъ зяць поѣхавъ у поле ораць, бацька дома застався, баба стала печку топиць, а дочка пошла молоць у жорны. Молола йна, модела, ажны лопацень изъ жорнувъ вывалився. Тоды стала ина плакыць. Плачець и приговариваець: «што кабъ у мяне дзицятка було, ды я бѣ яго на загнеци пысадила, лопацень вывалився, дзицятка бѣ забивъ...» Приходзиць матка; спрашѣець: чаго ты плачешъ?—А того, што кабъ я дзицятка мѣла, ды на загнеци пысадила бѣ, а лопацень вывалився, дзицятка бѣ забивъ... Стала й матка плакыць. Плачуць удвоихъ. Приходзиць бацька. «Чаго вы плачаець?» Кажець яму баба: а того, што кабъ наша молодзица дзицятка мѣла, ды на загнеци пысадила, а лопацень вывалився, дзицятка бѣ забивъ... Заплакавъ и дзѣдъ. Плачуць утроихъ. Зяць на поли ждавъ, ждавъ обѣдаць, никто ня йдзець. Приходзиць у дворъ, ажны дома уси плачуць. Якъ увидили зяця, стали уси яго ругаць: «чаму ты лопатня не забивъ? Молодзица у жорны молола, лопацень вывалився; а кабъ ина дзицятка мѣла, ды на загнеци пысадила, дыкъ лопацень дзицятка бѣ забивъ...» Усердився зяць, плюнувъ и пошовъ упрочьки.

Шовъ, шовъ дорогою, зашовъ къ одному ходяину, ажны тамъ обѣдуюць: ядуць кисель изъ сытой—зачерпнуть по ложки киселя, а тоды уси идучъ у клѣць кисель у сыту макаць; зьядучъ, знова зачерпнуць, и знова идучъ у клѣць макаць. Тоды солдаты кажець: «што вы гѣто дзѣлаець?»—А ци ты ня видишь: кисель ись сытой ядимъ!—«Ды якъ жа вы ясець: усѣ у клѣць ходзиця у сыту макаць! Кыли дасцѣ миѣ побѣдыць, дыкъ я васъ наўчу, якъ треба робиць, кабъ усѣ у клѣць не ходзиць!»—Добро, дадимъ, только наўчи! Солдаты наклавъ у миску мѣду, паливъ воды и поставивъ на столъ. Стали уси ѣси, и солдатъ побѣдавъ. Подзякувавъ ёнъ и пошовъ дали.

Идзець; пора подыйшла полуднуваць. Зайшовъ ёнъ у водну хату, видзиць—дзѣдъ изъ бабой стояць на крыши и вола за роги цягнуць туды. «Што вы гѣто дзѣлаець?»—А ци ты ня видишь? На крыши трава выросла, дыкъ мы хочемъ сюды вола ўсцягнуць, кабъ ёнъ гѣту траву поѣвъ! Тоды солдаты кажець: «коли дасцѣ миѣ полуднуваць, дыкъ я васъ наўчу, якъ траву достаць!»—Добро, дадимъ, только наўчи! Узавъ солдаты серпъ, траву на крыши пожавъ, и вола скинувъ. Накормили дзѣдъ зъ бабой солдата, подѣвъ ёнъ и пошовъ.

Идзець по дорози, видиць—строюць людзи хату, и усѣ на спягѣ цягаюць бярід. Солдаты кажець: «день-добрый вамъ! Што гѣто вы, добрые людзи, робиць?»—А ци ты ня видишь? Во барно корѣтко, ня приходзитца, дакъ мы яго хочемъ выпцягнуць! Солдаты кажець: «коли дасцѣ миѣ грошій, дыкъ я вамъ яго выпцягну!»—Добро,

дадимъ! Солдатъ узавъ изъ груди довгое бярно, примѣривъ къ сцянѣ, обцясавъ, и вышло бярно акурать. Дали солдату за гѣто два рубли; енъ узавъ и пошовъ дали.

Видиць, мужикъ построивъ новую хату и усѣ нѣшто у хату лукошкомъ носиць. «Дзенъ-добрый, кажець солдатъ: што ты гѣто робишь?»—А вѣ, построивъ хату, ды цѣмно у ѣй, дыкъ я хочу сонца у хату напусциць!»—Коли даси мнѣ грошій, кажець солдатъ, дыкъ я табѣ сичасъ цѣлую хату сонца напущу!»—Добро, дамъ! Узавъ солдатъ топоръ, просѣкъ вокны, и стало у хацѣ свѣтло. Давъ солдату мужикъ три рубли, енъ подзякувавъ и пошовъ дали. Идзѣць, а ўжо ночь на дворѣ. Зайшовъ енъ уво дну хату. «Дзенъ-добрый! ходяинъ, пусци нучуваць!»—Ночуй! Солдатъ заночувавъ. Тольки кажець ходяинъ своей баби: треба намъ, баба, баранѣ зарѣзаць! Привяли барана у хату; хочущъ рѣзаць, а енъ прамо на цяпло глядзиць. Тоды кажець мужику баба: якъ мы яго будземъ рѣзаць, коли енъ намъ у вочи глядзиць? А солдатъ кажець: «я вамъ гѣтаго баранѣ такъ зарѣжу, што ѣнъ у вочи ня будзець глядзѣць, только вы мнѣ дайца за гѣто бараньюю гылову!»—Добро, зарѣжь! Пыгасивъ солдатъ цяпло и отрѣзавъ барану гылову. На другій дзенъ узавъ солдатъ бараньюю гылову и пошовъ дали.

Ишовъ, ишовъ, заходзиць по дорози къ шляхамъ, ажны тамъ на гумнѣ паничи молоцюць. «Дзенъ добрый вамъ, кажець солдатъ: чи ня можно мнѣ у васъ бараньюю голову обсмолицъ?»—Нѣ, тутъ няможно, а идзи лѣпи у хату: наша матка печку тѣпиць, дыкъ ты у яѣ обсмоли гылову! Пришовъ солдатъ у хату и кажець: паничы казали, кабъ я ў цябе гылову обсмоливъ! Матка зыголосила: якъ гѣто солдатъ хочець мнѣ гылову обсмолицъ? Што хочешъ бярѣ, только не смоли!»—Добро, кажець солдатъ: дай сто рублей, дыкъ ня буду смолицъ!» Ина дала яму сто рублей, солдатъ и пошовъ барджѣй дали. Тымъ часомъ, пришли паничи у дворъ, ажны матка голосиць: «што гѣто вы сказали солдату у мяне гылову обсмолицъ?»—Ды гѣто жъ мы казали бараньюю, а не твою: енъ цябе подманивъ! Тутъ большій паничъ усѣбъ ны коня и поѣхавъ сылдата дыгоняць. А солдатъ тымъ часомъ выварнувъ армякъ и шапку найзнапку и идзѣць по дорози. Дыгоняецъ яго паничъ и не спознавъ солдата. «Дзенъ-добрый, чаловѣкъ! Ци ня видзѣвъ ты, ци ня йшовъ тутъ солдатъ?»—Видзѣвъ, кажець солдатъ: во вѣ гѣтый лѣсъ побѣгъ! Поѣхавъ паничъ у лѣсъ—нѣякъ на коню проѣхавъ! Варнувся енъ назадъ и кажець солдату: нѣ, чаловѣкъ, подзяржи пожалуста мого коня, а я пойду ў лѣсъ солдата дыгоняць! Пошовъ паничъ у лѣсъ, а солдатъ тымъ часомъ барджѣй пы коню, и прѣхавъ у дворъ.

Дзивиутца дзѣдъ изъ бабой: откуль гѣто заць стольки быгатыця набравъ! И пытаютца у яго: идзѣ ты гѣто стольки грошій набравъ? А солдатъ кажець: «гѣто я овесъ моловъ, кисель варивъ, у кошель ливъ и на рынку продававъ,—вѣ й заробивъ гроши!» Стало баби завидно. Намолола ина овса, наварила киселя и кажець дзѣду: «нѣ, дзѣдъ, нясѣ на рынъкъ продаваць!» Дзѣдъ завязавъ кисель за плечи, а баба кажець: «глядзи жъ ты, дзѣдъ, гроши ня пропи, уси у дворъ принеси!» Узала дзѣда жалъ. Ставъ енъ ны колѣнки и кажець: «кабъ я счарнѣвъ, коли гроши пропѣю!» Поклонився у землю, и кисель увѣсь а выпецъ дзѣду на лысину...

С. Пустынки, стѣнн. у. Запис. Д. Л. Козловская.

Въ томъ же ўздѣ сказка начинается и такъ:

1. Было три братьи: два разумныхъ, третій дурный. Была у нихъ matka старуха. И было у нихъ много грошей. Братьи пошли расъ на работу, а matka осталася дома. Узала ина ды стала носиць гроши на сонца, перасушувать. Ажны идзець солдаты зъ ясными пуговицами. «Здраствы, бабка! што ты дѣлаешъ?»—Ды вотъ, грошики перашую. Ды нѣшто ты такой яшний? Ти не крашное ты шовныйко? Перашуши моѣ грошики!—«Давай, бабка, перасуш!» И отдала баба солдату гроши. Приходзюць сыны яѣ зъ работы. «А дѣтычки моѣ! отдала шъ я грошики перашушить яшному шовныйку!» Сыны яѣ разсердзились на яе, и говорюць два разумныхъ: «забѣмъ мацери!» А дурный кажець: «нѣ, постойця, братцы, ня будземъ биць: я пойду въ свѣтъ и пойду: коли ёсь дурнѣйшiе за нашiя мацери, дыкъ ня будземъ биць; а коли нема дурнѣйшихъ, дакъ забѣмъ!» И пошовъ у свѣтъ... *М. Черя.*

2. Живъ дѣтъ зъ бабай, ѣли хлѣпъ съ папый, и было у нихъ двоа дзидей—сынъ и дычка. А тоды людзи ще были дурны. Расъ дычка пышла зы водой, ажну тамъ ѣдзець шляхциць. Увидзивъ дѣвку и кажець: дѣвка-дѣвица, напои мойго кыня! Я, оттуль ѣдучи, возьму себе замыжъ. Ина послухыла и напоила. Ёнъ поѣхывъ, а ина стала скыкаць ли колодзеса,—жджець, покуль ёнъ вѣрнетца. Matka ждала, ждала, не дыждалысь и сима пышла за ёй. Приходзюць, ажну дычка скачець. «Што гето ты скачешъ, а воды не нясешъ?» А дычка кажиць: якъ жа мнѣ не скыкаць? Ёхывъ тутъ у синимъ, ны кони сивымъ и скызавъ, што кыли я ныпоу кыня, дыкъ ёнъ вѣземець мене замыжъ. Дыкъ я стоу и жду, покуль ёнъ вѣрнетца!.. И matka стала скыкаць. Скыкали, скыкали,—приходзюць къ имъ дѣтъ: што вы тутъ ждгыцѣ? Яны яму рысказали. Ставъ и дѣтъ ждаць ды скыкаць ли колодзеса. Пошовъ тоды за ими сынъ. «Чаго вы тутъ ждгыцѣ? Яны рысказали. Плынывъ имъ сынъ у вочи и пошовъ у чужую сторону іскаць разумнѣйшихъ людзей... *Д. Бутримова, остр. вол.*

6. Живъ сабѣ старикъ,—топорищамъ бороду брѣявъ, заступилномъ потперазувався,—и была у яго одна дочка. Отъ ёнъ принявъ сабѣ зятя. Пошли разъ старикъ и старуха на вяселья, а зять поѣхавъ у лѣсъ по дровы, а дочка стала ткать кросны. Ткала, ткала, и ўпавъ у яѣ човникъ потъ кросны. Отъ яна садить да й плача. Пришли яѣ батьки домовъ, а яна плача. Яны и спрашуютъ: чаго ты плачашъ?—А якъ жа мнѣ ня плакать: ткала я, ткала, и ўпавъ у мяне човникъ. Дакъ коли бъ дитя у насъ було, то бъ човникъ и ўбивъ ба!.. Стали и яны плакати. Приѣхавъ зять изъ лѣсу. «Чаго вы плачаты?»—А якъ намъ ня плакать: упавъ човникъ потъ кросны. Коли бъ будо у насъ дитя, то бъ човникъ убивъ ба!—«А Божя мой! Да яго жъ няма! Пойду я у свѣтъ отъ васъ! Коли найду дурнѣйшихъ, дакъ приду къ вамъ, а ня найду, дакъ и не приду!» Узавъ да й пошовъ. Ишовъ, ишовъ, приходя ў другое сяло, ажно тамъ молодица курицу розками сяче. Тогда ёнъ спрашуа: «што ты, молодиць, дѣлаешъ, за што ты курицу сячешъ?»—А вотъ за што: вывела яна тшплатъ, а сиски ня дае!—«Дакъ за што ты яѣ бѣешъ, коли у яѣ сисякъ няма? Ты жъ возьми круповъ да намочи, да посыжъ; дакъ яна сама буда ѣсти и тшплатъ накормя!»

Пошовъ ень далай. Ишовъ, ишовъ, приходя у другое сяло. Ажъ тама баба выскоча съ хаты зъ рѣшатоу, выставя яго на сонца, да закрыя полотномъ и бигить у хату. Ёнь и пытая ў яе: «што ты, баба, дѣлаешъ?»—А вотъ што: построили мы сабѣ новую хатку, а сонца няма у хати. Дакъ я вотъ выставлю рѣшато, сонца убигить у яго, а я закрыю ды ў хату. Да покуль донясу, а яно и ўтячѣ.—«Дурные вы: дай-тка мнѣ топора, я вамъ сонца у хату ўнясу!» И просѣкъ вокно; у хати и стало видно. Пошовъ ень далай. Ишовъ, ишовъ, приходя къ одному чаловѣку, а той чаловѣкъ хоча гумно строить, и не зная якъ: которое дѣраво довжѣй, дакъ ень збивая съ концовъ довбнѣй, а которое корочѣй, дакъ ень запрагая пару коней по концахъ, а посародки довбнѣй бѣе—растягать яго—и ниякъ ня состроилъ. Зятъ и говора: «ты жъ возьми, да которое довжѣй, ты урѣжь, которое корочѣй, ты наточи!» И пошовъ далай. Приходя у другое сяло, и зайшовъ у дворъ, ажъ тамъ мужики тянуть живого вола на горѹ (чердакъ), и ниякъ не ўстягнуть, а ў вола у того ажъ вочи вылазять. Зятъ пытая ў ихъ: «што ето вы дѣлаея?»—Да вѣд, построили мы хату, натягали моху и засѣяли житомъ, штобъ мохъ лучъ злѣгся. Дакъ таперака выросла рунь на горѣ, дакъ треба устягнуть вола, штобъ ёнь поѣвъ!—«Дурни жъ вы, дурни!» Узавъ, полѣвъ на гору, жавъ рунь и скинавъ волу, а той поѣвъ. Пошовъ ень дальшъ. Заходя у дворъ, а тамъ чаловѣкъ хоча убить кабанца. Отъ ень повѣсивъ довбню потъ повѣтъю и гоняя по двору кабана. Ёнь зновъ спрашуя: «што ты, чаловѣкъ, дѣлаешъ?»—Да хочу убить кабанца, да не бигить на довбню!—«Дурный ты: ты жъ возьми етую довбню, да помани яго къ сабѣ, да дай яму хлѣба кусокъ, да тогда яго довбнѣй по голови!» Пошовъ ень далай. Выхода на поля, а тамъ пастухи пасѹтъ овецъ и хочати зарѣзати барана. Отъ яны устыркнули на горѣ ножъ, да й гоняять по горѣ барана! Приходя ень къ имъ: «што вы дѣлаея?»—А хочамъ зарѣзати барана!—«Поймайты мнѣ, я вамъ зарѣжу!» Яны поймали, ень узавъ ножъ и зарѣзавъ. И яны дали яму головѹ барановѹ. Приходя ёнь ще у сяло; зайшовъ на гумно къ одному чаловѣку,—чаловѣкъ молотя одинъ, а ў яго хата топিতца. «Позволь мнѣ, каа, чаловѣчакъ, етую головѹ обсмолить!»—А йди, каа, тамъ жонка ў хати, у яе обсмолишъ! Ень пришовъ у хату. «Казавъ твой чаловѣкъ, штобъ я ў тебе голову обсмоливъ!»—Да што ты говоришъ? будя ень казати головѹ ў мяне смолить?»—«Ну, йди, каа, попытай!» Пошла яна на гумно. «Ти казавъ ты чаловѣку обсмолить головѹ?»—Да казавъ! Отъ яна увыйшла у хату, да й дае яму ето рублѣвъ: только не смоли у мяне головы. Ень узавъ, да й далай пошовъ.

Приходя къ икономаи, ажъ ходя на лугу свинья зъ дванатцатерома поросятами. Ень ставъ перадъ ёй наўкобяны, зная шапку и стоять... Убачила съ хутору паненка и присылая кучара: иди, попытай, чаго ень стоити? Кучаръ пришовъ: «чаго ты стоишъ, чаловѣчакъ, науколяндахъ?»—А ето моя родичка, свинья Аксинья. Яе сестра Прасинья жѣня сына, дакъ я зову на высельля! Кучаръ пошовъ и кажа паненцы: зове на высельля!—Дакъ якъ жа яна пойди,—у яе малыя дѣти, ня дайдутъ яны! Запрагла у повозку коня и посадила свинью съ поросятами, и дала ямѹ. Ень сѣвъ да й поѣхавъ у Гомаль. Продавъ коня съ повозкой и свинью съ поросятами, и пошовъ зновъ къ хутору. А тамъ уже прѣхавъ панъ и спрашуя, дѣ конь и свинья

А яна говора: поѣхала на свадьбу! Панъ давай пытати, кудой енѣ поѣхавъ, яму и ўказали: тудой и тудой, чаразъ такіи и такіи лѣсъ. Панъ появлявъ запретъ троя коній: поѣду догонять! А зять забѣгъ напяродъ, да напавъ кучу г...а, да накрывъ шапкой и садить. Пріяжжая той панъ къ яму: «а што, чаловѣкъ, ты шапкой накрывъ?» — Да вотъ садѣла жаръ-птица, дакъ я потерявся да ѣ накрывъ. Да вотъ, до почти вяльга глядѣтъ, а то вырветца! — «А ти ня бачивъ ты, ти ня ѣхавъ сюдой чаловѣкъ съ свинѣнѣй и съ поросятами?» — Ыхавъ сичасъ; дайтя я догопо, тольки подиржитя жаръ-птицу! Отъ панъ давъ яму копя, а самъ ставъ дяржать шапку. А чаловѣкъ той сѣвъ да ѣ поѣхавъ. Ждавъ, ждавъ панъ, не дождався. «Дай возьму хоть птаха сабѣ!» Да рукой потъ шапку суня, суня, — да туды такъ и ўлѣзъ! Уставъ, пошкребъ, пошкребъ голову, да ѣ пошовъ у хуторъ. Папенка спрашуя: а дѣ жъ кони? — Да на вясельли подаривъ!

А зять пріѣхавъ домовъ, и ставъ жить, — бача, што богато на свѣти дурнявъ.

С. Переростъ, юм. у. Ср. Афан. VI, 60. Худяк. II, 129. Чуб. 504.

24. Дурень.

Жила матка съ сыномъ, и сынъ той бывъ дурный. Тоды матка кажаць: «идзи ты, мой сынокъ, на кирмашъ, ды высватай сабѣ дзѣвку!» Енѣ пошовъ и высватавъ сабѣ дзѣвку. И кажаць дзѣвцы: дзѣвка, што ты мнѣ за подарунокъ даси? А дзѣвка кажаць: нѣ табѣ шпильку нѣз куртки! Дуракъ узавъ и пошовъ. Ашъ вязуць два возы соломы. Дуракъ пераломивъ шпильку ды уторкнувъ у водзинъ востъ и ў другій. Ды прышовъ домовъ, а матка кажаць: ци высватавъ ты дзѣвку? А дуракъ кажаць: высватавъ! — «А што ина табѣ дала за подарунокъ?» — Дала ина мнѣ за подарунокъ шпильку. Ажны я увидзѣвъ, што вязуць два возы соломы, дакъ я разломивъ шпильку ды уторкнувъ у водзинъ востъ и ў другій! — «А сынища ты, а дурнища ты! Ты жъ ба тую шпильку ды ўторкнувъ у шапочку: нехай ба дзѣвкинъ подарунокъ бывъ!» — Цишы, мама: я дзѣвку тую знаю, сходжу за подарунокъ! Пошовъ дуракъ къ дзѣвцы. Прышовъ на порохъ и кажаць: дзѣвка, што ты мнѣ за подарунокъ даси? А дзѣвка кажаць: нѣ хустку! Узавъ дуракъ хустку, вышовъ за сѣло и ўзложивъ тую хустку на шапку. А вѣцерь дунувъ, — хустку и здувъ. Прышовъ дуракъ домогъ да кажаць: мама, дала мнѣ дзѣвка за подарунокъ хустку. Дыкъ я поклавъ на шапку, а вѣцерь здувъ! Тоды матка кажаць: «а сынища ты, а дурнища ты! ты жъ ба тую хусточку завязавъ на шыячку: нехай ба дзѣвкинъ подарунокъ бывъ!» Цишы, мама: я тую дзѣвку знаю, — сходжу за подарунокъ. Пошовъ дуракъ къ дзѣвцы за подарунокъ. Якъ прышовъ на порохъ, дыкъ и кажаць: дзѣвка, што ты мнѣ за подарунокъ даси? Дала яму дзѣвка сучку малянѣкаю на сѣмѣхъ. А дуракъ узавъ сучку, ды ўсѣ садзиць на шыю. Дыкъ сучка яму руки по'пкусала, ды вырвалася и побѣгла.

А дуракъ прышовъ домовъ ды кажаць: мама! дала мнѣ дзѣвка за подарунокъ малянѣкаю сучку. Я яѣ садзивъ-садзивъ на шыю, а ина мнѣ руки по'пкусала и побѣгла домогъ! Тоды матка кажаць: «а сынища ты, а дурнища ты! Ты жъ ба тую сучку ды на вяровочку ды сказавъ: цю-цю, цю-цю! ходзи ў хату, табѣ ѣсци дадучъ — нехай ба хоць у насъ сучка дзѣвкина была!» А дуракъ кажаць: цишы, мама! я

тую дзёвку знаю, сходжу за подарункомъ! Пошовъ дуракъ къ дзёвцы за подарункомъ. Якъ только прышовъ у хату, дыкъ и кажаць: «дзёвка, што ты мнѣ за подарунокъ даси?» А дзёвкины бацька бивъ свиньей. Тоды ина дала яму кусокъ сырого сала. Ёнъ узавъ тое сало ды зачанивъ на вярровку ды цягнецъ домовъ и кажаць: цю-цю, цю-цю! ходзи ў хату, табѣ ёсци дадучъ! А пастуховы собаки почули, прыбѣгли и отобрали сало. Прышовъ дуракъ домовъ ды кажаць: «мама, дала мнѣ дзёвка за подарунокъ сала кусокъ; а я на вярровку ды поцягнувъ, ды кажу: цю-цю, цю-цю! Ходзи у хату, табѣ ёсци дадучъ! А собаки пастуховы отобрали и зѣбли!» А матка кажаць: а сынища ты, а дурнища ты! Ты жъ ба тое салцо ды ў торбочку: нехай ба хопъ на затовку було! Дуракъ кажаць: цыпы, мама! Я тую дзёвку знаю и сходжу за подарункомъ! Пошовъ дуракъ къ дзёвцы за подарункомъ. Якъ прышовъ на порохъ, дыкъ и кажаць: дзёвка, што ты мнѣ за подарунокъ даси? А дзёвка дала яму корову. Дуракъ вывавъ корову за сяло, ды поскѣ, удоживъ ў торбу ды понесъ домовъ. Прынѣсъ ды кажаць: па, мама, табѣ и затовки! А матка стала глядзѣць, ажны тамъ мясо. Ина кажаць: што гэта? А дуракъ кажаць: дала мнѣ дзёвка корову за подарунокъ, а я вывавъ яё за сяло ды й поскѣ!—«А сынища ты, а дурнища ты! Ты жъ ба тую коровуныку ды на вярвуньку, ды прывѣвъ ба у пуньку, да давъ ба ёй сянца, пехай ба и ў насъ коровка була! Тоды дуракъ кажаць: цыпы, мама! Я тую дзёвку знаю, сходжу за подарункомъ! Пошовъ дуракъ къ дзёвцы. Якъ только прышовъ на порохъ, дыкъ и кажаць: дзёвка, што ты мнѣ за подарунокъ даси? А дзёвка кажаць: пойду-тку я сама! И пошла дзёвка изъ дуракомъ. А дуракъ яё ловиць, ды ўсё чапаецъ на вярровку. А дзёвка кажець: я сама пойду! Али-тки дуракъ уловивъ дзёвку, ды зачанивъ на вярровку и повѣвъ. Прывѣвъ у пуню, прывязаваъ и давъ сѣна, а самъ прышовъ домовъ. А матка ў яго спрашаецъ: што жъ табѣ дзёвка за подарунокъ дала? А дуракъ кажаць: «дзёвка сама пришла!»—Идзѣ шъ ина?—«А у пуні прывязаваъ, да сѣна давъ!»—А сынища ты, а дурнища ты! Ты шъ ба тую дзёвуньку ды за ручуньку, ды прывѣвъ у хатуньку: я пѣ вамъ ёсци дала!.. Пошовъ дуракъ у пуню, отвязаваъ дзёвку, ды ўзявъ за руку и прывѣвъ домовъ. Дала имъ матка ёсци и повала спаць. Лѣхъ дуракъ зъ дзёвкой спаць и заснувъ. А дзёвка звязала овечку, ды поклала къ дураку, а сама побѣгла домовъ. Дуракъ прочхнувся, ды почувъ, што овечка ёсь, а енъ думавъ, што дзёвка, и ставъ просиць у яё: дай жа й мнѣ, што ты яси! А ина не дасецъ. Полѣсь тоды дуракъ на хату за яблоками, ды й звалився. Прыбѣгла матка и кажаць: «што ты, моё дзицятко?»—«А што шъ тая дзёвка не дабѣць мнѣ яблокъ, а сама ёсь, дыкъ я полѣсь за яблоками ды звалився!

Пошовъ дуракъ тоды и знова лѣхъ спаць. А матка за имъ. Только отчынила дзверы, а овечка—бя! Ды дураку ў ротъ. Дуракъ ускочивъ да зъ дурноты матку забивъ. Пошовъ къ попу ды кажаць: бацюшка, ходзи пухувай матку! А попъ кажаць: дай грошы! А дуракъ кажаць: ты шъ вѣдаешъ, што я бѣдны, у мяно грошый немашацька! Ходзи пухувай! А попъ кажаць: идзи, идзи, бязъ грошый и не приходзи! Дуракъ думавъ, думавъ, али пошовъ копаць яму, хуваць матку. Ставъ копаць, ды выкопавъ коцѣль чырвонцовъ. Ставъ дуракъ рать. Пошовъ къ попу ды кажаць: ходзи, бацюшка, пухувай матку! А ёнъ кажаць: грошы ёсь?—Ёсь!—«Идзѣ ты ихъ узавъ?»—А я

ставъ копаць яму, ды выкопавъ коцель чырвонцовъ! Попъ пошовъ, пухувавъ дуракову матку. А тоды прышовъ домовъ, зарѣзавъ козла, здэръ шкуру ды сказавъ попадзѣдзі опшыць яму тэй кожай руки и шыю. Тоды ноччу прышовъ къ дураку ды кажаць: давай моё грошы! Дуракъ спужався и отдавъ грошы! Пришовъ попъ домовъ. Стала попадзѣдзя отпараваць шкуру. Идзѣ поронѣць ножомъ—попъ закрычыць и кровь пойдзѣць... Попъ тоды за грошы ды дураку и отдавъ. Прышовъ домовъ, и знявъ козлиную шкуру...

Д. Городецъ, стнн. у.

25. Набитый жидъ.

Ишовъ жыть, нашовъ пятакъ, ды кажаць: дай боза другій! дай боза другій! Ажны вязуць хуваць мяртвеца. Почули людзи, злѣсь одзинъ съ колѣсь ды кажаць: «сукинъ ты сынъ, якъ ты кажашъ?» Жыть кажаць: якъ жа мнѣ казаць?—«Кажы: рай свѣтлый, царство нябесное!» Пошовъ жыть и кажаць: рай свѣтлый, царство нябесное рай! свѣтлый, царство нябесное! Ажны вязуць кспиць плохого дзяцѣнка. Тоды кумъ злѣсь съ колѣсь ды жиды по ўху, и кажаць: якъ ты, с. с. кажашъ! А жыть кажаць: милянкій, роднянкій, якъ жа мнѣ казаць?—«Ты кажы: капъ здорово росло, бацьку и матцы на поцѣху, людзѣмъ на завидность!» Жыть пошовъ и кажаць: капъ здорово росло, бацьку и матцы на поцѣху, людзѣмъ на завидность! капъ здорово росло, бацьку и матцы на поцѣху, людзѣмъ на завидность! Ажны с...ць чаловѣкъ. Почувъ, што жыть кажаць, ды яго по ўху: с. с. якъ ты кажашъ?—«Милянкій, роднянкій, якъ жа мнѣ казаць?—«Кажы: капъ свиньи зѣбли!» Жыть пошовъ и кажаць: капъ свиньи зѣбли, капъ свиньи зѣбли! Ажны сѣць чаловѣкъ горохъ. Почувъ гэта, ды того жиды по ўху: с. с. якъ ты кажашъ?—«Милянкій, роднянкій, якъ жа мнѣ казаць?—«Кажы: капъ валико росло, у гумно занясло!» Пошовъ жыть и кажаць: капъ валико росло, у гумно занясло! Ажны горыць лазня. Почули мужыки, што ёнъ гэдыкъ кажаць, прыбѣгли ды жиды по ўху: с. ты сынъ, якъ ты кажашъ? Жыть кажаць: милянкій, роднянкій, якъ жа мнѣ говорыць?—«Кажы: капъ потухло! Пошовъ жыть ды кажаць: капъ потухло. капъ потухло! Ажны палюць лядо. Тоды той чаловѣкъ кажаць: «якъ ты, с. с. говорышь?» Ды по ўху!—«Милянкій, роднянкій, якъ жа мнѣ говорыць?—«Кажы: капъ згорѣло!» Жыть пошовъ ды кажаць: капъ згорѣло, капъ згорѣло! Ажъ горыць дворъ. Почули людзи, ды яго по ўху: якъ ты, с. с. кажашъ? А жыть кажаць: милянкій, роднянкій, якъ жа мнѣ казаць?—«Кажы: капъ затушили!» Пошовъ жыть и кажаць: капъ затушили, капъ затушили! Ажны ѣдзець глухій панъ у краснымъ, ды думавъ, што жыть кажаць: капъ затопили! Ёнъ тоды злѣсь ды яго по ўху: с. с. якъ ты кажашъ? А жыть кажаць: милянкій, роднянкій, якъ жа мнѣ казаць? Тоды панъ кажаць: «кажы, капъ уси на свѣци жили и здоровы были. И кого ўбачишь у краснымъ, у бѣлымъ, у чорнымъ, у зялёнымъ, дыкъ кланяйся!» Пошовъ жыть ды кажаць: капъ уси на свѣци жили здоровы были! Ажны бачыць мядзѣвѣдзя. Ёнъ ставъ мядзѣвѣдзю кланятца, а мядзѣвѣдз яго потъ сябе...

Дер. Горисецъ, стнн. у. Запис. кр. Я. Горбачевъ.

26. Жидъ кроль.

Служивъ одзинъ дзяцина у работникахъ. Прослуживъ годъ, и не захоцѣвъ боли служиць, отыйшовъ. Ну, и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, пришовъ у коршму. Тая коршма была на дзвѣхъ сторонѣхъ: на 'днэй сторонѣ горѣлка продавалася, а на другой шинкаръ, жидъ, живъ. Вотъ, увыйшовъ ёнъ на тую сторону, на шинкарову, ажны жидъ ходзиць по станцыи. «Здоровъ, жидзька!» Якъ усердзился тэй жидъ за гето яго слово! Якъ ёнъ могъ яго жидзькомъ обызваць?—«И сто ты, музыкъ, свинуля! Якій табѣ тутъ зыдзька?» Ды якъ тўрнець того мальчика,—ажны илбомъ дзѣвери расчинивъ.

Вярнувся тэй дзяцина, узявъ свою шапку, и пошовъ. Идзѣць, а самъ усё думаець: за што гето мнѣ пархатый жидъ уздавъ?.. Ну, приходзиць у другую коршму. Тамъ изновъ жидъ бивъ. Пытаець ёнъ у того жида, ци ня вѣдмець ёнъ, якій гето жидъ у тэй кáршми живець: такій ёнъ дужо гонористый? Жидъ говориць: «якіі ёнъ гонористый? Ёнъ тольки дужо богатый, наѣхавъ изъ самэй Аршавы, прызываецца Зроль Бэра.» Тоды, зъ гэтыі коршмы пошовъ дзяцина дали, у другую коршму. И тамъ яму сказали его самое, што Зроль Бэра дужо богатый. Вярнувся ёнъ тоды назадъ къ тому самому жиду, што яго бивъ.

Приходзиць къ яму і говориць: «здоровъ, панъ господаръ, рандару богатый!»—Здоровъ, здоровъ, добрый цаловѣцькы! Вотъ, якъ хто зъ рóзумомъ говориць, дыкъ любо слушаць! А то, недавно, пришовъ нѣйкіі дурень, ды й назвавъ мяне жидзькомъ!—«Ну, гето й видаць, што бивъ дурень, коли геткаго пана господара и гетакъ называвъ!»—Ну, садзися, добрый цаловѣцькы! Кажи, идзѣ ты бивъ, што ты чувъ?—«Ну, идзѣ шъ я бивъ? бивъ я у самый Аршави. Што тамъ дзѣллетца, дыкъ гето чистый гвалтъ! Новаго кроля насадживаюць на королевство!»—Ну, пытаець жидъ: и ци не чувъ ты, кого?—«Якъ не чувъ,—чувъ: нѣйкаго яврея!»—А якъ жа яго зовуць?—«А нѣйкіі Зроль Бэра. Ёнъ не живець у Аршави, а рандуецъ хульварыкъ нѣйдзя!»—Уй, голубцыкы ты мой: гето шъ я! Гето шъ я Зроль Бэра! Ци добро ты чувъ?—«А якъ жа ня добро? Ужо присягнули уси паны!» Жидъ тэй ня вѣдаець, чимъ частуваць и поштываць того дзяцюка: и горѣлки постновивъ, и пироговъ подавъ, и чипѣнки, и тарановъ... «Слухай жа, мой мялянскіі: кыли я ўжо буду кролёмъ, дыкъ ты будзъ мой миніспертъ!» Ну, заразъ позвавъ свою жонку и ёй гето самое сказаваъ, што ёнъ ўжо кроль. Ну, а якъ ставъ ёнъ ўжо кролёмъ,—надо яму и калавуръ такіі, якъ у кроля. Сичасъ, пославаъ на сяло, наняваъ по два мужуки уву всякую станцыю, и поставивъ ихъ зъ булдавешичкамі.

Тоды дзяцюкъ, видзиць, што яго штука пошла у тахту—али шъ якъ бы не помылитца—«ну, кажець, пане-кролю: идзѣ табѣ геткаго миніспера браць, якъ я; я соўсімъ прѣстыі мужикъ, мужукомъ и смярджу. Ды йщо вотъ што: я и бѣдныі дужо, —у мяне довгу рублѣвъ коло сто ёсь!»—Тольки? сто? Якій за ты дурачокъ! Няўжо ты думаецъ, сто у кроля гросый нема?.. Пошовъ, и выносиць повную скрыночку грѣшій. И отличивъ яму чатыри сотни рублѣвъ. Тоды наняваъ ёнъ яму добрыхъ пару коній, ладнаго хурмана и пояздъ. И сказаваъ хурману, кабъ ёнъ слухавъ усё тое, што

яму минисеръ будзець говориць. Сѣвъ мужикъ, и поѣхувъ зъ грошиками. Радъ-радъ, што жиди подманувъ. Проѣхувъ ень, можа, вярстовъ съ пяцьдзесять, ци боли, ды й говориць хурману: «идзи сабѣ назадь у дворъ; я й одзинъ поѣду. И пану кролю скажи, калѣ ень не сумлѣвався; што я яго не подману, заразы назадь буду!»

Ну, а панъ кроль, якъ поѣхувъ яго минисеръ, сказавъ поносиць съ усихъ покоевъ креслы, состновивъ ихъ одзинъ на одзинъ — бы ень чувъ, што кроль сядзиць на высокихъ сядзѣнны — и ўзлѣзъ на тыя креслы. Ажны головой столь доставъ! Здѣлувъ сабѣ мѣсяндзовую звязду, на грѹдзи надзѣвъ; сказавъ жонцы даць бялёваго полотна, накрывся полотномъ зъ головы, а концы ажъ пы зямлі цягаютца. Ну, и сядзиць круль, ждзѣць свойго минисера, — бо хурманъ вярнувся и сказавъ, што минисеръ отправивъ яго у дворъ, што ень одзинъ вернетца къ кролю.

Тольки по тэй дорозі, коло тэй коршмы, треба було ўхаць нѣйкому царевичу. Застновилися яны коло гетый коршмы; зайшовъ одзинъ казакъ напнтца. Тольки казакъ у хату, ашъ тамъ кралева калавурщикъ къ яму зъ булдавешкой: «ты куды гето лѣзешъ? Ты ня видишь, што тутъ кроль сядзиць?» Гетый казакъ назадь, ды свойго царевича: такъ и такъ, говориць: гето не коршма; тутъ кроль живець! Тэй дзивицца яму у вочи: якей такей кроль тутъ живець? Заходѣвъ пыладзѣць. Надзѣвся, якъ надо быць уво все своё царское одзѣянныя, причаинивъ шаблю и йдзѣць лядзѣць того кроля. Ажны видзиць — сядзиць нѣйкій жидъ, по'бѣшавшись, по'бѣшавшись усимъ — усякимъ. Якъ крикнець ень на тыхъ калавурщиковахъ зъ булдавешками: «што гето вы посумилися, ци што? Ци вы ня видици, што гето жидъ пархатый?» Позвавъ своихъ слугъ, сказавъ имъ звязаць того жиди, изъ жонкой, изъ дѣтками, забравъ усё яго добрѣ, и заставивъ пана кроля туды, идзѣ и воронъ не кармаецъ. А тэй мужучокъ и поѣхувъ сабѣ у своё сяло зъ жидовськими грошиками...

С. Немойта, стнн. у. Запис. г-жа Цоталовичъ.

27. Солдатъ ни въ раю ни въ пеклѣ.

Помѣръ колись одинъ солдатъ. На тымъ свѣти привали яго ангали къ раю. Солдатъ спрашуя: «што ето?» — Да рай! — «Водка ёсть?» — Нѣ, няма! — «Табака ёсть?» — Нѣ, няма! — «Дѣвки ёсть?» — Нѣ, няма! — «Ну, якій ето рай? Не пойду!» Ангали здали яго на рѹки пекольниковъ. Приводять яны яго къ пеклу. «Што ето?» — Рай! — «Водка ёсть?» — Ёсть! — «Табака ёсть?» — Ёсть! — «Дѣвки ёсть?» — Ёсть! — «Ну, вотъ ето рай!» Пекольники отчинили двери, да яго туды и ўштырхнули.

Ворочаетца солдатъ тутъ. Жарко! Спрануся ёнь и ставъ по станахъ гвоздѣ забивать. На однимъ повѣсивъ шинелю, на другимъ мундѣръ, на третьимъ раняць, даляй шапку, мундцу... Уси стѣнки позаймавъ! Тогды давай чартей подъ боки штыхомъ ворсать, — гоняя ихъ по пеклу! Нѣгдѣ имъ дѣтца! Состроили яны звоницу да й давай звонить. «Солдатъ, ваши звѣнаты!» — Да нехай звѣнать, покуль охвоту згонять: мнѣ и тутъ хорошо. Солдатъ не глядитъ звону, солдатъ глядитъ царскаго зову!...¹⁾ Убили тогды пекольники собаку, напали барабанъ, да й давай бить. «Солдатъ, ваши

1) Вар. удару.

ў барабанъ б'юць!» Солдатъ од'вса и поб'гъ. Огл'дися—прозабывъ солдатъ набручника. Прискочивъ енъ икъ дверамъ, а йны ўже запёрты. Вотъ енъ и давай штыхомъ ковырять двери. «Отчини, возьму набручникъ; а то двери разломаю!» Черти выкинули яму набручника. Пошовъ солдатъ, ажъ ничого и няма! Вотъ и остався солдатъ ни причомъ: ни ў раю, ни ў пекли...

Гомельскій у.

28. Солдаты и баба.

Продавала баба у каршми кожухъ. И ў тэй каршми було два сылдаты. Яны и зрадилися, кабъ укрась у бабы гэтый кожухъ. Одзинъ каецъ: я буду изъ бабыи скыкацъ, а ты кожухъ пыть шинелю и ступай! Вотъ и пычавъ сылдатъ кыло бабы скыкацъ; скачецъ и приговаріецъ: «гайды—шъ, бапка, гайды шъ я—а ўжо шъ н'ту кужушка! А ўжо шъ кожухъ пыть плащомъ, пойдзецъ бапка сы плачомъ!» Скыкала, скыкала бапка,—огл'дзилися, ашъ кужушка нема. И пышла зыплакывши.

Г. Стэнно.

29. Солдатъ и бабина торбочка.

Растъ выправилися баба ў дорогу на нядз'ёлю. Узяла яна у торбочку дв' тыранычки, два пыросёнычки, два сырцы, два пр'сночки съ кыныплянэмъ мылокомъ. Вотъ, ишла йна, йшла, ды й ссорила свою торбочку. А сылдатъ ишовъ ззаду ды й поднявъ яё; огл'дзивъ и нясецъ. Хвацилися баба торбычки, и бязицъ нызатъ. Сустр'чаецъ сылдата: «ци не знашовъ, каецъ, ты, служивый, мою торбочку?»—А што ў твоей торби?—«Ды ў моей торби було дв' тыранычки, два пыросёнычки, два сырцы, два пр'сночки съ кыныплянэмъ мылокомъ!»—Н'ъ, бапка: я знашовъ н'йкую торбочку; ды ў ёй було два таскалы, два пискалы, два цискалы, два пляскалы, посконьнями подз'ергуваны». Баба лядз'ёла, лядз'ёла яму ў вочи, п'отымъ и кажецъ: «н'ъ, гэта не моя торбычка!» И пошла дали яё сочиць...

Д. Тютыки, стынн. у.

У Афан. III, стр. 101 и Драгом. стр. 195 пом'щены сходные малор. анекдоты, юморъ которыхъ заключается въ томъ, что хохоль и москаль не понимаютъ другъ друга.

М Е Л О Ч И.

1, Поганый у пашамъ сятъ дякъ бывъ: ня ўмѣвъ ёнъ пѣтъ никалива. Якъ запяе, бывало, дакъ и слухать няльга, хоть съ цѣркви ўтикай. Якса, разъ, пѣвъ энъ вельми жалобно. Пяе, а самъ оглядываетъ: ти не разжалобивъ энъ кого? Ажъ и бача: стоишь чаловѣкъ ли бабнику, ды й плача. По шапошнымъ разборъ, подыходя дякъ къ тому къ чаловѣку и пытае: «а што ты, чаловѣкъ добрый, сядьни плакавъ?»—Ай, дядячка! якъ жа мнѣ ня плакати: ты сядьни якъ-разъ такъ пѣвъ, якъ моя козка бляяла, коли лѣ вовки рѣзали...

Гом. у. Сообщ. В. Р. Романовъ.

2, У водного дзяка было много паропковъ. Пызывавъ расъ у будний дзень дзякъ своихъ паропковъ свѣдыць: поснѣдуйце-тку, а послѣ пойдеце ны работу! Тые сѣли и свѣдыюць. А дзякъ стоиць ды глядиць. Стыявъ, стыявъ и надумывся. «Ци вѣдыця што, мальцы? Вы ўже за 'днымъ разомъ и побѣдайця!» Паропки изнова сѣли и пычали обѣдыць. А дзякъ, стоючи, ще надумывся: «нехай-тку разомъ и пывячерыюць: зыдаюць ужо потроху, а тоды цѣлный дзень работаць будуць!» Пывячерывши, паропки, кѣжанъ знаецъ своё дѣло: кому, пывячерывши, треба коній весць ны нощлѣгъ, тѣй збираецъ оброци, зманіецъ субакъ; а тѣя послѣ вѣчери разувацца стали: спаць класиць. Дзякъ лядиць и спужався: «што гѣто вы робиця? треба шъ на работу йсци!»—Во, дакъ якая шъ работа, пывячерывши?.. И кладутца спаць. Дзякъ и такъ и гѣтыкъ.. Ды давай паропковъ горалкой поиць, ды просиць. Зготовивъ имъ другой обѣдъ и другую вѣчерю.

Рясн. вол. стѣнн. у.

3, Приходя разъ къ одному мужику одинъ цыганъ. Мужикъ обѣдая. Цыганъ и кажа: хлѣбъ да соль! А тому, звѣстно, треба казати: просимъ зъ нами обѣдать! Ну, цыганъ за ложку и садитца. И ставъ учащать къ тому мужику, и кѣжанъ разъ обѣдая. Соўсимъ оприкрывъ мужику. Вотъ, приходя разъ зновъ цыганъ у обѣды. «Хлѣбъ да соль!» кажа. А мужикъ говора: доброе, каа, дѣло, у кого ё!.. Годи съ тыхъ поръ цыганъ ходиць къ мужику.

Гом. у. В. Р. Романовъ.

4, Ишли разомъ мужикъ и цыганъ, и разговорились про своё дѣло. Цыганъ кажа: «доброе, батю, ваша дѣло: ори, мяли, ѣжь! Ня то, што наша!» Узяла злости мужика: *цыганъ* больше мужика работа! «Ну, коли жъ такъ, кажа,—бари ты мяи за чуба, да кажи своё дѣло, а тогды я табѣ буду казати своё!»—Ну, добро, батю! Узявъ цыганъ мужика за чуба, дярэ да й приказуа: «плохое, батю, наша дѣло: иди поперадъ на базаръ—да украдь тамъ чаго-небудъ—да принеси у шатѣръ—да самъ не знаешъ, што зъ имъ здѣлать: ти самому ѣсти, ти дѣтамъ отдать!»—Ну, усѣ?—«А ўже жъ усѣ!» Тогды мужикъ згробъ цыгана за космотнищи, да й почавъ: «А якъ ня ша дѣло: дакъ накоси улѣтку сѣна—а самъ дѣръ—да привязи домовъ—а самъ

изновъ дѣръ—да прокорми у зимку скотину—а самъ усѣ дярэ—да собяри гной—да вывизи яго вясной на поля—да раскидай—да ўзори—разъ—да другій—да поскородь—адыли постѣй—выростя, дакъ сожни—да повяжи ў снопы—да перавязи у гумно—да змолоти—да 'твязи на вятракъ—да змяли—да дома просѣй—да замаяси—да достань дровъ—натопи печку—да посаждай—спячи—вынь—разрѣжъ—да тогды й ѣжъ!» Надравъ того цыгана такъ, што ў того вочи на лобъ полѣзли.—«Э-э! плохо, батю, и ваша дѣло!»

Тамъ же. Зап. тотъ же. Ср. Афян. VIII, 280.

5, Косили, такъ, умѣсти чаловѣкъ и цыганъ. Пришло обѣдѣя, зжарили яны сабѣ пороса на 'бѣдѣ. Бача цыганъ, што одного пороса мало на двоухъ такихъ молотцовъ, отъ, ёнъ и кажа ходяину: «Слухай-ка, батю, што я скажу: давай мы поперадъ отдохномъ! Кому лучьчій сонъ приснитца, тому й пороса ѣсти!»—А добро ты кажашъ, лягомъ отдохномъ! Отъ и полягли. Цыганъ туды-суды повярнувся и заснувъ. Тоды чаловѣкъ той уставъ, за тое пороса, да й зѣвъ. А тогды ўже лёгъ сабѣ да й спить. Пронхнувся цыганъ: «уставай, ходяинъ! што табѣ снилось?»—Кажы ты ўперадъ!—«Бывъ я, кажа цыганъ, у Бога уво снѣ. Ъвъ я тамъ гусь и пороса; ѣвъ, и ўсѣ на тябе, батю, кивавъ, штобъ и ты йшовъ ко мнѣ ѣсти!» Отъ, ходяинъ тогды и кажа: да я, каа, бачивъ, якъ ты ѣвъ и на мяне кивавъ. Мнѣ й здайся, што ты кажашъ: ѣжъ пороса! бачъ, я тутъ ѣмъ!.. Да узаявъ и самъ ставъ ѣсти!»—«Дакъ ти ты зѣвъ?»—Да зѣвъ жа! Отъ, цыганъ и кажа: «смутку я ѣвъ, печаль я ѣвъ!..»

Гом. у. Срав. Афян. V, 6.

6, *Жиды и пенъ.* Вуй, ѣхала наша братытя вяликимъ обвозомъ: возъ на возѣ, дуга на дузѣ, одна кобылка ў возѣ, да й тая не вязе. Заѣхала наша братытя на пошлегъ у пуцу, да ў драмуцу—гдѣ хрѣнъ да капуста! Наши братики дружны пошли у лясца, да назбирали дровища. Якъ наклали огнища—подъ самое небясища, да ще трошачки й вышай. Откуль узаявся голое голища, ббсое босища, пришовъ къ нашаму огнищу грѣтца. А нашъ братъ милосѣливый: дали яму топорища (увел. сл. топоръ), да иди ты, босое босища, въ лясца да высяки сабѣ лутища... Ня высѣкъ жа ёнъ лутища, да высѣкъ доброе дубища, да якъ ставъ нашего брата чистить!.. Нашъ братъ, бача, што бяда: который на возъ, который подъ возъ, который на тынъ дрався, который у воду кидався... А ёнъ якъ ударивъ нашего рабиноса (рабина т. ч. раввина) да поперокъ носа—нашъ рабиносъ ажъ ярмойкой затросъ! Наша братытя, бача, што не ладъ, постали ўси ў радъ. Вотъ, якъ пуль, дакъ пуль, ¹⁾ безъ порохъ и куль, до самого бѣлага дня. А самъ ажъ счарѣтъ, якъ свинья. Разгѣдѣлись мы ў день, ажъ тѣ горѣлый пенъ...

Г. Бѣлица.

7, Якъ ѣхала наша братытя—цѣлый обвозъ! Возъ на возѣ, сорокъ на дузѣ—одна кобыла вязе. Ой, якъ заѣхала наша братытя у вяликая пуца драмуца: три бя-

1) Отъ гл. пульнуть—бросить, швырнуть.

розы, одна дубъ. Ой, якъ узався нашъ Янкелька за дранкелька, Борухъ за порухъ, Гирша за мушкетъ... Якъ расклали яны огняцу, подь самую небясицу: самъ богъ бывъ видаць—грошку ноги тырчаць.

Спнн. у. Кр. Тарасъ Григорьевъ.

8, Ёхала наша братытя долиной—сидить жидъ надъ кобылиной. «Жидъ, жидъ, што ты работаешь?»—Кобылку шкабортаю! Люди, люди, што зъ моё кобылки будя?—«Пойдя кобылка твоя уся ў пользу: шкура на бубянь, суставы на гуголь, рёбры на карэты, ноги на пушолеты, голова на ляхтари, брухо на бондари, кишки на книжки, трабухи на мяхи, хвостъ на штафелку, шкапа на ярмолку...

Рогач. у.

9, Ёхали мы съ Пузова на Гарбузово, наша кобылка занедужала. Пошли мы къ рабину пытатца: што намъ рабинъ позволя? Сказавъ рабинъ: зарэжтя, сами дярмо поѣжтя, шкуру на бандурку, а съ костей карёта, а зъ ногъ пушолеты, зъ вушь лопаты, а голова на шабусъ...

Быхов. у.

10, Нанявся мужикъ везть жида до города. И треба имъ ёхать черазъ густенный лѣсъ. Пріѣхали ў лѣсъ; мужикъ и кажа: «ляди, Лейба,—у етымъ лѣси ё разбойники. Коли бъ яны тебе ня ўкокошили!» А жидъ вѣзъ много грошій. Якъ почувъ, проклятый, дакъ и заколотився. «Ой, Иванечка! на табѣ моё гроши, а мяне закрый рогожками. Якъ ногды придуть разбойники, дакъ отдай имъ и гроши, абы бъ мяне не трогали!»—Я жъ ня ўмѣю, якъ имъ отказать, коли сустрѣнуть да почануть спрашавать: што вязѣшь?—«Ой, Иванечка, скажи—шкло!»—Ну, добро! Узавъ мужикъ грошаты, закидавъ жида рогожками, укрутивъ варовками, да й ёда. Отѣхавши гони зъ двѣ, выломавъ добрый дручокъ, да й кричитъ, нбытцамъ разбойникъ: стой! куды ёдѣшь? Да самъ и отказуя: у городъ, паночки, къ торгу!—Што вязѣшь?—Шкло, паночки!—Продажное?—Нѣ, паночки, отъ купца.—Давай гроши!—Нема, паночки!—Мы вотъ табѣ дадимъ *нема!*.. Да по возу дручкомъ якъ потягтя! А жидъ подъ рогожками—дзынь!! Ето, пархатый, штобъ подманить придорожниковъ. А мужикъ бѣе да говора: а ня битя жъ, а паночки, а браточки! Усё шкло побьетъ, отвѣчать придетца! Да ўсё бѣе. А той подъ рогожками дзынкая: дзынь—дзилинь! Набивъ кольки хотѣвъ жида, а тамъ и кажа: головка моя бѣдная! нѣтя ўже вамъ и гроши, тольки шкла не добивайтя!—Ну то-то, давнѣй ба такъ, дакъ ба й шкло твоё цѣло було! А можа ще ё гроши?—Да крый-Божа! откуля яны? И ето хозяйскія!.. Ще разъ потягнувъ жида дручкомъ, да й поѣхавъ. Проѣхавъ трошки и пытая ўже: «ти живъ ты, Лейба?»—Ой, Иванечка: я чуть живъ! Ти пошли яны?—«Да пошли!»—Развяжи жъ мяне!—«Ну, што: ти далай поѣдомъ, ти назадъ вѣрнемся? Гроши ўси отняли, тяперъ мяне забють и тебе!»—Ой, Иванечка, лучше вернемся! И вярнулись. Дома заплативъ жидъ мужику за дорогу, да ще вядро горѣлки поставивъ, што отъ наглыя смерти отратувавъ.

Гом. у. Сообщ. В. Р. Романовъ.

11, Пошовъ оди́нъ бѣдный мужикъ у лѣсъ сѣчь колья. Вотъ ѣтъ сячець колья и видзиць—идзець у лѣсъ быгаты́й мужикъ и нясець горшокъ. Ёнъ узавши ды й узлѣзь на ёлку: дай пыляджу, што ёнъ будзець дзѣлыць! И схуався на ёлцы. Вотъ, гэты́й быгатырь ды узавши и поднёсь горшокъ подъ гэтую самую ёлку. А ў горшку було повно червонцо́въ. Тоды выкопавъ ёнъ ямку подъ ёлкой и говориць: «чортъ, чортъ! возьми гэтыя гроши и отдай ихъ якъ ляжець тутъ сто головъ!» А мужикъ. сѣдзя на ёлцы: нѣ, говориць, якъ ляжець тутъ сто коловъ! А быгатырь: нѣ, якъ сто головъ! А мужикъ на ёлцы: нѣ, якъ сто коловъ!—«Нѣ, сто головъ!»—Нѣ, сто коловъ!.. Спиралиси, спиралиси, алитку быгатырь здався: «чу, нехай, кажець, сто коловъ!» Зыкопавъ гроши и пошовъ сабѣ. Тоды гэты́й бѣдзякъ злѣзь зъ ёлки, выськъ сто коловъ и поклавъ ихъ подъ ёлкою. А самъ выкопавъ гроши и узавъ сабѣ, Цяперъ ладно живець...

С. Вис. Городецъ, стнн. у. Сообщ. мѣщ. Кучинскій.

12, Крывъ мужикъ гумно, сорвався якся и полятѣвъ уни́зь по кроквахъ. Чисто ўсѣ боки позбивъ объ гвоздя. Упавъ доловъ и плача. Прибѣгла баба, ёнъ ей и жалитца. Отъ, яна слухала, слухала, да й кажа: а сорочцы жъ то ти медъ бывъ?...
Гом. у.

13, *Докушная басня.* «Сказать табѣ докушную басню?»—Скажи!—«Ты кажешъ: сказки, и я кажу: скажи. Сказать табѣ докушную басню?»—Не треба!—«Ты кажешъ: не треба, и я кажу: не треба. Сказать табѣ докушную басню?»—Отлѣзь!—«Ты кажешъ: отлѣзь, и я кажу: отлѣзь. Сказать табѣ докушную басню?» Молчаніе... «Ты мовчишь, и я мовчу. Сказать табѣ докушную басню?»—Вд смола, приставай!—«Ты кажешъ: во смола, приставай, и я кажу: во смола, приставай. Сказать табѣ докушную басню?» И т. д.

Г. Бѣлица.

14, Сидѣвъ я на пню, нюхавъ табакѹ. Приходя ко мнѣ да и татаринъ, прося у мяне ды и табакѹ. Я ему не давъ, ёнъ мене кіямъ.—Ходѣмъ мы къ пану! Панечка-пану, рассуди ты насъ: сидѣвъ я на пню, нюхавъ табакѹ. Приходя ко мнѣ ды и татаринъ, прося у мене ды и табакѹ. Я ему не давъ, ёнъ мене кіямъ. Ходѣмъ мы къ пану. Панечка-пану, рассуди ты насъ: сидѣвъ я на пню... И т. д.

Тамъ-же.

15, «Кумъ, а кумъ! мѣ съ тобой ишли?»—Ишли!—«Да кожухъ знайшли?»—Знайшли!—«У карчму зайшли?»—Зайшли!—«По восьмушцы выпили?»—Выпили!—«Я жъ яго знявъ?»—Знявъ!—«Да табѣ отдавъ?»—Кого?—«Да кожухъ!»—Якій?—«Да мы жъ съ тобой ишли?» И т. д.

Тамъ-же.

16, «Ишовъ бай по сцянѣ, нёсь суму на сабѣ. Цибаяць, ци нѣ?»—Бай!—«Ишовъ бай по сцягѣ, нёсь суму на сабѣ. Ци баяць, ци нѣ?»—Нѣ!—«Ишовъ бай по сцянѣ... И т. д.

17, «Ишовъ бай по спянѣ... Ци баяць, ци нѣ?—Бай!—«Ишовъ бай по спянѣ... Ци баяць, ци нѣ?»—Нѣ!—«Ишовъ бай... И т. д.

18, «Ишовъ бай по спянѣ, нѣсь лапци и сабѣ, и жанѣ, и дзицѣнку по лапцѣнку... Ци баяць, ци нѣ?»—Бай!—«Ишовъ бай... И т. д.

19, «Ци баяць байку про бѣлаго быка?»—Бай!—«Ты кажешъ: бай, я кажу: бай. Ци баяць, ци нѣ?»—Нѣ!—«Ты кажешъ: нѣ, я кажу: нѣ. Ци баяць, ци нѣ?» И т. д.

20, «Живъ такъ Яська—шѣра сѣрмяжка, пухова шапка... Ци хороша моя казка? Ци казаць, ни нѣ?»—Кажи!—«Ты кажешъ: кажи, я кажу: кажи. Живъ такъ Яська... И т. д.

21, Живъ царъ копылокъ, и ня ѣвъ ѣнъ молокъ. А зачимъ ѣнъ ня ѣвъ—што коровъ ня ймѣвъ. Ци казаць, ци нѣ? И т. д.

Стынен. у.

22, Нѣўкоторомъ царствѣ, нѣўкоторомъ государствѣ живъ бывъ сабѣ купецъ. Была у купца овца. Окотила овца баранца... Починаетца казка съ конца. *Гом. у.*

23, *Приказка.* Живъ сабѣ дѣдъ да бабка, да было у ихъ сивбе порося. Вотъ моя казка ўся.

24, Живъ сабѣ такій дѣдъ. Было ў яго троя сыновъ. Разъ пошли яны у лѣсъ на охвоту. Ажъ изъ-за куста сивбе порося. Вотъ моя и казка ўся.

25, Живъ сабѣ нѣўкоторомъ царствѣ дѣдъ да баба. И было у ихъ три сыны. Было у ихъ великое поля, а на тымъ поли кусты. Разъ пошли яны тые кусты те- рабить, ажъ выбегая изъ кустовъ сивбе порося. Отъ, моя и казка ўся. *Гом. у.*

26, Нѣўкоторомъ царствѣ, нѣўкоторомъ государствѣ, тамъ дѣсь бывъ мостъ, да такій ровный, што якъ борова. На тымъ мосту ляжавъ волъ пачонный и ли яго час- нокъ товчонный и ножъ точонный: и ѣжъ, и рѣжъ, и подсмакувай. А потомъ не сяди, да за семь верстъ до воды ходи. Ето не казка, а приказка,—казка ще будя ўпе- радѣ, на той нядѣли ў серадѣ, послѣ обѣда, послѣ мяккаго хлѣба.

С. Переростъ, юм. у. Ср. Аф. III, стр. 6.

27, «Цимохъ, Цимохъ, ходзи рака перабиць!»—А дзѣ ты яго узаявъ?—«Ёнъ самъ ко- мнѣ прискакавъ!»—То жъ ня ракъ, а ляга!—«Ну, ляга-не ляга—засталася одна нога!..»

Г. Бялѣца. Сообщ. П. Р. Романовъ. Насмѣшка надъ неразвитостію полѣшуконъ.

28, «Явхимъ Несцеровъ! Явхимъ Несцеровъ!»—Чаа. ты?—«Би звонъ!»—На ви- що?—«Хурхурѣй ѣдзя!»—А дзѣ жъ ѣнъ?—«Пыль бачно!»—Воровка параломилась!.. —«Дручкомъ би, набить твоѣ воко!..»

Сообщ. тотъ-же.

29, «Уставайця, дзѣтки-голубятки, уставайця!»—А што тамъ, татка: ци спѣдаць, ай кашку ѣсць?—«Да нѣ, дзѣтки, на яльлѣ треба!»—Гѣ! ще заранка не зарала, а ёнъ уже на яльлѣ прѣ, кабъ яму грудзи выпарло!..

Сообщилъ тотъ же. Напеч. нами въ 1884 г. № 155 газ. Заря. Разговоръ происходитъ между атаманомъ и снарядами на берлинѣ.

30, Якъ бывъ сабѣ Нема, да посѣявъ конопель, а ўзышло просо, зацвѣли въюны, выросли раки. Наши хлопцы-небораки поскидали штавы, полѣзли обколачивать пальяны.

Сообщ. тотъ же. Ср. Драгом. 372.

31, «Я дивлюсь, дивлюсь: батца, ты Тераховъ сынъ, Мельянтъ?»—Батца, ёнъ колись бывъ!—«А матари твоей траспа: я тябе не познавъ. Зирнуть,—батца знакомый видъ, да прибрався, якъ панюга якій: чаботы новые, свита бѣлая, козырь новый.. Якъ-разъ панюга! Ледьви познавъ.

Тамъ же. Насмѣшка горожанъ надъ сельчанами.

32, «Христя! гони воловъ домовъ!»—На што?—«Батька ўмѣрь!»—Трында-брында, батька ўмѣрь! Трында-брында, батька ўмѣрь! «Христя! гони воловъ домовъ!»—На што?—«Сучка здохла!»—А хто жъ мою ху-до-боч-ку бу-дя па-а-стить?!..

Гом. у.

33, «Сестры вечаръ, добрычки! Ти не телятили нашихъ видатокъ?»—А якіе ваши видатки?—«А наши видатки—на 'борочцы шійка, на лысинцы лобокъ!»—Ну, ваши видатки подъ нашей ночью стоговали, да задубили лозы, да побѣгли въ хвосты!

Г. Бѣлмца. Ср. Драг. 373. (Безъ искаженій: Добры вечаръ, сестрички! Ти не видѣли нашихъ телятокъ? и т. д.. А наши телятки на шійцы оборочка, на лобку лысинка. Ваши телятки подъ нашимъ стогомъ ночавали, да задубили хвосты да побѣгли у лозы.)

34, «Хѣръ-братъ!»—Хѣръ-што?—«Хѣръ-ходи!»—Хѣръ-куды?—«Хѣръ-къ дѣвкамъ!»—А хѣръ-кнутъ, сукины сыны!—«А, братъ! и батька умѣя по хѣрамъ казаты!»

Тамъ же.

Тарабарскій говоръ производится бѣлор. молодежью, между прочимъ, чрезъ вставку между слогами частицъ: *спрѣ, впрѣ* и др. напр. хѣръ-хо, хѣръ-ди, хѣръ-ку, хѣръ-ды. Или: виръ-у, виръ-мѣ, виръ-я, виръ-ка, виръ-затъ. При быстромъ произношеніи, говорящаго трудно понять.

35, Идѣть мужикъ дорогою, идѣть широкою, а на сустрѣчу яму панъ ѣда... Радуйся, сорока, радуйся, ворона, радуйся, горобча, вяликий чудотворча,—куды я иду? Пытаецца панъ у мужика: «мужикъ, мужикъ, хто у вашамъ сялѣ вышпій?»—Знаю, панокъ, и вѣдаю: ёсть у нашамъ сялѣ Авдѣй—выше за ўсѣхъ людей! Радуйся, сорока... и т. д. «Дуракъ мужикъ! Я ў тябе пытаю: ти ё въ вашамъ сялѣ голова?»—Знаю, панокъ, и вѣдаю: ё ў нашего пана бугай—голова большая прабольшая! Радуйся, сорока, и т. д. «Дуракъ мужикъ! Я ў тябе пытаю: кого вы ў сялѣ боитеся?»—Знаю, панокъ, и вѣдаю: ё у нашего попа собака—хто иде, коль нясе, я иду—два нясу! Радуйся, сорока, и т. д. «Дуракъ мужикъ, заѣду въ шію!»—Заѣдъ, панокъ

голубокъ: ё ў мяне одна дежка бураковъ и двѣ гурковъ,—накладу хоть вядерцо. Радуйся, сорока, радуйся, ворона, радуйся, горобча, вялікій чудотворча—куды я іду?

36, Ишовъ я дорогою, ишовъ я широкою; знашовъ я зялѣздо ни большое, ни малое, ни 'дному поднять, ни ў дворъ понести. Узавъ я тое зялѣздо и повѣсь у кузьню къ ковалишку. «Ковалишка, ковалишка, искуй мнѣ топоришку, ни большую, ни малую!» Узавъ я тую топоришку, и пошовъ у лѣсъ дѣраво рубать, ни большое, ни малое. Тюкъ я разъ, тюкъ другій, у третій не попавъ—сабѣ ногу отрубавъ. Ляжу я день, ляжу другій, на третій день прилетая муха-заюруха, принося хлѣба краюху; прилетая комаръ-пискунъ, принося молока миску. Наѣвсь я хлѣба, напивсь молока, и перабрався на той бокъ кисялѣвой рѣчки. На тымъ боку рѣчки жила Терентея. Терентея послала Тита по сито, Луку по муку, Хвѣдора по чаплею, Параску по подмазку. Нема Тита, нема сита; нема Луки; нема муки; нема Хвѣдора, нема чаплеи; нема Параски, нема подмазки. Идѣтъ Титъ, ёсть сито; идѣтъ Лука, ёсть мука; идѣтъ Хвѣдоръ, ёсть чаплея; идѣтъ Параска, ёсть подмазка. Построила Терентея зъ блиновъ цѣрковку, обѣлила яе ладками, поставила въ ёй дяка—овсянаго снопика, дала кадилницу чарапаную...

37, Ишовъ я дорогою, ишовъ я широкою, знайшовъ я книжачку, ни большую, ни малую. У тую книжачку дякъ пиша и читая, а самъ нічога не зная. Откуль узалися осы, ушлуталися дяку у косы, подняли подъ самое суколіццо, дѣ состроена цѣрковка съ полѣнца, бараночкомъ замкнута, попраничкомъ запѣрта, калачикомъ подпѣрта. Я бараночакъ перакусивъ, попраничкомъ закусивъ, а калачикъ у запазуху. Увийшовъ я ў цѣркву, ажъ тамъ попокъ, якъ овсяный снопокъ, пономари, якъ хвенари, дяки, якъ штыхи. Я дяка за кудры.—«Ня рушъ мяне,—я дякъ прамудрый: одному давъ сто рублей, а другому двѣста, штобъ не утеравъ этаго мѣста!»

38, Осина осину повалила, Петра убило. Ляжить еяъ день до вечара, ёсть яму нечаго. Ссылаютца къ яму три посланцы: комаръ да муха, да третій клещъ. Муха-драмуха принясла сыру комокъ, а комаръ-пискунъ ива жбанокъ. Вотъ ёнъ подѣбъвъ и напився. Узали яго за волосы да й понесли на той свѣтъ. На тымъ свѣти не такъ якъ у насъ: стоить цѣрковка съ кулачокъ, съ пироговъ злѣпляна, попраниками накрыта, ковбаской замкнута. Стоять дячокъ, толокняный лобокъ, пуздо масляное, самъ соломяный. «Батюшка—дячокъ, што ў насъ сани за свято?»—Шинки-бянки, пачитя, дѣтки, блинки! Послали Луку по муку, Кита по сито, цыганку по сметанку. Нема ни Луки, ни муки, ни Кита, ни сита, ни цыганки, ни сметанки...

39. Валявся пушолетъ сорокъ лѣтъ. Я мавъ столько до стральбы охоты, што ўзявся пераглѣдѣть пушолетъ. Стало мнѣ на цѣлый день работы. Зарадивъ я йго горохомъ-венигροхомъ, и пошовъ ходить по загуменью кругомъ села. И якъ на погибель не знайшовъ ни сорокъ, ни воронъ. Тольки хотѣвъ домовъ ити, ажъ бачу за поповымъ гумномъ сидѣть птица, съ сѣнную копу въболышки. Я до приклада-лопъ!

Мой пустилетъ хлопъ! Слава богу найвышній: збивъ веробья зъ вишни! Я до яго брать—ня здужаю поднять! Идѣтъ Атрохъ, я гукнувъ, штобъ и енъ помогъ. Стали поднимать—не дали рады и ўдвохъ. Собрались ще чаловѣкъ пять,—и то не дали рады поднять! Такое-то диво было, што збѣглося усѣ сяло...

Гом. у.

40, Здѣлавъ спорку до молодицы, што нема въ ведрѣ водицы. Яна отвѣстила: а жъ табѣ не запрестила, возми да й сходи! Надѣвъ я шапку, уклавъ у рукавицы руки, тамъ уклавъ у рукавицу карбованецъ у вяликій палець. Тольки ўзявся за крукъ, а карбованецъ у водѣ пукъ. Унавъ я у такую яму, што пошовъ у позыки къ Адаму. Адамъ кажа: не дамъ! Я къ Борису—ѣнъ мяне у пысу. Я къ Лявону—ѣнъ мяне съ хаты гоня. У мяне слѣзы, якъ вясной зъ бязрозы. Ажъ Степанъ на порогъ—утѣрь миѣ слѣзы. «Ходемъ, каа, на кутъ, сто рублей у мяне ё тутъ!» Я до куту дойшовъ, казавъ бы ихъ знайшовъ. Енъ у карманъ—ажъ карманъ продранъ; енъ у кисетъ, ажъ ихъ соўсимъ пѣтъ! Бачу я: зъ дираваго карма́на николи не будзя да́но... Писано на смѣхъ, а правды цѣль. И мѣхъ и кайстра отъ Кузьмы майстра.

Г. Бѣлица. Сообщ. П. Р. Романовъ.

Произведений, подобныхъ вышеприведеннымъ (№№ 35—40), въ могил. губ. множество. Они передаются и устно и письменно. Намъ случалось видѣть записи ихъ и на переплетахъ старинныхъ книгъ, и въ тетрадкахъ, и на отдѣльных листахъ толстой, синей бумаги; почеркъ большею частію старый, прямой. Всѣ болѣе или менѣе сатирическаго содержания, подъ-часъ коншунственнаго.

Своеобразно слѣдующее произведеніе, приводимое съ сохраненіемъ орфографіи, доставленное намъ, къ сожалѣнію, въ неполномъ видѣ.

41, Стихи писана въ недѣлю рапа	при віовъ къзапращеннаму древу
Галава пъяна многа набалтапа	и прелстивъ еву
от А дама и дахриста на балтавъ испроста	у куси какой сладкай плодъ
гдѣ богъ Адама стварывъ рукама	и лишывъ у сйхъ выгодь,
изземли или изглыны,	и енто показалась сладка дужа
при поручывъ ему сады далны,	ена принудила къ таму мужа,
и шйцъ и зверовъ	Адамъ пина евся икмехъ
дастоинъ бывъ такихъ даровъ	Авже познавъ свои грехъ
онъ у бога першый	'толкъ у кусивъ
и бывъ невмершый	А богъ его и спрасивъ
А ева изглины низтрева	штоты саграшывъ
Асадамавой касти	Атут икеруимъ туды рым
вотъ ена могла исмерт на вести	и вруце дѣржит мечъ
Навесь чело́вечый родъ	Адаму печымъ у крит плечъ.
чрезъ дѣяволскй при водъ	етакъ набрався страху
зми зделався у птыцу	нока богъ (вставлено сверху: миласерныи)
измутивъ дѣвицу маладѣнцу	давъ ему кожаная рубаху

А еви спаднипу
и вруки капаицу
выгнавъ вонъ зраю
исказавъ имъ я радитца от васъ маю
радитися пладитися
и населяитя землю
я васъ къ сабе поиму
за гадавъ работу
питаца свайго поту
всьяму роду
и велось ета 2262 лета
отъ сотвареня света
и отъ сего века
у зявъ богъ нанеба
живога человека Аноха
тут правды естъ троха,
Дан давъ богъ Патопъ
толкъ спасся о динъ нон
здетми ижаной
въ каввчегу богъ зделавъ ему ету негу,
всье зверы птицъ й гади
были ему рады
Нй баіялись скуки
ласкались вего руки
чрезъ го молитвы
Спо дабились такой ловитвы
кавъчегъ зделанъ прекрасна
ижили тамъ сагласна.
онъ позлащенъ духамъ
и небыло тамъ ни каго салчушимъ брукхамъ
жили іяны всагласи целый годъ
между великихъ водъ
ставъ кавчегъ нагарахъ
и распустивъ нон
зверей гадавъ иптахъ,

Здѣсь правая половина второго полулиста оторвана. На оборотѣ уцѣлѣвшей лѣвой продолженіе:

Наследникъ его премудры Саламонъ
творивъ божественная дела онъ,
віерусалими постройвъ

А самъ маливъ бога объ трехъ сынахъ
Аимена сймъ хамъ и ахвет
каторы я наполнили
икъвидишъ у вессвет
тутъ я пишу натварот
немагу найти лотавыхъ ворот
да ихъ неможна и найти
икъ у павъ А гонъ сердистый
то оба зъгарели гарада чыста
гдеста яли садомы и гаморы
тамъ вады икъ уморы
Ангалы вывели лота
то зъгарев и домъ и варота,
лотъ пажане замурился
и виномъ у пився
и садомскіи случився кручокъ
Атъ его дачокъ
табе отѣцъ имне отецъ
тымне братъ А я табе матъ
якъ тут разабратъ.
Бытее глава 19. стихъ 32.
Пасматри тамъ узнаешъ самъ
Аставлю ету я му
Панду патри арху Аврааму
у аврама отчинита брама
тутъ мне чест пить й естъ
рыба малако и яицъ
гарелка у чарцъ
онъ у сигда при нимаесть чужастраницъ
помалился богу
яны мне дают й надорогу
сама сара пирогъ й сиръ у клала
тутъ я кланився и дяковъ
испытався идѣ вашъ оунукъ яковъ.

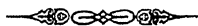
велико лепный молитвенный домъ
и молился вніомъ
ночку иддіомъ (вм. дніомъ)

просивъ сабе премудрестй,
 богъ ему давъ,
 онъ и богатствамъ обладавъ
 какъ небыла дарога узка
 А прагнѣлась парыца юзка
 его послушать и знимъ покушат
 от у мѣлени я и доара
 обещала злата исребра
 онъ давъ ей ответ
 разви у мене нетъ
 еты я гибели
 Ц. 3, гл. 10, ст. 1, 2
 у сякаю мѹдрость у мевъ

и семь сотъ жонъ и мевъ
 3. парт. книга глава 11. стихъ 3
 посматри всю книгу
 данеделай сему подвйгу
 ввего семь сотъ началныхъ
 а триста невов... лныхъ
 зразныхъ веръ небърат ета у примеръ,
 встарамъ закони были дѣлы оны,
 болшъ нима нйцъ
 нима и водки дліапъянйцъ,
 А треба было на писат
 Абновый завет
 дакъ места нетъ.

Въ числѣ имѣющихся у насъ старинныхъ рукописныхъ книгъ мѣстнаго происхожденія и бѣлорусскихъ рукописей, каковы: грамоты, сонникъ, письмовникъ, лечебникъ и т. п. находят-ся и книжка—„Загадки цара Давида.“ Хотя въ Памятн. старин. русск. литературы и помѣ-щена „Гадальнаа книга пророка и цара Давида,“ но нашъ списокъ, тѣмъ не менѣе, пред-ставляетъ высокій интересъ, какъ памятникъ бѣлорусскаго нарѣчія древнѣйшаго періода. При первой возможности постараемся издать его.

СПИСОКЪ КАЗАННИКОВЪ

и лицъ, кои записывали сказки, помѣщенные въ III выпускъ.

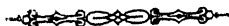
- 1, Аникіевичъ Кирилль, кр-нъ рясианск. в. оконч. курс. уѣзд. учил. По моимъ указаніямъ имъ записаны сказки: № 3 и № 21 Ж. № 10, М. № 38, № 42, № 69, № 74 М. № 29 Б.
- Антонъ Знахарь, кр. с. Озеранъ. Говорилъ мнѣ ск. № 19 Ж.
- Астаповъ Павелъ, кр. ульян. в. Говорилъ мнѣ сказ. № 94 М.
- Бѣляева, мѣщ. г. Сѣнна. Говорила мнѣ ск. № 66 М. № 9 Б.
- 5, Васильевъ Исай. кр. с. Батуни. Разсказалъ мнѣ ск. №№ 17 и 21 М.
- Вертинскій Петр. кр. ульянов. в. Говорилъ мнѣ ск. № 4. Б.
- Гончаренокъ Антонъ, кр. с. Тимонова, прекрасный казанникъ. Сказалъ мнѣ № 16, 28 М.
- Горбачевъ Яковъ, кр. ульян. вол. ок. к. у. у. По моимъ указ. запис. №№ 24, 25 Б.
- Горостевичъ к. латыгов. в. ок. к. н. у. По моимъ указ. запис. ск. № 46 М.
- 10, Горѣликъ Осодотъ, кр. кормян. в. Разсказалъ мнѣ № 20 М.
- Григорьевъ Тарасъ, кр. пустын. в. Говорилъ № 7 Мел.
- Грипина (отч. незапис.) кр. с. Забычанья, старуха. Сказала № 23 Ж.
- Громузовъ, нар. учит. По моимъ указ. запис. № 40 М.
- Дашкевичъ Иванъ, кр. замоц. в. обуч. въ у. у. Записал. сказки слышан. въ семьѣ, № 10 Ж. и № 52 М.
- 15, Демешкевичъ дворянинъ, окон. к. у. у. По моимъ указ. запис. № 11 Б.
- Емельяновъ Петръ, кр. пропойск. в. Говорилъ мнѣ ск. № 26 М.
- Ермолаевъ Николай, кр. с. Городища, говорилъ мнѣ. ск. № 68 М.
- Ермоленковъ Василій кр. кормян. вол. гом. у. запис. мнѣ слышанную въ семьѣ ск. № 61 М.
- Ермоловнчъ, мѣщ. г. Сѣнна, разсказалъ мнѣ № 15 Ж.
- 20, Зубаренко Иванъ, кр. с. Меркуловичъ, въ моемъ присутств. говор. ск. № 22 М.
- Иванова Елена, кр. остров. вол. Хорошая разсказчица. Отъ нея Синкевичъ записалъ по моимъ указаніямъ сказ. № 5 и 15 М.
- Ивановъ Иванъ, кр. тихиницк. вол. Говорилъ мнѣ № 12 М. и № 16 Б.
- Ивановъ Осипъ кр. с. Чигиринки, разсказалъ мнѣ № 13 М.
- Ивановъ Тихонъ, кр. м. Обчуги, ок. к. н. у. Записалъ въ семьѣ № 26 Ж.
- 25, Ивановъ Якимъ, кр. с. Нисимковичъ, говорилъ мнѣ № 37 М.
- Ивашкевичъ Осипъ, мѣщ. г. Сѣнна, ок. к. у. у. По моимъ указан. запис. отъ м. Ляховича сказ. № 25 М.

- Исаевъ Кузьма, кр. с. Городища, говорилъ мѣ ск. № 44 М.
- Карповичъ Любовь Владим. землевл. гом. у. Запис. по моимъ указ. № 18 Б.
- Клашенокъ Иванъ, кр. ульян. в. ок. к. у. у. Запис. по моимъ указ. № 41 М.
- 30, Клементьевъ Дан. кр. луком. в. Отъ него Познякъ записаль № 36 М.
- Козловская Д. Л. нар. уч-ца, запис. по моему указ. № 14 Ж. № 14, 90 М. № 1, 22 В.
- Козловскій Василь, кр. с. Чигиринки. Хорошій казанникъ. Сказаль мѣ № 65 М.
- Коноваловъ, кр. с. Озеранъ, говорилъ мѣ ск. № 76 М.
- Колотовкинъ, кр. остр. в. ок. к. у. у. Запис. по м. указ. № 7 Ж. и др.
- 35, Константиновъ Ив., кр. надѣик. вол. Говорилъ мѣ ск. № 27 Ж.
- Корыбскій Степ. кр. м. Жлобина, говорилъ мѣ ск. № 7 Б.
- Космачевская С. М. нар. уч-ца. По моимъ указ. запис. № 20 Ж. № 33, 92 М.
- Кривошеевъ Герас. кр. с. Перероста, ок. к. н. у. Записаль слышанныя въ семьѣ 4 сказки: № 6, № 46 и № 95 М.
- Кузьмина Марья, кр. ульян. в. Мѣ говорила ск. № 2 Ж.
- 40, Кучинскій Петр., мѣщ. г. Сѣнна, по моимъ указ. запис. № 39 М.
- Кучинскій Францъ, мѣщ. г. Сѣнна, католикъ, запис. по м. указ. № 11 Мел.
- Лаппо Ос. нар. уч. запис. по моимъ указ. № 7 М. и № 5 В.
- Легчаковъ Самп. кр. с. Перероста, ок. к. н. у. Запис. въ семьѣ № 77 М. № 3 и 23 Б.
- Леоновъ Оед. кр. с. Чигиринки, съ его словъ запис. Тихоновичемъ № 25 Ж.
- 45, Лобзиковъ Евтей кр. с. Перероста, ок. к. н. у. Имъ запис. слыш. въ семьѣ сказки: № 1 и 11 Ж. № 9 М.
- Маркова Матрена, кр. ульян. в. Разказала сказку № 89 М.
- Мartiновъ Иванъ, кр. рясн. в. Отъ него Аникіевичъ запис. № 42 М.
- Матрена (отч. не зап.) кр. дѣвушка м. Жлобина, говорила мѣ № 51 М. и № 2 В.
- Мельниковъ Ив. кр. с. Городища, говорилъ мѣ № 52 М.
- 50, Морозовъ Евсев. кр. м. Гайшина, разказ. мѣ № 91 М.
- Морозова Домна кр. с. Нисимковичъ, глуб. старушка, разказ. мѣ № 59, 87 М.
- Николаева Марья, кр. ульян. в. Отъ нея Клашенокъ запис. № 41 и 63 М.
- Николаева Марья, кр. с. Чигиринки, глуб. старушка, продиктова мѣ, часто путаясь и сбиваясь, № 62¹ Мю.
- Осиповъ Оедосъ кр. ульян. в. Съ его словъ запис. мною ск. № 35 М.
- 55, Онуфрій (отч. неизв.) кр. рясн. в. Съ его словъ Аникіевичъ запис. № 38 М.
- Павловскій Мих. кр. ульян. в. ок. к. у. у. По моимъ указ. запис. № 78 М. и др.
- Пашкевичъ, мѣщ. г. Сѣнна, католик. ок. к. у. у. По м. указ. зап. № 8 В. и др.
- Петрашень, учит. нар. уч. Записаль въ моемъ присутствіи № 22 М.
- Петровъ Вас. кр. м. Пропойска, сказаль мѣ № 20 и 21 б.
- 60, Петровъ Максимъ, кр. меркуловицк. в. говорилъ мѣ № 86 М. и 19 Б.
- Петровъ Никита, кр. м. Гайшина, разказаль мѣ № 27 М.
- Плещинская В. Т. нар. уч-ца. Прекрасно запис. по моимъ указ. № 14 и 85 М.
- Познякъ, кр. луком. в. ок. к. у. у. По моимъ указ. зап. № 36 и 83 М. № 17 В.
- Потаповичъ Ольга Теофил., дочь священ. по моимъ указ. запис. № 55 М. № 26 Б.
- 65, Ревякинъ А. И. нар. уч. запис. по моему указ. № 13 Ж. и др.

- Романовъ В. Р. записаль №№ 1, 3, 4, 5, 10, 15, 34 Мел.
 Романовъ П. Р. записаль №№ 27, 28, 29, 30, 33, 35, 38, 39, 40 Мел.
 Рынкевичъ, кр. латыгов. вол. ок. к. н. у. записаль № 15 В.
 Сампсоновъ Яковъ, кр. с. Городища, рассказаль мнѣ № 30 М.
 70, Семеновъ Денисъ, кр. с. Нисимковичъ, говорилъ мнѣ № 14 Б.
 Сильвестрова Арина, кр. ульянов. в. старушка. Съ ея словъ Космачевская записала № 92 М.
 Синкевичъ Тимофей, кр. остр. вол. ок. к. у. у. По моимъ указаніямъ записаль сказки: № 5, 15 и 66 М.
 Тарасовъ Афан. кр. покатской вол. рассказаль мнѣ № 13 Б.
 Тихоновичъ, нар. уч. въ моемъ присутствіи запис. № 25 Ж. и др.
 75, Хиженковъ Кондр. кр. латыг. в. ок. к. н. у. Записаль слышанныя въ семьѣ сказки: № 4 Ж. № 29 и 49 М.
 Цыбунъ Василій, кр. остр. вол. Прекрасный казанникъ. Съ его словъ Плещинская записала № 14 и 85 М.
 Шекунъ (имя, отч. не запис.), жена учителя. Запис. въ моемъ присутствіи №№ 72 и 81. М.
 Шимановичъ, мѣщ. г. Сѣнна, ок. к. у. у. По моимъ указ. зап. № 2, 54 и 93 М.
 Якимовъ Дан. кр. краснопол. в. говорилъ мнѣ сказку № 43 М.
 80. Яковъ (отч. не запис. но не Сампсоновъ), кр. с. Городища, сказалъ мнѣ № 31 М.
 Яськовъ Якимъ, кр. городищ. в. изъ семьи казанниковъ. Сказаль № 24 М.
 Оедоровъ Адамъ, кр. м. Городца, замѣчательный субъектъ по развитію памяти, слѣдпорожденный. Для этнографа кладъ. Отъ него въ теченіе двухъ сутокъ я запис. сказки № 19 и 23 М. и болѣе 30 №№ духовн. стих. вмѣстѣ съ драгоц. данными о бытѣ нищихъ.
 Оедосовъ Паросень, кр. с. Перер. ок. к. н. у. Зап. слыш. въ семьѣ № 25, 45 М. и 26 Мел.
 Ооминъ Иванъ, кр. остр. вол. старикъ, рассказ. мнѣ сказку № 62 М.

Собирателемъ лично записаны:

- Животн. эпос. №№ 2, 3, 5, 6, 8, 9, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 23, 24, 27.
 Мнѣйческ. №№ 1, 3, 4, 7—6, 8, 11, 12, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 30, 31, 32, 34, 35, 37, 43, 44, 48, 49—6, 50, 51, 53, 56, 59, 60, 62, 64, 65, 67, 68, 70, 71, 73, 74, 75, 76, 79, 80, 82, 84, 86, 87, 88, 89, 91, 94.
 Бытовія: №№ 2, 4, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 14, 16, 19, 20, 21, 27, 28.
 Мелочи: №№ 2, 6, 8, 9, 13, 14, 16, 25, 31, 32, 36, 37, 41.

ПЕРЕЧЕНЬ МѢСТНОСТЕЙ

Могилевской губерніи,

въ коихъ записаны сказки, помѣщенные въ III выпускѣ.

Гомельскій уѣздъ—стр. 11, 14, 24, 32, 35, 79, 110, 117, 157, 164, 180, 224, 238, 263, 269, 277, 280, 283, 289, 318, 325, 334, 368, 388, 400, 413, 427, 428, 429, 431, 432, 433, 435.

с. Перерость—2, 18, 60, 77, 264, 266, 298, 334, 381, 422, 432.

с. Еремино 409.

г. Бѣлица 430, 431, 432, 433, 435,

Рогачевскій уѣздъ—стран. 8, 13, 24, 66, 110, 180, 283, 383, 430.

м. Жлобинъ 270, 380, 385.

с. Меркуловичи 180.

д. Шараховскія Буды 357, 412.

д. Новоселки 164.

с. Нисимковичи 232, 292, 358, 392, 400.

д. Станьково 92, 403.

с. Озераны 26, 323, 330, 337.

м. Городецъ 154, 186.

с. Болотня 65.

Выховскій у. стр.—180, 430.

с. Батунь 142, 172.

с. Городище 214, 217, 262, 276, 383.

д. Семукачъ—192.

с. Чигиринка 35, 99, 307, 312.

м. Пропойскъ 198, 417, 418.

д. Шоломы 395.

д. Поповка 198.

м. Гайшинъ 205, 345, 364.

Чериковскій уѣздъ.

м. Молостовка стран. 259.

Климовицкій уѣздъ

с. Тимоново стр. 133, 211.

с. Забычанье—32.

с. Надѣйковичи 37.

Оршанскій уѣздъ—стр. 15, 41, 180, 283.

Аленовицъ. вол. дер. Кіевка 292.

Могилевскій уѣздъ—стр. 67, 180.

Сѣненскій уѣздъ стр. 14, 18, 25, 110,

142, 144, 148, 145, 147, 180, 281, 283, 326, 395, 396, 400, 413, 420, 430, 432.

г. Сѣнно 3, 218, 244, 267, 317, 336, 338, 367, 387, 427.

Ульяновичская вол. 11, 28.

с. Ульяновичи 222.

д. Гончарово 359.

д. Вздорники 365.

д. Богданово 226.

д. Городецъ 424.

д. Горивецъ—6, 8, 424.

д. Латыгово—250, 302, 334, 361.

д. Тухинка—73, 382.

Островенская волость 11, 26, 292.

с. Сорица 350,

д. Томашонки 301.

д. Синицы 317.

д. Дуброва 110, 350.

д. Черногостье 59, 120.

д. Бутримово 12, 22, 420.

Латыговская волость

д. Сапѣги 247.

д. Кишки 269.

д. Тыльцы 401.

с. Лугиновичи 322.

с. Мощены 6, 211, 265.

д. Новоселки 20.

д. Рубежъ—295.

Пустынская волость

с. Пустынки 21, 361, 379, 419.

д. Борокъ 389.

с. Немойта 285, 426.

д. Ладиково 195.

д. Кимейка 45, 282, 366.

д. Земковичи 55.

Ряснянская волость 428.

с. Рясна—20.

д. Глѣбовскъ—5.

д. Дубовцы 386.

д. Мигулино 22.

д. Климовичи 40, 88.

д. Тютѣки 32, 85, 253, 427.

д. Андрейчики 238.

с. Замочекъ 112, 321, 328.

д. Коровичи 17, 279.

м. Лукомль 340, 406.

д. Слидцы 227.

Лисичинская волость 8.

м. Обчуга 36, 114.

м. Черя 317. 420.

с. Высокій Городецъ 301, 431.

О П Е Ч А Т Ь И.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
7	15 св.	друница	дурница
8	14 —	вогоню	выгоню
12	12 —	лискя	лиску
13	12 св.	кури	куры
21	19 —	рѣзать	рѣзачь
24	9 св.	викаго	дикаго
—	16 —	тип рь	типеръ
—	8 св.	идземь	идземъ
—	12 —	штозъ	што зъ
25	7 св.	накидай	накидай
—	16 —	напьюся	напьюся
26	1 св.	твуд	твудѣ
30	3 св.	униацрыхъ	униацрыхъ
42	15 —	ни итушки	ни итушки
46	14 св.	у яѣ	у яѣ
48	8 св.	ня живъ	няживъ
49	4 св.	опирчъ	опричь
56	16 св.	сидзидеся	сидзидеся
57	20 —	ни би	ни би
108	7 —	поль	поле
120	1 св.	у чора	учора
125	14 св.	плѣчь	плечѣ
213	18 св.	смоломъ	смола
215	4 —	пойдуотъ	пойду отъ
233	17 св.	А штои шъ?	А што шъ?
305	10 —	дѣжу	дѣжу
355	3 —	нѣма	нѣмѣ
—	7 —	отвѣщающъ	отвѣщающъ
358	6 св.	а якъ умру	а якъ я умру
359	13 —	выскочить	выскочить
361	15 св.	подъ ѣлкой	подъ ѣлкой
364	17 —	Мидзвѣдзъ	Мидзвѣдзъ
365	11 —	Брешинъ	Брешинъ
368	7 —	акъ лѣу	икъ лѣу
382	4 св.	да вѣзати въ печку	да ѣзати въ печку
388	19 св.	отвѣднъ	отвѣднъ
395	2 св.	такъ	такъ
400	13 —	Несцерко	Несцерка
401	9 св.	Дыгварилиси	Дыгварилиси
—	8 св.	исци	исци
—	7 —	Несцерко	Несцерка
402	1 —	ся у цѣбе	я у цѣбе
—	16 св.	я горылки	ся горылки
403	10 —	груши	груши
404	17 —	бръгъ	братъ
405	21 —	диду	диду
412	10 —	Здрастно,	Здраствѣ,
419	2 св.	и кисель увесъ а выцекъ	а кисель увесъ и выцекъ
424	18 св.	царство небесное рай!	царство небесное! рай
—	3 св.	жили здоровы	жили и здоровы
—	—	клятца	клятца
435	14 св.	будзѣ	будя.